

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Научно-исследовательский центр «Байкальский регион»
Лаборатория геоархеологии Байкальской Сибири

Автономная некоммерческая организация
«Научно-просветительский центр палеоэтнологических исследований»

МАТЕРИАЛЫ
LX РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

УДК 902/904+39](47)(063)

ББК 63.4+63.5](2)л0

М34

Проведение конференции и публикация сборника материалов осуществлены с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов, проект № 20-1-028012

Ответственные редакторы:

канд. ист. наук И. М. Бердников

Д. Н. Лохов

Редакционная коллегия:

М. Е. Абрашина, Н. Е. Бердникова, В. В. Бурова, канд. ист. наук О. И. Горюнова, С. П. Дударёк, Д. П. Золотарев, В. В. Коваленко, канд. ист. наук С. А. Когай, К. А. Крутикова, канд. ист. наук Е. А. Липнина, канд. ист. наук А. Г. Новиков, канд. биол. наук Д. В. Пежемский, канд. ист. наук Е. О. Роговской, канд. ист. наук Н. А. Савельев, канд. ист. наук М. Г. Туров, И. В. Уланов, З. Ч. Ухинов

Ответственный секретарь

А. В. Уланова

М34

Материалы LX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых с международным участием / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; отв. ред.: И. М. Бердников, Д. Н. Лохов. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2020. – 355 с.

ISBN 978-5-9624-1846-9

Представлены результаты археологических, этнологических, культурологических и междисциплинарных исследований древних, традиционных и современных обществ Евразии, проведенных молодыми учеными и студентами как самостоятельно, так и под руководством ведущих специалистов. Ряд вопросов носят проблемный и дискуссионный характер.

Издание адресовано специалистам – археологам, этнологам, историкам, культурологам, регионоведам, музейным работникам, студентам, осваивающим эти специальности, а также краеведам и широкому кругу читателей, интересующихся археологическими древностями, проблемами развития палеокультур и современными этнокультурными процессами Евразийского пространства.

УДК 902/904+39](47)(063)

ББК 63.4+63.5](2)л0

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ НАУКИ, ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

<i>Ганенок В. Ю.</i> Западносибирские археолого-этнографические конференции и их роль в развитии археологии Сибири	12
<i>Зиновьев К. И.</i> Формы организации студентов-археологов в Иркутском государственном университете с 1919 г. по настоящее время	13
<i>Харисова О. Р.</i> Газета «Власть труда» как источник по истории археологических исследований Восточной Сибири	15
<i>Глушков Д. Н.</i> Деятельность археологического кружка «Юный археолог» МАОУ «Школа № 16 г. Благовещенска» в деле популяризации археологии	17
<i>Лавриненко Э. В.</i> Археология в школьном курсе истории России	19
<i>Номоконов А. А., Номоконова А. А.</i> Социализация детей-инвалидов посредством школьной археологии	20
<i>Шайхудинова Е. М.</i> Региональная археология в научно-справочном проекте «Энциклопедия Забайкалья»	22
<i>Верецагин С. Б., Верецагина И. В.</i> О юбилейных датах забайкальской археологии	23
<i>Касаева Д. О.</i> История Елабужской археологической экспедиции	25
<i>Соколов Д. В.</i> Сиратори Куракити: японский исследователь древней и средневековой истории Востока Азии	26
<i>Кольниченко К. С.</i> Совершенствование археологического рисунка с применением современных технологий	28
<i>Высочина Л. А.</i> Об использовании сосудов-дымокуров в трудах исследователей Сибири	30
<i>Антипина В. О.</i> Методика проведения баллистических экспериментов с наконечниками стрел в отечественной и зарубежной литературе	31
<i>Дьяков Н. Р.</i> Опыт использования космоснимков для поиска курганных групп в лесостепной зоне Алтайского края	32
<i>Курчатова И. Г.</i> Применение методов ГИС в изучении раннеолитической керамики Якутии	34
<i>Грехов С. В.</i> Использование разных абразивных порошков при сверлении камня медной трубкой	37
<i>Ким И. К.</i> Изучение мадьярской проблематики в работах венгерских исследователей в 60–70-е гг. XX в.	39
<i>Масленникова В. Р.</i> Историография археозоологических исследований на памятниках палеометалла и средневековья юга Дальнего Востока	40
<i>Сыдыгалиев С. М.</i> Буддизм в казахских степях в период Улуса Жошы	42

КАМЕННЫЙ ВЕК

<i>Гашенко А. В.</i> Возможности применения трехмерной геометрической морфометрии в изучении среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры	44
<i>Колясникова А. С., Шевченко Т. А.</i> Экспериментальное исследование расщепления кости по материалам Чагырской пещеры	45
<i>Михиенко В. А.</i> Первичное расщепление в индустриях заключительного этапа среднего палеолита Денисовой пещеры (материалы южной галереи)	47
<i>Бурова В. В.</i> Остатки первобытного бизона с палеолитической стоянки Туяна: археозоологический анализ	48
<i>Маликов Д. Г., Бурова В. В., Маликова Е. Л.</i> Археозоологический анализ териофауны Мальтинской палеолитической стоянки по материалам раскопок 2018 г.	50
<i>Жданова А. И.</i> Морфология и типология мальтинских подвесок и бусин	52
<i>Панкина А. И.</i> Орнитоморфная коллекция мальтино-буретской культуры: палеобиологическая классификация	54
<i>Сидоровнина Е. С.</i> Верхнепалеолитические погребения Северной Евразии в контексте проблематики «археология детства»	55
<i>Шевченко Т. А.</i> Трасологический анализ геометрических микролитов с памятников Харганын-Гол-5 и Толбор-21 (Северная Монголия)	57
<i>Марков Н. А.</i> История археологического изучения памятников каменного века Титовской сопки (Восточное Забайкалье)	59
<i>Истомин Ю. О.</i> Мастерская Сухотино (Сухотино-12): новые данные (по материалам 2019 г.)	60
<i>Маслодудо С. В.</i> Палеолитические жилищные комплексы Усть-Мензы-2 (культурный слой 4)	62
<i>Бажин С. А.</i> Проблематика и история исследований позднего палеолита о. Сахалин	64
<i>Хохлов С. Ю.</i> Исследования палеолита А. П. Окладниковым на территории Байкало-Енисейской Сибири	65
<i>Золотарев Д. П., Шегутов И. С.</i> Техника юбецу в финальнопалеолитических комплексах Байкало-Енисейской Сибири (МИС-2)	68
<i>Шегутов И. С., Золотарев Д. П.</i> Технико-типологический анализ нуклеусов финальнопалеолитических культурных горизонтов местонахождения Усть-Белая (по материалам работ 2010-х гг.)	71
<i>Ростяженко Т. Е.</i> Черноозерский орнаментированный кинжал как предмет престижа	73
<i>Дедов И. Е., Кулакова Е. П.</i> Опыт применения естественно-научных методов в изучении кострищ стоянки Истыкская пещера (Таджикистан)	74
<i>Серовец Г. В.</i> Адаптация человека к экстремальным природным условиям на рубеже плейстоцена–голоцена: подходы к изучению	76
<i>Алексейцева В. В.</i> Реконструкция изменений растительности и климата Восточного Памира на основе палинологических данных	78

<i>Уланов А. А.</i> Технологический и трасологический анализ микропластинчатого расщепления комплексов типа Большой Северной. Местонахождение Инвалидный III пункт 2, культурный горизонт 3 (Нижнее течение р. Витим, ранний голоцен)	79
<i>Жуков М. Е.</i> Раннеголоценовые микроиндустрии в аридных регионах восточной Центральной Азии	81
<i>Кошкина Д. С.</i> Роговые отжимники позднемезолитического слоя стоянки Остров Лиственичный (Северное Приангарье)	83
<i>Еремеева Е. А.</i> Общая характеристика погребального обряда в культуре чинчорро (побережье Чили)	85
<i>Крутикова К. А.</i> Результаты анализа сопроводительного инвентаря раннеолитических захоронений в устье р. Китой (Южное Приангарье)	87
<i>Крутикова К. А., Дударёк С. П.</i> Опыт разработки базы данных по погребальным комплексам среднего неолита Байкало-Енисейской Сибири	88
<i>Булавко В. Д.</i> Анализ каменного инвентаря раннеолитических комплексов поселения Бугульдейка I (озеро Байкал)	89
<i>Храмцов М. В.</i> Типологический и трасологический анализ скребков Липчинского поселения (по материалам раскопок 1995–1996 гг.)	91
<i>Поляковский Р. В.</i> Техноморфологический анализ каменного инвентаря 7-го культуросодержащего уровня многослойного местонахождения Усть-Ёдарма II (Северное Приангарье)	93
<i>Рженев Н. А.</i> Видовой состав ихтиофауны и орудия рыболовства эпохи неолита многослойного местонахождения Усть-Ёдарма II (Северное Приангарье)	94
<i>Абрашина М. Е.</i> К вопросу об интерпретации некоторых видов костяных острий как орудий для плетения сетей (по материалам Байкало-Енисейской Сибири)	96
<i>Кузнецов А. М., Печенин С. А.</i> К вопросу о функциональной специфике охотничьего инвентаря в неолите Северного Приангарья	98
<i>Коваленко В. В.</i> Корреляция археологических комплексов на пойменном участке местонахождения Усть-Белая (Южное Приангарье)	100
<i>Уланов И. В., Соколова Н. Б., Уланова А. В.</i> Особенности исходного сырья и формовочных масс неолитической керамики усть-бельского типа Южного Приангарья	101
<i>Мархаева Д. А.</i> Морфологический анализ керамики посольского типа одноимённой стоянки юго-восточного побережья озера Байкал (по материалам коллекции 1959 г.)	103
<i>Щипун О. И.</i> Керамический комплекс позднего неолита археологического памятника Русский-Аякс-1	104
<i>Агапова А. Р.</i> Культура лапита: история изучения и основная проблематика	106

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

<i>Ложников А. А.</i> Истоки концепции перерождения в погребальной практике протояпонцев	108
<i>Ощепкова Е. А.</i> Новое энеолитическое святилище на Горбуновском торфянике	109

<i>Ларочкин А. А.</i> Раковины моллюсков в погребальном обряде населения Барабинской лесостепи эпохи неолита – ранней бронзы (на материалах памятника Сопка-2)	111
<i>Некраш А. А.</i> Наконечники стрел в погребениях одиновской культуры (по материалам памятника Тартас-1, Барабинская лесостепь)	112
<i>Иванова М. А.</i> К вопросу о применении метательного оружия эпохи позднего неолита – ранней бронзы на территории Прибайкалья по материалам Макрушинского могильника Верхней Лены	115
<i>Старицына В. А.</i> Керамика раннего бронзового века из погребений Приольхонья (озеро Байкал)	117
<i>Габышев А. С.</i> Усть-мильская керамика эпохи бронзы Якутии	119
<i>Филистович Д. Е.</i> Сосуды улахан-сегеленняхского типа на комплексе Проспихинская Шивера IV (Нижнее Приангарье)	120
<i>Ларенок О. П.</i> Бабинская культура на Нижнем Дону. Погребальный обряд	122
<i>Машков Г. А.</i> Актуальные проблемы исследований памятников постдольменного горизонта: новый взгляд на финальный этап бронзового века Северо-Западного Кавказа	124
<i>Букешева Г. К.</i> О существовании боевых колесниц раннеалакульской эпохи	126
<i>Савко И. А.</i> Керамика из погребальных комплексов андроновской (федоровской) культуры северо-западных предгорий Алтая	127
<i>Семакова Н. А.</i> Поселение и культовое место Верхний Сузун-10 (по итогам полевых работ 2017–2018 гг.)	129
<i>Качесова О. А.</i> История исследования памятника Советский путь-I в Лесостепном Алтае	130
<i>Давыдова Т. С.</i> Уникальные керамические штампы из коллекции Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал»	132
<i>Шишкина О. О., Мальцева А. А.</i> Плита с изображением коня в местонахождении Усть-Туба: открытие 2019 г.	134
<i>Калинин Е. В.</i> Соотношение белоярской и калинкинской культур по данным стратиграфии городища Барсов городок III/I	136
<i>Дюков Е. И.</i> Жатвенные ножи кроуновской культуры как показатели миграций, традиций и адаптаций	138
<i>Иванова А. А.</i> Керамический комплекс второго культурного горизонта стоянки Усть-Займка (Северное Приангарье) по материалам 2011 г.	139
<i>Еремеев А. В.</i> Техноморфологический анализ каменного инвентаря первого культуросодержащего горизонта стоянки Ручей Акимов (Северное Приангарье)	142
<i>Торохова А. Д., Михалёва В. П., Почекунин Д. М.</i> Керамическая коллекция I культуросодержащего горизонта местонахождения Отико I (Северное Приангарье)	143
<i>Юрова В. В.</i> Образ хищной птицы в культурах раннего железного века Красноярского района и Нижней Ангары	145
<i>Эккердт А. А.</i> Бронзовые орнитоморфные изображения Нижней Ангары	147

<i>Бовтрушко Н. Н.</i> Первичное изучение наскальных изображений на плитах из Овьюра (Южная Тува)	148
<i>Макарова Ю. В.</i> Костяные изделия ананьинской эпохи бассейна р. Тоймы	150
<i>Комарова О. С.</i> Планиграфия слоя селища Дом Отдыха-3 с жилищами раннего железного века	152
<i>Петрищева Д. П.</i> К вопросу об истоках некоторых элементов раннескифского комплекса (по материалам Северного Тагискена)	153
<i>Пушкарь А. А.</i> Предварительные результаты изучения керамики янковской культуры раннего железного века на памятнике Солонцовая-2	155
<i>Руденко М. К.</i> Костяной инвентарь поселения янковской культуры Черепеха-7	157
<i>Тишкин Ал. Ал.</i> Первые находки щитов в пазырыкских курганах	159
<i>Тыбыкова Е. Г.</i> Степные арфы Алтая	160
<i>Чумов Т. Е.</i> Поселение быстрианской культуры Енисейское-10 (по материалам раскопок 2019 г.)	161
<i>Топча Ч. М.</i> О собрании металлических котлов эпохи раннего железного века из Национального музея республики Тыва	163
<i>Губенко Е. В.</i> Источниковая база для изучения шейных украшений (бусы) гунно-сарматского времени на территории Хакасско-Минусинской котловины	165
<i>Миягашев Д. А.</i> Фрагмент поясной пластины из Нижнемангиртуйского поселения хунну	166

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ

<i>Шиляева Д. М.</i> Культура мантеньо, побережье Эквадора: происхождение, ареал и основные археологические признаки	169
<i>Шарифуллина Д. Т.</i> Комплекс костяных изделий со Староромашкинского городища	170
<i>Яровиков Е. В.</i> Типология луков волжских булгар в VII–XIII вв.	172
<i>Ширяев Л. А.</i> Скандинавское влияние на Волжскую Булгарию	173
<i>Рахматуллин С. Х.</i> Волжско-булгарская торговля по материалам Прикамья	175
<i>Уманчик К. В.</i> Свинцовые пломбы из домонгольских и ордынских памятников Прикамья	176
<i>Торохова А. Д.</i> Средневековые погребения со стоянки-могильника Отико I (Северное Приангарье)	177
<i>Максакова Д. А.</i> Костыльки в средневековых материалах Нижнего Приангарья	180
<i>Трофимов А. А., Муришидова М. А.</i> Тамги в репертуаре петроглифов писаницы Учум и горы Змеиной	182
<i>Гриб М. А.</i> Украшения из памятников одинцовской культуры Лесостепного Алтая IV–V вв.	185
<i>Данилов М. А.</i> Железные цепочки с витыми звеньями как хронологический маркер в комплексах Саяно-Алтая и Сибири	186

<i>Чеботаева Е. Б.</i> Поясные гарнитуры раннесредневекового комплекса могильника Чумыш-Пережат в Западном Присалаирье	187
<i>Муратбакиева А. Д.</i> Металлические личины и личины на груди: общее и особенное	188
<i>Солод Ю. А.</i> Средневековые сосуды из драгоценных металлов Южной Сибири в системе культурных связей народов восточной части Евразии	191
<i>Бурнаев А. В.</i> История изучения погребального обряда и мировоззрения уйгуров Центральной Азии эпохи средневековья	193
<i>Давыдов Р. В.</i> Технология изготовления предметов торевтики енисейских кыргызов (по материалам долины реки Ус)	195
<i>Обухова М. А.</i> О некоторых особенностях конструкции длиннокликового оружия кочевников Центральной Азии и Южной Сибири XIII–XIV вв.	196
<i>Вальченко В. Е.</i> Зооархеологическая коллекция Дальневосточной археологической экспедиции 1954 г. с реки Шилка	198
<i>Ухинов З. Ч., Гультяева К. Я.</i> Обзор предметов «импорта» из погребений XII–XIV вв. Поононья (Юго-Восточное Забайкалье)	199
<i>Портнягин М. А.</i> Кости барана в погребальной обрядности населения Северного Прихубсугулья в XII–XIV вв.	202
<i>Иванушко Е. И.</i> Материалы памятника «Черниговка, селище-5» в контексте генезиса михайловской археологической культуры в Западном Приамурье	204
<i>Крючко Е. И.</i> Особенности ориентации могил Усть-Ивановского могильника на территории Западного Приамурья	206
<i>Мальшев А. С.</i> Вооружение бохайцев (по материалам памятников российского Приморья)	207
<i>Никулина Е. Д.</i> Новые данные по зооархеологии Краскинского городища	209
<i>Кушнарев Н. Е.</i> Картографический анализ расположения памятников покровской культуры (культуры «амурских чжурчжэней») на территории Западного Приамурья	210
<i>Мамуль Я. М.</i> История исследования владимировской археологической культуры в Амурской области	213
<i>Мусяенко А. В.</i> Дауры в контексте миграционных процессов в Приамурье	214
<i>Петрова А. В.</i> Сайгатинские могильники: историческая ретроспектива	216
<i>Рогова И. Г.</i> Тамги нового времени в петроглифах Среднего Енисея	217
<i>Ковалева Н. Н.</i> Орнаментированные берестяные изделия Войкарского городка (по материалам раскопок 2012–2016 гг.)	218
<i>Бурцев С. А.</i> Обряд погребения с конем у якутов на примере могильника Ат-Дабан в Центральной Якутии	221
<i>Казимиров И. В.</i> Курительные аксессуары якутов в середине XVIII – начале XX в.	222

<i>Поляков Н. С.</i> Археологические работы на территории Нерчинского острога в 2019 году	223
<i>Зеленина В. В.</i> Современное состояние изученности русского оборонного зодчества Сибири в эпоху Петра I	225
<i>Фурсова И. М.</i> Керамический комплекс XVIII–XIX вв. с объекта археологического наследия «Солдатская слобода» по материалам раскопок 2019 года	226
<i>Назаров К. А.</i> Русская керамика из случайных находок в с. Рогозиха (Алтайский край)	228
<i>Беляева Ю. С.</i> Редкие предметы из раскопок деревни Кемерово (XVIII – начало XX в.)	230

АНТРОПОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И ЭТНОАРХЕОЛОГИЯ

<i>Степанова В. С.</i> Анализ половозрастного состава палеоантропологического материала из погребений могильника Усть-Тартасские курганы	233
<i>Никифоров Е. Т.</i> Истоки культа огня в легендах и мифах якутов на примере легенд об Эллэе и Омогойе	235
<i>Шайдуров А. В.</i> Тюркский этногенетический миф в культурной памяти шорцев	236
<i>Чевгун Т. А.</i> Исследование Г. Н. Потаниным шаманизма у алтайских племён	238
<i>Носова Л. И.</i> Этнографические исследования декабристов В. К. и М. К. Кюхельбекеров	240
<i>Баяндина А. В.</i> Родовые признаки сёока тёлёс у алтайцев	241
<i>Куулар А. И.</i> Каменные изваяния в котловине Деспен	242
<i>Сарыглар А. Г.</i> Роль и значение пояса в жизни кочевника	245
<i>Сирюкин И. В.</i> Общее и особенное в этнографических рисунках на памятниках искусства Минусинской котловины и Казахстана	247
<i>Паук Е. А., Байбородина М. А.</i> Эвенкийские шаманские нагрудники: общие аспекты и проблематика исследования (на примере экспонатов из фондов ИОКМ)	249
<i>Харитонов Р. М.</i> Переоформление ручного метательного оружия на примере бурятского традиционного лука	252
<i>Свистов Н. Л.</i> Особенности адаптации нивхов, уйльта и айнов к ландшафтам о. Сахалин	254
<i>Зеленина Е. В.</i> Материалы из раскопок погребений качинцев и аринцев в Красноярском лесостепном районе в сопоставлении со сведениями письменных источников XVIII века	255
<i>Сопова К. О.</i> Гончарство русского населения Западной Сибири в XVIII – начале XX в. по этнографическим и археологическим источникам	257
<i>Свидовская А. С.</i> Водообеспечение сельских населенных пунктов Алтайского края в конце XIX – XXI вв.	258
	как часть культуры жизнеобеспечения

<i>Глотов В. М.</i> Социальная адаптация депортированных немцев Поволжья: на материалах Курьинского района Алтайского края	260
<i>Маклаков М. И.</i> Современные формы коммеморации Гражданской войны в культуре сельских локальных сообществ (на материалах Сузунского района Новосибирской области)	261
<i>Седельникова О. А.</i> Ниционально-культурные объединения Омской области: общая характеристика и механизмы взаимодействия с органами власти	263
<i>Тойбазарова Д. Ш.</i> Традиции и новации в погребальном обряде казахов Среднего Прииртышья (на примере кладбища Баян)	264
<i>Люля Н. В.</i> Рекреационный потенциал сельского туризма в Алтайском крае как условие устойчивого развития сельских территорий	266
<i>Ан Ц. В.</i> Современный этнографический туризм в Туве: проблемы и перспективы	267
<i>Хомушку С-Б. Д.</i> Современная идентичность тувинского этноса (историко-сравнительное исследование)	269
<i>Чульдун А. И.</i> Этнокультурное воспитание мальчиков в Туве	271
<i>Ховалыг С. К.</i> Семейная обрядность тувинцев	272
<i>Ооржак Б. Э.</i> Уникальное чудо природы Чараш-Даш Бай-Тайгинского района Республики Тыва: историко-этнографический аспект	274
<i>Левченко А. В.</i> Традиция vs современность: нанайское искусство сегодня	276

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

<i>Костюкевич А. В.</i> Иудейское наследие Белоруссии (по материалам исследований 2018–2019 гг.)	278
<i>Дикий Я. В., Базаров Б. А.</i> Опыт организации археологического хранилища Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ИМБТ СО РАН)	280
<i>Гордеенко А. Р.</i> История музея археологии Забайкалья имени И. И. Кириллова	282
<i>Година Т. С.</i> Популяризация археологии в музее (на примере Хабаровского музея археологии)	283
<i>Мишкина Е. В.</i> «Маленькая школа»: новый формат музея народной игрушки	285
<i>Бушуева А. А.</i> Преподавание истории повседневности с применением музейной практики (проект «История Великой Отечественной войны через фотографию»)	286
<i>Фаткуллина Д. А.</i> Возможности школьного музея в воспитании патриотизма учащихся	287
<i>Сергеева Ю. П., Сосновский И. З.</i> Медиаконтент как слагаемое музейного нарратива	288
<i>Каримбаева З. Р.</i> Возможности музеефикации памятников эпохи поздней бронзы Сарыарки	290
<i>Гольшев О. А.</i> Культурно-хронологическая колонка наскальных изображений Ильинских писаниц (Минусинский район Красноярского края)	292

<i>Кинёва А. С., Климова Д. О.</i> Использование цифровых технологий при документировании гравированных изображений (на примере фрагмента стелы из фондов музея КемГУ)	294
<i>Брагин В. В.</i> О населении «забытого» города Гижигинска: из истории семьи Брагиных	296
<i>Лебедева Л. С., Понкратова И. Ю., Волков Д. П.</i> К вопросу о постановке на учет исторического объекта «Город Гижигинск»	298
<i>Денисенко В. Л., Кривоногов В. П.</i> Графическая реконструкция поселения каменного века (по археологическим материалам с Афонтовой горы II)	299
<i>Монгуш М. А.</i> Проект музеефикации кургана Аржан-2	301
<i>Сапунов А. А.</i> Обзор археологических коллекций из фондов Учебного археологического музея СахГУ, собранных на Курильских островах	304
<i>Суслова О. В.</i> К вопросу о проблемах сохранения историко-культурного наследия Иркутской области	306
<i>Ябыштаев С. С.</i> Об актуальности поправок реестра объектов нематериального культурного наследия в Республике Алтай	308

МАТЕРИАЛЫ ИНОСТРАННЫХ УЧАСТНИКОВ НА ЯЗЫКЕ ОРИГИНАЛА

<i>Ду Имен</i> Исследование стратегии развития публичного аккаунта WeChat в археологии	310
<i>Ли Чзэжун</i> Краткий анализ взаимосвязей между культурами бронзового века района Ганьсу и Цинхя (Китай) и степной ветвью Великого шелкового пути	313
<i>Чжан Юнин</i> Неолитические каменные ножи Северо-Восточного Китая	317
<i>Чжоу Минь</i> Предварительное изучение орнамента расписной керамики культуры шацзин	319
<i>Чен Дуду</i> Сасанидские серебряные монеты, найденные в Синьцзяне	322
<i>Ши Ханда</i> Татуировки со звериными мотивами в пазырыкской культуре	325
<i>Юй Лян</i> Краткий анализ системы «небесных стволов и земных ветвей»	332
<i>Ян Ифэй</i> Краткий очерк развития культур керамики с прочерченным орнаментом в рамках культурного пояса Чанбайшань в эпоху неолита	336
<i>Ду Сяо</i> Бронзовое зеркало из северо-восточного региона Китая	338
<i>Ли Лижи</i> Типологический анализ сосудов из погребений династии Ляо (Северо-Восточный Китай)	341
<i>Лю Ян</i> Открытие и исследование гробниц династии Цин на северо-востоке Китая	346
<i>Цянь Цянь</i> Детский могильник у залива Бохайвань	349
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	355

УДК 902/904(571.1)

Западносибирские археолого-этнографические конференции и их роль в развитии археологии Сибири

В. Ю. Ганенок

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Одними из наиболее авторитетных и представительных научных форумов, на которых рассматриваются проблемы истории Сибири и сопредельных территорий от эпохи камня до этнографической современности, являются западносибирские археолого-этнографические конференции (ЗСАЭК). Начало данным конференциям было положено в 1970 г., когда по инициативе известного археолога В. И. Матюшенко в Томске было организовано I Западно-сибирское археологическое совещание (ЗСАС). Давая оценку данному событию, необходимо отметить, что к началу 1970-х гг. возможности для регулярных контактов между сибирскими археологами были затруднены ввиду небольшого числа проводимых конференций, совещаний и т. д. С 1967 г. перестали собираться уральские археологические совещания, на которых была представлена сибирская тематика [Косарев, 1975, с. 232–238]. В ходе новостроечных и других археологических экспедиций, проводившихся в Сибири в 1950–1960-е гг., произошло значительное пополнение источниковой базы, вследствие чего требовалась историко-культурная интерпретация новых материалов с ее последующим признанием научным сообществом. Кроме того, для дальнейшего решения актуальных вопросов сибирской археологии было необходимо усиление координации деятельности отдельных учёных и коллективов, в том числе на междисциплинарной основе [Чиндина, Чёрная, 2010, с. 3].

Томск не случайно стал площадкой для проведения совещаний. Томский государственный университет (ТГУ) на тот момент являлся одним из ведущих центров по изучению историко-культурных процессов в Западной Сибири с древнейших времен, имел богатый опыт взаимодействия археологов со специалистами по смежным дисциплинам [Чиндина, 2005, с. 6]. Еще во второй половине 1940-х гг. томский лингвист и археолог А. П. Дульзон высказал идею о необходимости комплексного привлечения данных археологии, этнографии, антропологии и лингвистики для исследования этногенеза коренных жителей Сибири. В рамках открытой в 1968 г. проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири ТГУ работал сектор археологии и этнографии, куда входили также антропологи. Важным шагом в решении проблемы применения этнографической информации в археологических реконструкциях стало привлечение этнографов к работе ЗСАС. Последние с 1978 г. (IV ЗСАЭС) стали археолого-этнографическими, а с 1998 г. (XI ЗСАЭК) вместо совещаний стали проводиться конференции [Гусев, 2009, с. 198–200].

К настоящему моменту состоялось 17 ЗСАЭК (ЗСАЭС), каждая из которых была посвящена определенной тематике (вопросам хронологии отдельных культур и периодов, экономики и социальных отношений в древних

и традиционных обществах Сибири и сопредельных территорий и др.) [Чиндина, 2005, с. 5]. Проблемы, обсуждаемые на заседаниях ЗСАЭК, имеют концептуальный характер и касаются вопросов изучения историко-культурных процессов, методики и методологии археологии и смежных дисциплин, преодоления противоречий при использовании отдельных понятий, схем и т. д. К примеру, на XVII ЗСАЭК (2016 г.) Л. Т. Яблонский сделал доклад по такой актуальной проблеме, как правомерность употребления дефиниций «скифо-сибирский мир» и «скифо-сибирское единство». Широкий хронологический охват (от палеолита до этнографической современности), многоаспектность рассматриваемых явлений и процессов, происходивших на обширных пространствах Сибири, постоянно привлекают к участию в ЗСАЭК (ЗСАЭС) представителей ведущих отечественных (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск и др.) и начиная с 1990-х гг. зарубежных (Будапешт, Берлин и др.) центров [Чёрная, 2017, с. 141–145].

В рамках заседаний ЗСАЭК (ЗСАЭС) происходит оттачивание новых идей и концепций. Так, серией докладов на V ЗСАЭС (1981 г.) Н. А. Томилов и его коллеги обосновали идею об археолого-этнографических комплексах, получившую признание научного сообщества [Новикова, 2016, с. 12]. В. И. Матюшенко справедливо отмечает, что для молодых исследователей участие в работе ЗСАЭК (ЗСАЭС) является серьёзной школой. Её прошла целая плеяда выдающихся в будущем учёных (В. И. Молодин, В. В. Бобров, Ю. Ф. Кирюшин и др.) [Матюшенко, 2001а, с. 117].

Немаловажную роль рассматриваемые конференции (совещания) сыграли в деле организации и координации археологических исследований в Западной Сибири, что было особенно заметно в 1970–1980-е гг. В 1970 г. на I ЗСАС была утверждена Координационная комиссия (с 1981 г. – Координационный совет), в состав которой входили представители ведущих сибирских и столичных археологических центров. Комиссия (совет) работала в промежутках между совещаниями и осуществляла работу по планированию графика и содержанию конференций в отдельных городах региона, утверждению тем диссертаций и планов деятельности научных лабораторий и т. д. В свою очередь, авторитет представленных на ЗСАЭК учреждений столь высок, что позволяет направлять предложения (например, по вопросам охраны культурного наследия), принимаемые на заключительных заседаниях участниками конференций, в высшие органы власти [Чиндина, Чёрная, 2010, с. 3–5].

Причины успешной и длительной работы ЗСАЭК (ЗСАЭС) заложены также и в их организации. С момента проведения первых совещаний томичи придерживаются нескольких правил: определение тем будущих форумов на ряд лет вперёд и публикация тезисов очередной конферен-

ции (совещания) до её открытия. Подобные принципы проведения крупных конференций в 1970–1980-е гг. были заимствованы археологами из Барнаула, Кемерово, Иркутска [Матюшенко, 2001б, с. 23]. Кроме того, с конца 1970-х гг. решениями совещаний наиболее сложные научные вопросы обсуждались в рамках специальных семинаров и круглых столов, что оказало положительное влияние на ход ряда дискуссий (по андроновской проблематике, по раннему железному веку в Верхнем Приобье и др.) [Чиндина, Чёрная, 2010, с. 4].

Таким образом, западносибирские археолого-этнографические конференции (совещания) сыграли значительную роль в развитии археологических и смежных с ними исследований в Сибирском регионе. Особую важность рассматриваемые форумы имели в 1970–1980-е гг., когда происходило становление большинства современных центров археологии Сибири, велись дискуссии по культурно-историческому развитию населения края от древности до этнографической современности, ощущалась острая необходимость в расширении теоретико-методологического арсенала исследований. Формат и принципы работы ЗСАЭЖ (ЗСАЭС), ставшие эталонными для ряда конференций в сибирских городах, позволили удовлетворить потребности исследователей в обмене опытом и идеями, сформировали особую атмосферу, которая в известной мере способствовала научному росту молодых учёных. Работа Координационной комиссии (совета) дала возможность направ-

вить усилия сибирских археологов в русло решения наиболее актуальных проблем.

*Научный руководитель – Л. Ю. Китова
д-р ист. наук, доцент, профессор,
Кемеровский государственный университет*

Список литературы

Гусев А. В. На пути интеграции археологии и этнографии: исследования археологов Томского университета в 1940–1990-е гг. // Проблемы археологии и истории Северной Евразии. Томск, 2009. С. 198–200.

Косарев М. Ф. Рец.: Материалы совещ. по проблемам культурной и этнической принадлежности археологических памятников Западной Сибири («Из истории Сибири», Вып. 7. Томск, 1973. 230 с.) // СА. 1975. № 3. С. 232–238.

Матюшенко В. И. Как это было? // Вестник Омского университета. 2001а. № 3. С. 141–145.

Матюшенко В. И. 300 лет истории сибирской археологии. Омск, 2001б. Т. 2. 173 с.

Новикова Н. И. Человек-оркестр. Интервью с доктором исторических наук, профессором Н. А. Томиловым // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2016. № 3 (11). С. 10–23.

Чёрная М. П. XVII Западносибирская археолого-этнографическая конференция в Томске: новый шаг в 45-летней истории ЗСАЭЖ // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 3 : Археология и этнография. С. 141–151.

Чиндина Л. А. Традиции и наследие // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск, 2005. С. 4–7.

Чиндина Л. А., Чёрная М. П. К истории западносибирских археолого-этнографических конференций. Вместо предисловия // Культура как система в историческом контексте: Опыт западносибирских археолого-этнографических совещаний. Томск, 2010. С. 3–5.

Western Siberian Archaeological and Ethnographic Conferences and their Role in the Development of Archaeology in Siberia

V. Yu. Ganenok

The article deals with the issue of the contribution of Western Siberian Archaeological and Ethnographic Conferences to the development of archaeological science in Siberia. The author briefly describes what the condition of Siberian archaeology was in by the early 1970^s and substantiates the reasons why Tomsk was chosen as the location of regular meetings of archaeologists and specialists in related disciplines. In the conclusion, the form of organization of the Conferences, the issues discussed and the membership, the researcher concludes that Western Siberian Archaeological and Ethnographic Conferences had a great impact on Siberian archaeological studies.

Keywords: Western Siberia, archaeology, ethnography, conference, Tomsk.

Ганенок Владимир Юрьевич
магистрант 2-го года обучения
Кемеровский государственный университет
e-mail: vova.ganenok.96@mail.ru

Ganenok Vladimir Yurievich
Graduate student 2nd year
Kemerovo State University
e-mail: vova.ganenok.96@mail.ru

УДК 378.4:902/904(571.53)(091)

Формы организации студентов-археологов в Иркутском государственном университете с 1919 г. по настоящее время*

К. И. Зиновьев

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

*Исследование выполнено в рамках гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2019-866
«Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»

В 2019 г. иркутской археологической школе исполнилось 100 лет, при этом одним из факторов ее успешного функционирования является постоянный приток молодежи. До сих пор в литературе отдельно не рассматривался вопрос о том, как организовывались студенты-археологи в Иркутском госуниверситете. Цель данной работы – проследить эволюцию форм организации молодых археологов в ИГУ в рамках различных объединений – кружков, лабораторий, экспедиций и клубов с 1919 г. по настоящее время. В качестве источников были использованы опубликованные данные, а также результаты опроса сотрудников НИЦ «Байкальский регион» ИГУ.

Начало организации археологической молодежи в ИГУ было положено известным этнографом и археологом

профессором Иргосуна – Б. Э. Петри. С целью привлечения молодых людей к занятию палеоэтнологией им был создан кружок «Народоведение». Первое его заседание состоялось 30 марта 1919 г. [Гольдфарб, Щербаков, 1998, с. 16]. Председателями кружка были последовательно Е. П. Титов и П. П. Хороших [Петри, 1928, с. 5]. Молодые люди с азартом и энтузиазмом стали заниматься палеоэтнологическими исследованиями, выезжать в экспедиции, а на заседаниях кружка заслушивать доклады об их результатах. Появление активной молодежи превратили в 1920-х гг. Иркутск в самый крупный археолого-этнографический центр Сибири. Параллельная работа Б. Э. Петри во ВСОРГО привела к тому, что заседания кружка нередко проходили в здании отдела, а члены кружка заняли ведущие позиции в

этнологической и археологической секциях ВСОРГО [Сирина, 2002, с. 67]. Одной из характерных черт кружка являлась его общественная направленность: проводились археологические экскурсии для всех желающих, читались публичные лекции, о заседаниях кружка писали городские газеты [Иркутская археология ... , 2019a]. В 1926 г. «Народоведение» преобразовано в Студенческий научный кружок краеведения, в котором существовало деление на секции, а также имелся свой печатный орган – сборник «Краеведение» [Сирина, 2002, с. 65–66]. В результате работы кружка были подготовлены десятки специалистов – археологов и этнографов, среди которых самые известные: М. М. Герасимов, А. П. Окладников, Г. Ф. Дебеч, Г. П. Сосновский, П. П. Хороших.

Бурное десятилетие деятельности кружка и иркутской палеоэтнологии сменяется спадом 1930-х гг. Со страниц газет исчезают упоминания о кружке, в 1930 г. закрыт университет, усиливается политическое давление на Б. Э. Петри и других ученых. В результате часть исследователей покинула Иркутск, другая была репрессирована [Медведев, 2013, с. 179]. Археология из университета на время исчезла.

Процесс реконструкции археологической школы, начавшийся в 1940 г. с повторным открытием историко-филологического факультета, возглавлял зав. кафедрой всеобщей истории С. В. Шостакович. Во 2-й половине 1940-х – 1-й половине 1950-х гг. в Иркутске работают два археолога-«петринца» – И. В. Арембовский (читает археологию на истфаке ИГУ до 1954 г.) и П. П. Хороших (с 1954 г. читает археологию в ИГУ). В нашем распоряжении отсутствует информация о существовании археологического кружка в это время, однако оба исследователя проводят полевые исследования с привлечением студентов [Медведев, 2013, с. 185–186; Иркутская археология ... , 2019b].

Возрождение во 2-й половине 1950-х гг. иркутской школы археологии было связано с крупными археологическими экспедициями в зонах затопления Иркутской и Братской ГЭС и приходом студентов, которые целенаправленно хотели стать археологами. В результате во время раскопок в Мальте и на Усть-Белой в 1955–1959 гг. М. М. Герасимовым был организован коллектив студентов-археологов – своего рода кружок, члены которого стали ядром воссозданной иркутской археологической школы: Г. И. Медведев, М. П. Аксенов, В. В. Свинин, Г. М. Зайцева (Георгиевская) [Бердников, Уланов, Абрашина, 2019, с. 10].

С начала 1960-х гг. позиции археологии в стенах исторического факультета усиливаются, а молодой Г. И. Медведев, ставший лидером иркутских археологов, развел кипучую деятельность по созданию научного коллектива. Важной частью этой деятельности являлась подготовка археологов на базе студентов истфака. В 1963 г. на общественных началах создана научно-учебная лаборатория археологии (с 1970 г. – штатное подразделение факультета), которая стала основной формой организации студентов-археологов [Медведев, 2013, с. 187–190]. В лаборатории они занимались научными исследованиями, работали с археологическими находками и литературой. Традиционными стали еженедельные заседания коллектива лаборатории, на которых присутствовали и студенты. В 1970-е гг. для отчетности перед органами университета, курирующими научно-исследовательскую работу студентов (НИРС), был создан Археологический кружок, который, впрочем, самостоятельно не функционировал и никак не изменил существующей отлаженной формы организации студентов-археологов на базе лаборатории.

Результаты научной работы студентов и молодых ученых-археологов исторического факультета представлялись на конференциях различного уровня. В 1960-е гг. археологи имели свою секцию в ежегодной отчетной научно-теоретической конференции преподавателей и студентов

ИГУ. В 1975 г. на базе лаборатории археологии проведено Восточно-Сибирское совещание «Проблемы терминологии и анализа археологических источников». Опыт организации крупного научного мероприятия был признан успешным и со следующего, 1976 г. археологи ИГУ стали организовывать ежегодную региональную археологическую студенческую конференцию (РАСК, затем РАЭСК), которая в будущем получит статус всероссийской [Медведев, 2013, с. 190].

В 1960–1970-е гг. неуклонно расширялся территориальный охват полевых археологических исследований отрядами ИГУ. С этого времени экспедиции стали одной из ведущих форм организации студентов. Многослойные стоянки Усть-Белая и Сосновый Бор, могильник Шумилиха являлись своего рода учебными полигонами, где учились и студенты, и их молодые наставники.

В 1970–1980-е гг. приходящие на археологию студенты распределялись, во-первых, по тематическим группам: палеолит и мезолит (руководители – Г. И. Медведев, М. П. Аксенов), неолит – ранний бронзовый век (Н. А. Савельев), поздняя бронза – средневековье (В. В. Свинин); во-вторых, по экспедиционным «партиям»: Ангарской, Ленской, Байкальской. В целом период 1960–1980-х гг. можно считать эпохой расцвета иркутской археологии, в том числе из-за постоянного притока талантливых и трудолюбивых студентов. С 3-го курса они могли самостоятельно проводить небольшие полевые исследования, а дипломные работы имели статус серьезных научных трудов.

После распада СССР изменилась система финансирования университетов и науки. Исчезли бюджетные средства на проведение исследований, новые реалии рыночной экономики диктовали свои условия. В результате снизилась активность лаборатории археологии. Постепенно были утрачены многие формы работы со студентами. Изменились и сами студенты – начал падать уровень общей эрудиции, поменялись система ценностей и социальные ориентиры. В 2000-е гг. возросла роль новостроечных работ. Для проведения последних создавались производственные бригады, которые комплектовались из студентов исторического факультета. Многие из них становились профессиональными шурфовщиками-наемниками, наука же влекла немногих.

Научная лаборатория археологии, вышедшая за рамки факультетской, трансформировалась в 2000 г. в подразделение Научно-исследовательской части ИГУ – НИЦ «Байкальский регион» ИГУ, переехавший в том же году с исторического факультета, что также повлияло на студенческую активность.

Кризис наметился к началу 2010-х гг. Оставались студенты, специализирующиеся на археологии, но профессионально заниматься наукой из них почти никто не хотел. Создалась реальная угроза кадрового голода для иркутской археологической школы. Тогда появилась новая форма организации – Студенческий археологический клуб ИГУ. Он был создан в 2014 г. молодыми сотрудниками НИЦ «Байкальский регион» ИГУ. Студенты в клубе слушают лекции ученых-археологов НИЦ и других научных и образовательных организаций, готовят доклады, устраивают дискуссии, участвуют в мастер-классах. В результате пяти лет работы клуба значительно возросло число студентов-археологов, многие из которых составляют базу молодых ученых, работающих в археологических лабораториях Иркутска [Студенческий ... , 2019].

Таким образом, нами проведен краткий обзор форм организации студентов-археологов в Иркутском государственном университете с 1919 г. до наших дней. Настоящая работа полностью не освещает все аспекты подготовки молодых научных кадров вне учебы и для более детального исследования требуется работа с архивными материалами. Тем не менее данный обзор открывает отдельную

историографическую проблему, изучение которой важно для понимания явления иркутской археологической школы.

*Научный руководитель – И. В. Уланов
стажер-исследователь,
НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет*

Список литературы

Бердников И. М., Уланов И. В., Абрашина М. Е. Археология и этнография в Иркутском государственном университете: 1919–2019. К 100-летию Иркутской археолого-этнографической школы. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. 26 с.

Гольдфарб С. И., Щербиков Н. Н. Иркутский государственный университет: Хроника событий: 1918–1998. Иркутск: КП – Байкал; Изд-во ИГУ, 1998. 304 с.

Иркутская археология: газетный компендиум советского периода. Ч. 1. 1919–1941 гг. Иркутск: Издательские решения, 2019а. 204 с.

Иркутская археология: газетный компендиум советского периода. Ч. 2. 1942–1954 гг. Иркутск: Издательские решения, 2019б. 124 с.

Медведев Г. И. Университетской научной археологии Северной Азии – 95 лет // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 2 (3). С. 176–202.

Петри Б. Э. Далекое прошлое Прибайкалья. Иркутск: Власть труда, 1928. 75 с.

Сирин А. А. Забытые страницы сибирской этнографии: Б. Э. Петри // Репрессированные этнографы. М.: Вост. лит., 2002. Вып. 1. С. 57–80.

Студенческий археологический клуб ИГУ: итоги первой пятилетки / И. В. Уланов, Н. Б. Соколова, К. А. Крутикова, М. Е. Абрашина, Д. П. Золотарев // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2019. Вып. 8.

Forms of Organization of Students-Archaeologists at the Irkutsk State University from 1919 to the Present

K. I. Zinoviev

The article discusses the development of the forms of students-archaeologist's organization at Irkutsk State University from 1919 to the present. The first youth archaeological association "Narodovedenie" was founded by B. E. Petri in 1919. In the 1930^s, for political reasons, archeology disappeared from the university. The revival began in the 1940^s and ended in the late 1950^s. In the 1960^s, G. I. Medvedev became the leader of Irkutsk archaeologists. He organized a scientific and educational laboratory of archaeology, which became one of the main forms of organization of students' work until the end of the 1980^s. In the 1990^s, the activity of Irkutsk archaeologists decreased. The number of students who wanted to engage in archaeology as a science also decreased. By the beginning of the 2010^s, the situation worsened as archaeological students almost disappeared. Then in 2014, young archaeologists organized the Student Archaeological Club of ISU which operates today.

Keywords: Irkutsk Archaeological and Ethnographic school, Irkutsk State University, student scientific associations, Archaeology laboratory, student archaeological club.

Зинovieв Кирилл Иванович

студент 1-го курса, Педагогический институт
Иркутский государственный университет
e-mail: zin.kir@inbox.ru

Zinoviev Kirill Ivanovich

Student 1st year, Pedagogical Institute
Irkutsk State University
e-mail: zin.kir@inbox.ru

УДК 07(571.53)(091)"Власть труда"

Газета «Власть труда» как источник по истории археологических исследований Восточной Сибири

О. Р. Харисова

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

История археологических исследований Восточной Сибири является очень важной частью истории нашего края. Информация об этом печаталась в различных изданиях и местной периодике. Исследователи редко используют местную периодику в своих работах. Для решения этой проблемы необходим сбор информации по интересующей нас теме из местной периодической печати в единое целое.

Газета «Власть труда» выпускалась в Иркутске с 1917 по 1930 г. Она представляла собой ежедневный сборник различных новостей мира, страны и г. Иркутска, среди которых можно встретить информацию о деятельности местных исследователей. Первый номер выпущен 30 декабря 1917 г., однако в ситуации вынужденной эвакуации советского правительства из Иркутска 3 июля 1918 г. был опубликован последний 124-й номер «Власти труда». В декабре 1919 – январе 1920 г., в дни восстановления советской власти в Сибири, в Иркутске начали издаваться две большевистские газеты – «Известия Губревкома» и «Сибирская правда». В марте 1920 г. было предложено переименовать «Известия» во «Власть труда» [Сибирская советская энциклопедия, 1929, с. 502–503]. 9 апреля 1920 г. «Власть труда» возродилась, в этот день вышел её первый номер, при этом было решено продолжить старую нумерацию – 125 (1). Наряду с переименованием «Известий» произошла ликвидация «Сибирской правды».

В августе 1930 г. на базе иркутской окружной газеты «Власть труда» была основана газета «Восточно-Сибирская правда». Причиной переименования стала ликвидация Иркутского округа и образование Восточно-Сибирского края. 24 августа 1930 г. вышел последний номер газеты, а

уже на следующий день, 25 августа, издан первый номер «Восточно-Сибирской правды» [Гимельштейн, Гольдфарб, 2006]. Всего за годы существования газеты было выпущено 3203 номера.

«Власть труда» содержит в себе ряд постоянных и переменных разделов. К постоянным разделам относятся «Объявления», «Извещения», «Обзор печати», «Научное обозрение» и т. д. Среди нерегулярных разделов наиболее часто встречаются «Хроника», «Письмо в редакцию», «Страничка работницы» и т. д. Информацию, размещенную на страницах газеты «Власть труда», можно разделить на несколько групп:

- упоминания о деятельности ВСОРГО;
- данные о деятельности сотрудников ИГУ;
- сведения о кружке «Народоведение»;
- статьи археологов;
- некрологи.

В первые годы выпуска газеты «Власть труда» информация об археологических исследованиях Восточной Сибири отсутствует полностью. Необходимые нам сведения впервые встречаются на страницах газеты за 1920 г. в разделе «Извещения»: «В географическом обществе (в помещении музея) 20 мая, в 7 часов вечера, назначено общее собрание членов для заслушивания доклада Б. Э. Петри на тему «Неолитическая колония в бухте Песчаной на Байкале» [Власть труда, 1920, № 156]. Сообщается о собрании членов общества в память Г. Н. Потанина с указанием предстоящих докладов о его жизни и деятельности [Власть труда, 1920, № 294].

На смену кратким извещениям на последней странице газеты о состоянии дел во ВСОРГО появляются статьи о планах географического общества, выставках, проектах: от 14 мая 1922 г. помещен раздел «В В.-Сиб. отделе Географ. об-ва», в котором подробно расписаны предстоящие мероприятия и указаны функции членов географического общества – Б. Э. Петри, П. П. Хороших, Г. П. Сосновского и др. [Власть труда, 1922, № 747]. После летних экспедиций в газете публикуются их итоги в виде заметок: П. П. Хороших об археологических исследованиях Ольхонского края [Власть труда, 1922, № 857], причем для таких заметок появляется периодический раздел «В Восточно-Сибирском отделе Русского Географического общества». Эти и другие данные входят в тематическую группу «Упоминания о деятельности ВСОРГО».

Не менее значимую тематическую группу составляют сведения о сотрудниках ИГУ и их деятельности. В номере от 22 августа 1920 г. встречается следующая информация: «Профессорский и преподавательский состав в настоящее время недостаточен. По монголоведению читают: ... проф. Петри – шаманство, географию и этнографию монгольских народов» [Власть труда, 1920, № 235]. От 26 августа 1920 г. присутствуют сведения о кандидатурах на размещение кафедр университета: «Гуманитарный факультет Госуд. Ирк. ун-та извещает, что в порядке постановления Наркома просвещения от 31 октября 1918 г. о Всероссийск. конкурсах на размещение кафедр заявлены кандидатуры следующих лиц: 1) по кафедре археологии и этнографии – Б. Э. Петри, рекомендованный проф. Огородниковым» [Власть труда, 1920, № 238]. Через несколько дней были опубликованы результаты вышеприведенного конкурса: «Утвержден первоначальный состав преподавателей института: 1. Профессора: Петри Б. Э. – история первобытной культуры и археология...» [Власть труда, 1920, № 243].

Следующая тематическая группа сведений была сформирована на основе данных о деятельности кружка «Народоведение».

В 1919 г. под началом профессора Б. Э. Петри на базе ИГУ открыт студенческий кружок «Народоведение». На страницах газеты в кратких заметках встречаются упоминания о деятельности кружка. Например, 10 ноября 1920 г. публикуются сведения о собрании научного кружка «Народоведение», о предстоящих докладах на тему прошедших поездок и о программе кружка на будущий год [Власть труда, 1920, № 300]. 17 марта 1922 г. появляется заметка о его деятельности и дается детальное описание заслушанных докладов [Власть труда, 1922, № 702]. Затем в номере от 1 апреля 1922 г. на страницах газеты помещена статья, посвященная 3-летию кружка, в которой приводятся задачи и сведения о его работе [Власть труда, 1922, № 714]. В номере за 1922 г. в разделе «Научное обозрение» публикуется статья «Археологические находки в долине р. Мурын» – заметка о докладе Б. Э. Петри на заседании кружка «Народоведение» [Власть труда, 1922, № 641]. Все это говорит о наличии интереса у редакции и читателей к деятельности кружка.

Важное место в газете занимают работы археологов и заметки об их деятельности. Например, в выпуске от 12 февраля 1921 г. в разделе «По Сибири» публикуется небольшая статья «Музеи и охрана памятников старины» [Власть труда, 1921, № 375]. В пяти номерах за 1922 г. в разделе «Научное обозрение» представлены выдержки под общим названием «Древности Ольхонского края. Из отчета члена научной экспедиции П. П. Хороших» [Власть труда, 1922, № 654, 660–663]. В том же разделе время от времени появляются статьи исследователей о местных экспедициях.

Так, в 1922 г. были опубликованы две заметки П. П. Хороших об изучении бурятского искусства и далекого прошлого Иркутской губернии [Власть труда, 1922, № 907]. А в номере 291 за 1922 г. была помещена критическая статья о лекции Б. Э. Петри о шаманизме [Власть труда, 1922, № 930]. На страницах газеты от 2 апреля 1922 г. размещена статья П. П. Хороших «Памяти дедушки Сибирской археологии М. П. Овчинникова» [Власть труда, 1922, № 715], в которой дается краткое описание жизни и деятельности этого исследователя с характеристикой его заслуг.

Свое место в общих сведениях занимают некрологи. Например, в номере от 14 июня 1921 г. приводится информация: «11-го июня скончался Михаил Павлович Овчинников...» [Власть труда, 1921, № 473]; в номере от 7 декабря 1921 г. написано: «Распорядит. Комит. В.-С. Отдела Г. Географич. об-ва с прискорбием сообщает о смерти Председателя Отдела Степана Антоновича Григорьева...» [Власть труда, 1921, № 618]; на следующий день помещен некролог о С. А. Григорьеве [Власть труда, 1921, № 619].

По мере стабилизации политической обстановки в регионе и активизации деятельности Б. Э. Петри и его кружка «Народоведение» газета начинает публиковать больше заметок об археологических исследованиях Восточной Сибири, появляются нерегулярные разделы «В Восточно-Сибирском Отделе Русского Географического Общества» и «В научном кружке Народоведение». Наиболее часто интересующая нас информация приводится в таких постоянных разделах, как «Научное обозрение», «По Сибири», «Извещения».

Следует отметить, что газета «Власть труда» содержит разнообразную информацию и является полезным источником для изучения вышеуказанной темы. Материалы этого издания можно использовать для уточнения некоторых деталей жизни и научной деятельности иркутских исследователей.

*Научный руководитель – Д. Л. Шергин
ст. преподаватель, кафедры
истории и методики, Педагогический
институт, Иркутский государственный университет*

Источники

Власть труда. Иркутск, 1920. № 156 (32). 4 с.
Власть труда. Иркутск, 1920. № 235 (111). 4 с.
Власть труда. Иркутск, 1920. № 238 (114). 4 с.
Власть труда. Иркутск, 1920. № 243 (119). 4 с.
Власть труда. Иркутск, 1920. № 294 (170). 4 с.
Власть труда. Иркутск, 1920. № 300 (176). 4 с.
Власть труда. Иркутск, 1921. № 375 (252). 2 с.
Власть труда. Иркутск, 1921. № 473 (349). 2 с.
Власть труда. Иркутск, 1921. № 618 (524). 4 с.
Власть труда. Иркутск, 1921. № 619 (525). 4 с.
Власть труда. Иркутск, 1922. № 641 (2). 4 с.
Власть труда. Иркутск, 1922. № 654 (15). 4 с.
Власть труда. Иркутск, 1922. № 660 (21). 4 с.
Власть труда. Иркутск, 1922. № 661 (22). 4 с.
Власть труда. Иркутск, 1922. № 662 (23). 4 с.
Власть труда. Иркутск, 1922. № 663 (24). 4 с.
Власть труда. Иркутск, 1922. № 702 (63). 4 с.
Власть труда. Иркутск, 1922. № 714 (75). 4 с.
Власть труда. Иркутск, 1922. № 715 (76). 4 с.
Власть труда. Иркутск, 1922. № 747 (108). 4 с.
Власть труда. Иркутск, 1922. № 857 (218). 4 с.
Власть труда. Иркутск, 1922. № 907 (268). 4 с.
Власть труда. Иркутск, 1922. № 930 (291). 4 с.

Список литературы

Гимельштейн А. В., Гольдфарб С. И. Иркутская газета «Власть труда»: опыт историко-экономической реконструкции (1917–1930). Иркутск: Ирк. обл. тип-я № 1, 2006. 234 с.
Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск: Сиб. краев. изд-во, 1929. Т. 1. 994 с.

Newspaper “Vlast Truda” as a Source on the History of Archaeological Research of the Eastern Siberia

O. R. Kharisova

This article discusses the periodical press and its place among sources on the history of archaeological research in Eastern Siberia. The material of the newspaper “Vlast Truda” for 1917–1930 was allocated the main thematic groups contain information such as: the employees of Irkutsk State University, the

papers of archaeologists, obituaries, etc. For the publication of interesting material in the newspaper there are special sections. The necessity of studying Newspapers and magazines in this direction, the main advantage of which is their high information content, is identified and justified. The materials of the newspaper can be used to clarify certain details, as well as to attract additional confirmation of any information.

Keywords: “Vlast Truda”, archaeological research, Eastern Siberia, periodical press.

Харисова Олеся Рустамовна

студент 4-го курса, Педагогический институт
Иркутский государственный университет
e-mail: olesya_kharisova@mail.ru

Kharisova Olesya Rustamovna

Student 4th year, Pedagogical Institute
Irkutsk State University
e-mail: olesya_kharisova@mail.ru

УДК 371.833.1:902/904(571.61-25)

Деятельность археологического кружка «Юный археолог» МАОУ «Школа № 16 г. Благовещенска» в деле популяризации археологии

Д. Н. Глушков

Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, Россия

Археология – историческая наука, изучающая прошлое людей по вещественным материалам. Данная наука всегда вызывала большой интерес у многих поколений с самого момента её возникновения и по сегодняшний день. Интерес к археологии начинает возрастать в XX в., связано это было с развитием патриотизма в детской среде, а также углубленным изучением местной истории и краеведения [Бровко, 2004].

На сегодняшний день археологии уделяют особое внимание. Всё это можно проследить из новостных лент СМИ, которые пестрят сведениями о различных археологических открытиях. В школьной среде одним из способов приобщения детей к истории и археологии является археологический кружок, клуб или лагерь.

На территории РФ действует большое количество профильных археологических лагерей. В Амурской области в 2009 г. совместно с Н. Докашенко и инициативной группой ИФФ БГПУ при методической поддержке и под научным руководством Д. П. Волкова был образован профильный археологический лагерь «Копатыч».

Исходя из работы профильного археологического лагеря «Копатыч», можно выделить основные направления, которые были разработаны для реализации взаимоотношений со школьниками. В профильной смене они занимались на раскопе, слушали лекции по археологии, принимали активное участие в практических занятиях по экспериментальной археологии.

Цель профильной смены – формирование чувства патриотизма и гражданственности через соприкосновение с историко-культурным наследием родного края. Уникальность археологического лагеря «Копатыч» заключается в том, что он не имел аналогов в Амурской области. Проект «Копатыч» подтолкнул различные педагогические коллективы Благовещенска к продолжению занятий во внеурочное время [Докашенко, 2011, с. 67–68].

В условиях реализации ФГОС третьего поколения внеурочная деятельность занимает важное, а в некоторых школах и обязательное место в учебном процессе, влияет на аттестат ребенка и является дополнительной мотивацией [Об образовании ... , 2012]. В таких условиях наблюдается ещё один, педагогический, потенциал археологии, но уже для учителя истории. В итоге мы получаем учителя, имеющего хорошую теоретическую и методическую подготовку по археологии, представление о требованиях ИКС, сущности деятельностного подхода, и историческое объединение, которое помогает развитию и профессиональному росту самого педагога [Об объектах ... , 2002].

В современной школьной среде археологии уделяется мало внимания, её изучение в рамках уроков истории чаще всего носит ознакомительный характер. Изучение археологии в школе концентрируется во внеурочной деятельности

по истории в виде различных форм: факультативные занятия, организация на базе школы археологических клубов и кружков [Докашенко, 2011, с. 70].

В 2015 г. в одной из школ г. Благовещенска был создан профильный археологический класс (средний школьный возраст). В 2016 г. студенты-историки БГПУ и сотрудники ЦСН Амурской области создали студенческий археологический клуб «Артефакт» на базе БГПУ.

В 2018 г. по инициативе учителя истории Д. Н. Глушкова на базе МАОУ «Школа № 16 г. Благовещенска» был образован археологический кружок «Юный археолог». Учителя имеют опыт работы в археологических экспедициях, проводимых на территории Амурской области. Участники работы археологического кружка «Юный археолог» занимаются различными исследованиями, приобретают знания и навыки, которые необходимы при изучении памятников археологии.

Практические занятия для учеников, посещающих археологический кружок «Юный археолог», проводятся в музеях: археологическом музее им. Б. С. Сапунова в БГПУ, Амурском областном краеведческом музее им. Г. С. Новикова-Даурского. Частым гостем в работе кружка является Н. А. Комарова – научный сотрудник отдела истории Амурского областного краеведческого музея им. Г. С. Новикова-Даурского, которая рассказывает ребятам об очень интересных фактах археологической науки.

По итогам работы археологического кружка обучающиеся, которые проявляли наибольший интерес к данной науке в 2019 г., выступали с докладами на школьной научно-практической конференции «Шаги в науку».

Для закрепления теоретической подготовки летом 2020 г. планируется выезд обучающихся на места действующих археологических раскопок на территории Амурской области с целью их участия в археологических раскопках и других видах научно-поисковой деятельности.

В соответствии с ФГОС и ИКС предлагается план разработки деятельности археологического кружка «Юный археолог» МАОУ «Школа № 16 г. Благовещенска» (табл.). Данное планирование рассчитано на 31 учебный час. Первые занятия заключаются в создании у учеников образного представления об археологии как о самостоятельной научной дисциплине со своими методическими подходами. Все последующие занятия нацеливаются на изучение теоретической базы археологических знаний на основе локальных данных.

В соответствии с КТП после теоретических начинаются практические занятия, по окончании которых обучающиеся смогут принять участие в работе археологической экспедиции. Последующие темы раскрывают практические особенности полевой работы.

Учебно-тематическое планирование работы кружка «Юный археолог»

№	Тема урока	Кол-во часов	Требования к уровню подготовки учащихся
Тема 1. ВВЕДЕНИЕ В КУРС АРХЕОЛОГИИ (4 часа)			
1	Археология в системе исторических дисциплин. Основные понятия и терминология	1	Знать основные понятия и термины
2	Этапы археологического исследования: полевой, лабораторный, кабинетный	1	Знать основные этапы полевого, лабораторного и кабинетного исследования
3	Археологические источники и их особенности	1	Знать понятие «археологические источники», их виды
4	История становления и развития археологической науки в России и за рубежом	1	Знать этапы становления археологии как науки, основных представителей археологии в России и за рубежом
Тема 2. МЕТОДЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (4 часа)			
5	Разведка археологических памятников	1	Знать основные приемы обнаружения археологических памятников, принципы ведения полевых работ
6	Раскопки могильников	1	Знать виды могильников, исследование погребений
7	Раскопки поселений	1	Знать основные правила ведения раскопок
8	Археологическая периодизация. Способы датировки	1	Уметь датировать памятники по различным источникам
Тема 3. КАМЕННЫЙ ВЕК (8 часов)			
9	История изучения. Основные этапы	1	Знать основные этапы каменного века
10	Палеолит	1	Знать особенности археологии палеолита, датировку периода
11	Мезолит. Вопрос о мезолите в Приамурье	1	Знать особенности археологии мезолита, датировку периода
12–13	Типология каменных орудий. Методика изготовления и обработки	2	Знать виды каменных орудий, методику их изготовления и обработки
14–15	Культура неолита Приамурья. Неолитическая революция. Неолитическое искусство	2	Знать особенности археологии неолита, датировку периода
16	Керамика как исторический источник	1	Знать понятие «керамика», виды керамических изделий
Тема 4. ЭНЕОЛИТ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК (2 часа)			
17	Энеолит	1	Знать понятие «энеолит», периодизацию
18	Бронзовый век. Проблема бронзы в Приамурье	1	Знать особенности археологии бронзового века, датировку периода
Тема 5. ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК (10 часов)			
19	Урильская и польцевская культуры	1	Знать особенности урильской и польцевской культур, ареал распространения и периодизацию
20–21	Основные виды хозяйственной деятельности. Связь урильской культуры с археологическими общностями других территорий	2	Знать основные виды хозяйственной деятельности урильцев
22–23	Предполагаемые носители культур раннего железного века Приамурья сушень и илоу	2	Знать особенности тунгусских племен (сушень и илоу), места их расселения и вид хозяйства
24–25	Племена мохэ – предки современных тунгусо-маньчжурских народов юга Дальнего Востока	2	Знать особенности расселения и быта мохэсцев, культуру мохэ
26	ЗАЧЁТ (1 час)	1	
27-31	Практика	5	

Таким образом, археология способствует решению задач социальной адаптации воспитанников школы, формированию у них готовности жить и трудиться в родном селе, районе, крае, участвовать в их развитии, социально-экономическом и культурном обновлении. Это одна из актуальных социально-педагогических задач нашего времени.

*Научный руководитель – О. А. Шеломихин
канд. ист. наук, доцент,
Благовещенский государственный
педагогический университет*

Список литературы

- Бровко Д. В. Феномен педагогической археологии // Уссурийский краеведческий вестник. 2004. № 3. С. 5–9.
- Докашенко Н. С. Формирование у школьников устойчивого познавательного интереса к истории родного края во внеурочное время : диплом. раб. Благовещенск, 2011. С. 67–70.
- Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29 дек. 2012 г. URL: <https://rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html> (дата обращения: 07.01.2020).
- Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации : федер. закон от 25 июня 2002 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 28.12.2019).

Activities of the Archaeological Club “Young archaeologist” School No. 16 of the City of Blagoveshchensk in Promoting Archaeology

D. N. Glushkov

The article discusses the experience of archaeological circles in schools in the Amur Region, and in particular the archaeological circle of the Autonomous Educational Establishment “School No. 16 of Blagoveshchensk”. The pedagogical experience of organizing extracurricular activities in archaeology is de-

scribed. It tells about the various forms and methods of the circle. Some methodological aspects of their functioning, interaction with scientific and educational institutions are highlighted. The author gives examples of the organization and planning of work as part of the activities of the archaeological club and the activities of the student archaeological club.

Keywords: Archaeology, Amur region, archaeological club, archaeological club, thematic planning, GEF, historical and cultural standard.

Глушков Дмитрий Николаевич

магистрант 1-го года обучения,
Благовещенский государственный педагогический университет;
учитель истории,
муниципальное автономное общеобразовательное учреждение
«Школа № 16 г. Благовещенска»
e-mail: dimaag1234@yandex.ru

Glushkov Dmitry Nikolaevich

Graduate student 1st year,
Blagoveshchensk State Pedagogical University;
Teacher of History,
Municipal Autonomous Educational Institution
“School No. 16 of Blagoveshchensk”
e-mail: dimaag1234@yandex.ru

УДК 372.893:902/904

Археология в школьном курсе истории России

Э. В. Лавриненко

Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, Россия

Будущее науки формируется ещё в школьных стенах, интерес к ней привлекает школьный учитель, который благодаря увлечённости предметом или его отдельной областью старается пробудить познавательный интерес и у своих подопечных. Основа кадрового резерва любой науки, таким образом, закладывается в школе на основе реализации современных учебно-методических комплексов (УМК). В этой связи школьный учебник остается основным инструментом и на ранних этапах – путеводителем для учащихся в исторической науке, и в археологии, в частности.

Для того чтобы понять, в каком объёме отражена археология в школе, с какими материалами, какого качества и глубины проработки приходится работать учителям, проведем анализ основных УМК, которые используются в российских школах. Остановимся на двух наиболее распространённых, выпущенных издательствами «Дрофа» и «Просвещение» и определим критерии для сравнения соответствующих им линеек учебников. Среди критериев выделим следующие: место археологии в курсе истории (говорится о ней отдельно или в рамках параграфа/главы); структурированность, наличие и отражение понятийного аппарата; наличие археологической периодизации и её объём; наличие или отсутствие иллюстративного и дополнительного материала по требуемым темам; количество и разнообразие заданий для акцентирования внимания учащихся.

УМК издательства «Просвещение» достаточно хорошо проработан: в него, помимо самого учебника, входят атлас, контурные карты, сборник рассказов, рабочая и контрольная тетради в двух частях [История России ... , 2016б, с. 59; История России ... , 2017]. В учебнике археологическая тематика рассматривается в первой главе, в рамках двух параграфов: «Древние люди и их стоянки на территории современной России» и «Неолитическая революция». Несмотря на обилие материала в данных параграфах, вводной информации по археологии в них мало. Она подана поверхностно, материал скомкан и сложен для восприятия, отсутствует логика изложения. В качестве заданий учебник издательства «Просвещение» предлагает ученику самому узнать причины археологической периодизации при помощи сети Интернет, а затем составить иллюстрирующую её схему в рабочей тетради и ответить на вопрос, почему элементы археологической периодизации имеют именно такие названия [История России ... , 2016а, с. 19]. В сборнике рассказов и на контурных картах каких-либо упоминаний, связанных с археологией, не выявлено.

Говоря об УМК для 6-го класса по истории России издательства «Дрофа», отметим, что по своему функционалу он меньше, чем УМК издательства «Просвещение»: в нём нет контурных карт, сборника рассказов. В учебнике материал выстроен логически. Текст адаптирован под возрастные особенности учащихся. В рамках первого параграфа –

«Древнейшие люди на территории Восточно-Европейской равнины» – дается полная (для 6-го класса) характеристика и описание археологической периодизации: указываются основные причины перехода от одного к другому этапу. Обязательными для изучения и запоминания определяются понятия «палеолит», «мезолит», «неолит», «неолитическая революция», «железный век». В параграфе дана градация некоторых периодов, уточняется, например, специфическая терминология нижнего (раннего) палеолита, чего не хватает учебникам «Просвещения» [История России с древнейших ... , 2019, с. 15]. Отдельного параграфа для неолитической революции не выделено. В качестве иллюстраций, сопровождающих каждый из периодов, предложены микролиты, орудия и оружие из железа, реконструкция захоронения детей со стоянки Сунгирь. Для закрепления материала предлагается фрагмент книги «Археология СССР» Д. А. Авдусина.

В рабочей тетради заданий, связанных с археологической тематикой, всего три, но следует отметить, что и они разнообразны: в первом задании предлагается нарисовать предметы, которыми пользовались древние люди, такой тип заданий помогает развивать в учащихся эмпатию [История России с древнейших ... , 2016, с. 5].

Второе задание предлагает дать определение различным понятиям («микролит», «бронза», «амулет» и др.). Такие задания позволяют закрепить полученные знания.

Третий тип заданий – работа с картой, на которой следует отметить стоянки людей каменного века, задания такого рода помогают развивать и получить метапредметные результаты.

Подводя промежуточные итоги, следует сделать вывод, что УМК издательства «Дрофа» является более предпочтительным в аспекте развития интереса к исторической науке, и археологии, в частности. Главные его плюсы – это более адаптированный текст учебника, качественные иллюстрации и разнообразие заданий. Не стоит забывать, что УМК является лишь подспорьем в работе учителя и полностью полагаться на них не стоит, а работа по выработке познавательного интереса к археологии не может ограничиваться урочными занятиями, а должна проводиться комплексно, т. е. не только в рамках уроков, но во внеурочных формах, включающих лекции, практикумы, экскурсии и т. д.

Несмотря на то что УМК «Дрофа» предлагает заметно более широкий набор заданий, связанных с археологией, по моему мнению, этого все же недостаточно. Для дальнейшего развития методических комплексов в аспекте знакомства с археологией выделим следующие моменты:

1. Переработка первых параграфов в контексте возрастных особенностей. Следует разделить материалы и скомпилировать их по смысловому значению, чтобы сведе-

ния, связанные с археологией, не были перемешаны с информацией о понятии «история», современной Россией и т. д.

2. Обратит внимание и выделить понятийный аппарат, а к существующим понятиям добавить: «археология», «археологическая культура». Дифференциация материала позволит раскрыть процесс становления и развития археологии, более подробно представить процесс выделения археологических культур и детально остановиться на наиболее значимых из них, а также указать основные отличия между ними. Описание процесса раскопок будет способствовать лучшему пониманию учащимися специфики поиска материала о прошлом людей.

3. Введение дополнительных заданий в рабочих тетрадях: добавление заданий на соотнесение понятий. Выполнение таких заданий учащимися предполагает вырезание фрагментов сосудов, на основе материала параграфа соотнесение их с определенной археологической культурой и склеивание на отдельной графе в рабочей тетради. Такой тип заданий активизирует познавательную деятельность детей и помогает в формировании образных представлений.

4. В контурных картах к существующим заданиям следует добавить региональный компонент, т. е. предложить учащимся на основе дополнительной информации выделить места наиболее известных археологических памятников в регионе, где они проживают, и указать их расположение на карте.

5. В конце учебника в разделе «Интернет-источники» стоило бы добавить сайты, связанные с археологией России, на которых особо заинтересованные учащиеся смогли бы продолжить знакомство с наукой.

Archaeology in the School Course of Russian History

E. V. Lavrinenko

The article provides a comparative analysis of textbooks in order to identify the best of them for use in schools to develop students' cognitive interest in the study of Archaeology. The main methodological techniques that are used in textbooks, workbooks and contour maps are analyzed. The criteria for evaluating teaching aids have been identified, the strengths and weaknesses of teaching aids have been indicated. The article provides a set of guidelines, a variety of tasks that will help the teacher and other interested people in organizing lessons and extracurricular activities in archaeology at school, archaeological clubs.

Keywords: school, textbook, school archaeology, comparative analysis.

Лавриненко Эдуард Владимирович

магистрант 1-го года обучения
Благовещенский государственный педагогический университет;
учитель истории, обществознания, права и экономики,
Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение
«Школа № 22 г. Благовещенска»
e-mail: iavrinenko@mail.ru

Lavrinenko Eduard Vladimirovich

Graduate student 1st year
Blagoveshchensk State Pedagogical University;
Teacher of History, Social Science, Law and Economics
Municipal Autonomous Educational Institution
“School No. 22 of Blagoveshchensk”
e-mail: iavrinenko@mail.ru

УДК 37:902/904-056.26

Социализация детей-инвалидов посредством школьной археологии*

А. А. Номоконов, А. А. Номоконова

Забайкальский центр специального образования и развития «Открытый мир», Чита, Россия

*Работа выполнена при поддержке Фонда президентских грантов, проект № 20-1-016550 «Интеграция в прошлое»

В статье представлен многолетний опыт работы с обучающимися, имеющими инвалидность по слуху, – глухими и слабослышащими детьми. Данная работа направлена на популяризацию археологии и культурного наследия Забайкалья у данной категории детей. В нашей деятельности археология выступает как объект исследования и, главное, как средство социализации детей с особыми образовательными потребностями. Социализация – это процесс «вхождения индивида в социальную среду» [Андреева, 2001, с. 193]. Изучение археологии даёт значительную возможность детям-инвалидам влиться в среду слышащих сверстников и взрослых.

Таким образом, дополнительный комплекс предложенных методических заданий позволит разнообразить уроки истории, посвященные археологии, поможет в формировании ценностных ориентаций у учащихся. Вкупе с другими формами работы, которые применяет учитель, это даст необходимый познавательный импульс для знакомства с наукой.

*Научный руководитель – О. А. Шеломихин,
канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой,
начальник музейного комплекса,*

*кафедра истории России и специальных
исторических дисциплин,
Благовещенский государственный
педагогический университет*

Список литературы

История России с древнейших времён до XVI века в 6 классе : раб. тетрадь / отв. ред. В. А. Клоков, Е. В. Симонова. М. : Дрофа, 2016. 80 с.

История России. 6 класс. Рабочая тетрадь : учеб. пособие для общеобразоват. организаций / отв. ред. И. А. Арташов [и др.]. М. : Просвещение, 2016а. 127 с.

История России. 6 класс: учеб. для общеобразоват. организаций. Ч. 1 / отв. ред. Н. М. Арсентьев [и др.]. М. : Просвещение, 2016б. 128 с.

История России. 6 класс. Сборник рассказов : учеб. пособие для общеобразоват. организаций / отв. ред. А. А. Данилов [и др.]. М. : Просвещение, 2017. 47 с.

История России. с древнейших времён до XVI века в 6 классе : учебник / отв. ред. И. Л. Андреев, И. Н. Федоров. М. : Дрофа, 2019. 240 с.

Теоретический блок поделен на четыре курса, каждый из которых изучается в течение учебного года, таким образом, срок реализации составляет четыре года. Занятия проводятся один раз в неделю.

Первый курс – «Археология Забайкалья от первобытности до позднего средневековья» – дает представления об основных периодах развития человеческого общества, о культурах, племенах и народах, проживавших на территории нашего края, и о типах археологических памятников.

Второй курс – «Первые кочевники Забайкалья» – посвящен изучению археологических культур эпохи позднего палеометалла (культура плиточных могил, дворцовая культура, культура херексуров). Ученики получают информацию о зарождении кочевого скотоводства и его влиянии на культуру племён, о широком применении бронзы и взаимодействии степных скотоводов с охотниками горно-таёжной области.

Третий курс – «Забайкалье в хунно-сяньбийское время» – в первую очередь знакомит учеников с титульными племенами данного региона – хунну и сяньби. Целый блок занятий посвящён дуройской и зоргольской культурам, которые ассоциируются с племенами сяньби. Обучающиеся получают основополагающие знания о первых кочевых империях и городской культуре номадов.

Четвёртый курс – «Средневековые кочевники Забайкалья» – содержит информацию о мире средневековых номадов и времени, когда переплетались судьбы тюркских, тунгусо-маньчжурских и монгольских народов. Обучающиеся изучают материальную культуру и погребальную обрядность бурхотуйской, дарасунской, раннемонгольской и уддугунской археологических культур. Также изучают раннесредневековые городища на р. Шилке и фортификационные сооружения киданей – «Вал Чингисхана».

Практический блок идет параллельно с теоретическим. На практических занятиях одновременно задействованы ученики всех курсов теоретического блока. Главная задача – визуализация информации для обучающихся, так как для лучшего понимания детям, имеющим ограничения по слуху, необходимо «потрогать» и «увидеть» сам материал и ее содержание. Обучающиеся в сопровождении педагогов и воспитателей посещают музеи, в которых есть археологические и этнографические экспозиции, проходят по маршрутам с археологическими объектами. Немаловажным здесь является привлечение археологов, краеведов и студентов. Они могут поделиться своими знаниями с учениками и расширить круг их общения, тем самым сти-

рая границу между слышащими и неслышащими, которая, к сожалению, присутствует.

В практической блок входит важный этап для социализации обучающихся – участие в археологической экспедиции. Экспедиция, несомненно, является самым ярким и эмоциональным моментом для учеников. Здесь они приобретают полученные теоретические знания на практике.

Обучающиеся принимали участие совместно с другими школьниками и студентами в полевых сезонах Верхнеамурской археологической экспедиции на территории Забайкалья:

- 1) в 2012 г. – ОАН «Зун-Карын» – погребальные комплексы палеометалла и раннего железного века;
- 2) в 2013 г. – ОАН «Могойтуй» – погребальные комплексы палеометалла и средневековья и каменоломня древнемонгольского времени в пади Могойтуй;
- 3) в 2014–2015 гг. – ОАН «Усть-Менза» – поселенческие комплексы палеолита – средневековья;
- 4) в 2016 г. – ОАН «Кондуйский дворец» – древнемонгольский дворцовый комплекс и находящиеся рядом могильники эпохи палеометалла – средневековья;
- 5) в 2018 г. – ОАН «Иволгинское городище» – городской комплекс хунно-сяньбийского периода;
- 6) в 2019 г. – ОАН «Кондуйский дворец».

Благодаря многодневному пребыванию в палаточном лагере, участию в совместных раскопках со своими сверстниками из обычных школ, студентами и преподавателями дети-инвалиды более эффективно социализируются, чем в условиях города. Они заводят знакомства, продолжают общаться и после завершения полевого сезона. Ученики получают новый опыт межличностных отношений и овладевают полезными навыками, которые применяются в повседневной жизни.

Археология как научная дисциплина обладает огромным образовательным потенциалом, изучая не только историю человека в узком смысле, но и самые разнообразные области его эволюции, материальную и духовную культуру [Номоконов, 2015, с. 128]. Археология в школе как элемент образовательного процесса способна выполнять не только просветительские функции, но и помогать детям-инвалидам социализироваться.

Список литературы

Андреева Г. М. Социальная психология : учеб. для высш. учеб. заведений. М. : Аспект Пресс, 2001. 290 с.

Номоконов А. А. Организация археологического кружка как способ социализации слабослышащих детей в общество // Детство, открытое миру. Омск, 2015. С. 128–130.

Socialization of Disabled Children with Disabilities through the School Archaeology

A. A. Nomokonov, A. A. Nomokonova

The article discusses school archeology as a means of helping socialize hearing-impaired children in society. The article presents the experience of the archaeological club "Search for disappeared cultures (SDC)". And the content of a special educational program of archaeological and tourist orientation is shown. This program is implemented in the public educational institution Zabaykalsky Center for Special Education and Development Open World. The program is divided into two blocks: theoretical and practical. Theory – students receive speculative information about the ancient population of Transbaikalia. Practice – students visit museums and archaeological sites, and participate in an archaeological expedition.

Keywords: school archaeology, local history, socialization of disabled children.

Номоконов Алексей Александрович

директор
Забайкальский центр специального образования
и развития «Открытый мир»
e-mail: aleksei.nomokonoff@yandex.ru

Номоконова Анастасия Александровна

воспитатель
Забайкальский центр специального образования
и развития «Открытый мир»
e-mail: bologovaan@mail.ru

Nomokonov Aleksei Aleksandrovich

Director
Zabaykalsky center of special education
and development "Open world"
e-mail: aleksei.nomokonoff@yandex.ru

Nomokonova Anastasia Aleksandrovna

Educator
Zabaykalsky center of special education
and development "Open world"
e-mail: bologovaan@mail.ru

Региональная археология в научно-справочном проекте «Энциклопедия Забайкалья»

Е. М. Шайхудинова

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

«Энциклопедия Забайкалья» (ЭЗ) – региональный научный универсальный справочный проект, состоящий из нескольких книжных серий и предназначенный для специалистов в различных областях знания и сферах деятельности, а также для широкого круга читателей. Проект реализован по инициативе и под руководством губернатора Забайкальского края Р. Ф. Гениатулина.

В серии «Малая энциклопедия Забайкалья» (МЭЗ), изданной под грифом Российской академии образования, опубликован том «Археология» [2011] (рис., 1). В томе

представлен развёрнутый общий очерк «Историческое наследие в археологических открытиях и эпохах». Материал в нём изложен последовательно: эпоха камня, эпоха металла, эпоха средневековья. В каждом разделе описаны общие черты эпох, представлены конкретные памятники археологии, выделены археологические культуры. В конце общего очерка указана литература по археологии и этнографии, в которой можно найти информацию о памятниках, культурах, исследователях Забайкалья.

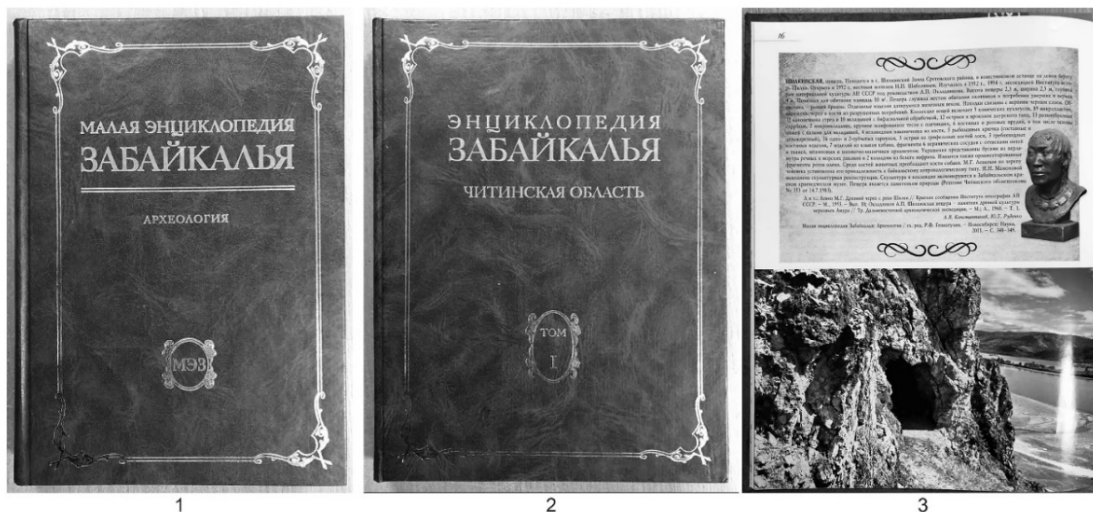

Рис. Издания научно-справочного проекта «Энциклопедия Забайкалья»:
1 – Малая энциклопедия Забайкалья: «Археология»; 2 – Энциклопедия Забайкалья: «Читинская область», том I;
3 – Альбомная серия «Энциклопедии Забайкалья»

В алфавитном разделе тома «Археология» содержатся статьи, посвящённые следующим понятиям: «этносы»; «археологические культуры»; «археологические памятники»; «комплексы археологических памятников»; «этноархеологические памятники»; «экспедиции»; «учреждения»; «музеи»; «фонды»; «экспонаты»; «уникальные находки»; «конференции»; «симпозиумы»; «издания»; «природная среда»; «науки» и «научные направления». Памятники подразделяются по видам: поселения, стоянки, местонахождения; жертвенники; городища, городки; погребения, могильники; пещеры; остроги, оборонительные и пограничные сооружения; клады. Особое внимание уделено персоналиям учёных, проводивших исследования в Забайкалье.

Под всеми статьями указаны их авторы. Большинство статей сопровождаются краткой библиографией. Основной акцент сделан на региональных изданиях, хотя присутствуют издания авторов из Иркутска, Владивостока, Новосибирска.

Иллюстративная часть представлена достаточно развёрнуто. В томе размещена цветная карта Забайкальского края в масштабе 1:5 000 000 с обозначением позиций археологических памятников. Всего отмечено 120 памятников. По карте можно увидеть уровень изученности региона – в большей степени исследования проводились в его южной части. Иллюстративная часть также представлена цветными и чёрно-белыми фотографиями персоналий и памятников, чертежами различных объектов, изображениями реконструкций и находок.

Для облегчения поиска необходимых сведений по тому или иному вопросу в энциклопедии применяется си-

стема ссылок. Название статьи, на которую даётся ссылка, набрана курсивом. Это означает, что в энциклопедии есть отдельная статья под таким названием.

Материалы по археологии Забайкалья нашли отражение в других сериях «Энциклопедии Забайкалья». Первый том [2002] (рис., 2) четырёхтомника «Энциклопедия Забайкалья. Читинская область» представлен в форме общего очерка. В него включен раздел «История», внутри которого раздел «Древность и средневековье». Во втором [2004], третьем [2006а] и четвёртом [2006б] томах «Энциклопедии Забайкалья» имеются статьи о культурах (бурхотуйская, дворцовая культуры, культура плиточных могил и др.) и памятниках (Ишикан, Кондуй, Малета, Гутайский грот, Унго и др.), а также персоналиях, посвящённых крупным учёным.

В томе ЭЗ «Агинский Бурятский округ» [2009] также есть раздел «Археология» с отражением памятников и локальных культур. Ряд статей посвящён культовым архитектурным и природно-историческим объектам.

В томе МЭЗ «Природное наследие» [2009] представлен большой пласт археологических памятников, которые расположены на особо охраняемых природных территориях. Например, с Быркинскими скалами связаны петроглифы, а рядом с ними обнаружено святилище и жертвенник. В Шилкинской пещере, известной как природный объект, выявлено погребение.

В томе МЭЗ «Культура» [2009] дан общий очерк «Культурно-историческое поле Забайкалья», который начинается с обозначения того, что человек в Забайкалье появился в древнекаменном веке. Далее идёт последова-

тельное обозначение развития его быта, культуры, религии. В том включены статьи о памятниках археологии, на базе которых проводились исследования. В отдельных статьях отражены важнейшие элементы и проявления первобытной и средневековой культуры («Голбагинский медведь», «Буддийские элементы в средневековых памятниках» и др.).

В томе МЭЗ «Наука и образование» [2010–2011] содержатся статьи, посвященные наукам, таким как археология, этнография, палеонтология, палеоэкология, палеоэкология человека, а также статьи, посвященные экспедициям, конференциям, в том числе читинским РАЭСКом, и крупным исследователям. Том включает в себя статьи о музеях, коллекции которых наполняют археологические находки. Отметим, что крупнейшим музеем на территории Забайкальского края является Музей археологии Забайкалья им. И. И. Кириллова, в котором представлены материалы от нижнего палеолита до Новейшего времени.

Особый интерес вызывает альбомная серия «Энциклопедии Забайкалья» (рис. 3), состоящая из пяти томов, изданных в 2011–2015 гг. [Чита ... , 2011; Нерчинск, 2013; БАМ ... , 2014; Сретенск, 2014; Нерчинский Завод, 2015]. Книжки этой серии построены на материалах ЭЗ с привлечением дополнительных источников и богато проиллюстрированы изображениями археологических находок, памятников, раскопок. Например, имеются снимки материалов с раскопа с. Засопошное, плиточных могил, петроглифов, костей животных, инвентаря, средневековых городищ по р. Шилке и т. д.

Regional Archaeology in the Reference Project “Encyclopedia of Transbaikalia”

E. M. Shaykhudinova

Archaeology of Transbaikalia was fully reflected in the scientific and reference project “Encyclopedia of Transbaikalia”. The project was implemented on the initiative and under the leadership of the Governor of the Transbaikalian Territory R. F. Geniatulin. A systematic presentation of regional archaeology was carried out in the volume “Archaeology” from the series “The Small Encyclopedia of Transbaikalia”. In addition, various articles of archaeological content were included in the volumes of The Small Encyclopedia of Transbaikalia: “Culture”, “Natural Heritage”, “Science and Education”. Much attention is paid to Transbaikalian antiquities in the 4-volume book “Encyclopedias of Transbaikalia” in the volume “Aginsky Buryat District” and “Album Series”.

Keywords: Archaeology, Transbaikalia, Encyclopedia of Transbaikalia, scientific publication, sites of archaeology, researchers, education, culture.

Шайхудинова Екатерина Максимовна
студент 3-го курса
Забайкальский государственный университет
E-mail: katusha.shaykhudinova@mail.ru

Shaikhudinova Ekaterina Maksimovna
Student 3rd year
Transbaikalian State University
E-mail: katusha.shaykhudinova@mail.ru

УДК 902/904(571.55)(091)

О юбилейных датах забайкальской археологии

С. Б. Верещагин, И. В. Верещагина

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

2020 г. имеет особое значение для историографии забайкальской археологии. Мы отмечаем несколько значимых юбилеев, о которых необходимо помнить и знать молодым исследователям.

В 2020 г. исполняется 285 лет с начала первых научных раскопок за Байкалом и на Дальнем Востоке. Событие связано с работой профессора Г. Ф. Миллера, который в ходе своей академической экспедиции на территории Забайкалья, помимо естественно-научных изысканий, провел научные археологические работы [Диков, 1958, с. 8; История Сибири, 1968, с. 15; Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, с. 7; Константинова, 2000, с. 85; Константинов, Константинова, 2011, с. 53]. Исполнителем работ был сотрудник экспедиции, студент Петербургской академии, Алексей Горланов [Кириллов, Рижский, 1973, с. 3; Гришин, 1975, с. 8; Миллер, 1999, с. 518; Балабанов, 2000, с. 64; Беспалько, 2010, с. 7; Константинов, 2011а, с. 100; Константинова, Константинов, 2018, с. 111]. Первые научные раскопки на

Археологические материалы из «Энциклопедии Забайкалья» широко используются в научной, учебной, просветительской и профориентационной работе.

Научный руководитель – М. В. Константинов
д-р ист. наук, профессор,
кафедра отечественной истории,
Забайкальский государственный университет

Список литературы

- БАМ. Каларский район. Чита : ЗабГУ, 2014. 400 с. (Альбомная серия «Энциклопедии Забайкалья»).
- Малая энциклопедия Забайкалья: Природное наследие. Новосибирск : Наука, 2009. 698 с.
- Малая энциклопедия Забайкалья: Культура : в 2 ч. Новосибирск : Наука, 2009. 898 с.
- Малая энциклопедия Забайкалья: Наука и образование. Новосибирск : Наука, 2010–2011. 1145 с.
- Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. Новосибирск : Наука, 2011. 368 с.
- Нерчинск. Чита : ЗабГУ, 2013. 432 с. (Альбомная серия «Энциклопедии Забайкалья»)
- Нерчинский Завод. Чита : ЗабГУ, 2015. 520 с. (Альбомная серия «Энциклопедии Забайкалья»)
- Сретенск. Чита : ЗабГУ, 2014. 444 с. (Альбомная серия «Энциклопедии Забайкалья»)
- Чита: Страницы истории. Чита : ЗабГГПУ, 2011. 336 с. (Альбомная серия «Энциклопедии Забайкалья»)
- Энциклопедия Забайкалья. Агинский Бурятский округ. Новосибирск : Наука, 2009. 352 с.
- Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. Новосибирск : Наука, 2002. Т. 1. 302 с.
- Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. Новосибирск : Наука, 2004. Т. 2. 420 с.
- Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. Новосибирск : Наука, 2006а. Т. 3. 526 с.
- Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. Новосибирск : Наука, 2006б. Т. 4. 526 с.

Г. Ф. Миллер определил для раскопок А. Горланову крупный курганный комплекс у дер. Нижнее Городище на р. Шилке. Г. Ф. Миллер пишет: «В Нерчинск ехавши, усмотрел я на берегу р. Шилка, при деревне Нижнее Городище много древних курганов вместе и вознамерился разрыть некоторые из оных» [1999, с. 518]. Судя по датам переписки Г. Ф. Миллера с нерчинской воеводской канцелярией, работы А. Горланова были начаты в конце июля 1735 г. Им весьма тщательно было раскопано 15 погребений. Результатом раскопок стало обнаружение довольно скромного остеологического материала. Уже 10 августа 1735 г. он доставил полученные в ходе исследований находки в Читинский острог Г. Ф. Миллеру [Беспалько, 2010, с. 7–8].

В 2017 г. авторами статьи было установлено место раскопок студента Алексея Горланова. Ранее считалось, что следы этого могильника не сохранились [Константинов, Константинов, 2018, с. 111]. В процессе исследования объекта в 2017 г. выявлено, что могильник расположен в самом истоке р. Шилки, на её левом берегу. Он располагался на мысовидном отроге сопки среди скальных выходов. С этого места открывается живописный вид на слияние рек Ингоды и Онона. Территория объекта повреждена карьером, организованным при строительстве и обслуживании Транссибирской железной дороги. Сохранилось 11 каменных кладок прямоугольной формы, характерных для погребальной традиции «культуры плиточных могил». Размеры 10 выкладок – 2×3 м, одной – 2×1 м. Ориентация сооружений по длинной оси – запад – восток. Кладки вытаны по склону двумя цепочками по направлению с юга на север и занимают небольшие площадки в седловинах между скальными выходами. У большинства из них потревожены восточные секторы. Внутреннее пространство трех кладок, расположенных рядом друг с другом, выбрано полностью. Судя по задернованным отвалам грунта и оплывшим ямам внутри кладок, данные погребения могли раскапываться А. Горлановым [Верещагин, 2020].

Также в ходе исследований обнаружено, что у большинства кладок отсутствуют крупные плиты ограды. Вероятнее всего, они могли быть использованы для строительных целей местным населением ещё до прохождения в этих местах Транссибирской железной дороги или же непосредственно строителями при её сооружении. Подобные факты применения элементов конструкций древних погребений при строительстве хорошо известны и отмечались исследователями древностей ещё в XIX в. [Кузнецов, 1893; Мамкин, Белоусов, 2014, с. 166]. Мы считаем, что плиты данного могильника могли использовать при строительстве Введенской церкви, построенной в начале XIX в. и расположенной в близлежащей дер. Нижнее Городище (ныне с. Казаново Шилкинского района Забайкальского края). В 2017 г. авторами статьи были обследованы развалины этой церкви. Установлено, что в качестве фундамента церкви была подготовлена площадка, вымощенная крупными каменными плитами, размеры, конфигурация, характер обработки, сырьё и сохранность которых во многом сходны с плитами входящих в конструкции кладок могильника, изучавшегося в 1735 г. А. Горлановым.

Работы студента Петербургской академии А. Горланова, участника экспедиции Г. Ф. Миллера, несмотря на скромный результат, можно считать научным стартом для забайкальской археологической науки, одним из важных этапов и достижений которой является, на наш взгляд, создание Музея археологии Забайкалья. В 2020 г. ему исполняется 50 лет. Он был создан в 1970 г. в стенах Читинского государственного педагогического института по инициативе И. И. Кириллова [Константинов, 2011б, с. 216].

За 50 лет своего существования Музей археологии Забайкалья пережил несколько переездов, резкспозиций, смену названий и руководства вузов, но он по-прежнему остаётся университетским музеем, включённым в образо-

вательный процесс. В экспозиции музея представлены подлинные артефакты, полученные в ходе многолетних полевых работ вузовских археологических экспедиций – Верхнеамурской и Чикойской. Большинство экспонатов музея проиллюстрированы основные монографические и энциклопедические издания о древнейших этапах истории Забайкалья [Окладников, Кириллов, 1980; Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984; Константинов, 1994; Кириллов, Ковычев, Кириллов, 2000; Малая энциклопедия ... , 2011; Мороз, 2014].

В настоящий момент Музей археологии Забайкалья входит в состав Научно-образовательного музейного центра Забайкальского государственного университета. Согласно требованиям современного законодательства музей ведёт учёт своих экспонатов в комплексной автоматизированной музейной системе (КАМИС) с публикацией их на сайте Государственного каталога Музейного фонда РФ.

Помимо учётных и образовательных функций, музей не раз выступал в качестве научной площадки для проведения археолого-этнографических конференций с различным научным статусом и географией участников. Среди них и первый в Чите РАЭСК, с момента проведения которого прошло уже 40 лет. Читинская РАЭСК, получившая порядковый номер XX, прошла в 1980 г. [Константинов, 2011в, с. 258]. Как отмечает участник и один из организаторов этой конференции профессор М. В. Константинов, «конференция получилась представительной», «к тому времени в вузе уже три года действовала новая экспозиция Музея археологии (в других сибирских вузах таких музеев ещё не было), что позволило наглядно продемонстрировать наши археологические достижения» [Константинов, 2016, с. 12]. В дальнейшем РАЭСКи проходили в Чите ещё несколько раз, в 1988, 1999 и недавно, в 2016 г.

Отмечая юбилей, мы невольно подводим и итоги. Несмотря на ранний старт забайкальской археологии и значительные успехи в 70–80-х гг. XX в., к настоящему времени полноценная научная школа в Чите так и не сложилась, хотя для этого были все предпосылки и стремления. Но всегда есть надежда на молодых исследователей, молодых РАЭСКовцев! Дерзай, молодёжь!

Список литературы

- Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. Новосибирск : Наука, 1984. 200 с.
- Балабанов В. Ф. Горланов Алексей // Исследователи Восточного Забайкалья. Библиографический справочник. Материалы к «Энциклопедии Забайкалья». Чита, 2000. Вып. 5. С. 64.
- Беспалько Д. Н. Археологическое изучение Забайкалья Академическим отрядом в 1735 г. // Гуманитарный вектор. 2010. № 4 (24). С. 5–9.
- Верещагин С. Б. Археологические разведки на территории юго-восточного Забайкалья в 2017 г.: научный отчёт. Чита, 2020. 100 с.
- Гришин Ю. С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. М. : Наука, 1975. 230 с.
- Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958. 106 с.
- История Сибири. Древняя Сибирь. Л. : Наука, 1968. Т. 1. 453 с.
- Кириллов И. И., Рижский М. И. Очерки древней истории Забайкалья: учеб. пособие. Чита, 1973. 138 с.
- Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Кириллов О. И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. 175 с.
- Константинов М. В. Каменный век Байкальского региона Восточной Азии. Улан-Удэ ; Чита, 1994. 266 с.
- Константинов М. В. Горланов // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. Новосибирск, 2011а. С. 100.
- Константинов М. В. Музей археологии Забайкалья ЗабГТПУ // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. Новосибирск, 2011б. С. 216.
- Константинов М. В. Региональные археолого-этнографические студенческие конференции // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. Новосибирск, 2011в. С. 258.
- Константинов М. В. К истории РАЭСКов // Материалы LVI Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных (Сибирская археология и этнография: вклад молодых исследователей). Чита, 2016. С. 9–15.

Константинов М. В., Константинова Т. А. Археологические исследования Г. Ф. Миллера в Забайкалье // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб. ; М. ; Великий Новгород, 2011. Т. 1. С. 52–53.

Константинова Т. А. Миллер Герард Фридрих // Персоналии. Материалы к «Энциклопедии Забайкалья». Чита, 2000. Вып. 4. С. 85.

Константинова Т. А., Константинов М. В. Горные инженеры и литераторы о древностях Забайкалья // Материалы науч.-практ. конф. к 100-летию гос. архив. службы России. Чита, 2018. С. 110–113.

Кузнецов А. К. Археологические изыскания в юго-восточной части Забайкалья летом 1892 г. // Изв. ВСОРО. Иркутск, 1893. Т. XXIV. № 2. (Отдельный оттиск, 8 страниц).

Малая энциклопедия Забайкалья: Археология / гл. ред. Р. Ф. Генятулин. Новосибирск : Наука, 2011. 368 с.

Мамкин А. М., Белоусов В. Е. Мегалиты – исчезающие археологическое наследие Забайкалья // Забайкалье: природа, экономика, история, культура: Материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 120-летию Забайкальского регион. отд-ния Рус. геогр. о-ва (Чита, 15–16 окт. 2014 г.). Чита, 2014. С. 161–168.

Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1. 601 с.

Мороз П. В. Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья. Чита : Экспресс-издательство, 2014. 181 с.

Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск : Наука, 1980. 176 с.

On the Anniversary Dates for Transbaikal Archaeology

S. B. Vereshchagin, I. V. Vereshchagina

The article is devoted to important anniversary events for Transbaikal Archaeology. 285 years have passed since the first scientific archaeological excavations conducted by student A. Gorlanov. He was a member of the academic expedition of G. F. Miller. In 1735, A. Gorlanov excavated a large burial ground (15 burials) near the village of Nizhnee Gorodishche (Kazanovo village) on the river Shilka. In 2017, the authors of the article established the location of this burial ground and its current state. 11 burials have been preserved here “Culture of tiled graves”. This is followed by the anniversary of the creation of the Museum of Archeology of Transbaikal – 50 years. At the moment, the Museum is part of the Scientific and Educational Museum Center of the Transbaikal State University. Anniversary of the first Russian archaeological and ethnographic student conference in Chita – XX, in 1980.

Keywords: Transbaikal archaeology, first scientific excavations beyond Lake Baikal, Museum of Archaeology of Transbaikalia, archaeological and ethnographic student conference in Chita.

Верещагин Сергей Борисович

заведующий, Музей археологии Забайкалья,
научно-образовательный музейный центр
Забайкальский государственный университет
e-mail: forevich@inbox.ru

Vereshchagin Sergei Borisovich

Head, Museum of Archaeology of Transbaikalia,
Scientific and Educational Museum Center
Transbaikal State University
e-mail: forevich@inbox.ru

Верещагина Ирина Викторовна

магистрант 2-го года обучения
Забайкальский государственный университет
e-mail: forevich@inbox.ru

Vereshchagina Irina Viktorovna

Graduate student 2nd year
Transbaikal State University
e-mail: forevich@inbox.ru

УДК 902(470.41)

История Елабужской археологической экспедиции

Д. О. Касаева

*Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета,
Елабуга, Россия*

История Елабужской археологической экспедиции (ЕАЭ) берет свое начало в далеком 1994 г. Идея создания экспедиции принадлежит Альберту Зуфаровичу Нигамеэву, который остается бессменным руководителем. Целью организации кружка и экспедиции являлась подготовка студентов исторического отделения к летней археологической практике и непосредственное участие в ней.

Елабужская археологическая экспедиция всегда находила помощь и поддержку. С первых дней основания экспедиции помощь оказали казанские ученые Ф. Ш. Хузин и Г. М. Давлетшин. Они обучили студентов камеральной обработке находок, составлению полевой документации.

В подготовке к полевому сезону и проведению археологической практики помощь оказывало руководство Елабужского института и Елабужского государственного музея-заповедника. Непосредственное участие в жизни экспедиции принимают выпускники археологического кружка.

Елабужская археологическая экспедиция на протяжении 25 лет проводит исследования на таких крупных средневековых памятниках, как Елабужское, Кирменское, Староромашкинское городища и т. д.

В 1990–2000-е гг. археологическая экспедиция участвовала в 12 экспедициях по изучению Кирменского, Чаллынского, Омарского и Елабужского городищ. Были сделаны десятки научных открытий, среди которых можно выделить: средневековый посад Елабуги, пять некрополей, два селища в Кирменях, исследование исторической части г. Елабуги. Комплекс находок, обнаруженных в ходе археологических раскопок, легли в основу фонда археологического музея Елабужского института КФУ. Последние исследования Елабужского и Кирменского городищ были проведены в июле 2019 г.

В 2013 г. территориальные рамки исследований Елабужской археологической экспедиции расширились. По заказу Чистопольского музейного объединения были проведены охранно-спасательные работы на одном из городищ Волжской Болгарии домонгольского периода – Староромашкинском городище. Основной целью было определение масштабов разрушений памятника и проведение раскопок на северо-западной части внутренней площадки городища, где наиболее интенсивно разрушается край склона [Нигамеэв, 2018, с. 7]. В 2016–2017 гг. осуществлялось дальнейшее изучение памятника. Результатом археологических раскопок было выявление в культурном слое интересного комплекса средневековой гончарной и лепной керамики, а также индивидуальных находок. Материалы, собранные в результате исследования, были изучены и переданы Чистопольскому государственному музею-заповеднику.

В 2014 г. Елабужская археологическая экспедиция приняла участие в исследовании Болгарского городища – одного из крупнейших городищ эпохи средневековья в Восточной Европе. Раскопки проводились совместно с Институтом археологии АН Республики Татарстан. В 2015 г. Елабужская экспедиция приняла участие в раскопках на Билярском городище, проводимых Билярской археологической экспедицией под руководством Ф. Ш. Хузина.

Елабужская археологическая экспедиция также осуществляет подготовку и проведение летней археологической практики студентов-первокурсников исторического отделения Елабужского института. За 25 лет в археологической экспедиции приняли участие более 500 студентов. Археологические раскопки не только путь к научной дея-

тельности, но и возможность для социализации первокурсников, сближения их друг с другом. Экспедиция помогает привлечь первокурсников к археологической деятельности и последующему вступлению в ряды членов Елабужской археологической экспедиции.

По окончании полевого сезона члены археологической экспедиции, которые являются основой археологического кружка, проводят разбор и обработку предметов, обнаруженных на раскопках, зарисовку и перевод в электронный вариант находок, хранение и предоставление книг студентам исторического отделения, организуют экскурсии в археологическом музее, осуществляют обработку металлических материалов, найденных во время археологических раскопок, а также подготовку инвентаря к новому полевому сезону. Студенты археологического кружка принимают активное участие в знаковых мероприятиях, форумах, сборах, конференциях.

В 2019 г. археологический кружок и Елабужская археологическая экспедиция отпраздновали свое 25-летие. За эти годы экспедицией были исследованы памятники Прикамья, сделаны десятки научных открытий, проведена огромная работа по изучению материалов, найденных в

ходе археологических раскопок. Елабужская археологическая экспедиция не перестает пополняться новыми кадрами.

Елабужская археологическая экспедиция строит планы на будущее – развиваться, учиться новому, но в то же время следить за сохранением традиций, уважая свою историю, так как археология – живая наука, которая претерпевает бурные изменения и совершенствование методик на постоянной основе.

*Научный руководитель – М. С. Купцова
науч. сотр., зав. лабораторией
археологии и этнографии,
Елабужский институт,
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Научный консультант – А. З. Нигаматов
канд. ист. наук, доцент,
кафедра всеобщей и отечественной истории,
Елабужский институт, Казанский (Приволжский)
федеральный университет*

Список литературы

Нигаматов А. З. Отчет об охранно-спасательных археологических раскопках на Староромашкинском городище Чистопольского района Республики Татарстан (раскоп IV) в 2017 году. Елабуга, 2018. 165 с.

History of the Yelabuga Archaeological Expedition

D. O. Kasaeva

The article tells about the history of the formation of the Yelabuga archaeological expedition. The subject and results of research over the past twenty-five years of archaeological sites. Over 25 years of research by the Yelabuga archaeological expedition, a number of monuments of the Volga region were studied. Important archaeological discoveries were made. The article also talks about the collaboration of the Elabuga archaeological expedition with the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan and the Elabuga State Museum-Reserve. An integral part of the expedition is the archaeological club. Students of the circle are engaged in the study of materials found in archaeological excavations, in preparation for the new field season. The article also talks about the goals and prospects of the development of the Yelabuga archaeological expedition.

Keywords: Yelabuga archaeological expedition, Archaeology, Kirmen fortification, Elabuga fortification, excavations.

Касаева Дарья Олеговна

студент 4-го курса, Елабужский институт
Казанский (Приволжский) федеральный университет
e-mail: dasha.kasaeva1998@gmail.com

Kasaeva Dariya Olegovna

Student 4th year, Yelabuga Institute
Kazan (Volga Region) Federal University
e-mail: dasha.kasaeva1998@gmail.com

УДК 930.85 (5-012)

Сиратори Куракити: японский исследователь древней и средневековой истории Востока Азии

Д. В. Соколов

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Японский историк Сиратори Куракити (白鳥庫吉) родился в 1856 г. в семье крестьянина из префектуры Тиба. Там же он окончил среднюю школу. Одним из его преподавателей в школьные годы был японский историк и педагог Нака Митиё, предтеча японского востоковедения, высоко оценивший исследовательский потенциал Сиратори. В 1886 г. Сиратори поступил на историческое отделение Токийского императорского университета, которое окончил в 1890 г. После окончания университета Сиратори стал читать лекции по истории стран Востока студентам Университета Гакусюин. В 1904 г. Сиратори по совместительству стал профессором Токийского императорского университета [Нагуенауер, 1959, р. 96]. С 1914 г. на протяжении семи лет Сиратори преподавал историю кронпринцу Японии в придворной школе. В 1921 г. Сиратори оставил преподавание в Университете Гакусюин и стал штатным профессором исторического факультета Токийского императорского университета. В 1923 г. он занял пост директора научно-исследовательского отдела библиотеки Тоё бунко. В 1925 г. Сиратори ушёл с поста профессора Токийского университета по возрасту, скончался в 1942 г. в возрасте 77 лет [Утихо Ацуси, 2017, с. 15].

Сиратори Куракити отличался широтой научных интересов, он занимался изучением японской древности,

синологией; исследовал вопросы происхождения народов Северо-Восточной и Северной Азии, словом, в сферу его интересов входил практически весь конфуцианский культурный регион – Китай, Корея, Япония. В исследовательском процессе Сиратори использовал достижения широкого круга научных дисциплин. В их перечень входят лингвистика, география, религиоведение, фольклористика, антропология и мифология. Деятельность Сиратори послужила формированию и становлению японского востоковедения, за что его называют одним из пионеров ориенталистики в Японии. Начав с изучения истории Кореи, Сиратори вскоре стал изучать генеалогические связи между Маньчжурией, Монголией, тем самым подготовив фундамент для дальнейших археологических, антропологических, этнографических исследований региона.

Сиратори был вдохновлён победой Японии в Русско-японской войне 1904–1905 гг., приветствовал японскую экспансию в Восточной Азии. По этой причине он считал необходимым наращивать объём знаний о соседних странах и народах, потенциальных кандидатах в «семью народов» под покровительством Японии. Сиратори обратился к главе ЮМЖД Симпёю Гото с прошением о поддержке в проведении экспедиции в недавно приобретённый империей район (Маньчжурия и Корея) и организации исследо-

вательского общества под названием «Кабинет историко-географических исследований» (Мантэцу тэ:сабу 滿鉄調査部)[Цукасэ Сусуму, 2011, с. 40]. В сотрудничестве с молодыми исследователями Ватари Янай, Инаба Ивакити, Цуда Сокити и другими Сиратори изучал историю формирования границ внутри Маньчжурии. Методологически его исследования представляли собой обзор территорий и анализ письменных источников. Археологические раскопки на тот момент ещё не проводились. На основе материалов экспедиции в 1913 г. под редакцией Сиратори был издан труд «Историческая география Маньчжурии» (Мансю: рэкиси тири, 滿州歴史地理). Данные исследований Сиратори и его коллег заложили основу для будущих разработок японских археологов в Северо-Восточной Азии. Вскоре исследовательская организация перебазировалась в Токийский университет. В 1915–1941 гг. в сборниках исследований Кабинета публиковали результаты своих исторических, антропологических и археологических изысканий передовые японские учёные, такие как историк Цуда Сокити, антрополог и этнограф Тории Рюдзо, археологи Хамада Косаку и Миками Цугио [Hyung, 2000, p. 24].

Помимо историко-географических исследований, Сиратори занимался изысканиями в области этногенеза тунгусо-маньчжурских и монгольских народов, также вопросом отдельной важности было для него происхождение корейского этноса. Предположения об этногенезе народов Сиратори делал на основе анализа древних письменных источников, мифов, лингвистического анализа лексики языков этих этнических групп. К примеру, в вопросе происхождения хунну (сюнну) Сиратори изначально придерживался тюркской теории, однако в своей статье *Sur l'origine des Niung-nu* (1923 г.) он сообщил о пересмотре своих взглядов. На данных лингвистического анализа нескольких десятков слов языка хунну Сиратори склонился в сторону маньчжуро-монгольского источника их происхождения [Shiratori, 1923].

Историю Маньчжурии и Кореи Сиратори рассматривал в едином контексте. Такой взгляд на историю этих двух регионов был характерен и для его коллег-современников, например Инаба Ивакити, Тории Рюдзо, Икэути Хироси. Сиратори одним из первых среди японцев стал заниматься исследованием древних корейских легенд, в том числе легенды о Тангуне. Происхождение корейского этноса он считал тесно связанным с тунгусо-маньчжурскими племенами сушэнь, сяньби и илоу [Hyung, 2000, p. 27]. Также Сиратори занимался изучением стелы Квангэтхо-вана (414 г.), с текстом которой японские историки впервые ознакомились в 1884 г. В тексте упоминались вооружённые вторжения Ямато на территорию Корейского полуострова и существование некой страны Мимана на юге полуострова [Рю, 1975, с. 12–14]. Мимана упоминается также в японских хрониках «Нихон сёки», однако при учете данных корейских и китайских письменных и археологических источников возможность какого-либо значительного влияния Ямато на политическую ситуацию на Корейском полуострове в V–VI вв. отвергается современными специалистами. В. М. Тихонов и Кан Мангиль склонны рассматривать Мимана как торгово-дипломатическое представительство, нежели как колонию Ямато [Тихонов, Кан, 2001, с. 111]. Несмотря на это, даже какая-то степень возможности влияния Ямато на политический климат протокорей-

ских государств вызывала неподдельный интерес у националистически настроенных японских историков, одним из которых был и Сиратори. С точки зрения империалистов, сам факт существования Мимана, возможного японского поселения на территории Корейского полуострова, должен был служить одним из оснований для легитимизации японской экспансии в Корею.

В современной японской историографии личность Сиратори Куракити оценивается неоднозначно. Сиратори, несомненно, является одним из пионеров в области японских востоковедческих исследований нового типа. Получив не только традиционное, заточенное под изучение древних иероглифических текстов, но и реформированное университетское образование, обучавшийся у западных специалистов и стажировавшийся за границей, Сиратори был уникальным специалистом своего времени. Он одним из первых японских учёных стал применять западную позитивистскую методологию и текстологическую критику в своих исследованиях. При его поддержке создавались исследовательские общества, была сформирована крупнейшая востоковедческая библиотека Японии Тоё бунко [Утихо Ацуси, 2017, с. 15]. При этом Сиратори был ангажирован, являлся сторонником политической и военной экспансии Японской империи. Обоснование актуальности своих исследований Сиратори находил в их практической пользе для японского правительства. Примером могут служить вышеупомянутые изыскания Сиратори в области исторической географии Маньчжурии и Кореи, которые не в последнюю очередь должны были помочь «практическому управлению Кореей» японцами [Рю, 1975, с. 22–23].

Однако, несмотря на несогласие большинства современных японских историков с политическими взглядами Сиратори, отрицать научность его исследований и роль его вклада в становление японского востоковедения не представляется возможным [Утихо Ацуси, 2017, с. 17].

*Научный руководитель – С. В. Алкин,
канд. ист. наук, доцент,
кафедра археологии и этнографии,
кафедра востоковедения,
Гуманитарный институт,
Новосибирский государственный университет*

Список литературы

- Рю Хакку. Проблемы ранней истории Кореи в японской историографии. М.: Наука, 1975. 200 с.
- Тихонов В. М., Кан Мангиль. История Кореи. М.: Наталис, 2011. Т. 1. 533 с.
- Утихо Ацуси. Сиратори Куракити-но рэкиси кё:ику ни цуитэ = 白鳥庫吉の歴史教育について = Об историческом образовании Сиратори Куракити // Ежегодный бюллетень университета Гакусюин. 2017. № 3. С. 15–25.
- Цукасэ Сусуму. Сэндзэн, сэngo ни окэру мантюриса си кэнкю: но сэйка то мондайтэн [戦前、戦後におけるマンチュリア史研究の成果と問題点]. Достижения и проблемы исследований по истории Маньчжурии в довоенный и послевоенный периоды // Бюллетень университета Нагано. 2011. № 32. Р. 247–278.
- Hagenauer C. Les publications récentes de l' "Oriental Library" (Тоё-бунко) // *Revue historique*. Tokyo, 1959. Is. 122. P. 90–98.
- Hyung Il Pai. Constructing "Korean" Origins: A Critical Review of Archaeology, Historiography, and Racial Myth in Korean State-formation Theories. Harvard University Asia Center, 2000. 543 p.
- Shiratori K. Sur l'origine des Hiong-nu // *Journal Asiatique*. 1923. Is. 1. ССII. P. 71–81.

Shiratori Kurakichi, a Japanese Researcher of the Ancient and Medieval History of East Asia

D. V. Sokolov

The aim of the article is to summarize and represent previously unknown data about Shiratori Kurakichi, a Japanese researcher who specialized in Oriental Studies. Shiratori had a wide range of research interests connected with the ancient history of the Northeast Asian peoples and states. The article is also targeted to analyze the influence of the contemporary political conjuncture on views of Shiratori and to realize how modern Japanese researchers consider the contribution of Shiratori and his influence on the Japanese historical research conditions.

Keywords: Shiratori Kurakichi, Manchuria, Korea, biography, nationalism, Anthropologist, orientalism, oriental studies.

Соколов Данил Владимирович

студент 4-го курса
Новосибирский государственный университет
e-mail: dann1er@yandex.ru

Sokolov Danil Vladimirovich

Student 4th year
Novosibirsk State University
e-mail: dann1er@yandex.ru

Совершенствование археологического рисунка с применением современных технологий

К. С. Кольниченко

Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, Россия

3D-моделирование археологических памятников и материальных объектов довольно широко используется во многих странах, лучшие примеры из мировой практики были представлены еще в 2014 г. в сборнике «3D-фиксация и моделирование в археологии и культурном наследии. Теория и лучшие практики» оксфордского издания международной серии «Британские археологические сообщения» [3D recording ... , 2014]. В настоящий момент издание доступно российским исследователям и его электронная версия размещена в открытом доступе в сети Интернет (www.arhaeopress.com).

О применении технологий 3D-фиксации по большей части на практике имеются только предварительные сообщения [Зайцева, Пушкарев 2014]. Более того, на данный момент в публикациях не представлено проектов, где 3D-фиксация была бы последовательно приведена на всех объектах и всех этапах раскопок.

Современные интерактивные 3D-технологии фиксации и визуализации (сканирование и фотограмметрия), безусловно, делают исследовательский процесс более объективным в силу возможности неограниченного количества альтернативных взглядов и интерпретаций результатов археологических раскопок. Но в менее развитых регионах нашей страны археологический рисунок применяют в качестве основной копии наглядного пособия артефакта [Леонов, Батурин, 2013].

Археологические находки поступают в публикации, книги, статьи, сборники. Археологические исследования включаются в общее информационное поле, где люди, работающие с подобным материалом и темой, могут использовать их в своих изысканиях. Каждая публикация должна сопровождаться фотографиями и рисунками. Фотография передает реальную сохранность предмета и лишена возможной субъективности рисунка. Рисунок, в свою очередь, дает возможность отсечь ненужное (коррозии, рытвинки и т. п.), а также подчеркнуть важное, например, более ярко обозначить линии орнамента, сделав его заметнее, дать реконструкцию предмета, основываясь на его размерах. Таким образом, изобразительный способ становится одной из важнейших составляющих подачи основных результатов исследований [Дементьева, 2014].

Немаловажный фактор, который приходится учитывать, – дороговизна качественного издания публикации. Зачастую фотография смотрится удачно и информативно при качественной полиграфии, но иногда качество печати оказывается ниже, фотографии превращаются в темно-серые пятна и силуэты, в которых мало что можно разглядеть. В этих случаях рисунок выходит на первый план.

Обучение археологическому рисунку в Амурской области – большая редкость, и на практике навыки передаются новым рабочим кадрам от более опытных художников. Большая часть методик не обладает желаемой точностью и сказывается на скорости сдачи отчетных материалов, не говоря уже о наличии специалистов с необходимой квалификацией, что заметно замедляет процесс работы камеральной лаборатории.

Для того чтобы избежать в работе влияния таких факторов, как стационарные условия для обработки материала, необходимость сканирования рисунков для получения цифровой копии, использование большого количества расходного материала для внесения поправок в рисунок и невозможность удаленно контролировать процесс выпол-

нения работы, мною был протестирован и успешно введен в работу способ изображения археологического рисунка с применением цифровых устройств.

Наиболее оптимальной программой для создания археологического рисунка в нашем случае стала программа для работы на планшете Procreate. Она свободна для скачивания и подходит для моделей планшетов, которые предусматривают наличие стилуса для рисования. Нами использовался планшет iPad Air 2019 в комплекте с Apple Pencil.

Данный программный комплекс позволил не только увеличить скорость обработки материала, но и изменить стационарный способ фиксации артефактов, используя археологический рисунок.

Основные преимущества данного метода:

- первостепенное хранение на информационных носителях;
- возможность рассылки нескольких копий одновременно без сканирования документов;
- более точная детализация контуров артефакта;
- исключение погрешностей индивидуального подхода художников;
- возможность неоднократного редактирования изображения на разных стадиях (дистанционное согласование процесса работы);
- сокращение скорости работы за счет возможности редактирования изображения на разных этапах проработки материала без использования расходных материалов;
- оборудование, необходимое для работы, может быть использовано в разных направлениях (многофункциональность оборудования и программного обеспечения).

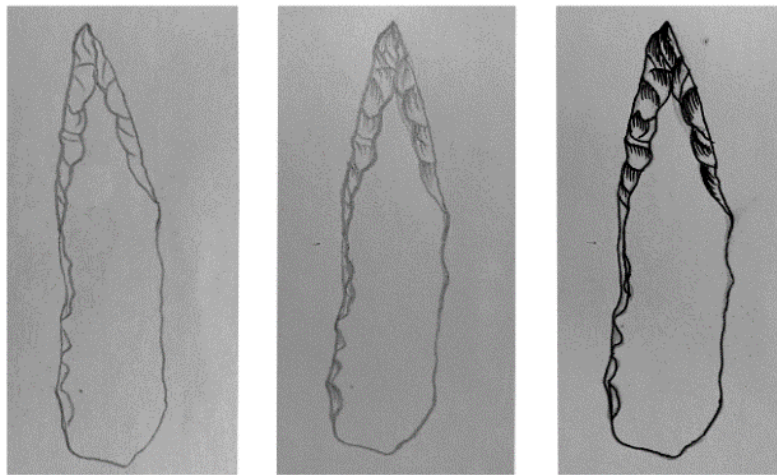
Изучение теоретических основ археологического рисунка [Труфанов, 2015] и опыт работы в программе Procreate позволили сделать сравнительный анализ классических этапов рисования и изображения артефактов с использованием программы для рисования Procreate (рис.).

Этапы работы с артефактами в программе Procreate имеют следующую последовательность:

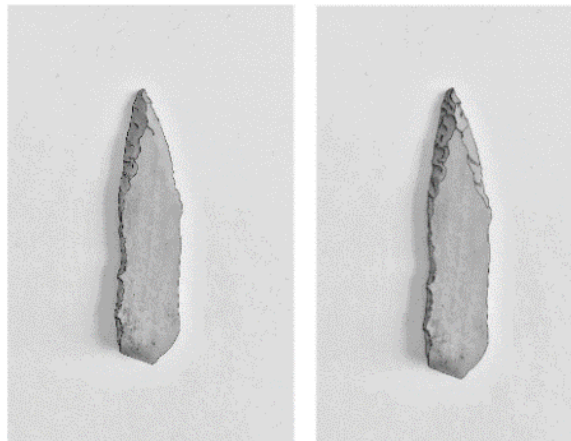
- необходимо вставить изображение в «холст» (фотография артефакта, необходимая для полного отчета);
- наложить слой с обводкой контура, выбрав необходимую кисть;
- следовать классическому методу работы с артефактом для археологического рисунка.

Редактирование каждого слоя (штриховки, изменение контура, выделение или заполнение некоторых участков) можно делать как на исходном образце, так и на копии файла, с других электронных устройств, на которых установлена программа Procreate, без использования сотовых данных и доступа к сети Интернет, что делает работу автономной и более мобильной.

Таким образом, программа Procreate позволяет более четко передать контуры артефактов, детальнее проработать значимые элементы на рисунке без необходимости перерисовывания предмета. Цифровой вариант рисунка не нуждается в переносе на электронный носитель, что значительно экономит время. А количество элементов на одном листе может быть увеличено без необходимости использования дополнительного материала. Художнику гораздо проще ориентироваться в будущей диаграмме распределения коллекции.

1

2

Рис. Отрисовка археологического материала:

1 – этапы классической отрисовки; 2 – этапы отрисовки с помощью программы для рисования

Современные технологии в археологии не только позволяют нам на новом уровне изучать исторический опыт на практике, но и расширяют возможности передачи накопленных знаний для будущих поколений исследователей. Применение данной технологии не исключает превосходства 3D-моделирования, но значительно упрощает некоторые задачи в обработке материала за относительно небольшие средства и позволяет такому методу, как археологический рисунок, совершенствоваться и развиваться.

*Научный руководитель – Д. П. Волков
директор ЦСН Амурской области*

Список литературы

Дементьева А. С. Основные правила выполнения археологических рисунков предметов вооружения // Сб. материалов Проблемного совета «Военная археология» при ГИМе. М.: МедиаМир; Куликово поле, 2014. Вып. 3. С. 341–364.

Зайцева О. В., Пушкарев А. А. Наземная фотограмметрия в археологии: новые возможности высокоточной оперативной полевой 3D-фиксации // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований. Екатеринбург, 2014. С. 172–174.

Леонов А. В., Батурич Ю. М. 3D документ – новый тип научно-технической документации // Вестник архивиста. 2013. № 2. С. 192–205.

Труфанов А. Я. Археологический рисунок: Опыт методического анализа. Екатеринбург: АВ КОМ Наследие; Караван, 2015. 220 с.

3D recording and Modelling in Archaeology and Cultural Heritage: Theory and best practices (British Archaeological Reports International Series. 2958). Oxford: Arhaeopress, 2014. 171 p.

Improving the Archaeological Drawing with the Use of Modern Technologies

K. S. Kolnichenko

Despite the activity development of methods archaeological excavations, archaeological drawing still remains an important element in the fixation of artifacts. With the help of archaeological drawing, you can reflect the shape, scale and material of which the artifact is made. Unfortunately, the field practice of classical drawing does not allow fast fixing of the material. Great practice is needed in this matter. Artists of archaeologists are very few and therefore the whole process of fixing lies on the shoulders of one or two employees. This article presents a new method of working with archaeological drawing. The illustration in the procreate drawing program is more mobile, in contrast to the classic archaeological drawing. The new method has many advantages, for example, more precise detailing of the artifact's contours, elimination of errors in the individual approach of artists, also the ability to repeatedly edit the image at different stages (remote coordination of the work process).

Keywords: terrestrial photogrammetry, recording of archaeological, archaeological drawing, fixing artifacts.

Кольниченко Ксения Сергеевна
студент 4-го курса
Благовещенский государственный
педагогический университет
e-mail: ksen2345@gmail.com

Kolnichenko Ksenia Sergeevna
Student 4th year
Blagoveshchensk State Pedagogical University
e-mail: ksen2345@gmail.com

Об использовании сосудов-дымокуров в трудах исследователей Сибири

Л. А. Высочина

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

В археологии под «сосудами-дымокурами» принято понимать горшки преимущественно небольшого объема, на которых, как правило, с одной стороны прилеплены два или три «ушка» для подвешивания. Часто плоскость, проведенная через крайние точки «ушек», не соприкасалась со стенкой сосуда. Форма скульптурных пристроек определялась культурными предпочтениями: она могла быть прямоугольной (с двумя отверстиями), языковидной (с одним отверстием), либо трубчатой (с четырьмя-пятью отверстиями). Вариации расположения «ушек» могли быть различными [Мандрыка, 1994, с. 124]. В публикациях существует несколько интерпретаций назначения таких сосудов: дымовые горшки для защиты от лесного гнуса [Окладников, 1950; Мандрыка, 1994; Бердников, Уланов, Соколова, 2017, с. 289–290], кухонная посуда, емкости для переноски огня и воды [Окладников, 1950, с. 237].

Первым исследователем, который дал определение таким горшкам, назвав их «дымокурами», был А. П. Окладников. Он опирался на описание народов Сибири XVII–XVIII вв., которые делали путешественники. Есть упоминания о «сосудах-дымокурах» и в трудах Э. И. Идеса, который в XVII в. оставил описание быта низовских тунгусов. Он отмечал наличие у них горшков небольших размеров, из которых исходил густой дым, предохраняющий людей от укусов комаров или мошек [Идес, 1967, с. 122]. Характеризуя быт тунгусов, И. Г. Георги в XVIII в. также констатировал у них наличие горшков небольших размеров, из которых исходил густой дым; они использовались как средство борьбы с таежным гнусом [Георги, 1777, с. 52]. Другие исследователи Сибири, Г. М. Миллер и И. Г. Гмелин, в 1736 г. наблюдали у камасинцев сосуды, которые служили дымокурами [Окладников, 1950, с. 237]. В «Описании Сибирских народов» Г. Ф. Миллер рассказывает, как камасинские женщины, когда копали сарану, носили горшки привязанными к спине, а исходящий из них дым отпугивал гнус [Миллер, 2009, с. 199].

Анализируя представленные описания, можно отметить несколько способов крепления и переноски «сосудов-дымокуров». Первый способ – при котором горшок крепился за спиной человека по типу рюкзака. Два способа такого крепления упомянуты Г. Ф. Миллером. В одном случае сосуд обкладывался коробом из тонких дощечек. Во втором случае сосуд ставился на одну дощечку, а ко второй, которая размещалась со стороны спины, он прикреплялся. Этим способом переноски пользовались женщины и дети. Мужчины же привязывали сосуды к рукам [Там же]. О ношении сосудов в руках упоминает и Э. И. Идес. На опубликованной им гравюре «Эвенк (тунгус) летом» дым исходит из деревянного ящика с петлей в верхней части, через которую он подвешен на левой руке [Идес, 1967, с. 122]. По описанию И. Г. Георги, сосуды могли носиться через плечо в зависимости от надобности и удобства, а также размещаться то спереди, то сзади [Георги, 1777, с. 52]. Исходя из приведенных описаний, можно предположить, что «сосуды-дымокур» должны были подвешиваться через какой-то эластичный ремень.

Реконструкцию крепления «сосудов-дымокуров» приводит А. П. Окладников на примере горшочка из серовского погребения могильника Усть-Илга-1. По мнению исследователя, его подвешивали так же, как современные фляги, т. е. одна из сторон оставалась плоской, тогда как противоположная могла быть выпуклой. Исследователь приводит описание некой сумки-кошеля, в которой переноси-

лись сосуды. Со временем сумка была заменена наlepными «ушками» для крепления [Окладников, 1950, с. 237].

По этнографическим наблюдениям, дым, который исходил из сосуда, отпугивал гнус и прочую мошку. Источником дыма являлись либо гнилая древесина [Георги, 1777, с. 52; Идес, 1967, с. 122], либо дымящиеся прутья и гриб трутовик [Миллер, 2009, с. 199].

Существует гипотеза, что рассматриваемые сосуды могли использоваться для приготовления и хранения пищи, а также для переноски жидкостей [Окладников, 1950, с. 237]. По описанию А. П. Окладникова, сосуд из могильника Малая Мамырь подвешивали для удобства приготовления и хранения пищи, например чтобы до него не добрались дети или собаки. И именно для этой цели были придуманы «ушки» для подвешивания. Для устойчивого равновесия подвешенный на шнур сосуд удерживался еще и нижним вспомогательным выступом – без отверстия [Там же, с. 212].

Гипотеза об использовании сосудов как хранилища огня также принадлежит А. П. Окладникову [Там же, с. 237]. По мнению А. П. Бородовского, «сосуды-дымокур» из могильников, видимо, несли некоторую смысловую нагрузку в погребальной обрядности лесного населения Сибири в древности [Бородовский, 1991, с. 73–77].

Таким образом, в этнографических описаниях встречаются упоминания о размерах «сосудов-дымокуров», топливе для получения дыма, способах крепления и переноски горшков, гендерных различиях ношения. В описаниях отсутствуют сведения о самих горшках и их внешнем виде. Исходя из этого, мы не можем говорить, что керамика из археологических раскопок идентична материалу посуды, описываемой в трудах путешественников XVII–XVIII вв.

Приведенные в источниках способы крепления и переноски сосудов требуют дополнительной проверки, например через экспериментальное моделирование. Серия экспериментов по использованию «дымокуров» в перспективе способна дать новый круг источников по хозяйственному укладу населения Сибири в древности и Средневековье.

*Научные руководители – П. В. Мандрыка
д-р ист. наук, доцент, зав. сектором
археологии Енисейской Сибири,
Сибирский федеральный университет
К. В. Бирюлева
науч. сотр., лаборатория археологии
Енисейской Сибири,
Сибирский федеральный университет*

Список литературы

- Бердников И. М., Уланов И. В., Соколова Н. Б. Неолитическое гончарство Байкало-Енисейской Сибири: технологические традиции в территориально-хронологическом контексте // *Stratum plus*. 2017. № 2. С. 275–300.
- Бородовский А. П. Адаптация и заимствование в использовании дорожной посуды // *Экспериментальная археология*. Тобольск, 1991. Т. 1. С. 73–77.
- Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб.: Императорская академия наук, 1777. Ч. 3. 434 с.
- Идес Э. И. Записи о русском посольстве в Китай (1692–1695). М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1967. 404 с.
- Мандрыка П. В. Типология сосудов-дымокуров // *Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и Средневековье*. Барнаул, 1994. С. 124–126.
- Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 456 с.
- Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.: Наука, 1950. Ч. 1, 2. 372 с. (МИА; № 18).

On the Use of Fumigation Vessels in the Investigations of Researchers of Siberia

L. A. Vysochina

This research focuses on use of archaeological vessels, which are usually called vessels with “mounts” or “fumigator vessels”. These vessels are rather small sizes, which have the “mounts” for hanging. The analysis of archaeological interpretations of this type of ceramics, and information known from the travelers of Siberia 17th–18th centuries. An analysis of ethnographic data showed that the fumigator in the descriptions of travelers cannot be unambiguously correlated with archaeological ceramics with glued “mounts”. In the source we have four variants of using vessels – “fumigator vessels”, utensils for carrying fire, water, kitchen hanging utensils”. In future, this Experimental verification are will facilitate development in this area of research. The article looks through the main aspects requiring experimental verification.

Keywords: Siberia, Neolithic, Early Iron Age, fumigator vessels, vessels with the “mounts”.

Высочина Лия Андреевна

студент 3-го курса

Сибирский федеральный университет

e-mail: Liah93@mail.ru

Vysochina Liya Andreevna

Student 3rd year

Siberian Federal University

e-mail: Liah93@mail.ru

УДК 903.222 (531.58)"623.54"

Методика проведения баллистических экспериментов с наконечниками стрел в отечественной и зарубежной литературе

В. О. Антипина

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Изучение функциональных особенностей предметов древнего и средневекового наступательного и защитного вооружения на основе междисциплинарных исследований археологии с естественно-научными дисциплинами в последние годы становится самостоятельным научным направлением. При этом вопросам методики проведения экспериментов уделяется недостаточно внимания. В данной работе представлен обзор отечественных и зарубежных публикаций, посвященных изучению функциональных свойств наконечников стрел на основе баллистических экспериментов.

Контроль за ходом баллистических экспериментов осуществляется оптико-визуальным и инструментальным методами. Наблюдение производится прежде всего с использованием приемов простой фото- и видеосъемки. Применение высокоскоростных и передовых для своего времени приборов ведет к постепенному изменению и дополнению приемов в проведении экспериментов по стрельбе, что особенно заметно на примере работ зарубежных исследователей, которые фиксируют скорость и устойчивость стрел инфракрасными сенсорными экранами (model AVL, B470, AVL, List, Austria) [Experimental arrow wounds ... , 1998], высокоскоростной камерой со скоростью съемки 1200 к/с [Assessing hafting adhesive ... , 2016], хронографом Shooting Chrony Gamma Master [Controlled ballistics tests ... , 2019].

Запуск стрел метательным оружием может производиться с рук либо со станка, закрепленного неподвижно. Например, в эксперименте немецких ученых с арбалетными болтами, стрелами с современными охотничьими наконечниками и репликами наконечников, найденных при археологических раскопках, были использованы: копия английского средневекового длинного лука, современный композитный лук и арбалет [Experimental arrow wounds ... , 1998]. В одном из сравнительно недавних исследований используется разработанное устройство по закреплению лука, позволяющее задавать силу натяжения тетивы и измерять ее, выбирать траекторию для полета стрелы [Assessing hafting adhesive ... , 2016]. Модель станка позволяет задавать параметры и производить стрельбу в более контролируемых условиях, исключив субъективный человеческий фактор.

В настоящее время исследования по определению пригодности различных материалов, используемых в качестве целевых преград и имитаторов фигуры человека, многочисленны и разнообразны [Экспериментальное модели-

рование ... , 2018; Carr, Stevenson, Mahoney, 2018]. Выстрелы производятся в баллистические, парафиновые, мыльные и пенопластовые блоки [Assessing hafting adhesive ... , 2016; Pope, 1923; Making a point ... , 2009; Денисов, Коробейников, Митюков, 2009]. В литературе можно встретить описание стрельбы по отдельным частям и цельным тушам домашних животных (собаки, свиньи) [Odell, Cowan, 1986; Experimental arrow wounds ... , 1998], а также диких (кабана, медведя, оленя) [Assessing hafting adhesive ... , 2016; Pope, 1923].

Кроме того, проводятся эксперименты с использованием многослойных преград, имитирующих различное защитное вооружение. Еще в 20-х гг. XX в. Сакстон Поуп опубликовал результаты стрельбы в хлопковую материю и кольчугу [Pope, 1923]. Отечественные исследователи изучали воздействие стрел на смоделированные фрагменты средневековых панцирей [Петренко, Петренко, 2004].

При определении расстояния стрельбы исследователи руководствуются возможностью поражения мишени с достаточной точностью, учитывая лабораторные или полевые условия. В описании методики проведения стрельбы указывается, что расстояние до цели может составлять 5, 8, 10 и 12 м [Wood, Fitzhugh, 2018; Experimental arrow wounds ... , 1998; Петренко, Петренко, 2004; Odell, Cowan, 1986]. В баллистическом эксперименте ЛГИ НГУ, проведенном в 2018 г., дистанция стрельбы составляла 20 м [Антипина, 2019].

Таким образом, одним из основных этапов при постановке и проведении баллистических экспериментов, связанных прежде всего с раневой баллистикой, выступает подбор и подготовка сред биологического и небиологического происхождения, имитирующих ткани и органы живых организмов по своим характеристикам. Следует также учитывать и статичность мишеней, что может оказывать влияние на скорость и углы подлета стрелы к цели и глубину проникновения.

Постановка баллистических экспериментов является одним из наиболее важных и ответственных этапов исследования, от правильной методики которых зависит качество полученных результатов. Однако приходится констатировать, что на данный момент универсальные методические рекомендации по проведению качественных баллистических экспериментов в археологии не выработаны, на что указывают авторы отечественной публикации, посвященной постановке исследовательских задач в области баллистики и археологии [Коробейников, Митюков, 2007].

В экспериментальной археологии функциональный методический подход, основанный на баллистике, позволяет археологам решать целый комплекс исследовательских задач, в том числе связанных с непосредственным экспериментальным испытанием стрел. Прежде всего методически продуманные баллистические эксперименты позволяют исследователям получить объективную информацию и сделать более обоснованные выводы о характере раневой баллистики, приводящей к телесным повреждениям, а также деформации и частичному или полному разрушению защитных элементов вооружения.

*Научный руководитель – О. А. Митько
канд. ист. наук, доцент
кафедра археологии и этнографии,
Гуманитарный институт,
Новосибирский государственный университет*

Список литературы

- Антипина В. О. Баллистические особенности трехлопастных наконечников стрел в конечной точке: результаты эксперимента // Материалы LIX Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Благовещенск; Хэйхэ, 2019. С. 156–157.
- Денисов С. А., Коробейников А. В., Митюков Н. В. Баллистические эксперименты с репликой лука народа ханты // Вестник ТГУ. 2009. № 1 (5). С. 36–42.
- Коробейников А. В., Митюков Н. В. Баллистика стрел по данным археологии: введение в проблемную область. Ижевск: Камский ин-т технологий, 2007. 140 с.
- Петренко А. Л., Петренко Ю. А. Защитные свойства средневековых панцирей юга Сибири и Центральной Азии (по материалам эксперимента) // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2004. Вып. 1. С. 102–112.

Экспериментальное моделирование в современной раневой баллистике // А. В. Денисов, А. В. Анисин, С. М. Логаткин, К. Н. Демченко, Л. Б. Озерцовский // Вестник российской военно-медицинской академии. 2018. № 2. С. 144–149.

Assessing hafting adhesive efficiency in the experimental shooting of projectile points: a new device for instrumented and ballistic experiments / Y. Gaillard, L. Chesnaux, M. Girard, A. Burr, E. Darque-Ceretti, E. Felder, A. Mazuy, M. Regert // *Archaeometry*. 2016. Vol. 58. P. 465–483. <https://doi.org/10.1111/arc.12175>

Carr D. J., Stevenson T., Mahoney P. F. The use of Gelatine in Wound Ballistics Research // *International Journal of Legal Medicine*. 2018. Vol. 132. Is. 6. P. 1659–1664. <https://doi.org/10.1007/s00414-018-1831-7>

Controlled ballistics tests of ground, percussion-flaked, and pressure-flaked projectile point impact durability: Implications for archaeological method and theory / C. Lowe, A. Kramer, M. Wilson, R. Meindl, L. Spurlock, M. I. Eren // *Journal of Archaeological Science: Reports* 24. 2019. P. 677–689. <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2019.02.017>

Experimental arrow wounds: Ballistics and Traumatology / B. Karger, H. Sudhues, B. P. Kneubuehl, B. Brinkmann // *Journal of Trauma: Injury, Infection and Critical Care*. 1998. Vol. 45 (3). P. 495–501. <https://doi.org/10.1097/00005373-199809000-00011>

Making a point: wood-versus stone-tipped projectiles / N. M. Waguespack, T. A. Surovell, A. Denoyer, A. Dallow, A. Savage, J. Hyneman, D. Tapster // *Antiquity*. 2009. P. 786–800. <https://doi.org/10.1017/S0003598X00098999>

Odell G. H., Cowan F. Experiments with Spears and Arrows on Animal Targets // *Journal of Field Archaeology*. 1986. Vol. 13 (3). P. 195–212. <https://doi.org/10.2307/530220>

Pope S. T. A study of bows and arrows. Berkeley: University of California press, 1923. 103 p.

Wood J., Fitzhugh B. Wound ballistics: The prey specific implications of penetrating trauma injuries from osseous, flaked stone, and composite inset microblade projectiles during the Pleistocene/Holocene transition // *Journal of archaeological science*. 2018. Vol. 91. P. 104–117. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2017.10.006>

Technique of Ballistic Experiments with Arrowheads in Russian and Foreign Literature

V. O. Antipina

In experimental archaeology, a functional methodological approach based on ballistics is gradually being developed, as it allows archaeologists to solve a whole range of research tasks, including those related to the experimental testing of arrows with different types of tips in the laboratory and outside. High-quality ballistic experiments allow researchers to reproduce the effect of arrows on the target and make valid conclusions about the severity of injuries, deformation and partial or complete destruction of protective equipment elements. Now researchers often publish the results of ballistic experiments, but the method of conducting such studies differs. Features of the study of arrowheads based on ballistic experiments are reviewed and obtained relevant information for archaeologists.

Keywords: arrowheads, archery, methods, ballistics experiment, wound ballistics, the penetration of the target, methodology of archaeology.

Antipina Viktoria Olegovna

студент 4-го курса
Новосибирский государственный университет
e-mail: astrid37viktoria@gmail.com

Antipina Viktoria Olegovna

Student 4th year
Novosibirsk State University
e-mail:astrid37viktoria@gmail.com

УДК 902.21 (571.150)

Опыт использования космоснимков для поиска курганных групп в лесостепной зоне Алтайского края

Н. Р. Дьяков

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Геоинформационные системы – неотъемлемая часть современной археологии. Некоторые аспекты их применения уже нашли отражение в отечественной археологической литературе [Исследование возможности использования ... , 2015; Применение ДЗЗ ... , 2018; Методика использования ГИС-технологий ... , 2018; Гарбузов, 2007]. На сегодняшний день большое количество данных дистанционного зондирования Земли (далее – космоснимки) открывает возможность более качественных археологических исследований, подавляющая часть которых посвящена дешифровке космоснимков с помощью дополнительного программного обеспечения.

Настоящая статья посвящена опыту использования космических снимков (без специальных способов дешиф-

ровки) для поиска курганных групп в лесостепной зоне Алтайского края.

В мае 2019 г. степным отрядом АлтГПУ под руководством А. Н. Телегина была проведена археологическая разведка в Ключевском районе Алтайского края. В географическом плане Ключевской район является частью Кулундинской равнины, которая представляет собой лесостепь. На территории района находится 19 памятников археологии, из них курганных могильников – 17 [Шамшин, 2002, с. 40]. Основная масса памятников располагается на землях сельскохозяйственного назначения и подвергается ежегодному распаиванию древней насыпи, отчего на местности трудно визуально обнаружить необходимый объект, так как последний рельефно не выделяется.

Целью разведки являлся мониторинг известных и выявление новых курганных групп скифского времени. Целенаправленно осуществлялся поиск памятников с распаханной насыпью, поскольку в силу своих конструктивных особенностей насыпи курганов скифского времени имеют мощную глиняную линзу, в связи с чем хорошо фиксируются на поле, в особенности после его весенней распашки.

На космических снимках нами сначала были выявлены известные памятники, насыпь которых подвергается интенсивному распахииванию.

1. Курганный могильник скифского времени Ключи III (рис., 1), состоящий из трех больших курганов [Телегин, 1995, 1996, 1997]. На космоснимке (использовался снимок сервиса «Яндекс. Карты») объект представляет собой три кругообразных, с размытыми границами, контрастных пятна светло-коричневого оттенка, расположенных на грязно-коричневом фоне.

2. Курганный могильник скифского времени Пограничный (рис., 2), состоящий из 16 курганов (три из которых находятся на территории Ключевского района, остальные на территории Павлодарской области Республики Казахстан) [Шамшин, 2002, с. 40]. На космоснимке (использовался снимок сервиса Google Maps) объект представляет собой девять кругообразных, с частично размытыми границами, контрастных пятен, три из которых, ана-

логично предыдущим, белесого оттенка, остальные – серого, общий фон – серо-коричневый, местами с зелеными вкраплениями. Вероятно, из-за постоянной распашки насыпи некоторых курганов не просматриваются даже на космических снимках.

В ходе дальнейшего анализа изображений нами был выбран объект (использовался снимок сервиса Google Maps), аналогичный по своим визуальным характеристикам двум предыдущим (рис., 3). Он представлял собой одно эллипсообразное и три кругообразных, с размытыми границами, контрастных пятна светло-желтого оттенка, расположенных на коричневом и местами темно-коричневом фоне.

Впоследствии выезд на место подтвердил наше предположение: объектом оказалась курганная группа, предположительно, скифского времени, состоящая из четырех курганов, насыпи которых были распаханы. Памятнику было дано название Ключи IV, более подробную информацию о нем можно будет получить из готовящейся публикации.

Стоит упомянуть, что для просмотра космоснимков необходимо специализированное программное обеспечение. Наиболее популярными и находящимися в открытом доступе программы для работы со спутниковыми снимками являются Google Earth и SAS Planet, которые позволяют автономно работать со спутниковыми снимками.

Рис. Космические снимки курганных могильников:
1 – курганная группа Ключи III; 2 – курганная группа Пограничный; 3 – курганная группа Ключи IV.
Примечание: для удобства визуального восприятия курганные могильники выделены окружностями

SAS Planet, на наш взгляд, наиболее подходящая программа, поскольку имеет ряд преимуществ, таких как:

- 1) унифицированная возможность загрузки и просмотра картографических данных большинства онлайн-сервисов;
- 2) возможность работы без сети Интернет;
- 3) низкая требовательность к ресурсам компьютера.

К недостаткам программы можно отнести:

- 1) отсутствие возможности просмотреть хронологию снимков (например, от 1999 до 2019 г., поскольку в программе всегда открывается доступ к наиболее «свежим» снимкам);
- 2) отсутствие версии для операционных систем на ядре Linux.

Подводя итог нашей работе, можно отметить, что использование космических снимков (без средств специальной дешифровки) для поиска курганных групп в лесостепной зоне имеет прикладное значение. В особенности если целью разведки стоит поиск курганных могильников скифского времени, поскольку последние из-за специфики своего устройства отлично «читаются» на космоснимках. Тем не менее, на наш взгляд, наиболее перспективным будет применение всего комплекса ГИС-технологий.

*Научный руководитель – А. Н. Телегин,
ст. преподаватель,
кафедра отечественной истории,
Алтайский государственный педагогический университет*

Список литературы

Гарбузов Г. П. Археология ландшафта и геоинформатика: теоретические аспекты взаимоотношений // Археология и геоинформатика. 2007. Вып. 4. URL: <https://www.archaeolog.ru/media/AGIS/AGIS-4/Garbusov/page1.html> (дата обращения: 15.01.2020).

Исследование возможности использования космических снимков для выявления археологических объектов / Р. С. Багаутдинов,

В. Н. Копенков, В. В. Сергеев, В. Н. Мышкин, С. А. Трибунский // Компьютерная оптика. 2015. № 3. С. 439–444.

Методика использования ГИС-технологий для анализа пространственной локализации поселений на примере эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья в центральной части барабинской низменности / А. В. Никулина, И. Д. Зольников, Я. В. Кузьмин, О. В. Софеев, Д. А. Чупина, Н. В. Глушкова, Д. В. Пчельников // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 428. С. 117–125.

Применение ДЗЗ в геоинформационном картографировании для археологических исследований / И. Е. Сидорина, Н. А. Позднякова, А. А. Кружилина, А. В. Поляков // Географическое обеспечение устойчивого развития территорий. 2018. Т. 24. Ч. 2. С. 141–150.

Телегин А. Н. Аварийные раскопки курганной группы Ключи III // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтай. Барнаул, 1995. С. 103–106, 112.

Телегин А. Н. Некоторые итоги второго года раскопок курганной группы Ключи III // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтай. Барнаул, 1996. С. 138–141.

Телегин А. Н. Раскопки третьего кургана курганной группы Ключи III // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. Вып. VII. С. 140–142.

Шамшин А. Б. Из древнего прошлого Ключевского района // Ключевской район: история и современность. Барнаул, 2002. С. 34–40.

Experience of Using the Satellite Images to Search for the Groups of Barrows in the Forest-Steppe Zone of Altai Region

N. R. Dyakov

The work provides an example of archaeological exploration in the Klyuchevsky district of the Altai region (Russian Federation). During exploration widely used of remote sensing of the earth (satellite images) were. The purpose of archaeological exploration was to monitor old and identify new monuments of historical and cultural heritage. A purposeful search was made for burial mounds of Scythian time, many of which are located on agricultural lands, and therefore are in disrepair. The article demonstrates some methods of working with satellite images without special decryption tools. Considered software for viewing satellite images. An example of the most suitable program is given. Preliminary conclusions are made about the permissibility of using satellite imagery when conducting archaeological explorations.

Keywords: GIS, burial mounds, archaeological objects, satellite images, archaeological explorations.

Дьяков Никита Романович

студент 4-го курса

Алтайский государственный педагогический университет

e-mail: ndplrf@gmail.com

Dyakov Nikita Romanovich

Student 4th year

Altai State Pedagogical University

e-mail: ndplrf@gmail.com

УДК 902.3 (571.56)

Применение методов ГИС в изучении раннеолитической керамики Якутии

И. Г. Курчатова

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия

В настоящее время все большее значение в археологии приобретает использование методов ГИС. Географическая информационная система (ГИС) – это система, обеспечивающая сбор, обработку, хранение и анализ пространственно-временных данных, основой интеграцией которых служит географическая информация. ГИС содержит данные о пространственных объектах в форме их цифровых представлений, включает соответствующий набор функциональных возможностей, в которых реализуются операции геоинформационных технологий [Коровов, 2011, с. 7].

Также стоит отметить, что ГИС оперирует пространственно-ориентированными данными. Проще говоря, это данные с известным местом расположения в пространстве. Это местоположение выражается в географических координатах или в условных координатах X Y. Так как археологический источник имеет пространственную привязку, то с помощью ГИС можно изучать археологические объекты.

Одно из преимуществ использования ГИС – это возможность моментального отображения информации на карте, изменяя при этом набор данных или производя изменения в пространственном расположении объектов.

Основной целью данного исследования является визуальное установление ареала распространения раннеолитической керамики в бассейнах речных систем Якутии при помощи методов ГИС с выявлением особенностей керамики сылахской культуры (ранний неолит) на примере рек Олекмы и Алдана.

Важнейшим достижением эпохи неолита считается возникновение гончарства, в Якутии керамическая посуда появляется в IV тыс. до н. э. синхронно с другими культурами Евразии [Алексеев, Черосов, 1990]. Керамический материал является массовым и информативным источником в изучении процессов миграции и ассимиляции племен, населявших древнюю Якутию. Изучение типологии и технологии изготовления сосудов дает возможность рассматривать проблемы, связанные с вопросами миграции, ассимиляции населения, освоения новых территорий и т. д. [Бобринский, 1978]. Ряд исследователей также считает, что керамика может быть критерием выделения археологических культур или локальных ее вариантов.

По археологическим материалам из многослойных стоянок Ю. А. Мочанов выявил существование раннеолитической сылахской культуры. Главным признаком для выделения культуры раннего неолита является керамика с отпечатками сетки-плетенки. Особенностью сылахской керамики также является наличие, кроме технического орнамента, художественного: под бортиками некоторых сосудов есть наlepные валики, которые украшены поперечными глубокими вдавленными прорезными линиями, образующие елочный узор [Алексеев, 1996]. Считается, что на формирование сылахской культуры оказали влияние исаковско-серовские культуры Прибайкалья. О распространении исаковской культуры в верховьях р. Лены

свидетельствуют находки сетчатой керамики в нижнем слое стоянки Бык у с. Бирюльского [Окладников, 1950].

Собрав информацию о памятниках раннего неолита Якутии, которые находятся в бассейнах речных систем Олекма, Алдан, Виллой, Анабар, Оленек, Колыма, Мая, Индигирка и долина Туймаада, с помощью методов ГИС на карту нанесли некоторые стоянки с четкой стратиграфией раннего неолита, где были обнаружены фрагменты сылахской керамики (рис. 1). Это было сделано для того, чтобы иметь представление об ареале распространения керамики сылахской культуры.

После сбора информации с памятников осуществляется привязка географических данных к нужной нам карте, с которой в дальнейшем проводится работа. Все карты были составлены в программе QGIS. Путем несложных операций можно выполнять различные задачи с данными, от ввода данных до их визуализации. Так, на карте (см. рис. 1) выделен весь ареал сылахской культуры. Но так как ареал культуры большой, более подробно рассмотрены две долины рек Олекмы и Алдана.

На карте р. Олекмы показаны памятники с четкой стратиграфией: Тенсик II, Курунг II, Крестях I, Большая Кюскэ, а также такие стоянки, как Старый Летен, Чыпчаал I, II и Джикимда [Археологические памятники..., 1983]. На всех этих стоянках индикаторным признаком раннеолитической культуры является керамика с отпечатками сетки-плетенки (рис. 2). На стоянке Курунг II был найден орнаментированный венчик со сквозными отверстиями, рассеченный глубокими поперечными вдав-

лениями. Данная керамика сходна с керамикой со стоянки Белькачи I. Их сближает наличие сквозных круглых или овальных отверстий и рассеченных валиков.

На Алдане это памятники: Сумнагин I, II, Белькачи I, II, Угино I, Алысардах, Чагда I, II, Билир I, Усть-Миль I, II, Кюнью II (рис. 3). Так же как и на стоянках Олекмы, на Алдане показательным признаком для выявления сылахской культуры является сетчатая керамика. В слоях встречаются сосуды, украшенные под бортиком сквозными округлыми дырочками, а также с наклепными валиками под бортиками [Мочанов, 1966]. Кроме сходства, у алданского и олекминского керамического материала также есть и различия: олекминская керамика отличается от алданской орнаментом в виде прочерченных косых насечек.

Как видно на карте, ареал распространения культуры большой, сетчатая керамика обнаружена на всей территории Якутии, также как было отмечено А. Н. Алексеевым, на Чукотке и Таймыре прослеживается сходство в керамическом материале. Такое широкое распространение гончарных традиций говорит о культурных связях и контактах между группами древнего населения. В дальнейшем данная карта может быть дополнена новыми данными, ведь ГИС позволяет осуществлять такие поставленные задачи.

*Научный руководитель – К. А. Пестерева
ст. преподаватель, исторический факультет,
Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова*

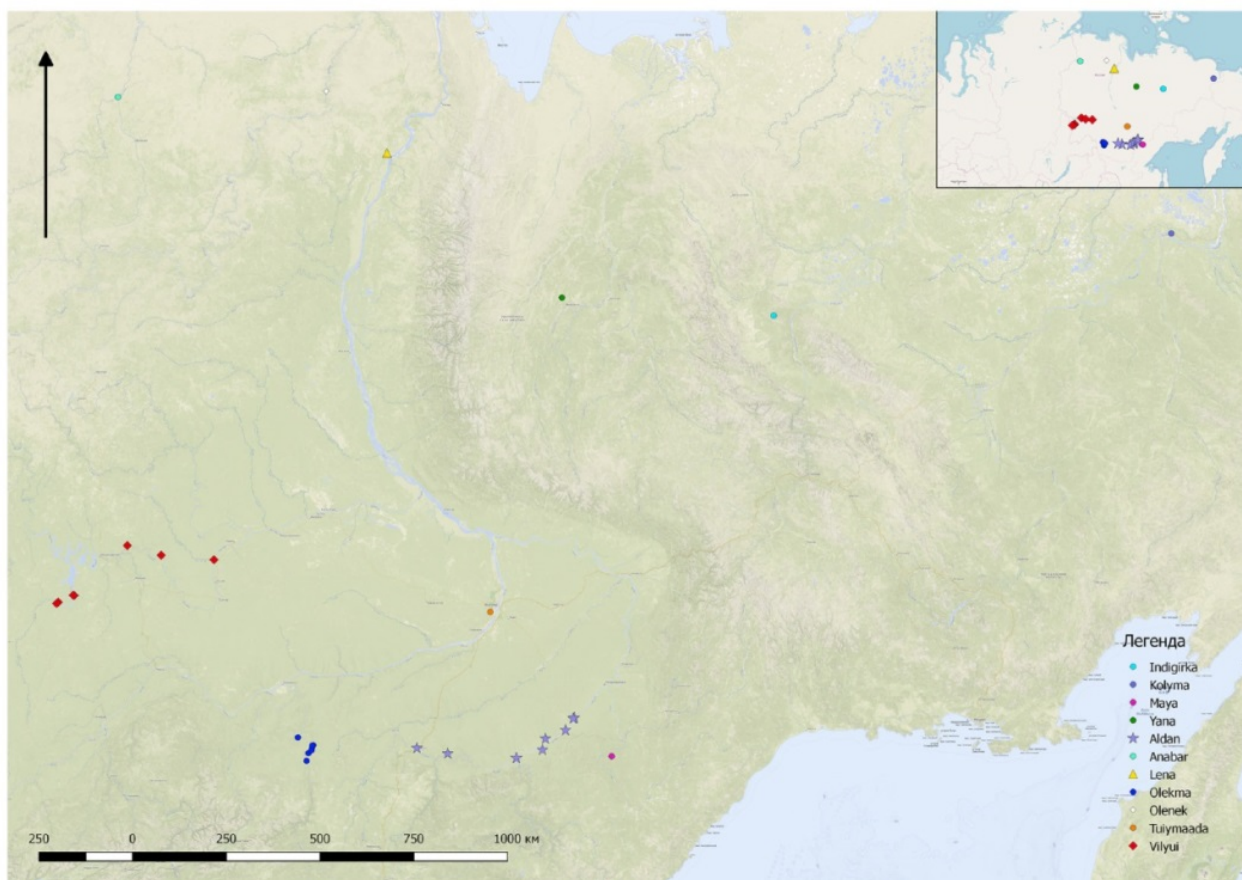

Рис. 1. Территория распространения керамики сылахской культуры

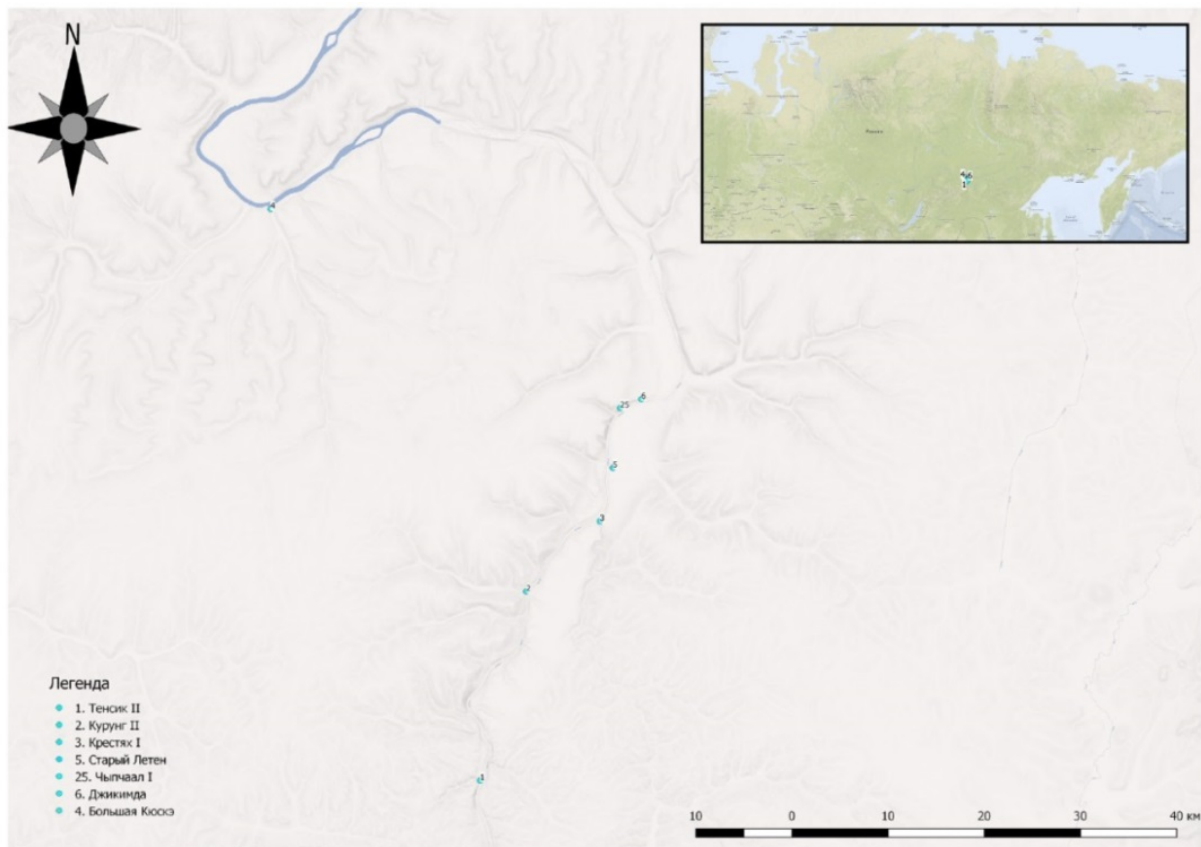

Рис. 2. Памятники сылахской культуры на р. Олекме

Рис. 3. Памятники сылахской культуры на р. Алдан

Список литературы

Алексеев А. Н. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. С. 41–46.

Алексеев А. Н., Черосов Н. М. Археология Якутии (каменный век) : учеб. пособие. Якутск : Изд-во ЯГУ, 1990. 72 с.

Археологические памятники Якутии. Бассейны Алдана и Олекмы / Ю. А. Мочанов, С. А. Федосеева, А. Н. Алексеев, В. И. Козлов, Н. Н. Кочмар, Н. М. Щербакова. Новосибирск : Наука, 1983. 402 с.

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Коробов Д. С. Основы геоинформатики в археологии: учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ, 2011. С. 7

Мочанов Ю. А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1966. С. 13–14.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА. № 18. М.; Л., 1950. С. 98–104.

The Use of GIS Methods in the Study of Early Neolithic Ceramics in Yakutia

I. G. Kurchatova

This article examines the sites of Yakutia with early Neolithic Syalakh ceramics, as well as using GIS methods, the boundaries of the distribution of early Neolithic ceramics of Yakutia were visually established. Currently, the use of GIS methods in archaeology is becoming increasingly relevant. In Yakutia, there are more than 50 sites where early Neolithic ceramics were discovered. Sites of Syalakh culture were found in: Aldan, Anabar, Amga, Vilyue, Lena, May, Olenka, Olekma, Indigirka, Kolyma and Yana. Ceramic material is a mass and informative source in the study of migration and assimilation of tribes that inhabited ancient Yakutia. Also, a number of researchers believe that ceramics can be a criterion for identifying archaeological cultures or local variants of it.

Keywords: Yakutia, GIS, ceramics, Neolithic, migration, Syalakh, Aldan, Olekma.

Курчатова Ирина Георгиевна

студент 2-го курса

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

e-mail: advocado6@gmail.com

Kurchatova Irina Georgievna

Student 2nd year

M. K. Ammosov North Eastern Federal University

e-mail: advocado6@gmail.com

УДК 903.01

Использование разных абразивных порошков при сверлении камня медной трубкой

С. В. Грехов

МАОУ «СОШ № 1», Кушва, Россия

В процессе изготовления отверстия большого диаметра при помощи костяного полового сверла или медной трубки важную роль играл применяемый абразивный порошок. Древние мастера в качестве абразивов могли использовать речной (озерный) песок, а также дробленые кварц, корунд (наждак) и другие минералы.

Основной целью проведенных экспериментов было определение эффективности различных абразивных порошков. В наших экспериментах применялся так называемый египетский способ сверления (с помощью деревянного коловороты с подвешенным грузом), описанный С. А. Семеновым [1968, с. 69].

Автором уже проводились эксперименты по сверлению мрамора и змеевика медной трубкой и коловоротом с применением в качестве абразива речного песка [Грехов, 2020]. В данной работе представлены результаты использования абразивных порошков, изготовленных из кварца и наждака.

Первый эксперимент проводился на прямоугольной плитке мрамора размером 100,2×63,4×16,8 мм. Твердость мрамора по шкале Мооса составляет от 2,5 до 3 ед. Сверлом послужила медная трубка длиной 100 мм, внешним диаметром 14 мм, толщиной режущей кромки 1,5 мм. Абразивом в данном эксперименте стал дробленый крупнозернистый кварц (размер зерен в порошке от песчинок до 2–3 мм).

Через 20 мин сверления в медной трубке скопились кварцевые зерна вместе с кусочками мрамора – сверло оказалось полностью забитым. Стало заметно, что абразив внутри сверла также участвует в сверлении, так как высверлина полностью отсутствовала – забившаяся в полости сверла смесь абразива и просверливаемого материала перетирала мрамор. Глубина отверстия составила 3,6 мм, отверстие имело конический профиль и в плане приближалось к овалу.

На 40-ой мин сверления глубина отверстия составила 7,5 мм. Высверлина отсутствовала. Через 60 мин сверления глубина отверстия увеличилась до 12,1 мм. Конический профиль отверстия сохранился.

Спустя 78 мин работы плитка мрамора была полностью просверлена. Отверстие имело конический профиль с

высверлинами внутри, появившимися, скорее всего, от применения крупнозернистого абразива. Высверлина, которая должна быть при сверлении полым сверлом, отсутствовала.

Диаметр отверстия с лицевой стороны плитки составил 23 мм, с противоположной – 15,3 мм. Сверло оказалось забитым абразивом и частицами мрамора, которые из-за сильного уплотнения с трудом удалось извлечь. Сверло по длине сточилось до 93,7 мм (на 6,3 мм). Диаметр сверла уменьшился на 0,2 мм (с 14 до 13,8 мм). Стенки сверла в отличие от предыдущих экспериментов оказались не гладкими, а с высверлинами.

Далее сверление было продолжено на аналогичной плитке мрамора размером 100×61,2×17,4 мм. В качестве сверла использовалась медная трубка длиной 89,8 мм, внешним диаметром 13,6 мм и толщиной режущей кромки 1,4 мм. Сверление производилось при помощи дробленого мелкозернистого кварца. Эксперимент должен был выяснять, влияет ли на эффективность сверления зернистость абразива и если влияет, то насколько.

Через 39 мин работы сломалась высверлина. Она имела коническую форму. По длине высверлина оказалась наполовину «съеденной» кварцевым песком – ее длина составила 10,5 мм при диаметре до 9 мм, в то время как глубина отверстия на данном этапе работы равнялась 14 мм.

Всего на изготовление отверстия было затрачено 43 мин. Отверстие имело такой же конический профиль. Диаметр отверстия с лицевой стороны плитки равнялся 16,5 мм, с противоположной – 14,1 мм. Диаметр второй части сломанной высверлины составил 11 мм при длине 6,4 мм. Длина сверла уменьшилась до 87,3 мм (на 2,4 мм). Режущая кромка в медной трубке сточилась на 0,1 мм (до 1,3 мм).

Заключительным экспериментом стало использование в качестве абразива дробленого мелкозернистого наждака. Эксперимент проводился на прямоугольной плитке мрамора размером 100,2×63,4×16,8 мм. Сверлом являлась медная трубка длиной 76,8 мм с внешним диаметром 14 мм и толщиной режущей кромки 1,2 мм.

Через 13 мин после начала сверления сломалась высверлина. Скорее всего, это произошло из-за того, что был убран деревянный фиксатор сверла.

Удивительно, но после 19 мин работы плитка мрамора была полностью просверлена. Отверстие имело такой же конический профиль диаметром 19 мм с лицевой стороны, с противоположной – 14 мм.

Высверлина была сломана на две части. Она имела конический профиль. Верхняя часть высверлины имела длину 12,7 мм, диаметр – от 8,4 до 10 мм. Длина нижней части высверлины составила 6,1 мм и диаметр – от 10 до 12,5 мм. Сверло по длине сточилось до 74,6 мм (на 2,4 мм).

Таким образом, в результате проведенных экспериментов наиболее эффективным абразивом оказался дробленый мелкозернистый наждак. Второе место занял дробленый мелкозернистый кварц. А самую низкую эффективность показал дробленый крупнозернистый кварц.

Следует отметить, что в Египетской коллекции музея Метрополитен (г. Нью-Йорк) хранится фрагмент твердого известняка с остатками трубчатых сверлений, где в одном из недосверленных отверстий сохранился некий слежавшийся материал. SEM-EDS-анализ показал, что материал состоит из смеси зерен корунда с небольшими дополнительными включениями других минералов [Evidence for ... , 2014, p. 3].

Далее эксперименты были продолжены на более твердом минерале – змеевике. Твердость змеевика по шкале Мооса составляет от 2,5 до 4 ед. Отметим, что абразивный порошок из дробленого крупнозернистого кварца при сверлении змеевика не использовался, так как показал свою неэффективность при сверлении мрамора.

В первом эксперименте использовались: прямоугольная плитка змеевика размером 65×36×8,5 мм и медная трубка длиной 81,6 мм, внешним диаметром 14 мм, толщиной режущей кромки 1,2 мм. Абразивом стал дробленый мелкозернистый наждак.

Через 10 мин после начала сверления отверстие было готово. Оно имело конический профиль. Диаметр отверстия с лицевой стороны плитки составил 15,8 мм, с противоположной – 14,3 мм.

В результате сверления была получена цельная высверлина конической формы длиной 8,3 мм и диаметром 11,5–9,5 мм. Сверло по длине сточилось до 80,7 мм (на 0,9 мм).

Далее эксперимент был продолжен на этой же плитке змеевика. Для сверления использовалась медная трубка длиной 80,7 мм, внешним диаметром 14 мм и толщиной режущей кромки 1,2 мм. В качестве абразива применялся дробленый мелкозернистый кварц.

Через 30 мин сверления глубина отверстия составила больше половины толщины плитки – 6,7 мм. Еще через 5 мин сверления отверстие было завершено.

Отверстие получилось конусообразное, с небольшой ступенькой, его диаметр с лицевой стороны плитки равнялся 17,1 мм, с противоположной – 14,3 мм. Высверлина получилась цельная, конической формы, диаметром до 11,4 мм и длиной 8,3 мм. Сверло по длине сточилось до 76,8 мм (на 3,9 мм).

Таким образом, экспериментируя с разными абразивными минералами (кварцем и наждаком), удалось выяснить, что наиболее эффективным стал наждак. Месторождения наждака известны на Южном Урале в окрестностях г. Кыштыма (Челябинская обл.).

Вопрос о том, какой конкретно абразивный порошок применяли в древности, на наш взгляд, остается открытым. Зависело это прежде всего от того, какие минералы были доступны в каждой конкретной местности. По всей видимости, древние мастера при сверлении экспериментировали с разными порошками и чаще всего использовали подходящие местные абразивные минералы.

*Научный руководитель – Ю. Б. Сериков
д-р ист. наук, профессор,*

*Нижнетагильский государственный
социально-педагогический институт
(филиал Российского государственного
профессионально-педагогического университета)*

Список литературы

Грехов С. В. Эксперименты по сверлению камня медной трубкой // ЛП Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых. Пермь, 2020 (в печати).

Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968. 362 с.

Evidence for the use of corundum abrasive in Egypt from the Great Aten Temple at Amarna // Horizon. The Amarna Project and Amarna Trust newsletter. 2014. Is. 14. P. 2–4.

The Use of Different Abrasive Minerals when Drilling a Stone with a Copper Tube

S. V. Grekhov

The article presents the results of experiments on drilling hole a stone using a wooden drill with a load suspended from it, a copper tube and various abrasive minerals. The main goal of the experiments was the desire to determine the effectiveness of using various abrasive powders when drilling a stone. During the experiments, marble and a serpentine were drill using abrasive powders made of quartz and emery. As a result, the most effective abrasive powder for drilling both marble and the coil turned out to be emery powder. Marble tiles 16,8 mm thick were drilled with emery powder in 19 minutes, and serpentine tiles 8,5 mm thick in 10 minutes. The question of what specific abrasive powder was used in antiquity, in our opinion, remains open. Apparently, the ancient masters when drilling experimented with different powders and most often used suitable local abrasive minerals.

Keywords: drilling, marble, serpentine, abrasive minerals, quartz, emery.

Грехов Сергей Вадимович

учитель истории

Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение

«Средняя образовательная школа № 1»

e-mail: sergeigreh@mail.ru

Grekhov Sergei Vadimovich

Teacher of History

Municipal Autonomous Educational Institution Secondary School N 1

e-mail: sergeigreh@mail.ru

Изучение мадьярской проблематики в работах венгерских исследователей в 60–70-е гг. XX в.

И. К. Ким

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

60–70-е гг. XX в. стали, пожалуй, самым плодотворным периодом в изучении проблемы происхождения венгров. Интерес венгерского общества к своему прошлому всегда был очень силён, но именно в это время между ВНР и СССР сложились наиболее благополучные отношения, что весьма благотворно сказывалось на развитии науки. Кроме того, утратила своё научное значение теория стадильности, и в социалистических странах установился благоприятный климат для изучения миграционных процессов [Дьёни, 2007, с. 8].

Немногим ранее (2-я половина 50-х гг. XX в.) [Там же, с. 7] венгерские исследователи начали массово получать археологическое образование в СССР. Так, Иштван Эрдели учился в аспирантуре кафедры археологии ЛГУ и в 1959 г. защитил кандидатскую диссертацию «Венгры в Лебедии. Материальная культура венгров IX–X вв.» под научным руководством М. И. Артамонова [Тихонов, 2003, с. 294]. Впоследствии многие из венгерских археологов начали посещать СССР с целью проведения археологических исследований и затем издавать свои материалы, что привело к знакомству венгерских исследователей с ними и повышению качества венгерских научных работ. Об этом более подробно будет сказано далее.

Разумеется, венгерские археологи вели свои исследования в данный период не только на территории дружественного Советского Союза. Активно изучалась собственно венгерская территория, а также сопредельные местности Румынии и Чехословакии, входившие в эпоху Средних веков в состав Венгерского королевства. Венгерские ученые в конце 50-х гг. и далее, в 60-е гг. XX в. активно систематизируют и дополняют более ранние археологические данные, накопленные со 2-й половины XIX в., когда археологическое изучение ранних мадьяр только начало формироваться. В 1962 г. на основе имеющихся сведений подготовили общий реестр памятников IX–XII вв. [Эрдели, 1972, с. 137]. Впоследствии, используя данные этого реестра, Иштван Диенеш и Янош Сабо составили карту местонахождений накладок на поясных сумочках и круглых серебряных блях [Там же]. И. Диенеш и Я. Сабо, помимо этого, проводили и собственные исследования. Изучая могильники в Орошхазе, Тисаэсларе (ВНР) и Середе (ЧССР), И. Диенеш сделал важное открытие: каждый из этих могильников представляет собой два обособленных некрополя, лежащих на расположенных вблизи друг от друга холмах. Точно так же устроен и могильник в Кенезлё, раскопанный в 1913 г. Андрашем Йоже. На основании полученных сведений И. Диенеш установил, что такая конфигурация мадьярских могильников IX–X вв. в Паннонии является наиболее распространённой.

Помимо могильников, велось исследование и поселений IX–X вв. В 1965 г. вблизи с. Гергелиугорня Иштван Эрдели проводит раскопки поселения IX–X вв., на котором было обнаружено множество земляночных жилищ разных типов. В то же время Дьюла Ласло ведёт работы вблизи Чонграда, где находит следы десяти кольцеобразных рвов, однако не отмечает следов жилищ, что объясняется многолетним разведением винограда на этом месте [Там же, с. 141]. Что касается работ в Гергелиугорне, то в жилищах на этом памятнике находили исключительно позднеаварскую керамику. Важно подчеркнуть, что в настоящее время эти поселения не считаются древневенгерскими, поскольку в них нет находок соответствующей керамики, а находки серпов в погребениях мадьяр эпохи завоевания не подтверждают, что население занималось земледелием, как считалось ранее.

Важнейшим событием для венгерской археологии стала раскопки городища в с. Сабольч неподалёку от города Токай в 1969–1971 гг. Это поселение, в XI в. ставшее центром одноимённого комитата, было основано после венгерского завоевания, т. е. не ранее начала X в., а не в эпоху поздней бронзы, как считалось ранее [Németh, 1974, l. 174–176]. Пока что, в свете современных данных, неизвестно, кем оно было основано. Неизвестно и точное время основания Сабольча. На его территории было обнаружено одно погребение эпохи завоевания родины на Дунае [Там же, l. 174]. Мы предполагаем, что Сабольч был образован на рубеже X–XI вв., однако этот тезис требует проверки.

Кратко определив основные вехи археологических исследований в Венгрии, перейдём к рассмотрению исследований в СССР.

Ещё один крупный специалист по мадьярской проблематике Иштван Фодор в 60–70-е гг. XX в. занимался погребальными лицевыми покрытиями, находки которых были сделаны в СССР. Изучив материалы раскопок позднейших хантыйских некрополей XVII–XIX вв., он пришёл к выводу, что они представляют собой пережиточный этап угорского погребального обряда, поскольку имеют характерную особенность – лицевые покрытия умерших [Fodor, 1973, l. 164–165]. Фодор также изучил материалы Поволжья, Прикамья и Приобья VIII–X вв. Основываясь на них, он убедительно доказал, что погребальные лицевые покрытия, состоящие из тканевого или кожного савана и серебряных (в позднейшую эпоху медных и железных) накладок на глаза и рот, – «визитная карточка» угорского погребального обряда [Там же, l. 174]. Таким образом, угорская принадлежность венгров была доказана и с археологической точки зрения (ранее это установили лингвисты).

Материалы раскопок 60-х – начала 70-х гг. XX в. на территории СССР, Венгрии, Румынии, ЧССР были опубликованы в русскоязычном сборнике «Проблемы археологии и древней истории угров» [1972]. Многие из высказанных в нём тезисов касательно венгерской проблематики остаются актуальными и сегодня.

В середине 70-х гг. XX в. на Маяцком городище, расположенном на территории музея-заповедника «Дивногорье» в Воронежской обл., вела работы совместная советско-болгаро-венгерская экспедиция. Венгерским отрядом в составе этой экспедиции руководил уже упомянутый выше И. Эрдели. В результате исследований Маяцкого городища, в прошлом являвшегося одним из опорных пунктов Хазарского каганата, было найдено небольшое количество находок с аналогиями в древневенгерских материалах [Türk, 2011, l. 11–13]. Основываясь на этих материалах, венгерские археологи долгое время считали, что известная по письменным источникам территория расселения древних мадьяр Леведия располагалась именно в Подонье. Впрочем, в настоящее время в научной среде такие взгляды более не актуальны.

Подводя итог нашему краткому обзору основных вех развития археологического мадьяроведения в 60–70-е гг. XX в., следует отметить, что в это необычайно плодотворное время изучение венгерской проблематики шагнуло далеко вперёд, и мы во многих аспектах продолжаем опираться на наследие наших предшественников того периода.

*Научный руководитель – В. Н. Седых
канд. ист. наук, доцент, кафедра археологии,
Санкт-Петербургский государственный университет*

Список литературы

Дьёни Г. Протовенгры на Урале в первом тысячелетии нашей эры в российской и венгерской историографии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2007. 28 с.

Проблемы археологии и древней истории угров : сб. ст. / отв. ред. А. П. Смирнов, В. Н. Чернецов, И. Эрдели. М. : Наука, 1972. 311 с.

Тихонов И. Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 332 с.

Эрдели И. Об археологической культуре древних венгров конца IX – первой половины X вв. н. э. // Проблемы археологии и древней истории угров. М. : Наука, 1972. С. 128–144.

Fodor I. Honfoglalás kori régészetiünk néhány őstörténeti vonatkozásáról // Folia Archaeologica XXIV: a Magyar Nemzeti Múzeum évkönyve. Budapest : Népművelési propaganda iroda Budapest, 1973. L. 159–174.

Németh P. Előzetes jelentés a Szabolcsi Árpád-kori megyeszékhely régészeti kutatásának első három esztendejéről (1969–1971) // Archaeologiai értesítő: a Magyar Tudományos Akadémia Archaeológiai Bizottságának közlönye. 100. Évfolyam, 1973. Évi, 2. Számából. 1974. L. 167–180.

Türk A. A magyar őstörténet és a szaltovói régészeti kultúrkör: Doktori (PhD) disszertáció tézisei. Szeged, 2011. 268 l.

Magyar Problematics in the Works of Hungarian Researches in 60–70 of the 20th Century

I. K. Kim

The article considers main stages of Magyar (Hungarian) problematics studying in 60th–70th years of 20th century by Hungarian archaeologists – Fodor István, Erdélyi István, Németh Péter, László Gyula, etc. The author reports about excavations by the archaeologists in areas of Soviet Union (Middle Volga region, Ural, Siberia, Don region), Hungary (Szabolcs, Orosháza, Tiszaeszlár, Csongrád), and also areas of Romania and Czechoslovakia, which belonged to Hungarian kingdom in the Middle ages. Besides, the author presents the most important results of the excavations and interpretation of these data by the archaeologists. Special attention is dedicated to release of collected papers “Problems of Ugric archaeology and early history”. In addition, author refers to Hungarian-language scholarly publications, which considers Magyar problematics and its historiography.

Keywords: Magyar problematics, Hungarian Archaeology, ancient Hungarians, researching, archaeological data.

Ким Игорь Константинович

студент 3-го курса

Санкт-Петербургский государственный университет

e-mail: mister-yoda2015@yandex.ru

Kim Igor Konstantinovich

Student 3rd year

Saint-Petersburg State University

e-mail: mister-yoda2015@yandex.ru

УДК 930.1:902(571.6)

Историография археозоологических исследований на памятниках палеометалла и средневековья юга Дальнего Востока*

В. Р. Масленникова

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-09-40101

Ведущими компонентами системы жизнеобеспечения человека эпохи палеометалла и средневековья являлись отрасли, направленные на получение продуктов питания. Основным источником, реконструирующим видовой состав фауны и особенности хозяйственно-производственной жизни населения, является остеологический материал. Остатки фауны имеются практически на всех видах археологических памятников. Однако не все из них сохраняются в культурном слое при нахождении во влажной и кислотной среде, характерной для приморских почв. В таких условиях органические остатки сохраняются в основном в раковинных кучах, из которых и было получено большое количество сведений о древнем рыболовстве, охоте и животноводстве Приморья.

Относительно хорошо изучена фауна янковской культуры благодаря многолетним раскопкам, большому числу памятников с раковинными кучами и привлечению специалистов к ее исследованию. Первые фаунистические списки, полученные по материалам раскопок янковской культуры М. И. Янковским, В. П. Маргаритовым, И. С. Поляковым, В. К. Арсеньевым, А. И. Разиным и Л. Н. Иваньевым, содержали в себе начальные сведения о составе фауны древних поселений, основанные не только на анализе остеологических коллекций, но и на анализе изделий и рисунков на керамике, представляющих животных. Так, М. И. Янковский, раскапывавший поселение на берегу Амурского залива, давал следующий фаунистический список: пятнистый олень, косуля, домашний бык, собака и птицы [Янковский, 1881, с. 92].

В результате исследований к 20-м гг. XX в. общепринятым стало мнение, что носители янковской культуры занимались сезонным рыболовством и охотой при ведущей роли морского промысла [Разин, 1925].

Роль рыболовства для древнего человека в таком богатом рыбными запасами районе, как побережье Южного Приморья, была огромна. Однако изучение древнего рыболовства продвигалось медленно. Первые известные находки успешно идентифицированных костей рыб были сделаны В. К. Арсеньевым по результатам раскопок на поселении янковской культуры Песчаный-1. Следующие исследования рыбных остатков были предприняты ихтиологом А. Я. Таранцом уже в 1936 г. по материалам памятников на мысе Басаргина и п-ве Сидими [Таранец, 1936, с. 125].

Серьезный импульс к изучению археозоологических коллекций Приморья был дан в начале 1950-х гг. А. П. Окладниковым, который привлек ряд специалистов для обработки материалов раскопок Дальневосточной археологической экспедиции. С конца 1950-х гг. такие работы стали неотъемлемой частью дальневосточной археологии. При раскопках раковинных куч, приводимых А. П. Окладниковым на памятнике янковской культуры Песчаный-1 в 1956 и 1960 гг., было найдено много костных остатков [Окладников, 1963]. К изучению костей млекопитающих была привлечена Н. М. Ермолова, а остатками рыб занимался Е. А. Цепкин. Методом визуальной выборки было обнаружено около 1560 обломков различных костей рыб.

В исследовании Н. М. Ермоловой в Приморской археологии костные остатки впервые становятся информативным источником, позволяющим определить способ и возраст забоя, рацион питания, условия содержания домашних животных. По мнению Н. М. Ермоловой, разведение домашних свиней и собак было приоритетным направлением в хозяйстве янковцев, а дикие животные в рационе появлялись эпизодически [1963, с. 344].

В последней четверти XX в. Владивостоку было суждено стать одним из центров развития археозоологии в регионах России. Произошло это благодаря началу работы здесь Э. В. Алексеевой. Областью ее исследований стало изучение и анализ видового состава млекопитающих из археологических памятников от палеолита до эпохи средневековья. Археолого-палеозоологические исследования на Дальнем Востоке она вела с 1973 г.

Анализ костного материала позволил исследователю делать различные выводы, касающиеся места домашних и диких животных в хозяйстве, уровня развития животноводства у древнего населения, морфологических особенностей местной домашней фауны. Э. В. Алексеева уделяла внимание трудностям определения диких и домашних видов, специфике плохого ухода и содержания домашних животных в средневековом Приморье [Алексеева, Шавкунов, 1983, с. 70; Алексеева, Болдин, 1989, с. 80].

С 1960 г. в Приморье начинает работать выпускник кафедры ихтиологии МГУ Л. Н. Беседнов. С его исследованиями связаны качественные изменения в изучении древнего рыболовства Приморья. В 1963 г. была опубликована работа с результатами обработки костных останков рыб из пяти памятников янковской культуры, собранные Г. И. Андреевым. Следом, в 1973 г., Л. Н. Беседнов опубликовал список рыб из раковинной кучи янковской культуры на мысе Бринера; 1987 г. – на памятнике Песчаный-1. Его исследования уникальны для Дальнего Востока [Вострецов, 2015, с. 11].

С 1988 г. в обработке экофактов из археологических памятников начал принимать участие В. А. Раков, изучавший малакофауну, распространенную на многих археологических объектах региона, в том числе на поселениях п-ва Песчаный [Раков, Толстоногова, 1996]. Его разносторонние научные интересы охватывают проблемы палеоэкологии, археологии, малакологии и аквакультуры региона.

В 1990-е гг. Ю. Е. Вострецов продолжал работы на памятнике Песчаный-1. По полученным костным материалам было проведено крупное исследование. В условиях приморской специфики вопрос различия диких и домашних видов всегда оставался актуальным. Авторы использовали в его решении новый метод, заключающийся в сравнении посткраниальных показателей древней и современной популяций свиней, для установления одомашненной и дикой популяции. Таким образом, авторы снова доказали преобладание домашней свиньи в янковском хозяйстве [Роули-Конви, Вострецов, 2009].

Комплексное исследование костных остатков было осуществлено в 2009 г. В. Е. Панасенко и Е. И. Гельман в рамках изучения роли млекопитающих в системе жизнеобеспечения бохайского городища Горбатка [2008, с. 164]. В данной работе ученые ставили перед собой целью рассмотрение видового состава животных на памятнике и их роли в системе жизнеобеспечения городища. В ходе изысканий был выявлен таксономический состав животных;

произведена оценка сохранности и органолептических показателей костных остатков; сделаны количественные оценки видового состава животных и сформулированы выводы. Интерес к средневековым памятникам и их остеологическим коллекциям набирает обороты.

Вопросу видового разнообразия крупных млекопитающих Приморья в голоцене и фауногенезу посвящены работы В. В. Гасилина [2010].

Таким образом можно сделать вывод, что наиболее полное представление о фауне создается при комплексном изучении материалов ряда памятников, относящихся к определенному времени. В результате такого всестороннего исследования приморская наука имеет достаточно сведений о животных периодах палеометалла и средневековья. На данный момент направление не теряет своей актуальности и развивается, расширяя области изучения и источниковую базу.

*Научный руководитель – А. Н. Попов
канд. ист. наук, доцент
Департамент истории и археологии,
Школа искусств и гуманитарных наук,
Дальневосточный федеральный университет*

Список литературы

- Алексеева Э. В., Болдин В. И. Остатки животных из средневековых слоев Новогордеевского селения и городища // Новые материалы по средневековой археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1989. С. 80–85.
- Алексеева Э. В., Шавкунов Э. В. Дикие и домашние животные Шайгинского городища // Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий. Владивосток, 1983. С. 70–79.
- Вострецов Ю. Е. Введение (краткая история изучения древнего рыболовства в заливе Петра Великого) // Лев Николаевич Беседнов – исследователь древнего рыболовства. Владивосток, 2015. С. 5–11.
- Гасилин В. В. Видовое разнообразие крупных млекопитающих Приморья в позднем голоцене // Динамика экосистем в голоцене. Екатеринбург, 2010. С. 61–64.
- Ермолова Н. М. Остатки млекопитающих из раковинных куч полуострова Песчаного // МИА № 112. 1963. С. 344–348.
- Окладников А. П. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока // МИА № 112. М.; Л., 1963. 355 с.
- Панасенко В. Е., Гельман Е. И. Костные останки млекопитающих из бохайского городища Горбатка // Вестник ДО РАН. 2008. № 5. С. 164–165.
- Разин А. И. Археологическая разведка на берегу Уссурийского залива // Советское Приморье. Владивосток, 1925. С. 59–72.
- Раков В. А., Толстоногова В. В. Малакофауна раковинных куч янковской культуры на п-ве Песчаном // Освоение Северной Пацифики. Владивосток, 1996. С. 135–154.
- Роули-Конви П., Вострецов Ю. Е. Хозяйственная деятельность носителей янковской археологической культуры Приморья в свете остеологических данных // Археология, этнография, антропология Евразии. 2009. № 2 (38). С. 79–84.
- Таранец А. О костях рыб, найденные в кухонных остатках племени Илоу // Вестн. ДВ филиала АН СССР. 1936. № 18. С. 125–131.
- Янковский М. И. Кухонные остатки и каменные орудия, найденные на берегу Амурского залива на полуострове, лежащем между Славянской бухтой и устьем р. Сидеми // Изв. Вост.-Сиб. отдела Импер. геогр. общества. 1881. Т. 12, № 2–3. С. 92–93.

Historiography of the Archeozoological Research on the Paleometal and the Middle Age Archaeological Sites in the South of the Far East

V. R. Maslennikova

The article presents a review on the development of archeozoology in the south of the Far East. The article considers the main works of archaeologists that have an archeozoological orientation. Attention is paid to scientific school formed in the Primorski region. The milestones and researchers indicated in chronological order. The article covers the paleometal periods and the Middle ages. The most studied period of paleometal in Primorski region has the largest number of archaeological subjects, which are consecrated in the work. Historiography covers the second quarter of the 19th century to the present day. The article presents studies of mammals, fish, and malacofauna. The theses are a brief overview of the work.

Keywords: Archaeology, historiography, Primorski region, mammals, fauna.

Масленикова Валерия Романовна

студент 3-го курса
Дальневосточный федеральный университет
e-mail: Valera.maslennikova99@mail.ru

Maslennikova Valeria Romanovna

Student 3rd year
Far Eastern Federal University
e-mail: Valera.maslennikova99@mail.ru

Буддизм в казахских степях в период Улуса Жошы

С. М. Сыдығалиев

Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

Территория Казахстана в XIII–XIV вв. входила в состав государства, известного в исторической литературе как Золотая Орда, современники называли это государство Улус Жошы. До утверждения ислама в 1321 г. государственной религией население государства отличалось большим разнообразием религиозных верований. Одним из них был буддизм. Буддизм – европейское обозначение древнейшей мировой религии, возникшей в Индии в середине I тыс. до н. э. и восходящей к учению отшельника Сиддхартхи Гаутамы, носящего титул Будды. В настоящее время эта дискуссионная проблема связана с распространением и ролью буддизма на территории Казахстана в период Улуса Жошы.

Письменные свидетельства о существовании буддизма имеются в трудах средневековых путешественников. Одним из подтверждений признаков буддизма является работа Гийома де Рубрука «Путешествия в восточные страны»: «Все они молятся на север, хлопая в ладоши и простираясь на землю на согнутых коленях, причем челом опираются на руки. Отсюда несториане в тех странах отнюдь не соединяют рук для молитвы, а молятся, протянув руки перед грудью» [Рубрук, 1911, с. 106–107]. Г. де Рубрук, скорее всего, описывает уйгуров. На то время уйгуры играли роль посредников в приобщении монголов к письменности и распространителей буддизма в Средней Азии. Описывая храмы, Г. де Рубрук повествует о монахах: «Точно так же все жрецы их бреют целиком голову и бороду; одевая их желтого цвета; с тех пор как они обречут голову, они хранят целомудрие и должны жить по сто или по двести за раз в одной общине» [Там же].

В работе «Путешествие по Европе, Азии и Африке» баварский солдат Иоганн Шильтбергер описывает уйгур и их обычаи: «Замечу также, что местные жители поклоняются Христу, подобно трем царям, пришедшим для принесения ему жертвы в Вифлеем, где его видели в яслях... Приверженцев этого толка называют угинами; они и в Татарии встречаются в большом числе» [1984, с. 34–35]. И. Шильтбергер не вдаётся в описание каких-либо признаков несторианства и не утверждает, что это были христиане, он описывает знакомый ему евангелический сюжет о трех волхвах. Это наводит на мысль, что баварский солдат столкнулся с буддийским храмом и обычаем, характерным для буддизма. Как считает В. Костюков, «особую ценность информации Шильтбергера придает то обстоятельство, что она относится к началу XV в. и, следовательно, демонстрирует сохранение активности буддизма в условиях, когда золотоордынская элита, казалось бы, уже давно сделала окончательный выбор в пользу ислама» [2009, с. 190]. Тем самым В. П. Костюков дает понять, что влияние буддизма могло быть весьма высоким до и после насаждения ислама Узбек-ханом.

Согласно письменным источникам, буддизм в Улусе Жошы должен был играть одну из ключевых ролей в политических отношениях с монгольскими улусами. Наиболее благоприятным временем для распространения буддизма мог быть только ранний период в Улусе Жошы. С появлением Ногаю, рассчитывающего заручиться поддержкой Тулуидов, чтобы взять власть в Улусе Жошы, освобождается сын Хубилая Нумуган, и ильхану Аргуну отправляется «шариль» в виде дара. Шариль – это телесные останки покойного святого, сравнимого по своей святости с Буддой. Благодаря Ногаю следующим ордынский трон занимает Токта. Его правление тоже относится к этому периоду, поскольку Токта также опирался на буддийскую общи-

ну. Отсюда следует, что правящая верхушка была наиболее лояльна к буддизму. Поскольку тенгрианство имело слабый интеграционный процесс, буддизм на первых этапах Улуса Жошы имел все шансы стать устойчивым инструментом идеологии. Таким образом, буддизм имел достаточную основу для распространения и на степной территории Казахстана. Исходя из выше указанных источников, можно вывести теорию о преобладающем количестве последователей буддийской религии из представителей аристократии Улуса Жошы. Для подтверждения этой теории необходимо изучить погребения этого периода.

Археологические свидетельства буддизма основаны на сравнительно недавних раскопках погребений XIII–XIV вв. на территории Казахстана. Известный археолог В. П. Костюков уже поднимал проблему буддизма в культуре Золотой Орды. Сравнив буддийские погребения Сибири и Дальнего Востока с захоронениями на территории Улуса Жошы, он вывел общие черты этих погребальных обрядов: южная ориентировка погребённых, наличие монет или драгоценностей в районе головы, во рту, в руках покойного, неестественное положение рук, когда одна из них как бы прикрывает рот умершего, обёртывание или покрытие тела и в особенности головы тканью, а также мумифицирование умерших [Костюков, 2009]. Примером таких погребальных обрядов на территории Казахстана являются погребения Барбастау I и Тасмола IV. В погребении могильника Барбастау I найдены в черепе и во рту две бронзовые и одна серебряная монеты. Монеты датируются 1321 г. [Кушаев, 1993]. При анализе могильника Тасмола IV обнаружены монеты у кисти левой руки и во рту, с левой стороны черепа находилась серебряная серга с лунным знаком и накрученной спиралью [Кадырбаев, Бурнашева, 1970]. Поскольку большинство захоронений представлены в виде вкрапленных характерных черт буддийской обрядности, то эти комплексы на территории Улуса Жошы обобщенно принято называть языческими, идолопоклонническими или немусульманскими захоронениями.

А. А. Бисембаев по результатам исследования захоронений Западного Казахстана, поделил 107 погребений на две основные группы: погребения языческой обрядности и погребения исламские. Анализ погребений показал, что 42 % из них с меридиональной ориентировкой. Большинство погребений принадлежат степной аристократии. Среди погребений часто встречались скелеты, лежащие в скорченном положении на правом боку [Бисембаев, 2003]. Во время раскопок погребального комплекса Карасуыр в Центральном Казахстане периода Улуса Жошы было выявлено 20 погребений и исследовано 5 погребальных сооружений. Также найдена горизонтальная каменная плита, на которой прослеживаются следы удаления корки камня и контур изображения Шакьямуни-бурхана. Погребальный комплекс датируется концом XIII – началом XIV в. В погребениях обнаружены бараний астрагал, бронзовый колокольчик и железный крюк. Это свидетельствует о проведении ритуальных обрядов со специальным снаряжением варджа, характерным для буддийских культов. Практически все погребения в могильнике Карасуыр располагаются по южным отрогам сопок. По мнению Э. Р. Усмановой, «такое размещение свойственно для буддийского погребального обряда, так как оно соотносится с монгольскими и буддийскими представлениями о Мировой Горе и расположением ворот храмов с южной стороны» [Усманова, Дрёмов, Панюшкина, 2015, с. 524].

Таким образом, в период Улуса Жошы буддизм имел широкое распространение среди аристократии, чему свидетельствуют письменные работы путешественников того периода, а также 2/3 погребений Западного Казахстана и погребальные комплексы Центрального Казахстана. Найденные элементы буддийской обрядности, ритуальные предметы, сама частота погребений, свидетельства о храмах и изображения бурханов на территории Казахстана подтверждают культурный и политический статус буддизма на ранних этапах Улуса Жошы. На сегодняшний день изучение данной темы имеет непосредственное отношение к проблеме взаимодействия Золотой Орды и соседствующих ей культур.

*Научный руководитель – М. К. Хабдулина
канд. ист. наук, доцент,
кафедра археологии и этнологии,
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева,
директор НИИ археологии
им. К. А. Акишева*

Buddhism in the Kazakh Steppes During the Ulus of Jochi Period

S. M. Sydygaliev

The article is devoted to the spread of Buddhism in Kazakhstan during the Ulus of Zhoshy. An analysis of the problem is presented through the study of research on the presence of Buddhist cults, burials, temples, monasteries on the territory of the Kazakh steppes. The article shows the influence of Buddhism on the funeral culture of the Kazakh steppes in the era of the Golden Horde. Comparison of information about the political situation within and between the Mongolian uluses with archaeological sources. Analysis and confirmation of the theory of Vladimir Petrovich Kostyukov about the prevailing influence of Buddhism on the territory of the Golden Horde.

Keywords: Ulus of Zhoshy, Buddhism, Islam, Tengrianism, politics, integration, rituals, burials, ritual coins, orientation.

Сыдығалиев Сункар Маратулы
студент 2-го курса
Евразийский национальный
университет имени Л. Н. Гумилева
e-mail: sunki2000@mail.ru

Sydygaliev Sunkar Maratuly
Student 2nd year
L. N. Gumilyov Eurasian National University
e-mail: sunki2000@mail.ru

Список литературы

- Бисембаев А. А. Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII–XVIII вв.). Уральск : Зап.-Казахстан. обл. центр истории и археологии, 2003. 235 с.
- Кадырбаев М. К., Бурнашева Р. З. Погребение кыпчака первой половины XIV века из могильника Тасмола // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата : Наука КССР, 1970. 299 с.
- Костюков В. П. Буддизм в культуре Золотой Орды // Тюркологический сборник. 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009. С. 189–236.
- Кушаев Г. А. Этюды древней истории степного Приуралья. Уральск : Диалог, 1993. 171 с.
- Рубрук де Г. Путешествие в восточные страны / Введ., пер. и прим. А. И. Малеина. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1911. С. 106–107.
- Усманова Э. Р., Дрёмов И. И., Панюшкина И. П. Погребения монгол-буддистов конца XIII – начала XIV вв. из Центрального Казахстана // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. Хух Хото, 2015. Т. 2. С. 515–528.
- Шильтбергер И. Путешествия по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год / пер. и прим. Ф. К. Бруна. Баку : ЭЛМ, 1984. С. 34–35.

УДК 903.01(571.15)"6323"

Возможности применения трехмерной геометрической морфометрии в изучении среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры

А. В. Гашенко

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

В последнее время в археологии все чаще начинают применять новые методы исследований, заимствованные из естественно-научных дисциплин. К таким универсальным техническим инструментам относится метод трехмерной геометрической морфометрии, который включает в себя высокоточное трехмерное сканирование артефактов и последующий анализ полученных моделей [Herzlinger, Grosman, 2018].

Геометрическая морфометрия (ГМ) – это метод изучения формы предмета, основанный на многомерном анализе координат меток, фиксируемых на заданном расстоянии на поверхности объекта. Изучаемый предмет отображается как облако точек в декартовой системе координат, что позволяет учитывать максимальную степень сложности его формы [Bookstein, 1991]. В отличие же от традиционного подхода к геометрико-морфометрическому анализу, где вручную берется множество замеров предмета, ГМ, основанная на анализе 3D-моделей, позволяет анализировать наиболее объективные данные о форме артефакта и получать результаты в числовом, текстовом и графическом форматах.

Если изначально метод применялся преимущественно в биологии, то уже в 2000-х гг. ГМ активно используется и в археологии, в том числе при изучении каменных артефактов. Считается, что первый успешный опыт по применению ГМ в изучении каменных орудий продемонстрировала статья, опубликованная в 2006 г. исследователем С. Лицеттом и его коллегами [Lucett, von Cramon-Taubadel, Foley, 2006], после выхода которой методика все чаще начинает применяться в исследованиях каменного века.

Традиционно для описания формы каменных орудий археологи использовали отдельные замеры – линейные измерения (длина, ширина, толщина) и их индексы (удлиненности, массивности и т. д.). ГМ дает возможность исследователю анализировать форму предметов в выборке, применяя многовариантный статистический метод главных компонент, что позволяет считать результаты применения выборки верифицируемыми [Buchanan, 2006].

В рамках данного исследования нами будет детально рассмотрена выборка односторонних конвергентных орудий из среднепалеолитических индустрий Чагырской пещеры.

Чагырская пещера – один из ключевых памятников каменного века на территории Алтая, здесь наряду с богатой археологической коллекцией был получен многочисленный палеоантропологический материал, принадлежащий ископаемому человеку неандертальского антропологического типа [Междисциплинарные исследования ... , 2018]. Характерной особенностью индустрии Чагырской пещеры, в отличие от других среднепалеолитических объектов региона, является значительная доля орудий, что является специфической чертой сибирячихинского варианта среднего палеолита Горного Алтая. Около 30 % от типологически определяемых сколов в индустрии являются

орудиями [Эксплуатация каменного ... , 2015; Междисциплинарные исследования ... , 2018, с. 150–152].

В индустрии Чагырской пещеры среди односторонних доминируют трапециевидные и листовидные формы, отмечены сегментовидные и треугольные изделия [Междисциплинарные исследования ... , 2018]. Конвергентные скребла представлены следующими морфологическими группами: треугольными, трапециевидными, прямоугольными, сегментовидными, листовидными, овальными и конвергентными неопределимыми – фрагментированными [Там же, с. 195–202].

Выбор интенсивно обработанных односторонних конвергентных орудий Чагырской пещеры не случаен, поскольку эти типы орудий являются маркирующими для индустрии и составляют наиболее обширную коллекцию среди среднепалеолитических памятников региона [Там же].

Выборку составили 17 артефактов, из них 10 орудий типологически были определены как односторонние, а 7 орудий – как конвергентные скребла.

Среди односторонних доминируют листовидные формы. Значительная часть односторонних (6 экз.) имеет базальное утончение на дорсальной поверхности.

Конвергентные скребла обычно асимметричны в плане, длина одного лезвия превышает длину второго. Среди конвергентных скребел доминируют трапециевидные формы. Часть скребел (3 экз.) имеет естественный обухок. Базальная подработка была представлена только на одном орудии.

Все орудия из выборки были отсканированы согласно опубликованной методике [3D моделирование ... , 2019]. Для проведения данного исследования нами была использована программа Artifact GeoMorph Toolbox 3-D [Herzlinger, Grosman, 2018].

Результаты анализа показали, что все исследуемые орудия имеют более или менее сходную морфологию, но группа с наиболее изменчивой формой – это односторонние, которые имеют более симметричную и тонкую форму, чем конвергентные скребла, также у односторонних выделяется наличие базальной подработки, чего не было зафиксировано у скребел. У скребел же наиболее изменчивая часть фиксируется на дорсальной части орудий, что может свидетельствовать о наличии обухка.

Морфологическая изменчивость исследуемых орудий была обусловлена такими морфологическими характеристиками, как наличие обухка, вентрального базального утончения и протяженности ретушированных лезвий.

*Научный руководитель – А. И. Кривошапкин
д-р ист. наук, член-корреспондент РАН*

Список литературы

3D моделирование археологических артефактов при помощи сканеров структурированного подсвета / П. В. Чистяков, В. С. Ковалев, К. А. Колобова, А. В. Шалагина, А. И. Кривошапкин // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 3 (27). С. 102–112.

Междисциплинарные исследования Чагырской пещеры – стоянки среднего палеолита Алтая / А. П. Деревянко, С. В. Маркин, К. А. Колобова, В. П. Чабай, Н. А. Рудая, Б. Виола, А. П. Бужилова, М. Б. Медникова, С. К. Васильев, В. С. Зыкин, В. С. Зыкина, В. С. Зажигин, А. О. Вольвах, Р. Г. Робертс, З. Якобс, Ли Бо. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. 468 с.

Эксплуатация каменного сырья представителями сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая / А. П. Деревянко, С. В. Маркин, Н. А. Кулик, К. А. Колобова // Археология, этнография

и антропология Евразии. 2015. Т. 43, № 3. С. 3–16. <https://doi.org/10.17746/15630102.2015.43.3.003-016>.

Bookstein F. L. Morphometric Tools for Landmark Data: Geometry and Biology. Cambridge, 1991. 435 p.

Buchanan B. An Analysis of Folsom Projectile Point Resharpener Using Quantitative Comparisons of Form and Allometry // Journal of Archaeological Science. 2006. Vol. 33. P. 185–199. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2005.07.008>.

Herzlinger G., Grosman L. AGMT3-D: A software for 3-D landmarks – based geometric morphometric shape analysis of archaeological artifacts // PLoS ONE. 2018. Vol. 13 (11). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0207890>.

Lycett S. J., von Cramon-Taubadel N., Foley R. A. A crossbeam coordinate caliper for the morphometric analysis of lithic nuclei: a description, test and empirical examples of application // Journal of Archaeological Science. 2006. Vol. 33 (6). P. 847–861.

The Application of 3-D Geometric-Morphometric Analysis in order to Study the Middle Paleolithic Assemblages from Chagyrskaya Cave

A. V. Gashenko

The paper addresses the issue of the 3-D geometric- morphometric analysis in order to study lithic tools since the beginning of the 2000^s. The method requires a high precision 3-D models of the complete artifacts, and displays its digitized image as a point-cloud. In the article we discuss the possibility of the analysis application to study the Middle Paleolithic assemblages from Chagyrskaya Cave. We performed the analysis of two typological tool categories (convergent scrapers and convergent points). The results of the analysis suggest morphological dissimilarities among the side-scrapers and points depending on back, ventral thinning and retouched edges.

Keywords: 3-D, geometric-morphometric analysis, lithic tools, Middle Paleolithic.

Gashenko Andrei Vyacheslavovich

студент 4-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: gashenkov98@gmail.com

Gashenko Andrei Vyacheslavovich

Student 4th year

Novosibirsk State University

e-mail: gashenkov98@gmail.com

УДК 902/904

Экспериментальное исследование расщепления кости по материалам Чагырской пещеры

А. С. Колясникова, Т. А. Шевченко

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

В эпоху палеолита человеком практиковалось расщепление костей животных для добычи костного мозга, который играл важную роль в его рационе. Первое свидетельство антропогенного раскалывания кости датируется не менее 2,6 млн л. н. [Cutmarked bones ..., 2005]. Эта практика сохраняется и в наше время у некоторых народов [Yellen, 1991].

При работе с фаунистическим материалом палеолитических стоянок важно определить не только виды утилизированных животных и минимальное количество особей, но также и причину возникновения повреждений на костях. Внимательное изучение формы и характера слома костяного фрагмента может позволить определить, чем, когда и как он был произведен.

Среднепалеолитический памятник Чагырская пещера расположен в среднегорье северо-западного Алтая. Слои ба, бб, бв1 и бв2 памятника содержат остатки гоминин неандертальского подвида и орудийные коллекции, в состав которых входят 1200 экземпляров целых и фрагментированных костяных орудий. На сегодняшний день изучено 206,5 тыс. костных остатков с данного памятника. Обломков костей крупнее 5 см насчитывается всего 4,4 %. Среди фрагментов длиннее 5 см преобладают обломки костей, расколотых человеком в свежем состоянии. Отсутствуют эпифизы трубчатых костей бизона (*Bison priscus*) и лошади (*Equus caballus*), являвшихся основным объектом охот неандертальцев Чагырской пещеры. Значительная часть крупных обломков костей была преобразована в орудия [Междисциплинарные исследования ..., 2018; Колобова, Маркин, Чабай, 2016].

На сегодняшний день в науке накоплено огромное количество исследований по различным повреждениям кости, возникшим в результате действий человека, животных или природных процессов [Karr, Outram, 2012]. Первое

экспериментальное исследование по расщеплению кости в археологии было проведено в 1910 г. Генри Мартином. Его целью было объяснение определенных форм костяных фрагментов из материалов палеолитических памятников Франции. С 30-х гг. XX в. многие исследователи ассоциировали преднамеренное раскалывание кости человеком со спиралевидными сломами на ней [Breuil, 1938]. Более поздние экспериментальные работы показали, что спиралевидные сломы могут также быть результатом деятельности хищников [Haynes, 1980].

Различные экспериментальные исследования продемонстрировали важность состояния кости при ее расщеплении и различия признаков сухой, свежей и замороженной костей [Karr, Outram, 2012]. Паола Вилла и Эрик Мае в 1991 г. предложили три критерия оценки индекса свежести кости по ее фрагментам: угол между наружной поверхностью и поверхностью слома, форма слома и характер поверхности слома [Villa, Mahieu, 1991].

В последние годы были опубликованы работы по экспериментальному расщеплению кости с использованием новых технологий. Исследователи успешно применили машинное обучение (Machine Learning) и географическую информационную систему (ГИС) для работы с полученными в ходе экспериментов данными [A GIS based ..., 2019; Moclán, Domínguez-Rodrigo, Yravedra, 2019].

В рамках изучения Чагырской пещеры и с целью создания эталонной коллекции для научно-образовательной площадки «Палеотехнологии» на базе НОЦ «Новая археология» Ги НГУ нами была проведена серия экспериментов по расщеплению кости. Ранее проводившиеся нами эксперименты были посвящены сравнению метрических показателей костяных обломков при разных способах расщепления [Экспериментальное моделирование ..., 2019]. В данной серии экспериментов применялся способ расщепления,

определенный ранее как наименее энергозатратный – посредством ударов твердого каменного отбойника по центру кости или вблизи него с использованием наковальни в качестве опоры [Там же]. Из 5 длинных трубчатых костей коровы, взятых для экспериментов, четыре были в свежем состоянии (2–3 дня после смерти животного) и одна сухая (около 6 месяцев). Костяные фрагменты, полученные в результате расщепления, были подсчитаны и измерены. Эпифизы в подсчете фрагментов не были учтены. В ходе экспериментов были собраны все костяные фрагменты, включая осколки <10 мм. Для крупных фрагментов были измерены максимальные метрические показатели (длина, ширина, толщина), а мелкие фрагменты были посчитаны по двум категориям: 1) от 10 до 40 мм; 2) до 10 мм.

В результате расщепления пяти костей было получено 26 крупных фрагментов, 76 мелких фрагментов от 10 до 40 мм, а также 324 осколка менее 10 мм. В большинстве случаев прослеживалось раскалывание х-образной формы. По сравнению с предыдущим экспериментом, в этот раз получилось значительно больше мелких фрагментов. Это можно объяснить тем, что используемый отбойник был меньше предыдущего, а экспериментатор обладал меньшей физической силой и меньшим опытом, вследствие чего потребовалось больше ударов для раскалывания кости. В среднем на одну свежую кость пришлось 5,2 крупных фрагмента, 10,7 (>10 мм) и 60,5 (<10 мм) мелких осколков. Для сухой кости было зафиксировано четыре крупных, 33 (>10 мм) и 82 (<10 мм) мелких фрагмента.

Примененный нами метод расщепления кости достаточно эффективен для раскалывания кости как с целью добычи костного мозга, так и для получения заготовок костяных орудий. Отделение эпифизов не играет большой роли при добыче желтого костного мозга, однако имеет смысл при раскалывании кости для заготовок орудий, так как позволяет получить больше крупных фрагментов. Согласно данным проведенных экспериментов, свежая кость легче раскалывается и меньше крошится, чем сухая. Сухая кость менее прочна и эластична, из-за чего при расщеплении получилось большое количество мелких осколков.

В результате испытания были получены первые экземпляры продуктов расщепления кости для эталонной

коллекции научно-образовательной площадки «Палеотехнологии», которые в дальнейшем будут использоваться при исследовании костяных остатков из археологических памятников Сибирского региона, в том числе Чагырской пещеры.

Научный руководитель – А. И. Кривошапкин,
д-р ист. наук, член-корреспондент РАН

Список литературы

- Колобова К. А., Маркин С. В., Чабай В. П. Костяные ретушеры в среднепалеолитических комплексах Чагырской пещеры // Теория и практика археологических исследований. 2016. № 4 (16). С. 35–39.
- Междисциплинарные исследования Чагырской пещеры – стоянки среднего палеолита Алтая / А. П. Деревянко, С. В. Маркин, К. А. Колобова, В. П. Чабай, Н. А. Рудая, Б. Виола, А. П. Бужилова, М. Б. Медникова, С. К. Васильев, В. С. Зыкин, В. С. Зыкина, В. С. Зажигин, А. О. Вольвах, П. Г. Робертс, З. Якобс, Ли Бо. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. 468 с.
- Экспериментальное моделирование расщепления кости по материалам сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая / М. В. Селецкий, А. С. Колясникова, В. М. Харевиц, К. А. Колобова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. XXV. С. 238–244.
- A GIS based approach to long bone breakage patterns derived from marrow extraction / T. Stavrova, A. Borel, C. Daujeard, D. Vettese // PLoS ONE. 2019. Vol. 14 (5). P. 1–26. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0216733>
- Breuil H. The use of bone implements in the old Palaeolithic period // Antiquity. 1938. Vol. 12 (56). P. 67.
- Cutmarked bones from Pliocene archaeological sites at Gona, Afar, Ethiopia: implications for the function of the world's oldest stone tools / M. Domínguez-Rodrigo, T. R. Pickering, S. Semaw, M. J. Rogers // Journal of Human Evolution. 2005. Vol. 48. P. 109–121.
- Haynes G. Evidence of carnivore gnawing on Pleistocene and Recent mammalian bones // Paleobiology. 1980. Vol. 6 (3). P. 341–351.
- Karr L. P., Outram A. K. Tracking changes in bone fracture morphology over time: environment, taphonomy, and the archaeological record // Journal of Archaeological Science. 2012. Vol. 39. P. 555–559.
- Močlán A., Domínguez-Rodrigo M., Yravedra J. Classifying agency in bone breakage: an experimental analysis of fracture planes to differentiate between hominin and carnivore dynamic and static loading using machine learning (ML) algorithms // Archaeological and Anthropological Sciences. 2019. Vol. 11 (9). P. 4663–4680.
- Villa P., Mahieu E. Breakage patterns of human long bones // Journal of Human Evolution. 1991. Vol. 21. P. 27–48.
- Yellen J. E. Small mammals: Kung San utilization and the production of faunal assemblages // Journal of Anthropological Archaeology. 1991. Vol. 10. P. 1–26.

An Experimental Study of Bone Breakage Technology Based on the Materials of the Chagyrskaya Cave

A. S. Kolyasnikova, T. A. Shevchenko

The paper addresses the issue of the experimental studies on bone fracture morphology since the early 20th century. In the article preliminary experimental results based on bone breakage are presented and compared with the paleontological Middle Paleolithic complexes from Chagyrskaya Cave. Based on our previous study (2019) we chose the least energy consuming method of bone breakage. Five cattle (*Bos taurus*) long limb bones were broken by direct percussion. One dry and four fresh bones were taken in order to compare the process of bone fragmentation in different states of freshness. The fragmentation is assessed by dividing fragments into size classes. These experiments provide the first samples of bone fragments for the comparative collection of the Scientific and Educational Center “Paleotechnology”.

Keywords: experiments, bone breakage, marrow extraction, Middle Paleolithic.

Колясникова Анастасия Сергеевна

лаборант, научно-образовательная площадка «Палеотехнологии», Научно-образовательный центр «Новая археология», Гуманитарный институт Новосибирский государственный университет
e-mail: kns0471@gmail.com

Шевченко Татьяна Андреевна

лаборант, научно-образовательная площадка «Палеотехнологии», Научно-образовательный центр «Новая археология», Гуманитарный институт Новосибирский государственный университет
e-mail: tatiana.752@icloud.com

Кольясникова Анастасия Сергеевна

Laboratory Assistant, Scientific and Educational Center “Paleotechnology”, Scientific and Educational Center “New Archaeology”, Humanitarian Institute Novosibirsk State University
e-mail: kns0471@gmail.com

Shevchenko Tatyana Andreevna

Laboratory Assistant, Scientific and Educational Center “Paleotechnology”, Scientific and Educational Center “New Archaeology”, Humanitarian Institute Novosibirsk State University
e-mail: tatiana.752@icloud.com

Первичное расщепление в индустриях заключительного этапа среднего палеолита Денисовой пещеры (материалы южной галереи)

В. А. Михиенко

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Денисова пещера – многослойный археологический объект на северо-западе Алтая, особо значимый в контексте древнейшей мировой истории. В региональном плане многочисленные комплексы, обнаруженные на памятнике, характеризуют различные культурно-хронологические этапы истории Алтая от эпохи палеолита до позднего средневековья. Древнейший каменный век представлен отложениями культурных слоев 22–9, из которых слои 22–12 характеризуют период среднего палеолита, а слои 11 и 9 – верхний палеолит региона.

Для данного исследования были выбраны материалы из слоя 12 – завершающего этапа среднего палеолита (64 ± 9 – 47 ± 8 тыс. л. н. согласно новым датам, полученным благодаря Байесовской модели, составленной на основе серии OSL-дат) [Timing of archaic ... , 2019].

Находки, полученные в ходе раскопок южной галереи Денисовой пещеры в 1999–2004 гг., были опубликованы предварительно в серии небольших обзорных статей по итогам полевых сезонов [Новые результаты ... , 2000, 2003]. В исследованиях последних лет упомянутые материалы из среднепалеолитического пласта были повторно рассмотрены, изучены и введены в научный оборот [Шуныков, Козликин, Михиенко, 2019]. Полевые работы двух последних лет позволили уточнить стратиграфию данного участка и пополнили археологическую коллекцию [Новые данные ... , 2018; Каменные индустрии ... , 2019]. Однако на сегодняшний день данные по первичному расщеплению в южной галерее представлены разрозненно в серии небольших обзорных статей по годам раскопок. Дальнейшие работы, проводимые на участке южной галереи памятника, требуют пересмотра и ввода в научный оборот в полном объеме старых коллекций и обобщения их с новыми данными.

Плоскостное расщепление слоя 12 из южной галереи иллюстрируют два монофронтальных параллельных нуклеуса – одноплощадочный и двуплощадочный со встречным скалыванием. Ядрища сохраняют негативы снятия крупных удлиненных отщепов. Коллекцию раскопок начала 2000-х гг. дополняют семь нуклеидных обломков.

Раскопки последних лет также демонстрируют плоскостной метод скалывания: четыре двуплощадочных монофронтальных параллельных ядрища, два из которых для встречного скалывания; два одноплощадочных монофронтальных нуклеуса и радиальные формы в монофронтальном (8 экз.) и бифронтальном (4 экз.) вариантах. Материалы иллюстрируют и леваллуазское расщепление, которое представлено двумя нуклеусами для производства отщепов [Новые данные ... , 2018; Каменные индустрии ... , 2019].

Индустрия сколов устьевой зоны слоя 12 включает в себя отщепы (299 экз.), пластины (40 экз.), пластинку, три микропластинки и две леваллуазские формы – всего 345 форм в коллекции из устьевой зоны южной галереи.

Превалируют целые изделия (58,9%), преимущественно средние (46,6%) и крупные (41,5%). Почти в равной степени встречаются удлиненные (46,5%) и короткие заготовки (45,8%). По фрагментации отщепы располагаются следующим образом: больше всего проксимально-медиальных фрагментов (21,7%), затем следуют заготовки с продольной фрагментацией (9,7%), далее – медиальные фрагменты (4,5%) и равную долю составляют проксимальные и дистальные части изделий (2,6%). Высока доля отщепов с определенной остаточной ударной площадкой (83,7%).

Наибольшая часть изделий имеет гладкую площадку (40%), значительное количество сколов сохраняет естественную галечную поверхность (20,5%), остальные типы варьируют: от 8,1 до 3,8%. Среди форм с определенным типом огранок преобладают однонаправленные (34,1%), доля остальных колеблется от 8,1 до 2,3%. Удельный вес целых сколов с естественным полным или частичным покрытием составляет 30,5%, фрагментированных – 16,3.

В коллекции насчитывается 13 экз. целых пластин. По размеру преобладают средние экземпляры (50%), затем следуют мелкие пластины (34,2%). Гладкую остаточную ударную площадку имеют девять пластин (23,7%), пять (13,2%) сохраняют двугранную площадку, три пластины – фасетированную (7,9%), две – естественную (5,3%), одна – линейную (2,6%), у половины изделий определить тип остаточной ударной площадки не удалось.

Среди материалов раскопок 2018–2019 гг. преобладают мелкие и фрагментированные отщепы. Целые изделия в основном сохраняют гладкую или естественную остаточную ударную площадку. Дорсал большей части изделий несет на себе негативы ортогональных и однонаправленных снятий. Значителен и удельный вес пластин, среди которых отмечены и леваллуазские формы с тщательно фасетированной выпуклой остаточной ударной площадкой [Новые данные ... , 2018; Каменные индустрии ... , 2019].

В представленных комплексах из слоя 12 южной галереи Денисовой пещеры утилизировались исключительно плоскостные нуклеусы различных модификаций: превалируют радиальные моно- и бифронтальные нуклеусы, затем следуют параллельные одно- и двуплощадочные ядрища в моно- и бифронтальном вариантах. Дополняют коллекцию леваллуазские нуклеусы для производства отщепов. Среди сколов-заготовок большую часть занимают отщеповые снятия: в большинстве своем крупные и средние для устьевой зоны и в основном мелкие в глубине галереи. Значителен и пластинчатый компонент.

*Научный руководитель – М. Б. Козликин
канд. ист. наук, стар. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

- Каменные индустрии среднего и верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры: материалы 2019 года / М. В. Шуныков, М. Б. Козликин, А. Ю. Федорченко, В. А. Михиенко, А. М. Чеха, А. Н. Чеха // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. XXV. С. 299–305.
- Новые данные по каменным индустриям среднего и верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры / А. П. Деревянко, М. В. Шуныков, М. Б. Козликин, А. Ю. Федорченко, А. М. Чеха, В. А. Михиенко // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2018. Т. XXIV. С. 82–86.
- Новые результаты исследований верхнепалеолитического комплекса Денисовой пещеры / А. П. Деревянко, М. В. Шуныков, А. А. Аношкин, В. А. Ульянов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2000. Т. VI. С. 93–98.
- Новые результаты исследований среднепалеолитического комплекса Денисовой пещеры / А. П. Деревянко, М. В. Шуныков, В. А. Ульянов, И. С. Черников, К. А. Колобова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2003. Т. IX. Ч. 1. С. 112–116.
- Шуныков М. В., Козликин М. Б., Михиенко В. А. Каменные индустрии среднего палеолита их южной галереи Денисовой пещеры: материалы раскопок 2003 года // Теория и практика археологических исследований. Барнаул. 2019. № 1 (25). С. 51–59.
- Timing of archaic hominin occupation of Denisova Cave in southern Siberia / Z. Jacobs, B. Li, M. V. Shunkov, M. B. Kozlikin, N. S. Bolikhovskaya, A. K. Agadjanian, V. A. Uliyanov, S. K. Vasiliev, K. O'Gorman, A. P. Derevi-anko, R. G. Roberts // Nature. 2019. Vol. 565. Is. 7741. P. 594–599.

Primary Flaking in the Industries of the Final Stage of the Middle Paleolithic of Denisova Cave (Materials from the South Chamber)

V. A. Mikhienko

The paper presents preliminary results of a study of the primary flaking technique based on the analysis of stone artifacts from layer 12 of the south chamber of Denisova Cave (excavations 1999–2004). In 2017, archaeological work was resumed on the site of the south chamber of the site, in 2018–2019, deposits of layer 12 were studied. According to preliminary OSL dating data, deposits of layer 12 accumulated during the Yermak cooling (MIS 4, the beginning of MIS 3). The obtained data were generalized with new results of the study of the south chamber on the site. In general, these industries can be characterised by different variants of parallel, radial and Levallois flaking techniques. The basis of the collections are flakes of various sizes. The proportion of lamellar component is high.

Keywords: Altai Mountains, Denisova cave, south chamber, Middle Paleolithic, stone tool industry, primary flaking.

Михиенко Валерия Алексеевна
магистрант 2-го года обучения
Новосибирский государственный университет
e-mail: volnavvv@mail.ru

Mikhienko Valeriya Alekseevna
Graduate student 2nd year,
Novosibirsk State University
e-mail: volnavvv@mail.ru

УДК 569(571.53)"632"

Остатки первобытного бизона с палеолитической стоянки Туяна: археозоологический анализ*

В. В. Бурова

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
Институт земной коры СО РАН, Иркутск, Россия

*Работа выполнена по гранту Правительства РФ, проект № 075-15-2019-866
«Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»

Палеолитический объект Туяна расположен в Тункинско-рифтовой долине, в Юго-Западном Прибайкалье. Местонахождение открыто в 2011 г. и исследовалось в последующие годы сотрудниками ИЗК СО РАН и НИЦ «Байкальский регион» ИГУ. За время проведенных работ был получен ряд радиоуглеродных AMS-дат, на основе которых отложения плейстоценового возраста были предварительно датированы в интервале от 57 до 26 тыс. л. н. [The early Upper Palaeolithic ... , 2014, p. 9; Upper Paleolithic site ... , 2019, p. 5].

В работе использован археозоологический метод исследования [Reitz, Wing, 2008]. Кости в анатомической связке и раздробленные кости, если они принадлежали одной особи, считались за одну единицу. Возраст особи на момент смерти был определен по степени стирания зубов и по степени прирастания эпифизов [Grant, 1982; Silver, 1969; Skinner, Kaisen, 1947].

Определение видовой принадлежности костных остатков является ключевым параметром археозоологического анализа. Предварительное изучение остеологического материала показало, что доминирующими для объекта являются первобытный бизон (*Bison priscus*) и крупный бык (*Bos sp./Bison priscus*) [Бурова, Никулина, 2017, с. 22]. Так как территория Южного Прибайкалья попадает в зону, где крупные полорогие имели несколько плейстоценовых представителей [Редкие и проблемные виды ... , 2011, с. 8], был проведен подробный морфологический анализ костей, показавший отсутствие в материалах 2016 г. байкальского яка (*Poephagus baikalensis*). В связи с отсутствием в Южном Прибайкалье достоверных костных остатков тура (*Bos primigenius*) [Громова, 1931, с. 293–294] исследуемые кости родов *Bison* и *Bos* были предварительно отнесены к первобытному бизону, не исключалась возможность присутствия костных остатков первобытного быка.

Всего в коллекции 2016 г. насчитывается 475 костей первобытного бизона. Для проведения археозоологического анализа исследован анатомический набор костей по элементам скелета (таб.). Было установлено, что элементы скелета, которые содержат наибольшую долю мяса (осевой скелет, тазовая и бедренная кости), представлены единичными костями. Это может быть объяснено сильным их разрушением людьми до мелких неопределимых фраг-

ментов во время разделки туши животного и добычи костного мозга. В результате этого образуется большое количество неопределимых фрагментов костей, что и наблюдается в материалах стоянки. Наличие костей с низкой пищевой ценностью (кости запястья, заплюсны, фаланги, сесамовидные кости, краниальные элементы) может свидетельствовать о близком расположении стоянки к месту забоя животных. Близость места забоя позволяла осуществлять транспортировку частей туши даже с низкой пищевой ценностью. Данное предположение подтверждается расположением стоянки в единственном орографическом коридоре между крупными межгорными котловинами, что позволяло человеку контролировать его [The early Upper Palaeolithic ... , 2014, p. 9].

Наиболее сильно раздробленными элементами скелета являются плечевые, лучевые и большие берцовые кости. Это может быть обусловлено тем, что данные кости имеют высокую долю костного мозга [Binford, 1976, p. 23–28]. Наилучшей сохранностью обладают кости запястья и заплюсны, так как они являются костями, механически прочными, и, вероятно, не использовались людьми в связи с низким пищевым индексом [Там же, p. 15–22]. Целые трубчатые кости единичны и представлены пястными, плюсневыми костями и лучевой костью.

Основными факторами повреждения костей являлась деятельность человека. На костных остатках были зафиксированы следы продольного расщепления (рис., 1, 3, 4), следы силовых ударов и спиральные сломы, что может свидетельствовать о разделке на части целой туши животного и добыче костного мозга [Антипина, 2016, с. 108; Binford, 1981, p. 142–162]. Следы продольного расщепления также могут указывать на использование костей в качестве заготовок [Клементьев, Кузнецов, Роговской, 2017, с. 90]. К прочим следам искусственного воздействия можно отнести сломанные поперек пяточные кости, что, возможно, было сделано с целью получения костного мозга. Стоит также отметить равномерные многочисленные искусственные следы на фрагменте диафиза метаподиальной кости (рис., 2). Возможно, данные следы являются следами протирания и были оставлены на кости в результате использования веревки. Следы обжига присутствуют только на одной сесамовидной кости.

Состав и количество элементов скелета первобытного бизона с палеолитической стоянки Туяна

Скелетный элемент	NISP	%
Голова		
Рога	6	1,3
Череп	2	0,4
Нижняя челюсть	9	1,9
Верхние зубы	10	2,1
Нижние зубы	22	4,6
Фрагментированные зубы	10	2,1
Осевой скелет		
Эпистрофей	3	0,6
Шейный позвонок	3	0,6
Поясничный позвонок	1	0,2
Передняя четверть		
Лопаточная кость	12	2,5
Плечевая кость	23	4,8
Локтевая кость	5	1,1
Лучевая кость	34	7,2
Задняя четверть		
Тазовая кость	1	0,2
Бедренная кость	3	0,6
Коленная чашечка	1	0,2
Большая берцовая кость	38	8,0
Лодыжковая кость	7	1,5

Скелетный элемент	NISP	%
Кисть		
Лучевая кость запястья	9	1,9
Промежуточная кость запястья	3	0,6
Локтевая кость запястья	2	0,4
Добавочная кость запястья	3	0,6
Вторая + третья кость запястья	7	1,5
Четвертая + пятая кость запястья	8	1,7
Пястная кость	20	4,2
Стопа		
Таранная кость	31	6,5
Пяточная кость	22	4,6
Центрально-кубовидная кость	22	4,6
Большая кость заплюсны	6	1,3
Плюсневая кость	20	4,2
Копыто		
Первая фаланга	26	5,5
Вторая фаланга	53	11,2
Третья фаланга	31	6,5
Дистальные элементы передней или задней конечности		
Метаподиальная кость	7	1,5
Сесамовидные кости	16	3,4
Фаланга	1	0,2
ВСЕГО	475	100

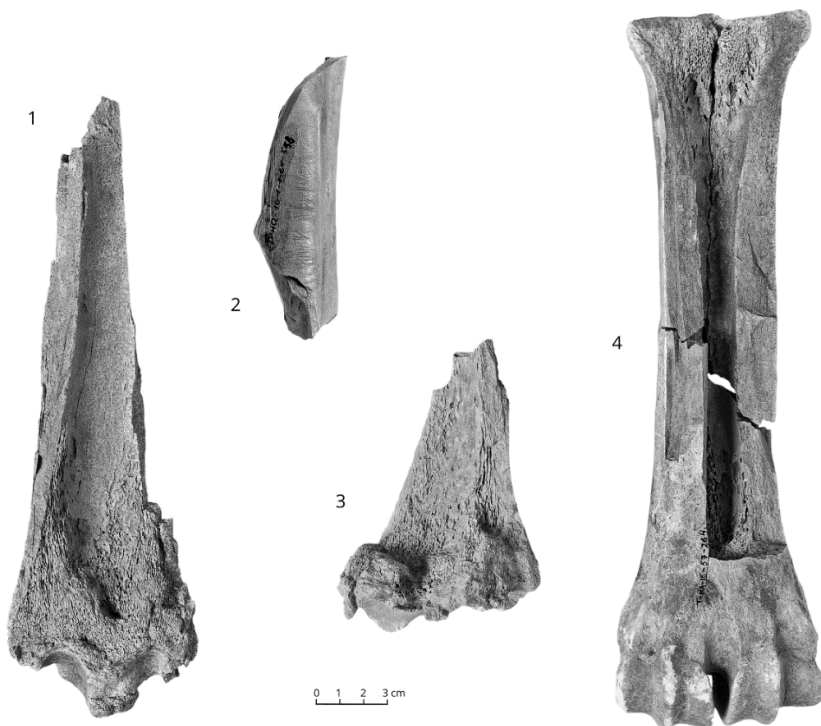

Рис. Кости первобытного бизона со следами искусственного воздействия:

1 – фрагмент большой берцовой кости со следами продольного расщепления; 2 – следы протирания на фрагменте диафиза метаподиальной кости; 3 – дистальный фрагмент большой берцовой кости со следами продольного расщепления; 4 – плюсневая кость со следами продольного расщепления

Установление возраста особи на момент смерти дало следующие результаты. По степени стертости нижних зубов (12 шт.) удалось установить следующие возрастные группы: от 3 до 4 лет (25 %), от 4 до 6 лет (50 %), от 6 до 9 лет (16,7 %), от 9 лет и старше (8,3 %). По зубам с верхней челюсти (4 шт.) также прослеживается разнородность возрастной выборки: молодая особь (25 %), взрослая особь (25 %), старая особь (50 %). Анализ костей по степени

прирастания эпифизов показал, что 15 % особей достигло 1 года на момент смерти, 31 % – 1,5 года, 15 % – 2 лет, 9 % – 3 лет, 10 % – 3,5 лет. Из всей имеющейся выборки было зафиксировано следующее количество особей молодого возраста: 1,5 % особей были младше 1,5 года на момент смерти, 1 % – младше 2,5 лет, а еще 2,3 % – младше 3,5 лет. Таким образом, можно предположить, что в основном население стоянки Туяна предпочитало охотиться на взрослых

особей преимущественно первой половины жизненного цикла. Охота на молодых и старых особей, несмотря на то что она считается более простой, не была характерным явлением для охотничьей стратегии населения Туяны.

Вышеперечисленные следы человеческой деятельности на костях первобытных бизонов свидетельствуют о способах разделки и возрастном спектре добычи этих животных древними охотниками в пищу. Некоторые кости также могли использоваться для получения костяных заготовок – основы для производства различных орудий из кости. Что касается охотничьей деятельности, то она была основана на добыче взрослых особей.

Таким образом, мы имеем свидетельства активного и разнообразного использования костей первобытных бизонов охотниками стоянки Туяна.

*Научный руководитель – А. М. Клементьев,
канд. геол. наук, науч. сотр.,
Институт земной коры СО РАН*

Список литературы

Антипина Е. Е. Современная археозоология: задачи и методы исследования // Междисциплинарная интеграция в археологии. М., 2016. С. 96–117.

Бурова В. В., Никулина Е. Д. Изучение палеоэкологии млекопитающих из раскопок палеолитического местонахождения Туяна (Тункинская котловина) // Современные проблемы изучения древних и традиционных культур народов Евразии: тез. докл. науч. конф. Сургут, 2017. С. 21–23.

Громова В. И. Первобытный бык или тур (*Bos primigenius* Voij.) в СССР // Ежегодник Зоол. музея АН СССР. 1931. Т. 32. С. 293–364.

Клементьев А. М., Кузнецов А. М., Роговской Е. О. Археозоологические исследования многослойного местонахождения Остров Лиственичный (Северное Приангарье) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 22. С. 82–101.

Редкие и проблемные виды крупных млекопитающих в палеонтологической летописи плейстоцена Южного Прибайкалья / А. М. Клементьев, А. А. Щетников, А. В. Сизов, И. А. Филинов // Байкальский зоологический журнал. 2011. № 3 (8). С. 5–9

Binford R. L. Ancient men and modern myths. London, 1981. 320 p.

Binford R. L. Nunamiut Ethnoarchaeology. London, 1976. 509 p.

Grant A. The use of tooth wear as a guide to the age of domestic ungulates // British Archaeology Reports, British Series. 1982. Vol. 109. P. 91–108.

Reitz E. J., Wing E. S. Zooarchaeology. N. Y., 2008. 559 p.

Silver A. The ageing of domestic animals // Science in Archaeology. London, 1969. P. 283–302.

Skinner M. F., Kaisen O. C. The fossil bison of Alaska and preliminary revision of the genus // Bulletin of the American Museum of Natural History. 1947. Vol. 89. Art. 3. P. 127–256.

The early Upper Palaeolithic of the Tunka rift valley, Lake Baikal region, Siberia / A. S. Kozyrev, A. A. Shchetnikov, A. M. Klementiev, I. A. Filinov, A. B. Fedorenko, D. White // Quaternary International. 2014. Vol. 348. P. 4–13.

Upper Paleolithic site Tuyana – a multi-proxy record of sedimentation and environmental history during the Late Pleistocene and Holocene in the Tunka rift valley, Baikal region / A. A. Shchetnikov, E. V. Bezrukova, G. G. Matasova, A. Yu. Kazansky, V. V. Ivanova, G. A. Danukalova, I. A. Filinov, F. I. Khenzykhenova, E. M. Osipova, N. E. Berdnikova, I. M. Berdnikov, E. O. Rogovskoi, E. A. Lipnina, G. A. Vorobyeva // Quaternary International. 2019. Vol. 534. P. 138–157.

Steppe Bison Remains from the Upper Palaeolithic Site Tuyana: Archaeozoological Analysis

V. V. Burova

Preliminary data on bone remains of steppe bison from the Upper Palaeolithic site Tuyana located in the Tunka rift valley (Lake Baikal region) are presented. This contribution focuses on archaeozoological treatment of the bones, including identification of Bovidae bones, calculation of the Number of Identified Specimens (NISP), description of bones modified by humans, determination of age of the individual, to which bones belonged to. Bone remains with traces of human activity indicate consuming steppe bisons as food. The findings could indicate that animals were killed in the immediate vicinity. Also, the articulated carpal bones could indicate that some animals were dismembered at the site. Hunters were mainly focused on hunting mature steppe bisons during all periods of site use.

Keywords: archaeozoology, steppe bison, Late Pleistocene, Tuyana, Lake Baikal region.

Бурова Валерия Витальевна
магистрант 1-го года обучения
Иркутский государственный университет
e-mail: valeria_29_05@mail.ru

Burova Valeriya Vitalievna
Graduate student 1st year
Irkutsk State University
e-mail: valeria_29_05@mail.ru

УДК 902/904+569

Археозоологический анализ териофауны Мальтинской палеолитической стоянки по материалам раскопок 2018 г.*

Д. Г. Маликов^{1,2}, В. В. Бурова^{2,3}, Е. Л. Маликова²

¹Институт геологии и минералогии СО РАН, Новосибирск, Россия

²Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

³Институт земной коры СО РАН, Иркутск, Россия

*Раскопочные работы и обобщение данных выполнены по гранту Правительства РФ, проект № 075-15-2019-866: Палеонтологическое изучение остатков выполнено в рамках гранта РФФИ, проект № 20-05-00247

Мальтинское позднепалеолитическое местонахождение много десятилетий известно в археологическом мире как памятник материальной культуры «охотников – собирателей древнекаменного века». Исследование Мальты занимает более 90 лет [Липнина, 2018], за это время на памятнике проведено 24 полевых сезона.

Впервые Мальтинское палеолитическое местонахождение вошло в научную литературу как однослойный геологический объект [Герасимов, 1935, 1958; Medvedev, 1998], в исследованиях 1991–2001 гг. эта стоянка интерпретируется как многослойная с 14 уровнями артефактов [Каменный век ... , 2001]. Такая интерпретация памятника и детальное стратиграфическое исследование отложений, содержащих археологические материалы, были обоснова-

ны в современных исследованиях 2013–2018 гг. [The area surrounding ... , 2019]. Комплексы артефактов ископаемых культур на этой стоянке представлены несколькими стратиграфическими горизонтами, которые относятся к различным отделам каменного века (конец плейстоцена – начало голоцена). «Классический комплекс» Мальтинской стоянки относится к сартанскому времени и датируется радиоуглеродным методом 23 тыс. и 21 тыс. л. н. [The area surrounding ... , 2019].

Основной фонд собранной в раскопе 2018 г. археологической коллекции классических мальтинских скоплений вмещает сартанские суглинки (MIS 2). Археологические материалы представлены фрагментами костей крупных млекопитающих, каменными артефактами, единичными

мелкими плиточками доломитов. Материал хранится в коллекционных археологических фондах НИЦ «Байкальский регион» ИГУ. В настоящей работе приведены археозоологические данные на основе материалов из раскопок 2018 г. (табл. 1).

Фаунистические остатки отобраны из двух культурных слоёв, вскрытых в трех раскопах. В раскопе 62 отобрано четыре неопределимых костных остатка, принадлежащих крупным млекопитающим. В раскопе 64 встречены единичные остатки лошади *Equus* sp., мамонта *Mammuthus primigenius* (сл. 2) и северного оленя *Rangifer tarandus* (сл. 1). Наиболее богата фауна представлена во 2-м культурном слое раскопа 61. В 1 культурном слое раскопа среди определимых остатков присутствуют только фрагменты зуба и бивня мамонта *Mammuthus primigenius* и небольшие фрагменты костей, принадлежавших животным среднего и крупного размера. Во втором культурном слое среди опре-

делимых остатков преобладают кости мамонта минимум от двух взрослых особей (по правым *tibia*) и, вероятно, нескольких подростков. Скорее всего, остатки мамонтов относятся к самкам и детёнышам, возможно составляющим единое стадо. Основная масса костей *Mammuthus primigenius* представлена небольшими фрагментами зубов (часто отдельными пластинами) и позвонков. Помимо мамонта, в слое отмечены единичные кости псовых *Canis* sp. и *Vulpes* sp. (лиса или песец), зайца *Lepus* sp., лошади *Equus* sp., косули *Capreolus pygargus*, северного оленя *Rangifer tarandus*. Кроме остатков млекопитающих, в слое отмечена кость и скорлупа яйца птицы. Среди плохо диагностируемых фрагментов основная масса принадлежит крупным млекопитающим, среди которых в небольшом количестве (13 шт.) встречаются черепные фрагменты. Половина костных остатков представлена полностью неопределимыми фрагментами.

Таблица 1

Фаунистические остатки стоянки Мальта

Видовое определение	Раскоп 61	Раскоп 62	Раскоп 64	По всему слою	
	Шт.	Шт.	Шт.	Шт.	%
Слой 1					
<i>Rangifer tarandus</i> L., 1758	–	–	1	1/1	5.6
<i>Mammuthus primigenius</i> Blumenbach, 1799	2	–	–	2/1	11.1
Млекопитающее среднего размера	1	–	–	1	5.6
Млекопитающее крупного размера	4	1	–	5	27.7
Неопределимые	9	–	–	9	50.0
Всего	16	1	1	18	–
Слой 2					
<i>Microtus</i> sp.	1	–	–	1/1	0.2
<i>Vulpes</i> sp.	1	–	–	1/1	0.2
<i>Canis</i> sp.	1	–	–	1/1	0.2
Мелкий хищник	1	–	–	1/1	0.2
<i>Lepus</i> sp.	1	–	–	1/1	0.2
<i>Equus</i> sp.	1	–	2	3/1	0.7
<i>Rangifer tarandus</i> L., 1758	5	–	–	5/1	1.2
<i>Capreolus pygargus</i> Pallas, 1771	1	–	–	1/1	0.2
<i>Mammuthus primigenius</i> Blumenbach, 1799	61	–	6	67/3	15.2
Млекопитающее среднего размера	5	–	–	5	1.2
Млекопитающее крупного размера	141	3	2	146	33.2
Птица	1+1 яйцо	–	–	1+1	0.4
Неопределимые	205	–	1	206	46.8
Всего	426	3	11	440	–

Для остатков мамонтов со стоянки Мальта возможно оценить соотношение костных фрагментов, относящихся к различным элементам тела животных. Для слоя 2 наблюдается явное преобладание черепных фрагментов (табл. 2), представленных преимущественно раздробленными зубами, фрагментами челюсти и альвеол бивней. Также большую долю остатков составляют фрагменты осевого скелета животных, в основном представленные целыми или частично разрушенными позвонками. Кости свободных конечностей также представлены в материалах, при этом некоторые из них практически целые (две большие берцовые и лучевая). Такое распределение и сохранность костных остатков позволяет предполагать, что стоянка находилась в месте забоя животных либо находки остатков мёртвых животных, которые разделялись и утилизировались прямо на месте. Также обращает на себя внимание практически полное отсутствие костей стоп животных (кроме одной фаланги).

Кости дистальных отделов конечностей могли быть унесены падальщиками до прихода людей, а люди пришли к уже повреждённым и частично съеденным тушам мамонтов. Возможной целью людей была добыча головного мозга (для употребления в пищу) и бивней (для использования в быту)

животных. На это указывает сильная раздробленность черепа, в том числе присутствуют разбитые альвеолы бивней.

Таблица 2

Соотношение скелетных элементов *Mammuthus primigenius* на стоянке Мальта

Части скелета (%)	Слой 1	Слой 2
Черепные фрагменты	2	36
Осевой скелет	–	18
Пояс передних конечностей	–	1
Передние конечности	–	2
Пояс задних конечностей	–	4
Задние конечности	–	5
Дистальные элементы конечностей	–	1
ИТОГО	2	67

В общем виде фауна стоянки Мальта, полученная в ходе раскопок 2018 г., выглядит следующим образом. В первом культурном слое присутствуют единичные кости мамонта и северного оленя. Второй культурный слой гораздо насыщеннее материалом, здесь, помимо мамонта и

северного оленя, отмечены копытные (косуля и лошадь), хищники (собака или волк и мелкая лиса), заяц, и птица. Судя по количеству раздробленных фрагментов, основу быта обитателей стоянки составляли млекопитающие крупного размерного класса – лошади, мамонт и, возможно, крупные Bovidae, определяемых остатков которых не обнаружено. В меньшей степени отмечены остатки животных среднего размера – косули и северного оленя.

Не вполне ясно, как мамонт использовался древним человеком. Среди остатков преобладают раздробленные фрагменты черепа, верхних и нижних челюстей, тогда как крупные кости конечностей и позвонки преимущественно целые либо слабоповреждённые. Один из возможных вариантов – утилизация мёртвых туш мамонтов, найденных в месте их гибели. Явных следов обработки на материале не отмечено. В экологическом отношении фауна представлена преимущественно животными, населяющими открытые тундростепные ландшафты, которые, по-видимому, свидетельствуют о достаточно суровых климатических условиях в период существования стоянки.

Archaeozoological Analysis of Theriofauna from the Malta Paleolithic Site (Based on Materials from Excavation in 2018)

D. G. Malikov, V. V. Burova, E. L. Malikova

Archaeozoological analysis of bone remains of mammals from the Palaeolithic site of Malta located in the Fore-Baikal area is presented. The examined bone remains of large mammals were excavated in 2018. Altogether we recognized eight taxa: mammoth, reindeer, roe deer, horse, dog or wolf, hare, small fox and bird. Most fauna remains belong to the tundra-steppe species. The subsistence strategy was based primarily on large mammals – horses, mammoths and, possibly, large Bovidae, the identifiable bones of which are not found. Bone remains of medium mammals (roe deer and reindeer) are represented to a lesser extent. The largest number of bones at the Palaeolithic site of Malta belongs to mammoth. One of the possible uses of mammoth is the utilization of their carcasses found at the place of their death.

Keywords: Archaeozoology, Malta Palaeolithic site, Baikal Siberia, mammoth fauna, Late Pleistocene.

Маликов Дмитрий Геннадьевич

старший научный сотрудник
Институт геологии и минералогии СО РАН им. В. С. Соболева;
научный сотрудник
Иркутский государственный университет
e-mail: dgmalikov@igm.nsc.ru

Malikov Dmitrii Gennadievich

Senior Researcher
V. S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy SB RAS;
Researcher
Irkutsk State University
e-mail: dgmalikov@igm.nsc.ru

Бурова Валерия Витальевна

магистрант 1-го года обучения
Иркутский государственный университет
e-mail: valeria_29_05@mail.ru

Burova Valeriya Vitalievna

Graduate student 1st year
Irkutsk State University
e-mail: valeria_29_05@mail.ru

Маликова Екатерина Леонидовна

младший научный сотрудник
Институт геологии и минералогии СО РАН им. В. С. Соболева
e-mail: malikovael@igm.nsc.ru

Malikova Ekaterina Leonidovna

Junior Researcher
V. S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy SB RAS
e-mail: malikovael@igm.nsc.ru

УДК 903.03+903.0.89

Морфология и типология мальтинских подвесок и бусин

А. И. Жданова

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Стоянка Мальта – широко известный памятник позднего палеолита в Сибири [Герасимов, 1931, 1958]. Раскопки проводились с 1928 по 1958 г. под руководством М. М. Герасимова, вскрытая площадь составила более 1400 м². Коллекция Мальты в настоящее время хранится в четырех музеях, полного списка всех предметов не составлено, поэтому целью нашего исследования является описание и классификация сводной коллекции личных украшений (подвески и бусины). Отдельные находки предметов представлены в трудах М. М. Герасимова [1931, 1958], З. А. Абрамовой [1962], Ю. С. Волковой [2010].

Предметы персональной орнаментации (личные украшения) наиболее часто встречаются на памятниках эпохи палеолита среди множества иных форм палеолитического искусства. Материалом для таких изделий служили кости животных и рыб, раковины, бивень мамонта и рога оленя,

зубы животных и человека, разновидности камня мягких пород и т. п. [Лбова, 2018].

Подвески и бусины мальтинской коллекции можно классифицировать по материалу, типу заготовки, сохранности, форме, характеру орнаментации. В коллекции встречаются изделия из бивня мамонта, кости рыб, камня: всего – 53 экземпляра, из них около 28 предметов – из бивня мамонта, более 10 – из кости рыбы, 15 – из камня. Большая часть предметов имеет хорошую или среднюю степень сохранности. По форме в коллекции можно выделить: группы плоских и объемных предметов, в которых отмечены подтрапцевидные, подкруглые/подовальные и нестандартной формы (сочетание двух форм), кубические (например, изделия из полевой шпата с прорезанным каналом для крепления). Основой для большинства бусин и подвесок, в том числе из состава ожерелья, служил рас-

Список литературы

Герасимов М. М. Раскопки палеолитической стоянки в с. Мальте // Палеолит СССР. Материалы по истории родового общества. М.: Л., 1935. С. 78–124.

Герасимов М. М. Палеолитическая стоянка Мальта: (Раскопки 1956–1957 гг.) // Советская этнография. 1958. № 3. С. 28–52.

Каменный век Южного Приангарья. / Отв. ред. Г. И. Медведев. Иркутск: Иркут. ун-т, 2001. Т. II. 242 с.

Липнина Е. А. Новые данные по стратиграфии и морфологии ансамбля каменных артефактов «доклассического» уровня из отложения ископаемой культуры Мальтинского геоархеологического местонахождения // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2018. Т. XXIV. С. 119–123.

Medvedev G. I. Upper Paleolithic Sites in South-Central Siberia // The Paleolithic of Siberia. New discoveries and interpretations. Novosibirsk, Chicago, 1998. P. 122–137.

The area surrounding the world-famous geoarchaeological site Mal'ta (Baikal Siberia): New data on the chronology, archaeology, and fauna / F. Khenzykhenova, E. Lipnina, D. Lokhov, G. Danukalova, E. Osipova, A. Shchetnikov, E. Semenei, E. Tumurov, // Quaternary International. 2019. Vol. 509. P. 17–29.

щепленный бивень мамонта. Узкие полоски бивня разрезались на сегменты для заготовок, сперва наносились зарубки, потом они просверливались, затем шлифовались и полировались [Семенов, 1968]. По результатам трасологического анализа предметы разделены на группы: используемые для пришивания или подвешивания, в том числе как одиночные, так и в составе ожерелья.

Особое внимание следует уделить предметам ожерелья из погребения. В составе ожерелья встречаются плоские бусины трех типов и орнаментированные подвески из бивня. Семь изделий орнаментировано. Основой элемент декора – «купулы» или «ямки», «линии». Интерес представляют плоские восьмеркообразные подвески из бивня мамонта (6 ед.). Часть подвесок орнаментированы шестью симметрично расположенными «ямками» вокруг центральной «ямки». У второй группы нанесен спиралевидный орнамент, который состоит из 11 «лунок», включая одну центральную. Центральная объемная подвеска (оп. № 1408/7; ГЭ) напоминает летящую птицу и орнаментирована аналогично. Фигура имеет вид округлого массивного тельца овальной формы с отходящими в разные стороны удлиненными коническими выступами. Центральная часть подвески покрыта рядами «купул», боковые выступы – ряды углублений с прорезанными линиями [Волкова, 2010]. Фигура представляет собой полиэikonическое изображение, сочетающее образы двухконечного фаллоса (удлиненные конические выступы) и женские символы (вульва – овальное тельце) в горизонтальном положении, а в вертикальном положении, вероятно, изображение беременной женщины [Ларичев, 1989].

Бусины из ожерелья разделяются на три типа: выпуклые с одной стороны и плоские с другой (5 экз.); обе стороны слегка выпуклые, нет следов заполировки и пришивания (8 экз.); плоские с обеих сторон, заполировка с обеих сторон, следов пришивания нет. На внутренней стороне каналов сверления отмечена лёгкая заполировка (бусины-пронизки) (12 экз.). В контексте погребения бусины располагались последовательно [Липнина, 2002].

Бусины из позвонков рыбы (тайменя) являются простейшими [Герасимов, 1931]. Отмечены три варианта организации для крепления изделий: без обработки (использование мозгового канала), сверление позвонка насквозь, сверление трех отверстий (возможно, для сложного крепления).

В коллекции встречаются единичные экземпляры бусин и подвесок из камня: полевого шпата, хлорида, агальматолита и др. Бусины и подвески представлены в виде небольших сверленных галек или кристаллов, на которых присутствуют бороздки.

Обнаруживается широкий ряд аналогий в материалах верхнепалеолитических памятников Евразии, в частности на территории Русской равнины, Южной Сибири и Северной Арктики. Например, на Янской стоянке были найдены множественные плоские бусины из бивня мамонта, бусины и подвески из костей рыб, зубов хищных животных. Встречаются немногочисленные находки изделий из минерального сырья [Абрамова, 1962; Питулько, Никольский, 2014]. Аналогия сложносоставного украшения представлена на многослойном памятнике Костенки IV, где реконструировано ожерелье из раковин и зубов животных [Абрамова, 1962].

На основе обработанного материала создана предварительная типологическая классификация подвесок и бусин из Мальтинской коллекции. Подвески и бусины могли использоваться как в составе сложносоставного украшения – ожерелья, так и как одиночные украшения. Типы орнаментации, материал, формы могут стать основой для предположения об использовании предметов, определяющих социальную или культурную идентичность. Предметы персональной орнаментации (личные украшения) играли определенную роль в жизни палеолитического общества и выполняли различные функции [Nitu, Cârciumaru, 2018].

*Научный руководитель – Л. В. Лбова
д-р ист. наук, профессор
кафедра археологии и этнографии,
Гуманитарный институт,
Новосибирский государственный университет*

Список литературы

- Абрамова З. А. Палеолитическое искусство на территории СССР // САИ. М.; Л., 1962. Вып. А 4–3. С. 49–52.
- Волкова Ю. С. Центральная подвеска из детской могилы стоянки Мальта // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 5: Археология и этнография. С. 132–135.
- Герасимов М. М. Мальта. Палеолитическая стоянка (предварительные данные): результаты работ 1928/29 гг. Иркутск, 1931. С. 15–16.
- Герасимов М. М. Палеолитическая стоянка Мальта // Сов. этнография. 1958. № 3. С. 28–52.
- Ларичев В. Е. Мудрость змеи: Первобытный человек, Луна и Солнце. М., 1989. С. 144.
- Лбова Л. В. Предметы персональной орнаментации в контексте культурных феноменов и технологий раннего палеолита Сибири // Уральский исторический вестник. 2018. № 1 (58). С. 29–38.
- Липнина Е. А. Мальтинское местонахождение верхнепалеолитических культур: Современное состояние изученности и перспективы исследования: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Иркутск, 2002. 306 с.
- Питулько В. В., Никольский П. А. Личные украшения (подвески) из раскопок Янской стоянки: массовые и единичные типы изделий // Замятинский сборник. СПб., 2014. Вып. 3. С. 408–418.
- Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968. С. 138–139.
- Nitu E.-C., Cârciumaru M. Symbolic behavior and art on the territory of Romania from the Middle Paleolithic to the Mesolithic (55,000–7,500 B. P). Targoviste, 2018. P. 115.

Morphology and Typology of the Malta Pendants and Beads

A. I. Zhdanova

Personal ornaments play an important role in regulating the society life during the Upper Paleolithic. They indicate not only personal (belonging to a gender and age group, and social identification), but also mark belonging to a particular cultural group (family, tribe). Objects of personal ornamentation perform as a communicative function using a certain system of signs and symbols. Possible, they were used as a gift items, participate in ritual ceremonies as an offering, as well as have a protective function and be amulets against negative effects on their owner. This paper presents Malta Paleolithic-site personal ornaments (beads and pendants). The classification of items by material, type of work piece, preservation, shape, and nature of ornamentation was made. Analogies were found among chronologically similar sites of the Russian plain and the Northern Arctic.

Keywords: personal ornaments, pendants and beads, classification, Malta, Upper Paleolithic.

Жданова Анастасия Игоревна

студент 4-го курса
Новосибирский государственный университет
e-mail: 89137720804@yandex.ru

Zhdanova Anastasia Igorevna

Student 4th year
Novosibirsk State University
e-mail: 89137720804@yandex.ru

Орнитоморфная коллекция мальтино-буретской культуры: палеобиологическая классификация*

А. И. Панкина

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

*Работа выполнена в рамках проекта РНФ 18-78-10079 «Разработка технологий и информационной системы документирования и научного обмена археологическими данными»

Орнитоморфная пластика мальтино-буретской культуры не раз являлась предметом исследований, начиная с определения семантической составляющей образа птицы в традиционной культуре с экстраполяцией на мальтинский материал, заканчивая узкоспециализированным технологическим и трасологическим анализом [Абрамова, 1962; Шмидт, 2006; Lbova, Volkov, 2016]. В публикациях скульптуры носят названия биологических видов птиц, однако ни один автор при использовании названия не обосновывал свой выбор каким-либо исследованием на данную тему, кроме М. М. Герасимова [1958]. Целью данной работы является выявление возможных биологических признаков орнитоморфных изделий мальтино-буретской культуры при помощи существующих методов учета перелетных водоплавающих птиц, а также с использованием данных палеоорнитологии.

В орнитологии существует разработанная система критериев для видового определения птиц: форма и размеры тела, окраска, голоса, повадки, биотопы [Сунгуров, 1960]. Для исследователя предметов искусства может быть доступной только первая группа признаков, и то с учетом вероятного искажения в результате стилизации изображений. В данном случае исследование близко к работе ученика (орнитолога, определяющего качественные и количественные характеристики перелетных водоплавающих), работающего в ограниченных естественных условиях, в распоряжении которого нередко только силуэты пролетающих птиц, по которым необходимо определить семейства, роды и виды [Методические указания ... , 1971].

В Мальтинской коллекции (всего 18 изделий) выделяется серия скульптур, обладающих идентичными морфологическими и технологическими признаками. В основном эти изделия определяются как изображения лебедей/гусей на основе таких стилистических особенностей, как вытянутые шеи, характерные для перелетных водоплавающих, и поза полета [Шмидт, 2006; Каменный век ... , 2001].

Для определения биологического разнообразия нами был проведен сравнительный анализ изделий, главным критерием которого было соотношение длины шеи и длины туловища птицы, а также учитывался размер головы. В результате выделены две группы изделий: «птица с длинной шеей» (длина шеи превышает длину туловища) и «птица с короткой шеей», которая, в свою очередь, делится на варианты с массивными и малыми головами. Выделенным группам могут соответствовать: 1) представители рода лебеди (только у этих птиц шея может превышать по длине туловище); 2) представители родов казарки, гуси (данные птицы обладают массивными и крупными головами и шеями) (семейства утиные); 3) представители некоторых родов уток (речные утки, кряквы) либо семейства гагаровых (небольшие формы тела и головы).

Наибольшие трудности видового определения связаны с изображением птицы (ГИМ, Инв. № 1820–192), прочно вошедшей в литературу как «куропатка». Иногда встречаются вариации типа «куропатка/выпь», «куропатка/перепелка», но без подробного обоснования [Абрамова, 1962, с. 48; Герасимов, 1958, с. 43; Каменный век ... , 2001, с. 81]. Проведенный анализ по выявлению признаков позволил поставить под сомнение первичную интерпретацию

этого предмета как изображения куропатки. Нами предлагается несколько вариантов интерпретации: представитель семейства цаплевые, дрофиные, не исключены версии о семействах гагаровых или утиных на основе ряда признаков. Длинный острый клюв, характерный для цапель, дрофиных, утиных, представляет основной аргумент против версии обозначения изделия как куропатки – форма клюва (представители фазановых (куропатка/перепел) обладают коротким, загнутым клювом). У птицы короткая толстая шея, характерная как для фазановых (куропатки/перепела), так и для дроф, цапель (выпь), особенно в момент охоты. Крылья и хвостовая часть изделия покрыты С-образным орнаментом (единственная орнаментированная птица из всей коллекции): следует заметить, что и цапли (выпь), и дрофы, и фазановые обладают достаточно пятнистым окрасом. Следующий признак – расположение ног, они смещены к самому краю изделия, к хвосту. Такое расположение характерно для цапли, однако стоит учитывать, что ноги у изделия являются петелькой для подвешивания, в связи с чем этот элемент весьма массивен, возможно, расположение ног связано с особенностями крепления. У птицы короткий закругленный хвост, опущенный вниз, также характерен для цаплевых. Нами не исключены определения в пользу фазановых или дроф, в спокойном состоянии обладающих также коротким опущенным вниз хвостом.

Следующая скульптура (ГЭ, Инв. № 370–768) чаще всего остается без биологического определения, «птица, взлетающая с водной поверхности» [Каменный век ... , 2001, с. 81]. Скульптура обладает плохой сохранностью и частично обломана (голова). По строению туловища птица достаточно близка к вышеописанному изображению, но имеются некоторые особенности: в частности, шея гораздо длиннее, с первоначальным прогибом вниз и после – резким подъемом. Такой изгиб шеи характерен для лебедей или цапель.

Изделие (ГИМ, Инв. № 1822–623) с вертикально ориентированным овальным туловищем и изогнутой шеей интерпретируется как изображение лебедя. Имеющийся изгиб шеи может встречаться у некоторых утиных и отдельных родов цапель, однако наиболее характерен именно для лебедей. Стоит отметить, что у данного изделия отсутствуют изображения крыльев и клюва. М. М. Герасимов называл это изображение «пасущийся лебедь» [Герасимов, 1958, с. 51].

Согласно палеоорнитологическим исследованиям, утиные являются типичной группой позвоночных позднего кайнозоя, о чем свидетельствуют богатые остеологические материалы на многочисленных сибирских памятниках, в том числе и на Мальте. Представители семейства гагаровых встречаются реже, характерны для памятников долины Енисея. Широко представлены фаунистические материалы фазановых и тетеревиных (куропатки, перепела). Находки цаплевых на территории Сибири имеются только на Северо-Западном Алтае [Мартьянович, 2006, с. 11–13].

На территории Сибири скопления фаунистических материалов птиц имеют ярко выраженный антропологический фактор, чем может объясняться присутствие большого количества птиц, употреблявшихся в пищу (фазановые), и отсутствие не употреблявшихся (цапли) [Там же, с. 7],

при этом, как отмечают сами палеорнитологи, изучение четвертичных птиц на территории Сибири является мало-разработанной темой. Вероятны будущие находки отсутствующих видов, например, недавно были найдены остеологические материалы дрофы на территории Якутии, ранее неизвестные в Сибири [Birds of the Late ... , 2008, p. 218].

Таким образом, согласно выделенным признакам, серия «летающих» птиц, достаточно однородных в стилистическом и технологическом отношении, разделяется на несколько групп, которые соотносятся с разными биологическими семействами перелетных водоплавающих (лебеди, утиные, гагаровые). Это обстоятельство ставит под вопрос тезис об идентичности семантического и функционального назначения данных скульптур [Шмидт, 2006]. Для некоторых объемных скульптур подтверждены старые интерпретации, для других предложены новые версии, в том числе «несъедобные» виды птиц (цапли, дрофы).

*Научный руководитель – Л. В. Лбова
д-р ист. наук, профессор
кафедра археологии и этнографии
Гуманитарный институт, Новосибирский государственный университет*

Автор выражает большую признательность за консультацию в вопросах орнитологии Н. В. Зеленкову (Палеонтологический

институт РАН), А. А. Маслову (Институт систематики и экологии животных СО РАН), Н. Н. Балацкому (Музей природы НГКМ), И. В. Фелелову (Институт биологии ИГУ).

Список литературы

- Абрамова З. А. Палеолитическое искусство на территории СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 85 с. 63 табл.
- Герасимов М. М. Палеолитическая стоянка Мальта: (Раскопки 1956–1958 гг.) // СЭ. 1958. № 3. С. 28–52.
- Каменный век Южного Приангарья: Путеводитель междунар. симпозиума «Современные проблемы палеолитоведения Евразии». Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2001. Т. 2: Бельский георхеологический район. 242 с.
- Мартынович Н. В. Позднечетвертичные птицы из пещерных местонахождений Южной Сибири (Алтае-Саянская горная страна): автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 2006. 32 с.
- Методические указания по учету водоплавающих птиц / сост. Г. К. Кандалова, В. Г. Панченко, С. Г. Приклонский. М.: Колос, 1971. 16 с.
- Сунгуров А. Н. Экскурсионный определитель птиц Европейской части СССР. М.: Просвещение, 1960. 251 с.
- Шмидт И. В. Изобразительное творчество в палеолите Северной Азии: методики интерпретаций (историографический аспект): дис. канд. ист. наук. Новосибирск, 2006. 344 с.
- Birds of the Late Pleistocene and Holocene from the Palaeolithic Djuktai Cave site of Yakutia, Eastern Siberia / N. V. Zelenkov, E. N. Kurochkin, A. A. Karhu, P. Ballmann // *Oryctos*. V. 7. P. 213–222.
- Lbova L., Volkov P. Processing Technology for the Objects of Mobile Art in the Upper Paleolithic of Siberia (the Malta Site) // *Quaternary International*. 2016. Vol. 403. P. 16–22.

Ornithomorphic Collection of the Malta-Buret Culture: Biological Classification

A. I. Pankina

The subject of research is a collection of ornithomorphic sculptures of the Maltese-Buret culture. The article presents the results of the analysis of biological classification, based on the identification and the characteristic features of birds in sculpture's collection. The study was conducted according to the method of determining and recording real species of birds in the natural environment. The main composition of the collection is determined by the representatives of the *Anatidae*, *Gaviidae*, *Ardeidae* sp. and some others. The results obtained are confirmed by materials on paleo-ornithological studies of Siberia.

Keywords: primitive art, ornithomorphic sculpture, quaternary birds, Upper Paleolithic, Malta, Siberia.

Панкина Анна Ильинична
магистрант 2-го года обучения
Новосибирский государственный университет
e-mail: pankina1995b@mail.ru

Pankina Anna Ilinichna
Graduate student 2nd year
Novosibirsk State University
e-mail: pankina1995b@mail.ru

УДК 903.59

Верхнепалеолитические погребения Северной Евразии в контексте проблематики «археология детства»

Е. С. Сидоровнина

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Детство – самая первая стадия человеческой жизни, через которую проходит каждый индивид. Поскольку дети являются неотъемлемой частью всех социальных групп на любом этапе истории, в том числе и доисторической, то для археологов они представляют большой интерес [Baxter, 2005]. Данной проблематикой в археологической науке занимается относительно молодое направление – «археология детства», главной целью которого является изучение социальной и экономической роли детей прошлого.

Наиболее распространенным контекстом изучения детства считаются погребения и ритуалы. Значительная часть костных остатков в захоронениях верхнего палеолита принадлежит детям и подросткам. Этнографические наблюдения и данные о примитивных народах показывают, что дети являются активными участниками в жизни своего общества [Мид, 1988]. Именно поэтому погребения могут отражать социальную организацию доисторического общества и, следовательно, реконструировать социальные роли и отношения [Sofaer Derevenski, 2000]. В данной работе в качестве примеров будут рассмотрены наиболее значимые верхнепалеолитические погребения детей на территории Северной Евразии в контексте проблематики исследований археологии детства.

Найденное в Сунгире двойное детское захоронение является одним из самых богатых погребений верхнего палеолита [Бадер, 1978]. Долгое время считалось, что в могиле были захоронены брат и сестра, однако последние палеогенетические данные показали, что скелеты принадлежат двум мальчикам, при этом никаких родственных связей между ними нет [Ancient genomes ... , 2017]. Погребение, расположенное в самом центре жилища, отличается необычным положением тел: дети лежали в вытянутом положении, голова к голове. В качестве погребального инвентаря был обнаружен целый комплекс многочисленных украшений, произведений искусства и символической деятельности [Синицын, 2016]. Большое количество предметов неутлитарного характера, а также обильная посыпка охрой тел и всей поверхности захоронения свидетельствуют об особенностях погребального обряда и особом статусе погребенных. Останки детей были усыпаны тысячами бус из бивней мамонта и зубов хищников, которые могли выступать в качестве украшений на погребальном наряде. Кроме многочисленных украшений, в могилу были положены копыя из цельного бивня мамонта, дротики и ножи [Бадер, 1978].

Биоархеологические данные [Бужилова, 2016] указывают на то, что сунгирские дети активно участвовали в различной трудовой деятельности, о чем говорят палеопатологии на костных остатках. В экономическом плане они выступали в качестве полноценных членов общества. Более старшие члены социальной группы могли трепетно относиться к младшим и почитать их, поэтому дети заслуживали особого отношения после смерти. Также существуют версии об их принадлежности к семейству вождя, о культовом характере захоронения или жертвоприношении [Бужилова, 2000].

Интересные обряды встречаются в захоронениях Костенковских стоянок на юге Русской равнины [Сергин, 2016]. Мальчик в возрасте 6–7 лет, найденный на памятнике Костенки-15, был похоронен в овальной яме в сидячем положении на искусственном сиденье из двух видов глины – желтой и серой. Рядом с телом было найдено скопление из 70 обработанных каменных орудий, которые находились в одном мешочке, слева от ребенка – костяное ложило и иголка с отломанным ушком. Наиболее важным артефактом считается длинный кинжал из кости мамонта [Герасимова, 2010]. Погребальный инвентарь из каменных орудий для ребенка такого маленького возраста вполне может говорить о представлениях о загробной инициации, обряде перехода во взрослую жизнь [Алешкин, 2014].

Погребение с памятника Костенки-14 было безынвентарным, однако палеопатологический анализ показал, что данный индивид с раннего детства был активно занят охотой [Палеолитический человек ... , 2016]. Особое внимание стоит уделить данным палеогенетики, которые отмечают высокий уровень сходства его генома с мезолитическим населением Европы и ребенком из Мальты [Genomic structure ... , 2014].

Верхнепалеолитическое погребение ребенка на стоянке Мальта в Сибири представляет особый интерес. Детский скелет был похоронен в сооружении из плит, напоминающем настоящую могилу. Дно погребения покрывала красная охра. Вокруг костей были обнаружены различные украшения и предметы утилитарного назначения: фрагменты диадемы из бивня мамонта, богатое ожерелье из 120 костяных бус, крупная подвеска овальной формы, круглая костяная бляшка с узором в виде зигзагов, скульптурное изображение летящей птицы. Кроме того, помимо украшений, рядом с ребенком лежал целый ряд каменных орудий, а также грубо обработанный кремневый нож. М. М. Герасимов был твердо уверен, что данный инвентарь не мог принадлежать ребенку в силу его возраста [Герасимов, 1931]. Однако такие выводы были сделаны как раз в тот период, когда детей не рассматривали в качестве важного объекта исследования. Современные исследователи «археологии детства» предполагают, что подобные вещи можно рассматривать в качестве игрушек, которые дети использовали при жизни, или предметов особого культурного статуса [Sofaer Derevenski, 2000]. Благодаря палеогенетическим исследованиям [Upper Palaeolithic ... , 2013] стало известно, что выделенное из генетического материала ребенка мтДНК показывает его связь с европейцами и

американскими палеоиндейцами, где занимает промежуточное положение.

Таким образом, анализ детских погребений представляет обширную информацию для археологов. Изучение материальной культуры, данные биоархеологии и палеогенетики позволяют реконструировать картину жизни детей в эпоху палеолита.

*Научный руководитель – Л. В. Лбова
д-р ист. наук, профессор,*

*Кафедра археологии и этнографии,
Гуманитарный институт, Новосибирский
государственный университет*

Список литературы

- Алешкин В. А. Происхождение и развитие погребального обряда в традиционных обществах (по данным археологии) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. СПб., 2014. С. 9–47.
- Бадер О. Н. Сунгирь: Верхнепалеолитическая стоянка. М., 1978. 271 с.
- Бужилова А. П. Парные и непарные коллективные захоронения верхнего палеолита. Критерии отбора погребенных // Homo sungirensis. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М., 2000. С. 227–234.
- Бужилова А. П. Реконструкция особенностей погребального обряда захоронений охотников в контексте антропологических данных // Известия Ин-та антропологии МГУ. М., 2016. С. 100–112.
- Герасимов М. М. Мальта. Палеолитическая стоянка: (предварит. данные). Результат работ 1928–1929 гг. Иркутск, 1931. 34 с.
- Герасимова М. М. Еще раз о палеоантропологических находках в Костенках // Этнографическое обозрение. 2010. № 2. С. 26–40.
- Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. 429 с.
- Палеолитический человек из Маркиной горы (Костенки 14) по результатам комплексного анализа данных / В. И. Хартанович, В. Г. Моисеев, М. Б. Медникова, М. В. Добровольская, А. П. Бужилова // Вест. Моск. ун-та. Сер. XXIII : Антропология. 2016. № 2. С. 4–17.
- Сергин В. Я. Скопление культурных остатков и погребение в Костенках 15 // Археологический ежегодник. СПб., 2016. № 5–6. С. 36–52.
- Синицын А. А. Искусство, украшения и проблема эстетики раннего верхнего палеолита Восточной Европы // Верхний палеолит: образы, символы, знаки. Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН. СПб., 2016. С. 320–337.
- Baxter J. The Archaeology of Childhood: Children, Gender, and Material Culture. Walnut Creek, 2005. 146 p.
- Ancient genomes show social and reproductive behavior of early Upper Paleolithic foragers / M. Sikora, A. Seguin-Orlando, V. C. Sousa, A. Albrechtsen, Th. Korneliusen, A. Ko, S. Rasmussen, I. Dupanloup, Ph. R. Nigst, M. D. Bosch, G. Renaud, M. E. Allentoft, A. Margaryan, S. V. Vasilyev, E. V. Veselovskaya, S. B. Borutskaya, Th. Deviese, D. Comeskey, T. Higham, A. Manica, R. Foley, D. J. Meltzer, R. Nielsen, L. Excoffier, M. Mirazon Lahr, L. Orlando, E. Willerslev // Science. 2017. Vol. 3. P. 659–662.
- Genomic structure in Europeans dating back at least 36 200 years / A. Seguin-Orlando, T. S. Korneliusen, M. Sikoral, A. Malaspinas, A. Manica, I. Moltke, A. Albrechtsen, A. Ko, A. Margaryan, V. Moiseyev, T. Goebel, M. Westaway, D. Lambert, V. Khartanovich, J. D. Wall, P. N. Nigst, R. A. Foley, M. M. Lahr, R. Nielsen, L. Orlando, E. Willerslev // Science. 2014. Vol. 346. P. 1113–1118.
- Sofaer Derevenski J. (Eds.). Children and Material Culture. Routledge, London, 2000. 256 p.
- Upper Palaeolithic Siberian genome reveals dual ancestry of Native Americans / M. Raghavan, P. Skoglund, K. E. Graf, M. Metspalu, A. Albrechtsen, I. Moltke, S. Rasmussen, T. W. Stafford Jr, L. Orlando, E. Metspalu, M. Karmin, K. Tambets, S. Rootsi, R. Mägi, P. F. Campos, E. Balanovska, O. Balanovsky, E. Khusnutdinova, S. Litvinov, L. P. Osipova, S. A. Fedorova, M. I. Voevoda, M. DeGiorgio, T. Sicheritz-Ponten, S. Brunak, S. Demeshchenko, T. Kivisild, R. Villem, R. Nielsen, M. Jakobsson, E. Willerslev // Nature. 2013. Vol. 20. P. 87–91.

Upper Paleolithic Burials of Northern Eurasia in the Context of “Archeology of Childhood”

E. S. Sidorovnina

In the “Archeology of childhood”, the earliest research context is burials and rituals. In addition, most of the bone remains of Paleolithic burials belong to children. The study of this context most clearly reflects the position of children in society, the attitude of adults to them, as well as the social organization in a particular society, which can restore the social and economic role of children of the Paleolithic era. This article is discussed the most significant children's burials of the sites of Sungir, Kostenki and Malta, located on the territory of Russia, in Northern Eurasia.

Keywords: Archeology of children, Upper Paleolithic, Sungir, Kostenki, Malta.

Сидоровнина Елизавета Сергеевна

студент 3-го курса
Новосибирский государственный университет
e-mail: lizziel98@mail.ru

Sidorovnina Elizaveta Sergeevna

Student 3rd year
Novosibirsk State University
e-mail: lizziel98@mail.ru

Трасологический анализ геометрических микролитов с памятников Харганын-Гол-5 и Толбор-21 (Северная Монголия)*

Т. А. Шевченко^{1,2}

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

²Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

*Работа выполнена по гранту РНФ, проект № 19-78-10112

Геометрические микролиты в форме трапеций встречаются на памятниках Северной Монголии, например в гроте Чихен [Деревянко, Гладышев, Нохрина, 2004], на стоянках Харганын-Гол-5 и Толбор-16 [Хаценович, Рыбин, 2015, с. 161–165]. Также они найдены на территории Ближнего Востока [Muheisen, Wada, 1995; Belfer-Cohen, Goring-Morris, 2014], Центральной Азии [Ранов, Каримова, 2005; Обоснование возраста ... , 2018, с. 155–164] и других регионов. Ранее этот тип изделий считался маркером мезолита, в последние годы обнаружены геометрические микролиты, которые датируются верхнепалеолитическим временем [Колобова, Шнайдер, Кривошапкин, 2016]. Предположительно, орудия такого типа крепились в рукояти [Muheisen, Wada, 1995; Design and performance ... , 2010]. Проводились технологический и морфологический анализы геометрических микролитов со стоянки Харганын-Гол-5, которые выявили способы первичной и вторичной обработки, а также установили, что заготовками служили мелкие пластины и пластинки. Если исходить из их размеров, микролитами они не являются [Хаценович, Рыбин, 2015, с. 162–164].

С целью обнаружения следов утилизации и способов крепления на геометрических микролитах со стоянок Харганын-Гол-5 и Толбор-21 был проведен трасологический анализ при помощи микроскопа «Альтами МЕТ 6С». Фотофиксация следов износа велась при помощи камеры Canon 1000D и программы Helicon Focus. Были изучены три геометрических трапециевидных микролита: два целых и один фрагмент (табл.), один со стоянки Харганын-Гол-5 (слой 4), два – с памятника Толбор-21 (слои 3а и 5) (рис. 1). Проблема крепления и утилизации микролитов с палеолитических памятников Северной Монголии мало изучена, и данная работа является одним из первых шагов к её решению.

Таблица

Данные о геометрических микролитах в форме трапеций со стоянок Харганын-Гол-5 и Толбор-21, Северная Монголия

№ артефакта	Памятник	Слой	Сохранность
470	Харганын-Гол-5	4	Целая
1919	Толбор-21	5	Фрагмент
6888	Толбор-21	3А	Целая

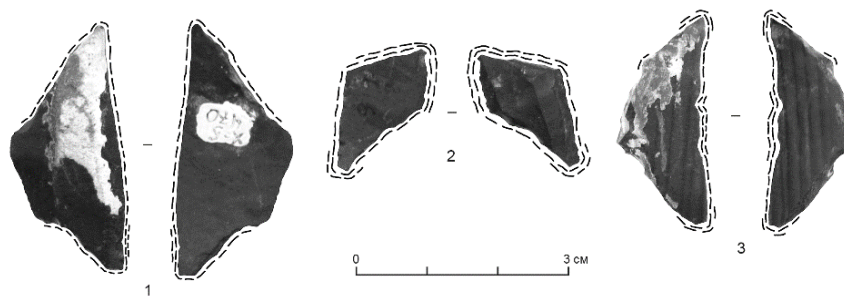

Рис. 1. Геометрические микролиты в форме трапеций (Харганын-Гол-5 и Толбор-21, Северная Монголия; пунктиром отмечены участки с заполировками): 1 – трапеция в двух проекциях с памятника Харганын-Гол-5 (№ 470), 2 – фрагмент трапеции со стоянки Толбор-21 (№ 1919) в двух проекциях; 3 – трапеция в двух проекциях с памятника Харганын-Гол-5 (№ 6888). Фото автора

На трапеции с памятника Харганын-Гол-5 (№ 470) (рис. 1, 1) зафиксирована неутилизационная ретушь на продольном крае в месте пересечения его с обработанным поперечным краем [Хаценович, Рыбин, 2015, с. 164]. В ходе трасологического анализа была выявлена интенсивная заполировка с дорсальной и вентральной сторон изделия, которая усиливается возле фасеток ретуши. С дорсальной стороны заполировка менее яркая, чем с вентральной. На последней интенсивная заполировка возле фасеток ретуши, слабая – в медиальной части. Выявленная заполировка свидетельствует об утилизации данной поверхности. На противоположном продольном крае следы износа не обнаружены. На поперечных краях присутствует ретушь, на выступающих участках которой фиксируется интенсивная заполировка. Следовательно, на этой поверхности мы видим результат антропогенной модификации края. Основываясь на полученных данных, можно сделать предположение, что изделие интенсивно использовалось, крепилось коротким продольным краем в паз. Основными рабочими частями были окончания более протяженного продольного края. Возможные способы крепления таких микролитов, полученные на основе данных о распростра-

нении следов износа, представлены в работе А. Ярошевич (рис. 2) [Design and performance ... , 2010, p. 377].

Также проанализирован фрагмент трапециевидного микролита с памятника Толбор-21 (№ 1919) (рис. 1, 2). На большем продольном крае фиксируются фасетки с обеих сторон изделия, а также короткие, расположенные на значительном расстоянии друг от друга и под углом около 45° параллельные глубокие линейные следы и небольшие области заполировок, которые усиливаются ближе к кончику. На вентральной стороне линейные следы не фиксируются, заполировка отмечается при увеличении $\times 100$. На втором продольном крае выявлены участки с неравномерной заполировкой, в том числе очень интенсивной, которая отмечается уже при увеличении $\times 50$. Представленные следы свидетельствуют об интенсивном использовании изделия. Вдоль слома выявлены области с заполировками, на торцевой части также отмечаются заполировки по всей его длине, сам край сглажен. Перпендикулярный край также заполирован по всей его поверхности, эти модификации фиксируются при увеличении $\times 50$. Изделие либо активно использовалось, либо находилось в особых условиях залегания, которыми может быть объяснен такой интенсивный износ, артефакт требует дальнейшего изучения.

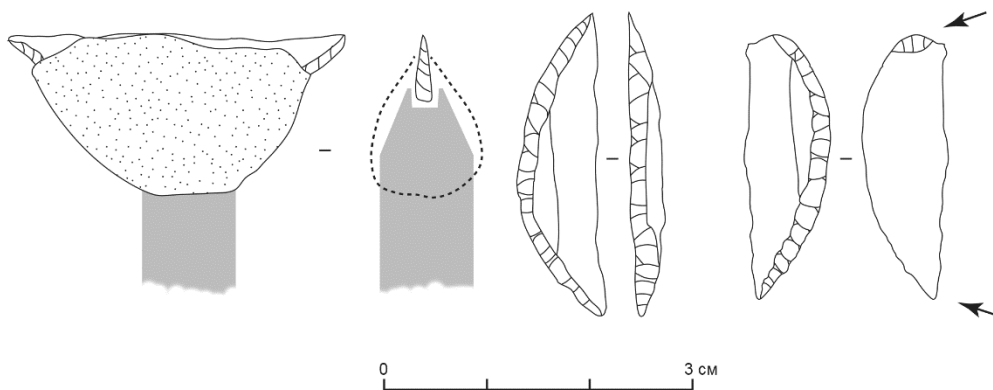

Рис. 2. Способы крепления микролитов в рукоятки (по: [Design and performance ... , 2010, p. 377])

На длинном продольном крае третьего геометрического микролита со стоянки Толбор-21 (№ 6888) (рис. 1, 3) в медиальной части выявлены области с интенсивной заполировкой. Этот тип следов отмечается и на вентральной, и на дорсальной сторонах. На втором продольном крае не выявлено модификации поверхности. На кончиках длинного продольного края зафиксирована заполировка. Следовательно, орудие использовалось, причем довольно интенсивно. В качестве рабочей поверхности использовался длинный продольный край. На меньшем продольном крае не фиксируется модификации, вероятно, этой частью изделие крепилось в рукоять.

На каждой трапеции выделены области со следами утилизации. Заполировка – основной тип следов, они имеют разную интенсивность и степень блеска. На кончиках трех трапеций зафиксирована заполировка, что указывает на утилизацию поверхности. Предположительно, все три трапеции крепились в рукоятке и использовались.

*Научные руководители – Л. В. Зоткина
канд. ист. наук, науч. сотр. ИАЭТ СО РАН,
ст. преподаватель, кафедра археологии,
Гуманитарный институт,
Новосибирский государственный университет;
Е. П. Рыбин
канд. ист. наук, ст. науч. сотр., ИАЭТ СО РАН*

Список литературы

- Деревянко А. П., Гладышев С. А., Нохрина Т. И. Комплекс верхнего культурного горизонта пещеры Чихэн (Монголия, Гобийский Алтай) // Археология и палеоэкология Евразии. Новосибирск, 2004. С. 283–293.
- Колобова К. А., Шнайдер С. В., Кривошапкин А. И. Преемственность развития верхнепалеолитических индустрий в западной части Центральной Азии // Stratum Plus. 2016. № 1. С. 51–63.
- Обоснование возраста ранних геометрических микролитов в западной части Центральной Азии / К. А. Колобова, А. И. Кривошапкин, С. В. Шнайдер, А. В. Шалагина // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2018. С. 155–164.
- Ранов В. А., Каримова Г. Р. Каменный век афгано-таджикской депрессии. Душанбе, 2005. 252 с.
- Хаценович А. М., Рыбин Е. П. Геометрические изделия в позднем верхнем палеолите Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2015. Т. 21. С. 161–165.
- Belfer-Cohen A., Goring-Morris N. The Upper Paleolithic and Earlier Epi-Paleolithic of Western Asia (ca. 50–14.5 k calBP) // The Cambridge World Prehistory. Cambridge, 2014. Vol. 3. P. 1381–1407.
- Muhsen M., Wada H. An Analysis of the microliths at Kharaneh IV, phase D, Square A20/37 // Paleorient. 1995. Vol. 21. Is. 1. P. 75–95.
- Design and performance of microlith implemented projectiles during the Middle and the Late Epipaleolithic of the Levant: experimental and archaeological evidence / A. Yaroshevich, D. Kaufman, D. Nuzhnyy, O. Bar-Yosef, M. Weinstein-Evron // Journal of Archaeological Science. 2010. Vol. 37. P. 368–388.

Use-wear Analysis of the Geometric Tools from the sites Khargany-Gol 5 and Tolbor 21 (Northern Mongolia)

T. A. Shevchenko

Geometric microliths found at the numerous sites of Mongolia (Tolbor 16, Tolbor 21, Khargany-Gol 5, Chikhen-Agui), Middle East, Central Asia, etc. Previously, researchers considered geometric microliths as the Mesolithic or Epipaleolithic markers. Now there are microliths dated back to the Upper Paleolithic. Use-wear analysis of artifacts from Northern Mongolian sites Tolbor 21 and Khargany-Gol 5 was conducted. Here we present some results on three trapezium geometric tools. Artefacts were used intensively, probably fastened to the handle. The artifacts recorded smoothness of the edge, polishing and other signs of disposal. Products were used intensively, probably fastened to the handle. Two whole trapeziums were fastened with a short longitudinal edge into the groove, and a long longitudinal edge was used for work. The artifacts recorded smoothness of the edge, polishing and other signs of disposal.

Keywords: Mongolia, Upper Paleolithic, microliths, use-wear analysis.

Шевченко Татьяна Андреевна

магистрант 1-го года обучения, лаборант,
научно-образовательная площадка «Палеотехнологии»,
Научно-образовательный центр «Новая археология»,
Гуманитарный институт
Новосибирский государственный университет
e-mail: tatiana.752@icloud.com

Shevchenko Tatiyana Andreevna

Graduate student 1st year, Laboratory Assistant,
Scientific and Educational Center “Paleotechnology”,
Scientific and Educational Center “New Archaeology”,
Humanitarian Institute
Novosibirsk State University
e-mail: tatiana.752@icloud.com

История археологического изучения памятников каменного века Титовской сопки (Восточное Забайкалье)

Н. А. Марков

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

Титовская сопка – это ценная природно-историческая территория, расположенная к югу и юго-западу от г. Читы [Астахов, 2018], комплексный геологический памятник природы местного статуса, который является уникальным местом сосредоточения многочисленных памятников археологии, в том числе палеолитических мастерских, что для территории Сибири уникально. Выявленные на Титовской сопке 16 памятников со следами обитания древнего человека в широком хронологическом диапазоне от среднего палеолита до средневековья объединены исследователями в Сухотинский археологический комплекс.

Первые сборы каменных орудий на северо-восточном склоне Титовской сопки проводил директор Читинского музея географического общества А. К. Кузнецов. В фондах Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова хранится его фотоальбом с выявленными Алексеем Кирилловичем находками. Возможно, следуя консультациям Б. Э. Петри и А. К. Кузнецова, учитель, краевед Е. И. Титов вместе со школьниками в 1920-е гг. собирал на Титовской сопке подъемный материал, состоящий из каменных изделий [Титов, 1924, с. 76–80].

Значимый вклад в исследование внёс краевед, преподаватель графики А. И. Махалов. Он в 1927–1932 гг. провел археологические изыскания в долине р. Ингоды. В 1928 г. в окрестностях Читы им были открыты и исследованы 20 стоянок каменного века. А. И. Махаловым впервые были предприняты раскопки средневековых погребений на Титовской сопке неподалеку от позже открытой древней мастерской [Махалов, 1930].

После длительного перерыва исследования на Титовской сопке возобновились А. П. Окладниковым. В 1950 г. им были собраны древние артефакты на территории, примыкающей к психоневрологической больнице. В 1952 г. он же открыл, а в дальнейшем проводил раскопки мастерской эпохи палеолита. В результате исследований были выявлены ямы по добыче камня, кострища, «кирки» из рогов животных [Кириллов, 2011]. Впервые для выявленных артефактов был дан анализ процесса первичного расщепления и вторичной обработки каменного сырья, отмечены петрографические наблюдения. По определению В. Ф. Петруня, основным видом сырья были микролавобрекчии [Петрунь, 1971].

На склонах Титовской сопки известны древние наскальные рисунки и погребения от эпохи бронзы до средневековья [Филатов, 2016]. Наскальные рисунки вошли в обобщающую работу «Петроглифы Забайкалья» [Окладников, Запорожская, 1970, с. 44–45]. В 1960–1963 гг. М. П. Безверхний и М. Б. Звонкова обнаружили на северных окраинах Титовской сопки в песчано-суглинковых отложениях остатки бивней мамонтов, локтевую кость волосатого (шерстистого) носорога, фрагменты скелета лошади, относимые к среднему – позднему плейстоцену. В 1967 г. Е. И. Корнуговой в районе мелькомбината найден зуб бизона. В 1991 г. студентом горного факультета ЧитПИ И. В. Котельниковым на северо-западных окраинах Титовской сопки собраны многочисленные зубы лошади [Филатов, 2016].

С 1965 г. на Титовской сопке были начаты работы экспедиции Читинского государственного педагогического института (ныне ЗабГУ) под руководством И. И. Кириллова, в будущем доктора исторических наук, руководителя Верхнеамурской археологической экспедиции. Систематические исследования стали проводиться с 1966 г. с откры-

тия и изучения первого памятника Сухотинского комплекса, получившего наименование Титовская сопка-2 [Там же]. В результате было выявлено местонахождение Сухотино-1, были открыты стоянки Сухотино-2 и Сухотино-3 и проведены масштабные раскопки мастерской каменного века. Дальнейшие исследования проходили в 1972–1974, 1979, 1984, 1986, 1988, 1989 гг. Работы позволили выявить 10 памятников каменного века и на обширной площади изучить уникальные многослойные верхнепалеолитические памятники Сухотино-2 и Сухотино-4 [Черенщиков, 1998, с. 17]. По результатам изучения памятника Сухотино-4, О. Ю. Черенщиковым была подготовлена кандидатская диссертация [Kirillov, 1998].

С 2012 г. исследования на Титовской сопке проводит лаборатория палеоэкологии ЗабГУ под руководством М. В. Константинова. Студентом Е. А. Филатовым совместно с краеведом С. В. Кузнецовым обнаружен новый памятник Сухотино-16 [Константинов, 2016]. Типология выявленных артефактов позволяет предполагать позднеашельский возраст, что является уникальным для Забайкалья. Это мнение было поддержано видными исследователями нижнего палеолита В. П. Любиным и Е. В. Беляевой. Также были проведены рекогносцировочные работы на уже известных памятниках – стоянке-мастерской Сухотино-6, Сухотино-8 и мастерской Сухотино-12 [Филатов, 2016]. В 2016 г. к LVI РАЭСКу в Чите был опубликован научный путеводитель, в котором нашли отражение все палеолитические памятники Сухотинского георхеологического комплекса [Там же].

В целом в Сухотинский комплекс входят палеолитические поселения, две палеолитические мастерские, где добывался и первично обрабатывался камень андезитобазальтовых пород, наскальные рисунки, ритуальные сооружения, могильники дворцовой культуры, культуры плиточных могил, бурхотуйской и ундугунской культур [Кириллов, Кириллов, 2011]. Эти памятники локализуются на небольшой площади, но разительно отличаются друг от друга геоморфологией и культурными особенностями, характеризую широкий хронологический диапазон. Все это дает возможность проследить развитие и эволюцию материальной культуры на обособленной территории. Близость города оказывала и оказывает значительное влияние на изученность и сохранность памятников.

Неоднократно поднимались вопросы о музеефикации и охране памятников Сухотинского археологического комплекса. В рамках полевых экскурсий памятники Сухотинского комплекса демонстрировались участникам международной конференции «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири» (Чита, 2013 г.) и LVI РАЭСКа (Чита, 2016 г.).

*Научный руководитель – А. В. Константинов
д-р ист. наук, профессор,
кафедра истории, Забайкальский государственный
университет*

Список литературы

- Астахов С. Н. Шурфы-шахты для добычи каменного сырья в палеолите на Титовской сопке // Записки ИИМК РАН. СПб., 2018. Вып. 19. С. 13–19.
- Кириллов И. И. Титовская сопка // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. Новосибирск, 2011. С. 288–289.
- Кириллов И. И., Кириллов О. И. Сухотино // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. Новосибирск, 2011. С. 280–281.

Константинов М. В. Археология Забайкальского края: эпохи, памятники, первооткрыватели // Сибирская археология и этнография: вклад молодых исследователей : МАТЕРИАЛЫ LVI Рос. (с междунар. участием) археол.-этнограф. конф. студентов. Чита, 23–26 марта 2016 г. Чита, 2016. С. 32–43.

Махалов А. И. Древние погребения из долины реки Читы // Материалы Забайкальского отдела Дальневосточного Общества Краеведения (6. ЗОРГО) и Читинского Краевого Музея им. А. К. Кузнецова. Чита, 1930. Вып. II. Археология. «Книжное дело». № 6. С. 3–16.

Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Л. : 1970. Ч. 2. 264 с.

Петрунь В. Ф. К петрофизической характеристике материала каменных орудий палеолита // Палеолит и неолит: материалы и исследования по археологии СССР. Л., 1971. № 173. С. 282–297.

Титов Е. В. Научные открытия учащихся школы 1 ступени (из заметок руководителя экскурсии) // Вопросы просвещения на Дальнем Востоке. 1924. № 5. С. 76–80.

Филатов Е. А. Сухотинский георхеологический комплекс: научный путеводитель по палеолитическим памятникам Сухотинского георхеологического комплекса. Чита, 2016. С. 3–4.

Черенщиков О. Ю. Нижний комплекс многослойного поселения Сухотино-4 и его место в верхнем палеолите Северной Азии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1998. 17 с.

Kirillov I. I., Derevjanko A. P. The paleolithic of the Trans-Baikal area // Paleolithic of Siberia: New discoveries and interpretations / ed. A. P. Derevanko, D. B. Shimkin, W. R. Powers; translated by I. P. Laricheva. Urbanaand ; Chicago : University of Illinois Press, 1998. P. 137–150.

History of the Archaeological Studying of the Titovskaya Sopka Sites (Western Transbaikal)

N. A. Markov

The article is devoted to the history of studying archaeological sites of the Titovskaya Sopka, located within the city of Chita (Transbaikal Territory). The history of studying these sites has more than a hundred years, the names of A. K. Kuznetsov, E. I. Titov, A. I. Makhalov, A. P. Okladnikov, S. N. Astakhov, I. I. Kirillov, M. V. Konstantinov are associated with their study. During the excavation of Larichev, the remains of a “mine” for the extraction of raw materials were discovered. In 1960–1990 the tailings of mammoth tusks, fragments of a skeleton and horse’s teeth were found on the Titovskaya Sopka. Site Sukhotino 1, 2, 3 were discovered; in total there are 10 Stone Age sites. The resumption of archaeological research on the Titovskaya Sopka in 2012 showed the importance and necessity of studying the history of its research.

Keywords: Chita, Titovskaya Sopka, Sukhotinsky archaeological complex, Stone Age workshops, multi-layer settlements, A. K. Kuznetsov, A. P. Okladnikov, I. I. Kirillov.

Марков Никита Александрович

студент 4-го курса

Забайкальский государственный университет

e-mail: nikitka-markov-98@list.ru

Markov Nikita Aleksandrovich

Student 4th year

Transbaikal State University

e-mail: nikitka-markov-98@list.ru

УДК 902

Мастерская Сухотино (Сухотино-12): новые данные (по материалам 2019 г.)

Ю. О. Истомина

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

Летом 2019 г. Даурским археологическим отрядом были проделаны археологические работы на памятнике Сухотино-12. Сухотинский комплекс археологических памятников включает в себя 16 объектов, в том числе порядка 10 памятников каменного века. В комплексе входят палеолитические поселения Сухотино-1–5, 7, 8, стоянка-мастерская Сухотино-6, а также две палеолитические мастерские, где добывался и первично обрабатывался камень для производства орудий. Комплекс памятников располагается на юго-восточной окраине г. Читы, на склоне Титовской сопки. Первые зафиксированные сборы каменных артефактов и раскопки на её поверхности были произведены в 1924 г. Е. И. Титовым [Алкин, 2009, с. 186]. Затем длительное время на Титовской сопке работы не проводились.

Новый этап археологических работ на Сухотинском археологическом комплексе связан с исследованиями А. П. Окладникова, проводимыми в рамках Бурят-Монгольской экспедиции. В ходе этих работ в 1950 г. была открыта мастерская на Титовской сопке, в настоящее время известная как мастерская им. Окладникова [Астахов, 2018 с. 13]. Более детально Сухотинский комплекс памятников начал изучаться с 1965 г. Археологической экспедицией ЧГПИ под руководством И. И. Кириллова. Был исследован ряд стоянок каменного века, включая широко известное поселение Сухотино-4 [Окладников, Кириллов, 1980; Кириллов, Каспаров, 1990]. С конца 80-х гг. прошлого века до настоящего времени работы в пределах сухотинской группы памятников не велись. Затем под руководством М. В. Константинова осуществлялись зачистки в пределах Сухотино-4 и на высоких уровнях, в том числе на Сухотинской мастерской. В результате чего за этим объектом стало закрепляться название «Сухотино-12».

Географически Титовская сопка расположена на юго-западной окраине г. Читы и представляет собой пермско-

раннетриасовый стратовулкан [Константинов, Сеница, 2009, с. 547]. Это тип вулкана, имеющего коническую форму и сложенного из множества затвердевших слоёв лавы, тефры и вулканического пепла. Извергаемая лава вязкая и густая, благодаря чему она застывает прежде, чем успеет далеко распространиться, образуя потоки. Для Титовской сопки характерен вулканический взрывной тип извержения, т. е. центральное извержение главного кратера вулкана с вязкой андезитовой или дацитовой магмой, обладающей высоким содержанием газов. Преобладают лавы среднеосновного состава, потоки трахитов, трахиандезитов, базальтов, кластолавы неков с вулканическими бомбами.

Таким образом, палеовулкан Титовская сопка представляет собой важнейший источник сырья высокого качества для территории всего Восточного Забайкалья. На наш взгляд, это во многом объясняет высокую концентрацию объектов каменного века, включая стоянки, поселения и мастерские, непосредственно на склонах палеовулкана. Источники сырья были весьма важны для древних обитателей Забайкалья, использовавших их как минимум со времени среднего палеолита. Поэтому качественное исследование объектов, содержащих каменную индустрию как верхнего, так и среднего палеолита, является крайне важной задачей для забайкальской археологии каменного века. К подобного рода памятникам относится Сухотино-12.

Сухотинская мастерская, связанная с юго-восточным склоном Титовской сопки (рис.), расположена непосредственно на естественных выходах роговиков, представленными блоками различных размеров от 8–10 см по длинной оси до глыб в 40–50 см и более в поперечнике. Именно роговик использовался как основной материал для расщепления на этом памятнике [Мороз, Юргенсон, 2018], составляя порядка 99,8 % от общей выборки. Су-

хотино-12 – это объект, расположенный в пределах Сухотинской мастерской.

Учитывая значительную концентрацию каменного материала в пределах мастерской, было принято решение вскрыть 2 м² в шурфе 2013 г. – в его восточной стенке. Это не нарушало геометрию изначального шурфа и позволяло

визуально отслеживать падение литологических слоёв по склону в пределах профиля глубиной до 2,1 м. После установки репера и нивелировки поверхности были начаты стационарные раскопки с фиксацией материала геодезическим инструментом и полным просевом грунта через сито с ячейкой 3×3 мм.

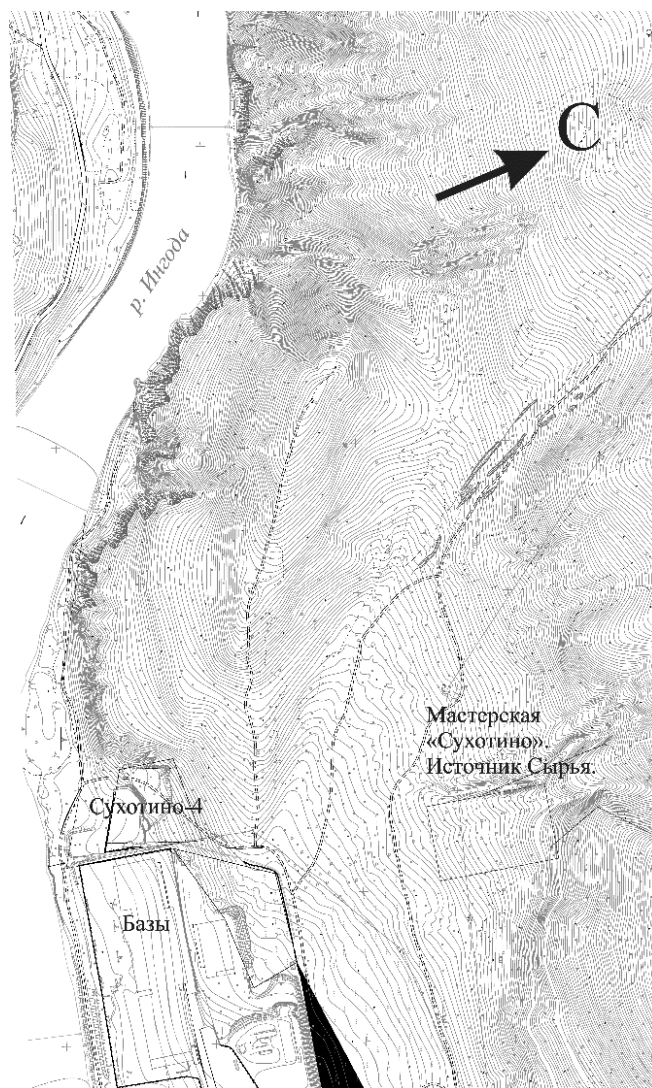

Рис. Местоположение источника сырья и Сухотинской мастерской в пределах Титовской сопки

В отличие от раскопок прошлых лет, детальное изучение объекта выявило не четыре, а пять пачек отложений, содержащих каменный материал, без стерильных прослоев. В общей сложности было получено 3513 ед. артефактов. Первый культурный компонент представлен 1070 артефактами. Из них 49 экз. нуклеусов, типологически выраженных орудий – 11, пластин и пластинчатых сколов – 77, отщепов – 530, технических сколов и осколков – 403. Второй культурный компонент представлен 725 ед. артефактов. Из них нуклеусов – 18 экз., типологически выраженных орудий – 7, пластин и пластинчатых сколов – 53, отщепов – 469, технических сколов и осколков – 178. Первый и второй компоненты имеют отличительную черту. Практически все артефакты имеют полную патину, захватывающую обе поверхности предмета. Как первый, так и второй уровень демонстрируют явные черты переотложения каменного материала, по всей видимости, оно связано со склоновыми процессами и гравитационным сносом материала.

Третий культурный компонент – наименее представительный по количеству найденных артефактов и включает

385 ед. артефактов. В нем зафиксированы нуклеусы – 3 экз., типологически выраженные орудия – 2, пластины и пластинчатые сколы – 38, отщепы – 232 и технические сколы и осколки – 110. Четвертый культурный компонент представлен 954 ед. артефактов. К нему отнесены нуклеусы – 15 экз., типологически выраженные орудия – 15, пластины и пластинчатые сколы – 35, отщепы – 529, технические сколы и осколки – 360. В отличие от предыдущих культурных компонентов артефакты этого уровня слабо патинизированы. В нем встречаются единичные патинизированные артефакты, но в целом только одна из поверхностей имеет легкий, слабовыраженный люстраж. Пятый культурный компонент представлен 549 экз. нуклеусов – 5 экз., типологически выраженных орудий – 11, отщепов – 322, технических сколов и осколков – 202.

Судя по стратиграфической позиции, пятый культурный компонент, по всей видимости, относится к раннезырянскому времени. Этому не противоречит и технико-типологический облик материала с высоким содержанием леваллуазских элементов. Таким образом, Сухотино-12 является во многом уникальным для Забайкалья объектом, содер-

жащим каменные индустрии хронодиапазона МИС-2 – МИС-4, которые основаны на моносырьевом источнике минерального сырья с высокими технологическими свойствами.

*Научный руководитель – П. В. Мороз
канд. ист. наук, доцент,
кафедра отечественной истории,
Забайкальский государственный университет*

Список литературы

Алкин С. В. Забайкальский этнограф и археолог Елпидифор Иннокентьевич Титов // Сибирь. Иркутск, 2009. С. 182–194.

Астахов С. Н. Шурфы-шахты для добычи каменного сырья в палеолите на Титовской сопке // Записки ИИМК РАН. СПб., 2018. Вып. 19. С. 13–19.

Кириллов И. И., Каспаров А. К. Археология Забайкалья. Проблемы и перспективы: эпоха палеолита // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. Новосибирск, 1990. С. 194–198.

Константинов М. В., Синица С. М. Титовская сопка // Малая энциклопедия Забайкалья. Природное наследие // Новосибирск, 2009. С. 546–548.

Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск, 1980. 176 с.

Мороз П. В., Юргенсон Г. А. Минеральное сырьё Сухотинского георхеологического района // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск, 2018. Вып. 7. С. 100–105.

Workshop Sukhotino (Sukhotino 12): New Data on the Materials of 2019

Y. O. Istomin

The article is devoted to the description of the works of the 2019 field season carried out by the Daurian archaeological detachment at the Sukhotino workshop (Sukhotino 12). Two square meters of sediment were uncovered and five packs of loose sediments were discovered containing representative archaeological material of the Stone Age, including cores, tools and numerous flakes. The total number of artifacts was 3513 copies. The tools are more than 99,8 % made of hornfels – a rock that composes the outputs of mineral raw materials, within which the Stone Age workshop and the Sukhotino 12 object are located directly. High technological properties of the hornfels determined the laminar orientation of the stone industries of the Sukhotino 12.

Keywords: Sukhotino archaeological complex, Stone Age workshops, raw materials, flaking technology.

Истомин Юрий Олегович

студент 2-го курса

Забайкальский государственный университет

e-mail: yura.istomin.01@mail.ru

Istomin Yuri Olegovich

Student 2nd year

Transbaikal State University

e-mail: yura.istomin.01@mail.ru

УДК 56(4/9)571.54/55

Палеолитические жилищные комплексы Усть-Мензы-2 (культурный слой 4)

С. В. Маслодудо

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

Поселение Усть-Менза-2 расположено на юго-западе Забайкальского края, при впадении р. Мензы в р. Чикой. Оно связано со второй надпойменной террасой. Изучается с 1980 г. Выявлено 32 культурных слоя, относящихся ко времени от верхнего палеолита до раннего железного века. Исследования проводит Чикойская археологическая экспедиция Забайкальского государственного университета [Усть-Менза, 2011].

Поселение изучено на площади 1196 м². В ходе работ памятник разделен на участки, обозначенные как раскоп 1, раскоп 2А, раскоп 2Б, раскоп 3. Особый интерес представляет участок культурного слоя 4 в раскопе 2А. В нём на площади 244 м² выявлена серия жилищных комплексов. Слой 4 залегает на глубине 0,6–0,7 м от поверхности. Он связан с тонкой песчаной прослойкой, отражающей эпизод похолодания внутри позднесартанского потепления. Стратиграфическая позиция позволяет датировать его в пределах 11,8–12,0 тыс. л. н. [Константинов, 1994].

В результате изучения культурного слоя 4 раскопа 2А было выявлено пять жилищных комплексов (рис.).

Комплекс 1 представлен очагом в виде тонкой золистой пленки и пятью камнями размерами 27–40 см в обкладке. Размер очажного пятна вместе с камнями обкладки – 117×102 см. Очаг является центром жилой площадки, обозначенной по границам камнями внешней обкладки, состоящей из 14 отдельных размерами 28–50 см. Расстояние от края очага до внешней обкладки в северо-западную сторону – 2,6 м, в юго-восточную сторону – 0,35 м, в восточную сторону – 0,8 м. Внешняя обкладка дискретная, однородная, дугообразная по форме.

Комплекс 2 состоит из очага в центре и выразительной внешней обкладки дискретного характера. Очаг находится в центре конструкции, представлен в виде зольного пятна

овальной формы размером 175×110 см. Пятно обрамлено восемью камнями, также имеются четыре камня в центре пятна. Внешняя обкладка в юго-восточной части представлена 13 камнями в виде дуги (540 см). Юго-западная часть кладки длиной 288 см состоит из восьми камней. Северо-западная часть кладки группируется дугообразно по форме из 16 камней с общей длиной – 4 м. Размеры камней 25–40 см. В обкладке присутствуют разрывы. Так, с северо-восточной стороны зафиксирован только один камень. Размеры жилища с севера на юг – 430 см, с запада на восток – 525 см.

Комплекс 3 выявлен частично. Он представлен группой из 14 камней с северо-восточной стороны. Выделяется прямая линия из семи камней, тянущаяся с севера на юг. С юго-запада комплекс обрамлен краем раскопа, приходящимся на бровку террасы.

В комплексе 4 системообразующим является очаг, находящийся в центре жилища. Очаг состоит из тонкой прослойки золы, по периметру обрамлен шестью камнями. Размер очага 125×70 см. Внешняя обкладка жилища носит дискретный характер и состоит из крупных камней, располагающихся группами. С северо-восточной стороны группа представлена прерывистой линией из 10 камней, её длина 3,5 м. В восточной стороне – группа из четырех камней с общей стороной прикрытия жилой площадки в 1,5 м. В юго-западной стороне – линия из шести камней длиной 2,3 м. Между восточным и юго-западным фрагментами обкладки пространство в 1,2 м, закрыто одним камнем, который удален от жилой зоны на 0,7 м. Камни внешней обкладки имеют размеры 15–40 см. С западной стороны на протяжении 3 м обкладка отсутствует.

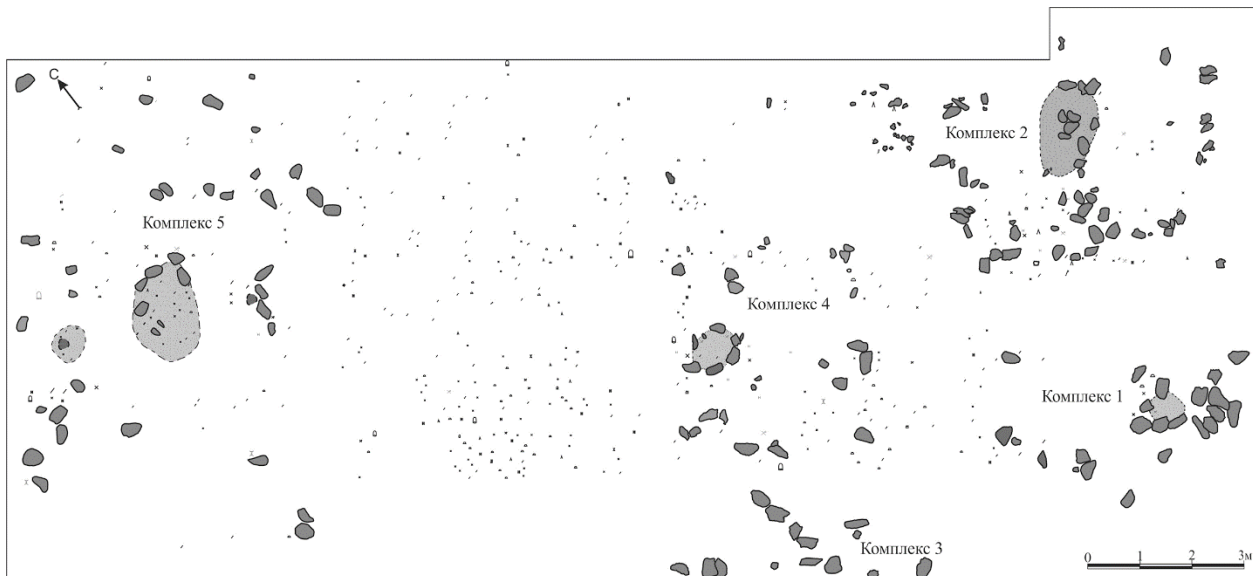

Рис. План раскопа 2А Усть-Мензы-2

В комплексе 5 центральную позицию занимает очаг. Он представлен овальным золистым пятном 190×12 см, обрамлённым пятью камнями в форме полукольца. На расстоянии 0,8 м западнее очага расположено зольное пятно диаметром 0,5–0,6 м. В пределах этого зольного пятна отмечена охра. На противоположной от очага восточной стороне расположено ещё одно маленькое охристое пятно. К внешней обкладке жилища относятся 33 камня размерами 15–35 см. В северо-восточной стороне присутствует линия из 13 камней. Её условно можно разделить на две группы. Первая группа состоит из шести камней, создающих диагональную линию в 2,2 м. Вторая группа состоит из семи камней, образующих полукольцо. В юго-восточной части в обкладке четыре камня, они образуют линию длиной 1,5 м. В северо-западной части расположены одинарные камни. С юго-западной стороны камни из кладки, вероятно, потеряли первоначальную позицию со смещением до 0,5 м.

Рассмотренные комплексы возможно интерпретировать как жилища в виде чумов с каменными обкладками в основании. Внутри жилищ велась активная хозяйственная деятельность. Более 70 % всех находок представляют собой дебитаж в виде чешуек, отщепов, микропластинок и их фрагментов. Вместе с тем выявлен орудийный набор в

виде скребков, проколов, долотовидных орудий, резцов, микропластинок и отщепов с ретушью разного характера. Также присутствуют и макроорудия в виде чопперов. Нуклеусы представлены торцово-клиновидными формами. Фаунистический материал сохранился в виде мелких костей. Рассеянные находки такого же характера известны также в межжилищных пространствах.

Изученный участок культурного слоя 4 в раскопе 2А дополняет общую картину поселения на уровне данного слоя, известную по раскопам 1 и 2 [Константинов, 2001], и полнее раскрывает приемы строительства жилищ и их использования в период окончания верхнего палеолита.

*Научный руководитель – М. В. Константинов
д-р ист. наук, профессор,
Забайкальский государственный университет*

Список литературы

- Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита, 1994. 265 с.
 Константинов А. В. Древние жилища Забайкалья (палеолит, мезолит). Новосибирск, 2001. 224 с.
 Усть-Менза / М. В. Константинов, А. В. Константинов, Л. В. Екимова, И. И. Разгильдеева // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. Новосибирск, 2011. С. 302–306.

Paleolithic Housing Complexes of the Ust-Menza 2 Site (Cultural Layer 4)

S. V. Maslodudo

The data of archaeological research by the Chikoi archaeological expedition of the Transbaikalian University in recent years are presented. At Ust-Menza 2, in excavation 2 A. cultural layer 4 was studied. Five housing complexes were discovered, represented by the outer shells of dwellings and foci in the inner space. Around the foci are artifacts. Dwellings are separated by distinct inter-housing spaces.

Keywords: Trans-Baikal Territory, Chikoi, Ust-Menza 2, cultural layer, housing complexes, foci, artifacts.

Маслодудо Сергей Викторович
аспирант 3-го года обучения
Забайкальский государственный университет
e-mail: grinhcVC@yandex.ru

Maslodudo Sergey Viktorovich
Postgraduate student 3rd year
Transbaikalian State University
e-mail: grinhcVC@yandex.ru

Проблематика и история исследований позднего палеолита о. Сахалин

С. А. Бажин

Сахалинский государственный университет, Южно-Сахалинск, Россия

Выводы о первоначальном заселении о. Сахалин во II тыс. до н. э. доминировали до 70-гг. XX в. [Козырева, 1967]. Однако открытие позднего палеолита на Японских островах, Камчатке и в Приморье побудило исследователей обратить свое внимание и на Сахалин. Концепция мезолитического и палеолитического прошлого полуострова Сахалин – Хоккайдо, выдвинутая Р. С. Васильевским [Васильевский, 1973; Васильевский, Голубев, 1976], а позднее усовершенствованная В. А. Голубевым и Е. Л. Лавровым [1988], соответствовала развитию археологии того времени. «Модель» концепции, в которой единство технологических традиций региона Сахалин – Хоккайдо устанавливалось по типологическому критерию, – однофакторная. Палеоэкономика и палеогеография в попытке объяснить вариабельность индустрий региона в позднем палеолите в концепции 1970-х гг. занимают не самую ведущую роль. Начиная с 1990-х гг. эти пробелы устраняет А. А. Васильевский, строя многофакторную «модель» применительно к позднему палеолиту – начальному неолиту.

Результатом исследований 1970–2000-х гг. стал ряд памятников пластинчатой индустрии: Огоньки-5,-8, Сокол-1, Петропавловское-1, Старорусское-1,-3,-4, Олимпия-1–5, Восси-2–6, Скальный, Правый Набиль-1 [Васильевский, 2005, с. 86]. Для понимания принципа расположения этих геологических объектов и не только требовалось излагать ряд новых данных относительно смежной провинции плейстоцена – региона Сахалин – Хоккайдо.

Развивая идеи предшественников, [Деревяно, 1984; Голубев, Лавров, 1988] и используя широкую естественнонаучную базу начала XXI в., А. А. Васильевский вводит в оборот новые данные палеогеографии и рассматривает стоянки-поселения полуострова Сахалин – Хоккайдо как единый комплекс памятников. Он выделяет комплексы Сусунайской депрессии и охотоморского побережья Хоккайдо с приуроченными к ним реками Найба, Большой Такой, Лютога, Китами, Юбецу, Токоро в один позднепалеолитический район. Другим районом стала южная часть Хоккайдо, включающая и долину р. Исикари, что разделяет остров на две части. Памятники южной зоны также связаны с реками, впадающими в Японское море и Тихий океан. Здесь впервые приводится общая для региона Сахалин – Хоккайдо характеристика расположения памятников в палеоландшафте. А. А. Васильевский отстраняется от единой технико-типологической традиции и проводит аналогии между археологическими комплексами по ряду признаков [2008, с. 100]. Такие сравнения закономерны в истории исследований, примером являются исследования Ю. А. Мочанова [1977]. На Сахалине подобный принцип для позднего палеолита применялся впервые.

Ранее у исследователей позднего палеолита моделирование палеоклимата и палеоэкологии палеополуострова Сахалин – Хоккайдо, в рамках которого формировались культурные общности того времени, применялось ограниченно, без детализации. Новый подход применяет А. А. Васильевский [Vasilevski, 2008, p. 50]. Миграции по меридиану, сопряженные с предшествующих обитателей территории, ограниченные ресурсы среды и естественные географические рубежи на фоне разнообразия микроклиматических зон неминуемо приводили к столкновениям и, как следствие, ассимиляции коренных социумов и мигрантов в контактной зоне Нижний Амур – Сахалин – Хоккайдо. Итог – взаимобмен культурными традициями между взаимно удаленными социумами палеополуострова. Изложенное суще-

ственно обогащает ключевые моменты в «модели» взаимодействий разнообразных по своему происхождению социумов. Такая схема позднего палеолита на карте полуостровной суши не в полной мере учитывалась ранее.

На рубеже XX–XXI вв. в рамках корреляции и периодизации памятников региона Сахалин – Хоккайдо потребовалось пересмотреть правомерность отнесения к палеолитическому времени ряда геологических объектов.

В. А. Голубев и Е. Л. Лавров относят материалы стоянок Имчин I, Сокол-1 (поздний комплекс), Такое II (группы А, В) к этапу позднего палеолита региона Сахалин – Хоккайдо [1988, с. 222–223]. В свою очередь, А. А. Васильевский определяет границу переходного периода от палеолита к неолиту возрастом 13–12 тыс. л. н. в соответствии с датами ранней керамики в соседних с Сахалином регионах, а также с представлениями о возрасте черешковых острий татикава на о. Хоккайдо и о. Сахалин. Не менее важные маркеры переломного времени – изменения в природной среде Дальнего Востока, такие как образование пролива Лаперуза и отступление ледника, наступление моря вследствие глобального изменения климата [Васильевский, 2008, с. 139]. Подобное представление разрушает схему периодизации, предложенную В. А. Голубевым и Е. Л. Лавровым для позднего палеолита региона, и позволяет А. А. Васильевскому отнести упомянутые памятники к переходному этапу от палеолита к неолиту. В свою очередь, ряд комплексов памятников (Имчин I, Такое II (группы С)), отнесенных В. А. Голубевым, Е. Л. Лавровым к эпохе позднего палеолита, в новой трактовке относятся к этапу раннего периода эпохи неолита на о. Сахалин (9–7,2 тыс. л. н.), для которой характерно наличие самой древней керамики на островах Сахалин и Хоккайдо, а также радиоуглеродного возраста «культуры наконечников на пластинах» [Там же, с. 144]. В результате пересмотрена, в ключе много технико-типологического подхода, данных палеогеографии и т. д., схема построения историко-культурного и природного пространства полуострова Сахалин – Хоккайдо в позднем палеолите.

В. А. Голубев, Е. Л. Лавров развивали свою концепцию, основываясь на технико-типологическом проведении аналогий между отдельными категориями [1988], а не технокомплексов археологических объектов среди подавляющей общности разных по своим признакам культурных традиций и Хоккайдо, и Сахалина. От такой работы А. А. Васильевский отстраняется [2001, с. 8], в его построениях технокомплексы формировались в условиях постоянных миграций внутри территории полуострова, понимаемой как единая географическая система. В результате между пришлыми и местными социумами происходил активный обмен технологиями и генами. На передний план выходит выделение на территории уже субрегиона характерных региональных признаков, свойственных индустриям обработки камня, на каждом из этапов, представленных в позднем палеолите региона, и объяснение этих признаков с точки зрения подавляющего давления экосистемы, сырьевой базы, палеоклиматических особенностей, т. е. среды.

На этом этапе исследователь считает правильным рассматривать отдельные зоны – Сусунайскую депрессию, охотоморское побережье, долину Исикари – как отдельные территории, имеющие в технокомплексах сырьевую, региональную и технологическую специфику. Так, стоянки Сусунайской депрессии переходили на технику юбецу именно из-за ее лучших показателей при изготовлении

инвентаря из обсидиана, источник которого был удален от стоянок конкретного социума. Как итог А. А. Васильевский впервые связывает палеогеографический и сырьевой факторы воедино [2008, с. 133]. В его концепцию развития культурных традиций вплетается характер сырьевой ориентации, зачастую определяющий иной вектор индустрии.

Анализ работ Р. С. Васильевского, В. А. Голубева, Е. Л. Лаврова, А. А. Васильевского по изучению позднего палеолита единой палеосуши Сахалин – Хоккайдо позволяет говорить, что А. А. Васильевский, в отличие от его предшественников, регион Сахалин – Хоккайдо исследует как замкнутую систему, имеющую свои специфические факторы развития: палеогеографический, палеоклиматический, сырьевой и др. Они определяют черты, присущие каменным индустриям, и образуют новую «модель» взаимодействия человеческих общностей в позднем плейстоцене.

*Научный руководитель – А. А. Васильевский
д-р ист. наук, профессор,
заведующий кафедрой российской и всеобщей истории,
заведующий Сахалинской лабораторией археологии
и этнографии ИАЭТ СО РАН*

Problematics and History of Research of the Late Paleolithic of Sakhalin Island

S. A. Bazhin

Material of the work is devoted to the analysis of ways to solve problems that arose in the 1990^s in the Sakhalin archaeological school, as part of the study of the Late Paleolithic of the island region in the national history of research. The analysis of the key erroneous propositions that dominated the system of Late Paleolithic studies was carried out, and new criteria were demonstrated, without which there was no possibility of solving these urgent problems.

Keywords: history of research, Sakhalin Island, Late Paleolithic.

Бажин Сергей Андреевич

магистрант 1-го года обучения
Сахалинский государственный университет
e-mail: lamzarda@gmail.com

Bazhin Sergei Andreevich

Graduate student 1st year
Sakhalin State University
e-mail: lamzarda@gmail.com

УДК 903(571.53)(092)"632"

Исследования палеолита А. П. Окладниковым на территории Байкало-Енисейской Сибири

С. Ю. Хохлов

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

*Работа выполнена по гранту Правительства РФ, проект № 075-15-2019-866
«Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»

Алексей Павлович Окладников (1908–1981 гг.), член кружка «Народоведение» Иргосуна, один из крупнейших советских археологов, внес особый вклад в изучение древних культур Северо-Восточной и Центральной Азии. Он является основателем научной школы по изучению древней истории, этнографии Сибири, Дальнего Востока, Средней и Центральной Азии [Окладников ... , 2007, с. 5].

Целью данной работы является освещение научного вклада А. П. Окладникова в изучении палеолита Байкало-Енисейской Сибири. Ученый проводил исследования в долинах рек Лены и Ангары и их притоков, на побережьях оз. Байкал в разные годы, в результате которых им также выявлены местонахождения палеолитического возраста (табл.).

Основные разведочные работы на р. Лене и её притоках А. П. Окладников вел в 20-х и 40-х гг. XX в. На Верхней Лене в конце 1920-х гг. им был открыт ряд местонахождений: Пономарево [1946], Хабсагай и Степно-Балтайск [1948б]. В местности Пономарево в результате поверхностных сборов в собранном подъемном материале выявлены «палеолитические изделия». На территории позднеолитического могильника Хабсагай в желтом

суглинке, покрывающем скальное основание 20-метровой террасы, обнаружены сколы различной морфологии, которые А. П. Окладников на основании ситуации залегания отнес к эпохе палеолита. В долине р. Манзурки, около Степно-Балтайска, на поверхности 8–12 м террасы были собраны единичные каменные изделия позднепалеолитического облика [Аксенов, 2009, с. 21].

В 1940-е гг. А. П. Окладников продолжил археологические исследования в верхнем течении р. Лены, которые позволили открыть ряд местонахождений палеолитического возраста: Макарово I, Шишкино I; Сорокинская часовня; Верхолениск; Водянишный ручей; Мироново; Коршуново; Чагинская-1, -2; Пьянобыковская-1, -2; Дубровино; Курейская; Солянская-1–3; Хамра-1, -2; Витим. Некоторые объекты выделены по присутствию кострищ и фауны (Мироново, Солянская-1, -2; Хамра-2; Витим), на других проведены подъемные сборы (Сорокинская часовня; Водянишный ручей; Коршуново; Чагинская-2, -3; Пьянобыковская-1, -2; Дубровино; Курейская; Хамра-1). На ряде местонахождений проведены небольшие раскопки: Макарово I, Шишкино I, Чагинская-1 [1948, 1948а, 1953].

Список литературы

- Васильевский А. А. Наброски к периодизации и синхронизации этапов каменного века Сахалина, Хоккайдо и Курильских островов // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 2001. Вып. 2. С. 3–21.
- Васильевский А. А. Поздний палеолит Сахалина 33000–11000 л. н. // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005. Гл. 3. С. 86–115.
- Васильевский А. А. Каменный век острова Сахалин. Южно-Сахалинск, 2008. 412 с.
- Васильевский Р. С. Древние культуры Тихоокеанского севера. Новосибирск, 1973. 268 с.
- Васильевский Р. С., Голубев В. А. Древние поселения на Сахалине (Суусуйская стоянка). Новосибирск, 1976. 271 с.
- Голубев В. А., Лавров Е. Л. Сахалин в эпоху камня. Новосибирск, 1988. 240 с.
- Деревянко А. П. Палеолит Японии. Новосибирск, 1984. 271 с.
- Козырева Р. В. Древний Сахалин. СПб., 1967. 119 с.
- Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977. 262 с.
- Vasilevski A. A. Mammoth Fauna and Human adaptation in Sakhalin // Human Ecosystem Changes in the Northern Circum Japan Sea Area (NCJSA) in the Late Pleistocene. Tokyo, 2008. P. 44–67.

Местонахождения, открытые и исследованные А. П. Окладниковым и отнесенные им к палеолиту

№ пп	Название местонахождения	Автор, год открытия	Вид объекта, степень изученности	Геолого-геоморфологическая ситуация, высота над уровнем водотока, водосема
Р. Лена и ее притоки				
1	Пономарево	А. П. Окладников, 1927	Подъемный материал на поверхности пашни	Склон долины р. Бириюльки, 50 м
2	Хабсагай	А. П. Окладников, 1927	Случайные, единичные находки в обнажении	Склон долины р. Манзурки, 20 м
3	Степно-Балтайск	А. П. Окладников, 1928	Единичные находки на поверхности	Терраса р. Манзурки, 8–12 м
4	Макарово-1	А. П. Окладников, 1941; ЛАП КАЭ ИГУ, 1966	Остатки очага, 1941	Бровка террасы р. Лены, 8–14 м Делювий (низы)
5	Шишкино-1	А. П. Окладников, 1941	Стоянка. Ограниченные раскопки	Бровка 6–8-метровой террасы р. Лены. Делювий (низы)
6	Сорокинская часовня	П. П. Хороших, 1924–1925; А. П. Окладников, 1953	Единичные находки на выдувах	Выдувы на 6–8-метровой террасе р. Лены
7	Верхоленск	А. П. Окладников, 1951	Единичные находки с уровня заложения неолитического могильника	8-метровая терраса р. Лены. Делювий
8	Водянишный ручей	А. П. Окладников, 1941	Единичные находки в обнажении	6–8-метровая терраса р. Лены. Аллювий–делювий
9	Мироново	А. П. Окладников, 1941	Фаунистические остатки в обнажении	20-метровая терраса р. Лены; слоистая супесь на гл. 5 м
10	Коршуново	А. П. Окладников, 1941	В обнажении: сколы; крупное скребло, оформленное в контрударной технике; очаги с обкладкой из галек	8–10-метровая терраса р. Лены
11	Частинская-1	А. П. Окладников, 1941	Стоянка. Ограниченные раскопки	10–12-метровая терраса р. Лены
12	Частинская-2	А. П. Окладников, 1941	В осыпи скребло из зеленокаменной породы	8–10-метровая терраса р. Лены
13	Частинская-3	А. П. Окладников, 1941	В обнажении кварцитовые сколы, рубящее орудие из кварцита	8–10-метровая терраса р. Лены
14	Пьянобыковская-1	А. П. Окладников, 1941	Обитая галька в осыпи	? терраса р. Лены
15	Пьянобыковская-2	А. П. Окладников, 1941	В осыпи сколы	10-метровая терраса р. Лены
16	Дубровино	А. П. Окладников, 1941	Сколы в обнажении, в слое супеси	25–30-метровая терраса р. Лены
17	Курейская	А. П. Окладников, 1941	Сколы в осыпи	6-метровая терраса р. Лены
18	Солянская-1 (Сользавод)	А. П. Окладников, 1941	На глубине 1,3–1,5 м – слой древесного угля и золы, в осыпи – фрагмент кости быка (бизона?)	6–8-метровая терраса р. Лены
19	Солянская-2	А. П. Окладников, 1941	Обитые гальки палеолитического облика, кострище на глубине 1 м	5-метровая терраса р. Лены
20	Солянская-3	А. П. Окладников, 1941	Сколы кварцитовые и зеленокаменной породы в осыпи, на глубине 1,75 м – кострище	6-метровая терраса р. Лены
21	Хамра-1	А. П. Окладников, 1941	На склоне крупное скребло зеленовато-черной породы	12–15-метровая терраса р. Лены
22	Хамра-2	А. П. Окладников, 1941	На глубине 2 м – кострище	6–8-метровая терраса р. Лены
23	Витим	А. П. Окладников, 1941	На глубине 1 м – ребро мамонта На глубине 1,5 м – кострище и фаунистические остатки (мамонт или носорог)	25-метровая терраса р. Лены
Р. Ангара и ее притоки				
24	Буреть	А. П. Окладников, 1936	Остатки жилищ, скульптура из кости и камня, каменные и костяные изделия, мамонтовый фаунистический комплекс	15–20-метровая поверхность правого берега р. Ангары
25	Красный Яр	А. П. Окладников, 1957	Мультислойчатая стоянка – сартан	15–20-метровая поверхность правого берега р. Ангары
26	Шамотный завод	А. П. Окладников, 1957	Многоуровневая стоянка – сартан	15–20-метровая поверхность, левый берег р. Белой
Побережье оз. Байкал				
27	Ангаси-Елга	А. П. Окладников, 1970–1972 гг.	Подъемный материал, сколы из кварцита, в том числе леваллузские	25-метровая поверхность, правый берег р. Анги
28	Малая Орсо и Большая Орсо	А. П. Окладников, 1970–1972 гг.	Подъемный материал, сколы, обитые куски кварцита, нуклеусы, скребла, остроконечники, в том числе с коррадированными поверхностями	110-метровая поверхность, изголовья падей М. и Б. Орсо

Палеолитический возраст материалов ленских местонахождений А. П. Окладников обосновывал наличием крупной фауны, стратиграфией, морфологическим обликом артефактов (скребла, дисковидные нуклеусы, нуклеусы-скребки), характером сырья: «...именно в эпоху палеолита население Ленского края... пользовались для изготовления... орудий белым или зеленовато-сероватым кварцитом и различными разновидностями плотных зеленокаменных пород...» [1948а, с. 8]. Аналогии собранным материалам, как он считал, позднепалеолитического возраста А. П. Окладников видел в комплексах стоянок долины Енисея и Ангары, как Афонтовой горы II, III, так и сто-

янок, следующих по возрасту за ними [1953]. В Макарово I был найден очаг с каменной обкладкой, который он сравнил с подобными очагами кокоревских стоянок [Там же, с. 237]. Синхронными Макарово I он считал комплексы Шишкино I и относил их к «этапу позднего палеолита Восточной Сибири» [Там же, с. 245]. Этим же временем он определил материалы почти всех найденных им местонахождений, кроме местонахождений Частинская-1 и -3.

На местонахождении Частинская-1 им в отложениях 10–12 м террасы на глубине 1,6 м в раскопе площадью 18 м² выявлено два скопления. В одном из них присутствовали гальки, вокруг которых прослеживались углистые

пятна с включениями отдельностей охры. Второе скопление образовывали многочисленные каменные сколы, осколки, мелкие кости животных. Каменное сырье представлено кварцитом, отдельностями зеленокаменных пород. В составе фауны, по определению В. И. Громова, присутствуют северный олень, носорог, песец. Для каменного инвентаря А. П. Окладников отмечает кварцитовые скребла, рубящее орудие, остроконечник «мустьерских форм». Он описывает нарушение культуровмещающего слоя, видимо, связанное с солифлюкционными процессами. А. П. Окладников считал, что материалы Чагинской-1 близки к Мальте и Бурети. Но в то же время в каменном инвентаре Чагинской-1 есть элементы, которые связывают его с более поздними палеолитическими материалами Сибири. На основании этого он делает вывод, что Чагинская-1 является промежуточным звеном между Мальтой – Буретью и многочисленными более поздними палеолитическими стоянками [1953, с. 248–254]. На местонахождении Чагинская-2 А. П. Окладниковым найдены сколы и рубящее орудие из кварцита, аналогичное которому он видел в материалах Мальты, Бурети и Чагинской-1 [Там же, с. 255].

В 1936 г. А. П. Окладников в ходе работ по обнаружению погребальных комплексов времен неолита и бронзового веков по р. Ангаре открыл палеолитическую стоянку у д. Буреть [1940а, с. 5]. Она расположена на правом берегу р. Ангары в 12 км от устья р. Белой [Абрамова, 1989, с. 206]. А. П. Окладников проводил исследования этой стоянки в 1937, 1939, 1940 гг. [1940а, 1940б, 1941]. Всего вскрыто четыре скопления из плит доломита с костями животных и предметным материалом, которые исследователь идентифицировал как остатки жилищ [1941]. В артефактуальном наборе, помимо каменного инвентаря, присутствовали скульптура птицы из кости, стержень из трубчатой кости, пять женских скульптур и заготовка. Четыре скульптуры были выполнены из кости, одна из нефрита (змеевика, жадеита), заготовка выполнена также из камня. Эти находки и остатки жилищ и явились основными аргументами о близости Бурети к комплексам Мальты [Окладников, 1940б, с. 5; 1960].

Во время работ Братской археологической экспедиции ЛО ИИМК, которой руководил А. П. Окладников, в 1957 г. были открыты новые палеолитические стоянки: Красный Яр I и Шамотный завод [Абрамова, 1962, 1978; Тарасов, 1978]. Местонахождение Красный Яр I находилось на правом берегу Ангары в приустьевой части долины р. Осы; местонахождение Шамотный завод – на левом берегу р. Белой на территории пос. Новомальтинск. Красный Яр I является многослойной стоянкой сартанского времени с семью уровнями находок [Медведев, 1983]. Здесь З. А. Абрамовой был раскопан верхний комплекс (2–4 уровни) [1962, 1978] с радиоуглеродной датой для третьего уровня 15 880±240 л. н. (СОАН-7778). При раскопках местонахождения Шамотный завод выявлено также несколько уровней находок в сартанских отложениях [Тарасов, 1978].

На побережье оз. Байкал, прилегающем к Малому морю (Ольхонский р-н Иркутской обл.), А. П. Окладниковым в 1970–1972 гг. найдено два пункта с экспонированным археологическим материалом, который он определил как «кварцевый» палеолит [1975]. Первый пункт находится на правом берегу р. Анги в местности Ангаси-Елга. Здесь на 25 м выположенной поверхности собраны кварцитовые сколы, в том числе и треугольный леваллуазский скол, нуклеидные кварцитовые формы, обработанные куски кварцита. Второй пункт находился на поверхности высотой около 100 м от уреза оз. Байкал между изголовьями падей Малая и Большая Орсо. А. П. Окладников отмечает здесь выходы жильного кварца (кварцита), отдельности которого находились и в экспонированном виде. Часть из этих отдельностей имеет следы обработки. На некоторых из них отмечается эоловая коррозия поверхностей. Собра-

но большое количество обломков породы со следами снятий, сколов, в том числе немногочисленные пластины. В составе коллекции имеются дисковидные нуклеусы, нуклеидные формы, близкие к леваллуазским, скребла, остроконечники. Эти байкальские комплексы А. П. Окладников сравнил с коррадированными комплексами высоких поверхностей Ангары, имеющих ранне- и среднепалеолитический возраст [Медведев, 1983].

К палеолиту А. П. Окладников относил и три наскальных рисунка на Шишкинских писаницах [Окладников, 1959; Окладников, Запорожская, 1959] и один рисунок – на Тальминских писаницах. Их палеолитический возраст дальнейшими исследованиями не подтвержден [Мельникова, Николаев, Демьянович, 2012, с. 83].

В пределах восточной части Байкало-Енисейской Сибири в результате рекогносцировочных работ А. П. Окладников открыл 28 местонахождений, которые он отнес к палеолиту. Основное количество объектов им отмечено на р. Лене и ее притоках (23 объекта). Более поздние исследования в долине р. Лены показала, что не все найденные им объекты имеют палеолитический возраст. В 70-х гг. XX в. установлено, что из выявленных им местонахождений на р. Лене сохранилась только четвертая часть, остальные оказались разрушенными [Аксенов, 2009, с. 8].

Наиболее значимыми из открытых А. П. Окладниковым местонахождений являются объекты, обнаруженные им в долине р. Ангары, прежде всего Буреть. Аналогичность комплексов Бурети и «классических» комплексов Мальты, помимо их общих особенностей, подтверждена и радиоуглеродной датой 21 190±100 (СОАН-1680) [Абрамова, 1989, с. 208].

Находки экспонированного палеолитического материала, в том числе и с коррозией поверхностей на побережьях оз. Байкал, требуют своего подтверждения. Хотя их присутствие в пределах древних байкальских поверхностей является возможным.

*Научный руководитель – Н. Е. Бердникова
ст. науч. сотр., НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет*

Список литературы

- Аксенов М. П. Палеолит и мезолит верхней Лены. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2009. 370 с.
- Абрамова З. А. Красный Яр – новая палеолитическая стоянка на Ангаре // СА. 1962. Т. 3. С. 147–157.
- Абрамова З. А. Палеолитическое поселение Красный Яр на Ангаре (верхний комплекс) // Древние культуры Приангарья. Новосибирск, 1978. С. 7–34.
- Абрамова З. А. Палеолит Северной Азии // Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л. : Наука, 1989. С. 145–243. (Палеолит мира).
- Медведев Г. И. Палеолит Южного Приангарья : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1983. 44 с.
- Мельникова Л. В., Николаев В. С., Демьянович Н. И. Шишкинская писаница. Природные условия формирования плоскостей, основные сюжеты, датировка, семантика древних образов и объекта в целом. Иркутск : ИЗК СО РАН, 2012. Т. 2. 288с.
- Окладников Алексей Павлович // РАН. Сибирское отделение: Персональный состав. Новосибирск, 2007. С. 198–199.
- Окладников А. П. Буреть – новая палеолитическая «стоянка» на Ангаре // СА. 1940а. Т. 5. С. 290–293.
- Окладников А. П. Новые данные о палеолитическом прошлом Прибайкалья: (к исследованиям в Бурети 1936–1939 гг.) // КСИИМК. 1940б. Вып. 5. С. 59–62.
- Окладников А. П. Палеолитическая стоянка в Бурети (по раскопкам 1936–1940 гг.) // КСИИМК. 1941. Вып. 10. С. 16–31.
- Окладников А. П. Первая палеолитическая находка в бассейне р. Лены (Пономаревская стоянка) // КСИИМК. 1946. Вып. XII. С. 7–9.
- Окладников А. П. О первоначальном заселении человеком долины реки Лены (Общий обзор палеолитических памятников) // КСИИМК. 1948а. Вып. XXIII. С. 3–12.
- Окладников А. П. Палеолитические находки на р. Лене // БКИЧП. 1948б. № 12. С. 97–100.
- Окладников А. П. Следы палеолита в долине р. Лены // МИА. № 39. Палеолит и неолит СССР. М. ; Л., 1953. С. 227–265.
- Окладников А. П. Шишкинские писаницы. Памятники древней культуры Прибайкалья. Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1959. 210 с.

Окладников А. П. Палеолитические женские статуэтки Бурети // МИА. № 79. Палеолит и неолит СССР. М.; Л., 1960. Т. IV. С. 280–288.

Окладников А. П. К изучению древнейших следов деятельности человека на озере Байкал: «Кварцевый палеолит» // Археология Севернoй и Центральной Азии. Новосибирск, 1975. С. 11–21.

Окладников А. П., Запорожская В. Д. Ленские писаницы. Наскальные рисунки у деревни Шишкино. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 200 с.

Тарасов Л. М. Палеолитическая стоянка Шамотный завод // Древние культуры Приангарья. Новосибирск, 1978. С. 35–56.

A. P. Okladnikov Research of the Paleolithic on the Territory of Baikal-Yenisei Siberia

S. U. Khokhlov

The results of Aleksey Pavlovich Okladnikov work in the study of Paleolithic sites on the territory of Baikal Siberia are presented. Namely, on the territory of the Upper Lena, A. P. Okladnikov discovered and investigated 23 sites. Most of them were attributed to the Late Paleolithic. The remaining sites that were discovered by A. P. Okladnikov on the territory of Angara, which are mentioned in the text, were also assigned to the Late Paleolithic. Among all other sites, one can single out the site in the village of Buret. Since this is one of the few sites where statuettes of women were discovered that were made of bone. On the shores of Lake Baikal found sites with exposed Early Paleolithic material.

Keywords: Baikal Siberia, Paleolithic, A. P. Okladnikov, Buret site, Krasniy Yar site.

Хохлов Сергей Юрьевич

студент 3-го курса

Иркутский государственный университет

e-mail: cthutq.99@mail.ru

Khokhlov Sergei Yurievich

Student 3rd year

Irkutsk State University

e-mail: cthutq.99@mail.ru

УДК 902.6(571.53)

Техника юбецу в финальнопалеолитических комплексах Байкало-Енисейской Сибири (МИС-2)*

Д. П. Золотарев, И. С. Шегутов

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

*Работа выполнена по гранту Правительства РФ, проект № 075-15-2019-866 «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»

Вопросы происхождения и динамики развития микропластинчатых индустрий Северо-Восточной Азии остаются наиболее актуальной темой в изучении технологий микрорасщепления. Техника юбецу (Yubetsu) впервые описана в контексте японского палеолитоведения [Yoshizaki, 1961]. Она широко распространена в позднпалеолитических комплексах Северо-Восточной Азии [Morlan, 1967], в том числе и в Байкало-Енисейской Сибири. Самым западным ее проявлением является находка клиновидного нуклеуса и апплицированного к нему лыжевидного скола с местонахождения Калетепе (Анатолия, Турция) [Balkan-Atli, Binder, 2003, p. 380].

В «классическом» представлении под юбецоидными техниками понимается технологическая традиция в рамках продольного раскроя преформы-бифаса и дальнейшей реализации с нее микропластин. Ударная площадка формировалась по длинной оси заготовки путем снятия продольных сколов: реберчатого, а затем лыжевидного скола. В процессе утилизации нуклеуса дальнейшая подработка ударной площадки в основном сопровождалась снятием серии лыжевидных сколов ударами, направленными с фронта или контрфронта. У техники существует семь «вариаций» (хетао, дюктай, саккоцу, ширатаки, ишигамото, пирика, ошорокко), но некоторые из них все же стоит считать синонимичными оригинальному методу. Только варианты саккоцу, ширатаки и ошорокко имеют определенные дефиниции, которые заключаются лишь в дополнительном подживлении площадки, метрических показателях нуклеусов и ориентации бифаса [Gomez Coutouly, 2011, p. 103–108].

В восточной части Байкало-Енисейской Сибири в трансекте север – юг юбецоидные нуклеусы представлены в различных технологических вариациях на финальнопалеолитических объектах (МИС-2) Южного Приангарья (Красный Яр I (III, VI к. г.), Усть-Белая (XVI к. г.), Сосновый Бор (IV–V к. г.), Верхоленская Гора I (II–III к. г.)) и Северного Байкала (Курла I–III (II–III к. г.) [Шмыгун, 1978; Аксенов, 1980; Лежненко, Медведев, Михнюк, 1982; Medvedev, 1998; Каменный век ... , 2001; Молчанов, 2019].

Для этих нуклеусов присущ ряд технологических и морфологических особенностей. В качестве сырья использовались местный кремль различных оттенков, лидит, аргиллит и зеленый микрокварцит. Обычно у таких нуклеусов ударная площадка оформлялась одним либо серией продольных сколов, что способствовало получению очень острого угла скальвания (рис. 1, 2, 3, 7, 9, 12, 13), иногда у них отсутствует контрфронт, замещаеваемый поверхностью (диагональной) скошенной площадки (рис. 1, 2, 3, 12, 13), или же контрфронт представлен дистальной третью [Медведев, Михнюк, Лежненко, 1974, с. 70].

Наиболее ранний юбецоидный клиновидный нуклеус зафиксирован в VI к. г. Красного Яра I (табл.; рис. 1, 1). Он имеет низкий, узкий фронт и вытянутое в длину ладьевидное тело. Обработка латералей осуществлялась с площадки и кия. Ударная площадка оформлена продольным снятием, а рабочий сегмент подживлен двумя мелкими сколами [Medvedev, 1998, с. 130, 233]. Другой клиновидный нуклеус из кремня (табл.; рис. 1, 2) обнаружен в 1964 г. при контрольной зачистке бровки раскопа З. А. Абрамовой и соотнесен с III к. г. [Там же]. Изделие имеет в плане ромбовидную форму, ударная площадка которого скошена к контрфронту и подправлена как минимум тремя лыжевидными сколами. Оформлена только правая латераль.

В коллекции XVI к. г. Усть-Белой присутствует аппликационный блок, состоящий из клиновидного нуклеуса, лыжевидного скола и проксимального фрагмента микропластины (табл.; рис. 1, 9). В качестве сырья использовался кремль. Ударная площадка сильно скошена по линии фронт – контрфронт. Латерали обработаны как с кия, так и с площадки [Каменный век ... , 2001, с. 213].

В комплексе IV к. г. Соснового Бора имеется представительная серия (табл.) аппликационных сборок, демонстрирующих основные этапы микропластинчатого производства: 1) процесс снятия микропластин; 2) подживление ударной площадки одним или серией лыжевидных сколов для получения оптимального угла скальвания; 3) подправку латералей с киле-гребневой части и со стороны площадки; 4) переоформление. V к. г. представлен четырьмя клиновидными нуклеусами, изготовленными в сходной технологической манере (табл.; рис. 1, 7) [Каменный век ... , 2001, с. 207].

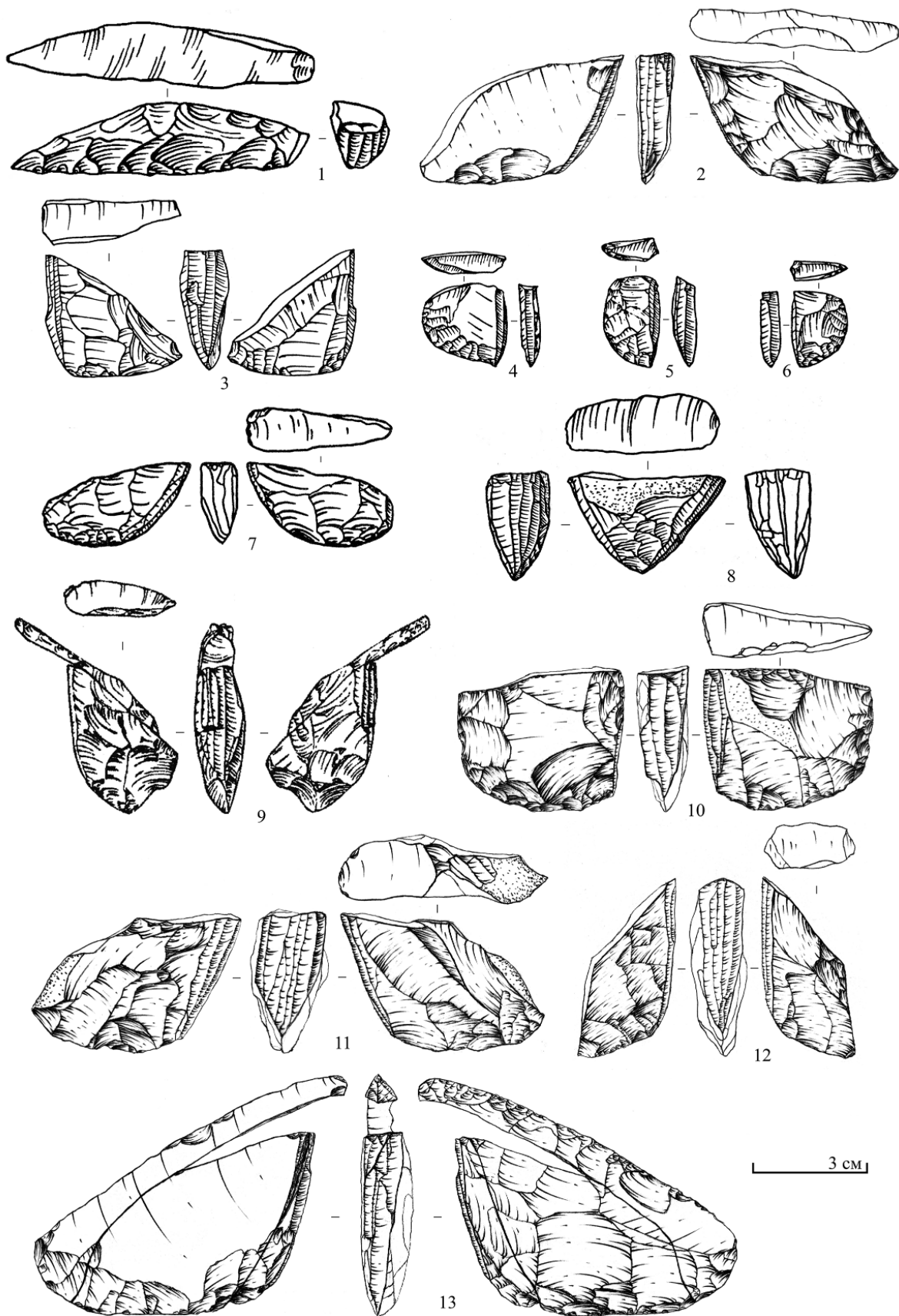

Рис. 1. Клиновидные нуклеусы: 1 – Красный Яр I (VI к. г.) [Палеолит СССР, 1984, с. 340];
 2 – Красный Яр I (III к. г.); 3 – Курла I (II к. г.) [Лыньша, 1980, рис. 14]; 4–6 – Курла III (II к. г.) [Лыньша, 1980, рис. 7];
 7 – Сосновый Бор (V к. г.) [Каменный век ... , с. 207]; 9 – Усть-Белая (XVI к. г.) [Каменный век ... , с. 213]; 10 – Верховенская Гора I;
 8, 11 – Верховенская Гора I (II к. г.) [Лыньша, 1980, рис. 33]; 12–13 – Верховенская Гора I (III к. г.)

Техника юбецу в материалах финальнопалеолитических объектов Байкало-Енисейской Сибири

Название объекта	Культурный горизонт	Кол-во нуклеусов	¹⁴ С-даты л. н.	¹⁴ С-даты кал. л. н.	Лабораторий индекс	Источник
Красный Яр I	VI	1	19 975±170 19 760±230 19 100±100	24 440–23 610 24 342–23 196 23 381–22 692	СОАН-7780 СОАН-7779 ГИН-5330	Палеолит и мезолит ... , 2016; Medvedev, 1998
	III	1	15 880±240	19 776–18 679	СОАН-7778	
Курла I–III	III	78	24 060±5700 13 790±70 13 380±70	49 542–22 564 15 012–14 446 14 361–13 905	СОАН-1397 Poz-106027 Poz-106025	Шмыгун, 1978; Молчанов, 2019
	II	6	15 200±1250 14 150±960 13 160±960	22 226–15 506 19 761–14 421 18 474–13 388	СОАН-1396 СОАН-1398 СОАН-1396-K	
Сосновый Бор	V	4	12 390±45	14 769–14 155	ОхА-39086	Лежненко, Медведев, Михнюк, 1982; Палеолит и мезолит ... , 2016
	IV	16	12 090±110	14 283–13 630	АА-38038	
	IIIв	–	12 060±120	14 226–13 581	ГИН-5328	
Верхоленская Гора I	III	1	12 570±180 12 110±120 12 050±120	15 412–14 111 14 440–13 625 14 205–13 579	МО-441 СОАН-6115 СОАН-6115	Аксенов, 1980; Палеолит и мезолит ... , 2016
	IIa	5	–	–	–	
	II	2	–	–	–	
Усть-Белая	XVI	1	15 300±800 12 140±30 12 035±30 11 300±600	20 697–16 638 14 151–13 905 14 008–13 762 15 159–11 711	СОАН-4016 UCIAMS-157872 UCIAMS-157873 ГИН-9514	Каменный век ... , 2001 Палеолит и мезолит ... , 2016

Для Верхоленской Горы I (II–III к. г.) характерно использование в качестве сырья аргиллита, кремня и лидита. Заготовками выступали бифасы или ножи-скребла. Ударные площадки сформированы одним или двумя продольными сколами с фронта. У некоторых экземпляров контрфронт замещен поверхностью (диагональной) скошенной площадки. В коллекции II к. г. также присутствует бифронтальный нуклеус с ударной площадкой, оформленной одним продольным сколом (рис. 1, 8).

Особый интерес представляет аппликационный блок из IIa к. г. (табл.; рис. 1, 13), который позволяет представить изначальную преформу нуклеуса в виде ножа-скребла. Ударная площадка формировалась одним реберчатым снятием. После скалывания микропластин и утраты оптимального рабочего угла с ударной площадки снят лыжевидный скол. Далее шел процесс отжима микропластин, который завершился переоформлением фронтальной поверхности.

Другие нуклеусы изготовлены в близкой к технике юбецу манере и, вероятно, соотносятся с вариантом «ошорокко» (Oshorokko), рассматриваемым большинством авторов как вариация техники юбецу (рис. 1, 11) [Gomez Coutouly, 2011, p. 107–108]. Характерной особенностью этого варианта является изначальная асимметричная ориентация бифаса под небольшим углом. Такие нуклеусы имеют относительно неглубокую ударную площадку, оформленную коротким фронтальным сколом, которая переходит в бифасиально обработанный гребень или остатки галечной корки [Moglan, 1967, p. 187–188].

Для Курлинских местонахождений свойственно использование в качестве сырья для микрорасщепления зеленого микрокварцита. Клиновидные нуклеусы (табл.; рис. 1, 3–6) характеризуются очень высоким уровнем стандартизации в изготовлении, мелкими размерами и сильной сработанностью. В качестве заготовок использовались бифасы либо сколы с бифасиально или унифасиально обработанными краями. Ударные площадки оформлялись и подправлялись одним фронтальным снятием. Остаточные формы демонстрируют в большинстве случаев угол скалывания, близкий к 90° (рис. 1, 4–6) [Шмыгун, 1978, с. 15–16; Молчанов, 2019].

Ближайшие аналоги имеются в материалах стоянок и местонахождений сопредельных территорий. В Байкало-Патомском нагорье техника юбецу зафиксирована в коллекциях культурных горизонтов ЗВ-8 стоянки Большой Якорь I, возрастом 12,7–11,7 ¹⁴С-тыс. л. н. [Инешин, Те-

тенькин, 2010]. Продукты расщепления клиновидных нуклеусов (лыжевидные сколы) встречены в комплексе 2Б к. г. стоянки Коврижка IV (15,7–15,3 ¹⁴С-тыс. л. н.) [Тетенькин, 2017, рис. 6]. Сходные технические приемы зафиксированы в VII к. г. (12–11 ¹⁴С-тыс. л. н.) Усть-Каренги XII, где преобладают юбецоидные нуклеусы на бифасах [Ветров, 1995, с. 39–43]. В Забайкалье техника юбецу выявлена на стоянках, относящихся к чикойской культурной традиции. Это комплексы местонахождения Аршан-Хундуй (экспонированный материал) и к. г. 20 Усть-Мензы-1. Последняя датируется в интервале 13–11 ¹⁴С-тыс. л. н. [Ташак, 2000; Мороз, 2008].

В результате проведенного анализа технологически значимых признаков удалось определить основные технико-типологические характеристики нуклеусов, изготовленных в технике юбецу или её вариациях. Установлено, что в археологических комплексах Байкало-Енисейской Сибири и сопредельных территорий периоды бытования этой техники относятся к ~19,9–19,1 ¹⁴С-тыс. л. н. (24,5–22,7 кал. тыс. л. н.) и ~15,8–12 ¹⁴С-тыс. л. н. (19,8–13,5 кал. тыс. л. н.). На основании исследования можно заключить, что полученные результаты позволили расширить технологические характеристики микрорасщепления в сартанское время на территории Байкало-Енисейской Сибири.

*Научный руководитель – Н. Е. Бердникова
ст. науч. сотр., НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет*

Список литературы

- Аксенов М. П. Археологическая стратиграфия и послойное описание инвентаря Верхоленской горы I // Мезолит Верхнего Приангарья. Иркутск, 1980. Вып. 2: Памятники Иркутского района. С. 45–93.
- Ветров В. М. Резцы и нуклеусы усть-каренской археологической культуры // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск, 1995. С. 30–45.
- Инешин Е. М., Тетенькин А. В. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I. Новосибирск : Наука, 2010. 270 с.
- Каменный век Южного Приангарья: Междунар. симпозиум «Современные проблемы палеолитоведения Евразии». Путеводитель / отв. ред. Г. И. Медведев. Иркутск : Иркут. ун-т, 2001. Т. II. Бельский геоархеологический район. 242 с.
- Лежненко И. Л., Медведев Г. И., Михнюк Г. Н. Исследования палеолитических и мезолитических горизонтов стоянки Сосновый Бор на реке Белой в 1966–1971 гг. // Палеолит и мезолит юга Сибири. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1982. С. 80–107.
- Лыньша В. А. Мезолит юга Средней Сибири : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980. 16 с.
- Медведев Г. И., Михнюк Г. Н., Лежненко И. Л. О номенклатурных обозначениях и морфологии нуклеусов в докерамических ком-

плексах Приангарья // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск, 1974. Вып. 1. С. 60–90.

Молчанов Г. Н. Техноморфологический анализ процессов микро-расщепления на местонахождениях Курла I–III : дипломная работа. Иркутск, 2019. 107 с.

Мороз П. В. Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья (по материалам стоянок Усть-Мензинского района) : дисс. ... канд. ист. наук. Чита, 2008. 278 с.

Палеолит и мезолит Байкальской Сибири / Г. И. Медведев, Н. Е. Бердникова, Е. О. Роговской, Е. А. Липнина, И. М. Бердников, Г. А. Воробьева. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. 175 с.

Палеолит СССР / отв. ред. П. И. Борисковский. М. : Наука, 1984. 383 с. (Археология СССР).

Ташак В. И. Местонахождение Аршан-Хундуй (опыт исследования и интерпретации) // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск, 2000. Вып. 2. Ч. 1. С. 161–180.

Тетенькин А. В. Технологический контекст производства и расщепления микропластинчатых нуклеусов по материалам культурных горизонтов 2Б и 6 стоянки Коврижка IV (Витим, Байкало-Патомское

нагорье) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 21. С. 107–135.

Шмыгун П. Е. Микронуклеусы нижних горизонтов стоянок Курла II–III // Археология и этнография Восточной Сибири: Тез. докл. к регион. конф. Иркутск, 1978. С. 14–16.

Balkan-Atli N., Binder D. Kaletepe 2002 // *Anatolia Antiqua*. 2003. Is. 11. P. 379–383.

Gomez Coutouly Y. A. Lithic Industries with Pressure Microblade Components of the North Pacific Region in the Terminal Pleistocene and Early Holocene: from the Diffusion of a Technique in the Asian Far East to the Initial Peopling of the New World : Ph.D. dissertation. Paris : Paris West University Nanterre La Défense, 2011. 631 p.

Medvedev G. I. Upper Paleolithic Sites in South-Central Siberia // *The Paleolithic of Siberia. New discoveries and interpretations*. Novosibirsk ; Chicago, 1998. P. 122–137.

Morlan R. E. The preceramic period of Hokkaido: An outline // *Arctic Anthropology*. 1967. Vol. 4. P. 164–220.

Yoshizaki M. The Shirataki sites and the preceramic culture in Hokkaido // *Minzokugaku Kenkyu*. Tokio, 1961. Vol. 26. P. 13–23.

Yubetsu Technique in the Final Paleolithic Complexes of Baikal-Yenisei Siberia (MIS 2)

D. P. Zolotarev, I. S. Shegutov

The results of technomorphological analysis of microsplitting materials from the final Paleolithic complexes of the Southern Angara region and Northern Baikal region (MIS-2), which are related to the Yubetsu technique, are presented. These cores have a number of technological and morphological features. Bifaces were used as preforms for cores. The pressure platforms was formed along the long axis of the workpiece by removing longitudinal flakes: ridge flake and then ski spall flake. The results of cojoin assemblies demonstrate the main stages of microblade production. It is established that in the archaeological complexes of Baikal-Yenisei Siberia and adjacent territories, the period of existence of this technique belongs to ~19,9–19,1 thousand BP (24,5–22,7 cal. thousand BP) and ~15,8–12 thousand BP (19,8–13,5 cal. thousand BP).

Keywords: Baikal-Yenisei Siberia, MIS-2, microblade technique, Yubetsu, Oshorokko.

Золотарев Дмитрий Павлович

магистрант 1-го года обучения

Иркутский государственный университет

e-mail: dmitryzolotarev2012@yandex.ru

Zolotarev Dmitrii Pavlovich

Graduate student 1st year

Irkutsk State University

e-mail: dmitryzolotarev2012@yandex.ru

Шегутов Иван Сергеевич

студент 3-го курса

Иркутский государственный университет

e-mail: shegutov@gmail.com

Shegutov Ivan Sergeevich

Student 3rd year

Irkutsk State University

e-mail: shegutov@gmail.com

УДК 902.6(571.53)"632"

Технико-типологический анализ нуклеусов финальнопалеолитических культурных горизонтов местонахождения Усть-Белая (по материалам работ 2010-х гг.)*

И. С. Шегутов, Д. П. Золотарев

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

*Работа выполнена по гранту Правительства РФ, проект № 075-15-2019-866
«Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»

Финал позднего палеолита (MIS-2) на территории Байкальской Сибири характеризуется ситуацией прерывистости в развитии культур [Бердникова, 2012]. Одним из наиболее представительных объектов, содержащих комплексы позднесартанского периода (st^4), является геоархеологический объект Усть-Белая, расположенный в 100 км от Иркутска, на левом приустьевом участке р. Белой. Местонахождение открыто в 1929 г. М. М. Герасимовым, материалы нижних слоев стали известны по результатам раскопок 1937 г. Интерпретированные как мезолитические, они интенсивно изучались в 1950–1960-х и 1980–1990-х гг. (Г. И. Медведев, Н. Е. Бердникова) [Бердникова, 1995]. Полученные данные легли в основу концепции прибайкальского мезолита [Мезолит ... , 1971].

Новый этап исследований начат в 2010-х гг. под руководством И. М. Бердникова и Н. Е. Бердниковой. Исследователями были проведены раскопки, задачей которых являлось уточнение стратиграфической и хронологической позиции финальноплейстоценовых комплексов.

На 7–9-метровой террасовидной поверхности к раскопу 13 (1969 г.) была сделана прирезка, в результате чего

общая площадь раскопа составила 78 м². В плейстоценовой пачке отложений выделено три культурных горизонта, маркированные как 3, 4, 5 к. г., которые соответствуют XVI–XIV к. г. по общей системе нумерации культуросодержащих горизонтов Усть-Белой [Бердникова, Воробьева, Бердников, 2012]. Комплексы датируются в интервале 14,6–13,3 кал. тыс. л. н. и определяются как финальнопалеолитические. Они связаны со слабо развитыми палеопочвами st^4 средней части слоистых субэарально-субаквальных отложений и соотносятся с потеплением конца плейстоцена – бёллинг-аллерёдом (ВА) [Бердникова, Бердников, Воробьева, 2017]. Археологический материал (более 5 тыс. ед.) сконцентрирован вокруг трех кострищ. Каменный инвентарь представлен битой породой, сколами различных модификаций, пластинами и микропластинами, нуклеусами, концевыми скребками, трансверсальными резцами и одним бифасом. В коллекции также присутствуют каменная подвеска и два костяных наконечника гарпуна. Фаунистические остатки характеризуются в основном мелкими обломками костей животных (благородный олень, косуля, заяц, лось), а также костями рыб, преимущественно осетра [Бердникова, Воробьева, Бердников, 2012].

Эмпирическую базу исследования составляют 58 нуклеидных форм, в том числе 44 типологически определенных нуклеуса, один обломок и 13 преформ. Для исследуемого комплекса выделяются три принципа расщепления – терминально-краевой, плоскостной и призматической.

К терминально-краевому принципу расщепления относятся семь преформ и 12 нуклеусов, из них пять клиновидных и семь терминальных. В качестве заготовок для клиновидных нуклеусов использовались сколы, бифасы и истощенные плоскофронтальные нуклеусы. В четырех случаях киле-гребневая часть оформлена бифасиальными снятиями, лишь один нуклеус имеет унифасиальную обработку. Латеральные поверхности уплощены мелкими сколами с кила и гребня. Ударные площадки нуклеусов сформированы серий снятий с одной из латералей и в трех случаях дополнялись коротким либо длинным фронтальным сколом, который образует характерный «уступ» [Медведев, Михнюк, Леженко, 1974; Золотарев, 2019]. Это подтверждается результатами ремонтных сборок клиновидных нуклеусов и технических сколов подживления ударной площадки. Подобный технический прием зафиксирован в комплексах местонахождений Черемушник I, Черемушник II (I к. г.), расположенных в 2 км выше по течению р. Белой. [Аксенов, 1966; Леженко, 1974]. Эта технология подготовки ударных площадок сходна с техникой кампус (Campus) [Gomez Coutouly, 2011, p. 115–118]. В коллекции имеется нуклеус и преформа, которые свидетельствуют о переформлении плоскофронтальных нуклеусов в клиновидные. На латерали нуклеуса и преформы зафиксированы негативы параллельных однонаправленных пластинчатых снятий с кила или ударной площадки. Ближайшие аналоги этой технологии находятся в материалах микрорасщепления финальнопалеолитических объектов Западного Забайкалья (Усть-Кяхта-3) возрастом 14,1–13,8 кал. тыс. л. н., которые соотносятся со схемами 1 и 2 «селенгинской» техники оформления клиновидного нуклеуса [Ташак, 2000; Павленок, 2015]. На фронтах всех клиновидных нуклеусов фиксируются негативы микропластинчатых снятий (от 1 до 4).

Терминальные нуклеусы (7 экз.) изготовлены из сколов и отдельных кремня. В большинстве случаев (4 экз.) контрфронт образован естественной конвергенцией латеральных поверхностей и не несет на себе следы дополнительной обработки. Латерали в основном уплощенные и гладкие, лишь у двух нуклеусов покрыты желвачной коркой. Ударные площадки горизонтальные, гладкие, иногда вогнутые, скошены к контрфронт. Только один экземпляр нуклеуса из этой группы демонстрирует подправку рабочего сегмента двумя мелкими сколами с фронта. С фронтов нуклеусов реализовано от двух до четырех снятий микропластин.

Плоскостной принцип расщепления характерен для трех преформ и 16 монофронтальных одноплощадочных нуклеусов. В качестве заготовок для них использовались желваки и отдельные кремня. Ударные площадки гладкие, скошены к контрфронт и образованы в основном одним крупным, реже двумя–тремя сколами с целью формирования острого рабочего угла. В двух случаях ударная площадка имеет естественную поверхность. Зафиксировано сохранение естественных боковых сторон и основания у части изделий. Нуклеусы демонстрируют наличие приема уплощения контрфронта поперечными снятиями. Контрфронтальная часть некоторых нуклеусов (7 экз.) не обработана и несет на себе желвачную корку. С фронтов нуклеусов реализовано от одного до четырех снятий крупных пластин. Предположительно, плоскофронтальные нуклеусы могут быть одной из стадий расщепления призматических нуклеусов.

Призматический принцип расщепления. В этой категории имеется три преформы и 16 нуклеусов. Они изготовлены из желваков и отдельных кремня различных параметров. К группе 1 отнесены пять низкофронтальных объемных нуклеусов. Ударные площадки горизонтальные, рабочие сегменты имеют подработку в виде двух–трех сколов. Рабочая кромка в плане выпуклая, дугообразная. Латеральные и контрфронтальные поверхности не имеют дополнительной подготовки. На фронтах нуклеусов присутствуют негативы мелкопластинчатых снятий с изогнутым профилем. Эти нуклеусы можно соотнести с кареноидными формами [Павленок, 2011]. К группе 2 принадлежит один фрагмент и 11 целых призматических монофронтальных одноплощадочных нуклеусов с выпуклым фронтом. Ударные площадки гладкие, скошены к контрфронт, некоторые обработаны одним, иногда тремя фронтальными снятиями. В пяти случаях они естественные. На фронтах нуклеусов зафиксировано от одного до четырех снятий крупных пластин.

Проведенные исследования демонстрируют наличие в финальнопалеолитических культурных горизонтах Усть-Белой трех принципов расщепления: терминально-краевого, плоскостного и призматического. Установлено, что технические приемы оформления и эксплуатации клиновидных нуклеусов имеют аналоги в финальнопалеолитических комплексах Байкальской Сибири и Западного Забайкалья.

*Научный руководитель – Н. Е. Бердникова
ст. науч. сотр., НИЦ «Байкальский регион»
Иркутский государственный университет*

Список литературы

- Аксенов М. П. Стоянка Черемушник: (К вопросу о месте бадайсской культуры в каменном веке Приангарья) // Древняя Сибирь. Новосибирск, 1966. Вып. 2: Сибирский археологический сборник. С. 23–37.
- Бердникова Н. Е. Усть-Белая: история исследования // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск, 1995. С. 78–95.
- Бердникова Н. Е. Заключительная стадия позднего палеолита юга Байкальской Сибири: геоархеологические сюжеты // Первобытные древности Евразии: к 60-летию Алексея Николаевича Сорокина. М., 2012. С. 103–122.
- Бердникова Н. Е., Бердников И. М., Воробьева Г. А. Археологические комплексы бёлинг-аллерёда в долине р. Белой: данные биоэтнографии // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2017. Вып. 6. С. 168–177.
- Бердникова Н. Е., Воробьева Г. А., Бердников И. М. Новый этап исследований местонахождения Усть-Белая (Прибайкалье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2012. Т. 18. С. 9–12.
- Золотарев Д. П. Особенности подготовки ударных площадок терминальных нуклеусов в комплексах среднего сартана Байкало-Енисейской Сибири // Материалы LIX Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Благовещенск; Хэйхэ, 2019. С. 29–31.
- Леженко И. Л. Итоги исследования позднепалеолитических памятников Кулаково I и Черемушник II // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск, 1974. Вып. 2. С. 65–115.
- Медведев Г. И., Михнюк Г. Н., Леженко И. Л. О номенклатурных обозначениях и морфологии нуклеусов в докерамических комплексах Приангарья // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск, 1974. Вып. 1. С. 60–90.
- Мезолит Верхнего Приангарья. Иркутск: Иркут. ун-т, 1971. Ч. 1: Памятники Ангаро-Бельского и Ангаро-Идинского районов. 242 с.
- Павленок Г. Д. Технология обработки камня в селенгинской культуре Западного Забайкалья (по материалам стоянки Усть-Кяхта-3): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2015. 295 с.
- Павленок К. К. Технологии обработки камня в верхнем палеолите Западного Тянь-Шаня (по материалам стоянки Кульбулак): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2011. 395 с.
- Ташак В. И. Торцовые клиновидные нуклеусы Западного Забайкалья в позднем палеолите и мезолите // Каменный век Южной Сибири и Монголии: теоретические проблемы и новые открытия. Улан-Удэ, 2000. С. 59–73.
- Gomez Coutouly Y. A. Lithic Industries with Pressure Microblade Components of the North Pacific Region in the Terminal Pleistocene and Early Holocene: from the Diffusion of a Technique in the Asian Far East to the Initial Peopling of the New World: Ph. D. dissertation. Paris: Paris West University Nanterre La Défense, 2011. 631 p.

Technological and Typological Analysis of the Cores of Final Paleolithic Cultural Layers from the Ust-Belaya Site (Based on the works of the 2010s)

I. S. Shegutov, D. P. Zolotarev

This article presents the results of a technical-typological analysis of cores of the Final Paleolithic cultural layers (14,6–13,3 thousand BP) the multilayered geoarchaeosite Ust-Belaya. Were analyzed 13 preform, 40 cores and one fragment of core. Studies have revealed three splitting technique: anar and prismatic. It has been determined that the technology for preparing of pressure platform for wedge-shaped cores is similar to the “campus terminal, pl” technique. This conclusion is confirmed by the results of the cojoin assembly. In the course of studies, the presence of receptions for reshaping planar cores into wedge-shaped. Among the prismatic splitting technique a group of cores stands out, which can be correlated with carinated forms. Materials of Ust-Belaya have analogues in the Final Paleolithic complexes of Baikal Siberia and Western Transbaikal.

Keywords: Baikal Siberia, Final Paleolithic, Ust-Belaya site, technical-typology analysis, cores.

Шегутов Иван Сергеевич

студент 3-го курса
Иркутский государственный университет
e-mail: shegutov@gmail.com

Shegutov Ivan Sergeevich

Student 3rd year
Irkutsk State University
e-mail: shegutov@gmail.com

Золотарев Дмитрий Павлович

магистрант 1-го года обучения
Иркутский государственный университет
e-mail: dmitryzolotarev2012@yandex.ru

Zolotarev Dmitrii Pavlovich

Graduate student 1st year
Irkutsk State University
e-mail: dmitryzolotarev2012@yandex.ru

УДК 903.03+903.089

Черноозерский орнаментированный кинжал как предмет престижа*

Т. Е. Ростяженко

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №18-78-10079
«Разработка технологий и информационной системы документирования
и научного обмена археологическими данными»

Престижные технологии – это социальный и технологический комплекс в архаических обществах, цель которого заключается в демонстрации богатства, престижа и элитарного положения в обществе одного или нескольких его членов. В то время как целью практических технологий является выполнение практических задач, престижные технологии направлены на решение социальных проблем или выполнение социальных задач, таких как привлечение продуктивной рабочей силы, союзников или объединение членов нескольких социальных групп через проявление успеха. Поэтому логика и стратегия создания престижных артефактов принципиально отличаются от логики и стратегии создания нормативно практических, утилитарных артефактов [Hayden, 1998]. Основная цель престижных технологий заключается в максимальном использовании дополнительных трудовых сил для создания объектов, которые будут привлекать людей к обладателю этих объектов из-за восхищения его экономическими, эстетическими, техническими или другими навыками [Owens, Hayden, 1997]. Важно отметить, что предметы престижного характера предполагают исключительные затраты на их производство, поэтому идеологические символы не обязательно являются престижными объектами, поскольку они могут быть изготовлены с совсем небольшими затратами. Таким образом, можно выделить три основных принципа престижных технологий:

1) престижные технологии работают на производство изделий, предназначенных для публичного экспонирования (зачастую разового, кратковременного, эпизодического, но от этого не менее значимого);

2) престижные технологии играют исключительно важную роль в межгрупповом и межрегиональном обмене;

3) несмотря на исключительную стоимость и затраты труда на производство, престижные изделия могут быть демонстративно уничтожены или торжественно помещены в погребение [Hayden, 1998].

В свою очередь, индикаторы престижных технологий в археологических контекстах можно свести к следующим проявлениям: орудия (в том числе их заготовки), изготовленные с особым искусством, с использованием необыч-

ных или импортных видов сырья, необычно крупных размеров; изящные, декорированные контейнеры для продуктов – керамические, плетеные, каменные – необычных размеров, формы, цвета и т. п.; украшения (камень, кость, рог, раковины, волокна, перья и пр.); специальная одежда (для церемоний, танцев, погребения и пр.); средства передвижения (лодки, сани), выполненные в декоративном стиле, с особой тщательностью, гипертрофированных или уменьшенных (до модели) размеров; наркотические препараты и вещества; намеренная деформация костей скелета, черепа, татуировки, пирсинг, раскраска тела; предметы туалета, мебели; жилищные, хозяйственные и ритуальные конструкции, при сооружении которых использовались дорогие материалы, импортное или труднодобываемое и труднообрабатываемое сырье; конструкции необычных размеров; погребения с богатым инвентарем; музыкальные инструменты; защитный доспех из органических материалов; косметика, грим; зеркала; мобильные календари, астрономические инструменты, счетные приспособления [Лбова, Табарев, 2010].

По мнению Брайана Хейдена, именно появление «престижных технологий» стало тем революционным событием, которое повлекло за собой усложнение социальной структуры, поскольку благодаря им человеческие коллективы стали производить больше продукции, чем того требовал прожиточный минимум [Hayden, 1998].

Позднепалеолитическая сезонная стоянка Черноозерье II (14 500±500 л. н.) – один из древнейших памятников Западной Сибири, содержащий свидетельства изобразительной практики человека. Он находится близ одноименного села Саргатского района Омской области [Петрин, 1974]. Стоянка была открыта в 1967 г. в ходе экспедиции под руководством В. Ф. Генинга. Раскопочные работы проводились в 1968–1971 гг., последние два года ими руководил В. Т. Петрин. В ходе работ было выделено три культурных горизонта, найден обширный каменный инвентарь, а также уникальные изделия из кости. Современный этап исследования характеризуется единичными разведочными работами [Горбунова, Шмидт, 2014].

Среди коллекции уникальных предметов из кости можно особо выделить орнаментированный кинжал, изготовленный из трубчатой кости, предположительно, быка. Кинжал был найден около очага рядом с другими уникальными артефактами из кости. Предмет состоит из шести фрагментов, которые образуют основную часть кинжала, отсутствует лишь рукоять. Кинжал имеет слегка выгнутую по продольной оси форму. Длина клинка составляет 387 мм, максимальная ширина достигает 42,5 мм, а толщина варьирует от 100 до 115 мм. По бокам расположены прорезанные пазы, в которых частично сохранились вкладыши прямоугольной и квадратной формы, сделанные из кварцита. Все пластинки расположены спинками в одну сторону, на обратной же стороне расположение вкладышей обратное. Ретушь отсутствует. Рукоять кинжала обломана по двум отверстиям, диаметр которых не превышает 5 мм. Они расположены в 11 мм от боковых граней. Отверстия сверлились с противоположных сторон [Шмидт, 2005]. Кинжал покрыт орнаментом, который состоит из одного ряда лунок (236 шт.), нанесенных на предвдительно выгравированную линию. Ближе к основанию кинжала ряд лунок раздваивается и путем зигзагообразного переплетения образует три ромба. Размер каждого последующего ромба меньше предыдущего. По бокам от ромбов выполнены шесть нарезок, по три с каждой стороны [Петрин, 1986]. Орнамент, вероятно, выполнен острым каменным резцом или ножом [Шмидт, 2005].

На обратной стороне клинка по центру лезвия вырезана бороздка треугольного сечения до 2 мм. Прорез доходит до кончика острия на 106 мм, а в верхней части имеет три зигзага основанием 9–10 мм, высотой 3–5 мм, расположенных на том же расстоянии от острия, что и ромбы на лицевой стороне [Петрин, 1986].

Существует точка зрения, что черноозерский кинжал служил счетной календарно-астрономической таблицей [Шмидт, 2005].

Ornamented Dagger from Chernoozerie as a Prestige Item

T. E. Rostyazhenko

Prestige technologies is a social and economic complex of archaic societies, the purpose of which is to demonstrate wealth, success, and power. Prestige items play an important role in intergroup and interregional exchange. Also, they are labor intensive and required the use of expensive rare raw materials but nevertheless they can be destroyed or put in a burial. Ornamented dagger from Chernoozerie can be associated with at least two indicators of prestige items in archaeological context: tools or weapons made with a special art skill, and counting or calendar devices. This allows us to make an assumption about the use of the Dagger as an object intended for a person of special status in the group, which means that it is a technology of prestige.

Keywords: Upper Paleolithic, mobile art, prestige technologies, prehistoric art, dagger, Chernoozerie.

Ростяженко Татьяна Евгеньевна

студент 4-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: miss.oldman2017@yandex.ru

Таким образом, размер, форма, уникальность и сложность орнаментации предмета позволяют отнести его как минимум к двум индикаторам, характеризующим престижные технологии в археологических контекстах: орудия, изготовленные с особым искусством, и счетные приспособления. Это позволяет сделать предположение об использовании черноозерского кинжала как предмета, предназначенного для человека с особым статусом в группе, а значит, относимого к технологии престижа.

*Научный руководитель – Л. В. Лбова
д-р ист. наук, профессор,
кафедра археологии и этнографии,
Гуманитарный институт,
Новосибирский государственный университет*

Список литературы

Горбунова Т. А., Шмидт И. В. Перспективы изучения памятника эпохи позднего палеолита Черноозерье II в Омской области (по результатам разведки 2013 г.) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2014. № 1 (1). С. 59–61.

Лбова Л. В., Табаров А. В. Культура, искусство, ритуал. Происхождение и ранние этапы. Новосибирск, 2010. 142 с.

Петрин В. Т. Раскопки позднелепеолитической стоянки Черноозерье II на Среднем Иртыше // Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 15. С. 13–17.

Петрин В. Т. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. Новосибирск, 1986. 106 с.

Шмидт И. В. Об информационном характере черноозерского орнамента (на примере анализа записей кинжала) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 2005. Вып. 11. С. 98–105.

Hayden B. Practical and Prestige Technologies: The Evolution of Material Systems // Journal of Archaeological Method and Theory. 1998. Vol. 5. Is. 1. P. 1–55.

Owens D., Hayden B. Prehistoric Rites of Passage: A Comparative Study of Transegalitarian Hunter-Gatherers // Journal of Anthropological Archaeology. 1997. Vol. 16. P. 121–161.

Rostyazhenko Tatyana Evgenievna

Student 4th year

Novosibirsk State University

e-mail: miss.oldman2017@yandex.ru

УДК 903.49(575.3)"634"

Опыт применения естественно-научных методов в изучении кострищ стоянки Истыкская пещера (Таджикистан)*

И. Е. Дедов¹, Е. П. Кулакова²

¹Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

²Институт физики Земли им. О. Ю. Шмидта РАН, Москва, Россия

*Работа выполнена при поддержке проекта РФФИ № 20-09-00387

Кострища являются важным археологическим источником, их анализ позволяет реконструировать особенности быта и адаптационных стратегий древнего человека. Применение междисциплинарного подхода к изучению кострищ позволяет реконструировать температуру горения, виды топлива, длительность горения и т. д. В контексте изучения памятников высокогорного Восточного Памира эти данные также являются надежным источником для палеоэкологических реконструкций. Одним из ключевых

памятников данного региона, где представлены культурные слои от наиболее раннего этапа заселения Восточного Памира человеком вплоть до настоящего времени, является Истыкская пещера. Согласно стратиграфическим наблюдениям, здесь выделяется серия пепловых горизонтов (до 15 прослоек), их изучение даст массив данных для определения палеоэкологических условий и адаптационных стратегий человека в период финального плейстоцена – раннего голоцена.

Истыкская пещера располагается в юго-западной части Восточного Памира на левом берегу р. Сулистый на 7–12-метровой террасе, абсолютная высота над уровнем моря – 4060 м. Объект изучался в два этапа: в 1970-х гг. и с 2018 г. по настоящее время. На первом этапе раскопки проводились Маркансуйским археологическим отрядом под руководством В. А. Жукова. Пеплосодержащие прослои и контекстное расположение артефактов в них для выяснения роли антропогенных действий в этот период не были опубликованы в полном объеме [Жуков, 1986, с. 51–54].

Современный этап изучения памятника проводится российско-таджикским археологическим отрядом под руководством С. В. Шнайдер и Н. Н. Сайфулоева [Шнайдер, Сайфулоев, 2018, с. 9]. В 2018 г. исследователями была проведена зачистка северо-восточной стенки раскопа В. А. Жукова, в 2019 г. был заложен раскоп в этой же части пещеры площадью 2 м². В ходе настоящих работ на памятнике было выделено пять литологических подразделений, нижние два из которых стерильны в археологическом отношении. Слои 1–3 содержат артефакты, фаунистический материал и каскад пеплосодержащих прослоев [Первые данные изучения ... , 2019, с. 294].

При изучении пеплосодержащих прослоев Истыкской пещеры были использованы следующие методы: описание отложений, экспериментальный метод, петромагнитный анализ, газовая хроматография и элементный анализ.

Петромагнитный метод основан на изучении широкого спектра магнитных свойств горных пород. Наиболее применимыми и информативными являются магнитная восприимчивость, гистерезисные параметры и параметры остаточного намагничивания.

Магнитная восприимчивость указывает на потенциал намагничивания материала при наложении магнитного поля. В результате минералогических превращений из-за нагрева происходит образование магнитных минералов с большей магнитной восприимчивостью. Измерение магнитной восприимчивости применяется в палеогеографии для выделения горизонтов с повышенным содержанием магнитных минералов, которые соотносятся с этапами повышенного увлажнения. В археологических исследованиях этот метод может быть использован для идентификации древних кострищ, где повышенное содержание магнитных минералов связано с воздействием высоких температур: чем выше достигнутые температуры кострища, тем сильнее магнитная восприимчивость термически изменённых отложений (подложки костра, вкрапленных в грунт артефактов) [Bellomo, 1993, p. 550]. В археологии магнитные методы применяются уже более полувека и сосредоточены они на датировании отложений [Батлер, 1998, с. 197], поиске термически изменённых поверхностей и артефактов [Gibson, 1986, p. 560], определении параметров очага (площади кострища, центра очага, температурного порога) [Carrancho, Villalain, 2011, p. 186].

Экспериментальный метод. Для выявления зависимостей петромагнитных характеристик от параметров костра (размера, длительности горения, типа топлива и т. д.) был проведен эксперимент с использованием натуральных материалов, аналоги которых могли применяться древними людьми. Применение экспериментального подхода и петромагнитного метода позволяет с большей достоверностью интерпретировать значения магнитной восприимчивости на участках раскопочной поверхности памятника.

Газовая хроматография – изучение химического состава материалов на основе разделения, анализа и исследования смесей веществ. Метод основан на различном распределении веществ в динамических условиях между подвижной и неподвижной фазами. В археологии чаще всего применяется с целью уточнения атрибуции предметов материальной культуры. Исследователи с помощью абсорбента выделяют вещество из предмета материальной куль-

туры и анализируют этим методом [Применение метода газовой ... , 2017, с. 73]. Поддаются анализу и отложения антропогенного происхождения (замеры соотношения ПАУ в отложениях памятника, копоты и нагаров) [Geochemical Evidence ... , 2019, p. 1].

XRF–спектрометрия. Физический принцип анализа представляет собой бомбардировку исследуемого образца рентгеновскими лучами. В результате высвобождаются характерные для каждого химического элемента сигналы. Метод применяется для определения элементного состава образца [Черноруков, Нипрук, 2012, с. 50–54]. Полученные данные о химическом составе отложений и археологических материалов используются для реконструкции условий их формирования, динамики среды и корреляции горизонтов.

Предварительные результаты. В 2019 г. было отобрано 28 образцов грунта с зачищенных стенок раскопа (слои 1–3). Часть петромагнитных исследований была проведена в полевых условиях, лабораторная часть работ выполняется в ИФЗ РАН им. О. Ю. Шмидта. Из 28 взятых образцов по 2 г с каждого отобрано на газхроматографический и XRF-анализ. Лабораторные работы проводятся в Институте катализа им. Г. К. Борескова СО РАН.

Петромагнитные исследования. Во время проведения полевых работ на Истыкской пещере были проведены замеры пеплосодержащих прослоев капаметром КТ-5. Места с аномально высокими значениями магнитной восприимчивости по сравнению со значениями вмещающих прослоев были интерпретированы как центры очагов [Первые данные изучения ... , 2019, с. 294]. На данный момент определены детальные петромагнитные параметры кострищ.

С целью выявления зависимости петромагнитных характеристик от используемого типа топлива и, соответственно, разной температурной интенсивности огня была проведена серия экспериментов. В ходе эксперимента на искусственно созданных лёссовых насыпях толщиной 10 см было сожжено четыре кострища из различных типов топлива: топак (навоз), кость, дерево и терескен (кустарник). Длительность горения костров была разная: терескен – 1,5 ч; кость – 2 ч; топак – 4 ч; дерево – 6 ч. Были получены разные предварительные значения магнитной восприимчивости подстилающей поверхности кострищ. Дополнительно были отобраны четыре образца подложки костров до температурного воздействия; четыре образца термически изменённой подстилающей поверхности; четыре образца пепла. Все 12 образцов с экспериментальных костров обрабатываются в ИФЗ РАН им. О. Ю. Шмидта. Дальнейшее детальное изучение петромагнитных характеристик подложки костров нацелено на установление различия в значениях магнитной восприимчивости. Выясняется возможность корреляции полученных данных от экспериментальных костров и образцов грунта из Истыкской пещеры.

Газовая хроматография и XRF-спектрометрия. На настоящий момент образцы находятся в работе, по результатам анализов будет определен состав элементов, которые преобладают в образцах. Это в последующем позволит восстановить тип использовавшегося топлива для костров в разные периоды времени в Истыкской пещере. Полученные данные будут соотнесены с результатами петромагнитного анализа. В целом полученный комплекс данных позволит реконструировать использовавшиеся типы топлива, температуру и длительность горения костров.

*Научные руководители – С. В. Шнайдер
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН;
Р. Н. Курбанов,
канд. геол. наук, ст. науч. сотр.,
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова*

Список литературы

- Батлер Ф. Палеомагнетизм: От Магнитных Доменов до Геологических Террейнов // Эл. изд. Ун-т Аризоны, 1998. С. 197–224.
- Жуков В. А. Раскопки Пещеры «Истыкская» (1978–1979 гг.) // АРТ. Душанбе: Дониш, 1986. Вып. 19. С. 51–56.
- Первые данные изучения многослойного памятника Истыкская пещера (Восточный Памир, Таджикистан) / С. В. Шнайдер, Н. Н. Сайфулоев, С. Алишер Кызы, Н. А. Рудая, И. Е. Дедов, Л. В. Зоткина, В. А. Жуков, А. Караев, М. Наврузбеков, В. В. Алексейцева, А. И. Кривошапкин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. XXV. С. 293–298.
- Применение метода газовой хроматографии для уточнения атрибуции древнего глиняного сосуда / В. М. Пожидаев, Я. Э. Сергеева, И. С. Слушная, Е. Б. Яцишина, П. К. Кашкаров // Бутлеровские сообщения. 2017. Т. 52. № 12. С. 73–81.
- Черноруков Н. Г., Нипрук О. В. Теория и практика рентгенофлуоресцентного анализа: электрон. учеб.-метод. пособие. Нижний Новгород: Нижегород. ун-т, 2012. 57 с.

Шнайдер С. В., Сайфулоев Н. Н. Археологические памятники западной части Центральной Азии (Алайской долины и Восточного Памира) в контексте первоначального заселения человеком высокогорий // Вестник Таджикского национального университета. Душанбе, 2018. С. 9–13.

Bellomo R. V. A Methodological Approach for identifying archaeological Evidence of Fire Resulting from human Activities // Journal of Archaeological Science. 1993. Vol. 20. P. 525–553.

Carrancho A., Villalain J. J. Different mechanisms of magnetization recorded in experimental fires: Archaeomagnetic implications // Earth and Planetary Science Letters 312. 2011. P. 176–187.

Gibson T. H. Magnetic prospecting on prehistoric sites in Western Canada // Geophysics. 1986. Vol. 51. Is. 3. P. 553–560.

Geochemical Evidence for the Control of Fire by Middle Palaeolithic Hominins / A. Brittingham, M. T. Hren, G. Hartman, K. N. Wilkinson, C. Mallol, B. Gasparyan, S. A. Daniel // Journal Article. 2019. Vol. 9. Is. 1. P. 1–7. DOI:10.1038/s41598-019-51433-0

Experience of Using Natural Science Methods in the Study of Campfires of the Istyk Cave (Tajikistan)

I. E. Dedov, E. P. Kulakova

This publication includes the primary results of the complex study of the ash-containing layers of the Istyk cave. The site is located in the southwestern part of the Eastern Pamirs, at an altitude of 4060 m above sea level. The uniqueness of the site is determined by its representation of a variety of cultural horizons since the earliest peopling of the region to present times, wherein a series of ash-containing horizons is found in all the layers. During the excavations, we have chosen 28 samples. For their study we used those methods: gas chromatographic, XRF spectrometry petromagnetic analysis and the experimental method. Obtained data complex allows to reconstruct types of fuel that were used, temperature, and bonfire burning duration. Such investigation was held the first time for the whole Central Asia region, and it will allow to determine the algorithm for the study of such archaeological objects in the future.

Keywords: Stone age, highlands, Eastern Pamir, ash-containing layers, petromagnetic method, gas chromatography, Geochemistry.

Дедов Игорь Евгеньевич

студент 4-го курса
Новосибирский государственный университет
e-mail: 11.dedov.com@gmail.com

Dedov Igor Evgenievich

Student 4th year
Novosibirsk State University
e-mail: 11.dedov.com@gmail.com

Кулакова Екатерина Петровна

аспирант
Институт физики Земли им. О. Ю. Шмидта РАН
e-mail: liverpool.town.uk@gmail.com

Kulakova Ekaterina Petrovna

Postgraduate Student
Shmidt Institute of Physics of the Earth RAS
e-mail: liverpool.town.uk@gmail.com

УДК 902"633"

Адаптация человека к экстремальным природным условиям на рубеже плейстоцена – голоцена: подходы к изучению*

Г. В. Серовец^{1,2}

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

²Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

*Работа выполнена по гранту РНФ, проект №19-78-10112

В конце эпохи плейстоцена – начале голоцена происходят значительные климатические изменения, отразившиеся на составе растительного и животного мира, что в свою очередь привело древние человеческие сообщества к необходимости поиска новых способов приспособления к окружающей среде и аккумуляции ресурсов. Такие процессы в научной среде принято обозначать термином «адаптация». Существуют два вида адаптации – биологическая и культурная, в контексте работы рассматривается последняя, под которой подразумевается «ряд технологических, экономических и поведенческих сдвигов в палеолитических культурах, вызванных определенными факторами окружающей среды» [Хаценович, Рыбин, 2012, с. 50].

Для анализа адаптационных стратегий специалисты применяют разнообразные подходы в соответствии с интересующей их предметной областью. Так, адаптации могут изучаться в свете эволюции технологий расщепления камня, типологии орудий, предметов персональной самоидентификации и т. п.

С точки зрения изучения адаптационных стратегий особый интерес представляют так называемые транзитные территории, к которым относится Монголия. Освоение человеком юга Монголии было связано с адаптацией к

высокогорным ландшафтам (высота около 2000 м). Большая часть этой территории находится в аридной зоне, для которой характерны суровые засушливые условия, накладывающие ограничения на возможности жизнеобеспечения человеческих популяций [Хаценович, Рыбин, 2016].

Одним из основных объектов, позволяющих реконструировать адаптации древнего населения в аридных условиях восточной части Центральной Азии, является скальный навес Чихэн-Агуй, расположенный в Гобийском Алтае. Этот памятник впервые был обследован в 1987 г. академиком А. П. Деревянко и В. Т. Петриным. Исследования 1995–2001 гг. показали, что в отложениях навеса присутствуют два различных культурно-хронологических комплекса – ранний верхний палеолит (плейстоцен) и мезолит (рубеж плейстоцена – голоцена, ранний голоцен) [Археологические исследования..., 1998, 2000]. Это единственный стратифицированный мезолитический (7850±110 – 11 545±75 л. н.) комплекс в Монголии, что во многом подчеркивает значимость его всестороннего изучения.

Авторами раскопок была проведена реконструкция климата на рассматриваемой территории в период раннего голоцена. Исследователи пришли к выводу о существовании в то время резко континентального аридного климата

со среднегодовой температурой воздуха $-2-0^{\circ}\text{C}$ и количеством осадков в пределах 250–300 мм. По сравнению с современной ситуацией ($3-4^{\circ}\text{C}$ и 100 мм осадков) данная территория была более благоприятна для проживания [Природно-климатические ... , 2006].

Палинологический анализ отложений пещеры показал доминирование в ландшафте сухих степей с разреженным разнотравно-злаковым (полюнно-злаковым) травостоем [Кулькова, 2000]. Необходимость такого рода исследования обусловлена потребностью в осознании условий окружающей среды, в которой находился древний человек.

Полученные данные соответствуют результатам исследования палеоклимата пустыни Гоби профессора Рейнско-Вестфальского технического университета Фрэнка Лемкуля [Paleolakes in ... , 2018]. Используя данные палинологии и седиментологии, ученый доказал глубокий, но поступательный характер перехода от плейстоцена к голоцену. Изучив отложения оз. Орог Нуур, специалист произвел реконструкцию палеоклиматических условий, которая показала, что на обширной территории Центральной Азии со времен последнего ледникового максимума (26 000–19 000 л. н.) преобладали степи [Там же]. Несмотря на сокращение количества фауны в данный период времени, регион обладал возможностями обеспечения человеческих обществ необходимым количеством ресурсов за счет переориентаций охотничьих стратегий [Late Quaternary ... , 2019].

Исходя из полученных в ходе археологических раскопок данных, авторами раскопок был проведен типологический анализ орудийного набора, показавший ярко выраженную тенденцию к возрастанию числа микролитов на рубеже плейстоцена – голоцена. Если в плейстоценовом слое преобладающими орудиями являются скребки, резцы, то в голоценовом – вкладыши и ретушированные пластинки. На основании этого исследователи предположили, что существует связь между изменением климата и технологиями производства орудий [Новое прочтение ... , 2008].

Произошедший сдвиг в климатической ситуации отразился и на фаунистической составляющей. Изучение фаунистического состава мезолитического слоя грота позволило выявить преобладание мелких млекопитающих. Удалось идентифицировать следующие виды животных: заяц-толай (*Lepus capensis*), тушканчик (*Dipodidae indet.*), сурик (*Marmota sp.*), кулан (*Equus hemionus*), альпийская пищуха (*Ochotona cf. Alpina*) и др. [Археологические исследования ... , 1998]. Представленная фауна соответствует характеристикам орудийного набора, необходимым для осуществления охоты на мелких млекопитающих. В то же время присутствуют кости копытных, что говорит о наличии широкой охотничьей специализации, характерной для регионов, где копытные не представлены в количестве, достаточном для ресурсообеспечения обитающей здесь человеческой популяции [Хаценович, Рыбин, 2012].

Аналогичные процессы наблюдаются и в других регионах Центральной Азии, особое сходство прослеживается в высокогорных районах Тибетского нагорья и Восточного Памира. Аридные климатические условия (пустынные степи) данных территорий в период позднего плейстоцена – раннего голоцена создали необходимость поиска новых стратегий адаптации, что отмечается в том числе и в каменных индустриях, обнаруженных на таких памятниках, как Истыкская пещера, Обишир-5 и Обишир-1, Алай-

ская стоянка (Восточный Памир) и Чузанг, Сидатань-2 (Тибетское нагорье) [Первые данные ... , 2019; Late Occupation ... , 2013].

Таким образом, грот Чихэн-Агуй стал объектом разнотравных изысканий, направленных на реконструкцию адаптации мезолитического населения к окружающей среде. Однако он до сих пор обладает значительным исследовательским потенциалом, который с привлечением новых данных по палеоклимату, дополнительным анализом стратиграфических подразделов, анализом орудийного инвентаря с точки зрения его функций и корреляцией с сопредельными территориями позволит рассмотреть адаптационные стратегии мезолитического человека в аридных высокогорных ландшафтах, вписать их в контекст культуры популяций, обитавших в сходных условиях на Тибетском плато, и протестировать вероятность функционирования миграционного пути в Таримском бассейне на территории северо-западного Китая.

Научный руководитель – Е. П. Рыбин,
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,

Институт археологии и этнографии СО РАН

Список литературы

- Археологические исследования Российско-Монгольско-Американской экспедиции в Монголии в 1996 году / А. П. Деревянко, Д. Олсен, Д. Цевээндорж, В. Т. Петрин, А. Н. Зенин, А. И. Кривошапкин, С. В. Николаев, В. П. Мыльников, Р. У. Ривс, Б. Гунчинсүрэн, Я. Цэрэндагва. Новосибирск, 1998. 343 с.
- Археологические исследования Российско-Монгольско-Американской экспедиции в Монголии в 1997–1998 годах / А. П. Деревянко, Д. Олсен, Д. Цевээндорж, В. Т. Петрин, С. А. Гладышев, А. Н. Зенин, В. П. Мыльников, А. И. Кривошапкин, Р. У. Ривс, П. Д. Брантингхэм, Б. Гунчинсүрэн, Я. Цэрэндагва. Новосибирск, 2000. 383 с.
- Кулькова И. А. Палинологическая характеристика отложений пещеры Чихэн // Археологические исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1997–1998 гг. Новосибирск, 2000. Приложение 1. С. 366–370.
- Новое прочтение археологического контекста пещеры Чихэн (Монголия) / А. П. Деревянко, Д. Олсен, Д. Цевээндорж, С. А. Гладышев, Т. И. Нохрина, А. В. Табарев // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 2 (34). С. 2–12.
- Первые данные изучения многослойного памятника Истыкская пещера (Восточный Памир, Таджикистан) / С. В. Шнайдер, Н. Н. Сайфулов, С. Алишер кызы, Н. А. Рудая, И. Е. Дедов, Л. В. Зоткина, В. А. Жуков, А. Караев, М. Наврузбеков, В. В. Алексеичева, А. И. Кривошапкин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. XXV. С. 293–299.
- Природно-климатические условия Гобийского Алтая в позднем плейстоцене – голоцене (по материалам исследований памятника Чихэн) / А. П. Деревянко, И. Н. Феденева, М. И. Держачева, Т. И. Нохрина // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2006. Т. XII. Ч. 1. С. 109–111.
- Хаценович А. М., Рыбин Е. П. Архаичные типы адаптационных стратегий и их развитие в каменном веке // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 3 : Археология и этнография. С. 50–58.
- Хаценович А. М., Рыбин Е. П. Влияние климатических условий на развитие верхнего палеолита Монголии // Теория и практика археологических исследований. 2016. Т. 14. № 3. С. 133–149.
- Late Occupation of the High-Elevation Northern Tibetan Plateau Based on Cosmogenic, Luminescence, and Radiocarbon Ages / P. J. Brantingham, Xing Gao, D. B. Madsen, D. Rhode, C. Perreault, J. van der Woerd, J. W. Olsen // Geoarchaeology. 2013. Vol. 28. P. 413–431.
- Late Quaternary environments in the Gobi Desert of Mongolia: Vegetation, hydrological, and palaeoclimate evolution / K. Yu, F. Lehmkuhl, F. Schlütz, B. Diekmann, S. Mischke, J. Grunert, W. Murad, V. Nottebaum, G. Stauch, G. Zeeden // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. 2019. Vol. 514. P. 77–91.
- Paleolakes in the Gobi region of southern Mongolia / F. Lehmkuhl, J. Grunert, D. Hülle, O. Batkhishig, G. Stauch // Quaternary Science Reviews. 2018. Vol. 179. P. 1–23.

Human Adaptation to Extreme Environmental Conditions at the Turn of the Pleistocene and Holocene: Approaches to the Study

G. V. Serovets

Final Pleistocene – Early Holocene was a time of significant climate changes, shifts in paleoenvironmental conditions, with impact on composition of the plant and animal world. Ancient human communities needed to find new adaptation strategies to use environment and accumulate resources. Such processes in archaeological science are usually denoted by the term “adaptation”. This article is devoted to the problem of studying the human adaptations to arid environmental conditions. In this paper we consider the Holocene complex of Chikhen-Agui Rockshelter as an example of the occurrence with extreme environmental conditions. This article also examined the different approaches to the study of the topic.

Keywords: Mesolithic, Mongolia, human adaptations, arid climate, evolution, adaptation strategies.

УДК 551.7(584)+561(584)

Реконструкция изменений растительности и климата Восточного Памира на основе палинологических данных

В. В. Алексейцева

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Одной из актуальных и дискутируемых проблем в современной археологии является проблема заселения человеком высокогорных районов. Достаточно много нам известно о территориях Тибетского нагорья. Так, на стоянке Ньява Деву человек обитал уже 30–40 тыс. л. н., и его ассоциируют с денисовским человеком [The earliest human occupation ... , 2018, p. 104–105]. Наиболее раннее свидетельство человека современного анатомического облика было зафиксировано здесь на памятнике Чузанг и датируется около 12,6 тыс. л. н. [Permanent human occupation ... , 2017, p. 64–67]. Не менее значимыми в этом контексте являются высокогорные территории Центральной Азии, в частности, территория Восточного Памира.

Исследование этого региона связано с именами В. А. Ранова, В. А. Жукова и А. А. Никонова, которые открыли и изучили на территории Восточного Памира множество памятников, включая многослойные археологические памятники Ошхона и Истыкской пещеры. Исследование данных памятников позволяет реконструировать направления миграций человека в высокогорные районы Центральной Азии, а также проследить взаимосвязь между изменением климатических условий и типами хозяйствования древнего человека [Первые данные изучения ... , 2019, с. 293–298].

Одним из методов, дающих ценную информацию для изучения экологической обстановки и динамики климатических изменений, является палинологический анализ. Благодаря ему мы можем реконструировать растительный покров в определенный период времени и, исходя из состава палинологических спектров, сделать выводы о климатических условиях в данный период. За период изучения Восточного Памира накоплено некоторое количество данных, полученных путем палинологического анализа, новейшие из которых относятся к 2019 г.

В 1980 г. А. А. Никоновым и Л. Н. Ершовой были исследованы голоценовые отложения в горах Памиро-Алая. В соответствии с полученными ими данными мы можем говорить о том, что, скорее всего, никаких отклонений от аридного пустынного климата не происходило, но проследивается заметное увлажнение в среднем голоцене. Согласно радиоуглеродным датировкам начало периода увлажнения в горах Памиро-Алая можно относить ко времени около 8 тыс. лет. Кроме того, авторы пришли к выводу, что климатический оптимум в горах Средней Азии, судя по всему, соответствует таковому в других частях Евразии [Никонов, Ершова, 1981, с. 687–690].

В 1985 г. З. В. Алешкинской, А. А. Никоновым и Г. М. Шумовой были изучены отложения оз. Каракуль, расположенного в центре Восточного Памира. Авторы в статье приходят к выводу, что за время осадконакопления растительность изменялась незначительно, и в целом для ландшафта характерно преобладание открытых пространств пустынно-степного и пустынного облика. Толща может быть поделена на три части: нижняя (20–16 тыс. л. н.) – преобладание полыни и разнотравья; средняя (16–9 тыс. л. н.) – увеличение маревых и крестоцвет-

ных; верхняя (9–3 тыс. л. н.) – подавляющей становится пыльца сложноцветных и разнотравья. Резкое сокращение количества маревых авторами рассматривается как указание на заметное увлажнение климата региона.

В той же работе рассматривается также один из разрезов, относящихся к территории Алайской долины – высокогорной долины, ограничивающей Памир с севера. Авторы выделяют здесь несколько фаз развития растительности. Около 15–14 тыс. л. н. происходит развитие разнотравья и полынных группировок. В период от 12–11 до 9–8 тыс. л. н. при том же характере травянистой растительности происходит увеличение роли травянистых, что может говорить о некотором потеплении. Изменения растительности в промежутке 8–5 тыс. л. н., судя по всему, отражают переход к более прохладным и влажным условиям, а появление в это время папоротников может быть показателем увлажнения. После 5–4 тыс. л. н. растительность приобретает характер горных степей и полупустынь, что отражает заметную аридизацию и потепление [Алешкинская, Никонов, Шумова, 1985, с. 87–94].

Также авторы данной статьи приходят к выводу, что, судя по всему, фаза относительного увлажнения, относящаяся к интервалу от 9 до 5 тыс. л. н. имела место не только на Памире, но и в окружающих горах, а также на равнинах Средней Азии, т. е. может считаться, по крайней мере, панрегиональной.

В 2019 г. в рамках российско-таджикской экспедиции был исследован памятник Истыкская пещера, расположенный на левом берегу р. Сулистык. Для образцов, взятых с этого памятника, также был проведен палинологический анализ. Данные, полученные по трем образцам, заметно отличались. Образец, взятый из слоя 1, выявляет существование аридного климата и распространение пустынных степей и полупустынь в период осадконакопления, на что указывает доминирование маревых и полыней. Образцы из слоя 3 показывают переход к более мезофильному разнотравью [Первые данные изучения ... , 2019, с. 293–298].

Представленные результаты говорят нам о периодах увлажнения или усиления аридности в исследуемом регионе. Сопоставив данные, полученные в различное время по различным частям региона, мы можем увидеть, что они сходны между собой и в целом могут составить единую картину. Увлажнение климата и связанная с этим смена палинокомплексов по различным данным вписываются в промежуток времени около 9–8 тыс. л. н.: в этот период мы видим переход от более ксерофильного растительного состава к более мезофильному, а также усиление аридности климата, хотя климат в целом и характеризуется как аридный пустынный. Также примечательно, что авторы, исследуя различные регионы, приходят к выводу, что периоды климатических изменений на Памире совпадают с таковыми в соседних регионах, и, более того, в других частях Евразии.

Также одной из возможностей палинологического метода может быть реконструкция антропогенной нагрузки на окружающую среду. Нам известно время, когда на территории Памира появился человек. На основе археологи-

ческих данных было выявлено, что особенно интенсивно первобытные люди посещали Восточный Памир в 8–5 тыс. л. до н. э., значительно меньше следов их пребывания найдено для периода 4–2 тыс. л. до н. э. Эта цикличность соответствует данным, полученным палеоботаниками [Бубнова, 2015, с. 21]. Появление человека, как правило, связано с определенными изменениями растительного состава. Кроме того, изменения растительности могут указывать на начало ведения сельского хозяйства, на выпас скота. По палинологическим данным мы можем получить информацию о культивируемых видах растений и даже о палеодиете человека [Dimbleby, 1975, p. 265–267].

Таким образом, на данный момент накоплено достаточно данных по изменениям климатических условий, но пока что не изучено влияние появления человека на эти изменения. В дальнейшем планируется продолжать исследования данного региона с целью получения новых данных. На настоящий момент еще шесть палинологических образцов находятся в работе, по ним данные будут получены во втором квартале 2020 г.

*Научные руководители – С. В. Шнайдер
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН
Н. А. Рудая
канд. биол. наук, ст. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Reconstruction of the Vegetative and Climatic Changes of the Eastern Pamir by Palynological Analysis

V. V. Alekseitseva

One of the relevant issues in the archaeology nowadays is the human settlement of highlands. Such, in particular, is the Pamir Highlands. Palynological analysis is one of the methods which provides a valuable information about the period of a human appearance, the climatic changes in this period and changes in types of human activity. This article reviews the history of using of this method for the region, and also presents the latest data and research prospects. In addition, new results are expected in the near future, which will probably allow us to learn more about the climate changes in the Pamirs during the period of the human settlement.

Keywords: Palynology, climatic changes, Eastern Pamir, Mesolithic, Early Holocene, highlands.

Алексейцева Валентина Владимировна
студент 3-го курса
Новосибирский государственный университет
e-mail: v.alekseitseva@g.nsu.ru

Alekseitseva Valentina Vladimirovna
Student 3rd year
Novosibirsk State University
e-mail: v.alekseitseva@g.nsu.ru

УДК 903.21

Технологический и трасологический анализ микропластинчатого расщепления комплексов типа Большой Северной. Местонахождение Инвалидный III пункт 2, культурный горизонт 3 (нижнее течение р. Витим, ранний голоцен)

А. А. Уланов

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Местонахождение Инвалидный III расположено на правом берегу р. Витим в 12 км от г. Бодайбо. Памятник открыт в 1992 г. Е. М. Инешиным. В 2003 г. выделен пункт 2. Археологический материал обнаружен в аллювиальных отложениях 9–11-метровой террасы. В культурном горизонте выявлено кострище с плотным скоплением костных остатков и продуктов расщепления камня, получена дата 8925±110 л. н. (СОАН-4884) [Инешин, Тетенькин, 2005]. На настоящий момент раскоп пункта 2 уничтожен техногенными процессами. В 2018 г. в непосредственной близости от раскопа заложен шурф, выявлены два уровня залегания находок, но уровень основного культурного горизонта раскопа в шурфе выявлен не был. Таким образом, находки залегают в трех уровнях: под современной почвой – 1 к. г., на глубине 1,0 и 1,5 м – 2 и 3 к. г. Комплекс культурного горизонта 3 стоянки Инвалидный III пункт 2 относится к комплексам типа Большой Северной по таким критериям, как использование халцедона, яшмовидных и цветных кремней в качестве сырья, интенсивное производство микропластин с призматических микронуклеусов [Тетенькин, 2018].

Изучение коллекции проводилось в соответствии с основными положениями экспериментально-трасологической методики [Семенов, 1957; Keeley, 1980; Коробкова, Щелинский, 1996; Поплевко, 2007]. Для анализа следов работы использован бинокулярный микроскоп МБС-10 с увеличением до 98 раз. Для фотофиксации при слабом увеличении использовался цифровой микроскоп Dino-Lite Digital Microscope AM7013MZT с увеличением ×20–50. Для очистки артефактов использовался этиловый спирт в концентрации 70 % и проточная вода.

Специфической чертой комплексов типа Большой Северной является интенсивное производство микропластин [Тетенькин, 2018, с. 185]. При технологической характеристике комплексов этого типа необходимо учитывать наиболее значимые для пластинчатых индустрий критерии: характер сырья и наличие желвачной корки, угол схождения боковых граней, профиль ударного бугорка, угол схождения ударной площадки и поверхности скалывания, форма губки, наличие изъянца [Поплевко, 2007, с. 222–223; Damnie, 2015]. В данной работе задачей техно-

Список литературы

- Алешкинская З. В., Никонов А. А., Шумова Г. М. Природные особенности Северного Памира и Алайской долины в конце позднего плейстоцена и в голоцене (по данным спорово-пыльцевого анализа) // Изв. АН СССР. Сер. Геогр. 1985. № 2. С. 87–94.
- Бубнова М. А. Археологическая карта Горно-Бадахшанской автономной области. Восточный Памир. Душанбе, 2015. 280 с.
- Никонов А. А., Ершова Л. Н. Новые данные о голоценовом климатическом оптимуме в Памиро-Алае // Доклады академии наук Таджикистана. Душанбе, 1981. Т. XXIV. № 11. С. 687–690.
- Первые данные изучения многослойного памятника Истыкская пещера (Восточный Памир, Таджикистан) / С. В. Шнайдер, Н. Н. Сайфулоев, С. Алишер-кызы, Н. А. Рудая, И. Е. Дедов, Л. В. Зоткина, В. А. Жуков, А. Караев, М. Наврузбеков, В. В. Алексеева, А. И. Кривошапки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. XXV. С. 293–298. <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2019.25.293-298>.
- Dimbleby G. W. Archaeological evidence of environmental change // Nature. 1975. Vol. 256. P. 265–267.
- Permanent human occupation of the central Tibetan Plateau in the early Holocene / M. C. Meyer, M. S. Aldenderfer, Z. Wang, D. L. Hoffmann, J. A. Dahl, D. Degering, W. R. Haas, F. Schlütz // Science. 2017. Vol. 355. P. 64–67.
- The earliest human occupation of the high-altitude Tibetan Plateau 40 thousand to 30 thousand years ago / X. L. Zhang, B. B. Ha, S. J. Wang, Z. J. Chen, J. Y. Ge, H. Long, W. He, W. Da, X. M. Nian, M. J. Yi, X. Y. Zhou, P. Q. Zhang, Y. S. Jin, O. Bar-Yosef, J. W. Olsen, X. Gao // Science. 2018. Vol. 362 (6418). P. 104–105.

логического анализа становится характеристика производства микропластин – совокупности приемов подготовки микронуклеуса, техник скальвания микропластин, подживления фронта и ударной площадки. Целью процесса является получение микропластин – основного продукта производства. Побочными продуктами являются реберчатые сколы, сколы подживления ударной площадки, фронтальные сколы. Побочный характер артефактов не исключает их использования в орудийной деятельности. Именно побочный характер этих артефактов обусловлен тем, что цель их получения – подготовка нуклеуса к началу или возобновлению скальвания микропластин.

Коллекцию артефактов 3-го культурного горизонта составляют 211 отщепов, 486 фрагментов микропластин, 12 пластинок, 2 фронтальных скола, 4 реберчатых скола, 1 скол подживления ударной площадки.

Микропластины характеризуются компактным ударным бугорком, гладкой вентральной поверхностью, угол схождения боковых граней находится в диапазоне 20–25°, угол схождения вентральной поверхности и ударной площадки ~90°. В совокупности это говорит об отжимной технике скола. Исключением является микропластина с рудиментом ребра на боковой грани (рис., 9), угол схождения боковых граней которой 30°, угол вентрал – ударная площадка – < 90°. Это исключает отжим как технику скола. Ударный бугорок плоский, губка хорошо выражена, что указывает на технику посредника [Поплевко, 2007; Damnie, 2015]. С этой техникой связаны 9 пластинок, еще

3 пластинки сколоты отбойником средней твердости, 4 пластинки получены отжимом. Фронтальные сколы не имеют проксимального конца, однако о технике скола позволяет судить угол схождения боковых граней, превышающий 25°, что исключает отжимную технику [Гирия, 1997].

На основе технологического анализа материалов местонахождения Инвалидный III пункт 2 выделены следующие фазы производства микропластин:

1. Подготовка фронта. Фронт подготавливается путем снятия ребра, реберчатый скол – продукт этой фазы (рис., 1). Зачастую полного снятия ребра не происходит. Рудимент ребра может оставаться на фронте или дистальной части ядрища.

2. Первичная огранка. В зависимости от размеров преформы огранка может осуществляться путем скальвания пластинок (рис., 2) или микропластин. Об этом говорят рудименты первичного ребра как на микропластине, так и на пластинке (рис., 3). В ходе расщепления фронт расширяется, заходя на латераль, удаляется рудимент ребра на фронте, происходит декортикация, из-за чего часть микропластин имеют галечную/желвачную корку на одной из граней (рис., 5).

3. Отжим микропластин. В ходе расщепления накапливаются заломы на проксимальном ребре нуклеуса и ступенчатые заломы на фронте, дистальный рудимент ребра препятствует дальнейшему расщеплению.

4а. Подживление ударной площадки. После истощения проксимального ребра ударной площадки с фронта или с латерали наносится скол, частично или полностью удаляющий поверхность ударной площадки (рис., 4).

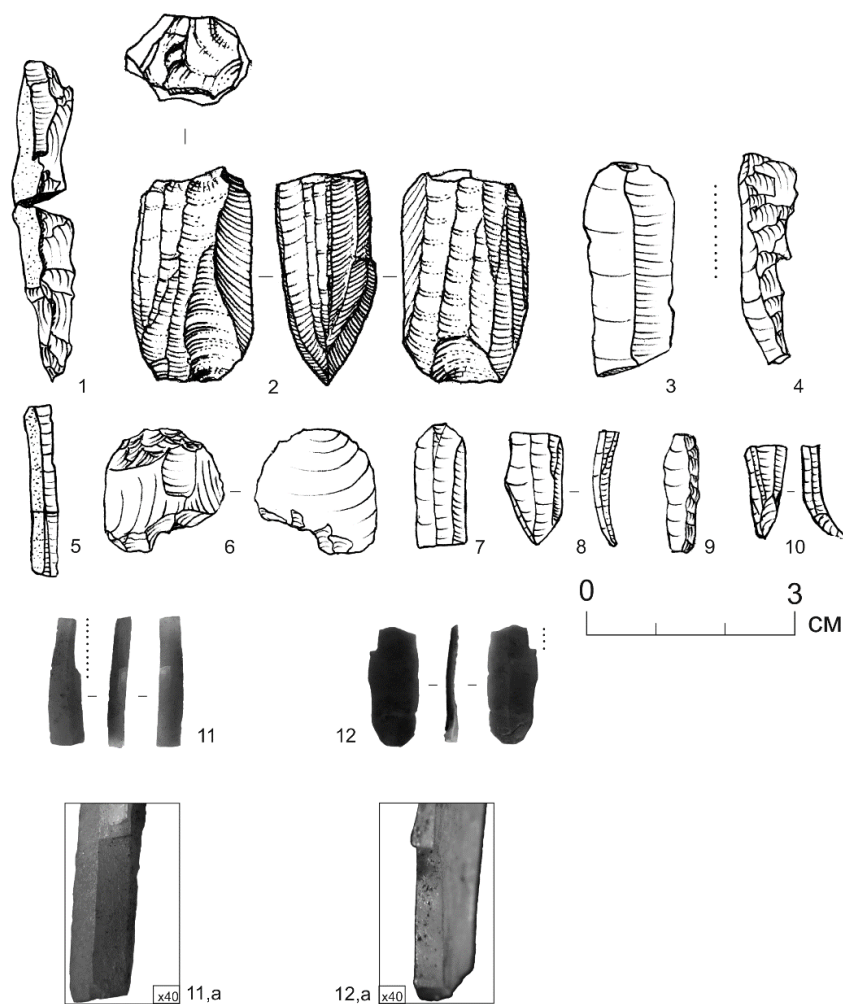

Рис. Инвалидный III пункт 2, культурный горизонт 3. Археологический материал.

1 – реберчатый скол; 2 – призматический микронуклеус; 3 – пластинка; 4 – пластинка с рудиментом ребра на боковой грани – нож для мяса; 5 – микропластина с галечной коркой на боковой грани; 6 – скол подживления ударной площадки; 7 – микропластина; 8, 10 – фронтальные сколы; 9 – микропластина с рудиментом ребра на боковой грани; 11, 12 – микропластины со следами метания; 11а, 12а – поверхность продольного скола

46. В случае если на фронте накапливаются ступенчатые заломы и/или рудимент ребра препятствует дальнейшему расщеплению, с ударной площадки наносится скол, удаляющий фрагмент фронта (рис., 7, 8). После фазы 4а или 4б производство возвращается к фазе 3.

Трасологический анализ проведен автором. В результате на микропластинах выделены орудия, связанные с обработкой мяса, кости/рога, растительных материалов, шкур, а также с охотничьим вооружением (метание). Ножи для мяса являются доминирующей категорией – 21 экз. с одним рабочим лезвием и 9 – с двумя. С обработкой кости связаны одно сверло, один резчик – строгальный нож, пила и комбинированное орудие – пила и резчик. Следы метания – продольные сколы (spin-off fracture) [Fischer, Hansen, Rasmussen, 1984; Lazuén, 2014] (рис., 10, 11) обнаружены на 7 микропластинах, что говорит об их использовании в составе вкладышевых наконечников.

При сравнении с материалами стоянки Павлова I можно отметить ряд общих черт для комплексов типа Большой Северной: первичную огранку путем скалывания пластинок, подживление фронта снятием фронтального скола [Уланов, Тетенькин, 2019], мясные ножи с двумя лезвиями, резчики-строгальные ножи. Отличительными чертами стоянки Инвалидный III пункт 2 являются большая вариативность техник скола, микропластины со следами метания, сколы подживления ударной площадки.

*Научный руководитель – А. В. Тетенькин
канд. ист. наук, доцент,
Иркутский национальный исследовательский
технический университет*

Technological and Use-wear Analysis of the Microblade Splitting in Bolshaya Severnaya Type of Assemblages. Invalidny 3 Site, Excavation Area 2, Cultural Horizon 3 (Lower Reaches of the Vitim River, Early Holocene)

A. A. Ulanov

The article is about analysis of Early Holocene site materials, Bolshaya Severnaya type of Assemblages. Main feature of this type of sites is an intensive microblade production with prismatic microcores. The result for the work is definition of splitting methods on the different stages of microblades knapping. Five stages of microblade splitting were highlighted with such splitting methods as medium soft hammer, indirect and pressure. Technological scheme includes operations of core preparation, bladelets and microblades knapping, refreshing of front and platform of microcore. There are defined also the wears of microblades usage related with projection, bone/antler perforating, sawing, grooving, meat cutting etc. The data demonstrate similarity with the Pavlova I site, another site of this type.

Keywords: microblade splitting, Lower Vitim, use-wear analysis, Early Holocene.

Уланов Александр Андреевич

студент 4-го курса
Иркутский государственный университет
e-mail: ulanov.alexandr1998@gmail.com

Ulanov Aleksandr Andreevich

Student 4th year
Irkutsk State University
e-mail: ulanov.alexandr1998@gmail.com

УДК 903(5)"633"

Раннеголоценовые микроиндустрии в аридных регионах восточной Центральной Азии

М. Е. Жуков^{1,2}

¹*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия*

²*Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия*

*Работа выполнена по гранту РНФ, проект №19-78-10112

Раннеголоценовые микроиндустрии на протяжении долгого времени являются предметом изучения многих исследователей как отечественной археологической науки, так и зарубежной. Специалисты, посвятившие свои труды изучению каменного века восточной части Центральноазиатского региона, столкнулись с проблемой, которая значительно усложняет интерпретацию полученного в ходе полевых работ материала. Большинство обнаруженных памятников относятся к объектам с поверхностным залеганием культурного слоя [Новое прочтение ... , 2008]. Именно поэтому стратифицированные комплексы имеют такое большое значение для рассматриваемой территории.

Единственным известным на сегодняшний день стратифицированным мезолитическим комплексом на всей

территории Монголии является ассамбляж слоя 2 грота Чихэн-Агуй, расположенный в южной части пустыни Гоби. Памятник был открыт в 1987 г. и исследован в ходе работы Российско-Монгольско-Американской экспедиции в Монголии в 1996–1998 гг. [Археологические исследования ... , 2000]. За время работ на памятнике исследователи пришли к выводу о существовании в пещерном комплексе двух культурных горизонтов (раннеголоценовый и плейстоценовый) и пяти литологических слоев (1, 2, 2а, 3 и 3а). В рамках настоящего исследования автором рассматриваются материалы слоев 2 и 2а, относящиеся непосредственно к мезолитическому времени и датируемые интервалом от 7850±110 до 11 545±75 л. н. [Дервянко, Гладышев, Нохрина, 2004; Новое прочтение ... , 2008].

Список литературы

- Гиря Е. Ю. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро-макроанализа древних орудий труда (часть 2). СПб.: Академ Принт, 1997. 198 с.
- Инешин Е. М., Тетенькин А. В. Проблемы изучения археологических памятников раннего голоцена на Нижнем Витиме // Социогенез в Северной Азии. Иркутск, 2005. Ч. 1. С. 96–104.
- Коробкова Г. Ф., Щелинский В. Е. Методика микро-макроанализа древних орудий труда (часть 1). СПб., 1996. 80 с.
- Поплевко Г. Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий. СПб., 2007. 388 с.
- Семенов С. А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 240 с.
- Тетенькин А. В. Археология позднего верхнего палеолита и мезолита Нижнего Витима и Байкало-Патомского нагорья // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2018. № 2. С. 182–186.
- Уланов А. А., Тетенькин А. В. Новые данные о местонахождении Павлова I. Технологический контекст каменного производства // Материалы LIX Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Благовещенск; Хэйхэ, 2019. С. 310–312.
- Danniel H. Striking a difference? The effect of knapping techniques on blade attributes // Journal of Archaeological Science. 2015. Vol. 63. P. 122–135.
- Fischer A., Hansen P. V., Rasmussen P. Macro and micro wear traces on lithic projectile points. Experimental results and prehistoric samples // Journal of Danish Archaeology. 1984. Vol. 3. P. 19–46.
- Keeley L. H. Experimental Determination of Stone Tool Uses: A Microwear Analysis. Chicago: University of Chicago Press., 1980. 213 p.
- Lazuén T. Please do not shoot the pianist. Criteria for recognizing ancient lithic weapon use // Journal of Archaeological Science. 2014. Vol. 46. P. 1–5.

Каменная индустрия грота Чихэн-Агуй включает в себя преформы с подготовленными ударными площадками, нуклеусы и представительный орудийный набор. Для мезолитического комплекса свойственны три типа нуклеусов: конические, клиновидные и торцовые. Все ядрища служили для получения микропластин [Археологические исследования ... , 2000]. Ведущее место в орудийном наборе мезолитического комплекса занимают вкладыши и ретушированные микропластины, являющиеся продуктом отжимной техники расщепления микроядрищ. Помимо этого встречаются и другие типы орудий, такие как острия, орудия с резцовыми сколами, скребки, наконечники стрел, отщепы с элементами ретуши, проколки, геометрические микролиты и др. [Новое прочтение ... , 2008].

Отдельные элементы ассамбляжа (прежде всего торцовые и конические типы микронуклеусов, а также изготовленные из них орудия) обнаруживаются в материалах палеолитической стоянки Толбор-15, расположенной в бассейне р. Селенги. Исследователи констатируют значительную разницу в количестве микропластин между горизонтами 1 (279 экз.) и 2 (34 экз.), что может свидетельствовать о более интенсивном использовании техники микрорасщепления [Голоценовый комплекс ... , 2009], но в то же время горизонт 1, возможно, аккумулирует разновременной материал, накапливавшийся в течение голоцена.

Рассматривая раннеголоценовые микроиндустрии Центральной Азии, необходимо отметить стоянки Цинхай-Тибетского нагорья, такие как

Сидатань-2, многочисленные памятники района Чан-Тан, например, Цацанг и Яко Ху. Исследователи полагают, что заселение этих высокогорных территорий проходило в период 11 000–8200 л. н., во время так называемого эппалеолита, что в отечественной историографии именуется мезолитом [Late Occupation ... , 2013].

Ассамбляж большинства стоянок Цинхай-Тибетского нагорья включает в себя преобладающее количество отщепов и микропластин, в совокупности с редкими находками скребел и комбинированных орудий. Нуклеусы представлены тремя основными видами: клиновидные, карандашевидные и цилиндрические [Brantingham, Olsen, Schaller, 2001; Late Occupation ... , 2013].

При сравнении каменных индустрий мезолитического времени на территории Южной Монголии и Юго-Западного Китая можно увидеть ряд общих черт, к которым относятся: 1) появление отжимного микрорасщепления около 15 тыс. л. н. и его интенсивное использование в период позднего плейстоцена и раннего голоцена; 2) тенденция к постепенному увеличению числа микронуклеусов и микропластин; 3) наличие сходных клиновидных микронуклеусов.

Данные сходства могут быть обусловлены рядом причин. Во-первых, исследователи сходятся во мнении, что рассматриваемая территория представляет собой «естественный коридор», по которому проходили миграции древнего населения [Новое прочтение ... , 2008]. Следовательно, представители одной традиции имели возможность распространять ее на обширную территорию, включая в себя рассматриваемые регионы. Во-вторых, оба региона являются высокогорными и имеют резкоконтинентальный аридный климат, что, в свою очередь, определяет их экстремальный характер.

На рубеже плейстоцена – голоцена на исследуемых территориях возрастает количество памятников с микроиндустрией, что указывает на активное заселение именно в этот период времени. Именно распространение микролитической техники сделало возможным более интенсивное заселение регионов с экстремальным климатом. Ярким примером этого служит Тибет, где более ранние фиксируемые памятники единичны [Late Occupation ... , 2013; The

earliest human ... , 2018; A late Middle ... , 2019]. То же самое касается Синьцзяна и Цинхая. В Монголии Гобийский Алтай и Заалтайская Гоби были обитаемы на протяжении всего верхнего палеолита и, возможно, даже ранее. Это связано с более благоприятным влажным климатом, существовавшим здесь на протяжении всего верхнего плейстоцена [Paleolakes in ... , 2018; Кулькова, 2000]. Однако многочисленные памятники с экспонированным материалом указывают на активное заселение именно на рубеже плейстоцена – голоцена [Гладышев, Нохрина, Табарев, 2011; Гладышев, Табарев, 2011; Хаценович, 2012].

Таким образом, на основании вышеизложенных фактов можно делать предположение о существовании определенной связи между рассматриваемыми территориями Центральной Азии, однако, несмотря на схожие черты, каждая из них имеет свои характерные особенности, выражающиеся в типах микронуклеусов, орудийном наборе и процентном соотношении микролитов. Уточнить и дополнить имеющиеся данные относительно раннеголоценовых микролитических индустрий на территории Центральной Азии позволят дальнейшие археологические работы в этом регионе.

*Научный руководитель – Е. П. Рыбин
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

- Археологические исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1997–1998 годах / А. П. Деревянко, Д. Олсен, Д. Цэвэндорж, В. Т. Петрин, С. А. Гладышев, А. Н. Зенин, В. П. Мильников, А. И. Кривошапкин, Р. У. Ривс, П. Д. Брантингхэм, Б. Гунчинсүрэн, Я. Цэрэндагва. Новосибирск, 2000. 383 с.
- Гладышев С. А., Нохрина Т. И., Табарев А. В. Шабаракская культура Монголии: современное состояние проблемы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 7: Археология и этнография. С. 129–139.
- Гладышев С. А., Табарев А. В. Китайско-шведская экспедиция Свена Хедина // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 7: Археология и этнография. С. 27–32.
- Голоценовый комплекс стоянки Толбор-15 (Северная Монголия) / С. А. Гладышев, А. В. Табарев, Ц. Болорбат, Д. Олсүрэн // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2009. Т. XV. С. 79–83.
- Деревянко А. П., Гладышев С. А., Нохрина Т. И. Комплекс верхнего культурного горизонта пещеры Чихэн (Монголия, Гобийский Алтай) // Археология и палеоэкология Евразии. Новосибирск, 2004. С. 283–293.
- Кулькова И. А. Палинологическая характеристика отложений пещеры Чихэн // Археологические исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1997–1998 гг. Новосибирск, 2000. Прил. 1. С. 366–370.
- Новое прочтение археологического контекста пещеры Чихэн (Монголия) / А. П. Деревянко, Д. Олсен, Д. Цэвэндорж, С. А. Гладышев, Т. И. Нохрина, А. В. Табарев // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 2 (34). С. 2–12.
- Хаценович А. М. Центральноазиатская экспедиция Роя Чапмана Эндрюса // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: история, филология. 2012. Т. 11. Вып. 5. С. 32–36.
- A late Middle Pleistocene Denisovan mandible from the Tibetan Plateau / F. Chen, F. Welker, C. Shen, S. Bailey, I. Bergmann, S. Davis, H. Xia, H. Wang, R. Fischer, S. Freidline, T. Yu, M. Skinner, S. Stelzer, G. Dong, Q. Fu, G. Dong, J. Wang, D. Zhang, J. Hublin // Nature. 2019. Vol. 569. P. 409–412.
- Brantingham P. J., Olsen J. W., Schaller G. B. Lithic assemblages from the Chang Tang Region, Northern Tibet // Antiquity. 2001. Vol. 75. P. 319–327.
- Late Occupation of the High-Elevation Northern Tibetan Plateau Based on Cosmogenic, Luminescence, and Radiocarbon Ages / P. J. Brantingham, Gao Xing, D. B. Madsen, D. Rhode, C. Perreault, J. van der Woerd, J. W. Olsen // Geoarchaeology. 2013. Vol. 28. P. 413–431.
- Paleolakes in the Gobi region of southern Mongolia / F. Lehmküh, J. Grunert, D. Hülle, O. Batkhishig, G. Stauch // Quaternary Science Reviews. 2018. Vol. 179. P. 1–23.
- The earliest human occupation of the high-altitude Tibetan Plateau 40 thousand to 30 thousand years ago / X. Zhang, B. Ha, S. Wang, Z. Chen, J. Ge, H. Long, W. He, W. Da, X. Nian, M. Yi, X. Zhou, P. Zhang, Y. Jin, O. Bar-Yosef, J. Olsen, X. Gao // Science. American Association for the Advancement of Science. 2018. Vol. 362. P. 1049–1051.

M. E. Zhukov

Early Holocene microblades technologies have long been the subject of study by many researchers, as domestic archaeological science as foreign. The special interest in connection with this problem about regions with extreme (arid) climate conditions, in which the level of development of adaptive strategies of ancient people is most obviously evident. Taking into the vastness of the topics presented, in the context of this article, its separate plot is considered, namely, the Early Holocene microblades technologies in Central Asia. The archaeological site of Chihan-Agui, as the only stratified Mesolithic monument of Mongolia, is taken as the basis.

Keywords: Early Holocene, Mesolithic, Mongolia, blade technology, microblades technology, arid climate, evolution.

Жуков Матвей Евгеньевич

магистрант 1-го года обучения

Новосибирский государственный университет;
лаборант

Институт археологии и этнографии СО РАН

e-mail: matvey1097@mail.ru

Zhukov Matvei Evgenievich

Graduate student 1st year

Novosibirsk State University;
Laboratory Assistant

Institute of Archaeology and Ethnography RAS

e-mail: matvey1097@mail.ru

УДК 903.21 (571.53)

Роговые отжимники позднемезолитического слоя стоянки Остров Лиственичный (Северное Приангарье)*

Д. С. Кошкина

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

*Работа выполнена по гранту Правительства РФ, проект № 075-15-2019-866
«Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»

Отжимная техника в первичном расщеплении и вторичной обработке появляется в начале верхнего палеолита [Гладышев, Табарев, Гунчинсүрэн, 2013], являясь, по сути, технологическим прорывом, кардинально повлиявшим на эффективность каменного производства и эволюцию орудийных форм [Гирия, 1997; Павленок, Павленок, 2014; Baumann, Hinguart, 2016].

Нередко на голоценовых археологических объектах, где отжим абсолютно доминирует, встречаются отжимники – орудия, посредством которых проводилась данная технологическая операция [Жилин, 2012].

Данные орудия были найдены и в позднемезолитическом слое стоянки Остров Лиственичный, являющимся на сегодня опорным раннеголоценовым объектом Северного Приангарья.

Стоянка Остров Лиственичный открыта в 2007 г. Усть-Илимским отрядом археологической экспедиции ИГУ во время рекогносцировочных работ в зоне затопления Богучанского водохранилища. Археологический объект находился на одноимённом острове, вписанном в Като-Ёдарминское расширение долины р. Ангары. На данный момент остров полностью затоплен. В ходе спасательных работ на объекте было выявлено семь уровней стратификации археологического материала. Все отжимники относятся к 5-му слою, датированному примерно 8,5 тыс. л. н. В коллекции 5-го горизонта присутствуют 6 отжимников. Все орудия изготовлены из рогов животных семейства *Cervidae* (рис., 2–7).

Прежде чем приступить к описанию орудий, стоит обозначить термины, используемые в данном исследовании. Понятия «рабочий конец» или «рабочая часть» подразумевают под собой конец орудия, с помощью которого осуществляется отжим и на котором чаще всего присутствуют следы работы, а «аккомодационная сторона», «аккомодационная часть» или «противолежащий конец» – конец орудия, на который приходится усилие руки. Термин «тело отжимника» обозначает остальную часть орудия между двумя концами, а «рабочая поверхность» – поверхность, на которую приходится контакт с площадкой нуклеуса (рис., 1).

Стоит упомянуть, что у большинства отжимников есть некоторые общие признаки, такие как небольшой изгиб или скругленный аккомодационный конец.

Первый отжимник представляет собой цилиндроконический стержень, овальный в сечении. Длина орудия составляет 8,3 см, а диаметр в рабочей части равен 3,2 см, в аккомодационной – 2,5 см. На орудии можно наблюдать следы строгания – продольного на теле отжимника и поперечного на обоих концах, а также шлифовки. Также необходимо отметить сильную сработанность данного орудия. На рабочем конце отжимника имеется углубление, что может свидетельствовать о том, что он мог использоваться как составное орудие.

Второе изделие можно охарактеризовать как цилиндрический стержень, овальный в сечении. Длина орудия – 8,3 см, диаметр в наиболее широкой части – 3,2 см. На теле отжимника в некоторых местах материал срезан вплоть до губчатого вещества. На одной из сторон присутствуют достаточно глубокие и длинные (до 4,7 см) следы, сформированные при сильном нажиме и соскальзывании орудия с площадки при отжиме.

Следующее орудие имеет форму, близкую к конической. Его длина равна 13,3 см. На орудии имеются следы шлифовки, а достаточно большая часть (2,3 см по вертикали) рабочего конца состругана, вероятно, для получения более тонкого отжимника. На другом конце имеется подобная выемка, что позволяет нам сделать предположение, что он мог использоваться ещё и как пазовое орудие.

Три отжимника были найдены в депозитах, из них два были обнаружены в депозите № 1 и один – в депозите № 2 [Роговской, Кузнецов, 2014].

Форма первого отжимника из депозита № 1 представляет собой цилиндроконический стержень. Длина изделия составляет 14 см, диаметр в рабочей части – 3 см, а в аккомодационной – 2,3 см. Поверхность орудия обработана при помощи продольного строгания и последующей шлифовки. Рабочая поверхность плоская, покрытая небольшими выщербинами, а по её контуру фиксируются негативы сколов. Примерно в центре рабочей части присутствует небольшое (примерно 0,5 см) конусообразное углубление. Вероятно, что в данное отверстие вставлялся более тонкий отжимник, и тогда орудие использовалось как составное [Там же].

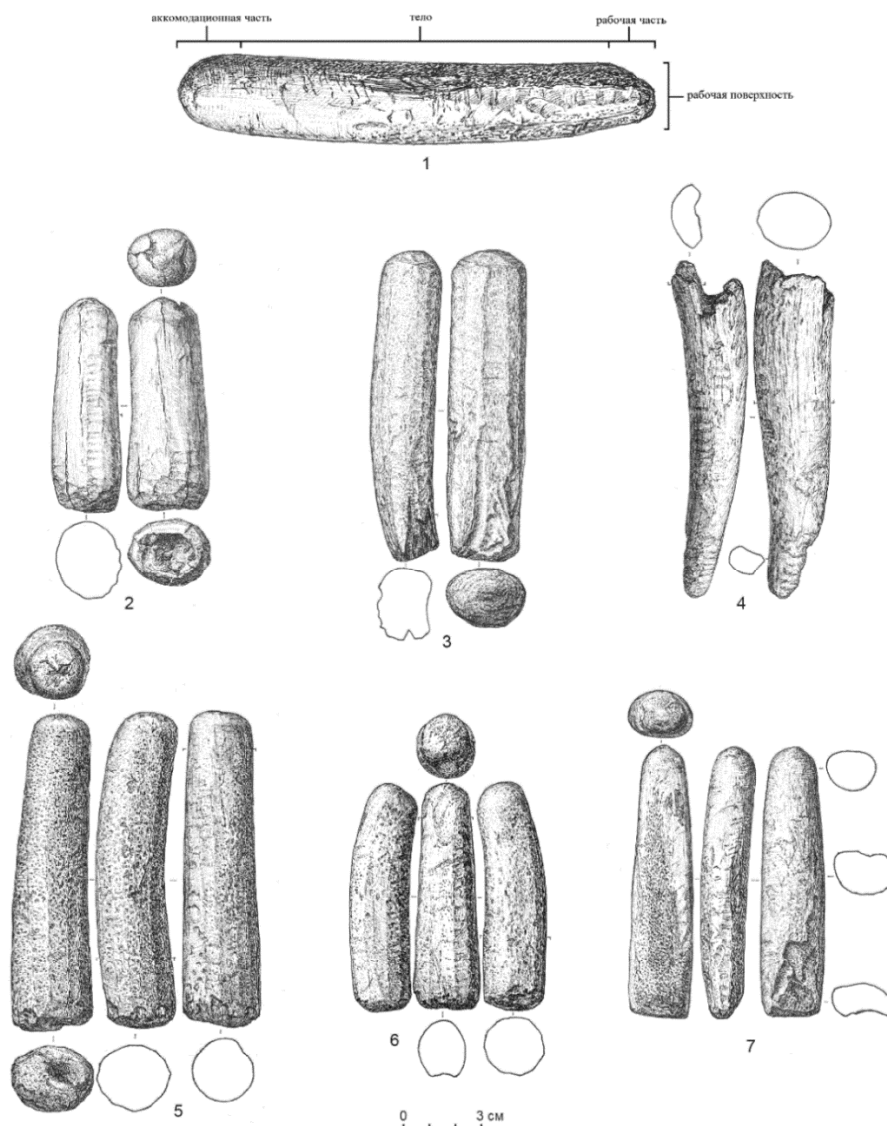

Рис. Роговые отжимники: 1 – основные элементы рогового отжимника; 2–7 – роговые отжимники позднемезолитического слоя стоянки Остров Лиственичный (художник Н. Д. Каспришина, 4–7 – по: [Кузнецов, Роговской, 2014])

Второй отжимник из депозита № 1 имеет примерно такую же форму, что и предыдущий предмет, а также аналогичную обработку. Длина изделия равна 9 см, диаметр в аккомодационной части – 2 см, в рабочей – 2,6 см. Как и в предшествующем случае, на рабочей поверхности имеются негативы мелких сколов и выщербленность.

Отжимник из депозита № 2 является по форме цилиндрическим стержнем, округлого сечения в аккомодационной зоне и подовального ближе к рабочей части. Длина изделия – 10,2 см, диаметр в рабочей части – 2,5 см, в аккомодационной – 1,2 см. Рабочий край имеет клинообразную форму и слегка притуплен. От рабочей поверхности по телу отжимника фиксируются негативы сколов размерами до 3,5 см в длину, а одна из сторон орудия состругана до губчатого вещества.

Помимо этого, имеется массив предметов, демонстрирующий отжимную технику скалывания. В ходе раскопок было обнаружено множество пластин, а также призматических нуклеусов, основной техникой расщепления которых был как раз отжим. Это подтверждается треугольными и трапециевидными сечениями большинства пластинчатых снятий, мелкими или точечными талонами, а также регулярностью фронта и углами сопряжения площадки и фронта нуклеусов близкими к 90 ° [Кузнецов, Роговской, 2018].

Найденные артефакты показывают, что отжим являлся основным техническим приемом в первичном расщеплении при производстве заготовок на стоянке Остров Лиственичный.

*Научный руководитель – Е. О. Роговской
канд. ист. наук, науч. сотр.,
НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет*

Список литературы

- Гиля Е. Ю. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро- и макроанализа. СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1997. Ч. 2. 198 с.
- Гладышев С. А., Табаров А. В., Гунчинсүрэн Б. О времени появления технологических новаций в каменном веке Северной Монголии: микропластинчатое расщепление и керамическая посуда // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 2. С. 82–85.
- Жилин М. Г. Роговые посредники и отжимники в мезолите Волго-Окского междуречья // КСИА. 2012. Вып. 227. С. 223–232.
- Кузнецов А. М., Роговской Е. О. Техноморфологический анализ первичного расщепления в раннеголоценовой индустрии стоянки Остров Лиственичный (Северное Приангарье) // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14 (4). С. 23–41. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2018-4-23-41>
- Роговской Е. О., Кузнецов А. М. Депозиты многослойного местонахождения Остров Лиственичный (Северное Приангарье) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 9. С. 77–102.

Павленок Г. Д., Павленок К. К. Техника отжима в каменном веке: обзор англо- и русскоязычной литературы // Вестник ИГУ. Сер. История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 5. Археология и этнография. С. 26–36.

Baumann M., Hinguart S. The Solutrean bone industry from Rochefort cave (Saint-Pierre-sur-Erve, Mayenne, France) // PALEO. 2016. Vol. 27. P. 43–63. URL: <http://journals.openedition.org/paleo/3232> (дата обращения: 12.12.2019).

Antler Pressure Tools in the Late Mesolithic Layer of the Site Ostrov Listvenichny (Northern Angara Region)

D. S. Koshkina

Pressure flaking was used in primal knapping and secondary treatment since Early Upper Paleolithic. This technique became a technological breakthrough and fundamentally influenced stone fabrication and tools evolution. Often on Holocene archeological sites, where pressure flaking is absolutely dominant, we can find pressure flaking tools – instruments that were used for this technological operation. These tools were also found in the Late Mesolithic layer of the Ostrov Listvenichny site. This article describes and investigates antler pressure flaking tools in the Late Mesolithic layer. In addition, there are many other items that demonstrates using of pressure technique, such as blades and prismatic cores. All these artifacts show that pressure flaking was the major technique in the primary knapping at blanks obtaining on the Ostrov Listvenichny site.

Keywords: pressure flaking tools, Late Mesolithic, Ostrov Listvenichny site.

Кошкина Дарья Сергеевна

студент 3-го курса

Иркутский государственный университет

e-mail: dariakoshkina010@gmail.com

Koshkina Daria Sergeevna

Student 3rd year

Irkutsk State University

e-mail: dariakoshkina010@gmail.com

УДК 902

Общая характеристика погребального обряда в культуре чинчорро (побережье Чили)

Е. А. Еремеева

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Культура чинчорро (Chinchorro) является одной из древнейших на территории Южной Америки. Не практикуя земледелие и гончарство, существуя без металлообработки и предметов ткачества, а также без колесного транспорта, носители данной культуры создали уникальный культ умерших. При этом по сложности проведения обрядов его можно сравнить с погребальными церемониями более поздних цивилизаций.

Цель данной работы и специализации автора в целом – систематизировать результаты исследований ученых с момента открытия культуры до сегодняшних дней, охарактеризовать основные проблемы и перспективы дальнейшего поиска.

География распространения памятников культурной традиции чинчорро ограничена тихоокеанским побережьем современного Чили на западе и одним из самых аридных регионов в мире – пустыней Атакама – на востоке. Носители культуры могли быть охотниками-собирающими, пришедшими из южных территорий современного Перу и осевшими на чилийском побережье Тихого океана. Более достоверных источников на данный момент неизвестно [Wise, 2000, p. 5].

Первые исследования культуры чинчорро начались в XX в. благодаря немецкому археологу Максусу Уле. В 1917 г. были обнаружены 12 погребений с признаками мумификации, памятник был назван Морро-1 [Табарев, 2006, с. 209]. Преимущественно данную культуру изучают зарубежные археологи (Б. Биттман, Х. Мунисага, Б. Ариасса, К. Санторо и др.). В конце XX в. с помощью радиоуглеродного датирования был определен возраст мумий – 7,8 тыс. л. н. Это почти на 2,5 тыс. лет древнее знаменитых египетских мумий.

На данный момент к культуре чинчорро относится более двадцати памятников, локализованных на побережье Чили.

Окружающая среда, в которой протекала жизнь чинчорро, имеет несколько специфических черт: богатая морская фауна, разнообразный рельеф тихоокеанского побережья (скальные образования, песчаные пляжи, речные долины) на севере Чили и юге Перу. Разнообразие прибрежных ресурсов способствовало формированию особого полуседлого образа жизни. Развитые каменная и костяная индустрии (рыболовные крючки, гарпуны, плетеные сумки

и т. д.), значительное количество разнообразных жилищных конструкций на стоянках (округлые, диаметром от 1 до 5 м жилища, преимущественно сооруженные из деревянных опор с соломенными сводами) – все это говорит о том, что культура адаптировалась к приморским ресурсам [Wise, 2000, p. 18].

Исследования данной культурной традиции основываются на разнообразном археологическом материале, большом количестве памятников с довольно ранней датировкой и уникальными погребальными практиками.

По совокупности результатов исследования данной культурной традиции можно сделать вывод, что ее главной особенностью являются не орудия труда, не технологии и промыслы, а именно ритуалы. У представителей культуры охотников-собирающих-рыболовов, живших на редком контрастном природном фоне – между океаном и пустыней – формируется сложнейший погребальный ритуал, которого не было ни у одной культуры охотников-собирающих-рыболовов в мире. Особенность самого ритуала также необычна, поскольку связана не с конструкцией захоронения или инвентарем, а с манипуляциями с телами умерших.

Интерес к древним культурам и историческому развитию человечества не определяется географической локацией, эти темы интересны ученым как в Сибири, так и в любой точке земного шара. Примечательно то, что акцентом захоронений, найденных в Сибири или в Горном Алтае, наоборот, является конструкция могильников, одежда, инвентарь, различные украшения и оружия, предметы быта, которые могли бы понадобиться умершему в ином мире. Тем не менее столь сложные манипуляции над телами не производились.

В научной литературе существует два варианта периодизации культуры чинчорро. Одна из них принадлежит Б. Ариасса, который предполагает, что развитие культуры происходило в рамках пяти «фаз». Вторая имеет другой определяющий фактор, а именно основные традиции погребений [Табарев, 2006, с. 216].

Периодизация по Б. Ариасса:

1. «Основатели чинчорро» (8,9–7,4 тыс. л. н.).
2. Начальная фаза (7,4–6,7 тыс. л. н.).
3. Классическая фаза (6,7–4,8 тыс. л. н.).

4. Переходная фаза (4,8–3,7 тыс. л. н.).

5. Поздняя фаза (3,7–2,7 тыс. л. н.).

Периодизация по М. Ривера:

1. Чинчорро I – 6,6–6 тыс. л. н..

2. Чинчорро II – 6–4 тыс. л. н..

3. Чинчорро III – 4–2,5 тыс. л. н.

Изученные мумии со стоянок Морро-1, Киани, Камаронес-14, Ача-2 и других можно разделить по различным способам мумификации. Среди найденных мумий М. Уле выделил три основные технологии мумификации:

– простая, т. е. естественная мумификация тела в сухих условиях пустыни;

– комплексная, включающая в себя подготовку тела умершего к погребальному обряду;

– с применением глины различного состава [Atriaza, 1995, p. 103–111].

Искусственная мумификация в культуре чинчорро представлена несколькими технологиями: черные мумии (black mummies), красные мумии (red mummies), забинтованные мумии (bandage mummies), мумии-статуэтки (statuette mummies) [Там же, p. 95].

Радиоуглеродное датирование помогло установить, что среди всех погребальных ритуалов чинчорро черные мумии являются самыми старыми (от 9 до 6,8 тыс. л. н.) [Atriaza, 1995, p. 95]. Трупы лишали кожного покрова, извлекали из них внутренние органы, удаляли мозг, после чего все полости заполнялись мехом или травой. Скелет заново собирали, укрепляя суставы палками, привязанными растительными волокнами. Все тело умершего покрывали толстым слоем глины, условно моделировали лицо и покрывали черной пастой [Santoro, Standen, 2012, p. 639].

Красные мумии датируются более поздними периодами, около 4–8 тыс. л. н., но при этом данный вид не заменил черные варианты мумификации. Этапы подготовки красных мумий имели другие специфические черты. Каменными ножами наносилось несколько надрезов в области лодыжек, плеч, паха, через которые удалялась мышечная ткань, после чего места разрезов прижигали. Череп заполнялся перьями морских птиц (пеликанов, чаек). Эти мумии не претерпевали процедуру полного расчленения, но часто голова отделялась от тела.

Забинтованные мумии – наименее распространенный вид мумификации, появившийся позже других около 3–4 тыс. л. н. Материалы, которыми перебинтовывали мумию, различны: применялись полоски кожи, как животных, так и людей. Собственную кожу перед этим удаляли и укрепляли суставы палками. Это была определенная комбинация с черной или красной мумией. Традиционно мумий заво-

рачивали в плетеные циновки, но на нескольких стоянках были обнаружены и такие варианты погребения [Atriaza, Standen, Santoro, 2008, p. 53].

Несмотря на разнообразие и сложность технологий мумификации, погребальные конструкции, которые были найдены, максимально просты (грунтовые могилы глубиной 0,5–1 м), труположение для всех погребенных одинаковое (вытянутое на спине), а сопровождающий инвентарь скромнен (рыболовные орудия, отдельные украшения из раковин) [Табарев, Гаврилина, 2017, с. 148]. При попытке сопоставить способы мумификаций и время, затраченное на погребальный обряд, с социальным положением населения можно попытаться сделать вывод о том, в какие периоды культура находилась в расцвете, а когда претерпевала кризис. Чем больше времени уходило на проведение полного погребального обряда, чем сложнее была технология, тем благоприятнее на тот момент были условия жизни. У людей возникала возможность уделять меньше времени хозяйству, промыслам и посвящать его обрядам мумифицирования.

Научную значимость комплекса культуры чинчорро трудно переоценить. Несмотря на то что раскопки памятников, относящихся к этой культурной традиции, ведутся уже на протяжении века, археологи не исследовали и половины существующего материала. Однако то, что уже изучено, представляет собой богатую коллекцию, опираясь на которую, можно детально рассмотреть отдельные сферы жизни людей прошлого. Культура чинчорро с богатыми погребальными традициями позволяет подробно изучить представления людей прошлого о смерти и отношении к покойным (культ предков).

*Научный руководитель – А. В. Табарев
д-р ист. наук, ведуц. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

- Табарев А. В. Введение в археологию Южной Америки. Анды и тихоокеанское побережье. Новосибирск, 2006. 243 с.
- Табарев А. В., Гаврилина Т. А. Истоки погребальных традиций древних культур тихоокеанского побережья Южной Америки. Новосибирск, 2017. С. 141–153.
- Atriaza B. T. Beyond death: the Chinchorro mummies of ancient Chile. Smithsonian Institution, 1995. 176 p.
- Atriaza B. T., Standen V. G., Santoro C. M. Chinchorro Culture: Pioneers of the Coast of the Atacama Desert. Springer Science, 2008. P. 46–58.
- Santoro C. M., Standen V. G. Rise and Decline of Chinchorro // Revista de Antropología Chilena. 2012. P. 637–653.
- Wise K. Making Sense of Mortuary Practices? Natural History Museum of Los Angeles country, 2000. 32 p.

General Characteristics of the Burial Ritual in Chinchorro Culture (Chile Coast)

E. A. Ereemeeva

The Chinchorro were the earliest Preceramic culture of fisher-hunter-gatherer people inhabiting the territory of Northern Chile within the borders of the Atacama Desert on the Pacific coast. They are named after a beach in Arica, which yielded hundreds of mummies in the early 1900^s with the discoveries of Max Uhle. Early studies focused on chronology, but we are now focusing on evolutionary mortuary practices and traditions, the development of mummification technologies, pathologies and the everyday life of Chinchorro.

Keywords: South America, Chinchorro culture, mummies, mortuary practices, coast of Chile, natural and artificial mummification.

Еремева Екатерина Андреевна

студент 2-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: e.ereemeeva@g.nsu.ru

Ereemeeva Ekaterina Andreevna

Student 2nd year

Novosibirsk State University

e-mail: e.ereemeeva@g.nsu.ru

Результаты анализа сопроводительного инвентаря раннеолитических захоронений в устье р. Китой (Южное Приангарье)*

К. А. Крутикова

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

*Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2019-866 «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»

В устье р. Китой (70 км от г. Иркутска ниже по течению р. Ангары) известно 31 китойское погребение эпохи раннего неолита (~7000–7500 кал. л. н.). Двадцать три из них относятся к Китойскому могильнику, открытому в 1880 г. Н. И. Витковским [1887, с. 264]. Остальные 8 комплексов обнаружены приблизительно в 2 км выше по течению р. Ангары от Китойского могильника в местности Ярки [Хороших, 1979, с. 83; Окладников, 1974, с. 49]. Целью настоящего исследования является анализ и интерпретация сопроводительного инвентаря указанных захоронений.

В коллекции артефактов, которая включает практически 900 ед., можно условно выделить следующие группы: предметы искусства (в том числе украшения) и находки, связанные с промыслами – охотой, рыболовством, производством каменных орудий и пр. Предметы искусства встречены в 13 погребениях. Изделия, связанные с рыболовством – в 19 комплексах, обработкой и производством каменных орудий – в 17, деревообработкой – в 13, охотничьим промыслом – в 12, скорнячеством – в 7. Полностью идентичных наборов предметов не зафиксировано, тем не менее в некоторых случаях есть совпадения по нескольким выделенным группам. При сопоставлении категорий коллекций строгих корреляционных связей не обнаружено. Некоторые пары предметов зафиксированы в 25 % захоронений. Также выявлено, что наличие одной категории инвентаря в могиле не исключает присутствие другой.

По количеству умерших погребальные комплексы делятся на одиночные (29 могил) и парные (2 могилы). Пол и возраст определен только в нескольких случаях – в одной из парных могил, по мнению Н. И. Витковского, погребены мужчина и женщина; среди одиночных захоронений обнаружены 3 мужских костюма, 1 женский и 3 детских [Хороших, 1979, с. 84–85; Окладников, 1974, с. 50–60]. Половозрастная характеристика для остальных комплексов пока не установлена, вследствие чего сложно судить о различиях наборов сопроводительного инвентаря в могилах людей разного пола и возраста. В трех погребениях детей, вероятно, младенческого возраста, а также в двух захоронениях взрослых индивидов находки отсутствуют [Окладников, 1974, с. 50–60]. В остальных случаях число артефактов варьирует от одного до сотни предметов. Номенклатурный набор состоит из 30 категорий.

Среди раннеолитических комплексов устья р. Китой выделяется ряд погребений с многочисленным сопроводительным инвентарем и уникальными предметами. В первую очередь неординарное захоронение мужчины, похороненного в сидячем положении из раскопок П. П. Хороших [1979, с. 84–85]. Помимо каменных и костяных орудий, коллекция включала ложку из кости, 5 скульптурных изображений птиц и лося, подвески из зубов марала. Второе погребение женщины, которое обнаружил П. П. Хороших, также можно отнести к неординарным. Коллекция предметов, обнаруженных в могиле, насчитывает более 40 ед. Среди них были отмечены две пронизки из белого нефрита, костяная ложка и украшение из клыка кабана [Там же, с. 84]. Еще пять погребальных комплексов (погр. № 3, 6, 16 и 19 из раскопок Н. И. Витковского и № 6 из раскопок Г. А. Максименкова) выделяются количеством изделий и разнообразием категорий в наборе [Окладников, 1974, с. 51–61]. Погребение № 6 также отличается необычным положением умершего в могиле – лицом вниз, на животе.

Сравнительный анализ групп инвентаря раннеолитических захоронений в устье р. Китой показывает, что наборы предметов не стандартизированы и определенные категории преобладают количественно. Схожая ситуация была выявлена и для китойских комплексов в устье р. Белой [Крутикова, 2018]. Это подтверждает вывод В. И. Базалийского [2012, с. 67] об отсутствии регламентации в снабжении вещами умерших. Вероятно, умершие при жизни участвовали в ограниченном количестве промыслов, среди которых один мог быть основным.

Среди могил в устье р. Китой достаточно явно отделяется группа погребений с совершенно небольшим количеством предметов в могиле (менее 20 ед.), которая представляет большую часть комплексов. Подобная тенденция отмечена и для китойского могильника Галашиха в устье р. Белой [Крутикова, 2018, с. 81]. Погребальный инвентарь указанных захоронений определяет не только число находок, но и достаточно узкий набор категорий (не более 9, в том числе отходы каменного производства и фрагменты костей животных) и отсутствие уникальных предметов. Количество находок в остальных могилах превышает 40 ед. и достигает 100 ед. В данных погребениях отмечается большее разнообразие в наборах и присутствие предметов искусства. Особое внимание привлекают пронизки из белого нефрита из комплекса, обнаруженного П. П. Хороших. На настоящий момент аналогичный предмет зафиксирован только в погребении № 1 (1999 г.), обнаруженном Н. Е. Бердниковой на могильнике Шумилиха [Бердникова, Ветров, 2000, с. 48].

Интересным сюжетом могут стать отличия захоронений в местности Ярки и Китойского могильника, однако на настоящий момент подобный анализ затруднен из-за малого числа открытых могил в Ярках, половина из которых – безынвентарные. Тем не менее необходимо отметить, что среди шести комплексов в местности Ярки два выделяются положением умерших в могилах (сидячее и вытянутое на животе лицом вниз) и еще в трех, вероятно, использовалась практика вторичного захоронения.

По результатам анализа охарактеризованных выше материалов можно сделать следующие выводы.

Наборы сопроводительного инвентаря захоронений в устье р. Китой не стандартизованы, а представлены сочетаниями категорий предметов, среди которых, как правило, одна преобладает количественно.

Среди могил достаточно четко выделяются комплексы с разнообразным и многочисленным сопроводительным инвентарем, в состав которого входят уникальные или редкие предметы. Также зафиксирована группа погребений с малым числом вещей в могилах.

Наличие могил, отличающихся не только по количеству предметов, но и по функциям этих наборов, может свидетельствовать о довольно развитой социальной структуре в среде раннеолитического населения и существовании зачаточных форм иерархии, обусловленной профессиональной деятельностью.

Результаты, полученные во время исследования погребений в устье р. Китой, схожи с результатами, полученными при аналогичном анализе инвентаря раннеолитических захоронений в устье р. Белой.

*Научный руководитель – И. М. Бердникова
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,
НИИ «Байкальский регион»
Иркутский государственный университет*

Список литературы

Базалийский В. И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Изв. Лаборатории древних технологий. 2012. Вып. 9. С. 43–101.

Бердникова Н. Е., Ветров В. М. Новый раннеолитический могильник в устье р. Белой (Байкальская Сибирь) // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Улан-Удэ, 2000. Т. 1. С. 44–50.

Витковский Н. И. Отчет о раскопке могилы каменного периода в Иркутской губернии в 1881 году // Труды V Археологического съезда в Тифлисе в 1881 г. М., 1887. С. 264–277.

Крутикова К. А. Погребальный инвентарь китойских захоронений в устье реки Белой (Южное Приангарье): анализ и интерпретация // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты: материалы LVIII Рос. (с междунар. участием) археол.-этногр. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (Омск, 25–27 апреля 2018 г.). Омск, 2018. С. 80–82.

Окладников А. П. Неолитические памятники Ангары: (от Шукино до Бурети). Новосибирск: Наука, 1974. 319 с.

Хороших П. П. Неолитические погребения на р. Ангаре в местности Ярки // Изв. СО АН СССР. Сер. общест. наук. 1979. № 6. Вып. 2. С. 83–88.

Results of Analysis of the Grave Goods of Early Neolithic Burials at the Kitoi River Mouth (Southern Angara Region)

K. A. Krutikova

We present the results of a comparative analysis of the grave goods of Early Neolithic burials at the mouth of the Kitoi river. The collection of grave goods was divided into several groups. Each group is connected with particular fishery. During the analysis, strict connections were not found between the categories of finds. Sets of grave goods are not standardized and some categories prevail. The deceased were likely to work in a limited count of fisheries during their lifetime, among which one was the main fishery. The groups of graves with numerous and small quantity of grave goods stand out quite clearly. Burials with a large number of finds differ not only in this characteristic, but also in the variety of categories and the uniqueness of things. Presence of graves, differing in the number of finds and the functions of the sets of grave goods, may indicate rather developed social structure and rudimentary hierarchy in the Neolithic hunter-gatherer's population, which likely was based on professional activity.

Keywords: Neolithic, Kitoi mortuary tradition, burials, grave goods, Southern Angara region.

Крутикова Ксения Александровна

магистрант 2-го года обучения, стажер-исследователь,
НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет
e-mail: kseniya_krutikova@mail.ru

Krutikova Kseniya Aleksandrovna

Graduate student 2nd year, Trainee Researcher,
Scientific Research Center "Baikal Region"
Irkutsk State University
e-mail: kseniya_krutikova@mail.ru

УДК 903.5'63(571.53)"634"

Опыт разработки базы данных по погребальным комплексам среднего неолита Байкало-Енисейской Сибири*

К. А. Крутикова, С. П. Дударёк

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Иркутской области в рамках научного проекта № 20-49-380002 «Недостающее звено: проблема идентификации погребений среднего неолита на территории Байкало-Енисейской Сибири»

В археологической проблематике Байкало-Енисейской Сибири особый интерес вызывает проблема хиатуса – перерыва в погребальных традициях в период среднего неолита. Впервые хронологический разрыв был зафиксирован в 1980-х гг. в результате радиоуглеродного датирования погребальных комплексов Прибайкалья [Мамонова, Сулержицкий, 1986, 1989]. Позже эта проблема привлекла внимание ученых Байкальского археологического проекта. Первая предложенная концепция объясняла перерыв как реальный биокультурный феномен, обусловленный социальными и адаптационными проблемами раннеолитического населения, а также климатическими изменениями регионального масштаба [Weber, Link, Katzenberg, 2002]. Концепция хиатуса как биокультурного феномена подверглась критике. По итогам сбора и анализа новых материалов, а также массового радиоуглеродного датирования методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS) была скорректирована хронологическая модель и предложена новая концепция хиатуса, который объяснялся перерывом в погребальных традициях, связанным со сменой погребальной практики в период среднего неолита [Prehistoric Hunter-Gatherers ... , 2010].

Несмотря на данные, полученные в результате Байкальского археологического проекта, проблема хиатуса остается актуальной, поскольку погребения среднего неолита на территории Байкало-Енисейской Сибири до сих пор не идентифицированы. Для решения указанной проблемы необходимо расширение археологической выборки погребений за счет обращения к уже известным, но не датированным комплексам, и привлечения материалов других территорий Байкало-Енисейской Сибири. Эти све-

дения введены в научный оборот лишь частично и не упорядочены. Целью настоящей статьи является презентация базы данных (БД), созданной в рамках проекта РФФИ «Недостающее звено: проблема идентификации погребений среднего неолита на территории Байкало-Енисейской Сибири». В базе собраны сведения о погребениях региона, которые не имеют четкого культурно-хронологического определения. При составлении БД выполнялись следующие задачи: 1) сбор, обобщение и систематизация информации о погребальных комплексах Байкало-Енисейской Сибири; 2) разработка структуры БД, удобной для дальнейшего анализа; 3) наполнение БД.

На настоящий момент БД содержит данные о 108 погребениях. Структура поделена на три части по территориальному принципу – Южное Приангарье (28 комплексов), Северное Приангарье (52 комплекса), Канско-Енисейский регион (27 комплексов).

Головная строка БД состоит из 22 столбцов, информация из которых поделена на два крупных блока. Первый содержит основные сведения об археологическом объекте и может быть разделен на два субблока. В субблоке № 1 заключена общая информация – название объекта, автор и год раскопок, порядковый номер могилы и количество погребенных в ней, а также сведения о публикациях, радиоуглеродном датировании и месте хранения материалов. Субблок № 2 представлен тремя разделами – GPS-координаты, краткая географическая и геоморфологическая характеристика. Выделение субблока № 2 продиктовано необходимостью составления географической карты могильников, а также проведения пространственного анализа распространения объектов, определения закономер-

ностей локализации комплексов, что позволит уточнить методику их поиска в будущем. По мере необходимости база данных может быть дополнена новыми информационными столбцами.

Второй блок БД содержит основные элементы погребального обряда – наличие надмогильного и внутримогильного сооружения, ориентировка погребенного головой по сторонам света и относительно реки, положение умершего в могиле, кремация и наличие следов огня или «охры» в могиле, анатомическая целостность скелета. Таким образом, второй блок дает характеристику захоронений и общее представление об их погребальном обряде. Анализ основных характеристик позволит выделить группу признаков, не свойственных для погребений раннего и позднего неолита, и определить с максимальной долей вероятности комплексы среднеолитических погребений.

Сопроводительный инвентарь выделен отдельным столбцом и отмечается при наличии. Базу данных сопровождает таблица, в которой представлены все категории погребального инвентаря. В дальнейшем это позволит анализировать сопроводительный инвентарь среднеолитических захоронений при помощи типологических и статистических методов.

Подводя итог, можно отметить, что в рамках нашего проекта предоставляется реальная возможность по-новому взглянуть как на проблему хиатуса, так и в целом на хронологию и периодизацию неолитических погребений Бай-

кало-Енисейской Сибири. Логичным шагом на пути достижения поставленной цели явилось создание БД, как основного инструмента на первоначальном этапе исследования. При создании базы данных были учтены не только наиболее важные характеристики погребальных комплексов, но и географические, геоморфологические особенности местонахождений. На следующем этапе выполнения проекта планируется радиоуглеродное датирование доступных материалов.

*Научный руководитель – И. М. Бердников
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,
НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет*

Список литературы

Мамонова Н. Н., Сулержицкий Л. Д. Возраст некоторых неолитических и энеолитических погребений Прибайкалья по радиоуглеродным данным // Археологические и этнографические исследования Восточной Сибири (итоги и перспективы). Иркутск, 1986. С. 15–20.

Мамонова Н. Н., Сулержицкий Л. Д. Опыт датирования по ¹⁴C погребений Прибайкалья эпохи голоцена // СА. 1989. № 1. С. 19–32.

Prehistoric Hunter-Gatherers of the Baikal Region, Siberia. Bioarchaeological Studies of Past Life Ways / (ed.) A. W. Weber, M. A. Katzenberg, Th. G. Schurr. Philadelphia: University of Pennsylvania, Museum of Archaeology and Anthropology, 2010. 320 p.

Weber A. W., Link D. W., Katzenberg M. A. Hunter-gatherer culture change and continuity in the middle Holocene of the Cis-Baikal, Siberia // Journal of Anthropological Archaeology. 2002. Vol. 21. P. 230–299.

Experience in Developing a Database of the Middle Neolithic Burial Complexes of Baikal-Yenisei Siberia

K. A. Krutikova, S. P. Dudaryok

Nowadays, the problem of hiatus (the break in the mortuary traditions of the Neolithic population of the Cis-Baikal region) is the one of the relevantest issue. It is necessary to use materials from the adjacent territories of Baikal-Yenisei Siberia and materials of already known, but not identified burials, to solve this problem. The database of such burials was created to perform this task. The article presents the structure of this database. The base is divided into parts according to the territorial principle. In addition, database consists of two main blocks. Each block is also divided into several sections. Information from these blocks will make possible a compiling an archaeological map of the objects, to reveal the particular features of the location of the cemeteries, to mark the signs of the burial rite, which are unusual for the burials of the Early and Late Neolithic of Baikal-Yenisei Siberia. All the obtained information will allow us to differ group of Middle Neolithic burials.

Keywords: Baikal-Yenisei Siberia, Middle Neolithic, burials, database, mortuary tradition.

Крутикова Ксения Александровна

магистрант 2-го года обучения, стажер-исследователь,
НИЦ «Байкальский регион»
Иркутский государственный университет
e-mail: kseniya_krutikova@mail.ru

Krutikova Kseniya Aleksandrovna

Graduate student 2nd year, Trainee Researcher,
Scientific Research Center “Baikal Region”
Irkutsk State University
e-mail: kseniya_krutikova@mail.ru

Дударёк Сергей Павлович

инженер-исследователь,
НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет
e-mail: dudareks@mail.ru

Dudaryok Sergei Pavlovich

Research engineer,
Scientific Research Center “Baikal Region”
Irkutsk State University
e-mail: dudareks@mail.ru

УДК 903.01(571.53)"6343"

Анализ каменного инвентаря раннеолитических комплексов поселения Бугульдейка I (озеро Байкал)*

В. Д. Булавко

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

*Работа выполнена по гранту Правительства РФ, проект № 075-15-2019-866
«Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»

В последние годы изучению комплексов раннего неолита оз. Байкал уделяется особое внимание. Исследования направлены в первую очередь на анализ керамических материалов, так как керамика является индикатором неолитического времени [Горюнова, Соколова, Новиков, 2017; Новиков, Булавко, Горюнова, 2018]. Однако изучение каменного инвентаря не менее важно, так как это позволяет проводить более обширные аналогии при датировании комплексов.

Цель предлагаемой работы – провести анализ каменных изделий неолитических комплексов VIII и VII слоев многослойного поселения Бугульдейка I и определить их датировку.

Объект расположен на западном побережье оз. Байкал, в бухте Ива, в 2,6 км к западу от пос. Бугульдейка (Ольхонский район Иркутской области). Многослойное местонахождение открыто в 1987 г. отрядом Иркутского государственного университета (Н. А. Савельев, В. М. Ветров,

Н. Е. Бердникова). Раскопки проведены в 2016 г. отрядом археологической экспедиции НИЦ «Байкальский регион» ИГУ (А. А. Тимошенко, Е. Н. Бочарова). Всего выделено 8 культурных слоев, два нижних из которых (VIII и VII) отнесены к раннему неолиту [Тимошенко, Бочарова, 2016]. Керамический материал этих слоев исследован и введен в научный оборот [Горюнова, Соколова, Новиков, 2017]. Каменный инвентарь анализируется впервые.

Коллекция каменных изделий VIII культурного слоя насчитывает 81 предмет. Из них преобладают продукты первичного расщепления, представленные одноплощадочным призматическим микронуклеусом; заготовками и обломками нуклеусов (5); отщепами (18); пластинчатыми сколами (15); призматическими пластинами (27, из них 6 микропластин) и битым кремнем (2).

Орудия из камня составляют 13 предметов. Преобладают вкладыши на призматических пластинах (8). Из них с вентральной ретушью: стелющейся (2), с однокраевой (1), с локальной (1). Зафиксировано 3 призматические пластины с двусторонней ретушью: с однокраевой (2) и двукраевой (1). В единичном экземпляре обнаружена призматическая пластина с однокраевой дорсальной ретушью. В качестве вкладышей могли использоваться и призматические пластины без обработки. В слое найдены 2 обломка острий от наконечников стрел; их обработка бифасиальная. Среди орудий выделяются каменные топоры с «ушками» (2). Обушки орудий пристроенные; «ушки» расположены перпендикулярно к основной оси изделия на расстоянии 3,5 см (у одного) и 5 см (у другого) от обушка; лезвия слегка выпуклые. Орудия изготовлены техникой шлифовки по фасонажу. В числе каменного инвентаря отмечен отбойник из гальки.

Каменные изделия VII слоя насчитывает 83 предмета. Преобладают продукты первичного расщепления: отщепы (21, из них 13 микроотщепов) пластинчатые (20), первичные (2) и краевые сколы, призматические пластины (22, из них 4 микропластины). В слое найдена заготовка одноплощадочного призматического нуклеуса. Орудия из камня составляют 16 предметов; из них 6 изготовлены на призматических пластинах. В их числе вкладыши с краевой ретушью (4), концевой скребок, обломок проколки с двукраевой дорсальной ретушью. Преобладают вкладыши с вентральной ретушью: с однокраевой (2) и с двукраевой (1); один вкладыш – с однокраевой дорсальной ретушью.

Комплекс орудийного набора дополняют сверло, изготовленное на пластинчатом сколе; наконечники стрел (1 целый; 1 обломок) листовидной формы, с вогнутой базой и симметричными шипами; округлый скребок на отщепе и заготовка топора с «ушками». Топор с пристроенным обушком, перпендикулярно расположенными «ушками» и округлым, скошенным лезвием. Для заготовки использован массивный скол с галечной коркой; обработка изделия – краевая обивка. В слое зафиксировано 2 стерженька составных рыболовных крючков из сланца. Один из них прямой с выпуклой спинкой, луновидными выступами в основании и фронтальным креплением острия (китайский тип). Второй стерженек прямой, с насечками в верхнем пристроенном конце и боковым креплением острия (байкальский тип). В числе каменного инвентаря отмечены отбойник из гальки, ретушер с полярным расположением рабочих концов и абразив.

Для комплексов VIII и VII слоев характерна техника призматического скалывания, преобладание орудий, изготовленных на призматических пластинах, наличие вкладышей с краевой обработкой, топоров с «ушками» и наконечников стрел с бифасиальной обработкой. Каменные

топоры с «ушками» находят аналогии в комплексе ранне-неолитических погребений могильника Хоторук II, калиброванный радиоуглеродный возраст которых в пределах 7749–7163 кал. л. н. [Результаты изучения ... , 2018, с. 64–65].

Комплекс VIII слоя Бугульдейки I по набору каменного инвентаря и типологии керамических сосудов (преобладание шнуровой керамики хайтинского типа и наличие сосудов с оттисками сетки-плетенки) наиболее сопоставим с VI слоем стоянки Саган-Заба II, радиоуглеродный калиброванный возраст которого в пределах 8160–7880 кал. л. н. [Горюнова, Соколова, Новиков, 2017; Ранний неолит ... , 2012]. Для VIII слоя Бугульдейка I получена радиоуглеродная AMS-дата – 7750–7660 кал. л. н.

Каменный инвентарь VII слоя Бугульдейки I по набору и типологии орудий более разнообразен. Наряду с изделиями, характерными для VIII слоя этой стоянки, в комплексе встречаются наконечники стрел с вогнутой базой и симметричными шипами, а также стерженьки составных рыболовных крючков китайского и байкальского (прямые, с насечками в верхнем пристроенном конце) типов. Каменный инвентарь и керамика VII слоя наиболее сопоставимы со II слоем стоянки Шракшур III и V нижним слоем Саган-Забы II [Горюнова, Новиков, Вебер, 2014; Горюнова, Соколова, Новиков, 2017; Новиков, Булавко, Горюнова, 2018]. Их сближают типологические формы стерженьков составных рыболовных крючков и наконечников стрел, преобладание керамики с оттисками сетки-плетенки, наличие сосудов с негативами шнура. Для II слоя стоянки Шракшур III получена радиоуглеродная AMS-дата в пределах 7420–7290 кал. л. н.

В целом исследованные комплексы каменного инвентаря VIII и VII слоев стоянки Бугульдейка I отражают два хронологических периода раннего неолита Прибайкалья, что подтверждается аналогиями и полученными радиоуглеродными датами. Материалы VIII слоя датируются в пределах 7750–7660 кал. л. н., а VII слоя в пределах 7420–7290 кал. л. н.

*Научный руководитель – А. Г. Новиков
канд. ист. наук, науч. сотр.,
НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет*

Список литературы

- Горюнова О. И., Новиков А. Г., Вебер А. Ранне-неолитический комплекс V нижнего культурного слоя поселения Саган-Заба II на Байкале: планиграфия и датировка // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 8. С. 45–62.
- Горюнова О. И., Соколова Н. Б., Новиков А. Г. Сравнительный анализ ранне-неолитической керамики с поселений побережья озера Байкал // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Чанчунь, 2017. С. 98–101.
- Новиков А. Г., Булавко В. Д., Горюнова О. И. Неолитическая керамика многослойного поселения Шракшур III на побережье озера Байкал: Морфологический анализ и вопросы датировки // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 26. С. 86–98.
- Ранний неолит Приольхонья: по материалам VI культурных слоев геоархеологического объекта Саган-Заба II / О. И. Горюнова, В. А. Долганов, А. Г. Новиков, А. Вебер // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2012. Вып. 1. С. 86–93.
- Результаты изучения и датирования погребальных комплексов раннего неолита Приольхонья (оз. Байкал) / О. И. Горюнова, А. Г. Новиков, Г. В. Туркин, А. В. Вебер // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 23. С. 44–70.
- Тимошенко А. А., Бочарова Е. Н. Предварительные результаты изучения многослойного археологического объекта Бугульдейка I на юго-западном побережье оз. Байкал в 2016 году // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2016. Вып. 5. С. 180–187.

Analysis of the Stone Inventory of Early Neolithic Complexes on the Settlement Buguldeika 1 (Lake Baikal)

V. D. Bulavko

In the article presented the results of the analysis of stone inventory the VIII and VII layers of multilayered settlement Buguldeika 1, that located on the western coast of Lake Baikal. The complexes are characterized by the predominance of prismatic chipping techniques and the production of tools on pris-

matic plates. The most interesting are axes with "ears", arrowheads with bifacial processing and rods of composite fishing hooks. Based on the typological analysis of inventory and analogies with reference objects of the region (and above all, with the materials of Sagan-Zaba 2), the studied complexes belong to the early Neolithic period. For the VIII layer of Buguldeika 1, a radiocarbon date was obtained in the range of 7750–7660 cal. BP, the complex of the VII layer of Buguldeika 1 is most comparable to the II layer of Shrakshura 3 and the V lower layer of Sagan-Zaba 2. For the first of them, a radiocarbon date was obtained within the range of 7420–7290 cal. BP.

Keywords: Lake Baikal, Early Neolithic, multilayered settlement, stone inventory, typological analysis, radiocarbon dating.

Булавко Виктория Дмитриевна

студент 3-го курса

Иркутский государственный университет

e-mail: vikabulavko123@gmail.com

Bulavko Viktoriya Dmitrievna

Student 3rd year

Irkutsk State University

e-mail: vikabulavko123@gmail.com

УДК 902.64(470.5)

Типологический и трасологический анализ скребков Липчинского поселения (по материалам раскопок 1995–1996 гг.)

М. В. Храмцов

Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Липчинское поселение – один из важнейших памятников липчинской культуры, расположенный в Слободо-Турунском районе Свердловской области, на правом берегу р. Туры при впадении в нее р. Липки. В ходе проведения полевых работ была получена значительная коллекция археологического материала, среди которого выделяется около 3300 предметов из камня. Площадь раскопок составляла 75 м² в 1995 г. [Чаиркина, 1996, с. 5] и 68 м² в 1996 г. [Чаиркина, 1997, с. 6].

Задачей данной статьи является анализ и составление типологии скребковых изделий. Трасологические выводы в данном случае играют вспомогательную роль и помогают определить не столько функциональное назначение орудия, сколько подтвердить его принадлежность к типу. Данная проблема является актуальной, так как для Среднего Зауралья не существует единой типологии скребков. Интерпретационные возможности данной категории орудий не раскрывались полностью, поэтому нужно создать типологическую схему хотя бы на материалах одного памятника. Она могла бы стать базой для сравнения с последующими наработками в данном направлении.

Под скребком в данной статье мы подразумеваем орудие, которое использовалось в скребковых операциях и имеет соответствующую морфологию. Таким образом, учитывается и функциональный, и морфологический аспект, но первый является более важным.

Всего морфологически был выделен 31 скребок, из которых 17 сделаны на пластинах (54,8 %), а 14 – на отщепках различной формы и степени модификации (45,2 %). В результате трасологического анализа с использованием бинокулярного микроскопа МБС-10 было обнаружено еще два скребка: один на пластине, а второй на поперечном сколе с нуклеуса. Таким образом, в коллекции Липчинского поселения 33 скребковых изделия.

Для изготовления скребков использовалось качественное поделочное сырье: кремь (14 экз.), различные кремнистые породы (17 экз.), яшма (2 экз.), что свидетельствует об отсутствии серьезного сырьевого дефицита. По характеру ретуши выделяется группа изделий, не носящих следов выкрошенности рабочей кромки (18 экз.), причем почти 2/3 из них были изготовлены на пластинах (11 экз.). Остальные выделенные скребки носят следы ретуши утилизации (15 экз.), которая выражается в изношенности рабочей кромки орудия. Огранка спинки изделий в большинстве случаев продольная (23 экз.). Это объясняется высокой долей скребков на пластинах в коллекции. Важным критерием является и угол заострения скребковых лезвий: в 14 случаях скребковая ретушь была вертикальной, в 14 – крутой и в 5 – полукрутой. На некоторых скребках локализовались лезвия с разным углом заостре-

ния. Подавляющее большинство орудий были обработаны ретушью со спинки (33 экз.).

Всего можно выделить семь типов скребковых изделий. Рассмотрим каждый из них поподробнее. Самую большую группу составляют концевые скребки на пластинах (18 экз.). Во всех случаях «рабочая часть» расположена на дистальной части пластины, зачастую ретушью модифицируются небольшие прилегающие участки латералей. Только 3 скребка из 18 изготовлены на целых пластинах, остальные – на медиально-дистальных и дистальных фрагментах. Соответственно колеблется и длина скребков – от 11 до 79 мм. Ширина изменяется в диапазоне от 9 до 18,5 мм, причем наиболее популярный промежуток – 11–15 мм (11 экз.). В данную группу нами был отнесен фрагмент пластины, который был идентифицирован как скребок только при использовании микроскопа.

Сравнительно небольшую группу составили боковые скребки на пластинах – всего 2 экз. Один из них – скребок, изготовленный на сечении пластины, обработан по обоим краям.

Следующий тип – концевые скребки на отщепках случайной формы (7 экз.). Два скребка данного типа являются комбинированными орудиями и имеют в том числе режущую часть. Шесть из семи скребков несут следы мелкой выкрошенности на рабочих частях, что свидетельствует об их использовании древним человеком. Выбор заготовок затруднил проведение морфологического анализа, в результате чего 3 экз. из 7, несмотря на наличие регулярной ретуши, были окончательно атрибутированы как скребки только с помощью микроскопа. У двух из трех (комбинированные орудия) рабочая кромка имеет характерную завальцованность, а ее микрорельеф сглажен равномерно, что позволяет предположить использование данных изделий в работе по волокнистым материалам.

Тип боковых скребков на отщепках представлен одним орудием, изготовленным на кремневом отщепе случайной формы. Решение расположить лезвие на маргинале, вероятно, было принято по причине минимизации усилий мастера.

Небольшой, но крайне интересной для анализа, является группа подпрямоугольных скребков на отщепках (2 экз.). Один из них (рис., 1) имеет высокую форму и три скребковых лезвия, обработанных со спинки и смыкающихся друг с другом, каждое из которых имеет следы износа разной степени. Лезвия расположены в проксимальной, дистальной части и на одном из маргиналов. Краевое лезвие несет следы вертикальной краевой ретуши, проксимальное и дистальное – крутой захватывающей ретуши. Четвертое лезвие использовалось в качестве строгального орудия. Наиболее изношенным является проксимальное лезвие скребка, замятость его кромки видна даже невооруженным глазом. Размер скребка: 23×21 мм, толщина –

12,5 мм. Скребоквые лезвия использовались для работы по волокнистым материалам.

Второй подпрямоугольный скребок (рис., 2) имеет два лезвия: проксимальное и маргинальное, плавно смыкающиеся друг с другом. Второе занимает около половины бокового края. Ретушь вертикальная, нанесена со спинки.

Следующая группа изделий на отщепках – полукруглые скребки высокой формы с выступом (2 экз.) также интересна для описания и интерпретации. Первый скребок (рис., 3) имеет два рабочих лезвия – проксимальное и дистальное, которые сходятся в одно, благодаря длинным фасеткам дорсальной крутой ретуши, нанесенным на один

из маргиналов. Таким образом, появляется третье лезвие, имеющее следы мелкой выкрошенности, а в общем они формируют полукруг. Противоположная латераль образует небольшой выступ.

Второй скребок (рис., 4) отличается более плавными очертаниями – его проксимальное лезвие плавно переходит на соседний маргинал и фрагмент дистальной части, формируя полукруглое лезвие, обработанное дорсальной крутой краевой субпараллельной ретушью. Необработанный конец также формирует небольшой «выступ-хвостик». Вероятно, выступы являются функциональными элементами орудия, но данная гипотеза требует больших доказательств.

Рис. Скребки Липчинского поселения: 1–2 – подпрямоугольные; 3–4 – полукруглые с выступом

Последний тип представлен единичным скребком на поперечном сколе с нуклеуса. Скол аморфный, но одна из его частей, которая имеет ретушь, нанесенную для подправки нуклеуса, использовалась в качестве скребкового лезвия и носит следы мелкой выкрошенности. К тому же данный скол имеет небольшой участок протяженностью 4 мм, на котором нанесены мелкие фасетки крутой ретуши со спинки. Это лезвие, вероятно, использовалось в режущих операциях. Таким образом, случайный скол стал заготовкой для создания комбинированного орудия.

Предложенная нами типология скребковых изделий отдельного памятника неолита – энеолита Среднего Зауралья может использоваться в качестве базы для сравнения с аналогичными орудиями других памятников региона. Выяснилось, что больше половины скребков были изготовлены на пластинах, скребки на отщепках не имеют универсальной формы, а самые малочисленные типы представлены наиболее сложными комбинированными орудиями, изготовление которых требовало от мастера большего времени и квалификации. К тому же нельзя не отметить,

что в качестве скребков в единичных случаях использовались отходы каменного производства без предварительной подготовки и ретуширования.

Традиции изготовления и использования скребков Липчинского поселения крайне интересны для изучения, и данная работа должна быть продолжена в отношении иных категорий археологических артефактов.

*Научный руководитель – Л. Л. Косинская
канд. ист. наук, доцент,*

*Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория
Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина*

Список литературы

Чаиркина Н. М. Археологическое исследование Липчинского поселения. Отчет об археологических исследованиях в Свердловской области в 1995 г. // Архив ИИиА УрО РАН. Екатеринбург, 1996. 165 с.

Чаиркина Н. М. Археологическое исследование Липчинского поселения. Отчет об археологических исследованиях в Свердловской области в 1996 г. // Архив ИИиА УрО РАН. Екатеринбург, 1997. 85 с.

Typological and Use-wear Analysis of the Scrapers of Lipchinskoe Settlement (Based on Materials of Excavations in 1995–1996)

M. V. Khrantsov

In this article we have explored main characteristics of scrapers of Lipchinsky settlement and have created typological scheme. We have processed 31 scrapers by morphological analysis and discovered two more scrapers using binocular microscope. It was highlight 7 types of scrapers: end-scrapers on the blades (18 inst.), end-scrapers on the flakes of random form (7 inst.), side scrapers on the blades (2 inst.), scrapers similar to a rectangle with several working edges (2 inst.), circular scrapers with small protrusion (2 inst.), one scraper on transverse flake of core and one side scraper on the flake. Three scrapers which were researched by microscope have traces of work on fibrous materials. As a result, we created typological system of scrapers on this sight which can be used as a basis for comparison. This work will be continued with other categories of archaeological artefacts.

Keywords: Archaeology, scrapers, typology, Traceology, Neolithic, Eneolithic, Trans-Urals, Lipchinskaya culture.

Храмцов Михаил Вадимович

студент 4-го курса

Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина
e-mail: khrantsov1475@gmail.com

Khrantsov Mikhail Vadimovich

Student 4th year

Ural Federal University named after B. N. Yeltsin
e-mail: khrantsov1475@gmail.com

**Техноморфологический анализ каменного инвентаря
7-го культуросодержащего уровня многослойного местонахождения
Усть-Ёдарма II (Северное Приангарье)***

Р. В. Поляковский

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

*Работа выполнена в рамках гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2019-866
«Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»

Местонахождение Усть-Ёдарма II располагалось на правом приустьевом участке р. Ёдармы при ее впадении в р. Ангару, в 91 км к северу от г. Усть-Илимска вниз по течению р. Ангары. Территория объекта занимала самую оконечность приустьевого мыса р. Ёдармы и прибрежный участок вверх по р. Ангаре общей протяженностью около 1000 м [Лохов, Липнина, Дударёк, 2015].

В результате раскопочных работ в толще субаэральных отложений делювиального генезиса в относительно четкой стратиграфической ситуации было фиксировано 12 уровней залегания ископаемой культуры в интервале от эпохи палеолита (> 50 000 л. н.) до эпохи средневековья (время освоения региона русскими первопроходцами в XVII–XVIII вв.).

Основной целью данной работы является анализ и введение в научный оборот раннеолитической коллекции каменного инвентаря 7-го уровня, которая представлена продуктами нуклеарного расщепления и фасиальной обработки, а также готовыми формопроявлениями, имеющими определенные морфологические признаки.

За период 2009–2012 гг. в 7-м уровне было зафиксировано 11 485 ед. находок. Из них выделено артефактов из камня – 7732 ед., фрагментов керамических сосудов – 354 ед., фрагментов кости – 3399 ед.

Группа терминально-краевых нуклеусов – 30 экз., среди которых преобладают конусовидные (15 экз.), одноплощадочные монофронтальные формы с замкнутым (10 экз.) и незамкнутым (5 экз.) фронтом для получения пластин и микропластин. Площадки ровные, вогнутые, выпуклые, все подготовлены серией встречных снятий. У ряда ядрищ на фронтах присутствуют следы заломов от неудачного снятия. Высоты фронтов варьируют от 2,5 до 9,4 см. Также отмечены две крупные формы карандашевидных нуклеусов (высота 8,2 и 5,5 см). У первого ударная площадка прямая, у второго – вогнутая, обе подготовлены серией встречных снятий. Фиксированы три бифасиальные заготовки нуклеусов. Фрагменты представлены обломками фронта и техническим «сколом-таблеткой» подживления площадки нуклеуса.

Обработанные пластины, как правило, с ровной краевой подработкой, имеют на одном из фасов негативы регулярной параллельной и субпараллельной ретуши. Несколько экземпляров имеют неровную зубчатую маргинальную ретушь. В качестве вкладышей использовались пластины, имеющие как полную бифасиальную обработку фасов, так и унифасиальную. У ряда вкладышей сплошной регулярной ретушью подработан проксимальный или дистальный конец.

Группа скребков наиболее многочисленная (38 экз.) в ансамбле каменного инвентаря 7 уровня и представляет орудия разноразмерных форм. В группе выделяются 5 формопроявлений: 1) концевые скребки на сколах и пластинах (25 экз.); 2) боковые скребки (4 экз.); 3) «веерообразный» скребок; 4) двулезвийные концевые скребки (3 экз.); 5) комбинированные скребки (4 экз.). Практически все концевые скребки на пластинах (12 экз.) имеют выпуклое лезвие, обработанное как длинной относительно тонкой конвергентной ретушью, так и крутой, иногда ступен-

чатой, ретушью (до 90 °). Некоторые экземпляры имеют дополнительную ретушь по одному или обоим краям тела скребка. Концевые скребки на сколах (12 экз.) в большинстве случаев имеют ровное выпуклое лезвие, оформленное как длинной субпараллельной, так и мелкой регулярной ретушью. Некоторые экземпляры скребков имеют утонченную базу или обломанную, что, возможно, свидетельствует об использовании их в костяной или деревянной «рукоятки». Двулезвийные концевые скребки подготовлены на дистальном и проксимальном концах массивных пластин. Лезвия выпуклые, в одном случае – прямое, оформлены относительно крутой конвергентной ретушью. Боковые скребки имеют выпуклые лезвия, подготовленные длинной субпараллельной ретушью, иногда протяженной, на фрагментах пластин. Веерообразный скребок имеет лезвие практически по всему периметру, подготовленное субпараллельной регулярной ретушью. Комбинированные изделия представлены 4 экземплярами и все сочетают в себе комбинацию скребка и скобеля.

В группе бифасов 4 фрагмента и один экземпляр листовидной формы из не крупного пластинчатого скола-преформы, с выраженной асимметрией острого обработанного края. Контур режущего края неровный, обработанный бифасиальной разноразмерной ретушью.

В группе рубящих изделий – 3 топора и 2 фрагмента тесел. Первый цапфенный топор небольших размеров (6,9 см). Гребень выпуклый, бифасиально ретушированный, приостренный, плавно переходит в четко выраженный цапфы. Профиль клиновидный, слегка асимметричный. Аверс выпуклый, подготовлен серией разноразмерных снятий. Реверс уплощенный, подготовлен серией уплощающих разноразмерных снятий. Лезвие выпуклое, неровное. Боковые грани подготовлены серией разноразмерных приостряющих снятий с более тщательной подработкой краев. У второго цапфенного топора профиль симметричный, сечение плоскоовальное. Гребень треугольной в плане формы, приостренный, плавно переходит в четко выраженные прямые заостренные треугольные цапфы. Корпус топора подготовлен пикетажем и шлифован. Оба фаса плоские, боковые грани округлые. Лезвие топора обломано и имеет следы переоформления двусторонними разноразмерными сколами. Еще один топор был фрагментирован еще в древности на несколько частей, вероятно, в процессе изготовления. Отсутствует часть гребня и боковой грани. Гребень выпуклый, обработан бифасиальной разноразмерной ретушью, приостренный. Профиль корпуса топора клиновидный симметричный. Оба фаса практически плоские, подготовлены широкими уплощающими негативами снятий. Лезвие выпуклое, практически полностью оформлено субпараллельными приостряющими снятиями. Одна боковая грань плоская, вторая подготовлена разноразмерными приостряющими снятиями. Два фрагмента тесел представлены дистально-медиальным и проксимально-медиальным сегментами корпусов. Аверс и реверс оформлены широкими разноразмерными снятиями.

Группа наконечников представлена 13 экз., из них всего 6 целых форм и 7 ед. в разной степени фрагментарности. По форме пера были выделены овальные (8 экз.), тре-

угольные (4 экз.) и ромбовидные (1 экз.) наконечники. Овальные формы представлены листовидными наконечниками, чаще всего удлинённые, с ровными контурами боковых краев. Фасы оформлены субпараллельной стелющейся покрывающей бифасиальной ретушью. По насаду среди целых форм можно выделить с выпуклой базой (2 экз.), вогнутой базой (1 экз.), неровной «косой» базой (1 экз.) и черешковый (1 экз.), у трех оставшихся фрагментов база отсутствует. Треугольные наконечники (4 экз.) представлены фрагментами с обломанными насадами, отмечена только одна целая форма с вогнутой базой и ярко выраженными шипами, один из которых обломан. Наконечник ромбовидной формы имеет симметричный выпуклый профиль и линзовидное сечение. Оба фаса подготовлены от краев длинными параллельными негативами снятий.

Группа «ножей» и «ножевидных» изделий представлена 7 экз., из которых только одно целое формопроявление. Шлифованный нож подготовлен на пластине кремнистого сланца. Лезвие имеет одностороннюю заточку, выпуклое. Клинок изогнут. Обух клинка неровный, частично подготовлен бифасиальными мелкими негативами снятий. Профиль клиновидный. Зафиксирован один медиально-дистальный фрагмент шлифованного двулезвийного ножа. Первое лезвие вогнуто и имеет одностороннюю заточку, второе лезвие выпуклое и несет следы бифасиального преоформления мелкими снятиями. Острие клинка слегка притуплено. Остальные фрагменты малоинформативны.

Группа скребел представлена одним целым изделием и двумя фрагментами. Массивное конвергентное скребло имеет выпуклое лезвие, подготовленное приотстривающей субпараллельной бифасиальной ретушью. Оба фаса плоские, подготовлены уплощающими широкими снятиями. Обухок прямой, оформлен бифасиальными мелкими негативами снятий. Один край был отломан. Сечение подпрямоугольное, профиль асимметричный.

Был зафиксирован один ординарный трансверсальный резец на фрагменте скола серого кремнистого сланца.

Выемчатые изделия – скобели – представлены 4 экз. У всех мелкой регулярной ретушью подготовлены лезвия орудия, ширина которых варьирует от 0,9 до 1,7 см.

Также в слое были найдены 2 отбойника из окатанных речных кварцитовых галек.

Группа абразивных предметов представлена двумя фрагментами мелко- и среднезернистого песчаника со следами истирания на поверхности и характерными желобками для шлифования.

Орудийный набор каменных ископаемых предметов местонахождения Усть-Ёдарма II, оптимально представленный вышеописанными группами и формопроявлениями, дает развернутое представление о практиковавшихся древним населением технологиях расщепления горных пород, имеющих свои качественные характеристики: техники нуклеарного расщепления, ударной и отжимной фасиальной обработки, приемы оформления и отделки разными видами ретуши контуров краев, фасов изделий.

*Научные руководители – Е. А. Липнина
канд. ист. наук, доцент,
кафедра мировой истории
и международных отношений,
Иркутский государственный университет
Д. Н. Лохов
науч. сотр., НИЦ «Байкальский регион»
Иркутский государственный университет*

Список литературы

Лохов Д. Н., Липнина Е. А., Дударёк С. П. Русское старожильское поселение Деревня Ёдарма (по результатам спасательных работ в зоне затопления Богучанской ГЭС) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2015. Т. 13. С. 62–95.

Technological and Morphological Analysis of the Stone Inventory of Cultural Level 7 of the Multilayered Site Ust-Yodarma 2 (Northern Angara Region)

R. V. Polyakovskii

This article presents the results of the analysis of stone inventory of the 7th cultural level of the multilayer site Ust-Yodarma 2 (Northern Angara region). The main purpose of this work is to analyze and introduce into scientific circulation the Early Neolithic collection of cultural level 7 stone inventory, which is represented by products of nuclear splitting and face processing, as well as ready-made form manifestations that have certain morphological features. Represented by stone tools has 7732 which include cores, scrapers, biface, chopping tools, the group of points, a group of “knives” and “knife-like” products, a group of scribal, scraper-knives, hammerstones, abrasives group, tiles hematite and waste litho-processing represented by fractions of nuclear fission and face processing. The study revealed that the collection under study has analogues with other sites in the Northern Angara region such as Ust-Kova, Ostrov Listvenichnyi, Ust-Keul 1, Pashina site, etc.

Keywords: Ust-Yodarma 2 site, Northern Angara region, stone artifacts, Early Neolithic, cultural level.

Поляковский Руслан Валерьевич

магистрант 2-го года обучения
Иркутский государственный университет
e-mail: rus.Knyaz1994@mail.ru

Polyakovskii Ruslan Valerievich

Graduate Student 2nd year
Irkutsk State University
e-mail: rus.Knyaz1994@mail.ru

УДК 903'2(571.53)

Видовой состав ихтиофауны и орудия рыболовства эпохи неолита многослойного местонахождения Усть-Ёдарма II (Северное Приангарье)*

Н. А. Рженев

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

*Работа выполнена в рамках гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2019-866
«Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»

Многослойное местонахождение Усть-Ёдарма II располагалось на террасовидной поверхности правого устьевого мыса р. Ёдармы при ее впадении в р. Ангару, на иркутском участке затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС. Объект занимал оконечность приустьевых мысов р. Ёдармы и прибрежный участок протяженностью около 1000 м вверх по течению р. Ангары.

Местонахождение Усть-Ёдарма II открыто в 1972 г. экспедицией ИГУ под руководством Н. И. Дроздова. В 1998 и 2007 гг. проведены сборы экспонированного материала [Лохов, 2008]. С 2009 г. начались плановые археологические работы [Лохов, 2010]. За четыре года работ (2009–2012 гг.) местонахождение Усть-Ёдарма II обрело статус регионального опорного многослойного местона-

хождения древних культур плейстоцен-голоценового времени и стало ведущим объектом в ансамбле шести других, дислоцированных в контурах Едарминской георхеологической площади (Усть-Ёдарма I–III, Ёдарма I–II, Деревня Ёдарма) [Мамонтов, Лохов, 2013].

На вскрытой площади на всех культуросодержащих уровнях, помимо артефактов из камня и керамики, были зафиксированы фаунистические остатки (кости млекопитающих, птиц и рыб). Остатки костей фауны представлены как единичными находками, так и целыми скоплениями. Часть остеологического материала привязана к разнообразным по форме и конструкциям кострищам, в заполнениях которых фиксировались в большом количестве остатки костей ихтиофауны, часто очень плохой сохранности. Промывка грунта из них позволила получить представительную коллекцию костей рыб [Там же].

Определение костных остатков субфоссильных рыб проводилось на основе сравнения их с аналогичными элементами у современных видов. Для этих целей была создана коллекция скелетов большинства рыб, ныне обитающих в Сибири [Там же, табл. 1]. Особенно сложными для учета костного материала (подсчета) оказались выборки из кострищ, обеспечивающие получение весьма важных, но часто деформированных и измельченных «осколочных» фрагментов костей осетровых рыб, молоди и мелких особей не крупных видов рыб. Всего при первичном осмотре было идентифицировано 1170 костей взрослых особей (осетровые, щука, налим). Они были включены в выборку «промысловых» рыб. Материалы из кострищ использовались главным образом для учета видов. В расчетах соотношения видов на данном местонахождении они не участвовали. Такое распределение материала было вызвано несопоставимостью результатов отбора «проб» разными методами, как при оценках общего состава рыб в культуросодержащих уровнях, так и между ними. В учет костных элементов (и рыб) включен весь идентифицированный материал, т. е. количество рыб равно числу идентифицированных костных остатков [Там же, с. 128].

В 5–8 неолитических слоях всего зафиксировано 589 ед. ихтиофауны. В 5-м слое отмечено 36 ед. ихтиофауны, где самым многочисленным является налим (15 ед. – 42,7 % от общего числа всех особей в данном слое), вторым видом по популярности выступают осетровые и щука (по 9 ед. – 25 %). В 6-м слое определено 93 ед. фаунистических остатков, щука является самым многочисленным видом (43 ед. – 46,2 %), следом идут остатки осетровых рыб (33 ед. – 35,5 %). В 7-м слое выявлено 283 ед. ихтиофауны, самыми многочисленным являются остатки осетровых (211 ед. – 74,6 %). В 8-м слое зафиксировано 117 ед. ихтиофауны, самым многочисленным видом в слое выступают также осетровые (58,5 ед. – 50,4 %), вторыми идут остатки щуки (43 ед. – 36,7 %).

Исследователь рыболовного промысла Древней Руси А. В. Куза весь рыболовный инвентарь разделил на 4 основные группы по назначению и способу применения: 1) колющие орудия (орудия ударного действия) – остроги, гарпуны, стрелы, использовавшиеся для индивидуальной добычи рыбы битьем; 2) крючковые снасти (рыболовные крючки и их фрагменты различных размеров и форм); 3) сетные снасти (сети, сплетения из нитей, которые редко сохраняются; чаще всего на ловле рыбы говорят находки грузил); 4) заборные системы (различные ловушки, преграды) [Куза, 1985].

Первые две группы наиболее представительны в археологических материалах местонахождений эпохи неолита – бронзового века, находки сетей и остатков заборных систем единичны, что связано в первую очередь с определенными условиями залегания находок в отложениях и химическим составом почв. По опубликованным данным для территории Северного Приангарья характерны только первые 2 группы рыболовного инвентаря: колющие орудия и крючковые снасти.

Орудия рыболовного промысла в 5–8-м неолитических уровнях Усть-Ёдармы II представлены 7 экземплярами: колющие орудия насчитывают 5 фрагментов от костяных зубчатых наконечников, а крючковые снасти – 2 жала от составных рыболовных крючков.

Различные по форме и функции орудия, объединенные под общим названием «зубчатые наконечники», фигурируют в научной литературе как наконечники гарпунов, острог, метательных и обычных копий, дротиков, стрел. Исходя из этого, рассматривается в первую очередь функции зубчатых наконечников и выделяются среди них в группу гарпунного типа, функции которой – это удержание жертвы [Кузнецов, Роговской, 2018, с. 371–373].

Как уже отмечалось, колющие орудия представлены 5 фрагментами односторонних зубчатых наконечников.

Первый фрагмент со следами термического воздействия, с двумя обломанными зубцами (шаг 3,2 см). Тело имеет легкий изгиб. Длина фрагмента – 8,7 см, максимальная ширина – 2,1 см. Второй обломок наконечника представляет собой перо с тремя зубцами, средний зубец обломан, остальные имеют треугольную форму с шагом между первым и вторым в 0,7 см, вторым и третьим – 0,9 см. Жало острое, треугольной формы. Длина изделия – 4,5 см, максимальная ширина – 0,4 см. Третий фрагмент пера костяного одностороннего наконечника с двумя зубцами (шаг 1,3 см) имеет следы термического воздействия. Длина 3,5 см, максимальная ширина – 0,75 см. Четвертый фрагмент также односторонний с двумя ассиметричными зубцами треугольной формы (0,9 и 0,4 см), с шагом 1,9 см. Длина 4,3 см, максимальная ширина изделия – 0,5 см. Конец жала обломан. Пятый фрагмент пера одностороннего наконечника с двумя треугольными зубцами (шаг 2,5 см). Длина изделия 7,7 см, максимальная ширина – 0,9 см. Жало на гарпуне обломано и явно не выделяется.

Крючковые снасти. Жало составного крючка представляет собой изогнутое острие, овальное в сечении, без бородок на острие. Длина жала 5 см. Ширина – 1,2 см. Второе жало составного крючка обнаружено в скоплении костей ихтиофауны и представляет собой изогнутое острие, овальное в сечении, без бородок на острие. Длина 5,1 см. Максимальная ширина – 1 см.

Результаты исследования позволяют сделать выводы о уровне развития рыболовства неолитических общностей на территории многослойного местонахождения Усть-Ёдарма II. Фаунистические остатки ихтиофауны представлены большим количеством единиц, однако орудия рыбной ловли в виде фрагментов зубчатых наконечников и жал составных крючков представлены единично. Вероятно, неолитическое население использовало, в том числе и другие виды рыболовного инвентаря в промысловой деятельности.

*Научный руководитель – Д. Н. Лохов
науч. сотр., НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет*

Список литературы

- Куза А. В. Рыболовство // Древняя Русь: Город, замок, село. М.: Наука, 1985. 432 с. (Археология СССР).
- Кузнецов А. М., Роговской Е. О. Древнейшие зубчатые наконечники Байкальской Сибири // *Stratum Plus*. 2018. № 1. С. 369–382.
- Лохов Д. Н. К проблеме сохранения объектов археологического наследия в зоне строительства Богучанской ГЭС // *Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций*. Барнаул, 2008. С. 39–40.
- Лохов Д. Н. Многослойное георхеологическое местонахождение Усть-Ёдарма II в Северном Приангарье (по материалам спасательных работ 2009 г.) // *Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология*. Иркутск, 2010. С. 152–153.
- Мамонтов А. М., Лохов Д. Н. Динамика видового состава рыб в голоценовых комплексах георхеологического местонахождения Усть-Ёдарма II (в зоне затопления Богучанской ГЭС) // *Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры*. 2013. Вып. 2: *Фундаментальные проблемы формирования разнообразия палеосреды и палеокультуры Евразии. Смена парадигм*. С. 126–133.

Species Composition of the Neolithic Ichthyofauna and Fishing Tools of the Multilayer Site Ust-Yodarma 2 (Northern Angara Region)

N. A. Rzhenev

The article presents the results of the study of ichthyofauna and fishing tools of the Neolithic layers of the multilayer site Ust-Yodarma 2. A total of 589 ichthyofauna were recorded in the Neolithic layers. A large number of ichthyofauna bones are recorded in the fillings of numerous fireplaces. Almost all the bones are poorly preserved. The most numerous types of fish are: burbot, pike, sturgeon. The bone materials of the subfossilized fish collection are mainly represented by strong bone elements: vertebrae, marginalia, dentale, cleithrum, and parasphenoideum, and head cover bones. Fishing tools are presented in single instances. Only 7 pieces were recorded in the Neolithic layers. Of these, 5 units belong to piercing tools, which are represented by fragments of toothed points, as well as 2 units of hook gear-stings from composite fishing hooks. Probably, the Neolithic population used other types of fishing equipment in fishing activities.

Keywords: North Angara region, multilayer site Ust-Yodarma 2 fishing, ichthyofauna, fishing tools.

Ржнев Николай Александрович

студент 4-го курса

Иркутский государственный университет

e-mail: nicolasmiklos@mail.ru

Rzhenev Nikolai Aleksandrovich

Student 4th year

Irkutsk State University

e-mail: nicolasmiklos@mail.ru

УДК 903.01 (571.53)

К вопросу об интерпретации некоторых видов костяных острий как орудий для плетения сетей (по материалам Байкало-Енисейской Сибири)*

М. Е. Абрашина

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

*Работа выполнена по гранту Правительства РФ, проект № 075-15-2019-866 «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»

В условиях плохой сохранности органических остатков в почвах большинства георхеологических объектов основным вещественным свидетельством существования текстильных изделий, их характеристик и свойств является «текстильная» керамика. На территории Байкало-Енисейской Сибири уже с раннего неолита такие свидетельства фиксируются по керамике с оттисками сетки-плетенки. Поскольку важной составляющей комплексного изучения традиций древнего гончарства является экспериментальная реконструкция, в рамках подробного изучения технического декора керамических сосудов ранее уже были предприняты попытки плетения сетчатого полотна. Однако прошлые эксперименты показали, что плетение мелкоячеистой сети без использования каких-либо инструментов слишком долгий и трудоемкий процесс, вследствие чего появилась необходимость в пересмотре испытываемой прежде технологии. Вероятно, оптимизация процесса плетения должна осуществляться за счет дополнительного элемента, т. е. иглы или челнока.

В настоящее время в отечественной археологии нет обобщающих работ, посвященных реконструкции технологии плетения сетей и описанию вспомогательных инструментов с упором на археологические источники. Отдельные описания фиксируются преимущественно в работах этнографов [Попов, 1955, с. 93–98; Алексеенко, 1967, с. 62; Kroeber, Barrett, 1960, р. 32–65]. Нередко в статьях, посвященных описанию археологических комплексов эпохи мезолита – раннего железного века, для костяных острий можно встретить такую интерпретацию, как «игла для вязания сетей», осуществленную, вероятно, на основе морфологических свойств изделия или, в редких случаях, на основе трасологического анализа [Гурина, 1991, с. 170–172; Комплексное исследование пещеры ... , 1996, с. 89–90; Жилин, 2001, с. 103–108; Новиков, Горюнова, 2005, с. 132; Скочина, 2010, с. 34; Гусев, 2017, с. 75; Новиков, Мамонтов, Горюнова, 2018, с. 66]. В археологической литературе морфологически идентичные орудия также фигурируют как острия, проколки, шилья, кочедыки, косточки для развязывания узлов или разделения волокон.

Следует также учитывать размер ячее сетчатой структуры, фиксируемый по отпечаткам на керамике, который

варьирует от 0,3 до 0,6 см. Какое именно предназначение имело плетеное полотно, используемое при декорировании керамических сосудов (рыболовная сеть или мешочек для переноски продуктов собирательства), утверждать однозначно трудно. Таким образом, целью данного исследования является попытка определить виды орудий, встречаемые в археологических комплексах Байкало-Енисейской Сибири, которые могли использоваться при плетении сетчатых полотен.

Общие морфологические характеристики инструмента для плетения сетей, как представляется, заключаются в следующем. Изделия имеют вытянутые пропорции, а метрические особенности зависят от необходимого шага ячее будущего полотна (расстояние между двумя соседними узлами), где оптимальная длина может варьировать от 7 до 25 см. Ширина орудия также должна соответствовать размеру ячее. Основными маркерами изделия в большинстве случаев является приострение рабочего конца для пронизывания полотна и различные элементы, предназначенные для протягивания и закрепления нитей, а именно: выступы (например, эпифиз кости), выемки или отверстия. Основной субстрат – кости или рога копытных, за редким исключением – кости птиц.

Несмотря на морфологическое разнообразие изделий с описанными спецификациями, можно выделить генеральные формы, фиксируемые в материалах стоянок Байкало-Енисейской Сибири. Первая группа представлена приостренными к низу изделиями из грифельных костей с сохранившимся эпифизом (чаще без подправки). Их размеры в длину могут варьировать от 13 до 22 см, а в ширину по фронту составляют от 1,2 до 1,5 см [Окладников, 1950, с. 277, рис. 88; Комплексное исследование пещеры ... , 1996, с. 113, рис. 9, 7; Макаров, 2005, с. 150, рис. 1, 1; Горюнова, Вебер, Новиков, 2012, с. 99, рис. 77, 9]. Вторая группа изделий представляет собой расщепленные трубчатые кости копытных, навершие (иногда с отверстием) которых состоит из части эпифиза кости, нижний конец также приострен, размеры по длине составляют от 15 до 24 см, ширина по фронту от 1,5 до 3 см [Георгиевская, 1989, с. 30, рис. XI, 12; Асеев, 2003, с. 76, рис. 54, 21; Там же, с. 78, рис. 56, 5; Горюнова, Вебер, Но-

виков, 2012, с. 114, рис. 88, 3]. Третья группа состоит из иглообразных округлых в сечении острий с отверстием в обушковой части, которые изготавливались из фрагмента кости методом шлифовки. Их размер также варьирует в длину от 14,5 до 22 см, в ширину в среднем достигает 1–1,7 см [Горюнова, Вебер, Новиков, 2012, с. 58, рис. 44, 75; Песков, Николаев, Клементьев, 2016, с. 27, рис. 10, 2]. Четвертая группа была выделена на основе орудий спицевидной формы с отверстиями в уплощенной обушковой части. Такие изделия зачастую вырезались из рога, их размеры по длине варьируют от 8 до 22 см, толщина может достигать от 1,5 до 2,5 см [Новиков, Горюнова, 2005, с. 130, рис. 5, 14; Новосельцева, 2012, с. 141, рис. 295, 2, 3].

Описанные изделия имеют аналоги в материалах многих археологических памятников России. Острия из грифельных костей, отнесенные к первой группе, повсеместно фиксируются в разновременных комплексах как сопредельных территорий, так и в памятниках отдаленных регионов и отличаются меньшим значением средней величины [Асеев, 2003, с. 48, рис. 20, 23, 24; Жилин, 2001, рис. 49, 3–5; Гаврилова, 1991, с. 160; Гусев, 2017, с. 199–202]. Такая же повсеместность и разнообразие масштабов свойственны для орудий второй и третьей группы [Асеев, 2003, с. 48, рис. 20, 19–22; Там же, с. 48, рис. 20, 25, 26; Там же, с. 94, рис. 73, 5; Гурина, 1991, с. 171, рис. 4, 10; Скочина, 2010, стр. 34, рис. 18]. Изделия четвертой группы имеют немногочисленные аналоги в материалах, относимых к эпохе палеометалла, и нашли распространение в более поздние эпохи [Гусев, 2017, с. 199, рис. 51, 14].

Из-за отсутствия аналогов, ниже следующие изделия не были отнесены к какой-либо из перечисленных групп. Так, найденное на Китайском могильнике орнаментированное совкообразное острие с двумя выступами на рукояти [Окладников, 1950, с. 389, рис. 120, *слева*] М. М. Герасимовым было идентифицировано как орудие для вязания сетей [1955, с. 448]. Еще одно орудие из рога благородного оленя со стоянки Шракшура III (Малое Море оз. Байкал), предположительно использовавшееся для плетения сетей, имеет нетипичную эллипсоидную форму с двумя приостренными концами и две рельефные линии на его основании [Новиков, Мамонтов, Горюнова, 2018, с. 66, рис. 4, 6].

Таким образом, можно высказать предположение, что для плетения полотен с мелкой ячейкой использовались костяные острия меньшего размера, которые морфологически схожи с орудиями первой, третьей и четвертой группы. Однако в материалах Байкало-Енисейской Сибири, в отличие от других территорий, встречаются достаточно массивные игловидные изделия описанных типов. Орудия второй группы предварительно могут быть исключены из-за больших пропорций и отсутствия аналогов оптимальных размеров с сопредельных территорий.

Морфологическое единство с другими функционально различимыми орудиями, предназначенными, например, для кожевенных работ, вызывает затруднение в точном определении функции инструментов в связи с отсутствием трасологических данных для большинства из них. Для решения проблем, связанных с малоизученностью процесса плетения и идентификации используемых в нем орудий, необходимо проведение трасологического анализа и комплекса экспериментальных исследований. Это же касается

и реконструкции плетения непосредственно мелкоячеистых сеток, а также определения роли и характера костяных инструментов в данном процессе.

*Научный руководитель – И. М. Бердников
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,
НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет*

Список литературы

- Алексеев Е. А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л.: Наука, 1967. 262 с.
- Асеев И. В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 208 с.
- Гаврилова И. В. Орудия рыболовства древних поселений Костромского Поволжья // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л.: 1991. С. 153–163.
- Георгиевская Г. М. Китайская культура Прибайкалья. Новосибирск: Наука, 1989. 152 с.
- Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). М.: АН СССР, 1955. 586 с.
- Горюнова О. И., Вебер А. В., Новиков А. Г. Погребальные комплексы неолита и бронзового века Приольхонья: могильник Курма XI. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. 271 с.
- Гурина Н. Н. Рыболовство и морской промысел на Кольском полуострове // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л.: Наука, 1991. С. 164–181.
- Гусев А. В. Коллекция изделий из кости и рога по материалам раскопок 1993–1995 и 2006–2015 // Археология Арктики. Вып. 4. Усть-Полуй: материалы и исследования. Екатеринбург: Деловая пресса, 2017. Т. 2. С. 4–103.
- Жилин М. Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.: УРСС, 2001. 254 с.
- Комплексное исследование пещеры Тугаринова / П. В. Мандрыка, Н. П. Макаров, Н. В. Мартынович, Н. Д. Оводов, О. В. Андренко, В. П. Чеха // Древности Приенисейской Сибири. 1999. Вып. 1. С. 83–115.
- Макаров Н. П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы Красноярской лесостепи // Известия Лаборатории древних технологий. 2005. Вып. 3. С. 149–172.
- Новиков А. Г., Горюнова О. И. Древнее рыболовство на Байкале (по материалам многослойных поселений периода мезолита – бронзового века) // Известия лаборатории древних технологий. 2005. Вып. 3. С. 125–134.
- Новиков А. Г., Мамонтов А. М., Горюнова О. И. Орудия рыбного лова и икhtiофауна из комплекса раннего неолита стоянки Шракшура III на Малом Море озера Байкал // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 24. С. 61–73. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.24.61>
- Новосельцева В. М. Отчет об археологических раскопках стоянки Усть-Кеуль 1, деревня Кеуль (зона затопления Богучанской ГЭС) в Усть-Илимском районе Иркутской области в 2012 году (по Открытому листу № 1270). Новосибирск, 2013. 1575 с.
- Окладников А. П. Неолит и Бронзовый век Прибайкалья: историко-археологическое исследование. Л.; М.: Изд-во АН СССР, 1950. Ч. 1 и 2. 412 с. (МИА. № 18)
- Песков С. А., Николаев В. С., Клементьев А. М. Усть-Илгинский могильник на Верхней Лене (по материалам раскопок А. П. Окладникова) // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 4. С. 19–36. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2016-4-19-36>
- Попов А. А. Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1955. Т. XVI. С. 41–146.
- Скочина С. Н. Костяной и роговой инвентарь кошкинской культуры с поселения Мергень-6 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 2 (42). С. 25–36.
- Kroeber A. L., Barrett S. A. Fishing among the Indians of Northwestern California // Anthropological records. 1960. Vol. 21, Is. 1. 210 p.

On the Interpretation of the Some Types of Bone Points as a Tools for Weaving Nets (Based on Materials from Baikal-Yenisei Siberia)

M. E. Abrashina

An overview of bone products that could be used for weaving nets is given. Assumptions are made about the basic morphological features of needles for weaving fishing nets or other mesh structures. Based on the archaeological complexes of Baikal-Yenisei Siberia was dedicated the main morphological types of such tools. The problem associated with the functional interpretation of bone tools of this type and the need for trasological studies is identified. Based on the data on the net technical decor, which is universally fixed on the Neolithic ceramics of studies region, the need for the reconstruction of the technology of weaving the net cloth and determining its purpose through analysis of the available data is indicated.

Keywords: Baikal-Yenisei Siberia, pottery, technology, netting, bone tools, points.

УДК 903.222(571.53)

К вопросу о функциональной специфике охотничьего инвентаря в неолите Северного Приангарья*

А. М. Кузнецов, С. А. Печенин

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90006

К числу наиболее выразительных форм материальной культуры древнего населения традиционно относят каменные наконечники. Эта категория охотничьего инвентаря включает в себя вооружение как колющего (копья), так и метательного типа (стрелы, дротики). Несмотря на значительное внимание, которое археологи уделяли формальным и типологическим аспектам каменных наконечников, исследований их функциональных аспектов на настоящий момент достаточно мало.

Настоящая работа продолжает исследование функциональной специфики каменных наконечников раннего и среднего неолита Северного Приангарья на базе изучения их баллистических характеристик [Баллистические характеристики ... , 2020]. Основой изучения баллистики орудий послужил анализ морфометрических переменных артефактов с целью определения эффекта каждого из них. Рассматриваемые параметры включают в себя форму, угол заострения, массу, длину и площадь поперечного сечения наконечника. В соответствии со стандартной процедурой работы полученные результаты сравниваются с параметрами этнографических орудий с заранее известной функцией из собраний музеев Северной Америки и Австралии, а также экспериментальных образцов [Thomas, 1978; Shott, 1997; Hughes, 1998; Borrell, Stefanisko, 2016].

Если в предыдущем исследовании авторов источниковой базой работы послужили коллекции каменных наконечников неолитических культуросодержащих горизонтов стоянок Остров Лиственичный Пункт 2 (к. г. 3), Усть-Ёдарма II (к. г. 5, 6, 7, 8), Сосновый Мыс (к. г. 3), то в настоящей работе она расширилась за счёт материалов стоянки Деревня Мартыново (к. г. 3б). Хронологическая атрибуция задействованного для анализа материала определяется стратиграфическим положением культуросодержащих горизонтов, отнесенных, согласно региональной климато-стратиграфической шкале, к периоду среднего голоцена (АТ), и подтверждённых серией радиоуглеродных датировок в интервале от 6,0 до 7,8 тыс. л. н. [Lokhov, 2010; Дударёк, Лохов, 2011; Тимошенко, 2012; Липнина, Лохов, Медведев, 2013; Новые радиоуглеродные ... , 2017]. Общее количество наконечников составило 294 экз., включая целые и фрагментированные экземпляры.

В ходе работы выяснилось, что основная часть охотничьего вооружения была представлена луком и стрелами, на что указывают характеристики массы и площади поперечного сечения каменных наконечников, сравнимые с этнографическими и экспериментальными экземплярами. В морфологическом отношении они представлены иволистными, лавролистными, ромбовидными формами с прямыми, вогнутыми и овальными базами без четкой дифференциации по стояночным комплексам. Оформление угла заострения изделий соотносилось с минимально достаточными характеристиками пробития, соответствующими значению в 35–48°. Предпочтительный диапазон длины составлял 25–50 мм.

Также удалось установить, что ключевыми характеристиками наконечников было соотношение массы и площади поперечного сечения орудий. Вариации этих параметров определяли функциональную специфику орудий, представленную двумя вариантами. Первый вариант был представлен наконечниками с малой массой и большой площадью поперечного сечения. Другой, напротив, предусматривает малую площадь сечения в сочетании с возрастающей массой. Интересно отметить, что данные тренды привязаны к отдельным объектам: первый – к островным, второй – к материковому.

Наконечники островных объектов (Деревня Мартынова, Сосновый Мыс, Остров Лиственичный Пункт 2) имели тенденцию к высокой скорости за счет малой массы. Малое ударное воздействие такого снаряда компенсируется глубиной проникновения и площадью разрыва тканей добычи. Наконечники материкового объекта (Усть-Ёдарма II), напротив, благодаря тенденции к большей массе, имели меньшую скорость и несли большую кинетическую энергию. Глубина проникновения снаряда в тело жертвы, ограниченная низкой скоростью, компенсировалась минимальными показателями площади поперечного сечения. Кроме того, добавленный вес также сказывался на дистанции выстрела: наконечники большей массы имели меньшую дистанцию полета снаряда.

Проведенное исследование подтверждает ранее высказанный в археологической литературе тезис о повышении эффективности метательного оружия либо за счет увеличения мощности силового устройства, либо за счет манипулирования характеристиками снарядов [Serwatka, 2017]. Из-за экологических ограничений, таких как отсутствие надлежащего сырья для изготовления более мощных луков, древние и этнографические охотники-собиратели обычно улучшали свое оружие, варьируя эксплуатационные характеристики наконечников, таких как проникновение, точность и убойная дистанция [Hughes, 1998].

Выявленная функциональная специфика неолитического охотничьего вооружения Северного Приангарья слабо коррелируется с составом добычи. Превалирующее значение в составе остатков териофауны на всех рассматриваемых объектах в практически равных пропорциях занимают такие виды, как косуля, лось и благородный олень [Клементьев, 2012, 2014; Тимошенко, 2012; Клементьев, Кузнецов, Роговской, 2017]. Объяснению феномена дифференциации баллистических характеристик орудий лежит, по мнению автора, скорее в плоскости локальных условий охотничьего промысла.

На материковом объекте в условиях таежной зоны дистанция выстрела была ограничена вследствие залесённости территории. Для поражения добычи требовались наконечники большой массы, обеспечивающие высокое (шоковое) ударное воздействие, так как шанса на второй выстрел после ранения добычи, когда она уже скрылась в расти-

тельности, могло не представиться. Кроме того, лесные массивы предполагали варианты использования засадной охоты, также снижающей требования к дистанции выстрела. Специфика островных объектов, растительность которых отличается разреженностью, предполагала большие дистанции охоты, однако одновременно увеличивала шансы на успешное преследование добычи. В дизайне наконечников это отразилось на уменьшении их массы, компенсированной большей площадью нанесения ран.

Проведенное исследование на данном этапе может способствовать дальнейшему пониманию адаптации охотников-собирателей в многомерном пространстве с множеством пересекающихся, частично пересекающихся и абсолютно независимых измерений [Chatters, 1987]. В данном случае они представлены взаимосвязанными переменными, включающими морфологию орудий, условия и характер ресурсодобывающей активности, устройство стоянок в ландшафте.

*Научный руководитель – С. А. Когай
канд. ист. наук, науч. сотр.,
НИИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет*

Список литературы

Баллистические характеристики каменных наконечников среднего голоцена Северного Приангарья / А. М. Кузнецов, С. П. Дударёк, Д. Н. Лохов, Е. О. Роговской, Н. А. Савельев, А. А. Тимошенко // Известия Лабораторий древних технологий. 2020. Т. 16 (1). [в печати].

Дударёк С. П., Лохов Д. Н. Многослойное георхеологическое местонахождение Усть-Ёдарма II в Северном Приангарье (по материалам спасательных работ 2010 г.) // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиск, открытия. Красноярск, 2011. С. 115–117.

Клементьев А. М. Предварительные данные по голоценовой фауне Северного Приангарья (материалы объекта Усть-Ёдарма-II) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2012. Вып. 1. С. 94–105.

Клементьев А. М. Раннеголоценовая фауна северной Ангары (материалы археологических объектов) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Георхеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 8. С. 31–44.

Клементьев А. М., Кузнецов А. М., Роговской Е. О. Археозоологические исследования многослойного местонахождения Остров Лиственичный (Северное Приангарье) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Георхеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 22. С. 82–101.

Липнина Е. А., Лохов Д. Н., Медведев Г. И. О каменных топорах «с ушками» – цапфенных топорах Северной Азии // Известия Иркутского государственного университета. Серия Георхеология. Этнология. Антропология. 2013. № 2 (3). С. 71–101.

Новые радиоуглеродные данные для неолитических комплексов многослойных местонахождений Тункинской долины и Приангарья / И. М. Бердникова, Е. О. Роговской, Д. Н. Лохов, А. М. Кузнецов, С. А. Когай, Е. А. Липнина, Н. Е. Бердникова, Н. А. Савельев, Н. Б. Соколова, И. В. Уланов // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2017. Вып. 6. С. 220–230.

Тимошенко А. А. Отчет о результатах спасательных работ 5-го Усть-Илимского и Сосновомысского отрядов Богучанской экспедиции на стоянке, могильнике Сосновый Мыс Усть-Илимского района Иркутской области в 2011 году // Архив ИАЭТ СО РАН. 2012. № 258. 312 с.

Borrell F., Stefanisko D. Reconstructing projectile technology during the Pre-Pottery Neolithic B in the Levant: An integrated approach to large tanged points from Halula // Journal of Archaeological Science. 2016. Vol. 69. P. 130–142. doi: 10.1016/j.jas.2016.04.005

Chatters J. C. Hunter-gatherer adaptations and assemblage structure // J. Anthropol. Archaeol. 1987. Vol. 6. P. 335–375. [https://doi.org/10.1016/0278-4165\(87\)90005-5](https://doi.org/10.1016/0278-4165(87)90005-5).

Hughes S. S. Getting to the Point: Evolutionary Change in Prehistoric Weaponry // Journal of Archaeological Method and Theory. 1998. Vol. 5. P. 345–408.

Lokhov D. N. New date from Kata-Yodarma region of the Northern Angara basin // Siberia and Japan in the Late Paleolithic Period. Adaptive Strategies of Humans in the Last Glacial Period. Tokyo, 2010. P. 71–76.

Serwatka K. What's your point? Flexible projectile weapon system in the Central European Final Palaeolithic. The case of Swiderian points // Journal of Archaeological Science: Reports. 2017. Vol. 17. P. 263–278. <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2017.10.048>

Shott M. Stones and Shafts Redux: The Metric Discrimination of Chipped-Stone Dart and Arrow Points // American Antiquity. 1997. Vol. 62. P. 86–101. <https://doi.org/10.2307/282380>

Thomas D. Arrowheads and Atlatl Darts: How the Stone Got the Shaft // American Antiquity. 1978. Vol. 43. P. 461–472. <https://doi.org/10.2307/279405>

On the Functional Specification of Hunting Equipment in the Neolithic of Northern Angara Region

A. M. Kuznetsov, S. A. Pechenin

Some functional aspects of hunting equipment is reported from the Neolithic of North Angara. The investigation is concentrated on ballistic features of lithic points from Ust-Yodarma 2, Ostrov Listvenushny Point 2, Sosnovy Mys, Derevnia Martinova. The result of analysis based on weight, length, angle, morphology and TCSA of artifacts indicates the presence of two pronounced ballistic patterns of the points on the island and mainland sites. Key features of the points is the ratio of mass and tip cross-sectional area. The dualism of this phenomenon is expressed in the formula “high speed/low kinetic energy – low speed/high kinetic energy”. According to zooarchaeological evidence identified patterns are independent of game type. As an explanation, the variant of hunting at different distances is proposed. The research may contribute to further understanding of hunter-gatherer adaptation as a multidimensional space with individual cases occurring at the intersections of the various dimensions, in this case, morphology of lithic tools, hunting activity and settlement system.

Keywords: Baikal Siberia, North Angara, Neolithic, lithic points, projectile weapon, ballistics, adaptive strategy.

Кузнецов Алексей Михайлович

аспирант 3-го года обучения
Иркутский государственный университет
e-mail: golos_siberia@list.ru

Kuznetsov Aleksei Mikhailovich

Postgraduate student 3rd year
Irkutsk State University
e-mail: golos_siberia@list.ru

Печенин Сергей Александрович

студент 4-го курса
Иркутский государственный университет
e-mail: pechenin.serj@gmail.com

Pechenin Sergei Aleksandrovich

Student 4th year
Irkutsk State University
e-mail: pechenin.serj@gmail.com

Корреляция археологических комплексов на пойменном участке местонахождения Усть-Белая (Южное Приангарье)*

В. В. Коваленко

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

*Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства РФ,
проект № 075-15-2019-866 «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»

Многослойное местонахождение Усть-Белая расположено на левом приустьевом участке р. Белой (левый приток р. Ангары) в 110 км от г. Иркутска. Местонахождение имеет многолетнюю историю исследования с момента открытия его в 1929 г. М. М. Герасимовым. Основное изучение Усть-Белой осуществлялось в несколько этапов: в 1950–1970-х гг. (рук. М. М. Герасимов, Г. И. Медведев, Г. М. Георгиевская) [Медведев, 1971; Георгиевская, 1989], в 1980–1990-х гг. (рук. Н. Е. Бердникова) [Бердникова, 1995, с. 78–82; Бердникова, 2001] и в 2010-х гг. (рук. И. М. Бердников, Н. Е. Бердникова) [Орлова, Крутикова, 2018; Смолянский, 2019]. Последние археологические раскопки, проведенные отрядом Лаборатории георхеологии Байкальской Сибири НИЦ «Байкальский регион» ИГУ, позволяют определить местонахождение Усть-Белая в качестве опорного объекта при изучении культур среднего неолита Южного Приангарья [Бердников, Бердникова, Воробьева, 2017].

В 2017 г. впервые на Усть-Белой были зафиксированы археологические комплексы среднего и позднего голоцена в отложениях 4–5-метровой поймы в мультислойчатой ситуации. Отложения высокой поймы были вскрыты двумя береговыми врезками (№ 1, 3) и шурфом (№ 2). Материал был зафиксирован только во врезках. В следующем году были проведены дополнительные исследования для уточнения стратиграфической ситуации и площади распространения археологических комплексов на данном участке. В процессе работ одна из врезок была расширена, а вдоль приустьевых вала заложены 3 шурфа. Общая площадь раскопок составила 92 м², максимальная глубина – до 4 м.

За 2017–2018 гг. было найдено 6401 ед. находок. В общей сложности выделено 4 культуросодержащих горизонта (к. г.). Результаты работ позволили провести корреляцию культуросодержащих горизонтов разных археологических выработок.

Археологические комплексы верхних культуросодержащих уровней (горизонты 1, 2 врезок № 1, 3 и шурфов № 1–3) могут датироваться бронзовым и ранним железным веками, о чем говорят находки характерной керамики (с рубчатым и ячеистым техническим декором). В к. г. 2 врезки 1 встречены фрагменты сетчатой керамики, которые указывают на то, что в данном горизонте, наряду с материалами бронзового века, зафиксированы артефакты позднего неолита. Остальной материал этих горизонтов по большей части представлен дебитажом и фаунистическими остатками, вследствие чего малоинформативен. Средне-неолитический к. г. 3 врезок № 1, 3 и шурфов № 1, 2, а также и к. г. 3, 4 шурфа № 3 содержат комплексы с керамикой усть-бельского (преимущественно) и посольского (единичные находки) типов и являются наиболее представительными (5124 ед.). Самую многочисленную категорию составляют фаунистические остатки – 71,17 % от общего числа находок. Среди диагностируемых до вида остатков преобладают кости косули (*Capreolus pygargus*) и благородного оленя (*Cervus elaphus*). Из орудийного набора выразительной категорией являются наконечники стрел и их фрагменты – 40 ед., изготовленных преимущественно на пластинах. К неординарным находкам можно отнести 4 костяных острия, фрагмент иглы и подвеску, имитирующую резец марала. Нижний к. г. 4, отмеченный во врезках и шурфах,

содержит единичные находки, что не позволяет говорить о выделении самостоятельных археологических комплексов.

В целом стратиграфические разрезы выработок коррелируются между собой. Отложения, представленные легкими суглинками, супесями и песками, имеют субаэрально-субаквальный генезис и содержат многочисленные гумусовые горизонты (слаборазвитые погребенные почвы), к которым приурочены археологические комплексы. В археологических выработках вскрыто следующее строение отложений. Верхняя позднеголоценовая пачка, мощность которой на разных участках варьирует от 0,8 до 1,7 м, содержит до шести погребенных почв. Нижележащая среднеголоценовая пачка мощностью до 1 м, сложенная супесчано-суглинистыми отложениями, содержит до четырех мощных гумусовых горизонтов. Нижняя пачка, возраст которой предварительно определен ранним и началом среднего голоцена, мощностью до 2,2 м состоит из прослоев речного песка и содержит до 12 суглинистых слабогумусированных слаборазвитых и эмбриональных почв.

Однако в зафиксированных разрезах можно проследить незначительные отличия. Врезка № 1, расположенная в понижении, имеет большую мощность позднего и среднеголоценовой пачки. Погребенных почв здесь фиксируется больше, а отложения имеют более детальную стратиграфическую раскладку. Ситуация в шурфах хорошо согласуется со стратиграфией врезок, но мощность пачек и распределение горизонтов различны. В шурфах № 1, 2 средне- и позднеголоценовые слои имеют сравнительно небольшую мощность до 0,8 м. Разрез шурфа № 3 наиболее схож с разрезом врезки № 3. Позднеголоценовая пачка мощностью до 0,5 м содержит 3 погребенные почвы, к двум из которых приурочены к. г. 1 и 2. В нижележащей среднеголоценовой пачке мощностью 0,4 м выделяются 2 погребенные почвы, к которым приурочены к. г. 3 и 4.

Археологический материал в отложениях высокой поймы устьевого участка р. Белой впервые был обнаружен в траншеях 1981 г. (Н. А. Савельев, А. Г. Генералов). Однако строение отложений в этих траншеях отличается от ситуации, обнаруженной нами в 2017–2018 гг. В результате работ 1981 г. было выделено три уровня находок; материал был включен в высокогумусные суглинки пойменного аллювия. Неолитические горизонты в траншеях не имели детальной стратиграфической раскладки, так как участок исследований 1981 г. находится выше по течению, где часть поймы с приустьевым валом была к тому времени уже уничтожена в результате берегового размыва.

Подводя итог, необходимо отметить главное. Археологические комплексы пойменного участка местонахождения Усть-Белая зафиксированы в системе мультислойчатости и коррелируются между собой. Главным итогом стало обнаружение археологических комплексов с усть-бельской керамикой в условиях четкой стратиграфии (впервые для Южного Приангарья). Участок исследований подвергся разрушению только у поверхности, так что перспективы дальнейших исследований объекта очевидны.

*Научный руководитель – И. М. Бердников
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,
НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет*

Список литературы

- Бердникова Н. Е. Усть-Белая: история исследования // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск, 1995. С. 78–95.
- Бердникова Н. Е. Геоархеологический объект Усть-Белая. Культурные комплексы // Каменный век Южного Приангарья: Путеводитель междунар. симпозиума «Современные проблемы палеолитоведения Евразии». Иркутск, 2001. Т. 2: Бельский геоархеологический район. С. 113–146, 210–240.
- Бердникова И. М., Бердникова Н. Е., Воробьева Г. А. Мультислойчатые местонахождения как основа для палеогеографических и культурных реконструкций в среднем голоцене Байкало-Енисейской Сибири // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 21. С. 5–32.
- Георгиевская Г. М. Китойская культура Прибайкалья. Новосибирск: Наука, 1989. 152 с.

- Медведев Г. И. Хозяйственный уклад мезолитического поселения Усть-Белая // Мезолит Верхнего Приангарья. Иркутск, 1971. Ч. 1: Памятники Ангаро-Бельского и Ангаро-Идинского района. С. 111–126.
- Орлова В. В., Крутикова К. А. Новые данные по голоценовым комплексам многослойного местонахождения Усть-Белая // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты: материалы LVIII Рос. (с междунар. участием) археол.-этногр. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (Омск, 25–27 апреля 2018 г.). Омск: Издатель-Полиграфист, 2018. С. 82–84.
- Смолянский Е. Е. Результаты исследований голоценовых комплексов Усть-Белой (Южное Приангарье) в 2018 г. // Материалы LIX Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Благовещенск; Хэйхэ, 2019. С. 78–80.

Correlation of the Archaeological Complexes on the Floodplain of Ust-Belaya Site (Southern Angara Region)

V. V. Kovalenko

The result of archaeological research of multilayered site Ust-Belaya provided on the floodplain in 2017–2018 are presented. Two excavation sites on the bank of river and three pits, were made during the excavations, where were found primarily Holocene sediments. Archaeological material was fixed in the multilayered situation, which allows us to mark isolated cultural layers. The 3rd Neolithic horizon of excavation sites N 1, 2, pits N 1, 2 and fourth horizon of pit N 3, containing Ust-Belaya pottery, are the most interesting. Strata sections correlate with each other and have subaerial-subaquatic origin. The structure of sediments is rather difficult with numerous layers (horizons) were excavated till 4 meters in the depth.

Keywords: Southern Angara Region, Holocene, Neolithic, multilayered sites, Ust-Belaya ceramic.

Коваленко Валерия Владимировна

студент 4-го курса, стажер-исследователь,
НИЦ «Байкальский регион»
Иркутский государственный университет
e-mail: terifeleni@gmail.com

Kovalenko Valeriya Vladimirovna

Student 4th year, Trainee Researcher,
Scientific Research Center "Baikal Region"
Irkutsk State University
e-mail: terifeleni@gmail.com

УДК 903.02(571.53)"634"

Особенности исходного сырья и формовочных масс неолитической керамики усть-бельского типа Южного Приангарья*

И. В. Уланов, Н. Б. Соколова, А. В. Уланова

Иркутский государственный университет, Иркутск

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Иркутской области в рамках проекта № 20-49-383001 «Технологические и культурные традиции гончарства в среднем неолите на территории Байкало-Енисейской Сибири»

Усть-бельская керамика широко распространена по всей территории Байкало-Енисейской Сибири и наряду с посольской является основным типом посуды, бытовавшей в среднем неолите на данной территории [Бердников, Уланов, Соколова, 2017]. В технологическом аспекте усть-бельская керамика считается наиболее изученной [Бердников, 2013, с. 214], однако некоторые особенности ее изготовления остаются слабо исследованными. Таковыми, в частности, являются вопросы, связанные с отбором исходного сырья и подготовкой формовочных масс.

Согласно А. А. Бобринскому, автору историко-культурного подхода, технология гончарного производства представляет собой систему с многоуровневой структурой, которая разделяется на три стадии: подготовительную, созидательную, закрепительную. Содержание каждой стадии исследователь раскрывает в ступенях, которые выражаются в узких технологических задачах. Подготовительная стадия включает в себя четыре ступени: 1) отбор, 2) добычу, 3) обработку исходного сырья, 4) составление формовочных масс [Бобринский, 1978, с. 14; 1999, с. 8–9].

Настоящая публикация посвящена исследованию подготовительной стадии производства усть-бельской керамики, в результате которого получена информация по отбору исходного сырья и составлению формовочных масс.

Источниковую базу составили фрагменты от 18 усть-бельских сосудов с трех местонахождений Южного Приангарья – Усть-Белой (14 сосудов), Шумилихи (3 сосуда) и

Горелого Леса (1 сосуд). Коллекция усть-бельской керамики, найденная на Усть-Белой, является крупнейшей для Южного Приангарья [Уланов, Бердников, 2015]. На расположенной рядом стоянке Шумилихи (разрушенной пашней) в результате подъемных сборов и раскопок также найдено большое количество усть-бельской керамики. На мультислойчатом местонахождении Горелый Лес (среднее течение р. Белая) в IV культуросодержащем горизонте найден всего один, но практически целый сосуд усть-бельского типа, украшенный полностью личиночным штампом [Савельев, Уланов, 2018, с. 68, рис. 14].

В ходе изучения все образцы выдерживались в муфельной печи при температуре 850° с выдержкой 20 минут при этой конечной температуре для определения ожелезненности глинистого сырья [см. Цетлин, 2006]. Формовочные массы сосудов проанализированы при помощи стереомикроскопа «Альтаи СМ0745-Т». В качестве исходного пластичного сырья во всех случаях использовалась ожелезненная глина, содержащая окатанный и полуокатанный кварцевый песок белого и серого цвета. Размер песчинок в основном, варьирует от 0,2 до 0,5 мм, реже – до 3 мм. Степень запесоченности сырья преимущественно средняя и сильная. При ее определении учитывалось количество песчаных фракций 0,1–1 мм на 1 см². По предложенному нами определению, среднезапесоченное сырье содержит от 10 до 40 таких фракций на 1 см², сильнозапесоченное – более 40 на 1 см². Кроме того, в единичных случаях фик-

сирует оолитовый бурый железняк размером до 1 мм. В нескольких случаях отмечены следы органики в виде черных пятен, а также отпечатков выгоревшей растительности размером до 5 мм.

Формовочные массы большинства сосудов характеризуются преимущественно несмешанным однокомпонентным составом, где не выявлено никаких искусственных примесей. В двух случаях зафиксированы зерна кварцевой породы белого и серого цвета размерами от 1 до 4 мм, которые, вероятно, введены в формовочную массу намеренно. При этом исходное сырье являлось средне- и слабозапесоченным. В одном случае можно предполагать добавление в формовочную массу органики неясного происхождения, наличие которой фиксируется в виде блестящих черных пленок и желобков от выгоревших частиц.

Формовочные массы со всех местонахождений демонстрируют одинаковую рецептуру и отличий не имеют. Предположительно искусственные примеси кварцевой дресвы зафиксированы по одному случаю в сосудах с Усть-Белой и Шумилихи, при этом оба горшка в декоре имеют отличия от «классических» усть-бельских. Сосуд с Шумилихи полностью покрыт оттисками плетеной сетки, в то время как остальные горшки из коллекции стоянок Усть-Белой и Шумилихи имеют гладкие стенки. Сосуд с Усть-Белой из раскопок 1959 г. орнаментирован отдельно стоящими наколами гладкого овального штампа, что не характерно для орнамента усть-бельского типа.

Отсутствие в формовочных массах примесей, которые можно было бы определить как искусственные добавки, вероятно, свидетельствует о том, что в распоряжении древних гончаров находились источники глинистого сырья, качество которого вполне их удовлетворяло. При этом естественная примесь песка в глине понижает степень усадки изделия во время сушки и повышает «огнеупорность» сосудов – сопротивляемость резким перепадам температуры, которые неизбежны при костровом и очажном способах обжига [Бобринский, 1978; Цетлин, 2012].

Полученная информация позволяет сделать некоторые выводы об особенностях подготовительной стадии производства сосудов усть-бельского типа Южного Приангарья в неолитическую эпоху. Качество глинистого сырья удовлетворяло древних мастеров, поэтому сложилась технологическая традиция – использовать местные железные глины без введения дополнительных добавок. Тем не менее, единичные случаи возможного искусственного введения кварцевой породы или органики свидетельствуют о наличии у гончаров представлений о возможности изменений свойств глины путем варьирования рецептуры при помощи примесей. Однако особенности сырья не способствовали развитию традиций активного использования искусственных добавок.

Список литературы

- Бердников И. М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1 (2). С. 203–229
- Бердников И. М., Уланов И. В., Соколова Н. Б. Неолитическое гончарство Байкало-Енисейской Сибири: технологические традиции в территориально-хронологическом контексте // Stratum plus. 2017. № 2. С. 275–300.
- Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во Самар. гос. ун-та, 1999. С. 5–109.
- Савельев Н. А., Уланов И. В. Керамика эпохи неолита мультислойчатого местонахождения Горелый Лес (Южное Приангарье) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 26. С. 46–85.
- Уланов И. В., Бердников И. М. Керамические комплексы Усть-Белой: систематизация, хронометрия, хронология // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2015. Т. 12. С. 47–80.
- Цетлин Ю. Б. Об определении степени ожелезненности исходного сырья для производства глиняной посуды // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2006. Вып. 4. С. 421–425.
- Цетлин Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.

Features of Raw Materials and Molding Masses of Ust-Belaya Type Neolithic Pottery from the Southern Angara Region

I. V. Ulanov, N. B. Sokolova, A. V. Ulanova

The article presents the results of studying the initial raw materials and molding masses of the Neolithic ceramics of the Ust-Belaya type from the Southern Angara region. We analyzed 18 vessels from the Ust-Belaya, Shumilikha and Gorelyi Les sites using an Altami CM0745-T microscope. Ferruginous clay with a natural admixture of sand was used as a raw material. The molding materials are generally free of impurities. Quartz grit was added in only two vessels, and in one case organics of unknown origin were added. As a result, we conclude that the quality of the raw materials was satisfactory for the authors of the Ust-Belaya pottery in the Middle Neolithic. At the same time, the natural admixture of sand in the clay reduces the degree of shrinkage of the product during drying and increases the refractoriness of the vessels. Ancient potters had to use special supplements very rarely.

Keywords: Southern Angara region, ancient pottery, Ust-Belaya type, pottery traditions, technology, raw materials, molding masses.

Уланов Илья Викторович

стажер-исследователь,
НИЦ «Байкальский регион»
Иркутский государственный университет
e-mail: ussr-ilya@yandex.ru

Соколова Наталья Борисовна

инженер-исследователь,
НИЦ «Байкальский регион»
Иркутский государственный университет
e-mail: snb-87@mail.ru

Уланова Александра Владимировна

лаборант-исследователь,
НИЦ «Байкальский регион»
Иркутский государственный университет
e-mail: verensk1987@gmail.com

Ulanov Ilya Viktorovich

Trainee Researcher,
Scientific Research Center “Baikal Region”
Irkutsk State University
e-mail: ussr-ilya@yandex.ru

Sokolova Natalia Borisovna

Engineer Researcher,
Scientific Research Center “Baikal Region”
Irkutsk State University
e-mail: snb-87@mail.ru

Ulanova Aleksandra Vladimirovna

Assistant Researcher,
Scientific Research Center “Baikal Region”
Irkutsk State University
e-mail: verensk1987@gmail.com

Морфологический анализ керамики посольского типа одноимённой стоянки юго-восточного побережья озера Байкал (по материалам коллекции 1959 г.)*

Д. А. Мархаева

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

*Работа выполнена по гранту Правительства РФ, проект № 075-15-2019-866 «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»

Посольская стоянка расположена на юго-восточном побережье оз. Байкал, на правом приустьевом участке р. Большая Речка, в 4 км к югу от одноименного поселка. В административном отношении – Кабанский район Республики Бурятия. Местонахождение открыто в 1949 г. А. П. Окладниковым [Ивашина, 1979]. Стационарные работы на объекте проведены Е. А. Хамзиной в 1959 г. в составе Иркутской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР. Исследования продолжены в 1964 г. отрядом экспедиции Института общественных наук БНЦ СО АН СССР (Е. А. Хамзина). Результаты раскопок 60-х гг. прошлого века введены в научный оборот [Цыденова, Хамзина, 2006]. Материалы 1959 г. до настоящего времени практически не опубликованы; имеется их краткое описание в монографии Л. Г. Ивашиной [1979] и тезисная публикация Е. А. Хамзиной и Л. Г. Ярославцевой [2000]. Автором раскопок выделено три условных культурных слоя, неолитические комплексы которых зафиксированы в компрессионном состоянии во II и III слоях [Там же, 2000].

В коллекции наиболее многочисленную группу составляет керамика посольского типа, выделенная и описанная Л. П. Хлобыстиным по материалам IX слоя многослойной стоянки Улан-Хада, расположенной на Малом Море оз. Байкал [Хлобыстин, 1964, 1978]. Керамика Посольской стоянки (раскопок 1959 г.) до настоящего времени практически не описана и не анализирована.

Цель предлагаемого исследования – проведение морфологического анализа керамики посольского типа одноименной стоянки (по материалам 1959 г.), выявление ее характерных и специфических признаков. Основной упор сделан на анализ орнаментации сосудов, так как в настоящее время доступ к коллекциям по объективным причинам затруднен. Работа построена на основе записей и зарисовок материалов коллекции, выполненных О. И. Горюновой в середине 70-х гг. прошлого века.

Для керамики посольского типа характерен стабильный набор признаков: утолщение венчика подтреугольным (реже – прямоугольным) налепом, расположение узора в верхней части сосуда, устойчивая композиция и техника нанесения орнамента [Горюнова, Мархаева, Новиков, 2019]. В комплексе исследуемой стоянки выделяется несколько вариантов керамики посольского типа: сосуды с утолщением венчика с внешней стороны и с утолщением венчика с внутренней стороны.

Преобладают сосуды с внешним утолщением венчика. Форма – сложная, закрытая. В основном их поверхность гладкостенная; встречаются оттиски тонкого шнура, штрихов и (в единичных случаях) сетки-плетёнки. Классическая композиция орнамента состоит из украшения по краю сосуда над налепом, утолщенному венчику и тулову. Вдоль края венчика (над утолщением) проходит поясок мелких отверстий, нанесенных поверх линии, выполненных отступающей лопаточкой или прочерчиванием. По поверхности налёпа располагались наклонные (иногда с «елочным» построением), горизонтальные прямые или зигзагообразные линии, состоящие преимущественно из оттисков зубчатого (реже – прямоугольного) штампа. На ряде сосудов узор выполнен отступающей лопаточкой. Тулово орнамен-

тировано горизонтальными рядами, выполненными в основном отступающей лопаточкой с округлым, треугольным, прямоугольным, арочным или зубчатым концом. На некоторых сосудах узор наносился тычковым методом или техникой прочерчивания. Отмечены сосуды, на которых от последнего ряда отходят построения из коротких горизонтальных линий, выполненных тем же штампом, что и основной узор.

В группе керамики посольского типа с внешним утолщением венчика, помимо классической орнаментальной схемы, выделяются сосуды с более упрощенным композиционным построением узора: без пояса отверстий над налепом (по остальным признакам они соответствуют выделенной группе); с отсутствием орнамента по утолщению венчика; украшенные только по тулову; декорированные исключительно по поверхностям налёпа; только с поясом отверстий по краю сосуда.

Сосуды посольского типа с внутренним утолщением венчика имеют простую, закрытую форму. Стенки сосудов гладкие или с оттисками тонкого шнура. Вдоль венчика проходит поясок мелких отверстий, иногда сочетающийся с прочерченной линией. Тулово украшено горизонтальными рядами, выполненными отступающей лопаточкой с округлым концом, оттисками зубчатого штампа или прочерченными линиями. Встречается «елочное» построение узора. На некоторых сосудах ниже последнего ряда проходит горизонтальный зигзаг, выполненный тем же штампом, что и основной орнамент тулова. Внутреннее утолщение венчика часто оформлено наклонными прочерченными линиями.

В группе сосудов с внутренним утолщением венчика выделяется керамика, украшенная орнаментом, характерным для сосудов усть-бельского типа [Бердников, 2013]. Их сближают композиция, мотивы и техника нанесения орнамента. Внешняя поверхность сосудов – гладкая; встречается с оттисками шнура и штрихов (следы от выколачивания стенок сосуда). Композиция узора состоит из наклонных, горизонтальных линий и горизонтального зигзага, образующих бордюры (промежуточные ряды, оформленные отдельными оттисками штамповых вдавлений). В ряде случаев последний горизонтальный ряд завершается зигзагообразной линией. Вдоль венчика проходит поясок отверстий либо ямочек, нанесенных поверх линий, выполненных отступающей лопаточкой или прочерчиванием. Орнамент тулова, как правило, выполнен отступающей лопаточкой.

В комплексе отмечены сосуды без характерного утолщения венчика, но по всем другим признакам соответствующие керамике посольского типа.

В целом в результате проведенного морфологического анализа керамики посольского типа одноименной стоянки (по материалам 1959 г.) выявлены ее характерные и специфические признаки. Выделено несколько вариантов керамики посольского типа: сосуды с утолщением венчика с внешней стороны и с утолщением венчика с внутренней стороны (в единичном случае встречается сосуд без утолщения). По композиции, мотивам, технике нанесения узора и используемых штампов оба варианта посольской кера-

мики аналогичны между собой. Выявлено многообразие композиционных построений на сосудах с внешним утолщением венчика, выраженное в упрощении орнаментальной схемы (отсутствие или наличие узора на разных элементах сосуда). Выделена керамика, сочетающая черты посольского (утолщение венчика налепом с внутренней стороны) и усть-бельского (композиция, мотивы, техника нанесения орнамента) типов.

Наличие сосудов, сочетающих в себе черты различных керамических традиций, может свидетельствовать о взаимовлиянии жителей соседних регионов. Это предположение требует дальнейших исследований.

*Научный руководитель – А. Г. Новиков
канд. ист. наук, ст. преподаватель,
Иркутский государственный университет*

Morphological Analysis of the Posolskaya Type Pottery from the Same Name Site on the Southeastern Shore of Lake Baikal (Based on the Collection of 1959)

D. A. Markhaeva

The article presents the results of morphological analysis of Posolsk type pottery of the same name site (based on materials from 1959), and identifies characteristic and specific features. There are several variants of Posolsk type pottery: vessels with a thickening of the corolla on the outside and with a thickening of the corolla on the inside (in a single case, there is a vessel without a thickening). According to the composition, motives, technique of applying the pattern and the stamps used-both versions of Posolsk pottery are similar to each other. The variety of compositional structures on vessels with an external thickening of the corolla, expressed in the simplification of the ornamental scheme (the absence or presence of a pattern on different elements of the vessel), is revealed. Pottery combining the features of the Posolsk type (thickening of the corolla with a stick on the inside) and Ust-Belaya type (composition, motifs, technique of applying ornament) are highlighted, which may be the result of cultural exchanges between regions.

Keywords: Lake Baikal, Neolithic, Posolsk, pottery, Posolsk type, Ust-Belskaya type, morphological analysis.

Мархаева Дарима Андреевна

студент 3-го курса

Иркутский государственный университет

e-mail: darimamarhaeva@gmail.com

Markhaeva Darima Andreevna

Student 3rd year

Irkutsk State University

e-mail: darimamarhaeva@gmail.com

УДК 903.02(571.61)"6347"

Керамический комплекс позднего неолита археологического памятника Русский-Аякс-1

О. И. Щипун

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

Археологический памятник Русский-Аякс-1 расположен в юго-восточной части бухты Аякс (восточное побережье п-ов Саперный, о. Русский), в 1,5 км к западу от мыса Балка, на уплощенной поверхности оконечности мысовидного выступа прибрежной сопки (на высоте 10–12 м над у. м.). Памятник был обнаружен в 2008 г. А. Н. Поповым. В 2009 г. проводились охранные раскопки. Данный памятник является двухслойным, представлен двумя археологическими культурами: зайсановской, которая относится к позднему неолиту, и янковской, относящейся к раннему железному веку [Попов, 2010].

Распределение археологического материала в стратиграфических слоях следующее: находки янковской культуры залегают во всей толще слоя желто-коричневого суглинка, находки зайсановской культуры преобладают в нижней части слоя желто-коричневого суглинка на границе с материком.

В работе рассмотрена часть найденной на памятнике керамики эпохи неолита. Рассмотренная часть керамики интересна тем, что концентрировалась в местах предполагаемых жилищ, а именно в секторах 1, 2, 6.

Керамика, найденная на памятнике Русский-Аякс-1, фрагментарна и рассеяна по площади. От общего количества керамики (1239 экз.) фрагменты тулова составляют

82 % (932 экз.), венчики – 9 % (101 экз.), донья – 1 % (12 экз.). Также встретилось 3 развала сосудов.

Технико-технологические показатели. Сосуды изготавливались из глины с примесью дресвы. Вся керамика ручной лепки и изготавливалась при помощи ленточного налепа. Сосуды изготавливались по донной программе, об этом можно судить по характеру наложения лент и их излому [Бобринский, 1978; Предварительные результаты..., 2009]. Оборачивание лентой донной лепешки и установление лент на ней характерно для керамики, найденной на памятнике Русский-Аякс-1. Тулово конструировалось ленточным налепом. Венчики в большинстве случаев оформлялись из верхней ленты тулова путем придания округлой или приостренной формы. Для большинства экземпляров венчиков характерна нечеткость, небрежность оформления, асимметрия и неровность края, излишки глины часто образуют наплывы на стенках. Не выдерживались профиль кромки и угол отгиба венчика. На одних сосудах угол профиля венчика прямой или незначительно отогнут. В единичных случаях профиль венчика отогнут почти на 90°. Отсутствуют изделия со структурно выделенной горловиной.

Толщина дна и стенок примерно одинаковая, от 4 до 7 мм. Поверхность керамики неоднородная: от гладкой до шероховатой и пористой. Следовательно, поверхность обрабатывалась разными способами. Внутренняя поверх-

Список литературы

Бердников И. М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1. С. 203–229.

Горюнова О. И., Мархаева Д. А., Новиков А. Г. Керамика посольского типа с поселений побережья Чивыркуйского залива озера Байкал // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15, № 3. С. 47–61.

Ивашина Л. Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. Новосибирск, 1979. 157 с.

Хамзина Е. А., Ярославцева Л. Г. Посольская стоянка (по материалам раскопок Е. А. Хамзиной, 1959 г.) // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Археология. Этнология. Улан-Удэ, 2000. С. 64–68.

Хлобыстин Л. П. Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале // КСИА. 1964. № 97. С. 25–32.

Хлобыстин Л. П. Возраст и соотношение неолитических культур Восточной Сибири // КСИА. 1978. № 153. С. 93–99.

Цыденова Н. В., Хамзина Е. А. Керамические материалы посольской стоянки: корреляции и варианты интерпретации // Известия Лаборатории древних технологий. 2006. № 4. С. 323–332.

ность по обработке не отличается от внешней, это говорит о достаточно широкой горловине для обработки внутренней поверхности.

Цвет фрагментов варьируется от светло- и темно-коричневого до коричневого с ржавым оттенком. В изломе цвет неравномерен и варьируется от черного внутри до серого в середине и коричневого цвета на внешней поверхности. Такой неравномерный цвет фрагментов говорит о костровом обжиге. Присутствует пищевой нагар на многих фрагментах, что свидетельствует об использовании сосудов в обиходе для приготовления пищи [Глушков, 1996].

Морфология. Найденная керамика фрагментарна. По немногочисленным фрагментам доньев сосудов можно сказать, что сосуды были плоскодонными. Для сосудов данного памятника характерна простейшая структура без четко выделенной горловины. У большинства экземпляров верхних частей фиксируется слабое сужение, однако такое сужение не позволяет говорить о выделении горловины. Обломки верхних частей сосудов указывают, что сосуды были открытыми с широкими устьями и прямыми стенками. Такие сосуды баночной формы характерны для начального этапа развития гончарства. Сосуды имели разный размер (диаметр венчика от 10 до 22 см) и, следовательно, предназначение.

Орнаментация. Среди всей рассмотренной керамики только 8 % (94 экз.) орнаментированы. В исследуемой керамической коллекции характерен рельефный характер взаимодействия с поверхностью. Фрагменты керамики сочетают в себе элементы позитивного и негативного типов орнамента. Зоны орнаментации сосудов – тулово и венчик. Фрагменты тулова в большинстве не имеют орнамента. От общего количества керамики венчики составляют 9 % (101 экз.), из них 76 % орнаментировано, а 24 % – нет. Позитивные элементы встречаются на вечночной части в виде наклепного валика под кромкой венчика сосуда и составляют 53 % (50 экз.) от всех орнаментированных фрагментов. Налепные валики небольшие, примерно 0,5 см, круглые и подтреугольные в сечении. На валиках встречаются элементы негативного орнамента – вертикальные насечки и насечки под наклоном, также они встречаются под наклепным валиком. Под валиком часто наблюдается волнистая прочерченная линия. Керамика, которая совмещает в себе элементы негативного и позитивного орнамента, составляет 31 % (29 экз.) от общего количества орнаментированной керамики.

Исключительно негативный орнамент встречается крайне редко. Фрагментов с негативным орнаментом не более 16 % (15 экз.) от общего количества декорированных фрагментов. Данный орнамент можно наблюдать в виде от

одной до трех прочерченных горизонтальных и наклонных линий. Такой орнамент встречается на фрагментах, которые отличаются от общей массы более толстыми стенками и светло-коричневым с ржавым оттенком цветом поверхности. Элементами данного орнамента являются горизонтальные или наклонные параллельно прочерченные линии, которые складываются в мотив вертикального зигзага.

Основным мотивом орнаментальной традиции является наклепной валик под кромкой сосуда и наклепной валик с насечками или с теми же насечками под валиком. Композицией же будет являться наклепной валик с насечками и без них или наклепной валик с насечками под ним в вечночной части с сочетанием прочерченных горизонтальных либо наклонных линий на тулове сосуда.

Сопоставляя характерные черты керамики памятника Русский-Аякс-1 с материалами ранее известных памятников, выявляется сходство с материалами памятников Бойсмана-1 (слой 4) [Вострецов, 1998], Гвоздево-4 (слой 2–3), Клерк-5 [Лазин, 2010]. Материалы данных памятников отнесены к зайсановской археологической культуре, что позволяет отнести памятник Русский-Аякс-1 к той же культурной традиции.

*Научный руководитель – А. Н. Попов
канд. ист. наук, доцент,
департамент истории и археологии,
Школа искусств и гуманитарных наук,
Дальневосточный федеральный университет*

Список литературы

- Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978. 272 с.
- Вострецов Ю. Е. Археологические материалы поселений Заречье-1, Зайсановка-3, 4, Ханси-1, Бойсмана-1 // Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана. Владивосток, 1998. С. 30–122.
- Глушков И. Г. Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1996. 328 с.
- Лазин Б. В. Неолитический комплекс многослойного памятника Русский-Аякс в г. Владивосток (предварительные данные) // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология: материалы докладов V (L) Рос. (с междунар. участием) археол.-этнограф. конф. студентов и молодых ученых. Иркутск, 2010. С. 147–149.
- Попов А. Н. Охранно-спасательные археологические исследования (раскопки) археологического памятника Русский-Аякс-1 на о. Русский (г. Владивосток): Отчет (Т. 1–4) // Архив МАЭ УНМ ДВФУ № 82. Владивосток, 2010. 728 с.
- Предварительные результаты изучения неолитического памятника Гвоздево-4 в Южном Приморье / О. Л. Морева, Н. А. Батаршев, Е. Б. Крутых, С. С. Малков // Тихоокеанская археология: От Монголии до Приморья и Сахалина: сб. науч. работ. Владивосток, 2009. Вып. 17. С. 52–110.

Late Neolithic Ceramic Complex of the Archaeological Site Russky-Ajax 1

O. I. Shchipun

The work considers the ceramic complex of the Late Neolithic archaeological site Russky-Ajax 1, which is located in the south of the Primorsky Krai. The work considered part of the Neolithic ceramics found on the site, which was concentrated in the places of supposed dwellings. Analyzing ceramics on the basis of technical and technological indicators, morphology and features of vessel ornamentation it was revealed that site Russky-Ajax 1 belongs to Zaysanovskaya archaeological culture.

Keywords: Zaysanovskaya culture, Late Neolithic, ceramics, adhesive roller, drawn line.

Шчипун Олеся Игоревна

студент 2-го курса
Дальневосточный федеральный университет
e-mail: olesya.shchipun@mail.ru

Shchipun Olesya Igorevna

Student 2nd year
Far-Eastern Federal University
e-mail: olesya.shchipun@mail.ru

Культура лапита: история изучения и основная проблематика*

А. Р. Агапова

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

*Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-09-00010
«Древние культуры островной части Юго-Восточной Азии:
происхождение, особенности и региональное значение»

Исключительно интересным палеоисторическим горизонтом в Океании является культура лапита, существовавшая в пределах 3600–2500 л. н. и документирующая австронезийскую колонизацию Меланезии и Полинезии [Spriggs, 1984, p. 202].

Термин «лапита» был введен в научный оборот после экспедиции в Новой Каледонии в 1952 г., где работали Э. Гиффорд и Р. Шултер. Раскопки привели к обнаружению в Зоне 13 керамики с «зубчато-штампованным» орнаментом, которая стала главным культурным маркером для аналогичных комплексов и важным поворотным моментом в тихоокеанской археологии.

Сегодня под термином «лапита» мы подразумеваем культурную традицию (КТЛ), так как о какой-то определенной культуре говорить сложно – территориальные и временные рамки достаточно обширные. Носители КТЛ – австронезийского происхождения. Истоки традиции, по одной из версий, могли находиться на о. Тайвань и в Южном Китае. Откуда ее носители мигрировали в островную часть Юго-Восточной Азии (ок. 4,5 тыс. л. н.) [Табарев, Патрушева, 2018] далее в районы Ближней (от Новой Гвинеи до Соломоновых островов) и Дальней Океании (от Соломоновых островов до Полинезии). Они первыми колонизировали тихоокеанские острова за пределами Соломоновой цепи, такие как Вануату, Новая Каледония, Фиджи, Самоа, Тонга, Уоллис и Футуна. Носители КТЛ являются предками коренных народов, занимающих эти острова и дальше на восток и юг до Новой Зеландии.

Памятники КТЛ впервые привлекли внимание археологов в 1950–1960-х гг. Синтезируя формирующуюся картину относительно КТЛ с набором отличительной керамики с характерным меандровым узором, английский археолог Д. Голсон в 1961 г. предположил, что эта керамическая традиция лежит в основе «общности культуры» как Меланезии, так и Полинезии. На протяжении последующих лет и интенсивных полевых работ эта версия получила дополнительное подтверждение [Kirch, 2000, p. 86].

Археологическими исследованиями зафиксировано, что именно КТЛ привнесла технологию гончарства в тропическую часть Пасифики. Керамика характеризуется изысканно украшенными сосудами (меандровый рисунок, антропоморфные личины), разнообразием форм и конфигураций сосудов. Она выполнена без использования гончарного круга с применением различных технологий строения, формовки и профилировки изделий. Весь комплекс делит на простую посуду для хранения пищи и на орнаментированные сосуды, которые имели неутилитарный характер и, вероятно, сакральное значение. Особенностью КТЛ является постепенное распространение гончарства с запада на восток и явная деградация уровня технологий и орнаментики от начального периода к позднему [Deconstructing the Lapita ... , 2014, p. 102–104].

С точки зрения археологической периодизации КТЛ аналогична неолиту, так как она привнесла в тропическую часть Океании гончарство и производящее хозяйство. Однако отличительная особенность «островного неолита» в том, что он не носит автохтонного характера, а привносится извне в формате так называемого неолитического пакета. Носители КТЛ реализовывали различные виды хозяйства (рыболовство и собирательство сочеталось с прими-

тивным земледелием и животноводством), быстро перемещаясь с острова на остров, существуя во многом за счет эксплуатации морских ресурсов.

Раскопки на таких памятниках, как Талепакемалаи (о. Муссау, архипелаг Бисмарка) или Камгот (о. Бабасе, провинция Новая Ирландия), начиная от постоянного характера поселений, оборудования для приготовления растительной пищи, костей домашних животных, свидетельствуют о комплексном типе хозяйства. Так, например, памятник Талепакемалаи имеет большое значение для исследования культуры лапита и может считаться одним из наиболее важных ранних стоянок лапита на архипелаге Бисмарка [Kirch, 2000, p. 114]. Важность обусловлена несколькими ключевыми факторами. Это поселение документирует полный цикл КТЛ от ранней фазы (3300–3100 л. н.) до поздней (3100–2800 л. н.). На значительной площади (82 тыс. м²) обнаружен разнообразный археологический материал (более 40 тыс. фрагментов керамики), включая органику (кости животных, птиц, рыб, створки раковин), что принципиально важно для реконструкции системы жизнедеятельности.

Поселения и образ жизни носителей КТЛ в целом тесно связаны с морем. Поэтому неудивительно, что основная масса поселений располагалась в прибрежных зонах. Размеры памятников говорят о том, что это были небольшие поселения – от 2–3 до 150 домохозяйств. В рамках поселений прослеживается социальная дифференциация (наличие племенной элиты) и специализация (ремесленная, промысловая), об этом свидетельствуют также и погребальные комплексы.

Так, в 2004 г. на памятнике Теума (о. Эфате, Вануату) был найден большой некрополь и проведены масштабные археологические работы на площади 10 тыс. м². Этот памятник определен как один из самых древнейших погребальных комплексов в Океании. Теума был раскопан в течение трех полевых сезонов в 2004–2006 гг., после чего С. Бедфорд предложил периодизацию заселения Теумы носителями КТЛ: первая фаза заселения – 3200–3000 л. н. и последующая фаза – ок. 2800–2500 л. н. К 2009 г. было раскопано 48 захоронений, содержащих останки 71 индивидуума. К 2015 г. было найдено еще 20 погребений. Идентифицированные индивидуумы с Теумы составляют, безусловно, самую большую группу, принадлежащую к культуре лапита.

Погребальный обряд КТЛ оригинален, в нем главную роль играют большие сосуды, в которые укладывали останки умерших. Выделяют несколько основных видов погребальной практики: погребения в сосудах в скорченном положении или ничком (наиболее часто встречаемые), вторичные захоронения в сосудах или обычные грунтовые захоронения с труположением на спине и присутствием фрагментов керамики (с элементами несожженных костей черепа) [The Teouma Lapita site ... , 2006]. В погребальном обряде КТЛ прослеживается сходность с территорией Юго-Восточной Азии эпохи неолита. Поэтому приводимые аналогии и сравнительный анализ между территориями Юго-Восточной Азии и Океании не случайны, так как регион Юго-Восточной Азии представляет собой часть культурной составляющей КТЛ.

Таким образом, существенный вклад носителей КТЛ как успешных колонизаторов Океании заключается не только в использовании сложных технологий мореплавания при миграциях в островной части, но и в интродукции на территорию Океании специфической модели «тропического неолита». Эта культурная традиция имеет исключительно важное значение как для предьстории Океании, так и в целом для понимания процессов адаптации человека в тропическом поясе в древности и современности.

*Научный руководитель – А. В. Табарев
д-р ист. наук, введущ. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

Табарев А. В., Патрушева А. Е. Неолит островной части Юго-Восточной Азии: особенности, гипотезы, дискуссии // Теория и практика археологических исследований. 2018. № 1 (28). С. 165–179.

Deconstructing the Lapita Cultural Complex in the Bismarck Archipelago / J. Specht, T. Denham, J. Goff, J. E. Terrell // Journal of Archaeological Research. 2014. Vol. 22. Is. 2. P. 89–140. URL: <https://www.jstor.org/stable/24018058/>

Kirch P. V. On the road of the winds: an archaeological history of the Pacific Islands before European contact. Berkeley : University of California Press., 2000. 424 p.

Spriggs M. J. T. The Lapita Cultural Complex: Origins, Distribution, Contemporaries and Successors // Journal of Pacific History. 1984. Vol. 19 (4). P. 202–223.

The Teouma Lapita site and the early human settlement of the Pacific Islands / S. Bedford, M. Spriggs, R. Regenvanu // Antiquity. 2006. Vol. 80 (310). P. 812–828. <https://doi.org/10.1017/S0003598X00094448>

Lapita Culture: History of Study and Main Issues

A. R. Agapova

Archaeologists are of the opinion that the Lapita culture is a fundamental part of the great Austronesian expansion. Lapita is the common name of Austronesian-speaking who moved from Island Southeast Asia to Oceania between 3600 and 2500 years ago, and who spread in Southwestern Pacific forms of primitive production economy, a triad of animals (pig, chicken and dog), ceramics, and advanced techniques of navigation and fishing, and also a different worldview. The Lapita culture complex provided the basis for the further development of Western Polynesia and reconstruct subsistence of “Old” Melanesia.

Keywords: Near and Remote Oceania, Austronesian expansion, Lapita culture complex, pottery, subsistence economies, settlements.

Агапова Алина Романовна

студент 3-го курса
Новосибирский государственный университет
e-mail: a.agapova@g.nsu.ru

Agapova Alina Romanovna

Student 3rd year
Novosibirsk State University
e-mail: a.agapova@g.nsu.ru

УДК 903.5(520)"634"

Истоки концепции перерождения в погребальной практике протояпонцев

А. А. Ложников

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Изучение религиозных представлений и ритуальных практик протояпонских насельников Японского архипелага по-прежнему имеет множество нерешенных проблем, касающихся процесса культурных взаимодействий в процессе миграций, в том числе и преемственности обрядов, укоренившихся в культуре людей периода Дзёмон. В этом смысле изучение погребальной обрядности и выделение специфики, отмеченной для культур смежных регионов, должно помочь пониманию этих процессов и выявить истоки некоторых ритуалов. В связи с этим для анализа погребальных обрядов были выбраны два из принятых в отечественной археологии направления интерпретации погребального обряда: религиозно-мифологическое и этнокультурное [Гуляев, 2010, с. 6].

В рамках исследования, среди прочих, были рассмотрены следующие типы погребений: вторичные погребения – *かいそうぼ* (каисо:бо) / *改葬墓*; погребение в жилище или под полом – *はいおくぼ* (хаюкубо) / *廃屋墓* и вторичные погребения в погребальной урне – *かめかんぼ* (камэканбо) / *甕棺墓* [Иванова, Попов, Табарев, 2013]. Для нас они представляют особый интерес в рамках рассмотрения концепции перерождения в погребальной практике, так как именно в этих двух типах она проявляется наиболее ярко.

Начиная со Среднего Дзёмона (III тыс. до н. э.), на Японском архипелаге, особенно в районах Тюбу, Кюсю, Канто, а также Северного Тохоку, получили распространение кувшинные погребения как взрослых, так и детей. Однако отличительной чертой детских захоронений в сосудах является ингумация мертворождённых или умерших младенцев в глиняные сосуды типа *умэгамэ* (от яп. «умэру» – зарывать и «камэ» – сосуд), иногда с отверстием в днище. Сосуд закапывали у входа, под порогом или в других частях жилища, наиболее подверженных хождению. Судя по всему, это символизировало идею возрождения души умершего ребёнка. Само жилище и вход олицетворяли детородные органы Матери-богини земли. Когда женщина ступала на место, под которым был зарыт сосуд с останками младенца, его душа могла переместиться из утробы богини в утробу женщины, возродиться в теле другого новорождённого [Эсака Тэруя, 1983, с. 30]. С данной трактовкой соотносятся изображения на некоторых сосудах, иллюстрирующие процесс рождения ребёнка [Ямада Ясухиро, 2019]. Что интересно, внутри таких урн и рядом с ними археологи находят *сэкибо* (каменные палицы с фаллическими наконечниками) – магические атрибуты, стимулирующие зачатие и размножение. Идея возрождения получила распространение с конца Среднего по первую половину Позднего Дзёмона, когда вход в землянку приобрел форму коридора. К этому же периоду исследователи относят и большинство найденных погребений.

Подобная практика, связанная с культом плодородия и рождения, встречалась не только в Японии. В Северном

Китае, начиная с неолита до эпохи Хань, практиковался аналогичный ритуал. В датируемом V–III вв. до н. э. могильнике Чжуаньчан (пров. Хэйлунцзян) были обнаружены сожжённые останки, захороненные у входа в жилище. В неолитической культуре Синлунва (юго-восточная часть Дунбэя и северный Хэбэй в Китае) в могильных ямах в полу котлована жилища хоронили как детей, так и взрослых [Алкин, 2007, с. 34]. В ареале распространения культуры Яншао, в частности в пров. Шэньси, найдено множество детских погребений в сосудах у входа в жилище [История Китая ... , 2016, с. 248].

Вторичные погребения, характерные для Дзёмона, представлены также обрядом *せんこつそう* (сэнкоцусо:) / *洗骨葬*, при котором останки проходили предварительное «очищение» в виде экскарнации тела или омовения костей водой. Такой тип повторных перезахоронений и помещений костей в большие сосуды был распространён на территории Юго-Западной и Северо-Восточной Кореи, в пещерах, раковинных кучах Окинавы, Океании, Тайваня, Южного Китая и Юго-Восточной Азии [Nelson, 1993, p. 92; Бакшеев, Смирнов, 2010, с. 64]. Впоследствии, в конце периода Дзёмон и в раннем Яёй, очищенные от плоти костные останки стали помещать в сосуды *цубо* (сосуды баночной формы) или в ритуальные фигурки *догу*, которые затем уже трансформировались в фигурные *оссуарии* – *ёки-гата догу*. Часто такие антропоморфные *догу* имеют выразительные женские черты, указывающие на культ плодородия. На Северо-Востоке Японии (в районах Тюбу, Канто, Тохоку) обнаружены такие фигурки с детскими останками внутри, что можно трактовать, как развитие культа реинкарнации через утробу матери.

Кроме того, относительно недавно японскими исследователями было проведено масштабное изучение весьма необычного способа погребения периода Дзёмон, при котором кости умершего замещались костями другого человека, иногда даже другого пола. В том числе это могли быть кости конечностей, нижней челюсти и даже целые черепа. Были изучены останки 21 человека из восьми могильников, главным образом найденных на территории южного Канто. Ямада Ясухиро пришел к выводу, что погребенные чаще всего имели кровнородственные связи или состояли в браке. Кроме того, он считает, что так воплотилась идея перерождения, благодаря воссоединению детей с родителями [Ямада Ясухиро, 2013, с. 57]. Кости разных людей также могли быть смешаны как форма почитания общего духа предков [Там же, с. 76].

Кувшинные погребения взрослых периода Яёй с помещением тела в сосуд в позе эмбриона можно рассматривать как развитие культа реинкарнации. «Утроба» конструировалась из двух примыкающих друг к другу венчиками больших сосудов.

Рассмотренные примеры позволяют говорить об устойчивой погребальной традиции, характерной для обширной территории архипелага, а также таких смежных регионов, как Северо-Восточный и Юго-Восточный Китай и Юго-Восточная Азия. Судя по всему, данная концепция перерождения в погребальной практике имела истоки в неолитических культурах Китая и была принесена на Японский архипелаг протодзёмскими мигрантами. Последние антропологические исследования также подтверждают генетическую связь людей позднего Дзёмона с людьми, проживающими в вышеуказанных регионах. Кроме того, практика подмены костей внутри родственной ячейки говорит о сложившейся социальной структуре захороненных и об определенной модели представлений о жизни и смерти и связи с предками.

*Научный руководитель – С. В. Алкин
канд. ист. наук, доцент,
кафедра археологии и этнографии,
кафедра востоковедения
Гуманитарный институт,
Новосибирский государственный университет*

Список литературы

Алкин С. В. Древние культуры Северо-Восточного Китая: Неолит Южной Маньчжурии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. 168 с.

Бакшеев Е. С., Смирнов Ю. А. Двустадийная погребальная обрядность Окинавы как археологическая и культурно-историческая реальность // Краткие сообщения Института археологии РАН. 2010. Вып. 224. С. 60–77.

Гуляев В. И. Изучение погребального обряда в зарубежной археологии // Краткие сообщения Института археологии. 2010. Вып. 224. РАН. С. 5–19.

Иванова Д. А., Попов А. Н., Табаров А. В. Вторичные погребения в глиняных сосудах в культуре Дзёмон на территории северной Японии // Вест. НГУ. Сер.: История, Филология. 2013. Т. 12. Вып. 5: Археология и этнография. С. 146–156.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века / отв. ред. А. П. Деревянко. М.: Наука; Вост. лит.-ра, 2016. Т. 1. Древнейшая и древняя история (по археологическим данным): от палеолита до V в. до н. э. 974 с.

Ямада Ясухиро. Дзёмон дзидай-ни окэру бубункоцу го:со: [山田康弘. 縄文時代における部分骨合葬 // 国立歴史民俗博物館研究報告 第 178 集] Захоронения частей скелета в период Дзёмон // Кокурицу рэксиминдзюку хакубуцукан кэнкю: хо:коку. 2013. Вып. 178. С. 57–83.

Ямада Ясухиро. Период Дзёмон: культура охотников и собирателей в древней Японии. 16.12.2019. URL: <https://www.nippon.com/ru/japan-topics/g00766/> (дата обращения: 16.01.2020).

Эсака Тэруя. Нихон ко:когаку кодзитэн [江坂輝弥. 日本考古学小辞典. 東京: ニューサイエンス社] Краткий археологический словарь. Токио: Нью:саинся, 1983. 425 с.

Nelson S. M. The archaeology of Korea. Cambridge University Press, 1993. 307 p.

Origins of the Rebirth Concept in the Burial Practice of Proto-Japanese

A. A. Lozhnikov

The article gives an overview of how the concept of rebirth was realized in the funeral practice of the proto-Japanese population of the Japanese archipelago. The research examines children's secondary burials in jars and secondary burials with replaced bones, since they are the most representative examples of the rebirth cult. The analyzed data makes it possible to speak about entrenched religious rituals which apparently have origins in the Neolithic cultures of South-east Asia and China, which means that the ways of intercultural contacts were wider and stronger than it is accepted to consider. The structure of the funeral rites of the tribesmen provides information on the social structure and its connection to religious-mythological worldview of people of the Jomon period.

Keywords: Japanese archaeology, Jomon period, burial practice, jar burials, rebirth, the Neolithic.

Ложников Артемий Александрович
студент 4-го курса
Новосибирский государственный университет
e-mail: integralow8@gmail.com

Lozhnikov Artemii Aleksandrovich
Student 4th year
Novosibirsk State University
e-mail: integralow8@gmail.com

УДК 903.7(470.51/.54)“636”

Новое энеолитическое святилище на Горбуновском торфянике

Е. А. Ощепкова

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

На территории Среднего Урала выявлено много культурных памятников различных типов. Зачастую их функционирование в древности было связано с топографией и природными особенностями. Таковыми являются святилища на скальных выходах и останцах. В настоящее время этот тип памятников вызывает особый интерес исследователей, так как был выявлен на Среднем Урале сравнительно недавно. К числу подобных памятников относятся скалы Шайтанского озера [Сериков, 2013], Балакинский шихан, Лайский мыс, Старичный останец [Сериков, 2015]. Находки последних лет, обнаруженные ещё на одном памятнике – Куполе Горбуновского торфяника, позволяют утверждать, что его также можно отнести к скальным святилищам.

Купол расположен на северо-восточном берегу Горбуновского торфяника в Свердловской области. Это возвышение коренного берега было отмечено О. Н. Бадером ещё в 1944 г., но в то время ему не было уделено должного внимания [1953]. В 1976 г. данный памятник был определен как стоянка [Сериков, 1984].

Памятник представляет собой куполообразное вздутие береговой гряды высотой до 7 м, находящееся в глубине берега между I и II Береговыми стоянками. На вершине

Купола находится небольшая овальная площадка со скальными выходами. Мощность культурных напластований в отдельных местах доходит до 50 см. В них были выделены слои мезолита и энеолита [Там же].

Мезолитический материал представлен немногочисленно. Единственный в коллекции нуклеус изготовлен из плитки некачественного кремнистого сланца. С трех сторон плитки произведено по одному пробному сколу, после чего, видимо, нуклеус был признан непригодным для дальнейшей обработки. В мезолитической коллекции каменных изделий имеются также микропластинки без ретуши, изготовленные в основном из кремневых пород.

Энеолитический каменный комплекс отличается преобладанием отщепов.

Отходы обработки нуклеусов имеют выраженный пластинчатый характер. Сам пластинчатый комплекс включает пластины с ретушью и без нее, наконечник стрелы, резец, скребки и подвеску.

Наконечник стрелы имеет боковую выемку, обработанную крутой краевой ретушью [Сериков, 2015]. Наконечники стрел с боковой выемкой считаются культурно-хронологическим индикатором энеолитических памятников.

ков. Известны они и в могильниках этого времени – Чепкуль 21, Бузан 3 [Чаиркина, 2011]. Кроме этого, среди находок имеется шлифованный наконечник стрелы, изготовленный из сланца серо-бурого цвета.

Скрёбки изготовлены на пластинах и отщепках, рабочие лезвия обработаны крутой ретушью. Самый широкий скрёбок дополнительно обработан по боковым краям ретушью со спинки.

Интерес представляет скрёбок, изготовленный из трехгранной пластины светло-серой кремнистой породы. Лезвие скребка обработано крупной ретушью, боковые края отретушированы мелкой ретушью со спинки. Противоположный конец изделия имеет заостренную форму с ярко выраженными боковыми плечиками. Заостренный конец слегка заглажен и закруглен. Это позволяет рассматривать находку в качестве комбинированного изделия – скребка и остря.

Два остря происходят из раскопок 1976 г. Одно остря выполнено на пластине светло-серой кремнистой породы длиной 3,5 см и шириной 1,4 см. Кончик остря оформлен крутой ретушью со спинки. Противоположный край частично обработан мелкой ретушью. Второе остря выполнено на заостренном отщепе кремнистого сланца [Сериков, 1984].

Из других изделий необходимо упомянуть кресальный кремь, отщеп с краевой ретушью из углистого сланца и нож из плитки сланца.

Кресальный кремь изготовлен из расколотого нуклеуса темно-коричневого кремня.

В качестве ножа использовалась плитка сланца серповидной формы. Лезвие изделия с двух сторон обработано нерегулярной ретушью. На противоположной стороне у ножа отбита выемка, которую удобно использовать при удержании изделия в руке.

В коллекции присутствует небольшой комплекс, связанный с абразивной обработкой камня. Прежде всего, это обломок массивной двусторонней шлифовальной плиты.

В качестве абразива использовался брусок из светло-желтого пористого мелкозернистого песчаника. На всех четырех плоскостях присутствуют следы сработанности. Противоположная плоскость и узкое ребро от сильной сработанности имеют вогнутые рабочие поверхности. Данный абразив использовался для заточки узких металлических лезвий.

Первоначальный анализ каменного инвентаря (по большей части – отщепов) позволяет определить список минерального сырья для изделий. Чаще всего использовались алевролит, халцедон, алевротуф, светло-серая кремнистая порода, кремь и кремнистый сланец. Остальные минералы использовались эпизодически: сердолик, сланец, яшма зеленая и кварц молочный. Интересно отметить, что часть отщепов халцедона бывала в огне, они покрыты трещинами и изменили цвет.

На памятнике были обнаружены куски колотого кварца, а также целые и расколотые гальки. Этот набор является обычным для ряда культовых памятников. Аналогичные изделия встречены практически во всех культовых комплексах Шайтанского озера. Колотая галька присутствует во всех исследованных раскопках пещерных святилищах р. Чусовой – гротах в камнях Дождевом и Денежном, пещерах Туристов, Котел, Кумыш и Усть-Койва [Сериков, 2009а]. Сотни нуклеидных бесформенных кусков и осколков, найденных у подножья Писаного камня на р. Вишера, О. Н. Бадер связывал с культом огня [Бадер, 1954]. По мнению А. Н. Лепихина, круглые и овальные гальки, найденные на костяках Прикамья «могли обозна-

чать яйцо – символ творения и жизни». А ритуалам с раскалыванием галек А. Н. Лепихин приводит интересную аналогию из удмуртской мифологии, где дробление камня связано, с одной стороны, с подземным миром, а с другой – с созданием новой жизни [2004].

Среди находок на Куполе имеется ещё несколько любопытных изделий, такие как фигурный кремь и каменная подвеска. Фигурный кремь имеет г-образную форму и изготовлен на отщепе серого халцедона. Он обработан краевой ретушью в нескольких местах, предположительно, для создания образа животного. Действительно, в горизонтальном положении отщеп имеет сходство с головой лося. Если отщеп повернуть на 90 ° и поставить вертикально, то в треугольном выступе можно увидеть голову медведя. Подобные кремневые фигуры в Среднем Зауралье известны на памятниках неолита – энеолита: Исетское Правобережье, Шайтанское озеро I, Мыс Крутяк, Юрьино VII, Бузан 3 и др. [Сериков, 2009б]. Также важно подчеркнуть, что кремневая скульптура на скальных святилищах уже известна. Она происходит с крупнейшего скального святилища Шайтанского озера – Шайтанского шихана [Сериков, 2013].

Особый интерес представляет каменная подвеска с Купола. Она изготовлена из пластины красно-зеленой яшмы. В верхней части изделия имеются выемки для крепления. Целенаправленно использовался цвет материала: один край пластины имеет красный цвет, второй – зеленый. Отметим, что и фигурный кремь, и каменная подвеска являются предметами неутилитарного назначения.

С Купола получена небольшая коллекция мелких фрагментов кальцинированных костей, среди которых удалось определить кости бобра (фрагмент черепа), лося (плюсна) и северного оленя (локтевая) [Сериков, 1984].

Таким образом, наличие на памятнике острий, предметов для высекания огня, наконечников стрел, целых и расколотых галек, кусков колотого кварца, кальцинированных костей (следов возможного жертвоприношения) и предметов неутилитарного назначения позволяют отнести этот памятник к числу скальных святилищ.

*Научный руководитель – Ю. Б. Сериков
д-р ист. наук, профессор, ведущ. науч. сотр.,
Нижнетагильский государственный
социально-педагогический институт
(филиал Российского государственного
профессионально-педагогического университета)*

Список литературы

- Бадер О. Н. Археологические памятники Тагильского края // Ученые записки Пермского государственного университета. 1953. Т. 8, вып. 2. С. 311–364.
- Бадер О. Н. Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере // СА. 1954. Т. 21. С. 241–258.
- Лепихин А. Н. Каменные изделия костяк гляденовской культуры // Оборинские чтения. Материалы IV–V региональных археологических конференций. Пермь, 2004. Вып. 3. С. 59–64.
- Сериков Ю. Б. Новые памятники Горбуновского торфяника // СА. 1984. № 2. С. 102–114.
- Сериков Ю. Б. Пещерные святилища реки Чусовой. Нижний Тагил : НТГСПА, 2009а. 368 с.
- Сериков Ю. Б. Кремневая скульптура Урала (проблемы происхождения, хронологии и семантики) // Тверской археологический сборник. Материалы 9-го–11-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь, 2009б. Вып. 7. С. 391–410.
- Сериков Ю. Б. Шайтанское озеро – священное озеро древности. Нижний Тагил : НТГСПА, 2013. 408 с.
- Сериков Ю. Б. К вопросу о выделении скальных святилищ на территории Среднего Урала // Вестник Пермского университета. 2015. № 1 (28). С. 141–150.
- Чаиркина Н. М. Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Зауралья. Екатеринбург : УрО РАН, 2011. 224 с.

New Eneolithic Sanctuary on the Gorbunovsky Peatbog

E. A. Oshchepkova

Cultic monuments of various types are known in the Middle Trans-Urals. The sanctuaries found on the so-called shikhans (rock buttes) are of particular interest. The dome of the Gorbunovsky peatbog is a rock monument, which was considered a site for a long time. But studies of recent years, during which

points were pointed out at the monument, objects for carving fire, arrowheads, whole and cracked pebbles, calcified bones and non-utilitarian objects, make this monument a rock sanctuary.

Keywords: rock monument, sanctuary, Gorbunovsky peatbog, Dome, Eneolithic, non-utilitarian objects.

Ощепкова Екатерина Александровна

магистрант 2-го года обучения

Алтайский государственный педагогический университет

e-mail: akulova13egupt@rambler.ru

Oshchepkova Ekaterina Aleksandrovna

Graduate student 2nd year

Altai State Pedagogical University

e-mail: akulova13egupt@rambler.ru

УДК 903.59 (571.1)

Раковины моллюсков в погребальном обряде населения Барабинской лесостепи эпохи неолита – ранней бронзы (на материалах памятника Сопка-2)

А. А. Ларочкин

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Памятник Сопка-2 является грунтовым многослойным могильником. Открыт в 1971 г. экспедицией под руководством Е. А. Сидорова. Раскопки проводились с 1979 по 1993 г. под руководством академика В. И. Молодина. Это один из немногих памятников, который исследовался методом вскрытия сплошной площадью. В результате было выявлено 689 захоронений, относящихся к разным эпохам [Молодин, 2001, с. 7–8].

В состав погребального инвентаря этого могильника входят останки различной фауны, в том числе и створки раковин моллюсков. На памятнике они фиксируются уже в самых ранних погребениях. В сегменте Сопка-2/1 в трех погребениях из десяти найдены створки речных моллюсков перловиц (*семейство Unionidae*). Причем в женском погребении № 329 обнаружена 71 створка перловицы, которым придана округлая форма. Согласно последним радиоуглеродным исследованиям комплекс Сопка-2/1 датируется второй половиной VII тыс. до н. э. – первой половине VI тыс. до н. э., т. е. эпохой неолита [Там же, с. 25–31].

В комплексе Сопка-2/2 (гребенчато-ямочная культура) обнаружено всего 4 могилы. Лишь в одной из них (№ 643) были найдены две створки различных моллюсков. Одна створка принадлежит роду беззубок (*Anodonta Sp.*). Эти раковины распространены достаточно широко в озерных и речных отложениях Западной Сибири, происходят из четвертичных отложений в таких реках, как Обь и Иртыш. Также рядом с раковиной беззубки в погребении была обнаружена створка ископаемого двустворчатого моллюска рода *Idionoma Sp.* По утверждению кандидата геолого-минералогических наук В. С. Зыкина, данные моллюски фиксируются только в миоценовых отложениях р. Иртыш, в области между пос. Чернолучье и г. Омск (т. е. только на бечевнике Иртыша) [Молодин, 2001]. Следует отметить, что миоценовая эпоха датируется 23,03–5,333 млн л. н. [Стратиграфический кодекс России ... , 2019].

Большое количество разнообразных раковин моллюсков были найдены в усть-тартасской части могильника, получившей наименование Сопка-2/3. Усть-тартасская культура датируется IV тыс. до н. э. Всего обнаружено 67 захоронений этой культуры. Створки раковин обнаружены в девяти захоронениях. Видимо, у носителей усть-тартасской культуры сохраняется традиция использования раковин в погребальном обряде. Общее количество раковин в захоронениях составляет более 40 экземпляров (42 экземпляра по подсчетам автора, кроме дробленных раковин, подсчитать точное количество которых не представляется возможным).

По определению В. С. Зыкина, для украшений использовались раковины двустворчатых моллюсков *Anodonta Sp.*, *Idionoma Sp.*, обнаруженные в более ранних комплексах памятника Сопка-2. Также были найдены новые виды

речных и морских моллюсков: *Corbicula tibetensis Prashad* (погребения № 611 и 660) – 6 экз.; *Glycymeris Sp.* (погребения № 359 и 651) – 26 экз.; моллюски семейства *Dentaliidae* (погребения № 611 и 660) – 3 экз. В остальных случаях обнаружены скопления дробленных раковин и отдельно лежащие створки, их видовую принадлежность определить не удалось.

В начале III тыс. до н. э. на территории Барабинской лесостепи складывается одиновская культура (Сопка-2/4А). Всего на памятнике Сопка-2 обнаружено 164 захоронения. Лишь в трех погребениях были обнаружены одна подвеска из раковины (погребение № 180) и две створки раковин крупных моллюсков (погребения № 196 и 232) [Молодин, 2012]. К сожалению, определить вид моллюсков затруднительно.

В эпоху ранней бронзы с одиновской культурой прилживительно в середине III тыс. до н. э. начала сосуществовать кротовская культура. На памятнике зафиксировано 250 кротовских захоронений (Сопка-2/4Б, В), но только в пяти из них (№ 62, 155, 228, 230, 366) обнаружены раковины моллюсков. Причем лишь в трех случаях (погребения № 62, 155, 366) найдены целые просверленные раковины, в остальных случаях – дробленные.

Целые створки раковин двустворчатых моллюсков представлены весьма значительной серией – 156 экземпляров, но все они принадлежат одному виду – *Corbicula tibetensis Prashad*. Эти двустворчатые являются пресноводными и, по утверждению В. С. Зыкина, связаны в первую очередь с бассейном р. Иртыш [Молодин, Гришин, 2016]. В целом этот вид распространен в горных областях Средней Азии и бассейне р. Сырдарья [Кантор, Сысоев, 2005]. Следует отметить, что раковины вида *Corbicula* были распространены не только на территории Барабинской лесостепи, но и в барнаульско-бийском Приобье.

Большой интерес вызывают раковины морских моллюсков, которые могут служить для определения направления культурных связей населения Барабы или даже определения направления миграций.

Раковины *Glycymeris Sp.* встречаются в регионе северного Приаралья в олигоценых отложениях [Молодин, 2001], начиная от р. Иргиз (Актюбинская область, Республика Казахстан) до берегов Аральского моря (около 300 км).

Интересны находки лопатоногих (класс *Scaphapoda*) моллюсков семейства *Dentaliidae*. Их раковины находят преимущественно в северных морях: Баренцевом и Охотском [Кантор, Сысоев, 2005]. Однако, по утверждению исследователей [Молодин, 2001], найденные в Барабе раковины лопатоногих, так же, как и раковины *Glycymeris Sp.*, встречаются в регионе северного Приаралья. В отложениях этой местности встречено всего несколько видов [Алексеев, 1963], но в данный момент провести более точ-

ную классификацию обнаруженных в могильнике моллюсков затруднительно.

Раковины моллюсков в погребениях неолита – раннего металла не подвергались специальной дополнительной обработке. Чаще всего в них сверлилось миниатюрное отверстие для подвешивания. В редких случаях раковины дробили на несколько частей и придавали им округлую форму. Вероятнее всего, они пришивались к ткани внахлест [Молодин, 2001]. Кроме того, помимо подвесок и украшений одежды, раковины могли использоваться для украшения вещей. В погребениях кротовской культуры № 62 и 155 раковины располагались *in situ* в ногах погребенных. Судя по крупным сериям раковин в двух могилах, они могли использоваться для украшения предмета, похожего на сумку [Молодин, Гришин, 2016].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что раковины моллюсков в погребальном обряде как неолитических, так и раннебронзовых культур Барабы не играли важной сакральной роли. Створки раковин двустворчатых моллюсков использовали в качестве подвесок, нашивок на одежду и предметов быта, а раковины лопатоногих моллюсков использовали в качестве пронизок. Заметное уменьшение количества погребений с раковинами в эпоху ранней бронзы (одиновская и кротовская культуры) указывает на угасание моды на использование раковин как украшений.

Mollusk shells in the Burial Rite of the Population of Baraba Forrest-Steppe in the Neolithic and Early Bronze Age (Based on Materials of the Sopka 2 Site)

A. A. Larochkin

Based on materials from the necropolis Sopka 2, the article analyzes the presence of the remains of mollusk shells in the burials of the Neolithic and Early Bronze Age. The clamshell shells used as underwear and as stripes on clothes. An analysis of the species composition showed that the population of the Baraba forest-steppe used both local and those living in the Irtysh basin (mollusks of the species *Corbicula tibetensis* and fossil shells of the species *Idionoma Sp.*). The inhabitants of Baraba were also familiar with some sea mollusks. Bivalves such as *Glycymeris Sp.* and shovel-footed mollusks of the genus *Dentalium* founded in burials of the Ust-Tartass culture/ A more accurate determination of the species of mollusks will help establish a more accurate range of external contacts in territories adjacent to the forest-steppe. A quantitative analysis of shell flaps showed that, from the beginning of the third millennium BC the tradition of wearing shell flaps, gradually fades away.

Keywords: Archaeology of the Siberia, funeral rite, Neolithic, Early Bronze Age, Baraba forest-steppe, shells of mollusks.

Ларочкин Артём Александрович

студент 4-го курса
Новосибирский государственный педагогический университет
e-mail: koshra-mac-dak@yandex.ru

Larochkin Artyom Aleksandrovich

Student 4th year
Novosibirsk State Pedagogical University
e-mail: koshara-mac-dak@yandex.ru

УДК 903.222 (571.14)

Наконечники стрел в погребениях одиновской культуры (по материалам памятника Тартас-1, Барабинская лесостепь)

А. А. Некраш

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Памятник Тартас-1 расположен в Венгеровском районе Новосибирской области, был открыт в 2003 г. Б. А. Дейчем и О. В. Софеевым и, начиная с этого года и до настоящего момента, исследуется под руководством В. И. Молодина. Всего за это время было изучено более 750 погребений, 37 из которых можно надежно отнести к одиновской культуре. В пяти одиновских погребениях (14 %) обнаружены наконечники стрел. Подобная ситуация характерна и для одиновского могильника Сопка 2/4, что позволяет подтвердить предположение В. И. Молодина о том, что помещение наконечников стрел в могилу не являлось обязательным элементом погребальной практики носителей этой культуры [Молодин, 2012а, с. 93–96]. Несмотря на то что наконечники стрел обнаружены в 14 % погребений, количественно они являются самой массовой категорией сопроводительного инвентаря (11 каменных и 47 костяных), что позволяет провести типологический анализ этого материала. В этой работе нами использована

Исходя из имеющихся видовых определений, у населения Барабинской лесостепи в эпоху неолита фиксируются связи с территорией Прииртышья, для организации которых, по всей видимости, использовались речные артерии Оми и Иртыша. В различные периоды эпохи бронзы прослеживаются более далекие связи с территорией Северного Приаралья и Барнаульского Приобья.

Научный руководитель – И. А. Дураков
канд. ист. наук, доцент,

кафедра отечественной и всеобщей истории,
Новосибирский государственный педагогический университет

Список литературы

Алексеев А. К. Палеогеновая фауна моллюсков северного Приаралья. Ереван : Акад. наук Армянской ССР, 1963. 231 с.

Кантор Ю. И., Сысоев А. В. Каталог моллюсков России и сопредельных стран. М. : Тов-во научных издателей КМК, 2005. 627 с.

Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. 1. 128 с.

Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. 3. 220 с.

Молодин В. И., Гришин А. Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. 4: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. 452 с.

Стратиграфический кодекс России. СПб. : ВСЕГЕИ, 2019. 96 с.

типология, разработанная В. И. Молодиным для костяных наконечников стрел и Г. И. Медведевым для каменных [Молодин, 2012а, с. 63–72; Медведев, 1981, с. 16–34].

В погребениях изделия могут дифференцироваться по материалу: отдельно каменные (погр. № 644) и костяные наконечники (погр. № 253 и 661) или встречаться совместно в одних погребениях (погр. № 364 и 497).

Костяные наконечники стрел

Тип 1 – 3 экз. и 2 обломка изделия из кости (погр. № 364, 661) (табл.; рис., 1). Наконечники стрел располагались в нижней части погребения, между малыми берцовыми костями (погр. № 364) и у правой бедренной кости (погр. № 661). Наконечники иволистной формы с овальным сечением и вытянутым пером, черешок не выделен, только намечен в торцевой части удлинненными двусторонними срезами. Изделия подобного типа известны в погребениях одиновского могильника Сопка-2/4А и могли использоваться для охоты и военных действий [Молодин, 2012а, с. 71].

Типы наконечников стрел из одинаовских погребений на памятнике Тартас-1

№ погребения	Каменные наконечники (отделы)				Костяные наконечники (типы)							
	I	II	III	всего экз.	1	2А	2В	3В	4А	5	Не определено	Всего экз.
253	–	–	–	–	–	–	1	1	–	–	–	2
364	–	7	2	9	2	8	1	2	1	2	15	31
497	1	–	–	1	–	–	9	–	–	–	–	9
644	–	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–
661	–	–	–	–	1	1	–	1	–	–	2	5
Всего экз.	1	8	2	11	3	9	11	4	1	2	17	47

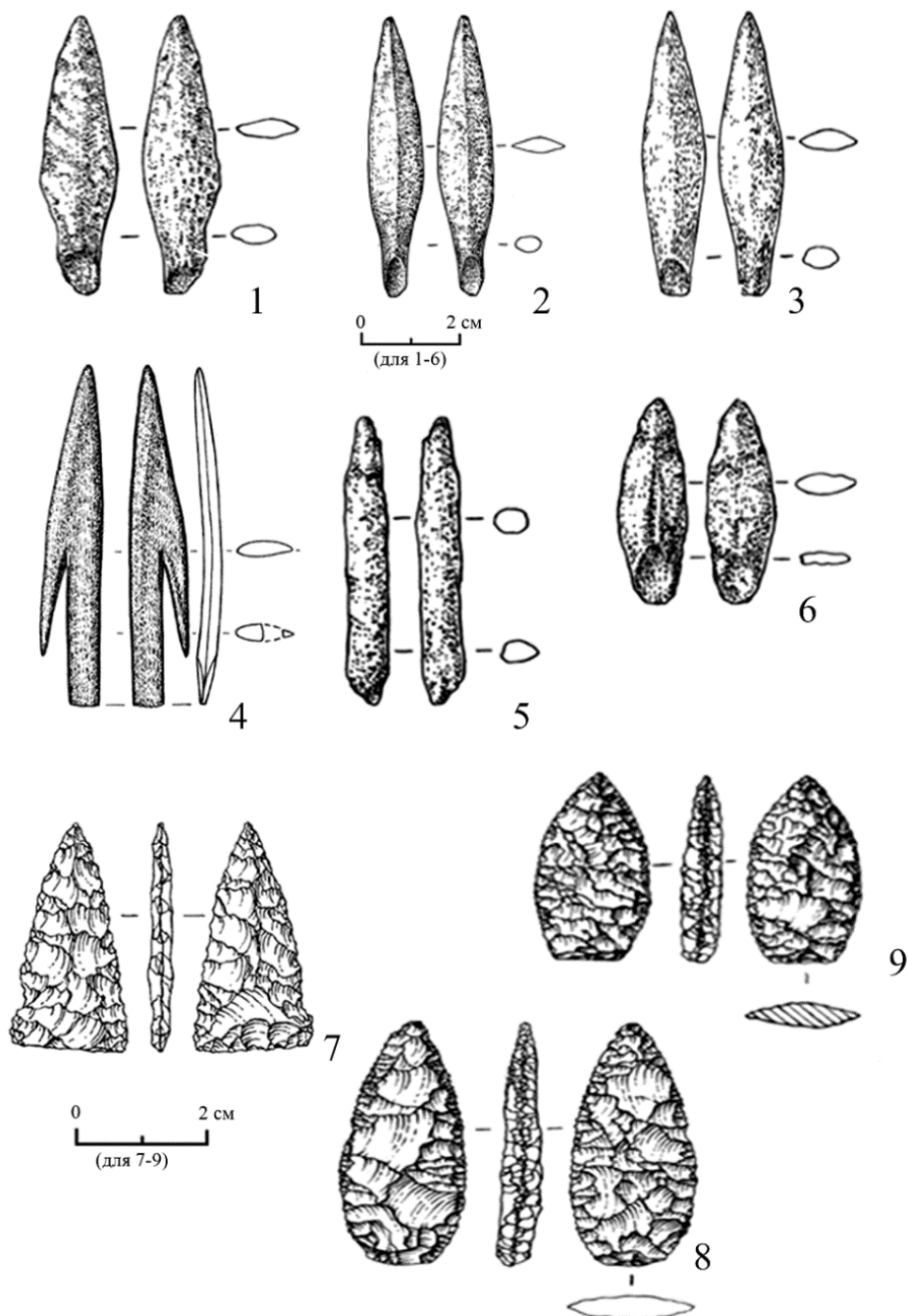

Рис. Типы наконечников стрел из одинаовских погребений на памятнике Тартас-1:
 костяные наконечники: 1 – тип 1 (погр. № 364); 2 – тип 2, подтип А (погр. № 364); 3 – тип 2, подтип В (погр. № 364);
 4 – тип 3, подтип В (погр. № 253); 5 – тип 4, подтип А (погр. № 364); 6 – тип 5 (погр. № 364);
 Каменные наконечники: 7 – отдел I (погр. № 497); 8 – отдел II (погр. № 364); 9 – отдел III (погр. № 364)

Тип 2, подтип А – 9 экз. (погр. № 364, 661) (табл.; рис., 2). Наконечники стрел с длинным пером ланцетовидной формы с ромбовидным сечением, намеченным и коротким

черешком. Расположены в нижней части погребения, у правой бедренной кости (погр. № 661) и между малыми берцовыми костями (погр. № 364).

Тип 2, подтип В – 11 экз. (погр. № 253, 364, 497) (табл.; рис., 3). Наконечники стрел вытянутой формы, с подтреугольным сечением, плоским насадом, черешок рельефно не выделен, а лишь намечен в торцевой части удлиненным срезом справа. Находились либо в нижней части, вдоль левого крыла таза (погр. № 497), или между малыми берцовыми костями (погр. № 364), либо вдоль лучевой кости (погр. № 253). Наконечники этого типа распространены на широкой территории в эпоху бронзы и могли использоваться для охоты и военных действий [Там же].

Тип 3, подтип В – 4 экз. (погр. № 253, 364, 661) (табл.; рис., 4). Наконечники стрел одношпильные, ассиметричные, с овальным сечением и приостренным и плоским насадом, черешок короткий со срезом. Они располагались у правой бедренной кости (погр. № 661), между малыми берцовыми костями (погр. № 364) или на правой лучевой кости (погр. № 253, ск. 2). Ближайшие аналогии известны в погребениях кротовской, усть-тартасской и одиновской культур Барабы. Известны находки подобных наконечников стрел в слоях ритуальных пещер Урала, что указывает на разные способы использования этих изделий в обрядовой практике. Наконечники стрел этого типа могли применяться для стрельбы по рыбе [Там же].

Тип 4, подтип А – 1 экз. (погр. № 364) (табл.; рис., 5). Между малыми берцовыми костями обнаружен наконечник стрел игловидной формы без черешка. Близкие аналогии изделиям этого типа известны в комплексах эпохи развитой бронзы Барабы. Они могли использоваться для охоты и военных действий [Там же].

Тип 5 – 2 экз. (погр. № 364) (табл.; рис., 6). Между малыми берцовыми костями обнаружены наконечники стрел пламевидной формы пера с коротким черешком и линзовидным сечением. Аналогии этому типу изделий можно обнаружить в погребальных комплексах эпохи развитой бронзы Барабы. Наконечники этого типа могли применяться для охоты на мелких животных [Там же].

Каменные наконечники стрел

Отдел I – 1 экз. (погр. № 497) (табл.; рис., 7). Треугольный наконечник стрелы с прямым основанием был расположен вдоль левого крыла таза.

Отдел II – 8 экз. (погр. № 364, 644) (табл.; рис., 8). Каменные листовидные наконечники стрел с вогнутым основанием обнаружены над костями таза с левой стороны (погр. № 644) и между малыми берцовыми костями (погр. № 364).

Отдел III – 2 экз. (погр. № 364) (табл.; рис., 9). Листовидные наконечники стрел с округлым основанием обнаружены между малыми берцовыми костями.

Ближайшие аналогии для всех выделенных отделов можно обнаружить в эпоху ранней и развитой бронзы на территории южной части Западной Сибири. Подобные изделия известны на памятниках одиновской, кротовской, самусьской, елунинской культур и круга культур сейминско-турбинского типа [Молодин, 2012б, с. 145].

Arrowheads in the Burials of Odinskaya Culture (Based on Materials of the Tartas 1 Site, Baraba Forest-Steppe)

A. A. Nekrash

This article is devoted to the typology of bone and stone arrowheads in the burials of the Odinskaya culture found on the site of Tartas 1. Mainly to the Odinskaya culture burials are bone arrowheads of types 1, 2A, 2B and 3B, sometimes found 4A and 5. Stone tips are used less often and are represented by I, II, III departments. In total, 37 burials were found, but we will consider 5 burials and the peculiarity of finding the arrowheads in them. There is a noticeable similarity of the burial practice (the position of the buried in the grave, the mainland "pillow", the accompanying inventory) and a similar kind of arrowheads on the site of Tartas-1 and the site of Sopka 2/4A. Basically, stone and bone arrowheads are in the lower part of the burial, in the area of the legs. It can be concluded that the variety of tip shapes indicates a different application. For example, in the extraction of large or small animals.

Keywords: Archaeology, Odinskaya culture, arrowheads, Western Siberia, burial, Bronze Age.

Некраш Алина Анатольевна

студент 3-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: a.nekrash@g.nsu.ru

В двух одиновских погребениях памятника Тартас-1 (№ 364, 497) обнаружены скопления наконечников стрел, которые могут быть атрибутированы как колчаные наборы. В этой работе под термином «колчаный набор» мы понимаем большое скопление непо потревоженных наконечников стрел в погребении, расположенных компактной группой [Молодин, Гришин, 2019, с. 463–470]. Так, в погребении № 364 обнаружено 40 (31 костяной, 9 каменных) наконечников стрел почти всех типов и отделов (1, 2А, 2В, 3В, 4А и 5; II, III отделы). В погребении № 497 обнаружено 10 наконечников стрел (9 костяных, 1 каменный). Доминирующим является тип 2В (9 шт.) с треугольным (6 шт.) и с ромбическим сечением (3 шт.), каменный наконечник стрелы относится к I отделу.

Таким образом, варианты ритуального использования наконечников стрел носителями одиновской культуры на памятнике Тартас-1 частично совпадают с ранее выявленными тенденциями на одиновском могильнике Сопка 2/4А [Молодин, Гришин, 2019, с. 467]. К их числу относится традиция помещения в районе ног погребенного колчанного набора. При этом в состав колчанного набора на памятнике Тартас-1 могут входить как наконечники разных типов (погр. № 364), так и только одного типа (погр. № 497), что может свидетельствовать о существовании специализированного охотничьего промысла у населения, оставившего этот могильник. Помещение отдельных изделий рядом с кистью умершего зафиксировано только в двух случаях, в то время как для могильника Сопка 2/4А эта традиция характерна [Молодин, Гришин, 2019, с. 467]. При этом выраженную выборку составляют изделия, расположенные в районе правой бедренной кости, что может указывать на традицию помещения отдельных стрел вдоль правого бедра умершего или на расположение отдельных наконечников стрел в набедренной сумке.

Научный руководитель – Д. В. Селин

канд. ист. наук, мл. науч. сотр.,

Институт археологии и этнографии СО РАН

Новосибирский государственный университет

Список литературы

Медведев Г. И. К проблеме морфологического анализа каменного инвентаря палеолитических и мезолитических ансамблей Восточной Сибири // Описание и анализ археологических источников. Иркутск, 1981. С. 16–34.

Молодин В. И. Костяные наконечники стрел могильника одиновской культуры Сопка-2/4А // Дальневосточно-сибирские древности. Сб. науч. тр., посв. 70-летию со дня рожд. В. Е. Медведева. Новосибирск, 2012а. С. 63–72.

Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2012б. Т. 3. 220 с.

Молодин В. И., Гришин А. Е. Типы наконечников стрел периода развитой бронзы по материалам могильника Сопка-2/4а (одиновская культура) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. XXV. С. 463–470.

К вопросу о применении метательного оружия эпохи позднего неолита – ранней бронзы на территории Прибайкалья по материалам Макрушинского могильника Верхней Лены

М. А. Иванова

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Наиболее достоверными археологическими данными о существовании столкновений с использованием метательного оружия в древности являются кости человека с застрявшими в них наконечниками стрел. Такие эпизоды с каменными наконечниками известны на территории Прибайкалья, начиная с каменного века, и были описаны в специальной литературе [Окладников, 1940, 1955, 1978; Базалийский, 2010; Туркин, Харинский, 2004]. Костяные наконечники встречаются массово, но в качестве сопроводительного инвентаря. Случай, описываемый нами, уникален, это первый эпизод ранения с костяным наконечником на исследуемой территории.

К написанию работы побудило обнаружение во время камеральных работ в шейке правой бедренной кости вросшего костяного наконечника стрелы из парного женского погребения № 15 Макрушинского могильника (рис., 1). Могильник открыт в 1989 г. на правом берегу р. Лены на 8–10 м эрозийной террасе, в 0,4 км к юго-западу от бывшей д. Макрушино в Качугском районе Иркутской области. За 9 лет исследований (1989–1998 гг.) на могильнике выявлено 24 разновременных комплекса, представленных погребениями (неолит – бронзовый век), очажными комплексами и ритуальными кладками [Макрушинский могильник ... , 1990; Алтухов, 2001].

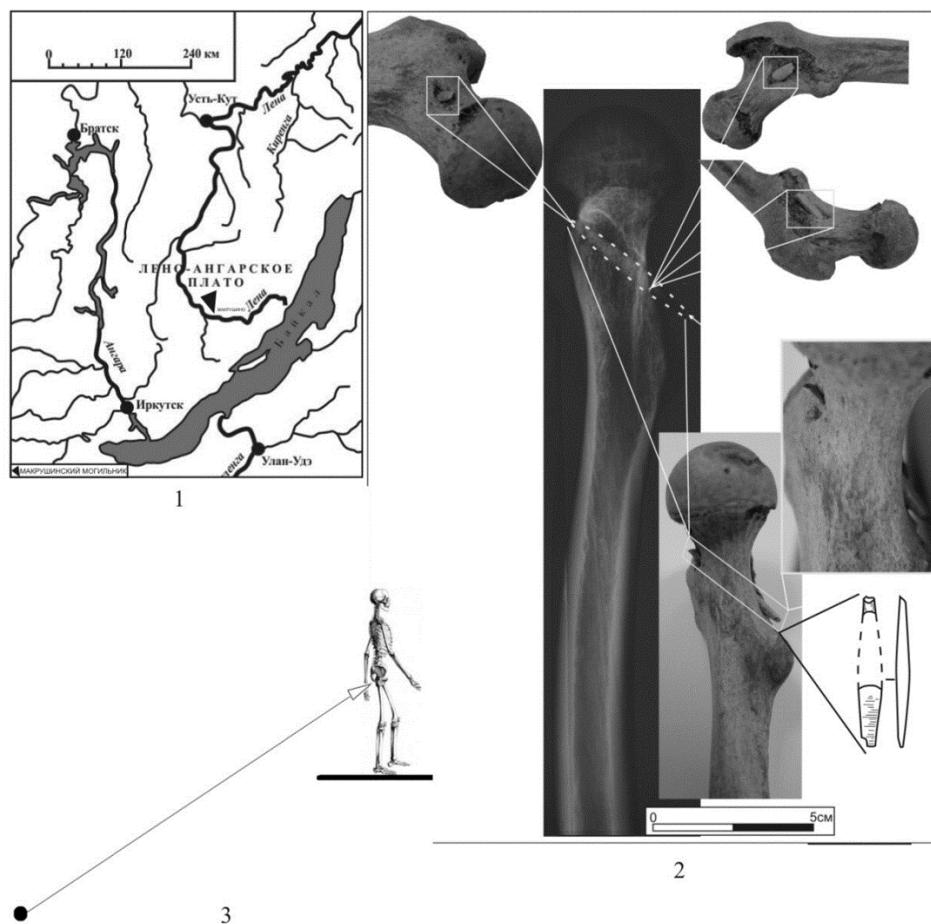

Рис. 1 – Карта-схема с указанием месторасположения Макрушинского могильника; 2 – рентгенограмма и фото правой бедренной кости человека с вросшим костяным наконечником стрелы; 3 – схема реконструкции нападения

Погребение № 15 обнаружено в 1994 г. под кладкой, сложенной из плит красного песчаника, которая в плане имела форму кольца диаметром 4 м. Выявленное погребение оказалось двойным (женщина и девочка-подросток). Комплекс содержал внутримогильное сооружение в виде выкладки вдоль стен могильной ямы, продолговатых алевролитовых плит, поставленных на ребро, частично перекрытых сверху более тонкими плитами. Могильная яма

подпрямоугольной формы была вытянута по линии СВ–ЮЗ. Анатомический порядок костяков комплекса нарушен грабителями. Черепа отсутствовали. В нетронутom состоянии сохранились кости нижнего отдела скелета, отдельные кости рук. По положению костей скелета установлено, что погребенные располагались в вытянутом положении на спине, ориентированы головой на юго-запад, вниз по течению реки. В процессе расчистки погребения установлен

интересный факт – кости левой руки взрослого костяка и правой детского лежали вместе, были соединены при погребении. Сопроводительный инвентарь представлен маленьким диском из светлоокрашенного нефрита с отверстием в центре и 4 кремневыми наконечниками стрел с прямой базой. Погребение было отнесено к эпохе ранней бронзы [Алтухов, 2001].

В результате выполненного нами анатомического и рентгенологического исследования удалось установить, что повреждена правая бедренная кость женщины (рис., 2). Входное отверстие овальной формы находится в нижней части тела шейки бедра, посередине между большим и малым вертелом, из которого выступает уплощенный насад наконечника, который плотно прилегает к кости. Выходное отверстие овальной формы (в два раза меньше по размерам) размещено на наружной поверхности шейки бедра под головкой бедренной кости и расположено выше на 1,03 см входного. Из выходного отверстия на 0,5 см выступает обломанное острие костяного наконечника. Стрела пробила суставную капсулу, верхнюю и нижнюю близнецовые мышцы, а также внутреннюю запирательную, и насквозь прошла шейку бедра [Брыскина, Сапин, Чава, 2012]. Сам наконечник из кости не был извлечен, но нам удалось выполнить его измерения. Костяной наконечник длиной 4,8 см, кончик острия обломан. Тело шириной 0,8 см в его максимальной точке, овальное в поперечном сечении, с узким и двухсторонне-уплощенным, благодаря широкому срезам, насадом, толщиной 0,5 см. Данный тип наконечников широко представлен в погребальных комплексах Прибайкалья и относится к глазковскому времени [Окладников, 1955].

Судя по расположению входного и выходного отверстий, стрела вошла сзади под углом 128° относительно длинной оси кости, что позволило выяснить положение стрелявшего. Стрелявший находился правее и ниже раненой, возможно за укрытием (рис., 3). Предположительно, жертва убежала в гору или влезла на возвышение, либо она лежала на земле.

На рентгенограмме слабо прослеживается раневой канал, что обозначает отсутствие свободного пространства между наконечником и костью (наконечник плотно прилегал к костной ткани). Это свидетельствует об отсутствии воспалительных изменений внутри тазовой кости, наступило преодоление повреждения кости.

При наличии или отсутствии реактивных изменений в поврежденной кости можно выяснить, жил ли человек после ранения или нет. Локализация повреждения, ход раневого канала и расположение вклинившегося костяного наконечника позволяет сделать вывод, что в результате репаративных изменений наконечник врос в кость, о чем свидетельствует образование костной мозоли и наличие гладкой стенки вокруг входного отверстия.

Сквозное колотое ранение нарушило целостность кости, начался естественный физиологический процесс – консолидация перелома, т. е. процесс восстановления костных структур в исходное состояние, возвращение кости прежней прочности. Процесс заживления проходит три стадии:

1. Воспаление. После перелома активизируются механизмы заживления раны. В течение этой фазы формируется простейшая костная мозоль, которая ограничивает подвижность в месте перелома. Воспалительная стадия заживления перелома протекает от недели до 10 дней.

2. Репарация. Эта стадия может протекать несколько недель, притом она начинается в первые дни от фазы воспаления. На этой стадии постепенно формируется твердая костная мозоль, которая имеет вид некоего большого кольца вокруг места перелома. Именно на этой стадии наконечник, по-видимому, начал врастать в кость, замещая собой поврежденную костную ткань, как некий трансплан-

тат. Организм женщины не воспринял костяной наконечник как инородный объект, поэтому он врастал и не вызывал отторжения, в отличие от других подобных ранений, где в костях человека в основном встречались каменные наконечники. Процесс заживления за счет этого факта, очевидно, протекал проще и быстрее. При ближайшем рассмотрении нами было замечено, что края раны начали затягиваться вокруг наконечника. Процесс консолидации замер на определенном моменте, что указывает на то, что женщина умерла, из-за чего процессу не удалось достигнуть полного завершения. Ранения тазобедренного сустава, как правило, являются самыми тяжелыми и болезненными. Опасными повреждениями считаются травмы околоствовых сосудисто-нервных образований и крупных нервных стволов, а также сам сустав окружен мускулатурой, при повреждении которой беспрепятственно развивается инфекция, которая может привести к обширным нагноениям, остеомиелиту таза и флегмоне мягких тканей в области поврежденного сустава (гнойное воспаление клетчаточных пространств).

3. Ремоделирование. Исходя из следов на кости, эта стадия (адаптация сломанной кости к повседневным нагрузкам) не была завершена. С подобной травмой у женщины, вероятно, появились проблемы с ходьбой, так как были задеты мышцы тазобедренного сустава, чтоотяжеляет способность к любому передвижению в дальнейшем.

Из вышеперечисленного следует, что женщина какое-то время жила после ранения (1–3 месяца), так как пробитая кость начала затягиваться вокруг наконечника. Женщина умерла уже позже.

Любая такая находка привлекает к себе внимание и является очень информативной. Подобное ранение могло произойти в открытом бою, но как представляется, является результатом нападения из засады или преследования. В литературе встречаются и версии о ритуале умерщвления людей (добровольное, насильственное) [Окладников, 1940, с. 90–93; 1955, с. 231–235].

Еще в 2014 г. Л. Б. Вишняцкий была опубликована объемная работа, посвященная анализу костей с застрявшими в них наконечниками. Из 27 случаев описанных боевых травм костяные наконечники встретились только в 7 [Вишняцкий, 2014], тем самым данный факт подчеркивает всю уникальность нашего исследования.

*Научный руководитель – Д. Л. Шергин
ст. преподаватель кафедры истории и методики,
Педагогический институт,
Иркутский государственный университет*

Список литературы

- Алтухов В. В. Макрушинский могильник. Комплекс ранней бронзы // На стыке поколений: Материалы XI Регион. археол.-этнограф. конф. учащихся. Иркутск, 2001. С. 3–15.
- Базалийский В. И. Морфотипологический анализ каменных наконечников стрел могильника «Локомотив» // Известия Лаборатории древних технологий. 2010. Вып. 8. С. 39–53.
- Брыскина З. Г., Сапин М. Р., Чава С. В. Анатомия человека: Атлас. М.: ГЕОТАР-Медиа, 2012. 376 с.
- Вишняцкий Л. Б. Вооруженное насилие в палеолите // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2014. Вып. 1. С. 311–330.
- Макрушинский могильник: культура и хронология / В. М. Ветров, Н. Е. Бердникова, А. И. Журавлев, А. В. Фролов // Палеоэтнология Сибири: тез. докл. к XXX РАСК. Иркутск, 1990. С. 137–139.
- Окладников А. П. Новые погребения Глазковской стадии у с. Буреть (Раскопки 1939 г.). КСИИМК. 1940. Вып. VII. С. 90–93.
- Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА № 43. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Ч. III: Глазковское время. 376 с.
- Окладников А. П. Верхоленинский могильник. Памятник древней культуры народов Сибири. Новосибирск.: Наука, 1978. 287 с.
- Туркин Г. В., Харинский А. В. Могильник Шаманка II: к вопросу о хронологии и культурной принадлежности погребальных комплексов неолита – бронзового века на Южном Байкале // Известия Лаборатории древних технологий. 2004. Вып. 2. С. 124–158.

On the Use of Throwing Weapons of the Late Neolithic and Early Bronze Age on the Territory of Baikal Region Based on Materials of the Makrushino Burial Ground on Upper Lena

M. A. Ivanova

The article considered a combat wound femur of female from arrowhead has grown in the femur neck, possible causes of the injury, stages of healing of the injury, and possible complications of the injury. It was found out the angle of the arrow, the alleged position of the shooter and the wounded, as well as the analogies of such combat wound that and in the territory of Eastern Siberia. The relevant literature was analyzed. A femoral x-ray was performed in a side projection to examine the position of the tip and trace the wound channel. Sizes arrowhead have been identified and measured.

Keywords: Makrushinsky burial ground, bone tip, Upper Lena, arrowheads in bones, Glazkovo culture.

Иванова Мария Алексеевна

студент 2-го курса, Педагогический институт
Иркутский государственный университет
e-mail: rouselm@mail.ru

Ivanova Maria Alekseevna

Student 2nd year, Pedagogical Institute
Irkutsk State University
e-mail: rouselm@mail.ru

УДК 903.02(571.53)

Керамика раннего бронзового века из погребений Приольхонья (озеро Байкал)*

В. А. Старицына

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

*Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2019-866 «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»

На территории Приольхонья (западное побережье оз. Байкал от мыса Елохин на севере до р. Большая Бугульдейка на юге, включая о. Ольхон) в настоящее время исследовано 19 могильников раннего бронзового века, включающих 209 погребений [Новиков, Горюнова, 2014]. Комплексы сопроводительного инвентаря содержат большое количество изделий из камня, кости и металла. Керамические сосуды в погребениях встречаются крайне редко.

Впервые фрагменты керамики обнаружены в комплексах погребений раннего бронзового века Приольхонья на могильнике Хужир-Нугэ XIV, исследованного Российско-Канадской экспедицией Иркутского государственного университета (ИГУ) в 1997–2001 гг. [Новиков, Вебер, Горюнова, 2010]. Большинство погребений были разрушены в древности. В 6 могилах обнаружены фрагменты керамических сосудов. Фактический материал пополнился благодаря работам отряда экспедиции Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН – ИГУ в 1994 г. на могильнике Хадарта IV [Харинский, Сосновская, 2000]. Было вскрыто 2 погребения, в материалах которых обнаружены фрагменты керамики. Работы на этом могильнике были продолжены в 2003 г. отрядом Российско-Канадской экспедицией ИГУ [Горюнова, Вебер, 2003]. В разрушенном погребении № 4 зафиксирован археологически целый сосуд с антропоморфными изображениями [Горюнова, Новиков, 2009]. Исследования были продолжены отрядом экспедиции Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН – ИГУ в 2010 г. [Горюнова, Новиков, Лбова, 2010]. В 4 могилах обнаружены обломки сосудов. Коллекция керамики пополнилась материалами из погребения № 1 могильника Туаханэ IX, исследованного в 2019 г. отрядом экспедиции НИЦ «Байкальский регион» ИГУ (А. Г. Новиков, О. И. Горюнова).

В целом за все годы исследования на территории Приольхонья вскрыто 14 погребений раннего бронзового века из 3 могильников: Хужир-Нугэ XIV, Хадарта IV и Туаханэ IX, в составе сопроводительного материала которых выявлена керамика. Полученный фактический материал по остаткам сосудов специальным исследованиям не подвергался. В связи с этим, цель предлагаемой статьи – провести морфологический анализ всех имеющихся керамических материалов из погребальных комплексов раннего бронзового века Приольхонья. В основу работы положены фрагменты от 17 сосудов.

Наибольшее количество керамики обнаружено в погребениях могильника Хужир-Нугэ XIV (фрагменты от 8 сосудов из 6 погребений: № 5, 9, 16, 17, 28, 40). Керамика гладкостенная (из погр. № 5, 9, 16, 40) и штриховая (№ 5, 9, 17, 28). В погребении № 28 (женское) обнаружен практически целый круглодонный сосуд простой закрытой формы. Венчик украшен насечками, тулово – ромбовидно пересекающимися линиями, выполненными техникой отступающей лопаточки. Орнамент расположен в верхней части сосуда. Диаметр венчика 12 см, тулова – 13 см, высота сосуда – 16 см. В 3 детских погребениях (№ 16, 17, 40) зафиксированы отдельные фрагменты, не позволяющие судить о форме изделий. Отмечено, что в могиле № 17 обнаружены обломки круглого дна от штрихового сосуда. В двух других могилах зафиксированы гладкостенные фрагменты, украшенные рядами, выполненными отступающей лопаточкой с зубчатым (№ 16) и овальным (№ 40) концом. В погребении № 5 (мужское) обнаружены обломки от 2 сосудов. Один из них представлен фрагментами тулова со штриховой поверхностью без орнамента, второй – венчиками с гладкой поверхностью, украшенными по внешнему и внутреннему краю косыми насечками, по тулову – пояском жемчужин и наклонными рядами штамповых вдавлений подтреугольной формы. В погребении № 9 (мужское) также зафиксированы фрагменты от 2 сосудов: гладкостенные, украшенные рядами прочерченных линий, и штриховые, оформленные горизонтальными зигзагами, выполненными зубчатыми оттисками.

Керамика из погребений могильника Хадарта IV представлена 7 сосудами (погр. № 1, 2, 4, 6, 8, 9, 11). Преобладает штриховая керамика (5 сосудов); в 2 случаях (№ 1, 2) – гладкостенная. Преимущественно сосуды простой закрытой формы (№ 2, 4, 6, 8, 9); в одном случае (№ 1) – сложной, закрытой. Сосуды из погребений № 6, 9, 11 – круглодонные, вероятно, аналогичная форма дна присутствовала и на других сосудах. Диаметры сосудов: по венчику – 12–19 см, по тулову – 14,5–21 см. Высота одного графически реконструируемого сосуда (№ 9) – 27 см. Преобладает орнаментированная керамика (5); в 2 случаях (№ 1 – женское и № 8 – мужское) – она без орнамента. Узор располагался в верхней части сосудов. Преобладают простые композиции, состоящие из одного мотива: горизонтальные (№ 2, 6, 11) и вертикальные (№ 9) ряды. Выделяется керамика, украшенная жемчужинами в виде пояса (№ 6 – взрослое) или коротких вертикальных рядов (№ 9 –

женское). Сосуд из погребения № 2 украшен по тулову горизонтальными рядами защипов, по срезу венчика – наклонными насечками. Керамика из погребения № 11 (мужское) оформлена горизонтальными рядами штамповых вдавлений.

В одном случае (№ 4 – детское) композиция орнамента на сосуде сложная, сочетающая вертикальные ряды жемчужин и горизонтальный пояс, состоящий из антропоморфных изображений, нанесенных по всей окружности тулова. Рисунок выполнен прочерченными линиями.

На могильнике Туаханэ IX керамика зафиксирована в погребении № 1 (мужчина?). Она представлена фрагментами от 2 гладкостенных сосудов. Один из них (археологически целый сосуд) – круглодонный, сложной закрытой формы. Диаметр венчика – 17 см, шейки – 16 см, тулова – 18,5 см. Высота сосуда – 21 см. Он украшен пояском жемчужин, ниже которого нанесены построения из вертикальных и горизонтальных линий, выполненных зубчатым штампом. По срезу венчика – оттиски того же штампа. Венчик второго сосуда орнаментирован только по срезу. Узор состоит из зигзагообразной линии, выполненной прочерченной техникой.

В целом, в результате проведенного морфологического анализа керамики из погребений раннего бронзового века Приольхонья выявлены определенные характерные черты. Преобладают сосуды простой закрытой формы. В 3 случаях (№ 1 Туаханэ IX, № 1 Хадарты IV) их форма сложная, закрытая. Вся керамика круглодонная. Диаметры сосудов: по венчику – 12–19 см, по тулову – 14,5–21 см. Высота реконструированных сосудов – 21 см и 27 см. Керамика – тонкостенная. Поверхность сосудов гладкая (8) и штриховая (9). Преобладает керамика, орнаментированная в верхней части тулова (12). В одном случае украшен только срез венчика (№ 1 Туаханэ IX); 4 сосуда – без орнамента. Выделяется группа керамики, украшенная жемчужинами (5). На двух сосудах – только жемчужины, расположенные горизонтальными (№ 6 Хадарта IV) и короткими вертикальными (№ 9 Хадарта IV) рядами. Зафиксировано сочетание жемчужин: с построениями из наклон-

ных рядов, выполненных штамповыми вдавлениями (№ 5 Хужир-Нугэ XIV); с рядами вертикальных и горизонтальных линий, оформленных зубчатым штампом (№ 1 Туаханэ IX); с прочерченными антропоморфными изображениями (№ 4 Хадарта IV). Отмечена группа, орнаментированная только штамповыми вдавлениями или отступающей лопаточкой (5). Расположение узора в виде: горизонтальных (№ 40 Хужир-Нугэ XIV), наклонных (№ 16 Хужир-Нугэ XIV) рядов, горизонтального зигзага (№ 9 Хужир-Нугэ XIV) и ромбической решетки (№ 28 Хужир-Нугэ XIV). В одном случае (№ 2 Хадарта IV) сосуд украшен горизонтальными рядами защипов. В погребении № 9 Хужир-Нугэ XIV горизонтальные линии выполнены прочерчиванием. В ходе исследования установлено, что керамика входит в число сопроводительного инвентаря всех половозрастных групп населения.

*Научный руководитель – А. Г. Новиков
канд. ист. наук, ст. преподаватель,
Иркутский государственный университет*

Список литературы

- Горюнова О. И., Вебер А. В. Работы Российско-Канадской экспедиции на могильниках бронзового века побережья оз. Байкал // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2003. Т. 9. Ч. 1. С. 331–335.
- Горюнова О. И., Новиков А. Г. Антропоморфная, зооморфная и солярная символика на сосудах бронзового века Прибайкалья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4 (40). С. 76–82.
- Горюнова О. И., Новиков А. Г., Лбова Л. В. Раскопки могильника бронзового века Хадарта IV на побережье оз. Байкал // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2010. Т. XVI. С. 181–185.
- Новиков А. Г., Горюнова О. И. Погребальная практика охотников-рыболовов бронзового века Приольхонья // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Кызыл, 2014. Ч. 1. С. 81–85.
- Новиков А. Г., Вебер А. В., Горюнова О. И. Погребальные комплексы бронзового века Прибайкалья: могильник Хужир-Нугэ XIV. Новосибирск, 2010. 296 с.
- Харинский А. В., Сосновская Н. С. Могильник бронзового века Хадарта IV // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск, 2000. Вып. 2. Ч. 2. С. 66–100.

Early Bronze Age Pottery from the Burials of the Olkhon Region (Lake Baikal)

V. A. Staritsyna

A morphological analysis of ceramic materials from funeral complexes of the Early Bronze Age of the Olkhon Area was carried out. It is based on fragments from 17 vessels from 3 burial grounds (Khuzhir-Nuge 14, Khadarta 4 and Tuakhane 9). The characteristic features of ceramic dishes were revealed. All vessels are round-bottom, closed forms. Preval – simple forms. Ceramics are smooth-walled and dashed. From the ornamentation are characteristic: pearls; constructions of rows made by stamped indentations or retreating technique; combinations of pearls with rows of stamped indentations. There are single vessels decorated with pinches or dashed lines. Unique is the vessel from the burial N 4 of Khadarta 4, ornamented with pearls and anthropomorphic drawings made by dashed lines. In the course of the study, it was found that ceramics is one of the accompanying inventories of all sex-age groups of the Early Bronze Age population of the Olkhon Area.

Keywords: Lake Baikal, Olkhon Area, Early Bronze Age, burials, ceramics, morphological analysis.

Старитсына Виктория Александровна
студент 3-го курса
Иркутский государственный университет
e-mail: wiktoriastaritzyna6@gmail.com

Staritsyna Viktoriya Aleksandrovna
Student 3rd year
Irkutsk State University
e-mail: wiktoriastaritzyna6@gmail.com

Усть-мильская керамика эпохи бронзы Якутии

А. С. Габышев

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия

На территории Якутии эпоха бронзы впервые была выделена выдающимся советским археологом А. П. Окладниковым во время работ Ленской историко-археологической экспедиции под его руководством в 1940–1946 гг. [Габышев, 2016, с. 29–30]. Экспедиция в районе Покровска, Якутска и Старого Сиктяха обнаружила следы бронзолитейных мастерских. Он же предложил первую периодизацию бронзового века Якутии [Алексеев, 1996, с. 144]. А. П. Окладников выделяет два периода в развитии бронзового века: раннюю бронзу, синхронную глазковскому этапу Прибайкалья, и развитую бронзу. К ранней бронзе он относит следующие памятники: Покровское погребение, Куллатинское погребение, погребения у с. Хатынг-Тумул и т. д. Этот период датируется им серединой II тыс. до н. э. [Федосеева, 1970, с. 128–143]. Развитым этапом бронзового века А. П. Окладников датировал раскопанные в черте Покровска и Якутска бронзолитейные мастерские, а также все известные к тому времени бронзовые изделия, в которых он усматривал влияние карасукской и тагарской культур Южной Сибири [Алексеев, 1996, с. 144].

Усть-мильский керамический комплекс эпохи бронзы был обнаружен и исследован Приленской археологической экспедицией на таких многослойных стоянках р. Алдан, как Сумнагин I (III–IV слои), Угино I (слой II), Белькачи I (слой II), Билир I (слой I), Усть-Миль I (слой II), а также на стоянках со смешанным культурным слоем: Сумнагин II, Алысардаах, Чагда I, Тумулур, Белькачи II, Сюрях-Ары, Нычегда, Халыма, Толоонка I и II, Усть-Мая, Андреевская I, Сугжа и Хара-Алдан. Кроме алданских стоянок, усть-мильская керамика была зафиксирована на ряде памятников на р. Лене, Олёкме, Индигирке, Колыме [Эртюков, 1990, с. 152].

По образцам, извлечённым из культурных слоёв бронзового века, получены четыре радиоуглеродные даты: Сумнагин I, слой V – 2900±70 л. н. (JE-871), слой III – 2000±40 л. н. (JE-872); Улахан-Сегеленнях, слой VII – 3570±140 л. н. (IM-1011) и 3120±120 л. н. (IM-1009). Ю. А. Мочанов и С. А. Федосеева пришли к выводу о том, что усть-мильская археологическая культура существовала от 3300±100 до 2400±100 л. н. [Археологические памятники Якутии..., 1983]. В. И. Эртюков приводил несколько иную хронологию: 3100±100 – 2100±100 и 3300±100 – 2100±100 л. н. [Эртюков, 1990, с. 152]. А. Н. Алексеев, принимая во внимание датировку нижней части культурного слоя VII стоянки Улахан Сегеленнях (3570±140 л. н.) и с учётом даты слоя VI, фиксирующей начало эпохи раннего железа, полагал, что усть-мильская культура существовала в Якутии в пределах 3500±100 – 2500±100 л. н. Позже А. Н. Алексеев совместно с В. М. Дьяконовым, проанализировав радиоуглеродные даты, полученные по материалам трёх десятков памятников, сравнил их с калибровочными кривыми, основанными на дендрохронологии, усть-мильскую археологическую культуру расположили в 1380±120 – 10±100 гг. до н. э. или 3380±120 – 2010±100 л. н. [Алексеев, Дьяконов, 2009, с. 26–40].

Форма усть-мильских сосудов, судя по сохранившимся фрагментам, была в основе своей усечённо-яйцевидной. Венчики их либо прямые, либо наклонены во внутрь сосудов, либо отогнуты наружу. Края венчиков иногда рассечены косыми насечками или вдавлениями различных форм (ногтевидные, полуовальные, ромбовидные и т. д.). Дышники округлые. Встречаются также сосуды, у которых намечается небольшой перехват в нижней части венчиков, образующий шейку.

Глиняное тесто, из которого изготовлены усть-мильские сосуды, как правило, плотное, без каких-либо заметных посторонних примесей. Это отличает усть-мильскую керамику от ымыяхтахской поздненеолитической, где зафиксирована в составе теста примесь шерсти и растительных компонентов, и от более поздней, в частности, керамики раннего железного века, в составе которой встречаются крупнозернистые вкрапления кварца и мелкой гальки. Правда, на ранних этапах бронзового века в формовочных массах всё ещё встречаются растительные остатки.

Обжиг усть-мильских сосудов равномерный и почти не отличается по цвету с внешней и внутренней сторон, а также на изломе. В более поздней по времени керамике обжиг в изломе, как правило, тёмный [Эртюков, 1990, с. 152].

Усть-мильская керамика изготавливалась выколачиванием. Все сосуды этой культуры, как говорилось ранее, делались круглодонными. Широкое распространение получили появившиеся в конце позднего неолита сосуды открытого типа. Лишь изредка попадаются обломки сосудов закрытого типа с венчиками, наклонёнными вовнутрь. На раннем этапе изготавливалась двуслойная керамика, а позже однослойная, тонкостенная толщиной 0,3–0,4 см [Алексеев, 1996, с. 144].

Исключительно важную роль в определении усть-мильской керамики играет орнамент на гладком тулове сосудов. Основу орнамента составляют бордюрные зоны из одного или нескольких поясов горизонтальных тонких налёпных рассечённых валиков, иногда соединяющихся между собой вертикальными или наклонными рассечёнными налёпными валиками, которые в сечении бывают треугольными, полуовальными. По внешнему виду они делятся на гладкие и рассечённые, горизонтальные и вертикальные. Валики рассечены прямыми и косыми насечками в виде тонких прочерченных чёрточек, каплевидных, ромбовидных или подпрямоугольных вдавлений. Они наносились преимущественно аккуратно, точно по ширине валика, реже небрежно, без соблюдения симметрии. Количество горизонтальных валиков варьирует от 1 до 9 рядов [Эртюков, 1990, с. 152]. В. И. Эртюков выделяет в усть-мильской керамике 45 разновидностей сосудов и 14 типов орнамента с 56 вариантами композиций. Последние исследования в этой области позволили А. Н. Алексееву дополнить и подкорректировать предложенную им классификацию.

Кроме налёпных валиков, на ряде усть-мильских сосудов присутствует орнаментальный мотив в виде сквозных округлых отверстий под краем венчика. Налёпные валики также сочетаются с внешней стороны сосуда округлыми и ногтевидными вдавлениями. Округлые вдавления иногда встречаются на сосудах с отпечатками «вафли» [Там же].

На данный момент не вызывает сомнения тот факт, что усть-мильской культуре повсеместно предшествовала ымыяхтахская поздненеолитическая культура. Косвенным подтверждением наличия в определённый исторический момент тесных культурных связей между ымыяхтахскими и усть-мильскими можно считать орнаментальные мотивы, присущие поздненеолитической культуре, обнаруженные на фрагментах керамики усть-мильской культуры, встречающиеся не так массово, но тем не менее наводящие на мысль о некоей тенденции. Это керамика I–III типов по классификации В. И. Эртюкова, отличительной чертой которых является наличие сквозных отверстий, говорящих об их глубоком архаизме. На многослойных памятниках с чистыми комплексами усть-мильской культуры керамика I–III типов попадалась порой с оттисками «вафли» и опять-таки с характерной для ымыяхтахского состава формовочной

массы, что в очередной раз подтверждает утверждение о близких контактах двух эти культур. Подобная орнаментация, скорее всего, была распространена в ранний период бронзы в середине II тыс. до н. э. В настоящий момент доподлинно неизвестно, были ли усть-милыцы исконно пришлым народом с юга или же он образовался на местной основе, т. е. на базе позднеолитической культуры. Однако бесспорным остаётся факт того, что многие ымыяхтахские традиции в усть-милыской материальной культуре сохранились. Касательно типов V–XII В. И. Эртюков относил их к эпохе развитой бронзы и датировал XIII–VIII вв. до н. э. Конец бронзового века представлен XIII типом орнамента.

*Научный руководитель – К. А. Пестерева
ст. преподаватель, исторический факультет,
Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова*

Ust-Mil Ceramics of the Bronze Age of Yakutia

A. S. Gabyshev

Article is devoted to the ceramic complex of the Ust-Milskaya archaeological culture, it gives a brief description of the Bronze Age of Yakutia with its chronological framework and periodization; emphasis is placed on the aforementioned culture and, first of all, on the object of work itself, which, in view of the meager quantity, in fact, of bronze items, is essentially the main indicator of the allocation of the Bronze Age in Yakutia. This scientific article gives a detailed description of the Ust-Milskaya clay vessels, molding dough, the technique of making ceramics and highlights the main ornamental motifs of the Ust-Milskaya archaeological culture of the Bronze Age of Yakutia.

Keywords: Bronze Age, Yakutia, Ust-Milskaya culture, ceramics, periodization, chronology.

Габышев Айсизн Сергеевич

магистрант 1-го года обучения
Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова
e-mail: Aisen-G-97@mail.ru

Gabyshev Aisien Sergeevich

Graduate student 1st year
M. K. Ammosov North-Eastern Federal University
e-mail: Aisen-G-97@mail.ru

УДК 903.23

Сосуды улахан-сегеленняхского типа на комплексе Проспихинская Шивера IV (Нижнее Приангарье)

Д. Е. Филистович

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Впервые улахан-сегеленняхская керамика была зафиксирована А. Н. Алексеевым и А. С. Кириллиным в 1996 г. в VII культурном слое многослойного памятника Улахан-Сегеленнях, расположенного в бассейне р. Олёкмы (Республика Якутия). Данная керамика найдена на средней Лене, Олёкме, Алдане и Вилюе. По мнению В. М. Дьяконова, на территорию Якутии аналогичная посуда проникла из районов Прибайкалья, предположительно, через верховья Лены и Вилюя в середине – конце II тыс. до н. э. На основании радиоуглеродного анализа она датируется 1900±400 – 1350±350 лет до н. э. [Дьяконов, 2014, с. 106–115].

К этому типу керамики относятся круглодонные сосуды с выделенной горловиной и вафельной выбивкой. Предположительно посуда изготовлена методом «выдавливания емкости из кома глины и последующим выколачиванием стенок ударно-прессующим инструментом» [Там же]. Улахан-сегеленняхская керамика двухслойная, связано это с послышной формовкой сосудов. Высота сосуда составляет приблизительно 20–30 см. Толщина стенок варьирует от 0,2 до 0,8 см. Стенки венчика и днища толще, чем тулово.

Орнаментация керамики достаточно разнообразна. В основном венчики сосудов украшены косыми гладкими вдавлениями или параллельными оттисками зубчатого штампа. Верхняя часть сосуда орнаментирована непрерывными горизонтальными поясами «жемчужин» (от 1 до 3 поясов). Сразу под «жемчужинами» на шейке иногда расположены ряды круглых вдавлений и/или зубчатого штампа.

Наличие аналогичной керамики можно проследить не только на средней Лене, Олёкме, Алдане, Вилюе, но и в

Список литературы

- Алексеев А. Н. Древняя Якутия. Неолит и эпоха бронзы. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 144 с.
- Алексеев А. Н., Дьяконов В. М. Радиоуглеродная хронология культур неолита и бронзового века Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 3 (39). С. 26–40.
- Археологические памятники Якутии / Ю. А. Мочанов, С. А. Федосеева, А. Н. Алексеев, В. И. Козлов, Н. Н. Кочмар, Н. М. Щербакова. Новосибирск, 1983. 391 с.
- Габышев А. С. Изучение эпохи бронзы Якутии // Материалы 54-й Международной научной студенческой конференции МНСК-2016. Новосибирск, 2016. С. 29–30.
- Федосеева С. А. Новые данные о бронзовом веке Якутии // По следам древних культур Якутии. Якутск, 1970. С. 128–143.
- Эртюков В. И. Усть-милыская культура эпохи бронзы Якутии. М. : Наука, 1990. 152 с.

Нижнем Приангарье, в частности, на комплексе Проспихинская Шивера IV. На памятнике вскрыто около 7000 м² и изучено три культурных слоя. Керамика улахан-сегеленняхского типа найдена в третьем культурном слое комплекса, материалы которого датированы неолитом и бронзовым веком.

В коллекции с комплекса Проспихинская Шивера IV отмечено девять сосудов разной степени сохранности. Все сосуды, исключая один, расположены достаточно компактно в центральной части раскопа, приблизительно на расстоянии 20 м от края береговой террасы.

Форма может быть определена только у трех сосудов, что связано с плохой сохранностью материалов, и в основном представлена только верхняя часть емкостей.

Все сосуды закрытой формы. Плечики восьми из девяти сосудов покатые, слабо выраженные (рис., 2–4). Один из сосудов имеет ярко выраженную профилировку, угол между шейкой и туловом сосуда более острый, чем у других экземпляров (рис., 1). Венчики сосудов скошены наружу (рис., 1–3), прямые (рис., 4) или с небольшим карнизом. Толщина стенок сосудов различна и варьирует от 0,5 до 0,9 см. В связи с частичной сохранностью материалов диаметр можно определить лишь у двух сосудов: 20 и 14 см соответственно. В глиняном тесте всех изделий визуально прослеживается включение песка. Тесто сосудов имеет красно-коричневый цвет. Технический декор возможно определить лишь у шести сосудов. На трех из них отмечена рубчатая выколотка, два сосуда гладкостенные и лишь на одном сосуде зафиксирована вафельная выколотка..

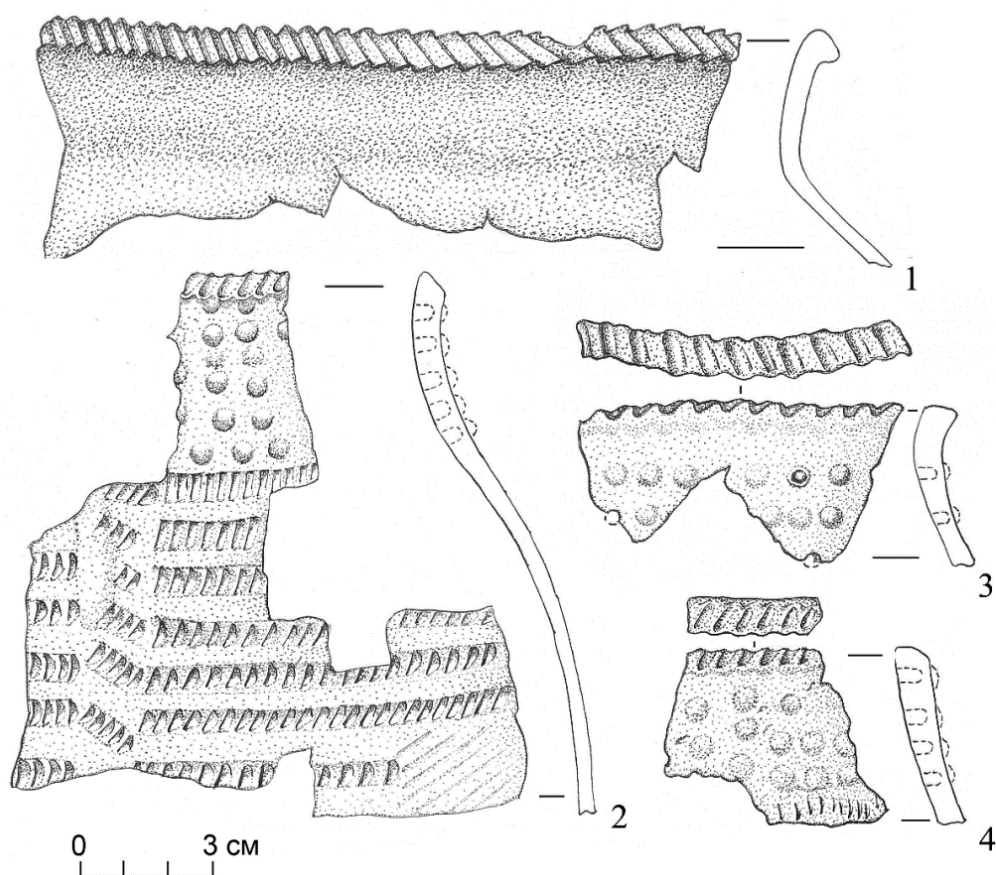

Рис. Керамика улахан-сегеленняхского типа из комплекса Проспихинская Шивера IV

Орнамент локализуется в верхней части сосуда, но, вероятно, могла быть декорирована средняя и нижняя части. На сохранившихся фрагментах преобладают простые линейные композиции. К числу устойчиво повторяющихся мотивов можно отнести горизонтальные, лишь два раза встречаются наклонные. Обязательным элементом орнамента, за исключением одного случая, выступает пояс «жемчужин» в верхней части сосуда (рис., 2–4). Венчики всех сосудов имеют не менее двух рядов «жемчужин», один из них декорирован пятью близко расположенными рядами. На сосудах прослеживаются следы круглых и полукруглых форм орнаментов, которыми создавались «жемчужины». Диаметр орнамента от 0,3 до 0,6 см. Вторым по встречаемости декоративным элементом являются гладкие насечки на венчике сосуда (7 экз.). Насечки расположены слева направо, справа налево, а также вертикально. Среди элементов декора можно отметить полулунные наколы, протаскивание гладким или гребенчатым орнаментом. На разных сосудах выделяется различное количество элементов орнамента (от 1 до 3).

Можно выделить отдельные особенности сосудов. На одном из них наблюдаются следы починки. Другой особенностью является окончательное оформление одного из изделий с помощью широкой наклепной ленты. Еще на одном сосуде присутствуют следы нагара.

Наличие керамики этого типа в Нижнем Приангарье отмечено на стоянке им. Генералова, расположенной на севере Тайшетского района Иркутской области на р. Чуне. На данном памятнике был обнаружен сосуд закрытой формы с вафельной выколоткой. Венчик сосуда орнаментирован вертикальными горизонтальными вдавлениями. Шейка сосуда украшена одним рядом горизонтально расположенных «жемчужин» [Стоянка им. Генералова ..., 2014, с. 162, рис. 5, 1].

Аналогичная керамика также отмечена на памятнике Сергушкин-1 [Некоторые образцы керамики ..., 2017]. Здесь найдены обломки трех однотипных сосудов закрытой профилированной формы с выделенной вогнутой шейкой и отогнутым наружу венчиком. Венчик одного сосуда орнаментирован отрисками отступающей лопатки, двух других – вдавлениями ребра палочки. Основание шейки декорировано горизонтальным поясом вдавлений отступающей лопатки или сдвоенными горизонтальными отрезками того же орнамента, расположенными в шахматном порядке. Один из сосудов имеет четко выраженную рубчатую выколотку.

В сравнении с эталонной улахан-сегеленняхской керамикой Якутии, которая имеет усложненную, четко выраженную профилировку, сосуды с Проспихинской Шиверы IV слабо профилированные (исключая один). Еще одним отличием керамики с Нижней Ангары является преимущественно рубчатый технический декор, в то время как улахан-сегеленняхская керамика Якутии почти всегда имеет вафельную выколотку. Существенным отличием в орнаментации нижеангарской керамики является полное отсутствие оттисков штампов, которые выступают почти неотъемлемым элементом орнамента якутской керамики. Другим отличительным признаком является разный состав глиняного теста. В тесте якутской керамики визуальное прослеживается наличие травы и шерсти, в керамике с Проспихинской Шиверы IV данных компонентов визуально не наблюдается.

Керамику Нижнего Приангарья и Якутии сближает ряд признаков: закрытая форма сосудов; большая толщина стенок венчика, по сравнению со стенками тулова; форма венчиков; обязательное украшение верхней части сосудов горизонтальными рядами «жемчужин»; декорирование венчика гладкими косыми или параллельными вдавлениями; схожие орнаментальные композиции.

Сравнив керамику с комплекса Проспихинская Шивера IV с керамикой улахан-сегеленныхского типа Якутии, можно выделить ряд отличительных и схожих признаков, с преобладанием последних. Это позволяет говорить о наличии культурных связей между населением Нижнего Приангарья и Якутии, однако для подтверждения данной идеи требуются более серьезные исследования.

*Научный руководитель – П. О. Сенотрусова
канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник,
Лаборатория археологии, этнографии и истории Сибири,
Сибирский федеральный университет*

Список литературы

Дьяконов В. М. Керамика улахан-сегеленныхской культуры бронзового века Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. С. 106–115.

Некоторые образцы керамики с острова Сергушкин (Северное Приангарье) / С. Н. Леонтьев, П. В. Герман, Е. П. Рыбин // Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири. 2017. С. 177–181.

Стоянка им. Генералова (р. Чуна). Результаты охранно-спасательных работ 2013 года / Н. Е. Бердникова, О. Е. Роговской, И. М. Бердникова, Е. А. Липнина // Известия Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 7. С. 150–191.

Vessels of the Ulakhan-Segelennyakh Type at the Prospikhinskaya Shivera 4 Complex (Lower Angara Region)

D. E. Filistovich

This article presents a comparative analysis of the reference Ulakhan-Segelennyakh ceramics of the Bronze Age, common in the South, South-West and West of Yakutia in the second Millennium BC and Bronze Age ceramics with the complex Prospikhinskaya Shivera 4, Lower Angara. The analysis revealed similar and distinctive features of the ceramics of both regions of distribution, on the basis of which it is concluded that the ceramics of the Lower Angara region can be attributed to the Ulakhan-Segelennyakh type. In this regard, the question is raised about the cultural relations of the population of the Lower Angara region and Yakutia in the Bronze Age.

Keywords: Lower Angara region, Yakutia, developed Bronze Age, ceramics, Ulakhan-Segelennyakh type, “pearls”.

Филистович Дарья Евгеньевна
студент 3-го курса
Сибирский федеральный университет
e-mail: dasha.filistovich@yandex.ru

Filistovich Dariya Evgenievna
Student 3rd year
Siberian Federal University
e-mail: dasha.filistovich@yandex.ru

УДК 903.53 (477.4)

Бабинская культура на Нижнем Дону. Погребальный обряд

О. П. Ларенок

*Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
Ассоциация по защите прав археологов «Южархеология», Ростов-на-Дону, Россия*

Изучение погребального обряда несет в себе огромную историческую значимость для понимания духовного мира племен, существовавших за долгое время до нас. Для полного его осмысления необходим анализ археологических источников, таких как погребальный комплекс, в котором отражены определенные нормы поведения, социальное значение захороненного, религиозные верования и представления.

Топография курганов и планировка курганных могильников. Курганы Бабинской культуры в Доно-Донецком регионе в большинстве случаев размещаются далеко от крупных водных артерий. Обычно они находятся на водоразделах в верховьях балок. Встречаются случаи, когда курганы образуют группы, а иногда и целые сросшиеся цепочки насыпей (Курганный могильник (далее – КМ) Бургуста I) [Ларенок, 2018]. В других случаях погребения культуры многоваликовой керамики (далее – КМК) впускались в более древние насыпи либо производили досыпку.

Планировка погребений в кургане. Курганы, расположенные в Доно-Донецком регионе, в которых бабинские погребения основные, на данный момент очень редки: Бургуста I – курганы № 4 и 5 [Ларенок, 2018], Ясиновы III, Таловый I – курган № 2 [Мимоход, 2018, с. 53–54], Чикмари II – курган № 1 [Илюков, 2016, с. 269–271]. Во всех вышеперечисленных случаях в насыпи впускаются более поздние погребения и происходит досыпка курганов. В одном случае – Чугуно-Крепинка – курган так и остается без изменений, с центральным и единственным основным погребением КМК № 1 [Василенко, 1996, с. 178–180]. Более распространенными являются варианты впускных погребений Бабино.

Надмогильные сооружения. В большинстве случаев, когда удалось проследить конструкцию надмогильных сооружений, они представлены несколькими вариациями. В первых двух случаях – это деревянные или каменные конструкции, сверху перекрытые тростниковым настилом,

а уже после – землей. Второй вариант – каменные ящики с последующей засыпкой землей. Следующий вариант – комбинированные каменно-деревянные сооружения с последующим сооружением земляных насыпей.

В кургане Ясиновы III Р. А. Мимоходом были обнаружены 5 погребений КМК, из которых одно (№ 6) без какой-либо конструкции, три с каменным закладом (№ 11, 13, 18). Еще одно с каменным закладом и частичной облицовкой стен погребальной ямы (№ 10) была восстановлена как каменный ящик [Мимоход, 2018, с. 31–47]. Также каменные конструкции были зафиксированы в следующих случаях: КМ Чикмари II, курган 1 – погребение 4 [Илюков, 2016, с. 267–279]; Кисилев II – погребение 6, 9 – каменный ящик [Прокофьев, 2004, с. 259–260], Новолакедемюновка – погребение 7 [Илюков, Казакова, 1988, с. 51–52, 75]; Русский колодец, северная группа II/2 – погребение 7; Хапры, курган 1 – погребение 31, курган 2 – погребение 19 [Там же, 1988, с. 86–90].

Деревянные перекрытия встречены в следующих комплексах: Федоровка I, погребение 5; Федоровка II, погребение 10 [Там же, с. 86–90]; Бургуста I, курган 5 – погребения 10 и 11, курган 4 – погребение 4, курган 3 – погребение 12 [Ларенок, 2018]. В остальных случаях конструкции не были прослежены, погребения были совершены в ямах без каких-либо перекрытий, либо сильно разрушены.

Важной составляющей обряда захоронения у племен Бабинской культуры являлось помещение сверху деревянного или каменного заклада «чучела» животного. Оно представляло собой голову животного и метаподии в сочленении, уложенные в шкуру. В основном для ритуала использовали лошадей, овец, реже корову [Там же].

Способ захоронения. Основной отличительной чертой погребального обряда племен Бабино является наличие подстилки под захороненным. Подстилка может быть зафиксирована в нескольких интерпретациях. В большинстве

случаев – это посыпка дна ямы мелом (КМ Бургуста I). В других случаях встречается светло или темно коричневый тлен иногда с мелом, а иногда и с посыпкой охрой [Ларенок, 2018].

В основной массе рассмотренных погребений преобладает следующее положение: скорчено на левом боку, иногда на правом, головой на запад; в широтном направлении, в частых случаях, головой на запад, с некоторыми отклонениями – северо-запад, юго-запад. В одном случае зафиксировано вторичное перезахоронение в виде «пакета» – КМ Бургуста I, курган 4 – погребение 4 [Там же]. А также крайне редко встречаются кенотафы. В большинстве

случаев погребения индивидуальные, кроме погребения № 10 в КМ Бургуста I, курган 5 [Там же]. Преобладающими признаками захоронений Доно-Донецкого региона является положение: скорчено на левом либо правом боку, лицом на север.

Погребальный инвентарь (рис.). В большинстве случаев захоронения эпохи Бабино в Доно-Донецком регионе без сопутствующего инвентаря (Ребриковка II, погребения 3, 4 [Прокофьев, 2004, с. 280–283]); почти все погребения в курганах на Миусском лимане, за небольшим исключением [Ильюков, Казакова, 1988, с. 86–90].

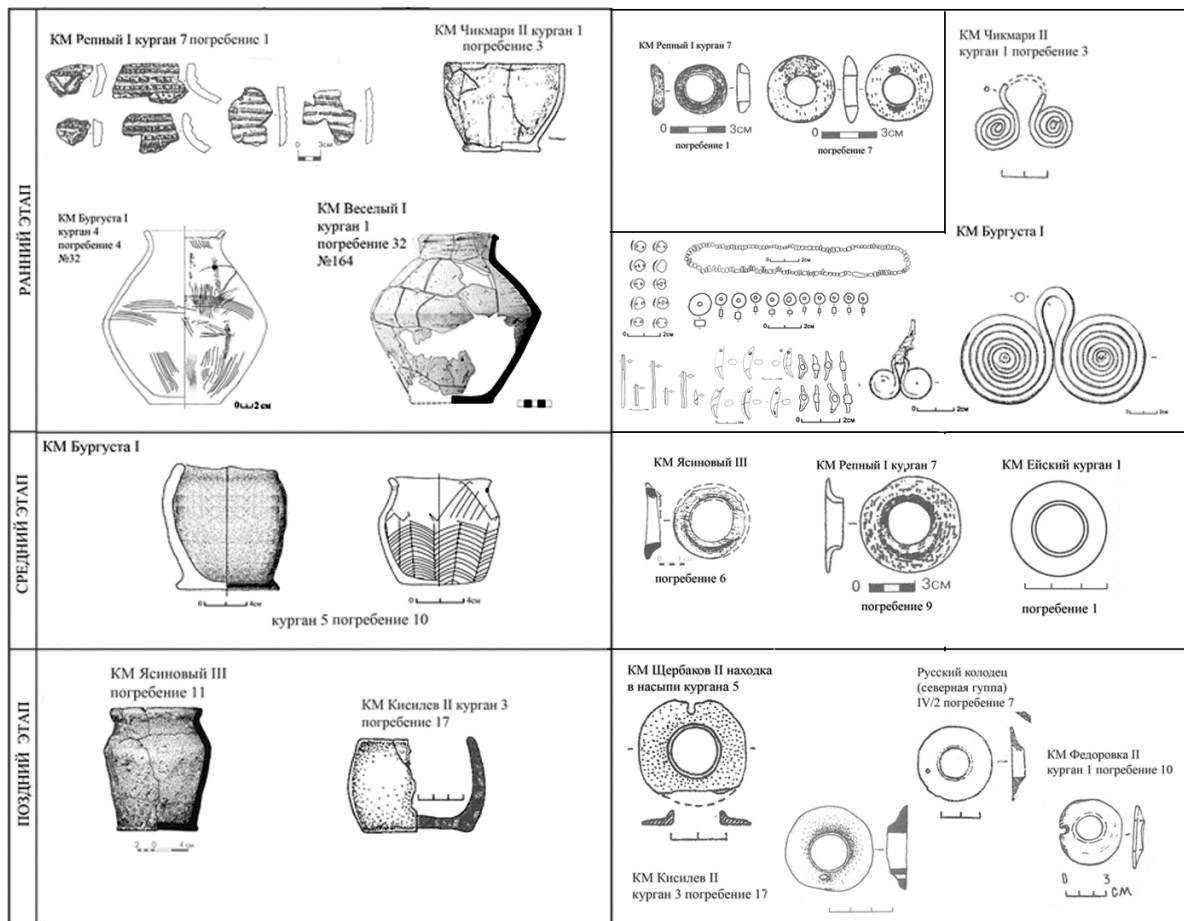

Рис. Примеры инвентаря бабинской культуры по этапам развития

Керамический комплекс представлен всеми этапами развития Бабинской культуры, с орнаментированными и неорнаментированными сосудами, с сосудами с налепными валиками. Также отмечены две уникальные находки в КМ Бургуста I, курган 4 – погребение 4 и в кургане Веселый I, погребение 32 [Кияшко, Ларенок, 2019, с. 3–7] – так называемые амфорки [Литвиненко, 1999, с. 83–86].

Изделия из кости встречаются двух типов – костяные пряжки и амулеты из клыков собаки. Костяные поясные пряжки имеют особое значение в изучении Бабинской культуры. Э. С. Шарафутдиновой была разработана схема эволюции костяных пряжек [1987, с. 34–35], которую впоследствии поддержали и доработали ряд ученых, в том числе Р. А. Литвиненко. В рассматриваемых погребениях костяные пряжки встречены в следующих случаях: КМ Киселев II, погребение 4 [Прокофьев, 2004, с. 270]; Ясиновый III, погребение 6 [Мимоход, 2018]; Федорова I, курган 2 – погребение 5; Федорова II, курган 1 – погребение 10; КМ Самарский II, курган 1 – погребение 4 [Ильюков, Казакова, 1988, с. 86–90]. Амулеты из клыков собаки были

зафиксированы в одном женском погребении: КМ Бургуста I, курган 5 – погребение 11, были найдены в виде браслета у локтя правой руки погребенной [Ларенок, 2018].

Предметы инвентаря из металла очень редко встречаются. В большинстве случаев представлены маленькими нашивными бронзовыми дисками (КМ Бургуста I, курган 5 – погребение 11), трубочками-пронизьями (КМ Бургуста I, курган 5 – погребение 11 [Ларенок, 2017]; КМ Ребриковка II, курган 1 – погребение 7 [Прокофьев, 2004, с. 280]). В исключительно редких случаях встречаются биспиральные или очковидные подвески (КМ Бургуста I, курган 5 – погребение 11 [Ларенок, 2018]; КМ Чикмари II, курган 1 – погребение 3 [Ильюков, 2016, с. 272]).

Кремневая индустрия представлена обломками и отщепами, резе стрелами (КМ Веселый I, погребение 32). В КМ Веселый I, курган 1 – погребение 4 был найден кремневый наконечник стрелы с выемкой в основании. Такие наконечники относятся к раннему периоду распространения бабино [Кияшко, Ларенок, 2019].

Украшения из бус сердолика, фаянса и пастового бисера встречаются в некоторых погребениях Бабинской эпохи. В Доно-Донецком регионе, в погребениях КМК, встречаются двурожковые бусы: бородавчатые и рожковые (КМ Бургуста I) [Ларенок, 2018].

Погребальный обряд племен Бабинской культуры своеобразен и неоднороден. Включает в себя наличие как простых комплексов без инвентаря и перекрытий, так и сложных, с разнообразными конструкциями и инвентарем.

*Научный руководитель – А. В. Кияшко
д-р ист. наук, профессор,
кафедра археологии и истории древнего мира,
Институт истории
и международных отношений,
Южный федеральный университет*

Список литературы

Василенко А. И. Курган культуры многоваликовой керамики у с. Чугуно-Крепинка в Донбассе // Древние культуры Восточной Украины. Луганск, 1996. С. 178–181.

Илюков Л. С., Казакова Л. М. Курганы Миусского полуострова. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1988. 168 с.

Илюков Л. С. Курган I могильника Чикмари II // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2013–2014 гг. 2016. Вып. 29. С. 167–278.

Кияшко А. В., Ларенок О. П. Комплексы днепро-донской бабинской культуры в кургане I могильника Веселый I на Нижнем Дону // Археология и история древнего мира. Таганрог, 2019. Вып. IV. С. 3–7.

Ларенок О. П. Уникальный женский комплекс бронзового века из раскопок курганного могильника «Бургуста-1» // Проблемы археологии Восточной Европы и Дальнего Востока. Ростов-на-Дону, 2017. С. 74–79.

Ларенок О. П. Группа погребений культуры многоваликовой керамики из курганного могильника «Бургуста I» в Красносулинском районе Ростовской области // Связи и взаимоотношения культур Циркумпонтийского региона: новые данные и материалы. М., 2018. С. 53–54.

Литвиненко Р. А. Об одном типе посуды культуры многоваликовой керамики (КМК) // Етнічна історія та культура населення Степу та Лісостепу Євразії (відкриття нових поглядів по раннесередньовіччя. Дніпропетровськ, 1999. С. 83–86.

Мимоход Р. А. Стратифицированные курганы бронзового века на правобережье Северского Донца. М., 2018. 287 с.

Прокофьев Р. В. Курганы с камнем на правобережье Северского Донца // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2003 году. 2004. Вып. 18. С. 240–283.

Шарафутдинова Э. С. Погребения культуры многоваликовой керамики на Нижнем Дону // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепропетровск, 1987. С. 27–47.

Babino Culture in the Lower Don. Burial Rite

O. P. Larenok

The final of the Middle Bronze Age in the Lower Don is represented by the Babino era. The consideration and analysis of culture is based on a detailed study of the funeral rite. A phased description is provided from the location of burials in the mound to the inventory complex. For this, the system of I. S. Kamenetsky was applied. She made it possible to disassemble the funeral rite on points and reveal its specificity. Based on the monuments located in the bulk in the Rostov region and neighboring regions. That allowed a comparative analysis of cultural heritage sites. During the study, the chronological framework of the studied complexes was determined on the basis of the inventory. Also, rare categories of inventory were identified.

Keywords: Babinskaya culture, Lower Don, Rostov region, burial complex, burials, implements, barrow, burial ground.

Ларенок Оксана Павловна

аспирант 1-го года обучения,
Институт истории и международных отношений
Южный федеральный университет;
научный сотрудник
Ассоциация по защите прав археологов «Южархеология»
e-mail: ksanalare@mail.ru

Larenok Oksana Pavlovna

Postgraduate student 1st year,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University;
Researcher
Association for the Protection of the Rights of Archaeologists
“Southarchaeology”
e-mail: ksanalare@mail.ru

УДК 902.01 (470.6)

Актуальные проблемы исследований памятников постдольменного горизонта: новый взгляд на финальный этап бронзового века Северо-Западного Кавказа

Г. А. Машков

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Вплоть до настоящего времени сохраняются разногласия в вопросе финальной датировки дольменной культуры Северо-Западного Кавказа. Данная проблема возникла вследствие фактической неизученности вопроса об эволюции дольменного строительства – представляется логичным отнести к финальному периоду постройки со значительно упрощёнными по сравнению с более ранними этапами конструктивными элементами (на основании которых можно проследить тенденции архитектурного развития), однако в хронологических схемах к финальному этапу предлагалось относить сложные конструкции, порой редкие даже для данного региона и явно не свидетельствующие о какой-либо смене населения [Мелешко, 2010, с. 203]. Помимо этого, дольменные памятники одного типа могут встречаться в значительном отдалении друг от друга, что свидетельствует, учитывая также отдаление самих дольменов от источников строительного сырья, о единстве идеи, заложенной строителями. Также это подтверждается их предназначением, на что указывают обнаруженные в ряде дольменов захоронения, а также несколько случаев

фиксации петроглифов, имеющих аналогии с культурами Северного Причерноморья III тыс. до н. э. [Трифонов, 2014, с. 122].

Итак, можно констатировать, что на основании существующих археологических данных дольменная культура представляла собой единое пространство, территориально достаточно обширное. В этой связи вопрос о её исчезновении усложняется по двум причинам. Во-первых, одним из свидетельств, которое могло бы указывать на резкую смену культурной общности, могла бы стать группа дольменных памятников, для которой было бы доказано разрушение ещё в конце II тыс. до н. э., но вплоть до настоящего времени граница между недостроенными и разрушенными памятниками остаётся размытой [Кудин, 2013, с. 116]. Во-вторых, неясен вопрос со сменой населения региона. Если допустить, что данный процесс имел место и разборку дольменов для грунтовых могильников вело уже пришедшее население, то оно могло сделать это только после исчезновения носителей дольменной культуры, что не подтверждается археологическими данными [Мелешко, 2010,

с. 204]. Таким образом, миграции, равно как и причины, вызвавшие их, были характерны в том числе и для финальной бронзы Северо-Западного Кавказа. Отсюда можно сделать вывод, что в течение некоторого промежутка времени имело место сосуществование носителей дольменной культуры и пришлого населения. Этот период всего несколько лет назад получил наименование постдольменного горизонта, подчёркивая уже в самом названии переходные тенденции. В связи с этим выделить чёткую границу между финалом дольменной культуры и постдольменным горизонтом довольно сложно; сопоставляя погрешности, которые могли быть допущены при радиоуглеродной датировке образцов, полученных в ходе шурфовки, получаем дату 1200–1000 гг. до н. э., что соотносится с доминирующими представлениями о датировке постдольменного горизонта [Эрлих, 2018, с. 19]. Эта датировка ликвидирует hiatus между дольменной традицией и протомеотскими памятниками, фиксировавшийся в горных районах. На равнине памятники, предшествующие протомеотским, немногочисленны [Там же, с. 7].

Первым памятником, который был отнесён к постдольменному горизонту, стал могильник Шушук в Майкопском районе Адыгеи, расположенный в 1,3 км от одноимённого дольменного комплекса, относящегося к поздней бронзе. Раскопки могильника начались только в 2015 г. и изначально носили охранный характер, поэтому открытие в некоторой степени является случайным. Так как полноценное исследование данного периода началось довольно поздно, то в настоящее время, в силу нехватки информации, работа сводится к сопоставлению информации, полученной в ходе раскопок, с уже известными памятниками предгорной зоны поздней бронзы. Несмотря на данную проблему, постепенно появляются новые данные, позволяющие взглянуть по-новому на проблему культурогенеза на Северном Кавказе на рубеже II–I тыс. до н. э. В Гавердовском могильнике, исследуемом с 2017 г., обнаружено кремационное погребение, уникальное для Северо-Западного Кавказа в данный период, но данный обряд характерен для кобанской и колхидской культур Центрального и Южного Кавказа, что позволяет рассмотреть вопрос о внешнем влиянии [Эрлих, 2019, с. 241]. Однако наиболее распространёнными являются грунтовые могильники, служащие наглядным примером угасания дольменной традиции? – вторичное использование блоков в каменных ящиках (иногда и повторное использование дольменов для погребения), которые в ряде случаев заменяются деревянными перекрытиями.

Стоит отметить, что в постдольменном горизонте внешнее воздействие могло идти не только в южном направлении, но и в северном. Об этом свидетельствуют данные, полученные в ходе исследований культурных остатков, обнаруженных в поселении Шушук. Так, в слоях конца II тыс. до н. э. фиксируются фрагменты костей лошади (всего 18). Они составляют лишь 3 % от общей вы-

борки костного материала, однако равномерно распределены по слоям, что свидетельствует о постепенном проникновении домашней лошади. Доля костных останков лошади всё же слишком мала, чтобы сделать вывод об употреблении конины поселенцами или же использовании лошади в качестве транспортного средства, однако её появление синхронно с кобанской культурой Нижнего Дона XII–VIII вв. до н. э., где лошадь, согласно исследованиям костного материала, занимает уже более заметное положение. Влияние кобанской культуры на данный процесс следует исключить, так как для неё характерно помещение коня в погребение и его культовый статус (что наблюдается и в майкопе), однако ни в могильнике Шушук, ни в Гавердовском могильнике кости лошади и фрагменты упряжи не обнаружены [Эрлих, Спасовский, Годизов, 2019, с. 50]. Двойная преемственность наблюдается также в материальной культуре: металлообработка осталась той же, что и в дольменной культуре (при сокращении доли металлических изделий среди находок), но керамика имеет параллели уже с протомеотской культурой [Там же, с. 48].

Таким образом, можно сделать вывод, что обозначение «постдольменный горизонт» для Северо-Западного Кавказа в конце II тыс. до н. э. обозначает не отдельную культурную общность, а переходный период её формирования. Так как черты материальной культуры, унаследованные и от носителей дольменной культуры и от пришлого населения, фиксируются в протомеотских памятниках, то можно сказать, что обе эти культурные общности стали субстратом для протомеотских племён, однако оценить степень внешнего влияния на основании существующих археологических данных не представляется возможным, так как невозможно выделить культурную общность, которая могла иметь наибольшее влияние на процессы, протекавшие в постдольменном горизонте.

Научный руководитель – Е. А. Черленок

канд. ист. наук, ст. преподаватель,

Санкт-Петербургский государственный университет

Список литературы

- Кудин М. И. Недостроенные памятники и строительная эволюция дольменов Кавказа // Третья абхазская междунар. археол. конф. «Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа». Сухум, 2013. С. 114–119.
- Мелешко Б. В. О финальной дате дольменных памятников Кавказа // КСИА. 2010. № 224. С. 202–213.
- Трифонов В. И. Дольмен Джубга на Черноморском побережье Кавказа // Записки ИИМК. 2014. № 10. С. 104–131.
- Эрлих В. Р. Постдольменный горизонт на Северо-Западном Кавказе // КСИА. 2018. № 250. С. 7–24.
- Эрлих В. Р. Финал поздней бронзы в предгорьях Адыгеи // Scythia et Sarmatia. М., 2019. С. 230–247.
- Эрлих В. Р., Спасовский Ю. Н., Годизов Г. Л. Состав стада и мясная диета постдольменного общества предгорий Северо-Западного Кавказа (по данным поселения Шушук) // История, археология и этнография Кавказа. 2019. Т. 15. № 1. С. 47–56.

Actual Problems of Studying of the Post-Dolmen Horizon Sites: New View at the Final Bronze Age of North-Western Caucasus

G. A. Mashkov

This article is devoted to the new problem of North Caucasian archaeology – the intermediate period between the Final Bronze and Early Iron Age. Although there are not a lot number of works analyzing this problem, some markers are able to single out to make possible particularly consider of this period. In this period become possible to mark its distinctive features such as degradation of dolmen constructions and reusing of dolmen plates in burial grounds. This type of burials named “stone boxes” later spread throughout the North Caucasian region. The final stage of Bronze Age in North Caucasus also accompanied by a change in the economic and cultural type among the inhabitants. Using markers of the final stage of the Bronze Age, recorded among a number of cultures of Eurasia and based on the available data obtained during excavations, an attempt was made to define the post-dolmen horizon as a special chronological period.

Keywords: dolmens, burials, Northernwest Caucasus, Bronze Age, transition period, cultural genesis.

Машков Григорий Андреевич

студент 4-го курса

Санкт-Петербургский государственный университет

e-mail: grifoncheg1996@gmail.com

Mashkov Grigoriĭ Andreevich

Student 4th year

Saint-Petersburg State University

e-mail: grifoncheg1996@gmail.com

О существовании боевых колесниц раннеалакульской эпохи*

Г. К. Букешева

Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, Нур-султан, Казахстан

*Работа выполнена по проекту АР05133813 «Сакральный ландшафт Сарыарки в археологическом контексте: генезис, типология, семантика»

Изучение колесничного комплекса касается вопросов развития материальной и духовной культуры эпохи бронзы, показывает высокий уровень развития ремесла, армейского снаряжения, существование металлургических центров и наличие сложной системы общественного устройства. Ярким признаком этих показателей являются поселения с оборонительными стенами – протогорода.

В статье рассматриваются самые ранние находки колесничных комплексов на территории казахстанских степей, относящиеся к петровскому горизонту памятников раннеалакульской эпохи (XIX–XVIII вв. до н. э.) [Молодин, Епимахов, Марченко, 2014, с. 144]. Петровская археологическая культура выделена в 1975 г. Г. Б. Здановичем [1983, с. 48–68]. Территория распространения петровских памятников занимает северные и центральные области Казахстана, на западе проходит по линии от юга Челябинской области до Актюбинских степей. Памятники включают укрепленные центры, характеризуют инновации в сфере металлургии и общественного устройства, погребения воинов-колесничных.

На территории Казахстана колесничная символика петровского типа известна на памятниках: Кенес, Улубай, Берлик II, Бектениз, Аксайман, Графские развалины, Бестамак (Северный Казахстан); Сатан, Нуртай, Ащису, Бозинген, Аялберген, Талдинский I (Центральный Казахстан).

Колесница, по определению Е. Е. Кузьминой, представляет собой легкий экипаж на двух колесах со спицами, запряженный двумя лошадьми [2010, с. 8]. Ряд исследователей допускают использование колесниц в трех случаях: в охоте, в военных целях и ритуально-поминальных обрядах. Примером одной из форм использования колесничной символики выступает традиция погребения покойного в конструкции ящичного типа в бабинской культуре (Дон-Дунайское междуречье). По мнению некоторых ученых, одним из которых является В. В. Отрощенко, обряд подобного типа символизируют погребение в кузове колесницы. Однако вопрос принадлежности бабинской культуры к колесничному миру является спорным [Зданович, 1983, с. 482].

На территории Казахстана погребений с самой колесницей обнаружено не было, что объясняется исследователями, как уже говорилось выше, обрядовым значением колесницы или же изъятием её во время погребального обряда [Епимахов, Новиков, 2017, с. 345]. Колесничная атрибутика представлена колесничными канавками с отгисками спиц, парным захоронением лошадей, символизирующих запряжку, деталями конской узды (костяной щитковый псалий), а также вооружением колесничных (наконечники стрел, крюк-багор, кельт-тесло, нож-кинжал, наконечник стрелало, наконечник копья и т. д.).

Стоит остановиться на аргументах использования петровских колесниц именно в военных целях. Как известно, фиксируются следы колесничных пар со спицами (Берлик II, к. № 2 и к. № 10; Улубай, к. № 1 и к. № 4; Кенес, к. № 5, я. 1), а также случай использования кожаных шин (Сатан I). Присутствие спиц в колеснице – одно из отличительных признаков военной колесницы. Наличие спиц у колес придавало большую скорость и маневренность повозке, а для амортизации и увеличения проходимости, вероятно, применялись кожаные шины (Сатан I). То же самое и с оголовьем лошади.

Значительным артефактом данной тематики являются костяные щитковые псалии с шипами, являющиеся хронологическим показателем в археологии. Данная деталь конской сбруи предназначена для приручения и управления резвыми лошадьми в сочетании с кожаными удилами, что было практично и не наносило сильных травм для полудиких лошадей [Кукушкин, 2018, с. 65–67].

Одним из показателей высокоразвитого металлопроизводства у петровского населения считаются предметы вооружения (Бектениз, к. № 4; Ащису, к. № 3, к. № 1; Талдинский I, к. № 7; Кенес; Аксайман; Нураталды-1; погребение близ с. Талды и т. д.). Наличие подобного типа находок говорит о присутствии у петровцев высокотехнологичного ремесла и металлургических центров, где создавалось вооружение. При этом, как уже говорилось выше, петровская археологическая культура характеризуется наличием укрепленных центров (поселения Петровка, Новоникольское, Боголобово, Семиозерное и т. д.), где так же были найдены фрагменты колесничной символики. Наличие необходимых инструментов для создания колесницы (колеса со спицами и шинами; конская сбруя), комплекса вооружения и наличие оборонительных сооружений говорят о существовании войн и набегов в исследуемый период, т. е. о необходимости защиты. Поэтому можно судить о вполне обоснованной функции использования петровских колесниц именно в боевых целях.

Существуют разные версии появления колесничной традиции, ее прародины и процесса распространения. Решение этих вопросов требует датировки боевых колесниц. В настоящий период многие исследователи относят старт традиции к концу III–II тыс. до н. э.

А. В. Епимаховым и И. В. Чечушковым было получено 18 радиоуглеродных дат. Полученные результаты делятся на два не стыкующихся интервала: 2500–2250 гг. до н. э. (13,6 %) и 1950–1500 гг. до н. э. (54,6 %). Предпочтение отдается более позднему интервалу, так как 6 дат Оксфордской лаборатории оказались очень близки между собой и относятся к 1880–1740 гг. до н. э. (68,2 %) и 1930–1690 гг. до н. э. (95,4 %). [Чечушков, Епимахов, 2010, с. 13].

Материалы могильника Кулевчи IV и поселения Устье-I датируются 1880–1750 гг. до н. э. Погребение Сатан-I: 1880–1490 (2150–1300) гг. до н. э. Ряд памятников с металлическим вооружением колесничных петровской культуры датируются первой четвертью II тыс. до н. э. Исключение составляет радиоуглеродный анализ костей лошади могильника Ащису (конец III – начало II тыс. до н. э.) [Чечушков, Епимахов, с. 183]. В результате колесничный комплекс петровской культуры имеет дату 1880–1740 гг. до н. э. Для памятников Зауралья стратиграфически зафиксировано положение слоев петровского времени над синташтинским [Молодин, Епимахов, Марченко, 2014, с. 142].

В. А. Новоженев отмечает синхронность петровских колесничных династиям Инь и Шан – 2200–1750 (2600–1700) гг. до н. э. Из этого, по мнению автора, следует влияние синташтинских и петровских племен на развитие азиатской колесничной традиции [Новоженев, 2011, с. 253].

Проблемы датировки культур с боевыми колесницами требуют дальнейшего исследования, пополнения материалов и правильного хранения и изъятия для специальных методов датирования. Исследование путей появления и молниеносного распространения боевых колесниц в ареале

Передней Азии и степной Евразии в период бронзы влечет за собой решение ряда актуальных проблем археологического, исторического и лингвистического плана.

*Научный руководитель – М. К. Хабдулина
канд. ист. наук, доцент,
кафедра археологии и этнологии,
Евразийский национальный университет
им. Л. Н. Гумилева*

Список литературы

Епимахов А. В., Новиков И. К. Проблема интерпретации колесничной символики бронзового века в лесостепном Зауралье (по материалам могильника Озерное-1) // Археологические вести / ИИМК РАН. СПб., 2017. Вып. 23. С. 346–354.

Зданович Г. Б. Основные характеристики Петровских комплексов Урало-Казахстанских степей (к вопросу о выделении Петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск ; Уфа : Башкир. ун-т, 1983. С. 48–68.

Кузьмина Е. Е. Кони степей Евразии в эпоху энеолита и бронзы // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург ; Самара ; Донецк, 2010. С. 5–20.

Кукушкин И. А. Культурно-исторические истоки и наследие синташтинской культуры // Степная Евразия в эпоху бронзы: культуры, идеи, технологии : сб. науч. тр. к 80-летию Геннадия Борисовича Здановича. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2018. С. 62–75.

Молодин В. И., Епимахов А. В., Марченко Ж. В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и Юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2014. Т. 13. С. 136–139.

Новоженков В. А. Азиатские колесницы (к проблеме выделения азиатского колесничного комплекса) // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана КН МОН РК. Алматы, 2011. Т. 1. С. 247–255.

Чечушков И. В., Епимахов А. В. Колесничный комплекс Урало-Казахстанских степей // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург ; Самара ; Донецк, 2010. С. 182–229.

On the Existence of the War Chariots of Early Alacul Period

G. K. Bukesheva

This article discusses the problems of researching the chariot complex of the Early Alacul culture. A detailed study of the chariot complex echoes with the questions of the development of material and spiritual cultures during the Bronze Age, in particular, the high level of craft and maintenance of the army, the presence of metallurgical centers, the existence of a social system – all of which, in turn, requires the creation of centers with a defensive system and the necessary conditions for military affairs and metal production – proto-cities. According to the author of this article, an in-depth study of this subject sheds much light on many of the existing gaps in the archaeology of the Bronze Age of Eurasian space.

Keywords: Early Alacul era, Peter's type, war chariots, chariot attributes, proto-cities, armament of chariots.

Букешева Гульзат Кайнулловна

магистрант 2-го года обучения

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева

e-mail: bgk897@mail.ru

Bukesheva Gulzat Kainullova

Graduate student 2nd year

L. N. Gumilyov Eurasian National University

e-mail: bgk897@mail.ru

УДК 902.2 (571.15)

Керамика из погребальных комплексов андроновской (федоровской) культуры северо-западных предгорий Алтая

И. А. Савко

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Андроновские (федоровские) памятники северо-западных предгорий Алтая локализируются на стыке различных географических ареалов – степной и лесостепной зоны Сибири и Казахстана, горной и предгорной части Алтая, что представляет большой интерес для изучения процессов этнокультурного взаимодействия в эпоху развитой бронзы. Визитной карточкой культуры являются богато украшенные сосуды, которые присутствуют практически во всех погребениях.

Цель исследования – выявление особенностей керамики некрополей северо-западных предгорий Алтая, к которым относятся Чекановский Лог-2, -10, Ново-Александровка, Гилево-36, Гилево-6, Березовка-1, Корболиха-1, Самарка IV-2, Сигнал-1, Чесноковка-1.

Единой методики описания керамики среди археологов не существует [Бердников, Лохов, 2014, с. 37]. На основании научно-методических разработок И. В. Ковтуна, В. Ф. Генинга, Н. С. Ткачевой, Д. С. Леонтьевой, Л. Н. Мыльниковой, И. В. Рудковского, В. А. Борисова и других нами создана схема анализа, включающая признаки формы сосудов и среза венчика, техники орнаментации, вида орнамента, а также декора, состоящего из трех уровней:

1. Элемент орнамента – повторяемая фигура зонального орнамента (каннелюр, треугольник и др.).

2. Мотив (бордюры) – автономный горизонтальный орнамент какой-либо зоны сосуда (шейка, плечо, тулово).

3. Композиция – вся орнаментальная схема на сосуде.

Для выделения элементов и композиций орнамента на сосудах были использованы теоретические разработки

И. В. Ковтуна [2009, с. 115; 2016]. Помимо этого, для разработки собственной классификации мотивов использовался предложенный в диссертационном исследовании Д. С. Леонтьевой перечень бордюров [2016, с. 38, табл. 43].

Для выявления особенностей керамики некрополей северо-западных предгорий Алтая, включающих 140 сосудов, был применен метод кластерного анализа, который ранее нами апробирован на материале базы данных технических элементов орнамента В. А. Борисова [Савко, 2019, с. 170]¹. Памятники Чекановский Лог-2, -10 рассматривались как отдельные единицы, остальные, содержащее менее 10 сосудов, были сгруппированы в 2 группы (1-я – Ново-Александровка, Гилево-36, Гилево-6; 2-я – Березовка-1 Корболиха-1, Самарка IV-2, Сигнал-1, Чесноковка-1) на основе процентного соотношения всех выделенных признаков. Для поиска широкого круга аналогий нами были дополнительно включены материалы некрополей Верхнего Прииртышья (Маринка, Мичурино-1) и Приобья (Фирсово XIV), а также Кулундинской степи (Нижняя Суетка, Рублево VIII). Всего проанализировано 389 сосудов. База данных сформирована в таблице Excel, где строки – это памятники, а столбцы – процентное содержание признаков сравнения. В анализе использовались 76 из 113 признаков, которые равнозначно могли быть выделены среди всей выборки сосудов. В силу качества иллюстраций отдельных сосудов были исключены признаки формы среза венчика и

¹ В статье подробно изложен алгоритм анализа.

техники орнаментации (вдавления, накалывания и резные линии). Не включены в анализ единичные и дублирующие элементы и мотивы орнамента (односложные ковровые меандры и единичные линейные меандры), которые могут создавать статистический шум, исказив результаты математических вычислений.

Результаты кластерного анализа были представлены в виде дендрограммы памятников (рис.).

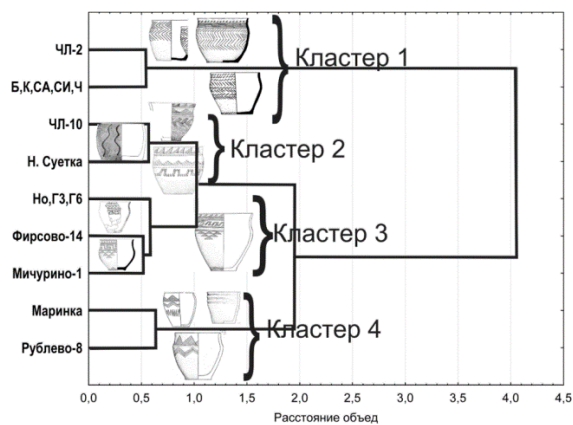

Рис. Дендрограмма кластерного анализа сосудов федоровской культуры

Кластер 1 (см. рис.) составляет некрополь Чекановский Лог-2 (далее ЧЛ-2) и группа могильников – Березовка-1, Корболиха-1, Самарка IV, Сигнал-1 и Чесноковка-1, для которых характерны близкие показатели горшечно-баночной формы сосудов – Чекановский Лог-2 – 57 % и группа 1 – 32 % (далее проценты указываются в соответствии с порядком перечисления), техники штампования – 84 и 89 %, орнамента крупная гребенки – < 20 %, вертикального – 47 и 37 % и горизонтального зигзага – 21 и 31 %, каннелюр – 21 и 36 %, насечек – 26 и 26 %. В сосудах практически полностью нет сложных фигур в виде меандра и треугольника, а также абсолютно доминируют в 100 и 90 % монсюжетные композиции. В целом сосуды по своей специфике близки к Восточно-Казахстанским, где также многочисленны баночные сосуды с простыми орнаментами [Кузьмина, 2008, с. 205].

В погребальном обряде памятников одинаковые признаки: каменные конструкции в надмогильных сооружениях и положение костяка головой на запад.

Кластер 2 составляют могильники ЧЛ-10 и Нижняя Суетка (далее – Н. Суетка), для которых характерен близкий процент содержания горшков – 39 и 44 %, банок – 38 и 31 %, и горшечно-баночных форм – 14 и 18 %, мелкой гребенки – 49 и 47 %, меандров – 31 и 35 % (в особенности линейных – 25 и 29 %), треугольников – 47 и 61 %, редкий мотив № 9 вертикальной качалки, линейный меандр п-образной формы, а также полисюжетные композиции – 30 и 21 %. По Е. Е. Кузьминой, Н. Суетка [2008, с. 212] относится к верхнеобскому варианту федоровской культуры. Также интересно, что Нижняя Суетка имеет редко встречающиеся в регионе элементы алакульского влияния: в форме сосудов с уступчиком и ромбами в декоре; неорнаментированную полосу на плечике сосуда, которая в единичном экземпляре присутствует на ЧЛ-10, как и сосуды с ребристым профилем (желобком).

Кластер 3 составляет группа памятников Ново-Александровка, Гилево-3б, Гилево-6, Фирсово-14 и Мичурино-1, которые объединены на основании близкого процента горшков – 47, 63 и 54 %, асимметрии в орнаменте – 7, 15 и 18 %, техники протаскивания и мелкой гребенки – < 70 %, каннелюр – 93, 87 и 84 %, вертикальных треугольников – по 64 и 71 %, горизонтального зигзага – 36, 40 и 47 %, меандра – 36, 45 и 36 %. Наблюдается редкое использование особого мотива № 48 вертикального зигзага,

свастических орнаментов. Высока роль полисюжетных композиций 40, 47 и 41 %, в особенности редко встречающийся неоклассический полисюжет. Мичурино-1, как и Н. Суетка, имеет алакульское влияние в керамике (сосуды с уступчиком и ромбы в орнаменте, а также выделенный И. В. Рудковским особый вид симметрии (как Фирсово-14) [2013, с. 83]) и в инвентаре (спиралевидные браслеты с плоскими окончаниями и гривны).

Кластер 4 составляют сосуды Рублево VIII и Маринка, имеющие сходство в преобладании банок и горшечно-баночных форм, протаскиваний – 59 и 57 %, качалки – 11 и 10 %, мелкой гребенки – 30 и 26 %, каннелюр – 67 и 70 %, горизонтального зигзага – 48 и 43 %, вертикальных треугольников – 30 и 34 %, насечек – 19 и 26 %. В керамике, как и в кластере 1, заметно низкое содержание меандров – 11 и 15 % и преобладание монсюжетных композиций – 86 и 78 %, в частности монсюжета-псевдоминанта 22 и 16 %. К сходствам этих двух памятников можно отнести редко встречающееся перекрытие сосуда фрагментом керамики или сланца. На памятниках выражено петровско-алакульское влияние: сосуды с уступчиком и ребристым профилем (желобком) [Ткачева, Ткачев, 2008, с. 112, 245–248, 287]; орнамент протаскиваемого гребенчатого штампа и вдавления краем инструмента, высокая доля неорнаментированных сосудов, наличие в исходном сырье илистых глин [Гудков, Папин, Федорук, 2014, с. 318–319]. Сосуды Маринки имеют отдельные черты, сопоставимые с абашевской или катакомбной керамикой [Григорьев, Петрова, Плешанов, 2018, с. 146, 193–194].

Таким образом, если обобщить результаты кластерного анализа, то по керамическому материалу все могильники андроновской (федоровской) культуры северо-западных предгорий Алтая можно разделить на три основные группы:

1. Некрополи с сосудами баночных или переходных форм, выполненные крупногребенчатым штампом, с декором в виде вертикальных и горизонтальных зигзагов и слабым разнообразием композиций. В погребальном обряде данные памятники близки к Восточно-Казахстанскому варианту федоровской культуры (Кластер 1).

2а. Некрополи с сосудами преимущественно горшководной формы, выполненными мелкогребенчатым штампом, реже – гладким штампом, качалкой, с декором в виде треугольников, меандров, горизонтальных и вертикальных зигзагов, с полисюжетными композициями при доминировании монсюжета, а также с отдельными элементами алакульского влияния (Кластер 2).

2б. Некрополи с сосудами преимущественно горшководной формы, выполненными мелкогребенчатым штампом, с орнаментом в виде треугольников, меандров, горизонтальных зигзагов и с разнообразными композициями, с элементами алакульской культуры (Кластер 3).

Данное исследование подтверждает ранее сделанные выводы о смешанном составе андроновского населения предгорий Алтая в эпоху бронзы. С одной стороны, это синкретизм верхнеобского и верхнеиртышского варианта федоровской культуры, с другой – это незначительное влияние алакульской традиции, которая, по-видимому, была заимствована с территории Восточного Казахстана.

Научный руководитель – М. А. Демин
д-р ист. наук, профессор,

Алтайский государственный педагогический университет

Список литературы

- Бердников И. М., Лохов Д. Н. Керамика в археологии: описание, анализ, методы исследования. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. 163 с.
Григорьев С. А., Петрова Л. Ю., Плешанов М. Л. Поселение Моцище и андроновская проблема. Челябинск : Цицеро, 2018. 398 с.
Гудков А. И., Папин Д. В., Федорук О. А. Культурные особенности андроновской керамики могильника Рублево VIII // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Барнаул, 2014. С. 311–321.
Ковтун И. В. Основы морфологии андроновского орнамента // Изв. Алтайского ун-та. 2009. Вып. 4 (4). С. 115–124.

Ковтун И. В. Андроновский орнамент (морфология и мифология). Казань : Отечество, 2016. 547 с.

Кузмина Е. Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе : ПринтА, 2008. 358 с.

Леонтьева Д. С. Керамика андроновской культуры степного и Лесостепного Алтая (по материалам поселений) : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2016. 287 с.

Рудковский И. В. Андроновская орнаментика в контексте системообразующих инвариантов. Алматы : Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана, 2013. 189 с.

Савко И. А. Кластерный анализ декора сосудов федоровской культуры Верхнего Аляя // Вопросы истории, археологии, политических наук и регионоведения. 2019. Вып. 15. С. 170.

Ткачева Н. А., Ткачев А. А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск : Наука, 2008. 304 с.

Ceramics from the Burial Complexes of Andronovo (Fedorovo) Culture of the Northwestern Foothills of Altai

I. A. Savko

Using the mathematical method of cluster analysis, the article considers vessels from the burials of the Andronovo (Fedorovo) culture. The purpose of the study is to identify the ceramic features of the necropolises of the northwestern foothills of Altai, which include Chekanovsky Log 2 and 10, Novo-Aleksandrovka, Gilevo 3b, Gilevo 6, Berezovka 1, Korbolikha 1, Samarka IV-2, Signal 1, Chesnokovka 1. To search for a wide range of analogies, we additionally included materials from the necropolises of the Upper Irtysh (Marinka, Michurino 1) and Priobye (Firsovo 14), as well as the Kulundinskaya steppe (Nizhnyaya Suetka, Rublevo 8). The results of the study confirm the previous conclusions about the mixed composition Andronovsky (Fedorovsky) population of the region. Syncretism of the Upper Ob and Upper Irtysh variants of Fedorov's culture is observed with an insignificant Alakul tradition, which, apparently, was borrowed from the territory of East Kazakhstan.

Keywords: cluster analysis, Fedorovo culture, northwestern foothills of Altai.

Савко Илья Андреевич

студент 5-го курса

Алтайский государственный педагогический университет

e-mail: savko.ilia2016@yandex.ru

Savko Iliya Andreevich

Student 5th year

Altai State Pedagogical University

e-mail: savko.ilia2016@yandex.ru

УДК 903.4(571.14)

Поселение и культовое место Верхний Сузун – 10 (по итогам полевых работ 2017–2018 гг.)*

Н. А. Семакова

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

*Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности
Лаборатории гуманитарных исследований НГУ

В 2017 г. археологическим отрядом Новосибирского краеведческого музея под руководством А. Л. Автушковой проводились разведочные работы в лесостепной зоне Новосибирского Приобья [Автушкова, 2017, с. 2]. В Сузунском районе у с. Верх-Сузун было открыто поселение Верхний Сузун-10, расположенное в 1,5 км к юго-востоку от населенного пункта, 0,26 км к северо-востоку от моста через р. Слезянка, с правой стороны от дороги рабочего поселка Сузун – с. Мереть [Росляков, 2018, с. 11].

Памятник находится на речной террасе, занятой лугом, который в настоящее время используется местным населением для выпаса крупного рогатого скота. Согласно полученной информации, площадь памятника в двухтысячных годах использовалась под сельскохозяйственные работы, связанные с посадкой кормовых культур [Росляков, 2018, с. 11]. Распашка луга, вероятно, привела к нарушению культурного слоя памятника и перемещению артефактов.

В ходе проведения топографической съемки были выделены шесть жилищных западин округлой и овальной в плане формы. В заложенном на площади поселения шурфе было найдено два бронзовых артефакта: подвеска в виде плоского фрагмента диска с отверстием в углу и орнитоморфная пластина – схематичная фигура птицы. Предметы были предварительно отнесены к VI–VIII вв. н. э. [Автушкова, 2017, с. 14–15].

В полевом сезоне 2018 г. работы на поселении Верхний Сузун-10 были продолжены отрядом музея под руководством С. Г. Рослякова. На южной окраине выявленного поселения, приближенной к берегу р. Слезянка, был заложен раскоп площадью 45 м². В результате раскопок была выявлена следующая стратиграфическая ситуация: общий уровень изученного культурного слоя по всей площади составил 0,4–0,5 м. Он включал в себя пять слоев и прослоек, состоящих из темно-серой и коричнево-серой супеси. В результате работ было обнаружено большое количество артефактов, отнесенных автором раскопок к двум

археологическим культурам – ирменской и верхнеобской [Росляков, 2018, с. 19].

Большая часть находок, выявленных непосредственно под слоем пахотной почвы, состоит из орнаментированных и неорнаментированных фрагментов керамических сосудов и костей домашнего скота. Вместе с ними были обнаружены бронзовый пластинчатый нож и каменный оселок. Орнаментация и форма сосудов (плоскодонные горшководные) позволили датировать поселение Верхний Сузун-10 периодом поздней бронзы (X–VIII вв. до н. э.) и отнести его к ирменской культуре [Там же, с. 18].

Особенный интерес представляют предметы, найденные на уровне пахотного слоя: бронзовые подвески, антропоморфные и орнитоморфные фигурки (птицы с распростертыми крыльями, птицы с личиной на груди, изображение людей с крыльями, изображение гуся) [Там же, с. 14]. Всего на территории раскопа было найдено более 120 предметов бронзовой культовой пластики. Большая часть изделий была отлита в односторонних формах. Стоит подчеркнуть, что в пределах раскопа и в местах обнаружения предметов никаких следов погребения или остатков жилища не было выявлено. На основе сравнительно-типологического метода автор раскопок отнес находки бронзовых предметов к верхнеобской культуре Новосибирского Приобья (VI–IX вв. н. э.) [Росляков, 2018, с. 18].

Основную часть находок составляют орнитоморфные фигурки. Они имеют такие общие стилистические особенности, как распростертые крылья, в ряде случаев на груди у птицы расположена человеческая личина, плоское туловище и объемная голова, в ряде случаев полностью плоскостная фигура. Подчеркнутое выделение художественными приемами отдельных элементов основной фигуры (хвоста, перьев, головы и др.) отличается в деталях, что позволяет говорить об отсутствии стандартизации в их изготовлении.

Согласно одной из гипотез о возможной интерпретации фигура птицы в полете связана с представлениями о священной птице, уносящей душу человека в верхний мир [Оборин, Чагин, 1988, с. 38].

Многочисленные находки культового литья распространены на широкой территории от Прикамья до Приобья [Троицкая, Новиков, 1998, с. 74].

Культовые места для территории юга Новосибирской области являются достаточно редким явлением, однако они хорошо известны в более северных районах Приобья [Чиндина, 1984, с. 22–23]. К настоящему времени памятник Верхний Сузун-10, на котором помимо поселения ирменской культуры выявлен археологический объект типологически близкий к культовым местам кулайской культуры, требует дальнейшего исследования.

Settlement and Place of Worship Verkhniy Suzun 10 (Based on the Results of Field Work in 2017–2018)

N. A. Semakova

The paper contains information about the discovery and excavation of the settlement of Verkhniy Suzun 10. The remains of six dwellings of the Irmen culture (10th–8th centuries BC) were found on the territory of settlement. Archaeologists' groups of the Novosibirsk Museum of Local History carried out the excavations. In 2018 the complex of bronze religious casting was discovered in a reconnaissance excavation laid in the territory. These artifacts belong to the upper Ob Culture and date back to the 7th–8th centuries AD. Ornithomorphic figures predominate among the numerous bronze finds. The total number of collection items is more than 120 copies. This location can be interpreted as a place of worship or the following reasons: the high concentration of items in a small area, the absence of traces of burial and housing. The location of the place of worship is quite rare for the forest-steppe zone of the Novosibirsk region.

Keywords: Novosibirsk region, Verkhniy Suzun 10, settlement, place of worship, bronze casting, ornithomorphic figures.

Семакова Наталья Александровна
магистрант 1-го года обучения
Новосибирский государственный университет
e-mail: nata6ka9696@mail.ru

Semakova Nataliya Aleksandrovna
Graduate student 1st year
Novosibirsk State University
e-mail: nata6ka9696@mail.ru

УДК 902(571.151)(091)

История исследования памятника Советский Путь I в Лесостепном Алтае

О. А. Качесова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Поселение и могильник Советский Путь I – памятник, расположенный в Локтевском районе Алтайского края, на берегу р. Алей, в 700 м от одноименного села. Содержит в себе культурно-хронологические комплексы нескольких эпох: развитая бронза (федоровский вариант андроновской культуры), поздняя бронза (саргаринско-алексеевские и бегазы-дандыбаевские археологические культуры), обнаруженные в поселенческих материалах, а также погребальный комплекс раннескифского времени.

Целью статьи является описание истории исследования данного памятника. Так как исследовательские работы не окончены, тема остается довольно актуальной, дополняя материалы по ранее изученным комплексам.

Памятник Советский Путь I впервые был открыт еще в 70-е гг. XX в. местным жителем – краеведом Н. Ф. Володиным. Позже целенаправленные исследования проводились в ходе Локтевской археологической экспедиции в 1994 г. под руководством сотрудников Барнаульского педагогического института – С. М. Ситникова и П. И. Шульги [Ситников, 2004, с. 125]. Из-за аварийного состояния объекта в результате весенних паводков и ливневых дождей, а также слабой изученности памятников на данной территории, было решено начать раскопки. В 1994 г. был исследован шурф площадью 12 м², давший материал эпохи бронзы, а в 1995 г. к нему прирезан раскоп площадью 56 м² [Ситников, 1996, с. 7]. Как отмечалось, поселение имело довольно богатый культурный слой. По керамическому материалу были выделены андроновский (XIV–XIII вв. до н. э.), саргаринско-алексеевский и бегазы-дандыбаевский комплексы (XII–IX вв. до н. э.). Авторами раскопок был

проведен анализ керамики, выделено 5 типов керамики эпохи поздней бронзы и 2 типа сосудов эпохи развитой бронзы. Поскольку бегазы-дандыбаевская керамика присутствовала фрагментарно, ее анализ был затруднителен. Ее наличие объясняется возможным результатом импорта [Ситников, 1998, с. 13].

В 1996 и 1997 гг. работы продолжились, в ходе них было исследовано 9 раннескифских погребений, получивших название Советский Путь Ia [Ситников, Шульга, 1998, с. 69]. По датирующим вещам (двум зеркалам и бусинам-пронизкам) ученые определили хронологическую принадлежность погребений – примерно VII в. до н. э. Аналогии материалу из погребений были найдены в комплексах Горного Алтая и Казахстана. Раскоп 1997 г. по площади составлял около 184 м² [Грушин, 2018, с. 8]. По результатам исследований было опубликовано несколько статей [Ситников, 1998, с. 71–84, 2004, с. 125–144; Ситников, Шульга, 1998, с. 69–77; Кунгурова, Ситников, 1999, с. 46–53] и монография С. М. Ситникова «Культура саргаринско-алексеевского населения степного и лесостепного Алтая», в основу которой легли в том числе и результаты исследования поселения Советский Путь-I [Ситников, 2015].

Работы были возобновлены в 2016 г. совместной экспедицией Алтайского государственного и Нанкинского университетов (КНР) под руководством А. А. Редникова. Был заложен раскоп, который прилегал к северной стенке раскопа 1997 г. Было вскрыто 128 м² памятника, исследованы верхние пласты, предположительно жилищного котлована. Материал содержал большое количество керамических фрагментов разной культурной принадлежности,

Научный руководитель – О. А. Митько
канд. ист. наук, доцент

Новосибирский государственный университет

Список литературы

Автушкова А. Л. Отчет об археологических исследованиях (разведках) в Сузунском районе Новосибирской области в 2017 г. // Архив ГАУК НСО НГКМ. 2017. 46 с.

Оборин В. А., Чагин Г. Н. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1988. 184 с.

Росляков С. Г. Отчет об археологических раскопках памятника Верхний Сузун-10 в Сузунском районе Новосибирской области в 2018 г. // Архив ГАУК НСО НГКМ. 2018. 125 с.

Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.

Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: ТГУ, 1984. 256 с.

костей животных, камней, изделий из металла [Редников, 2017, с. 3].

С 2017 г. работы проводятся Верхнеалтайской археологической экспедицией Алтайского государственного университета под руководством С. П. Грушина, совместно с Нанкинским университетом (КНР). К старому раскопу памятника Советский Путь Ia был прирезан новый раскоп [Грушин, 2018, с. 7]. Параллельно с полевыми работами велись аналитические исследования. Так, по результатам рентгенофлуоресцентного анализа, проведенного совместно учеными Алтайского и Нанкинского университетов, была опубликована работа, целью которой являлся рентгенофлуоресцентный анализ металлических находок с поселения для дальнейшей реконструкции специализированной сферы деятельности у населения предгорий Алтая в период развитой и поздней бронзы [Рентгенофлуоресцентный ... , 2017, с. 26]. Еще одним промежуточным итогом стала работа по анализу андроновского керамического комплекса [Грушин, Леонтьева, Ситников, 2017, с. 189–195].

В 2019 г. работы продолжились совместной Рудно-Алтайской археологической экспедицией и экспедицией Нанкинского университета (КНР). Главной целью оставалось продолжение исследования жилищного котлована, начатое еще в 2017 г. Был проведен довольно большой объем работ, в результате которого контуры предполагаемого жилищного котлована были обозначены более четко, что позволило до конца провести работы по его исследованию. Индивидуальные находки были представлены бронзовыми изделиями (среди которых обнаружены как предметы быта и орудия труда, так и украшения), многочисленными развалами керамических сосудов, костяными изделиями с аккуратным резным орнаментом. Однако, в связи с большим объемом работ с поселенческим материалом, раскопки погребального комплекса раннескифского времени не были возобновлены. Помимо раскопочных работ, были проведены осмотры береговой кромки р. Алей, в ходе которых также был обнаружен многочисленный керамический материал.

Работы, продолжавшиеся несколько лет, выявили огромный потенциал памятника Советский Путь I, особен-

но его поселенческого комплекса, давшего в ходе изучения внушительные результаты. Работы, как мы видим, продолжались с очень большим перерывом, но именно богатый потенциал памятника дал продолжить исследования. Материалы памятника позволили дополнить картину быта племен андроновской культуры и уточнить традиции домостроительства в эпоху поздней бронзы в предгорьях Алтая.

*Научный руководитель – С. П. Грушин
д-р ист. наук, доцент, профессор,
кафедра археологии,
этнографии и музеологии,
Алтайский государственный университет*

Список литературы

Грушин С. П., Леонтьева Д. С., Ситников С. М. Андроновская керамика поселения Советский Путь-I в Рудном Алтае // Известия Алтайского гос. ун-та. 2017. № 5. С. 189–195.

Грушин С. П. Отчет об археологических раскопках на памятнике «Советский Путь 1, поселение» летом 2017 года. Барнаул, 2018. 94 с.

Кунгурова Н. Ю., Ситников С. М. Материальная культура древних жителей поселения Советский Путь-1 // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 1999. № 4. С. 46–53.

Редников А. А. Отчет об археологических раскопках на памятнике «Советский Путь 1, поселение и могильник» летом 2016 года в 2-х томах. Барнаул, 2017. 45 с.

Рентгенофлуоресцентный анализ металлических находок, шлака и руды с поселения эпохи бронзы Советский Путь-1 в предгорьях Алтая / А. А. Тишкин, А. А. Редников, Л. Чжан, Т. Шуй // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2017. № 49. С. 26–31. DOI: 10.17223/19988613/49/5

Ситников С. М. Отчет об археологических разведках и раскопках Локтевского и Третьяковского отряда БГПУ в Локтевском и Третьяковском районах Алтайского края летом 1995 года. Барнаул, 1996. 41 с.

Ситников С. М. Некоторые результаты исследования поселения Советский Путь-1 // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 71–84.

Ситников С. М. Поселение Советский Путь-1 и некоторые вопросы происхождения культурно-исторических контактов саргаринско-алексеевского населения // Аридная зона юга Западной Сибири. Барнаул, 2004. С. 125–144.

Ситников С. М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул, 2015. 254 с.

Ситников С. М., Шульга П. И. Погребения раннескифского времени на поселении эпохи бронзы Советский Путь-1 // Древности Алтая. Известия лаб. археологии. Горно-Алтайск, 1998. Вып. 3. С. 69–77.

History of Research of the Site Sovetskii Put 1 in the Forest-Steppe Altai

O. A. Kachesova

The article describes the history of the study of the Sovetskii Put 1 site, located in the south of the Forest-Steppe Altai. The site was opened long before the start of stationary research, in the 70^s of the twentieth century, then it was investigated by a detachment of the Barnaul Pedagogical Institute for several years. Excavations were continued in the new century by scientists of the Altai State University and Nanjing University. Now more than 300 m² of site was researching and published a series of works affecting various aspects of this site: material culture, cultural and historical relations between the population of the Late Bronze Age of the Forest-Steppe Altai and Kazakhstan, also funeral rites. Despite the impressive results obtained, the site has not yet been fully explored, and it opens up new perspectives in its study.

Keywords: Archaeology, the Last Bronze Age, Forest-Steppe Altai, settlement, burial ground, Sargary-Alexeevskaya culture, Andronovo culture, the earlier Scythian period.

Качесова Ольга Александровна

студент 4-го курса

Алтайский государственный университет

e-mail: ka4esova99@yandex.ru

Kachesova Olga Aleksandrovna

Student 4th year

Altai State University

e-mail: ka4esova99@yandex.ru

Уникальные керамические штампы из коллекции Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал»

Т. С. Давыдова

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт, Нижний Тагил, Россия

Керамический комплекс археологического памятника является своеобразным культурно-хронологическим маркером, позволяющим исследователю правильно изучать его. Чаще всего объектом познания становится орнамент, но больший интерес может вызывать инструмент, при помощи которого он нанесен – орнаментир (штамп). Далеко не всегда, в связи с трудностью определения, предметы подобного рода находят отражение в научных публикациях.

Более того, введение в научный оборот работ, направленных на изучение сложной неоднозначной категории находок – фигурных штампов, позволит расширить идентификационные и интерпретативные возможности исследователя, столкнувшегося с подобными артефактами.

На ранних этапах появления керамики на территории Урала человек полностью заполнял орнаментом поверхность сосуда (евстонижский, кокшаровско-юринский, полуденковский типы). В этом случае орнаментиром выступала «палочка» с приостренным или раздвоенным концом. Применялся такой инструмент по-разному: от гладкого протаскивания (прочерчивания) до отступающего (отступающе-накольчатых движений).

В этот же период начинает использоваться другой вид орнаментиров – гребенчатый (зубчатый) штамп. Его применяли накальванием (печать), протаскиванием (прочерчиванием) и отступающе-накольчатым способом. Новая форма инструмента способствовала возникновению прие-

ма – «шагания» и шагающе-отступающей техники, а также прокатывания. В энеолите гребенчатый орнамент выходит на первый план и становится одним из основных видов орнаментации.

Орнаменты часто изготавливали из камня (плитки), кости, фрагментов керамики либо специально лепили из глины.

В данной работе нас интересуют фигурные керамические штампы. Их отличительной чертой является наличие нескольких рабочих поверхностей и особая форма: крестообразная, в форме сектора, округлая, прямоугольная, сердцевидная. П. А. Дмитриев различает розетковый штамп [Дмитриев, 1934, с. 19; Берс, 1963].

В собрании музея-заповедника на сегодняшний день имеется 17 древних орнаментиров, несколько из них относятся к фигурным.

В первую очередь стоит сказать о лепном керамическом штампе со святилища Шайтанский Шихан (Шайтанское озеро, Свердловская обл.). Изделие предположительно можно отнести к бронзовому веку. Штамп крестообразной формы, в тесте присутствует примесь талька и песка. В центре расположено глухое отверстие диаметром 0,5 см, размер изделия – 4×4,1 см. Толщина – 1 см, концы сужаются. На каждом противоположном конце нанесен отдельный тип отпечатка (рис., 1) [Сериков, 2013, с. 138].

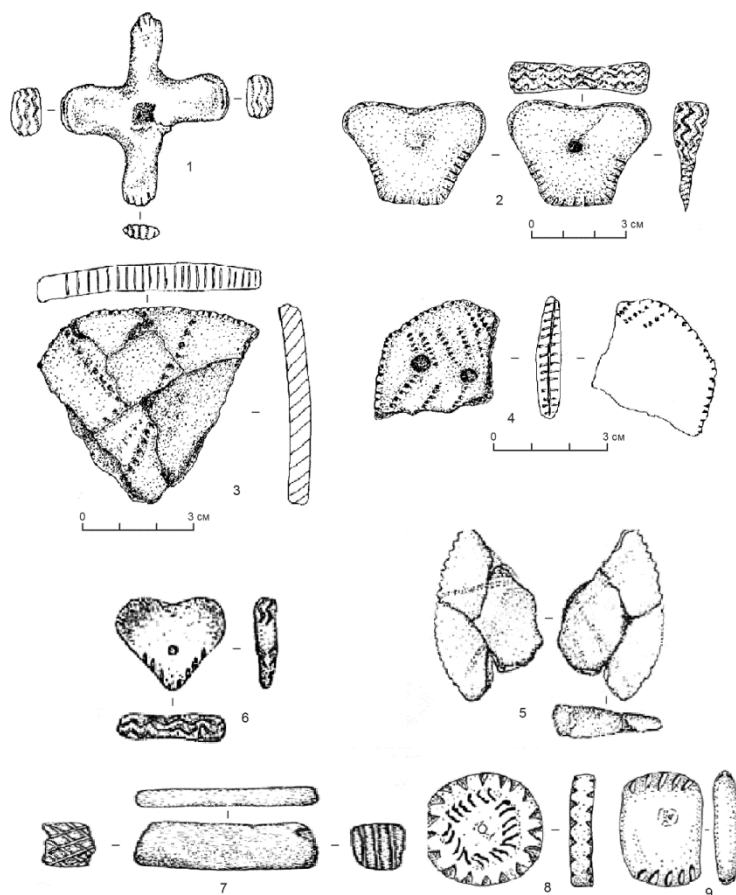

Рис. Керамические штампы: (1 – Шайтанский шихан; 2 – Шайтанское озеро II; 3, 4 – VI Береговая стоянка Горбуновского торфяника; 5 – Медведка; 6 – Мурино I; 7 – Балакино I; 8, 9 – Низямы VIII

В коллекции находок с памятника Шайтанское озеро II, уникального культового комплекса, найден штамп сердцевидной формы с четырьмя рабочими поверхностями. Размеры лепного изделия 3,6×4,6×2,8 см. От одного рабочего края к другому толщина изменяется от 1,0 до 0,1 см. В центре изделия расположена сверлина диаметром 0,5 см. Более широкий край в оттиске дает орнамент, составленный из волнистых линий, противоположный край дает отпечатки узкого гребенчатого штампа (рис., 2) [Там же, с. 79–80].

Интересен штамп с Усть-Вагильского холма. Данный памятник расположен на левом берегу в месте впадения в р. Тавду р. Вагиль (Свердловская обл.). Святилище было открыто в 1887 г. В. Я. Словоцким, в 1960 г. исследовано в разные годы Ю. С. Фоминым, В. Ф. Старковым, А. И. Россадович и др. Штамп имеет листовидную форму, насечки на поверхности. Рабочий край слегка закруглен, дает оттиск в виде зигзагообразной выпуклой линии [Панина, 2011, с. 91].

Два фигурных энеолитических штампа представлены в коллекции VI Береговой стоянки Горбуновского торфяника. Памятник открыт в 1976 г. Нижнетагильским отрядом УрГУ под руководством Ю. Б. Серикова. Расположен в 2 км от пос. Горбуново, в 1,8 км от пос. Чащино (Свердловская обл.).

Один штамп выполнен из стенки сосуда с орнаментом в виде сектора, возможно, что необходимая форма изделия придавалась путем дополнительной обработки. По выпуклому краю каменным орудием нарезаны 24 неглубокие насечки, идущие перпендикулярно боковой поверхности. Размеры изделия: 4,7×5,9×0,7 см. (рис., 3) [Арефьев, Рыжкова, 2010, с. 76–77].

Для изготовления еще одного штампа был использован венчик керамического сосуда с гребенчатым орнаментом, нанесенным с двух сторон, и жемчужинами. Вдоль рабочего края прорезана канавка, разделяющая 22 насечки на 2 сегмента, оттиск в этом случае дает двойной ряд гребенки. Размер изделия: 3,0×2,5×0,6 см (рис., 4) [Там же, с. 86].

Продолжая характеристику фигурных штампов из коллекции Нижнетагильского музея-заповедника, обратим внимание на керамический штамп со стоянки Медведка. Памятник исследован в 1956–1959 гг. А. И. Россадович. Памятник (поселение) расположен в 15 км к северу от г. Нижний Тагил (Свердловская обл.) у горы Медведь-Камень на левом берегу р. Тагил, в месте впадения в нее р. Медведка. Автор раскопок относит коллекцию находок к эпохе бронзы – раннему железному веку.

Штамп изготовлен из стенки керамического сосуда, с двух сторон изделие орнаментировано пересекающимися отпечатками гребенчатого штампа, рабочий край округлый, необходимая форма придана путем дополнительной обработки. Рабочий край насчитывает 21 зубец. Размеры изделия: 4,5×3,2×1,2 см (рис., 5) [Дубовцева, 2017, с. 15].

Также летом 1958 г. А. И. Россадович на памятнике Мурино I в черте г. Нижний Тагил был обнаружен еще

один орнаментир. Лепной штамп – плоский, сердцевидной формы, на одной плоскости углубление, на ребрах – зигзагообразные нарезки (рис., 6). Предположительно штамп относится ко II–I тыс. до н. э. [Там же].

Сюда же можно отнести штамп, найденный на стоянке Балакино I, открытой и исследованной в 1973 г. Ю. Б. Сериковым, а в 1974 г. – А. И. Россадович. Памятник датирован эпохой поздней бронзы; расположен на берегу р. Тагил (Свердловская обл.) в 3 км от д. Балакино. Штамп в форме брусочка размером 3,5×2,0×1,0 см, на двух рабочих поверхностях имеет нарезки из перекрестных линий с одной стороны и три прямых – с другой (рис., 7).

Аналогии фигурным керамическим штампам известны на поселении Низямы VIII (Нижнее Приобье, Ханты-Мансийский автономный округ), относящемся к памятникам лозьвинского типа (бронзовый век) (рис., 8–9) [Алексащенко, Кокшаров, Морозов, 2017, с. 104]. Среди находок выявлено два «штампа-пинтадера» дисковидной (овальной и округлой) формы. Орнамент штампов: одно-двухполосный зигзаг и «сетка из ромбов», относимые к сотниковскому, лозьвинскому и вагильскому типам [Сладкова, 2007, с. 165].

В заключение следует отметить, что категория уникальных находок – фигурных штампов – требует новых подходов к их функциональному и технологическому изучению. Проводимые автором эксперименты позволяют на практике понять и увидеть новые способы интерпретации таких неоднозначных артефактов древности.

*Научный руководитель – Ю. Б. Сериков
д-р ист. наук, профессор, ведущ. науч. сотр.,
Российский государственный профессионально-педагогический
университет (филиал в Нижнем Тагиле)*

Список литературы

- Алексащенко Н. А., Кокшаров С. Ф., Морозов В. М. Низямы VIII – поселение бронзового века в Нижнем Приобье // Вестн. угроведения. 2017. № 3 (30). С. 99–118.
- Арефьев В. А., Рыжкова О. В. Исследование VI Береговой стоянки на Горбуновском торфянике в 1989–1991 гг. // Древности Горбуновского торфяника. Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 2010. Вып. 6. С. 76–112.
- Берс Е. М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1963. 116 с.
- Дмитриев П. А. Раскопки стоянки «Калмацкий Брод» на р. Исети. Свердловск, 1934. 24 с.
- Дубовцева Е. Н. Эволюция орудий для гребенчатой орнаментации керамики Урала и Западной Сибири в неолите и бронзовом веке // Археология и история Северо-Западной Сибири. Нефтеюганск; Екатеринбург, 2017. С. 4–19.
- Панина С. Н. Гребенчатый комплекс керамики эпохи энеолита Усть-Вагильского холма // Шестые Берсовские чтения : сб. ст. Всерос. археол. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2011. С. 91–97.
- Сериков Ю. Б. Шайтанское озеро – священное озеро древности. Нижний Тагил, 2013. 408 с.
- Сладкова Л. Н. Лозьвинская культура поздней бронзы таежного Зауралья – Западной Сибири // XVII Уральское археологическое совещание : материалы науч. конф. Екатеринбург; Сургут, 2007. С. 164–167.

Unique Ceramic Stamps from the Collection of Nizny Tagil Reserve-Museum “Gornozavodskoi Ural”

T. S. Davydova

Most often, the ornament becomes the object of archaeological research, but more interesting thing is a tool – stamp. In the article presents analysis of curly ceramic ornaments (stamps) which found in Nizny Tagil Reserve – Museum repository. Also marked the spectrum of archeological sites including identification similar unique stamps in whole Ural region. This type of artefacts is rare. Most of all it found in cult sites: sanctuary, sepulture and in the other places, which were important in ancient people world view. The uniqueness of curly stamps including in their possibility of combining several types of ornament in the one tool. So, it (using stamps) can be interpreted by various point of views.

Keywords: stamp, ceramic stamp, ornaminter, archaeological reconstruction, reserve-museum, Eneolithic.

Давыдова Татьяна Сергеевна
студент 4-го курса
Нижнетагильский государственный
социально-педагогический институт
e-mail: tatianadavydova95@yandex.ru

Davydova Tatiyana Sergeevna
Student 4th year
Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute
e-mail: tatianadavydova95@yandex.ru

Плита с изображением коня в местонахождении Усть-Туба: открытие 2019 г.*

О. О. Шишкина, А. А. Мальцева

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

*Работа выполнена по гранту РФФИ № 118-09-40089

«Наскальное искусство Тепсейского микрорайона в контексте археологических материалов»

Летом 2019 г. Тепсейский отряд кафедры археологии КемГУ проводил разведочные работы на предмет выявления ранее неизвестных наскальных изображений на территории Тепсейского археологического микрорайона (Краснотуранский район Красноярского края). Основные работы проводились в Широком Логе (внутренние гряды юго-восточной части горы Тепсей, тяготеющие к р. Туба). В результате на одной из горизонтальных плит было обнаружено ранее неизвестное изображение коня (рис.). На

плоскости, полностью покрытой лишайником различной структуры, были слабо заметны следы выбивки. После расчистки плиты было выявлено изображение коня. Рисунок выполнен в технике крупнозернистой выбивки по контуру. Корпус коня поджарый, морда клювообразна, на холке имеется грива, а рядом с ней ухо. Животное изображено с двумя передними и одной задней ногами с выраженными копытами и прямым хвостом. Круп коня выделен тонкой вертикальной линией.

Рис. Плита с изображением коня. Усть-Туба

В целом наскальные изображения на горизонтальных поверхностях не характерны для Минусинской котловины [Шер, 1980, с. 139–170]. Но в последнее время выявлена серия рисунков на подобных поверхностях [Мухарева, 2014, с. 83–84], а на территории Тепсейского археологического микрорайона недавно обнаружена плита с карасукскими рисунками на вершине горы. Также на соседнем участке скопления петроглифов Усть-Тубы (соседняя гряда) известны изображения коней на горизонтальной плоскости, которые были обнаружены еще А. В. Адриановым, а затем задокументированы Я. А. Шером. Эта плита была недавно опубликована участниками Тепсейского отряда [Советова, Шишкина, 2019, рис. 1]. Изображение коня, обнаруженного летом 2019 г., во многом напоминает изображения на другой усть-тубинской плите. Манера передачи изображений животных схожа: клювообразная морда, поджарый корпус, четко выраженный круп вертикальной линией и копыта. У новой фигуры хвост более длинный, не пышный, ухо передано одной вертикальной линией, но характерно торчит. К заметным различиям стоит отнести наличие гривы, постановку ног. В отличие от рассматриваемого нами коня крупы животных заполнены различными геометрическими фигурами.

Манера изображения найденного изображения коня находит аналогии не только среди петроглифов Усть-Тубы, но напоминает целую серию изображений коней на склонах соседнего памятника наскального искусства на горе Оглахты [Sibérie du Sud ... , 1994, pl. 10, 45, 56]. Подобные изображения найдены среди плит на Тепсее XVI. Общей характерной чертой серии изображений таких коней является изображение морды с «треугольником» внутри (возможно, таким образом изображалась конская сбруя). Серия таких коней четко датирована тагарским временем. Для этого времени характерно изображение удлиненной головы с округлой челюстью, глазом в виде кружка, непосредственно примыкающим к линии лба или выступающим над ней, уха, примыкающего к линии глаза, выступа на холке, поджарым корпусом [Шер, 1980, с. 244]. В целом большая часть этих признаков присутствует на найденном изображении.

Среди археологических находок тагарской культуры в качестве аналогий можно привести изображение коня на рукояти ножа из категории случайных находок у д. Колмаково Минусинского района. «На конце рукояти ножа изображена объемная фигурка лошади с прямыми заходящими

на рукоять ногами. Животное показано с прямой шеей и горизонтально расположенной головой. Анатомические особенности лошади переданы с помощью сглаженных рельефных линий, воспроизводящих округлое бедро, плечевой сустав, щеки, глаз и переднюю часть морды» [Амзараков, 2012, с. 48]. По мнению Н. Л. Членовой, ножи с фигурами животных на конце рукояти, у которых концы спущены на рукоять, бытовали в Минусинской котловине в течение VI в. до н. э., а к началу V в. до н. э. уже полностью исчезли [Членова, 1967, с. 117]. Изображение лошади с опущенной вниз головой и подобной позе известно на ручке бронзового котла из с. Тигрицкое, датированное Н. Л. Членовой VII–VI вв. до н. э. [1997, рис. 38.2].

Интерес вызывает изображение гривы у животного – она сделана параллельными линиями. Это довольно редкий способ, в основном гривы у коней не изображали вообще. На Оглахтах зафиксирован лишь единичный случай изображения гривы «зубцами», на котором, очевидно, представлена особым образом подстриженная или заплетенная грива [Советова, 2005, с. 4]. Подобным образом грива изображена на одной из плит ограды кургана Тигей [Седых, Марсадолов, 2009, рис. 4]. Небольшими зубцами передана грива у коня, изображенного на кельте (Шунеры) V в. до н. э. [Членова, 1967, табл. 25.18]. На золотой статуэтке конного воина, приобретённой Герардом Миллером на Кольвано-Воскресенском заводе, конь изображён с подстриженной гривой [Руденко, 1952, рис. 26]. Среди алтайских петроглифов иногда у коней изображали гриву в виде выстриженных «зубцов», датируемых эпохой поздней бронзы [Кубарев, 2004, табл. III]. Среди петроглифов Казахстана эпохи бронзы иногда гривы лошадей переданы тонкими резными линиями [Бедельбаева, Новоженев, Новоженева, 2015, табл. 25]. Интересно, что среди находок в алтайских пазырыкских курганах известны нагривники в виде чехла, обтянутого кожей и отороченного бахромой из красного конского волоса [Полосьмак, Баркова, 2005, с. 108], эта бахрома с прядями конского волоса выглядела из нагривника тоже подобными «зубцами».

Таким образом, найденное изображение коня на одной из горизонтальных плит в местонахождении Усть-Тубы пополняет серию коней скифской эпохи Минусинской котловины и по аналогиям в пластике может быть датировано VII–V вв. до н. э. В настоящее время на Тепсее уже

выявлена целая серия изображений коней в скифо-сибирской изобразительной традиции. Эти кони отличаются от знаменитой «оглахтинской» серии тем, что их корпуса не заполнены линиями. Возможно, это связано с тем, что на Тепсее существовала другая масть коней или кони другой раскраски, нежели на соседнем памятнике Оглахты. Дальнейшее исследование этой группы изображений позволит более подробно осветить различные аспекты жизни тагарцев.

Научный руководитель – О. С. Советова

д-р ист. наук, профессор,

кафедра археологии,

директор Института истории и международных отношений,

Кемеровский государственный университет

Список литературы

- Амзараков П. Б. Изображения лошади на двух бронзовых ножах тагарской культуры // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2012. № 1 (3). С. 48–50.
- Бедельбаева М. В., Новоженев В. А., Новоженева Н. В. Изобразительные памятники Казахского мелкосопочника Караганды. Караганда: Сарыаркинский археол. ин-т, 2015. 252 с.
- Кубарев В. Д. Лошади и колесницы в петроглифах Монгольского Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2004. С. 12–26.
- Мухарева А. Н. Изображения на каменных «плитах» севера Минусинской котловины // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. 2014. Т. 4. С. 83–84.
- Полосьмак Н. В., Баркова Л. Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н. э.). Новосибирск: Инфолио, 2005. 232 с.
- Руденко С. И. Горноалтайские находки и скифы. Итоги и проблемы современной науки. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 268 с.
- Седых В. Н., Марсадолов В. С. О возможных прототипах тагарских бронзовых нагивников // Теория и практика археологических исследований. 2009. Вып. 5. С. 101–110.
- Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск, 2005. 140 с.
- Советова О. С., Шишкина О. О. Плита с изображениями коней с берега Тубы (Средний Енисей) // Тр. САИПИ. 2019. Вып. XII. С. 317–325.
- Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племён тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.
- Членова Н. Л. Центральная Азия и скифы. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М.: ИА РАН, 1997. 98 с.
- Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.
- Sibérie du Sud 1: Oglakhty I–III (Russie, Khakassie) / J. A. Sher., N. Blednova, N. Legchilo, D. Smirnov // Repertoire des petroglyphes D'Asie Centrale. 1994. Is. 1. 156 p.

Plate with a Horse Image at the Ust-Tuba Site: Discovery 2019

O. O. Shishkina, A. A. Maltseva

The article is dedicated to the opening of 2019. Participants in the Tepsey of the Department of Archaeology of Kemerovo State University discovered a previously unknown image of a horse on a horizontal plate as a result of reconnaissance. The plate was found in Shirokoy ravine at the location of Ust-Tuba (Tepsey archaeological microdistrict). The plate was cleared of lichen. The authors made a comparative description of the found image with petroglyphs on another plate of a neighboring ridge. The figure refers to the Tagar culture according to the analogies in plastic. A feature of the image is the presence of a mane, which is uncharacteristic for images of horses in the Scythian-Siberian fine tradition. Further study of this group of images will allow more details to illuminate various aspects of Tagar life.

Keywords. Tepsey, image of a horse, Minusinsk basin, Tagar culture.

Шишкина Ольга Олеговна

аспирант 2-го года обучения

Кемеровский государственный университет

e-mail: olgashishkina145@gmail.com

Shishkina Olga Olegovna

Postgraduate student 2nd year

Kemerovo State University

e-mail: olgashishkina145@gmail.com

Мальцева Анастасия Анатольевна

студент 4-го курса

Кемеровский государственный университет

e-mail: orehova1998@bk.ru

Maltseva Anastasia Anatolievna

Student 4th year

Kemerovo State University

e-mail: orehova1998@bk.ru

Соотношение белоярской и калинкинской культур по данным стратиграфии городища Барсов Городок III/1

Е. В. Калинин

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Вплоть до 1970-х гг. в Сургутском Приобье был известен практически только могильник Барсов городок, являвшийся важнейшим источником по средневековой истории таежного Приобья. Ситуация изменилась с началом широкомасштабных спасательных раскопок археологической экспедицией Уральского государственного университета в урочище Барсова Гора (правый берег р. Оби, в 8–15 км к западу от г. Сургута). В ходе работ были обнаружены тысячи жилищ и построек, множество городищ, могильников, святилища, клады и т. д. [Чемякин, Зыков, 2004, с. 6]. Наиболее ранние из них относились к неолиту, поздние памятники были датированы XVIII–XIX вв. Перед исследователями встала задача создания культурно-хронологической периодизации памятников огромного региона. Решать ее можно было, используя аналогии в датированных материалах сопредельных территорий, а также стратиграфические наблюдения в ходе раскопок на самой Барсовой Горе. Учитывая оригинальность многих коллекций, выявление стратиграфии имело важнейшее значение, особенно в рамках одной эпохи.

В первые годы работ на Барсовой Горе перед свердловскими археологами остро стояла проблема датировки памятников конца бронзового – начала железного веков. Интересные наблюдения были получены при раскопках городища Барсов Городок III/1. Первый план памятника был снят в 1971 г. В. М. Морозовым и Н. А. Алексашенко. В 1972 г. полуинструментальный план городища вместе с прилегающей территорией был выполнен топографией

УрГУ под общим руководством Ю. П. Чемякина. В 1972–1974 гг. раскопки на городище проводила М. В. Елькина, исследовавшая объекты № 311, 312, 317, 318, 320, 322, 328, 333–335 [Чемякин, Зыков, 2004, с. 47].

Городище имело овальную форму (рис.), его общая площадь составляла 5840 м². Оборонительная система состояла из рва шириной 1–1,5 м, глубиной 0,3–0,5 м и вала шириной 1–3 м, высотой 0,2–0,4 м. На площадке городища было зафиксировано около 30 объектов, среди них 28 площадок, в основном с обваловкой, размерами от 3×3 до 17×12 м, и три впадины размерами от 4×2,5 до 4,5×4 м. Вскрытая за 3 года площадь составила 1210 м². Полученные материалы позволили М. В. Елькиной сделать общие предварительные выводы. Объект № 317, расположенный в южной части городища и перекрывавший его оборонительную систему, был отнесен к Барсовому Городку III/1 как жилище наземной конструкции, одновременно выполнявшее роль укрепления городища. Хотя первоначально М. В. Елькина предположила в отчете, что объект является более поздним, чем линия оборонительных укреплений. Беглое сравнение керамических комплексов, по мнению М. В. Елькиной, показало их «единообразие, а следовательно, синхронность» [1974, с. 14]. Подмеченное разнообразие посуды на городище было соотносено за счёт ранней датировки памятника со временем формирования третьей группы керамики по периодизации М. В. Елькиной [1974, с. 19; 1977, с. 112, табл. 1].

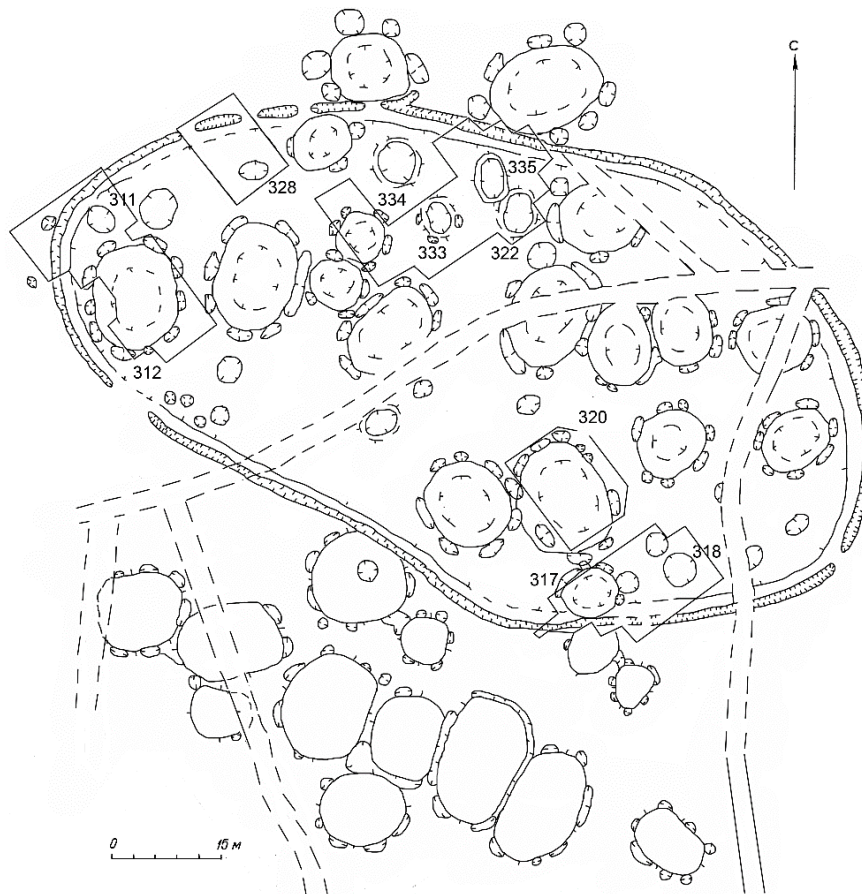

Рис. План городища Барсов Городок III/1 и селища Барсова Гора III/24

Объект № 317 расположен в южной части городища. На поверхности он представлял собой площадку округлой формы диаметром 7 м, приподнятую над окружающей поверхностью на 10–15 см. Поверхность площадки ровная с едва заметным углублением в центре. Вокруг площадки находилось шесть внешних ям овальной формы средними размерами 2,5 × 0,7 м и одна округлая яма диаметром 3 м, глубиной 15 см. Слой погребенной почвы (подзола) толщиной 10–20 см различался по составу и фиксировался практически на всей площади жилища. Все находки залежали в верхней части погребенной почвы (на подзоле) и представлены в основном обломками сосудов. Наибольшие скопления находок встречены в северной и западной частях постройки. Очаг размещался в центре жилища. В нем найдены обломки сосудов и тиглей для плавки меди или бронзы. С южной стороны четко зафиксировано, что погребенный подзол, связанный с полом жилища, перекрывал погребенную почву на валу городища. Таким образом, жилище возникло позже последнего.

С восточной стороны к жилищу примыкала яма ромбической формы размером 3 × 2,5 м, глубиной 0,3–0,5 м, с коротким выступом с северо-западной стороны. Судя по имеющейся документации, яма слегка заходила под жилище. Вероятно, она относилась к городищу, возможно являлась хозяйственной постройкой. Такие постройки известны на поселениях начала железного века как на Барсовой горе, так и в Сургутском Приобье в целом.

Находки в жилище представлены 462 фрагментами керамики минимум от 18 сосудов и 8 обломками глиняных тиглей. Среди сосудов 4 горшковидных со слабопрофилированной шейкой, 9 чашевидных и 5 котловидных. В коллекции есть округлые днища. Средний диаметр по венчику 19,7 см. Венчики плоские, расширяющиеся наружу (преобладают), плоские расширяющиеся в обе стороны и округлые. Гладким штампом украшено 9 венчиков, гребенчатым – 7 экз., два были неорнаментированы. Орнамент покрывал верхнюю часть сосудов (шейку и плечико), редко спускаясь на тулово. Разделительный пояс в основании шейки в 9 случаях выражен рядом жемчужин, в 7 – чередованием жемчужин и ямок, и в двух – ямками. Доминируют отпечатки гладкого (11 сосудов) и гребенчатого штампа (7 сосудов). Пояски из горизонтальных оттисков, преимущественно гладкого штампа, расположенных в шахматном порядке, зафиксированы на 13 сосудах. Подобная посуда характерна для калининской культуры, выделенной Ю. П. Чемякиным в 1985 г. [2008, с. 61–63, 74–78]. Комплекс производит впечатление раннего в рамках калининской культуры, ему свойственно преобладание гладкого штампа, узоров в виде оттисков, чередующихся в шахматном порядке, а также вертикальных отпечатков в основном гладкого штампа.

Керамический комплекс, полученный в других исследованных объектах городища Барсов Городок III/1, представлен преимущественно сосудами белоярской культуры,

а также обломками нескольких горшков атлымской культуры эпохи поздней бронзы, происходившими из разрушенных построек предшествовавшего городищу селища.

Анализ стратиграфии раскопа, планиграфии памятника и керамического комплекса позволяют сделать вывод, что объект № 317, перекрывавший оборонительную систему городища Барсов Городок III/1, является более поздним и относится к соседнему селищу Барсова Гора III/24 (рис.). Селище состояло минимум из 6 построек, расположенных линейно, и еще нескольких объектов, находившихся по бокам от основной линии. Среди них и был объект № 317. Подобная линейная планировка выделяет поселения калининской культуры среди селищ других культур эпохи раннего железа Сургутского Приобья. Калининская культура датируется предкулайским (белоярско-васюганским) этапом раннего железного века таежного Приобья, или, предварительно, VI–IV вв. до н. э. [Чемякин, 2008, с. 78]. Такая позиция подтверждена стратиграфическими наблюдениями на ряде других памятников, в том числе городищах Барсов Городок III/2, I/13 и I/14.

В результате проведенного анализа выяснено, что первоначальное предположение М. В. Елькиной о более позднем происхождении объекта № 317 относительно городища было вернее, чем окончательный вывод. Таким образом установлено, что древности калининской культуры в данном случае более поздние, чем белоярские. В то же время имеются факты совместных находок калининской и белоярской керамики на некоторых памятниках, что позволило Ю. П. Чемякину сделать вывод о периоде сосуществования этих двух культур, взаимодействия населения, создавшего их, и формирования на их основе сургутского варианта кулайской культуры [Там же, с. 76].

К сожалению, территория, на которой располагались описанные два памятника, уже застроена. В связи с этим получить на них дополнительный материал для анализа уже не представляется возможным.

*Научный руководитель – Ю. П. Чемякин
канд. ист. наук, доцент,
Институт общественных наук,
кафедра всеобщей истории и методики преподавания
исторических дисциплин,
Уральский государственный педагогический университет*

Список литературы

- Елькина М. В. Отчет о раскопках поселения Барсова гора в Сургутском районе Тюменской области, проведенных в 1973 г. Свердловск, 1974. АКА УрФУ. Ф. П. Д. 181. 76 с.
- Елькина М. В. Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977. С. 104–117.
- Чемякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. 224 с.
- Чемякин Ю. П., Зыков А. П. Барсова Гора: археологическая карта. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2004. 103 с.

Relationship of the Beloyarsk and Kalinkinskaya Cultures According to the Stratigraphy of Hillfort Barsov Gorodok 3/1

E. V. Kalinin

Based on the stratigraphy data from the place of Barsov Gorodok 3/1, the article briefly analyzes the facility N 317. The stratigraphy of the settlement of the Barsov Gorodok 3/1 is described, and the characteristic of object N 317, which is located in the southern part of the fortress and overlaps its defensive system, is described. Also, based on the preserved materials, an analysis of the ceramic complex from object 317 was made. Features in stratigraphy and ornament were revealed. Based on the work done, the author suggests the conclusion that the object under study is more recent and belongs to the settlement of Barsova gora 3/24, which is a typical place of Kalinkian culture. As a result, the initial assumption of the researchers about the later origin of the object N 317 regarding the settlement was more correct than the final conclusion.

Keywords: Kalinkian culture, ceramics, ornament, stratigraphy, Early Iron, planigraphy.

Калинин Евгений Викторович

студент 5-го курса
Уральский государственный педагогический университет
e-mail: kalinin-po4ta@mail.ru

Kalinin Evgenii Viktorovich

Student 5th year
Ural State Pedagogical University
e-mail: kalinin-po4ta@mail.ru

Жатвенные ножи кроуновской культуры как показатели миграций, традиций и адаптаций*

Е. И. Дюков

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-09-40101

Кроуновская археологическая культура, бытовавшая на территории Приморья в середине 1 тыс. до н. э. и до начала 1 тыс. н. э., – одна из культур Дальнего Востока, в хозяйстве которой есть каменные жатвенные ножи [Окладников, Бродянский, 1984]. Наибольшей полнотой исследования выделяются такие памятники, как Кроуновка-1, поселение на сопке Булочка, о-в Петрова, Киевка, Солонцовая-2, Черепаха-13. Кроме того, в процесс изучения этой культуры добавляется материал исследования памятников на территории сопредельных государств – Кореи и Китая; в Китае она называется «туаньцзе» [Деревянко, Медведев, 2008], в Корее соответствует керамической культурной традиции «чундо» [Субботина, 2008]. В данной работе рассматриваются жатвенные ножи, характеризующие особенности земледелия данной культуры.

Форма данных ножей варьируется – прямоугольная, трапезиевидная, полулунная, но во всех случаях она подпрямоугольная. Орудия чаще всего выполнены из сланца или песчаника, реже – из порфирита или диабазы [Кононенко, 1978].

Изготовление проходило в несколько этапов, первым из которых было выпиливание уплощенных подпрямоугольных заготовок. Далее следовала оббивка подпрямоугольной заготовки до желаемой формы. Затем поверхность обрабатывалась пикетажем (песчаник, диабаз) и подготавливалась к шлифовке. Далее заготовка шлифовалась, причем шлифовке могла подвергаться как вся поверхность изделия, так и только рабочий край (лезвие). Ещё одной чертой, характеризующей данный инвентарь, являются просверленные на боковых широких плоскостях сквозные отверстия, выполненные методом конической или биконической сверловки. Они высверливались как на этапе обработки заготовки, так и после изготовления ножа. Данные отверстия предназначались для продевания шнура, которым нож крепился к ладони. Ножи имеют различное число отверстий – от одного до четырех. Также встречаются экземпляры без отверстий. Кроме такого способа крепления шнура, существовал ещё один – крепление шнура за боковые выемки, которые расположены на коротких боковых гранях ножа. Данный способ встречается очень редко. Количество отверстий могло зависеть как от устоявшейся традиции какой-либо локальной популяции, так и от личных привычек отдельного индивида, который пользовался орудием.

Рабочей поверхностью жатвенного ножа является один из длинных краёв – лезвие. Шлифовка лезвия производилась по-разному – двусторонняя или односторонняя, симметричная и несимметричная. В случае с полулунной формой ножей рабочим краем являлся именно изогнутый полумесяцем край.

Обушок жатвенного ножа всегда заполирован в большей или меньшей степени. Его полированность объясняется тем, что именно этим краем нож упирался в ладонь в процессе работы. Данный факт не исключает того, что некоторые ножи в процессе изготовления шлифовали и со стороны обушка. Кроме того, все поверхности изделий несут на себе следы от использования – полировку разной степени мощности, образовавшуюся в процессе работы.

Трасология данных ножей позволяет нам говорить о некоторых фактах. Прежде всего стоит сказать об угле заточки лезвия, который слишком тупой (25–50 °) для того,

чтобы данным ножом можно было резать мясо [Кононенко, 1978]. Но данный угол подходит для того, чтобы, надламывая, срезать колосья злаковых растений. Помимо того, что эти орудия использовались для уборки зерновых, мы узнаем, что второе назначение этих ножей – скребки. Можно предположить, что в качестве скребков они могли использоваться либо из-за невозможности дальнейшего использования в целях уборки урожая, либо в любое другое время, незаангажированное уборкой злаковых [Там же].

Кроме перечисленных выше вариаций жатвенных ножей, существует ещё одна – жатвенный нож подпрямоугольной формы, со скругленными краями и заточкой лезвия по обоим длинным краям [Тихонов, Кан, 2011]. Тем не менее функционал и принцип использования орудия не отличается от остальных форм.

В то же время в кроуновской культуре отмечается увеличение количества находок жатвенных ножей по сравнению с предыдущей эпохой. Это можно объяснить возросшей ролью земледелия в этой культуре, но не ведущей. По всей видимости, мотыжное земледелие с использованием плечиковых каменных мотыг не позволяло эффективно возделывать большие площади земли [Окладников, Бродянский, 1984]. В свете недавних исследований и находок жатвенных ножей в жилищах таких памятников, как Солонцовая-2 [Дюков, 2018] и Черепаха-13 [Paleodietary patterns ... , 2018], мы можем твердо заявить о том, что подобный способ земледелия использовался и на них.

Учитывая то, что данные ножи присутствуют и в другой культуре палеометалла Приморья – янковской [Андреева, Жушиховская, Кононенко, 1986], мы можем говорить о неких сходных традициях в культуре, взаимодействии этих культур и способах адаптации населения этого региона. При этом предполагаемые регионы, откуда вышли эти культуры, разнятся – кроуновская – с запада (Китай) [Деревянко, Медведев, 2008]. В случае с янковской, вероятно, автохтонной культурой Приморья, имеет место быть перенятие технологии с сопредельных территорий либо продолжение местных неолитических традиций. Но тем не менее на момент заселения ими Приморья данные культуры уже имели технологию изготовления жатвенных шлифованных ножей. Из этого можно сделать вывод, что традиция их изготовления уходит глубже в века и истоки её – на территории Корейского полуострова и Манчжурии. Данный вывод подтверждается исследованиями как памятников кроуновской керамической традиции на этих территориях, так и наличием ножей подобного типа в неолитических культурах и культурах бронзового века тех регионов. В период палеометалла в северо-восточной и центральной частях Корейского полуострова формируется культура, не имеющая полных аналогов в синхронных культурах Кореи, но демонстрирующая ряд сходных черт с кроуновской культурой Приморья, известной в северо-восточном Китае под названием культура туаньцзе. Памятники культуры туаньцзе получили распространение в китайских провинциях Цзилинь и Хэйлуцзянь – Синанью, Туаньцзе, Сяодынь [Субботина, 2008]. Для «керамической культурной традиции чундо» (эпонимный памятник – Чундо) характерны все признаки кроуновской культуры, включая жатвенные ножи, но появляются они там несколько позже, чем в Приморье, – на рубеже эр

[Субботина, 2008]. В ней наблюдаются различные вариации жатвенных ножей, которые не выбиваются из описываемого типа. Проведенные недавние исследования жатвенных ножей с памятников Аурачжи, Осонг, Чжигымдонг (Республика Корея) подтверждают выводы о наличии общих адаптационных стратегий и традиций у древних обитателей Корейского полуострова и Приморья.

По результатам археоботанических исследований данный регион Северо-Восточной Азии известен своей основной земледельческой культурой – просом различных видов [Сергушева, Морева, 2017]. Просо мы находим в памятниках Манчжурии, Корейского полуострова и в Приморье со времени неолита [Сергушева, 2013]. Ареал распространения просяных культур в данном регионе [Discontinuous spread ... , 2019] по большей части совпадает с ареалом распространения технологии жатвенных ножей исследуемого типа. Эта традиция присутствует и в кроуновской археологической культуре. Она ярко демонстрирует миграции земледельческого населения Северо-Восточной Азии, преемственность и связи между различными культурами региона.

*Научный руководитель – А. Н. Попов
канд. ист. наук, доцент,
Департамент истории и археологии,
Школа искусств и гуманитарных наук,
Дальневосточный федеральный университет*

Список литературы

- Андреева Ж. В., Жушиховская И. С., Кононенко Н. А. Янковская культура. М.: Наука, 1986. 216 с.
- Деревянко А. П., Медведев В. Е. К проблеме преобразования культур позднейшей фазы древности на юге Приморья (по материалам исследований поселения Булочка) // АЭАЕ. 2008. № 3. С. 14–36.
- Дюков Е. И. Комплекс 13.2 на памятнике Солонцовая-2 // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты: материалы LVIII Рос. (с междунар. участием) археол.-этногр. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Омск, 2018. С. 116–117.
- Кононенко Н. А. К вопросу о функциональном назначении каменных шлифованных ножей поселения Малая Подушечка в Приморье // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1978. С. 14–21.
- Окладников А. П., Бродянский Д. Л. Кроуновская культура // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1984. С. 100–114.
- Сергушева Е. А. Динамика земледелия в позднем неолите Приморья по данным археоботаники // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 4. С. 155–162.
- Сергушева Е. А., Морева О. Л. Земледелие в Южном Приморье в 1 тыс. до н. э.: карпологические материалы поселения Черепаха-13 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 4. С. 195–204.
- Субботина А. Л. Памятники раннего железного века типа чундо на Корейском полуострове: дис. ... канд. ист. наук, Новосибирск, 2008. 329 с.
- Тихонов В. М., Кан М. История Кореи. М.: Наталис, 2011. Т. 1. С древнейших времен до 1904 г. 533 с.
- Discontinuous spread of millet agriculture in eastern Asia and prehistoric population dynamics / C. Leipe, T. Long, E. A. Sergusheva, M. Wagner, P. E. Tarasov // Science advance. 2019. Vol. 5. 9 p.
- Paleodietary patterns of the Cherepakha 13 Site population (early iron age) in Primorye (Maritime) province, Russian Far East, based on isotope / Y. V. Kuzmin, V. S. Panov, V. V. Gasilin, S. V. Batarshhev // Radiocarbon. 2018. Vol. 60. Special Is. 5. P. 1611–1620.

Harvesting Knives of Krounovskaya Culture as Indicator of Migrations, Traditions and Adaptations

E. I. Dyukov

The article considers stone polished harvesting knives of the Krounovskaya culture of Primorye as a significant detail of the economic life of the ancient population. Harvesting knives characterize the methods and distinctive features of agriculture. Morphological features of these tools and the way they are used characterize the adaptation strategies in a changing climate, the level of political and social development, and technologies. The article analyzes the typology, materials and features of manufacturing these tools. The characteristics of polished stone knives were compared with similar types from the surrounding regions, as well as from different epochs – from the Neolithic to the Early Iron Age. The attempts to link the distribution of these tools to the distribution of millet cultivation in the region were made. Conclusions about population migrations and adoption of traditions based on the distribution of similar types of knives in North-East Asia were made.

Keywords: harvesting knife, tradition, millet, paleometall, Krounovskaya culture.

Дюков Евгений Игоревич
магистрант 2-го года обучения
Дальневосточный федеральный университет
e-mail: diukov.ei@dvfu.ru

Dyukov Evgenii Igorevich
Graduate student 2nd year
Far Eastern Federal University
e-mail: diukov.ei@dvfu.ru

УДК 903.02(571.53)

Керамический комплекс второго культурного горизонта стоянки Усть-Заимка (Северное Приангарье) по материалам 2011 г.

А. А. Иванова

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Стоянка Усть-Заимка находилась в Усть-Илимском районе Иркутской области на левом приустьевом участке руч. Заимка при впадении его в р. Ангару, в 22,7 км от п. Кеуль (рис., 1). Местонахождение открыто в 2007 г. Усть-Илимским отрядом Богучанской археологической экспедиции ИГУ под руководством Е. О. Роговского. В 2011–2012 гг. проводились спасательные работы в связи с затоплением ложа Богучанской ГЭС. Общая вскрытая площадь в 2011 г. составила 553 м², выявлено более 8 тыс. предметов, залежавших в двух условных культурных горизонтах, предварительно датированных поздней бронзой – средневековьем [Шергин, 2012].

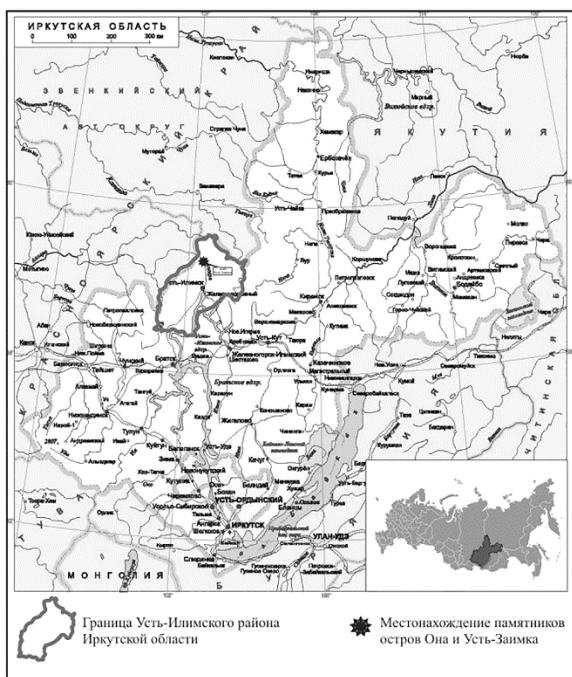
Целью данного исследования является введение в научный оборот материалов керамических комплексов

эпохи поздней бронзы – раннего железного века, выявленных во втором горизонте стоянки Усть-Заимка.

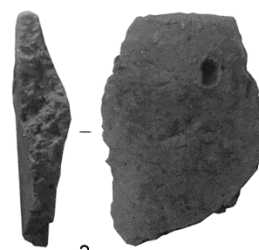
Керамика первого культурного горизонта однотипна и в основном представлена фрагментами гладкостенных сосудов, поэтому основное внимание уделено более разнообразной керамике второго культурного горизонта.

Для анализа и систематизации керамического комплекса использовались морфологические особенности сосудов, основные мотивы орнаментации и особенности технического декора.

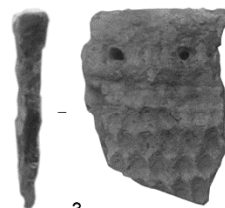
Было проанализировано 1020 фрагментов керамики от 11 сосудов. По характерным особенностям выделено 4 типологических группы керамики.

1

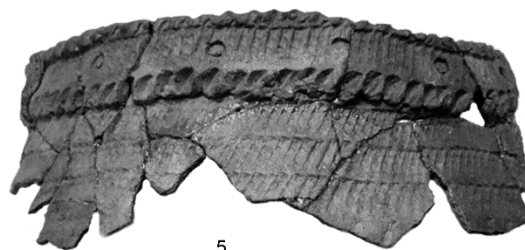
2

3

4

5

Рис. Расположение стоянки Усть-Займка и керамика 2-го культурного горизонта:
1 – карта-схема с указанием месторасположения стоянки Усть-Займка; 2 – керамика 1-й группы с оттисками «сетки-плетенки»;
3 – керамика 2-й группы с «личиным орнаментом»; 4 – керамика 3-й группы с наклепными валиками;
5 – керамика 4-й группы (карабульский тип)

Тип – это результат абстрагирования, суммирования и усреднения артефактов, объединяемых по их сходству между собой [Клейн, 1991].

Группа 1 представлена 201 фрагментом с отпечатками «сетки», отнесенным к 2 сосудам. Различия проявляются в размере и форме «ячеек» сетки (четкая, заглаженная), толщине стенок и венчика.

Сосуд 1 представлен 114 фрагментами с техническим декором в виде мелкочаеистой «сетки-плетенки». Венчик прямой, дополнительно ничем не орнаментирован.

Сосуд 2 (рис., 2) представлен 87 фрагментами с заглаженными отпечатками мелкочаеистой «сетки». Венчик симметрично овальной формы с ромбовидным утолщением внутри (от 0,6 до 1 см). Верхняя часть венчика декорирована горизонтальным пояском округлых вдавлений, расстояние между которыми составляет 3,5 см.

Группа 2 (рис., 3) состоит из 15 фрагментов от 1 сосуда. Сосуд простой открытой формы. Венчик прямой симметричный, срез гладкий. Под венчиком проходит пояссквозных конических отверстий округлой формы. Орнаментальная композиция сосуда состоит из горизонтальных рядов «личиных» отпечатков.

Группа 3 (рис., 4) состоит из 223 фрагментов от 5 гладкостенных сосудов, чьи венчики в верхней части декорированы наклепными валиками с ногтевыми вдавлениями

и пальцевыми защипами. Сосуды простой открытой или закрытой формы. В ряде случаев срез венчика украшен наклонными ногтевыми вдавлениями. Один сосуд выделяется из общей массы за счет трех рядов наклепных валиков, оформленных пальцевыми защипами, ниже которых идут четыре ряда тонких обмазочных валика. Срез венчика орнаментирован «защипами».

Группа 4 состоит из 591 керамического фрагмента, в том числе 20 фрагментов венчиков от 3 сосудов карабульского типа. Сосуды простой открытой формы. Срезы венчиков декорированы наклонно поставленными ногтевыми вдавлениями. Все венчики утолщены наклепными лентами шириной до 4 см и толщиной до 0,8 см. Ленты украшены богатым орнаментом в виде наколов 3–4-зубчатого штампа в сочетании с вдавлениями округлой и овальной формы, между которыми наблюдается ряд пальцевых защипов и ногтевых вдавлений.

Сосуд 1 (рис., 5) простой открытой формы состоит из 392 фрагментов, из которых 18 венчиков, на 16 присутствуют следы ремонта в виде замазки черного цвета.

Удалось почти на 100 % реконструировать венчик горшка и его предвенчиковую часть. Венчик сосуда с внешней стороны утолщен широким наклепом 2,6 см, толщиной 0,6 см. Наклепная лента украшена 4-зубчатым штампом, поверх которого нанесены вдавления округлой формы

с шагом от 1,5 до 6 см. Верхняя и нижняя кромки налепа украшены наклонными ногтевыми вдавлениями, причем нижний пояс выражен более глубокими и четкими оттисками. Зубчатые оттиски переходят с налепа на тулово сосуда в виде четырех горизонтальных рядов наклонного зубчатого штампа. На сосуде отмечены следы ремонта по швам в виде замазки черного цвета.

Сосуды с оттисками сетки встречаются на всей территории Прибайкалья. По данным, полученным в Северном Приангарье, эта керамика встречается в широком хронологическом диапазоне от раннего неолита до поздней бронзы. Керамика находит аналогии на стоянках Падь Шелот, Рыбный Сор, Проспихинская Шивера IV, Усть-Кода, о. Сергушкин I, Аплинский порог и др., которую исследователи относят к позднему неолиту – возможно, раннебронзовому веку (5–4 тыс. л. н.) [Мандрыка, Вдовенкова, 2017].

Керамика группы 2 с «личиночным» орнаментом встречается на стоянках Гора Кутарей, Усть-Кова I, Усть-Ёдарма II, Деревня Пашина, поселение Унок, пещера Еленава [Выборнов, 2010; Результаты полевых исследований ... , 2011] и др. Вопрос о возрасте керамики данной группы остается открытым.

Керамика группы 3 с налепными валиками имеет аналогии на многослойном поселении Усть-Кова, стоянках Шивера Проспихино, Стрелковский порог, многослойного поселения Шилка-9 на Среднем Енисее, также Усть-Шилка-2 и Шилка-2, в первых культурных слоях поселений Шилка-11, на производственной площадке Шилка-6, на стоянке Усть-Карабула и др. Определяется в пределах позднебронзового – железного веков [Гурулёв, 2014; Мандрыка, 2005; Поселение Проспихинская Шивера ... , 2012; Макаров, 2013].

Керамика карабульского типа встречается на стоянках Нижней Ангары, а также на прилегающей к долине таежной территории: Усть-Илим, Чадобец, Парта, Невонка, во 2-м культурном горизонте стоянки Усть-Карабула и др. [Макаров, Быкова, 2011; Макаров, 2013]. Несмотря на то что возраст керамики карабульского типа определяется в пределах VII–II вв. до н. э. [Баташев, Макаров, 2000], вопрос о её типологической принадлежности и возрасте остается открытым.

Ceramic Complex of the Second Cultural Horizon of Ust-Zaimka Site (Northern Angara Region) Based on the Materials of Excavations in 2011

A. A. Ivanova

This article discusses the ceramics of the second cultural horizon of the Ust-Zaimka Site lot on the territory of the Lower Angara. The time of its existence in the range from the Late Bronze Age to the Early Iron Age is determined. Based on a combination ornamentation of corolla and technical decors the ceramics were divided into groups. The area of distribution of these groups of ceramics is considered. The article sets the task introduce this ceramic complex for scientific use. It is noted that in order to obtain accurate data and results, it is necessary to work with other sites of the paleometallic epoch of the Northern Angara region.

Keywords: Ust-Zaimka Site, Lower Angara, ceramics, Archaeology, Bronze Age, Early Iron Age, ceramics with relief rollers, ceramics of the Karabula type.

Иванова Анна Алексеевна

студент 4-го курса, Педагогический институт
Иркутский государственный университет
e-mail: iwanovanyura@yandex.ru

Сложная стратиграфическая ситуация стоянки Усть-Займка не позволяет выделить четкие керамические комплексы, но на основе исследованных многослойных стоянок Северного Приангарья удалось проследить примерную хронологию керамики стоянки и выделить 4 типологические группы.

*Научный руководитель – Д. Л. Шергин
ст. преподаватель кафедры истории и методики,
Педагогический институт,
Иркутский государственный университет*

Список литературы

- Баташев М. С., Макаров Н. П. Культурогенез таежных народов Нижнего Енисея. Красноярск : ККМ, 2000. С. 12–18.
- Выборнов А. В. Результаты полевых исследований памятников Северного Приангарья (Кода-4, Сенькин камень, гора Кутарей, ручей Поварный) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2010. Т. XVI. С. 496–499.
- Гурулёв Д. А. Предварительные результаты анализа керамических комплексов усть-ковинской группы памятников (Северное Приангарье) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культура. 2014. Вып. 3. С. 47–55.
- Клейн Л. С. Археологическая типология. Л.: ЛФ ЦЭНДИСИ, ЛНИАО, 1991. 448 с.
- Макаров Н. П. Стоянка Усть-Карабула и вопросы археологии Северного Приангарья // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. Красноярск, 2013. С. 130–175.
- Макаров Н. П., Быкова М. В. Керамика карабульского типа // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. 2011. Вып. 2. С. 227–230.
- Мандрыка П. В. Материалы многослойного поселения Шилка-9 на Среднем Енисее и их значение для древней истории южной тайги Средней Сибири // Известия Лаборатории древних технологий. 2005. Вып. 3. С. 172–185.
- Мандрыка П. В., Вдовенкова М. В., Максимович Л. А. Керамика с оттисками сетки-плетенки комплекса Проспихинская Шивера-IV // Древности Приенисейской Сибири. 2017. Вып. VIII. С. 27–38.
- Поселение Проспихинская Шивера-1 на Ангаре / П. В. Мандрыка, Ю. А. Титова, Е. В. Князева, П. О. Сенотрусова // Древности Приенисейской Сибири. 2012. Вып. 5. С. 31–42.
- Результаты полевых исследований стоянки Гора Кутарей в Северном Приангарье / А. В. Выборнов, Ю. А. Васильева, Д. В. Корытина, Ю. С. Михайлова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2011. Т. 17. С. 377–380.
- Шергин Д. Л. Предварительные итоги археологических исследований стоянки Усть-Займка (Нижняя Ангара) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. 2012. Вып. 3. С. 293–297.

Техноморфологический анализ каменного инвентаря первого культуросодержащего горизонта стоянки Ручей Акимов (Северное Приангарье)*

А. В. Еремеев

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

*Работа выполнена по гранту Правительства РФ, проект № 075-15-2019-866
«Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»

Стоянка Ручей Акимов находилась в Усть-Илимском районе Иркутской области на правом приустьевом участке руч. Акимов на 9–13-метровом террасовидном уступе, в 3,75 км на северо-восток от д. Ёдарма, в 91 км от нижнего бьефа Усть-Илимской ГЭС. Стоянка была открыта в 2007 г., в 2011–2012 гг. по проекту спасательных работ в зоне затопления Богучанской ГЭС были выполнены масштабные исследования местонахождения [Людников, 2012; Толстова, Лохов, 2017].

В процессе раскопок были выделены три культуровмещающих горизонта: I горизонт относится к раннему железному веку, II горизонт – поздний неолит – бронзовый век, III горизонт – средний – ранний неолит. В общей сложности в I горизонте зафиксировано 1568 ед. находок. Из них выделено 1017 фрагментов керамических сосудов, артефактов из камня – 515 ед., фрагментов кости – 27 ед., металл – 9 ед. [Еремеев, 2019].

Основной целью данной статьи является рассмотрение и введение в научный оборот коллекции каменного инвентаря первого горизонта, расположенного в черной гумусированной задернованной кровле супеси (субатлантический период голоцена).

Основу исследования составляет каменный инвентарь, насчитывающий 515 экз., среди которых скребок, фрагмент бифаса, 5 нуклеусов, 4 наконечника, 2 тесла, нож и фрагмент ножа, заготовка орудия, 74 пластины и их фрагменты, а также отходы литопроизводства, представленные сколами, их фрагментами, осколками, чешуйками, фрагментами галек (425 ед.); на трех сколах присутствуют следы ретуши утилизации.

Первое тесло удлиненно-вытянутой формы из светлого кремнистого сланца. Имеет ассиметричный профиль. Оба фаса несут следы подготовки крупной ретушью с последующей шлифовкой поверхности орудия. Аверс имеет следы шлифовки поверхности в дистально-медиальной части, а реверс практически полностью шлифован. Боковые грани также подготовлены крупной ретушью со следами частичной шлифовки в дистальной части. Обухок приострен, слегка скошен к одной из граней. Лезвие частично обломано с правой стороны. Лезвие шлифованное, со следами ретуши утилизации от использования изделия. Длина тесла 12,3 см, ширина обухка 1,6 см, в медиале – 2,8 см, лезвия – 2 см; толщина в медиале 1,8 см. Второе тесло из серого роговика также имеет ассиметричный профиль. Аверс орудия имеет следы переоформления ранее зашлифованной поверхности, остались небольшие следы шлифовки в дистальной и медиальной частях. Реверс также имеет следы обработки ретушью в проксимальной части, остальная часть поверхности шлифованная. Боковые грани подготовлены крупной субпараллельной ретушью. Лезвие шлифованное, скошено влево, имеет крупный залом с реверса. Обухок обломан. Длина тесла 6,1 см, ширина в районе облома 1,2 см, в медиале – 3,8 см, лезвия – 3,6 см, толщина в медиале 1,3 см.

Нож на фрагменте массивного пластинчатого скола кремнистого сланца с бифасиально оформленным лезвием. Лезвие слегка выпуклое, охватывает маргинал и проксимальный конец заготовки. Ретушь субпараллельная, при-

остряющая. Обухок подготовлен дорсальной крутой субпараллельной ретушью. Размеры: длина 6,9 см, ширина 2,7–3,1 см, толщина 0,7 см (max). Фрагмент двулезвийного ножа на плиточке светло-серого кремня. Лезвия расположены по краям заготовки, подготовлены бифасиальной субпараллельной ретушью. Лезвия слегка выпуклые, на одном присутствуют следы переоформления. Размеры: длина 2,6 см, ширина 2,8–3,1 см, толщина 0,3 см.

Фрагмент бифаса из светло-серого полосатого кремня. Широкими покрывающими снятиями подготовлены оба фаса с дополнительной подработкой краев субпараллельной ретушью. Размеры: длина 3 см, ширина 1,7–1,8 см, толщина 0,8 см (max).

Скребок на пластине темно-серой полупрозрачной кремнистой породы. Лезвие подготовлено на дистале пластины, прямое, скошено относительно центра оси заготовки, подготовлено мелкой крутой ретушью (~90 °). Ширина лезвия 3,6 см.

Заготовка орудия на пластинчатом сколе серого полосатого кремня. Широкими ступенчатыми снятиями начата подготовка вентральной поверхности заготовки. Размеры заготовки 4,6 × 0,9 × 3,3 см.

Также в коллекции присутствует один угловой продольный ординарный терминальный резец на бифасе из черного кремня.

К нуклеидным формам относятся 5 экземпляров – 2 призматических и 3 терминальных нуклеуса. Первый призматический нуклеус бифронтальный двухплощадочный для получения пластин и микропластин из черного кремня. Площадки противоположные. Первая площадка переоформлена одним снятием с латерали и скошена ко второму фронту. Вторая площадка плоская, подготовлена несколькими снятиями. С нее произведено снятие одной пластины. Высота одного фронта 3,1 см, второго – 2,55 см. Первая площадка 1,5 × 2 см, вторая – 1,6 × 2,1 см. Второй призматический нуклеус бифронтальный двухплощадочный для получения пластин из белесо-оранжевого пятиугольного кремня. Обе площадки ровные, подготовлены серией снятий. Одна площадка скошена. Субстрат плохого качества, на предмете присутствуют трещины. Высота первого фронта 2,9 см, второго – 2,3 см. Размеры площадок 1,5 × 1,6 см и 1,6 × 2,2 см. Первый терминально-краевой нуклеус для получения пластин из черного кремня. Ударная площадка ровная, подготовлена серией встречных снятий. Фронт плоский. Высота фронта 3,7 см, размеры площадки 1,1 × 1,45 см. Второй нуклеус клиновидный из черного пятиугольного кремня имеет выпуклую ударную площадку, подготовленную несколькими встречными снятиями. Часть площадки со стороны контрфронта имеет следы переоформления одним широким сколом с левой латерали. Основание и киль имеют следы оформления мелкой ретушью. Часть фронта отсутствует из-за одного снятия с основания по правой латерали. Высота фронта 2,4 см, размеры ударной площадки 2,1 × 3,25 см. Третий терминально-краевой нуклеус на фрагменте гальки желто-коричневой яшмы со следами галечной корки. Ударная площадка вогнута и подготовлена серией снятий. Фронт плоский. Высота фронта 3,9 см, размеры ударной площадки 1,4 × 2 см.

Группа наконечников представлена двумя заготовками и двумя фрагментами. Первая заготовка черешкового наконечника удлинённо-треугольной асимметричной формы. Оба фаса выпуклые, подготовлены субпараллельной краевой ретушью. Переход к черешку обозначен треугольными шипами. Черешок подтреугольной формы, база выпуклая. Общая длина 3,4 см, длина пера 2,1 см, ширина с шипами 1,3 см, толщина 0,3 см (max). Вторая заготовка наконечника из роговика удлинённой листовидной формы, оба фаса подготовлены субпараллельной покрывающей ретушью. На одном фаса присутствует бугорок-утолщение в медиальной части изделия. База скошена к одному краю. Жало и точка жала недооформлены. Длина изделия 5,5 см, ширина базы 1,6 см, в медиальной части – 1,8 см, толщина с бугорком 1,3 см, толщина жала 0,4 см. Фрагмент наконечника из черного кремня треугольной формы представлен дистальной частью наконечника (жало). Один фас плоский, подготовлен субпараллельной покрывающей ретушью, второй фас выпуклый, подготовлен широкой чешуйчатой ретушью. Длина 2,4 см, ширина 2,2 см (max), толщина 0,7 см. Фрагмент наконечника из полупрозрачного халцедона представлен дистальной частью (жало). Один фас плоский, второй – выпуклый, оба подготовлены субпараллельной покрывающей ретушью. Длина 2,1 см, ширина 1 см (max), толщина 0,3 см.

Группа пластин (74 экз.) представлена в основном фрагментами пластин, из которых лишь на одной фиксированы следы ретуши утилизации.

По результатам исследования можно сделать ряд выводов. Несмотря на то что хронологически археологиче-

ские материал I горизонта, согласно стратиграфическим данным и анализу керамической коллекции [Еремеев, 2019], относится ко времени раннего железного века, коллекция каменных артефактов имеет широкие аналогии с инструментарием неолитического времени и эпохи бронзы большинства объектов Северного Приангарья (Усть-Ёдарма II, Остров Лиственичный, Усть-Кеуль, Остров Сергушкин и др.). В количественном отношении данная группа артефактов занимает 2-е место после керамики от общего числа находок горизонта (32,8 %). Таким образом, можно предположить, что, несмотря на широкое применение металла, орудия из камня продолжали играть важную роль во всех сферах жизни древнего населения эпохи раннего железного века.

*Научный руководитель – Д. Н. Лохов,
науч. сотр., НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет*

Список литературы

- Еремеев А. В. Керамическая коллекция первого культуросодержащего горизонта стоянки Ручей Акимов (Северное Приангарье) // Материалы LIX Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных. Благовещенск; Хэйхэ, 2019. С. 125–127.
- Людников В. О. «Клад» каменных изделий со стоянки Ручей Акимов (Северная Ангара) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Батор, 2012. Т. 1. С. 61–67.
- Толстова М. В., Лохов Д. Н. Керамические комплексы эпохи неолита стоянки Ручей Акимов (Северное Приангарье) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2017. Вып. 6. С. 240–247.

Technological and Morphological Analysis of the Stone Inventory of Cultural Layer 1 of the Ruchei Akimov Site (Northern Angara Region)

A. V. Eremeev

The article presents the results of the analysis of the stone inventory of the first horizon of Ruchei Akimov site. According to the stratigraphic situation and analysis of the ceramic collection, the horizon is dated to the Early Iron Age. 1568 items of finds were recorded in the horizon. Fixed 1017 fragments of ceramic vessels, 515 stone artifacts, 27 bone fragments, and 9 metal finds were recorded. Stone artifacts are represented by a scraper, a fragment of biface, 5 cores, 4 points, 2 adzes, a knife and a knife fragment, a tool blank, 74 plates and their fragments, as and 425 waste from lithic production, which are represented by flakes and their fragments, debitage, chips, fragments of pebbles. The collection of stone artifacts has broad analogies with the tools of many archaeological sites in the Northern Angara region (Ust-Yodarma 2, Ostrov Listvenichny, Ust-Keul 1, Ostrov Sergushkin, and others).

Keywords: Ruchei Akimov site, Early Iron Age, stone artifacts, Northern Angara region.

Еремеев Артём Витальевич

студент 3-го курса

Иркутский государственный университет

e-mail: eremey2112@mail.ru

Eremeev Artyom Vitalievich

Student 3rd year

Irkutsk State University

e-mail: eremey2112@mail.ru

УДК 903.02(571.53)

Керамическая коллекция I культуросодержащего горизонта местонахождения Отико I (Северное Приангарье)*

А. Д. Торохова, В. П. Михалёва, Д. М. Почекунин

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

*Работа выполнена по гранту Правительства РФ, проект № 075-15-2019-866 «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»

Стоянка-могильник Отико I относится к островным памятникам Северного Приангарья. Она располагалась на одноимённом острове в долине р. Ангары, в 21 км ниже по течению д. Кеуль [Долганов, 2011].

Объект открыт в 1974 г. Кежемским отрядом Северо-Ангарской археологической экспедиции Красноярского краевого краеведческого музея под руководством Н. И. Дроздова [Долганов, 2012].

В период 2011–2012 гг. на местонахождении были проведены спасательные работы (объект попадал в зону затопления будущей Богучанской ГЭС). За два года раскопочных работ вскрыта площадь 1270 м². Материал I культуросодержащего горизонта (далее по тексту – к. г.) сум-

марно насчитывает 16 370 находок, из них фрагменты керамики составляют 4306 экземпляров.

Цель данной статьи – введение в научный оборот керамической коллекции из I к. г. стояночного комплекса Отико I, её систематизация на основе технического декора керамики, а также поиск культурных аналогий среди керамических коллекций других объектов Северного Приангарья. На основании комплексного анализа всего материала, в частности орнаментации поверхности сосудов, нами были выделены восемь групп.

Первая группа представлена 121 фрагментом от 76 гладкостенных керамических сосудов с разнообразным по форме и размеру зубчато-гребенчатым штампом. Сосуды

имеют преимущественно закрытую форму. В большинстве случаев внешний край венчика оформлен разнообразными насечками, а тулово украшено горизонтальными рядами наклонных оттисков штампа. Встречаются техники нанесения отступающей и шагающей лопатки. Средняя толщина фрагмента – 0,4–0,5 см.

Один из сосудов данной группы был отнесён нами к каменско-маковской керамике цэпаньской культуры [Комарова, 2019]. Он представлен фрагментом венчика гладкостенного сосуда закрытой формы, украшенного по срезу пальцевыми вдавлениями, по тулову – горизонтальными рядами наклонных оттисков близкоставленного гребенчатого штампа, между парой верхних рядов проходит налепной валик, украшенный пальцевыми вдавлениями, под нижним рядом проходит поясок глубоких оттисков того же штампа.

Ещё один сосуд предположительно относится к керамике карабульского типа [Макаров, Быкова, 2011]. Это фрагмент венчика гладкостенного сосуда, украшенного по внутреннему краю насечками, по срезу – насечками, выполненными оттисками гребенчатого штампа; по тулову сосуд утолщен налепом, по которому проходит горизонтальный ряд наклонных оттисков высокого гребенчатого штампа, по нижней кромке утолщения – поясок ямочек, ниже – аналогичные горизонтальные ряды наклонных оттисков гребенчатого штампа.

Кроме того, значительная часть материала из данной группы имеет черты керамики лесосибирского стиля, которая характеризуется орнаментом из горизонтальных рядов наклонных наклонно поставленных оттисков гребёнки или гладкого орнамента, а также наличием вертикальных рядов того же штампа [Мандрыка, Бирюлева, Сенотрусова, 2013].

Ко второй группе был отнесен 41 фрагмент от 17 емкостей с оттисками разнообразного по форме и размеру гладкого штампа, выполненного лопаткой с преимущественно прямым, овальным и округлым рабочим краем. Сосуды гладкостенные и в большинстве своём имеют закрытую форму. Венчики по внешнему краю во многих случаях оформлены насечками. Встречается техника нанесения отступающей лопаточкой. Также на некоторых фрагментах можно обнаружить следы ногтей. Средняя толщина фрагментов 0,3–0,4 см.

Третья группа включает 15 фрагментов от 7 гладкостенных керамических сосудов с разнообразными по форме и размеру налепными и примазочными валиками. Внешний край некоторых венчиков оформлен пояском овальных вдавлений и ямочками-вдавлениями, а внутренняя кромка – ногтевыми вдавлениями. Помимо валиков на некоторых фрагментах также встречаются следы прямого штампа и мелкий вафельный орнамент. Средняя толщина фрагмента 0,6–0,7 см.

К четвёртой группе относятся три гладкостенных сосуда простой закрытой формы, орнаментированных по срезу насечками. Средняя толщина фрагментов в данной группе составляет 0,5–0,6 см.

Пятая группа включает в себя три сосуда, оформленных горизонтальными рядами пальцевых вдавлений округлой формы со следами ногтей. Один из фрагментов представляет венчик гладкостенного сосуда простой формы, орнаментированного чередующимися горизонтальными линиями пальцевых и ямочных вдавлений. Средняя толщина фрагмента 0,4–0,5 см.

Группа шесть представлена фрагментом керамики, имеющим на себе технические оттиски тонкого витого шнура и украшенным параллельными прочерченными линиями. Подобная орнаментация характерна для керамики хайтинского типа. Толщина фрагмента – 0,5 см.

В седьмую группу входит фрагмент керамики со следами технического декора «сетки-плетёнки». Венчик прямой по внешнему краю, слегка скошен. Толщина фрагмента – 0,5 см.

К восьмой группе нами были отнесены 4 фрагмента венчика сосуда с глубокими прочерченными линиями, выполненными пальцами. Также под венчиком имеются ямочные вдавления. Толщина фрагментов – 0,3 см.

Керамическая коллекция I к. г. стояночного комплекса Отико I включает в себя материал, попадающий в широкий временной диапазон от неолита до средневековья. Наличие в слое нескольких фрагментов неолитической керамики (с оттисками шнура и сетки-плетёнки) можно объяснить несколькими факторами: антропогенным (люди в прошлом могли находить и использовать более древний материал в своих целях), деятельностью различных землеройных животных, ошибкой фиксации фрагментов в ходе раскопочных работ в связи со сложной стратиграфической ситуацией.

Зафиксированная в слое керамика каменско-маковского типа датируется эпохой железа (IV – II вв. до н. э.) [Мандрыка, 2016], карабульский тип керамики относится исследователями к раннему железному веку (VIII–II вв. до н. э.) [Макаров, Быкова, 2011], а лесосибирский стиль керамики – к периоду средневековья (XI–XIV вв.) [Мандрыка, Бирюлева, Сенотрусова, 2013]. Данные виды керамики отмечаются исследователями в комплексах железного века – средневековья, часто в смешанном, компрессионном, состоянии, на большинстве объектов Северного Приангарья (Усть-Карабула, Пашино, Чадобец, Парта, Усть-Едарма II и др.).

Таким образом, исключая единичные вбросы неолитической керамики, первый культуросодержащий горизонт по данным керамических комплексов датируется временным интервалом от раннего железного века до эпохи средневековья (VIII в. до н. э. – XIV вв. н. э.).

*Научный руководитель – Д. Н. Лохов
науч. сотр., НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет*

Список литературы

- Долганов В. А. Стоянка-могильник Отико I (обзор результатов спасательных работ в 2011 году) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2011. Т. 17. С. 396–400.
- Долганов В. А. Отчет о результатах спасательных работ 3-го Усть-Илимского отряда Богучанской экспедиции на стоянке, могильнике Отико I Усть-Илимского района Иркутской области в 2011 г.: в 2 т. Новосибирск, 2012. Т. 1. 237 с.; Т. 2. 343 с.
- Комарова О. С. Морфологический анализ керамики каменско-маковского типа селища Дом Отдыха-3 на Нижнем Енисее // Материалы XIX Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных. Благовещенск; Хэйхэ, 2019. С. 321–323.
- Макаров Н. П., Быкова М. В. Керамика карабульского типа // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Иркутск, 2011. Вып. 2. С. 227–231.
- Мандрыка П. В. Комплексы с керамикой каменско-маковского типа на Енисее и их место в культурогенезе таежной зоны Средней Сибири // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Красноярск, 2016. С. 232–241.
- Мандрыка П. В., Бирюлева К. В., Сенотрусова П. О. Керамика лесосибирского стиля на комплексе Проспихинская Шивера IV в Нижнем Приангарье // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 2 (22). С. 67–71.

Ceramic Collection of Cultural Layer 1 of the Otiko 1 Site (Northern Angara Region)

A. D. Torokhova, V. P. Mikhaleva, D. M. Pochekunin

This article presents the results of the systematization of the ceramics collection of the first layer of culture from the site Otiko 1. This material was found in the process of the rescue archaeological works in 2011–2012. The total number of the findings in the first layer of culture is 16 370 artifacts. The ceramics

collection is represented by 4306 exemplars. All ceramics materials were divided into eight groups based on technical décor and ornamentation. Also, the research work on finding analogies among others sites of the Northern Angara was made. The ceramics collection of the first layer of culture was partly assigned to the Kamensko-Makovskii and Karabulskii types of the ceramics and to the Lesosibirskii style of the ceramics. This research allowed us to date the first layer of culture from the site Otiko 1 in the broad range of time from Early Iron Age to the Middle Age (8th century BC – 14th century AD).

Keywords: Northern Angara region, site Otiko 1, ceramics, Kamensko-Makovskii type, Karabulskii type, Lesosibirskii style, Early Iron Age, Middle Age.

Торохова Анна Дмитриевна

студент 3-го курса
Иркутский государственный университет
e-mail: monocystal7@mail.ru

Torokhova Anna Dmitrievna

Student 3rd year
Irkutsk State University
e-mail: monocystal7@mail.ru

Михалёва Валентина Павловна

студент 3-го курса
Иркутский государственный университет
e-mail: valyamikh719@gmail.com

Mikhaleva Valentina Pavlovna

Student 3rd year
Irkutsk State University
e-mail: valyamikh719@gmail.com

Почекунин Даниил Михайлович

студент 1-го курса
Иркутский государственный университет
e-mail: danyakaramba@mail.ru

Pochekunin Daniil Mikhailovich

Student 1st year
Irkutsk State University
e-mail: danyakaramba@mail.ru

УДК 902.01(571.51)

Образ хищной птицы в культурах раннего железного века Красноярского района и Нижней Ангары

В. В. Юрова

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Образ хищной птицы в металлопластике на территориях Красноярского района и Нижней Ангары в эпоху раннего железного века встречается часто. Однако специальных работ, посвященных данной тематике, насчитывается немного. Как правило, исследователи рассматривают отдельно взятые предметы с изображением хищных птиц, не анализируя их суммарно [Завитухина, 1983, с. 90–126; Макаров, Пискорский, 1988, с. 87–88; и др.]. Стоит выделить работы П. В. Ишутиной [2006, с. 114–116] и Ю. А. Гревцова [1996, с. 116–119], которые при использовании материалов региона более детально отражают тему данного образа. Однако эти исследования подготовлены по небольшой группе изображений и не показывают, как изменялся образ хищной птицы во времени.

Цель данного исследования заключается в выделении признаков изменения образа хищной птицы на предметах металлопластики раннего железного века Красноярской лесостепи и южнотаежного Нижнего Приангарья.

Физико-географически регион нашего исследования включает четыре района: Красноярскую лесостепь, подтайгу Среднего Енисея, южную тайгу низовьев Ангары и Нижней Ангары.

Для анализа образа хищной птицы на имеющихся в нашем распоряжении металлических предметах из указанных районов по морфологическим признакам выделено три группы изображений (рис.):

1-я группа. Ажурные стилизованные изображения. Они представлены в виде головы хищной птицы с обозначением глаза, а в некоторых случаях и клюва, сквозным круглым отверстием. Клюв выполнен в виде вытянутого или приплюснутого крючка.

2-я группа. Объемные реалистичные изображения. Представлены в виде головы или целого тела хищной птицы, а также мифического орла (грифона) с различными реалистичными чертами: глаза с выделенными зрачками, роговые отверстия на клювах, уши, гребни и т. д.

3-я группа. Плоские стилизованные изображения. Представлены в виде головы хищной птицы, у которых клюв, как правило, показан сквозным завитком. На некоторых изображениях иногда встречается прямой или волнистый гребень. Другие детали отсутствуют.

Аналоги всех вышеназванных групп изображений были найдены в южном, сопредельном к нашему региону районе – Минусинской котловине, где предметы с изображением хищной птицы отмечены в погребальных узко датированных комплексах.

Красноярский район. Для данной территории характерно появление в VII–VI вв. до н. э. ажурных стилизованных изображений хищной птицы. Самые ранние изображения представляли собой голову хищной птицы с глазом, показанным отверстием, и приплюснутым клювом. По аналогиям они датируются VII в. до н. э. [Макаров, Пискорский, 1988, с. 90]. Позже появились вариации ажурных стилизованных изображений с длинным крючкообразным клювом или клювом в виде отверстия. Все три варианта сохраняются в Красноярском районе вплоть до V в. до н. э. [Завитухина, 1983, с. 90–126]. В это же время здесь появляются объемные реалистичные изображения птиц [Там же]. Плоские стилизованные изображения к настоящему времени в этом районе не известны.

Подтайга Среднего Енисея. На данной территории найдены предметы с плоскими стилизованными изображениями хищной птицы, и датируемые V в. до н. э. [Ишутина, 2006, с. 115]. Ажурные стилизованные изображения хищной птицы встречается здесь вплоть до II–I вв. до н. э. [Мандрыка, 2008, с. 75]. Реалистичных объемных изображений в данном регионе пока не найдено.

Низовье Ангары. Самые ранние изображения хищных птиц в районе выполнены ажурным литьем, они стилизованные и датируются VI в. до н. э. [Завитухина, 1983, с. 90–126]. Примерно в конце этого периода появляются реалистичные объемные изображения, которые продолжают встречаться здесь до IV в. до н. э. [Дроздов, Гревцов, Заика, 2011]. С V в. до н. э. также появляются плоские стилизованные изображения хищной птицы [Там же].

Нижняя Ангара. В данном районе в VI–V вв. до н. э. появляются предметы с реалистичными изображениями хищной птицы, которые сохраняются весь V в. до н. э. [Привалихин, 1987]. Предмет с плоским стилизованным изображением найден здесь в единственном экземпляре и датируется V в. до н. э. Ажурные стилизованные изображения хищных птиц в данном районе не известны.

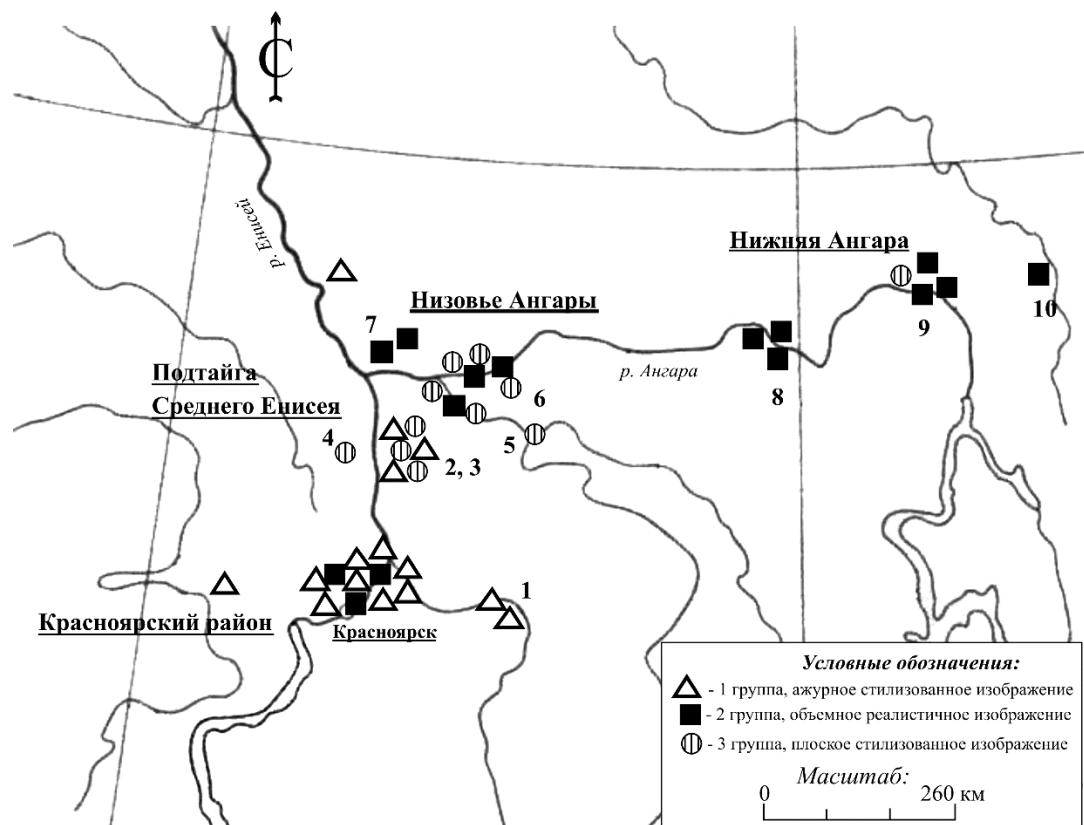

Рис. Карта распространения предметов раннего железного века с изображением хищных птиц:

- 1 – Новопятницкий клад [Макаров, Пискорский, 1988, с. 87–88]; 2, 3 – Усть-Шилка-2 [Мандрыка, 2008, с. 68–75], Шилка-13 [раскопки К. В. Бирюловой, 2017 г.]; 4 – поселение Нижнепорожеское-1 [Ишутина, 2006, с. 114]; 5 – культовое место мыс Арбан [Тарасов, 1997]; 6 – Усть-Тасеевский культовый комплекс [Дроздов, Гревцов, Заика, 2011, с. 77–85]; 7 – культовое место Столбы [Ишутина, 2006, с. 114]; 8 – Проспихинская Шивера-4 [раскопки П. В. Мандрыки, 2011 г.]; 9 – стоянка Сергушкин-3 [Привалихин, 1987, с. 91–99]; 10 – погребение «Перекопина» [Ишутина, 2006, с. 114]

Появление и распространение каждой из выделенных групп изображений хищной птицы по районам показало следующее.

Ажурные стилизованные изображения появляются на территории Минусинской котловины в VII в. до н. э. [Марсадалов, 2015, с. 41] и примерно в это же время проникают в Красноярский район. В VI в. до н. э. данная группа изображений хищной птицы появляется на территории низовьев Ангары. В районе подтайги Среднего Енисея предметы с данным изображением птиц датируются уже II–I вв. до н. э. Возможно, ажурные стилизованные образы хищной птицы имели место в данном районе и ранее и сохранились более продолжительное время. На территории Нижней Ангары данная группа изображений не встречается либо еще не найдена.

Объемные реалистичные изображения хищных птиц появляются на территории Минусинской котловины в VI–V вв. до н. э. [Завитухина, 1983, с. 90–126]. Примерно в это же время данный стиль появляется и на территории Нижней Ангары. В районе подтайги Среднего Енисея указанный стиль пока не известен, а в Красноярском районе и низовьях Ангары он использовался в V в. до н. э.

Плоские стилизованные изображения хищной птицы появляются на территории Минусинской котловины в V в. до н. э. [Там же]. Этим же временем датируются предметы с такими изображениями из подтайги Среднего Енисея, низовьев Ангары и Нижней Ангары. В Красноярском районе предметы с указанным стилем изображения не известны.

Таким образом, самые ранние изображения хищной птицы (VII в. до н. э.), найденные в рассматриваемом регионе, выполнялись ажурно и стилизованно. Они отмечены на территориях Красноярского района подтайги Среднего Енисея и в низовьях Ангары. В районе подтайги Среднего

Енисея данный стиль изображения сохранялся довольно долгое время – до II–I вв. до н. э. В VI–V вв. до н. э. в районе Нижней Ангары появляются реалистичные объемные изображения хищных птиц. В V в. до н. э. данный стиль широко применялся почти во всем регионе, исключая подтайгу Среднего Енисея. С V в. до н. э. в западной части региона, в низовьях Ангары и в подтайге Среднего Енисея, а также в единичном экземпляре на территории Нижней Ангары, появляются плоские стилизованные изображения хищных птиц. Из этого можно заключить, что изображения хищной птицы в металлопластике на территории Красноярской лесостепи и южнотаежного Нижнего Приангарья в эпоху раннего железного века происходило со сменой стиля: ажурные стилизованные – реалистичные объемные – стилизованные плоские. Однако все три группы изображений хищных птиц не исчезали с появлением нового стиля, а сохранялись.

Научный руководитель – П. В. Мандрыка
д-р ист. наук, профессор,
Сибирский федеральный университет

Список литературы

- Гревцов Ю. А. К проблеме интерпретации образа грифона и его подражаний // Древности Приенисейской Сибири. 1996. № 1. С. 116–119.
Дроздов Н. И., Гревцов Ю. А., Заика А. Л. Усть-Тасеевский культовый комплекс на Нижней Ангаре // Древнее искусство в зеркале археологии. 2011. № 7. С. 77–85.
Завитухина М. П. Древнее искусство на Енисее. Л.: Искусство, 1983. 193 с.
Ишутина П. В. Образ грифона и хищной птицы в металлопластике народов Приенисейской Сибири // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. Красноярск, 2006. С. 114–116.
Макаров Н. П., Пискорский М. В. Новопятницкий клад // Проблемы археологии Северной Азии. Чита, 1988. С. 88–90.

Мандрыка П. В. Новая археологическая культура раннего железного века в южно-таежной зоне Средней Сибири // Археология, этнология и антропология Евразии. 2008. № 3. С. 68–76.

Марсадалов Л. С. Новая датировка Большого Салбыкского кургана // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2015. № 1. С. 35–53.

Привалихин В. И. Комплекс материалов скифского времени стоянки Сергушкин-3 // Проблемы археологических культур степей Евразии. Кемерово, 1987. С. 91–99.

Тарасов А. Ю. Культовый комплекс археологического места нахождения «Мыс Арбан» на реке Тасеевой // Дуловские чтения 1997. Иркутск, 1997. С. 80–86.

Image of a Predatory Bird in the Early Iron Age Cultures of the Krasnoyarsk District and Lower Angara

V. V. Yurova

The purpose of this article is to highlight signs of a change in the image of a bird of prey on metal objects of the early Iron Age in the territories of the Krasnoyarsk forest-steppe and southern taiga of the Lower Angara. Based on external signs, all studied images of birds of prey were divided into three styles: openwork stylized images, voluminous realistic images and flat stylized images. The article discusses the distribution of these image styles in the study area and over time. Based on the data obtained, it was concluded that during the period from the 7th to the 1st century BC in the territories of the Krasnoyarsk forest-steppe and southern taiga of the Lower Angara, various styles of depicting a bird of prey appeared at different times. They did not disappear with the advent of a new style, but remained.

Keywords: image of a bird of prey, Early Iron Age, Archaeology of Siberia, Krasnoyarsk forest-steppe, South taiga, Lower Angara.

Юрова Валентина Валерьевна

студент 4-го курса

Сибирский федеральный университет

e-mail: 6reiza627@gmail.com

Yurova Valentina Valerievna

Student 4th year

Siberian Federal University

e-mail: 6reiza627@gmail.com

УДК 902.01(571.51)

Бронзовые орнитоморфные изображения Нижней Ангары

А. А. Эккердт

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Бронзовые орнитоморфные изображения распространены на большой территории, включающей в себя Западную Сибирь, Урал, Прикамье. Представленные в рамках статьи изделия являются первыми подобными находками в Нижнем Приангарье. Их присутствие в регионе свидетельствует о культурных связях нижеангарского населения с западносибирскими соседями. Данные предметы могут стать основой для изучения религиозных представлений людей и погребально-поминальной обрядности в этот период.

Комплекс Пинчуга-6, на территории которого обнаружены бронзовые изображения птиц, расположен на правом берегу р. Ангары, в районе п. Богучаны, на поверхности 18-м террасы. Памятник изучался в 2018–2019 гг., за это время сплошным раскопом вскрыто около 600 м² могильника. Было выявлено 12 погребений, выполненных по обряду трупосожжения на стороне. Захоронения совершали в ямах различной формы, также отмечено залегание отдельных предметов в межмогильном пространстве. Предварительная датировка могильника начало – 1-я пол. I тыс. н. э.

В заполнении ямы погребения № 9 найдено бронзовое изображение птицы, которое располагалось несколько выше скопления фрагментов кальцинированных костей, на одном уровне с другими изделиями из бронзы. Предмет был обернут в какой-то органический материал, возможно кожу или мех.

Изображена хищная дневная птица, скорее всего, сокол или орел. Она показана в анфас, лицевая сторона изделия передает птицу со стороны груди, хорошо видны прижатые к туловищу лапы длиной 2,2 см с когтями, по три на каждой лапе. На груди птицы нет дополнительных изображений, на шее нет ожерелья, голова горельефная. Крылья длиной 3,4 см расправлены, полностью не соприкасаются с туловищем, хвост длиной 2,2 см. По бокам на крыльях расположены две параллельные полосы, основное оперение передано наклонными непрерывающимися полосами, чередующимися с наклонным пунктиром. Хвост отделен от тела двумя горизонтальными полосами, поделен на три части двумя вертикальными полосами, каждая часть заполнена орнаментом, имитирующим оперение. Птица крепилась к основе с помощью петли. Следы органической основы фиксируются на обратной стороне изображения. Общие размеры фигурки – 6,0 × 3,9 × 0,3 см.

Второе изделие найдено в скоплении предметов, вне могильного пространства. Вместе с ним залегали подвески из зубов копытного животного, железные круглые нашивки, нож с петельчатым навершием.

Это также хищная дневная птица, которая изображена в анфас, хорошо видны прижатые к туловищу лапы длиной 1,1 см с когтями. На груди птицы присутствует схематически изображенная личина: глаза и рот отмечены одинаковыми лунками, нос отсутствует. На шее расположено двойное ожерелье, голова горельефная. Крылья длиной 4 см широко расправлены, почти полностью соприкасаются с туловищем, хвост длиной 1,5 см. Оперение крыльев передано непрерывающимися вертикальными линиями, сходное оперение имеет и хвост птицы. Птица крепилась к основе с помощью отверстия, в котором сохранился кожаный узелок. Данная фигурка имеет небольшой размер – 6,0 × 4,3 × 0,4 см. Следы органической основы фиксируются на обратной стороне изображения.

Орнитоморфные изображения распространены на обширной территории длительный период времени. Нижеангарские отливки близки находкам из Нижнего Приобья.

В. Н. Чернецов, изучавший бассейн нижнего течения р. Оби, утверждает, что сюжеты, в которых принимают участие птицы, сформировались не без влияния степных культур скифо-сарматского времени. В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская приходят к выводу о двух компонентах, участвующих в сложении стиля усть-полуйских древностей: «древнего стиля, созданного охотниками северных лесов» и «воздействия из каких-то южных областей», что исходило из их представлений о двухкомпонентности культуры [Чернецов, 1953, с. 239–240].

Н. В. Федорова считает, что массовое появление образа хищной птицы обусловлено становлением нового образа жизни и произошло в усть-полуйское время. Она отмечает схожесть усть-полуйских изображений с пермским звериным стилем. Исследовательница говорит, что бронзовые изображения использовались в быту, для украшения мужского костюма, что фиксирует появление так называемого статусного искусства, отмечено, что все изображения являются частью именно мужского костюма [Археология Арктики ... , 20176, с. 123–124].

На основании этих трудов можно провести аналогии с имеющимися находками. Прослеживаются схожие черты с усть-полуйским изображением дневного хищника, стоящего над медведем [Там же, с. 223, рис. 5, 9]. По форме крыльев она больше напоминает первое изображение, но орнамент в виде прямых вертикальных полос схож с орнаментом на крыльях второго. На груди птицы, как и у второго изображения, также присутствует схематически изображенная личина. Лапы с тремя когтями прижаты к туловищу. На оборотной стороне есть петелька для крепления.

На еще одну усть-полуйскую птицу похоже второе нижеангарское изображение [Там же, с. 223, рис. 5, 3]. В обоих случаях крылья широко расправлены, оперение хвоста и крыльев изображено вертикальными полосами. Лапы с тремя когтями прижаты к туловищу, изображенному в анфас. Личина на груди птицы отсутствует, голова горельефная. На обратной стороне есть петелька для крепления.

По орнаменту крыльев и хвоста сходны со вторым изображением и две другие усть-полуйские орнитоморфные отливки, изображающие сов [Там же, с. 223, рис. 7, 5].

В целом для усть-полуйских птиц, изображенных в анфас, характерной чертой являются прижатые к туловищу лапы, часто с тремя когтями. Все бронзовые отливки Усть-Полуя имеют элементы для крепления, на многих присутствуют изображения стилизованной антропоморфной личины. Перечисленные признаки совпадают с признаками, отмеченными для нижеангарских фигурок.

Схожесть представленных материалов с усть-полуйскими древностями позволяет предполагать, что они бытовали в одно время и в Нижнем Приангарье могли появиться в результате культурных коммуникаций. Дендродаты городища Усть-Полуй укладываются в интервал 77–60 гг. до н. э. [Хантемиров, Шиятов, 2012, с. 64]. Радиоуглеродный анализ свидетельствует, что общая дата бытования памятника может быть определена III в. до н. э. – II в. н. э. [Археология Арктики ... , 2017а, с. 80]. В Нижнем Приангарье подобные изображения птиц могли появиться и несколько позже, верхнюю дату их бытования в регионе пока точно установить нельзя.

Bronze Ornithomorphic Images of the Lower Angara

A. A. Ekkerdt

The article presents an overview of bronze images of birds found on the territory of the burial ground located to the right of the Angara river, near the village of Boguchany. The products presented in the article are the first such finds in the Lower Angara region. Their presence in the region testifies to the cultural ties of the lower Angara population with its Western Siberian neighbors. These items can become the basis for the study of religious beliefs of people, funeral and memorial rites in this period. Attention is paid to the description of the site and the found material, analogies are made with similar images of Ust-Polui culture, dates of manufacture of products are given, and results are summed up.

Keywords: Middle Siberia, Lower Angara region, Late Antiquity, burial grounds, cult casting.

Эккердт Александра Александровна

студент 2-го курса

Сибирский федеральный университет

e-mail: ekkerdta@mail.ru

Ekkerdt Aleksandra Aleksandrovna

Student 2nd year

Siberian Federal University

e-mail: ekkerdta@mail.ru

УДК 903.27(571.52)

Первичное изучение наскальных изображений на плитах из Овьюра (Южная Тува)

Н. Н. Бовтрушко

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

История изучения наскального искусства в Туве началась в 1881 г. с экспедиции Александра Васильевича Адрианова в Монголию. Благодаря ему, стали известны такие памятники, как: Хая-Бажы, Бижиктиг-Хая на р. Хемчик и Малый Баян-Кол недалеко от г. Кызыла. Также им были описаны курганы и различные каменные изваяния. Кроме того, свой вклад внесли ученые-исследователи – И. Р. Аспелин, Н. В. Богатырев, Т. О. Данзын-оол, С. В. Киселев и

Подводя итоги, стоит отметить, что первые находки бронзовых орнитоморфных изображений на территории Нижней Ангары свидетельствуют о наличии культурных связей с северными территориями Западной Сибири в начале – 1-й пол. I тыс. н. э.

Скорее всего, орнитоморфные изображения имели в целом сходные с усть-полуйскими функции, использовались в быту как элементы костюма, о чем свидетельствуют элементы для крепления. Можно ли причислить данные изображения к статусному искусству, говорить пока преждевременно.

Сохранность орнитоморфных изображений Нижнего Приангарья позволяет говорить о том, что эти предметы не помещались в погребальный костер, а были завернуты в органический материал и положены поверх скопления фрагментов кальцинированных костей. Это наблюдение сможет дополнить картину в изучении религиозных представлений населения начала – 1-й пол. I тыс. н. э., а также быть использовано в реконструкции погребального обряда.

Дальнейшее изучение бронзовых орнитоморфных изображений, найденных в бассейне нижнего течения Ангары, может привести к установлению конкретных связей этого региона с другими регионами Западной Сибири, что является перспективным направлением исследований.

Научный руководитель – П. О. Сенотрусова
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,

Лаборатория археологии, этнографии и истории Сибири,
Сибирский федеральный университет

Список литературы

Археология Арктики. Вып. 4. Усть-Полуй: материалы и исследования. Екатеринбург, 2017а. Т. 1. 280 с.

Археология Арктики. Вып. 4. Усть-Полуй: материалы и исследования. Екатеринбург, 2017б. Т. 2. 232 с.

Хантемиров Р. М., Шиятов С. Г. Дендрохронологические датировки древесины из археологического памятника Усть-Полуй // Археология Арктики. Екатеринбург, 2012. С. 62–64.

Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 360 с.

С середины 1980-х гг. обширные работы по обследованию и изучению петроглифов этого региона проводит Тувинская археологическая экспедиция Института истории материальной культуры под руководством Вл. А. Семенова и М. Е. Килуновской.

В августе 2019 г. во время экспедиции ТАЭ ИИМК РАН под руководством М. Е. Килуновской на могильнике Бора-Шай на юге Тувы, в которой принимали участие волонтеры и автор статьи, в один из выходных дней появилась возможность выехать на экскурсию на петроглифический комплекс на северном берегу оз. Убсу-Нур – Овьюра. Экскурсантам была представлена история открытия данного памятника. Нельзя не отметить, что наскальные изображения Овьюра находятся под прямыми лучами солнца и это пагубно влияет на состояние плоскостей, некоторые части которых могут откалываться и теряться из-за влияния различных природно-климатических условий. И, как след-

ствие, исчезают и сами петроглифы. Происходит сильное расслоение скал, и отдельные блоки лежат беспорядочно у их подножия. Перед нами была поставлена задача зафиксировать разрушения, поднять некоторые обломки скал, которые было бы возможно транспортировать и подготовить для передачи в музейный фонд, чтобы спасти фрагменты с наскальными изображениями. При помощи и с одобрения начальника экспедиции М. Е. Килуновской мы смогли выполнить эту работу.

Всего участниками поездки было обнаружено семь плит. На некоторых, после очистки, мы обнаружили, что, из-за долгого воздействия биообратателей, изображения имеют повреждения. Они стали светлее, и наблюдается размытие границы (см. рис., 2, 5, 6). На некоторых откололись фрагменты, и теперь нет возможности воссоздать полную композицию (см. рис., 1, 2, 3, 7).

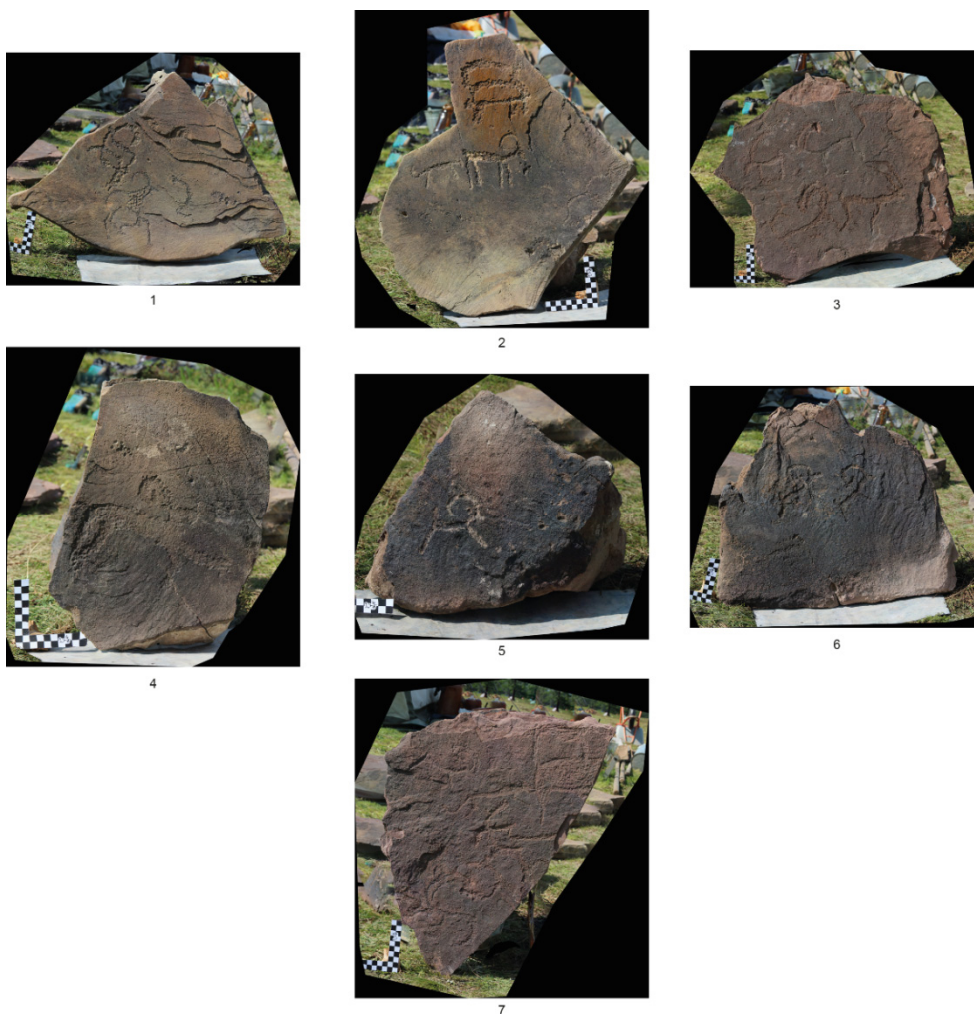

Рис. Наскальные изображения на плитах из Овьюра

Первая плита из Овьюра-12 (см. рис., 1) вся в трещинах, а в верхней части имеется скол. На ней три четких и одно неполное изображение. Изображение, расположенное левее, трудно интерпретировать. Вероятно, изображено одно или два животных. Четко прослеживается завитой рог и морда. По центру плиты представлен скифский олень в позе «размашистой рыси». Контур виден четко везде, кроме крупа, который мы очистили от лишайника. Фигура лишь наполовину заполнена неглубокими выбоинами. Вероятнее всего, художник просто не закончил работу. Правее расположены две фигуры, разобрать которые нет пока возможности.

Вторая плита (см. рис., 2) также найдена на Овьюре-12. Здесь имеется 4 изображения. Верхнее довольно трудно разобрать. Возможно, это два животных, одно из которых стоит на другом. Ниже и левее перед нами находится собака с козлом. Изображение сохранилось хорошо. Мы можем четко видеть загнутый хвост, две лапы, уши и вытянутую морду. Данное изображение собаки, так же как и олень с предыдущей плиты, относится к скифскому времени. Аналогичные петроглифы встречаются на плоскостях горы Тепсей [Советова, 1987]. Здесь представлен широко пространственный сюжет – собака пасет или ведет козла, изображение которого размещено в центре плиты. Контур изображения просматривается четко, на крупе выбоины

немного светлее, так как нам пришлось избавляться от биообразстателей. В правом нижнем углу имеется еще одно изображение, но так как плита отколота, то нам не удалось разобрать, что именно было представлено.

Третья плита (см. рис., 3) была доставлена из Овьюра-17. Сверху и справа на плите имеются сколы. Она довольна насыщена разными изображениями, хотя некоторые из них из-за сколов представлены не в полной мере. Так, в правом верхнем углу мы можем видеть зооморфное изображение, к сожалению, без головы, но с очень грациозными лапами и хвостиком. Остальные пять фигур козлов на этой плоскости отличаются по технике и стилю, а один в центре имеет признаки пола.

Плита номер пять из Овьюра-17 (см. рис., 5) покрыта черным загаром, само изображение тоже этому подвержено. Здесь мы видим изображение горного козла. Контур изображения четкий, а на самой плите присутствуют сколы.

Плита номер шесть из Овьюра-17 (см. рис., 6) была подвержена сильному солнечному воздействию. Вследствие чего на ней появились трещины и сколы. Здесь так же, как и на пятой плите, представлены изображения двух горных козлов. Оба расположены по центру. А также в левом нижнем углу имеются отдельные выбоины. Правое зооморфное изображение более четкое, выбоины глубокие; виден характерный завитой рог и хвостик. Тот, что расположен левее, был сильнее подвержен загару, а стилистически отличается от первого передней ногой, которая отогнута вбок.

Плиты номер четыре (см. рис., 4) и семь были доставлены из Овьюра-5. На четвертой, после расчистки от биообразстателей, сверху остались белые следы. Имеются сколы. Изображен здесь скифский олень, с характерными признаками: завитой рог, клювовидная морда и поза размашистой рыси. Также виднеется ухо.

Что касается плиты номер семь (см. рис., 7), то на ней присутствует сколы, а также отсутствует важный фрагмент, что мешает до конца разглядеть верхнего выючного

быка, а, возможно, над ним присутствует еще один. Левее мы можем видеть грациозную фигуру собаки или же хищника, что более вероятно, так как корпус вытянут и хвост опущен, а морда соприкасается с крупом быка. Правее можно видеть еще одного стилизованного козла, выполненного точечной техникой. В самом низу еще один выбит в подобной технике. Выше имеются еще изображения, но из-за отсутствия всей части плиты мы не имеем возможности их интерпретировать.

Все обнаруженные плиты сейчас находятся в Музее-институте семьи Рерихов, где будут проведены реставрационные работы. Что касается самих изображений, то они представляют особый интерес. Как мы выяснили, некоторые плиты содержат небольшие композиции: выпас животного (см. рис., 2), сцены охоты (см. рис., 7); а на некоторых имеются изображения, которые включают в себя признаки скифского стиля: клювовидная морда, завитой рог, поза размашистой рыси (см. рис., 4). Все плиты уникальны. Несмотря на то что изображения выполнены в технике выбивки, имеются отличия. На некоторых половина тела животного остается не заполненной выбивкой (см. рис., 1), и даже на одной плите схожие изображения имеют небольшие отличия (см. рис., 6). Подобные изображения мы встречаем на памятниках и писаницах Минусинской котловины, Алтая и Монголии.

*Научный руководитель – С. А. Васютин
д-р ист. наук, профессор,
кафедра всеобщей истории и международных отношений,
Кемеровский государственный университет*

Список литературы

- Советова О. С. Сюжет с великанами на скалах Тепсея // Скифосибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск, 1987. С. 173–176.
Чадамба Л. Д. Наскальное искусство Тувы: эпоха бронзы и ранний железный век. Кемерово, 2011. 263 с.

Primary Research of the Petroglyphs on the Plates from Ovyur (Southern Tuva)

N. N. Bovtrushko

Numerous rock paintings discovered in Tuva are rich and varied. And they have always interested and will continue to interest scientists around the world. Rock paintings are a valuable source for research. This article provides a brief overview of the expeditions to this region, and lists the most prominent scientists and researchers. The history of detection of plates is given, their condition is described, and the measures that were taken to save images on them. All drawings are disassembled. Attempts are being made to date them, as well as search for simultaneous ones on other writings.

Keywords: Archaeology, expedition, rock drawing of Tuva, research.

Бовтрушко Наиля Натиковна

студент 4-го курса

Кемеровский государственный университет

e-mail: nailya.98@yandex.ru

Bovtrushko Nailya Natikovna

Student 4th year

Kemerovo State University

e-mail: nailya.98@yandex.ru

УДК 903.01(470.51)

Костяные изделия ананьинской эпохи бассейна р. Тоймы

Ю. В. Макарова

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, Елабуга, Россия

В эпоху раннежелезного века костяные изделия играют наиболее важную роль в народном быту. Костяные фрагменты можно проследить абсолютно в любой отрасли – в ремесленном и гончарном производствах, землевладельческом укладе, а также в военном деле. Известные деятели в сфере изучения ананьинского мира, такие как П. В. Алабин, А. А. Спицын, П. А. Пономорев, А. В. Збруева, В. Ф. Геннинг, Е. М. Черных, провели работу по анализу ананьинских памятников, которые наиболее точно передают культуру древних ананьинцев (Никульчинское, Пижемское, Буйское, Аргыжское городища, Ананьинский могильник и др.).

На данный момент существует проблема классификации ананьинских предметов из кости и рога. Главной при-

чиной является её разнообразие, отсутствие массового стандартного производства, так как каждый предмет создан по своему образу и видению мастера. Описание категорий было опробовано рукой А. Х. Халикова, но его типология охватывала лишь военное снаряжение, что является неполным в описании. Множество других исследователей также поспособствовали решению данной проблемы – Е. М. Черных, В. Е. Флерова и др. Ананьинская культурно-историческая общность (АКИО) считается в этом плане наиболее интересной и неоднородной. Без определенной классификации ученые не могут изучать археологические материалы, так как принято, что главным методом изучения находок является классификация.

В результате существуют различные классификации костяных предметов ананьинской культуры. Но наиболее правильной принято считать классификацию В. А. Шаталова, созданную совместно с А. И. Ашихминой и Е. М. Черных [2006]. Выделяются категории, по которым и классифицируют костяные изделия [Шаталов, 2012]:

- 1-я категория – наконечники стрел;
- 2.1-я категория – остроги, 2.2-я категория – гарпуны;
- 3-я категория – манки;
- 4-я категория – упряжь, псалии;
- 5-я категория – пряжки;
- 6-я категория – бляхи с петлей на обороте.

Категории, в свою очередь, подразделяются на секции, классы, группы, отделы, подотделы, типы, подтипы и варианты. Такая классификация охватывает большой спектр костяных изделий и даёт исследователям широкомасштабный разбор находок. На данный момент классификация В. А. Шаталова, А. И. Ашихминой и Е. М. Черных считается наиболее удобной и практичной.

В качестве примера можно описать костяной предмет – псалию, найденную в Луговском могильнике, которая представляет собой изображение антропоморфного божества.

Категория – упряжь (псалии).

Секция – 3 (кость животного).

Класс – фигурная псалия.

Группа – 3.

Отдел – двудырчатая псалия (изогнутая форма).

Подотдел – 3 (так как изображение скульптурное).

Тип – 5 (зооморфный орнамент).

Подтип – 1 (отверстия расположены на фронтальной части псалии).

Варианты – 1 (отверстия округлые) [Макарова, 2019].

Однако данная классификация не подходит под все виды костяных изделий, в данную классификацию не входят предметы утвари и домашнего обихода, украшений и т. д. Поэтому существуют другие виды классификаций, которые подразделяются на типы в зависимости от использования.

Костяные изделия ананьинской культуры уникальны не только разнообразием, но и искусством изготовления. Мастер вносил в предмет свою историю, особую технику, которая бы отличала её от сотни других, при этом сохраняя традицию культуры. Если говорить о сырьевой базе изготовления, то это, безусловно, те виды животных, которые использовались в животноводстве, но также встречаются и кости медведей, оленей, бобра и лосей. Кости медведей и оленей наиболее ценны в костяном производстве, так как в ананьинской мифологии существует культ поклонения именно этим видам животных.

Существуют определенные схемы техники изготовления, которыми пользовались древние ананьинцы для быстрого приготвления сырья:

- 1) полное использование естественной формы;
- 2) лишь частичное использование формы;
- 3) использование остатков/осколков [Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006, с. 76].

Интересны для изучения костяные амулеты, которые требовали особого мастерства. Такие предметы могли де-

лать из различного рода костей, например, фаланги пальцев. Но именно такие предметы украшений редко встречаются в могильниках бассейна р. Тоймы. Наиболее частые амулеты и другие виды шейных украшений ананьинской культуры Прикамья и близь р. Тоймы – изображения в виде фигурок (фаунообразные, антропоморфные или флорообразные). Декор – важная составляющая всего образа костяных предметов. Для этого также существует особая типология: точечный, линейный, зигзагообразный декор, звериный стиль, граффити и объёмная скульптура [Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006, с. 76]. Для такого искусства обычно использовали сказания, легенды и мифы ананьинцев, чтобы придать предметам особую ауру. АКЦИО – это обильная и интересная платформа для изучения уникальных предметов в области археологии.

Местные косторезы использовали декорирование во множестве предметов: наконечниках стрел, рукоятках, пряжках, амулетах, псалиях. Это наиболее чаще использованные вещи, которые можно найти в ананьинской культуре на территории в бассейне р. Тоймы.

Ананьинская культура носит гордое название «ананьинская культурно-историческая общность», так как её самобытность не имеет аналога, разве что близкое сходство со скифской культурой, которая тоже повлияла на древние народы Прикамья. Развитая система орнамента и масштабное производство костяных изделий подтверждают индивидуальность культуры как в ремесленном плане, так и в духовном. Чтобы воссоздать образы, которые окружают народы (лесной, животный мир и огромное мифологическое сознание), от мастера костяных дел требуются особые навыки и опыт. Что говорит только об одном – о расцвете ананьинской культуры во всём её многообразии. Ананьинские поселения, которые можно найти на территории бассейна р. Тойма, добавляют в науку АКЦИО ещё больше вопросов и проблем для изучения. Однако археология и учёные ананьинской культуры не стоят на месте, совместным трудом исследователи принесут множество полезного материала.

*Научный руководитель – М. С. Купцова
науч. сотр., зав. лабораторией
археологии и этнографии,
Елабужский институт, Казанский (Приволжский)
федеральный университет
Научный консультант – А. З. Нигаматов
канд. ист. наук, доцент,
кафедра всеобщей и отечественной истории,
Елабужский институт, Казанский (Приволжский)
федеральный университет*

Список литературы

- Ашихмина Л. И., Черных Е. М., Шаталов В. А. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тыс. до н. э.). Ижевск, 2006. 220 с.
- Макарова Ю. В. Отражение духовной культуры ананьинцев в материалах Луговского могильника // Археология Евразийских степей. Казань, 2019. № 5. С. 158–159.
- Шаталов В. А. О проблемах и принципах классификации костяных изделий ананьинской эпохи (на примере оружия, охотничье-промыслового и конского снаряжения). // Поволжская археология. Казань, 2012. № 1 (1). С. 64–65.

Bone Products of the Ananyino Period of the Toyma River Basin

Yu. V. Makarova

The article describes the bone art of the Ananyin culture (8th–3rd centuries BC). Prominent figures in the study of the Ananyin world, such as P. V. Alabin, A. A. Spitsyn, P. A. Ponomarev, A. V. Zbrueva, V. F. Gening, E. M. Chernykh, carried out work on the analysis of Ananyin sites, which most accurately convey the culture of the ancient Ananyin (Nikulchinsky, Pizhemsky, Buysky, Argyzh settlements, Ananyinsky burial ground, etc.). It is on the data of the work of researchers that the author of the article is oriented. The author gives the most important problems and features to the study of the Ananyin era of the Toyma river basin. An example of a method for studying a bone object, a psalm from the Lugovsky burial ground, is given. The decor and techniques for manufacturing bone products are characterized and typologized. The author of the article gives the basic methods for manufacturing bone products: how bone cutters (craftsmen) are made for household items, weapons, and jewelry. Local bone cutters used decoration in many objects: arrowheads, arms, buckles, amulets, psalms.

Keywords: ACHS, Toyma River, Ananyinsky burial ground, Lugovsky burial ground, bone inventory.

Макарова Юлия Владимировна

студент 3-го курса, Елабужский институт
Казанский (Приволжский) федеральный университет
e-mail: iulija_mak@mail.ru

Makarova Yulia Vladimirovna

Student 3rd year, Elabuga Institute
Kazan (Volga Region) Federal University
e-mail: iulija_mak@mail.ru

Планиграфия слоя селища Дом Отдыха-3 с жилищами раннего железного века

О. С. Комарова

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Планиграфический анализ в археологических исследованиях начал применяться более 100 лет назад и остается актуальным по сей день [Марченко, 2017, с. 27]. Его использование в отношении поселенческих комплексов позволяет проследить развитие поселка, установить зоны хозяйственной деятельности на поселении и внутри объектов, а также разделить материалы по культурно-хронологическому принципу.

Селище Дом Отдыха-3 расположено на правом берегу р. Енисей напротив г. Лесосибирска в южнотаежной подзоне Средней Сибири. На объекте выявлены два примыкающих друг к другу ряда углубленных котлованов жилищ. В 2014 и в 2016 гг. одним раскопом вскрыто 344 м² и изучены котлованы трех разнокультурных жилищ (№ 4, 5 и 6) из второго слоя памятника, датированного ранним железным веком [Исследования Сибирского федерального ... , 2018, с. 402].

Цель данной статьи – планиграфический анализ слоя раннего железного века селища Дом Отдыха-3 для реконструкции жилищ, зон хозяйственного освоения и относительной хронологии комплексов. В ходе исследования учитывался уровень залегания артефактов.

В нижнем уровне отмечены жилища № 4 и связанные с ним находки из межжилищного пространства. В границах котлована предметы расположены в западной, южной и северной частях от двух очагов, находящихся по центру. Комплекс сопровождается фрагментами керамики каменско-маковского типа [Мандрыка, 2016], каменными дисковидным плоским скребком и брусковидным изделием, а также частью керамического тигля и обломками колотых костей животных. Котлован жилища выкапывался на глубину 16–20 см. Выброшенные из него отвалы зафиксированы в северной, западной и южной сторонах от объекта. Перекрытие жилища включало, возможно, дерново-земляной слой. На полу жилища наименьшее число находок зафиксировано в восточной части, что позволяет предположить наличие входа с этой стороны.

При сопоставлении предметов из жилища и из межжилищного пространства, на вскрытом участке слоя можно выделить две зоны с наибольшей концентрацией материала. Одна установлена в 3–5 м юго-западнее котлована жилища, где зафиксированы фрагменты каменско-маковских сосудов, а также каменные дисковидные скребки и каменное брусковидное орудие. Вторая зона расположена в 13–15 м юго-восточнее жилища, в ней вокруг пятна прокаленной почвы обнаружены фрагменты каменско-маковской посуды, каменные дисковидные скребки, куски обожженной глины с прилипшими каплями бронзы.

В верхнем уровне культурного слоя зафиксированы жилища № 5 и 6 и находки за их пределами. Материалы внутри котлованов жилищ расположены неравномерно: керамика без орнамента и обломки колотых костей залежали у стенок котлованов. С комплексом связаны неорнаментированные сосуды с утолщенным венчиком, а также фрагмент венчика с рассеченными наlepными валиками, сопоставляющийся с керамикой шилкинской культуры [Мандрыка, 2008, с. 73]. В северо-восточном углу жилища № 6 обнаружена археологически целая чашка. Каменные

орудия встречаются возле очага и входа жилища. Это каменный скребок и каменный пест на гальках (жилище № 5) и каменные наковальни (жилище № 6). В обоих жилищах отмечены разрозненные мелкие обломки костей рыб и животных. Они, как правило, залегают в пристенках жилищ.

Выходы из жилищ располагались с восточной стороны. Выбросы из котлована жилищ фиксировались вокруг стенок котлованов. Кровля жилищ, очевидно, состояла из деревянных деталей без дерново-земляного покрытия.

Хозяйственных зон комплекса за пределами жилищ четко не выделяется. Сопоставляемые с чашкой из жилища № 6 обломки сосудов без орнамента отмечены к северу от жилищ. С указанной керамикой залежали каменные молоточки на небольших продолговатых гальках. В 1,5 м южнее от выхода из жилища № 6 зафиксировано скопление мелких жженных колотых костей, которое, предположительно, относится к выбросам из очага. В слое поселка нет каменных орудий, сопоставляемых с аналогичными орудиями, обнаруженными на полу обоих жилищ.

На основании проведенного планиграфического анализа установлено наличие двух одновременных поселков, установленных по различиям устройства жилищ, разнотипной керамике и уровням ее залегания в слое.

Комплекс нижнего уровня по керамике каменско-маковского типа можно датировать IV–II вв. до н. э. Комплекс верхнего уровня по сходству керамики с посудой, найденной на памятниках тагарской и таштыкской культур юга Сибири [Вадецкая, 1999, табл. 3; Мартынов, 1979, с. 172], а также шилкинской культуры южной тайги Средней Сибири, предвительно относится ко II в. до н. э. – I в. н. э.

Таким образом, планиграфическим анализом культурного слоя раннего железного века на селище Дом Отдыха-3 выделены два уровня. В комплексе нижнего уровня, возле жилища № 4, входили две хозяйственные зоны с керамикой каменско-маковского типа цэпаньской культуры, одна из которых связана с бронзолитейным производством. К комплексу верхнего уровня относятся котлованы жилищ № 5 и 6, а также керамические сосуды без орнамента и каменные орудия, расположенные к северу от жилищ. Хозяйственного назначения данных участков выявить не удалось.

Список литературы

- Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб. : Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.
- Исследования Сибирского федерального университета / П. В. Мандрыка, А. Д. Виноградов, Л. А. Максимович, П. О. Сенотурова, К. В. Бирюлева, З. Ю. Жарников, Ю. А. Титова // Археологические открытия. 2018. С. 402–403.
- Мандрыка П. В. Новая археологическая культура раннего железного века в южнотаежной зоне Средней Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3 (35). С. 68–76.
- Мандрыка П. В. Комплексы с керамикой каменско-маковского типа на Енисее и их место в культурогенезе таежной зоны Средней Сибири // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Красноярск, 2016. Т. 1. С. 232–241.
- Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск : Наука, 1979. 208 с.
- Марченко Д. В. Становление и развитие планиграфических исследований в области археологии верхнего палеолита в России // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. № 7. С. 26–38.

Planigraphy of the Layer of Dom Otdykha 3 Settlement with the Early Iron Age Dwellings

O. S. Komarova

In this work, through the planigraphic analysis of excavated pits of dwellings and inter-residential space, multicultural complexes were identified on the territory of the settlement called Dom Otdykha 3, located in the southern taiga of the Yenisei River. The lower level of the Early Iron Age layer, dating back

to the 4th–2th centuries BC, along with the pit of the dwelling and the surrounding area, were studied. At this level, the prospective zones of economic activity of the village were identified, as well as some features of the construction of dwellings. Work of this sort was done in relation to the upper level of the layer dating back from the second century BC to the first century AD, which included the pits of two dwellings and the surrounding space.

Keywords: Early Iron Age, Middle part of Siberia, Tsypanskaya culture, Shilkinskaya culture, multi-layer complexes, planigraphy, dwellings.

Комарова Ольга Сергеевна
магистрант 1-го года обучения
Сибирский федеральный университет
e-mail: helgainvers@gmail.com

Komarova Olga Sergeevna
Graduate student 1st year
Siberian Federal University
e-mail: helgainvers@gmail.com

УДК 904. 811.221.16

К вопросу об истоках некоторых элементов раннескифского комплекса (по материалам Северного Тагискена)

Д. П. Петрищева

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Проблема генезиса раннесакской культуры в Приарале до сих пор не решена: невыясненным остаётся вопрос преемственности между могильниками Южный Тагискен, Сакар-Чага и Уйгарак (VIII–V и VII–V вв. до н. э.) и погребальным комплексом Северный Тагискен, относящимся к эпохе поздней бронзы.

Первым, ещё в 1960-х гг., обозначил проблему С. П. Толстов. Он датировал Северный Тагискен IX–VIII вв. до н. э. и предположил, что этот памятник и раннесакские могильники, благодаря сходству погребального обряда, представляют единую линию развития [Толстов, Итина, 1966, с. 165–166]. При публикации материалов некрополя М. А. Итина и Л. Т. Яблонский также обратили внимание на сходства в планировке мавзолеев и курганов, на особенности использования огня в обряде и на ряд схожих предметов материальной культуры. Но обнаружили и признаки разрыва: отсутствие в раннем комплексе железных орудий, предметов звериного стиля и характерных сакских сосудов, а в позднем – строений из сырца. Всё это позволяло говорить только об общих андроновских корнях двух культур [Итина, Яблонский, 2001, с. 110]. Недавно более раннюю дату некрополя (XV–XIII вв. до н. э.) предложил итальянский исследователь Ж. Л. Бонора, проанализировав сходства материалов Тагискена с другими, как южными, так и степными культурами эпохи поздней бронзы [Вопога, 2018, р. 323]. В то же время поиски истоков раннескифского комплекса (далее – РСК) приводят к выводам о том, что одним из его субстратов являлась бегазы-дандыбаевская культура (далее – БДК) [Чугунов, 2015, с. 470], тесная связь которой с мавзолеями Северного Тагискена отмечается уже давно [Маргулан, 1998, с. 151–152]. Характер связи спорный, но факт близости нельзя игнорировать. Поэтому следует снова обратить внимание на материалы Северного Тагискена.

Погребальный обряд памятника находит много аналогий в культуре приаральских саков. Аналогии эти перечислялись неоднократно [Вишневецкая, 1973, с. 60–65; Итина, Яблонский, 1997, с. 31]. Наиболее обширно они изложены при публикации материалов могильника [Итина, Яблонский, 2001, с. 109]. Самыми яркими здесь являются такие признаки: частичное сожжение сооружений, их планировка в виде квадрата, вписанного в круг; наличие окружностей из столбовых ям, обрамляющих некоторые погребальные камеры; ориентация стенок камер по сторонам света (рис., 8, 17). О наличии в захоронениях именно Приаралья обводных коридоров говорить трудно, так как лишь в единичных курганах были обнаружены конструкции, состоящие из двух концентрических рядов столбовых ям. Однако подобное сооружение хорошо реконструируется

для кургана Аржан-1 [Савинов, 2002, с. 46]. Проблема вышеуказанных параллелей состоит в том, что многие из элементов обряда типичны для культур эпохи поздней бронзы, особенно – постандроновских. К тому же, на мой взгляд, важнее именно для Приаралья, если в Северном Тагискене рассмотренные признаки встречаются неоднократно и создают устойчивые сочетания, то у саков они эпизодичны. Значит, параллели в погребальном обряде, взятые отдельно, хоть и многочисленны, не могут позволить с уверенностью говорить о преемственности.

Среди индивидуальных находок аналогии РСК прослеживаются на примере костяных предметов, которых в Северном Тагискене 2 шт. Первый представляет собой трубку с втулкой для насада, вдоль которой протянулся орнамент в виде точек внутри двойных окружностей (рис., 3). Второй предмет по форме близок к полукругу. Орнамент на нём похожий, но дополняется выющимися петлями по контуру окружностей двойными линиями (рис., 1). Изделия и их орнамент имеют аналогии в БДК: в некрополе Бегазы и на поселении Кент в Центральном Казахстане (рис., 11, 13–15) [Маргулан, 1998, с. 165; Варфоломеев, Ломан, Евдокимов, 2017, с. 270, рис. 111, 6, 7; с. 307, рис. 144, 1]. Среди инвентаря раннесакских могильников неоднократно встречаются детали конского снаряжения с подобными символами (рис., 25). Правда данный мотив является распространённым, поэтому, сам по себе, критерием преемственности быть не может. Но важна сама близость тагискенских вещей к бегазинским, на её основе можно предполагать родственность костяной индустрии двух центров или происхождение тагискенских вещей из БДК (а возможно, и наоборот). Внимание привлекает найденная в Кенте застёжка-стопор бочковидной формы из кости [Варфоломеев, Ломан, Евдокимов, 2017, с. 270, рис. 111, 3], её форма, на мой взгляд, может типологически предшествовать форме застёжек в РСК, которые есть во всех приаральских могильниках (рис., 15, 23, 24, 26).

Интересны 6 втульчатых двухлопастных наконечников стрел, найденных на Северном Тагискене (рис., 9). Все экземпляры имеют скрытую втулку, продолжающуюся по всему перу в виде валика, и очень узкие лопасти. Их относят к листовидным втульчатым двухлопастным наконечникам, распространённым в бронзовом веке в Центральной Азии [Итина, Яблонский, 2001, с. 99]. В сакских материалах Приаралья точных аналогий нет, зато похожие изделия были найдены на поселении Кент (рис., 10). Вместе с ними находились и более традиционные, но типологически родственные формы, в том числе встречающиеся и у ранних кочевников (рис., 22) [Варфоломеев, Ломан, Евдокимов, 2017, с. 270, рис. 107, 1–7].

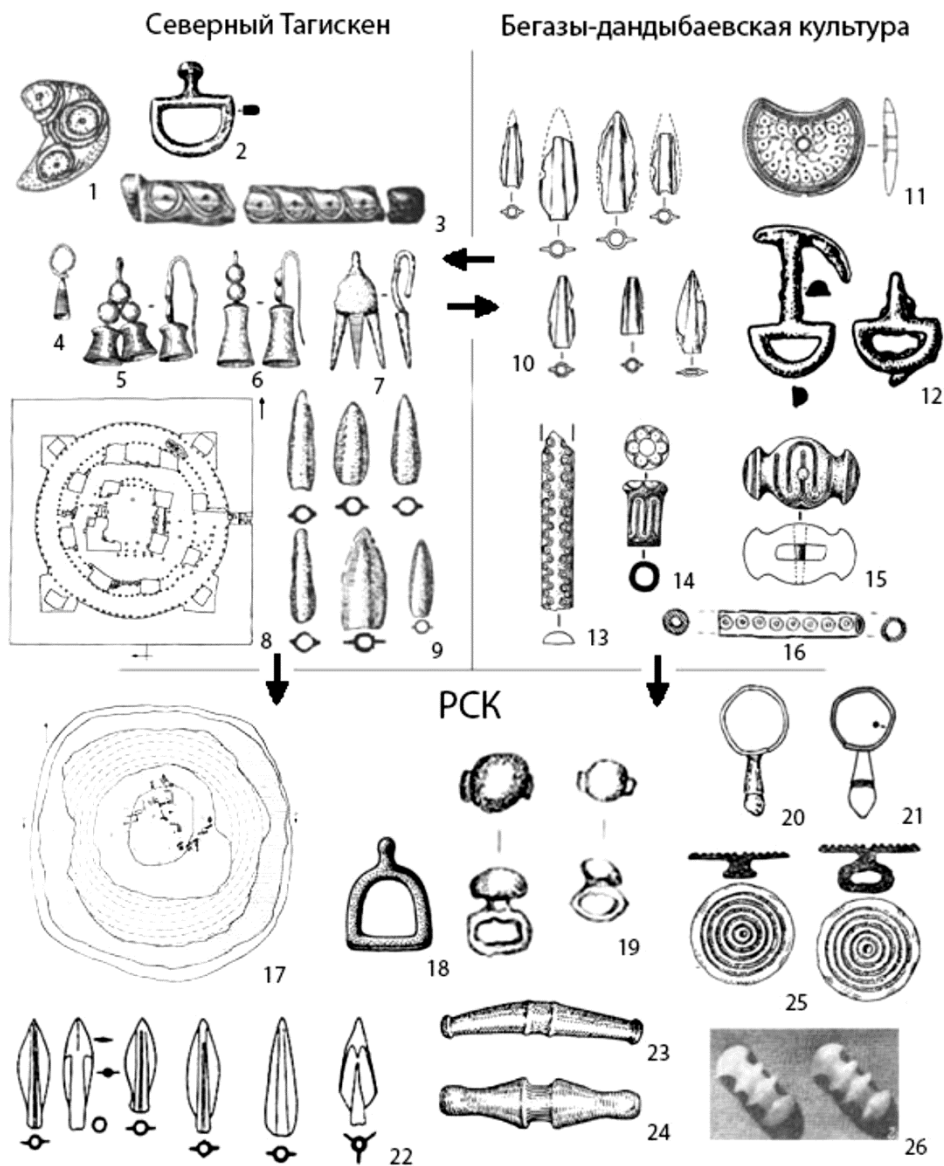

Рис. Сопоставление материалов Северного Тагискаена, БДК и РСК. Северный Тагискен:

1 – костяное изделие, м. 4; 2 – бронзовая пряжка, м. 4ж; 3 – костяное изделие, м. 4а; 4 – золотая серьга, с. 4д; 5 – золотая серьга, м. 5б; 6 – золотая серьга, с. 4ж; 7 – серьга, дерево, золотая фольга, с. 7а; 8 – м. 4, план; 9 – наконечники стрел, бронза (по: [Итина, Яблонский, 2001, рис. 5, 123, 124]). Кент: 10 – наконечники стрел, бронза; 11 – изделие из кости; 12 – бронзовые пряжки; 13, 14 – изделия из кости; 15 – застёжка-стопор, кость (по: [Варфоломеев, Ломан, Евдокимов, 2017, с. 227, рис. 69; с. 270, рис. 107; с. 274, рис. 111; с. 307, рис. 144]). Бегазы: 16 – изделие из кости (по: [Маргулан, 1998, с. 165]). Уйгарак: 17 – курган 59, план; 20 – серьга, золото, бирюза, к. 23; 22 – наконечники стрел, бронза; 23 – застёжка, камень, к. 21; 25 – бронзовые бляшки, к. 28 (по: [Вишневская, 1973, с. 46, рис. 31; с. 133, табл. I; с. 138, табл. VI; с. 142, табл. X; с. 157, табл. XXV]). Южный Тагискен: 21 – серьга, золото, бирюза, к. 51; 24 – застёжка, бронза, к. 31 (по: [Итина, Яблонский, 1997, с. 109, рис. 12; с. 136, рис. 40]). Аржан-1: 18 – пряжка, бронза (по: [Чугунов, 2015, с. 473, ил. 4]); 26 – застёжка из антигорита, конское захоронение, камера 1 (по: [Грязнов, 1980, с. 22, рис. 12, 2])

К более близким раннесакскому пласту вещам можно отнести северотагискенские серьги, разделяющиеся на три вида (см. рис., 4–7). Самой интересной является серьга в виде витого конуса, к низу, возможно, крепилась вставка. Аналогии такой модели находят во всех приаральских могильниках: это конусовидные серьги с вставками из драгоценного камня (рис., 20, 21). К. В. Чугунов считает, что этой форме близки и другие изделия: серьга с тремя конусами, один из которых витой и покрыт золотом (неоднократно указывалась его андроновская подоснова [Итина, Яблонский, 2001; Чугунов, 2003], и две модели украшений с колоколовидным навершием. Важна и бронзовая пряжка, найденная в мавзолее 4-ж на Тагискене (рис., 2). Аналоги данному изделию есть на поселении Кент (см. рис., 12), а также в камере кургана Аржан-1 (рис., 18), что позволяет

синхронизировать эти изделия. Предполагается, что именно они легли в основу раннесакских подпружных застёжек [Чугунов, 2015, с. 472], которые встречаются во всех приаральских могильниках (рис., 19)

Таким образом, мы можем выделить некоторое количество аналогий раннесакской культуре, способных стать частями её местного субстрата. Однако следует различать роль Тагискаена в генезисе культуры ранних кочевников в принципе и в формировании именно приаральского культурного узла. Также по-прежнему актуальны вопросы абсолютной даты Северного Тагискаена и его места среди степных культур поздней бронзы, так как многие элементы с аналогиями в РСК имеют сходство и с БДК. В целом же приведенные материалы позволяют считать, что население, оставившее Северный Тагискен, всё же принимало

участие в формировании РСК, который включил в себя вместе с пришлым, всегда одинаковым компонентом (его ярче всего выражает «скифская триада»), ряд черт локальных, своих для каждого региона культур.

*Научный руководитель – Д. Г. Савинов
д-р ист. наук, профессор,
кафедра археологии,
Санкт-Петербургский государственный университет*

Список литературы

Варфоломеев В., Ломан В., Евдокимов В. Кент – город бронзового века в центре казахских степей. Астана : Казахский нац. науч.-исслед. ин-т культуры, 2017. 338 с.
Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. по материалам Уйгарака // Тр. ХАЭЭ. М. : Наука, 1973. Т. 8. 160 с.
Грязнов М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980. 63 с.

Итина М. А., Яблонский Л. Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997. 187 с.
Итина М. А., Яблонский Л. Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. М., 2001. 295 с.
Маргулан А. Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алматы, 1998. Т. 1. 400 с.
Савинов Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). СПб., 2002. 204 с.
Толстов С. П., Итина М. А. Саки низовьев Сыр-Дарьи (по материалам Тагискена) // СА. 1966. № 2. С. 151–175.
Чугунов К. В. Серьги раннескифского времени Саяно-Алтая (происхождение традиции и типологическое развитие) // Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. С. 386–395.
Чугунов К. В. Формирование культур ранних кочевников в Казахстане и Саяно-Алтае (к постановке проблемы) // Тр. Гос. Эрмитажа. СПб., 2015. Т. LXXVII. С. 457–486.
Bonora G. L. A General Revision of the Chronology of the Tagisken North Burial Ground // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2018. № 24. P. 307–330.

On the Origin of Some Elements of the Early Scythian Complex (Based on materials from the Northern Tagisken)

D. P. Petrishcheva

This article realises attempt of findings of elements of early Scythian culture in materials of Tagisken North burial ground. The author compares the materials of this cemetery and Begazy Dandibay culture with the artefacts of South Tagisken, Uygarak and Sakar-Chaga – saka's burial grounds. It is known that there is a great resemblance between Tagisken North burial ground and sites of Begazy Dandibay culture, which can be a one of parts of early nomads' culture. Therefore, it is possible that Tagisken North culture, like Begazy Dandibay, has some scythian's elements. Perhaps they are funeral rite, conic earrings, some things of horse harness and arrow-heads. But the results of studying shows necessity of continue analysis.

Keywords: Tagisken North Burial Ground, Begazy Dandibay culture, South Tagisken, Uygarak, Sakar-Chaga, early Scythian culture.

Петрищева Дарья Павловна

студент 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет
e-mail: Brightpaw@yandex.ru

Petrishcheva Darya Pavlovna

Student 3rd year
Saint-Petersburg State University
e-mail: Brightpaw@yandex.ru

УДК 903.23 (571.63)

Предварительные результаты изучения керамики янковской культуры раннего железного века на памятнике Солонцовая-2

А. А. Пушкарь

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №18-09-40101

ОАН Солонцовая-2 расположен в Приморском крае, в долине р. Солонцовой, в 4 км к северо-западу от пос. Смоляниново. Памятник был обнаружен в 2016 г. Б. В. Лазиным. Спасательные раскопки проводились в 2017 г. под руководством А. Н. Попова. Были изучены культурные слои на площади 2580 м². Обнаружено более 120 тыс. древних артефактов. Основная часть находок относится к двум культурам раннего железного века – янковской и кроуновской. На дневной поверхности и в древнопахотном слое встречены единичные находки, отнесенные к этнографической современности (корейские иммигранты) конца XIX – начала XX в., а также к зайсановской культуре позднего неолита.

Для исследования была отобрана часть керамического материала из восточной части раскопа. Здесь располагалось пересохшее русло ручья, использовавшееся в качестве свалки бытовых отходов в древности. Длина объекта составляет 40 м. В культурных отложениях преобладают находки янковской археологической культуры. Нами рассмотрена часть мусорной ямы длиной 10 м, шириной от 2 до 4 м. Для работы было отобрано и изучено 15 тыс. фрагментов и 7 развалов сосудов. Вся совокупность предметов отнесена к янковской культуре.

Технико-технологические характеристики. Основой создания формовочных масс служил пластичный компонент – глина. Цвет обожженных изделий позволяет установить возможные цвета исходного глинистого сырья

[Shepard, 1985; Цетлин, 2012]. На памятнике распространены фрагменты красных, коричневых оттенков. Реже встречаются фрагменты белого цвета. Таким образом, изначальные цвета глины были следующие: желтый, красный, коричневый, черный, белый. Выходы различных по свойствам и цвету глин, имеющиеся в пределах 500 м от памятника, подтверждают данное предположение.

В качестве примеси в формовочной массе использовался минеральный непластичный компонент, представленный дресвой и песком. Дресва – результат дробления горных пород, в данном случае преимущественно гранитов или кварцитов. Размеры включений варьируют от мельчайших (1 мм) до крупных (4 мм). В единичных случаях встречается калиброванная примесь размером до 1 мм, содержание которой доходило до 50 % от всего объема черепка. Песок представляет собой окатанную фракцию горных пород, размеры которой также варьируют от мельчайших (1 мм) до крупных (5–6 мм).

Начины созданы по донно-емкостной и донной программам. Об этом свидетельствуют растрескивания в местах соединения ленты с придонной частью, а также отдельные фрагменты донной лепешки.

Формовка полого тела сосудов производилась ручным способом. В качестве структурного элемента использовались ленты, которые крепились по кольцу, о чем свидетельствует горизонтальный распад по спаям лент.

Венчики образованы путем отгибания конца верхней ленты внутрь или наружу. Для венчиков с утолщением характерно использование дополнительной ленты, прикрепленной с внешней стороны, отогнутой наружу и укрепленной за счет подлепа дополнительной жгута.

Большинство сосудов имеет признаки покрытия внешней поверхности дополнительным слоем жидкой глины, из-за чего не так явно выступает минеральная примесь, а обработка выглядит в целом более аккуратной.

Для уплотнения стенок и выравнивания поверхности производилось заглаживание. Следы свидетельствуют об использовании в качестве инструментов галек, деревянных шпателей, щепы, ткани. На внешней поверхности большинства фрагментов видны следы лощения. Реже лощением обработана внутренняя поверхность сосудов.

Поверхность обожжена равномерно, без явных признаков недожога (в виде черной полосы в изломе). В цветовой гамме большинства фрагментов преобладают теплые тона оранжевого, коричневого, желтого оттенков. Обжиг производился в устройствах типа печи, не исключаящих соприкосновение сосудов с топливом, при температуре около 700–750 °С. Часть фрагментов имеет признаки применения дымления.

В ходе исследования встречены фрагменты с вспененной текстурой на поверхности и в изломе. Причиной подобного брака могли являться как внешние, так и внутренние причины. Внешними причинами могут являться несоблюдение режима обжига и резкий подъем температуры. К внутренним причинам можно отнести особенности химического состава глины. В таких фрагментах, как правило, в значительных количествах присутствуют оксиды железа (Fe₂O₃), о чем свидетельствуют округлые частицы красно-коричневого цвета, а также насыщенный красный оттенок поверхности и изломов сосудов. Из-за высокой концентрации Fe₂O₃ снижается огнеупорность глины, в связи с чем процессы плавления глинистых частиц протекают быстрее.

В коллекции также встречены фрагменты (10 шт.), культурную принадлежность которых пока трудно установить вследствие малого количества подобных находок. Все фрагменты неорнаментированные, легко крошатся в руках, черные в изломе и на поверхности, что свидетельствует о подверженности дымлению, толщина стенки – до 6 мм, примесь мелкозернистая (до 1 мм). Стоит отметить присутствие слюды с большей, по сравнению с остальными фрагментами, концентрацией. Текстура в изломе неоднородная, комковато-зернистая, поры параллельные, вытянутые по горизонтали. Отмечено присутствие органического раствора, представленного в виде пленки светло-серого цвета, покрывающей минеральные и глинистые частицы. На данном этапе возможно отнесение данных фрагментов к эпохе неолита – бронзы.

Морфология. Морфологическое описание дается на основании анализа фрагментов верхних и нижних частей сосудов, а также развалов. Вся коллекцию можно разделить на 2 категории.

Первая категория представлена сосудами с горловиной. Сложно профилированные сосуды с ярко выраженной горловиной имеют г-образный или слабо отогнутый наружу венчик. Кромка округлая, остроугольная или уплощенная. Для всех вариантов венчиков возможно применение дополнительного жгута в качестве утолщения на сгибе вечночной части. У сосудов с высокой горловиной плечики плавно расширяются к тулову. Ко дну стенки сосудов сужаются.

Вторая категория представлена фрагментами мисок, чаш. Один фрагмент имеет форму, тяготеющую к форме блюда или тарелки на невысоком поддоне. Венчики прямые или слегка загнутые внутрь, кромка округлая. Внеш-

няя сторона от кромки до сужения ко дну, имеет незначительное утолщение и отделяется от остальной поверхности прочерченной линией. Как правило, на данном участке располагается орнамент в виде геометрического узора или прочерченных линий.

В обеих категориях преобладают плоские донья. Однако для сосудов с горловиной возможно наличие округлых, а также узких доньев (2–5 см).

В коллекции представлен развал сосуда без вечночной части. Сосуд небольшой, со слабо выраженной горловиной и покатыми плечиками, округлым туловом и узким дном. На плечиках 3 налепных валика. Внутренний контур имеет плавное соединение со стенкой, толщина дна до 1 см, диаметр равен 3,5 см. Сосуд лощеный. Данный сосуд находит сходства с выделенной недавно новой гончарной традицией на юге Приморья («черная серия») [Жушиховская, Никитин, 2019].

Декорирование. У сильно профилированных сосудов с горловиной декор расположен на горловине или плечиках сосудов. У слабопрофилированных сосудов декорировалась венчиковая часть.

Способы нанесения орнамента следующие: прочерчивание, налеп, накальвание, окрашивание. Окрашивание сосудов производилось яркой краской, придававшей сосудам красный или малиновый цвет. Подобные фрагменты встречаются крайне редко (2 шт.), поэтому невозможно соотнести применение окрашивания с морфологией сосудов.

Основные элементы, используемые для декорирования: прочерченная линия, налепной валик, накол (округлый, каплевидный), шишечка. Из данных элементов составлены разнообразные узоры (сочетание прочерченных линий и наколов, геометрический узор, орнамент по типу «лесенки» и т. д.).

Рассмотренная керамическая коллекция имеет ряд схожих черт с керамикой на других поселениях янковской культуры [Андреева, Жушиховская, Кононенко, 1986]. Вместе с тем в коллекции представлены фрагменты, культурную принадлежность которых трудно установить ввиду их фрагментарности. Также стоит отметить наличие «вспененных» фрагментов, являющихся браком. Данные фрагменты отнесены к янковской культуре на основании морфологических и декоративных признаков, однако требуют дальнейшего изучения.

Коллекция керамики археологического памятника Солонцовая-2 находит аналогии с памятником Черепаша-7, расположенны на побережье Уссурийского залива. Сходства отмечаются в наличии на памятниках сосудов, которые свидетельствуют о существовании иной гончарной традиции, не находящей аналогии в янковской культуре. Дальнейшее изучение керамики в единстве с орудийным набором памятника позволит установить хозяйственную направленность поселения.

*Научный руководитель – А. Н. Попов
канд. ист. наук, доцент,
Департамент истории и археологии,
Школа искусств и гуманитарных наук,
Дальневосточный федеральный университет*

Список литературы

- Андреева Ж. В., Жушиховская И. С., Кононенко Н. А. Янковская культура. М.: Наука, 1986. 216 с.
Жушиховская И. С., Никитин Е. Ю. Новая гончарная традиция на памятниках янковской культуры периода палеометалла в Приморье // Российская археология. 2019. № 2. С. 35–49.
Цетлин Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.
Shepard A. O. Ceramics for the Archaeologist. Washington D. C., 1985. 447 p.

Preliminary Results of the Study of Ceramic Complex of the Yankovskaya Culture (Early Iron Age) on the Solontsovaya 2 Site

A. A. Pushkar

The article describes the ancient ceramics of the Yankovskaya culture from the archaeological site Solontsovaya 2. 15,000 fragments and 7 vessels were analysed. Technical and technological characteristics at other settlements of the Yankovskaya culture are similar. Ceramics were made by prescription: "clay+mineral inclusions". Vessel's body was formed from ribbons a succession of rings. The surface was smoothed and polished. The firing temperature is 750 °C. Black fragments indicate about purposeful process of carbonization. The morphology includes forms such as vessels, pots, bowls. Ceramics are ornamented with lines, sleeves, and bumps. There are traces of staining. Defective fragments with signs of bloating are present. The collection includes one artifact who can be attributed to the new pottery tradition.

Keywords: technique and technology, ancient ceramic, pottery, Early Iron age, Yankovskaya culture, Primorskiy region.

Пушкар Анастасия Александровна
магистрант 1-го года обучения
Дальневосточный федеральный университет
e-mail: nas.pushkar@gmail.com

Pushkar Anastasiya Aleksandrovna
Graduate student 1st year
Far Eastern Federal University
e-mail: nas.pushkar@gmail.com

УДК 903.21 (571.63)

Костяной инвентарь поселения янковской культуры Черепаха-7*

М. К. Руденко

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-09-40101

Исследования янковской культуры (I тыс. до н. э.) эпохи палеометалла проводятся на территории Приморья с последней четверти XIX в. В настоящее время культура является одной из наиболее изученных в регионе. Несмотря на это, исследование аспектов хозяйственно-производственной жизни древнего населения путем привлечения новых источников вызывает интерес у археологов.

В рамках данной работы представлены результаты анализа костяного инвентаря с полностью раскопанного поселения янковской культуры Черепаха-7, расположенного в северной части Уссурийского залива, на западном побережье бухты Муравьиной. В 2015 г. экспедицией Музея археологии и этнографии Учебно-научного музея ДВФУ под руководством Е. Ю. Никитина на территории памятника были проведены спасательные работы, в ходе которых были выявлены и раскопаны остатки 18 жилищ, а также 49 объектов хозяйственного назначения [Никитин, 2017].

Рассматриваемая коллекция насчитывает 136 экз. из трубчатых, пластинчатых костей наземных, реже морских, млекопитающих, клыков, рогов, а также костей рыб, преимущественно обнаруженных в раковинных кучах и золистых включениях.

Процесс обработки и изготовления инвентаря включал в себя следующие этапы: отбор и подготовка (обезжиривание, сушка, размягчение) сырья; изготовление заготовок – расщепление, рубка, строгание, реже – сверление; окончательная доводка изделия – абразивная обработка, полировка и в некоторых случаях орнаментирование.

Классификация изделий представлена следующим образом. Все артефакты поделены на наборы: 1) утилитарный; 2) неутилитарный; 3) неидентифицируемые предметы и отходы производства. Внутри них по зафиксированным морфологическим признакам и видимым следам сработанности выделены категории, группы и подгруппы.

Утилитарный набор – 80 экз.

Орудия для обработки шкур животных и изготовления одежды – 49 экз.

Проколки – 22 экз. (14 целых, 7 обломков) – из трубчатых и обломков расколотых костей удлиненной формы, с ярко заполированным острием. По размерным показателям выделены следующие подгруппы: 1) длинные – от 17 до 23 см (2 экз.); 2) средние – от 10 до 15 см (4 экз.); 3) короткие – от 5 до 10 см (9 экз.).

Иголки – 12 экз. (4 целых, 8 обломков) – заполированные удлиненные изделия с просверленным ушком. Целые изделия:

1) с округлым поперечным сечением и ушком $d = 0,1$ см (2 экз.), размером $4,1 \times 0,15$ и $5,2 \times 0,2$ см;

2) из рыбьей косточки с многогранным поперечным сечением и ушком $d = 0,2$ см (1 экз.), размер – $4,6 \times 0,3$ см;

3) из шипа ската хвостикола, линзовидный в поперечном сечении и ушком $d = 0,1$ см (1 экз.), размерами $8,1 \times 0,4 \times 0,15$ см.

Шилья – 8 экз. (7 целых, 1 обломок) – из массивных трубчатых костей, округлых в сечении, с полностью или частично сохранившимся эпифизом (6 экз.), размерами $8,8 \times 1,4 \times 0,5$ – $13,1 \times 1 \times 0,7$ см, и из тазовой кости (1 экз.) размером $12,6 \times 6,1 \times 2,3$ см, с характерным для изделий ярко заполированным острием со скругленным кончиком.

Ложила – 4 экз. – из продольной расщепленной трубчатой кости (2 экз.) размерами $5,6 \times 0,7 \times 0,9$ и $13,7 \times 1,2 \times 0,6$ см; удлиненно прямоугольного обломка кости (1 экз.) размером $5,6 \times 0,4 \times 0,3$ см; удлиненного обломка ребра размером $6 \times 0,4 \times 0,3$ см с характерной уплощенной рабочей поверхностью и яркой заполировкой на ней, с округлой кромкой.

Скрепки – 3 экз. – из обломка ребра ($5,4 \times 1,4 \times 0,3$ см), продольно расщепленного клыка кабана ($4 \times 4,5 \times 0,9$ см) и обломка клыка подпрямоугольной формы ($4,7 \times 1,9 \times 0,4$ см), обработанного скоблением и шлифованием, с характерным для изделий дугообразным лезвием с односторонне неравномерно заполированной кромкой, от которой отходят мягкие перпендикулярные линии.

Орудия для получения и обработки продуктов питания – 21 экз.

Рыболовные орудия – 13 экз.:

1) элементы составного рыболовного крючка – 9 экз.: зубцы – 6 экз. (от $3 \times 0,4 \times 0,2$ см до $4,7 \times 0,5 \times 0,3$ см) из клыка кабана с дугообразным поддевом, на двух из которых есть выступающие бороздки; цевье – 3 экз. (1 целое и 2 обломка) из трубчатой кости с оформленной головкой для крепления лесы, у целого изделия ($10,1 \times 0,8 \times 0,3$ см) слегка скругленный стержень с уплощенным кончиком для крепления зубца;

2) наконечники гарпунов – 4 экз. (3 целых и 1 обломок) из расщепленной трубчатой кости с перехватиком для крепления линия в средней части изделия. Острия уплощены и интенсивно заполированы. Насад оформлен двумя способами: выемчатая база со слабо отогнутой шпорой (2 экз.); насад подтрапещиевидной формы с расширением сверху. Размеры: $5,8 \times 1,1 \times 0,3$ – $6,2 \times 1,2 \times 0,7$ см.

Режущие орудия – 8 экз. из продольно и частично расщепленных клыков, подработанных строганием и абрази-

вом с характерным дугообразным лезвием, на внутренней кромке которого зафиксирована тонкая заполированная полоса до 0,15 см с мелкими параллельными линиями. Размеры: 4,1×4,3×0,6 – 6,8×6×0,9 см. На трех экземплярах оформлены выемки, предположительно для крепления к рукояти.

Острия (наконечники) предположительно дистанционных орудий – 7 экз.:

острия удлинненно-треугольной формы (3 экз.) с заостренным уплощенным кончиком из трубчатой кости с выемчатым основанием, размеры: 5,6×0,9×0,4 см – 6,5×0,8×0,3 см;

острия со следами привязывания – 3 экз. (2 целых и 1 обломок) – удлиненной формы со слабо отогнутой шпорой и сохранившимися следами привязывания одной из сторон к древку, о чем свидетельствует наличие следов только на трех гранях. По характеру расположения следов привязывания целые изделия отличаются: у 1-го (6,2×0,7×0,4 см) – следы ближе к основанию, у 2-го (4,6×0,5×0,3 см) к острию;

наконечник из клыка кабана (1 экз.) подтреугольной формы, с оформленным лезвием и выпуклой линией насада, от которой прослеживается неглубокий, широкий желобок. На одной из сторон оформлена выемка, предположительно для крепления веревки размерами 3×1,2×0,3 см.

Деревообрабатывающие орудия – стамески – 4 экз. с асимметричным лезвием, с двух сторон которого прослеживается яркая заполировка с перпендикулярными линейными царапинами и мелкой выщербленностью на кромке. Изготовлены из заполированных расщепленных трубчатых костей (3 экз.), размеры от 5,4×1,3×0,8 см до 8,8×17×1 см, и пористой кости удлинненно-прямоугольной формы размером 24,6×4,4×3,4 см.

Неутилитарный набор – 26 экз.

Шпильки – 17 экз. (8 целых и 9 обломков), заполированные, удлинненные изделия из трубчатой кости с эпифизом и приостренным кончиком. Изделия орнаментированы резными поперечными насечками на боковых гранях. По размерным показателям выделены: 1) длинные шпильки (4 экз.) – от 10 до 13 см; 2) короткие шпильки (4 экз.) – от 5 до 9 см.

Бусины – 4 экз. (2 целые, 2 обломка) из полой, заполированной, цилиндрической кости, d отв. = 0,3–0,4 см, размер целых изделий – 2,1×0,5 и 3,2×0,5 см.

Подвески – 3 экз. из продольно расчлененного клыка с просверленным отверстием d = 0,3 см и подработанными абразивом гранями, размерами 4,6×1,7×0,3 – 4,7×1,4×0,2 см.

Изделие из черепной коробки округлой формы с подпрямоугольным сечением и просверленным по центру отверстием d = 0,4 см, d изделия = 3,5 см.

Обломок панцирной пластины размером 2×1,2×0,1 см с тремя просверленными отверстиями d = 0,25 см, орнаментированный резными параллельными горизонтальными и диагональными линиями.

Неидентифицируемые предметы и отходы производства – 30 экз.

Двусторонние орудия – 3 экз. из заполированной трубчатой кости, с одной стороны край заострен, с другой уплощен. Размеры: 5,1×0,4×0,2 – 7,4×0,5×0,2 см.

Изделия из рога – 5 экз.:

1) элементы предположительно составного изделия (2 экз.): 1-й – обломок ствола рога – 15×10×3,8 см – с вырубленным подпрямоугольным отверстием (3×3,6×2,3 см), на гранях которого зафиксированы следы заполировки; 2-й – обломок ветви рога с разветвленными отростками – 14×4,5×3 см – с вырубленным подквадратным отверстием (2,7×2,8×2,2 см), на внутренних стенках также зафиксирована заполировка;

2) роговые отростки – 3 экз. со следами заполировки, сколами и царапинами, но без характерных морфологических или функциональных признаков.

Сырье и обломки инвентаря – 22 экз., обломки клыка – 2 экз., трубчатых и пластинчатых костей со следами использования – 20 экз.

Результаты анализа костяного инвентаря поселения Янковской культуры Черепаха-7 иллюстрируют, что костяные изделия были задействованы как в отраслях, направленных на получение и обработку продуктов питания (рыболовство, морская охота), так и в производственной жизни населения (пошив одежды, изготовление мелкой домашней утвари).

Предложенная классификация укладывается в рамки существующей типологии костяных орудий с классических поселений культуры: Песчаный-1, Славянка-1, Чапаево и др., а также расширяет и дополняет ее такими группами инвентаря, как изделия из рога со сквозным отверстием, костяными стамесками, остриями со следами привязки, иглой из шипа ската хвостикола [Андреева, Жущиховская, Кононенко, 1986].

*Научный руководитель – А. Н. Попов
канд. ист. наук, доцент,
Департамент истории и археологии,
Школа искусств и гуманитарных наук,
Дальневосточный федеральный университет*

Список литературы

Андреева Ж. В., Жущиховская И. С., Кононенко Н. А. Янковская культура. М.: Наука, 1986. 215 с.

Никитин Е. Ю. Предварительные результаты исследования поселения Черепаха-7 в Приморье в 2015 г. // Новые материалы и методы археологического исследования: от археологических данных к историческим реконструкциям. М., 2017. С. 77–80.

Bone Inventory of the Yankovskaya Culture's Settlement Cherepakha 7

M. K. Rudenko

This article presents the results of the bone inventory analysis of the fully excavated Yankovskaya culture's settlement – Cherepakha 7. The categories of artifacts reflecting the areas of economic (getting and processing food – harpoons, knives, scrapes, etc.) and industrial (sewing clothes, making small household utensils-punctures, awls, needles, chisels, etc.) life in which bone inventory played a significant role were identified. Macro traces of wear on the working surface were recorded, presumably indicating the functional purpose of the bone tools. The inherent typological and technological features of the inventory, which complement and expand the information about the bone industry of the Yankovsky culture, have been recorded.

Keywords: Yankovskaya culture, bone tools, typological and technological analysis.

Руденко Максим Константинович

магистрант 2-го года обучения
Дальневосточный федеральный университет
e-mail: rudenkomax-2012@mail.ru

Rudenko Maksim Konstantinovich

Graduate student 2nd year
Far Eastern Federal University
e-mail: rudenkomax-2012@mail.ru

Первые находки щитов в пазырыкских курганах

Ал. Ал. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Щит – древнейшее средство индивидуальной защиты. Это вид вооружения, предназначенный для защиты от холодного ручного и метательного оружия. Его активно использовали кочевые народы Центральной Азии в раннем железном веке. Находки щитов очень редкие, так как они делались из органических материалов. Имеются изображения щитов на «оленных» камнях, а также на предметах, найденных в курганах скифо-сакского времени.

В настоящее время известны сведения о серии щитов из курганов пазырыкской культуры. Специально изучение их ещё не осуществлялось, поэтому важно систематизировать и проанализировать имеющуюся информацию. Цель публикации – изложить историю обнаружения первых находок щитов при проведении раскопок в местности Пазырык в Горном Алтае, где в 1929 г. был исследован крупный курган с каменной насыпью и замерзшей погребальной камерой. Пазырык – это ложбина древнего ледникового происхождения, примыкающая к долине р. Ян-Улаган (Восточный Алтай, Улаганский район, Республика Алтай).

Прежде чем представить результаты раскопок Первого Пазырыкского кургана, рассмотрим опыт изучения крупных погребальных комплексов Алтая скифо-сакского времени. В 1865 г. В. В. Радлов раскопал Большой Катандинский и Большой Берельский курганы. Однако исследования были реализованы не полностью. Объекты оказались ранее ограбленными, в них были обнаружены предметы из кожи, войлока, тканей и других органических материалов, которые сохранились благодаря образовавшейся подкурганной мерзлоте [Радлов, 1989]. По инициативе С. И. Руденко эти курганы были доисследованы в 1954 г. А. А. Гавриловой и в 1959 г. С. С. Сорокиным.

В 1957 г. А. А. Гаврилова опубликовала результат своих работ на Большом Катандинском кургане (ныне Усть-Коксинский район, Республика Алтай). Там были зафиксированы костяки от 22 лошадей [Гаврилова, 1957]. При них не обнаружены щиты, однако найдены шесть истлевших седел и украшения из листового золота. Эта информация важна, так как последующие раскопки показали, что именно к седлу через петельку для руки приторачивался щит. По мнению исследовательницы, погребальная камера была разграблена еще до ее заполнения льдом [Там же]. Можно предположить, что среди инвентаря могли находиться щиты.

В 1969 г. С. С. Сорокин опубликовал исследования Большого Берельского кургана (ныне Катон-Карагайский район, Восточно-Казахстанская область, Казахстан). Им отмечены находки костяков от 17 лошадей, 16 из которых лежали по четыре в ряд и одна у колоды. Щиты или их остатки не были обнаружены [Сорокин, 1969, с. 219, 233–234]. Возможно, что интересующие нас находки изначально отсутствовали в погребении либо не сохранились. Не исключено, что их унесли или уничтожили грабители. Дело в том, что при последующих раскопках на памятнике Берел предметы защитного вооружения были обнаружены в кургане № 10, где находилось 13 костяков от лошадей. У двух коней на боку были подвешены щиты из округлых в сечении палочек [Самашев, 2011, с. 61, рис. 28, рис. 111]. Данный факт косвенно подтверждает наше предположение.

В 1924 г. сотрудники экспедиции Государственного Русского музея под руководством С. И. Руденко произвели на высоте 1600 м над уровнем моря предварительное обследование пяти больших каменных курганов, расположенных цепочкой по линии с юга на север в урочище Па-

зырык. Археологические исследования курганов осуществлялись позже.

В 1927 г. под руководством М. П. Грязнова в Центральном Алтае был исследован «царский курган» ранних кочевников у с. Шибе (ныне Онгудайский район, Республика Алтай). По данным Л. Л. Барковой, в ходе раскопок были обнаружены костяки от 14 лошадей. Курган оказался ограблен в древности. Поэтому трудно понять, были щиты или нет. Грабители унесли почти всё конское снаряжение [Баркова, 1979, с. 55].

Первая находка щита была сделана при раскопках в 1929 г. под руководством М. П. Грязнова Первого Пазырыкского кургана – самого большого объекта, занимавшего центральное положение в цепочке. Его насыпь состояла из камней разных размеров и земли (около 1800 м³), имела диаметр 47 м и высоту 2,2 м. В центре насыпи осталась яма от грабительского проникновения. Поэтому первоначальный вид кургана был иным. При раскопках были обнаружены хорошо сохранившиеся сооружения, предметы и приспособления, дающие представления о культуре ранних кочевников. Сделанная из брёвен погребальная камера (площадью 16 м²) оказалась заполнена льдом. Целостность погребального комплекса была нарушена в древности. Сохранились куски войлока, деревянные и медные гвозди, остатки предметов, с которых грабители сняли золотое покрытие. В северной части могилы, на площади в 11 м², были захоронены кони, которых грабители не потревожили.

Остатки 10 лошадей вместе с седлами и уздечками лежали плотным слоем, толщина которого составляла 0,5 м. Они располагались в одинаковом положении, в три ряда, «...спиной наверх, с поджатыми под брюхо ногами, с опущенной вниз головой» [Грязнов, 1950, с. 24]. Сохранились предметы конского снаряжения. Сверху находились покрытия из коры и трёхметровая толща брёвен, выше которой была насыпь. Под действием силы тяжести произошло уплотнение и перемещение остатков лошадей, поэтому исследователям первоначально показалось, что расположение предметов в могиле имело беспорядочный характер [Грязнов, 1950, с. 20–24].

При седле коня № 8 находился щит, сделанный из куска кожи и продетых в него 34 палочек [Там же, табл. X–1, с. 30]. Изготовленный по такому же принципу щит был зафиксирован у седла коня под № 9 [Там же, табл. X–2, с. 31]. Размер каждого щита составлял 69×53 см. Исследователь сделал такое заключение: «Каждый щит состоит из 35 деревянных палочек, скреплённых куском тонкой кожи, в которую они продеты через прорезанные отверстия, образуя переплёт, напоминающий плетение ткани. Повидимому, такой щит изображён в руках воинов на золотом гребне из кургана Солоха. Так как пазырыкские щиты были привязаны к седлу и находились в той части могилы, где не было никакого другого оружия, можно думать, что они употреблялись сравнительно редко и держались в резерве лишь на случай рукопашного боя» [Там же, с. 63]. Поверхность щитов была описана так: «Прямойлинейные геометрические узоры представлены простейшими формами в виде ряда разноцветных треугольных фестонов [Там же, рис. 28, 1] на войлоке, украшавшем стены камеры, и серии зигзагов или концентрически расположенных ромбов [Там же, рис. 28, 2–4]. Формы узоров обусловлены техникой их выполнения. Они получены путём продевания деревянных палочек в соответствующим образом расположенные прорезы в куске кожи, которая служила основой

щита» [Там же, с. 73]. По мнению исследователя, данные щиты были выполнены специально для погребения, однако передавали основные особенности используемых в бою. В цитируемой работе М. П. Грязнова существует небольшое несоответствие в представлении рассматриваемого вооружения. При описании щита у лошади № 8 отмечено, что он состоял из 34 палочек, а в изложении информации об обоих щитах указано 35 палочек. Данное противоречие требует дальнейшего уточнения. В настоящее время указанные щиты хранятся в Государственном Эрмитаже (г. Санкт-Петербург).

Имеющиеся археологические материалы позволяют уверенно говорить о том, что щиты составляли часть вооружения «пазырыкцев». Выявлена особенность их размещения – прикрепление к седлу. Это обеспечивает возможность целенаправленного поиска щитов как раз в захоронениях лошадей. Наиболее проблематичным является выявление технологии изготовления щитов и их защитных функций, что можно проверить экспериментальным путём.

First Finds of the Shields in Pazyryk Barrows

Al. Al. Tishkin

Shields are personal protective equipment for warriors. They were used both by infantry and by cavalry. The first finds of shields in Altai were made in 1929 during excavations of the First Pazyryk barrow. They were found in a horse burial chamber. M. P. Gryaznov expressed the idea that the shields were made specifically for the funeral ceremony, but they convey the features of real products. The first shield was found in horse № 8. It consisted of a piece of leather and 35 sticks threaded into it, had a pattern of concentrically arranged rhombuses. The second shield was attached to the saddle of horse N 9 and had in a zigzag pattern. The dimensions of the shields were 69×53 cm. In the monograph by M. P. Gryaznov has a drawing of the third shield, but in appearance it resembles the two previous ones. Currently, there are prerequisites for a special study of the subjects of protective weapons of the Altai population of the Pazyryk culture.

Keywords: Altai, Pazyryk culture, mound, shield, horses, M. P. Gryaznov.

Тишкин Алексей Алексеевич

студент 1-го курса

Алтайский государственный университет

e-mail: mattcraft@mail.ru

Однако для таких разработок необходимо сформировать полную базу данных о щитах и проанализировать все имеющиеся находки.

Научный руководитель – В. В. Горбунов

д-р ист. наук, доцент,

Алтайский государственный университет

Список литературы

- Баркова Л. Л. Погребения коней в кургане Шибе // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1979. Вып. 20. С. 55–65.
- Гаврилова А. А. Раскопки второго Катандинского могильника // СА. 1957. Вып. XXVII. С. 250–268.
- Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. 92 с.
- Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. М.: Глав. редакция вост. лит-ры, 1989. 749 с.
- Самашев З. БЕРЕЛ. Алматы: Таймас, 2011. 236 с.
- Сорокин С. С. Большой Берельский курган. Полное издание материалов раскопок 1895 и 1959 гг. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. X. Культура и искусство народов Востока. Л., 1969. Вып. 7. С. 208–236.

Tishkin Aleksei Alekseevich

Student 1st year

Altai State University

e-mail: mattcraft@mail.ru

УДК 904(571.51)

Степные арфы Алтая

Е. Г. Тыбыкова

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

Древние музыкальные инструменты, найденные археологами в погребениях, вызывают исключительный интерес, так как являются отображением культуры, уникальности и самобытности народа. Среди редко встречающихся древних инструментов особое внимание привлекают арфы, обнаруженные на территории Алтая и относящиеся к раннему железному веку.

В памятниках пазырыкской культуры известны две находки музыкальных инструментов. Хорошую сохранность демонстрирует почти целая угловая горизонтальная арфа, найденная в кургане 2 могильника Пазырык на Восточном Алтае [Руденко, 1953, с. 324; Басилов, 1991, с. 140]. Курган датируется IV в. н. э. скифского времени. Инструмент представлял собой остатки разломленного резонансного корпуса. Отсутствовали определяющие детали, а именно количество струн, шейка и головка. В реконструированном виде арфа состоит из двух основных деталей – продолговатого корпуса и струнодержателя. Вырезанный из цельного куска дерева полый корпус в средней части сужается и напоминает цифру восемь. Дно корпуса выгнуто, покрыто кожей мембраной [Басилов, 1991, с. 141].

Фрагменты угловой арфы найдены в кургане 2 могильника Башадар в Центральном Алтае [Там же, с. 148–150]. Курган относится к скифскому времени. От инструмента сохранились стенки и основание корпуса, поврежденный струнодержатель, ушко для его крепления. Корпус сделан из цельного куска древесины, к нему приклеена

мембрана из кожи. Полностью инструмент не реконструирован [Руденко, 1960, с. 63].

Фрагмент корпуса музыкального инструмента, относящегося к типу арф, был найден в могильнике Яломан-2 в Центральном Алтае [Тишкин, Мыльников, 2016, с. 53–54]. Курган 62, в котором найдена арфа, относится к раннему периоду гунно-сарматского времени (II в. до н. э. – I в. н. э.). Инструмент изготовлен из пихты. На торце корпуса имеется ручка. По верхнему краю бортика обнаружены ряд сквозных отверстий с деревянными гвоздиками. Арфа имеет выраженные углы.

Занимая особое место среди музыкальных инструментов прошлого, вероятно, арфа играла большую роль в шаманских культах жителей Алтая. Так, по мнению С. А. Яценко, арфа является инструментом для «общения с иным миром» у индоиранского населения. Поминальные песни и молитвы сопровождалась игрой на арфе. У скифов, описанных Геродотом, в культовых сценах дважды изображен музыкант-арфист [Яценко, 2007, с. 36].

Изделия, аналогичные по конструкции арфам, известны в материалах Синьцзяна и Причерноморья, все они привязаны к степной зоне. Поэтому шведский специалист по древним арфам Б. Лауергрэн [Lawergren, 2010] назвал этот тип арф «степной арфой». Изображения подобных арф известны на ассирийских рельефах. Арфы с кожаными резонаторами уже были в Древнем Египте и Месопотамии [Там же, с. 117–119]. Похожая на пазырыкский инструмент

арфа была найдена в Афганистане. В Музее антропологии и этнографии хранится афганская арфа со схожим резонатором (деревянный полый кузов с кожаной мембраной), однако четыре струны натянуты на изогнутой, наподобие лука, палке, которая дважды проходит через мембрану [Басилов, 1991, с. 152].

Реконструкции данных музыкальных инструментов проводились Б. Лауергереном, А. Гнездиловым, алтайскими мастерами-музыкантами А. Епишкиным и О. Чулчушевым. Дополнительные работы по реконструкции и воссозданию звучания арф проводятся творческой группой под руководством С. Ш. Катыновой. Проект предусматривал всестороннее изучение и изготовление инструмента, а также выявление и систематизацию исторических, фольклорных материалов для дальнейшего внедрения в современную музыкальную культуру.

Таким образом, арфа как уникальный артефакт древности является свидетельством развитой культуры населения, проживавшего на территории Алтая.

Steppe Harps of Altai

E. G. Tybykova

This article is devoted to the study of ancient musical instruments, namely harps, which was of particular value in the musical art of antiquity. The author focuses on the finds found by archaeologists in the territory of Altai. The characteristic features and differences between harps of different time periods and their significance in the culture of the people are highlighted and described. Analogies are drawn between the musical instruments of Xinjiang, the Black Sea and Altai, proving the diverse connections of various peoples living in the wide spaces of the steppe belt of Eurasia. The idea of harp belonging to the instruments of the shamanistic cult and funeral rites is grounded. The article summarizes research materials and information providing information on examples of instrument reconstructions and works on harp incorporation into modern musical culture.

Keywords: harp, musical instrument, Altai, Pazyryk, Bashadar, Yaloman, Pazyryk culture, musical Archaeology.

Тыбыкова Екатерина Григорьевна

студент 4-го курса

Горно-Алтайский государственный университет

e-mail: tybykova12@yandex.ru

Tybykova Ekaterina Grigorievna

Student 4th year

Gorno-Altai State University

e-mail: tybykova12@yandex.ru

УДК 902 (571.151)

Поселение быстрянской культуры Енисейское-10 (по материалам раскопок 2019 г.)

Т. Е. Чумов

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Материалы эпохи раннего железного века Бийского Приобья традиционно относились к березовскому этапу большереченской культуры [Грязнов, 1930, 1956]. В 1993 г. С. М. Киреев, на основании раскопок могильников Бийск-1–2, выделяет особую быстрянскую культуру. В настоящее время это понятие утвердилось в археологической историографии, однако данная культура представлена преимущественно погребениями. В то время как поселения известны в большей степени по случайным сборам и немногочисленным раскопкам.

Большой интерес для изучения быстрянской археологической культуры представляет поселение Енисейское-10, расположенное на краю высокой надпойменной террасы р. Бии в Бийском районе Алтайского края.

На данной территории наблюдается высокая концентрация поселенческих памятников эпохи раннего железа.

Первые находки из этой местности стали поступать в фонды Бийского краеведческого музея на рубеже 1910–1920-х гг., благодаря деятельности М. Д. Копытова и С. М. Сергеева. Начало научного изучения памятника связано с работами Алтайской экспедиции государственного Русского музея в 1924–1925 гг. под руководством М. П. Грязнова [1930].

Позже данные объекты посещал директор Бийского краеведческого музея Б. Х. Кадиков. Первые публикации материалов памятника содержатся в работах М. П. Грязно-

*Научный руководитель – Н. А. Константинов
канд. ист. наук, доцент, кафедра истории и археологии,
Горно-Алтайский государственный университет*

Список литературы

Басилов В. Н. Скифская арфа: древнейший смычковый инструмент? // СЭ. 1991. № 4. С. 140–154.

Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР, 1953. 402 с.

Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР, 1960. 360 с.

Тишкин А. А., Мыльников В. П. Деревообработка на Алтае во II в. до н. э. – V в. н. э. (по материалам памятников Яломан-II и Бош-Туу-1). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 192 с.

Яценко С. А. О предполагаемых шаманских атрибутах в Пазырыке // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2007. С. 32–38.

Lawergen B. Harps of Ancient Silk Road // Conversation of Ancient Sites on the Silk Road. Los-Angeles: the Getty Conversation Institute, 2010. P. 117–124.

На площади котлована изучено шесть ямок сооружения с вертикальными стенками и плоским дном. Две из них располагались в восточном углу, имели диаметр 0,4 м от уровня дна котлована, их глубина составляла 0,25 и 0,3 м. Еще две диаметром 0,2 м, глубиной 0,15 и 0,2 м, остальные – диаметром 0,5 и 0,35 м, глубиной 0,1 и 0,3 м, находились ближе к северному углу жилища. Предположительно, все ямки связаны с конструкцией жилища.

Интересной особенностью постройки стало обнаружение вдоль восточной части северной стены и центральной части западной стены канав. Ширина западной канавы составила 0,2–0,45 м, глубина от дна постройки 0,15–0,21 м. Канавка имела дугообразную в плане форму, длина около 2 м, стенки покатые. Восточная канавка приурочена к северо-восточной стенке котлована. Длина около 4,5 м, ширина 0,4–0,5 м, стенки покатые.

Исходя из зафиксированных данных, можно выдвинуть следующие предположения: сооружение относилось к постройкам полуземляночного типа и имело подпрямоугольную форму, его площадь составляла около 80 м². Камера жилища могла быть углублена в древнюю дневную поверхность на глубину до 1 м. Приуроченность столбовых ям к стенкам и углу котлована, их размеры и форма, факт перекрытия гумусовым слоем могут указывать на существование у постройки тяжелого каркаса. Однако отсутствие столбовых ямок в западной части жилища может наталкивать на мысль о срубном типе постройки. В связи с этим не исключается и комбинированный тип постройки, сочетающий каркасно-столбовую и срубную конструкции.

Наличие канав вдоль стен, цвет и структура заполнения которых идентичны заполнению гумусированного слоя по внутреннему периметру котлована, может указывать на предназначение канавы для укладки бревен нижних венцов стен, а отсутствие очага говорит об использовании сооружения только в теплые периоды года.

В целом постройка имеет множество черт, характерных для большинства строений эпохи бронзы – раннего железного века. Как и большинство известных сооружений, оно относится к типу однокамерных полуземляночек средних размеров со стенами из бревен или жердей. Сочетание в рамках одной постройки двух конструкций каркасно-столбового и срубного типов указывает на синкретичный характер населения поселения Енисейское-10.

За пределом жилищной западины было обнаружено большое количество находок, основу которых составили обломки керамических сосудов.

Керамика представлена 691 фрагментом, из них – 108 венчиков, 564 – тулова, из них орнаментировано 62 фрагмента; также в коллекцию входят 12 придонных частей.

Yeniseiskoe 10 – the Settlement of the Bystryanskaya Culture (Based on Materials of the Excavations in 2019)

T. E. Chumov

This article highlights the new materials of the site of the Bystryanskaya culture of the Early Iron Age Yeniseiskoe-10, gives a detailed comparison and description of the ceramic complex with the collections of other sites of the Bystryanskaya culture of the Early Iron (Ust-Isha 4, Tochilnoie, Tovarishch, and others), as well as the article describes in detail the structure found during excavations, its characteristics and assumptions about its appearance, origin, and method of construction. As a result of the analysis revealed the features of the site in the form of the presence in the ceramic complex of minor element Irmenskaya culture of the Late Bronze Age and the combination of the design of the home two traditions to build a structure of log frame and pole, which speaks of the syncretic nature of the population of the settlement of the Yeniseiskoe-10.

Keywords: Bystryanskaya culture, burial grounds, settlement, construction.

Чумов Тимофей Евгеньевич
студент 2-го курса
Алтайский государственный педагогический университет
e-mail: chumov.2000@mail.ru

Большая часть орнаментированных фрагментов типична для быстрянской культуры, незначительное количество сосудов, вероятно, относятся к ирменской культуре позднего бронзового века.

Орнаментация представлена жемчужником, наколами, заштрихованными треугольниками, елочками, рассеченным валиком. Венчики сосудов украшены наколом (38 %), жемчужинами (8 %), елочкой (11 %), треугольниками (3 %), остальные не орнаментированы. 62 орнаментированных фрагмента тулова покрыты рассеченным валиком (12 %), елочками (24 %), наколами и жемчужником (64 %), остальные 502 фрагмента не орнаментированы. Придонная часть не орнаментирована.

Материал поселения Енисейское-10 обнаруживает аналогии с памятником быстрянской культуры Усть-Иша-4 и памятниками р. Неня (Товарищ, Ненинка-1, Карабинка-2) [Кунгуров, Маркин, 1999], однако наблюдаются и существенные отличия. Однорядные наколы встречаются только в коллекции поселения Усть-Иша-4. Жемчужник с разделителем более типичен для Енисейского-10. В материалах памятников р. Неня в отличие от Енисейского-10 присутствует керамика с гладким валиком.

Таким образом, особенностью поселения Енисейское-10 можно считать наличие керамики быстрянского и ирменского типов. Дальнейшее изучение памятника может способствовать расширению наших представлений о трансформации культур эпохи поздней бронзы Бийского Приобья и формировании на данной территории культур раннего железного времени. Также полученная информация существенно дополняет современные представления о традициях домостроительства периода раннего железного века на территории Бийско-Катунского междуречья.

Научный руководитель – М. А. Демин
д-р ист. наук, профессор,

кафедра отечественной истории,
Алтайский государственный педагогический университет

Список литературы

- Грязнов М. П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Новосибирск, 1930. Вып. 2. С. 3–11.
Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. № 48. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 160 с.
Козликин М. Б. Новые археологические памятники из окрестностей села Енисейского // Изв. Бийск. отделения Рус. географ. общ-ва. Бийск, 2007. Вып. 28. С. 154–157.
Кунгуров А. Л., Маркин М. М. Быстрянские поселения на реке Неня // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 98–101.
Матюшенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья // Из истории Сибири. 1973. № 12. 195 с.

О собрании металлических котлов эпохи раннего железного века из Национального музея Республики Тыва

Ч. М. Топча

*Тувинский государственный университет, Кызыл, Россия
Национальный музей им. Алдан-Маадыра Республики Тыва, Кызыл, Россия*

*90-летию со дня рождения
Леонида Романовича Кызласова посвящается*

В статье представлены бронзовые котлы эпохи раннего железного века, в разное время обнаруженные на территории Республики Тыва. Находки котлов, описанные в статье, случайные. Одной из самых узнаваемых категорий артефактов материальной культуры кочевников Великого пояса степей раннего железного века являются литые металлические котлы. На территории Тывы встречено незначительное количество таких предметов, лишь немногие происходят из комплексов, в большинстве в своем они из случайных сборов [Маннай-оол, 1970; Вайнштейн, Дьяконова, 1966]. Небольшая серия случайных находок (всего 6 предметов) этих изделий, хранящихся в настоящее время в фондах Национального музея Республики Тыва, были в свое время опубликованы Л. Р. Кызласовым в монографии «Древняя Тува» [1979, рис. 35]. В настоящее время возникла потребность еще раз рассмотреть опубликованные исследователем котлы, а также ввести в научный оборот некоторые новые находки, поступившие в музей за последние десятилетия. Предлагаемая статья посвящена изучению бронзовых котлов, распространенных в эпоху раннего железного века (V в. до н. э. – III вв. н. э.) на территории Южной Сибири.

С. В. Демиденко в специальной работе были предложены универсальные принципы изучения данной категории изделий: рассмотрены формы тулова, венчика, внешней и внутренней поверхности тулова, места соединения дна котла и тулова. Также для описания приняты понятия и термины, разработанные указанным исследователем для литых котлов [Демиденко, 2008, с. 27–28].

1. Котел среднего размера (высота – 25 см) (рис., 1), полуовальной (бокаловидной) формы. Имеет две вертикальные петлевидные ручки, на венчике предмет опоясан тремя тонкими валиками (веревками). Внутренняя поверхность гладкая. Котел на воронковидном поддоне, цельнолитой. Найден на правом берегу р. Барык Улуг-Хемского района М. Х. Маннай-оолом в 1978 г. и датирован V–VIII вв. до н. э.

2. Большой бронзовый сосуд «скифского времени», найден в тайге в верховьях р. Час-Адыр (местность Чуш-кут) в 1953 г. охотником Саая Тенек (рис., 2). Предмет находился в обрыве реки и был придавлен камнями. Котел с эллипсоидным (шаровидным) туловом и отогнутым наружу венчиком. У котла имеется две ручки петлевидной вертикальной формы с одним гроздевидным выступом по центру, ручки припаяны к венчику, на боковой поверхности видны следы крепления. По середине тулова («экватору») предмет опоясан тремя тонкими валиками. Изнутри видны следы ремонта в виде заклепок, на предмете есть повреждение – односторонняя вмятина. Котел на коническом поддоне.

3. Бронзовый тагарский котел [Кызласов, 1979, с. 52] с колоколовидным туловом, отогнутым наружу венчиком, имеет кольцевидные ручки с гвоздевидными выступами по центру (рис., 3). Ручки припаяны к венчику. На тулове –

параллельные веревочки с загнутыми концами. Котел на высоком воронковидном поддоне.

4. Сосуд с отогнутым наружу венчиком, полусферической формы, с сужающимися к устью стенками (рис., 4). Котел орнаментирован на тулове двумя линиями. К венчику с противоположных сторон прикреплены петлевидные ручки, вертикальные, без выступов. По середине предмета наблюдаются литейные швы. Котел с воронковидным поддоном. Случайная находка М. Х. Маннай-оола, поступил в фонды в январе 1965 г.

5. Котел с полусферическим туловом, яйцевидной формы, с сужающимися к устью стенками (рис., 5). В верхней трети тулова проходит горизонтальный рельефный в две линии валик. Ручки петлевидные, вертикальные без выступов. Ближе к дну располагается два рельефных кольцевых валика – следы от литейных «пробок». По публикациям Л. Р. Кызласова, сосуд найден в местности Чуш-кут на р. Час-Адыр близ Чаа-Холя [Кызласов, 1979, с. 52]. Котел был изготовлен и использовался без поддона.

6. Медный котел (случайная находка) – найден в зоне Балгазынской оросительной системы в 1978 г. М. Х. Маннай-оолом (рис., 6). Тулово полусферическое, с отогнутым наружу венчиком. Часть боковины с ручкой котла отбита. Котел имеет две петлевидные ручки, которые припаяны к венчику. Предмет на высоком воронковидном поддоне. Информация о дарителе, к сожалению, отсутствует.

7. Котел колоколовидной формы, со слегка отогнутым венчиком (рис., 7). Ручки петлевидные, вертикальные, без выступов (одна сторона ручки отломлена). На основании котла располагаются опоясывающие тулово две горизонтальные линии. Поддон утрачен. По публикации Л. Р. Кызласова [1979], котел найден у пос. Чаа-Холь.

8. Котел, найденный при вспашке поля в местечке Кара-Хову близ Чаа-Хольского района, раздавлен трактором (сосуд разломлен на две части), дарителем является И. А. Вадрединова (рис., 8). Ручки котла с тремя гвоздевидными выступами, тулово украшено четырьмя валиками. Имел воронковидный поддон.

Бронзовые находки для раннего железного века являются довольно частым атрибутом в захоронениях. Уже в раннескифское время у населения распространяется обычай «умерщвления вещей». Наиболее известен обычай для бронзовых зеркал и наконечников стрел. Котлы, вероятно, имели более особый статус, так как встречаются не в каждом погребении. Можно предположить, что это находка является принадлежностью знати. Помимо прямого назначения (варка пищи), они имеют и культовую цель – единение, сплочение племен вокруг предводителя. В некоторых погребениях в малых котлах были найдены остатки «заупокойной пищи» (остатки баранины). В описанных выше сосудах этого не было прослежено по той причине, что они из случайных находок, но можно с уверенностью говорить об использовании при жизни, о чем свидетельствуют нагар и даже следы многочисленного ремонта.

*Научный руководитель – Е. В. Айыжы
канд. ист. наук, доцент,
кафедра археологии и всеобщей истории,
Тувинский государственный университет*

Рис. Бронзовые котлы раннего железного века из фондов национального музея Республики Тыва

Список литературы

Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П. Памятники в могильнике Кокэль конца I тыс. до н. э. – первых веков н. э. // Тр. ТКАЭЭ. М.; Л., 1966. Т. II. С. 185–291.

Демиденко С. В. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Нижнего Приуралья (V в. до н. э. – III в. н. э.). М., 2008. 328 с.

Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979. 208 с.

Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время (уюкская культура). М., 1970. 122 с.

On the Collection of Metal Boilers of Early Iron Age from the National Museum of Tyva Republic

Ch. M. Topcha

The article considers both published earlier (in the work of L. R. Kyzlasov) and new finds of metal boilers of the Early Iron Age, which were found on the territory of the Republic and stored in the funds of the National Museum of the Tyva Republic. Typological and morphological descriptions of the vessels, illustrations and authors of the findings are given as a result of the analytical work.

Keywords: metal boilers, an accidental find, collection, L. R. Kyzlasov, National Museum of the Republic of Tyva, Scythian time, Early Iron Age, Tyva.

Топча Чодураа Монгун-ооловна

магистрант 1-го года обучения
Тувинский государственный университет;
научный сотрудник, отдел археологии
Национальный музей им. Алдан-Маадыра Республики Тыва
e-mail: miss.hav@mail.ru

Topcha Choduraa Mongun-oolovna

Graduate student 1st year
Tuvan State University;
Researcher, Department of Archaeology
Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tyva
e-mail: miss.hav@mail.ru

Источниковая база для изучения шейных украшений (бусы) гунно-сарматского времени на территории Хакасско-Минусинской котловины*

Е. В. Губенко

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

*Исследование проведено в рамках государственного задания
в сфере научной деятельности Лаборатории гуманитарных исследований НГУ

Рубеж III и II вв. до н. э. отмечен упадком культур скифо-сибирского облика и формированием нового периода, известного в научной литературе как гунно-сарматское время. На территории Минусинской котловины в это время получили развитие памятники таштыкской и тесинского этапа тагарской культур (или отдельной тесинской культуры) [Кузьмин, 2011, с. 5]. С появлением таштыкской культуры связаны важнейшие социальные и экономические преобразования, которые привели в итоге к складыванию государственного образования енисейских кыргызов.

Для изучения гунно-сарматского времени важна оценка состояния и полноты источниковой базы. Одним из свидетельств развития общества является система торгово-экономических отношений, для которых особое значение имеют импортные предметы. Отдельную категорию составляют украшения шеи, в состав которых могут входить кулоны, подвески, амулеты, гривны, бусы. Однако в погребальных комплексах таштыкской культуры только лишь бусы являются самой распространенной категорией шейных украшений.

Культурно-историческое значения бус определяется, в первую очередь, их художественно-эстетическими функциями, что является темой отдельного исследования. Другим направлением является анализ бус в качестве одного из источников по уточнению хронологических рамок культуры и ее отдельных этапов. Также комплексное исследование украшений показывает характер культурно-экономических связей в древности.

Исследовательские задачи, связанные с их характеристикой, невозможно решить без учета всех имеющихся исторических и археологических источников. Исследовательский алгоритм включает в себя анализ контекста обнаружения, систематизацию находок, создание базы данных и проведение спектрального и технико-технологического анализа.

В настоящее время можно выделить две группы источников, составляющих основу базы данных по бусам. В зависимости от контекста обнаружения, все находки можно разделить на найденные в грунтовых могильниках и на материалы, относящиеся ккладам. Последние, на наш взгляд, можно разделить как на закрытые (обнаруженные специалистами), так и на открытые (поступившие от «кладоискателей») комплексы.

Комплекс бус встречается на 3 могильниках. Разновременный грунтовый могильник Черноозерное II расположен в 3,6 км южнее пос. Черное Озеро Ширинского района Республики Хакасия, на западном берегу оз. Черное. Всего в ходе исследования Черноозерное II было найдено 109 экз. бус [Готлиб, 2007, с. 18–19, 27]. В настоящее время данная коллекция хранится в Хакасском национальном краеведческом музее им. Л. Р. Кызласова в г. Абакане.

Могильник у д. Комарково находится на высокой надпойменной террасе правого берега Енисея в Минусинском районе Красноярского края, от одноименного поселения памятник расположен на расстоянии 1,5 км к северо-северо-западу на возвышенности, с местным названием «Песчаная». В 1975–1977 гг. на памятнике проводились работы под руководством Э. Б. Вадецкой. Бусы изготовлены из разного материала: камень, паста, стекло. Также был

проведен химический анализ стеклянных бус [Вадецкая, 1999, с. 67–69]. Коллекция из могильника Комарково хранится в Минусинском региональном краеведческом музее им. Н. М. Мартыанова в количестве 196 экз. (по музейным каталогам).

Грунтовый могильник Тесинский Залив – 3 был обнаружен в 2012 г. Хакасским археологическим отрядом во главе с А. И. Готлибом [Начало изучения таштыкского ... , 2017, с. 354–355]. Памятник находится в 5,5 км к северо-западу от с. Абакано-Перевоз в Богградском районе Республики Хакасия. В 2018 г. в могилах 2 и 2А были обнаружены бусы различных типов (как целые в количестве 28 экз., так и фрагментированные). Они изготовлены из разных материалов: камень, паста, стекло и имеют различные формы, размеры и цветовую гамму [Грунтовый могильник таштыкской ... , 2018].

Представительные комплекты бус были найдены в 4 кладах. Знаменский клад был обнаружен летом 1978 г. у с. Знаменка в Богградском районе Республики Хакасия. В составе клада были обнаружены в большом количестве бусы и подвески из сердолика, агата, бирюзы, аметиста, флюорита, гагата, коралла, а также стекло разных оттенков [Николаев, 2010, с. 86–87]. М. П. Подольский датировал Знаменский клад первой четвертью I тыс. н. э. [2002, с. 234]. В настоящее время он хранится в Государственном Эрмитаже.

Июский клад был найден в середине 70-х гг. XX в. на территории около оз. Сарат на правом берегу р. Белая Ширинского района Республики Хакасия. Предметный комплекс клада разнообразен: бронзовые предметы, органический материал, а также 150 каменных, стеклянных, пастовых бус. Находки датированы временем не ранее, чем конец I тыс. до н. э. – начало I тыс. н. э. [Бородовский, Ларищев, 2013, с. 33–38].

Бусы, происходящие из закрытых комплексов, относятся к достоверным археологическим источникам, что необходимо учитывать при проведении различных аналитических исследований. Однако целые коллекции интересных предметов всё же происходят из несанкционированных раскопок «черных копателей», работающих либо в одиночку, либо в организованных группах. Очень часто археологам приходится сталкиваться с ситуацией, когда ряд важных находок оказываются депаспортированными и большая часть научной информации остается потерянной.

В настоящее время известно о двух кладах гунно-сарматского времени, содержащих крупные собрания бус, которые однозначно относятся к происходящим из открытых комплексов. Это Лугавский и Шунерский клады, обнаруженные в Красноярском крае.

По опубликованным данным известно, что Лугавский клад был найден в 2017 г. в сосновом бору в 4 км северо-восточнее с. Лугавского в Минусинском районе. Авторы статьи отметили, что в его состав входила связка бус, изготовленных из стекла [Бородовский, Оборин, 2018, с. 92]. Однако анализ приведенных в статье данных позволяет говорить о том, что она состояла не менее чем из 300 экз., а материал изготовления был различен (камень, паста, стекло), цветовая гамма – синяя и оранжевая. Местонахождение коллекции неизвестно.

В интернет-пространстве встречается упоминание о Шунерском кладе, получившем название по месту находки у д. Шунеры Шушенского района. По косвенным и крайне ограниченными сведениям он содержал несколько сотен бусин, представленных различными типами, цветовая гамма преимущественно синяя и оранжевая. Они также были изготовлены из различных материалов.

Находки черных копателей остаются недоступными для изучения, в результате чего оценка социально-экономической истории населения Хакасско-Минусинской котловины гунно-сарматского времени остается неполной и во многом искаженной. Из исследовательского поля выпадает большой массив археологических источников, что не позволяет дать объективную характеристику межкультурных и торговых связей тесинских и таштыкских племен с ремесленными центрами Средней Азии и Ближнего Востока.

*Научный руководитель – О. А. Митько
канд. ист. наук, доцент,
Кафедра археологии и этнографии,
Гуманитарный факультет, Новосибирский государственный
университет*

Список литературы

- Бородовский А. П., Ларичев В. Е. Июсский клад (каталог коллекции). Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2013. 120 с.
- Бородовский А. П., Оборин Ю. В. Клады и тайники бронзовых предметов с железными инструментами гунно-сарматского времени со Среднего Енисея // Вест. НГУ. Сер.: История, филология. 2018. Т. 17. № 7: Археология и этнография. С. 86–98.
- Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб. : Центр Петербургское Востоковедение, 1999. 440 с.
- Готлиб А. И. Ярусные захоронения таштыкского могильника Черноозерное II в Хакасии // Таштыкские памятники Хакасско-Минусинского края. Новосибирск, 2007. С. 8–38.
- Грунтовый могильник таштыкской культуры Тесинский Залив-3: итоги полевого сезона 2018 года / О. А. Митько, С. Г. Скобелев, Ю. В. Ширин, В. С. Зубков, А. И. Поселянин, Р. В. Давыдов, Е. А. Журавлева, И. С. Половников, Р. Л. Собинов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2018. Т. XXIV. С. 285–289.
- Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб. : Ай-синг, 2011. 456 с.
- Начало изучения таштыкского грунтового могильника Тесинский залив-3 (Богградский район, Республика Хакасия) / О. А. Митько, Ю. С. Худяков, С. Г. Скобелев, А. И. Поселянин, И. С. Половников // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2017. Т. XXIII. С. 354–357.
- Николаев Н. Н. Янтарь в древних культурах. Художественные произведения из собрания Эрмитажа. СПб. : Славия, 2010. 144 с.
- Подольский М. П. Знаменский клад из Хакасии // Клады: состав, хронология, интерпретация. СПб., 2002. С. 229–234.

Source Base for Research of the Neck Jewelry (Beads) of Xiongnu-Sarmatian Time in the Territory of Khakass-Minusinsk Hollow

E. G. Gubenko

This study introduces condition of the source base of research of Hun-Sarmatian times in the territory of Minusinsk Hollow. Currently it is possible to distinguish two types of these sources: archaeological treasures and Tashtyk burial grounds. However, more than 60 % of findings are excavated illicitly. Consequently, these findings are not available for research, and this may lead to perversion of socio-economic history of population of Khakass-Minusinsk Hollow. *Keywords:* Tashtyk beads, neck jewelry, Hun-Sarmatian time, Khakass-Minusinsk Hollow.

Губенко Екатерина Викторовна
студент 3-го курса
Новосибирский государственный университет
e-mail: e.gubenko@g.nsu.ru

Gubenko Ekaterina Viktorovna
Student 3rd year
Novosibirsk State University
e-mail: e.gubenko@g.nsu.ru

УДК 902.1

Фрагмент поясной пластины из Нижнемангиртуйского поселения хунну*

Д. А. Миягашев

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации 14 W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

Данная работа посвящена предварительным результатам трасологического анализа декора лицевой поверхности фрагмента поясной пластины из глинистого сланца, найденной во время раскопок Нижнемангиртуйского поселения хунну (рис. 1).

Пластины из глинистого сланца хорошо известны в материалах раскопок памятников хунну Бурятии, Тывы и Монголии [Давыдова, 1995, с. 39; Давыдова, 1996, с. 20–21; Давыдова, Миняев, 2003, с. 37; Миняев, 2007, с. 36; Килуновская, Леус, 2017, с. 99; Treasures of Xiongnu ... , 2011]. Все они имеют прямоугольную форму, но различаются по размерам (наименьшие 4,5×3 см, наибольшие – в среднем 12×6 см) и орнаменту. Большие пластины являлись поясными пряжками [Давыдова, 1995, с. 39]. Маленькие пластины с Иволгинского комплекса (городище и могильник) без орнамента, лицевая поверхность больших пластин имела несколько вариаций декора: 1) наносился «точечный» орнамент в виде пунктирных линий [Давыдова, 1995, табл. 16, 6, 7]; 2) в некоторых случаях углубления

орнамента заполнялись фольгой [Давыдова, 1995, табл. 53, 7]; 3) инкрустация перламутром и сердоликами [Давыдова, 1995, табл. 69, 25]; 4) нанесение прочерченных изображений голов животных [Давыдова, 1995, табл. 157, 1, 2]. Пластины из Дырестуйского култука имели орнамент на лицевой стороне в виде пунктирных линий, проходящих по краю и по диагонали, некоторые имеют гнезда для инкрустаций. Большая пряжка с инкрустациями бирюзой была найдена в жилище 5 поселения Дурены [Давыдова, Миняев, табл. 96, 7]. Интересна серия поясных пластин из могильника Ала-Тей, одна из них имеет внушительный размер (18×9 см) и инкрустирована вставками из кораллов, бирюзы и перламутра [Килуновская, Леус, 2017, рис. 4, 20].

На сохранившейся части фрагмента пластины из Нижнемангиртуйского поселения лицевая поверхность украшена точечным орнаментом в виде пунктирных линий по краю и диагонали с гнездами для инкрустации на пересечении диагональных линий (рис. 2, А). Размеры пластины (6,2 × 6,6 см) позволяют отнести ее к большим пряжкам.

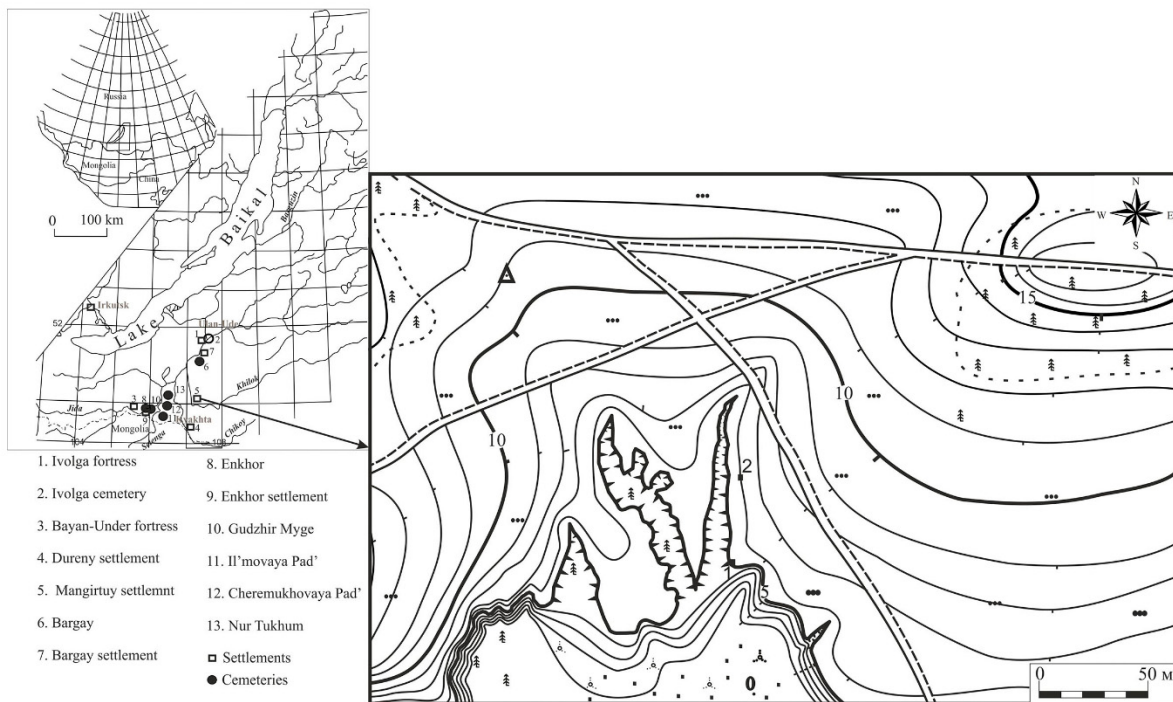

Рис. 1. Карта-схема расположения Нижнемангиртуйского поселения хунну

При осмотре невооруженным глазом заметно, что поверхность предмета сильно сглажена, но при микроскопическом анализе совершенно не фиксируются следы шлифовки или полировки, при увеличении от $\times 50$ до $\times 100^*$ отмечаются единичные линейные следы, царапины, больших серий не обнаружено. Предположительно, поверхность была немного пришлифована.

Углубления орнамента (диаметром около 1 мм, глубиной примерно так же или меньше), выстроены в ряды, пересекающиеся друг с другом. Они находятся примерно на одном расстоянии друг от друга (от 2 до 3 мм) и выстраиваются в линии, практически идеально прямые.

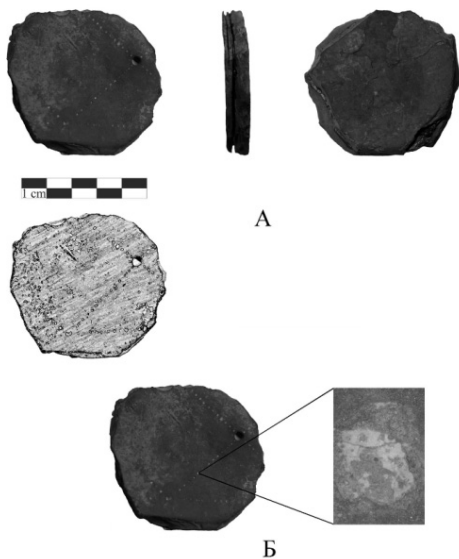

Рис. 2. Фрагмент поясной пластины из Нижнемангиртуйского поселения хунну (А); Лунка орнамента с белым заполнением (Б)

* Трасологический анализ выполнен в Институте археологии и этнографии СО РАН н. с., канд. ист. наук Л. В. Зоткиной.

Интересен прием, при помощи которого изготовлены эти мелкие лунки-углубления. Они не просверлены, так как отсутствуют линейные следы по стенкам, при этом сами стенки нерегулярные, с большим количеством шероховатостей, а контуры отверстий неровные, что не характерно для просверленных углублений. Кроме того, на одной из луночек присутствует фрагмент, отщепленный в ходе изготовления этого углубления. Эта характеристика встречается в тех случаях, когда применялась техника пикетажа. Таким образом, можно предположить, что для выполнения этих лунок использовался ударный прием (пробивание). Поскольку большинство углублений имеют глубину, практически равную их диаметру, а также в большинстве случаев ровные (на макроуровне) контуры, это может указывать на то, что рабочая часть инструмента для выбивки была одновременно весьма острой и достаточно прочной, чтобы сохранить свои рабочие свойства и морфологические характеристики в ходе изготовления всей серии лунок, а значит, мы имеем дело с острием очень малого диаметра из металла, очевидно, в рукояти – шилом. Ровное расположение лунок на одинаковом расстоянии друг от друга и практически идеально ровные линии могут свидетельствовать как минимум о применении техники опосредованного пикетажа, как максимум – о станковом способе выполнения этих мелких углублений.

Кроме того, внутри некоторых лунок присутствует заполнение белого цвета (рис. 2, Б). Предположительно это заполнение является частью декора. На это указывает и тот факт, что поверх этого белого материала присутствуют крупинки грунта, т. е. он присутствовал внутри отверстий до того, как предмет был обнаружен.

Трасологический анализ пластины позволяет восстановить технологию нанесения орнамента. Эти операции требовали наличия у мастера определенных навыков и специальных инструментов; о высоком уровне мастерства ремесленников хунну свидетельствуют многочисленные находки художественных бронзовых изделий с зооморфными изображениями, а также с растительными и геометрическими мотивами. На данный момент нет точных данных обо всех аспектах хозяйственной деятельности насе-

ления Нижнемангиртуйского поселения, однако, по аналогии с Иволгинским городищем, можно предполагать высокую значимость ремесленного производства наряду с земледелием и скотоводством.

Автор выражает благодарность научному сотруднику Института археологии и этнографии СО РАН, руководителю площадки «Палеотехнологии» НОЦ НА ГИ НГУ, канд. ист. наук Лидии Викторовне Зоткиной за выполнение трасологического анализа поясной пластины.

Список литературы

- Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. СПб., 1995. Т. 1. Иволгинское городище. 287 с.
- Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. СПб., 1996. Т. 2. Иволгинский могильник. 176 с.
- Давыдова А. В., Миняев С. С. Комплекс памятников у с. Дурены. СПб. : Азиатика, 2003. 164 с.
- Килуновская М. Е., Леус П. М. Искусство конца первого тысячелетия до н. э. в Туве // КСИА. Вып. 247. 2017. С. 87–104.
- Миняев С. С. Дырестуйский могильник. СПб. : Европейский дом, 2007. 233 с. (Археологические памятники сюнну, вып. 3).
- Treasures of the Xiongnu. Culture of Xiongnu, the first nomadic Empire in Mongolia / Ed. Eregzen Gelegdorj. Ulaanbaatar : National Museum of Mongolia, 2011. 296 p.

Fragment of a Belt Plate from the Xiongnu Settlement Nizhnii Mangirtuy

D. A. Miyagashev

This work is devoted to preliminary results of a tрасological analysis of the decor of the front surface of a fragment of a clay slate belt plate unearthed in Mangirtuy settlement in Buryatia. It was ornamented with a dot pattern along the edge and a diagonal with nests for inlay at the intersection of diagonal lines. Microscopic analysis with an increase from $\times 50$ to $\times 100$ of the recess well showed that the recess wells were not drilled. It can be assumed that the percussion technique (punching) was used to perform these holes. Since most of the recesses have a depth almost equal to their diameter, and in most cases even (at the macro level) contours, this may indicate that the working part was at the same time very sharp and quite strong. The even location of the holes at the same distance from each other in almost perfectly straight lines can indicate at least the use of the technique of indirect picketing, at the very least, about the easel way of making these small recesses.

Keywords: Xiongnu, Mongolia, Buryatia, Mangirtuy settlement, belt plate.

Миягашев Денис Алексеевич

кандидат исторических наук, научный сотрудник
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
e-mail: silker10@yandex.ru

Miyagashev Denis Alekseevich

Candidate of Sciences (History), Researcher
Institute of Mongolian studies, Buddhism and Tibetology SB RAS
e-mail: silker10@yandex.ru

УДК 904(866)

Культура мантеньо, побережье Эквадора: происхождение, ареал и основные археологические признаки

Д. М. Шилиева

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Культура мантеньо-гуанкавилка – культура прибрежной части Эквадора (современные провинции Манаби, Гуаяс, Санта-Элена), известная своими комплексами монументальных изваяний из камня, деревянными тотемными столбами, развитым мореплаванием, межрегиональной торговлей и особенностями своего социального и политического устройства. Мантеньо (650–1532 гг. по данным радиоуглеродного датирования) являлись замыкающей культурой в цепочке доиспанских предгосударственных обществ.

В российской археологии данные по культуре мантеньо используются редко и информация представлена только отдельными сюжетами (Ю. Е. Березкин [2013], А. В. Табарев [2015]), нет обобщающих работ, в которых были бы описаны социальная, политическая организация мантеньо, основные археологические признаки, отношения с другими культурами. Между тем это дало бы более полное представление о месте и роли культуры мантеньо в истории Эквадора и в целом Южной Америки.

Начало археологических исследований культуры мантеньо было положено М. Савилем, совершившем в 1906–1908 гг. первые целенаправленные экспедиции в прибрежных провинциях Эквадора, на основе которых он в дальнейшем составил подробное описание внешних атрибутов культуры и местности территории, на которой она распространялась [Saville, 1907, 1910]. Однако отдельные сведения можно получить и из более ранних источников – описаний европейских конкистадоров и путешественников (Т. Де Мендоса, С. Де Леон, Дж. Бензони). С начала и ближе к середине XX в. исследования велись как местными, так и европейскими археологами (Х. Хихон-и-Кааманьо, М. Уле и Э. Эстрада). В последний период изучением культуры мантеньо занимались эквадорские ученые Х. Маркос, К. Севальос, также ученые из Европы (А. Местер, Р. Луннисс) и США (Б. Меггерс, Д. Зидлер) [Табарев, 2015].

На сегодняшний день ученые разделяют мантеньо и гуанкавилка на две самостоятельные культуры. Они занимали разные территории: мантеньо – современную провинцию Манаби, гуанкавилка – провинции Санта-Элена, Гуаяс и южную часть провинции Манаби. В экономике мантеньо основную роль играло земледелие (выращивали маис), гуанкавилка же активно занималась морской торговлей, охотой и добычей морепродуктов. Есть свои особенности и в преемственности предшествующих культур. Например, гуанкавилка следует сразу же за культурой гуангала (300–200 гг. до н. э. – 700 г. н. э.), между мантеньо же и предшествующей ей культурой баия (300 г. до н. э. – 500–650 гг. н. э.) существует некоторый пробел во времени [Там же].

Важной особенностью культуры мантеньо являлись развитая межрегиональная торговля и мореплавание. Мантеньо вели морскую торговлю на севере (с Центральной и Месоамерикой – территория современной Западной Мек-

сико) и сухопутную внутри страны и на юге (территория современного Перу). Морская торговля стала возможна с развитием техники мореплавания и изготовления плотов (balsa), которые выдерживали груз до 30 т [Marcos, 1998]. О развитии мореплавания вдоль побережья Эквадора нам известно из хроник европейских конкистадоров, путешественников, исследователей (Бартоломе Руис, Антонио де Ульоа, Хорхе Хуан), изделий из керамики различных культур (например, Чиму – XIII–XV вв.) с изображением плотов, «лодок», сюжетов мореплавания. Развитое мореплавание говорит нам о межкультурных связях, развитии торговых отношений, а также о наличии неких «уникальных» товаров: готовые изделия или же редкие природные материалы. В случае с мантеньо можно говорить и о том и о другом, но особого внимания заслуживают раковины *Spondylus*. Они считались «полудрагоценным» материалом, так как использовались в ритуалах, связанных с плодородием [Березкин, 2013]. Изделия из раковин *Spondylus* были найдены в тайниках и погребениях (культур майя, чиму). Важно, что раковины добывались преимущественно у берегов современной провинции Манаби. Эти факторы повлияли на развитие межрегиональной торговли и, более того, на развитие социально-политической структуры общества [Martín, 2010], а именно – на появление вождеств – мелкомасштабных сложных обществ, состоящих из нескольких общин, основанных на родственных или «фиктивно-родственных» связях, управляемых вождем и не имеющих бюрократических структур [Раннее государство..., 2006]. Власть вождей основывалась скорее на авторитете, чем на принуждении и насилии, и поддерживалась экономическими (контроль над производством, обменом, внешней торговлей) и идеологическими (ритуалы, церемонии, мифы) средствами [Junger, 2015]. В случае с мантеньо справедливо говорить о конфедерации с несколькими равноправными центрами на территории современных провинций Манаби и Санта-Элена [Табарев, 2015].

Следующей особенностью являются каменные троны. Большинство их было зафиксировано на памятниках Серро-Хабонсильо, Серро-де-Охас и Серро-Монтекристи. Некоторые из них сделаны из глинистого сланцевого песчаника, но большинство – из андезита. Троны располагаются преимущественно на вершинах гор и холмов, что также говорит об их особом значении: возможно, ритуальном или в качестве маркеров территории культуры. Они представляют собой U-образные сидения с антропо- и зооморфной (ящерицы, птицы, пумы, ягуар) символикой. Примечательно, что этот элемент материальной культуры характерен только для мантеньо, на территории культуры гуанкавилка каменные троны практически полностью отсутствуют [Табарев, 2015]. Но зато на полуострове Санта-Элена (территория культуры гуанкавилка) мы наблюдаем изделия из камня и ракушечного конгломерата (алтари с зооморфной символикой, геометрические выкладки, идо-

лы), антропоморфные изображения и деревянные тотемные столбы, вырезанные из дерева гуасанго. Самый известный (и высокий – 8,5 м) из них был найден в 1934 г. на холме Лос-Сантос К. Севальсом и состоит из резных антропоморфных фигур (мужских и женских), разделенных двумя аллигаторами [Marcos, 2012].

Интерес представляет также то, что предки мантеню-гуанкавилка обитали на побережье Эквадора с докерамического периода (Archaic), потомки же живут до сих пор, что позволяет вести научный поиск в археологическом (данные о раскопках), историческом (сведения хронистов) и этноархеологическом (культурное наследие) направлениях.

Таким образом, можно говорить о том, что культура мантеню интересна не только предметами материальной культуры, но и имеет свое, особое место в истории Южной Америки. Между тем знаем мы о ней гораздо меньше, чем, например, об империи инков или таких культурах, как вальдивия (Эквадор), мочика (Перу), чибча (муиска) (Колумбия). Открытыми остаются технологические вопросы: как мантеню изготавливали каменные троны, не имея металлических орудий, как доставляли бревна для плотов, обходясь без колесного транспорта, – это проблемы и вопросы, для решения которых необходимы новые исследования, а также сбор и анализ уже имеющихся материалов.

*Научный руководитель – А. В. Табарев
д-р ист. наук, ведуц. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Manteño Culture on the Coast of Ecuador: Origin, Area and Main Archaeological Features

D. M. Shilyaeva

Manteño-Huancavilca culture (6th–7th – 16th centuries AD) is famous for its incredible technique of making items and sculptures by stone, among which the most famous are stone thrones with zoomorphic and anthropomorphic symbols, wooden totem poles, advanced watercraft and interregional trade, the subject of which, in particular, were unique shells (*Spondylus*). Also, one of the most important topics in the investigation of culture is social organization. In case of Manteño culture, it is possible to talk about confederation with several equal centers in Manabí and Santa Elena provinces. And if we mean the form of political level, then it is chiefdom. However, in Russian literature, there are just a few articles and separated plots about this culture (Yu. E. Berezkin, E. S. Ostrirova, A. V. Tabarev), there are no generalizing work with a detailed description of sites and features of material culture, in which there are so many unique elements.

Keywords: Ecuador, Manteño-Huancavilca culture, stone thrones, Idols, Spondylus, chiefdom.

Шильева Дарья Максимовна

студент 2-го курса обучения
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
e-mail: Dasha20200008@gmail.

Shilyaeva Dariya Maksimovna

Student 2nd year
Novosibirsk National Research State University
e-mail: Dasha20200008@gmail.

УДК 903.01(470.41)

Комплекс костяных изделий со Староромашкинского городища

Д. Т. Шарифуллина

*Набережночелнинский государственный педагогический университет,
Набережные Челны, Россия*

С недавних пор одним из памятников, на котором начались планомерные исследования, является Староромашкинское городище (Чистопольский район, Республика Татарстан). Памятник относится к домонгольскому времени. Предположительно, был в XIII в. уничтожен в результате монгольского нашествия. С 2013 г. на городище начались исследования Елабужской археологической экспедиции под руководством А. З. Нигамаева. Благодаря исследованию памятника, были получены значительные результаты для археологии Прикамья.

Кость в качестве материала для изготовления орудий начали использовать ещё в самом начале истории человека. С появлением бронзы и железа люди не перестали изготавливать изделия из кости.

До сих пор не выработано специального подхода к изучению костяных предметов. Все исследователи в своей систематике исходят из функциональной характеристики

Список литературы

Березкин Ю. Е. Между общиной и государством. Среднемасштабные общества Нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике. СПб. : Наука, 2013. 256 с.

Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Сб. статей // под ред. Л. Е. Гринина, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева. Волгоград : Учитель, 2006. 560 с.

Табарев А. В. Каменные и деревянные изделия в культуре мантеню-уанкавилка, Эквадор // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2015. Т. 21. С. 405–408.

Junker L. L. The Archaeology of Chiefdoms // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. University of Central Florida, Orlando, FL, USA, 2015. P. 376–382.

Marcos J. G. The Manteño-Huancavilca Merchant Lords of Ancient Ecuador: their predecessors and their trading partners. Washington D. C. USA., 1998. URL: https://www.academia.edu/4738563/The_Mante%C3%B1oHuancavilca_Merchant_Lords_of_Ancient_Ecuador_their_predecessors_and_their_trading_partners (дата обращения: 06.01.2020).

Marcos J. G. La historia prehispánica de los pueblos Manteño Huancavilca de Chanduy. Quito : Univ. Intern. del Ecuador, 2012. 104 p.

Martín A. J. Trade and Social Complexity in Coastal Ecuador from Formative Times to European Contact // Journal of Field Archaeology. 2010. Vol. 35 (1). P. 40–57.

Saville M. H. The Antiquities of Manabí, Ecuador. A Preliminary Report // Contributions to South American Archaeology. The George G. Heye Expedition. N. Y. : Heye Museum, 1907. 135 p.

Saville M. H. The Antiquities of Manabí, Ecuador. Final Report // Contributions to South American Archaeology. The George G. Heye Expedition. N. Y. : Heye Museum, 1910. 284 p.

В результате исследований на городище были найдены костяные изделия в виде лопаток. Предположительно, эти кости принадлежали мелким копытным животным. Изделия делятся на два типа: первый тип – со стесанной остью, второй – лопатка со стесанной остью и с отверстием. Предназначались они для выделки шкур, снятия мездры, а также использовались в качестве амулетов. Данный

вид находки встречается в коллекциях Саркела и Болгара [Пальцева, Шакиров, Худяков, 2012, с. 210–212]. Лопатки из кости со Староромашкинского городища, предположительно, являлись амулетами. В III раскопе был найден 1 экз., в IV раскопе – 3 экз. (рис., 3–5) [Нигамаев, 2017, с. 123; 2018, с. 135].

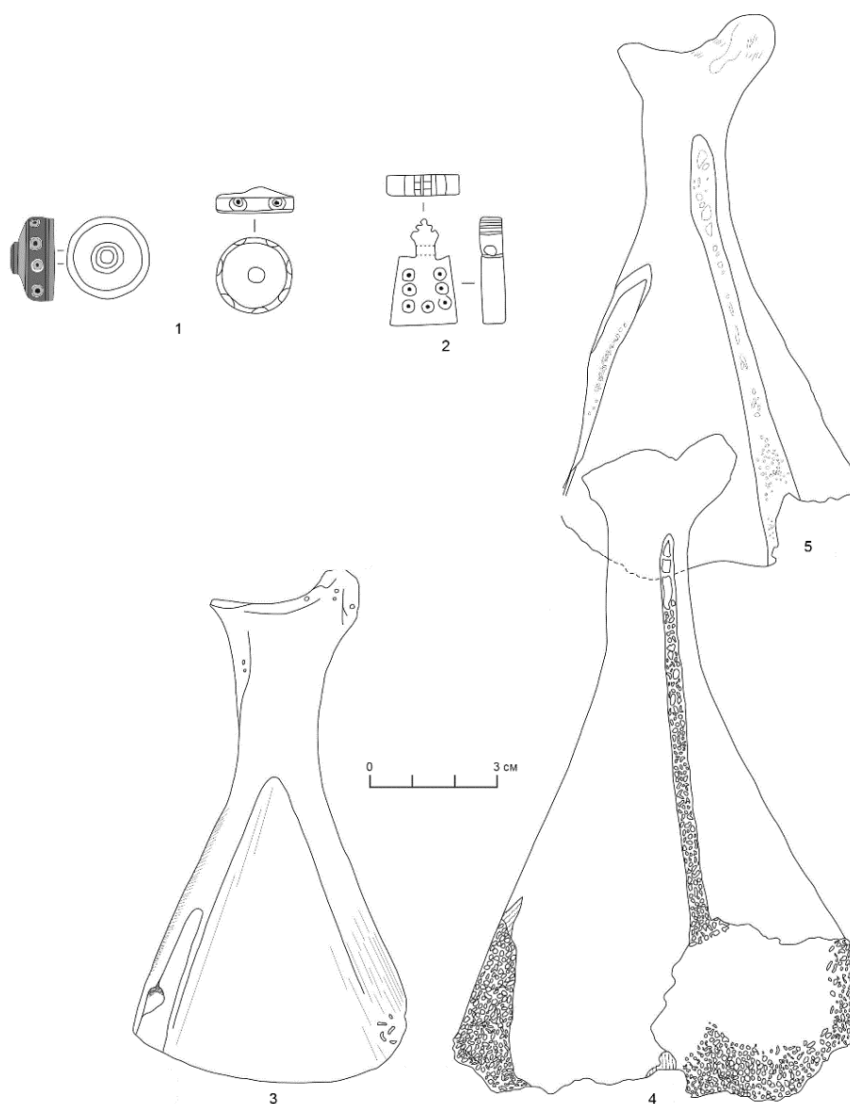

Рис. Костяные изделия из раскопа IV Староромашкинского городища

В IV раскопе были найдены две костяные пуговицы с соляным орнаментом. Соляной орнамент часто встречается на вещах древних болгар. Соляной орнамент отождествляется с календарным годом, как и на языческих амулетах. На одной из пуговиц, найденных на раскопе, изображено юртообразное сечение и восемь кружочков (рис., 1) [Нигамаев, 2018, с. 112].

Одной из интереснейших находок из кости в IV раскопе является костяной амулет. Костяной амулет в виде фигурки Тэнгре с кружковым (циркульным) орнаментом был найден на участке Д/5. Амулет относится к болгарским изделиям домонгольского периода. Стоит отметить также найденное в IV раскопе в 11-м сооружении костяное грузило (рис., 2) [Там же, с. 142].

В большом количестве на территории IV раскопа были найдены астрагалы. Астрагалы представляют собой вид игральные кости, которые изготавливались из костей предплюсны. Они имели удлиненную форму бруска с закругленными концами, а на двух плоских, одной вогнутой

и одной выгнутой сторонах были нанесены буквенные цифры: один, три, четыре и шесть или соответствующее количество точек (очков). Каждый бросок в игре делался четырьмя астрагалами; лучшим ходом считалась комбинация: один, три, четыре и шесть, а худшей – набор из четырех единиц. Игра в кости была широко распространена в Римской империи и ранней Византии, пока азартные игры не были запрещены в 680–681 гг. пятидесятым правилом Шестого Вселенского (Грульского) собора. На территории Староромашкино было найдено 8 астрагалов без цифр, но на каждом из них присутствует по одному отверстию [Нигамаев, 2018, с. 148].

Коллекция костяных изделий Староромашкинского городища многочисленна и довольно информативна. Многие вещи получены в результате экспедиционных исследований, а значит, коллекция костяных изделий обеспечена археологическим контекстом и стратифицирована, поэтому изучение косторезной продукции дает некий срез домонгольского материала. Староромашкинские предметы могут послужить

основой для дальнейших сопоставлений и сравнений домонгольских и золотоордынских костяных коллекций.

*Научный руководитель – А. З. Нигаматов
канд. ист. наук, доцент,
кафедра истории и методики её преподавания,
Набережночелнинский государственный
педагогический университет*

Список литературы

Пальцева Д. У., Шакиров З. Г., Худяков А. В. Костяные предметы быта средневекового населения Биляра // Филология и культура. Казань, 2012. № 1. С. 208–215.

Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. (Лук и стрелы, самострел). VIII–XIV вв. М., 1966. 184 с.

Нигаматов А. З. Отчёт об охранно-спасательных археологических раскопках на Староромашкинском городище Чистопольского района Республики Татарстан (раскоп III) в 2016 г. Елабуга, 2017. Т. 1. 157 с.

Нигаматов А. З. Отчёт об охранно-спасательных археологических раскопках на Староромашкинском городище Чистопольского района Республики Татарстан (раскоп IV) в 2017 г. Елабуга, 2018. Т. 1. 165 с.

Complex of Bone Products from the Staroromashkinskoe Settlement

D. T. Sharifullina

The research work is dedicated to bone products from the Staroromashkinskoe settlement of the Republic of Tatarstan, which belongs to the pre-Mongol time. The article presents findings from the III and IV excavations located in the funds of the Archeology Museum of the Elabuga Institute of Kazan Federal University. The article describes and analyzes bone products from the excavation, as well as gives methods for their manufacture and distribution on the territory of Volga Bulgaria and Ancient Russia. The presented material in the work carries great information about the life of the population of the Lower Prikamye and gives an idea of the use of animal bones as decorations, such as amulets, household items, for example, bone shoulder blades used to make hides and weapons, for example, arrowheads, which are common in the territory Volga Bulgaria.

Keywords: research, archaeological site, ancient settlement, animal bones, bone products, amulets.

Шарифуллина Дина Талгатовна

студент 5-го курса

Набережночелнинский государственный

педагогический университет

e-mail: pendragon1997@bk.ru

Sharifullina Dina Talgatovna

Student 5th year

Naberezhnye Chelny State Pedagogical University

e-mail: pendragon1997@bk.ru

УДК 903.223(091)

Типология луков волжских булгар в VII–XIII вв.

Е. В. Яровиков

*Набережночелнинский государственный педагогический университет,
Набережные Челны, Россия*

Лук – один из древнейших видов вооружения, сыгравший важнейшую роль в военной истории многих народов. Возникший в конце верхнего палеолита, лук имел массовое применение вплоть до распространения огнестрельного оружия в период позднего средневековья. Он стал необходимой составной частью кочевнического снаряжения.

Для волжских булгар лук было не только одним из важнейших элементов комплекса метательных вооружений, но и стал во многом определяющим фактором их военного дела. Изучение лука и его развития позволяет определить истоки культурного влияния на становление военной традиции, зародившейся в районе Средней Волги государства волжских булгар.

Используемые в этот период луки можно разделить на простые и так называемые композитные – сделанные из различных пород дерева, плотно соединённых между собой. Традиционно считается, что композитный или сложный лук появляется позднее простого и быстро его вытесняет, так как он позволял добиться наибольшей эффективности во время стрельбы. Дальность полета стрелы и сила ее удара увеличивались за счет большей прочности составного лука. В свою очередь, простые типы на территории Нижнего Прикамья бытовали в наиболее ранний период, также они обычно являются наиболее самобытными, а значит, несут в себе по преимуществу собственно болгарский культурный компонент.

Мусульманский географ Ибн-Руста в начале X в. отмечал, что «болгары ездят верхом, носят кольчуги и имеют полное вооружение» [Хвольсон, 1869, с. 13]. Анализируя фрагменты обнаруженного во время раскопок оружия, И. Л. Измайлов приходит к выводу, что в состав этого комплекта оружия входили «сабли, копыя и боевые топоры вместе с метательным и защитным вооружением, а также с конским снаряжением» [Измайлов, 2012, с. 255].

Основная военная тактика булгар при атаке в этот период – кочевническая, рассчитанная на внезапность, где конница быстрым нападением и обстрелами приводила противника в смятение. Также метательное вооружение имело важнейшее значение при обороне города. Связана такая военная традиция с тем, что булгарам постоянно приходилось воевать с соседними кочевниками, активно использовавшими лук.

В основном источниками по реконструкции лука волжских булгар служат костяные детали сложного лука из погребений могильников раннебулгарского времени (Большетарханского, Танкеевского, Большетиганского). Другие памятники этого периода дают малочисленный материал по данной теме. Для домонгольского периода имеются частично опубликованные находки с болгарских городищ. Несмотря на значительное число исходного материала, его детального исследования не проводилось [Руденко, 2003, с. 72].

Совершенствование луков было важнейшей задачей в развитии всего оружия дальнего боя; основной целью модификации составляющих лука и его накладок на протяжении многих веков выступало увеличение таких характеристик, как поражающая сила, дальность и скорость стрельбы, что можно назвать отличительной особенностью болгарской тактики от кочевнической. Степняки предпочитают использование легкого лука, дающего возможность для большей скорости стрельбы и массивной обстрела противника до столкновения в ближнем бою. Булгарам также свойственен выбор индивидуальных целей поражения, чем и обусловлено бытование у них более тяжелого лука, чем у кочевников.

Большие изменения, кроме лука, претерпевают наконец стрел, детали налучий и колчанов, предохранительные пластинки, защищающие запястье лучника от удара тетивы и даже арбалеты. В XII–XIII вв., судя по ар-

хеологическим материалам, у болгар становятся разнообразнее формы броневых наконечников стрел, это связывается с изменением их луков, позволяющих теперь использовать более тяжелые наконечники, чем прежде. Сложный лук болгар модифицируется путем добавления концевых и срединных фронтальных накладок [Гагин, 2009, с. 192].

Впервые сложносоставные типы луков появляются еще на рубеже VII–VIII вв. в Нижнем Прикамье. Наиболее ранним из них считается лук «булгарского» типа, отличавшийся гораздо большей мощностью в сравнении с простыми. Использование данного лука позволило применять большое количество новых типов более тяжелых наконечников стрел, среди которых можно отметить все более распространяющиеся в регионе броневые типы. Позднее, начиная с середины VIII в., «булгарский» лук выходит из употребления в Нижнем Прикамье из-за мощного культурного влияния тюркских и угорских племен, принесящих в регион новые элементы метательного вооружения.

Луки «тюркского» типа получили широкое распространение, благодаря повышенной рефлексивности. Они характеризуются наличием пары срединных боковых накладок, которые обеспечивают прочное и эластичное крепление выгнутых плеч. Подвижная часть лука была достаточно большой в ущерб зоне жесткости из-за отсутствия концевых накладок. В качестве материала, из которого состоял композитный лук, использовалась древесина березы, ясеня и клена. Все части плотно стягивались полосками сухожилий, а после встраивались накладки на среднюю часть лука. Эти сложносоставные луки достаточно быстро распространялись в Поволжье и Нижнем Прикамье благодаря военно-техническим характеристикам: усиление мощи этих луков за счет увеличения длины подвижных плеч, общее увеличение скорострельности лучников при сокращении дистанции стрельбы. «Тюркский» лук был действительно мощным оружием, так как именно вместе с ним проникают и впервые начинают активно

применяться гранёные броневые наконечники стрел у волжских болгар [Измайлов, 1998, с. 201].

Луки «венгерского особого» типа отличаются тем, что имеют парные срединные боковые и концевые накладки (фронтальные и тыльные). Большая эффективность «венгерского особого» лука достигалась путем увеличения эластичности, которая в то же время не шла в ущерб сочленениям гибких и неподвижных узлов. Таким образом, новый тип значительно превосходил «булгарский» лук по легкости и упругости, а также «тюркский» по прочности. Именно эти характеристики позволили «венгерскому» луку распространиться на всей территории Нижнего Прикамья, в том числе и у волжских болгар.

Уровень развития военного дела Булгарии был достаточно высок. Булгария не только долгое время противостояла Руси, но и почти 13 лет отражала следовавшие один за другим походы монгольских войск. Поэтому, во всей совокупности данных, можно уверенно говорить о том, что болгарское военное дело, характеризующееся совершенной техникой использования оружия дальнего боя, достигло значительного прогресса.

*Научный руководитель – А. З. Нигаматов
канд. ист. наук, доцент,
кафедра всеобщей и отечественной истории,
Елабужский институт (филиал),
Казанский федеральный университет*

Список литературы

- Гагин И. Л. Критерии формирования и особенности военного дела Волжской Булгарии в X – первой трети XIII вв. // Вестник ТГУ. 2009. № 1. С. 189–195.
- Измайлов И. Л. К истории сложного лука Волжской Булгарии середины VIII–X вв. // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб., 1998. С. 198–205.
- Измайлов И. Л. Средневековое болгарское вооружение и военное дело: факты и заблуждения // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь, 2012. С. 254–265.
- Руденко К. А. Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. Исследование и каталог. Казань, 2003. 512 с.
- Хвольсон Д. А. Известия о хозарах, бургасах, болгарях, мадырях, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда Бен-Омар Ибн-Дафта. СПб., 1869. 42 с.

Typology of bows of the Volga Bulgars in 7th–13th Centuries

Y. V. Yarovikov

This article addresses the topic of the use of propellant weapons by the Volga Bulgarians in the pre-Mongol period. The questions of the use of compound bows and their effectiveness during wars are considered. The question is raised about the relationship between the appearance of new types of bows and changes in arrowheads. Various types of bows used on the territory of the Lower Prikamye in the 7th–13th centuries were analyzed as the main factor determining the military tactics of the Bulgarians.

Keywords: Bulgarian military affairs, throwing weapons, “Bolgarian” bow, “Turkic” bow, “Hungarian special” bow, bone lining.

Яровиков Евгений Владимирович

студент 2-го курса

Набережночелнинский государственный педагогический университет
e-mail: evgeniiyarovikov@mail.ru

Yarovikov Evgenii Vladimirovich

Student 2nd year

Naberezhnye Chelny State Pedagogical University
e-mail: evgeniiyarovikov@mail.ru

УДК 947(470)(091)

Скандинавское влияние на Волжскую Булгарию

Л. А. Ширяев

*Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета,
Елабуга, Россия*

Благодаря своему выгодному географическому положению, Волжская Булгария оказалась на перекрестке важных торговых путей средневековья. Такие реки, как Кама и Волга, способствовали развитию не только торговли, но и ремесла Волжской Булгарии. Свидетельства восточных историков и путешественников говорят о том, что государство болгар в X в. хорошо знали в Средней Азии и Ближнем Востоке, в большей степени благодаря торговле. Еще

одним торговым партнером Волжской Булгарии был Север. Помимо торговых отношений со странами Приуралья, Северного Зауралья и Прикамья болгары тесно контактировали со Скандинавией. Жители Северной Европы находились в военно-торговых отношениях с населением Поволжья. Также в отрядах скандинавов присутствовали представители славян и финно-угров. Свидетельствами таких отношений может служить присутствие элементов

скандинавской культуры на археологических памятниках домонгольского периода.

Наиболее яркими доказательствами скандинавского присутствия в Волжской Булгарии являются найденные мечи. В комплексе вооружения булгар меч играл меньшую роль, чем сабля, и появился в период функционирования крупных международных торговых путей. На территории Волжской Булгарии найдено 15 мечей, 2 перекрестья, 4 наконечника ножен и 2 навершия. Происхождение мечей имеет западноевропейский характер, а конкретно область Среднего Рейна, о чем свидетельствует клеймо мастерской ULBERHT на клинке. Территориально эти находки располагаются в Западном и Центральном Закамье. А. Н. Кирпичников разработал типологию древнерусских мечей на основе европейского материала Я. Петерсена [Кирпичников, 1961, с. 164]. Эта типология основана на различии в размере и форме эфесов, которые были наиболее переменчивым элементом меча. Согласно этой классификации, на территории Волжской Булгарии известны мечи типов А, Е и Н. Аналогично Балтийским странам, Руси и Венгрии, данные типы мечей являлись оружием профессиональных воинов и знатных людей. Исследуя комплекс вооружения булгар, И. Л. Измайлов приходит к выводу, что сопоставление найденных мечей с рядом других артефактов, а также с монетными кладами, несет не случайный характер [Измайлов, 2008, с. 64]. Это также говорит об их связи с военно-дружинными формированиями и общеевропейском характере. Булгарская дружина, использующая мечи одновременно с традиционными видами вооружения, имела неоднородный состав. Очевидно, что Скандинавия играла ведущую роль в интеграции нового комплекса вооружения в Восточной Европе и Руси, а также ряде других стран, где викинги служили наемниками в воинских формированиях. Однако огромную роль сыграли становление и функционирование Великого Волжского пути, а также торгово-культурные связи Волжской Булгарии со странами Балтийского региона [Там же, с. 15].

Носителями этого оружия были воины и купцы различных этносов, в культуре и быту которых присутствовало огромное влияние скандинавских элементов. Свидетельством этому могут послужить арабские источники, в которых скандинавов именовали «русам». В частности, арабский путешественник Ибн Фадлан [Из глубины столетий... , 2000, с. 71] в своих записках отметил поселение «русов» недалеко от вотчины болгарского правителя, а также описал похоронный обряд знатного руса, который, предположительно, относят к Бальмерским курганам, погребения в которых сходны по расположению и инвентарю с погребениями в Средней Швеции (Бирка) и раннегородскими памятниками Древней Руси (Тимерево, Гнездово, Шестовицы). В Бальмерском курганном комплексе обнаружено 15 курганов. Они имеют куполообразную форму, ширину до 8,5 м, а высоту до 0,9 м. В комплексе были зафиксированы свидетельства кремации на уровне горизонта. Курган № 13 особенно выделяется богатством погребального инвентаря: на удлиненно-овальном кострище (размером около 4×1,5–2 м, мощностью до 11 см) здесь найдены согнутый пополам меч типа Е по классификации А. Н. Кирпичникова, глиняный сосуд; за пределами кострища – кресало, остатки кожаной поясной сумки с бронзовыми деталями гарнитуры, поясная и уздечная бляшки, кремь и железный футляр для трута [Кирпичников, 1961, с. 75]. А. А. Спицын относит эти курганы к «русам», приходившим в Волжскую Булгарию для торговых операций. Анализ облика курганной группы показал, что Бальмерский могильник имеет аналогии с курганами Древней Руси. Также обряд порчи оружия является этническим индикатором, характерным для дружинных погребений Скандинавии [Измайлов, 2000]. Вероятно, часть русов входила в наемные дружины волжских булгар, о чем свидетель-

ствуют упоминания в скандинавских источниках о стране *Vulgaria \ Vulgarland*. А. Н. Кирпичников отметил, что «находки мечей указывают не только места пребывания дружинников, но и места торговли» [1961, с. 88], благодаря чему можно сделать выводы о закономерном характере развития воинских формирований в Волжской Булгарии, характерных для раннефеодальных государств Восточной Европы, в процессе которого активное участие принимали скандинавы.

Еще одним доказательством скандинавского влияния на волжских булгар является факт обнаружения части спускового механизма арбалета, найденного в ходе раскопок на Кирменском городище. Особый интерес в этой находке вызывают надписи «III/V/III» на поверхности самострела. Главный научный сотрудник Национального центра археологических исследований Института истории АН РТ, член-корреспондент АН РТ, д-р ист. наук Ф. Ш. Хузин интерпретирует эти надписи как скандинавские [Мельникова, 1977, с. 85]. Деталь арбалета самострела имеет загнутую форму и состоит из 3 частей, соединённых между собой: первая часть представляет площадку подовальной формы. Первоначально она имела овальную форму с подчетырёхугольным отверстием, но в ходе изготовления детали была загнута и прибита маленьким гвоздём. В области отверстия просунута железная деталь 4–5 см в длину, округлой формы, диаметром 2–3 мм. Данная часть спускового механизма заканчивается прямоугольным пазом с выбитой насечкой; вторая часть детали имеет площадку такой же подтреугольной формы, как и предыдущие элементы самострела. Далее она продолжается пазом, в конце которого часть детали сначала загнута на 45°, затем в области подчетырёхугольного отверстия деталь загнута на 60°; 3-я часть детали представляет собой крючок, соединяющий первые две части. Основная поверхность крючка приварена к площадке подтреугольной формы. Сам крючок зацеплен за первую часть детали арбалета-самострела. Деталь была обнаружена в 2010 г. при археологических исследованиях оборонительного рва раскопа XII Кирменского городища. После анализа трудов Е. А. Мельниковой можно сделать вывод, что рунические надписи относятся к датскому ряду рунического письма. Аналогичное сочетание рун было обнаружено на гранитном камне в Далуме (Дания), основанной в XII в., по предположениям Е. А. Мельниковой [1977, с. 105].

Таким образом, вышеупомянутые находки с уверенностью можно назвать элементами взаимодействия Скандинавии и Волжской Булгарии, а также они указывают на высокий уровень торгово-культурных отношений между странами. Исходя из фактов, перечисленных выше, можно сделать вывод о том, что страны Северной Европы оказали значительное влияние на волжских булгар. Этому способствовали крупные международные торговые артерии, в частности Великий Волжский путь, который связывал многие регионы на территории Восточной Европы.

*Научный руководитель – М. С. Купцова
науч. сотр., зав. лабораторией
археологии и этнографии,*

*Елабужский институт Казанского (Приволжского)
федерального университета,*

*Научный консультант – А. З. Нигаматов
канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей
и отечественной истории,*

*Елабужский институт Казанского (Приволжского)
федерального университета*

Список литературы

Из глубины столетий / сост., вступ. ст. и комм. Б. Л. Хамидуллин. Казань: Татар. кн. изд-во, 2000. 217 с.

Измайлов И. Л. Бальмерский курганный могильник и его историко-культурное значение // Средневековая Казань: возникновение и развитие: материалы Междунар. конф. Казань, 2000. С. 190–206.

Измайлов И. Л. Защитники «Стены Искандера». Вооружение, военное искусство и военная история Волжской Булгарии X–XIII вв. Казань : Татар. кн. изд-во, 2008. 206 с.

Кирпичников А. Н. Мечи Киевской Руси (IX–XI вв.) // СА. 1961. № 4. 275 с.

Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи: тексты, перевод, комментарии. М. : Наука, 1977. 275 с.

Scandinavian Influence on the Volga Bulgaria

L. A. Shiryayev

Due to its advantageous geographical position, Volga Bulgaria was at the crossroads of important trade routes of the Middle Ages. Such rivers as the Kama and Volga contributed to the development of not only trade, but also the crafts of Volga Bulgaria. The evidence of eastern historians and travelers suggests that the state of the Bulgarians in the 10th century. Well known in Central Asia and the Middle East, largely due to trade. Another trading partner of Volga Bulgaria was the North. In addition to trade relations with the countries of the Urals, Northern Trans-Urals and Prikamye, the Bulgarians were in close contact with Scandinavia. The inhabitants of Northern Europe were in close contact in military-trade relations with the population of the Volga region. Also in the squads of the Scandinavians were representatives of the Slavs and Finno-Ugric peoples. Evidence of such a relationship may be the presence of elements of Scandinavian culture on the archaeological sites of the pre-Mongol period.

Keywords: Volga Bulgaria, Scandinavia, Middle Ages, The Great Volga Way, burial mounds.

Ширяев Леонид Александрович

студент 1-го курса, Елабужский институт
Казанский (Приволжский) федеральный университет
e-mail: sandman1329@gmail.com

Shiryayev Leonid Aleksandrovich

Student 1st year, Elabuga Institute
Kazan (Volga Region) Federal University
e-mail: sandman1329@gmail.com

УДК 339.1(470)

Волжско-булгарская торговля по материалам Прикамья

С. Х. Рахматуллин

*Набережночелнинский государственный педагогический университет,
Набережные Челны, Россия*

Волжская Булгария находилась в выгодном для торговли географическом положении. Благодаря рекам Волга и Кама, она оказалась на перепутье важнейших торговых путей средневековой Восточной Европы и Азии, тянувшихся с севера на юг и с запада на восток. Это способствовало не только посреднической торговле, но и развитию болгарского ремесла. Особую роль в процветании государства сыграла волжско-камско-каспийская транспортная система, которую ныне называют Великим волжским или Балтийско-Волжским путем.

Основные торговые пути пересекались недалеко от столицы государства – Великий Болгар. В Волжскую Булгарию из ближних и дальних стран, а также из русских земель везли различные товары. Это в первую очередь: ткани, меха, оружие, сталь, пряности, фрукты и прочие восточные товары. В болгарских городах и поселениях археологами обнаружено значительное количество предметов восточного, русского и европейского происхождения, характеризующих товарные отношения этих времен.

Историю торговли Волжской Булгарии можно разделить на два периода. Первый период охватывает время с IX до начала XI в., а второй включает в себя «безмонетный» этап товарно-денежных отношений. Он начинается в XI в. [Валеев, 2009б]. Наступление «безмонетного» периода связано с началом «серебряного кризиса» на Востоке [Ахмадуллина, 2017].

Ранней формой булгарской внутренней торговли стал обмен. Существовавший ранее обмен между племенами постепенно приводит к обмену между отдельными лицами. Товарные отношения приводят к появлению денежных отношений, причем не сразу с использованием металлов. У болгар в роли денег выступал скот. Они называли его «мал». Это подтверждается надписями на монетах, чеканенных в предмонгольский и золотоордынский период. А также это просматривается в фольклоре [Валеев, 2009а]. Использование в роли товара мехов привело к тому, что меха стали и средством обращения. Потребность в металлической монете привела к распространению начиная с 70–80-х гг. VIII в. куфических дирхемов. В конце IX – начале X в. куфические дирхемы начинают выполнять свою функцию, т. е. обмениваться на другие виды товаров. Происходит окончательный переход к денежно-вещевой форме организации торговли.

В начале X в. возникает булгарский чекан, который продолжается до конца X в. Кроме того, болгары организуют массовый чекан подражений куфическим дирхемам и тем самым заполняют нишу огромной потребности в серебре, которую испытывали государства Восточной и Северной Европы [Ахмадуллина, 2017].

В XI в. наступает второй период развития торговли. В это время, в связи с так называемым серебряным кризисом, происходит прекращение поступления серебряных монет в Волжскую Булгарию и Восточную Европу, прекращается чеканка болгарских монет [Валеев, 2011]. В этот период продолжается использование в роли средства обращения обрезков монет, число которых резко увеличивается вкладах в 60–80-е гг. X в. В это же время на археологических памятниках появляются кусочки серебра. Монеты заменяют вначале кусочки серебра, а впоследствии и серебряные слитки. Но слитки были пригодны только для крупных платежей, а рост товарного производства и торговли требовал повседневных средств обращения, которые бы употреблялись для мелкотоварной торговли. Ими стали обрезки монет, кусочки серебра, меха, раковины, бусы и шиферные пряслица. На этом этапе внутренняя торговля получает значительное ускорение в городах, где продавались товары как повседневного спроса, так и роскоши, пряности, поступающие посредством внешней торговли. Усиливаются и торговые связи с соседями – с финно-угорскими племенами, окружавшими Волжскую Булгарию [Валеев, 2009а].

На берегах Камы болгары основали различные фактории для торговли с местным населением. Булгары заходили далеко и на север. Об этом говорит тот факт, что одна из факторий находилась рядом с современным г. Соликамском [Валеев, 2009б].

Развитие внутренней и внешней торговли Волжской Булгарии привело к распространению платежных знаков, в роли которых выступали на различных этапах истории разные предметы. Поэтому одним из важнейших показателей характера и уровня развития торговли является проблема денежного обращения.

Внутренняя торговля Прикамья все еще недостаточно изучена. Большинство авторов рассматривают торговые эквиваленты и направления внешнеторговых связей, поскольку их изучение возможно на основе прямых и доста-

точно ярких письменных и археологических источников. А между тем внутренний обмен составляет одну из основ экономики Волжской Булгарии. Учитывая, что для болгарского средневековья в целом и для характеристики торговли и товарно-денежных отношений этого периода в частности письменных источников недостаточно, археологические материалы являются часто главным источником по изучению движения товаров, а также воспроизводству и динамике роста товарного производства. Это связано и с соотношением натурального хозяйства и простого товарного производства в рамках раннефеодальных отношений в X – начале XIII в.

Несомненно, предметом внутренней торговли являлись посуда, пряслица, украшения и т. п. Бусы составляли не только большую категорию болгарского ввоза в Предуралье, но и служили, вероятно, своеобразными мелкими единицами купли-продажи. Подтверждением этого является находка клада в Елабуге, где вместе с 17 гривнами найдено и 4 серебряные серьги, одна из которых с позолоченной бусиной. В ходе археологических раскопок на Кирменском городище в 1995–2003 гг. было обнаружено 29 бус. Из них: 5 «глазчатых» бус, 20 стеклянных, одна хрустальная, две янтарные и одна серебряная. Из средневековой Алабуги происходит 26 бусинок. Из них: 2 хрустальных, 2 янтарных, 14 «глазчатых» и 8 стеклянных бусин. В ходе археологических раскопок на Кирменском городище в 1995–2013 гг. обнаружено 5 шиферных пряслиц. Из средневековой Алабуги происходят 4 шиферных пряслица. Одно шиферное пряслице стоило столько же,

Volga Bulgarian Trade Based on Materials from the Kama Region

S. K. Rakhmatullin

This article describes the trade of Volga Bulgaria in the territory of Prikamye. The territory of Prikamye was crossed by many trade routes, in particular, the Great Volga or Baltic-Volga routes. Thanks to the trade routes, in the territory of Prikamye, trade was conducted with the countries of the West and the East, as well as with Russia and with the world of Finno-Ugric tribes. The main means of money circulation were Kufic dirhams of the Arab Caliphate. At the beginning of the 11th century, Kufic coins ceased to flow to Europe. After this event, a non-monetary period begins in Volga Bulgaria. Volga Bulgaria trade is divided into two periods: monetary and non-monetary. The monetary period covered time from the 9th to the 11th centuries. A coinless – 11th–12th centuries. The means of payment in the non-cash period were silver bullion, coin trimmings, furs, beads and a spindle.

Keywords: trade, Prikamye, Volga Bulgaria, the Great Volga way.

Рахматуллин Салават Хамитович

студент 2-го курса

Набережночелнинский государственный педагогический университет

e-mail: sal.rakh@mail.ru

сколько «глазчатая» бусинка, т. е. полдирхема [Ахмадуллина, 2017].

Торговля Волжской Булгарии в Прикамье достигла значительного развития. Это, в первую очередь, налаживание торговых контактов с Русью и финно-угорскими племенами. Но монгольское нашествие 30–40-х гг. XIII в. прервало этот процесс. Был нанесен огромный урон развитию общества Волжской Булгарии, в том числе и торговле.

Научный руководитель – А. З. Нигаматов

канд. ист. наук, доцент,

Елабужский институт (филиал)

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Список литературы

Ахмадуллина А. И. Нометные денежные средства из памятников Нижнего Прикамья X – начала XIII в. // XLIX Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых учёных : материалы всерос. конф. с междунар. участием. 1–3 февр. 2017 г. Киров, 2017. С. 143–145.

Валеев Р. М. Основные этапы развития торговли и денежно-весовых систем Поволжья и Прикамья периода средневековья (IX – начало XV вв.) // Ученые записки Казанского государственного университета. 2009а. Т. 151. Кн. 2. Ч. 1. С. 29–37.

Валеев Р. М. Предметы внутренней торговли Волжской Булгарии в X–XIV веках (по археологическим данным) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009б. Т. 8. Вып. 5 : Археология и этнография. С. 225–234.

Валеев Р. М. Торговля Волжской Булгарии с Северной и Западной Европой в домонгольский период (IX – начало XIII века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 3 : Археология и этнография. С. 175–182.

Rakhmatullin Salavat Khamitovich

Student 2nd year

Naberezhnye Chelny State Pedagogical University

e-mail: sal.rakh@mail.ru

УДК 904(470)

Свинцовые пломбы из домонгольских и ордынских памятников Прикамья

К. В. Уманчик

*Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета,
Елабуга, Россия*

Свинцовая пломба – это важная часть торгового инвентаря, встречающаяся во всех странах, которые ведут активную торговлю, как внутреннюю, так и внешнюю. Пломба (от лат. *plumbum* – свинец) получила свое название от материала, из которого производится, т. е. свинца. Пломбы использовались как для пломбирования различного товара для перевоза через границу, так и для пометки различных документов. Несанкционированное вскрытие пломбы наказуемо. В этой статье мы рассмотрим свинцовые пломбы домонгольских и ордынских памятников Прикамья.

Целью данного исследования является анализ пломб, обнаруженных в болгарских и золотоордынских памятниках, и выявление торговых взаимоотношений Волжской Булгарии в Золотой Орде с соседними государствами.

Материалы, анализируемые в работе, обнаружены на крупнейших памятниках Волжской Булгарии, расположившихся на речном Камском торговом пути и сухопутном вдоль р. Вятки: Билярское, Елабужское и Кирменское городища.

Обращают на себя внимание грузики-пломбы. Встречаются они на памятниках всех периодов Волжской Булгарии [История татар ... , 2006, с. 258–262]. Один из них был найден на территории Кирменского городища, данный грузик имеет округлую форму и втулку. На нем очень заметна деформация левой стороны окружности. Также на втулке присутствует местами белый налет. Аналогичный грузик-пломба был обнаружен на территории Болгарского городища. Он имеет такую же округлую форму, по размерам превышающую предыдущую, на нем практически отсутствует деформация. Находки с Билярского городища

имеют разнообразный внешний вид и орнамент. Другая плomba, датированная XII в. и найденная на территории близ Елабуги, вовсе отличается от предыдущих, она имеет конусообразную форму с широким отверстием в центре. На нее нанесен некий абстрактный орнамент в виде линий, пересекающихся друг с другом. Есть предположение, что такие пломбы использовались как разменная монета в безмонетный период. Помимо этого, они также использовались в качестве пломб для связок шкурок пушных зверей. Наличие таких грузиков напрямую говорит о наличии торговцев в городах страны [Валеев, 1991, с. 290]. Появление свинцовых грузиков-пломб на территории Булгарии относится еще к раннебулгарскому периоду. Встречаются они на поселениях X–XI вв. и более позднего времени [История татар..., 2006, с. 290–298].

Доказательством внешней торговли Волжской Булгарии служит торговая плomba с печатью Всеволода Большое Гнездо, найденная в Билярском городище [Там же, с. 368–374]. Разнообразие торговых отношений также доказывает факт наличия многочисленных торговых путей, проходящих по территории государства. Также доказательством служат экземпляры, найденные на Болгарском базаре XIV в., там были найдены пломбы западноевропейского образца, которые прикреплялись к краю куска сукна и предназначались для того, чтобы гарантировать качество ткани [Коваль, 2013, с. 9–18]. Интерес вызывают две пломбы с того же базара с благословляющей рукой на лицевой стороне и литерами DIX на обратной. Такие пломбы находили на севере Германии и близ Лондона [Там же, с. 9–19]. В целом Волжская Булгария торговала преимущественно с Русью.

Украшались пломбы различным орнаментом. Это звериные образы, такие как: барс, лев, единорог, сфинкс [История татар..., 2006, с. 592–601]. Помимо них на пломбы наносились печати правителей, пример – вышеупомянутая плomba с печатью Всеволода Большое Гнездо. Для пломб,

отправлявшихся на Запад и Восток, были типичны изображения льва с закинутым за спину длинным хвостом и фантастического существа с львиным туловищем и крыльями ласточкиного типа [Там же, с. 592–602]. Плomba, обнаруженная близ Елабуги, служит доказательством наличия абстрактного орнамента, как и пломбы с Билярского городища.

Производились торговые пломбы из свинца, единственный известный метод производства – это литье. Имея такую информацию, понятно, что существовали специальные отливочные формы, в которые заливался расплавленный свинец, позже принимал округлую форму и затвердевал. Литейные формы для их отливки известны на Болгарском городище и других памятниках. Это подтверждает факт местного производства пломб.

На основе всех найденных экземпляров можно сделать выводы, что Волжская Булгария вела активную внешнюю политику как с Западом, так и с Востоком. Также имела развитую металлургию, что доказывает разнообразие орнамента на пломбах.

Научный руководитель – М. С. Кушцова

науч. сотр., зав. лабораторией

археологии и этнографии,

Елабужский институт, Казанский (Приволжский)

федеральный университет

Научный консультант – А. З. Нигаматов

канд. ист. наук, доцент,

кафедра всеобщей и отечественной истории,

Елабужский институт, Казанский (Приволжский)

федеральный университет

Список литературы

Валеев Р. М. Торговля Биляра по археологическим данным // Биляр – столица домонгольской Булгарии. Казань, 1991. 340 с.

История татар. Казань: Изд-во РухИЛ, 2006. Том II. Волжская Булгария и Великая Степь. 960 с.

Коваль В. Торговый инвентарь из раскопок базара середины XIV века в Болгаре // Поволжская археология. 2013. № 4 (6). С. 9–31.

Lead Seals from Pre-Mongol and Horde Monuments of Kama Region

K. V. Umanchik

Volga Bulgaria, being one of the largest states in Eastern Europe during the Middle Ages, conducted active trading activities not only within its own country, but also actively cooperated with neighboring states. An indicator of this factor is the presence of lead seals. As a rule, such materials were imported from large trading cities of Kievan Rus, later on from the Moscow principality. Particular attention in the article will be given to the seals that have penetrated from Western European countries. The value of the analysis of lead seals is increasing due to the fact that seals are an example of the development of ornamental traditions of the population of Volga Bulgaria. Thus, the article will analyze a sample of more than 50 lead fillings, for a more detailed determination of the origin and ornamental development of traditions.

Keywords: Archaeology, Volga Bulgaria, trade, ancient settlement, seal.

Уманчик Кирилл Владимирович

студент 1-го курса, Елабужский институт

Казанский (Приволжский) федеральный университет

e-mail: umanchik99@mail.ru

Umanchik Kirill Vladimirovich

Student 1st year, Elabuga Institute

Kazan (Volga Region) Federal University

e-mail: umanchik99@mail.ru

УДК 903.5(571.53)

Средневековые погребения со стоянки-могильника Отико I (Северное Приангарье)*

А. Д. Торохова

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

*Работа выполнена по гранту Правительства РФ, проект № 075-15-2019-866
«Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»

Стоянка-могильник Отико I располагалась в долине р. Ангары на верхней оконечности одноимённого острова, в 21 км ниже по течению от д. Кеуль. Административно объект находился в Усть-Илимском районе Иркутской области [Долганов, 2012].

Местонахождение открыто в 1974 г. Было вскрыто пять погребений, хронологически относящихся ко времени

поздней бронзы. В 1982 г. были обнаружены еще три захоронения с очень оригинальным погребальным инвентарем, два из которых относятся к позднему бронзовому веку, одно – к раннему железному веку [Привалихин, 1983].

В 2011–2012 гг. на местонахождении были проведены спасательные археологические работы в связи с подготовкой к затоплению ложа будущей Богучанской ГЭС, в зону

которого попадал объект. В результате этих работ, помимо стояночного комплекса, было зафиксировано пять погребений, четыре из которых относятся к эпохе средневековья и одно – к эпохе неолита.

Погребение № 1 (2011 г.) обнаружено при зачистке II к. г. как скопление жженных сегментированных (часто деформированных высокой температурой) человеческих костей. Скопление овальной формы, размерами 0,3×0,4 м, ориентировано длинной стороной по линии СВВ–ЮЗЗ. Мощность скопления составила 0,07–0,09 м. Контуры могильной ямы определяются по костям. Уровень закладки погребения выявить не удалось.

Сопроводительный погребальный инвентарь:

- пять крестовидных бляшек-пуговиц с петлями для крепления с обратной стороны (рис., 1, 2);
- обломки подвески;
- девять обломков цилиндрических изделий с поперечными насечками. Возможно, остатки игольника скользящего типа (рис., 5);
- обломок плоского изделия, возможно, ножа;
- три фрагмента оплавленных ажурных подвесок (рис., 3);
- подвеска из бронзы в виде креста с глухо сомкнутыми лучами и ушком для вязки (рис., 7);
- пара ушных серег в виде кольца, наполовину овитого тонкой проволокой (рис., 6);
- фрагмент ножа с кольцевым навершием (рис., 8).

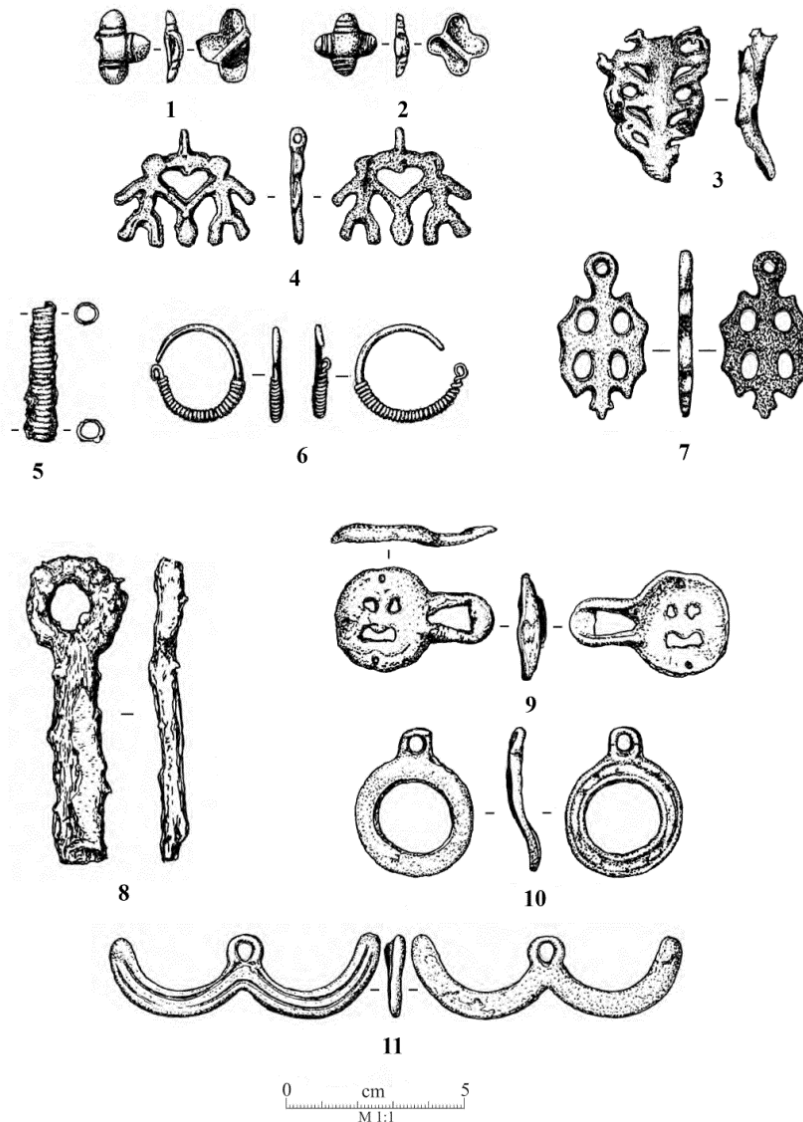

Рис. Отико I. Сопроводительный погребальный инвентарь:

1, 2 – крестовидные бляшки-пуговицы; 3, 4, 7, 10, 11 – подвески; 5 – цилиндрическое изделие с поперечными насечками (игольник?); 6 – ушные серьги; 8 – фрагмент ножа с кольцевым навершием; 9 – ременная пряжка (1–3, 5–8 – погребение № 1 (2011 г.); 4 – погребение № 2; 9–11 – погребение № 3) (рис. по: [Долганов, 2012, т. 2, с. 245, 246, 252, 259, 260])

Погребение № 2 (2011 г.) обнаружено при зачистке I к. г. (на контакте со вторым горизонтом) береговой кромки, между береговым обрывом и старой археологической выработкой. Представлено скоплением жженных сегментированных и деформированных высокой температурой человеческих костей. Скопление овальной формы, размерами 0,3 × 0,4 м, ориентировано длинной стороной по линии З–В. Мощность скопления составила 0,09–0,11 м. Контуры могильной ямы определяются по костям.

Сопроводительный погребальный инвентарь:

- обломок цилиндрического изделия – возможно, игольника;
- две крестовидные бляшки-пуговицы с петлями для крепления с обратной стороны;
- пара подвесных колец разного диаметра;
- подвеска из бронзы в виде двух антропоморфных изображений, несущих некий предмет (сосуд?). Головы антропоморфных изображений связаны дужкой для под-

вешивания так, что композиция напоминает стилизованный символ сердца (рис., 4);

– остатки (плохой сохранности) пары кинжалов, находившихся, вероятно, в ножнах.

Погребение № 3 (2011 г.) найдено в шурфе в 50 м к СВ от раскопа № 1, также на краю высокой береговой площадки (II к. г.). Аналогично двум выше описанным погребениям, оно так же представлено небольшим скоплением жженных сегментированных и деформированных высокой температурой человеческих костей. Скопление округлой формы, размерами 0,25×0,3 м, мощностью 0,05–0,08 м. Контуры могильной ямы определяются по костям.

Сопроводительный погребальный инвентарь:

– шесть капле-всплесков металла и два оплава;

– обломок жженой кости с биконическим откостением;

– пять обломков цилиндрических изделий с поперечными насечками – возможно, остатки игольника скользящего типа;

– полый с отверстиями по вертикальной оси шарик – пронизка;

– четыре крестовидные бляшки-пуговицы с петлями для крепления с обратной стороны;

– оплавленное изделие – диск с отверстием в центре и двумя небольшими отверстиями по краям;

– пара обломков металлического изделия в виде оплавленного полого кольца;

– пара оплавленных ременных пряжек (рис., 9);

– подвеска в виде диска-кольца с ушком для подвешивания (рис., 10);

– подвеска;

– подвеска в виде двух полукружий, сведенных краями вместе с ушком для подвешивания (рис., 11);

– обломок металлического изделия в виде загнутой металлической полосы;

– двадцать пять обломков изделий из черного металла разного размера.

Погребение № 1 (2012 г.) выявлено в ходе зачистки I к. г. Зачисткой обнажена кладка из некрупных (до 0,20 м в диаметре) валунов. Кладка округлой формы, однослойная, размерами 0,9×0,7 м, ориентирована длинной осью по линии 3–В. С южной и восточной стороны у кладки зафиксированы 2 скопления тонкостенной неорнаментированной керамики. После расчистки, фиксации и разборки кладки было выявлено пятно могильной ямы размером 0,5×0,7 м с углистым заполнением. Погребенный, ребенок 5–7 лет, был частично кремирован. Анатомический порядок костяка нарушен, кости сильно обожжены, во многих случаях сохранились только их фрагменты и негативы. Ориентирован погребенный головой на восток, вниз по течению протоки р. Ангары.

Сопроводительный погребальный инвентарь:

– 19 фрагментов тулова и шейки сосуда тонкой гладкостенной керамики;

– три крестовидные бляшки-пуговицы с петлями для крепления с обратной стороны;

– железный нож с кольцевым навершием на рукояти;

– тесло с втульчатым насадом;

– фрагмент изделия (тесла?).

Выявленные в ходе проведения спасательных археологических работ погребения обладают определенным набором общих черт:

– все погребения совершены по обряду кремации на стороне;

– кремированные останки помещены в небольшие, округлой формы, ямы. Из-за однородности культурорвмещающих отложений, контуры могильной ямы нечеткие и определяются только по ее заполнению углистой массой и фрагментами костей;

– судя по следам температурной деформации (оплавлению) части инвентаря, а также хаотичному расположе-

нию в могильной яме, можно предположить, что данные изделия находились с телом (на теле либо на одежде) во время кремации;

– единый комплекс сопроводительного погребального инвентаря, содержащий в себе крестовидные бляшки-пуговицы с петлями для крепления с обратной стороны, фрагменты железных ножей с кольцевыми навершиями, а также металлические игольники.

Элементы погребального обряда, как и комплекс вотивного инвентаря, зафиксированного на стоянке-могильнике Отико I, находят самые широкие аналогии среди материалов средневековых погребений (IX–XIV вв.) Северного Приангарья. Крестовидные бляшки-пуговицы имеют ряд аналогий с материалами стоянок и могильников, таких как Проспихинская Шивера IV, IX [Гуненко, Сенотрусова, 2013; Богучанская ..., 2015, с. 99], Сергушкин III [Богучанская ..., 2015, с. 343], Усть-Тасеевский культовый комплекс [Дроздов, Гревцов, Заика, 2011; Гревцов, 2013], местонахождение Каменка [Заика, Оводов, Орлова, 2013], и датируются исследователями в интервале конец IX–XIV вв.

Серьги, морфологически схожие с теми, что были найдены в погребении № 1, зафиксированы в могильнике Проспихинская Шивера IV (там они выполнены из серебра). Простые кольчатые серьги появляются в Сибири с конца I тыс. н. э. и продолжают бытовать до позднего средневековья. Также можно предположить, что найденная в материалах бусинка-пронизка могла использоваться как элемент украшения (например, составной части серьги, как в могильнике Проспихинская Шивера IV) [Сенотрусова, 2013].

Таким образом, зафиксированные погребения по сопроводительному инвентарю и элементам погребального обряда можно датировать эпохой Средневековья (IX–XIV вв.). Комплексы вотивного инвентаря имеют большое количество аналогий с материалами погребений известных средневековых могильников Северного Приангарья, но в то же время представлены рядом уникальных находок, аналогов которым пока не зафиксировано.

*Научные руководители – Д. Н. Лохов
науч. сотр., НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет
С. П. Дударёк
науч. сотр., НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет*

Список литературы

Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы) / А. П. Деревянко, А. А. Цыбанков, А. В. Постнов, В. С. Славинский, А. В. Выборнов, И. Д. Зольников, Е. В. Деев, А. А. Присекайло, Г. И. Марковский, А. А. Дудко // Труды Богучанской археологической экспедиции. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. 1. 564 с.

Гревцов Ю. А. Воинские пояса скифской эпохи Северного Приангарья по материалам Усть-тасеевского культурного комплекса // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. Красноярск, 2013. С. 92–106.

Гуненко Я. Д., Сенотрусова П. О. Набор бронзовых изделий из погребения № 50 могильника Проспихинская Шивера-IV на Нижней Ангаре // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск, 2013. Вып. 6. С. 68–74.

Долганов В. А. Отчет о результатах спасательных работ 3-го Усть-Илимского отряда Богучанской экспедиции на стоянке, могильнике Отико I Усть-Илимского района Иркутской области в 2011 г. : в 2 т. Новосибирск, 2012. Т. 1. 237 с. ; Т. 2. 343 с.

Дроздов Н. И., Гревцов Ю. А., Заика А. Л. Усть-Тасеевский культовый комплекс на Нижней Ангаре // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова. Кемерово, 2011. С. 77–85.

Заика А. Л., Оводов Н. Д., Орлова Л. А. Следы медвежьего культа на нижней Ангаре в эпоху раннего железа – средневековья (фрагментарный обзор проблемы) // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. Красноярск, 2013. С. 107–129.

Привалихин В. И. Исследования в зоне Богучанской ГЭС на Ангаре и в Эвенкии // Археологические открытия 1982 года. М., 1983. С. 227–228.

Сенотрусова П. О. Серьги из средневекового могильника Проспихинская Шивера-IV на Ангаре // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2013. Вып. 3 (23). С. 285–288.

Medieval Burials from the Otiko 1 Burial Ground and Site (Northern Angara Region)

A. D. Torokhova

The article presents the results of the study of the burial complexes of site and burial ground Otiko I. During the excavations, 5 burials were found: 4 burials date back to the Middle Ages and one belongs to the Neolithic. All medieval burials were performed by the cremation rite on the side. Cremated human remains are placed in small, rounded pits. The contours of grave pits are indistinct due to the homogeneity of cultural deposits and are determined only by their filling with coal-like mass and bone fragments. Judging by the traces of temperature deformation of part of the inventory, as well as the chaotic location in the grave pit, it can be assumed that these items were with the body (on the body, or on clothes) during cremation. The burial inventory has broad analogies with the famous medieval burial grounds of the Northern Angara region (Prospikhinskaya Shivera 4, 9, Sergushkin 3, and others), but also has a few unique finds that have not yet been found.

Keywords: Northern Angara region, burial ground Otiko I, burial, Middle Age, burial inventory, cremation.

Торохова Анна Дмитриевна

студент 3-го курса

Иркутский государственный университет

e-mail: monocystal7@mail.ru

Torokhova Anna Dmitrievna

Student 3rd year

Irkutsk State University

e-mail: monocystal7@mail.ru

УДК 903.26

Костыльки в средневековых материалах Нижнего Приангарья

Д. А. Максакова

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Костыльки – это изделия стержнеобразной формы с перехватом или сквозными отверстиями в центральной части, округлыми или гранеными концами, иногда с декорированием основы [Грязнов, 1956, с. 104; Крыласова, 2001, с. 100]. В ряде работ костыльки называют «планчатыми подвесками», «пуговицами», «застежками», «бляхами» [Гордиенко, 2008, с. 74; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 25; Деревянко, 1977, с. 166].

В работе представлена первая развернутая характеристика костыльков, обнаруженных в средневековых могильниках Нижнего Приангарья, что позволит дополнить представления о наряде людей средневековой эпохи региона.

Территория Нижнего Приангарья включает в себя участок р. Ангары от устья р. Илим до места ее впадения в

р. Енисей. Костыльки обнаружены в погребениях средневековых могильников – Пинчуга-6, Усть-Кова, Проспихинская Шивера IV. Памятники разновременные, датируются от второй трети I тыс. н. э. до начала II тыс. н. э., все приурочены к береговым террасам. В работе учтены девять костыльков.

Комплекс Пинчуга-6 (предварительная датировка III–V вв. н. э.) расположен на правом берегу р. Ангары в районе пос. Богучаны Красноярского края. Роговой «костылек» обнаружен в погребении по обряду трупосожжения на стороне, он вытянутой формы, уплощенный в сечении, с отверстием в центре (рис., 1). Сохранность предмета плохая в результате пирогенного воздействия.

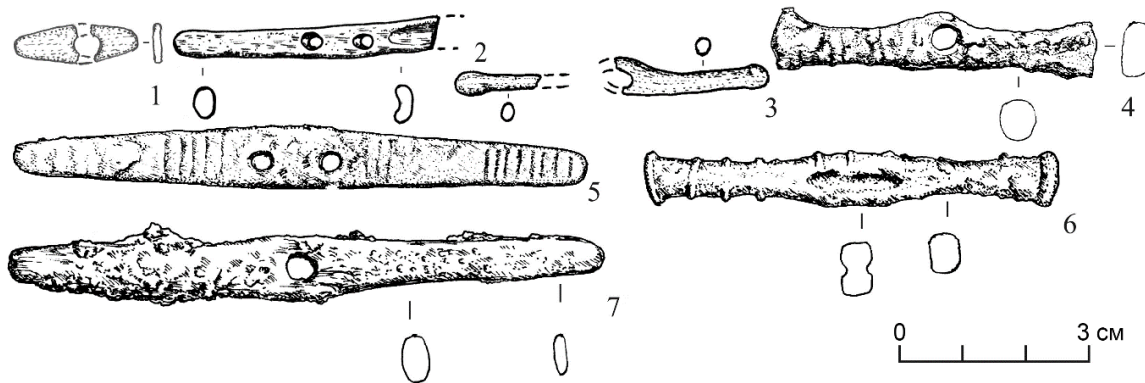

Рис. Костыльки из средневековых материалов Нижнего Приангарья: 1 – могильник Пинчуга-6; 2–7 – могильник Проспихинская Шивера IV (1–3 – рог; 4–7 – железо)

Могильник Усть-Кова (VI–VIII вв. н. э.) находился на левом берегу р. Ангары выше устья р. Ковы. В погребениях по обряду кремации на стороне найден металлический костылек, представляющий собой стержень с перехватом в центральной части и имеющий округлые концы [Сенотурова, 2016, с. 94].

Могильник Проспихинская Шивера IV (XI–XIV вв. н. э.) располагался на правом берегу р. Ангары выше устья р. Кода. В погребениях могильника среди обломков кальцинированных костей и возле них обнаружено семь костыльков, которые по материалу делятся на две группы: роговые и железные. Три роговых костылька стержнеобразные, округлые или уплощенные в сечении, в центральной части расположены одно-два круглых отверстия, деко-

ра нет (рис., 2–3). Сохранность изделий плохая, что связано с их пребыванием в пламени погребального костра. Четыре железных костылька стержнеобразные, округлые или уплощенные в сечении, в центральной части расположены одно-два круглых отверстия, на двух костыльках имеется декор. В одном случае параллельные пояски покрывают всю поверхность изделия, в другом – параллельные насечки расположены группами в центральной части и на концах (рис., 4–7). Все изделия корродированы. Размеры костыльков варьируются от 4,1×0,5×0,2 см до 9,5×1,0×0,3 см.

В эпоху средневековья костыльки встречаются на многих территориях Евразии.

В Западной Сибири костыльки широко представлены в памятниках раннего средневековья. В погребениях верхнеобской культуры присутствуют костяные и бронзовые костыльки с «перетяжкой» в центральной части, декорированные параллельными поясками [Грязнов, 1956, с. 104; Уманский, 1974; Ширин, 2003, с. 77]. Такое же изделие отмечено в Кузнецкой котловине в могильнике Саратовка, в кургане VII–VIII вв. [Илюшин, 1999]. В вещевом инвентаре тюрок Саяно-Алтая конца VI – 1-й пол. IX в. обнаружена поясная сумка, которая застегивалась на костылек [Археология СССР ... , 1981, с. 36]. Известны костыльки в Сургутском Приобье (могильник Сайгатинский III, комплексы VIII–IX вв.) [Гордиенко, 2008, с. 74].

Наиболее ранние прототипы костыльков появляются в Сибири в хунно-сяньбийское время. В частности, на Алтае, могильник Степушка I (II–V вв.), обнаружена костяная застежка вытянутой формы с отверстием в центре [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 25]. Именно к этим изделиям наиболее близок костылек, найденный на могильнике Пинчуга-6. На поселении Ушлѣп-5, майминская культура (II–V вв.), найден железный «стержень-ось для сложных застежек» [Кунгурова, Абдулганеев, 2019, с. 78]. В Забайкалье в могильнике Черемухова падь найдена костяная застежка с перетяжкой в центре [Коновалов, 1976, с. 107].

Известны костыльки и на территории Дальнего Востока в материалах раннего средневековья [Деревянко, 1977, с. 206].

Костыльки широко представлены в Восточной Европе. На территории Предуралья в VII–XII вв. костыльки присутствуют в материалах караякуповской, ломоватовской, неволинской, поломской и родановской культур [Археология СССР ... , 1981, с. 118; Крыласова, 2001, с. 48, 91; Емельянова, 2018, с. 36–37]. Они имеют перехваты или отверстия в центральной части, часто богато украшены. В Поволжье, в могильнике ранних болгар на Самарской Луке (VII–VIII вв.), есть деревянные костыльки [Матвеева, 1997, с. 73]. В Подонье, в салтово-маяцкой культуре (вторая половина VIII – первая половина X вв.), встречаются костыльки с перехватом в центре и с петлей на одном из концов [Аксенов, 1999].

Расположение костыльков относительно скелета в погребениях Предуралья имеет несколько вариантов: в области черепа, на груди, в области таза, в области ног. Н. Б. Крыласова и А. Ю. Емельянова утверждают, что костыльки могут быть нагрудными, накосными украшениями, застежками одежды, концевыми деталями низок, частью обувного набора, пояса [Крыласова, 2001, с. 100; Емельянова, 2018]. Следовательно, костыльки можно отнести к категории универсальных украшений. Опираясь на информацию о половозрастной принадлежности погребенных по обряду ингумации в других районах Евразии, мож-

но говорить, что костыльки использовались в мужском, женском и детском костюмах.

В Нижнем Приангарье костыльки встречаются в материалах могильников Пинчуга-6, Усть-Кова, Проспихинская Шивера IV. На этой территории костыльки могли использоваться в мужских, женских, детских костюмах как универсальные украшения. Нижнеангарские костыльки изготовлены из рога и железа, их декор аналогичен другим категориям украшений этой территории, что позволяет предполагать их местное производство. Аналогичные изделия широко представлены в средневековых культурах Сибири, Дальнего Востока, Восточной Европы. Следовательно, средневековое население Нижнего Приангарья поддерживало культурные связи с населением сопредельных и отдаленных территорий Евразии.

*Научный руководитель – П. О. Сенотрусова
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,
Лаборатория археологии, этнографии
и истории Сибири,
Сибирский федеральный университет*

Список литературы

- Аксенов В. С. Старосалтовский катакомбный могильник // *Vita antiqua*. Киев, 1999. № 2. С. 137–149.
- Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья / отв. ред. С. А. Плетнева. М., 1981. 304 с.
- Деревянко Е. И. Троицкий могильник. Новосибирск, 1977. 224 с.
- Емельянова А. Ю. Использование подвесок жителями бассейна р. Чепцы (конец IV – начало X в.) // *Восточно-европейский научный вестник*. 2018. № 2. С. 36–39.
- Гордиенко А. В. Культурные связи Сургутского Приобья с западными территориями в VIII–IX вв. // *Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого*. Ханты-Мансийск, 2008. Вып. 6. С. 72–88.
- Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка. М.: АН СССР, 1956. 228 с.
- Илюшин А. М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. Кемерово, 1999. 160 с.
- Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ, 1976. 248 с.
- Крыласова Н. Б. История Прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь, 2001. 220 с.
- Кунгурова Н. Ю., Абдулганеев М. Т. Майминская культура. По материалам поселений Салаира и Предалтайской равнины 1-й пол. I тыс. н. э. Барнаул, 2019. 214 с.
- Матвеева Г. И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997. 226 с.
- Сенотрусова П. О. Могильник Усть-Кова и его место в средневековой истории Нижнего Приангарья (по опубликованным данным) // *Известия Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология*. 2016. Т. 16. С. 88–102.
- Тишкин А. А., Матренин С. С., Шмидт А. В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул, 2018. 368 с.
- Уманский А. П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // *Бронзовый и железный век Сибири*. Новосибирск, 1974. С. 136–149.
- Ширин Ю. В. Верхнее Приобье и предгорье Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк, 2003. 288 с.

“Kostylki” (Pendants) in the Medieval Materials of Lower Angara Region

D. A. Maksakova

The article presents a detailed description of kostilki from burial complexes of the Lower Angara region. For the study area, nine kostilki of horn and iron are known, differing in the method of attachment and decor. The article addresses the following problems: the functional purpose of kostilki; the distribution of kostilki in Eurasia during the Middle Ages; their appearance in the region of study. Kostilki could be used by the medieval population as universal jewelry in men's, women's and children's costumes. On the territory of the Lower Angara region they are items of local production. The inclusion of this region in the cultural processes of Eurasia is emphasized.

Keywords: Lower Angara region, the Middle Ages, burials, jewelry, kostilki, universal jewelry.

Максакова Дарья Андреевна

студент 3-го курса

Сибирский федеральный университет

e-mail: darya.maxakova@gmail.com

Maksakova Dariya Andreevna

Student 3rd year

Siberian Federal University

e-mail: darya.maxakova@gmail.com

Тамги в репертуаре петроглифов писаницы Учум и горы Змеиной

А. А. Трофимов, М. А. Муршидова

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

При проведении исследований в северо-западной части Минусинской котловины на памятниках наскального искусства Учум и Змеиная в 2015–2017 гг. археологическим отрядом КГПУ им. В. П. Астафьева были обнаружены новые плоскости с антропоморфными и зооморфными фигурами. Среди них были зафиксированы несколько тамговидных знаков.

В целом тамгообразные изображения составляют незначительную часть среди прочих рисунков данных писаниц. На писанице Змеиная выявлено лишь две тамги – орнитоморфного облика (рис. 1, 1) и одиночный рисунок М-образного типа (рис. 1, 2). На писанице Учум есть целый ряд плоскостей с изображениями тамг разного типа: М-образные и битреугольные, знак в виде двух параллельных дуг.

Известно, что тамги являются родовыми знаками и распространены на определённых территориях. Орнитоморфные знаки, подобные тамге писаницы Змеиная, в большей степени распространены в бассейне Верхнего Чулыма, на западе Назаровской, Чулымо-Енисейской котловины, а также на Енисее у Абакана-Перевоза и на Усть-Тубе [Изображения на плитах..., 2003, с. 64, рис. 68, таб. 67; Красиенко, Субботин, 2013, табл. 16]. Аналогичные знаки изображены на тагарских оградках у оз. Ширы и на скалах у оз. Белё [Рыгдылон, 1959, с. 196–197, табл. 7, 10, 12]. Интересно и то, что подобного рода символ присутствует не только в петроглифах, но и находит аналогии в декоративно-прикладном искусстве. Например, некоторые из бронзовых подвесок, обнаруженных А. М. Мандельштамом [1966] в Тубе, в могильнике гунно-сарматского времени Часкал (курган 3), схожи со знаком, зафиксированным на горе Змеиная.

Так как тамги часто изображены на каменных плитах курганов тагарской культуры, то в качестве нижней границы датировки орнитоморфного знака на горе Змеиная можно обозначить эпоху раннего железного века. Однако данная граница весьма условна и размыта в связи с тем, что знаки на курганных камнях могли быть нанесены и в более позднее время. Единственной временной привязкой для датировки данного знака является наличие аналогии с металлопластикой гунно-сарматского времени (II в. до н. э. – V в. н. э.), ранние этапы формирования которого входят в границы раннего железного века данной территории. Таким образом, тамгу, выявленную на горе Змеиной, предвари-

тельно можно датировать временным интервалом от эпохи тагарской культуры до средневековья – нового времени.

Более проблематичен вопрос культурно-хронологической принадлежности тамгообразных символов писаницы Учум, где присутствует несколько разновидностей тамг.

Тамгообразный знак в виде смежных параллельных дуг на писанице Учум (рис. 2, 1) также встречается на ряде писаниц Минусинской котловины, среди которых Суханиха, где есть несколько плоскостей с подобными тамгами, состоящими из трёх смежных дуг, расположенных параллельно друг другу (рис. 3). Кроме этого, выделяется группа похожих тамговидных знаков, составленных из пары дугуджий. Подобная композиция известна на писанице у дер. Комарково [Кызласов, Леонтьев, 1980, табл. 3].

Знаки в виде буквы «М», найденные на писаницах Змеиная и Учум, аналогичны символам, которые были зафиксированы на Ильинских писаницах. Кроме того, по материалам Я. А. Шера, полученным еще в 1960-е гг., известно о наличии М-образных знаков на одном из курганных камней тагарского могильника под горой Ильинская I [Шер, 1970, рис. 10], на скалах тубинского склона горы Тепсей [Blednova, Francfort, Legchilo, 1995, pl. 49, 51, 54]. Ещё несколько М-образных тамг было зафиксировано на памятниках Комарково и Чистобай [Кызласов, Леонтьев, 1980], где знаки нанесены охрой и датированы исследователями новым и новейшим временем. Такие же тамги известны и на предметах материальной культуры – «кыргызских» вазах, где в верхней части плечей имеется процарапанное клеймо, напоминающее перевёрнутую омегу или букву «М». Вазы были найдены в ходе раскопок ранне-средневековых курганов в логу Джесос у с. Листвягово и вблизи с. Тесь [Евтюхова, 1948, с. 108, рис. 7].

Интересен тот факт, что подобные знаки старались наносить на поверхность без рисунков. М-образный знак, выбитый на писанице Учум, примечателен тем, что нанесён поверх изображения копытного животного (рис. 2, 2), которое по манере своего исполнения близко к традициям тагарского искусства. Наличие палимпсеста с тамгообразным знаком делает его не только редким среди изображений подобной группы, но и позволяет установить, что этот символ был выполнен в более позднее время и может быть датирован временным интервалом от раннего железного века до нового времени.

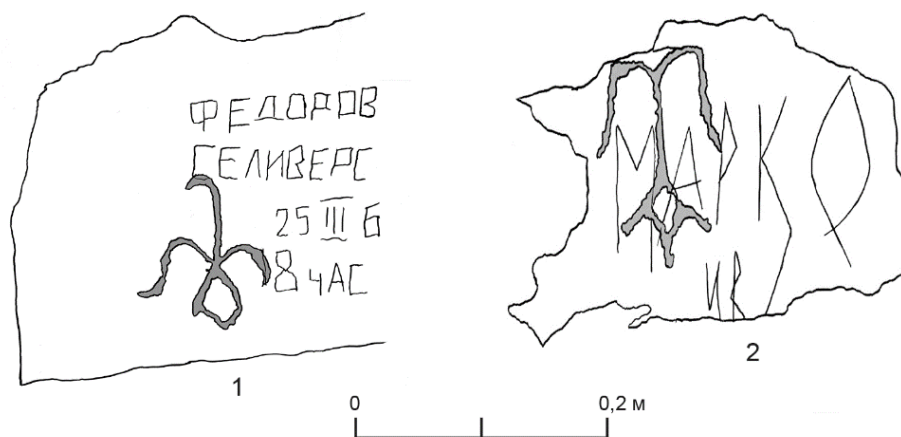

Рис. 1. Тамгообразные знаки на горе Змеиная:
1 – орнитоморфный знак; 2 – знак М-образного типа

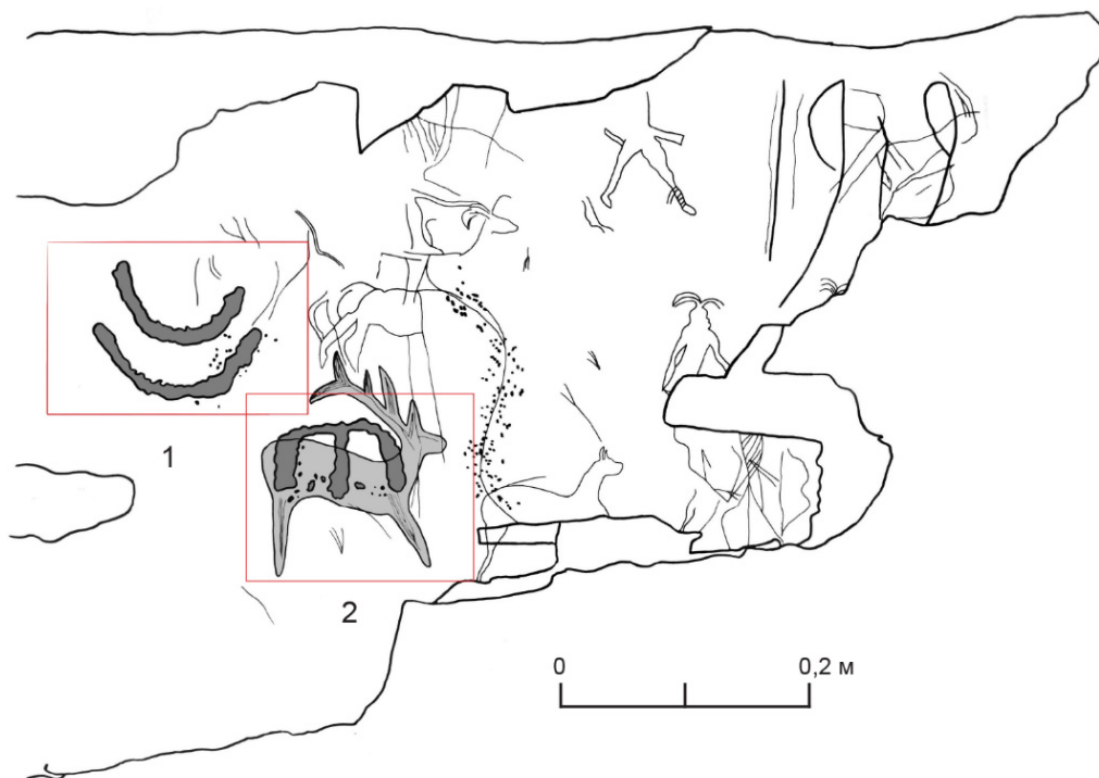

Рис. 2. Тамгообразные знаки на писанице Учум:
1 – знак в виде двух параллельных дуг; 2 – М-образный знак, перекрывающий изображение оленя

Рис. 3. Писаница Суханиха. Изображение тамг в виде параллельных дуг (по: [Миклашевич, 2011])

Третью группу тамгообразных рисунков, присутствующих на писанице Учум, составляют битреугольные, «бабочковидные» тамги (рис. 4, 1–3). Примечательно, что они изображены с небольшим наклоном и выполнены в техниках выбивки и гравировки. Ареал подобных знаков охватывает Алтай, Табаргадай и Семиречье. Отдельные находки известны в предгорьях Каратау и в Восточной Европе. Самые ранние битреугольные символы, выполненные горизонтально, известны на Кавказе, на керамических сосудах эпохи средней и поздней бронзы [Рогожинский, 2016, с. 53].

На территории Южной Сибири самая древняя аналогичная фигура была найдена на карасукском керамиче-

ском сосуде. Достаточно много известно битреугольных знаков на тагарских курганных камнях и в наскальном искусстве региона. На писанице Тепсей зафиксировано три подобных знака, один из которых был обнаружен недавно [Рогова, 2017, с. 24]. Такие же знаки есть на горе Сосниха [Миклашевич, Панкова, Мухарева, 2012, с. 84] и на горе Большой Улаз [Мухарева, 2015, с. 81, рис. 4]. Кроме того, есть немало изображений подобных знаков в виде тавра на лошадях, например, в петроглифах Ешкюльмес [Рогожинский, 2016, с. 59].

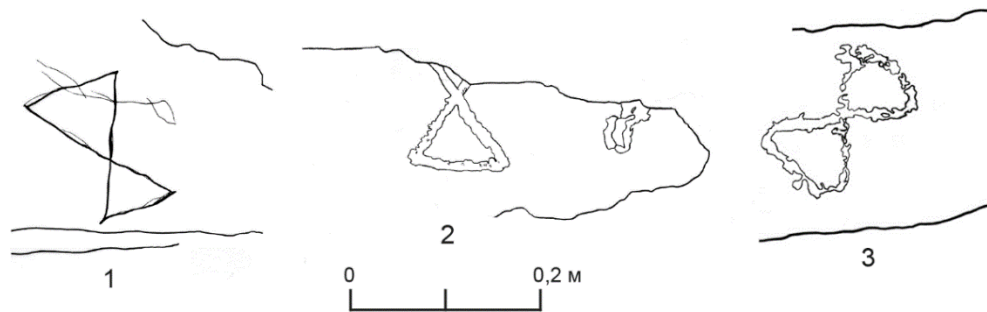

Рис. 4. Писаница Учум. Битреугольные («бабочковидные») знаки:
1 – уч. 4, пл. 3; 2 – уч. 2, пл. 1а; 3 – уч. 2, пл. 1б

Возможно, подобные знаки использовались средневековыми кочевниками для обозначений территорий. Если данное предположение справедливо, то писаница Учум является самой северной точкой распространения битреугольных тамг в наскальном искусстве Евразии.

*Научный руководитель – О. С. Советова
д-р ист. наук, директор Института истории
и международных отношений,
Кемеровский государственный университет*

Список литературы

- Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов. Абакан : Советская Хакасия, 1948. 109 с.
- Изображения на плитах тагарских курганов / Вл. А. Семёнов, М. Е. Килуновская, С. В. Красниенко, А. В. Субботин. СПб. : ИИМК РАН, 2003. 121 с.
- Красниенко С. В., Субботин А. В. У Солгонского кряжа. Археологические памятники Ужурского района (Красноярский край): история изучения и современное состояние. СПб., 2013. 200 с.
- Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Народные рисунки хакасов. М. : Наука, 1980. 176 с.
- Мандельштам А. М. Отчёт 2-ого отряда Саяно-Тувинской экспедиции о раскопках могильника Часкал в 1966 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 1966. Д. № 3161а.
- Миклашевич Е. А. Выявление новых изображений на изученных памятниках наскального искусства. Неизвестные петроглифы Суханихи // Археология Южной Сибири. К 80-летию Я. А. Шера. Кемерово : РИО КемГУ, 2011. Вып. 25. С. 91–106.
- Миклашевич Е. А., Панкова С. В., Мухарева А. Н. Петроглифы горы Сосниха // Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская. Лынищенская. Улазы III. Сосниха. Кемерово, 2012. С. 72–111. (Тр. САИПИ ; вып. X)
- Мухарева А. Н. «Энциклопедии» тамг на горе Большой Улаз (Минусинская котловина) // Вестник КемГУ. 2015. № 1 (61). Т. 3. С. 78–82.
- Рогова И. Г. Актуальные вопросы истории, социально-политических наук, туризма и государственного управления // Материалы симпозиума в рамках XII (XLIV) Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Кемерово, 2017. Вып. 18. Т. 4. С. 23–25.
- Рогожинский А. Е. Знаки собственности и власти древних и средневековых обитателей казахской степи // Археологическое наследие Сибири и Центральной. Кемерово, 2016. С. 53–63.
- Рыгдылон Э. Р. Писаницы близ озера Шира // СА. 1959. Т. 29–30. С. 186–202.
- Шер Я. А. Отчет о полевых работах в 1969 г. в составе Красноярской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР. СПб., 1970 // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 4086.
- Blednova N., Francfort H. P., Legchilo N. Repertoire des Petroglyphes d'Asie Centrale, Fascicule No. 2: Sibérie du sud 2: Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie). Paris, 1995. 153 p.

Tamgas in the Repertoire of Petroglyphs of the Uchum and Zmeinaya Mountain

A. A. Trofimov, M. A. Murshidova

The article will focus on the tamgo-like images identified on the writings of the Uzhursky district of the Krasnoyarsk territory. On the Snake mountain among the petroglyphs there are only 2 tamgi-ornithomorphic sign and a single m-shaped drawing. On another monument of rock art Pisanitsa Uchum recorded several groups of tamgoobraznyh images: this m-shaped and bitreugolnye symbols, as well as a sign in the form of two parallel arcs. Analogies to some of them are found not only in the writings of the Minusinsk basin, but also more in remote regions, such as the Eastern Caucasus, Semirechye, as well as in decorative and applied art. Also, in the article an attempt was made to establish the cultural and chronological affiliation there with the writings of the Uzhursky district by correlating them with known similar images from other monuments of rock art.

Keywords: Tamga, petroglyphs, triangular signs, writings, Uchum.

Трофимов Александр Александрович

магистрант 2-го года обучения
Кемеровский государственный университет
e-mail: sanya.trofim1996@mail.ru

Trofimov Aleksandr Aleksandrovich

Graduate student 2nd year
Kemerovo State University
e-mail: sanya.trofim1996@mail.ru

Муршидова Марина Александровна

магистрант 2-го года обучения
Кемеровский государственный университет
e-mail: murshidova.marina@mail.ru

Murshidova Marina Aleksandrovna

Graduate student 2nd year
Kemerovo State University
e-mail: murshidova.marina@mail.ru

Украшения из памятников одинцовской культуры Лесостепного Алтая IV–V вв.

М. А. Гриб

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

В середине IV в. н. э. в северную равнинную часть Алтая, где проживали самодийские племена, стали продвигаться группы кочевого населения из Семиречья и Горного Алтая. В результате контактов пришлых групп кочевников с самодийцами в Лесостепном Алтае образовалась новая общность, которая была определена как одинцовская культура. В настоящее время понятие «одинцовская культура» сохраняется только за памятниками Лесостепного Алтая, которые датируются 2-й пол. IV – 1-й пол. VIII в. н. э. Одинцовская культура делится на три этапа [История Алтая..., 2019, с. 312]. В данной статье делается упор на материалы первого Сошниковского этапа (2-я пол. IV – V в.).

К первому этапу одинцовской культуры отнесены 10 погребальных памятников: Тугозвонovo, Чекановский Лог-9, Троицкий Елбан-1, Ераска, Ближние Елбаны III, XII, XIV, Татарские могилки, Нечунаевский Елбан, Малый Гоньбинский Кордон – 1/2.

Одними из наименее изученных находок, встреченных на этих памятниках, являются украшения. Данная категория отражена лишь в научных публикациях, но, в отличие от других артефактов, слабо систематизирована. Информация об украшениях рассредоточена в различных статьях, где в основном дается описание находок [Горбунов, 1993, с. 81–82; Казаков, 2017, с. 86; Уманский, 1978, с. 130–161; Уманский, 1985, с. 55–60]. К украшениям относятся: бусы (101 экз.), бляхи (95 экз.), гривны (9 экз.), серьги (16 экз.), кольца (6 экз.), перстни (2 экз.) и подвески (9 экз.). Целью данной работы является характеристика основных видов и типов украшений первого этапа одинцовской культуры.

Самым распространенным видом украшений являются бусы и их составные части. Бусины изготовлены из различных материалов: стекло (91 экз.), янтарь (2 экз.), бронза (5 экз.), железо (3 экз.). К интересным находкам можно отнести ожерелье, найденное в пункте Ближние Елбаны XIV (мог. 17), которое состояло из медной гривны с прикрепленными к ней двумя раковинами каури, 9 бус из прозрачного и золоченого стекла – круглых, тройчаток, цилиндрических и в форме сплюсненного цилиндра, мраморного кружка грязно-белого цвета с отверстием посередине, железного колпачка [Грязнов, 1956, с. 103].

К следующему виду украшений можно отнести бляхи. Они изготовлены из различных материалов: серебро (28 экз.), бронза (46 экз.), железо (1 экз.), медь (20 экз.). Бляхи представляют собой пластины декоративного или декоративно-функционального назначения, фиксирующиеся определенным способом к кожаному ремню.

Следующим видом украшений являются шейные гривны. Эти вещи изготовлены из золота (1 экз.), серебра (1 экз.), меди (2 экз.), бронзы (5 экз.). Шейные гривны делались из толстой проволоки (дрота), иногда перекрученной, с петлеобразно загнутыми концами. На данном этапе существует 4 типа шейных гривен: дугообразные, витые, полукруглые, арочные [Горбунов, 1993, с. 81–82]. Уникальной находкой является шейная золотая гривна из могильника Тугозвонovo. Она литая, однако после отливки была подвергнута холодной кузнечной обработке. Круглый в сечении прут гривны имеет толщину 6–7 мм и заканчивается головками зверя, при переходе к которым несколько утолщается [Уманский, 1978, с. 150].

Также довольно распространенными украшениями Сошниковского этапа одинцовской культуры являются серьги. В основном они изготовлены из бронзы (12 экз.) или меди (2 экз.). На данном этапе известно два типа серег.

Первый тип – это простая проволочная серьга. Второй и самый распространенный тип – это серьга, сделанная из изогнутого в виде знака вопроса стержня, прямая часть которого оканчивается шариком и дополнительно обвита проволокой [Горбунов, Кунгуров, 2018, с. 152].

Следующий вид украшений – кольца и перстни. Они сделаны из меди (3 экз.), бронзы (4 экз.), серебра (1 экз.). Довольно редкой находкой является серебряный перстень, найденный в могильнике Тугозвонovo. Основой его является серебряное кольцо с широким овальным щитком, размером 2,4×2,2 см. Оковка имеет форму слегка растянутой полусферы. Внутри она полая, а снаружи вся поверхность её занята семью гнездами с инкрустацией. Эти гнезда были заполнены красной пастой (ныне она имеет бледно-розовый цвет). В овальных гнездах – вставки из стекла либо из полупрозрачной стекловидной пасты: одна зеленоватая, другая синеватая. В центральное гнездо оковки инкрустирован прозрачный, красивого тона ало-красный альмандин. По краю оковки в два ряда напаяны шарики зерни, а между рядами проходит небольшой выпуклый поясок [Уманский, 1978, с. 153].

Последний вид – подвески. Данные украшения сделаны из золота (1 экз.), бронзы (4 экз.), меди (3 экз.), рога (1 экз.), серебра (1 экз.). К интересным находкам можно отнести котловидную золотую подвеску из могильника Тугозвонovo, золотой щиток которой имеет овальную форму. С лицевой стороны к нему припаяна ребром пластинка, образующая стенку овального гнезда размером во весь щиток. В гнездо заключен сердолик овальной формы с фаской по самому краю. На тыльной стороне по краю щитка сделано 22 неглубоких треугольных выреза [Уманский, 1978, с. 151].

В результате проведенного исследования на основе опубликованных материалов собрана и обобщена информация о видах украшений Сошниковского этапа одинцовской культуры. На данном этапе ювелирное дело было развито и не стояло на месте. Об этом свидетельствуют уникальные находки и количество найденного материала. Вся коллекция насчитывает 238 экземпляров изделий, где в большей степени преобладают бусы и бляхи. Из этого следует, что в дальнейшем возможно изучение эволюции украшений одинцовской культуры, которое является перспективным направлением.

*Научный руководитель – В. В. Горбунов
д-р ист. наук, доцент,
Алтайский государственный университет*

Список литературы

- Горбунов В. В. Грунтовый могильник с обрядом кремации Троицкий Елбан-1 // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 80–90.
- Горбунов В. В., Кунгуров А. Л. Памятники первой половины I тыс. н. э. археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-1 в Барнаульском Приобье // Изв. Алтайского гос. ун-та. 2018. № 2 (100). С. 150–157.
- Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 163 с.
- История Алтая. Древнейшая эпоха, древность и средневековье / под общ. ред. А. А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та; Белгород: Константа, 2019. Т. 1. 392 с.
- Казаков А. А. О восточной границе распространения изделий полихромного стиля // Вестн. Том. гос. ун-та. 2017. № 45. С. 83–92.
- Уманский А. П. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 129–163.
- Уманский А. П. Памятники эпохи «Великого переселения народов» на Алтае // Урало-Алтаистика. Археология, этнография, язык. Новосибирск, 1985. С. 55–63.

M. A. Grib

This article discusses various varieties of jewelry from the Soshnikovsky stage of the Odintsovo archaeological culture. The Soshnikovsky stage (2nd half of the 4th – 5th centuries) demonstrates the resettlement of nomad groups from Semirechye and Gorny Altai and their interaction with the Samoyed population, which led to the formation of a new, initially multi-ethnic in composition, society. One of the least studied finds common at this stage is jewelry. This category is less reflected in scientific publications than any other artifacts. Information about jewelry is dispersed in various articles, which mainly describe the finds. This publication provides statistics on all types of jewelry at this stage, calculates the total amount of material, identifies rare finds, and also focuses on the material of these jewelry.

Keywords: decorations, Odintsovo archaeological culture, beads, earrings, plaques, Forest-steppe Altai.

Гриб Максим Александрович

студент 4-го курса

Алтайский государственный университет

e-mail: 42209@mail.ru

Grib Maksim Aleksandrovich

Student 4th year

Altai State University

e-mail: 42209@mail.ru

УДК 903.054(571.15)

Железные цепочки с витыми звеньями как хронологический маркер в комплексах Саяно-Алтая и Сибири

М. А. Данилов

*Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета,
Новокузнецк, Россия*

При исследовании погребально-поминального комплекса Черемза-1, который находится на юге Кузнецкой котловины, в составе инвентаря вместе с ремennыми накладками геральдического типа, которые можно датировать первой половиной VII в. н. э. [Ширин, 2014], были встречены железные спаренные витые звенья. Чаще всего такие изделия служили портупейными подвесами. Впрочем, такие же элементы встречены и в составе конской упряжи, следовательно, они могли использоваться и иначе.

Звенья железных витых цепочек, найденные на территории Верхнего Приобья, впервые были опубликованы М. П. Грязновым [1956, с. 192, 201, табл. XXXII, XLI]. В настоящее время они известны из памятников Тувы и Алтая, Минусинской котловины и Приангарья, Новосибирского и Среднего Приобья и даже Омского Прииртышья. Комплексы, в которых найдены подвесы с витыми звеньями, датированы в широком хронологическом диапазоне – от первых веков н. э. до VII–VIII вв.

Используя принципы дробной классификации, мы разбили все известные нам подвесы с витыми звеньями на 3 группы, которые имеют варианты.

Группа 1 (45 экз.) – витые звенья коротких или средних пропорций с сомкнутыми петлями среднего диаметра. Встречены разрозненные или соединенные в два или три звена.

Вариант 1.1 (14 экз.) – звенья коротких пропорций. Вариант 1.1 представлен на таких памятниках, как Алды-Бель, Даштык-Шель [Степная полоса..., 1992, с. 432, табл. 82], Кокэль [Николаев, 2000, с. 71, рис. 1], Темир-Суг I (курган 2) [Памятники кокельской культуры..., 2010, с. 44], Стёпушка I (курган 19) [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 58], Ближние Елбаны XII (могила 34), Ближние Елбаны XIV (могила 31) [Грязнов, 1956, с. 192, 201, табл. XXXII, XLI], Сырский чаатас (склеп 2) [Вадецкая, 1999, с. 376, табл. 93], Рёлка [Соловьёв, 1987, с. 82], Пазырык (курган № 6, впускное погребение) [Гаврилова, 1965, с. 53].

Вариант 1.2 (31 экз.) – звенья средних пропорций. Вариант 1.2 представлен на таких памятниках, как Алды-Бель [Степная полоса..., 1992, с. 432, табл. 82], Новый Чаа-Холь III (курган 2) [Николаев, 2000, с. 80, рис. 3], Кара-Тал III (курган 2) [Памятники кокельской культуры..., 2010, с. 60], Ташебинский чаатас (склеп 2), Уйбат I (склеп 6), Тепсей III (склеп 3), Изыхский чаатас (склеп 2), Усть-Тесь (склеп 1) [Вадецкая, 1999, с. 351, 365, 374, 389, 398, табл. 68, 82, 91, 106, 115], Кок-Паш (курган № 37) [Бобров, Васютин, Васютин, 2003, с. 132], Пазырык (курган № 6, впускное погребение) [Гаврилова, 1965, с. 53], Рёлка, Ти-

мирязевский курганный могильник I (курган № 55, курган № 62) [Беликова, Плетнева, 1983, с. 145, 146, 188]. В данную группу также включены случайные находки из д. Саянской и с. Копёны Хакасско-Минусинской котловины [Кызласов, 1985, с. 108, 110], а также с юга Красноярского края.

Группа 2 (5 экз.) – витые звенья средних и длинных пропорций с сомкнутыми петлями малого диаметра. Встречены разрозненными или соединенными в два звена. Эта группа представлена на таких памятниках, как Стёпушка I (курган 5, курган 13, курган 17, курган 21) [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 248, 293, 314, 341], Тепсей III (склеп 1) [Вадецкая, 1999, с. 387, табл. 104].

Группа 3 (21 экз.) – витые звенья длинных, средних и коротких пропорций, с петлями разного диаметра (одна петля большого диаметра, сомкнутая, уплощенная, другая – малого диаметра, несомкнутая). Данная группа представлена на таких памятниках, как Чучка-7, Юрг-Акбалык-8, Крохалёвка-23 [Троицкая, Новиков, 1998, с. 101, 110], Усть-Кова (погребение № 1, захоронение № 2) [Леонтьев, Дроздов, 1996, с. 41, 43, рис. 1, 5], Черемза-1, Ушлёт-5 [Кунгурова, Абдулагнеев, 2019, с. 161]. В данную группу также включены случайные находки, сделанные на юге Красноярского края и в Большереченском районе Омской области.

Картографирование выделенных групп, а также рассмотрение их типологических признаков и датировок показывает, что мы не всегда можем говорить о том, что все эти группы являются последовательной линией развития изделия, имеющего один источник.

Во-первых, существуют заметные хронологические разрывы между культурными комплексами даже в смежных регионах.

Во-вторых, известны типологические варианты такой же категории вещей, появившихся независимо в других культурно-исторических регионах (включая Урал и Западную Европу) в близких хронологических интервалах [Madyda-Legutko, 1983, p. 101; Голдина, 1985, с. 222, 223, 226].

В-третьих, попытки придания подвесам с витыми звеньями значения не только хронологического маркера, но и свидетельства прямого культурного влияния требуют не только доказательства типологической близости, но и преемственности сравниваемых категорий изделий в составе более широкого круга заимствований из того же культурного горизонта.

*Научный руководитель – Ю. В. Ширин
канд. ист. наук, доцент,
Новокузнецкий институт (филиал),
Кемеровский государственный университет*

Список литературы

- Беликова О. Б., Плетнева Л. М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н. э. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1983. 248 с.
- Бобров В. В., Васютин А. С., Васютин С. А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.
- Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб. : Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.
- Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М. ; Л. : Наука, 1965. 145 с.
- Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.
- Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. № 48. М. : Изд-во АН СССР, 1956. 228 с.
- Кунгурова Н. Ю., Абдулагнеев М. Т. Майминская культура. По материалам поселений Салаира и Предалтайской равнины I-й пол. I тыс. н. э. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019. 214 с.
- Кызласов В. Л. Орудия таштыкских ювелиров (к истории ремесленного производства в Южной Сибири) // СА. 1985. № 1. С. 107–121.
- Леонтьев В. П., Дроздов Н. И. Средневековый могильник многослойного поселения Усть-Кова на Ангаре // Гуманитарные науки в Сибири. Археология и этнография. 1996. № 3. С. 39–46.
- Николаев Н. Н. Поясные наборы могильника Кокзель // Мирозрение. Археология. Ритуал. Культура. Сборник статей к 60-летию М. Л. Подольского. СПб., 2000. С. 70–84.
- Памятники кокзельской культуры Тувы : материалы и исследования / редкол.: Д. Г. Савинов, Г. В. Длужневская, Б. Б. Овчинникова, Н. А. Лазаревская. СПб. : ЭлекСис, 2010. 252 с.
- Соловьёв А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск : Наука, 1987. 193 с.
- Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. М. : Наука, 1992. Т. 10. 494 с.
- Тишкин А. А., Матренин С. С., Шмидт А. В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Стёпушка). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. 368 с.
- Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.
- Ширин Ю. В. О компонентах культурогенеза на раннем этапе верхнеобской культуры // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Казань, 2014. Т. II. С. 449–452.
- Madyda-Legutko R. Próba rekonstrukcji pasów z metalowymi częściami na obszarze środkowoeuropejskiego Barbaricum w okresie wpływów rzymskich i we wczesnej fazie okresu wędrówek ludów // Przegląd Archeologiczny. 1983. Vol. 31. P. 91–133.

Iron Chains with Twisted Links from the Sayan-Altai and Siberia Sites as a Chronological Marker

M. A. Danilov

The article is devoted to one of the devices for hanging objects to the belt. The design itself, despite its simplicity, has many options. In addition, twisted links are used not only as of the belt headset but of horse harness in separate periods. They are also known in the design of religious items. All finds were processed according to the fractional classification program. This allowed us to distinguish three morphological groups of twisted links. The chronology of complexes including each of these groups is considered in detail. The sites with different design of the items were mapped. There were considered the conditions in which twisted links can be used as a chronological and cultural marker. It is noted that twisted links are known in the cultures of the Urals and Western Europe, where they were created independently in the 1st millennium.

Keywords: chain, twisted links, Sayan-Altai, chronology, classification.

Данилов Михаил Андреевич

студент 3-го курса, Новокузнецкий институт (филиал)
Кемеровский государственный университет
e-mail: rk9365@yandex.ru

Danilov Mikhail Andreevich

Student 3rd year, Novokuznetsk Institute (branch)
Kemerovo State University
e-mail: rk9365@yandex.ru

УДК 902/904(571.150)

Поясные гарнитуры раннесредневекового комплекса могильника Чумыш-Пережат в Западном Присалаирье

Е. Б. Чеботаева

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Погребальный комплекс Чумыш-Пережат, расположенный в лесостепной части бассейна Верхней Оби на территории Залесовского района Алтайского края (Западное Присалаирье), был обнаружен в 2012 г. Памятник разновременный, включает комплексы от неолита до раннего средневековья [Проблемы хронологии ... , 2018]. За время исследования могильника было зафиксировано 17 погребений, относящихся к эпохе раннего средневековья. В девяти могилах было зафиксировано 87 элементов наборных поясов.

Археологические данные позволяют говорить о том, что наборный пояс появляется в первой пол. I тыс. н. э. у древних тюрок, которые благодаря регулярной связи с лесостепным населением Алтая распространили эту «моду» на соседние территории [Троицкая, Новиков, 1998; Тишкин, Матренин, Кунгуров, 2015].

У кочевых народов пояс составлял ценную часть костюма как его принадлежность и как показатель социального положения владельца, количество накладок на пояс определяло его статус в военной и социальной иерархии [Добжанский, 1990; Васютин, Васютин, Онищенко, 2008]. Во многих случаях наборные пояса, благодаря характерному оформлению деталей, могут выступать в качестве датирующей категории [Кубарев, 2005].

На исследуемом памятнике поясные гарнитуры были зафиксированы *in situ* лишь в нескольких захоронениях. В детском погребении № 18 в области таза зафиксированы

бляшки ромбовидной формы из цветного металла, фрагменты ткани, кожи, органический глеч. Здесь же найдена полоска бересты, вероятно, фрагмент поясного ремня. Под ней был зафиксирован наконечник ремня подтреугольной вытянутой формы. Найденные в детском погребении фрагменты пояса свидетельствуют о том, что оно может принадлежать юноше, так как пояс традиционно являлся элементом мужского костюма.

В женском погребении № 23, скелет 2, был обнаружен фрагмент ремня с восьмеркообразными бляшками из цветного металла, которые крепились вертикально при помощи парных коротких шпеньков. По найденным в захоронении предметам и по поясному набору можно говорить о том, что погребенная женщина имела высокий социальный статус. Среди известных поясов раннесредневекового периода прямых аналогий нет.

Среди мужских погребений особо выделяется погребение № 28, где элементы пояса также найдены *in situ*. Можно выделить следующие категории предметов: 2 пряжки, аналогичные зафиксированным на памятнике Кудыргэ (VII–VIII вв.) [Гаврилова, 1965]; 17 накладных бляшек, из них 7 имеют «геральдическую» форму, встречающуюся на территории релкинской этнокультурной общности (Рёлка, Лебединский клад), и могут быть датированы VII в. [Чиндина, 1991]; 4 бляхи-накладки необычной лотосовидной формы;

наконечник ремня; 4 псевдопряжки, также близкие найденным на могильнике Кудыргэ [Гаврилова, 1965].

В заключение хочется отметить, что могильник Чумыш-Перекаат по целому ряду признаков функционировал задолго до массового распространения на территории Лесостепного Алтая погребений с элементами тюркской обрядности и предметами кочевнического комплекса. Мода на пояса проникает на Чумыш вместе с установлением связей с кочевым миром, что способствовало появлению новых элементов культуры. Наборные пояса позволяют датировать раннесредневековый некрополь Чумыш-Перекаат VII – первой половиной VIII в. н. э.

*Научный руководитель – А. В. Фрибус
канд. ист. наук, доцент, кафедра археологии,
Кемеровский государственный университет*

Список литературы

- Васютин А. С., Васютин С. А., Онищенко С. С. На северной границе кочевого мира. Дописьменная история населения юга Западной Сибири раннего средневековья. Томск, 2008. 260 с.
- Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.; Л., 1965. 144 с.
- Добжанский В. Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск, 1990. 164 с.
- Кубарев Г. В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. 400 с.
- Тишкин А. А., Матренин С. С., Кунгуров А. Л. Наборные пояса кочевников Алтая эпохи великого переселения народов из памятника Степушка-1 // РА. 2015. № 1. С. 121–135.
- Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998. 152 с.
- Проблемы хронологии древних и средневековых комплексов могильника Чумыш-Перекаат в Западном Присалаирье / А. В. Фрибус, С. П. Грушин, В. О. Сайберт, Е. В. Трусова // Современные решения актуальных проблем Евразийской археологии. Барнаул, 2018. Вып. 2. С. 42–47.
- Чиндина Л. А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск, 1991. 184 с.

Belts from the Early Medieval Complex of Chumysh-Perekat Burial Ground in Western Salair Ridge

E. B. Chebotava

Chumysh-Perekat is a multi-temporal burial ground. The Early Medieval burials are the most interesting part. Artifacts demonstrate the earliest contacts between the Samoeid population and the Turkic nomadic tribes, which were found there. The plated belt was an element of Turkic culture. The belt was an important part of the attire acting as a decoration and as an indicator of the social status of owner. The characteristic of belt part's shape helps to determinate the historical period of the archaeological site. The article describes the early medieval plated belts found in the Chumysh-Perekat necropolis. The analyzed artifacts allow us to date Chumysh-Perekat necropolis VII – first half of VIII AD.

Keywords: Medieval Archaeology, Upper Ob River region, Southern Siberia, Altai Kray, ancient Turks, plated belts.

Чеботавва Евгения Борисовна

магистрант 2-го года обучения
Кемеровский государственный университет
e-mail: eugenia.chebotava@yandex.ru

Chebotava Evgeniya Borisovna

Graduate student 2nd year
Kemerovo State University
e-mail: eugenia.chebotava@yandex.ru

УДК 903.26

Металлические личины и личины на груди: общее и особенное

А. Д. Муратбакиева

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

На территории Северной Евразии встречаются культовые металлические изделия, принадлежащие к так называемому звериному стилю. Кроме изображений собственно животных имеется множество антропоморфных изображений как человеческих фигурок в полный рост, так и одного лица. Подобные изображения лица визуальнo перекликаются с еще одним образом – птицей с человеческим лицом на груди. Предположительно для обоих видов изделий использовался один иконографический тип, поэтому задачей исследования будет доказательство или опровержение данной гипотезы. Географические рамки исследования включают в себя территории распространения «урало-сибирского» культового литья: Европейский Северо-Восток (далее – ЕСВ), Верхнее Прикамье, Западную Сибирь. Хронологически исследование укладывается в промежуток IV–IX вв. н. э.

Обратимся к терминологии. Личина в своем историческом значении означает часть шлема в виде металлической маски [Личина ...]. В историографии личина – это фронтальное изображение головы антропоморфного образа [Заика, 2013, с. 35]. Маска же представляет съемную накладку на лицо, повторяющую его черты. Термин «маска-личина» можно трактовать как маску с гипертрофированными контурами [Заика, 2014, с. 34]. Бляшки-личины представляют собой небольшие предметы торевтики в виде схематизированного лица с характерными для данной местности украшениями. Так, например, в Сибири личины имеют «европеоидные» черты лица, оружие, высокие при-

чески или воинские шлемы [Зыков, Федорова, 2001, с. 103]. Применительно к птицам с личиной на груди термин, очевидно, используется по аналогии с бляшками-личинами.

Еще одним видом искусства, где встречены и маски и личины, является наскальная живопись: на материалах петроглифов Приамурья А. П. Окладников выделял такие группы, как простые личины без дополнительных элементов, личины с усложненными элементами и «головными уборам» и, наконец, личины без внешнего контура (парциальные) [1968, с. 28]. В первых двух случаях аналогия может быть применена к бляшкам-личинам, третья подходит только к птицам с человеческим лицом на груди, где часто отсутствует контур лица. Распространена сердцевидная форма, отображающая абрис лица с углублением между бровями и сужающимся к низу подбородком [Заика, 2013, с. 35]. Наскальные изображения такой формы встречаются в Южной Сибири, а также среди рисунков Камня Писаного на р. Вишере [Чернецов, 1971, с. 53] (рис. 1, 1).

Наибольшее количество пластин сердцевидной формы обнаружено на территории Приуралья; как и антропоморфные фигурки в полный рост, эти бляшки олицетворяют картину мира: верхний ярус – небесный свод, поддерживаемый священными лосями; средний – мир человека или бога-человека; нижний – мир хтонических существ (рис. 1, 2, 3). Надбровные дуги на этих пластинах смыкаются с углублением на переносице и плавно переходят в нос, который представлен либо прямой линией, либо ду-

гой. Глаза имеют круглую, полукруглую и миндалевидную форму; рот обозначен полукругом или овалом. Имеющиеся материалы датированы VI–VIII вв. н. э. и выполнены, очевидно, по одному иконографическому канону (рис. 1). Со временем личина становится более круглой, исчезает заостренный подбородок. Практически на всех изображениях человеческих лиц имеются приподнятые уголки губ или суженные глаза, которые автором уже трактовались как проявление эмоций (рис. 1, 3–4, 8). Кроме того, две из восьми «Чердынских богинь», прорезных блях с изображениями женской фигуры в полный рост в окружении представителей разных миров, также имеют сердцевидное лицо на груди (рис. 1, 9). Лицо самой богини, солнце над её головой и человекоподобные на её плечах имеют такие же сомкнутые брови, плавно переходящие в нос, как и все предыдущие изображения. Возможно, такая форма является признаком антропоморфной сущности изображенного существа.

На территории ЕСВ имеется несколько личин с усложненными элементами [Люди. Звери. Боги ..., 2017,

рис. 22–23]. Глаза и рот на бляшках представлены овалами, от верхней и нижней части отходит по три «луча»; найдены на святилище Мыёлдино и датированы I–IV вв. н. э. (рис. 2, 1). Абсолютно такие же лица без контура на груди орнитоморфов мы видим на бляшках, обнаруженных на поселениях Пожегдин II и Угдым III и датированных III–IV вв. н. э. (рис. 2, 4). Лучи или «усики», отходящие от личины, обычно трактуются как изображение шаманского головного убора с перьями [Окладникова, 1984, табл. 38] (рис. 2, 2, 3). В VI–VII вв. лица на груди обретают сердцевидную форму и контур, что можно объяснить прикамским влиянием (рис. 1, 7).

Для металлических личин Западной Сибири характерна совсем другая форма – вытянутая овальная или подквадратная. Длинные личины с Т-образными бровями и носом, пересекающим все лицо по вертикали, оказывают сильное влияние на птицевидных идолов: лицо на груди занимает почти всю площадь фигуры, отчего фигурка окончательно теряет реалистичные черты.

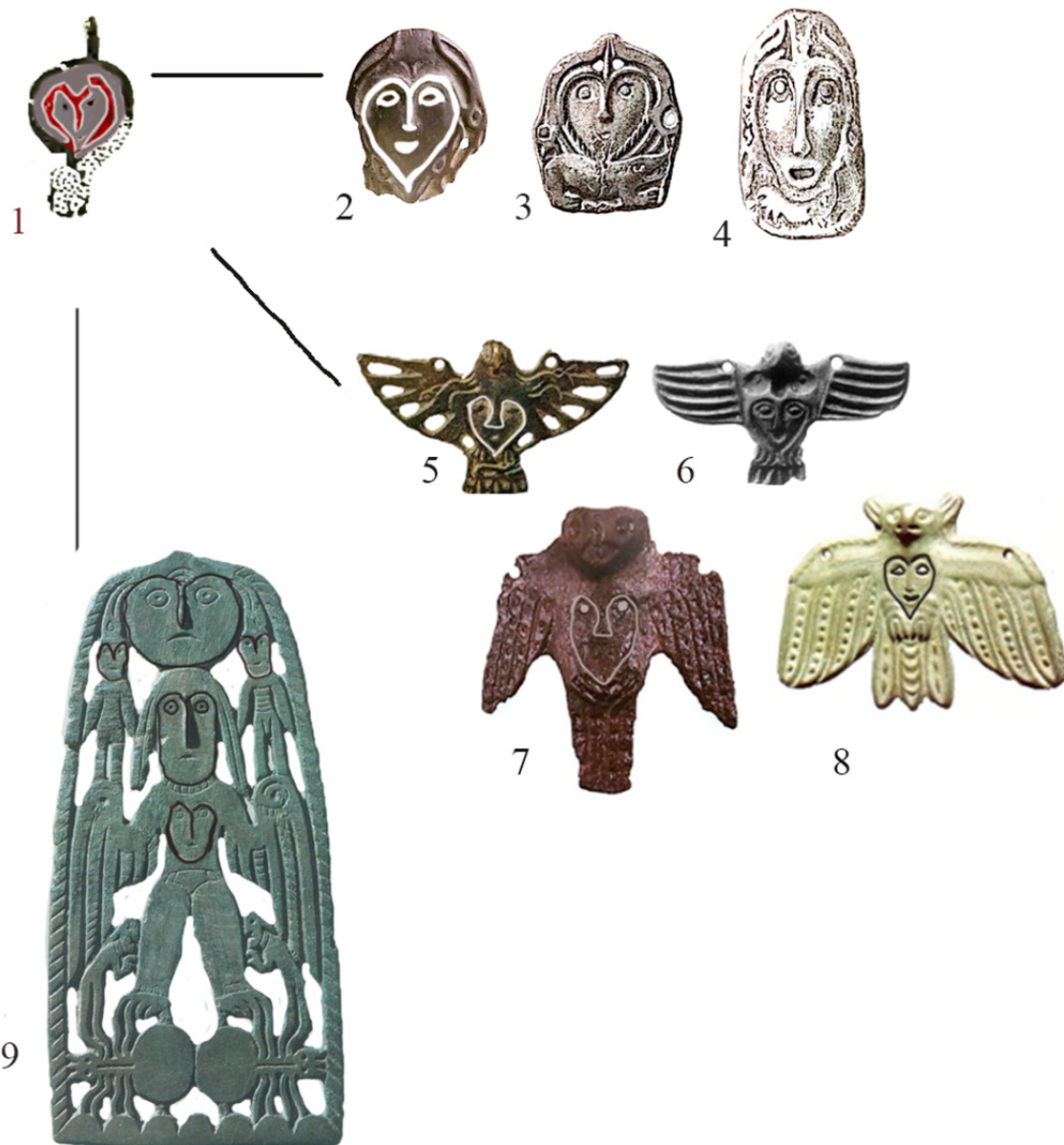

Рис. 1. Примеры сердцевидной формы личины, Верхнее Прикамье:

1 – рисунок птицы с личиной на груди из изображений Камня Писаного на р. Вишера; 2–4 – пластина плоская – антропоморфная личина в обрамлении лосиных голов и животных; 5–8 – птица с человеческим лицом на груди; 9 – прорезная бляха (2 – VI в. н. э., Опутятское городище, ПКМ № 18662/35; 3 – VI в. н. э., Опутятское городище, ПКМ № 11342/6; 4 – VI–VIII вв. н. э., ПКМ № 11297/2; 5 – VI в. [Эренбург, 2014, рис. 64]; 6 – Вятская губерния [Анучин, 1897, табл. II, рис. 16]; 7 – VI–VII вв., д. Ухтинский волок, НМКР № 1819; 8 – VIII–IX вв. н. э., ПКМ № 19753/1; 9 – VII–VIII вв. н. э., пос. Курган Чердынского р-на, ЧКМ № 1927/2)

Рис. 2. Личины на территории ЕСВ:

- 1 – бляшка-личина (I–IV вв. н. э., поселение-святилище Мылдино, МА ЕСВ ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, колл. № 1344/33);
 2 – шаманские изображения, Ороктой [Окладникова, 1984, табл. 38]; 3 – головной убор шамана с перьями [Там же];
 4 – подвеска-птица с личиной на груди (I тыс. н. э. Поселение Угдым III, МА ЕСВ ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, колл. № 1148/916)

В материалах Парабельского культового места, расположенного в Томской области и датируемого VI в. до н. э. – V в. н. э., имеется мужская личина в высоком конусовидном головном уборе с насечками; глаза и рот выполнены овалами, на правой щеке имеется две короткие горизонтальные полосы и две длинные, а на левой – две вертикальные. Полосы могут обозначать татуировки или шрамы, полученные в битве или при прохождении обряда инициации. Орнитоморфная фигура имеет небольшой выступ на месте птичьей головы, ниже которого находится лицо с прямым носом и горизонтальными насечками под глазами. Ближе ко времени развитого средневековья форма становится более реалистичной, подбородок сужается, личина больше похожа на маску. Места находок и личин, и птицевидных идолов различны. На территории ЕСВ упомянутые личины были обнаружены на святилище, а орнитоморфы – на поселении. В Приуралье абсолютное большинство птицевидных идолов – случайные находки, в то время как бляшки-личины, напротив, четко локализованы на городищах и хорошо датируются. В Западной Сибири антропоморфные личины находят вместе с орнитоморфами на культовых местах или в «кладах», где обнаружены деревянные куклы-иттарма в полном погребальном уборе. «Иттарма» олицетворяли душу недавно умершего человека, а различный инвентарь мог объясняться статусом и профессией покойного [Викторова].

А. П. Зыков и Н. В. Федорова доказали, что в Западной Сибири металлургические личины изображают представителей воинской прослойки, и на груди птицевидных идолов встречаются именно воины. Они также считают, что на приуральских личинах изображены представители знати [Зыков, Федорова, 2001]. По другой версии, антропоморфная фигура, а затем личина олицетворяют бога-посредника между людьми и небесными богами [Эренбург, 2014]. На бляшках-личинах имеются отверстия для подвешивания; вероятно, они использовались в качестве амулетов-оберегов.

Таким образом, личины по обе стороны Урала имеют мало общего: разная форма, место находок и интерпретация. Большинство личин и лиц на груди орнитоморфа имеют одинаковую иконографию, что может объясняться одним изготавителем, функцией или отраженной мифологемой.

*Научный руководитель – В. Н. Седых
 канд. ист. наук, доцент,
 кафедра археологии, Институт истории,
 Санкт-Петербургский государственный университет*

Список литературы

- Анучин Д. Н. К истории искусства и верований у Приуральской Чуди (Чудские изображения летящих птиц и мифических крылатых существ) // Материалы по археологии восточных губерний России. М., 1899. С. 87–160.
- Викторова В. Д. Сокровища филина. Духовная культура древних металлургов Зауралья // Уральская библиотека. URL: http://urbibl.ru/Stat/Kladi/sokrovisha_filina.htm/ (дата обращения: 15.01.2020).
- Заика А. Л. Сердцевидные личины в петроглифах Южной Сибири // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1 (5). С. 35–52.
- Заика А. Л. Личины с каплевидным оформлением глаз в древнем искусстве Северной Азии (вопросы генезиса, хронологии, семантики) // Материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. «Арханчское и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации». Новосибирск, 2014. С. 34–37.
- Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург : Сократ, 2001. 176 с.
- Личина. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/личина/> (дата обращения: 15.01.2020)
- Люди. Звери. Боги. Предметы первобытного искусства Северного Приуралья. Каталог выставки. Сыктывкар : Национальный музей республики Коми, 2017. 100 с.
- Окладников А. П. Лики древнего Амура: петроглифы Сакачи-Аляна. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 237 с.
- Окладникова Е. А. Петроглифы Средней Катун. Новосибирск : Наука, 1984. 111 с.
- Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала // Археология СССР. М., 1971. Вып. В4-12. 120 с.
- Эренбург Б. А. Звериный стиль: история, мифология. Альбом. Пермь : Сенатор, 2014. 212 с.

Metal Masks and “Face” on the Breast: General and Special

A. D. Muratbakieva

This article is devoted to comparison of two images of a metal casting: small anthropomorphic mask and human face on the breast of bird of prey. The geographical scope of the study covers: The Northern Urals, the Upper Kama-region and the Western Siberia. The chronological framework covers the 4th–9th centuries AD. Analogies with the materials of rock images of the far East based on the works of A. P. Okladnikov and A. L. Zaika are given. The article proves the hypothesis that metal masks and breast masks have the same iconography; the form of the disguise, facial features, and emotions are considered. In addition, the locations of finds and the functions of both types of items are examined. Items were used as decorations and accompanying inventory. At the end, the conclusion about the influence of forms of metal masks on other images is made.

Keywords: mask, face, cult metallic casting, animal style, petroglyphs.

Муратбакиева Анастасия Дмитриевна

студент 4-го курса

Санкт-Петербургский государственный университет

e-mail: NMuratbakieva@gmail.com

Muratbakieva Anastasiya Dmitrievna

Student 4th year

Saint-Petersburg State University

e-mail: NMuratbakieva@gmail.com

УДК 903.054(571.1/.5)

Средневековые сосуды из драгоценных металлов Южной Сибири в системе культурных связей народов восточной части Евразии*

Ю. А. Солод

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

*Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности
Лаборатории гуманитарных исследований НГУ

Посуда из драгоценных металлов была широко распространена по всей территории степного и горно-лесного пояса восточной части Евразии и достаточно давно является важным объектом исследований средневекового прикладного искусства. В качестве отдельной категории материальной культуры, она представляет собой совокупность разнотипных изделий, выполненных на основе различных ювелирных технологий и художественных традиций. Для археологии Южной Сибири большое значение имеют находки сосудов из драгоценных металлов эпохи средневековья. Они неоднократно анализировались исследователями, и можно говорить об отдельном научном направлении, сформировавшемся в современной историографии [Даркевич, 1976; Маршак, 1971; Орбелли, Тревер, 1935; Смирнов, 1909]. Однако научно обоснованная и общепринятая точка зрения о культурной основе формирования технологий и художественных школ, существовавших в различных ремесленных центрах, не была сформулирована. Также открытым остается вопрос о путях распространения их продукции.

Как правило, изучению вопросов исторического характера предшествует описание всех известных на сегодняшний день сосудов. Сводка материала, представленная Я. И. Смирновым в 1909 г., к настоящему времени существенно пополнилась и нуждается в уточнении. Следующим этапом в исследовании является классификация и типология сосудов. Учитывая разработки В. Д. Кубарева, по формально-морфологическим признакам все средневековые сосуды Южной Сибири можно разделить на пять типов [1984, с. 27] (рис.).

Тип 1: кружка (всего 13 экз.) (рис., 1). Сосуд с широким округлым туловом с уступом по плечикам, слегка отогнутой наружу горловиной и прямым низким поддоном. К тулову крепится кольцевидная ручка на бляхе или со щитком. Кружки такого типа известны по раскопкам древнетюркских курганов Алтая (Юстыд [Кубарев, 1984, с. 72–73], Бертек-34 [Савинов, 1994, с. 48], Катанда [Смирнов, 1909, рис. 169], Балык-Соок I [Кубарев, 2005, рис. 18], Талдуаир I [Кубарев, 1995, с. 164–182], Туяхта [Евтюхова, Киселев, 1941, с. 113]), а также Тувы (Монгул-тайга [Грач, 1960, с. 127], Калбак-Таш [Маннай-оол, 1963, с. 238]) и Кузнецкой котловины (Сапогово [Могильник Сапогово ... ,

1992, с. 97, 11]). К данному типу также относятся два сосуда из числа случайных находок в Иркутской области [Николаев, Кубарев, Кустов, 2008]. Прототипом этих сосудов, по мнению Г. В. Кубарева, являются деревянные кружки, бытовавшие у тюркских кочевников Саяно-Алтая [2005, с. 71]. Близкими по формальным признакам и деталям являются кружки, обнаруженные в составе Перещепинского клада. Они были выделены в тюркскую группу предметного комплекса [Сокровища хана ... , 1997, с. 99]. Также к данному типу можно отнести миниатюрные золотые и серебряные сосуды, найденные в культово-поминальном памятнике Бильгэ-кагана [Баяр, 2004].

Тип 2: кувшинчик с вытянутой горловиной (всего 6 экз.) (рис., 2). Сосуд с округлым, удлинённым туловом и плечиками, высоким прямым горлом и вертикально поставленным поддоном. К тулову крепится кольцевидная ручка на бляхе или ручка со щитком. К данному типу относятся сосуд из Курая [Евтюхова, Киселев, 1941, с. 103], три сосуда из Копенского чаа-таса [Евтюхова, Киселев, 1940], а также два экземпляра, опубликованных Я. И. Смирновым [1909, рис. 170].

Тип 3: кувшин на высоком поддоне (всего 15 экз.) (рис., 3). Сосуд с округлым, удлинённым широким туловом, вытянутым сужающимся горлом с отогнутым краем по венчику, прямым поддоном. К данному типу относятся сосуды, найденные в Хакасии (Верх-Биджа [Кызласов, 1983, рис. 20, 21]), в числе которых присутствуют опубликованные Я. И. Смирновым [1909, рис. 182], и из Кемеровской области (Ур-Бедари [Белюсова, Касастикова, 2002, с. 80–84]).

Тип 4: кубок (25 экз.) (рис., 4). Сосуд с гладким расширяющимся сверху туловом, конусовидным поддоном. Для большинства находок не установлено точное местонахождение, и они остаются известными благодаря публикации Я. И. Смирнова [1909].

Тип 5: граненая чарка (3 экз.) (рис., 5). Цилиндрический сосуд с широкими гранями, расширяющимся сверху венчиком и низким коническим поддоном. К тулову крепится ручка с горизонтальным щитком сверху [Гаврилова, 1968; Смирнов, 1909, рис. 115]. К данному типу можно отнести сосуды, реконструированные по находкам ручек в виде коневидных грифонов из могильника Маркелов Мыс II.

Рис. Типы средневековых сосудов из драгоценных металлов Южной Сибири:
 1 – тип 1 (по: [Николаев, Кубарев, Кустов, 2008, рис. 6]); 2 – тип 2 (по: [Смирнов, 1909, рис. 170]);
 3 – тип 3 (по: [Кызласов, 1983, рис. 20]); 4 – тип 4 (по: [Смирнов, 1909, рис. 211]); 5 – тип 5
 (по: [Смирнов, 1909, рис. 115])

Картирование находок показывает, что сосуды 1-го и 2-го типов характерны в основном для алтае-телеских тюрок. Сосуды 3-го типа происходят с территории Минусинской котловины, где была распространена культура енисейских кыргызов. Сосуды 4-го типа имеют широкие территориальные и хронологические рамки. Тип 5 достаточно обособленно связывается с уйгурской принадлежностью.

Таким образом, сосуды служили социальными маркерами для различных групп кочевников. Их захватывали как добычу, получали в виде даров или дани, покупали или выменивали. Открытым остается вопрос об организации собственного производства. Опираясь лишь на косвенные свидетельства, можно говорить о существовании собственных центров в Южной Сибири. Так, большое количество находок 3-го и 4-го типов на территории Минусинской котловины, по нашему мнению, может являться результатом развития собственной производственной базы. Однако существенное влияние оказали ремесленные центры Ирана, вовлеченные в систему обширных и разносторонних связей. Их изобразительные традиции и технические достижения нашли продолжение среди материальной культуры средневекового населения Южной Сибири.

*Научный руководитель – О. А. Митько
 канд. ист. наук, доцент,
 кафедра археологии и этнографии,
 Гуманитарный факультет,
 Новосибирский государственный университет*

Список литературы

Баяр Д. Новые археологические раскопки на памятнике Бильгэкагана // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. Вып. 4 (20). С. 73–84.
 Белоусова Н. А., Касатикова Л. Ю. Ур-Бедаринская коллекция из раскопок М. Г. Елькина (фонды музея КемГУ) // Музей и наука (материалы науч.-практич. семинара). Кемерово, 2002. С. 80–84.
 Гаврилова А. А. Новые находки серебряных изделий периода господства кыргызов // Древности Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии. КСИА. 1968. Вып. 114. С. 24–30.

Грач А. Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (Полевой сезон 1958 г.) // Тр. Тувин. комплекс. археол.-этнограф. экспедиции I. Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л., 1960. С. 71–150.
 Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. (Произведения восточной тюреттики на территории Европейской части СССР и Зауралья). М.: Наука, 1976. 198 с.
 Евтохова Л. А., Киселев С. В. Чаа-гас у села Копены // ТГИМ. Сб. статей по археологии СССР. М., 1940. Вып. 11. С. 21–54.
 Евтохова Л. А., Киселев С. В. Отчет о работах Саяно-алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // ТГИМ. 1941. Вып. 16. 172 с.
 Кубарев В. Д. Древнетюркские изделия Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 188 с.
 Кубарев Г. В. Новый серебряный сосуд из Талдуанра // Изв.-я лаби археологии. 1995. Вып. 1. С. 164–182.
 Кубарев Г. В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.
 Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. // САИ. 1983. Вып. ЕЗ-18. 136 с.
 Маннай-оол М. Х. Итоги археологических исследований ТНИИ-ЯЛИ в 1961 г. // УЗ ТНИИЯЛИ. 1963. Вып. X. С. 238–246.
 Маршак Б. И. Согдийское серебро. Очерки по восточной тюретике // ГРВЛ. Сер.: Культура народов Востока. М.: Наука, 1971. 191 с.
 Могильник Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине / А. М. Илюшин, М. Г. Сулейменов, В. Б. Гузь, А. Г. Стародубцев. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1992. 128 с.
 Николаев В. С., Кубарев Г. В., Кустов М. С. Серебряные сосуды с о-ва Муруйский // Изв. Лаборатории древних технологий. 2008. Вып. 6. С. 175–183.
 Орбелли И. А., Тревер К. В. Сасанидский металл. М.; Л.: Academia, 1935. 48 с.
 Савинов Д. Г. Могильник Бертек-34 // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск: Наука, 1994. 224 с.
 Смирнов Я. И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской Империи. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1909. 148 с.
 Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад / В. Н. Залеская, З. А. Львова, Б. И. Маршак, И. В. Соколова, Н. А. Фоякова. СПб.: Славия, 1997. 336 с.

Medieval Vessels Made of Precious Metals from South Siberia in the System of Cultural Relationship in the Eastern Eurasia

Y. A. Solod

In this article there are information about vessels which made from precious metals and they come from the territory of Southern Siberia. In the research there are specifics of their territorial spreading and analogies of vessels. The typology was based on specific objects according to morphological features. As a result, there were explained the influence of decorative and applied arts of Iran. This fact is an evidence of strong connections between nomads and population of this region. Also the suggestion is that nomads could have their own production base.

Keywords: Southern Siberia, Middle Ages, typology, silver vessels.

Солод Юлия Александровна

студент 3-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: y.solod@g.nsu.ru

Solod Yuliya Aleksandrovna

Student 3rd year

Novosibirsk State University

e-mail: y.solod@g.nsu.ru

УДК 902.03. (571.53)"634"

История изучения погребального обряда и мировоззрения уйгуров Центральной Азии эпохи средневековья

А. В. Бурнаев

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

В средневековый период на просторах Евразии появляются многочисленные тюркоязычные племена, среди которых немаловажный след в истории был оставлен именно уйгурами, чьи особенности погребального обряда и мировоззрения изучаются уже более ста пятидесяти лет большинством ученых [Дашковский, 2011, с. 5–6].

Одним из первых исследователей дореволюционного периода в области тюркологии и уйгуроведения принято считать В. В. Радлова, который во многих своих трудах при датировке и идентификации погребений уйгуров опирался не только на археологические источники, но и на памятники рунической письменности [Вайнштейн, 1989, с. 2–14]. Кроме того, изучая и переводя китайские источники, ученый имел даже некоторые примитивные данные о погребальных уйгурских обычаях [Радлов, 1989, с. 460].

Проведенные археологические экспедиции, возглавленные В. В. Радловым в Центральной Монголии и Южной Сибири, свидетельствуют не только о ценнейших материалах, давших возможность прочесть большинство письменных памятников уйгурского времени, но и говорят о многообразии артефактов, найденных в большинстве погребений у раннесредневековых кочевников [Вайнштейн, 1989, с. 34]. В целом же, несмотря на определенное изучение археологических данных, подтвержденных переведенными руническими текстами и китайскими письменными документами, В. В. Радлов все же не имел четких представлений о погребальном обряде уйгуров, ввиду наличия небольшого количества письменных источников и отсутствия четких критериев отнесения погребальных комплексов к уйгурам.

Советский тюрколог С. Е. Малов, как и В. В. Радлов, также занимался переводом древнетюркских рунических и уйгурских письменных памятников, уделяя при этом основное внимание уйгурскому мировоззрению. По утверждению ученого, некоторая часть уйгуров, наряду с манихейством, исповедовала также буддизм, бурханизм и даже христианство, о чем говорят большинство найденных религиозных текстов различного содержания в Средней и Центральной Азии [Малов, 1951, с. 139]. Помимо этого, изучая в своей работе особенности традиционных верований желтых уйгуров Китая, он провел сравнительную аналогию современных уйгуров с их древними предками, отмечая наличие у последних некоторых элементов шаманизма, скорее всего использовавшегося и в погребальном обряде [Абрамзон, 1978, с. 17].

Другой исследователь – Л. Р. Кызласов – в своей работе приписывает большинство поминальных памятников и

захоронений «тувинских катакомб» уйгурам, объясняя это присутствием в найденном инвентаре архаичных черт, ведущих еще к хуннскому времени. По мнению исследователя, культурные черты хунну прослеживаются как в керамике, так и в формах накладок на лук, что говорит о частичном сохранении хуннской обрядовой традиции в уйгурской культуре [Кызласов, 1959, с. 70–80].

Подробно касаясь погребального обряда, Л. Р. Кызласов указывает на то, что с проникновением древних уйгуров на территорию Тувы там появляются новые типы погребальных сооружений и поминальных обычаев, резко отличавшихся от особенностей местных кладбищ. Так, исследователь отмечает преобладание северной ориентировки при погребении покойных, вытянутых на спине, головой в разные стороны в зависимости от пола человека и, обычно, поодиночке. Интерес для ученого вызывает и то, что под курганными каменными насыпями у уйгуров с северо-западной стороны находились поминальные жертвенники, на которых родственники подносили мясо животных и питье в виде жертвы душе умершего для ее переселения в иной мир [Кызласов, 1969, с. 65–73]. Помимо поминального обряда историк уделяет небольшое внимание и мировоззрению уйгуров, которые, по его мнению, до становления манихейства в качестве государственной религии исповедовали буддизм. По утверждению автора, данная религия содействовала еще большей эксплуатации зависимого населения [Кызласов, 1981].

Другие исследователи, С. Г. Кляшторный и Д. Г. Савинов, также отводили большую идеологическую роль в Уйгурском каганате именно манихейству. Так, по мнению С. Г. Кляшторного, после участия кочевников в гражданской войне в Танской империи и окончательного разгрома войск Ань-Лушаня, а также его сторонников, уйгуры вместе с военной добычей и китайскими подарками увозили в столицу согдийцев-миссионеров, проповедовавших новое для кочевых народов религиозное направление – манихейство, которое постепенно распространялось на территории Средней и Центральной Азии с Китая и Ближнего Востока [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 33]. Сам Бегю-каган принял манихейство и оказал большое влияние на появление данной религии на территории каганата, что, несомненно, сказалось на культурной деятельности, быте и жизнедеятельности кочевого общества [Кляшторный, 2003, с. 450]. Как и Л. Р. Кызласов, С. Г. Кляшторный подтверждает данные о том, что манихейство со временем обрело статус государственной религии в Уйгурском каганате [Там же, с. 394]. Большое значение в религиозной

жизни уйгурских манихеев имели и буддистские гонения, при которых массово уничтожались предметы буддистского культа, что стало одной из предпосылок уйгуро-тибетских войн [Там же, с. 377].

В свою очередь, Д. Г. Савинов большое внимание уделяет вопросу о принадлежности тувинских «катакомбных погребений». Ученый в противовес Л. Р. Кызласову высказал мнение о том, что данные поминальные комплексы могут быть сооружены представителями древней кокзельской культуры, сохранившейся издавна на территории Южной Сибири. По мнению Д. Г. Савинова, существует характерная связь между найденными материалами в ходе раскопок тувинских могильников Чааты I, II и погребальных памятников кокзельской культуры, выражавшая схожими рисунчатыми узорами и формами: в бытовых артефактах, военных изделиях, а также в других общих предметах (ножи, трёхпёрые наконечники стрел и мн. др.) [Савинов, 2006].

Возвращаясь к вопросу уйгурского мировоззрения, другой исследователь, А. К. Камалов, выделяет сходную с С. Г. Кляшторным точку зрения. Так, исследователь считает, что после принятия уйгурами манихейства произошли не только заметные изменения в искусстве, градостроительстве, образе жизни (переход к оседлости), но и культурно-идеологической ориентации, повернувшейся в западном направлении на территорию Восточного Туркестана с целью распространения своей религии [Камалов, 2001, с. 142–144]. Но, несмотря на проникновение манихейского культа во многие сферы общественной жизни, особенности погребальной обрядности уйгуров затронуты не были.

В завершение следует отметить и точку зрения Ю. С. Худякова, который, как и предыдущие исследователи С. Г. Кляшторный и Д. Г. Савинов, не считал верным относить тувинские погребальные комплексы к уйгурам по причине того, что керамический материал большинства раскопанных погребальных памятников Южной Сибири не совпадает с керамикой древней уйгурской столицы – Орду-Балык и памятниками Центральной Монголии. Исходя из этого, по мнению историка, нельзя окончательно относить погребальные сооружения Тувы к уйгурской обрядовой культуре [Худяков, Цэвээндорж, 1982, с. 93–94].

Помимо этого, на основании изучения материалов раскопок памятных комплексов Орхон-Деля и некрополей Минусинской котловины, исследователем были получены новые данные касательно погребального обряда уйгуров. В обследованных могилах происходили захоронения уйгурских кочевников по обряду ингумации именно в сопровождении не целой туши лошади, а лишь шкуры убитого животного. Данная позиция ученого сформировала абсо-

лютно новую концепцию, которая не только выявила характерные особенности обрядовой деятельности у уйгуров, но и подчеркнула ее связь с погребальными традициями предшествующих тюрков, отличаясь захоронением шкуры лошади [Худяков, 1992, с. 14–15].

Таким образом, благодаря значительному вкладу вышеперечисленных ученых в области религиозных представлений и погребально-поминальных традиций кочевников, можно проследить присущие уйгурам особенности и их отличительные черты от других тюркоязычных образований центральноазиатского региона. Но, несмотря на широкую степень изученности данного вопроса, все же нельзя определить четкие критерии принадлежности погребальных сооружений и обрядов уйгурам из-за наличия небольшого количества памятников рунической письменности и найденных археологических объектов.

*Научный руководитель – П. К. Дашковский
д-р ист. наук, профессор,*

*зав. кафедрой регионоведения России,
национальных и государственно-конфессиональных
отношений,*

Алтайский государственный университет

Список литературы

- Абрамзон С. М. Этнографические исследования С. Е. Малова // Тюркологический сборник. 1975. М., 1978. С. 12–25.
- Вайнштейн С. И. В. В. Радлов и его труд «Из Сибири» (приложение). М., 1989. 43 с.
- Дашковский П. К. Мировоззрение кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул, 2011. 244 с.
- Камалов А. К. Древние уйгуры VIII–IX вв. Алматы, 2001. 215 с.
- Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Древнетюркские племенные союзы и государства Великой Степи // Степные империи Евразии. СПб., 1994. 432 с.
- Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003. 560 с.
- Кызласов Л. Р. Средневековые города Тувы // АН СССР. СА. М., 1959. № 3. С. 66–80.
- Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969. 212 с.
- Кызласов Л. Р. Культура древних уйгур // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 52–54.
- Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л., 1951. 452 с.
- Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989. 749 с.
- Савинов Д. Г. Потомки кокзельцев на страже уйгурских городищ // Археология Южной Сибири. Кемерово, 2006. Вып. 24. С. 44–50.
- Худяков Ю. С. Культура уйгуров Центральной Азии // Методические указания к курсу «Археология Сибири». Новосибирск, 1992. 34 с.
- Худяков Ю. С., Цэвээндорж Д. Керамика Орду-Балыка // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 85–94.

History of Study of the Burial Rite and Worldview of the Uyghurs of Central Asia in the Middle Ages

A. V. Burnaev

This article, based on various historiographical studies of the authors, considers the features of funeral ritual activities among the Uighur nomads of the Central Asian steppe. In addition, the ideological component, expressed in the religious worldview, also played an important role among the Uighurs. The work also carries out some comparative analysis among historians, based on their research results, based on both written and archaeological sources. All this allows us to trace a possible trend in the development of funeral traditions among the Uyghurs, the main distinguishing features from subsequent Kyrgyz.

Keywords: funeral rite, Uighurs, ideology, memorial complexes, cultural objects, archaeological materials, Manichaeism.

Бурнаев Артем Витальевич

студент 3-го курса

Алтайский государственный университет

e-mail: timon21998@mail.ru

Burnaev Artem Vitalievich

Student 3rd year

Altai State University

e-mail: timon21998@mail.ru

Технология изготовления предметов торевтики енисейских кыргызов (по материалам долины реки Ус)*

Р. В. Давыдов

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

*Исследование проведено в рамках деятельности ЛГИ НГУ
на базе НОП «Палеотехнологии» НОЦ «Новая археология» ГИ НГУ

Предметы поясной и сбруйной фурнитуры кочевников представляют особый интерес как массовый материал при изучении технических приемов обработки металла. В начале II тыс. н. э. в материальной культуре енисейских кыргызов происходит переход к новой технологии изготовления предметов торевтики посредством обработки железа с инкрустацией серебром [Бутанаев, Худяков, 2000, с. 111]. Поясная и сбруйная фурнитура X–XI вв., таким образом, может отражать начальный этап развития этой технологии.

Целью настоящей работы является реконструкция технологических схем изготовления железных художественных элементов поясного набора и снаряжения верхового коня енисейских кыргызов по материалам памятников долины р. Ус. В исследовании использован сравнительно-морфологический и экспериментально-трассологический анализ. В рамках последнего на базе НОЦ «Новая археология» ГИ НГУ проведена серия экспериментов по получению следов следующих операций: ковка (21 эталон), рубка (26 эт.), резание (4 эт.), чеканка (20 эт.), абразивная обработка (17 эт.), резьба (31 эт.), насечка (13 эт.), пробитие отверстий (36 эт.). Изготовлено семь заготовок наконечников ремней.

Проникновение енисейских кыргызов в долину р. Ус (юг Красноярского края) произошло в конце X в. Их материалы зафиксированы в трёх могильниках: Мутная-1, Эйдиктыр-кыр и Шигрей. Наиболее поздние вещи отнесены к середине XI в. [Митько, 1992, 2013].

Предметы найдены в погребениях, совершенных по обряду кремации на стороне, вместе с бытовыми предметами и вооружением (Шигрей: к. (коллективное захоронение), к. 1, к. 2; Мутная-1: к. 5, 6, 9; Эйдиктыр-кыр: к. 3, 8, 24, 29, 30, 36, 39, 43, 45, 50, 52, 56, 59). Всего 139 экз., в том числе 52 экз. с инкрустацией серебром, 34 экз. с орнаментом без инкрустации (резьба, негативы пуансонов и др.), 53 экз. без орнамента. Из-за пребывания изделий в погребальном костре, серебро, покрывавшее их, расплавилось и сохранилось преимущественно в виде отдельных капелек.

Рассматриваемые изделия, согласно типологической схеме, разработанной И. Л. Кызласовым [1983, с. 11, 20] (с дополнениями автора на эмпирическом материале), относятся к следующим категориям: распределители ремней (5 экз.), ременные наконечники (цельные и шарнирные (пластинчатые и уплощенные)) (23 экз.), пряжки (щитковые и рамчатые) (22 экз.), пряжки-петли (5 экз.), ременные обоймы (4 экз.), бляхи (двурогие, трехрогие, круглые, квадратные, трефовидные) (23 экз.), накладки (шарнирные и цельные (с кольцом, с крюком, с крюком и кольцом, без дополнительных элементов)) (21 экз.), седельные накладки (19 экз.), колчаные крюки (7 экз.).

В результате исследования выявлено три технологические схемы, отличающиеся способом образования основной формы:

1. Чеканка с матрицей и чеканом.

А. Из железного листа посредством двусторонней чеканки формировалась объемная заготовка [Минасян, 2014, с. 315]. Свидетельством данной техники выступает неравномерная толщина стенок и небольшая разница размеров предметов одной серии.

Б. Заготовка вырубалась из листа, края и поверхность подвергались первичной абразивной обработке. Круглым пробойником выполнялось отверстие для крепления.

В. На лицевую сторону наносилась насечка – декоративная (симметричные линии и точки, формировалась зубилом с узким лезвием) и техническая для крепления серебра («заусенцы»), выполнялась острым резцом по нагретому металлу и дополнялась бортиком, вырубленным по периметру зубилом).

Г. После технической насечки производилась инкрустация серебряной фольгой.

Данная схема использовалась при изготовлении двурогих, трехрогих и круглых блях из кургана 1 могильника Шигрей.

2. Чеканка с матрицей.

А. Заготовка нужной формы вырубалась из железного листа.

Б. Заготовка помещалась на матрицу (макет, формирующий внутреннюю поверхность предмета), ее края загибались ковкой. На это указывает неравномерный наклон стенок при практически одинаковых размерах внутренней поверхности (54–55,5×19,5–21 мм) и сморщивание металла.

В. Поверхность обрабатывалась абразивным инструментом. На лицевую сторону резцом и мелким зубильцем наносился декоративный орнамент. Инкрустация не производилась.

По вышеизложенной схеме выполнены четыре цельных ременных наконечника из кургана 45 могильника Эйдиктыр-кыр.

3. Ковка.

А. Заготовка вырубалась по разметке слесарным зубилом с последующей абразивной обработкой кромок.

Б. Для придания объема заготовке использовалась ковка. Первоначально носком молотка наносилась серия ударов по внутренней стороне. Затем предмет размещался боком и удары производились бойком вертикально, сплющивая стенки. Следы носка молотка и боковых ударов выявлены на многих предметах. Затем, если требовалось, круглыми или квадратными пробойниками выполнялись отверстия для крепления. Затем следовала абразивная обработка лицевой части.

В. На лицевую часть наносились декоративные элементы. Одни формировались зубилом (зубчики, волнистый рельеф, геометрические узоры). Другие (растительный, вафельный, геометрический орнамент) вырезались резцами или зубилом и дополнялись техническими насечками и бортиками для фиксации серебра.

Г. Финальной операцией выступала инкрустация серебряной фольгой.

Рассмотренная схема (полностью или только первые ее этапы и их вариации) применялась при изготовлении основной массы предметов.

Таким образом, выявлено три технологические схемы изготовления предметов поясной и сбруйной фурнитуры из могильников енисейских кыргызов в долине р. Ус. При этом чеканкой (в обоих вариантах) выполнено всего 22 экз. Обращение к данной технологии в одном случае связано с оптимизацией изготовления конкретной группы изделий (бляхи из могильника Шигрей). В другом (ременные наконечники)

нечники из к. 45 могильника Эйдиктыр-кыр) – с попыткой копирования бронзовых предметов (близкие по форме и орнаменту бронзовые изделия найдены в к. 36 и 56 данного могильника). В большинстве же случаев использовалась достаточно простая технологияковки.

Деление предметов на инкрустированные, орнаментированные и гладкие связано, в одном случае, с назначением изделий (рамчатые пряжки, пряжки-петли и колчаные крюки либо не орнаментировались, либо украшались выполненным зубилом рельефом), в других – с достатком всадников, владевших ими (поверхность накладок, блях, ременных наконечников и обойм, обкладок седла существенно различается по богатству декора).

Рассматриваемые изделия свидетельствуют о развитии технологии изготовления железных предметов торевтики. Изделия, которые можно отнести к раннему этапу, характеризуются неустойчивостью технологии (большое количество техник орнаментации, ошибки мастеров, излишняя проработка деталей, отсутствие объема). Они зафиксированы, в первую очередь, в комплексах вместе с бронзовыми предметами торевтики (к. 2, мог. Шигрей; к. 30, 36, 39, 56, мог. Эйдиктыр-кыр).

Более поздние изделия можно описать как массовые и (или) изготовленные по устойчивой технологии (унифици-

рованная техника орнаментации, тщательная обработка лицевой стороны при игнорировании мелких деталей на внутренней, рационализация техник, объем). Подобные предметы представлены, например, в к. 1 мог. Шигрей, к. 6 и 9 мог. Мутная.

*Научный руководитель – О. А. Митько
канд. ист. наук, доцент,
кафедра археологии и этнографии,
Новосибирский государственный университет*

Список литературы

- Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С. История енисейских кыргызов. Абакан : ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2000. 272 с.
Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М. : Наука, 1983. 128 с.
Минасян Р. С. Металлообработка в древности и Средневековье. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. 472 с.
Митько О. А. Памятники енисейских кыргызов в долине реки Ус // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии приенсейского края. Красноярск, 1992. Т. II. С. 52–54.
Митько О. А. Культурогенез киргизов долины реки Ус // Кыргызский каганат в системе средневековой государственности и культура тюркских народов : тезисы материалов II междунар. науч. конф., посвящ. 1170-летию образования Кыргызского каганата в Центральной Азии. Бишкек, 2013. С. 90–91.

Manufacturing Technology of the Toreutics Items of Yenisei Kyrgyz (Based on Materials of the Us River Valley)

R. V. Davydov

In the article, the author presents the results of the reconstruction of technological schemes of the manufacture of iron elements of a belt set and horse equipment of the Yenisei Kyrgyz. The author used materials from the Us river valley (South part of the Krasnoyarsk region, 10th–11th centuries), where there are three burial grounds: Shigrey, Mutnaya 1, Eidiktyr-kyr. In total, 139 objects were examined using methods of comparative morphological and experimental-trasological analysis. Three technological schemes are revealed: chasing with a matrix and a punch, chasing with a matrix, forging. Forging was used most often. A change in technology over time has been recorded. Earlier objects are made using simple and (or) unstable technology and are found along with bronze toretic. Later ones are characterized by mass character, unification and rationalization of technology.

Keywords: Southern Siberia, Yenisei Kyrgyz, toretics, jewelry, trasological analysis, manufacturing technology, metalworking.

Давыдов Роман Вячеславович

магистрант 2-го года обучения
Новосибирский государственный университет
e-mail: puer-viro@mail.ru

Davydov Roman Vyacheslavovich

Graduate student 2nd year
Novosibirsk State University
e-mail: puer-viro@mail.ru

УДК 903.227 (57)

О некоторых особенностях конструкции длинноклинкового оружия кочевников Центральной Азии и Южной Сибири XIII–XIV вв.

М. А. Обухова

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Длинноклиновое оружие кочевников Евразии в период становления и расцвета Монгольской империи (XIII – 1-я пол. XIV в.) традиционно привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных учёных. Однако профильные исследования сопряжены с определёнными трудностями. Значительная часть предметов происходит не из закрытых археологических комплексов, а из числа случайных находок, что затрудняет их датировку и атрибуцию. Следовательно, актуальной научной задачей является выделение конструктивных особенностей длинноклинкового оружия Монгольского времени по сравнению с оружием других исторических периодов.

Цель статьи – выделить характерные конструктивные особенности длинноклинкового оружия кочевников Центральной Азии и Южной Сибири XIII–XIV вв.

Решение поставленной научной задачи облегчается тем фактом, что длинноклиновое оружие кочевников региона Домонгольского и Постмонгольского периода уже становилось объектом специальных научных исследований [Худяков, 1986, с. 180–206; Бобров, Худяков, 2008, с. 264–283; Горбунов, 2016, с. 131–147; Бобров, Пронин, 2012, с. 572–581].

Так, в частности, было установлено, что комплекс длинноклинкового оружия тюркских кочевников X–XII вв. был представлен мечами, палашами и саблями [Худяков, 1986, с. 190–193; Горбунов, 2016, с. 134–135]. К отличительным чертам кимакской традиции можно отнести доминирование прямых и слабоизогнутых клинков, наклонных рукоятей и прямоугольных гард различных типов [Худяков, 1986, с. 180–206; Неверов, Горбунов, 1989].

Сопоставив данные по длинноклиновому оружию кимакского и монгольского времени, можно отметить следующие моменты:

1. Оружие монгольского времени в целом несколько длиннее своих кимакских аналогов. Причем это касается как сабель, так и палашей. Преобладающая длина палашей кимакского времени: 51–66 см, палашей монгольского времени: 77–80 см; длина сабель кимакского времени: 62–110 см, монгольского: 74–113 см.

2. Сабли монгольского времени, как правило, имеют большую кривизну клинков, чем их кимакские аналоги, что повышало рубяще-режущий эффект сабельного удара.

3. У клинков монгольского времени чаще встречается хвостовик, имеющий наклон в сторону лезвия, чем у клинков кочевников более раннего времени. Однако следует отметить, что из-за фрагментарности некоторых находок кимакских клинков у многих из них не сохранились хвостовики.

4. У кимакского длинноклинкового оружия в плоскости хвостовика (черена) часто либо полностью отсутствует отверстие для крепления накладок-«щечек» с помощью заклёпок, либо пробито только одно отверстие. В комплексе же длинноклинкового оружия XIII–XIV вв. могут встречаться как первые два варианта, так и третий, когда в полости хвостовика пробивалось два отверстия.

5. Кимакские гарды представлены следующими типами: прямоугольные, ладьевидные (подтипы: с прямой крестовиной, удлинённо-ромбические). Монгольские гарды: ладьевидные (подтип: удлинённо-ромбические, с прямой крестовиной), крестообразные (подтип: с прямой крестовиной, варианты: крестообразные с лопастевидными стержнями крестовины, с шаровидными головками на концах стержней крестовины), С-образные (подтип: с С-образной крестовиной).

6. У клинков монгольского времени с территории Казахстана появляется новый элемент: оковка-обоймица с язычком. У кимакских же клинков данный элемент встречается только у одного экземпляра, но язычок отсутствует, а сама оковка очень узка. Можно предполагать, что распространение сабель и палашей с обоймицами и «язычками» в Восточном Дашт-и-Кипчаке в XIII–XIV вв. было связано с восточным влиянием, так как в Южной Сибири данный конструктивный элемент продолжал сохранять популярность на протяжении всего периода развитого средневековья. Вероятно, обоймицы с «язычками» были привнесены на территорию Казахстана именно монгольскими завоевателями и их южносибирскими вассалами. В пользу данной версии свидетельствует тот факт, что обоймицы с язычками массово появляются также в Восточной Европе и на Северном Кавказе именно после завоевания этих регионов монголами [Горелик, 2004, с. 87, 89].

On some Design Features of the Long-Blade Weapons of the Nomads of Central Asia and Southern Siberia in the 13th–14th Centuries

M. A. Obukhova

This article discusses the problem of attribution and dating of long-bladed weapons from the territory of Central Asia and Southern Siberia. The main problem is that the items do not come from closed archaeological complexes, but from random finds. Consequently, traditional dating and attribution methods cannot be applied to them, but in this case we will lose many valuable finds. Therefore, it is necessary to find another way. In the present study, such a method was found. The author of the article decided to use the design features of the long-blade weapons of the studied period for dating other finds of this kind. For this, design features of the long-blade weapons of nomads of the Mongolian period were highlighted by comparison with weapons of an earlier historical period. During the comparison, the main distinguishing feature was identified: the presence of weapons of the Mongolian time shackled with a “tongue”.

Keywords: longblade weapon, mongols, kimaki, distinctive features, shackle with tongue, comparative analysis.

Обухова Мария Алексеевна

студент 3-го года обучения
Новосибирский государственный университет
e-mail: warlock-bein@yandex.ru

Основными тенденциями развития длинноклинкового оружия кочевников Казахстана в постмонгольский период стало увеличение изгиба клинка, а также резкий рост популярности Г-образных рукоятей с развитой крестообразной гардой [Бобров, Пронин, 2012; Бобров, Шереметьев, 2013]. В свою очередь, в Южной Сибири и Монголии широкое распространение получают палаши и сабли с дисковидными гардами [Бобров, Худяков, 2008, с. 271–283].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что длинноклинковое оружие монгольского времени имеет определенные конструктивные отличия от сабель и палашей nomadov других исторических периодов. Результаты исследования позволят более надежно датировать и атрибутировать образцы длинноклинкового оружия из числа случайных находок.

*Научный руководитель – Л. А. Бобров
д-р ист. наук, доцент,
Новосибирский государственный университет.*

Список литературы

- Бобров Л. А., Пронин А. О. Типология казахских сабель XVI – середины XIX в. // *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями*. СПб., 2012. Кн. 2. С. 572–581.
- Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2008. 782 с.
- Бобров Л. А., Шереметьев Д. А. Сабли казахских воинов из фондов Российского этнографического музея // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2013. Т. 12. Вып. 7. С. 223–245.
- Горбунов В. В. Мечи и сабли кимаков восточного Казахстана // *Война и оружие. Новые исследования и материалы*: тр. Седьмой междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2016. Ч. 2. С. 131–147.
- Горелик М. В. Об одной разновидности евразийских клинков эпохи развитого средневековья // *Военное дело народов Сибири и Центральной Азии*. Новосибирск, 2004. Сер. 2. Вып. 1. С. 86–101.
- Неверов С. В., Горбунов В. В. Об одной особенности рубяще-колющего оружия кимаков Восточного Казахстана и племен сросткинской культуры Верхнего Приобья // *Археологические исследования в Сибири*. Барнаул, 1989. С. 80–82.
- Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.

Зооархеологическая коллекция Дальневосточной археологической экспедиции 1954 г. с реки Шилка

В. Е. Вальченко

Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области, Благовещенск, Россия

Территория Восточного Забайкалья является одним из важных регионов в пределах Дальнего Востока на современном этапе археологического изучения. Здесь известно большое количество разноплановых памятников археологии, которые долгое время не получали должного внимания. Ситуация изменилась с июля-августа 1954 г., когда начала свою деятельность Дальневосточная археологическая экспедиция ЛО ИИМК АН СССР под руководством А. П. Окладникова. Его отряд совершил речной разведывательный маршрут от г. Сретенска (р. Шилка) до г. Благовещенска (р. Амур) [Окладников, Ларичев, 1999]. В процессе обследования местности была сформирована коллекция, включающая фрагменты керамики, каменные артефакты и остеологический материал. Коллекция 1954 г. хранится в фондах ИАЭТ СО РАН и продолжительный срок оставалась неизученной. В настоящее время она проходит научную обработку, постепенно вводится в научный оборот, чему помогают данные по археологии региона, полученные в последние полтора десятка лет в ходе разведывательных и стационарных работ новосибирских и читинских археологов.

В работе рассматривается остеологический материал шилкинской коллекции 1954 г. в совокупности с вновь полученными данными по фаунистическим остаткам на памятниках археологии среднего течения р. Шилка.

Подобных зооархеологических коллекций из Восточного Забайкалья очень мало, чем и определяется интерес к ней. Первые сведения о костных остатках животных в Шилкинской пещере были опубликованы А. П. Окладниковым. До этого момента информация о древностях бассейна р. Шилки имела отрывочный характер. Находки в пещере представлены многочисленными костяными изделиями (рыболовные крючки, наконечники, вкладыши, ножи и т. д.) и заготовками. Имеющиеся орудия в основном изготовлены из костей лося. Также были определены костные остатки собаки, лисы, соболя, белки, зайца, кабарги, козули, марала, кабана, птиц и рыб [Окладников, 1960, с. 30–46, 55–57].

Во время работ Амурской группы ДВАЭ на р. Шилка в 1954 г. была собрана значительная коллекция костных останков диких и домашних животных. С. К. Васильевым (канд. биолог. наук, с. н. с. ИАЭТ СО РАН, данные представлены С. В. Алкиным) была определена принадлежность 136 экз. костных останков, среди которых оказались кости козули, кабарги, марала, лошади, коровы, овцы/козы, свиньи, соболя, собаки. В небольшом количестве встречаются кости птиц, рыб и раковины речных моллюсков. Около половины коллекции (44 %) составляет фрагментированный костный материал, видовую принадлежность которого определить на данном этапе не удалось.

Кости лошади обнаружены при обследовании средневековых западин по правому берегу р. Половинка (впадает в Шилку напротив деревни Лужанки) при шурфовке землянки, расположенной в распадке руч. Тонтока у с. Мошегда, которая была отнесена исследователями к раннему железному веку [Окладников, Ларичев, 1999, с. 14]. От общего количества зооархеологического материала костные останки лошади составляют 18 %. Среди них определены: бедренные кости, астрагалы, фаланги, кости запястья и заплюсны, пястные, сесамовидные и грифельные кости, зубы.

Среди немногочисленных по видовой принадлежности костей (около 1 %) укажем на обнаруженные в археологическом контексте челюсти и фаланги коровы, а также собранные при расчистке небольшого навеса, расположенного по левой стороне р. Чалбучи, зубы верхней челюсти козы (овцы) [Окладников, Ларичев, 1999, с. 6–7].

Кости свиньи (3 %) были найдены на археологических памятниках у с. Мошегда и в пади Таптуга (левый берег Шилки). Сохранились локтевая кость, кости таза и клыки молодых или полувзрослых особей.

В заполнении одной из землянок городища Проезжая на правом берегу Шилки в нескольких километрах ниже с. Усть-Чёрная были обнаружены кости собаки (возможно, двух особей) – пясть, лопатка, плечевые и бедренные кости (6 %). На этом же городище в 2007–2008 гг. Е. В. Ковычевым проводились раскопки жилищ, в ходе которых найдены ритуальные захоронения трех молодых собак (возраст 6–10 мес.) [Ковычев, Харинский, Крадин, 2018, с. 90–95]. Собаки лежали в одинаковых позах, лапы подтянуты к животу, морды вытянуты к востоку. Вероятно, они были оставлены в жилищах намеренно, для «охраны» от посторонних. Датировка серии костей определила один из периодов существования городища от 894 до 1162 г. Можно предположить, что кости собаки, обнаруженные на Проезжей в 1954 г., входят в диапазон этих дат.

Наибольшее количество костей козули обнаружено на памятниках у с. Мошегда, пади Таптуга, с. Шилкинский Завод. Найдены фрагменты рога, фаланга (2-я), астрагалы, диафиз пястной кости, локтевая кость, заплюсна (13 % от общей коллекции). Астрагалы имеют следы обработки (подшлифовка, следы от металлических режущих инструментов). Возможно, они были подготовлены к использованию в игральные или ритуальные практиках.

Кости кабарги (1 %) представлены лишь астрагалами, обнаруженными на неолитическом памятнике в пади Таптуган.

Кости марала (5 %) обнаружены на памятниках у с. Мошегда. Среди них ребра, бедренная кость, фаланги, нижние челюсти и зубы. Некоторые из них принадлежали к полувзрослым особям.

В коллекции присутствуют бедренные кости соболя (2 %).

Кости рыб составляют 4 % коллекции. Также имеется небольшое количество раковин речных моллюсков, но они пока не подвергались видовому определению. Что касается костных останков орнитофауны, то в настоящее время обработана только коллекция, полученная при обследовании грота у Усть-Чёрнинского городища. В ней были определены 10 видов – беркут, крупный гусь, свиязь, гоголь, белая и бородатая куропатка, тетерев и др. [Мартьянович, Алкин, 2014].

Анализ материалов коллекции 1954 г. в совокупности с современными исследованиями позволяет предположить, что основой хозяйственной деятельности являлись скотоводство и охота на промысловых животных. Доля останков домашних животных достигает 29 %, в то время как доля охотничье-промысловой фауны составляет 26 %. Больше всего в коллекции костей лошади. Это животное имело большое значение для мохэского населения, что отмечено не только в письменных источниках, но и подтверждается данными археологии [Васильев, Алкин, 2017, с. 160–162]. Список домашних животных характеризует особенности

хозяйства мигрантов. Среди диких животных наиболее активно охотились на косулю. Это наиболее массовый вид копытных в гористых местах Забайкалья, поросших густым лесом, традиционный объект охоты [Гурова, 2009, с. 49–50].

Благоприятные условия долины Шилки – развитая речная система, богатая и разнообразная фауна, горно-долинный характер местности – способствовали успешной адаптации мохэского населения и формированию Шилкинской системы городищ в раннем средневековье.

*Научный руководитель – С. В. Алкин
канд. ист. наук, доцент, ст. науч. сотр.,
Новосибирский государственный университет,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

Васильев С. К., Алкин С. В. Фаунистические остатки из средневекового Усть-Чёрнинского городища в Юго-Восточном Забайкалье // *Universum Humanitarium*. 2017. № 2. С. 150–162.

Гурова О. Н. Косуля в Забайкальском крае // *Изв. Самар. науч. центра РАН*. 2009. № 1 (2). С. 49–52.

Ковычев Е. В., Харинский А. В., Крадин Н. Н. Шивэйское городище Проезжая-1 на реке Шилке // *Изв. Лаборатории древних технологий*. 2018. Т. 14. № 4. С. 78–102.

Мартынович Н. В., Алкин С. В. Кости птиц из пещеры близ стоянки Усть-Чёрная в Восточном Забайкалье // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. 2014. Т. XX. С. 209–211.

Окладников А. П. Шилкинская пещера – памятник древней культуры верховьев Амура // *Тр. Дальневост. археол. экспедиции*. М.; Л., 1960. Т. 1 : Древние культуры Дальнего Востока. С. 5–71.

Окладников А. П., Ларичев В. Е. Археологические исследования в бассейне Амура в 1954 г. // *Традиционная культура востока Азии*. Благовещенск, 1999. Вып. 2. С. 4–29.

Zooarchaeological Collection of the Far Eastern Archaeological Expedition in 1954 from the Shilka River

V. E. Valchenko

This paper presents the results of a study of the zooarchaeological material of the Shilkin collection of 1954, discovered by the Far Eastern Archaeological Expedition in the territory of East Transbaikalia. Osteological remains of animals belong to different monuments and belong to different times. Statistics shows the features of housekeeping. People mainly engaged in breeding domestic animals (horses, cows, pigs, and dogs) and additionally hunted (roe deer, musk deer). Traces on some bones indicate their practical application. Least of all in the collection were the bones of birds and fish, which can indicate their least use. Data on osteological materials are introduced for the first time and can supplement the data on the past residents of East Transbaikalia.

Keywords: Eastern Transbaikalia, osteological remains, cattle breeding, hunting, fauna.

Вальченко Виктория Евгеньевна

сотрудник

Центр по сохранению историко-культурного наследия

Амурской области

e-mail: valchenkotori@mail.ru

Valchenko Victoriya Evgenievna

Employee

Historical and Cultural Heritage Center Amur Region

e-mail: valchenkotori@mail.ru

УДК 903.5(571.54/.55)

Обзор предметов «импорта» из погребений XII–XIV вв. Поононья (Юго-Восточное Забайкалье)*

З. Ч. Ухинов^{1,2}, К. Я. Гультьева³

¹*Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия*

²*Музей истории города Иркутска им. А. М. Сибирякова, Иркутск, Россия*

³*Академия ментальной арифметики для детей, Новосибирск, Россия*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2019-866
«Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»

Поононье (область бассейна р. Онон, Юго-Восточное Забайкалье) имеет непосредственное отношение к формированию империи Чингисхана и монгольской культурно-политической общности.

Для монгольских погребений XII–XIV вв. Поононья характерны одиночные захоронения, с плоскими круглыми или овальными каменными кладками диаметром 3–5 м. Могильные ямы вертикальные без подбоев, глубиной в среднем 0,5–1 м. Присутствуют внутримогильные конструкции в виде деревянной рамы с перекрытием из досок или бересты, деревянной колоды или берестяного короба. Положение костяка – вытянутое на спине, головой в северном направлении; в большинстве случаев в изголовье умерших вертикально установлены берцовые кости овцы.

Погребальный инвентарь – самый вариативный элемент материальной культуры, задействованный в похоронном обряде. Интересным и информативным компонентом инвентарного комплекса являются так называемые предметы «импорта», под которыми подразумеваются изделия «немонгольского» производства, не характерные для материальной культуры кочевых монголов. Под «импортными» подразумеваются предметы, произведенные в империях Цзинь, Ляо, Северная и Южная Сун и Тюркских каганатах; созданные на присоединённых территориях

Монгольской империи и в появившихся монгольских городах, с помощью порабощённых китайских мастеров; воспроизведённые, возможно, местными мастерами как реплики оригинальных изделий.

В большинстве погребений Поононья обнаружены фрагменты шёлка и парчи – остатки одежды (халат и головной убор), обивка внутренних стен деревянных рам и колод, подстилка под тело покойного, сумки. Особый интерес представляет погр. № 5 могильника Уламы, где под голову был положен свернутый в несколько раз шелковый халат, простеганный золотой ниткой и украшенный сложным растительным узором. Сама умершая при этом была одета в простую, самотканую одежду [Ковычев, 2004б, с. 85]. Известно, что в даннических отношениях кочевых империй и Китая одним из основных продуктов обмена (вымогательства) был шёлк, который активно применялся кочевниками для изготовления одежды и аксессуаров.

Металлические зеркала (табл., № 1–13). Все зеркала плоские круглой формы, лицевая сторона гладкая, на тыльной стороне рельефные изображения: цветочный орнамент (№ 3, 6, 12), благожелательные надписи (№ 8, 9, 13), пары рыб и фениксов (№ 5, 11), мифические животные (№ 8, 10, 11) и сюжетные сцены из легенд (№ 1, 2, 4, 7). У трёх зеркал имелись ручки (№ 1, 2, 4), но были сломаны и

в погребениях не обнаружены. Пять зеркал найдены сломанными (№ 5–8, 11), из которых в двух случаях (№ 6, 8) отсутствовали части. Это свидетельствует о преднамеренной порче предмета. Отсутствие ручек и частей зеркала, возможно, объясняется тем, что их могли забрать во время погребальной тризны. В погребальном обряде монголы придавали зеркалам ритуальный характер. Если судить по сопроводительному инвентарю в погребениях (ножницы, гребни, кольца, нашивные бляшки, серьги в виде знака «?», бусы, берестяной сосуд), то во всех погребениях были захоронены женщины. В погребениях зеркала устанавли-

вали возле головы (№ 2, 6, 7) или рядом с торсом (№ 3–5, 8, 9, 12, 13). В повседневной жизни монголы применяли зеркала по прямому своему назначению, о чем свидетельствует наличие специальной сумочки (кожа, войлок) с зеркалом (№ 1, 13) и деревянным гребнем. Дополнительно могли применяться как украшение, амулет и показатель статуса владельца. Предположительно носили на шею или на пояс, продев шнурок в шишку-петлю. В зеркале № 5 в шишке-петле сохранились остатки веревки. Большинство зеркал являются репликами, о чем свидетельствует плохое качество рельефных изображений на тыльной стороне.

Таблица

Предметы «импорта» из погребений XII–XIV вв. бассейна р. Онон

	№	Мог-к и № погр.	Описание и источники
Металлические зеркала	1	Чиндант I, погр. № 6, 1965 г.	ø 97 мм, «изображение Бессмертного, оленя и других персонажей», ручка отломана [Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, с. 53] (возможно, изготовлено во время правления династии Цзинь)
	2	Чиндант I, погр. № 11, 1965 г.	ø 90 мм, «изображение божества Большой Медведицы», ручка отломана [Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, с. 55] (династия Цзинь?)
	3	Уламы, погр. № 4, 1966 г.	ø 52 мм, «изображение цветка хризантемы (астра)» [Ступников, 1966, с. 19] (династия Ляо и Цзинь?)
	4	Уламы, погр. № 5, 1966 г.	ø 107 мм, «изображение двух мудрецов», ручка отломана [Ступников, 1966, с. 20] (династия Цзинь?)
	5	Погр. возле с. Кулинда, 1968 г.	ø ~110 мм, «изображение двух карпов на фоне волн», разломано пополам [Ступников, 1968, с. 7] (династия Северная Сун или Цзинь?)
	6	Малая Кулинда, погр. № 1, 1968 г.	ø 94 мм, «изображение цветков лотоса(?)», качество литья плохое, отломана часть зеркала [Ступников, 1968, с. 3] (династия Сун и Цзинь?)
	7	Малая Кулинда, погр. № 1, 1980 г.	ø 98 мм, «изображение мальчика и осла» или «Сцена из легенды о Лю И», разломано на две неравные доли [Ковычев, 1980, с. 22] (династия Цзинь?)
	8	Малая Кулинда, № 15, 1980 г.	ø ~90 мм, «противостояние тигра и дракона», разломано на три части, на бортике регистрационная надпись [Ковычев, 1980, с. 38], династия Цзинь
	9	Малая Кулинда, № 27, 1980 г.	ø 100 мм, тип «Цзя-чан-гуй-фу», реплика зеркала Западной Хань [Ковычев, 1980, с. 48] (династия Цзинь?)
	10	Малая Кулинда, погр. № ?, 1995 г.	ø 80 мм, «изображение противостояния тигра и дракона», реплика зеркала эпохи Троецарствия [Ухинов, 2019, с. 199] (династия Цзинь?)
	11	Малая Кулинда, № 38, 1996 г.	ø ~100 мм, «изображение двух фениксов», разломано пополам, плохое качество литья [Литвинцев, Нестеренко, 1997, с. 85] (династия Сун или Цзинь?)
	12	Одиноч. погр. оз. Ножий, 1987 г.	ø 63 мм, «изображение цветка хризантемы (астра)», династия Ляо и Цзинь [Ухинов, 2019, с. 199]
	13	Ранет I, погр. № 1, 1990-е гг.	ø 98 мм, «Цзя-чан-гуй-фу», реплика зеркала Западной Хань [Ухинов, 2019, с. 199] (династия Цзинь?)
Монеты	14	Ононск, погр. № 15, 1968 г.	ø 24 мм, «Тайпин тунбао» – «Основная монета годов правления Тайпин (синго)», 976–983 гг., династия Северная Сун [Ковычев, 1981, с. 79]
	ø 24 мм, «Цзиньдэ юаньбао» – «Основная монета годов правления Цзиньдэ» 1004–1007 гг., династия Северная Сун [Ковычев, 1981, с. 79]		
	16	Малая Кулинда, погр. № 7, 2003 г.	ø 44 мм, «Синин чжунбао» – «Тяжелая монета эры правления Синин», 1068–1077 гг., династия Северная Сун [Ковычев, 2004а, с. 196]
	17	Одиноч. погр. на р. Калангуйка, с. Арнда	ø 26 мм, «Сяньпинь юаньбао» – «Основная монета годов правления Сяньпинь» 998–1003 гг., император Чжень-цзун, 998–1022 гг., династия Северная Сун [Ковычев, 2004б, с. 78]
Керамическая посуда	18	Чиндант I, погр. № 6, 1965 г.	Фрагмент венчика серого цвета со сквозными отверстиями вдоль венчика, ниже две линии, между шейкой и туловом [Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, с. 53]
	19	Малая Кулинда, погр. № 2, 1968 г.	Сосуд красно-коричневого цвета, баночной формы, закрытого типа, 4 наклепные шишки на стыке плечиков и тулова [Ковычев, 2004а, с. 186]
	20	Малая Кулинда, погр. № 11, 1968 г.	Фрагменты сосуда серого цвета, горшковидной формы, закрытого типа, плоское дно, 4 наклепные шишки на плечиках, двойной пояс кружковых вдавлений по тулову [Ступников, 1968, с. 29]
	21	Ононск, погр. № 15, 1969 г.	Фрагмент сосуда с «вафельными» отпечатками на поверхности, в заполнении могильной ямы [Ковычев, 2004б, с. 78]
	22	Благодатный, погр. № 8, 1979 г.	Фрагмент фарфор. пиалы бело-голубого цвета, иероглиф «фу» – «счастье», стиль письма Чжуаньшу тип Сяочжуань [Ковычев, 1979, с. 39]
	23	Малая Кулинда, погр. № 5, 2003 г.	2 фр. толстостенной керамики, изготовленной на круге, светло-серого цвета, с плоским дном [Ковычев, 2004а, с. 183]
	24	Малая Кулинда, погр. № 7, 2003 г.	5 фр. толстостенного горшковидного сосуда, затертый поясок коротких насечек, венчик округлый, отогнутый наружу [Ковычев, 2004а, с. 186]
Украшения	25	Уламы, погр. № 4, 1966 г.	Раковина каури, 4 золотые ромбовидные нашивки от головного убора [Ступников, 1966, с. 19]
	26	Соцал II, погр. № 1, 1985 г.	Раковины каури 16 шт., серьга салтовского типа, 3 серьги решетчатого типа; крестовидная подвеска, отсутствует один луч [Ковычев, 1985, с. 50]
	27	Малая Кулинда, погр. № 26, 1980 г.	2 круглые бронзовые пуговицы с двумя отверстиями, по краю ряд выпуклых жемчужин и по центру буддийские знаки-лигатуры [Ковычев, 1980, с. 47]
	28	Малая Кулинда, погр. № 37, 1996 г.	одна бронзовая пуговица, с лигатурой или с растительным орнаментом [Литвинцев, Нестеренко, 1997, с. 85]

Монеты (табл., № 14–17) применяли как украшения к элементам одежды. В детском погребении у с. Солонцово сохранился кожаный ремешок, пропущенный через квадратное отверстие, крепившийся к волосам или к кожаной шапочке [Ковычев, 1981, с. 76]. Монеты № 14 и 15 в по-

гребении находились слева от тазовых костей и были плотно прижаты друг к другу, связаны веревкой из волос, между ними была пропущена ткань. По монетам из погребений сложно говорить о применении их как денежной единицы.

Керамическая посуда (табл., № 18–24). Сосуды применялись для хранения, приготовления и употребления пищи. В монгольских погребениях керамические сосуды встречаются редко. Импортным является фрагмент пиалы (№ 22) из бело-голубого фарфора, произведённой, возможно, в г. Цзиньдечжен. Остальные сосуды из серой глины украшены в типичном «киданьском» стиле – пояском коротких и частых насечек [Ковычев, 2004б, с. 76]. В основном керамика фиксируется в виде фрагментов в кладке и в заполнении могильных ям. Например, сосуд № 20 лежал на крышке деревянной рамы. В большинстве случаев (№ 18, 20–23) сосуды не были сопроводительным инвентарём, а скорее всего использовались во время поминальной тризны, разбивались (возможно, не намеренно), и некоторые фрагменты попадали в могильную яму во время засыпки. Только сосуд № 19 можно рассматривать как сопроводительный инвентарь, который располагался у левого плеча погребённого и сохранился полностью.

Украшения (табл., № 25–28). Серьги (№ 26): салтовского типа – 1 шт., решетчатого типа – 3 шт. Большинство аналогичных серёг обнаружены в погребениях 2-й пол. I тыс. Южной Сибири, Монголии и Забайкалья в эпоху доминирования тюркских империй. Золотые ромбические нашивки от головного убора (№ 25) с орнаментом в виде четырехлепестковых цветков и двух рядов точек по краю нашивок. Есть аналогичные нашивки, только из бересты, в Малой Кулинде в погребениях № 34 (12 шт.) и № 38 (5 шт.) – ромбической формы, с орнаментом из тонкой бронзовой нити, по краям ряд отверстий от прошивки [Литвинцев, Нестеренко, 1997, с. 85]. Наличие на пуговицах (№ 27, 28) тибетских лигатур может напрямую указывать на их импортное происхождение и косвенно – на влияние буддизма среди монголов XII–XIV вв. Раковины каури (№ 25, 26), несомненно, являются привозными предметами, 16 раковин (№ 26) являлись украшением головного убора, крепились к берестяной основе. В погребальном обряде эти различные украшения применялись как сопроводительный инвентарь.

В повседневной жизни в большинстве случаев монголы применяли импортные предметы в качестве украшений и для демонстрации статуса владельца. Металлические

зеркала дополнительно могли являться ритуальными предметами. В погребальной практике предметы «импорта» применяли как сопроводительный инвентарь, кроме керамических сосудов «киданьского» стиля.

Наличие в погребениях предметов импорта – это следствие экономических и военно-политических отношений монгольских племен с соседними государствами в период до создания монгольской империи и после. В ходе развития от кочевого общества к крупной империи с урбанизацией происходили изменения в материальной и духовной культуре, отразившиеся на комплексе сопроводительного инвентаря в погребальном обряде.

Список литературы

- Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. Новосибирск : Наука, 1984. 201 с.
- Ковычев Е. В. Научный отчет о полевых исследованиях в зоне строительства и затопления Харанорской ГРЭС в 1979 году // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. 7823. 112 л.
- Ковычев Е. В. Научный отчет о полевых исследованиях в зоне строительства и затопления Харанорской ГРЭС в 1980 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. 8018. 173 л.
- Ковычев Е. В. Монгольские погребения из Восточного Забайкалья // Новое в археологии Забайкалья. Новосибирск, 1981. С. 73–79.
- Ковычев Е. В. Научный отчет о полевых исследованиях в Поононье в 1985 году // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. 11110. 51 л.
- Ковычев Е. В. Раннемонгольские погребения из могильника Малая Кулинда // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ, 2004а. Вып. 2. С. 181–196.
- Ковычев Е. В. Далёкое прошлое Поононьи // История и география Оловянинского района. Чита, 2004б. С. 4–95.
- Литвинцев А. Ю., Нестеренко В. В. Новые исследования монгольских погребений в пади Малая Кулинда // 275 лет сибирской археологии: Материалы XXXVII РАЭСК. Красноярск, 1997. С. 84–85.
- Ступников Р. Н. Научный отчет об археологических изысканиях в бассейне р. Онон в 1966 году // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. 3257. 38 л.
- Ступников Р. Н. Отчет об археологических разведках по р. Онон Читинской области в 1968 году // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. 3724. 36 л.
- Ухинов З. Ч. Металлические зеркала из погребений XII–XIV вв. Поононьи // Материалы LIX Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Благовещенск ; Хэйхэ, 2019. С. 198–199.

Overview of “Imported” Items from Burials of the 12th–14th Centuries in the Onon River Region (South-Eastern Transbaikal)

Z. Ch. Ukhinov, K. Y. Gulyaeva

The article presents objects of “import” from the burials of the Mongols of the 12th–14th centuries, in the Onon river basin. Imported items (means “non-Mongolian”) are an informative element of the funeral rite. They include bronze mirrors, copper coins, fragments of dishes, clothes made of silk, and various types of jewelry – earrings, pendants, buttons, shells. These items were brought from the territories of the empires of Jin, Liao, Song (North and South), Yuan, Ming, and from the former lands of the Turkic Kaganate. In everyday life, in most cases, the Mongols used imported items as jewelry and to demonstrate the status of the owner. Metal mirrors, in addition, could be ritual objects. In the funeral rite, they were used as grave goods for a deceased person, except ceramic vessels. The presence of “imports” in the graves is a consequence of the economic and military-political relations of the Mongol tribes with neighboring states, in the period before and after the creation of the Mongol empire.

Keywords: Southeast Transbaikal, Onon river, burial complexes, porcelain, bronze mirror, copper coins, silk, kauri shells.

Ухинов Зорикто Чимитдоржиевич

стажер-исследователь, НИЦ «Байкальский регион»
Иркутский государственный университет;
младший научный сотрудник
Музей истории города Иркутска им. А. М. Сибирякова
e-mail: zorikto-ukhinov@mail.ru

Гуляева Ксения Яковлевна

старший администратор
Академия ментальной арифметики для детей
e-mail: Gulyaevak0508@gmail.com

Ukhinov Zorikto Chimitdorzhievich

Trainee Researcher, Scientific Research Center “Baikal Region”
Irkutsk State University;
Junior Researcher
A. M. Sibiriyakov Museum of the History of Irkutsk
e-mail: zorikto-ukhinov@mail.ru

Gulyaeva Kseniya Yakovlevna

Senior Administrator
Academy of Mental Arithmetic for Children
e-mail: Gulyaevak0508@gmail.com

Кости барана в погребальной обрядности населения Северного Прихубсугулья в XII–XIV вв.

М. А. Портнягин

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
Иркутский национальный исследовательский университет, Иркутск, Россия

Первая половина II тыс. н. э. является важной вехой в этнокультурной и этнополитической истории Центральной Азии и Южной Сибири. В этот период происходит активное расселение монголоязычных племён в указанных регионах с последующим выходом на мировую политическую арену. Помимо этнической, политической обстановки изменялся и культурный фон – появление на территориях, вошедших в состав империи, новой погребальной традиции – сянтуйской, одним из характерных элементов которой является вложение в могилу костей барана (кости ног, позвонки, лопатка) [Именохоев, 1992; Останки животных ... , 2014].

Если говорить о погребальном обряде как таковом, то, как правило, принятая в обществе ориентировка погребённых диктует форму и ориентировку могильной ямы. Поскольку данный элемент погребального обряда являлся отражением представлений о географической локализации «страны мёртвых», он был первичным (вместе с топографией погребения). Для погребальной традиции монголов имперского периода, после сооружения могильной ямы с определённой ориентировкой (север, северо-восток), характерно помещение в неё внутримогильной конструкции (колода, рама, гроб). После этого «обставлялось» внутримогильное пространство, в том числе помещали и части туши барана.

В научной литературе представлены следующие интерпретации роли (семантика) костей барана в погребениях средневековых «монголов»: 1) вместилище души; 2) символ перерождения стада в загробном мире; 3) остаток поминальной тризны; 4) жизненная сила.

Наиболее распространённым в научных кругах определением смысловой нагрузки этого элемента погребального обряда является «вместилище души» *сулдэ* (монг.) [Именохоев, 1992, с. 35]. По сути, синонимичным этому определению будет «жизненная сила» *сулдэ* (*хулдэ*) (бурят.) [Балдаев, 1970, с. 28].

Б. Я. Владимирцевым «сулдэ» с монгольского языка дословно было переведено как гений-хранитель, душа-гений [Владимирцев, 1927, с. 23].

По поверьям монголов, человек имел несколько душ. У многих народов считалось, что душа у человека находится в голове. «Если голова выступает как вместилище "души" (жизненной силы) человека при жизни, то берцовая кость – как ее хранилище и проводник после смерти» [Останки животных ... , 2014, с. 73].

Баранья кость могла символизировать переродившееся стадо скота [Эрдэнэбат, 2010, с. 327], олицетворяла это животное в потустороннем мире [Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, с. 60]. Гильом де Рубрук писал следующее о представлениях монголов о загробной жизни: «...веруют, однако, что после смерти станут жить в ином мире, будут умножать свои стада, есть, пить и делать другое, что делают люди, живущие в этом мире» [Плано Карпини Джюванни, Рубрук Гильом, 1957, с. 31].

По мнению Х. Лхагвасурена, кости барана или овцы, обнаруживаемые в погребениях монголов имперского периода, представляют собой погребальную (заупокойную) пищу [2015, с. 89]. Также кость барана интерпретируется как часть поминальной тризны [Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, с. 59].

Предположим, что кость барана в погребении могла выполнять роль благопожелания при отправлении души усопшего в последний путь или же дань уважения. Основанием для этого служит строго регламентированная традиция у монголов по разделке барана и приёму его мяса в пищу. Самым ценным лакомством, которое подают уважаемым гостям, является крестец, лопатка, длинные рёбра, грудинка и берцовая кость. Из этого списка наибольшей ценностью обладают лопатка и берцовая кость [Лхагвасурэн, 2015, с. 89].

В монгольское время Северное Прихубсугулье занимало пограничное положение между двумя историческими областями: Кем-Кемджиутом (Тува) и Баргуджин-Токумом (Прибайкалье). Исследование этих территорий необходимо для понимания локальных исторических процессов, проходивших в таком государстве, как Великая Монгольская империя.

На данный момент в Северном Прихубсугулье исследованы следующие погребения, датируемые XII–XIV вв., где присутствуют кости барана: Ногоон-Гозгор I (Цыгыр I) – № 4–6; Ногоон-Гозгор II (Цыгыр II) (кенотаф); Зуун Хярын Дэнж I – № 1, 2, 9; Урд-Хяр I – № 9; Урд-Хяр II – № 23, 24, 25; Хавчал II – № 8.

Как можно видеть из таблицы, в 8 из 12 погребений присутствуют позвонки барана и в 1 – крестец, также являющийся составной частью позвоночного столба. Аналогичная ситуация и с костями ног (9). Причём в семи случаях позвонки и кости ног обнаружены вместе.

Таблица

Сравнительная таблица погребений XII–XIV вв. с территории Северного Прихубсугулья

№	Погребение	Позвонки	Крестец	Кости ног	Скелет	Ориентировка	Внутримогильная конструкция
1	Ногоон-Гозгор I (Цыгыр I), №4	под левой лопаткой	–	вдоль левой руки	–	С	–
2	Ногоон-Гозгор I (Цыгыр I), №5	под поясницей	–	–	–	СЗ	деревянное перекрытие
3	Ногоон-Гозгор I (Цыгыр I), №6	–	–	–	в северной части могильной ямы	СЗ?	?
4	Ногоон-Гозгор II (Цыгыр II) (кенотаф)	–	–	на деревянном перекрытии	–	СВ	деревянное перекрытие
5	Зуун Хярын Дэнж I, №1	справа от костяка рядом с костью ноги барана	–	справа от костяка в вертикальном положении	–	СВ	деревянное перекрытие

№	Погребение	Позвонки	Крестец	Кости ног	Скелет	Ориентировка	Внутримогильная конструкция
6	Зуун Хярын Дэнж I, №2	под тазом	–	под берестяным колчаном	–	СЗ	гроб-рама
7	Зуун Хярын Дэнж I, №9	под тазом	–	на месте черепа погребённого уровнем выше	–	СВ	?
8	Урд Хяр I, №9	под тазом	–	слева в средней части между колодой и стенкой ямы	–	СВ	колода
9	Урд Хяр II, №23	в районе сочленения тазовой и правой бедренной кости	–	слева от костей левой кисти наклонно установленная	–	СЗ	деревянное перекрытие
10	Урд Хяр II, №24	слева от костей левой кисти	–	слева и справа от берцовых костей человека вдоль стенок ямы	–	СВ	–
11	Урд Хяр II, №26	–	–	справа от левого плеча и черепа	–	СВ	колода
12	Хавцал II, №8	–	в средней части могильной ямы около западной стенки	в районе берцовых костей правой ноги человека	–	ССВ	деревянное перекрытие

Определённой тенденцией (6 из 9) является локализация позвонков барана в районе таза погребённого (таз, поясница, паховая область) или же в средней части ямы. Кости ног барана также в 5 случаях обнаружены в районе костей рук погребённого (от плеча до кисти).

Обратим внимание, что такие факты, как наличие костей барана (позвонки, кости ног) в погребении, ориентировка могилы, наличие и тип погребальной конструкции, слабо коррелируются. То есть на данном этапе исследований установить какую-либо взаимосвязь между этими элементами не удаётся. Статистические данные по наличию частей скелета барана в аналогичных погребениях из Забайкалья, Тянь-Шаня, а также других районов Монголии [Акматов, Табалдиев, 2017, с. 73, табл. 1] в целом сходны с материалами с Северного Прихубсугуля.

Погребальный обряд, привносимый монголами на новые территории, мог несколько видоизменяться с учётом местных традиций и политической обстановки. Население Северного Прихубсугуля в монгольское время существовало в целом в русле новых культурных веяний, которые активно распространялись по Евразийской степи. Такой элемент погребального обряда монголов, как вложение в могилу костей барана (кости ног, позвонки), нашёл отражение в местных погребальных традициях. Однако отметим, что к настоящему времени на территории Северного Прихубсугуля не исследованы памятники I тыс. н. э., в которых также могут присутствовать кости барана в аналогичных «монгольским» конфигурациях. Не исключено, что по мере исследования новых погребений представления о погребальной обрядности населения Северного Прихубсугуля I–II тыс. н. э. несколько скорректируются. Но при этом введённый в научный оборот новый массив данных позволит проследить генезис и раскрыть вопросы се-

мантики такого элемента погребального обряда, как вложение в могилу частей туши барана.

*Научный руководитель – А. В. Харинский
д-р ист. наук, профессор,
заведующий Лабораторией археологии, палеоэкологии и систем
жизнедеятельности народов Северной Азии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет*

Список литературы

- Акматов К. Т., Табалдиев К. Ш. Погребения под овальной каменной насыпью на Тянь-Шане и некоторые вопросы изучения средневековых монгольских погребальных комплексов // Вестн. ИГУ. Сер.: История, филология. 2017. Т. 16. № 5: Археология и этнография. С. 68–81.
- Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. Новосибирск : Наука, 1984. 201 с.
- Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ, 1970. Ч. 1. 362 с.
- Владимирцев Б. Я. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах // Северная Монголия. 1927. Вып. II. С. 1–42.
- Именохоев Н. В. Раннемонгольская археологическая культура // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. Новосибирск, 1992. С. 23–48.
- Лхагвасурэн Х. Монгольские погребения периода Чингис хана (XII–XIV вв.). Улаанбаатар : Чингис хан, 2015. 156 с.
- Останки животных в монгольских захоронениях XIII–XIV вв. могильника Оюшки I (Юго-Восточное Забайкалье) / А. В. Харинский, Т. Ю. Номоконова, Е. В. Ковычев, Н. Н. Крадин // Российская археология. 2014. № 2. С. 62–75.
- Плано Карпини Джiovанни. История монгалов. Рубрук Гильом. Путешествие в Восточные страны / ред., вступ. ст., примеч. Н. П. Шастиной. М. : Госуд. изд-во географ. лит-ры, 1957. 291 с.
- Харинский А. В. Погребальная практика монголов в XIII–XIV вв. // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Чита, 2013. Ч. 2. С. 125–131.
- Эрдэнэбат У. Монгол Булшны Судалгаа // Дундговь аймагт хийсэн археологийн судалгаа: Археологийн судлал. 2010. (VII) XXVII боть. С. 313–378.

Sheep Bones in the Burial Rites of the Population of Northern Hovsgol Region in the 12th–14th Centuries

M. A. Portnyagin

The article summarizes the interpretation of the role of sheep bones in the funeral rite of the Mongolian tribes 12th–14th centuries. A statistical analysis of the presence of diagnostic sheep bones in burials from the territory of the Northern Hovsgol region dated 12th–14th centuries is presented. As a result, it was revealed that sheep vertebrae are present in 9 out of 12 burials; leg bones are also represented in the same amount. These data allow us to talk about a similar worldview of the newcomer and the local population, or about the latest perception of new traditions. But it is worth noting that elements of local burial traditions continued to exist, but already in combination with new ones. In particular, we are talking about the orientation of the buried to the north-west, which may indicate a Turkic tradition.

Keywords: Mongolian time; funeral rite, sheep bones, Northern Hovsgol region, Mongol empire, statistics.

Портнягин Матвей Александрович
магистрант 2-го года обучения
Иркутский государственный университет;
лаборант-исследователь, лаборатория археологии,
палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов
Северной Азии
Иркутский национальный технический университет
e-mail: matirk@yandex.ru

Portnyagin Matvei Aleksandrovich
Graduate student 2nd year
Irkutsk State University;
Laboratory Researcher, Laboratory of Archaeology,
Paleoecology and the Subsistence Strategies of the
Peoples of Northern Asia
Irkutsk State Technical University
e-mail: matirk@yandex.ru

УДК 902(571.61)

Материалы памятника «Черниговка, селище-5» в контексте генезиса михайловской археологической культуры в Западном Приамурье

Е. И. Иванушко

Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, Россия

В настоящее время на территории Амурской области обнаружены десятки памятников михайловской археологической культуры. Первым из них является Михайловское городище на р. Завитой. Исследованием данного памятника занималась Е. И. Деревянко и отнесла его к мохэской археологической культуре. В ходе дальнейших исследований памятников михайловской группы удалось выделить данную группу в михайловскую археологическую культуру [Народы и религии ... , 2017, с. 34].

На данный момент существует две версии происхождения михайловской культуры. Первая предложена С. П. Нестеровым. Согласно ей, носители михайловской культуры были определены как монголоязычные шивэй. По мнению С. П. Нестерова, существует преемственность талаканской и михайловской культур, которая прослеживается в определенных элементах:

- для обеих культур характерны котлованная и наземная формы строительства и каркасная конструкция квадратной в плане формы;
- способы изготовления и ретуширования орудий из камня михайловцы также унаследовали у талаканцев;
- сходства в керамическом производстве.

Иную точку зрения предложил Д. П. Болотин. По его мнению, михайловская культура появилась в результате слияния талаканской и поздней польцевской (урилопольцевской) культур. При этом главную роль в формировании михайловской культуры играло тунгусоязычное польцевское население, а не талаканское. В качестве аргументов в пользу представленной точки зрения приводится следующее:

- преемственность типов хозяйств михайловской и польцевской культур, в которых преобладало земледелие, в то время как талаканцы занимались охотой и рыболовством;
- сходство выращиваемых сельскохозяйственных культур и разводимых животных;
- наличие вазовидных сосудов [Шеломихин, Нестеров, Алкин, 2017, с. 21–22].

Стоит отметить, что если конструкция жилищ и изготовление каменных ретушированных орудий характерны для большей части Приамурья, то сходство керамики является оригинальным элементом, указывающим на преемственность талаканской и михайловской культур.

Из элементов, характеризующих преемственность польцевской и михайловской культур, предложенных Д. П. Болотиным, выделяют наличие одинакового типа хозяйств и сосуды вазовидной формы. Однако на данный момент не обнаружены михайловские вазы, которые относились бы ко времени предполагаемого контакта этих двух культур. Кроме того, дальнейшие исследования позволили предположить, что носители талаканской культуры могли заниматься и земледелием.

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что в научном сообществе существуют разногласия в вопросе о генезисе михайловской культуры. Однако новые исследования территории Западного Приамурья выявили еще один общий для михайловской, талаканской и урильской археологических культур признак. В 2018 г. на территории Амурской области проходила самая масштабная археологическая экспедиция на месте планируемого строительства Амурского газохимического комплекса в Свободненском районе. Здесь осуществлялись археологические раскопки памятника «Черниговка, селище-5». Памятник сам по себе представляет большой интерес как своими масштабами, так и материалом, обнаруженным здесь. Но в рамках данной статьи обратим внимание на то, что здесь были найдены круглодонные по форме сосуды с характерной михайловской орнаментацией и технологией изготовления. Данное обстоятельство косвенно указывает на преемственность талаканских и михайловских сосудов. Так, на поселении Поярково-1 были обнаружены сосуды, на которых доньшки заделывались своеобразной «пробкой», образуя круглодонное основание (рис. 1). Сосуды из Черниговки сохраняют этот признак, но изготовлены уже в более поздней михайловской традиции (рис. 2).

Это позволяет предположить, что мигранты талаканцы на новом для себя месте пребывания перенимали навыки хозяйственной деятельности у местного населения, сохраняя какое-то время собственные традиции.

Таким образом, можно предположить, что михайловская культура – это результат приспособления пришлых кочевых племен (талаканцев) к местной оседлой (позднеурильской) специфике.

*Научный руководитель – О. А. Шеломихин,
заведующий кафедрой, доцент,
начальник музейного комплекса,*

*кафедра истории России и специальных исторических дисциплин,
Благовещенский государственный педагогический университет*

Список литературы

Народы и религии Приамурья / А. П. Забяко, А. О. Беляков, А. С. Воронина, Е. А. Завадская, Я. В. Зиненко, Е. А. Конталева, В. С. Матющенко, О. В. Пелевина, К. И. Родионова, Н. В. Чирков. Благовещенск, 2017. 424 с.

Шеломихин О. А., Болотин Д. П. Обзор историко-культурной динамики населения Приамурья с древности до XVII века (по данным археологических исследований в Амурской области) // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы V междунар. науч.-практич. конф. (Благовещенск; Хэйхэ; Харбин, 18–23 мая 2015 г.). Благовещенск, 2015. Вып. 5. 558 с.

Шеломихин О. А., Нестеров С. П., Алкин С. В. Долина Буреи в эпоху палеометалла: материалы и исследования памятников Букинский Ключ-1 и Безумка. Благовещенск, 2017. 193 с.

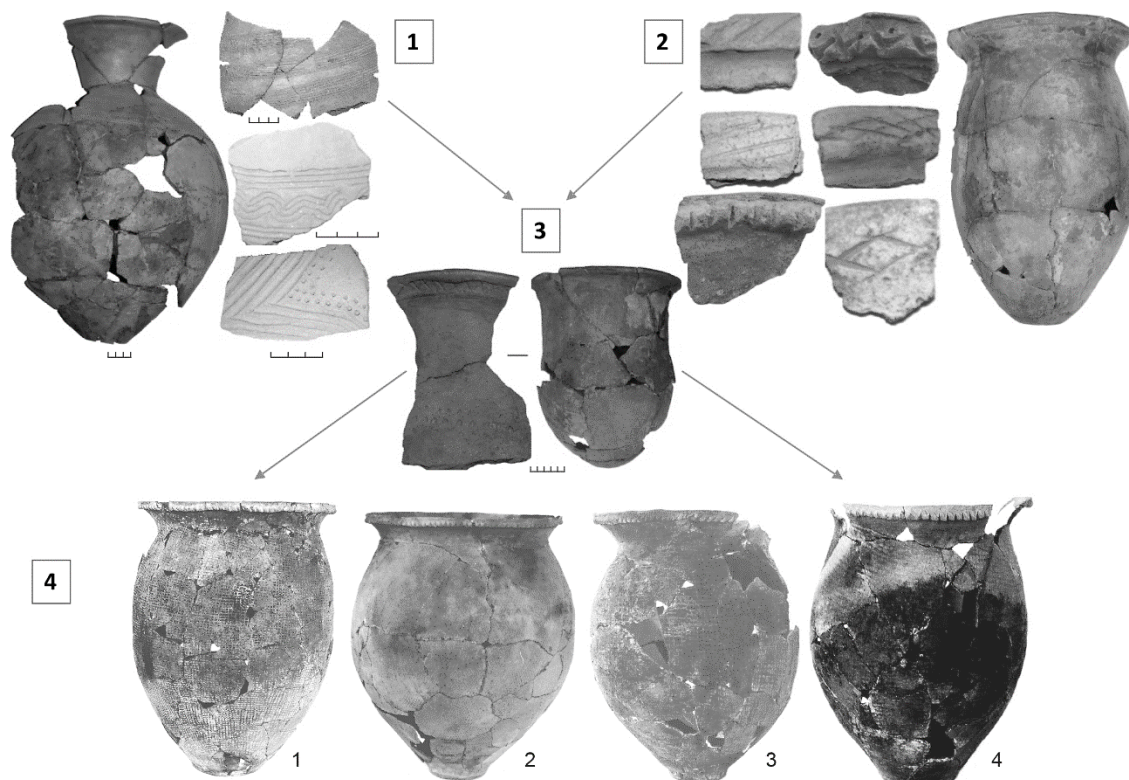

Рис. 1. Особенности и преемственность керамики культур эпохи палеометалла:
1 – урило-польцевская, 2 – талаканская, 3 – переходная, 4 – михайловская (по: [Шеломихин, Болотин, 2015, с. 99])

Рис. 2. Круглодонные сосуды с памятника «Черниговка, селище-5»

Materials of the “Chernigovka Site, Locus 5” in the Context of the Genesis of the Mikhailovskaya Archaeological Culture in the Western Amur Region

E. I. Ivanushko

At this article discusses two main concepts of the origin of the early medieval Mikhailovskaya archaeological culture, which was proposed by S. P. Nesterov and D. P. Bolotin. The author, based on the data obtained as a result of the archaeological excavations of the Chernigovka site, locus 5 suggests that the carriers of the Mikhailovskaya archaeological culture are descendants of the Talakan population. As arguments, the fact that round-bottomed vessels were found on the Chernigovka site, locus 5, similar to those found on the site of both the Talakan and uril archaeological cultures is suggested. In addition, the author adheres to the point of view of S. P. Nesterov and relies on the arguments proposed by him.

Keywords: Western Priamurie, Mikhailovskaya archaeological culture, Talakanskaya archaeological culture, Chernigovka.

Иванушко Евгений Иванович
магистрант 1-го года обучения
Благовещенский государственный
педагогический университет
e-mail: iivanushko@inbox.ru

Ivanushko Evgenii Ivanovich
Graduate student 1st year
Blagoveshchensk State Pedagogical University
e-mail: iivanushko@inbox.ru

Особенности ориентации могил Усть-Ивановского могильника на территории Западного Приамурья

Е. И. Крючко

Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области,
Благовещенск, Россия

Загробная жизнь всегда занимала особое место в представлениях человека. Именно поэтому трепетное отношение к соблюдению всех условностей во время придания тела земле привело к формированию определенной обрядности, являющейся своеобразным маркером археологической культуры.

С древнейших времен строгое соблюдение сторон света связано с поверьями древних людей. Определение же сторон света зачастую зависело от небесных тел, наиболее значимым из которых является солнце. Однако положение солнца на небесном своде варьируется в зависимости от времени года. Четкое движение солнца по оси запад – восток наблюдается лишь два раза в год: 21 марта (весна) и 23 сентября (осень). В остальное время происходит отклонение небесного светила от заданной траектории. В связи с этим изменяется ориентация тела погребенного в могиле. Однако промежуточные ориентации могут повторяться и соотноситься с различными временами года, что не позволяет получить однозначный результат. Для полного понимания процесса погребения необходимо ввести еще один коррелирующий фактор – наибольшая смертность приходится на зимне-весенний период.

В настоящее время не существует четкого понятия «восточная ориентация» [Подосинов, 1999]. Для определения стороны ориентации костных останков человека были использованы следующие критерии:

– с восточной ориентацией считать такие погребения, в которых кости черепа расположены в восточной части могилы (что соответствует определению «лицом на запад»);

– для погребений, совершенных по вторичному обряду, отправной точкой для определения ориентации считать наибольшее скопление костей. Приоритет в данном случае отдавать костям черепа.

Объектом исследования выступает Усть-Ивановский могильник, расположенный в пойме левого берега р. Ивановки, у с. Усть-Ивановка Амурской области. В результате проведенных в 2016 г. работ была раскопана северо-западная часть памятника площадью 342 м² и выявлено 52 объекта, из них 37 погребений с костными останками человека; 9 захоронений с несохранившимися костными останками, но с погребальным инвентарем; 6 ям, не содержащих археологических предметов и костных останков. По обряду захоронения 2 погребения выполнены по первичному обряду, 35 – вторичные, 9 – кенотафы. Из 37 могил с сохранившимися костными останками 10 имели дополнительную внутримогильную конструкцию, 27 – не имели таковых [Материалы и исследования ... , 2019].

На основании матрицы-определителя корректировки древних традиций ориентировок погребенных В. В. Генинга была составлена таблица для Усть-Ивановского могильника (табл.) [Генинг, Генинг, 1985].

Таблица

Определение древней традиции ориентировки погребенных по заходу и восходу солнца в погребениях Усть-Ивановского могильника (35 погребений)*

Традиция в ориентации (направление положения головы погребенных)	Определение стороны горизонта по заходу солнца					Общее количество погребенных	Определение стороны горизонта по восходу солнца				
	Магнитная ориентировка костяка						Магнитная ориентировка костяка				
	лето	осень	зима	весна	зима+весна		зима+весна	лето	осень	зима	весна
Север	12	–	–	–	–	12	12	–	–	12	–
Восток	–	(9)	12	9	21	21	9	12	(9)	–	9
Юг	13	–	–	–	–	13	13	–	–	13	–
Запад	–	(1)	13	1	14	14	1	13	(1)	–	1

*Исходные данные по ориентировке: ЮЗ – 13, СВ – 12, В – 9, З – 1.

По данным таблицы выделяется своей представительностью ориентация на восток (со всеми возможными отклонениями 21 погребение из 35 возможных). При этом большая часть погребений приходится именно на зимне-весенний период (13 погребений).

Второй представительной группой в ориентации умершего следует считать западную традицию. Однако количество погребенных в разы меньше (в соотношении 14:21).

Таким образом, древнее население определяло стороны горизонта по точке захода солнца, т. е. основной традицией в погребальном обряде была ориентировка умерших головой на восток. Исключение варианта определения сторон света по точке восхода солнца отпадает ввиду того, что погребения приходится лишь на одно время года, при этом большая часть выпадает на летний период, что маловероятно.

На основании полученных данных можно предположить существование связи времени года и способа захоронения. Так, погребения, совершенные в весенний период и ориентированные строго на восток, в большей своей части совершены по первичному способу захоронения. Погребения, совершенные по вторичному способу захоронения, совпадают с ориентацией на северо-восток и приходятся на зимние месяцы.

Данный факт подтверждается примерами из письменных источников. Как известно из средневековой китайской летописи «Бэйши», «если отец или мать умирали весной или летом, то тело немедленно зарывали, и чтобы дождь не мочил могилу, над ней ставили хижину, а ежели умрут осенью или зимою, то трупом их ловят соболей» [Бичурин, 1950, с. 71].

Насколько известно из «Цзю Тан шу», для умершего вырывали в земле яму и закапывали его в ней, бросая землю прямо на покойного, так как гробы не использовались. После смерти человека убивали лошадь, на которой он ездил. Перед покойным ставили угощение и приносили жертву. Поверх могилы нередко сооружался небольшой деревянный домик, «чтобы ее не мочил дождь». Так хоронили лишь весной или летом. Умерших же осенью или зимой не предавали погребению в земле. Очевидно, в зимнюю пору, когда рытье могильных ям было весьма затруднительным делом, покойника клали на специально сооруженный с этой целью в лесу помост, вокруг которого ставились ловушки на хищных зверей, в том числе и на соболей. «Соболи едят их мясо и падаются в большом количестве» [Шавкунов, 1968, с. 33].

Таким образом, по данным Усть-Ивановского могильника определение сторон света осуществлялось по точке захода солнца и существовала традиция хоронить своих умерших, ориентируя их ногами на запад (головой на восток) при известном исключении из правил, когда ориентировали умерших головой в других направлениях. Выбор способа захоронения, вероятнее всего, зависел от времени года, что находит подтверждение в письменных источниках.

Список литературы

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: АН СССР, Ин-т этнографии им. Миклухо-Маклая, 1950. Т. II. 656 с.

Генинг В. В., Генинг В. Ф. Метод определения древних традиций ориентировок погребенных по сторонам горизонта // Археология и методы исторических реконструкций. Киев, 1985. С. 136–152.

Материалы и исследования Российско-китайской археологической экспедиции / Д. П. Волков, Дуань Гуанда, С. П. Нестеров, Ван Лэвэнь, С. В. Коваленко, Бао Шугуан, Т. П. Савченко, Е. И. Крючко, Ге Липин, Р. А. Шульмин. Харбин: Изд-во Хэйлунцзян Жэньминь Чубаньшэ, 2019. Вып. 1: раскопки Усть-Ивановского могильника мохэ в 2016 году. 366 с.

Подосинов А. В. *Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии.* М.: Языки русской культуры, 1999. 720 с.

Шавкунов Э. В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л.: Наука, 1968. 166 с.

Orientation Features of the Graves of the Ust-Ivanovka Burial Ground in the Western Amur Region

E. I. Kruchko

This article discusses the features of the orientation of graves in the archaeological cultures of the Western Amur Region. The main criterion for the determination is the motion of celestial bodies, the key of which is the sun. On the example of the Ust-Ivanovka burial ground, the dependence of the existing orientation of the grave spot on the cardinal points on the time of the burial is determined. The cardinal points were determined by the point of sunset. The assumption is made that there is regularity in choosing the method of burial (primary and secondary burial rites) and the season of the rite.

Keywords: mohe, reinterment ceremony, orientation to the cardinal points, Ust-Ivanovka burial ground, Western Amur Region.

Крючко Евгения Игоревна

ведущий археолог

Центр по сохранению историко-культурного наследия

Амурской области

e-mail: zhenja.94@list.ru

Kruchko Evgeniya Igorevna

Lead Archaeologist

Center of Historical and Cultural Heritage

of the Amur Region

e-mail: zhenja.94@list.ru

УДК 903.22 (571.63)

Вооружение бохайцев (по материалам памятников российского Приморья)

А. С. Малышев

*Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия
Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, Владивосток, Россия*

В изучении материальной культуры средневековых обществ центральное место занимает вопрос о вооружении. Не является исключением и государство Бохай (698–926 гг.). Однако комплекс данной культуры на сегодняшний день является малоизученным из-за нескольких причин. Во-первых, до начала 90-х гг. XX в. количество найденных предметов вооружения не было достаточным для того, чтобы составить сколько-нибудь целостное представление об оружейном комплексе бохайцев. Во-вторых, до сих пор не было специального исследования, в котором бы поднимались вопросы, касающиеся его составных частей.

Вооружение можно условно разделить на наступательное и защитное. Под наступательным вооружением мы понимаем оружие, предназначенное для поражения живой силы противника. Наконечники стрел, наконечники копий, боевые ножи, палаши и фрагменты лука. Защитное вооружение в справочной литературе понимается как средства защиты воина в бою [Черных, 2008, с. 310]. В бохайском материале можно выделить защитные пластины и их фрагменты.

Наконечники стрел являются наиболее распространённым предметом вооружения для бохайских памятников. Так, на данный момент автору известно о 287 находках. Они происходят с памятников Краскинское городище, городище Кокшаровка-1 [Городище Кокшаровка..., 2012, с. 215] и других [Леньков, Шавкунов, 1993, с. 215]. По материалу изготовления их можно разделить на следующие группы: железные и костяные. Внутри группы железных наконечников можно выделить черешковые и вкладышевые. Черешковый тип насада является типичным для бохайских наконечников, а вкладышевые, в свою очередь, встречаются крайне редко. Железные делятся на плоские,

гранёные и трёхлопастные. Трёхлопастные наконечники являются редкими для бохайских памятников – на данный момент их найдено всего два. Костяные делятся на плоские, гранёные и свистунки. Последние, возможно, применялись для загона добычи во время охоты [Шавкунов, 1993, с. 120]. Однако не на всех бохайских памятниках встречаются костяные наконечники. Так, например, в наиболее полной (110 экз.) коллекции наконечников стрел из Краскинского городища отсутствуют костяные наконечники. Это может быть обусловлено статусом города как центра округа Яньчжоу, а также, вероятно, неограниченным доступом к сырьевым источникам для производства железа.

Железные бохайские наконечники копий по типу насада являются втульчатыми, по форме делятся на два типа. Первый тип имеет головку с вытянутым треугольным остриём, зауженным в середине. Сечение головки ромбическое, втулки – кольцеобразное. Второй тип характеризуется параллельно расположенными лезвиями и суженным остриём. Сечение лезвия ромбическое, втулки круглые. Подобные первому типу наконечники находили на Троицком могильнике, датированном VII–IX вв. н. э. [Деревяно, 1977, табл. 16, 10]. Аналогичные второму типу были найдены на бохайском памятнике Краскинское городище [Археологические исследования..., 2014, рис. 351–353].

Исследователи бохайской материальной культуры склонны по-разному идентифицировать холодное оружие, встречаемое на памятниках. Так, одни и те же находки с могильника Чернятино-5 в разных публикациях определяются как «боевой нож» [Чжун Сук-Бэ, 2018] и «меч» [Сун Юйбинь, Ивлиев, Гельман, 2013, с. 52]. Автор данной статьи для идентификации предмета воспользовался государственным стандартом [ГОСТ Р 51215-98. Оружие холод-

ное ... , 1999], в соответствии с которым найденные на бохайских памятниках образцы холодного оружия можно классифицировать как боевые ножи (с коротким однолезвийным клинком) и палаши (с длинным прямым однолезвийным клинком).

Все найденные боевые ножи имеют прямой клинок и зауженное остриё, в сечении они клиновидные. Черенки имеют небольшие различия в форме – у части находок черенок постепенно сужается книзу, у других же – имеет параллельные стороны. Аналогичные образцы холодного оружия найдены при раскопках Верхней столицы государства Бохай [Городище Верхней ... , 2009, с. 196].

У всех палашей лезвие и обух параллельны, в сечении они имеют форму сильно вытянутого равнобедренного треугольника. Из 6 найденных экземпляров археологически целыми являются 4, при этом находки с Чернятино-5 имеют искривленный клинок и сломаны пополам [Чжун Сук-бэ, 2018, с. 127], что может свидетельствовать о каком-либо погребальном ритуале. Этому явлению имеются аналогии в Троицком могильнике, принадлежащем культуре мохэ [Деревянко, 1977, с. 156], а также в погребальной традиции покровской культуры [Васильев, 2006, с. 282]. У трех палашей на черенках присутствует отверстие, предназначенное, скорее всего, для закрепления рукояти. Подобные находки палашей имеются на бохайских памятниках на территории КНР [Городище Верхней ... , 2009, с. 196].

Из фрагментов лука на бохайских памятниках находят накладные костяные пластины. Происходят они из городищ Николаевское I, Горбатка, Краскинское [Государство Бохай ... , 1994, с. 101, 181; Сун Юйбинь, Ивлиев, Гельман, 2013, с. 101]. Размеры пластин разнятся в зависимости от места расположения на лугах и составляют от 3,5 до 12 см. Всего найдено 30 экземпляров.

Защитное бохайское вооружение представлено панцирными пластинами и их фрагментами. Они довольно разнообразны по своему размеру, количеству отверстий и их расположению. Пластины имеют подпрямоугольную форму с соотношением сторон 1:2 или 1:3. Находки представлены материалами с памятников Николаевское II [Государство Бохай ... , 1994, с. 103, рис. 16] и Синельниково-1 [Итоги исследований ... , 2018, с. 39].

Таким образом, на данный момент накоплено значительное количество археологического материала, которое позволяет судить о тактике бохайского войска. Нерешенным является вопрос о бохайском доспехе, поскольку

найденных пластин и их фрагментов недостаточно для того, чтобы его реконструировать.

*Научный руководитель – Е. И. Гельман
канд. ист. наук, доцент,*

*зав. отделом раннесредневековой археологии,
Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН*

Список литературы

Археологические исследования Российско-корейской археологической экспедиции на Краскинское городище в Приморье в 2013 году / Е. И. Гельман, Ким Ын-Гук, Чжун Сук-Бэ, Ким Ын-Ок, Е. В. Асташенкова, Я. Е. Пискарева. Сеул: Фонд изучения истории Северо-Восточной Азии; ИИАЭ ДВО РАН, 2014. 450 с.

Городище Верхней столицы Бохая: отчет об археологических раскопках и исследованиях в 1998–2007 годах. Пекин: Вэньу, 2009. Т. 1. 571 с.; Т. 2. 666 с. [渤海上海城: 1998–2007年度考古发掘调查报告 / 黑龙江省文物考古研究所编著. -北京: 文物出版社, 2009. 上册页 1–571; 下册页 573–666页 + 412图版; 附图].

Васильев Ю. М. Погребальный обряд покровской культуры (IX–XIII вв. н. э.). Владивосток: Дальнаука, 2006. 376 с.

Городище Кокшаровка-1 в Приморье: итоги раскопок российско-корейской экспедиции в 2008–2010 годах / Н. А. Клюев, Чой Менг Сик, Юн Кван Джин, Хон Хён У, Ким Дон Хун, А. В. Артемова, Е. А. Бессонова, О. В. Бондаренко, Е. И. Гельман, А. А. Гладченков, И. В. Гридасова, Н. А. Дорофеева, Т. А. Емельянова, В. Б. Залищак, С. А. Зверев, А. Л. Ивлиев, Им Ну Ри, Ким Кён Э, А. А. Коптев, Ли Гю Хун, Ли Ву Соп, Ли Джи Ён, С. С. Малков, О. Л. Морева, Н. А. Николаева, Е. А. Сергушева, Син Юн Чжун, И. Ю. Слепцов, А. Н. Сокарев, М. А. Якупов, А. А. Якупова. Тэджон: Гос. иссл. ин-т культурного наследия, 2012. Ч. 1. 320 с.

ГОСТ Р 51215-98. Оружие холодное. Термины и определения. 1999. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200025596> (дата обращения: 6.01.2020).

Государство Бохай (698–926 гг.) и племена Дальнего Востока России / отв. ред. Э. В. Шавкунов. М.: Наука, 1994. 219 с.

Деревянко Е. И. Троицкий могильник. Новосибирск: Наука, 1977. 223 с.

Итоги исследований на городище Синельниково-1 в российском Приморье / Н. А. Клюев, Джи Бён Мок, Ли Санджун, В. И. Болдин, Е. И. Гельман, Ю Ын Сик, Чхве Ихва, И. В. Гридасова, Н. А. Дорофеева, М. С. Лящевская, Я. Е. Пискарева, С. Д. Прокопец, Е. А. Сергушева, И. Ю. Слепцов, Юн Хён Джун, Нам Хо Хён, Ким Донхун, Чон Юнхи, М. А. Стоякини. Тэджон, 2018. 393 с.

Леньков В. Д., Шавкунов В. Э. Железные наконечники стрел бохайцев Приморья // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993. С. 214–226.

Сун Юйбинь, Ивлиев А. Л., Гельман Е. И. Бохайские древности из Приморского края России. Пекин: Вэньу, 2013. 278 с.

Черных Г. С. Защитное вооружение // Большая российская энциклопедия. М., 2008. Т. 10. 767 с.

Чжун Сук-Бэ. Об оружии из могильника Чернятино 5 // Междисциплинарные исследования в археологии. 2018. № 2. С. 126–137.

Шавкунов В. Э. Вооружение чжурчженей XII–XIII вв. Владивосток: Дальнаука, 1993. 185 с.

Bohai Weapons (Based on Materials of the Russian Primorye)

A. S. Malyshev

The article is dedicated to weaponry of Bohai state (698–926 AD). Author describes Bohai weapons, separating them by their purpose – on offensive and protective. A characteristic of each element of the Bohai arms is given by using publications of archaeologists on Russian Primorye medieval sites with analogies of finds from the Bohai sites in China and the Russian Far East. Among the broadswords, there are signs of rituals of damage to the grave goods. Author did an attempt to standardize the terminological apparatus of the Bohai weapons by using state standards for cold steel arms. He comes to a conclusion, that present volume of offensive weapons finds allows to talk about Bohai war tactics, but small amount of armor parts prevent to reconstruct Bohai warrior's appearance.

Keywords: Bohai, weapons, characteristic, broadswords.

Малышев Александр Сергеевич

студент 4-го курса
Дальневосточный федеральный университет;
лаборант
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
e-mail: alexandrm463@gmail.com

Malyshev Aleksandr Sergeevich

Student 4th year
Far Eastern Federal University;
Laboratory Assistant
Institute of History, Archaeology and Ethnography
of the Peoples of the Far-East FEB RAS
e-mail: alexandrm463@gmail.com

Новые данные по зооархеологии Краскинского городища*

Е. Д. Никулина

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

*Работа выполнена по гранту РФФИ 18-04-00327А

Краскинское городище является остатками города Яньчжоу (VIII – первая треть X в.), центра округа Янь, подчиненного Восточной столице Луньюаньфу государства Бохай. Городище находится в Хасанском районе Приморского края в приустьевой прибрежной части р. Цукановки (Яньчихэ) и занимает площадь более 13 га. Раскопки городища проводились археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии народов ДВ ДВО РАН с 1980 по 2007 г. под руководством В. И. Болдина, затем ежегодно по настоящее время Е. И. Гельман [2018].

По зооархеологии Краскинского городища имеется ряд публикаций, были определены и изучены материалы 2008, 2009, 2011–2014 гг. с раскопок XXXIV, XL, XLI, XLII, XLIV, XLV, XLVII, XLIX. Всего коллекция насчитывает 1483 экземпляра костей млекопитающих, а также кости птиц, рыб и амфибий. Были определены домашние животные: корова, лошадь, собака, мелкий рогатый скот и двугорбый верблюд. Дикие животные представлены большим видовым разнообразием (косуля, пятнистый и благородный олени, кабан, лисица, барсук, заяц, крыса), но менее многочисленны в количественном отношении. Отмечается, что доля костей диких животных на Краскинском городище меньше, нежели на других бохайских поселениях. Еще одной отличительной чертой Краскинского городища является преобладание остатков коровы над остатками свиньи, обычно для бохайских памятников характерно доминирование свиньи [Дикие и домашние..., 2020].

Работа выполнена на основе остеологической коллекции, полученной в 2015–2018 гг. из раскопок XLIV, XLVII, XLVIII, L, LI, LIII. Общее количество костных остатков составило 1496 фрагментов (табл.). Состав почвы на городище не благоприятствует хорошей сохранности костей. Этим обусловлена большая доля неопределимых костей (64 % от общего количества). Среди определимых костей (542 фрагмента) преобладают находки домашних животных, промысловая фауна представлена тремя фрагментами челюсти косули (рис.).

Были определены следующие виды домашних животных:

Корова (*Bos taurus*) наиболее многочисленный вид (45 % от общего количества определимых костей). Представлена различными элементами скелета, но наиболее часто встречаются изолированные зубы и их фрагменты, а также кости дистальных отделов конечностей. Встречаются находки костей в сочленении: астрагал с центротарсалом и центротарсал с метатарсальной костью (2 экз.). На 4 % костей коровы зафиксированы следы зубов хищников.

Таблица

Таксономический состав и количество костных остатков в XLIV, XLVII, XLVIII, L, LI, LIII раскопах Краскинского городища

Вид	Кол-во ед.
Грызун (<i>Rodentia</i>)	2
Собака (<i>Canis familiaris</i>)	73
Лошадь (<i>Equus caballus</i>)	46
Свинья (<i>Sus scrofa</i>)	125
Корова (<i>Bos taurus</i>)	199
Косуля (<i>Capreolus pygargus</i>)	3
Рыбы (<i>Pisces</i>)	41
Амфибии (<i>Amphibia</i>)	33
Птицы (<i>Aves</i>)	7
Моллюски (<i>Mollusca</i>)	13
Неопределимые	954
Всего	1496

Свинья (*Sus scrofa*) – следующий по численности вид (28 %). Изолированные зубы, фрагменты челюстей и черепа встречаются чаще всего, остальные части скелета более редки или же не встречаются. Зафиксированы в сочленении фрагменты локтевой, лучевой и плечевой костей. Присутствуют следы разделки на дистальном конце плечевой кости, а также на основании восходящей ветви нижней челюсти. На 4 % костей фиксируются следы зубов хищника. Необходимо также отметить, что в данной работе не разграничиваются домашняя и дикая формы свиньи. Поэтому вероятно наличие остатков диких особей, однако их доля не может быть значительной.

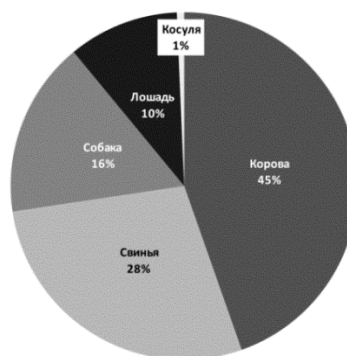

Рис. Соотношение видов млекопитающих на XLIV, XLVII, XLVIII, L, LI, LIII раскопах Краскинского городища

Собака (*Canis familiaris*) представлена разнообразными элементами скелета достаточно хорошей сохранности, поскольку большая часть находок происходит из заполнения котлована. Чаще, чем у других видов, встречаются кости в сочленении или комплекты кости: это метаподии, плечевая и локтевая кости, нижние челюсти, большеберцовая кость с астрагалом и пяточной. Кости собаки составляют 16 % от всех домашних видов. Равные доли занимают обожженные и погрызенные хищниками кости (по 4 %). По неприрощим эпифизам к молодым животным отнесено 8 % находок собак. Кости со следами разделки достаточно многочисленны – 10 %. Отмечены следы разрубания на позвонках (грудном и шейном), следы разделки на пяточной кости, следы отчленения от черепа на первом шейном позвонке и следы надразов на затылочных мышечках. Следы пирогенного воздействия и разделки свидетельствуют об употреблении собак в пищу.

Лошадь (*Equus caballus*) – самый малочисленный из домашних видов – 10 % от общего количества. Большую часть находок составляют фрагментированные, реже – целые зубы. А также единичные кости конечностей – первая и вторая фаланги, астрагал.

Среди неопределимых остатков были выделены группы в соответствии с размерными категориями, и наиболее многочисленны кости крупных копытных (173 фрагмента). На 7 % из них есть следы разрубания или раскалывания, на 5 фрагментах следы пирогенного воздействия. Остальные группы менее представительны, полностью неопределимые кости составляют подавляющее большинство рассмотренной коллекции – 617 фрагментов.

Кроме того, был определен возрастной состав стада свиней. Для определения индивидуального возраста особи была использована методика, основанная на закономерности

стях прорезывания и сношенности зубной системы [Козло, Никитенко, 1967]. Были проанализированы 44 образца зубов и фрагментов челюстей с зубами. Полученные данные свидетельствуют, что молодые особи до года малочисленны: возраст приблизительно 3–4 месяца определен для одного экземпляра, около 8–9 месяцев – для двух. Индивидуальный возраст два года определен для наибольшего количества проанализированных образцов (43 %), несколько меньшим количеством представлена категория трехлетних (27 %), не так многочисленны остатки особей возрастом около одного года (14 %). Для особей от четырех до семи лет количество находок сокращается до единичных. Из этого можно предположить, что наибольшей продуктивности свиньи достигали именно к двум-трем годам. Выделяется из общего ряда находка правой нижней челюсти с P_{3,4} и M_{1,3}, зубы сношены настолько, что структурные элементы жевательной поверхности полностью утрачены, M₁ с лингвальной стороны не имеет эмали. Возраст этой особи на момент смерти составлял около 10–12 лет.

Подводя итог, мы можем видеть, что новые данные, полученные при анализе менее обширной коллекции, демонстрируют меньшее видовое разнообразие: находка кости верблюда остается уникальной, бесспорных находок мелкого рогатого скота не сделано (сохранность найденных фрагментов первой и второй фаланг не позволяет с уверенностью их идентифицировать как МРС); а из диких животных определены только кости косули. Кроме того, наблюдается отличие в количественном соотношении домашних видов животных: для новых данных характерно преобладание находок костей собаки над костями лошади, в то время как по результатам анализа коллекции большего объема собака занимает последнее место по количеству остатков. Менее значительно различие, касающееся доли

костей коровы, которая несколько меньше по сравнению с опубликованными данными. Одним из факторов, влияющих на полноту получаемых данных, является объем коллекции и ее репрезентативность [Grayson, 1984]. Полученные сведения количественно расширяют имеющиеся данные по зооархеологии Краскинского городища, которые свидетельствуют о важной роли животноводства для населения, в частности таких видов, как корова и свинья, в меньшей степени – лошадь и собака. Также было определено, что индивидуальный возраст свиней на момент смерти в большинстве случаев составляет от двух до трех лет. Изучение различных аспектов материала позволит уточнить имеющиеся и получить новые данные о хозяйстве бохайцев.

*Научные руководители – Е. И. Гельман
канд. ист. наук, вед. науч. сотр.,
зав. сектором раннесредневековой археологии,
Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН
В. Е. Омелько
канд. биол. наук, науч. сотр.,
лаборатория териологии,
Федеральный научный центр биоразнообразия
наземной биоты Восточной Азии ДВО РАН*

Список литературы

- Гельман Е. И. Бохайский город в российской истории: от архимандрита Палладия до наших дней // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 60–72.
Козло П. Г., Никитенко М. Ф. Методика определения возраста дикого кабана // Экология млекопитающих и птиц. М., 1967. С. 209–221.
Дикие и домашние животные в жизнеобеспечении бохайского города Яньчжоу / В. Е. Омелько, Е. И. Гельман, В. В. Гасилин, М. А. Винокурова // Россия и АТР. 2020. № 2 (в печати).
Grayson D. K. Quantitative Zooarchaeology. Topics in the Analysis of Archaeological Faunas. Academic Press, 1984. 202 p.

New Data for the Kraskino Site Zooarchaeology

E. D. Nikulina

Article introduces new data on the zooarchaeology of the Kraskinskoye walled town obtained during the processing of the collection 2015–2018. A comparison is made with published data on Kraskino's zooarchaeology. The most numerous species are cattle and horses and are less numerous. Of the wild animals, only roe deer bones are identified. Observations of traces of human and animal effects on bone residues are given. Age determination made on pig's teeth. For most residues, the age at the time of death of 2–3 years was determined. New studies do not differ significantly from the previous ones in a smaller taxa list and a small difference in the ratio of species. Further study of these materials will provide new information on the economy of the Bohai state people.

Keywords: Bohai state, Kraskinskoye walled town, zooarchaeology, Middle Age.

Никulina Екатерина Дмитриевна
магистрант 1-го года обучения
Дальневосточный федеральный университет
e-mail: katepiler@ya.ru

Nikulina Ekaterina Dmitrievna
Graduate student 1st year
Far East Federal University
e-mail: katepiler@ya.ru

УДК 904(571.61)

Картографический анализ расположения памятников покровской культуры (культуры «амурских чжурчжэней») на территории Западного Приамурья

Н. Е. Кушнарев

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия*

Изучение покровской культуры (культуры «амурских чжурчжэней») IX–XIII вв. всегда находилось под пристальным вниманием исследователей и до настоящего времени является частой причиной дискуссий и споров. Наибольшему изучению подвергалась территория Восточного Приамурья, где проводились регулярные стационарные раскопки памятников данной культуры [Васильев, 2006; Медведев, 1998]. В свою очередь, территория Западного Приамурья еще не была так широко исследована – проводились единичные раскопки памятников, относимых к покровской культуре, которые в большей степени были

направлены на изучение фортификационных сооружений [Археологические исследования ... , 2011, с. 217].

Целью данной работы является анализ выявленных памятников Западного Приамурья, потенциально относимых к покровской культуре (культуре «амурских чжурчжэней»), их картографирование, оценка ландшафтных и экологических условий на занимаемой памятниками территории.

Отнесение ранее не изученных памятников к обозначенной культуре носит строго критическую оценку ввиду определенных факторов – первоначальная датировка памятника и интерпретация археологического материала

нередко являлись ошибочными. Вследствие чего отнесение памятников проводилось по следующим признакам: наличие характерного для покровской культуры (культуры «амурских чжурчжэней») керамического материала или иных объектов материальной культуры, общий вид и тип памятника, наличие «временного провала» в первоначальных датировках памятника (в случае датирования памятника периодом раннего и позднего средневековья), возможное отношение памятника к комплексу (в случае близкого расположения с памятниками периода развитого средневековья).

На основе результатов работ ранних исследователей [Зайцев, 2002] в 13-и районах Амурской области принад-

лежность к покровской культуре (культуре «амурских чжурчжэней») была определена для 94 памятников, в том числе 70 поселений, 8 городищ, 11 грунтовых могильников, 5 отдельных местонахождений.

В рассматриваемом регионе основная концентрация памятников приходится на течение рек Амур и Зея. Они располагаются на пойменных и надпойменных террасах, на вершинах мысов притоков и протоков рек. Памятники можно разделить на три группы по месту их расположения в верхнем и среднем участках течения Амура, а также по течению реки Зея (рис.).

Рис. Карта расположения памятников покровской культуры (культуры «амурских чжурчжэней») на территории Западного Приамурья

Группа памятников верхнего участка течения Амура является самой малочисленной и малоизученной. На данном участке течения русло Амура характеризуется ярко выраженной глубинной эрозией на фоне слабого тектонического поднятия. Преобладает прямолинейный или слабоизвилистый тип русла с галечно-гравийными побочными, перекатами и редкими островами [Эволюция бассейна Амура ..., 2010, с. 76–77].

Памятники группы среднего участка течения Амура являются самыми многочисленными. В среднем течении Амура река испытывает медленную глубинную эрозию в пределах широкой террасированной долины. Русло реки слабоизвилистое, местами меандрирующее, на большей части с четко выраженной русловой и реже пойменной многорукавностью. Острова большие и малоподвижные. Наиболее интенсивный размыв их берегов происходит в вершинах излучин. Пойма Амура имеет значительную ширину с характерной для нее редкой сетью небольших по размерам второстепенных рукавов [Там же, с. 77]. Расположение памятников данной группы отчетливо сочетается с изменением геоморфологического профиля р. Амур в этом участке течения. От устья р. Зея памятники синхронны Гродековскому поднятию, до р. Дим – Новопетровскому прогибу, от устья р. Чеснокова – Михайловско-Поярковскому прогибу и от устья р. Архары – Архаринской низменности [Мурашова, 2009, с. 29].

Памятники, расположенные по течению р. Зеи, преимущественно сконцентрированы в ее нижнем течении и предустьевой зоне реки. Однако единичные памятники

обнаружены и в верхнем течении реки. Памятники, как и в среднем течении Амура, синхронны с геоморфологией р. Зея. От устья р. Ивановка они совпадают с Благовещенским поднятием, от устья р. Томь – со Светиловским поднятием [Там же, с. 28].

Поднятия и прогибы в морфологии рек чередуются с впадением рек-притоков, в устьях которых отмечены концентрации памятников в среднеамурском и зейском течениях. На всем протяжении рек, текущих по полого наклоненной Зейско-Буреинской равнине, долины формируются на однородном песчано-глинистом субстрате, который не может вызвать каких-либо существенных изменений уклонов продольного профиля русел рек. Речная сеть Зейско-Буреинской равнины является весьма устойчивым геоморфологическим образованием, и ее современные очертания начали проявляться с позднего мезозоя – раннего кайнозоя [Там же, с. 30]. Это свидетельствует о том, что облик ландшафта Зейско-Буреинской равнины в период развитого средневековья был близким к современному.

Непосредственная связь ландшафта с природными ресурсами предполагает оценку последних с точки зрения экологической парадигмы. В первую очередь, привязка расположения памятников к геоморфологии рек связана с перспективностью добычи рыбы. Более глубокие участки течения практически лишены придонной растительности, что в большей степени исключает места нерестилищ и распространения рыбы. Ихтиофауна среднего участка течения р. Амур является самой разнообразной, включающей в себя пять фаунистических ихтиокомплексов, что отлича-

ет ее от участков верхнего и нижнего течений [Никольский, 1956]. Значительную долю ихтиофауны (включая эндемичные виды) занимают промысловые рыбы.

Ландшафтно-биоценотическая структура зоны концентрации памятников покровской культуры (культуры «амурских чжурчжэней») на территории Западного Приамурья представлена неморальной равнинной геосистемой [Борисова, 2016, с. 127]. Смешанные леса образованы растительными ассоциациями с сочетаниями берез плосколистной и даурской (черной), сосны обыкновенной, дуба монгольского, осины дрожащей, леспедецы двуцветной, папоротников, в меньшей мере – бархатом амурским, липой амурской, черемухой азиатской и др. на различных разновидностях бурых лесных и пойменных аллювиальных почв. При этом ассоциации с участием березы даурской приурочены к склонам южных экспозиций, сосны обыкновенной – к плакорам и верхним третям склонов. Доминируют дубово-березово-леспедецево-разнотравные, сосново-березово-леспедецево-разнотравные, сосново-осоковые, леспедецево-разнотравные ассоциации [Алексеев, 2012, с. 351]. Подобные ассоциации являются важным и довольно привлекательным местом в период весенне-осенней миграции птиц, пролет которых сопряжен с крупными речными системами бассейна р. Амур. Именно пролетные древесно-кустарниковые виды птиц по пути останавливаются в островках речных лесов, мозаично разбросанных по равнине, и тем самым формируется своеобразный миграционный коридор для этих видов. Кроме того, в подобных речных лесах регистрируются оседлые, гнездящиеся и зимующие виды птиц [Тоушкин, Матвеева, 2018, с. 232]. Обозначенный орнитологический спектр пригоден для добычи, однако не является первостепенным ресурсом.

Ранее упомянутые фоновые виды растений находят отражение в палинологических спектрах позднеголоценовых отложений [Кезина, Юсупов, Казак, 2018, с. 76]. Спорно-пыльцевые спектры отражают растительность, близкую современной [A late Holocene record ... , 2017, p. 81–84], климатические показатели этого времени также имеют большую степень идентичности к современным условиям (или менее резко континентальные с учетом перехода от пика малого климатического оптимума к первым фазам малого ледникового периода) [Кезина, Юсупов, Казак, 2018, с. 76].

Таким образом, зона распространения выявленных памятников покровской культуры (культуры «амурских чжурчжэней») на территории Западного Приамурья занимает площадь с лучшей ресурсно-сырьевой базой в данном регионе. Прослеживаются сходные условия ландшафтной приуроченности памятников по руслам рек Амур и Зeya, их концентрация по разным уровням течения рек. Обозначенные экологические условия могут находить отражение в

специфике, способах и сезонности промысла и агрокультурного хозяйства носителей покровской культуры (культуры «амурских чжурчжэней»). Этот аспект изучения ранее не привлекал внимание исследователей, но является перспективным для понимания логики принятия экономических решений при освоении населением покровской культуры новых территорий.

*Научный руководитель – Е. И. Гельман
канд. ист. наук, доцент, вед. науч. сотр.,
зав. сектором раннесредневековой археологии,
Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН*

Автор выражает благодарность руководству Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области за предоставленную возможность работы с архивными и полевыми материалами.

Список литературы

- Алексеев И. А. Ландшафтно-биоценотическая структура территории равнинного юга Амурской области // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 2 (33). С. 349–353.
- Археологические исследования городища на горе Шапке в Амурской области в 2009–2011 годах / С. П. Нестеров, Н. Н. Зайцев, Д. П. Волков, М. А. Миронов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2011. Т. 17. С. 217–221.
- Борисова И. Г. Ландшафтное разнообразие Амурской области // География и природные ресурсы. 2016. № 2. С. 125–131.
- Васильев Ю. М. Погребальный обряд покровской культуры (IX–XIII вв.). Владивосток: Дальнаука, 2006. 372 с.
- Зайцев Н. Н. Отчет об археологической разведке в Константиновском, Серышевском и Зейском районах Амурской области в 2001 г. // Архив ИА РАН. Благовещенск, 2002.
- Кезина Т. В., Юсупов Д. В., Казак В. Г. Состав споро-пыльцевых спектров голоценовых озер Приамурья // Растения в муссонном климате: антропогенная и климатогенная трансформация флоры и растительности. Материалы VIII Всерос. науч. конф. Благовещенск, 2018. С. 72–76.
- Медведев В. Е. Курганы Приамурья. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. 144 с.
- Мурашова Е. Г. Анализ продольных профилей рек Зейско-Буреинской равнины // Вестник ИрГТУ. 2009. № 4 (40). С. 28–30.
- Никольский Г. В. Рыбы бассейна Амура. Итоги Амурской ихтиологической экспедиции 1945–1949. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 553 с.
- Тоушкин А. А., Матвеева О. А. Значение речных лесов Зейско-Буреинской равнины для мигрирующих видов птиц в весенний период // Геоэкология и природопользование: актуальные вопросы науки, практики и образования. Материалы Всерос. науч.-практич. юбилейной конф. с междунар. участием. Симферополь, 2018. С. 230–233.
- Эволюция бассейна Амура в мезозое–кайнозое и ее отражение в современной динамике рельефа / А. П. Сорокин, А. Н. Махинов, Б. А. Воронов, А. Т. Сорокина, Т. В. Артеменко // Вестник ДВО РАН. 2010. № 3. С. 72–80.
- A late Holocene record of vegetation and fire from the Amur Basin, far-eastern Russia / Shao-Hua Yu, Zhuo Zheng, P. Kershaw, M. Skrypnikova, Kang-You Huang // Quaternary International. 2017. Vol. 432. Part A. P. 79–92. <http://dx.doi.org/10.1016/j.quaint.2014.07.059>

Cartographic Analysis of Location Pokrovskaya Culture Sites (Culture of “Amur Jurchen”) on the Western Amur Territory

N. E. Kushnarev

In the article are presented results of cartographic analysis of location Pokrovskaya culture sites (culture of “amur Jurchen”) on the Western Amur territory. Main zones of sites localization highlighted, analysis of landscape and environmental conditions presented in the context changes of biogeocenological environment during Pokrovskaya culture (culture of “amur Jurchen”) existence. Three groups of sites are divided at the location, their synchronism with geomorphological changes of the Amur and Zeya rivers is noted. The landscape-biocenotic structure of the zone of concentration of sites is indicated, its species composition and its relation to the seasonal migration of birds are characterized. A comparison of the results of spore-pollen analyzes in the spectra of the Late Holocene deposits and the species composition of background plants, their variability in the conditions of medieval climate changes.

Keywords: Pokrovskaya culture, culture of “amur Jurchen”, landscape, Western Amur.

Кушнарев Никита Евгеньевич

магистрант 2-го года обучения
Дальневосточный федеральный университет;
старший лаборант
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
e-mail: nekitkushnarev@mail.ru

Kushnarev Nikita Evgenievich

Graduate student 2nd year
Far Eastern Federal University;
Major Laboratory Assistant
Institute of History, Archaeology, and Ethnology
of Peoples of the Far East FEB RAS
e-mail: nekitkushnarev@mail.ru

История исследования владимировской археологической культуры в Амурской области

Я. М. Мамуль

*Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области,
Благовещенск, Россия*

В 1989 г. на IV сессии Научного совета археологов Дальнего Востока Б. С. Сапунов и Д. П. Болотин представили результаты раскопок, на основании которых была выделена владимировская археологическая культура, датированная XIII–XVII вв., периода позднего средневековья [Болотин, 1991, с. 44].

Первые сведения о населении Приамурья периода позднего средневековья появляются в записках русских казаков, которые организовывали военные экспедиции на Амур во 2-й пол. XVII в. Целенаправленные научные экспедиции стали прибывать на юг Дальнего Востока во 2-й пол. XIX в. В это время началось изучение этнокультурных процессов в бассейне Верхнего и Среднего Амура. Русские исследователи Р. К. Маак, Л. И. Шренк, П. Кафаров пришли к выводу, что по берегам р. Амур в позднем средневековье проживало автохтонное и пришлое население [Болотин, 1995, с. 7].

Первым амурским археологом А. Я. Гуровым, занимавшимся изучением объектов археологии на территории Амурской области с 1889 по 1932 г., была составлена археологическая карта, на которой отмечено более 60 памятников, в том числе относящихся к XIII–XVII вв. [Там же, с. 8].

В 1928 г. краеведом Г. С. Новиковым-Даурским в окрестностях с. Марково, на берегу Амура, был обнаружен разрушающийся могильник. Исследователь собрал подъемный материал и раскопал частично разрушенное погребение. В погребении были обнаружены железный наконечник, пряжка, кольцо, браслеты на щиколотках ног, бритва позднесредневекового облика [Новиков-Даурский, 1930, с. 30; Болотин, 1991, с. 42; Болотин, 1995, с. 12].

В дальнейшем, при изучении археологических объектов региона, ученый выделил особый вид небольших городищ, имеющих оригинальную форму и почти одинаковые размеры, которые он предварительно датировал периодом позднего средневековья. В процессе работы исследователь создал усредненную схему с определенными критериями для классификации данных объектов, которые он условно назвал городищами «даурского» типа. Описывая их, Г. С. Новиков-Даурский отмечал, что вокруг таких городищ были обнаружены селища, предположительно данного периода времени [1953, с. 11–16].

В 1972 и 1977 гг. на территории Амурской области проводились археологические разведки ИИАЭТ и народов Дальнего Востока под руководством В. И. Болдина и А. Л. Ивлиева. В результате проведенных работ был исследован ряд позднесредневековых грунтовых могильников, материалы которых впоследствии были отнесены к владимировской археологической культуре [Болдин, 1995; Ивлиев, 1995].

В 1986 г. О. В. Дьяковой введены в научный оборот материалы, поступившие в фонды Амурского областного краеведческого музея в 1984 г. с могильника, расположенного на окраине с. Марково. В процессе работы с коллекциями исследователем был сделан вывод, что население Приамурья несет печать монгольской культуры, которая в процессе завоевательных походов вытесняет бохайско-чжурчженские ремесленные центры, тогда как монгольские начинают вовлекать в сферу своего влияния обширные территории [Дьякова, 1986, с. 165; Болотин, 1991, с. 43].

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в бассейне Верхнего Амура происходило активное изучение позднесредне-

вековых могильников. По мере обнаружения и обследования памятников отмечена определенная закономерность в их местонахождении. Данные объекты, как правило, образуют комплексы, состоящие из городища, селища и одного-двух могильников. Причем расстояние между ними от нескольких десятков до нескольких сотен квадратных метров [Результаты исследований городища ... , 1998, с. 201].

В 1988 г. под руководством В. В. Сухих и Д. П. Болотина начались стационарные раскопки могильника в окрестностях с. Владимировка. В процессе работ были изучены погребальные обряды и сопроводительный инвентарь. На основе археологических данных и письменных источников была выделена новая археологическая культура – владимировская [Болотин, 1995, с. 11].

В 1990-е гг. ведущим исследователем позднего средневековья в регионе становится Д. П. Болотин. На протяжении нескольких лет он собирает и систематизирует всю источниковедческую и археологическую информацию данной эпохи. В 1995 г. исследователь защищает кандидатскую диссертацию, в которой систематизирует накопленный материал по ранее выделенной владимировской культуре периода позднего средневековья [1995].

В 1998 г. под руководством Д. П. Болотина были продолжены стационарные раскопки Прядчинских могильников, начатые в 1991 г. Для определения датировки объекта уголь был взят из погребения. Результат ¹⁴С анализа: 410±30 л. н. (СОАН-3362) [Результаты исследования городища ... , 1998, с. 201–206; Новые радиоуглеродные даты ... , 2001, с. 48].

В том же году, севернее могильника, на территории городища «даурского» типа произведен разведочный раскоп в виде траншеи. По обнаруженным в ней немногочисленным находкам городище было отнесено к XV–XIV вв. н. э. [Результаты исследования городища ... , 1998, с. 201–202]. При исследовании подобного городища в с. Великокнязевка были получены результаты ¹⁴С анализа: 355±35 л. н. (АА-37468) [Новые радиоуглеродные даты ... , 1999, с. 48].

С начала 2000-х гг. целенаправленное изучение археологических памятников владимировской культуры идет на спад. Д. П. Болотин продолжает изучение культуры в контексте этнографических процессов на территории Амурской области в позднем средневековье. В 2005 г. была опубликована коллективная монография, посвященная данной проблематике [«Маньчжурский клин» ... , 2005].

Сотрудниками «ЦСН Амурской области» в результате археологического мониторинга с 2003 по 2019 г. был обследован ряд известных объектов владимировской культуры. Исследования выявили значительные разрушения и аварийное состояние многих памятников.

В 2014–2015 гг. в ходе Албазинской археологической экспедиции под руководством А. Н. Черкасова на Верхнем Амуре был обнаружен и исследован грунтовый могильник, получивший наименование Ангайский. Полученные данные позволили по аналогии предыдущих исследований предварительно отнести памятник к владимировской культуре [Албазинский острог ... , 2019, с. 53–66].

Владимировская археологическая культура была выделена преимущественно в результате исследований некрополей. Данные радиоуглеродного анализа подтвердили предварительную версию о датировке памятников

периодом позднего средневековья. Дальнейшее изучение поселенческих комплексов владимировской культуры позволит более детально реконструировать материальный и духовный облик жизни позднесредневекового населения в Амурской области.

*Научный руководитель – С. В. Коваленко
начальник археологического отдела,
ГИАУ «ЦСН Амурской области»*

Список литературы

- Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. 348 с.
- Болдин В. И. Могильники владимировской культуры на Зее // Традиционная культура Востока Азии. Археология и культурная антропология. Благовещенск, 1995. С. 60–64.
- Болотин Д. П. К истории исследования археологических памятников Приамурья эпохи позднего средневековья // Тез. докл. итог. науч. конф., посвящ. 100-летию Амур. обл. краевед. музея. Благовещенск, 1991. С. 41–44.
- Болотин Д. П. Этнокультурная ситуация на Верхнем Амуре в эпоху позднего средневековья (XIII–XVII вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1995. 17 с.

Дьякова О. В. Археологическая коллекция из Приамурья XIV–XV вв. // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1986. С. 165–170.

Ивлиев А. П. Позднесредневековые памятники в окрестностях с. Семиозёрка Амурской области // Традиционная культура Востока Азии. Археология и культурная антропология. Благовещенск, 1995. С. 55–60.

«Маньчжурский клин»: история, народы, религии / С. Э. Аниховский, Д. П. Болотин, А. П. Забияко, Т. А. Пан. Благовещенск: Амурской гос. ун-та, 2005. 316 с.

Новиков-Даурский Г. С. Археологические разведки в окрестностях сел Игнатевки, Марково и Екатериновки Амуро-Зейского района Ам. окр. и г. Благовещенска // ЗАОМК. 1930. Т. 1. С. 26–33.

Новиков-Даурский Г. С. Приамурье в древности // ЗАОМК. 1953. Т. 2. С. 3–25.

Новые радиоуглеродные даты археологических памятников Среднего Приамурья / Э. Дж. Т. Джалл, А. П. Деревянко, Я. В. Кузьмин, Л. А. Орлова, Д. П. Болотин, Б. С. Сапунов, А. В. Табаров, Н. Н. Зайцев // Вест. Амурск. гос. ун-та. 2001. Вып. 12. С. 47–48.

Результаты исследований городища и могильника у с. Прядчино Амурской области / Д. П. Болотин, С. П. Нестеров, Б. С. Сапунов, Н. Н. Зайцев, И. Б. Сапунов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 1998. Т. IV. С. 201–206.

History of the Research of Vladimirovo Archaeological Culture in the Amur region

Ya. M. Mamul

The article discusses the history of the study of the Vladimirovo archaeological culture of the later-medieval archaeological culture. The described above initial stage of studying the sites of the very epoch included the accumulation of the true data. The second stage of studying this epoch deals with singling out and exploring Vladimirovo archaeological culture. The accumulated data obtained during the excavations of necropolis made it possible to give a more detailed characteristic to the material description and spiritual lives of the later-medieval people, who used to live on the territory of the Amur region.

Keywords: archaeological culture, history Amur region, later-medieval necropolis.

Мамуль Ян Михайлович

археолог
Центр по сохранению историко-культурного наследия
Амурской области
e-mail: mamul.93@mail.ru

Mamul Yan Mikhailovich

Archaeologist
Center of Historical and Cultural Heritage of the Amur Region
e-mail: mamul.93@mail.ru

УДК 325.1(571.61)

Дауры в контексте миграционных процессов в Приамурье

А. В. Мусиенко

Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия

Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, Россия

Этнокультурная карта Приамурья в эпоху позднего средневековья отличалась достаточной пестротой, на данной территории проживало множество племенных групп, которые вели как оседлый, так и кочевой образ жизни. Наиболее крупными из них являлись племенные объединения дауров, дючеров и гогулей (зейские дючеры). В современной дальневосточной исторической науке вопрос о происхождении и истории автохтонных народов Приамурья является одним из ключевых и до конца не решенных. Частью данной проблематики является история дауров.

На протяжении XIV–XVII вв. бассейн р. Амур являлся территорией проживания двух крупнейших племенных групп – дауров и дючеров. На рубеже XII–XIII вв. монголоязычные предки дауров мигрировали на территорию Приамурья. В основном данный период связывается с временем становления Великой Монгольской империи [Болотин, 2008, с. 248]. Часть исследователей указывает на то, что дауры родственны племенам киданей и что именно в годы завоеваний Чингисхана они влились в состав монгольской армии [Албазинский острог ... , 2019, с. 28]. Появившись на территории Приамурья, дауры столкнулись там с земледельческими племенами тунгусоязычных дючеров (потомками мохэ и чжурчжэней), в результате чего произошла межэтническая миксация. Она подтверждается находками с памятников владимировской археологической культуры, в которой прослежены элементы как монгольского, так и тунгусского элементов [Болотин, 1993, с. 99].

Говоря о социально-политической структуре даурских племён Приамурья, можно сказать о том, что на данном этапе своей истории они представляли собой различные племена, названные по имени их старейшин-князей (дауры Гойдугдаровы, дауры Бонбулаевы, дауры Лавкаевы и т. д.) [Долгих, 1958, с. 128]. В некоторых случаях указывается и их ареал расселения, например дауры, которых возглавлял князь Лавкай, проживали на территории междуречья Ольдоя и Урки [Огородников, 1927, с. 13]. Б. О. Долгих, исследуя историю дауров Приамурья, подразделял их на амурских и зейских. Причём в состав зейских дауров входило шесть племенных групп, а в состав амурских – пять. При этом каждая из этих групп подразделялась на улусы («городки») (от 2 до 6) [Долгих, 1958, с. 128].

В своих исследованиях Л. И. Шренк говорит о том, что у даурских племен нет единой общей территории, они в основном разбросаны по различным «чужим» областям [Шренк, 1883, с. 53]. К числу таких областей, вероятно, относилось и Приамурье, куда они мигрировали и ассимилировались с местными тунгусскими племенами дючеров.

Ярко выраженной являлась даурская родовая организация (всего около 30 родов), которую можно представить схемой: хала (род) – бирги (ветвь) – мокон (группа). Причём все роды подразделялись на каучин (старые роды) и шинкэн (новые роды) [Цыбенков, 2012, с. 45]. На вершине социальной иерархии у дауров находились князья, однако

и между ними существовала определенная социальная стратификация. В. И. Огородников указывает, что «над этими родовыми князьями возвышались «лучшие», или экономически более сильные, князья [Огородников, 1927, с. 42]. Именно так называемым лучшим даурским князьям принадлежало право вести меновую торговлю с другими родами, а также с соседними племенами. При этом все даурские князья-старейшины находились в вассальной зависимости от цинского императора.

Наличие определенной социальной стратификации у даурских племен прослеживается в археологических материалах, найденных на памятниках владимировской культуры. Благодаря погребальному инвентарю, можно попытаться определить положение умершего в общей социальной иерархии.

В качестве социальных маркеров можно выделить следующие группы материалов: 1) украшения; 2) вооружение; 3) предметы быта. Благодаря результатам археологических работ на могильниках владимировской культуры, можно определить, что самой распространенной группой погребального инвентаря являлись украшения (Владимировский могильник, могилы 4, 5, 7, 10–13, 15, 17, 18, 20; Прядчинский могильник-2, могила 3; Семиозерский могильник, могила 1). Менее распространенной является группа вооружения владимировцев (Владимировский могильник, могилы 6, 19, 22, 24; Прядчинский могильник-1, могила 3; Прядчинский могильник-2, могилы 2 и 7; Саратовский могильник-2, погребение 2). Предметы быта представлены в основном фрагментами керамических и чугунных сосудов (Владимировский могильник, могилы 4, 8, 9, 11, 12, 22, 23; Саратовский могильник-2, погребение 2; Саратовский могильник-3, погребение 1) [Болотин, 1995, с. 13–30].

В результате анализа данных материалов можно наглядно увидеть смешение двух культурных пластов – монгольского (дауры) и тунгусского (дючеры). Особенно характеризирующий этот процесс археологических артефактов является то, что большинство из них относятся к украшениям: бусы, нашивки, подвески, кольца, браслеты. В основном они являлись элементами одежды, часть из которых, вероятно, имела сакральное или ритуальное значение. К разряду вооружения можно отнести следующие артефакты: костяные и железные наконечники стрел, обломки ножей и иного холодного оружия, костяные фрагменты обкладки лука, элементы поясного набора и др. Группу предметов быта составляют фрагменты керамических и чугунных сосудов, китайские монеты, каменный дебитаж, костяные, каменные (куранты) и металлические орудия сельскохозяйственного назначения. В данном случае это самая малая, в количественном плане, группа находок. Но, несмотря на это, она довольно четко указывает на

земледельческую направленность хозяйства носителей владимировской культуры.

Таким образом, можно предположить, что монгольско-язычная культура дауров в новых хозяйственных условиях приспособилась к окружающей среде. Её носители не только вырабатывали, заимствовали и адаптировали под себя хозяйственные стратегии, адекватные окружающим их условиям, но и сохраняли собственные культурные маркеры.

В настоящее время основной археологический материал, относящийся к владимировской культуре, был получен в результате раскопок могильников. С так называемых городищ «даурского типа» собран лишь подъемный материал, а также артефакты, обнаруженные в результате закладки разведочных шурфов и разрезов валов. Открытым остается вопрос о функциональном назначении данных «городищ». Действительно ли можно эти памятники отнести к городищам как оборонительным сооружениям временного (на период военной опасности) характера? Либо же они являются неким вариантом капищ или иных сооружений. Ответ на этот вопрос может быть получен только при полномочном стационарном археологическом исследовании подобных «городищ», благодаря которым можно будет существенно пополнить наши знания об истории, культуре и особенностях повседневного быта дауров.

*Научный руководитель – О. А. Шеломихин
заведующий кафедрой, доцент,
начальник музейного комплекса,
кафедра истории России и специальных
исторических дисциплин,
Благовещенский государственный
педагогический университет*

Список литературы

Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья / отв. ред. А. П. Забияко, А. Н. Черкасов. Новосибирск, 2019. 348 с.

Болотин Д. П. Владимирская культура позднего средневековья в Приамурье // Проблемы этнокультурной истории Дальнего Востока и сопредельных территорий. Благовещенск, 1993. С. 84–105.

Болотин Д. П. Этнокультурная ситуация на Верхнем Амуре в эпоху позднего средневековья (XIII–XVII века): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1995. 188 с.

Болотин Д. П. Возникновение империи Чингисхана и этногенез дауров // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск, 2008. Вып. 5. С. 247–250.

Долгих Б. О. Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в. по русским источникам // Сб. статей по истории Дальнего Востока. М., 1958. С. 125–142.

Огородников В. И. Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в. Владивосток, 1927. 91 с.

Цыбенов Б. Д. История и культура дауров Китая. Историко-этнографические очерки. Улан-Удэ, 2012. 252 с.

Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. СПб., 1883. Т. 1. Части географическо-историческая и антропо-этнологическая. 323 с.

Daurians in the Context of Migration Processes in the Amur Region

A. V. Musienko

At the turn of the 12th–13th centuries the migration of the Mongol tribes of Daurians begins to the territory of the Amur Region, where the settled Tungus-speaking duchers live. As a result of these processes, interethnic mixing of two ethnic groups takes place. A vivid example of the cultural assimilation of the Daurian and Duchers strata is the Vladimirovo archaeological culture (13th–14th – 17th centuries). According to archaeological materials of this culture, which are mainly represented by funerary equipment, we can trace the adaptation of the Mongol tribes to the local environment, which at the same time gave their cultural and economic features to it. The migration of Daurian tribes in the Amur region and their synthesis with duchers led to a part cultural and ethnic specificity of both peoples, which was expressed in archaeological sites of Vladimirovo culture.

Keywords: daurs, duchers, migration, Amur region, Late Middle Ages, Vladimirovo archaeological culture, grave field, grave goods.

Мусяненко Алексей Валентинович

учитель истории, обществознания и МХК
Амурский государственный университет;
магистрант 2 года обучения
Благовещенский государственный
педагогический университет
e-mail: alex-carr1995@yandex.ru

Musienko Aleksei Valentinovich

Teacher of History, Social Science and World Art
Amur State University;
Graduate student 2nd year
Blagoveshchensk State Pedagogical University
e-mail: alex-carr1995@yandex.ru

Сайгатинские могильники: историческая ретроспектива

А. В. Петрова

*Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия*

Сайгатинские могильники находятся в Сургутском районе ХМАО–Югры, примерно в 40 км к северо-западу от г. Сургута. Они расположены на правом берегу р. Оби вдоль проток Остяцкий Живец и Кучиминское. Участок берега р. Оби представляет собой боровую надпойменную террасу, поросшую преимущественно сосновым лесом, покрытую брусничником, багульниковым и мхами. Часть её застроена дачами и домами жителей п. Сайгатина. Урочище пересекается в нескольких местах магистральными нефтепроводами, линиями электропередач, грунтовыми и асфальтовыми дорогами.

Сайгатинские могильники изучаются с 1980-х гг. до настоящего времени (Л. М. Терехова, А. П. Зыков, К. Г. Карачаров и др.). Исследователи выделяют шесть самостоятельных средневековых некрополей Сайгатинский I–VI. Вместе с тем, границы некоторых памятников накладываются, что не позволяет их отчётливо локализовать. Материалы Сайгатинских могильников, полученные в период с 1983–2012 гг., позволили выстроить хронологию средневековых древностей не только для территории Сургутского Приобья, но и всего северо-запада Сибири [Сургутское Приобье ... , 1991, с. 135–142]. Материалы из погребений вошли в альбом «Угорское наследие» [Зыков, Кокшаров, 1994, кат. № 205, 234, 241, 305 и др.] и использованы для написания многих научных работ и школьного учебника [История ... , 2000, с. 141–153], содержатся в фондах и украшают экспозиции музеев ХМАО–Югры.

Опубликованные сайгатинские коллекции наглядно отражают имущественное и социальное расслоение средневековых таёжных рыболовов и охотников накануне включения региона в состав Московского государства. Привозное железное оружие, доспехи и предметы роскоши (серебряная посуда, украшения и др.) демонстрируют широкие связи местного населения с ближними и дальними соседями, государствами Средневековья (Волжская Булгария, Золотая Орда). Они наполняют конкретным историческим содержанием понятие «остяко-вогульские княжества», которые оказывали сопротивление русскому продвижению в Сибирь.

Отдельная группа источников представлена антропологическими коллекциями. Для краниологических исследований, осуществлённых А. Н. Багашевым и О. Е. Пошехоновой, была сформирована выборка (102 черепа): 63 мужских и 39 женских [2007, с. 87–95]. Чтобы проследить динамику формирования сайгатинской палеопопуляции в течение тысячелетия и выявить антропологические признаки, присущие ей на всех этапах развития, серия была разбита на две хронологические группы: ранняя (VI–

XI вв.) и поздняя (XI–XV вв.). Анализ краниологических материалов показал сложный антропологический состав средневекового населения Среднего Приобья (популяции обь-иртышского и уральского типов) [Там же].

В настоящее время отсутствуют обобщающие публикации хотя бы одного из шести сайгатинских могильников. В имеющихся печатных работах рассмотрены яркие находки (оружие, украшения, торевтика) [Стефанова, Борзунов, 2002, с. 29–37], разработаны проблемы хронологии и периодизации памятников Средневековья [Борзунов, Чемякин, 2013, с. 34–42; Зыков, 2012, с. 44–112], акцентировано внимание на краниологические сюжеты. В этой связи назрела настоятельная необходимость во введении в научный оборот всех имеющихся материалов в полном объёме. Эта работа сейчас затруднена рассредоточенностью коллекций в различных организациях. К тому же мы не имеем полного представления о количестве изученных погребений на каждом из шести могильников, не можем однозначно объяснить такую высокую концентрацию захоронений на территории Среднего Приобья. Обозначенные выше и многие другие задачи еще предстоит решить.

*Научный руководитель – С. Ф. Кокшаров
д-р ист. наук, доцент, ведущ. науч. сотр.,
Институт истории и археологии УрО РАН,
зав. кафедрой археологии и этнологии,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина*

Список литературы

- Багашев А. Н., Пошехонова О. Е. Антропологический состав и проблемы происхождения средневекового таежного населения Среднего Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2007. Вып. 8. С. 87–96.
- Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымские памятники таежного Приобья: история изучения, хронология и территория распространения // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 1. С. 34–46.
- Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2012. 232 с.
- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний уральского университета. Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. 160 с.
- История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней: Учеб. для старших классов. Екатеринбург: Волот, 2000. 466 с.
- Стефанова Н. К., Борзунов В. А. Археология таежного Обь-Иртышья (Хроника полевых исследований на территории Ханты-Мансийского автономного округа). Екатеринбург: Академкнига, 2002. 75 с.
- Сургутское Приобье в эпоху средневековья / Н. В. Федорова, А. П. Зыков, В. М. Морозов, Л. М. Терехова // Вопросы археологии Урала. 1991. Вып. 20. С. 126–145.

Saigatinsky Burial Grounds: Historical Retrospective

A. V. Petrova

This article is devoted to the history of the study of the Saigatinsky burial grounds located in the Surgut district of the Tyumen region. Studies of designated monuments that functioned in the 3rd–6th (7th) centuries, began in 1983 and are still ongoing. The historiography of six burial sites is presented in detail (Saigatinsky I–VI), the features of the funeral rite for each of the complexes are described (geographical characteristics of the grave, type of funeral rite, method of position of the deceased, funerary inventory, etc.). Variants of periodizations that were developed by researchers at different times to characterize materials from the Saigatinsky burial grounds are considered. The results of studies of several skulls from cemeteries with the aim of determining the anthropological materials of the medieval population of the Middle Ob region are presented.

Keywords: Saigatino, burial ground, historiography, funeral rite, periodization, paleopopulation.

Петрова Анна Вячеславовна

студент 3-го курса
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
e-mail: 22nyta@mail.ru

Petrova Anna Vyacheslavovna

Student 3rd year
Ural Federal University named
after the First President of Russia B. N. Yeltsin
e-mail: 22nyta@mail.ru

Тамги нового времени в петроглифах Среднего Енисея

И. Г. Рогова

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

В начале XVIII в. на Среднем Енисее произошли события, коренным образом изменившие «демографическую и этническую ситуацию» [Бутанаев, 2001, с. 146]. В 1703 г. кыргызы, традиционно населявшие территорию региона, были уведены в Джунгарию [Токарев, 1958, с. 429], а данный этноним постепенно выходит из употребления [Бутанаев, 2001, с. 153]. Начиная с этого времени, из таежной части Саяно-Алтая по «степным просторам Хакасско-Минусинской котловины» расселяются «бывшие кыштымы» кыргызов [Там же, с. 153] – абаканские или минусинские татары, известные «под племенными названиями: сагайцы, бельтиры, качинцы...» [Токарев, 1958, с. 429], считающиеся предками современного хакасского населения. При этом этноним «хакасы», употреблявшийся в китайских хрониках для обозначения енисейских кыргызов, сохраняется как собирательное название для тюркоязычных народов Среднего Енисея [Там же, с. 427].

Хакасское население, как и народы, проживавшие в регионе ранее, использовало тамги или знамена – родовые или личные знаки собственности. Их применяли для клеймения скота, вырезали на деревьях, наносили на бытовые предметы, скальные плоскости или курганные камни, на которых они выполнялись пикетажем, гравированными линиями или краской. В отличие от средневековых, тамги нового времени представлены не только знаковыми символами, но и буквами кириллического алфавита, получившими у хакасов распространение в конце XIX – начале XX вв. под влиянием русских [Катанов, 1897, с. 18]. В целом, знаки этого периода являются ценным историческим источником, а многие аспекты, связанные с их изучением, до сих пор не проработаны.

Первые упоминания и зарисовки хакасских тамг, наряду с другими объектами, встречаются в описаниях участников академических экспедиций, начиная с XVIII в. Позднее, в результате изучения этнографических и письменных данных, исследователям удалось соотнести конкретные знаки с определенными племенными группами хакасов [Катанов, 1897, с. 223; Токарев, 1958, с. 440; Симченко, 1965, с. 134], а также проследить переход от родовых тамг к личным в ходе разложения аальной общины [Бутанаев, 1980, с. 100–103].

В 1980 г. Л. Р. Кызласов и Н. В. Леонтьев, опираясь на материалы предшественников, издали обобщающую монографию, посвященную атрибуции и семантике хакасских народных рисунков на скалах. Они впервые проанализировали тамги-петроглифы XVII–XIX вв., сопоставив отдельные тамги с конкретными группами хакасов – сагайцами, бельтирами, качинцами [Кызласов, Леонтьев, 1980, с. 24].

Начиная с 1980-х гг., тамги нового времени фиксировались исследователями на скальных поверхностях, но в основном лишь попутно, при полном документировании памятников Среднего Енисея. В целом, такая ситуация сохраняется до настоящего времени.

К сожалению, далеко не все материалы, собранные в 1980–1990-е гг., были опубликованы, а их значительная часть в настоящее время хранится в фондах музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. Более всего хакасских тамг изображено на копиях памятника Оглахты. Именно здесь были выявлены фигуры лошадей, выполненные в своеобразной манере, с тамгами в виде крестов или букв кириллического алфавита на крупках, нанесенные на скалы хакасским населением.

В 2015–2018 гг. одним из приоритетных направлений работы автора, участвовавшего в полевых изысканиях петроглифического отряда кафедры археологии КемГУ, оставались выявление и фиксация тамгообразных знаков на памятниках наскального искусства и курганных камнях бассейна Среднего Енисея [Миклашевич, Мухарева, Бове, 2017; Мухарева, 2018, с. 27–31; Мухарева, Рогова, 2019; и др.]. Среди тамг были обнаружены знаки нового времени, в основном, кругообразные [Миклашевич, Мухарева, Бове, 2017, с. 88; Мухарева, 2019, рис. 5]. Ранее аналогичные знаки на других памятниках Среднего Енисея Л. Р. Кызласов и Н. В. Леонтьев соотнесли с бельтирами [1980, с. 24], которые проживали на юге Хакасии. По наблюдениям автора, ареал кругообразных тамг гораздо шире территории расселения бельтиров, что не исключает использования подобных тамг представителями других групп хакасского населения.

Стоит отметить, что с новым временем нередко соотнесены знаки в виде копыт [Миклашевич, 2012, с. 52], также выявленные нами среди изображений на курганных камнях. И хотя однозначно идентифицировать эти знаки с тамгами сложно [Рогова, 2019, с. 146], тем не менее, их дальнейшее изучение представляется перспективным.

Среди хакасских тамг также известны знаки в виде схематичных зооморфных фигур, бытовавшие, по мнению Л. Р. Кызласова и Н. В. Леонтьева, у качинцев [1980, с. 24]. Похожее изображение было обнаружено на севере Минусинской котловины, на горе Яновской, в составе композиции, включающей, помимо вышеописанной фигуры, еще две тамги. Идентичная техника выполнения рисунков и одинаковый цвет патины свидетельствуют о одновременном нанесении всех изображений и позволяют рассматривать схематичную зооморфную фигуру как тамгу. Аналогичная композиция из двух тамг и схематичного изображения животного, возможно, также нанесенного в качестве тамги, известна на курганном камне могильника Толстый Мыс I, расположенного в том же районе [Мухарева, 2018, рис. 2; Рогова, 2018, с. 174]. Не исключено, что тамги в виде зооморфных фигур нередки в петроглифах Среднего Енисея. При этом идентифицировать их как знаки довольно трудно – наиболее достоверным это представляется лишь при их включении в состав «энциклопедий».

Таким образом, за более чем 200-летний период (XVIII – нач. XX в.) нанесения хакасских тамг на скальные поверхности енисейских памятников они лишь единожды были проанализированы в обобщающем издании [Кызласов, Леонтьев, 1980]. Со времени выхода этой публикации были накоплены новые данные, в настоящее время также требующие систематизации и обобщения. Предварительно можно констатировать, что при выполнении тамг в новое время использовались различные технические приемы, однако преобладают тамги, выполненные пикетажем. Нередко знаки этого периода объединены в многофигурные композиции. Несмотря на индивидуальные особенности, большинство знаков нового времени в своей основе имеют простую форму круга, креста, квадрата или воспроизводят буквы кириллического алфавита. Учитывая, что к настоящему времени лишь часть знаков аргументированно соотнесена с конкретными хакасскими племенными объединениями, продолжение подобной работы, основанной на сопоставлении данных из археологических, этнографических и письменных источников, представляется перспективным.

*Научный руководитель – А. Н. Мухарева
канд. ист. наук, доцент, кафедра археологии,
Кемеровский государственный университет*

Список литературы

- Бутанаев В. Я. Хакасские тамги и вопрос об аальной общине // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. М., 1980. Вып. 3. С. 100–103.
- Бутанаев В. Я. Изменение численности и состава коренного населения хакасско-минусинского края в XVIII в. // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья. Новосибирск, 2001. С. 146–186.
- Катанов Н. Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии // Ученые записки Казанского университета. 1897. Т. 64. Кн. III. С. 1–50.
- Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Народные рисунки хакасов. М., 1980. 176 с.
- Миклашевич Е. А. Лынищенская писаница // Памятники наскального искусства Минусинской котловины. Тр. САИПИ. Кемерово, 2012. Вып. X. С. 28–56.
- Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н., Бове Л. Л. Исследования петроглифической экспедицией музея-заповедника «Томская Писаница» в 2016 г. // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2017. Вып. 5. С. 86–100.
- Мухарева А. Н. Исследования петроглифической экспедицией музея-заповедника «Томская Писаница» в 2017 г. // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2018. Вып. 7. С. 26–35.
- Мухарева А. Н. Петроглифы горы Большой Сибигур на Енисее // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (2). Памяти Е. Г. Дэвлет. Труды САИПИ. М.; Кемерово, 2019. Вып. XII. С. 237–256.
- Мухарева А. Н., Рогова И. Г. Петроглифы на курганных камнях могильников в окрестностях села Тесь Минусинского района Красноярского края (некоторые результаты полевых исследований 2018 года) // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2019. Вып. 10. С. 43–52.
- Рогова И. Г. Тамгообразные знаки на курганных камнях могильника Толстый Мыс I // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока. Омск, 2018. С. 174–176.
- Рогова И. Г. Знаковая символика на тагарских предметах и ее проявление в петроглифах Среднего Енисея // Материалы LIX Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Благовещенск; Хэйхэ, 2019. С. 145–146.
- Симченко Ю. Б. Тамги народов Сибири XVII века. М., 1965. 228 с.
- Токарев С. А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М., 1958. 616 с.

Tamgas of Modern Times in Petroglyphs of the Middle Yenisei

I. G. Rogova

The article analyzes the tamgas of the modern time (18th – beginning 20th centuries), made on rocks and mound stones of Middle Yenisei by the Khakass population. On the basis of published data, materials of the petrogliphic collection from the funds of the Museum of Kemerovo State University and the results of his own field research 2015–2018, the author identifies the most common forms of signs of the period under consideration. Most have a simple shape based on a circle, cross, or square; in addition to them, there are signs in the form of letters of the Cyrillic alphabet. When performing tamg, both single and combined in multigure compositions, various techniques were used, however, tamg made picket predominate during this period.

Keywords: petroglyphs, images on mound stones, tamgas, modern times, the Khakas, the Middle Yenisei.

Рогова Ирина Геннадьевна

магистрант 2-го года обучения
Кемеровский государственный университет
e-mail: rogoва_irina96@mail.ru

Rogova Irina Gennadievna

Graduate student 2nd year
Kemerovo State University
e-mail: rogoва_irina96@mail.ru

УДК 904(571.5)"653"

Орнаментированные берестяные изделия Войкарского Городка (по материалам раскопок 2012–2016 гг.)

Н. Н. Ковалева

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Нанесение орнамента на бересту является одним из показателей традиционной культуры народов севера Западной Сибири, и потому орнамент, сохранившийся на археологических материалах, можно использовать в качестве исторического источника [Иванов, 1963, с. 85].

К настоящему времени в результате раскопок на территории современных ЯНАО и ХМАО – Югра в условиях мерзлоты, сохраняющей артефакты из органических материалов, на археологических памятниках различных эпох была собрана уникальная коллекция берестяных изделий, в том числе орнаментированных. В ЯНАО на энеолитическом поселении Горный Самотнел – 1, в древнем святилище Усть-Полуй эпохи раннего железа, в позднесредневековых аборигенных городках Полуйском и Надымском. На территории ХМАО – Югры – городища Шеркалы-1/2 и могильник Сайгатинский III [Могрицкая, 2018, с. 51–52].

Городище Усть-Войкарское-1, известное как Войкарский Городок, является многослойным археологическим памятником и имеет культурный мерзлотный слой из органических отложений. Находится в Шурышкарском районе ЯНАО на левом берегу р. Горная Обь, в окрестностях д. Усть-Войкары [Новиков, Гаркуша, 2017, с. 141].

Первое письменное упоминание об остоящем городке Вой-карра, который «стоит на левом берегу реки Оби», относится к концу XVI в. [Миллер, 1787, с. 257–258]. Войкарский городок входил в состав Обдорского княжества, позднее Обдорской волости – северо-хантыйского соци-

ально-политического объединения. Городок Войкар был известен как центр торговли с самодийскими народами [Перевалова, 2000, с. 152].

В 2003–2008 гг. раскопки на городище Усть-Войкарское-1 проводил отряд Ямальской археологической экспедиции под руководством А. Г. Брусничной и Н. В. Фёдоровой. В 2012–2016 гг. работы были продолжены Приобским отрядом ИАЭТ СО РАН под руководством А. В. Новикова. По результатам дендрохронологического анализа древесный материал у подножия холма был предварительно датирован XIV–XV вв., на вершине – XVII – концом XIX в. [Новиков, Гаркуша, 2017, с. 141–142].

Коллекция берестяных изделий из раскопок 2012–2016 гг. включает 678 берестяных фрагментов, 88 из них – орнаментированы. Определимых условно целых орнаментированных изделий – около 10.

Условно целые изделия представляют собой четырехугольные листы, на которых сохранились изгибы и потери (рис., 1), указывающие на места совмещения деталей, благодаря чему они пригодны для реконструкции. Из таких берестяных листов изготавливались коробка с низкой стенкой подпрямоугольной формы по принципу оригами: берестяной лист складывается коробом, белым слоем наружу. Концы листа загибаются по углам в виде треугольников и отгибаются на боковые стороны. Прделанные по краю бересты некоторых таких экземпляров отверстия указывают на прошивку с целью дополнительного укрепления стенок изделия [Молданова, 1999, с. 30].

Для подпрямоугольных коробок характерно нанесение орнамента на внутреннюю сторону изделия. Орнаменты выполнены в технике выскабливания, для которой используются оттенки красновато-коричневого тона внутреннего слоя бересты: узор сначала намечается тупым концом ножа, затем в этих местах предварительно смоченная коричневая пленка соскабливается. Под пленкой выступает желтый слой, образуя орнамент [Дмитриев-Садовников, 1916, с. 13–14].

Композиции на дне подпрямоугольных коробов в 4 вариантах представлены прямолинейными розетками и в 7 вариантах – криволинейными. Простые геометрические розетки (рис., 2, 3) состоят из перекрещенных линий с отростками и дополнительными парными отростками с двух сторон.

Четыре варианта криволинейных розеток можно отнести к стилизованным зооморфным изображениям (рис., 5–8), признаком которых являются постоянные элементы: туловище, внутренняя полость, голова и лапы, но в деталях имеют различные варианты, усложняются дополнительными элементами [Васильева, 2012, с. 11–12].

В одном случае мы имеем орнитоморфный орнамент (рис., 9). Например, О. М. Рындина так описывает стилизованные изображения птиц у хантов: «...схематично очерченная голова; удлиненная шея; две лапы, прямые или крючкообразные, крылья в положении замаха; хвост, конфигурация которого аналогично отмеченной у лап». Птицы на бересте предстают «в виде самостоятельных фигур с криволинейными очертаниями» [Рындина, 1995, с. 249–250].

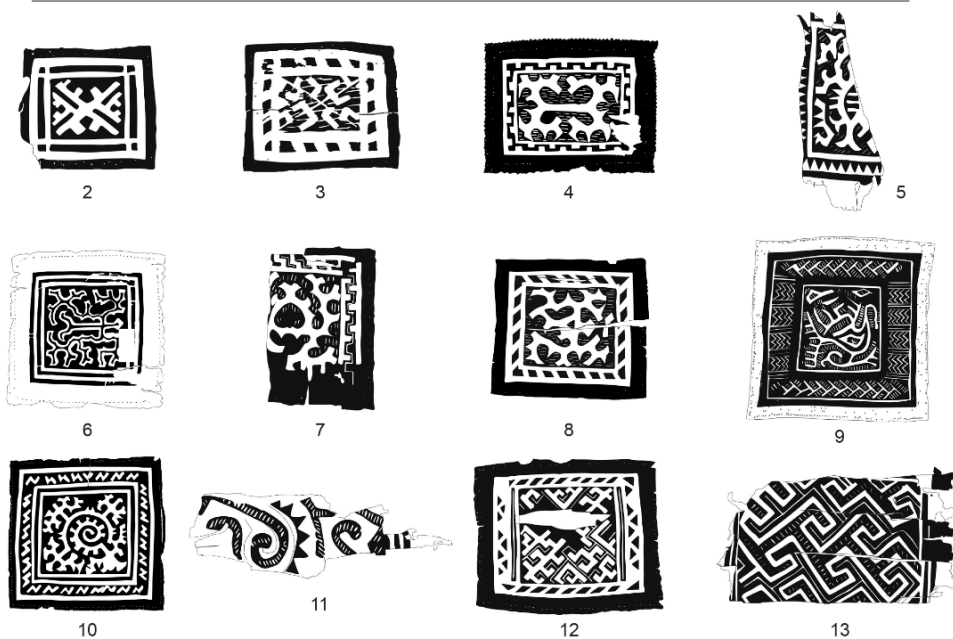

Рис. Берестяное изделие и варианты орнаментов:
1 – берестяное изделие с орнаментом (Городище Усть-Войкарское-1, 2016 г.);
2–13 – прорисовка орнаментов (художник Н. Н. Ковалева)

Зубчатая спираль, помещенная в прямоугольную рамку (рис., 10), – редко встречающийся криволинейный орнамент. Схожий можно наблюдать в этнографической коллекции 1904 г. У. Т. Сирелиуса [Иванов, 1963, с. 128–129].

Завитки как элементы, образующие окаймление, относятся к северному угорскому типу орнамента [Иванов, 1952, с. 96]. Подобный мотив, который сохранился на фрагменте изделия (рис., 11), интересен своим исполнением: при выскабливании по бересте узор видится в выскобленной, светлой части. В данном же случае наоборот: выскаблен фон, а рисунок просматривается в оставшейся темной части.

Такой вид композиции, как сетка, представлен в двух вариантах: косоугольная Г-образная сетка (рис., 12); косоугольная меандробразная сетка (рис., 13).

Большая часть бордюров на изделиях данной коллекции представлена простыми прямыми линиями, окаймляющими основное изображение. В одних случаях они соединяются вертикальными наклонными линиями (рис., 3, 8), в других дополняются квадратными (рис., 4, 7) или треугольными зубцами (рис., 5). С. В. Иванов относил данный геометрический простейший по форме тип орнамента к наиболее древним и предполагал, что «указанный орнамент разработан был местным населением еще до формирования на территории Зауралья угорских племен» [Иванов, 1952, с. 88]. Более сложный бордюр (рис., 9) исполнен в виде елочек и параллельных зигзагов, разделяемых прямыми линиями.

Данная коллекция содержит преимущественно орнаменты в криволинейном исполнении. Вопрос о происхождении криволинейности орнамента обско-угорских народов считается самым спорным среди исследователей. Так, С. В. Иванов считал криволинейные очертания более поздним стилистическим воплощением прямолинейно-геометрических узоров, возникших в результате контакта обско-угорских народов с тюркоязычными [Иванов, 1963, с. 160]. Н. В. Лукина же считает криволинейность древней местной чертой [Лукина, 2017, с. 114]. Археологический материал Войкарского городка свидетельствует о развитых криволинейных формах орнамента у северных хантов уже в период XVII–XIX вв.

Таким образом, для розеток данной коллекции характерно разнообразие мотивов, часто со сложной конфигурацией. Основные мотивы розеток: геометрические фигуры,

стилизованные зооморфные и орнитоморфные фигуры, спирали и завитки. Встречаются косоугольные и прямоугольные сетки с меандробразным и Г-образным орнаментом. Бордюры преимущественно просты. У большинства представленных орнаментов наблюдается заполнение фона штрихами, что придает изделию более декоративный эффект.

Сохранность орнаментированных берестяных изделий городища Усть-Войкарское-1 и других археологических памятников региона, обусловленная наличием мерзлоты, дает возможность в дальнейшем провести сравнительный анализ методов изготовления и орнаментации берестяных изделий различных исторических периодов.

*Научный руководитель – А. В. Новиков
канд. ист. наук, доцент,*

Институт археологии и этнографии СО РАН

Список литературы

- Васильева Е. Н. Узоры хантов: живая традиция // Современные проблемы сервиса и туризма. 2012. № 4. С. 9–15.
- Дмитриев-Садовников Г. М. Версты и сроки (Бересто и изделия из него у остяков р. Ваха) // Живая старина. 1916. Вып. 1. Прил. 4. С. 8–14.
- Иванов С. В. Материалы орнамента к проблеме культурно-исторических связей хантов и манси // Советская этнография. 1952. № 3. С. 85–99.
- Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.). М.; Л., 1963. 500 с.
- Лукина Н. В. Исторические формы орнамента восточных хантов // Вестник угроведения. 2017. № 1 (28). С. 105–119.
- Миллер Г. Ф. Описание Сибирского Царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской Державе по сии времена. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1787. Кн. 1. 368 с.
- Могрицкая В. Ю. Орнаментированные берестяные изделия Усть-Полуя (I в. до н. э. – I в. н. э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. № 46 (1). С. 51–58.
- Молданова Т. А. Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. Томск, 1999. 261 с.
- Новиков А. В., Гаркуша Ю. Н. Предварительные результаты полевых исследований городища Усть-Войкарское-1 (Приполярная зона Западной Сибири) в 2012–2016 годах // Вестник Рос. фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 3 (88). С. 141–149.
- Первалова Е. В. Обдорские князья Тайшины (историко-этнографический очерк) // Древности Ямала. Екатеринбург; Салехард, 2000. Вып. 1. С. 152–190.
- Рындина О. М. Орнамент. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск, 1995. Т. 3. 640 с.

Ornamented Birch Bark Products of the Voykarsky Gorodok (Based on the Materials of Excavations in 2012–2016)

N. N. Kovaleva

This article presents new materials obtained in the process of study of the settlement of the late Middle Ages – new time of Ust-Voykarskiy-1 (Voykarskiy town) during 2012–2016. The settlement of Ust-Voikarskoe-1 is situated on the territory of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug, in the North of Western Siberia; it has frozen cultural layer. Ornaments on birch bark products, composition, style, and main motives are considered.

Keywords: Voykarskiy town, northern Khanty, birch bark, ornament, composition, style, motifs.

Ковалева Ника Николаевна

студент 3-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: n.kovaleva@g.nsu.ru

Kovaleva Nika Nikolaevna

Student 3rd year

Novosibirsk State University

e-mail: n.kovaleva@g.nsu.ru

Обряд погребения с конем у якутов на примере могильника Ат-Дабан в Центральной Якутии

С. А. Бурцев

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия

Погребения с конем в Якутии, как отмечают археологи, бывают трех типов: грунтовые, наземные и воздушные. Те, в свою очередь, также имеют ряд локальных вариантов. В данной работе рассматривается наиболее распространенный вариант грунтового захоронения, согласно классификационным схемам, предлагаемым исследователями [Бравина, Попов, 2008, с. 142–158; Попов, Бравина, 2009, с. 15–21], включающий в себя размещение человека и коня в разных могильных ямах. Эти захоронения представлены памятниками Ат-Дабан IV и Ат-Дабан V, исследованными в 2016 г. в местности Ат-Дабан Хангаласского района.

Памятник Ат-Дабан IV был открыт В. В. Поповым практически на краю мысовидной террасы при проведении зондажных работ. Он представляет собой захоронение молодого мужчины 25–30 лет, ориентированное по линии запад – восток, что являлось обычной погребальной практикой у якутов дохристианского времени [Константинов, 1971, с. 153–154].

Костяк мужчины был сложен в гроб-колоду, изготовленный традиционным способом – ствол дерева расщеплен на две неравные части, меньшая из которых шла на крышку гроба, а большая – на основу [Бравина, Попов, 2008, с. 64]. В ходе расчистки у северной продольной стенки гроба на земляной тумбе был обнаружен ленчик конского седла, который при изъятии разрушился, оставив только железные детали: пять круглых подпружных ременных пряжек, прямоугольную пластину с ручкой и семь скоб Т-образной формы. Также неотъемлемыми частями украшения седла были два стремени.

Рядом с седлом были положены берестяной туес трапезиевидной формы и берестяная сумка, по форме напоминающая портфель. Внутри портфеля было обнаружено большое количество лошадиных костей, предположительно являющихся трезной.

При погребённом также был обнаружен охотничий инвентарь, представленный якутской пальмой – *батыйа*, сломанным надвое луком, колчаном для стрел и деревянными ножнами без ножа внутри.

Наличие в погребении мужчины конского снаряжения – седла и стремян – дало основания полагать, что конь погребенного умерщвлен поблизости. Поисковые работы зафиксировали в 2,5 м к северо-востоку от памятника Ат-Дабан IV тазовые кости лошади.

Могильный провал памятника Ат-Дабан V, аналогично памятнику Ат-Дабан IV, был ориентирован по линии запад – восток. Внутри могильного провала памятника Ат-Дабан V покоился костяк молодого коня в лежачем положении, с подогнутыми под себя ногами. Голова коня направлена на юг. Костяк коня не имеет нарушений. В зубы коня положены коррозированные от времени железные удила, которые состоят из двух скрепленных грызел и прикрепленных к ним двух равных по диаметру трензелей (колец), а также двух кручено-проволочных элементов в виде «восьмерки» (вертлюг) с двумя колечками на концах каждой, где одно кольцо соединено с трензелем. В области крупа с северной стороны лежала веревка из конского волоса, предположительно предназначенная для связывания коня при умерщвлении.

Конь, костяк которого не имел нарушений, вероятно, был *хоолдьюга*¹ который, согласно этнографическим исследованиям, со связанными ногами был опрокинут на бок и умерщвлен путем разрыва спинной аорты. Затем его положили в заранее подготовленную яму и захоронили [Бравина, 2005, с. 182]. Верховую лошадь, как пишет И. А. Худяков, приводили во всей сбруе в специальный загон и старались убить с одного удара дубины [1969, с. 269].

Данный памятник по своим основным характеристикам, несмотря на отсутствие сколько-нибудь представительного материала, не выпадает из состава уже известных одиночных захоронений лошадей. Однако тот факт, что недалеко от покойника вместо верхового коня лежал предположительно *хоолдьюга*, может свидетельствовать о низком социальном статусе погребенного либо о позднем времени погребения.

Погребения Ат-Дабан IV–V должны рассматриваться как единый комплекс захоронения человека с конем. Практика данного обряда сложилась у предков якутов, вероятно, еще во времена исхода их тюрко-монгольских предков из Прибайкалья на Среднюю Лену и, по мнению исследователей, имеет связь с аналогичными комплексами усть-талкинской культуры XII–XIV вв. Прибайкалья [см.: Константинов, 1970; Николаев, 2004; Бравина, Попов, 2008].

*Научный руководитель – К. А. Пестерева
ст. преподаватель,*

*Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова*

Список литературы

- Бравина Р. И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса. Новосибирск : Наука, 2005. 297 с.
- Бравина Р. И., Попов В. В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск : Наука, 2008. 296 с.
- Константинов И. В. Захоронение с конем в Якутии (новые данные по этногенезу якутов) // По следам древних культур Якутии. Якутск, 1970. С. 183–197.
- Константинов И. В. Материальная культура якутов XVIII века (По материалам погребений). Якутск : Якутск. книж. изд-во, 1971. 211 с.
- Николаев В. С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках. Усть-Талкинская культура. Владивосток ; Иркутск : Институт географии СО РАН, 2004. 306 с.
- Попов В. В., Бравина Р. И. Ритуальные комплексы с конем в Якутии (XV–XX вв.). Якутск : Бичик, 2009. 32 с.
- Худяков И. А. Краткое описание Верхоянского округа. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. 438 с.

¹Хоолдьюга (хаайлыга) – поминальная скотина, на которой умерший должен был совершить путь в преисподнюю. Мясом хоолдьюга также угощали пришедших проститься с покойником [Бравина, 2005, с. 182–183].

Burial Rite with a Horse among the Yakuts on the Example of the Burial ground At-Daban in Central Yakutia

S. A. Burtsev

In this paper, we consider a ground-based version of the burial rite of a man with a horse, studied in the area of At-Daban in the Khangalassky district of Central Yakutia. The skeleton in the At-Daban V monument belonged to a young male hunter. Fragments of clothing and hunting equipment were found with him. Also in the coffin lay a wooden saddle ribbon with iron parts. In the monument of At-Daban V lay the skeleton of a young horse, presumably on horseback, with iron bits in his teeth. A comparative analysis of the accompanying inventory from the monuments of At-Daban IV and At-Daban V did not reveal significant differences from the already known burials with a horse.

Keywords: Yakutia, Khangalassky district, At-Daban, rite, burials with a horse, horse equipment.

Бурцев Семен Александрович

студент 2-го курса

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

e-mail: simonb89@mail.ru

Burtsev Semen Aleksandrovich

Student 2nd year

Ammosov North-Eastern Federal University

e-mail: simonb89@mail.ru

УДК 392.8(571.56)(091)

Курительные аксессуары якутов в середине XVIII – начале XX в.

И. В. Казимиров

Северо-Восточный государственный университет, Магадан, Россия

Курение табака – одна из наиболее древних традиций коренных жителей как американского континента [Biomolecular archaeology reveals ... , 2018], так и народов Северо-Восточной Азии, в том числе якутов.

Якуты (саха) – народ с богатой материальной и духовной культурой, одним из элементов которой являются курительные трубки и сопровождающий их инвентарь. Якуты называли курительную трубку «хамса», кiset – «саппыйа», трубочистку – «ыраастыыр», трутницу – «кыалыктаах» [Материальная ... , 2018; Якутско-русский ... , 1972, с. 37–156].

Источники исследования – курительные аксессуары из фондов музеев и опубликованные данные археологических изысканий [Гоголев, 1990]. Особое значение имеют коллекции, вывезенные из Якутии в музеи Германии с начала XIX в. во время экспедиционных изучений Севера России и недавно опубликованные [Материальная ... , 2018, № IA 727, IA 84, IA 661, IA 724, IA 2187, IA 2187, IA 722, IA 4140, IA 4141, IA 3261, NAs 1833, IA 726, NAs 1835, IA 761, IA 728, IA 723, 31173]. Всего проанализировано 30 предметов, в том числе курительные трубки, кisetы, трубочистки, трутница, изображения курительных трубок на рисунках начала XX в. Н. Д. Травина [МАЭ, № 4282–149, 4412–11, 4412–37, 4412–19, 4412–17, 4412–12, 4412–5, 4412–4, 4412–18, 4412–6, 4412–38]. Для аналогий использованы коллекции корякских [Казимиров, 2019] и чукотских [МАЭ, № 2368–26, 611–90] трубок.

По данным источников, наиболее древняя курительная трубка на территории Якутии обнаружена в захоронении XVIII в. Изготовлена из дерева, меди, кожи. Украшена медной головкой грифона [Гоголев, 1990, с. 91]. Этот элемент связывают с влиянием древнего скифо-хунгунского компонента на культуру якутов [Гоголев, 1986, с. 54]. В Сибири курительные трубки появляются в середине XVII в., что фиксируется их находками в археологических памятниках [Беликова, Зинченко, 2012, с. 93]. Не исключаем, что в Якутии использовать трубки для курения стали с приходом русских казаков.

Основным материалом для изготовления трубок служили дерево и металл: олово, латунь и медь. Лучшими породами дерева считались лиственница, ель, произрастающие на территории расселения якутов. Кроме этого, использовался капо-корень – нарост на корне березы, обладающий хорошей прочностью. Иногда использовали кожаные ремешки для крепления табачной чаши к чубуку [Материальная ... , 2018, с. 283, 303 и др.]. В единственном экземпляре представлена трубка из бивня мамонта [Там же, с. 303, Инв. № IA 661].

Курительные трубки классифицируются как простые – состоящие из цельного фрагмента дерева, кости или металла, так и составные – из разных частей и сырья.

Из простых можно отметить «оборчо» – самодельную трубку из дерева, которая состояла только из чаши корытообразной формы и углубления для закладки табака. На доннышке имелось просверленное отверстие для высасывания дыма; по бокам – выступ с зубчатыми нарезками, в который продевают ровдужный шнурок для подвешивания [Там же, № IA 761].

Составные трубки из состояли мундштука, чубука и табачной чаши. Мундштук мастерили в основном из дерева или капокорня; мог быть изогнутой, прямоугольной, удлиненной, S-образной, продолговатой формы. Чубуки изготавливали в основном из металла; их иногда орнаментировали; крепили к мундштуку кожаными ремешками. Форма чубуков – граненная, прямоугольная или гладкая. Табачные чаши изготавливали преимущественно из металла; формы – круглые или граненые. Табачная чаша соединялась с чубуком и заправлялась табаком.

Некоторые деревянные трубки вырезались из двух кусков дерева и были удлиненной изогнутой формы, сужающейся к загубнику. Тулово туго стягивалось берестяной лентой, посаженной на клей. На широкий конец вставлялась металлическая чаша круглой формы [Там же, № NAs 1833]. При изготовлении металлических трубок использовался прием литья.

Иногда трубки богато украшались бусами и подвесками, через которые протягивались кожаные шнурки с металлическими трубочками, возможно, с целью подчеркнуть особый статус владельца [Там же, № IA 727].

Сопровождающими курительные трубки предметами были трубочистки, кisetы и трутницы.

Трубочистки – скребки для очистки нагара – изготавливались из металла. Имели форму небольшого отрезка проволоки. В некоторых случаях крепились к трубке посредством кожаного ремешка [Там же, № IA 727, IA 723].

Кiset – меховой мешочек для ношения курительного табака, изготавливался из кожи, бархата и хлопчатобумажной ткани, иногда украшался бисером. Кулилка (завязка) на кисете стягивалась ровдужными шнурками. К нижней части кисета пришивалась кайма из меха, а по бокам крепился ремешок. Передняя часть украшалась ровдужными продержками по меху, что образовывало полосой геометрический орнамент [Там же, 2018, № IA 761, IA 723].

Трутница – сумочка с огнивом – обычно состояла из декоративного чехла, куда за длинный ремешок втягивался кiset с трутом для предохранения от сырости [Там же, 2018, № IA 761].

Заслуживает внимания оригинальный прибор ручной работы начала XX в., состоящий из трубки, контейнера для табака и спичек. Общая длина прибора – 22,4 см; высота чашечки – 6,4 см; диаметр чашечки – 2,8 см; длина мунд-

штуков – 3,6 см. Изготовлен из древесины и картона. Конструкция необычной формы совмещает в себе одну табачную чашу с двумя мундштуками, прямоугольной табакеркой и вместилищем для спичек. Геометрические изображения, нанесенные на поверхность прямоугольной табакерки, выполнены синими чернилами [МАЭ, № 4282–149]. Возможно, автор курительного прибора хотел максимально уместить все курительные принадлежности в одно целое для компактного переноса и использования.

Для курения якуты использовали листовой табак, который закупали у русских купцов на ярмарках [Калачев, 1862, с. 54]. Возможно, якуты получали табак и в результате торговых связей с Китаем [Утагава, 1996, с. 71]. Табак смешивался с нарезанной мелкой трухой лиственницей, чтоб листовой табак не был слишком крепким. Также для усиления эффекта табак могли смешивать с пометом зайцев [Материальная ... , 2018, № IA 4283]. Для разбавления табака использовалась мякина – шелуха, оставшаяся от молотыбы зерна [Там же, № IA 4166].

Сравнительный анализ якутских курительных аксессуаров показывает, что принципиально они не отличались от принадлежностей соседних народов. Некоторые курительные трубки якутов, изготовленные из металла и древесины, имеют внешнее сходство с трубками коряков и чукчей [см. напр. Материальная ... , 2018, № IA 726, NAs 1833, IA 727, IA 724; Богораз, 1993, с. 135; Казимиров, 2019]. Но в то же время якутские трубки более разнообразны по форме, материалу изготовления, встречаются более массово.

*Научный руководитель – И. Ю. Понкратова
канд. ист. наук, доцент, ведущ. науч. сотр.,
Северо-Восточный государственный университет*

Smoking Accessories of the Yakuts in the Middle of the 18th – Early 20th Centuries

I. V. Kazimirov

The article presents data on the analysis of smoking accessories of the Sakha peoples of Yakutia, used in the 18th – early 20th centuries. They are from the collections of museums and publications of archaeological research. Accessories such as pipes, pipe cleaners, pouches, and tinderboxes were identified. Smoking pipes were made of wood, metal, decorated with ornaments and beads. Sometimes pipes were richly decorated with beads and pendants, through which stretched leather laces with metal tubes. Perhaps this was done to indicate a special status of a person. They had simple and complex designs. Yakuts used leaf tobacco, which they bought from Russian merchants or from the Chinese people. Tobacco was mixed with chopped larch and other ingredients. The comparative analysis revealed the diversity and mass of the Yakut Smoking accessories in comparison with the Koryak and Chukchi.

Keywords: Yakuts people, material culture, smoking pipes, tobacco, handmade.

Казимиров Игорь Владимирович

студент 3-го курса
Северо-Восточный государственный университет
e-mail: saikazanfuguki@gmail.com

Kazimirov Igor Vladimirovich

Student 3rd year
North-East State University
e-mail: saikazanfuguki@gmail.com

УДК 93/94:902(571.55)

Археологические работы на территории Нерчинского острога в 2019 году

Н. С. Поляков

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

В июне 2019 г. на территории Нерчинского острога (Забайкальский край, Нерчинский район, с. Михайловское) проводились археологические работы отрядом Забайкальского государственного университета под руководством А. В. Константинова. Исследования велись совместно с сотрудниками Красноярской Геоархеологии, Института нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН, которые провели топографическую съемку и археогеофизические работы.

В 1991–1992 гг. раскопки памятника проводились А. Р. Артемьевым, сотрудником Института археологии, истории и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Необходимость возобновления работ была вызвана возрастающим интересом к истории г. Нерчинска, особенно к начальным его этапам, и необходимостью охраны объекта археологического наследия. Как известно, Нерчинск был первым и единственным городом «Даурской

землицы» до конца XVIII в. Наибольшую известность он приобрел в связи с заключением в 1689 г. Нерчинского договора.

При подготовке к исследованиям мы ознакомились с отчетами А. Р. Артемьева, которые хранятся в Нерчинском музее, литературой по истории г. Нерчинска. Удалось выяснить, что называются различные даты основания г. Нерчинска – 1653, 1654, 1656 и 1658 гг., а также разные фамилии его основателей. Из дореволюционных авторов прежде всего И. Э. Фишер касался обстоятельств основания города. Он отмечал постройку небольшого острога М. Уразовым – десятником из отряда П. Бекетова осенью 1653 г. «на южном берегу Шилки напротив устья Нерчи» [Крадин, Тимофеева, 1988, с. 171]. Также он писал, что «Афанасий Пашков в 1658 году ... на устье Нерчи на приятном и плодородном месте положил основание важному порубежному городу Нерчинску» [Там же, с. 172]. Как

Источники

МАЭ. № 611–90, № 2368–26, № 4282–149, № 4412–4, № 4412–5, № 4412–6, № 4412–11, № 4412–12, № 4412–17, № 4412–18, № 4412–19, № 4412–37, № 4412–38.

Материальная и духовная культура народов Якутии в музеях мира (XVII – начало XX вв.). Якутск : Бичик, 2018. Т. 2: Музеи Германии. Кн. 1. 782 с.

Список литературы

Беликова О. Б., Зинченко А. С. Курительные аксессуары XVII–XIX вв. Тажного Причумыя (Юг Западной Сибири): трубки // Вест. археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 2 (17). С. 93–105.

Богораз В. Г. Материальная культура чукчей. М. : Наука, 1993. 135 с.

Гоголев А. И. Историческая этнография якутов (Вопросы происхождения якутов). Якутск : Изд-во ЯГУ, 1986. 92 с.

Гоголев А. Н. Археологические памятники Якутии позднего средневековья. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 188 с.

Казимиров И. В. Курительные трубки коряков (по данным этнографических источников) // Материалы LIX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Благовещенск ; Хэйхэ, 2019. С. 211–213.

Калачев Н. В. Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1862. Кн. 3. 54 с.

Утагава Х. Курительные трубки и ритуал курения у северных народов // Бюллетень лаборатории археологии факультета литературы университета. Токио, 1996. № 10. Ч. 1. С. 71–75.

Якутско-русский словарь / под ред. П. А. Слепцова. М. : Сов. энциклопедия, 1972. 606 с.

Biomolecular archaeology reveals ancient origins of indigenous tobacco smoking in North American Plateau / Sh. Tushingham, Ch. M. Snyder, K. J. Brownstein, W. J. Damitio, D. R. Gang // PNAS. 2018. № 115 (46). P. 11 742–11 747.

видно, И. Э. Фишер акцентировал внимание на том, что острожек М. Уразова и «побужный город Нерчинск» А. Ф. Пашкова были поставлены в разных местах: первый – на правом берегу Шилки «напротив устья Нерчи», а второй – «на устье Нерчи» [Там же]. Поясним, что острог А. Ф. Пашкова был поставлен на одном из островов в устье р. Нерча.

В 1689 г. после заключения Нерчинского договора с Китаем, благодаря полномочному послу Ф. А. Головину, острог получил статус города, а также был существенно расширен и перестроен. В 1712–1720 гг. к северу от собственно острога был возведен каменный Троицкий собор. В середине XVIII в. острог из-за наводнений был перенесен на новое место немного выше по течению р. Нерчи ближе к собору [Кочедамов, 1978]. Строительство острога и дополняющих его земляных бастионов происходило при Ф. И. Соимонове – руководителе Нерчинской секретной экспедиции. В начале XIX в. Нерчинск вновь был перенесен на новое место, где находится и поныне, а на месте острога возникло село Михайловское.

Работы на территории острога начались с оценки местности. Установлено, что большая часть территории острога занята сельскими усадьбами, груды кирпичей указывают на место расположения Троицкого храма (разрушен в 1930-х гг.). К югу от храма расположена свободная от застроек площадка, на которой и проводились основные исследования. Отметим также, что остатки этого храма стали ключом для привязки плана Нерчинского острога, составленного мичманом М. Татариновым в XVIII в., к современному космоснимку. Их совмещение позволило установить месторасположение острога на территории современного села.

На этой площадке были зафиксированы следы раскопок А. Р. Артемьева. В раскопах стратиграфически выделялось четыре пласта, в которых прослеживается три слоя: 1-й пласт датируется концом XVIII – началом XIX в.; 2-й пласт – середина – вторая половина XVIII в.; 3-й, 4-й пласты – первая половина XVIII – конец XVIII в. [Артемьева, 1995, с. 124]. По отчетам А. Р. Артемьева установлено, что было выявлено значительное количество находок. В основном это керамические и металлические изделия. Также присутствуют фрагменты кожаных и стеклянных изделий, оконной слюды, монеты и т. д. [Артемьев, 1999, с. 61].

В процессе исследований нами заложен новый раскоп размерами 2×7 м (кв. 33, 34, Ж–Н) перпендикулярно бровке террасы на западной стороне свободной площадки. Раскопом вскрыты отложения до галечника. Установлено, что общая мощность отложений невелика – около 1 м (в основании зафиксирован галечник). На ближних к краю террасы линиях находки полностью отсутствовали. С линии И фиксировался все возрастающий культурный слой (до 0,4 м) и число находок. В квадратах 33, 34, М, Н была получена основная часть коллекции. В раскопе были выявлены фаунистические остатки, фрагменты керамики, фрагменты оконной слюды, два неопознанных железных изделия, два фрагмента бересты, жаберная крышка (ленок или таймень). Керамика представлена немногочисленными фрагментами, в том числе с венчиками, встречаются глазурованные фрагменты.

Archaeological Works on the Territory of Nerchinsk Fortress in 2019

N. S. Polyakov

The article is devoted to archaeological research that was carried out in 2019 on the territory of the Nerchinsky prison (Trans-Baikal Territory, Nerchinsky District, the village Mikhailovskoe) by a detachment of the TransBaikal State University under the direction of A. V. Konstantinov. The work was carried out in connection with the increased public interest in Nerchinsk, attention from Chinese neighbors. They were linked to research conducted on the monument in the 1990^s. As a result, a topographical survey of the area was carried out, the sequence of changing the location of the prison site in the 17th–18th centuries was established, the nature of the cultural layer was established. Archaeogeophysical work allowed us to outline research prospects.

Keywords: Nerchinsky prison, Nerchinsk, Nerchinsk treaty, archaeological research, archaeogeophysical works, P. I. Beketov, F. Golovin, F. I. Soimonov.

Поляков Николай Сергеевич

студент 3-го курса

Забайкальский государственный университет

e-mail: oblivion_2020@mail.ru

В результате определения остеологического материала А. М. Клементьевым было установлено наличие домашних и промысловых видов млекопитающих и единичные остатки птиц и рыб. Среди промысловых зверей определены косуля и заяц-беляк. Домашние виды представлены домашней свиньей, крупным рогатым скотом и домашним бараном. В остеологическом материале доминирует крупный рогатый скот.

На примыкающем к раскопу участке были проведены геофизические исследования методами магниторазведки, георадиолокации и электротомографии. Магниторазведка проведена на площадке размером 50×50 м, по сети – 1×1 м. Измерения выполнялись прибором ММРОС-1. Задачей магниторазведки было выявление остатков строений. Электротомография выполнена с помощью аппаратуры «Скала-64» с шагом 0,5 м. Измерения сделаны вдоль линии 38. По этой же линии сделаны георадиолокационные зондирования георадаром ОКО-3 с антенным блоком центральной частоты 400 МГц. Данные исследования показали изменения электромагнитного поля. Судя по характеру аномального магнитного поля, территория острога многократно застраивалась и перестраивалась, что затрудняет однозначную интерпретацию геофизических данных и четкое выделение каких-либо фундаментов зданий. По данным электротомографии выделяются участки застройки с засыпанными погребями, и при детальном площадном исследовании есть возможность картировать места построек. По данным георадиолокации также обнаруживаются участки антропогенного изменения геологической среды, а также выделяются локальные аномалии, которые могут быть и обычной галькой, и археологическим объектом [Константинов, Оленченко, 2019].

Полученный в ходе раскопок материал относится ко второй половине XVIII в., т. е. территория уже третьего по счету Нерчинского острога, который строился при Ф. И. Соимонове. По нашим наблюдениям, многие усадьбы в селе брошены, и появились возможности провести раскопки и на других участках, в том числе на месте второго острога, построенного А. Ф. Пашковым. Напомним, что в его отряде находился протопоп Аввакум (в 2020 г. исполняется 400 лет со времени его рождения). Фактически вся территория с. Михайловское представляет собой памятник русской археологии, относящийся к начальным этапам освоения Забайкалья. Намечаются перспективы изучения памятника и мероприятия по включению его в орбиту туристической деятельности.

*Научный руководитель – А. В. Константинов
д-р ист. наук, профессор,*

кафедра истории, Забайкальский государственный университет

Список литературы

Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII вв. Владивосток, 1999. 336 с.

Артемьева Н. Г. Керамика Нерчинского острога // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. Владивосток, 1995. Т. 2. С. 124–132.

Константинов А. В., Оленченко В. В. Археогеофизические исследования на территории Нерчинского острога // Записки Забайкальского отделения Русского географического общества. Чита, 2019. Вып. 136. С. 49–57.

Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М., 1978. 190 с.

Крадин Н. П., Тимофеева М. Ю. О дате основания Нерчинского острога // Вопросы истории. 1988. № 1. С. 171–174.

Современное состояние изученности русского оборонного зодчества Сибири в эпоху Петра I*

В. В. Зеленина

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-09-42058

Русское освоение Сибири шло с использованием опыта фортификационного зодчества, накопленного ранее при создании оборонительных линий в основном, к югу, юго-востоку от Москвы. Для освоения новых территорий в регионе строились первые пункты государственности – остроги. В целом организация строительства острогов «имела строго установленный царской администрацией порядок» [Артемьев, 1998, с. 140]. В историографии выделяются два основных этапа в истории русской фортификации региона: 1) XVI–XVII вв. (допетровский, генетически связанный и продолжавший традиции древнерусского оборонного зодчества); 2) конец XVII – начало XVIII в. (фортификация получила развитие с использованием западноевропейского опыта). Второй этап развития оборонного зодчества изучен слабее, хотя он был интенсивным: «вместо отдельных крепостей и городков в XVIII в. возникли крупные линии укреплений, включающие в свой состав крепости, форпосты, редуты и маяки» [Кочедамов, 1978, с. 31], поэтому упор следует сделать на нем.

Памятники русского оборонного зодчества Сибири на базе письменных источников изучаются давно. Это работы таких авторов, как Е. А. Ащепков [1953], В. Ф. Шперк [1957], Л. Г. Бескровный [1958], С. Н. Баландин [1974], Н. Л. Крашенинникова [1976], Т. С. Проскурякова [1976], Н. П. Крадин [1988], М. И. Мильчик [1995], В. В. Яковлев [2000], К. С. Носов [2013], В. Б. Бородаев, А. В. Контев [2015], О. П. Бауськова [2016] и др. В масштабах всего региона наиболее полными до сих пор остаются результаты исследований Н. П. Крадина [1988], который с учетом достижений своих научных предшественников, на материалах письменных, изобразительных источников и сохранившихся объектов фортификации издал монографию «Русское деревянное оборонное зодчество». Автор кратко отметил факт перехода в Сибири в XVIII в. к новым формам фортификации, указав в качестве иллюстративного примера лишь Омскую крепость [Крадин, 1988, с. 72]. Первыми авторами, рассмотревшими историю оборонного зодчества целиком по Сибири, были Д. Я. Резун и Р. С. Васильевский [1989]. Они дали краткое описание острогов – на то время это был наиболее полный список сибирских крепостей. В последующем наиболее масштабной стала совместная работа В. Б. Бородаева и А. В. Контева – в их монографии приведена самая полная на сегодня картина создания оборонительной Иртышской линии с демонстрацией истории продвижения русской границы к юго-востоку в Петровское время [2015]. Выполненные по материалам письменных источников исследования самого последнего времени историков З. А. Тычинских и С. Р. Муратовой [Муратова, Тычинских, 2017; Муратова, 2018] посвящены изучению фортификационных особенностей пограничных крепостей, влиянию западноевропейских традиций зодчества на развитие фортификации Урала, Западной Сибири в XVIII в. после Петра I.

Археологические исследования русских памятников начались позже, чем основанные на письменных источниках. Первый и наиболее детальный разбор их результатов по состоянию на 2007 г. был дан в публикации А. Р. Артемьева – на первое место по степени изученности он поставил вопросы археологии фортификации [2007, с. 137–138]. На следующий год М. П. Чёрная [2008] частично дополнила приведенные А. Р. Артемьевым положения.

Раскопочные работы на площади части указанных А. Р. Артемьевым и М. П. Чёрной памятников продолжались в последующие годы. В некоторых случаях их объемы существенно превысили прежние показатели, например в ходе работ в преддверии 400-летия Енисейска. Результаты этих исследований достаточно полно освещены в цикле публикаций и в сборнике статей, посвященном юбилею [Культура русских ... , 2017]. К сожалению, из числа объектов фортификации был охарактеризован лишь пороховой погреб Енисейска [Галухин, Лысенко, Сляднев, 2017]. Продолжались работы в г. Таре (к 2019 г. раскопом вскрыто более 15 тыс. м²), Березове и др. В ряде городов археологические исследования были проведены впервые в их истории – так, в Тобольске в 2019 г. вскрыто около 2 тыс. м² и др. Примером использования передовой методики, интеграции данных археологии, письменных источников и музейного дела стала фундаментальная монография группы авторов из Новосибирска [Казымский. археолого-этнографический комплекс... , 2018].

За указанный период публиковались и неизвестные ранее сведения о результатах полевых работ начиная с 40-х гг. XX в., например, Сосновского, Верхотомского острогов [Кимеев, 2018]. Цикл публикаций по результатам раскопок Саянского и Умревинского острогов выполнен С. Г. Скобелевым, А. П. Бородовским, С. В. Гороховым.

Несмотря на высокую научную значимость данной тематики и изложенные выше успехи в ее изучении, следует отметить слабую разработанность вопросов истории развития фортификации в Сибири в Петровское время. Так, до сих пор не уточнен список всех созданных в Сибири объектов оборонного зодчества. Нет единой типологии объектов и элементов фортификации. В связи с этим в число крепостей не включаются укрепленные («административные») деревни, крепостные сооружения сибирских заводов, например Каштакского (Каштацкого) (1697 г.). В научной литературе есть путаница в терминологии: «острог», «крепость», «зимовье», «городня», «частик» и т. д.

Краткий анализ современного состояния исследований в этой области показывает, что требуется изучение, направленное на решение указанных и иных проблем. Исследовательское поле проблематики весьма широко, особенно с учетом необходимости создания полного свода памятников русской фортификации в Сибири и выявления особенностей ее развития в эпоху Петра I.

*Научный руководитель – С. Г. Скобелев
канд. ист. наук, доцент,*

*кафедра археологии и этнографии, Гуманитарный институт,
Новосибирский государственный университет*

Список литературы

- Артемьев А. Р. Строительство городов и острогов Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. и типы оборонительных сооружений // Отечественная история. 1998. № 5. С. 140–147.
- Артемьев А. Р. Памятники истории освоения русскими Сибири и Дальнего Востока на современном этапе археологического изучения // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. Историко-археологические исследования. Владивосток, 2007. Т. 5. Ч. 1. С. 124–171.
- Ащепков Е. А. Русское народное зодчество в Восточной Сибири. М.: Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре, 1953. 205 с.
- Баландин С. Н. Оборонная архитектура Сибири в XVII в. // Города Сибири: экономика, управление и культура городов Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1974. С. 7–37.

- Бауэков О. П. Вехи истории Главного инженерного управления // Война и оружие. Новые исследования и материалы. СПб., 2016. Ч. 1. С. 127–164.
- Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке: очерки. М.: Военное изд-во Мин-ва обороны СССР, 1958. 659 с.
- Бородаев В. Б., Контев А. В. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг.: документальная монография. Барнаул: АлтГПУ, 2015. 416 с.
- Галухин Л. Л., Лысенко Д. Н., Сляднев А. М. Пороховой («зеленый») погреб Енисейского острога: планиграфия, стратиграфия и датировка // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2017. С. 67–74.
- Казымский археолого-этнографический комплекс / В. И. Молодин, А. В. Новиков, А. В. Кениг, В. Н. Добжанский, А. В. Выборнов, Г. П. Ведмидь, В. С. Мыглан, Е. А. Зайцева, А. Ю. Майничева, А. А. Шиль. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. 264 с.
- Кимеев В. М. Сибирские остроги Притомья. Кемерово: Сиб. отд. АН Горных наук, 2018. 156 с.
- Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М.: Стройиздат, 1978. 190 с.
- Крадин Н. П. Русское деревянное оборонное зодчество. М.: Искусство, 1988. 142 с.
- Крашенинникова Н. Л. Строительство русских крепостей XVIII в. по «образцовым» проектам // Архитектурное наследие: проблемы градостроительства IV–XIX вв. М., 1976. № 25. С. 72–78.
- Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. / под ред. Л. В. Тагауровой. Омск: Наука, 2017. 580 с.
- Мильчик М. И. Итальянские мастера – строители Ивангородской крепости // Новгородский исторический сборник. СПб., 1995. Вып. 5 (15). С. 184–202.
- Муратова С. Р., Тьчинских З. А. Фортификационные особенности пограничных крепостей Урала и Западной Сибири XVIII в. // Проблемы востоковедения. 2017. № 3 (77). С. 33–38.
- Муратова С. Р. Влияние западноевропейских традиций военного зодчества на развитие инженерных идей и форм фортификации на Урале и в Западной Сибири в XVIII в. // Вест. Томск. гос. ун-та. 2018. № 429. С. 168–174.
- Носов К. С. Русские средневековые крепости. М.: Эксмо, 2013. 352 с.
- Проскурякова Т. С. Планировочные композиции городов-крепостей Сибири (вторая половина XVII – 60-е гг. XVIII) // Архитектурное наследие. 1976. № 25. С. 55–71.
- Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. Новосибирск: Новосибирск. кн. изд-во, 1989. 304 с.
- Чёрная М. П. Русская археология Сибири: концепции, результаты, перспективы // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2008. С. 5–26.
- Шперк В. Ф. История фортификации (главы I–V) // РусАрхив: электронная научная библиотека по истории древнерусской архитектуры. М., 1957. URL: <http://www.rusarch.ru/sperk1.htm> (дата обращения: 15.06.2016).
- Яковлев В. В. История крепостей. СПб.: Полигон, 2000. 400 с.

Current State of Study of the Russian Defensive Architecture in Siberia of the Peter the Great Era

V. V. Zelenina

The article gives an overview of the current state of study considering Siberian defensive architecture in the Peter I era. The monuments of Russian defense architecture in Siberia on the basis of written sources have been studied for a long time now. These are the works of such authors as E. A. Aschepkov, V. F. Shperk, L. G. Beskrovny, S. N. Balandin, N. L. Krashenninikov, T. S. Proskuryakova, N. P. Kradin and others. Archaeological research of Russian monuments began later. The first and most detailed analysis of the results as of 2007 was given in the publication of A. R. Artemyev. Also different types of fortifications in Siberia are looked at. The innovations in construction are shown that are being implemented in the beginning of the 18th century.

Keywords: Peter the Great, Siberia, ostrogs, written sources, Archaeology, architecture.

Зеленина Варвара Витальевна

магистрант 1-го года обучения
Новосибирский государственный университет
e-mail: zelenina2594@gmail.com

Zelenina Varvara Vitalievna

Graduate student 1st year
Novosibirsk State University
e-mail: zelenina2594@gmail.com

УДК 903.02

Керамический комплекс XVIII–XIX вв. с объекта археологического наследия «Солдатская слобода» по материалам раскопок 2019 года

И. М. Фурсова

Ассоциация по защите прав археологов «Южархеология», Ростов-на-Дону, Россия

Летом 2019 г. на объекте археологического наследия «Солдатская слобода» («Солдатский форштадт») в исторической части г. Ростов-на-Дону проводились археологические работы.

Стоит отметить, что объект «Солдатская слобода» является историческим районом города, а его образование связано с появлением крепости Св. Дмитрия Ростовского.

История слободы насчитывает более 250 лет. Одним из первых свидетельств появления «Солдатской слободы» можно считать план А. И. Ригельмана, вошедший в «Ведомость и географическое описание крепости Св. Дмитрия Ростовского с принадлежащими и прикосновенными ей местами, сочиненная по приказу Правительствующего Сената 1768 года», где имеются сведения о двух вновь образованных форштадтах: Доломановском и Солдатском [Ригельман, 1918, с. 3]. По мнению краеведа М. Б. Краснянского годом образования Солдатского форштадта можно считать 1765 [Краснянский, 1912, с. 35].

Серьезные изменения, касающиеся жизни форштадтов, произошли в 1779 г., после того как Екатерина II своим указом даровала 86 тыс. десятин земли рядом с крепостью Св. Дмитрия Ростовского переселенным из Крыма армя-

нам. Жителям Полуденского форштадта, на территории которого императрица разрешила построить армянский город и который был на тот момент самым развитым и населенным пунктом рядом с крепостью, пришлось перебраться и перенести свое хозяйство в Солдатский форштадт и на Доломановку.

Застройка форштадтов имела характерную для российских военных поселений XVIII в. регулярную планировку вдоль берега р. Дона. Со временем планировка форштадтов превращается в систему городских улиц и кварталов, их территория увеличивается, приближаясь к границам крепости. Солдатский форштадт ограничивался с восточной стороны проспектом Ворошиловским, с запада – Буденновским, с севера – улицей Шаумяна.

После окончания Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. происходит еще один виток в развитии слобод. Крепость Дмитрия Ростовского теряет значение пограничного укрепления. Одновременно с этим возрастает роль ее форштадтов, которые 17 августа 1806 г. указом Александра I впервые названы городом Ростовом, а впоследствии – Ростовом-на-Дону, в отличие от Ростова-Ярославского. В 1811 г. из бывших форштадтов крепости был оконча-

тельно образован уездный город Ростов-на-Дону Екатеринославской губернии. В 1835 г. гарнизон крепости Димитрия Ростовского, оружие, боеприпасы, амуниция были отправлены в Анапскую крепость. Территория крепости стала постепенно застраиваться, земляные валы были срыты. Бывшие форштадты стали полноценными районами города. Городская планировка сохранилась до наших дней практически без изменений, благодаря чему границы слобод можно чётко делить по границам улиц. Стоит отметить, что археологические работы в этой части Ростова-на-Дону почти не проводились, за исключением археологического надзора в 2014 г. на территории Центрального рынка (НП Южархеология), археологических работ на некрополе «Ростовское городище» в 2017 г. (А. А. Нечипорук), шурфовочных работ 2018 г. (А. В. Цыбрий).

В 2019 г. в рамках археологического надзора [Ларенок, 2019] работы проводились на раскопе 5×10 м, который состоял из двух квадратов 5×5 м и был ориентирован длинной осью перпендикулярно красной линии улицы по линии ССЗ–ЮЮВ. Несмотря на то что раскоп имел ограниченную территорию, найдено большое количество материала. Выделяется керамический комплекс, представленный разнообразием форм и декора. Однако стоит отметить фрагментарность находок.

Обломки глиняной посуды представлены традиционно двумя большими группами: столовой керамикой и кухонной керамикой.

Кухонная керамика – это фрагменты белоглиняных гончарных сосудов с характерными следами копоти и сажи. Встречено несколько черепков обварной керамики со специфической обработкой поверхности и красноглиняной керамики.

Столовая керамика представлена в основном мисками и блюдами, также встречаются кувшины и крынки. Эта группа связана с завозом керамических изделий с территории Украины, в частности с Полтавской области.

К группе кухонной на памятнике относится почти вся гончарная неполивная керамика. Она представлена подгруппами красноглиняной и белоглиняной посуды. По результатам статистического анализа выделено: белоглиняной – 164 фрагмента от общего количества керамики на памятнике, красноглиняной – 3 фрагмента.

Морфологически кухонная посуда традиционно представлена тремя основными разновидностями форм горшков:

- 1) с округлым, приземистым, яйцевидным туловом, расширяющимся в верхней трети или центральной части тулова;
- 2) чугунковидные, максимальное расширение тулова в верхней четверти;
- 3) горшки удлиненных пропорций с яйцевидным туловом, расширяющимся в верхней трети.

По данным материалов раскопок 2005–2006 гг. на строительной площадке Конгресс-центра, подобные формы были встречены и в засыпке котлована солдатской казармы Крепости Дмитрия Ростовского, который представлял собой «мусорник» с бытовыми отходами XVIII–XIX вв. [Ларенок, Ларенок, 2011, с. 315].

По программе конструирования выделяются две группы сосудов: тянутые из комка глины и сформированные на основе донно-ёмкостного начина в ленточной технике. На части фрагментов можно видеть следы подрезки вылепленного сосуда с плоскости круга нитью. Диаметры венцов белоглиняных кухонных горшков варьируются от 11,5 до 19 см.

Формовочная масса белоглиняных горшков – хорошо отмученная глина без видимых примесей или с примесью мелкого песка.

Белоглиняная гончарная посуда в основном декорирована красным ангобом по внешней поверхности. Техника, в которой нанесен орнамент, имеет название рожкование, она была характерна для посуды, изготовленной на терри-

тории Украины, например в Полтавской области. Данная технология предполагает, что емкость (рожек, затем грушу) наполняли ангобом (глазурью). Затем в маленькое отверстие рожка укладывалась стеклянная трубка, через которую тонкая струйка ложилась на поверхность глиняного изделия. Орнаменты на данной группе сосудов не отличаются большим разнообразием. Чаще это линейный орнамент, нанесенный по верхней части сосуда.

Орнаментальные композиции: линейный орнамент, зигзаги и завитки. Посуда этого же времени, но изготовленная в центральной части Российской империи, отличалась от данной лишь техникой нанесения орнамента. Там чаще встречается углубленный орнамент. Орнаментальные группы оставались прежними.

Еще одним вариантом декорирования белоглиняных горшков было так называемое томление, или вываривание готовой керамики в молочном или хлебном растворе. Такие сосуды имеют серебристую, глянцевую поверхность.

В данной группе стоит выделить горшки, в которых верхняя площадка венца украшена глазурью. Подобные сосуды встречены в 2016 г. при раскопках турецкой кофейни на польском рынке в Каменец-Подольском.

Красноглиняная гончарная керамика этой (кухонной) группы без орнамента.

Столовая посуда представлена группой поливной керамики, в основном красноглиняными блюдами и мисками (около 20 фрагментов) и белоглиняными блюдами (9 фрагментов). Орнаментальные группы разнообразны: линейный орнамент, растительный орнамент и орнамент, нанесенный в технике фляндрования. Это техника, при которой после рожкования свежие полосы глазури сочетаются в четкие и зигзагообразные «мраморные» разводы острым предметом. Подобная керамика характерна для опошнинской керамики.

Основные мотивы орнамента красноглиняных мисок: по полю бортика однорядная волна, выполненная белым ангобом или зеленой поливной по белому ангобу. Внутри миски полосы ангоба, иногда со свисающими концами.

Белоглиняная керамика (9 фрагментов) орнаментирована зигзагообразными композициями, линейным орнаментом. Блюда расписные с двух сторон.

Анализ керамического комплекса на данном памятнике позволил установить характерные формы сосудов этого времени, рассмотреть технологии гончарства, установить орнаментальные композиции для каждой из групп керамики.

В целом керамический комплекс на данном памятнике связан с импортом с территории современной Украины. Об этом свидетельствуют формы и декор посуды. Вопрос о центрах местного кустарного производства остается открытым. Возможно, в свете будущих археологических открытий он решится.

Рассмотренный в данной работе объект археологического наследия «Солдатский форштадт», несомненно, является важным археологическим и историческим памятником г. Ростова-на-Дону. Его изучение может в будущем открыть новую и ранее неизвестную информацию о городе и жизни его жителей со времени его основания до конца XIX в., а также расширить наши знания о керамических комплексах XVIII–XIX вв. юга России.

Список литературы

- Краснянский М. Б. Прошлое Ростова-на-Дону по городским картам // Записки Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы. Ростов-на-Дону, 1912. Т. 1. 349 с.
- Ларенок В. А., Ларенок П. А. Предметы быта конца XVIII – начала XIX в. из засыпки котлована солдатской казармы крепости Дмитрия Ростовского // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2011. Вып. 7. С. 315–332.
- Ларенок П. А. Отчет «Археологические полевые работы на территории выявленного объекта археологического наследия "Солдатский форштадт" на участке с кадастровым номером 61:44:0040902:9 по улице Социалистической 113 в г. Ростове-на-Дону». Ростов-на-Дону, 2019. 27 с.

Ceramic Complex of 18th–19th Centuries from the Site of the Archaeological Heritage “Soldatskaya Sloboda” Based on Materials of the Excavations in 2019

I. M. Fursova

The article presents a study of pottery 18th–19th centuries on the basis of excavations 2019 the archaeological heritage “Soldatskaya Sloboda”. The paper gives a brief description of the monument, provides historical information, and publishes the main results of the analysis of the ceramic complex. The analysis revealed the main morphological features of vessels, shapes, ornamental compositions, molding mass, possible ways of import, and considered the issue of local pottery production. The issue of vessel decoration technology and the main analogies on the territorial basis is highlighted separately. Unfortunately, at present, there are not enough works on this subject in Russian science that are applicable geographically to the South of Russia. It is worth noting that this topic is particularly relevant in the light of recent archaeological work. The study of Soldatskaya Sloboda will allow you to discover new and previously unknown information about the city and the life of its inhabitants since its Foundation.

Keywords: Ceramic complex, pottery, forms, ornaments, import, technologies.

Фурсова Инна Михайловна

научный сотрудник
Ассоциация по защите прав археологов «Южархеология»
e-mail: Sheina.inna@mail.ru

Fursova Inna Mikhailovna

Researcher
Association for the Protection of the Rights
of Archaeologists “Southarchaeology”
e-mail: Sheina.inna@mail.ru

УДК 903.02(571.151)

Русская керамика из случайных находок в с. Рогозиха (Алтайский край)

К. А. Назаров

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Культура сибирского крестьянства в археологическом аспекте и по сей день остается одним из малоизученных направлений сибирской археологии. Своевременное выявление и целенаправленное изучение сельских археологических памятников позволят пролить свет на быт и занятия крестьян в Сибири XVIII–XIX вв. [Татаурова, 2012, с. 19]. Одним из массово встречающихся материалов этого периода является керамика. Зачастую она обнаруживается случайно, а авторами таких находок становятся местные жители. Такие находки удалось сделать и нам.

Целью исследования являются систематизация и реконструкция функциональной принадлежности сосудов, фрагменты которых были выявлены на приусадебном участке по ул. Чкалова, с. Рогозиха Павловского района Алтайского края.

Начиная с 2008 г. и по сей день, на данном участке и на открытых пространствах за ним, при распашке трактором на поверхности появляются отдельные фрагменты керамики, которые представляют собой осколки бытовой русской посуды. Нами собрано 1648 обломков, все они разнообразны и отличаются по величине, цвету поверхности и глины, из которой сделаны. Отдельные остатки сосудов имеют орнамент.

Основными характеристиками для определения типа сосуда по его отдельным фрагментам считаются: толщина, фактура, звонкость, цвет на изломе, обжиг, способ формовки, форма венчика или придонной части [Мамонтова, 2014, с. 9]. Основываясь на этом, найденная керамика нами разделена на русскую гончарную глазурированную, русскую гончарную неглазурированную, русскую лепную и археологическую лепную.

Количество фрагментов русской гончарной глазурированной керамики (рис., 1–3) составляет больше половины всей коллекции и насчитывает 1150 фрагментов. Из них: венчиков – 129, тулова – 764, придонной части – 212, днищ – 45 шт. Как правило, осколки данного типа покрыты глазурью и окрашены с двух сторон в красный, желтый или зеленый цвета. Толщина осколков от 3 до 10 мм. Цвет глины на изломе – красный, желтый и серый. Венчик прямой или слегка завернутый. Основываясь на описании этой группы осколков, можно предположить, что они происходят от кринок, горшков, кувшинов. Такие сосуды, скорее

всего, использовались для хранения и транспортировки продуктов, а также в качестве украшения дома (ваза) [Мамонтова, 2012, с. 90].

Осколков гончарной неглазурированной посуды (рис., 4–6) – 319 ед. Венчиков из них – 53, тулова – 251, придонной части – 7, днищ – 8 шт. Осколки данного типа выполнены из серой и реже желтой глины. Толщина черепков – от 5 до 10 мм. Из-за отсутствия краски можно увидеть следы обжига. Редки, но все же есть на осколках этого типа орнаменты в форме прямых линий, полуovalов и волн. Основной способ их нанесения – это прочерчивание палочкой на протяжении всей окружности сосуда одинакового и симметричного рисунка. Венчики прямые и слегка закругленные. Осколки этой группы, предположительно, относились к кухонной посуде: горшок, корчага, которые применялись в изготовлении, хранении и транспортировке пищи [Там же, с. 88–89].

Из осколков русской лепной керамики (рис., 7–9) количество венчиков – 8, тулова – 105, придонной части – 10, днищ – 8 шт. Фрагменты выполнены из серой, а иногда из смешанной глины с наличием мелких частиц травы и раковин. Толщина черепков – от 5 до 15 мм. Стенки не крашены, присутствуют следы обжига. Формы венчиков прямые. Исходя из описания осколков этой группы, можно предположить, что осколки были частью горшков, которые использовали для изготовления и хранения пищи [Там же].

Количество осколков археологической лепной керамики (рис., 10–13) в коллекции меньше всего – 48 фрагментов, из которых венчиков – 4, а все остальные фрагменты – осколки тулова. Все фрагменты тонкие (от 0,5 до 0,7 см) и маленькие по размеру. На внутренних стенках осколков есть следы обжига. Присутствует большое количество орнаментов в виде «ёлочки», а на одном фрагменте присутствует «жемчужина», выполненная техникой вдавливания.

Представленные находки имеют массу аналогий на территории Западной Сибири. Так, схожая по форме и назначению гончарная керамика зафиксирована в материалах Илимского острога (Иркутская область), где она представлена в основном горшками с толщиной стенок от 3 до 10 мм без орнаментов, с прямой формой венчика. По назначению является кухонной и столовой [Мельников, 1996].

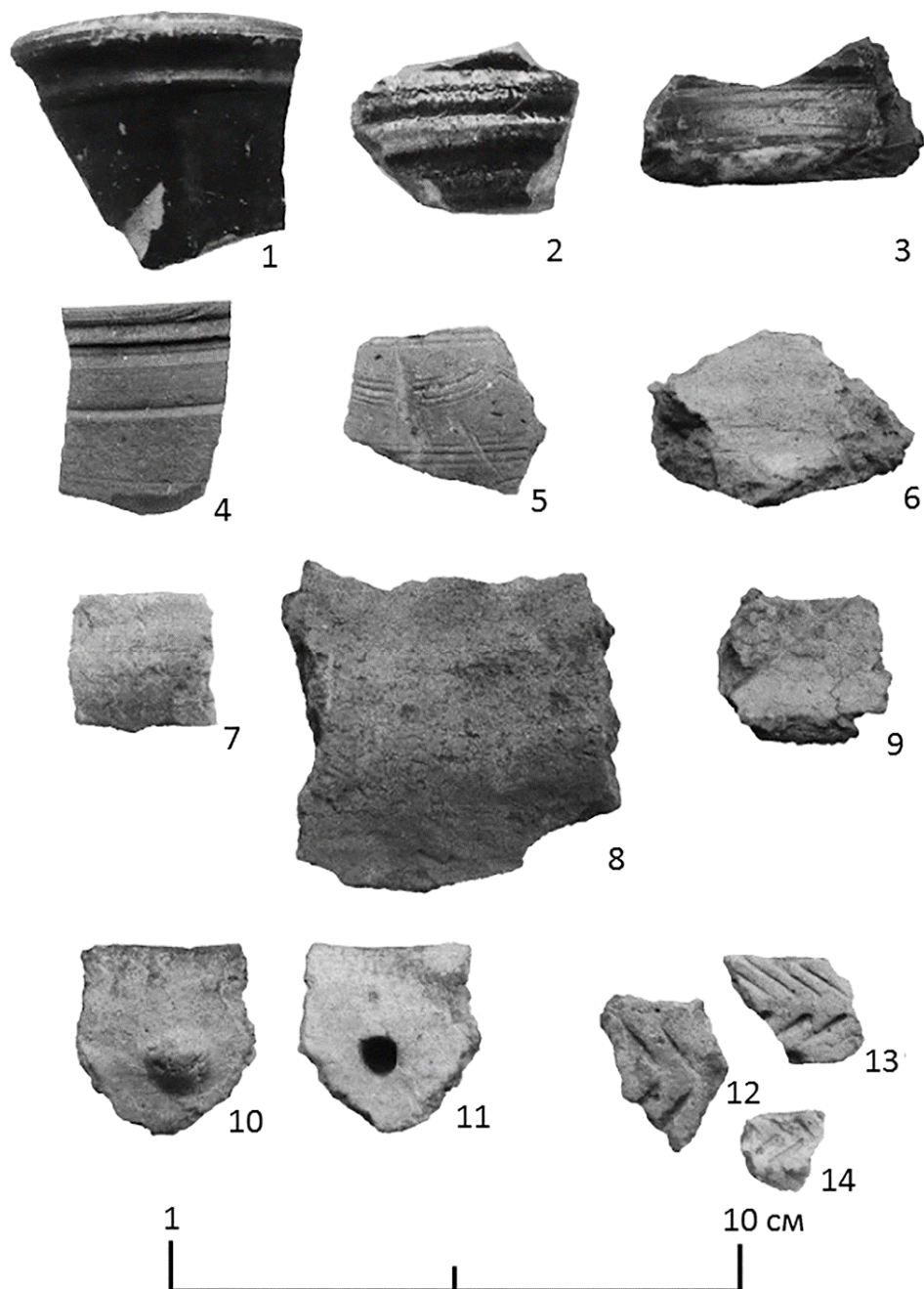

Рис. Фрагменты из коллекции керамики с. Рогозиха:

1 – венчик, 2 – тулово, 3 – донная часть (русская гончарная глазурированная керамика); 4 – венчик, 5 – тулово, 6 – донная часть (русская гончарная неглазурированная керамика); 7 – венчик, 8 – тулово, 9 – донная часть (русская лепная керамика); 10 – венчик, внешняя сторона, 11 – венчик, внутренняя сторона, 12–14 – тулово (археологическая лепная керамика)

В работе О. С. Мамонтовой представлен полный обзор выявленной в Алтайском крае русской керамики, к числу которой относятся и найденные фрагменты. Исходя из общих аналогий, рассмотренные находки могут быть датированы концом XVIII – началом XX в., что подтверждают сведения местных жителей: на данном участке располагались амбары и общественная баня. Основываясь на данных местных жителей и анализе собранной керамики, можно сделать вывод, что она относится к бытовой посуде, использовавшейся для изготовления, хранения и транспортировки продуктов питания, а также в качестве украшения дома.

*Научный руководитель – Н. Н. Головченко
ст. преподаватель,
кафедра отечественной истории,
Алтайский государственный педагогический университет*

Список литературы

- Мамонтова О. С. Типология русской керамики Алтайского края конца XIX – первой половины XX века // Вест. Томск. госуд. педагог. ун-та. 2012. № 9 (124). С. 88–95.
- Мамонтова О. С. Гончарство русского населения Алтая в конце XIX – первой половине XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2014. 258 с.
- Мельников Б. В. Гончарная керамика археологических памятников Сибири XVII–XVIII вв. // Керамика как исторический источник (тезисы докладов и материалы конференций). Тобольск : ТГПИ, 1996. С. 43–46.
- Татаурова Л. В. Проблемы изучения археологических памятников русского населения Западной Сибири XVII–XIX вв. // Игорь Геннадьевич Глушков (сборник научных статей). Ханты-Мансийск, 2012. Ч. 3. С. 19–21.

Russian Ceramics from Random Finds in Village Rogozikha (Altai Region)

K. A. Nazarov

This article poses the tasks of systematizing and reconstructing the functional affiliation of vessels, fragments of which were identified in a personal plot on st. Chkalova, village of Rogozikha Pavlovsky district of the Altai Territory. The basis of systematization uses the characteristics selected by scientists to determine the type of vessel, and also uses quantitative indicators of the collected collection. In the research describes in details: thickness, texture, color at the fracture and glaze, firing, the shape of the corollas and bottom parts, the ornaments of the individual parts of the vessels. Analogies are revealed in the territory of Western Siberia, in particular in the Irkutsk region. A preliminary conclusion is made on the appointment of the vessels.

Keywords: ceramics, Rogozikha, systematization, analysis, functional affiliation, ornaments, analogies.

Назаров Кирилл Алексеевич

студент 1-го курса

Алтайский государственный педагогический университет

e-mail: nazarovkiraalex@mail.ru

Nazarov Kirill Alekseevich

Student 1st year

Altai State Pedagogical University

e-mail: nazarovkiraalex@mail.ru

УДК 903(571.17)

Редкие предметы из раскопок деревни Кемерово (XVIII – начало XX в.)

Ю. С. Беляева

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

В 2019 г. проведены первые археологические раскопки деревни Кемерово, датируемой XVIII – началом XX в. [Археологическая стратиграфия ... , 2019]. Исследования входят в проект по изучению сельских поселений нового времени в Среднем Притомье [Начало археологического изучения ... , 2018]. Территория бывшей д. Кемерово располагается в Кировском районе современного города, на правом берегу р. Томь, в устье ручья Крутого. Для раскопа площадью 32 м² выбран не занятый строениями участок [Археологическая стратиграфия ... , 2019].

Исследование памятника осуществлялось условными горизонтами, которые соотносятся с тремя основными слоями: 1-й и 2-й горизонты – слой II, 3-й и 4-й – слой IV, 5-й и 6-й – верхние уровни слоя V, 7-й и 8-й – нижний, предматериковый, уровень слоя V [Там же]. Впервые для сельских поселений Нового времени в Среднем Притомье выявлен участок углубленной постройки (полужемлянки) неизвестного назначения, строительство которой предвзительно датировано XVIII – началом XIX в. Её заполнение вмещало находки.

В результате проведенных работ получена коллекция находок (4401 экз.), зафиксированных индивидуально (68 экз.) и поквратно (4333 экз.). Среди «массовых» находок доминируют по количеству фрагменты керамических сосудов и иных изделий – 2937 экз. (67,78 %), значительную часть составляют фрагменты костей животных – 957 экз. (22,08 %), присутствуют металлические изделия – 404 экз. (9,32 %), фрагменты стеклянных изделий – 17 экз. (0,39 %). Единично представлены пуговицы, изделия из пластика, фрагменты изделий из войлока и кожи, ружейные кремни и др. – 18 экз. (0,42 %). Среди индивидуальных находок – крупные фрагменты керамики – 52 экз. (76,81 %), предметы из металла (монеты, гильзы, пули и др.) – 16 экз. (23,19 %).

Хроностратиграфизированный характер памятника подтверждается находками в верхних горизонтах монет досоветского и советского времени (номиналом 3 коп. 1912 г., 2 коп. 1928 г.) [Археологическая стратиграфия ... , 2019], советской фарфоровой посуды с заводским клеймом, а также закономерностями в залегании массового материала. Так, доля глазурованной посуды уменьшается от верхних горизонтов к нижним, вплоть до полного отсутствия.

Среди общего массива находок выделяется несколько редких, не образующих серии предметов, потенциально имеющих особое значение для понимания социальной культуры и экономической обстановки д. Кемерово в отдельные периоды её существования. Цель данной статьи –

их ввод в научный оборот, предварительная датировка и поиск аналогий.

Изразец терракотовый (фрагмент) (рис., 1). Лицевой (угловой?) рельефный фрагмент изразца размерами 4,2×3×3,1 см был найден в заполнении углубленной постройки. Фрагмент включает часть центральной розетки (?), выступающей относительно поверхности изразца на 0,6 см, и декоративный элемент в виде расходящихся линий, высотой от поверхности 0,2 см, примыкающий к сохранившейся грани предмета. Изразцовые печи играли большую роль в украшениях интерьеров домов чиновников, богатых горожан и зажиточных крестьян [Татауров, 20146]. Данный тезис не даёт полной ясности о наличии изразцов на сельских памятниках в Сибири, поэтому вопрос о распространении данных редких предметов открыт.

Декоративное оформление изразца из д. Кемерово имеет аналогии с находками из г. Енисейска. Среди «красных изразцов» здесь распространены квадратные плитки с орнаментами квадрифолийной формы и мотивами процветшего креста [Шумов, 2008]. Наш фрагмент сохранил лишь небольшую часть орнамента, поэтому твёрдо говорить об идентичности невозможно. Датировка енисейских изразцов – конец XVII–XVIII вв. Наиболее близкая территориально аналогия – фрагмент красноглиняного изразца, найденный в 1991 г. в Кузнецком остроге. Ю. Б. Кауфман датировала его 2-й пол. XVII в. и отнесла к импорту из Троице-Сергиева монастыря [Загваздин, 2014]. При этом изразцы из Кузнецка и д. Кемерово полностью различны в орнаменте. Терракотовые изразцы Томского Кремля относятся к импорту «с Руси» и датированы серединой – 2-й пол. XVII в. [Чёрная, 2002]. Один из фрагментов с растительно-геометрическим орнаментом схож с найденным в д. Кемерово, но о родстве говорить сложно. Тюменские «красные» образцы различны в орнаменте с нашей находкой, их датируют XVIII в. [Семёнова, 2014].

Штоф (фрагмент) (рис., 3). Представлен фрагментом дна размерами 8,3×7,7×3,5 см, обнаруженным, как и изразец, в нижних горизонтах заполнения углубленного объекта. Форма штофа – четырёхугольная (квадратная?), с вогнутым дном. Стекло имеет зелёный цвет, толщина сохранившейся стенки – 0,6 см, толщина дна в центре достигает 1,2 см. Роль этой находки среди остальных достаточно проста, это прямое свидетельство винопития [Татауров, 20146]. Стоит отметить, что штофы находят на памятниках как городских, так и сельских [Там же]. К сожалению, на предмете отсутствует клеймо, которое могло бы указать на производство.

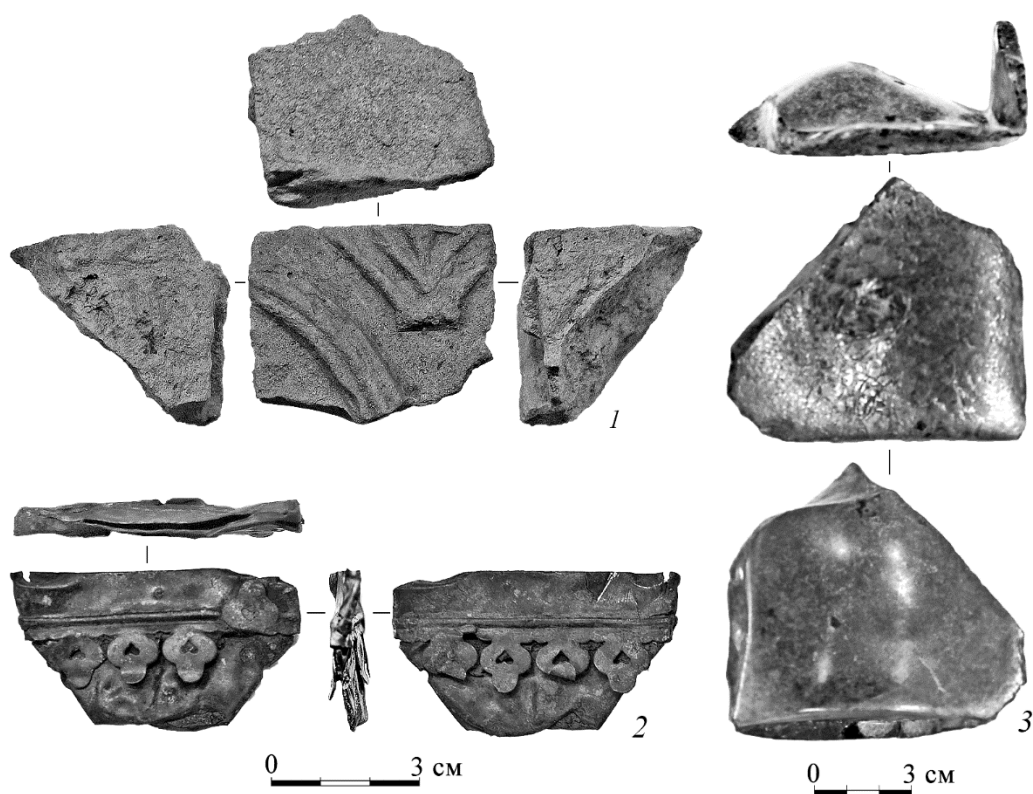

Рис. Предметы из раскопок д. Кемерово:
1 – фрагмент терракотового изразца; 2 – фрагмент подлампадика (?); металл, 3 – фрагмент штофа (стекло)

Ближайшими территориально аналогиями являются предметы из Кузнецка: фрагмент штофа с эмалевыми полосами и горлышко штофа «зелёной» воды, изготовленные из «черкасского» стекла и датируемые концом XVII – XVIII вв. [Кауфман, 1994]. Сходные фрагменты и даже целые образцы числятся в материалах археологических коллекций Старотуруханска, Томска, Тобольска, Саянского острога, а также сельских памятников Омского Прииртышья [Татауров, 2014б]. При раскопках г. Тары были найдены фрагменты штофов, которые датируют XVII в. [Татауров, 2014а]. Исходя из археологического контекста предмета из д. Кемерово и приведенных аналогий, предварительная широкая датировка определяется XVIII–XIX вв.

Отдельно стоит рассмотреть «черкасское» стекло, распространённое на территории Сибири. Его производство находилось за границей, но в России в XVII–XVIII вв. выпускали посуду на «черкасский манер» [Кауфман, 1994]. Возникает вопрос: был ли обнаруженный штоф привезён из-за границы или произведен в России?

Фрагмент подлампадика (металл) (рис., 2). Металлический предмет с размерами 5,3×0,3×3,2 см был обнаружен в верхних горизонтах стратиграфической колонки. Имеет деформированную сплюснутую форму, по-видимому, когда-то она была округлой. Аналогий предмету в опубликованных источниках пока не найдено, вследствие чего встаёт ряд вопросов: уникальна ли данная находка или дело в малом количестве собранного материала? Являлся ли предмет частью церковной утвари или домашнего обустройства?

Рассмотрим проблемы, связанные с производством, аналогами и датировкой.

Описанные предметы из д. Кемерово являются уникальными для данного памятника, а их аналогии также причисляются исследователями к категории особенно ценных. Терминология, подчеркивающая особую роль таких предметов («редкие»/«уникальные»/«статусные»), является отдельным вопросом, получившим специальное рассмот-

рение в работе Ф. С. Татаурова [Татауров, 2014б]. Статусная вещь – это вещь и/или предмет, приобретаемый не столько в целях хозяйственных или бытовых нужд, а чтобы подчеркнуть благосостояние и социальное положение владельца [Там же]. Среди таких предметов исследователь выделяет следующие группы: фарфор (китайский), элементы костюма, некоторые виды оружия, табак, вино, слюды, изразцы и вилки. В данную систематизацию редкие предметы из раскопок д. Кемерово – фрагмент изразца и фрагмент штофа – входят, кроме металлического обрамления лампы.

Таким образом, наличие описанных предметов подтверждает существование в д. Кемерово зажиточного населения. Во-вторых, вещи указывают на торговые связи с другими городами и регионами Сибири. А в-третьих, являются одним из хроностратиграфических маркеров ранних периодов существования на территории деревни русского населения.

*Научный руководитель – В. В. Бобров
д-р ист. наук, профессор,
кафедра археологии,*

*Кемеровский государственный университет
Научные консультанты – А. Г. Марочкин, А. Ю. Юракова*

Список литературы

- Археологическая стратиграфия деревни Кемерово / А. Г. Марочкин, А. Ю. Юракова, С. А. Васютин, Ю. С. Беляева // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». Кемерово, 2019. Вып. 10. С. 33–42.
- Загваздин Е. П. Изразцы из культурного слоя Абалакского монастыря // Культура русских в археологических исследованиях. Омск; Тюмень; Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 231–236.
- Кауфман А. О. Ремесло и торговля в Кузнецке XVII века // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1994. Вып. 2. С. 47–60.
- Начало археологического изучения «кемеровских» деревень / А. Г. Марочкин, И. А. Плац, А. С. Сизёв, С. А. Васютин, А. В. Веретенников // Сибирский город в фокусе гуманитарных исследований: к 400-летию г. Новокузнецка. Новокузнецк, 2018. С. 65–73.

Семенова В. И. Коллекция изразцов из раскопок Тюмени // Культура русских в археологических исследованиях. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 275–277.

Татауров С. Ф. Город Тара как военно-административный, экономический и культурный центр развития Прииртышья в конце XVI – первой половине XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014а. Т. 1. С. 176–179.

Татауров Ф. С. Систематизация археологических коллекций как инструмент для воссоздания социального облика русского населения

Западной Сибири конца XVI – первой половины XVIII в. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014б. Т. 1. С. 293–298.

Чёрная М. П. Томский кремль середины XVII – XVIII вв.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск, 2002. 187 с.

Шумов К. Ю. Енисейские изразцы XVIII века // Сквозь века несут свет: материалы краевых музейных научно-образовательных чтений. Красноярск, 2008. С. 186–190.

Rare Items from the Excavations of the Kemerovo Village (18th – Early 20th Centuries)

Yu. S. Belyaeva

The first archaeological excavations of the Russian village of Kemerovo, dating of the 18th – the beginning of the 20th century, were made in 2019. The collection of findings, except to mass categories (ceramic vessels, animal bones, metal tools, etc.), includes the items those do not form series. Such unique items are a fragment of a terracotta relief tile, a fragment of a glass shotof-bottle and a fragment of a metal framing of an icon lamp. This article is the first publication of unique archaeological items from the Kemerovo village. Their morphological characteristics are given, analysis of the analogies from rural and urban monuments of Contemporary Times from Western Siberia is carried out. Preliminary dating has been attributed and suggestions about their origin on the territory of the Kemerovo village have been made.

Keywords: archaeological excavations, status items, Late Middle Ages, Modern Age, Contemporary Times, Kemerovo village, Kemerovo city.

Беляева Юлия Степановна

студент 2-го курса

Кемеровский государственный университет

e-mail: yulya_belyaeva_00@bk.ru

Belyaeva Yulia Stepanovna

Student 2nd year

Kemerovo State University

e-mail: yulya_belyaeva_00@bk.ru

УДК 902+572

Анализ половозрастного состава палеоантропологического материала из погребений могильника Усть-Тартасские курганы

В. С. Степанова

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

На юге Западно-Сибирской равнины в пределах Обь-Иртышского междуречья, как показывают палеоклиматические исследования, 6000–5500 л. н. установились близкие к современным климатические условия, способствовавшие заселению этих территорий человеком. Активное заселение Барабинской лесостепи началось в раннем неолите (VII–VI тыс. до н. э.), о чём свидетельствуют археологические памятники, в том числе некрополи. На этой территории более 50 лет ведутся масштабные исследования под руководством В. И. Молодина. К настоящему моменту полностью исследованы могильники Сопка-2, Преображенка-6, продолжают работы на могильниках Тартас-1, Усть-Тартасские курганы [Мультидисциплинарные методы..., 2013]. Палеоантропологические материалы последнего стали объектом нашего исследования.

Памятник Усть-Тартасские курганы исследуется с 2017 г., и на сегодняшний день на нем раскопано 62 погребения, относящихся к эпохе раннего металла и бронзы. Целью нашей работы является описание половозрастного состава палеоантропологического материала из погребений этого могильника. Мы провели статистический анализ данных по полу и возрасту индивидов из 35 погребений, относящихся к усть-тартасской (IV – первая пол. III тыс. до н. э.) и одиновской (III тыс. до н. э.) культуре. Наше исследование дополняет базовые характеристики погребальной практики у популяций населения этих культур, совершавших обряд погребения на данном культовом комплексе, и позволяет провести анализ культурно-хронологической динамики половозрастной структуры в его пределах. Они могут быть использованы также для сопоставлений с половозрастными структурами популяций носителей тех же археологических культур, но связанных с другими погребально-культовыми комплексами Обь-Иртышского междуречья. Материал исследования представлен 61 индивидом из погребений усть-тартасской (17 человек) и одиновской (44 человека) культуры памятника Усть-Тартасские курганы.

Для определения возраста взрослых индивидов использовался метод оценки степени облитерации черепных швов и стёртости зубов. В некоторых случаях возраст взрослых индивидов уточнялся по состоянию эпифизов и уровню дегенеративных изменений посткраниального скелета [White, Black, Folkens, 2012, p. 387–389]. Возраст детей определялся при помощи оценки развития зубной системы, размеру длинных костей и степени развития других отделов посткраниального скелета [Bass, 1987]. Пол индивидов определялся по морфологическим особенностям костей таза, черепа [Walker, 2008] и развитию мускульного рельефа костей посткраниального скелета.

В погребениях усть-тартасской культуры представлены индивиды обоего пола и дети (рис. 1). Половой диморфизм популяции отчётливо выражен. Стёртость зубов и степень заращения швов индивидов в серии соответствует возрастным изменениям костей скелета.

Мужчин (47 %) численно больше, чем женщин (35,3 %). Дети представлены возрастной когортой 5–10 лет и составляют 17,6 % от числа исследованных индивидов, относящихся к усть-тартасской культуре. Взрослые представлены всеми возрастными категориями от 18 до 55 лет, что говорит о том, что данную группу можно рассматривать как выборку из палеопопуляции. В группе мужчин есть представитель пожилого возраста (50–55 лет), в целом возраст смерти мужчин превышает 35 лет. В женской группе возраст смерти в основном приходится на 20–30 лет (4 случая из 6 – 66,7 %). Средний возраст смерти погребённых с учётом детей 26,3 года, только взрослых – 32,0 года.

К настоящему моменту одиновская популяция на памятнике представлена наибольшим числом индивидов. Половой диморфизм серии выражен довольно отчётливо, однако в нескольких случаях встречались мужчины с грацильными размерами костей скелета и сглаженным мускульно-связочным рельефом костей. Степень облитерации швов черепа в одиновской серии соответствует возрастным изменениям костей посткраниального скелета. Однако встретилось несколько случаев раннего начала заращения чешуйчатого шва. Стабильно в возрастной группе 35–39 лет и больше наблюдаются следы дегенеративно-дистрофических изменений осевого скелета – спондилёза и остеоартроза.

В этой популяции мужчин также больше, чем женщин (40,9 и 29,5 % соответственно), дети всех возрастов (0–14 лет) составляют 29,6 % от числа исследованных индивидов, относящихся к одиновской культуре (рис. 2). Пики смертности у мужчин приходятся на возрастные периоды 30–34 и 35–39 лет, есть представитель, умерший в возрасте 50–55 лет. В группе женщин процент смертности в 20–24 года меньше, чем в усть-тартасской популяции (3 случая из 13 – 23,0 %). Основные пики смертности среди женщин приходятся на возрастные периоды 20–24, 40–44 и 50+. При этом процентный показатель указывает на то, что женщины чаще мужчин доживали до возраста 50+. Средний возраст смерти в популяции с учётом детей 27,0 лет, только взрослых – 36,5 лет.

Таким образом, на памятнике Усть-Тартасские курганы представлены все возрастные категории, включая детей, носителей усть-тартасской и одиновской культуры (табл.).

В обеих популяциях мужской контингент численно больше, чем женский, однако структура возрастных когорт у них различается. Основные пики смертности в более ранней популяции (усть-тартасской культуры) приходятся на возраст старше 35 лет (в основном 35–45 лет), тогда как в более поздней (одиновская культура) на возраст 30–40 лет. В женских группах ситуация с распределением возрастных когорт противоположна.

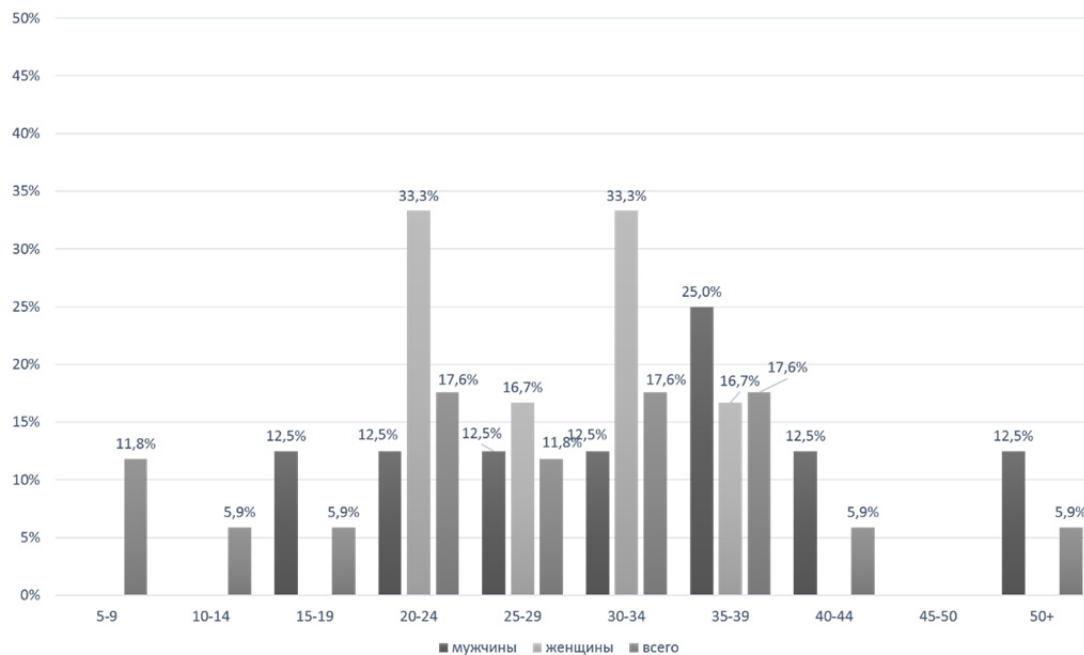

Рис. 1. Распределение погребенных усть-тартасской культуры в некрополе Усть-Тартасские курганы по полу и возрасту

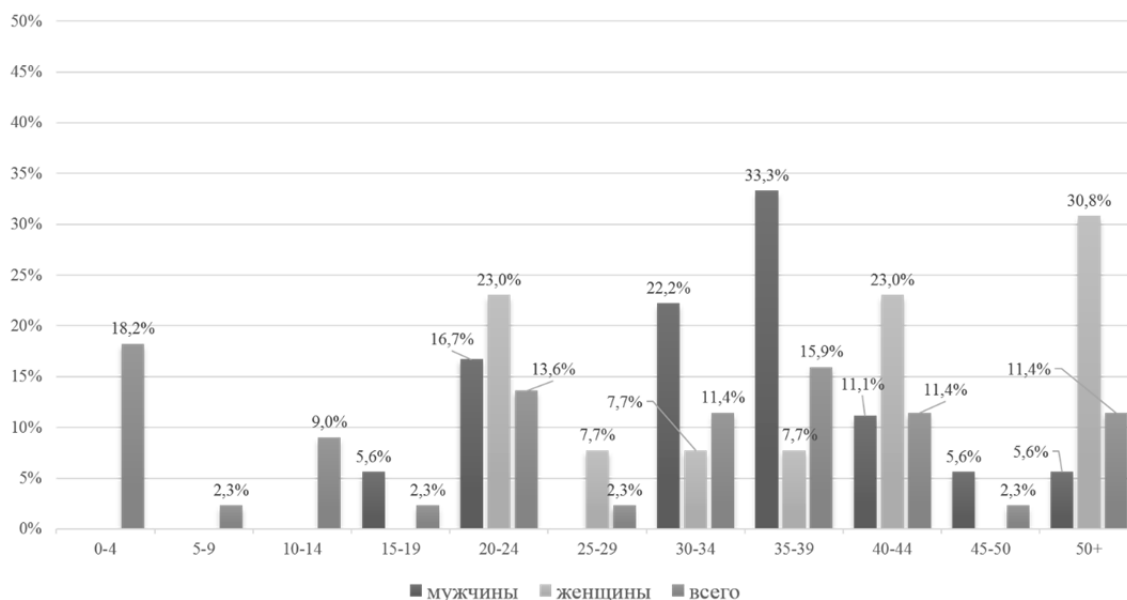

Рис. 2. Распределение погребенных одиновской культуры в некрополе Усть-Тартасские курганы по полу и возрасту

Таблица
Распределение погребенных усть-тартасской и одиновской культуры некрополя Усть-Тартасские курганы по полу и возрасту

Возрастная когорта	Усть-Тартасская культура			Одиновская культура		
	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего
0-4	–	–	–	–	–	8 (18,2 %)
5-9	–	–	2 (11,8 %)	–	–	1 (2,3 %)
10-14	–	–	1 (5,9 %)	–	–	4 (9,0 %)
15-19	1 (12,5 %)	–	1 (5,9 %)	1 (5,6 %)	–	1 (2,3 %)
20-24	1 (12,5 %)	2 (33,3 %)	3 (17,6 %)	3 (16,7 %)	3 (23,0 %)	6 (13,6 %)
25-29	1 (12,5 %)	1 (16,7 %)	2 (11,8 %)	–	1 (7,7 %)	1 (2,3 %)
30-34	1 (12,5 %)	2 (33,3 %)	3 (17,6 %)	4 (22,2 %)	1 (7,7 %)	5 (11,4 %)
35-39	2 (25,0 %)	1 (16,7 %)	3 (17,6 %)	6 (33,3 %)	1 (7,7 %)	7 (15,9 %)
40-44	1 (12,5 %)	–	1 (5,9 %)	2 (11,1 %)	3 (23,0 %)	5 (11,4 %)
45-50	–	–	–	1 (5,6 %)	–	1 (2,3 %)
50+	1 (12,5 %)	–	1 (5,9 %)	1 (5,6 %)	4 (30,8 %)	5 (11,4 %)
Всего	8	6	17	18	13	44

В усть-тартасской популяции женщины умирали в основном в возрасте до 30 лет (возрастная когорта 20–24 года составляет 66,7%), тогда как в одиновской после 30 лет (возрастная когорта 20–24 года составляет 23,0%). Одиновские женщины чаще доживали до пожилого возраста (50+), по сравнению с мужчинами. В погребениях усть-тартасской популяции женщин пожилого возраста на данный момент не обнаружено. Что касается детского контингента, в погребениях усть-тартасской культуры дети представлены только в возрасте 5–10 лет, а в погребениях одиновской все когорты 0–14 лет.

Наблюдаемые различия требуют объяснения. Они могут быть обусловлены диспропорцией числа погребений двух культур: исследованных археологами на данный момент погребений усть-тартасской культуры значительно меньше, чем одиновской. Но нельзя исключать различий комплексов факторов (внутренних и внешних), в которых существовали эти две популяции.

Можно предположить, что условия проживания женского контингента в одиновской популяции были более благополучны, чем в усть-тартасской. Они позволяли женщинам доживать до пожилого возраста (50+). Относительно поздний возраст смерти женщин и больший про-

цент детей может говорить о том, что численность популяции на этой территории постоянно росла.

На памятнике продолжают полевые исследования, что в дальнейшем, при получении полной коллекции палеоантропологического материала, позволит построить полноценную палеодемографическую модель всего памятника.

Научный руководитель – Т. А. Чикишева
д-р ист. наук, ведущ. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН

Список литературы

Мультидисциплинарные исследования населения Барабинской лесостепи IV–I тыс. до н. э.: Археологический, палеогенетический и антропологический аспекты / В. И. Молодин, А. С. Пилипенко, Т. А. Чикишева, А. Г. Ромащенко, А. А. Журавлёв, Д. В. Поздняков, Р. О. Трапезов. Новосибирск, 2013. С. 5–73.

Bass W. M. Human osteology. A laboratory and Field Manual. Columbia, 1987. 329 p.

White T., Black M., Folkens P. Human osteology. California, 2012. 688 p.

Walker F. Sexing skulls using discriminant function analysis of visually assessed traits // American journal of physical anthropology. 2008. Vol. 1. P. 39–50.

Analysis of the Age and Sex Composition of Paleoanthropological Material from the Burials of the Ust-Tartas Burial Mounds

V. S. Stepanova

In the Bronze Age, the Baraba forest-steppe was actively developed by various cultures. Of particular importance for the study of these conditions is the issue of the indigenous population, which formed here with the Early Neolithic. Within the 4–2 millennium BC on the territory of the Baraba forest-steppe, the archaeological cultures replaced each other, leaving many traces of their stay, as evidenced by a large number of archaeological sites. Moreover, anthropological studies indicate that the living conditions of paleopopulations of the carriers of these cultures in different areas of the forest-steppe were not the same, despite the close location of the monuments. The work provides a sex and age analysis of the paleoanthropological remains of the populations of the Ust-Tartass and Odino cultures from the Ust-Tartassky burial mounds.

Keywords: Early Bronze Age, Baraba forest-steppe, Ust-Tartass culture, Odino culture, paleodemography.

Stepanova Valeriya Stanislavovna

студент 3-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: stepanova.valeria90@gmail.com

Stepanova Valeriya Stanislavovna

Student 3rd year

Novosibirsk State University

e-mail: stepanova.valeria90@gmail.com

УДК 291.212.6

Истоки культа огня в легендах и мифах якутов на примере легенд об Эллэе и Омогойе

Е. Т. Никифоров

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия

Сегодня усиливается интерес к традиционной культуре и своему историческому прошлому у представителей коренных народов Сибири, в том числе и у якутов. На данный момент культ огня считается одним из наиболее сохранившихся и почитаемых. Многие ритуалы, связанные с огнем, несмотря на трансформации, дошли до наших дней.

Для того чтобы понять, откуда у якутов такое почитание огня, т. е. определить истоки этого культа, нужно обратить внимание на фольклор, в частности – на легенды и мифы народа. Именно фольклор считается полезным историческим источником. У якутов существует целый пласт легенд и мифов о первопредках *Эллэе* и *Омогойе*, которые А. П. Окладников назвал историческим фольклором [1955], что подчеркивает ценность данных легенд как исторического, этнографического источника. Эти мифы и легенды особое внимание уделяют Эллэю как культурному реформатору.

Таким образом, предметом данной статьи являются мифы и легенды якутов об Эллэе и Омогойе, а объектом – эпизоды, содержащие описание почитания огня и связанных с ним обрядов и ритуалов.

Целью данной статьи является определение того, как якуты объясняют почитание огня в своих мифах и легендах. Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи:

1) изучить мифы и легенды якутов об Эллэе и Омогойе;

2) проанализировать эпизоды, содержащие обряды и ритуалы, связанные с огнем и его почитанием.

Рядом исследователей упоминается, что заслуга Эллэя как культурного героя заключается в том, что он первым провел национальный праздник *Ысыах*: «Затем Эллэй впервые в этом краю, подняв *чороон* с кумысом вверх, став на одно колено, стал говорить якутское молитвенное восхваление в честь богинь *Ийэһсүт* и *Айыыһсүт*, кропя кумысом духу-хозяину своего очага, благословлял их и просил счастья» [Предания, легенды ..., 1995, с. 47]. Именно в момент проведения обряда кормления огня, в разных вариантах легенды, говорится следующее: «Когда он так молился и просил, *Омогойю Бааю* показалось, что из налитого в *чороон* кумыса вылетают белые лошади и, словно наяву, улетают ввысь...» [Там же, с. 47], «Над священным

жертвенным столбом послышался шум, подобный треску мерзлой бересты, и вдруг оно раскрылось и посветлело, сверху спустились три белых птицы...» [Там же, с. 69]», «В чороон, кумысную чашу, жены Элэйя упало три белых кружочка» [Ксенофонов, 1977, с. 27] – эти эпизоды говорят о том, что данный обряд организует «природный хаос» [Якуты ..., 2013, с. 319], а Вселенная переживает свое второе рождение.

То есть Элэй таким образом поместил огонь в центр духовной жизни якутов, сделав его сакральным центром всего мироздания. Поэтому у якутов формировалось особое его почитание, и на протяжении многих столетий, даже в начале XX в., по упоминанию А. Е. Кулаковского, огонь считался центром жизни каждой якутской семьи [1979]. Ученый отмечает, что если в огне вдруг послышался краткий, но звонкий треск, то хозяева юрты или шалаша (*отуу*) принимают решение противоположное тому, которое было сделано только перед этим. Огонь также стал играть важную роль в обрядах жизненного цикла. Так, например, в свадебных обрядах якутов огонь являлся символом того, что рождается новая семья, становился центром жизни всей семьи. На сегодняшний день огонь также играет важную роль в жизни якутов. Так, на национальном празднике *Ысыах* проводится церемония *алгыс*, которая является обязательным элементом празднества. Здесь, как и много лет назад, огонь является сакральным центром всего праздника: ему приносят жертву в виде оладий и молочной продукции.

Origins of the Fire Cult in Myths and Legends of Yakuts on the Example of Legends about Ellej and Omogoj

E. T. Nikiforov

The fire cult is one of the best preserved and revered cults of Yakuts to nowadays. To understand the origins of this cult, we have to pay attention to folklore. Specially we have to research myths and legends of Yakuts about the ancestors of the Yakuts Ellej and Omogoj.

Keywords: Myths, legends, folklore, Yakuts, Ellej, Omogoj, ancestors.

Никифоров Егор Трофимович

студент 3-го курса

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

e-mail: egor.nikiforov.225@mail.ru

Nikiforov Egor Trofimovich

Student 3rd year

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University

e-mail: egor.nikiforov.225@mail.ru

УДК 39(=512.1)

Тюркский этногенетический миф в культурной памяти шорцев

А. В. Шайдуров

*Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия*

Актуальность работы можно почерпнуть из факта появления тюркского этногенетического мифа на территории горной Шории, что свидетельствует о кризисном состоянии данной этнической группы. Сам этногенетический миф несёт компенсаторную функцию и позволяет преодолеть кризисное состояние этнической группы. Появление этногенетических мифов связано с утратой элементов культуры, в том числе материального и нематериального культурного наследия, и языка. Кризисное состояние возникло вследствие утраты идентичности и самобытности культуры, которая выражалась в уходе от традиционного ведения хозяйства, формы религиозного сознания, а также в процессе унификации культуры. Вышеперечисленные процессы можно считать следствием влияния на малые этнические группы индустриализации и глобализации, активно проходивших в советскую эпоху. Это привело к попытке создания новой идентичности шорского этноса через миф о великих предках, путём трансмиссии в культурной памяти мифа о тюркских корнях.

Целью данной статьи является описание феномена тюркского этногенетического мифа в системе культурной памяти шорцев и его влияния на этническую идентичность.

Таким образом, изучив мифы и легенды якутов, мы пришли к выводу, что в мифах о превопредках якутов Элэйе и Омогойе огонь выступает в качестве организатора природного «хаоса» и помещается в центр мироздания, став центром целой вселенной, так как именно в момент зажигания огня были определенные знамения, символизирующие о том, что старый порядок разрушен и настало новое время. Огонь также продолжает играть роль сакрального центра вселенной и всей жизни якутов.

Научный руководитель – К. М. Яковлева

канд. ист. наук, доцент,

кафедра всемирной и отечественной истории, этнологии, археологии,

Северо-Восточный федеральный университет им.

М. К. Аммосова

Список литературы

Ксенофонов Г. В. Элэйада: материалы по мифологии и легендарной истории якутов. М.: Наука, 1977. 245 с.

Кулаковский А. Е. Научные труды (Научнай үлэлэр). Якутск: Якут. кн. изд-во, 1979. 483 с.

Окладников А. П. Якутия до присоединения к Русскому государству // История Якутской АССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1. 432 с.

Предания, легенды и мифы саха (якутов) / сост. Н. А. Алексеев, Н. В. Емельянов, В. Т. Петров. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1995. 400 с.

Якуты (Саха) / отв. ред. Н. А. Алексеев, Е. Н. Романова, З. П. Соколова. М.: Наука, 2013. 599 с.

ние изменений в коллективную бессознательную память. Её цель – пробуждать необходимые элитам определённые воспоминания и конструирование этногенетических мифов. Таким образом, происходит переформирование исторического прошлого с целью придания нужного вектора развития настоящему.

Впервые термин «культурная память» был зафиксирован в 1970-х гг. по словам немецкого культуролога Я. Ассмана, в работе Ю. Лотмана по семиотике культуры [Ассман, 2004, с. 45]. Этот термин был обусловлен активно проявляемым интересом к коммуникативно-трансляционной функции культуры.

Я. Ассман не только отделил коллективную память от личной и исторической, но и выделил в коллективной памяти два различных элемента: культурную память и коммуникативную память. Обе формы коллективной памяти Я. Ассман связал с модусом времени. Коммуникативная память, по словам исследователя, «охватывает воспоминания, которые связаны с недавним прошлым. Это те воспоминания, которые человек разделяет со своими современниками» [Там же, с. 52]. Феномен культурной памяти был разработан Я. и А. Ассман и рассматривается как система бессознательной коллективной памяти, трансмиссия которой происходит путём проведения внутри малой этнической группы праздников, обрядов, ритуалов, в устной форме передачи мифологии. «Эту разновидность памяти группа приобретает исторически. Эта память возникает во времени и проходит вместе с ним, точнее, со своими носителями. Когда носители, воплощавшие ее, умирают, она уступает место новой памяти» [Там же, с. 21].

Культурная память, в отличие от памяти коммуникативной, направлена на определённые, фиксированные моменты в прошлом, вернее, «прошлое скорее сворачивается здесь в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание» [Там же, с. 54].

Культурная память не является исторической памятью, она направлена на фиксированные моменты в прошлом, и воспринимаются они в культуре как символические фигуры воспоминаний.

Функции культурной памяти: обоснование прошлого; обращение к прошлому как к идеалу (т. е. кризисное состояние этнической группы в настоящем); обоснование прошлого в истории.

Основная функция этногенетического мифа связана с компенсацией и необходима этническим группам в критические моменты их истории, например когда этнической группе грозит утрата культуры и языка, борьба с дискриминацией, а также борьба за политические, экономические, территориальные и иные ресурсы. Этногенетический миф несёт в себе цель сплотить этническую группу для преодоления критических моментов в их истории [Шнирельман, 2018].

Исследование проводилось по методике И. Е. Штейнберга [2011] «Восьмиконная модель выборки для исследовательского интервью». Выборка основана на данных КемеровоСтат (http://kemerovostat.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kemerovostat/ru/municipal_statistics/) [Муниципальная статистика ..., 2018] по Таштагольскому муниципальному району Кемеровской области, с учётом количества людей, половозрастной характеристики, уровня образования населения, этнической принадлежности.

За основу исследовательского интервью была взята проблема использования этногенетических мифов для доступа к различным видам ресурсов: политических, экономических и территориальных, а также процессы возникновения этногенетических мифов в культурной памяти малой этнической группы.

Факторы влияния: регион проживания, культурное материальное и нематериальное наследие, этническая история, кризисная ситуация этнической группы, встраивание

мифа в систему культурной памяти, функционирование этногенетического мифа в настоящее время, влияние этногенетического мифа на этническую идентичность.

Следуя данной методике, было опрошено 27 респондентов согласно выборке, степени экспертности и степени типичности (рис.).

Рис. Степень «экспертности» и степень «типичности» по методике И. Е. Штейнберга [2011]

Получены следующие результаты: тюркский этногенетический миф прослеживается у людей разных поколений. Стоит отметить, что из 27 опрошенных человек всего 3 владели шорским языком, это люди старше 55 лет. Все 100 % опрошенных считают себя потомками тюрков. Знание фольклора, в частности легенды «Пургу качай», которая повествует о родстве с тюрками, имеется у экспертов-теоретиков (2 респондента), ключевого эксперта (шаман), типичных экспертов (2 респондента). В этнографических музеях на территории горной Шории прослеживается позиционирование шорцев как потомков тюрков, этот факт указывает на трансмиссию в культурной памяти тюркского этногенетического мифа. Данные факты демонстрируют кризисное состояние малой этнической группы вследствие утраты нематериального культурного наследия, языка и воздействие процесса унификации культуры. Полученные данные свидетельствуют о «конструктивном» выходе из сложившейся кризисной ситуации шорцев вследствие утраты нематериального культурного наследия.

Научный руководитель – И. А. Селезнёва
канд. ист. наук, доцент,
кафедра этнологии, антропологии, археологии и музееведения,
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Список литературы

- Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Нора П. Всемирное торжество памяти // Русский журнал. 2005. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (дата обращения: 14.12.2019).
- Муниципальная статистика: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области: Федеральная служба государственной статистики. 2018. URL: http://kemerovostat.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kemerovostat/ru/municipal_statistics/ (дата обращения: 05.11.2019).
- Хаттон П. Х. История как искусство памяти. СПб. : Владимир Даль, 2004. 424 с.
- Шнирельман В. А. Миф о далеких предках и этническая идентичность // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 6 (70). URL: <http://history.jes.su/s207987840002252-6-1> (дата обращения: 05.11.2019).
- Штейнберг И. Е. Восьмиконная модель выборки для исследовательского интервью // Социолог в поле. 2011. URL: <http://fieldsociology.blogspot.ru/2011/12/blog-post.html> (дата обращения: 18.12.2019).

Turkic Ethnogenetic Myth in the Cultural Memory of the Shors

A. V. Shaidurov

The article discusses the issues of the current ethnic identity of native people in Gornaya Shoriya, as well as overcoming the crisis that has developed due to the loss of the intangible cultural heritage through transmission in the cultural memory of the Turkic ethnogenetic myth. The study is based on the method of I. E. Steinberg's "Eight-Window Sample for Research Interview". The article substantiates the use of the term "cultural memory" and its relationship with the term "historical memory". It also describes the functions of the Turkic ethnogenetic myth in the context of the loss of elements of the Shorean intangible cultural heritage.

Keywords: cultural memory, Turkic ethnogenetic myth, Shors.

Шайдуров Александр Валерьевич

магистрант 2-го года обучения

Омский государственный университет

им. Ф. М. Достоевского;

младший научный сотрудник,

Центр материальной культуры и дизайна

Омский государственный технический университет

e-mail: Shaidurovav@bk.ru

Shaidurov Aleksandr Valerievich

Graduate student 2nd year

Dostoevsky Omsk State University;

Junior Researcher,

Center for Material Culture and Design

Omsk State Technical University

e-mail: Shaidurovav@bk.ru

УДК 902(571.1):256

Исследование Г. Н. Потаниным шаманизма у алтайских племён

Т. А. Чевгун

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

В современных исследованиях сформировалось отношение к шаманизму как к ранней форме религии, основанной на вере в существование духов, населяющих окружающий мир, и в особого посредника – шамана, который в состоянии транса обеспечивает возможность контакта людей и духов [Шаповалов, 2005, с. 3]. Известный этнограф Л. П. Потапов отмечал: «Четкого критерия, на основании которого предлагается то или иное определение шаманизма <...> не дается. Нет четкого определения и того, какое понятие вкладывает ученый в термин религия, когда рассматривает шаманизм с этой точки зрения. Не меньшие различия обнаруживаются в литературе и во взглядах ученых на причины, породившие шаманизм, на время его появления» [Потапов, 1991, с. 5].

Шаманизм представляет собой распространенную форму религиозных воззрений, однако наиболее развитый вид он приобрел на территории Северной Азии. У народов Сибири и Севера шаманство сохранялось вплоть до первой половины XX в., до вмешательства государства в традиции этнических меньшинств [Токарев, 1990, с. 276].

Республика Алтай – один из центров современного возрождения данного верования. Так, по данным Росстата за 2016 г., 81 % алтайцев указал приверженность к традиционному верованию [Кнорре, 2016, с. 90–91]. Уничтоженные в советский период формы алтайского язычества возрождаются. В связи с этим интерес представляют материалы, собранные в конце XIX – начале XX вв. известным путешественником Григорием Николаевичем Потаниным (1835–1920 гг.). Целью данной работы является представление результатов изучения Г. Н. Потаниным шаманизма у алтайских племён.

Исследовательская деятельность Г. Н. Потанина началась в 1850-х гг., когда после окончания Омского военного училища он проходил службу в Семипалатинске, а затем в предгорьях Алтая. В станице Чарышской он написал свой первый труд – «Полгода на Алтае» [Шиловский, 2004, с. 27].

В 1856 г. состоялось знакомство Григория Николаевича с П. П. Семеновым-Тянь-Шанским, при поддержке которого он продолжил свою научную деятельность. Алтай стал исходным пунктом для экспедиций в Монголию и Туву (1876–1877, 1879–1880 гг.), во время которых, помимо естественно-научного материала, были собраны сведения о религиозных воззрениях алтайских инородцев и их экономическом положении.

Помимо масштабных Китайских экспедиций (1884–1893 гг.), Г. Н. Потанин предпринял поездки в Казахскую степь и Забайкалье. Проживая с 1902 г. в Томске, он каждое лето вплоть до 1915 г. выезжал на Алтай в села Чемал, Элекмонар, Анос [Шиловский, 2003, с. 113].

В 1909–1910 гг. в выпусках газеты «Сибирская жизнь» были опубликованы заметки Г. Н. Потанина под общим названием «В Чемальском тупике». В них автор описывал жизнь и религиозные воззрения местного населения, обряды камлания шаманки Саатан и т. д. [Потанин, 1909, с. 2; 1910а, с. 3].

Изучением религиозных традиций алтайских инородцев Г. Н. Потанин занимался на протяжении длительного времени. Им были опубликованы, помимо газетных статей, очерки в этнографическом сборнике «Живописная Россия». На основе данных публикаций можно выявить характерные черты шаманизма на Алтае в конце XIX – начале XX в.

Г. Н. Потанин отмечал, что алтайцы убеждены в существовании высшего и низшего божеств. Первого они называют Ульгень (яру нэмэ), второго – Эрлик (кара нэмэ). Зафиксированы и другие божества. Например, Джаячи-хан – творец детей, лепивший ребенка из материи и вкладывавший его в утробу матери, а также духи. Всякая река, озеро и ущелье имели своего хозяина. Он писал: «Природа, мертвая в наших глазах, алтайцу представляется живой» [Потанин, 1884, с. 257–259].

Исследователь указал, что жертвоприношения у алтайцев осуществляют шаманы (камы). Шаманом может стать как мужчина, так и женщина. У человека, которому суждено быть камом, звуки бубна вызвали конвульсии. При проявлении этих признаков обязанностью шамана становилось обучение своего преемника. Все шаманы считали себя потомками кама, которого в одном предании называли Кадылбашь, в другом – Тостогошь [Там же, с. 260–261].

Наблюдая камлание шаманки Саатан, Г. Н. Потанин обратил внимание на её отношение к своему инструменту: «Она изучила звук каждой точки на бубне и знает, в каком пункте ударить, чтобы получить желаемый звук. Колотушка у Саатан послушнее, чем её собственный голос» [Потанин, 1910а, с. 3].

Бубен состоял из обода, на который была натянута кожа. Внутри него находились две перекрещивающиеся «поперечины». Первая (вертикальная) – служила шаману ручкой и имела на одном конце изображение человеческо-

го лица, на другом – раздвоение, напоминающее ноги. Алтайцы считали, что это изображение первого шамана. Вторая «поперечина» – тетива – символизировала лук [Потанин, 1884, с. 262].

Описывая обряды, совершаемые шаманкой Саатан, Григорий Николаевич отмечал: «Камланье всегда начинается с угощения духов вином, что делается очень просто; шаманка опускает один палец правой руки в вино, упирает его в большой палец и делает щелчок в воздух; брызги летят в пространство» [Потанин, 1910а, с. 3].

Исследователь выявил различия в камлании для двух главных божеств, Ульгена и Эрлика. Он отметил распространение среди алтайцев представления о местах обитания высшего и низшего духов. Ульгень жил на седьмом небе, поэтому при совершении обряда каму было необходимо подняться в его обитель. Бог Эрлик находился под землей, поэтому кам спускался в подземный мир. Григорий Николаевич зафиксировал рассказ шамана о путешествии в царство Эрлика. Для этого кам выезжал из аула, преодолев Алтай и «бледную степь», он встречал «железную гору», на вершине которой лежало множество костей. Это кости тех шаманов, которые подобно ему пытались спуститься в обитель Эрлика. Затем кам подвезжал к отверстию, ведущему в подземный мир. Спустившись туда, он доходил до моря, которое можно было преодолеть только по тоненькому волоску. Шаман изображал, как переходит по нему, шатаясь из стороны в сторону. На этом его испытания заканчивались. Шаман представлялся духу и задобривал его, а Эрлик, в свою очередь, давал своё благословение. Возвращался кам в наш мир на гусе. Представляя это, он прыгал и махал руками [Потанин, 1884, с. 265–266].

Рассказы шамана и увиденные обряды глубоко впечатлили Г. Н. Потанина: «Как мы ни были забронированы от воздействия шаманского мистицизма, удары бубна не прошли для нас без всякого следа. Ум наш сидел в неприступной крепости, а нервы обнажили свои концы» [Потанин, 1910б, с. 3].

Уничтожение на Алтае шаманизма и появление «белой веры», по мнению Григория Николаевича, лишь отчасти можно было объяснить влиянием буддизма. Он обратил внимание на значительные расходы на жертвы, которые шаманисты приносили духам. Г. Н. Потанин писал: «Может быть, когда край жил изолированной экономической жизнью, эти расходы на культ переносились народом легче, но, когда край вступил в цепь международных тор-

говых сношений, налоги в пользу Эрлика стали для народа невыносимыми» [Там же, с. 3].

Представленная информация позволяет оценить роль Г. Н. Потанина в изучении шаманизма у алтайских племен. Григорий Николаевич одним из первых среди своих современников обратил внимание на так называемый инородческий вопрос. В статье 1914 г. он указал: «Изучение шаманства и соби́рание народных преданий имеет значение не для одного только прогресса науки. Оно требуется в интересах возрождения инородческих племен. В особенности же важно собрать сведения об их религиозном творчестве, потому что религиозная мысль более чем другая властвует над умами» [цит. по: Сонин, 1995, с. 28]. Стараниями Г. Н. Потанина началось планомерное этнографическое изучение населения Горного Алтая. При поддержке Григория Николаевича к сбору и интерпретации фольклорного и антропологического материалов приступил А. В. Анохин. Наследие Г. Н. Потанина в настоящее время хранится в ряде музеев Сибири и требует дальнейшего изучения.

*Научный руководитель – Т. В. Тишкина
канд. ист. наук, доцент,
Алтайский государственный университет*

Список литературы

- Кнорре К. Б. Современный алтайский шаманизм в контексте национальной религиозной политики Республики Алтай // Вестник РГГУ. 2016. № 12. С. 89–114.
- Потанин Г. Н. Инородцы Алтая // Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. СПб., 1884. Т. 11. С. 254–272.
- Потанин Г. Н. В Чемальском тупике (с. Анос) // Сибирская жизнь. 1909. № 162. С. 2.
- Потанин Г. Н. В Чемальском тупике (В аиле у шаманки Саатан) // Сибирская жизнь. 1910а. № 141. С. 3.
- Потанин Г. Н. В Чемальском тупике (окончание) // Сибирская жизнь. 1910б. № 142. С. 3.
- Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. Л., 1991. 320 с.
- Сонин П. «В интересах возрождения племен» // Сибирская старина: краеведческий альманах. 1995. № 10. С. 28–30.
- Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1990. 623 с.
- Шаповалов А. В. Шаманизм как религиозная система. Новосибирск, 2005. 111 с.
- Шиловский М. В. Г. Н. Потанин и Горный Алтай в томский период его жизни (1902–1916) // Горный Алтай. Горно-Алтайск; Бийск, 2003. Вып. 7. С. 113–117.
- Шиловский М. В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке». Г. Н. Потанин: биограф. очерк. Новосибирск, 2004. 244 с.

Studying of Shamanism among Altai Tribes by G. N. Potanin

T. A. Chevgun

This article is devoted to the studying of shamanism among Altai tribes by G. N. Potanin. The basis for the research was publications from newspapers and the ethnographic collection. The article provides a glimpse of the religious views of the Altai people at the end of the 19th century, beginning of the 20th century. A description of the deities and rituals that the shamanists performed is contained in this work. The author characterizes the scientific activity of G. N. Potanin and his role in the studying of shamanism in Altai. These materials are important because there is a revival of traditional beliefs in the territory of the Altai Republic.

Keywords: shamanism, Altai, Potanin G. N., expeditions, folk beliefs, Ethnography.

Чевгун Татьяна Алексеевна

студент 3-го курса
Алтайский государственный университет
e-mail: tanya800@mail.ru

Chevgun Tatiyana Alekseevna

Student 3rd year
Altai State University
e-mail: tanya800@mail.ru

Этнографические исследования декабристов В. К. и М. К. Кюхельбекеров

Л. И. Носова

Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова, Чита, Россия

В 2020 г. исполняется 195 лет со дня восстания декабристов. Почти 600 человек прошли по делу восстания в Санкт-Петербурге (14 декабря 1825 г.) и на юге России (с 29 декабря 1825 г. по 3 января 1826 г.), виновными признаны 289 человек. В Санкт-Петербурге Верховным уголовным судом был приговорен к различным наказаниям 121 человек. Впоследствии разнообразная деятельность декабристов, отправленных на каторгу и поселение в Сибирь, оставила заметный след в истории и до сих пор служит предметом пристального внимания, изучения многих поколений исследователей. В данной работе рассмотрены этнографические наблюдения, которые проводили, находясь в Сибирской ссылке, участники восстания в Санкт-Петербурге – братья В. К. и М. К. Кюхельбекеры.

За участие в восстании Михаила Карловича приговорили к каторжным работам в Сибири сроком на 5 лет. После тюрьмы Читинского острога и Петровского Завода, в 1831 г. он был переведен на поселение. Вильгельм Карлович был осужден на 20-летний срок каторжных работ. По ходатайству родственников, срок каторги для него был заменен на одиночное заключение в крепости. Только в конце 1835 г. Вильгельм Карлович был освобожден из крепости и отправлен на поселение в с. Баргузин Иркутской губернии, где его ждал родной брат Михаил Кюхельбекер.

Будучи прекрасно образованными людьми, Кюхельбекеры в Сибири продолжили свою литературную и научную работу. В Баргузине М. К. Кюхельбекер следил за всеми новинками литературы, за течением политических событий. Среди его знакомых были ссыльные поляки, купцы и местные жители. В первую очередь, его интересовали особенности жизни в Забайкалье. В 1836 г. М. К. Кюхельбекер предложил издателю Н. И. Гречу для его журнала «Краткий очерк Забайкальского края» материал этнографического характера: «Живу около десяти лет в Забайкальском крае, и все, заслуживающее внимания, сколько то позволяли мне обстоятельства, старался узнать как можно подробнее. Посылаю Вам образчик моих записок о нашей, как называют здесь эту страну, Даурии: место не русское – чем богат, тем и рад» [Литературное наследство ... , 1954, с. 60]. К сожалению, отправленный в журнал «Сын Отечества» очерк декабриста осел в фондах III отделения канцелярии Его Императорского Величества и напечатан не был.

В своей работе Михаил Карлович называл тунгусов коренными жителями Забайкальского края, часть из которых переняли образ жизни бурят. Зачастую тунгусы, по его мнению, подражали русским в одежде и нравах, однако сохранили свой язык. Вступают в брак тунгусы чаще с русскими, чем с бурятами. Немало среди них крещеных, причисленных в крестьяне – новокрещенные оседлые, – карымы или метисы, в Нерчинском уезде их называли ороченями.

«Буряты, или братские, – писал М. К. Кюхельбекер, – переселились в Забайкалье из Монголии в разные времена» [Декабристы о Бурятии ... , 1975, с. 46-47]. Исследователь говорит о существовании бурятских племен, состоящих из четырех Кударинских и двенадцати Баргузинских родов. Одинадцати Хоринским родом были пожалованы знамена. Также упоминает о восемнадцати Селенгинских или Сангольских родах, из которых были сформированы четыре пограничных полка. В каждом племени или обществе есть свое управление – степная дума, главным является тайша. Должность тайши наследовалась и утверждалась правительством и была крайне почетной. Некоторые тай-

ши имели обер-офицерский чин. Родами управляли зайсаны – выборные люди, тунгусы таких называли шуленгами, у русских они приравнивались к волостным старостам.

Исследователь обращает внимание и на веру бурятского населения. Он отмечает, что привычный для бурят шаманизм заменяется ламаизмом, однако крайне поверхностно. Тем, кто не знает языка, невозможно разобрать ламские догматы, сами ламы ничего, по мнению М. К. Кюхельбекера, не объясняют, но занимаются врачеванием, используя лекарства из Китая, в чем исследователь видит несомненную пользу. Христианство запрещает многоженство, поэтому многие буряты охотно принимают ламаизм, продолжая «кормить» более одной семьи [Декабристы о Бурятии ... , 1975, с. 48].

В «Кратком очерке Забайкальского края» были даны также географические характеристики. Особое внимание было уделено анализу состояния сельского хозяйства, огородничества, животноводства, местной торговли. Литературную обработку очерка выполнил Вильгельм Карлович. Работа впервые была опубликована только в 1963 г.

Гораздо больше трудов, где встречались этнографические наблюдения, принадлежали перу В. К. Кюхельбекера. До наших дней дошли три его письма к А. С. Пушкину из Баргузина, где Вильгельм Карлович сообщал сведения о Забайкальском крае и о местном населении: «Вероятно, полюбопытствуешь узнать кое-что о Забайкальском крае, или Даурской Украине – как в сказках и песнях называют ту часть Сибири, в которой теперь живу... нравы и обычаи довольно прозаические: без преданий, без резких черт... Буряты мне нравятся гораздо менее кавказских горцев... Тунгусов я встречал мало: но в них что-то есть; звериное начало (*le principe animal*) в них сильно развито, и, как человек-зверь, тунгус в моих глазах гораздо привлекательнее расчетливого, благоразумного бурята. Русские (жаль, друг Александр, а должно же сказать правду), русские здесь почти те же буряты, только без бурятской честности, без бурятского трудолюбия. Отличительный порок их пьянство: здесь пьют все, мужчины, женщины, старики, девушки; женщины почти более мужчин. Здешний язык богат идиотизмами, но о них в другой раз» [Кюхельбекер, 1989, с. 493–494]. Под «идиотизмами» Кюхельбекер подразумевал забайкальские диалектные слова: «почто, но, однако; далее, облачусь вместо оденусь, ограда вместо двор etc».

Замечания В. К. Кюхельбекера о привлекательности «тунгусов» в их «естественном» состоянии и его явное расположение к этносу прослеживаются и в его «Дневнике», работа над которым была начата в 1831 г. и продолжалась почти до самой смерти поэта. Помимо этнографических наблюдений В. К. Кюхельбекер занимался и сбором фольклорных материалов. Единственная сохранившаяся запись декабриста – «Баргузинская сказка» [Декабристы о Бурятии ... , 1975, с. 11–12].

После перевода из Баргузина в Акшу он делает записи о «братских и тунгусах». Интерес представляет встреча с тунгусским ламой, к которому местные жители обращались за врачебной помощью: «Был у меня тунгусский лама... Он сказал, что на тунгусском языке 31 буква... рассказал мне, как они постятся по три дня в любое время, ничего не едят, не пьют и как можно менее спят, даже слюны не глотают». В следующий раз Кюхельбекер пишет о мальчике ламе двенадцати лет, которому местные «тун-

гусы» поклонялись как воплощению «Шигумуни» и относились как к божеству [Кюхельбекер, 1979].

В письме к В. А. Жуковскому В. К. Кюхельбекер приводит список своих произведений и упоминает о написанных им размышлениях об истории и этнографии. Советский фольклорист и этнограф М. К. Азадовский говорит о том, что В. К. Кюхельбекером были написаны очерки «Жители Забайкалья и Закамья», которые имели филологический характер. Однако почти ни одна его работа в этой области не дошла до наших дней.

Несмотря на некоторые неточности и отрывочный характер полученных сведений, братья В. К. и М. К. Кюхельбекеры собрали интересные этнографические материалы, к

которым не раз обращались различные исследователи. В настоящее время в Читинском Музее декабристов продолжается сбор литературы и источников о жизни и творчестве Кюхельбекеров в Сибири.

Список литературы

- Декабристы о Бурятии. Статьи, очерки, письма / отв. ред. П. Т. Хаптаев, С. Ф. Коваль. Улан-Удэ : БКИ, 1975. 302 с.
- Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи // подг. изд. Н. В. Королева, В. Д. Рак. Л. : Наука, 1979. 377 с.
- Кюхельбекер В. К. Сочинения / сост., подгот. текста, коммент. В. Рака, Н. Романова. Л. : Худож. лит., 1989. С. 493–494.
- Литературное наследство. Т. 59. Декабристы-литераторы. М. : Наука, 1954. Т. 1. 460 с.

Ethnographic Studies of the Decembrists V. K. and M. K. Kukhelbeker

L. I. Nosova

This work is devoted ethnographic studies of the decembrists Wilhelm Karlovich and Mikhail Karlovich Kukhelbeker's. For many years they studied the traditions of the peoples of Siberia. In this work were studied the published works of the decembrists. In his works they told in detail about customs and traditions of the native population. Considered "Diary", essay and letters, which provide information about of the native population of Transbaikal. They are described in detail Tungus (Evenki) and Buryat people of the 19th century, their administrative divisions, religious beliefs, lifestyle and moral and ethical qualities. The scientific and literary activity of the decembrists sent to penal servitude and settlement in Siberia left a noticeable mark in history and still serves as the subject of close study of many generations of researchers.

Keywords: decembrists, ethnography, the native population, Transbaikal, A. S. Pushkin, customs, traditions.

Носова Любовь Ивановна

заведующая, отдел «Музей декабристов»
Забайкальский краевой краеведческий музей
им. А. К. Кузнецова
e-mail: dekabr.museum@mail.ru

Nosova Lyubov Ivanovna

Head, Department "Museum of the Decembrists"
A. K. Kuznetsov Transbaikal Regional Museum
e-mail: dekabr.museum@mail.ru

УДК 392.3

Родовые признаки сёока тёлёс у алтайцев

А. В. Баяндина

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

Основу алтайского этноса составляет родовая структура. Каждый алтаец с малых лет знает, к какому роду (сёоку) принадлежит. Слово «сёок» в буквальном смысле означает «кость». Сёок передаётся по линии отца. Большинство алтайских сёоков-родов имеют родственные роды.

Самым многочисленным и распространённым сёоком в Республике Алтай является тёлёс. Этот род сформировался в Улаганском районе, а именно в окрестностях Телецкого озера, получившего название от русских по названию рода тёлёс. Формирование этого рода не ограничивалось окрестностью озера и охватывало территорию соседней тайги Абакан, простиравшейся до р. Енисей.

О происхождении каждого сёоке сложено предание. Обычно можно встретить сведения о том, что основателями сёоков были братья, богатыри или герои. Г. Н. Потанин со слов М. В. Чевалкова записал предание о названии сёока «тёлёс»: «...когда наступило время делить наследство – брат, пасший верблюдов, сказал: «Брат, пасший овец, взял себе лишнего барана, поэтому лишний верблюд должен быть мой». Отец дал ему имя *тёлёс* от названия верблюда (*тёл*): «Лишнего верблюда взявший, будь тёлёсом» [Потанин, 1883, с. 4]. Из-за этого появилась поговорка о тёлёсах: «*Тоонон јаан мал жок тёлёстон јаан журт жок*») (Нет крупнее домашнего скота, чем верблюд, нет крупнее по численности поселения, чем у тёлёсов) [Алтай ... , 1994, с. 177]. Общее происхождение сёоков тёлёс и жети-тас говорит о том, что это родственные сёоки. Род кёбёк (*кёбёк*) родственник сёоку тёлёс, так как они имеют общего предка Ярынак (*Ярынак*). Представители братских родов, соблюдая нормы обычая родовой экзогамии, не могут вступать в брак.

Как и любой другой сёок, тёлёсы имеют свои характерные особенности, поэтому их относят к «особому» сёоку. Представители этого рода имеют непокладистый характер (*тескери*), который часто отражается в семейной жизни. Они упрямые, отважные и честолюбивы. Также мужчины из рода тёлёс имеют общие черты во внешности: сухощавые (*сырсак*), высокие (*узун сынду*) и горбоносые (*кон жоор*).

О напористости тёлёсов сказано: «*Тёлёс жерин бербес, олзё – сёдгин бербес*» (Тёлёс своего места (земли) не уступит, умрет – (родственник тёлёс) костей не отдаст). Семантический анализ данного стереотипа позволяет выделить синонимический ряд: «тёлёс – власть – земли предков». В данном контексте тёлёсу приписывается функция защиты родной территории, равно как и защита власти, престола.

Информация о жизни тёлёсов имеется в работах миссионера М. В. Чевалкова. Когда Михаил Васильевич впервые попал в Чульшманскую долину, населенную тёлёсами, то был удивлён некоторыми их привычками. Он рассказывает, что тёлёсы не хранили дома дорогих вещей. Свои богатства они хранили в отдалённых пещерах и укромных местах. Когда приходили торговцы, они не имели возможности сразу купить и оплатить свою покупку. Поэтому оплата производилась через несколько дней. Тёлёсы были врождёнными воинами и следовали выработанной тактике, привитой им с детства [Ямаева, 2002, с. 138].

Есть поверье о том, что злые духи боятся тёлёсов и «не трогают» людей из этого сёока. Согласно этому поверью предок тёлёсов вызвал на спор подземного владыку Эрлика и между ними возник спор. Предок тёлёсов спросил: «Почему, мол, тот забирает матерей у грудных детей,

оставляя детей сиротами?» На что Эрлик ответил ему вопросом: «Почему человек убивает беременных самок животных?» После этого предок тейлэсов и Эрлик стали мёртвостью силой: тейлэс выгнал Эрлика на землю по пояс, а подземный владыка «втасил» под землю тейлэса по пояс. Никто никого не мог одолеть. Эрлик проклял тейлэса: «Пусть никого на свете не будет сильнее тебя. Но пусть твоё войско сокращается, пусть возраст жизни у тебя будет коротким!» [Там же, с. 140]. С тех пор, будто бы, кёрмёсы (злые духи) боятся тейлэсов и не трогают их. Подобная поговорка есть и у кыргызов, в родовом составе которых есть род дэйлэс [Тадина, Ябыштаев, 2017, с. 272].

У алтайцев существует система символов сёока, в неё входят: тамга (родовой знак), родовое знамя, священное животное и родовая территория (вершина горного хребта и прилегающая к ней тайга). Тамга позволяла отличить один род от другого. С помощью родового знака клеймили скот. У тейлэсов родовым знаком является *кулжа* (орнамент), но также имеется другое название – *ширее* (престол). Священным животным считается благородный олень (марал). В 1992 г. в долине р. Урсул близ с. Ело (местность Тумечин) род тейлэс водрузил свою памятную стелу. Это место считается родовой территорией. Что касается родового

знамени, то оно представляет собой жёлтое полотно, на котором был изображен марал и тамга «ширее» – престол.

На сегодняшний день на просторах Интернета можно найти множество сообществ, картинок, посвящённых роду тейлэс. В этих интернет-сообществах можно познакомиться с людьми сёока и узнать много других интересных фактов об истории сёока – рода тейлэс.

*Научный руководитель – Н. А. Тадина
канд. ист. наук, доцент,
кафедра истории и археологии,
Горно-Алтайский государственный университет*

Источники

Алтай кеп-куучундар / сост. Е. Е. Ямаева, И. Б. Шинжин. Горно-Алтайск, 1994. 415 с.

Список литературы

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. Т. 4. 1054 с.

Тадина Н. А., Ябыштаев Т. С. О родовых символах сёоках тейлэс, майман, кыпчак, мундус у алтайцев // Алтайская цивилизация и родственные народы алтайской языковой системы. Бишкек, 2017. С. 269–276.

Ямаева Е. Е. Родовые прозвища тейлэсов // Древности Алтая. 2002. № 8. С. 136–142.

Clan Signs of Theyeles Syok among the Altaians

A. V. Bayandina

Based on the collected information, the analysis gives the main clan characters of one of the numerous and common syoks in the Altai Republic. The data on the tribal territory are covered, and the description of the tribal banner, the tribal tamga, and the revered tribal animal. Legends and traditions were collected by G. N. Potanin in the second half of the 19th century, and were published information from archival materials of the Gorno-Altai Research Institute of History, Language and Literature are used as the source of information. Attention is drawn to the distinctive features of the clan character among the Altai people formed in the ethnic consciousness. Parallels of data are drawn with the Kyrgyz people, one of the Turkic peoples, whose ethnic composition teelos syok. With the example of studying the tribal markers of syok, was concluded that the tribal structure of the Altai people has a real-life basis, presented in the prevailing historical traditions and legends.

Keywords: Altaians, syok-clan, teelos, legends, patrimonial markers.

Баяндина Алтынай Вячеславовна

студент 3-го курса

Горно-Алтайский государственный университет

e-mail: totoaisaka@mail.ru

Bayandina Altynai Vyacheslavovna

Student 3rd year

Gorno-Altai State University

e-mail: totoaisaka@mail.ru

УДК 902.2

Каменные изваяния в котловине Деспен

А. И. Куулар

*Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований,
Кызыл, Россия*

Среди многочисленных археологических памятников Тувы особое место занимают каменные изваяния. Изучением каменных изваяний Тувы занимались в последней четверти XIX в. А. В. Адрианов, И. Р. Аспелин; в 1-й пол. XX в. – С. Р. Минцлов [1916], М. П. Грязнов [1929] и Е. Р. Шнейдер, Л. А. Евтюхова; во 2-й пол. XX в. – А. Д. Грач, Л. Р. Кызласов.

Большинство изваяний, обнаруженных исследователями, сосредоточены в западной части Тувы, немногие из них найдены в юго-восточной части.

В 1947 г. на территории Тувы работала Саяно-Алтайская экспедиция, целью которой было археологическое обследование восточных, южных и западных районов Тувы [Евтюхова, Киселев, 1949, с. 120]. В составе этой экспедиции Л. А. Евтюховой были исследованы 44 каменных изваяния. Результатом изучения изваяний на территории Тувы, Алтая, Хакасии и Монголии стала обобщающая работа исследовательницы «Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии» [1952]. Многие изваяния, опубликованные Л. А. Евтюховой, упоминались в работах предшественников – исследователей XIX в. – А. В. Адрианова (№ 36,

42, 43, 52, 62, 63), Г. Н. Потанина (№ 45, 46), И. Р. Аспелина (№ 53, 54) [Адрианов, 1886; Потанин, 1881; Appelgren-Kivalo, 1931].

В настоящей статье будут приведены сведения о малоизвестных изваяниях, открытых в 1947 г. Л. А. Евтюховой в труднодоступной котловине Деспен. Информация об этих изваяниях не упоминается ни в работах авторов XIX – первой трети XX в., ни в публикациях исследователей второй половины XX в. – А. Д. Грача [1961], Л. Р. Кызласова [1969, 1979].

Котловина Деспен расположена на территории современного Тес-Хемского района, который находится в юго-восточной части Тувы на границе с Монголией. Здесь Л. А. Евтюховой было найдено 12 изваяний [1952, с. 77–81]. По сведениям исследовательницы, все статуи были обращены лицевой стороной на восток и стояли около четырехугольных оградок, за исключением изваяния № 27, которое было установлено у восточной стороны кургана (рис. 1, 7) [Там же, с. 79]. От шести изваяний в восточном направлении отходили ряды столбиков-балбалов.

Рис. 1. Изваяния, найденные в котловине Деспен Л. А. Евтюховой

Из 12 изваяний 5 представляют собой поясные изображения человека, 5 – погрудные, изображающие голову или лицо человека, и 2 – антропоморфные стелы.

Антропоморфные стелы (рис. 1, 4, 5) имеют абрис, напоминающий человеческую фигуру, однако на них не изображены черты лица или какие-либо реалии.

На лицах трех погрудных изваяний (рис. 1, 3, 8, 9) барельеф овальных глаз и носа с невыделенными крыльями образован за счет выемки прилегающих участков поверхности. У двух изваяний углубленной линией переданы отдельные брови и горизонтальные усы со слегка загнутыми вверх концами (рис. 1, 3, 11). На некоторых изваяниях (№ 33, 34, 39, 40, 60), как было отмечено Л. А. Евтюховой, детали лица переданы за счет углубления фона вокруг них.

Поясные изваяния (рис. 1, 2, 6, 7, 10, 12) представляют собой изображение мужчины с сосудом в правой руке и оружием в левой. Сосуды, воспроизведенные на трех изваяниях, имеют округлое тулово, невысокую шейку, иногда – отогнутый венчик (рис. 1, 2, 10, 12), на трех изваяниях детализированы гладкие пояса (рис. 1, 2, 7, 10). Подобная позиция рук и атрибуты свойственны изваяниям древнетюркской традиции. У двух изваяний отбиты головы (рис. 1, 2, 7), у одного – отколот верх головы (рис. 1, 12).

Особый интерес представляет изваяние, опубликованное Л. А. Евтюховой под № 29 [1952, с. 80] (рис. 1, 10). На макушке головы изваяния воспроизведен относительно высокий головной убор со слегка сужающейся кверху тульей, под кромкой убора довольно реалистично изображены высоко посаженные уши, на лице показаны миндалевидные глаза в окантовке век, с барельефом глаз стыкуется барельеф обобщенно переданного носа, к основанию носа примыкают слабо изогнутые усы, рот едва намечен. Подбородок неестественно удлинен. Возможно, таким способом изображена недлинная борода. Сосуд, изображенный высоко на груди, имеет отогнутый венчик, невысокую шейку и округлое тулово. Пальцы левой руки, опирающейся клинковое оружие, наклонно висящее на поясе, не детализированы. Детали оружия не показаны. По сравнению с другими, это изваяние изготовлено более тщательно и реалистично.

В 2016 г. автором была осуществлена поездка в котловину Деспен. Благодаря местным жителям удалось узнать,

что современное название местности, где были зафиксированы рассматриваемые изваяния, – урочище Чайлаг (тув. – летняя стоянка чабанов). Примечательно, что здесь находится много курганов и оградок. В результате обследования местности были обнаружены лишь четыре из опубликованных Л. А. Евтюховой изваяний: антропоморфная стела (рис. 1, 4), два погрудных (рис. 1, 3, 11) и одно поясное изваяние (рис. 1, 10). Сохранность изваяний удовлетворительная.

Таким образом, нами рассмотрены вопросы об атрибуции и сохранности 12 изваяний в Деспенской котловине, которые изучались лишь в конце 1940-х гг. Л. А. Евтюховой и из-за трудного доступа больше никем не обследовались. Изваяния, судя по иконографии и установке возле древнетюркских оградок, являются памятниками древнетюркской эпохи. Изваяние, найденное возле кургана, судя по несимметричной позиции рук и оружию на поясе, также относится к древнетюркской скульптуре. Вероятно, его местонахождение возле кургана – вторичное. Изваяний уйгурской эпохи в числе памятников из котловины Деспен нет. Поиски изваяний, предпринятые в 2016 г., позволили установить наличие четырех из выявленных Л. А. Евтюховой 12 изваяний (рис. 2). Судьба остальных 8 изваяний неизвестна.

В настоящее время одной из основных проблем изучения каменных изваяний Тувы является отсутствие их в местах первоначального расположения – там, где они ранее были зафиксированы исследователями. Не исключено, что многие из недостающих памятников были вывезены самими исследователями. Таким способом около 15 изваяний оказались в фондах Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, несколько изваяний хранятся в Минусинском краеведческом музее им. Н. М. Мартыанова, в музее г. Москвы, Санкт-Петербурга, Кемерово. Кроме этого автору известен случай перемещения изваяния местным жителем. Так, в 1960-е гг. в Овюрском районе изваяние было перенесено из места первоначального расположения в пос. Торгалыг и установлено возле частного дома.

Научный руководитель – Л. Н. Ермоленко
д-р ист. наук, проф.,
Кемеровский государственный университет

Рис. 2. Изваяния в урочище Чайлаг, обнаруженные в 2016 г.

Список литературы

Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и Саяны, совершенное в 1881 г. по поручению Императорского Русского географического общества членом-сотрудником А. В. Адриановым. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1886. 276 с.

Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Западной Тувы. М. : Изд-во вост. лит-ры, 1961. 94 с.

Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р. Древние изваяния Минусинских степей // Материалы по этнографии. Л., 1929. Т. 4. Вып. 2. С. 63–93.

Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // Материалы и исследования по археологии Сибири. М., 1952. № 24. С. 72–120.

Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Саяно-Алтайская экспедиция // КСИИМК. 1949. Вып. 26. С. 120–127.

Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М. : МГУ, 1969. 212 с.
Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М. : МГУ, 1979. 207 с.

Минцлов С. Р. Памятники древности в Урянхайском крае. Петроград : Тип. Имп. акад. наук, 1916. 22 с.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного 1876–77 гг. по поручению ИРГО членом-сотрудником Г. Н. Потаниным. СПб., 1881. Вып. 2.

Appelgren-Kivalo O. H. Alt-Altische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. Helsingfors, 1931. 72 p.

Stone Sculptures in Despen Basin

A. I. Kuular

The article is devoted to ancient Turkic stone sculptures in the Despen basin, which were discovered in 1947 by L. A. Evtyukhova. Due to the inaccessibility of the area, Despen statues were not identified by researchers of Tuva stone sculptures in the 19th–20th centuries (A. V. Adrianov, I. R. Aspelin, S. R. Mintslov, A. D. Grach, L. R. Kyzlasov). In 2016, the author identified only 4 statues out of 12 at the original location.

Keywords: Stone sculptures, Evtyukhova, ancient turks, Tuva, Despen.

Куулар Аяна Ивановна

научный сотрудник, Группа археологии
Тувинский институт гуманитарных и прикладных
социально-экономических исследований
e-mail: amphitrida@mail.ru

Kuular Ayana Ivanovna

Researcher, Archaeology Group
Tuva Institute of Humanitarian and
Applied Social and Economic Research
e-mail: amphitrida@mail.ru

Роль и значение пояса в жизни кочевника

А. Г. Сарыглар

Тувинский государственный университет, Кызыл, Россия

Традиционное кочевое общество, которое сложилось в глубокой древности, в связи с глобализацией и внедрением высокоразвитых технологий, в современный период претерпевает системные изменения, что может привести не только к разрушению, но и его исчезновению в обозримом будущем. При этом у кочевников очень ценные традиции и, что немаловажно, система хозяйствования в согласии с природой, без ее разрушения, и своеобразная культура, сложившаяся на основе обычного права, передававшаяся из поколения в поколение. Таким образом, изучение кочевого общества, его образа жизни, культуры, элементов становится особо актуальным.

Цель статьи – рассмотреть роль и значение одного из важнейших элементов одежды кочевника – пояса. Автор, тувинец по национальности, как представитель тувинской нации, видит главной задачей статьи изучение истории возникновения пояса у кочевников и раскрытие роли и значения пояса для тувинца.

К наиболее фундаментальным исследованиям пояса кочевника можно отнести работы В. Н. Добжанского [1990], П. И. Шульги [2007]. Особый интерес вызывают пояса кочевников, изображенные на оленных камнях. Оленные камни изучаются с конца XIX в. такими известными исследователями, как В. В. Радлов, Н. В. Ядринцев, Г. Н. Потанин, А. В. Адрианов, С. А. Теплоухов, А. П. Окладников, М. П. Грязнов, Л. Р. Кызласов, М. Х. Маннай-оол, В. В. Волкова, А. Д. Грач, С. И. Вайнштейн, М. А. Дэвлет, В. Д. Кубарев, Д. Г. Савинов, Л. С. Марсадолов [2005], Вл. А. Семенов, М. Е. Килуновская, К. В. Чугунова и мн. др.

Пояс – неотъемлемая часть одежды тувинца. Без пояса тувинец не появлялся на людях, особенно вне своей юрты, это считалось неприличным [Вайнштейн, 1991]. У тувинца есть 3 священных предмета одежды: головной убор, пояс и обувь. Эти предметы одежды могли рассказать о социальном положении, этнической принадлежности, кроме этого, в древности, во времена тюркского господства, пояс свидетельствовал о воинской доблести и подвигах собственника пояса.

Отдельно хотелось бы отметить оленные камни, на которых очень часто изображаются пояса. Оленные камни представляют собой четырехгранные, округлые, плоские хорошо обтесанные или же необработанные каменные столбы или плиты, на плоскостях которых выбиты изображения оленей, маралов, лосей, кабанов и т. д. Кроме животных, на оленных камнях изображаются различные предметы оружия и знаки: кинжалы, чеканы, луки в налучьях, круглые диски, разнообразных неправильной формы перекрещенные четырехугольники, пятиугольники, круги с точкой посередине, три линии и отдельные ямки, которые опоясывают верхнюю часть стел, как будто ожерелье из бус, и особый интерес вызывают пояса, высеченные на уровне пояса (рис. 1).

Как отмечается археологами, оленные камни выражают способ статического моделирования пространства, являясь центром, вокруг которого разворачивается весь космический универсум, что не исключает значения оленного камня как генетивного символа или меморативного памятника в контексте поминально-погребальной обрядности [Килуновская, Семенов, 1998, 1999]. Оленные камни разделены на 3 части: верхняя часть, разделенная гривной-ожерельем; средняя часть, где обычно изображаются различные животные; нижняя часть, разделенная поясом, на котором висит оружие.

В тувинской мифологии есть 3 мира. Верхний – «Устуу оран» – отождествлялся с небом, исходя из этого, принято считать, что солярные знаки, изображенные на оленных камнях, которые встречаются в верхней части камня, отождествляют верхний мир. Средний – «ортаа оран» – представляет собой наш мир, где живут люди и животные, возможно, это объясняет изображения животных на оленных камнях.

У народов севера олень считается солнечным, а в шаманской мифологии служит ездовым животным шамана для путешествий в разные миры. Таким образом, олени, изображенные на оленных камнях, могут отождествляться с проводителями в верхний мир. При этом надо отметить особенность, что голова оленей показывалась высоко поднятой вверх, с запрокинутым на спину большим рогом из полуколоц или серповидных отростков. У оленя массивная морда с приоткрытым ртом, и олень как бы «трубит», «кричит». Такой олень получил название летящего (рис. 2).

Третий мир – нижний мир – «алды оран» – на оленных камнях разделен поясом, на котором изображается оружие: акинак, лук с налучьем, чекан, боевые топоры, и, кроме этого, можно встретить оселок и зеркало.

В тувинской мифологии нож или острый предмет является своего рода защитой от злых духов – «аза-бук», «диирен».

Шаман в процессе лечения использует нож, чтобы изгнать злую энергетику. Таким образом, можно предположить, что пояс с оружием может служить защитой, которая препятствует злым духам из нижнего мира проникнуть в наш мир.

Исходя из изображений на оленных камнях, можно сказать, что уже на ранней стадии формирования кочевых обществ скифского периода пояс являлся обязательным атрибутом воина (рис. 3). По мнению большинства исследователей, оленные камни являлись посмертными памятниками. Эти сравнительно немногочисленные монументы воздвигались в честь наиболее знатных лиц, племенных вождей и, скорее всего, выдающихся военных предводителей [Маннай-оол, 1970]. Обработка оленных камней требует не только терпения, знаний, навыков, но и профессионализма, колоссального физического и умственного труда, что восхищает нас – молодых, начинающих исследователей.

Как отмечается, вероятно, сначала формируется сложная сбруйная фурнитура и лишь впоследствии – поясная [Шульга, 2008, с. 104]. Исследование показало, что впоследствии на поясах воинов появляются различные металлические и роговые обоймы, бляхи и застежки, которые, по всей видимости, создавались под влиянием сбруйной фурнитуры. Эти процессы связаны, скорее всего, с военизацией общества и выделением прослойки воинов.

Таким образом, кожаный пояс с богатыми пряжками и обоймами могли позволить себе только богатые и знатные люди, а также наиболее отличившиеся воины.

Исходя из этого, можно предположить, что пояс для кочевника с древних времен выполнял не только свою повседневную роль, необходимую в жизни кочевника, но также роль своеобразного оберега и имел сакральное значение как символ мужского достоинства и силы. Что, возможно, подтверждают находки оленных камней, где на большинстве из них фигурируют пояса.

*Научный руководитель – О. П. Оюн
канд. ист. наук, доцент,
Тувинский государственный университет*

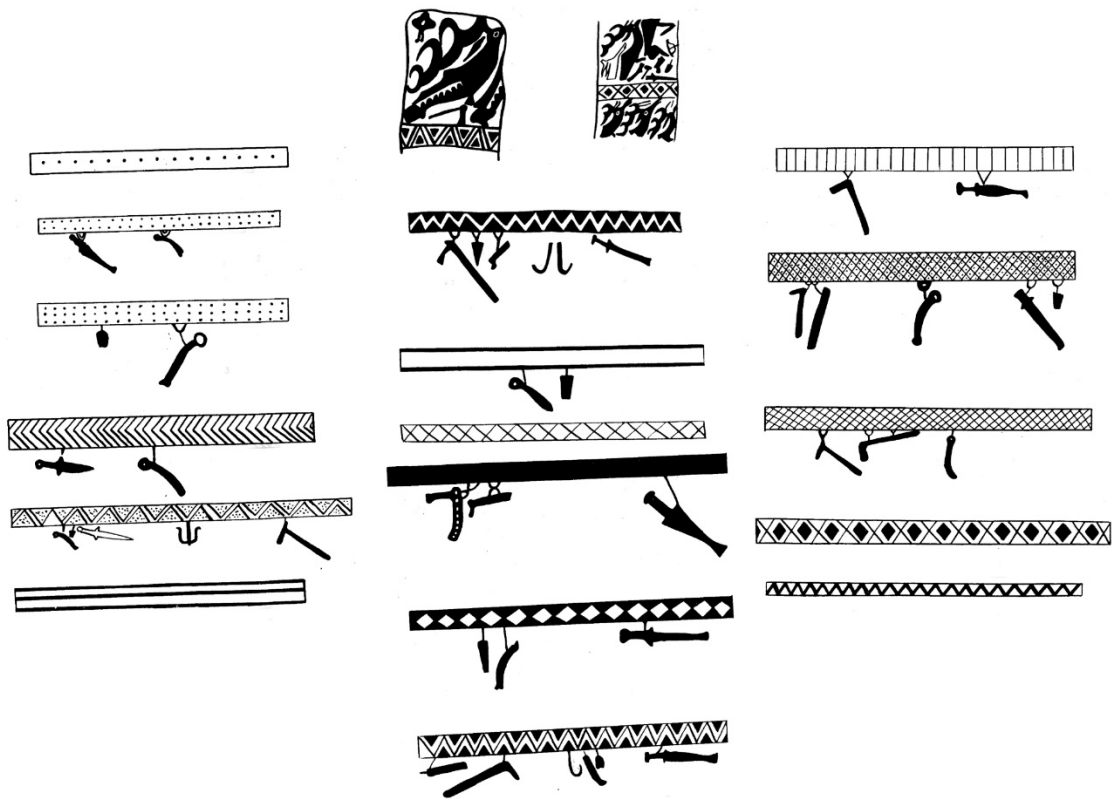

Рис. 1. Изображения поясов на оленних камнях

Рис. 2. Изображения на Иволгинском камне: 1 – передняя сторона плиты, 2 – правый борт плиты

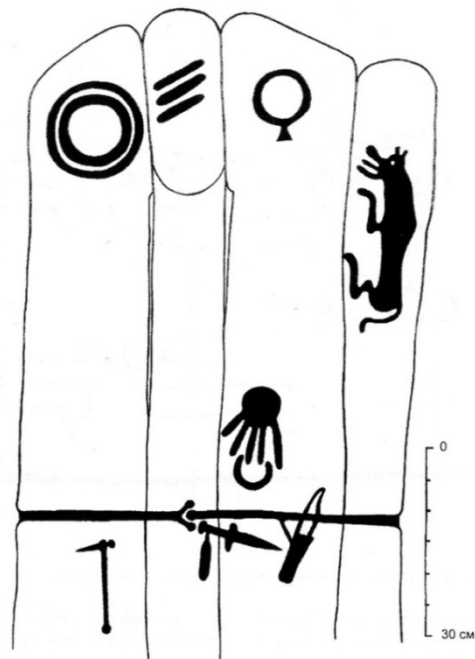

Рис. 3. Изображение пояса воина на оленнем камне

Список литературы

Вайнштейн С. И. Мир кочевников центра Азии. М., 1991. 296 с.
 Добжанский В. Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск : НГУ, 1990. 164 с.
 Килуновская М. Е., Семенов Вл. А. Оленные камни Тувы (Ч. 1. Новые находки, типология и вопросы культурной принадлежности) // Археологические вести. 1998. Вып. 5. С. 143–154.
 Килуновская М. Е., Семенов Вл. А. Оленные камни Тувы (Ч. 2. Сюжеты, стиль, семантика) // Археологические вести. 1999. № 6. С. 130–145.

Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время. Уюкская культура. М., 1970. 122 с.
 Марсадолов Л. С. «Оленные» камни из поселка Аржан в Центре Азии // Древности Евразии. От ранней бронзы до раннего средневековья. М., 2005. С. 301–311.
 Шульга П. И. О конструкции раннескифских поясов с Алтая и прилегающих территорий // Алтай-Саянская горная страна и соседние территории в древности. Новосибирск, 2007. С. 27–40.
 Шульга П. И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Барнаул : Азбука, 2008. 276 с.

Role and Significance of the Belt in the Life of a Nomad

A. G. Saryglar

This article is devoted to the study of the image of the ancient nomad belt on deer stones. Semantic meaning of the deer stone in the context of Tuvan and shaman mythology. Of particular interest are the belt and weapons depicted on the deer stone.

Keywords: Belt, deer stones, shamanism, mythology, weapons.

Сарыглар Ай-Херел Геннадьевич

студент 3-го курса

Тувинский государственный университет

e-mail: Xerelok13@mail.ru

Saryglar Ai-Kherel Gennadievich

Student 3rd years

Tuvan State University

e-mail: Xerelok13@mail.ru

УДК 902.21/397.4

Общее и особенное в этнографических рисунках на памятниках искусства Минусинской котловины и Казахстана

И. В. Сирюкин

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Петроглифы занимают особое место среди археологических памятников. Благодаря изучению наскальных изображений, исследователи имеют огромный пласт источников, несущий уточнения уже известной и новую информацию о жизни аборигенного населения.

В настоящее время уже появились публикации, в которых отражены этнографические рисунки с разных памятников наскального искусства ряда территорий. Пожалуй, наиболее многочисленны публикации таких петроглифов из Южной Сибири и Казахстана. Рисунки на данных территориях значительно обогащают репертуар наскального искусства. В этом отношении интересно сопоставить рисунки обширных ареалов петроглифов, среди которых территория Хакаско-Минусинской котловины (один из регионов, где имеется огромное количество памятников) и не менее значительный регион – территория Казахстана.

Народы, населявшие данные территории, имели общие тюркские корни, схожий скотоводческий быт, проживали в относительной близости и имели контакты в древности, что подтверждается общими сюжетами в ранних петроглифах, те же тенденции происходили и в этнографический период. Анализ петроглифов данных памятников позволит создать целостное представление о народном искусстве местного населения относительно недавнего прошлого.

На территории Хакаско-Минусинской котловины в России и хребта Каратау в Казахстане имеется много мест скопления петроглифов, содержащих так называемые этнографические, или народные, рисунки. Возможно, их слабое изучение связано с тем, что интерес исследователей в большей степени привлекают древние изображения, которым грозит уничтожение, и они нуждаются в документировании, а не «молодые» рисунки. Также многим археологам петроглифы этнографического времени кажутся неэстетичными, следствием «вырождения» изобразительных стилей.

Этнографические рисунки сохраняют черты техник прошлого, но чаще они выполнены более грубым инструментом, часто железным, хотя есть и гравированные. Набор образов: тяглые и домашние животные (лошади, собаки, верблюды и др.), антропоморфные персонажи (всадники, охотники, воины). К этому списку добавляются веяния нового времени изображения – ружья, здания, надписи на русском языке. Небрежное выполнение рисунков может быть связано с непрофессионализмом «художников», «народным» характером рисунков.

Среди петроглифов хакасов и казахов имеются общие образы: лошади, козлы, верблюды, собаки, олени. Во многом они выполнены в схожих техниках выбивки и постро-

ения фигур – им присуща поза внезапной остановки, линейная выбивка ног и незабитые тела животных, хвосты и корпус прочерчены прямой сплошной линией, которая непропорциональна длине ног, хвоста и размеру головы. Яркими примерами сходства являются рисунки лошадей из пункта Усть-Губа V на г. Тепсей и урочища Арпаузен (рис., 1, 2).

Рисунки оленей с горы Оглахты и урочища Арпаузен (рис., 3, 4) выполнены в схожей манере – для нее характерны поза внезапной остановки, непропорциональное соотношение длины корпуса и ног, небольшой размер головы, но фигуры животных забиты полностью, рога изображены ветвистыми, что делает фигуры эстетически привлекательными.

В отличие от лошадей, изображения верблюдов даже в этнографическое время передавались с большей выразительностью, хотя основу составлял тот же канон: две или четыре длинных ноги, выбитые прямой линией, иногда согнутые в суставах; крупное тело, часто забито полностью; длинная и мощная, в отличие от лошадей, шея; короткий опущенный вниз хвост (рис., 5, 6).

Среди наскального искусства этнографического времени памятников Среднего Енисея и Казахстана популярен образ всадника, имеющий широкое распространение и на других памятниках Средней и Центральной Азии в разные хронологические отрезки времени. Лошади выполнены в тех же «стандартах», что были описаны выше, антропоморфные персонажи, как и животные, схематичны и непропорциональны, у многих фигур отсутствуют ноги, часто одна рука держит поводья, вторая отведена в сторону либо опущена вниз (рис., 8–11). Помимо всадников встречаются изображения «изыхов» – духов, которых изображают как антропоморфных «героев», восседающих на лошадях, с обозначением колен (рис., 12).

Но несмотря на большое количество аналогий, общих традиций в технике и наборе образов, существуют и особенности, характерные исключительно для отдельных регионов, так же как и для памятников Казахстана и Минусинской котловины.

Отличительной чертой, присущей исключительно памятникам Казахстана, является частое изображение антропоморфных героев с ружьями. Как правило, изображался человек, припавший к фитильному ружью, установленному на сошки или без них. Фигура выбивалась по стандарту: одна рука держит ружье, вторая отведена в сторону, ноги разведены в стороны (рис., 14) [Кадырбаев, Марьяшев, 2007, с. 76–78]. Всадники на казахских петроглифах, в отличие от хакаских, часто изображаются сидящими в седле (рис., 8, 9).

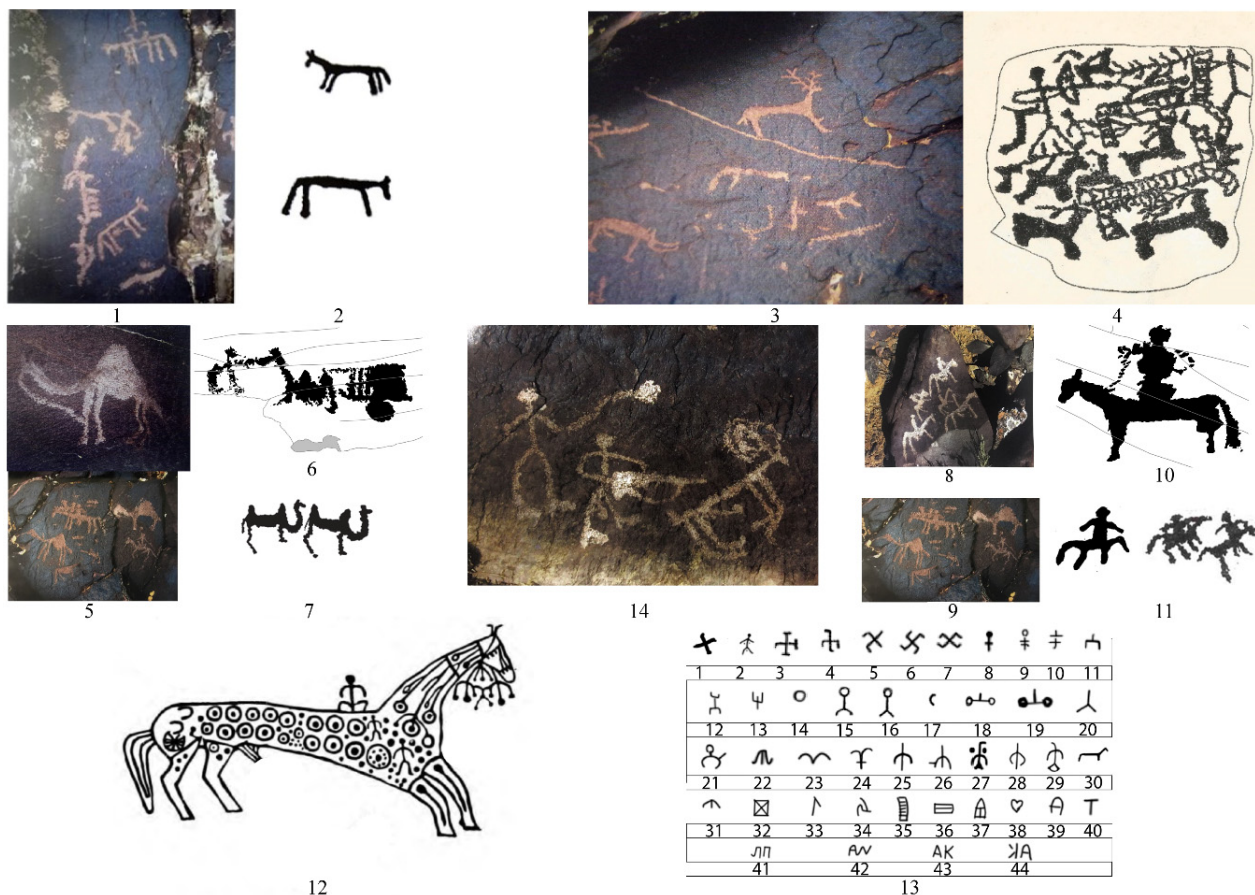

Рис. 1 – урочище Арпаузен (Казахстан) (по: [Кадырбаев, Марьяшев, 2007]); 2 – Усть-Туба V [Кызласов, Леонтьев, 1980]; 3 – урочище Арпаузен (Казахстан) (по: [Кадырбаев, Марьяшев, 2007]); 4 – Оглахты (по: [Кызласов, Леонтьев, 1980]); 5 – Арпаузен (по: [Кадырбаев, Марьяшев, 2007]); 6 – Усть-Туба V; 7 – Оглахты (по: [Кызласов, Леонтьев, 1980]); 8 – урочище Койбагар (Казахстан) (по: [Кадырбаев, Марьяшев, 2007]); 9 – урочище Арпаузен (Казахстан) (по: [Кадырбаев, Марьяшев, 2007]); 10 – Усть-Туба IV; 11 – Оглахты; 12 – Оглахты (по: [Кызласов, Леонтьев, 1980]); 13 – тамги (по: [Кызласов, Леонтьев, 1980]); 14 – антропоморфные герои (по: [Кадырбаев, Марьяшев, 2007])

Несмотря на то что по технике исполнения рисунки верблюдов практически одинаковы, среди животных на хребте Каратау чаще встречаются изображения одногорбых верблюдов (рис., 5), которые практически не попадают на территории Хакасско-Минусинской котловины, где популярен двугорбый верблюд. Также на памятниках наскального искусства Тепсей и Оглахты встречаются верблюды, запряженные в повозки (рис., 6).

В отличие от казахских лошадей, фигуры которых выполнены сплошной линией, на Оглахтах, например, встречаются кони в «блоках», на корпусах этих лошадей выбиты точки, солярные знаки, различные линии, также часто эти кони в украшенных сбруях, их хвосты выполнены двумя-тремя линиями и расширяются книзу (рис., 12).

Как было сказано выше, среди антропоморфных персонажей Казахстана существовал особый изобразительный канон, свой стандарт исполнения имеют и персонажи Оглахты и Тепсей: всадники, часто сидящие в фертообразной позе или держащие одной рукой поводья, а в другой – лук (рис., 10, 11).

Существенно отличаются памятники Минусинской котловины массовым распространением тамг – родовых знаков хакасских фамилий, которыми они метили свои территории и скот, также эти знаки наносили на предметы быта или ставили вместо подписей на документах [Кызласов, Леонтьев, 1980, с. 6, 25, 48], причем тамгообразные рисунки распространены не только на скалах, но и на курганных камнях [Советова, Шишкина, 2015]. Основная масса тамг – крестики, солярные знаки, стилизованные изображения птиц и животных, сложные геометрические фигу-

ры (рис., 13). Позднее появляются тамги, состоящие из букв русского алфавита (рис., 13).

Таким образом, даже невооруженным глазом видно, что этнографические петроглифы Казахстана и Минусинской котловины близки по технике исполнения, стилистике и набору образов. Кроме этого, на обеих территориях видны особенности, характерные для наскального искусства аборигенного населения. Оно еще не исчезает полностью, но изображения теряют былое значение, становятся примитивными, грубыми, сюжетны в основном бытовые. Нередко исследователи высказывают мнение, что поздние петроглифы утрачивают смысл, который они несли до этого, теряют связь с традицией древних рисунков [Байпаков, Марьяшев, Потапов, 2006, с. 46], зачастую народные рисунки наносятся поверх ранних изображений и располагаются в легкодоступных местах.

Возможно, что общие тенденции связаны с тюркскими корнями народов, относительной территориальной близостью и схожим скотоводческим бытом населения Хакасско-Минусинской котловины и Казахстана, схожей на обеих территориях деятельностью правительства и общества.

При этом территориальное разделение порождало собственные традиции, свойственные для каждого конкретного памятника. Даже среди близко расположенных памятников Минусинской котловины существуют различные стилистические приемы, не говоря о более отдаленном Казахстане.

Полагаю, что анализ этнографических рисунков всей Средней и Центральной Азии позволит в дальнейшем создать целостное представление об одной из самобытных

составляющих изобразительного искусства народов, населявших эти территории.

*Научный руководитель – О. С. Советова
д-р ист. наук, профессор,
Кемеровский государственный университет*

Список литературы

- Байпаков К. М., Марьяшев А. Н., Потапов С. А. Петроглифы Тамгалы. Алматы, 2006. 86 с.
Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н. Петроглифы хребта Каратау. Алматы, 2007. 147 с.
Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Народные рисунки хакасов. М.: Наука, 1980. 176 с.
Советова О. С., Шишкина О. О. Тамги на плитах оград тагарских курганов под горой Тепсей // Вестник КемГУ. 2015. № 1 (61). Т. 3. С. 88–92.

General and Special in Ethnographic Drawings on the Art Monuments of Minusinsk Basin and Kazakhstan

I. V. Siryukin

The article deals with drawings of the ethnographic time of the Khakass-Minusinsk basin in Russia and the Karatau ridge in Kazakhstan. Petroglyphs are a separate group of sources for the history of these regions. The study of petroglyphs of ethnographic time allows us to deepen our knowledge about the life of the local population, because, as a rule, in images of late times, domestic scenes are represented. Attempts are made to find Parallels among the drawings of monuments and their analysis, their General characteristics are highlighted, such as a set of images and plots, the technique of drawing images, and an attempt is made to explain why there are so many common properties of petroglyphs between monuments. Also, despite the presence of common characteristics, the stylistic, semantic and technical features of the execution of drawings peculiar to individual monuments of Khakassia and Kazakhstan are highlighted.

Keywords: rock art, ethnographic image, minusinsk basin, Kazakhstan, petroglyphs of the Karatau range, Tepsey, Oglakhty.

Сирюкин Иван Витальевич

студент 4-го курса
Кемеровский государственный университет
e-mail: ivansiryukin@mail.ru

Siryukin Ivan Vitalyevich

Student 4th year
Kemerovo State University
e-mail: ivansiryukin@mail.ru

УДК 391.4(571.5)

Эвенкийские шаманские нагрудники: общие аспекты и проблематика исследования (на примере экспонатов из фондов ИОКМ)*

Е. А. Паук¹, М. А. Байбородина²

¹*Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия*

²*Иркутский областной краеведческий музей, Иркутск, Россия*

*Работа выполнена по Гранту Правительства РФ, проект № 075-15-2019-866
«Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»

По мере того как многие предметы этнографии выходят из обихода, превращаясь в музейные экспонаты и антиквариат, зачастую искажаются интерпретации их облика и функций. Если первые этнографические сборы в Сибири проходили в условиях, когда историю и назначение предмета могли рассказать носители традиционного уклада, то сейчас эту информацию чаще можно получить из письменных источников, статей и монографий. При этом историография оставляет возможности для опубликования новых материалов, их рассматривания и анализа. В частности, это касается экспонатов из фондов Иркутского областного краеведческого музея (ИОКМ). В статье 2016 г., посвященной одежде коренных народов в фондах ИОКМ, О. А. Чернявская пишет: «Проблемы по изучению богатых материалов, хранящихся в сибирских музеях, поднимались в научных изданиях и на различных научных конференциях неоднократно, но до сих пор большинство этих собраний практически не введено в научный оборот» [2016, с. 162].

Обращение к этнографическим коллекциям – это один из способов познания многонациональной культуры России, именно в предметах этих коллекций отображается этнокультурная специфика. Данная проблематика связана также и с процессом глобализации, который аккумулирует в себе сложнейшие мини-процессы. Например, болезненно происходит приобщение индивида к другой культуре.

Поэтому в условиях адаптации к унифицированным, стандартизированным реалиям современного мира своеобразным «информационным носителем» становятся именно предметы культурного значения, в которых заключена формула: культурный ген – код – память, благодаря чему представители разных этнических групп в силу противо-

действующих факторов «узнают» друг друга. Кроме того, эстетика повседневных и ритуальных костюмов привлекательна в общекультурном плане. Она создает своеобразный визуальный язык и играет важную роль в просветительской и воспитательной работе в условиях стремительной интеграции этносов – носителей традиционных культур.

Данная статья является попыткой рассмотреть некоторые вопросы, связанные с бытованием и изучением эвенкийских шаманских нагрудников на основе научных публикаций с привлечением экспонатов из фондов ИОКМ (№ 25-11, 390-4, А486-1, А517-1, 7425-33, рис., 1–5), кроме того – наглядно показать традиционные приемы украшения нагрудника шамана и ряд других деталей шаманского костюма.

Нагрудники как часть традиционной одежды коренных народов Сибири, были неоднократно отмечены в ряде статей. В то же время шаманские нагрудники, в определенном (сакральном) содержании своей орнаментики, отличаются от «светских», аккумулируют в себе культурную память, являясь при этом очень важным показателем состояния этнической культуры в целом.

Украшения нагрудника, как и всего костюма, были проекцией миропонимания шамана, погружением в другой мир, населенный духами и наполненный мифологизацией повседневных жизненных процессов, и тем отличный от мира «непосвященных», рядовых членов этнической группы. Это подтверждается наличием (и даже обилием) антропоморфных и зооморфных изображений, своеобразных оберегов и талисманов, оформлением бахромой и перьями, и именно всему этому придавалось большое символическое значение.

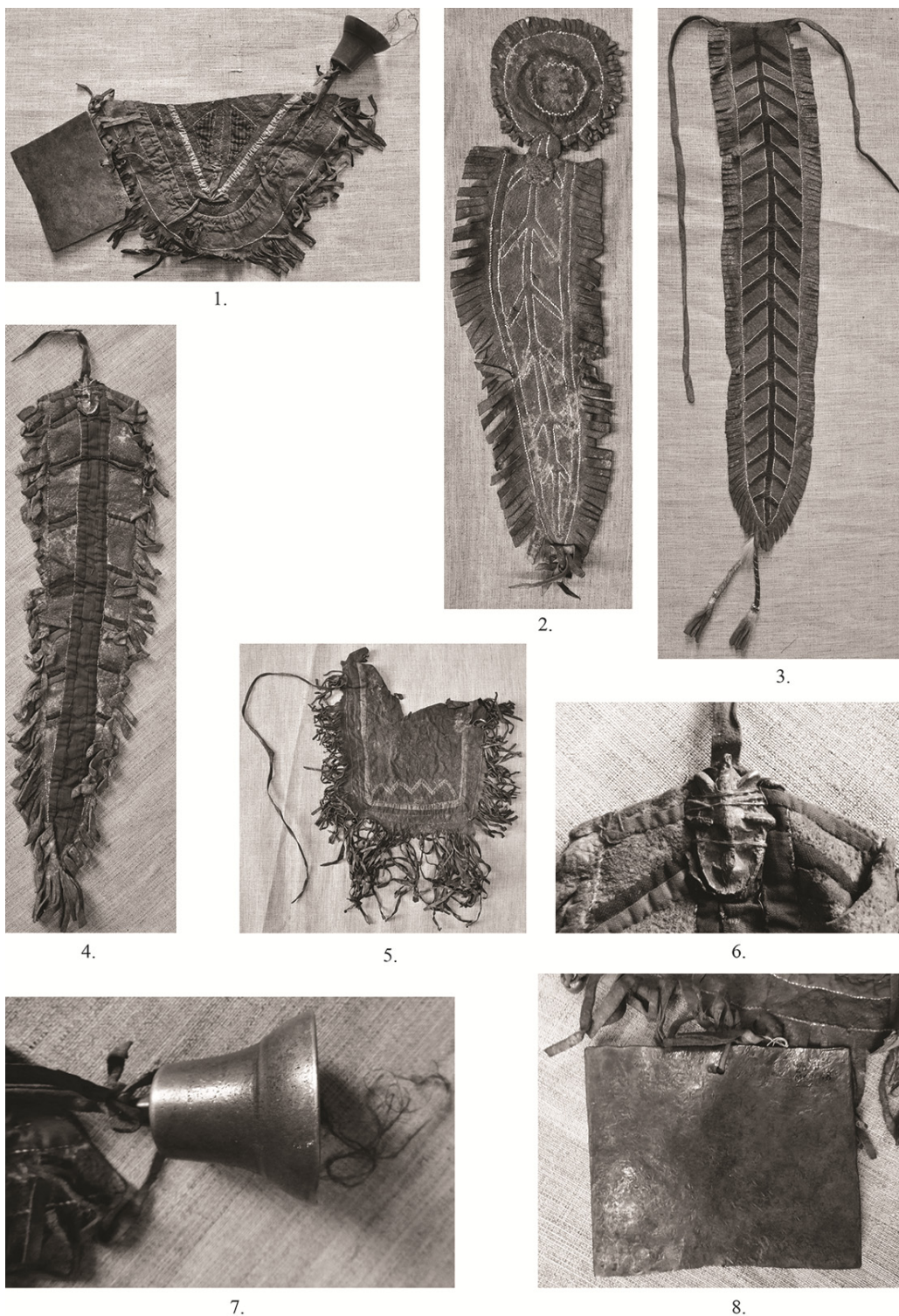

Рис. Фотографии экспонатов из фондов ИОКМ:
 1–5 – шаманские нагрудники; 6 – нашитая рельефная металлическая фигурка; 7 – колокольчик, прикреплённый к нагруднику;
 8 – металлическая пластина, прикреплённая к нагруднику

Интересным аспектом представляется эволюция нагрудника. В процессе «становления» шамана менялся покрой его костюма и соответствующих рангу атрибутов нагрудника, который приобретался в первую очередь. Указывая на то, что набор и количество ритуальных элементов нагрудника не менялись, Г. М. Василевич делает вывод, что «некогда нагрудник являлся самостоятельной одеждой или одним из первых элементов её» [Василевич, 1949, с. 42]. Древность происхождения этой части костюма автор подтверждает описанием погребения, найденного А. П. Окладниковым на Ангаре, в котором следы ракушек,

нашитых на одежду, по очертаниям совпадают с формой нагрудника эвенков [Там же, с. 54]. Таким образом, история нагрудника «удлиняется» до I тыс. до н. э.

На момент производства основных сборов музейных коллекций в Сибири общий тренд трансформации шаманского костюма можно охарактеризовать как ультраконсервативный, поскольку шаманизм является сакральной сферой, а значит, наиболее традиционной. Однако при этом на нагрудниках нередко встречаются предметы, заимствованные из русской культуры: колокольчики и даже православные кресты.

Сложной представляется и интерпретация изображённых на шаманских нагрудниках рисунков, поскольку разрыв во времени и разница в мировосприятии не всегда позволяют понять первоначальный замысел носителя данной культуры.

Четыре из пяти рассматриваемых нагрудника декорированы повторяющимися изображениями в виде вертикальной полосы и несколькими парами ответвлённых от неё линий, направленных под углом вниз (рис., 1–4), что в интерпретации Е. Д. Прокофьевой является частью общей тенденции шаманского костюма, в котором соединяются черты птицы и зверя [1971, с. 87]. Эвенкийский мотив в виде двух линий, спускающихся под углом от вертикальной, называют лапкой лебедя [Иванов, 1963, с. 306] или другой водоплавающей птицы, чаще всего гагары. Гагара в эвенкийской мифологии играла роль демиурга, а в шаманской практике – «проводника» шамана в мир духов. В случае с представленными экспонатами этот повторяющийся элемент, вероятно, воплощает собой ещё и грудные кости птицы или зверя. Это наиболее часто встречающийся мотив как на шаманских, так и на праздничных нагрудниках.

С этой точки зрения интерес представляет экспонат из сборов Е. И. Титова (№ 7425-33, рис., 5), который отличается по форме и декору от прочих четырёх. Помимо традиционной бахромы, его оформление составляет только зигзагообразный горизонтальный узор, а также бесформенные пятна – возможно, размытые рисунки. В коллекционной описи исследователь сообщает, что предметы взяты из похоронного лабаза [Коллекционные описи..., № 7425], таким образом, экспонат может быть частью нагрудника вытянутой формы. Другой предмет из его сборов (№ 25-11, рис., 1) тоже имеет своеобразную форму, но с лицевой стороны читается фрагмент «лапки гагары». Этот нагрудник, по предположению А. А. Сириной, тоже мог быть частью погребального инвентаря из лабаза [2006, с. 342].

Кроме функций медиатора, помощника в путешествии между мирами, изображения на шаманском костюме носили ещё и охранительную функцию. Одновременно с образами антропоморфных «духов», животных, птиц, в коллекциях ИОКМ имеются экземпляры нагрудников с металлическими подвесками, выполняющими охранительную

функцию, т. е. своеобразного оберега. Рассматриваемые нагрудники двух шаманских костюмов также содержат украшения из металла: русский колокольчик и пластина – на одном (№ 25-11, рис., 7, 8) и нашитая рельефная овальная фигурка – на втором (№ А517-1, рис., 6). По некоторым данным, звон колокольчиков и подвесок должен был отпугивать враждебных шаману духов.

Если говорить о принципиальных отличиях шаманского нагрудника от «светского», то следует отметить скудное украшение первого бисером.

Таким образом, шаманский нагрудник, исходя из приведённых данных, выполняет комплекс важнейших функций двухуровневого порядка: первый – практический – в качестве одежды, и второй – аккумулятора этнической памяти, культуры, своеобразного способа выражения эвенка-шамана своего видения мира. Данная тема представляется интересной для изучения, а также содержащей перспективы для дальнейших изысканий, сравнений и анализа.

*Научный руководитель – М. Г. Туров
канд. ист. наук, доцент,
кафедра мировой истории
и международных отношений,
Иркутский государственный университет*

Источники

ИОКМ. Коллекционные описи по шаманству эвенков, якутов и других народностей № 11.

Список литературы

- Василевич Г. М. Тунгусский нагрудник у народов Сибири // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л.: Наука, 1949. Т. 11. С. 42–61.
- Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 506 с.
- Прокофьева Е. Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. Сб. музея антропологии и этнографии. Л., 1971. Т. 27. С. 5–100.
- Сирина А. А. Эвенкийские коллекции Е. И. Титова (1896–1938) // Известия Лаборатории древних технологий. 2006. Вып. 4. С. 340–345.
- Чернявская О. А. К вопросу об атрибуции коллекции традиционной одежды коренных малочисленных народов Северо-Востока Сибири в фондах Иркутского областного краеведческого музея // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 4 (24). С. 162–169.

Evenk Shamanic Bibs: General Aspects and Research Problems (On the example of Exhibits from the IRMLL Funds)

E. A. Pauk, M. A. Baiborodina

The article is devoted to the description and analysis of Evenki shamanistic breastplates. Some exhibits from the collections of the Irkutsk Regional Museum of Local History are taken as an example. The general development trends of the Evenki breastplate are considered. According to archaeologists, the breastplate was one of the oldest elements of the Siberian costume, finds of such objects were recorded in the ancient burials of Siberia. The breastplate was transformed. Its shape changed, although the main function – protective from the cold – remained until the 20th century. Also Evenki believed that a breastplate could protect against hostile forces. Picture of waterfowl, such as loons, are often found on everyday, holiday, and shamanistic breastplates. Loon – a demiurge bird, its image is important in Evenk mythology.

Keywords: ethnic culture, shamanism, ornament, development trend, bib, Ethnography, Irkutsk Regional Museum of Local History, museum collections.

Паук Евгений Александрович

студент 3-го курса
Иркутский государственный университет
e-mail: evgenij.pauk.98@mail.ru

Байбородина Мария Анатольевна

научный сотрудник
Иркутский областной краеведческий музей
e-mail: kopxa@inbox.ru

Pauk Evgenii Aleksandrovich

Student 3rd year
Irkutsk State University
e-mail: evgenij.pauk.98@mail.ru

Baiborodina Mariya Anatolievna

Researcher
Irkutsk Regional Museum of Local History
e-mail: kopxa@inbox.ru

Переоформление ручного метательного оружия на примере бурятского традиционного лука

Р. М. Харитонов

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Лук и стрелы неоднократно привлекали внимание исследователей. Функциональность вместе с простотой основных принципов работы этого механизма обеспечили его популярность и надолго закрепили в культуре большинства народов мира.

В ходе комплексных исследований специалистами были описаны луки и их сохранившиеся остатки, проанализированы изобразительные и письменные источники [Бобров, Худяков, 2008, с. 79–95; Медведев, 1966]. Большое внимание уделялось процессу изготовления луков, выбору и обработке материалов [Гомбожапов, 2016; Даржа, 2008, с. 16–50].

Несмотря на большую работу, проделанную в данном направлении, некоторые моменты бытования традиционных луков остаются неосвещенными. Так, в отечественной науке еще не поднимался вопрос о возможности переоформления и ремонта луков сложной конструкции.

Как уже было отмечено, специалистами неоднократно был описан процесс изготовления традиционного лука у разных народов. Одним из основных моментов исследования являлся процесс выбора материалов, которые должны были отличаться особым качеством и не содержать дефектов, способных повлиять на работу лука. В противном случае использование было бы недолговечным.

В ходе проведения полевых изысканий в пригороде г. Улан-Удэ и Селенгинском р-не Республики Бурятия в 2019 г. нами были опрошены бурятские лучники, а также изучены и зафиксированы 8 традиционных луков, 3 из

которых подвергались ремонту. Также некоторые предметы со следами переоформления были описаны ранее [Харитонов, 2019; Харитонов, Бутуханова, 2017].

Информаторы не являлись мастерами, владеющими искусством изготовления традиционного лука, однако неоднократно занимались ремонтом предметов.

До недавнего времени считалось, что большинство целиком сохранившихся традиционных луков из музейных и частных коллекций потеряли свои свойства и не могут быть использованы по назначению – роговые пластины и деревянная основа высохли, сухожилия затвердели и потеряли свою упругость. Во избежание этого необходимы были определенный уход и условия хранения, в частности с определенной периодичностью на лук необходимо было надевать тетиву и растягивать. Так, нами было зафиксировано два предмета, которые, по-видимому, были переломлены в результате попытки натянуть тетиву после длительного периода неиспользования (рис., 1) [Харитонов, 2019]. Однако это не совсем так. Согласно данным наших информаторов, давно неиспользуемый лук, потерявший упругость, необходимо разогреть – поместить на солнечное место, растереть или пропарить. После этого предмет снова можно использовать. Сложно сказать, какие процессы происходят с материалами и как подобного рода «возвращение к жизни» влияет на боевые характеристики, однако факт того, что старинные традиционные луки по-прежнему функционируют, позволяет по-новому взглянуть на природу бытования этого вида ручного метательного оружия.

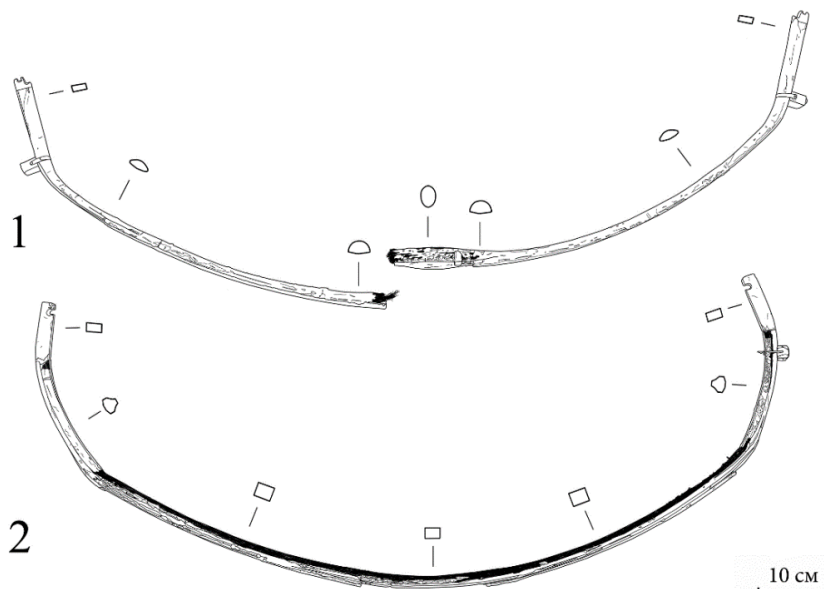

Рис. Луки Даши-Нимы Раднаевича Эрдыниева:

1 – переломленный после длительного неиспользования, 2 – переоформленный (попытка заменить часть деревянной основы)

Согласно полученным сведениям, при поломке деревянных или роговых частей, сломанная деталь заменялась новой. Для изготовления традиционных луков использовали натуральный клей, который веками сохранял свои свойства и качество склейки [Гомбожапов, 2016, с. 124]. Сочетание натуральных материалов с современными химическими клеями считалось нежелательным [Там же]. По сви-

детельствам наших информаторов, для «расклеивания» предмет нужно было длительное время пропаривать или поместить в теплую воду, и спустя некоторое время детали переставали фиксироваться между собой. После замены сломанной детали конструкция снова проклеивалась и плотно фиксировалась.

В некоторых случаях для ремонта необходимо было фактически разобрать изделие и после замены нужной детали собрать заново. Так, особый интерес представляет лук, находившийся во владении знаменитого бурятского мэргэна Д.-Н. Р. Эрдыниева (рис., 2). У предмета была частично заменена деревянная основа, при этом концы лука вместе с их деревянной основой и роговыми пластинами сохранились в нетронутом виде. Сухожилия, покрывавшие спинку лука, практически не были повреждены и без разрывов соединяли два конца лука. На животе лука были зафиксированы роговые накладки. Таким образом, после повреждения деревянной основы лук был разобран, деревянная часть между жесткими концами была заменена (фактически замененная область деревянной основы представляла рукоять и гибкие плечи), после чего новую деталь пытались приклеить к нетронутой концевым зонам. Со стороны спинки приклеивались сохранившиеся сухожилия, со стороны живота – роговые накладки. Для этого использовали уже современный клей, который выделяется на изделии.

Однако ремонт не был завершен. Об этом свидетельствуют недостающая накладка в районе рукояти, пропорции плечевых пластин, отсутствие берестяной или иной оклейки и т. д. Кроме этого, необходимого эффекта склейки между старыми частями деревянной основы и новой так и не было достигнуто. Это говорит о том, что проведенные операции не принесли ожидаемого результата.

По данным информаторов, одни старинные луки могли специально разбираться для использования их деталей для производства или ремонта других (главным образом для замены роговых пластин, так как найти в наше время рога необходимой длины весьма проблематично).

В ходе наших наблюдений также были отмечены некоторые незначительные совершенствования конструкции, связанные с исправлением кривизны лука посредством приклеивания на боковую поверхность концов небольших деревянных пластинок, укрепления отдельных частей корпуса лука с помощью обмотки [Харитонов, Бутуханова, 2017], а также переоформление, по-видимому, обломанного цельнодеревянного конца [Харитонов, 2019], однако эти операции не связаны с большими технологическими сложностями и были применены к функционирующим изделиям.

На настоящий момент сложно говорить о распространенности и тем более об эффективности ремонта традиционных луков, связанного с заменой крупных деталей, поскольку мы не имеем иных свидетельств и значительного

числа предметов с явными признаками переоформления. Следует отметить, что после такого ремонта могла несколько меняться общая геометрия изделия, однако следов переоформления и явных признаков изменения геометрии вследствие ремонта на сохранившихся бурятских луках из музейных и частных коллекций не обнаруживается.

Несмотря на это, по свидетельствам информаторов, описанные способы весьма эффективны, и таким образом было отремонтировано и восстановлено множество изделий. Кроме того, по мнению опрошенных, переломленные луки Д.-Н. Р. Эрдыниева (рис., 1) и З. Д.-Н. Дугарова [Харитонов, 2019] подлежат реставрации и могут в дальнейшем использоваться по назначению (за счет замены деревянных деталей в месте поломки).

Применялся ли подобного рода ремонт в древности или является исключительно современным явлением, связанным с исчезновением традиционного производства луков и инициативой сохранения традиционного оружия неравнодушными бурятскими умельцами, на настоящий момент сказать сложно. Однако полученные данные представляют интерес для понимания свойств материалов для изготовления луков и их возможностей, а также позволяют поставить новые вопросы в изучении ручного метательного оружия народов прошлого.

*Научный руководитель – А. И. Соловьев
д-р ист. наук, ведущ. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

- Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб. : Филол. ф-т СПбГУ, 2008. 776 с.
- Гомбожапов А. Г. Традиции изготовления лука и лучные состязания бурят // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. Вып. 3. С. 123–126.
- Даржа В. К. Традиционные мужские занятия тувинцев. Кызыл : Тувин. книж. изд-во, 2008. 592 с.
- Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М. : Наука, 1966. 128 с.
- Харитонов Р. М. Новые данные о бурятском луке (по материалам семейных архивов) // Материалы LIX Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Благовещенск ; Хэйхэ, 2019. С. 329–332.
- Харитонов Р. М., Бутуханова И. М. Бурятский лук конца XIX в. из улуса Тамча // Вест. Вост.-Сиб. гос. ин-та культуры. 2017. № 4 (4) С. 30–37.

Repairing of Hand Throwing Weapons on the Example of the Buryat Traditional Bow

R. M. Kharitonov

The article includes the study of the ways to renew the traditional buryat bows. Some features of manufacturing the items and choosing the materials are described. Complex of actions for renovation the working capacity of the bows, adjustment and bracing the damaged parts, and individual parts replacement operations are analyzed. It is showed that buryat artisans made the attempts of repairing small damages of functioning items as well as large damaged items that were not being used for a long time. Particular attention is paid to the analysis of items with traces of repair from museum and private collections. Based on the data obtained, new questions are raised in the study of the traditional bows' existence and the properties of the materials used for making them. The investigation is made on the basis of the study of private and museum collections as well as field materials which were collected by the author

Keywords: traditional bow, buryats, horn, tendon, traditional handicraft.

Харитонов Роман Михайлович

магистрант 2-го года обучения

Новосибирский государственный университет

e-mail: tengeri_ashina@outlook.com

Kharitonov Roman Mikhailovich

Graduate student 2nd year

Novosibirsk State University

e-mail: tengeri_ashina@outlook.com

Особенности адаптации нивхов, уйльта и айнов к ландшафтам о. Сахалин

Н. Л. Свистов

Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, Владивосток, Россия

Остров Сахалин расположен у восточного побережья Евразийского материка. Остров вытянут в меридиональном направлении с севера на юг на 948 км – между мысом Крильон на 45° 54' и мысом Елизаветы на 54° 24' северной широты. Площадь – 76 400 м². С запада и юга омывается теплым Японским морем, с севера и востока – холодным Охотским. На острове выделяется три крупных ландшафтных зоны. Это светлохвойная тайга в северной трети острова, средняя темнохвойная тайга в средней горной части и южная темнохвойная тайга с примесью широколиственных пород на территориях южной части острова, за перешейком Поясок [Атлас Сахалинской области ... , 1967, с. 125–129]. Внутри себя эти зоны также делятся на несколько ландшафтных районов – 4 в светлохвойной, 4 в средней темнохвойной и 2 у южной.

Такое разнообразие ландшафтов Сахалина являлось условием формирования различных систем жизнеобеспечения с древнейших времен. На момент прихода на остров русских и японцев здесь постоянно проживали уйльта (ороки), нивхи (гиляки) и айны, не только относящиеся к разным языковым семьям, но и являвшиеся носителями различных хозяйственных и культурных традиций.

Территории расселения также различались. Айны преимущественно занимали южную часть острова – от залива Анива по западному и восточному побережью до 49° северной широты.

Нивхи жили на севере острова, по обоим побережьям, а также по среднему течению р. Тымь. На Южном Сахалине – преимущественно в заливе Терпения, в устье р. Поронай.

Территория расселения уйльта – это вся центральная и северная часть острова. По восточному побережью они расселялись севернее нивхов.

Границы расселения не были жесткими – эти народы имели разнообразные, в том числе торговые, связи между собой, которые распространялись на бассейн Амура и о-в Хоккайдо.

Хозяйственная жизнь и культура аборигенов Сахалина были тесно связаны с окружающей средой. Основными промыслами островитян являлись рыболовство и охота на морского зверя. Для нивхов это было основное занятие в течение года, даже их календарь делился на месяцы, исходя из того, какая рыба в то или иное время подходит к побережью. Также в нём были отмечены сезоны охоты и собирательства.

Похожий календарь был и у айнов. Они делили год на два больших сезона – холодный таёжный и теплый морской. Холодный сезон считался началом нового годового цикла. В это время добывали таежных зверей, занимались подледной ловлей. Теплое время года айны посвящали рыбной ловле. Выловленная в это время рыба употреблялась в пищу до следующего теплого сезона.

Уйльта, при переселении на остров, принесли с собой оленеводство, которое также адаптировалось к специфике островных ландшафтов. Именно оленеводство обусловило территорию их расселения – на севере острова находятся равнинные зоны, подходящие для пастбищ. Ограниченность ресурсов не позволяла держать большие стада оленей, поэтому в пищу их употребляли очень редко. В основном оленей использовали для передвижения. Летом и зимой олени находились на вольном выпасе рядом со стойбищем. В это время сами уйльта занимались рыбной ловлей или охотой. Ограничение на размер стада имело и свои плюсы – пастбища восстанавливались значительно быстрее и могли быть использованы несколько лет подряд. Благодаря этому сложились определенные марш-

руты, по которым осуществлялись сезонные миграции/кочевки [Подмаскин, 2019, с. 42]. В соответствии с этапом миграции и новым географическим положением изменялись и занятия уйльта.

Народы Сахалина очень хорошо знали и понимали окружающее их пространство. Об этом можно судить по многим аспектам их культуры.

И уйльта, и нивхи, и айны знали, что их земля – это остров. В их фольклоре часто встречаются описания конкретных частей острова и окружающих его территорий. Нивхи представляли свой остров в виде большого живого существа – «Ых-миф» [Санги, 1967, с. 7]. Северная оконечность была головой этого существа, а южная – ногами. Эти же выражения служили и для обозначения севера и юга. Е. А. Крейнович приводит следующее описание острова нивхами: «Сахалин – это *н''а* – зверь. Его голова *мифтён''-к''р* (букв.: «земли голова») лежит на Севере (*к''эк''рэрк''н''* – букв.: «в верхней стороне»), а ноги *миф н''атых* (букв.: «земли ноги») – на юге. Лес на нем – это все равно как его шерсть, а мы, люди, все равно как вши в его шерсти» [Крейнович, 1973, с. 54]. Уйльта также знали и использовали обозначение «земли – головы» для севера Сахалина [Миссонова, 2013, с. 161]. Айны называли Сахалин «Земля, сотворенная богами в устье реки» или «Земля, к которой причаливают» [Сарасина Гэндзо, 2014, с. 76]. Из этих названий наглядно видны географические представления этого народа.

Язык коренных народов Сахалина отличается конкретностью – большим количеством терминов для конкретных действий и меньшим количеством абстрактных понятий и обобщений [История и культура ... , 2008, с. 225]. На материалах языка хорошо видны особенности жителей островных территорий. Очень интересные примеры есть в языке у нивхов. У них для каждого варианта перемещения есть конкретное определение. Направления движения «к морю» / «к берегу» / «вниз» обозначаются одним словом, равно как и движение от моря / от берега / в гору / вверх. Точно так же спуск вертикально вниз и подъем вертикально вверх в буквальном переводе означают соответственно нырнуть и вынырнуть. Есть отдельные обозначения для западного берега – т. е. берега напротив материка, и для восточного – смотрящего в океан [Штернберг, 1908, с. 39].

Похожие моменты можно встретить и в языке уйльта. У них есть специальные термины для обозначения Северо-Восточного морского ветра – *талзе* и материкового западного – *дувве*. Этими же словами обозначаются и берега острова: Восточный – морской и Западный – материковый. Собственно, материк носит название «большая земля» – *дају-на* [Сравнительный словарь ... , 1975, с. 190]. А также есть специальное слово для обозначения местности, где ныне находится г. Николаевск-на-Амуре, – *Дау* [Миссонова, 2013, с. 190]. Дословно оно переводится как место «перехода на лодке», что еще раз подчеркивает наличие прочных связей между материком и островом.

После переселения на остров все три народа успешно адаптировались к новым ландшафтным нишам. В их культурах можно проследить как общие моменты, характерные для островных и прибрежных территорий Юга Дальнего Востока (такие как ориентация в основном на ресурсы моря, смена вида деятельности вслед за сменой сезона и т. д.), так и специфические, характерные исключительно для народов о. Сахалин. Среди последних особое место занимают категории времени и пространства. Прежде всего это географические представления об окружающей

местности. Коренные малочисленные народы Сахалина не только знали и хорошо приспособились к окружающей их местности, но и имели представление о том, как выглядит их земля, где она располагается относительно материка и т. д. Названия сторон света и названия сезонов года также были связаны не столько с солнцем и температурой, сколько с уже отмеченными географическими знаниями о территории. Эти примеры показывают особенности восприятия мира и важные для народа единицы в нем. Через изучение и сравнение этих единиц можно получить ответы на вопросы о процессе адаптации этих народов. Например, о времени появления этой культуры на острове.

*Научный руководитель – Ю. В. Латушко
канд. ист. наук, ведущ. науч. сотр.,
зав. лабораторией антропологии
Северной Пацифики,
Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН*

Features of Adaptation of the Nivkhs, Uilts and Ainu to the Landscapes of Sakhalin Island

N. L. Svistov

The article describes some of the features of adaptation of indigenous minorities people of Sakhalin Island. Data on the economic and cultural types of these peoples are given. Special attention is paid to their knowledge of the geography of Sakhalin and its surrounding territories. The indigenous peoples of Sakhalin not only knew and adapted well to the surrounding area, but also had an idea of what their land looks like, where it is located relative to the mainland, etc. Evidence of this can be found in the folklore and languages of these peoples. By studying and comparing these data, you can get answers to questions about the process of adaptation of these peoples.

Keywords: Sakhalin Island, Adaptation, Indigenous culture, traditional nature management.

Свистов Никита Леонидович

аспирант 1-го года обучения
Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН
e-mail: Svistov_N.L@bk.ru

Svistov Nikita Leonidovich

Postgraduate student 1st year
Institute of History, Archaeology and Ethnography FEB RAS
e-mail: Svistov_N.L@bk.ru

УДК 904(571.51)

Материалы из раскопок погребений качинцев и аринцев в Красноярском лесостепном районе в сопоставлении со сведениями письменных источников XVIII века

Е. В. Зеленина

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Из сведений письменных источников XVII–XVIII вв. известно, что еще до строительства в 1628 г. Красноярского острога в Красноярской лесостепи проживали тюркоязычные качинцы и кетоязычные аринцы. Часть из них в 20-е гг. XVIII в. переселилась в минусинские степи, в последующем составив одну из групп современного хакасского этноса. Оставшиеся же на месте позднее вошли в состав местного русского населения. Относительно этих двух разноэтничных групп имеется довольно значительное количество сообщений письменных источников. Кроме того, в окрестностях г. Красноярска было раскопано несколько могильников и отдельных погребений, датированных XVII–XVIII вв. В связи с этим становится возможным проведение перекрестного анализа письменных и археологических источников в целях верификации сведений различного дисциплинарного происхождения. Результаты такой работы будут весьма актуальны в рамках исторического сибиреведения.

Всего в данном районе известно 6 раскопанных погребальных памятников качинцев и аринцев – Монашка, Высокое, Бадалык, Шишка, Березка и Солонцы, открытых и исследованных в 1980-х гг. археологическим отрядом НГУ на левобережье р. Качи. Следует также использовать материалы из одиночного погребения аринца у пос. Иннокентьевский (раскопано в 1957 г. В. П. Киселевым).

Как и русские документы XVII–XVIII вв., о смешанном этническом составе Качинской земли упоминал

Список литературы

- Атлас Сахалинской области. М. : Глав. упр-е геодезии и картографии при Совете Министров СССР, 1967. 135 с.
История и культура нивхов: историко-этнографические очерки / отв. ред. В. А. Тураев. СПб. : Наука, 2008. 268 с.
Крейнович Е. А. Нивху. М. : Наука, 1973. 494 с.
Миссонова Л. И. Лексика уйльта как историко-этнографический источник. М. : Наука, 2013. 334 с.
Подмаскин В. В. Динамика численности и территории природопользования Уйльта (Ороков) Сахалина (XIX–XXI вв.) // Изв. Рус. географ. общества. 2019. № 4. С. 40–49.
Санги В. М. Легенды Ых-мифа. М. : Советская Россия, 1967. 223 с.
Сарасина Гэндзо. Айну дэнэцусю («Собрание айнских легенд») // Письменные памятники Востока. 2014. № 2 (21). С. 56–79.
Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / Отв. ред. В. И. Цинциус. Л. : Наука. 1975. Т. 1. 672 с.; Т. 2. 992 с.
Штернберг Л. Я. Материалы по изучению гиялцкокого языка и фольклора, собранные и обработанные Л. Я. Штернбергом. СПб. : Императорская академия наук, 1908. Т. 1. Ч. 1. 232 с.

По сведениям С. П. Крашенинникова, исследовавшего в 1730-х гг. погребальный обряд качинцев, известно, что они применяли два способа погребения – труположение и трупобожжение: «...иных в каменю хоронят, а иных ежели сами прикажут, со всеми своими платьями и ружьем, которым они владели, сожигают...» [Степанова, 1966, с. 61]. Это подтверждается материалами раскопок. Так, могильник Высокое состоял из погребений, выполненных по обряду труположения с трупобожжением; оба одиночных погребения (Березка и Солонцы) также имели следы трупобожжения. При таком обряде огонь применялся перед положением умершего в могильную яму, разводился поверх внутримогильного сооружения или самого умершего. В этих погребениях встречались фрагменты жженных костей как животных, так и людей, например в погребении № 8 могильника Монашка [Скобелев, 1985, с. 18]. Имели на себе следы огня и некоторые обнаруженные вещи из состава погребального инвентаря.

В нескольких погребениях встречались кости крупных животных – баранов, лошадей и телят. Эти животные играли важную роль в жизни коренного населения и во многом определяли его образ жизни. И. Навишошников отмечал, что аринцы заботятся о своем скоте как об основном источнике богатства: «...и детей своих обучают как мужской, так и женский пол ездить на конях с младенчества» [Безьязыков, 2004, с. 281, 284, 403]. По свидетельству геодезиста Е. Пестерева, богачи-качинцы имели только лошадей по 30–40 табунов и продавали их русскому населению [Потапов, 1957, с. 104]; при похоронах богача на могиле покойника обязательно закалывали лошадь, на которой он ездил [Там же, с. 164]. И. Навишошников писал то же самое об аринцах: «...и над мертвыми чинят поминовенье: пьют вино и бьют коня, и то мясо над тем мертвым сварят и съедят, а голову и гриву, и хвост повесят над тем мертвым для знака» [Там же, с. 96–97].

У качинцев существовали некоторые виды домашнего ремесла. По сообщению П. С. Палласа, женщины ткали, из кожи шили обувь и посуду, а мужчины из дерева делали домашнюю утварь, изготавливали седла [Там же, с. 104]. В некоторых источниках встречается информация, что среди качинцев имелись специалисты-ремесленники по изготовлению «седел красных добрых», которые продавали казакам [Кызласов, 1993, с. 148]. Так, в погребении № 1 могильника Монашка находились деревянная мисочка и ложка [Скобелев, 1985, с. 17], в погребениях № 1 и 2 могильника Шишка обнаружены остатки двух берестяных туесков, а в погребении № 8 могильника Высокое найден комбинированный сосуд из дерева и бересты [Скобелев, 1988, с. 28]. В нескольких погребениях выявлены остатки седел. Так, в могиле № 8 могильника Монашка деревянная основа седла действительно имела насыщенный красный цвет [Скобелев, 1985, с. 17]. В погребении № 5 этого же могильника было найдено седло с фрагменты кожаных ремней и двумя накладками, а в кургане № 8 могильника Высокое еще одно седло с остатками сбруи [Скобелев, 1988, с. 28].

Г. Ф. Миллер свидетельствовал, что у качинцев луки были в широком употреблении [Потапов, 1957, с. 112] и

использовалось множество разнообразных видов стрел в зависимости от их назначения [Миллер, 2009, с. 299, 302, 306–308]. И. Навишошников писал об аринцах: «...и как придут в возраст, то мужской пол обучают из луков и из пищалей» [Безьязыков, 2004, с. 284]. Действительно, в могиле № 8 могильника Монашка были обнаружены остатки цельнодеревянного лука «лесного типа» [Скобелев, 1985, с. 18]. Особый интерес представляет сложносоставной лук уникальной S-образной формы из погребения № 2 этого же могильника [Скобелев, 1985, с. 12]. В могиле № 3 могильника Бадалык был найден сильно коррозированный крупный плоский наконечник стрелы [Скобелев, 1988, с. 22], а в Иннокентьевском погребении – три железных наконечника разнообразных форм и один костяной.

Мунгучаков описывал внешний вид качинок: «...в ушах носят серьга большие, кольца и каменья кладут хруст...шур и потом к той шуре навешивают бисер и жемчуг китайский...» [Безьязыков, 2004, с. 25–26]. В могиле № 1 могильника Монашка были обнаружены бронзовый щитковый перстень и два фрагмента крупной ажурной серьги из серебра. В районе шеи погребенного находились в беспорядке 12 бусин голубого и темно-синего цветов из стекла [Скобелев, 1985, с. 12]. В погребении № 5 этого же могильника была обнаружена тонкая бронзовая проволочка, изогнутая в виде знака «?», с двумя янтарными бусинами на прямом участке стержня.

Таким образом, судя по нескольким приведенным выше фактам археологического характера, сведения письменных источников XVII–XVIII вв. об этнической культуре проживавших в Красноярской лесостепи качинцев и аринцев в целом можно считать достоверными, достаточно полными и уточняющими материалы археологии.

*Научный руководитель – С. Г. Скобелев
канд. ист. наук, доцент, кафедра археологии и этнографии,
Гуманитарный институт, Новосибирский
государственный университет*

Список литературы

- Безьязыков Л. В. Приложения // Красноярск изначальный. Красноярск : Краснояр. кн. изд-во, 2004. 403 с.
- Красноярск: от прошлого к будущему: Очерки истории города / В. В. Куимов, В. Ф. Федорова, Г. Ф. Быконя, П. И. Пимашков, Ю. А. Кирюшин. Красноярск : РАСТР, 2013. 640 с.
- Кызласов Л. Р. История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М., 1993. 523 с.
- Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. М. : Памятники исторической мысли, 2009. 456 с.
- Потапов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан : Хакас. кн. изд-во, 1957. 307 с.
- Степанова Н. Н. С. П. Крашенинников в Сибири: Неопубликованные материалы. М. : Наука, 1966. 176 с.
- Скобелев С. Г. Отчет об археологических раскопках и разведках позднесредневековых памятников в Бейском, Большеулуйском, Емельяновском, Минусинском, Новоселовском и Орджоникидзевском районах Красноярского края в полевом сезоне 1985 г. // Архив ЛГИ НГУ. Новосибирск, 1985. 82 с.
- Скобелев С. Г. Отчет об археологических раскопках в Бейском, Емельяновском, Новоселовском и Шушенском районах, об археологических разведках в Боградском и Сухобузимском районах Красноярского края в полевом сезоне 1987 г. // Архив ЛГИ НГУ. Новосибирск, 1988. 195 с.

Materials from Burials of Kachins and Arins in Krasnoyarsk Forest-Steppe Region in Comparison with Written Sources of the 18th Century

E. V. Zelenina

The article compares information about Kachins and Arins in Krasnoyarsk forest-steppe region in the written sources of the 18th century to the data collected from excavations of burial complexes of these peoples by the archaeological team from NSU (and one burial excavated by V. P. Kiselev) in our time. This comparison allows the verification of information about Kachins and Arins given by the travelers and ethnographers of the 18th century, as well as getting a better understanding of the culture of these peoples. Some information from these written sources about the ethnic culture of Kachins and Arins in Krasnoyarsk forest-steppe region was confirmed by the archaeological material from burial complexes of these peoples collected by the archaeological team from NSU and one burial excavated by V. P. Kiselev.

Keywords: Krasnoyarsk forest-steppe region, Kachins, Arins, written sources, burials, culture.

Зеленина Елизавета Витальевна
студент 4-го курса
Новосибирский государственный университет
e-mail: zeleninaliza@gmail.com

Zelenina Elizaveta Vitalievna
Student 4th year
Novosibirsk State University
e-mail: zeleninaliza@gmail.com

Гончарство русского населения Западной Сибири в XVIII – начале XX в. по этнографическим и археологическим источникам

К. О. Сопова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия

Изучение материальной культуры населения Западной Сибири позволяет проследить процессы культурной адаптации русских в условиях Сибири, показать механизм взаимодействия традиций и новаций, выявить роль межкультурных коммуникаций, вычлнить локальную специфику. Гончарство русского населения в Сибири является одним из компонентов культуры, освещающих данные аспекты. Огромная значимость керамики как особой категории археологических и этнографических источников заключается, прежде всего, в массовости ее распространения – никакой другой вид археологических остатков не встречается так часто и в таком изобилии. Актуальной проблемой остается создание типологий этнографических керамических коллекций [Мамонтова, 2015].

Работ, посвященных анализу керамического материала Западной Сибири, немного. Отдельные аспекты истории становления и развития гончарства, технико-технологических традиций, функций глиняной утвари русских Западной Сибири рассматривались в ряде этнографических, археологических, исторических публикаций.

Коллекцию керамической посуды Мангазеи – первого русского заполярного города XVII в. в Сибири исследовали М. И. Белов, О. В. Овсянников, В. Ф. Старков. О. В. Овсянниковым была предложена классификация керамики мангазейского городища [Белов, Овсянников, Старков, 1981].

Исследованием археологической керамической посуды Тобольска занимались А. М. Аношко, Т. В. Селиверстова, И. В. Балюнов. Было выделено морфологическое разнообразие керамических сосудов из раскопок г. Тобольска [Аношко, Селиверстова, 2009]. Сделан вывод о производстве в Тобольске большого ассортимента гончарной продукции. Мастера изготавливали горшки, миски, сковороды и корчаги.

Изучению глиняной посуды посвящены работы Л. В. Татауровой. По материалам русских поселенческих комплексов Омского Прииртышья исследовательница изучает и выделяет типы русской посуды. Л. В. Татауровой была предложена типология этнографической посуды [1998].

Объектом исследования является материальная культура русского населения Западной Сибири в XVIII – начале XX в. Предметом – изучение гончарства как части материальной культуры русского населения Западной Сибири по археологическим и этнографическим источникам; выявление закономерности, сопоставление этнографического и археологического материала.

Цель работы – изучить керамическое производство на основе этнографических коллекций, выявить место гончарства в хозяйственной и культурной жизни общества, проанализировать многообразие гончарных форм, а также найти аналогии среди археологических материалов.

Хронологические рамки работы определены XVIII – началом XX в. В это время происходит планомерное освоение территории Западной Сибири русским населением, основывается большинство русских поселений, налаживается керамическое производство.

Источниковой базой для исследования послужили этнографические коллекции керамики Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника и Большереченского историко-краеведческого музея. Кроме того, в качестве источника использовались коллекции керамики, полученные при раскопках памятников XVII–XIX вв. в Омской

области, а именно материалы раскопок русского комплекса Ананьино I и материалы раскопок Тарской крепости в г. Таре.

Были разработаны сравнительные таблицы для обработки массива керамики, которые включают следующие параметры: тип сосуда, датировку и место сбора, форму венчика и размерные характеристики (диаметр венчика, дна, максимальный диаметр тулова, общая высота и шейки). Данная информация позволит нам сопоставить характеристики этнографической и археологической посуды, а также выявить эталонный тип посуды.

Из этнографической коллекции керамики Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника было обработано 68 сосудов. Из них выделяются 17 типов посуды. К кухонной посуде относятся 6 типов: горшки, крынки, корчаги, банки, ладки, опарницы. К столовой посуде относятся 9 типов: кружки, стаканы, миски, перечница, сахарницы, сливочники, кувшины, вазы, горшочки для масла. Два типа относятся к бытовой посуде – цветочный горшок и ваза. Наиболее распространенные типы из исследованной тобольской этнографической керамики – горшки, крынки и латки. Диаметры венчиков горшков варьируются от 7,5 до 25 см, высотой горшки от 9,4 до 28 см. Характерна обработка поверхности – покрытие глазурью темно-коричневого и зеленого цвета. Размеры диаметров крынок варьируются от 9,6 до 22 см, высота – от 13 до 24 см. Большинство сосудов покрыты светло-коричневой, охристой глазурью. Встречаются разного вида сосуды для замешивания теста – латки (с ручками, трапециевидной или цилиндрической формы). Латки невысокие, встречаются сосуды от 7,5 до 14 см. Диаметр латок 20,5–31 см.

Из этнографической коллекции керамики Большереченского историко-краеведческого музея был проанализирован 81 сосуд. Удалось выявить 15 типов посуды. Из них к кухонной посуде относятся: горшки, кубышки, бочонки, жбаны, корчаги и крынки. К столовой посуде относятся: кувшины, бутылки, графины, енды, кружки, стаканы, миски, чайники и рюмки. Из всех типов наиболее часто встречаются горшки, крынки и кувшины. Для крынок характерны следующие размерные характеристики: диаметр по венчику от 11 до 13 см, высота – 15–26 см. Из дополнительной обработки поверхности часто встречается светло-коричневая, красно-коричневая глазурь и орнаментация волнистыми линиями. Кувшины представлены сосудами с небольшими диаметрами венчика (от 4 до 13 см). Проанализированные кувшины отличаются более разнообразной дополнительной обработкой поверхности. Многообразна палитра глазурей, которыми покрыты кувшины: светло-коричневая, яркая красно-коричневая глазурь. Встречаются кувшины, покрытые глазурью зеленого, голубого, желтого цвета. Кувшины орнаментированы горизонтальными линиями, встречается растительный орнамент.

Кроме этнографических коллекций была исследована археологическая керамика из раскопок русского поселения XVII–XIX вв. Ананьино I и раскопок Тарской крепости. Для анализа были взяты археологически целые формы, всего 47 сосудов. По аналогии с работой над этнографической керамикой, была составлена сравнительная таблица и проанализированы аналогичные параметры. Среди исследованной археологической керамики нам встретилось 6 типов посуды. Из них к кухонной посуде относятся: горш-

ки, корчаги и латки. К столовой посуде – миски, сливочники, солонки. Наиболее представленный тип – горшки (27 сосудов). Размеры диаметров горшков варьируются от 8 до 21 см, что соотносится с параметрами диаметров горшков этнографических коллекций. Высота горшков археологических коллекций от 6 до 21,5 см. Отсутствие большого разнообразия дополнительной обработки поверхности – отличительная особенность археологической керамики. Среди исследованной посуды встречаются такие виды обработки поверхности, как лощение, заглаживание и оплетка из бересты.

Проанализировав русскую этнографическую и археологическую керамику Западной Сибири, выяснилось, что горшок является наиболее часто встречающимся типом посуды. Доминирование горшков над остальными типами посуды свидетельствует об их многофункциональном назначении. Они использовались для приготовления горячей пищи, хранения продуктов, а также других бытовых нужд [Татаурова, Сопова, 2017].

Предложенный метод работы с керамикой позволит изучить множество аспектов данного источника с разных сторон, а также сопоставить археологические и этнографические коллекции керамики. Составление единообразных сравнительных таблиц для анализа массива керамического

материала и их анализ позволят выявлять новые данные на основе сравнения морфологических параметров и размерных характеристик.

*Научный руководитель – И. В. Чернова
канд. ист. наук, доцент,
кафедра этнологии, антропологии, археологии и музееведения,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского*

Список литературы

- Аношко А. М., Селиверстова Т. В. Характеристика русской гончарной посуды из раскопок на территории Верхнего посада г. Тобольска // Вест. Тюмен. гос. ун-та. 2009. № 7. С. 80–90.
- Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. М.: Наука, 1981. Ч. 2: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. 148 с.
- Мамонтова О. С. Гончарство русского населения Алтая в конце XIX – первой половине XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2015. 25 с.
- Татаурова Л. В. Типология русской керамики (по этнографическим материалам) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск, 1998. Т. 3. С. 88–123.
- Татаурова Л. В., Сопова К. О. Современные подходы и методы в изучении русской керамики Нового времени // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2017. С. 133–141.

Russian Pottery of Western Siberia in the 18th – Early 20th Centuries According to Ethnographic and Archaeological Sources

K. O. Sopova

Russian archaeological ceramics remains an unexplored element of culture, especially in the territory of Western Siberia. Today Siberian collections are almost not systematized and a few publications. The study of the material culture of Western Siberia allows us to trace the processes of cultural adaptation to show the mechanism of interaction between traditions and innovations, to identify the role of intercultural communications, and to isolate local specifics. The pottery of the Russian population in Siberia is one of the components of culture that illuminates these aspects.

Keywords: Russian pottery, western Siberia, typology, archaeological ceramics, ethnographic ceramics.

Сопова Кристина Олеговна

магистрант 2-го года обучения
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
e-mail: sopovaukropova@gmail.com

Sopova Kristina Olegovna

Graduate student 2nd year
F. M. Dostoevsky Omsk State University
e-mail: sopovaukropova@gmail.com

УДК 628.11 (571.150)

Водообеспечение сельских населенных пунктов Алтайского края в конце XIX – XXI вв. как часть культуры жизнеобеспечения

А. С. Свидовская

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

*Работа выполнена по гранту РФФИ, проект № 19-09-00487

«Деревня традиционная и модернистская: этнографическое изучение стратегий освоения пространства сельских территорий юга Западной Сибири»

Усиление внимания в отечественной историографии к особенностям жизнеобеспечения различных этносов в процессе их существования относится к 1980-м гг.: В. И. Козлов, Н. А. Дубова, Т. И. Алексеева и др. Изучение культуры жизнеобеспечения (далее – КЖ) населения Западной Сибири, начиная с 2000-х гг., рассматривается как междисциплинарная исследовательская сфера, объединяющая специалистов в области истории, антропологии и устной истории. Особый вклад в разработку данной тематики внесли О. Н. Шелегина, Т. К. Щеглова. Проработана теоретическая основа и опробованы методологические разработки в сфере изучения КЖ населения Западной Сибири.

С. А. Арутюнов, Э. С. Маркарян под КЖ понимают «процесс экологической адаптации общества к природной среде путем ее соответствующего социально-организованного территориального освоения, которое выражается в поселениях и образующих их жилищах, путем производства необходимых для поддержания жизни людей пищевых продуктов и одежды» [Культура ... , 1983, с. 35–36]. Вопросы водообеспечения (совокупности мероприятий по обеспечению водой населения) – основополагающие аспекты КЖ сельского поселения.

Водные ресурсы Алтайского края (далее – АК) представлены поверхностными и подземными водами. Несмотря на высокую водообеспеченность региона, в пределах административных единиц АК она неоднородна. Специалистами выделено четыре зоны по степени обеспеченности ресурсами подземных вод: от районов, где удовлетворены нужды потребителей в полной мере, до мест, которые считаются недостаточно обеспеченными. К районам, частично или недостаточно обеспеченным пресной водой, относятся около половины районов АК, находящихся в основном в степной и лесостепной его части [Заносова, 2011, с. 21]. Часть их в 2019 г. обследована автором.

В связи с активизацией переселенческого движения на территорию Алтайского округа, с конца XIX в. переселенцы в условиях изменения природно-географических, социально-культурных условий проживания были вынуждены адаптироваться к новым условиям и, в первую очередь, обеспечивать себя питьевой водой и искать источники для удовлетворения хозяйственных нужд. В годы Столыпинской аграрной реформы расходы на гидротехнические работы взяло на себя государство.

В отличие от старожильческого населения, начавшего освоение округа еще до конца XIX в. и селившегося по берегам рек и озер – в восточной предгорной части Алтайского округа, в процессе расселения большого потока переселенцев происходило освоение менее удобных для проживания мест: расширение поселений и создание новых населенных пунктов, удаленных от источников поверхностных вод. Необходимость в колодцах как источниках воды для хозяйственных и питьевых нужд возросла. Число их в населенном пункте зависело от глубины залегаемых подземных вод и стоимости его сооружения.

Сельские жители для нахождения места под колодец руководствовались народными приметами, сооружали деревянный сруб и крышку. В безлесных частях края проблемным было сложить деревянный колодезный сруб в связи с отсутствием материалов: «Не до воды сруб, а только сверху. А там по бокам – глина. Не с чего было делать. Делали каркас для колодца не с бруса ... горбыли, у кого же там было» [ПМА 1].

Воду для полива, скота и других хозяйственных нужд могли брать как в логах, которые наполнялись снеговыми водами, так и в прудах, которые специально сооружались силами сельчан или государством.

В 1950-х гг. начинается укрупнение колхозов и ликвидация неперспективных сел, практикуется колхозное домостроительство, приведшее к разрастанию населенных пунктов. В связи с этим происходит изменение системы водообеспечения – начинается проектирование и строительство водопроводных систем в селах. Если за 7 послевоенных лет (1947–1953 гг.) в сельской местности было построено 376 водозаборных скважин, то в последующие 7 лет – 2867. Наиболее распространенным техническим решением для обеспечения водой небольшого населенного пункта, колхозного и совхозного хозяйства являлось строительство водонапорной башни, в более крупных селах – насосной водозаборной станции. От них уже прокладывали водопроводную сеть.

В районах, где подземные источники воды труднодоступны и качество их неудовлетворительно, до строительства водопроводов в зимнее время года использовали практику развоза воды: «Тогда была специально на санях большая бочка ведер на 50, и вот развозили по дворам. Зимой вот привезут, и мать моя черпает, наливает кадушку, чтобы там корове дать, себе попить и сварить. Пять копеек ведро [стоило]» [ПМА 2].

С 1960-х гг. в сельской местности устанавливаются водозаборные колонок, приспособленных для подачи воды из системы централизованного водоснабжения при отсутствии домовых водопроводных вводов: «Уже в 1960-ом колонки были у нас – вот так с двух сторон [улицы]. Колонки были чугунные, вниз на ручку нажмешь – вода идет. А потом начали от этих колонок трубы проводить – кто в дом, кто во двор летом» [Там же].

Для обеспечения водными ресурсами районов, где подземные воды имеют некачественный состав, были разработаны проекты групповых межрайонных и межхозяйственных водопроводов. В АК были разработаны проекты переброски пресных подземных вод с помощью шести групповых межрайонных и межхозяйственных водопроводов (Чарышский, Родинский, Каменский, Волчихинский, Локтевский, Рубовский). Однако строительство фактически велось только на Чарышском межрайонном водопроводе с охватом 82 населенных пунктов в 7 районах АК, но и там с 1994 г. ввод в эксплуатацию новых участков водопровода был остановлен.

В некоторых селах АК колодцы – основное место, где брали и берут питьевую воду. Во второй половине XX в.

при строительстве нового колодца или изнашивании деревянного сруба его заменяли железобетонными кольцами. Новый материал хоть и проще в установке, но уступает по характеристикам дереву и быстро заиливается.

Следующий этап изменений в КЖ приходится на конец 1980-х – середину 1990-х гг. Это время исчезновения коллективного хозяйства и перехода к рыночной экономике. Водообеспечение, будучи в государственном ведении, переходит к районным администрациям и сельским советам. Большая протяженность коммуникаций в расчете на единицу производимой коммунальной продукции создает трудности в проведении капитального ремонта и плановой замены систем водоснабжения, что увеличивает стоимость обслуживания инфраструктуры. В этих условиях администрация АК старается решить проблемы путем реализации ряда целевых программ начиная с 2000-х гг.

В настоящее время с целью улучшения жилищных условий жителей АК реализуется программа «Устойчивое развитие сельских территорий» на период 2012–2020 гг.; подпрограмма «Развитие водоснабжения, водоотведения и очистки сточных вод в АК на 2011–2017 гг.» в рамках государственной программы «Обеспечение населения АК жилищно-коммунальными услугами» на 2014–2020 гг. В рамках программ проведены работы по строительству и реконструкции водопроводных и канализационных сетей, строительству водозаборных скважин, установке резервуаров чистой воды [Сабына, 2016, с. 62]. В результате осуществления программ построен, например, водозабор со станцией очистки воды в с. Завьялово Завьяловского р-на, реконструирована и построена система водоснабжения в с. Романово Романовского р-на, в г. Алейске, с. Каип Ключевского р-на, с. Табуны Табунского р-на, г. Заринске, с. Калманка Калманского р-на и др.

Все способы обеспечения населения водой в сельской местности АК используются и на сегодняшний день. Водонапорные башни в свое время были удачным решением из-за необходимости быстрого водообеспечения населения. На данном этапе они представляют собой устаревшее конструктивное решение, применение которого далеко не всегда экономически оправданно. У большинства водозаборных скважин истек срок эксплуатации. Сегодня распространена практика установки водонасосных станций во дворах. На данном этапе сельчане обеспечивают в некоторых местах себя качественной питьевой водой, приобретая бутилированную либо используя воду из колодцев.

Таким образом, АК достиг больших успехов во второй половине XX в. в водообеспечении районов с неудовлетворительным качеством подземных вод, адаптируясь к социальным и культурно-политическим изменениям. Вследствие большой истощенности водообеспечивающего оборудования, традиционные способы получения питьевой воды в культуре жизнеобеспечения сельского населения остаются востребованными.

Источники

- ПМА 1. 2019. Алтайский край, Романовский район, с. Романово.
ПМА 2. 2019. Алтайский край, Троицкий район, с. Зеленая Поляна.

Список литературы

- Заносова В. И. Принципы территориальной организации сельскохозяйственного водоснабжения Алтайского края // Вестник Алтайского аграрного университета. 2011. № 9 (83). С. 19–22.
Культура жизнеобеспечения и этнос: опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры) / отв. ред. С. А. Арутюнов, Э. С. Маркарян. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983. 320 с.
Сабына Е. Н. Некоторые аспекты развития жилищно-коммунального хозяйства региона (на материалах Алтайского края) // Экономика. Профессия. Бизнес. 2016. № 1. С. 60–64.

Water Supply of Rural Settlements in the Altai Region in the Late 19th–21st Centuries as Part of the Culture of Life Support

A. S. Svidovskaya

The article characterizes the water availability of the Altai region groundwater and traced the development of water supply infrastructure from the end of the 19th century until now. The author identifies the stages when changes occurred in the system under consideration. The period from the end of the 19th century

is characterized by a weak development of the water supply infrastructure. The period, starting from the middle of the 20th century, is associated with government influence on the problem through the construction of water supply systems. The current stage is analyzed through consideration of state programs with the aim of improving the conditions of rural residents. As a result of social, cultural and political changes in the state, the water supply system in rural areas was adapted.

Keywords: life support culture, adaptation, water supply, water supply network.

Свидовская Анастасия Сергеевна
аспирант 1-го года обучения
Алтайский государственный педагогический университет
e-mail: nastya-svi@mail.ru

Svidovskaya Anastasia Sergeevna
Postgraduate student 1st year
Altai State Pedagogical University
e-mail: nastya-svi@mail.ru

УДК 94 (571.150)

Социальная адаптация депортированных немцев Поволжья: на материалах Курьинского района Алтайского края

В. М. ГЛОТОВ

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Депортированные немцы имели неоднородный этнокультурный состав – это были немцы из разных территорий: Украина, Крым, Поволжье и др. Предмет нашего исследования – поволжские немцы. Цель исследования – социальная адаптация депортированных поволжских немцев в Курьинском районе, в условиях формирования образа врага.

Источниковой базой исследования стали материалы, собранные студентами и сотрудниками исторического факультета АлтГПУ в ходе комплексной историко-этнографической экспедиции (рук. д-р ист. наук, проф. Т. К. Щеглова) в четырех населенных пунктах Курьинского района Алтайского края.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» началась депортация всех немцев из Поволжской Республики в Сибирь и Казахстан [Указ Президиума Верховного ... , 1995]. Ссылные немцы были расселены в 67 районах Алтайского края, в которых проживало 92 тыс., в том числе в Курьинском районе («В телячьих вагонах, эшелон целый. Дней пятнадцать были в пути. А сюда (с Кузнецово) уже с Пospelихи нас на конях привезли» [Бастрон]).

В то время когда немцев доставили в Сибирь, Красная армия отступала и несла большие потери. С фронта начали поступать первые похоронки [Щеглова, 2019, с. 212]. В силу малой осведомленности местного населения, это повлияло на отношение к депортированным немцам («Я только одного парнишку немца ненавидела. Я его так и звала – фашист. Я его так звала из-за отца. Ты, говорю, моего отца убил» [Фадеева]). Но сами поволжские немцы не идентифицировали себя с Германией, они считали себя русскими немцами («Не знаю, почему эвакуировали, чего они боялись. Зачем это нужно было делать, мы к Германии не относимся вообще» [Циммерман]).

На отношение местного населения к немцам первое время большое влияние имела советская пропаганда в периодической печати [Щеглова, 2012, с. 157]. Бастрон Гельмут Егорович о первой встрече с местным населением говорил так: «Они нас встречали, знаете, их как настраивали, что немцы, они рогатые, страшные» [Бастрон].

Для депортированных сыграл фактор экономического отставания Сибирских территорий в сравнении с Поволжьем, что затрудняло процесс расселения немцев («Вот в сорок первом году, у меня родители только построили дом новый (в Поволжье). У всех уже обои были наклеены. А сюда приехали. Господи! Ягнята в избе, теленок в избе, вот так мы жили» [Циммерман]).

На взаимоотношения и тех и других повлиял процесс расселения немцев с подселением в дома местных жителей («Хошь, не хошь, приводят, вот они у вас будут жить. У

нас жили, прям у нас на дому. Мы бедные, и они голые» [Детятев]). С одной стороны, с подселением немцев на квартиры, в ходе тесного домашнего общения, началась их адаптация среди русского населения. В условиях слома привычного уклада жизни местное и депортированное население объединяли голодные и холодные военные годы, в которых всем приходилось выживать сообща («Помогали друг другу выжить, вот и все» [Утежкова]). Но, с другой стороны, условия перенаселенности порождали социальный дискомфорт, в связи с чем возникали конфликты. Своеобразная реакция защиты просматривается в воспоминаниях о том, как переселенные немцы пугали местных колхозников («Я слышала, когда я с мамочкой ехала в поле работать. И женщина, помню, говорит. О чем-то речь вели женщины, она отвечала. Скажите спасибо, что наш Гитлер не победил, мы бы на вас пахали. Но мы старались доброжелательно относиться ко всем, старались не замечать плохого» [Там же]).

Важным фактором адаптации явилась совместная работа в колхозе немцев с русскими. Благодаря развитым у немцев сельскохозяйственным навыкам (также они отличались ответственностью и работоспособностью), в отсутствие мужчин, ушедших на фронт, они легко влились в местный коллектив крестьян-колхозников («Они люди были ответственные. Сказали это сделать, значит будет делать, он хоть лопнет, но все равно это сделает. Вот Левка – младший брат, он работал механизатором, вот сломался трактор, он будет делать его до тех пор, пока он не сделает» [Кейб]).

Взаимодействуя в школах и за ее пределами, некоторые местные дети сдружились с немецкими, что также являлось для них одним из благоприятных факторов социальной адаптации («Я помню, что мы с одним мальчиком дружили, с немцем. Пришли к немцам в дом, у них печка русская, а на таганке картошка варилась. Так парень в кипящую воду залез и вытащил две картошки, одну мне, одну ему» [Фадеева]). Но была и обратная сторона – в силу их неосведомленности и детского характера часто возникали конфликты с немецкими детьми («У взрослых я не знаю, а вот ребятишки были, у школу ходили, они всегда дрались. Не воспринимали русские немцев» [Хрипунов]).

В ходе общения с местным населением менялся язык немцев. Если у детей, которые ходили в русскую школу, язык усваивался более легко, то у взрослых немцев, привыкших разговаривать на своем немецком языке, адаптация к новому языку проходила более «болезненно» («Вот в школу пошла, мы сразу по-русски разговаривали. Мама слова пошла с папой и тоже начали разговаривать по-русски, и всё» [Патенинина]).

Можно отметить, что в ходе длительного совместного проживания и деятельности характер взаимоотношений меняется. Наблюдается тенденция, что в отсутствие рус-

ских мужчин девушки часто встречались с немецкими парнями («С одной стороны, остались без мужчин женщины наши и девушки. А тем-то уже надо было девушек. Так вот сдружились, выходили замуж. Женились» [Утежкова]).

Таким образом, в сложных социальных условиях продолжалась адаптация депортированных немцев. Совместное проживание, работа в колхозе, «обрусение», обучение немецких детей в одном классе с русскими – все это с течением времени меняло отношение русского населения с враждебного на более теплое, что влияло на дальнейшую адаптацию немцев.

*Научный руководитель – Т. К. Щеглова
д-р ист. наук, профессор,
зав. кафедрой отечественной истории,
Алтайский государственный педагогический университет*

Источники

Бастрон Гельмут Егорович, 1939 г. р., с. Кузнецово, Курьинский район // Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. ИЭЭ 2019 г.

Детягев Александр Константинович, 1937 г. р., Курья, Курьинский район // Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. ИЭЭ 2019 г.

Кейб Виктор Николаевич, 1948 г. р., Усть-Таловка, Курьинский район // Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. ИЭЭ 2019 г.

Social Adaptation of Deported Volga Region Germans: Based on Materials from the Kuryinsky District of Altai Region

V. M. Glotov

This publication sets the goal, based on sources obtained during the historical and ethnographic expedition in the Kuryinsky district in 2019, to trace how social adaptation of deported Volga region Germans took place in the Kuryinsky district under conditions of political agitation and the formation of the enemy's image. The problems encountered during adaptation are noted: the attitude of the population under the influence of propaganda, a sharp change in social conditions. The factors that helped the Germans adapt to new living conditions are also revealed: living together, working on a collective farm, "Russification", teaching German children in the same class as Russians. At the end of the study, the author concludes that, over time, these factors changed the attitude of the Russian population from a hostile one to a greater one, which influenced the further adaptation of the Germans.

Keywords: social adaptation, deported Germans, Volga region, Kuryinsky district, Altai Territory, adaptation factors.

Глотов Владимир Михайлович

магистрант 2-го года обучения

Алтайский государственный педагогический университет

e-mail: vovinatorg@mail.ru

Патенина Ирма Александровна, 1947 г. р., Новофирсово, Курьинский район // Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. ИЭЭ 2019 г.

Утежкова Пелагея Сергеевна, 1933 г. р., Новофирсово, Курьинский район // Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. ИЭЭ 2019 г.

Фадеева Мария Степановна, 1934 г. р., Новофирсово, Курьинский район // Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. ИЭЭ 2019 г.

Хрипунов Николай Тихонович, 1935 г. р., Новофирсово, Курьинский район // Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. ИЭЭ 2019 г.

Циммерман Александра Ивановна, 1938 г. р., Курья, Курьинский район // Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. ИЭЭ 2019 г.

Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» // Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). М., 1995. Ч. 2. С. 241–242.

Список литературы

Щеглова Т. К. «Свой» и «чужой»: Взаимоотношения местного населения и российских немцев на Алтае в контексте государственной политики формирования и использования образа врага в период депортаций // Российские немцы. От истоков к современности. Барнаул, 2012. С. 155–165.

Щеглова Т. К. Антропология экстремальности: социальная и культурно-бытовая адаптация этнических депортантов (1939 – 1949 годы) и принимающего сельского общества на юге Западной Сибири в контексте принудительных переселений // Мир Большого Алтая. 2019. Т. 5. № 2. С. 197–231.

Glotov Vladimir Mikhailovich

Graduate student 2nd year

Altai State Pedagogical University

e-mail: vovinatorg@mail.ru

УДК 393.05.7 (571.14)

Современные формы коммеморации Гражданской войны в культуре сельских локальных сообществ (на материалах Сузунского района Новосибирской области)*

М. И. Маклаков

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

*Исследование выполнено при поддержке научно-образовательного центра «Новая археология» ГИ НГУ

Глубокое изменение традиционного отношения людей к историческому прошлому, зафиксированное на уровне семейных, социальных и этнических групп в конце XX – начале XXI в., получило в современных исследованиях название мемориального бума. К проявлениям такого бума, тесно связанного с индивидуализацией истории и интересом к «маленькому» человеку, относят не только восстановление белых пятен истории и критику официальных версий исторического процесса, но также рост числа разнообразных музеев, распространение мемориальных мероприятий, своеобразный «культ корней» и развитие генеалогических изысканий. Как отмечается в работах, посвященных проблемам коллективной памяти, благодаря техническим достижениям современного мира, в условиях, когда интернет и data science позволяют хранить и передавать огромное количество информации, глобальная история становится частью повседневной жизни обычных людей [Нора, 2005]. Всеобщее среднее образование, превратившее школьный исторический курс в обязательный ин-

струмент социализации человека, заставляет людей чаще обращаться к историческим событиям [Малинова, 2017, с. 6–7]. В качестве примера складывающейся инфраструктуры «локальной памяти» можно привести ряд созданных недавно цифровых архивов: сайты «Прожито», «Сибиряки вольные и невольные», «Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе» и др.

В фокусе общественного внимания, в первую очередь, как показывает практика, оказываются болевые места исторической памяти – страницы истории, связанные с войнами, а также множеством локальных военно-политических, экономических и социокультурных конфликтов с обязательным выявлением в них роли отдельного человека [Сафронова, 2019, с. 192]. К числу подобных болевых точек национальной истории относятся события Гражданской войны. Почти за сто лет, прошедших с окончания военных действий, российское общество, считает Ю. Кантор, так и не преодолело вызванный ими «ментальный разлом», который до сих пор остается «неотрефлексированным». Ситуа-

ция усугубляется отсутствием современного языка описания и общепринятых датировок начала и окончания Гражданской войны [Красные и белые ... , 2019]. К примеру, получивший распространение еще в советской исторической науке подход, согласно которому окончание Гражданской войны в Сибири строго увязывалось с разгромом войск Колчака и освобождением от белогвардейцев и интервентов, не позволял включать в официальный исторический дискурс крестьянские антибольшевистские восстания, которыми в начале 1920-х гг. была охвачена вся Сибирь.

Целью настоящей работы является выявление современных форм коммеморации Гражданской войны, а именно – существующих коллективных и индивидуальных практик, связанных с памятью о травматических событиях местной истории, представленных в культуре сельских локальных сообществ Сузунского р-на Новосибирской обл. Теоретической рамкой исследования послужила концепция «двухслойной исторической памяти», предложенная в 2017 г. в докладе Вольного исторического общества и дополненная разработанной для российского контекста методикой «номинализации» болезненных и травматических событий, направленной на выработку и присваивание историческим травмам приемлемых обществом названий.

Согласно упомянутой концепции, складывающаяся в России «двухслойная модель исторического сознания» включает в себя внедряемую сверху героизированную версию государственного прошлого и формирующуюся снизу инфраструктуру «локальной памяти», обусловленную желанием людей знать и помнить историю своей семьи, города и края [Какое прошлое нужно ... , 2017]. Локальные исторические события, «не вписавшиеся» в официальный исторический дискурс и, соответственно, закрытые для публичного обсуждения, остаются источником напряженностей, снятие которых предполагает обращение к тактике проговаривания путем «номинализации» – поиска новых значений, присвоения их травматическим событиям и дальнейшего взаимодействия сообщества с уже обновленными свидетельствами [Мороз, Суверина, 2014].

Основным источником при разработке темы стали собранные летом 2019 г. полевые материалы автора, посвященные непосредственно нарративу Гражданской войны. В архивном отделе администрации Сузунского р-на Новосибирской обл. были просмотрены подшивки районной газеты «Новая жизнь» (в том числе юбилейные публикации, посвященные «60-летию освобождения Сузуна от колчаковщины»), а также архивные документы (учетные карточки) с описанием памятников партизанам Гражданской войны, расстрелянным колчаковцами. В ходе экспедиции было проведено 19 интервью с информантами. Велась фото-съемка с последующим картографированием памятников и загрузкой материалов в облачное хранилище.

Было показано, что большинство памятников, призванных увековечить локальные события Гражданской войны, установлено в раннее советское время. В соответствии с официальным историческим каноном все они, выполненные в форме обелисков с мемориальными табличками, посвящены героям-односельчанам (красным партизанам), погибшим в борьбе с колчаковцами. На протяжении всего советского периода мощный государственный нарратив транслировался средствами массовой информа-

ции и школой (включая связанные с деятельностью пионерской организации советские ритуальные практики) [Отдел архива, Д. 62, 723]. В настоящее время зафиксированы новые формы коммеморации, связанные с непосредственным обращением к местным архивным документам, а также семейным легендам и преданиям, в результате чего складываются такие индивидуальные и коллективные практики почитания погибших предков, как высаживание цветов на прилегающей к памятнику территории, уход за цветочными клумбами, постановка силами школьников театрализованных представлений и пр. Кроме того, можно отметить смещение акцентов в оценке участников местных исторических событий, которых все чаще обозначают как «жертв» Гражданской войны (погибший родственник – «совсем молодой парнишка»), тогда как раньше их описывали как «героев» [ПМА 1].

Таким образом, современные процессы коммеморации травматических событий Гражданской войны могут быть описаны с помощью трех стадий: 1) повторное ознакомление, в ходе которого носитель нарратива обращается в архив или к семейной исторической памяти в поисках документов и личных свидетельств о событии с целью актуализации и/или деидеологизации исторического факта; 2) создание символов, в ходе которого происходит выработка новых вербальных и акциональных практик, а также поиск предметных символов, по-новому описывающих событие; 3) публичное проговаривание, которое завершает процесс рефлексии, наделяя первоначально болезненный нарратив новыми смыслами и, таким образом, терапевтирует общественное событие, если такая потребность имеется.

*Научный руководитель – Г. В. Любимова
канд. ист. наук,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Источники

Отдел архива администрации Сузунского р-на Новосибирской обл. Ф. 1. Оп. 1. Д. 62, 723.

ПМА 1. 2019. Полевые материалы автора, Новосибирская обл, Сузунский р-н, р. п. Сузун (информант – Елена Сергеевна Костышева (Школдина), 1949 г. р.); с. Бобровка (информанты – Татьяна Аркадьевна Печенкина, 1953 г. р., Мария Владимировна Бобровская (Речкина), 1936 г. р.).

Список литературы

«Какое прошлое нужно будущему России». Аналитический доклад Вольного исторического общества по заказу Комитета гражданских инициатив. 23.01.2017. URL: <https://komitetgi.ru/analytics/3076/> (дата обращения: 01.12.2019).

«Красные и белые не примирятся никогда». Гражданская война кончилась сто лет назад. Почему она до сих пор разделяет Россию? Интервью с д-р. ист. наук, гл. науч. сотр. Института всеобщей истории РАН Юлией Кантор. URL: https://lenta.ru/articles/2019/11/07/civil_war/ (дата обращения: 10.11.2019).

Малинова О. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // *Полития*. 2017. Вып. 4. С. 6–22.

Сафронова Ю. А. Историческая память. Введение: Учебное пособие. СПб.: ЕУ СПб, 2019. 220 с.

Мороз О., Суверина Е. Trauma studies: История, репрезентация, свидетель // *Новое литературное обозрение* 2014. Вып. 125. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2014/125/8m.html> (дата обращения: 11.01.2020).

Нора П. Всемирное торжество памяти // *Неприкосновенный запас*. 2005. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 28.03.2019).

Modern Forms of Commemoration of the Civil War in the Culture of Local Rural Communities (Based on Materials from Suzunsky District of Novosibirsk Region)

M. I. Maklakov

The article discusses modern forms of commemoration of the Civil War in the culture of rural local communities in Western Siberia. The situation of the memorial boom of the turn of the 20th and 21st centuries is analyzed as a universal phenomenon associated with a profound change in the traditional attitude of people to the historical past. Methods of relieving social tension around local history events that do not fit into the official historical discourse are shown. New practices of veneration of deceased ancestors were recorded (planting flowers in the territory adjacent to the monument, school theatrical performances, etc.). The author notes a shift in the estimates of the dead participants of the Civil War, presented in the status of not so much heroes as victims of historical

events. The conclusion is made about the transformation of the trauma discourse in society, during which the initially painful narrative is endowed with new meanings.

Keywords: commemoration, Civil War, rural communities, trauma studies.

Маклаков Михаил Иванович

студент 3-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: maklakovm-99@yandex.ru

Maklakov Mikhail Ivanovich

Student 3rd year

Novosibirsk State University

e-mail: maklakovm-99@yandex.ru

УДК 323.1

Национально-культурные объединения Омской области: общая характеристика и механизмы взаимодействия с органами власти

О. А. Седельникова

Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

Становление национальных движений в омском регионе приходится на 1990-е гг. Распад СССР, тенденции к глобализации повлияли на формирование интереса к этнической идентичности [Горбунова, Максимова, Попова, 2018, с. 41]. В конце прошлого столетия в области стали появляться различные национально-культурные организации: русские, татарские, украинские, казахские, латышские, еврейские, армянские и т. д.

В начале 2019 г. на территории Омской области было зарегистрировано 2537 некоммерческих организаций. Из них:

- 1) 1332 общественных объединения;
- 2) 60 национальных объединений;
- 3) 46 региональных отделений политических партий;
- 4) 328 профессиональных союзов;
- 5) 55 детских и молодежных общественных объединений;
- 6) 308 религиозных организаций;
- 7) 30 казачьих обществ;
- 8) 20 общественных объединений казаков [Некоммерческие организации ...].

В настоящее время некоммерческие организации играют существенную роль на рынке социальных услуг. Общественные организации выступают инициаторами многих социальных инноваций, пытаются вносить свой вклад в решение региональных проблем, способствуют занятости населения (особенно – молодого поколения), а также привлекают в общественную сферу финансовые ресурсы. Поэтому для поддержания деятельности некоммерческих организаций со стороны государства принимаются определенные меры.

В особую категорию выделяют социальноориентированные некоммерческие организации. Они направлены на решение социально значимых проблем в таких сферах, как благотворительность, образование, спорт и т. д. [К теории управления ... , 2019, с. 257]. Деятельность данных организаций регламентируется, в первую очередь, Федеральный закон от 5 апреля 2010 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций» [Имаева, 2019]. В качестве исполнителя данной программы выступает Главное управление внутренней политики Омской области, а также – министерство труда и социального развития Омской области. На сайте Главного управления внутренней политики Омской области и министерства труда и социального развития Омской области в разделе «Отраслевая информация» приведены данные о социально ориентированных некоммерческих организациях [Некоммерческие организации ... , 2019].

Некоммерческие организации для получения субсидий могут участвовать в федеральных и региональных конкурсах [Чащина, Карпова, 2018, с. 2]. К федеральным конкурсам относятся: гранты Президента РФ, гранты от Мини-

стерства экономического развития РФ, Министерства труда и социальной защиты РФ, Министерства культуры РФ, а также фонды региональных соцпрограмм «Наше будущее», Елены и Геннадия Тимченко, Владимира Потанина. К региональным конкурсам относятся конкурсы от Минтруда и социального развития Омской области, конкурсы Главного управления внутренней политики, а также конкурсы Администрации города.

С 2006 г. Администрация г. Омска проводит конкурс муниципальных грантов, который направлен на поддержку социально значимых проектов некоммерческих организаций и объединений. За 13 лет в конкурсе муниципальных грантов было презентовано более 3 тыс. проектов, половина из них были успешно реализованы. Благодаря данному грантовому конкурсу, организации могут реализовать свои идеи, направленные на оптимизацию общества и городской среды. За годы проведения конкурса из бюджета города было выделено 244 млн руб. [Муниципальный грант ... , 2018, с. 3].

В 2019 г. на поддержку общественно полезных проектов из бюджета города было выделено 25 млн руб. Для участия в конкурсе муниципальных грантов подано 264 проекта, победителями признано 129 проектов. Подобная форма финансовой поддержки общественных организаций помогает их укреплению и развитию, позволяет решать возникающие проблемы. К примеру, по данному конкурсу в 2017 г. был реализован проект «VIII Межрегиональный фестиваль финно-угорской культуры “Новый взгляд”». Идея проекта принадлежит региональной общественной организации «Омский областной финно-угорский центр». Цель проекта заключается в ознакомлении жителей Омского региона с культурой финно-угорских народов. На средства субсидии была предоставлена сценическая площадка, оплачено проживание коллективов, оформлена сценическая площадка и сформирован призовой фонд. В том же году был реализован проект «Домбра под открытым небом». Организатор – «Региональная казахская национально-культурная автономия Омской области». Цель проекта: возрождение, развитие, популяризация, поддержка лучших традиций казахской музыкальной культуры. Мероприятие было проведено 18 июня 2017 г. в Сквере Дружбы Народов, его посетили более 100 человек. Данные проекты показывают, что национально-культурные мероприятия востребованы среди омичей, а конкурс способствует сохранению культурного наследия различных народов Омской области.

В целях совершенствования деятельности Администрации г. Омска в сфере общественных отношений, обеспечения взаимодействия структурных подразделений Администрации г. Омска с национально-культурными и религиозными объединениями в 2013 г. было разработано постановление «О взаимодействии с национально-культурными и

религиозными объединениями на территории г. Омска от 10 июня 2013 г. №605-п» [Постановление «О взаимодействии ...». В 2017 г. в постановление были внесены поправки. Согласно постановлению, регулярно проходит утверждение плана основных мероприятий с национально-культурными организациями.

Таким образом, в настоящее время со стороны государственных властей сформированы условия для благоприятного функционирования социально ориентированных некоммерческих организаций. К тому же органы власти заинтересованы в дальнейшем эффективном взаимодействии с общественными организациями.

*Научный руководитель – Е. В. Портнягина
канд. полит. наук, доцент,
кафедра правоведения, государственного
и муниципального управления,
Омский государственный педагогический университет*

Список литературы

Горбунова А. А., Максимова С. Г., Попова А. И. Модель этнической идентичности населения приграничных регионов России // *Society and Security Insights*. 2018. Т. 1, № 2. С. 40–53.

Имаева Л. М. Роль волонтерства в социально ориентированных некоммерческих организациях // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2019. № 9–2. С. 88.

К теории управления численностью некоммерческих организаций в России / А. А. Лунегова, А. В. Болотин, Д. Г. Васькин, Д. Н. Овсянникова // *Вестн. Перм. нац. исслед. политехн. ун-та. Социально-экономические науки*. 2019. № 3. С. 256–272.

Муниципальный грант в Омске. Омск, 2018. Вып. 12. 345 с.

Некоммерческие организации Омской области // Портал правительства Омской области. URL: <http://omskportal.ru/society/institute/obshchestv-obedeneniya-omsk-obl> (дата обращения: 28.09.2019).

Постановление «О взаимодействии с национально-культурными и религиозными объединениями на территории города Омска» (с изм. 29.12.2017). URL: <http://docs.cntd.ru/document/430674058> (дата обращения: 12.10.2019).

Чашина А. А., Карпова А. В. Тенденции интеграции социально ориентированных некоммерческих организаций в сферу оказания общественно полезных услуг // *Вестник Восточно-Сибирской открытой академии*. 2018. № 30. URL: <http://vsao.esrae.ru/204-1122> (дата обращения: 10.12.2019).

National-cultural Associations of the Omsk Region: General Characteristics and Mechanisms of Interaction with Authorities

O. A. Sedelnikova

In the 1990^s, the Russian Federation went through a period of radical changes and contradictory processes that affected almost all spheres of life of citizens. Many of the former institutions have ceased to function, resulting in the formation and legislative registration of non-profit organizations. That is why the study of the formation and development of public organizations in the Russian Federation is of particular interest at the present time. In addition, this process should be studied on the example of regions, because regional specifics determine the main activities of non-profit organizations. In this study, special attention is paid to the national non-profit associations of the Omsk region. The author gives a description of the national-cultural associations of the Omsk region and the mechanisms of their interaction with the authorities.

Keywords: national-cultural associations, non-profit organizations, interethnic relations.

Седельникова Ольга Александровна
магистрант 2-го курса обучения
Омский государственный педагогический университет
e-mail: olga.sedelnikova.18@bk.ru

Sedelnikova Olga Aleksandrovna
Graduate student 2nd year
Omsk State Pedagogical University
e-mail: olga.sedelnikova.18@bk.ru

УДК 393.05

Традиции и новации в погребальном обряде казахов Среднего Прииртышья (на примере кладбища Баян)

Д. Ш. Тойбазарова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия

В многонациональной Омской области казахи составляют вторую по численности группу после русских: по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. – около 78 тыс. человек. Казахская духовная культура остается самобытной, во многом традиционной. Одной из важнейших ее составляющих у казахов Омского Прииртышья является погребальный обряд. Однако в современных условиях он, попадая под влияние различных факторов, начал видоизменяться. В связи с этим целью исследования стало выявление и изучение новаций в погребальном обряде казахов и их влияние на традиционную обрядность.

Если рассматривать казахский погребальный обряд ступенчато, можно выделить три этапа: подготовительный, похоронный и поминальный [Ахметова, Толпеко, 2011, с. 9–18]. Каждый из них обладает своим порядком действий, продиктованным, в первую очередь, исламской традицией.

Кладбище Баян располагается в окрестностях аула Сегизбай Азовского немецкого национального района Омской области. Появление некрополя в этих местах связано с легендой о девушке-красавице Баян [Ахметова, Толпеко, 2010, с. 37–38]. По информации, собранной у местных жителей, кочевые казахи прибыли в эти края несколько сотен лет назад и устроили временный лагерь на территории нынешнего аула Сегизбай. Много людей погибало в

дороге. Не стала исключением и девушка по имени Баян, которую похоронили неподалеку от места стоянки, там, где сейчас располагается кладбище.

В ходе исследования в 2019 г. кладбище Баян нами был выявлен ряд новых черт в погребальном обряде казахского населения [ПМА]. Остановимся на некоторых из них.

Традиционная погребальная обрядность казахов обязывает родственников устанавливать вокруг могил ограждения. Это могут быть как монументальные мавзолеи, мазары, так и ограды различных типов. Мазар своим видом напоминает дом: он имеет четыре, а иногда и больше, стен, дверные проемы и окна. Сверху часто устанавливается специальная куполообразная конструкция. С пониманием мавзолея, мазара, ограды как дома для умершего связаны казахские представления о духах предков – аруаках, которые обитают на кладбище [Кондыбай, 2005, с. 77–79]. У них просят совета, защиты, верят, что духи предков всегда рядом. Поэтому для казахского населения кладбище традиционно служит не только для похорон, но и для других культурных целей, например обряда вызывания дождя [Ахметова, Толпеко, 2018, с. 293].

На кладбище Баян в последние годы сооружаются как традиционные кирпичные торткулаки, так и большие мазары с куполами и лаконичные металлические ограждения. Стоит отметить практику изготовления оград из железа.

В середине прошлого века они были широко распространены в Омском Прииртышье. Затем казахское население массово перешло на строительство оград из кирпича и бетона. Некоторые жители аула Сегизбай считают возведение мазаров казахской традицией, а другие полагают, что это способ выделиться, указать на свой достаток. Действительно, на строительстве большого кирпичного мазара требуется много средств, времени и сил. Поэтому на современном этапе многие жители аула Сегизбай не видят ничего плохого в установке оград из железа и не связывают это с влиянием культур других народов, проживающих неподалеку. Они считают, что такое ограждение позволяет солнечным лучам попадать на могилу, тем самым предотвращая гниение дерева, которое используется для сооружения лахата (специальной ниши в могильной яме для размещения тела умершего). В лесостепной зоне лахат традиционно закрывали косым накатом из березовых бревен или жердей разной толщины [Ахметова, Толпеко, 2019б, с. 667].

Ещё одной интересной тенденцией в похоронном обряде казахов является накрывание могилы одеждой усопшего. На могильном холмике большинства недавних захоронений кладбища Баян присутствуют какие-либо атрибуты гардероба. Такая традиция нашла распространение на юге Омской области, в первую очередь, как защита от степного хохрька [Ахметова, Толпеко, 2019а, с. 239]. Иногда одежду даже обливают горючими веществами, имеющими специфический запах. Однако считается, что предмет гардероба обязательно должен принадлежать умершему, так как если положить на могилу одежду живого человека, то это может навредить на него беду. Используют преимущественно бывшую в длительном употреблении верхнюю одежду или кардиганы, жилеты. Иногда на могилу кладут даже головной убор.

Интересной новацией, заимствованной у русского населения, является размещение на могильной плите изображения умершего. Но ислам запрещает использовать изображение человека в погребальном обряде. Некоторые жители аула Сегизбай считают, что размещение портретов умерших противоречит всем мусульманским традициям. Однако другая часть мыслит более современно и придерживается точки зрения, что так потомки могут лучше сохранить память о покоящихся на кладбище предках.

Совершенно новым явлением является то, что теперь многие казахи ухаживают за могилами. Казахская традиция запрещает уход за погребениями и их обновление. Приемлемым считалось только укрытие могилы землей (подсыпка) в случае, если она проваливалась или разрывалась животными. При изучении кладбища Баян мы обнаружили много разрушенных кирпичных и деревянных оград. На современном этапе, несмотря на этот негласный запрет, родственники ремонтируют и подкрашивают ограды и плиты, а иногда устанавливают новые, о чем свидетельствует ряд памятников кладбища Баян. Помимо этого, запрещается высаживание каких-либо цветов или деревьев на могиле или возле нее. Это не касается тех растений, которые выросли самостоятельно [Ахметова, Толпеко,

2018, с. 294–295]. Казахи верят, что это воля и одобрение самого Аллаха, потому не спиливают растущие деревья и не вырывают траву. Однако теперь возле могил можно наблюдать преднамеренно высаженные деревья и цветники.

На данный момент поддержание порядка на могилах прослеживается все чаще. Некоторые родственники ухаживают за надмогильными сооружениями, устанавливают скамейки и вазы, приносят цветы – живые и искусственные, игрушки и др. Чаще такими новаторами являются люди, живущие в городской среде или в населенных пунктах, где преимущество в численности имеет не казахское население и меньше влияние ислама. Возможно, со временем границы между казахским и погребальными обрядами других народов будут стираться, многие традиционные установки забудутся в угоду удобству, экономии, эстетическому виду и новым представлениям. Фактически происходит медленная интеграция в культуру казахского населения Омской области элементов других культур. Некоторые жители аула Сегизбай не очень довольны подобным положением дел и высказывают желание сохранить вековые традиции своих предков. Несомненно, что значительное влияние на погребальный обряд казахов в ближайшее время еще будет оказывать ислам. В заключение отметим, что новации пока менее всего затрагивают подготовительный этап, сами похороны и поминки. В большинстве своем они прослеживаются в оформлении стел, надмогильных сооружений и пространства вокруг них, или же сугубо функционально по своему назначению (покрытие могильного холмика одеждой умершего).

*Научный руководитель – И. В. Толпеко
канд. ист. наук, доцент,*

*кафедра этнологии, антропологии, археологии и музеологии,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского*

Источники

ПМА – Полевые материалы автора. Экспедиция в Азовский немецкий национальный район Омской области, май – июнь 2019 г.

Список литературы

- Ахметова Ш. К., Толпеко И. В. Казахские мемориальные комплексы юга Омской области // *Казахи России: история и современность*. Омск, 2010. Т. 2. С. 36–44.
- Ахметова Ш. К., Толпеко И. В. Методика этноархеологического изучения погребального обряда казахов Западной Сибири. Омск, 2011. 52 с.
- Ахметова Ш. К., Толпеко И. В. Мемориально-культурные комплексы как сакральное пространство в традиционной культуре казахов Омского Прииртышья // *Вестн. Омск. ун-та. Сер. Ист. науки*. 2018. № 3 (19). С. 288–296.
- Ахметова Ш. К., Толпеко И. В. Влияние природно-географических условий на погребальный обряд казахов Омского Прииртышья // *Вестн. Омск. ун-та. Сер. Ист. науки*. 2019а. № 3 (23). С. 232–244.
- Ахметова Ш. К. Толпеко И. В. Особенности внутреннего и внешнего обустройства погребальных сооружений у казахов юга Западной Сибири // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. 2019б. Т. XXV. С. 665–671.
- Кондыбай С. Казахская мифология. Краткий словарь. Алматы, 2005. 272 с.

Traditions and Novations in the Burial Rite of the Middle Irtysh Kazakhs (on the Example of the Bayan Cemetery)

D. Sh. Toibazarova

This work is dedicated to researching traditions and innovations in the funeral ceremony of Kazakhs. The Kazakh population is the second-largest nation after the Russian in Omsk region and it is 78 thousand people, so it is not surprising that many ethnographers are engaged in their study nowadays. Kazakh culture is multifaceted, rich in traditions. Much attention is paid to the study of the funeral ceremony as one of the elements of the culture of any nation. This research contains a practical value since it introduces new ethnographic materials collected in the village of Segizbay and The Bayan cemetery into scientific circulation. In the study of gravestones, we are faced with some innovations that stand at odds with tradition. Most of all they are dictated by the desire to simplify the established traditions.

Keywords: funeral rite, gravestones, rite, tradition, innovation, mausoleum, fence.

Тоибазарова Дайана Шаймухановна

студент 2-го курса

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Toibazarova Daiana Shaimukhanovna

Student 2nd year

F. M. Dostoevsky Omsk State University

УДК 338.48 (571.150)

Рекреационный потенциал сельского туризма в Алтайском крае как условие устойчивого развития сельских территорий*

Н. В. Люля

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

*Подготовлено при поддержке РФФИ, проект № 19-09-00487

«Деревня традиционная и модернистская: этнографическое изучение стратегий освоения пространства сельских территорий юга Западной Сибири»

В настоящее время в Российской Федерации особое значение придается развитию внутреннего туризма с учетом потенциала регионов. Его развитие должно способствовать «повышению качества жизни российских граждан; экономическому росту» [Государственная программа..., 2014, с. 9–10]. Реализация туристско-рекреационного потенциала региона заложена в государственной программе «Развитие туризма в Алтайском крае», создающей условия для устойчивого экономического роста Алтайского края [Изменения..., 2019]. В рамках реализации утвержденных администрацией Алтайского края программ особое внимание уделяется устойчивому развитию «санаторно-курортного комплекса; активного, развлекательного туризма, семейного отдыха» [Там же].

В связи с тем, что Алтайский край является аграрным регионом, где сельское население представлено 46,4 %, рассмотрение потенциала рекреационных ресурсов сельских населенных пунктов региона является важным для дальнейшего выстраивания развития сельского туризма и, как следствие этого, сельских территорий.

Под термином «сельский туризм» (rural tourism) понимается вид туризма, сконцентрированный на сельских территориях, предусматривающий развитие туристских маршрутов, мест для отдыха, сельскохозяйственных и народных музеев, а также центров обслуживания туристов с гидами и экскурсоводами [Дунец, 2016, с. 6]. Уникальность природно-климатических условий региона, значительные сельские территории обладают огромным ресурсом для развития сельского туризма. В регионе присутствуют почти все природные зоны – степь и лесостепь, тайга и горы. Равнинная часть характеризуется преобладанием степной и лесостепной природных зон, наличием ленточных боров.

Благоприятные природные условия позволили в последние годы активно развиваться региону в данной сфере. Сельским туризмом активно занимаются жители в девяти предгорных районах края: Алтайском, Солонешенском, Краснощековском, Чарышском, Змеиногорском, Курьинском, Советском, Солтонском, Шипуновском [Сельский туризм..., 2011, с. 114]. При этом степные районы края не являются привлекательными для туристов и по-прежнему остаются мало развивающимися в данной области, хотя обладают не меньшим потенциалом. В данных районах сельский туризм находится на стадии зарождения (Романовский, Завьяловский).

Преобладающей формой сельского туризма является предоставление в аренду гостевых домов, домиков, квартир, комнат в сельских гостиницах, коттеджах, частных домах в живописных местах. Средняя стоимость проживания в сутки на одного постояльца составляет 500 руб. Подробную информацию о месте размещения, сроках, стоимости можно узнать на различных сайтах: «ЭКО.АЛТАЙ.РФ», «ВИЗИТАЛТАЙ.РФ», «Сельский туризм на Алтае», RusAdventures и др. Развитая форма в европейских регионах России с непосредственным проживанием туриста в сельском доме с семьей остается неразвитой в силу осо-

бенностей содержания крестьянско-фермерского хозяйства и ведения личного подсобного хозяйства.

Сельский туризм можно отнести к важному дополнению основной сферы деятельности сельского населения и источнику дополнительного финансового дохода, способу обеспечения занятости членов семьи. В связи с этим сельский житель может предложить в данной области различные туристические продукты: продукт-предмет, продукт-услуга, продукт-событие, продукт-мероприятие, продукт-объект, продукт-маршрут, продукт-место [Дунец, 2016, с. 16–17]. Более подробно остановимся на выявлении возможных туристических продуктов, которые бы могли способствовать развитию привлекательности сельского туризма в регионе и не только поддерживать сельское население, но и повысить благосостояние сел.

Традиционные в данной области материальные предметы (туристические карты, путеводители) в последнее время теряют востребованность, что, в первую очередь, связано с переходом в интернет-пространство предполагаемого потребителя данного рынка услуг. Создание единого медиа-пространства (портала сельского туризма АК) с привлечением PR-специалистов и исполнителей позволило бы создать единую базу. В то же время требуется разработка интерактивных мультимедийных проектов (путеводители по музеям, виртуальные маршруты, туристические карты по селам с указанием возможных мест посещения, заказы сувениров online и т. д.), социальной рекламы. Немаловажным является возможность обратной связи с кураторами предлагаемых туристических продуктов.

Продукт-услуга охватывает единичную услугу, например гостиничную, гастрономическую, транспортную. Если предложение качественной услуги в области питания и проживания полностью ложится на сельского жителя, оказывающего услугу, то транспортные часто еще зависят от частоты сообщений по маршрутам город – районный центр – село. В последние годы значительная часть маршрутов внутри районов из-за отсутствия востребованности отменена, дорожное полотно требует реконструкции. Необходимо выделение средств на решение остро стоящего вопроса в данной области.

На сайтах администрации Алтайского края, туристической фирмы «ВИЗИТАЛТАЙ.РФ» в открытом доступе размещен ежегодно обновляющийся «Календарь предстоящих мероприятий Алтайского края» с указанием места, времени и наименования события. Однако в данный календарь не входят мероприятия районного, сельского значения, являющиеся не менее привлекательными для туристов. В связи с чем развитие востребованности данного продукта в рамках сельского туризма предоставляется невозможным в настоящее время.

Продукт-мероприятие является одним из самых популярных туристических продуктов в нашем регионе, в том числе и в сельской местности. Основными формами являются фестивали и праздники (Троицкие гуляния: фольклорный фестиваль, с. Сибирячиха; на Завьяловских озерах:

летний фестиваль, с. Завьялово и т. д.). Значительная часть мероприятий связана с этнотуризмом. Данная тема требует отдельного изучения. Например, в с. Романово на базе отдыха «Гуселетовские плесы» ежегодно (с 2015 г.) проходит фестиваль вареника «Всэ будэ смачно!», где туристов знакомят с гастрономическими и культурными традициями украинцев. Для организации данного мероприятия администрация района приглашает местных сельских жителей из каждого сельского совета района. Изготовление сувенирной, гастрономической продукции позволяет получить дополнительный доход. В. Г. Колесникова (д. Жижкун), 1938 г. р., с большой благодарностью говорила о пользе привлечения к мероприятию сельских жителей: «Нас пригласила администрация. Приходили, звали. Машина была. Я пампушек наделала, кефиру в стаканах продавала. Денег заработали немного. Все почти в возрасте уже были. Да и костюмы хто надел» [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ].

С точки зрения объекта в рамках сельского туризма особенно привлекательным является музей, позволяющий познакомить туриста с образованием и историей населенных пунктов района, культурой и традициями местного населения. Как районные, так и сельские музеи в рамках имеющихся ресурсов предлагают различные интерактивные мероприятия, приглашают местных мастеров для проведения мастер-классов, фольклорные коллективы, театральные студии. Поддержка музеев в данной области, как информационная, так и финансовая, может послужить важным источником привлечения и развития сельского туризма в регионе.

Разработка туристического сельского маршрута является одним из нереализованных продуктов. В данной области можно использовать привлечение туристов к сбору ягод, грибов, пешим/конным, авто-/вело- прогулкам. Данный продукт требует развития сельской инфраструктуры, для чего необходимы значительные финансовые вложения.

Практически невозможно реализовать продукт-место, под которым понимается особый географически детерминированный вид туристского продукта (округ, местность, национальный парк) [Дунец, 2016. с. 16–17].

Алтайский край обладает достаточным потенциалом для развития сельского туризма в регионе и его высокой степенью конкурентоспособности на рынке туристических услуг. При этом большинству туристических продуктов необходимы значительные инвестиции для соответствия их качеству. Требуется создание комплексной программы развития, направленной точно на развитие сельского туризма, в том числе и в сфере информационных технологий, подготовка профессиональных кадров, имеющих практическую ориентированность. Реализация такого проекта послужит дополнительной «точкой роста» для развития в регионе сел, привлечения молодежи, развития малого предпринимательства, а также инфраструктуры в селах (состояние дорог, транспорт).

Источники

Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2019 г. : Алтайский край, Романовский район, с. Романово. В. Г. Колесникова (д. Жижкун), 1938 г. р.

Государственная программа Алтайского края «Развитие туризма в Алтайском крае» на 2015–2020 год», утв. Постановлением администрации Алтайского края от 29.12.2014 № 589. URL: https://econom22.ru/prognoz/program/reg_programms/gos_programms/index.php. (дата обращения: 15.01.2020).

Изменения, которые вносятся в Постановление администрации Алтайского края от 29.12.2014 № 589, утв. 19.12.2019 № 524. URL: https://econom22.ru/prognoz/program/reg_programms/gos_programms/index.php. (дата обращения: 15.01.2020).

Список литературы

Дунец А. М. Организация сельского туризма в Алтайском крае: методическое пособие. Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2016. 125 с.

Сельский туризм на Алтае как альтернативный вид деятельности в стратегии диверсификационной сельской экономики / В. А. Кундиус, В. В. Чермянина, М. Г. Кудинова, С. П. Балашова, В. Н. Санталова // Вестник АлтГУ. 2011. № 9 (83). С. 113–119.

Recreational Potential of the Rural Tourism in Altay Region as a Condition of the Sustainable Development of Rural Areas

N. V. Lyulya

The article considers the potential of recreational resources of rural settlements of the Altay region on the example of development of rural tourism. The author attempts to identify possible tourist products in this area on the basis of available resources in the village. Analysis of available sources and literature suggests a high potential in this field of rural settlements of the region, but development requires an integrated program, including the development of information technologies, training of professional personnel with practical orientation. Such a project would create an enabling environment for rural development in the region.

Keywords: rural areas, rural tourism, recreational potential, recreational resources, tourist products, Altay region.

Люля Наталья Викторовна

начальник отдела подготовки и аттестации научно-педагогических кадров Алтайский государственный педагогический университет e-mail: natalyalyulya@mail.ru

Lyulya Nataliya Viktorovna

Head of Training and Certification of Scientific and Pedagogical Staff Altai State Pedagogical University e-mail: natalyalyulya@mail.ru

УДК 929.522.1

Современный этнографический туризм в Туве: проблемы и перспективы

Ц. В. Ан

Тувинский государственный университет, Кызыл, Россия

В современности развитие этнографического туризма является одним из актуальных и перспективных направлений, в связи с этим не так давно были приняты государственные программы «Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ», «Развитие культуры и туризма на 2013–2020 годы», «Концепция развития туризма в Республике Тыва до 2020 г.» и т. д. Всё это пробуждает интерес к культуре, традициям, способствует возрождению и сохранению культурного наследия. Этнографический туризм

основан на усилении процессов национальной самоидентификации народов, желании людей осознать свою уникальность, принадлежность к определенным этническим группам, интересе к собственным корням. Также это приводит к росту туристических поездок с целью изучения образа жизни народов своих и чужих стран. Это сегмент туристической индустрии, в котором участвует коренное население, чья этническая особенность и является основной туристической достопримечательностью [Молодежный научный форум ... , 2019].

Одним из своеобразных регионов России является Республика Тыва, поскольку у коренного населения интересное и богатое историко-культурное наследие, сохранившиеся до наших дней традиции и обычаи, все это обусловило необходимость изучения традиционной народной культуры тувинского народа и анализа возможностей использования ее как ресурса для развития этнографического туризма [Володина, 2011]. На сегодняшний день, с учетом постепенного исчезновения различных элементов традиционной культуры того или иного народа, немаловажной представляется необходимость ее сохранения, восстановления, изучения и развития [Малова, 2002]. Коренные малочисленные народы, в том числе и тувинцы, являющиеся носителями уникальной культуры и системы хозяйствования, поэтому развитие этнографического туризма перспективно на территориях их традиционного проживания.

Республика Тыва, несмотря на большие возможности развития в области туризма, имеет ряд проблемных аспектов:

1. Отдаленность республики от международных путей сообщения (отсутствие железной дороги) и дороговизна стоимости проезда.

2. В регионе многие исторические объекты находятся в недостаточно хорошем для осмотра состоянии или имеют плохую транспортную доступность, хотя заслуживают внимания туристов.

3. Большинство этнографических объектов отделены друг от друга на разных территориальных единицах и по этой причине не включены в экскурсию. Однако они могут стать прекрасным анимационным объектом при грамотном подходе к составлению анимационной программы.

4. Этнографический туризм является элитарным видом туризма. Многие его формы требуют некоторой подготовки для более точного восприятия информации, следовательно, возникает необходимость формирования так называемой культуры туриста.

5. Необходимость активной пропаганды имиджа региона как неповторимого и уникального туристского центра этнографического туризма как на общероссийском, так и на мировом рынке.

6. Остается острой проблема подготовки профессиональных кадров и специалистов в данной области.

7. Государственное регулирование этнографического туризма как сферы бизнеса, которая нуждается в законодательной и исполнительной поддержке, а также содействии правительства РТ фундаментальным и прикладными научным исследованиям в области туризма путем проведения конкурсов и присуждения грантов.

В Республике Тыва имеется уникальная возможность роста данного вида туризма. У нее есть все необходимое – большая территория, насыщенное историческое и культурное наследие, а в отдельных регионах – нетронутая, дикая природа [Журавлев, Журавлева, 1981]. Однако все эти негативные моменты, характеризующие недостаточную базовую основу этнотуризма, недостаток инвестиционных ресурсов для их строительства и модернизации, низкий уровень развития жизни населения, экономики, нехватка профессионально подготовленных кадров, слабая хозяйственная деятельность и промышленность, относительно слабая инфраструктура и, особенно, транспортная освоенность территории пока препятствуют развитию туризма в Республике Тыва.

Для региона в большей степени характерен экскурсионный характер туризма, являющийся в посещении туристом этнографических и историко-культурных объектов (музеи, этнографические музеи под открытым небом, исторические поселения и т. д.). Совершенно справедливым кажется доклад начальника Департамента по туризму Министерства экономики РТ К. Монгуш «Опыт развития этнографического туризма в р. Тыве» [2019]. Автор целью своего исследования ставит анализ данного вида туризма,

уделяя внимание основным событийным туристским мероприятиям, таким как праздник Шагаа, Наадым, фестиваль тувинских национальных танцев «Торе-Холдун чалгыглары», фестиваль живой музыки и веры «Устүү-Хүрээ», а также объектам инфраструктуры – этнокультурному комплексу «Алдын-Булак», Республиканскому центру тувинской традиционной культуры и ремесел, Национальному музею Республики Тыва. Всё это помогает лучше понять специфику тувинского менталитета, её культуру и язык.

Достаточной популярностью среди местного населения пользуется религиозный туризм, который начал развиваться в республике сравнительно недавно. Первоначально происходит введение туристов в соответствующую этнокультурную среду и уже затем – посещение сакральных мест, прежде всего оава – жертвенных курганов, святилищ, мест совершения ритуальных действий, природных мест, куда ежегодно устремляются паломники. Таких мест в республике много – это Бурган-изи (След Будды), Устуу-Хурээ, Буддийский храм Печенлиг, Буддийская ниша и др.

Значительным потенциалом обладает лечебно-оздоровительный туризм, базирующийся на местных восстановительных ресурсах в районах озер Дус-Холь, санаторно-курортного комплекса Чедер, аржаанов и целебных источников (Тарыс, Уш-Белдир, Хемчик, Когээн-Булак, Шивилиг, Кара-Суг, Торгалыг, Маннайлыг, Улаатай) [Аракчаа, Кужугет, 2013].

Самым молодым подвидом этнографического туризма является джайлоо-туризм, который представляет собой отдых в труднодоступных местах вдали от благ цивилизации в примитивных бытовых условиях. На данный момент в республике он только начинает развиваться. Благодаря джайлоо, приезжие получают возможность жить в войлочных юртах, увидеть быт, попробовать свои силы в непрестом труде по уходу за скотом, приобщиться к блюдам тувинской кухни, познакомиться с обычаями древнего кочевого народа, который предполагает вовлечение и самих коренных народов в организацию туристской индустрии.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что заинтересованность человечества в познании происхождения традиционной народной культуры в настоящее время является одним из важных аспектов культурного наследия. Для Республики Тыва это играет важную непосредственную роль для организации и развития этнографического туризма, который является способом возрождения национальных традиций, их передачи следующим поколениям, формирования толерантного отношения к другим народам, их нормам и обычаям.

*Научный руководитель – Е. В. Айыжы
канд. ист. наук, доцент,
Тувинский государственный университет*

Список литературы

- Аракчаа К. Д., Кужугет К. С. Природные водные лечебные ресурсы Республики Тыва: состояние и перспективы исследований // Курортная база и природные лечебно-оздоровительные местности Тувы и сопредельных регионов: опыт и перспективы использования в целях профилактики заболеваний, лечения и реабилитации больных. Кызыл, 2013. № 1. С. 8–15.
- Володина М. С. Этнокультурное наследие России – ресурс развития внутреннего туризма // Самоуправление. 2011. № 5. С. 40–43.
- Журавлев Ф. А., Журавлева З. А. Путешествие по Туве. Кызыл, 1981. 178 с.
- Малова Н. А. Этнический туризм: проблемы, тенденции, перспективы // Туризм и культурное наследие: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2002. Вып. 1. № 4. С. 11–13.
- Молодежный научный форум: общественные и экономические науки: эл. сб. ст. по материалам VII Междунар. студ. науч.-практ. конф. 2019. URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_social/7\(7\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_social/7(7).pdf) (дата обращения: 23.12.2019)
- Монгуш К. Опыт развития этнографического туризма в р. Туве. 2019. URL: <https://www.russiatourism.ru/news/1894/> (дата обращения: 24.12.2019)

In this article, I tried to consider the essence, main problems and further development of ethnographic tourism in the Republic of Tuva, which is a region with a huge ethnographic potential that has accumulated here over the centuries of its existence. The preservation and study of the ethnic and cultural heritage of Tuva is of great importance in conditions when centuries-old traditions, customs, and spiritual culture are lost.

Keywords: ethnographic tourism, cultural heritage, traditions, indigenous people.

Ан Цэцэгсүрен Владимировна

студент 3-го курса

Тувинский государственный университет

e-mail: cecegond@gmail.com

An Tsetsegsuren Vladimirovna

Student 3th year

Tuva State University

e-mail: cecegond@gmail.com

УДК 39(=512.156)(091)

Современная идентичность тувинского этноса (историко-сравнительное исследование)

С.-Б. Д. Хомушку

Тувинский государственный университет, Кызыл, Россия

В настоящее время постепенно, но верно происходит стирание межэтнических границ, упразднение национальных обычаев и традиций, что несомненно приводит к утрате восприятия самого себя как представителя какого-либо этноса.

Тувинский этнос является одной из самых удивительных исторически сложившихся общностей людей, объединенных общим языком, культурой, хозяйством, территорией и самосознанием.

Идентичность этноса характеризует представление человека о себе как о члене определенной этнической группы наряду с духовным и эмоциональным ценностным значением. Для каждого человека этническая идентичность означает осознание им своей принадлежности к определенной этнической общности.

Чтобы определить современную идентичность тувинского народа, нужно выявить историческую особенность формирования единства населения на территории Республики Тыва. Для этого мы провели анкетирование среди студентов исторического факультета Тувинского государственного университета. Кроме того, было проведено интервьюирование с гражданами пожилого возраста. Респонденты должны были ответить на несколько вопросов, связанных с идентичностью тувинского этноса в период Тувинской АССР.

В анкетировании приняли участие 90 человек (60 студентов и 30 граждан пожилого возраста).

Анкетирование условно разделено на три этапа:

1. Выявление этнического «я».
2. Степень выраженности этнического «мы».
3. Выборочное интервьюирование с гражданами пожилого возраста.

Данный метод был взят из работы В. С. Донгак [2017, с. 33].

В ходе проведенных работ были получены следующие результаты:

1. Выявление этнического «я».

Степень внутриэтнической идентичности респондентов является весьма высокой (99 %), также хорошо выражена российская гражданская идентичность (60 %) в основном у обеих сторон анкетирования. Хорошо демонстрируется у большинства участников опроса знание традиций и обычаев тувинского народа (более 68,5 %).

2. Степень выраженности этнического «мы».

Чтобы определить на эмпирическом уровне те признаки, по которым собственно и происходит включение в общность «мы», в опросном листе поставлен вопрос в прямой форме: «Что, по Вашему мнению, сближает Вас с другими людьми Вашей национальности?». Индикаторами (вариантами ответов) являются: родной язык, народные

обычаи и традиции, общее историческое прошлое, религия, черты общего облика и любовь к малой родине.

Большинство граждан старшего поколения выбрали индикатором следующие признаки: родной язык (70 %), народные обычаи и традиции (92,3 %), религия (55,2 %), общее историческое прошлое, черты общего облика и любовь к малой родине. Основными индикаторами, которые сближают молодое поколение с людьми своей национальности, являются, прежде всего, родной язык (60 %), народные обычаи и традиции (80 %), общее историческое прошлое (70 %), религия, черты общего облика и любовь к малой родине.

3. Выборочное интервьюирование граждан пожилого возраста.

Чтобы определить современную идентичность тувинского этноса, нами было проведено интервьюирование граждан пожилого возраста, так как самым интересным, на наш взгляд, являлось субъективное представление определенных граждан старшего поколения о современной идентичности тувинского этноса.

Выборка:

1. Пол – мужской. Возраст 78 лет. Пенсионер.
2. Пол – мужской. Возраст 85 лет. Пенсионер.
3. Пол – мужской. Возраст 69 лет. Пенсионер.
4. Пол – женский. Возраст 73 года. Пенсионер.

Интервью проводилось при личной встрече с респондентами. Был заготовлен ряд вопросов:

1. Как Вы понимаете термин «идентичность»?
2. Как сохранялась тувинская идентичность в период Тувинской АССР?
3. Изменилась ли идентичность тувинцев, по Вашему мнению?
4. Как, по Вашему мнению, должна консервироваться идентичность тувинцев в новейшее время?
5. Влияет ли религия на идентичность тувинцев?
6. Как Вы считаете, нужно ли соблюдать традиции и обычаи своего народа?

Данный список расширялся по мере проведения интервью, так как в процессе такого разговора и углубления раскрытия темы появлялись вещи, о которых не было мыслей ранее. В среднем интервью длилось полчаса. На наш взгляд, этого было достаточно для того, чтобы получить ответы на интересующие нас вопросы. Вначале интервьюируемый получал информацию о том, что проводимое исследование необходимо для написания научной статьи в рамках Российской археолого-этнографической конференции по теме «Современная идентичность тувинского этноса (историко-сравнительное исследование)». После того как все интервью были проведены, происходил их тщательный и качественный анализ.

Анализ данных, полученных в ходе интервьюирования, дал следующие результаты.

Идентичность – это осознание принадлежности к определенным социальным, экономическим, национальным, профессиональным, языковым, политическим и другим группам или общностям. Некоторые считают, что идентичность – это схожесть взглядов только в национальном плане, т. е. в языке, культуре, традициях и обычаях.

Тувинская идентичность в период Тувинской АССР была весьма высока, и связано это с тем, что тувинский народ, имевший ранее независимое государство, оставался тесно связанным в экономической и политической сфере с Советским Союзом. Политическая элита тувинского народа делала большой упор на советизацию и всестороннюю интеграцию с советским государством. Но, независимо от этого, в течение 23 лет существования Тувинской Народной Республики формировалась гражданская идентичность тувинского народа, осознававшего то, что они являются гражданами суверенного государства, и воспринимавшего СССР как страну-союзницу, так как у них одинаковые государственный строй и политические взгляды.

11 октября 1944 г. Тувинская Народная Республика вошла в состав СССР и РСФСР на правах Тувинской автономной области [История Тувы ... , 2007, с. 394]. Вследствие этого события в разных районах Тувы были проведены митинги в честь успехов тувинского правительства и партии, а также в благодарность советскому руководству. Респонденты отмечают, что к 1950-м гг. тувинский народ практически пришел к оседлости, но этот процесс сопровождался потерей и упрощением многих традиций и обычаев. Также находятся граждане, утверждающие, что строительство коммунизма и дружба народов играют большую роль, чем этническое самосознание.

По третьему вопросу мнения респондентов разделились. Одна группа интервьюируемых полагала, что тувинская идентичность изменилась до неузнаваемости и что это связано с проникновением в Туву массовой или поп-культуры. Другая группа считала, что тувинская идентичность прошла лишь адаптацию к современным условиям жизни, и отметила, что тувинская молодежь все еще соблюдает сохранившиеся традиции и обычаи и возрождает утраченные.

На следующий вопрос респонденты ответили не задумываясь, так как каждый народ стремится сохранить идентичность, культуру, свой быт и нрав, поскольку, потеряв идентичность своего этноса, народ истощается культурно и нравственно.

Религия является одним из скрепляющих элементов в идентичности каждого этноса и играет большую роль в повседневной жизни каждого человека. По данному вопросу мнения респондентов отличались. Некоторые считали, что все-таки шаманизм является основной религией тувинцев, поскольку уходит в глубь истории и культуры. Тувинцы издревле верили в перерождение души, в традиционном мировоззрении и фольклоре смерть обозначалась табуированно, через образы-эвфемизмы, напр.: «у него в юрте погас огонь жизни, призрак бросил его тело», «поехал за красной

солью» [Курбатский, 2001, с. 148]. Душа умершего давала жизнь другому существу, человеку или животному [Там же]. Также простые люди никогда не подражали настоящим шаманам. Шаман видит и слышит то, чего простой человек не может ни видеть, ни слышать. Считалось, что того, кто подражал шаману, достигнет и убьет шаманский ээрен-идол, и опустошит его аал [Кенин-Лопсан, 2006, с. 7].

Некоторые респонденты делали упор на буддизм как связывающий элемент тувинской идентичности. Буддизм оказал значительное влияние на традиционную культуру тувинцев: наложил отпечаток на народные обряды жизненного цикла (свадебные, родильные, погребальные), календарные праздники и на медицину. В Туве буддизм сосуществует с шаманизмом, так как люди в некоторых случаях обращались к шаманам, а в других – к ламам.

Традиции и обычаи являются основным фактором, скрепляющим и сохраняющим идентичность каждого народа. Респонденты единогласно ответили, что соблюдение традиций и обычаев гарантирует сохранение уникальности каждого народа, формирует у современного человека понимание и определение его к той или иной общности.

Традиции и обычаи появились задолго до появления письменности. Они прошли через века, эти священные заповеди, оставленные потомкам. Традиции тувинского народа – это часть древней общемировой культуры [Кенин-Лопсан, 2006, с. 149].

Граждане старшего поколения в основном считают, что современная идентичность тувинского этноса практически не изменилась, сохранились те же ценности, которые фигурировали с начала XX в. и до начала XXI в.

Исходя из этого, мы делаем вывод, что современная идентичность тувинского этноса практически не изменилась, а в процессе глобализации только адаптировалась к современному миру. В ходе интервьюирования граждан пожилого возраста было выяснено, что идентичность тувинского этноса сохранялась на протяжении полутора веков, вне зависимости от того, что в период коммунистического строя большой упор делался на создание именно советского гражданина с коммунистическим взглядом на мир, отчуждая и упраздняя некоторые традиции и обычаи. После распада СССР стало четко видно, что национальные республики быстро переориентировались на политику объединения и возрождения идентичности и утраченных традиций и обычаев своего народа.

*Научный руководитель – Е. В. Айыжы
канд. ист. наук, доцент,
Тувинский государственный университет*

Список литературы

- Донгак В. С. Этническая идентичность тувинцев Монголии // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. С. 2–35.
История Тувы / под ред. В. А. Ламина. Новосибирск : Наука, 2007. Т. II. 430 с.
Кенин-Лопсан М. Б. Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Тувин. кн. изд-во, 2006. 232 с.
Курбатский Г. Н. Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл : Тувин. кн. изд-во, 2001. 462 с.

Modern Identity of the Tuvan Ethnos (Historical and Comparative Study)

S.-B. D. Khomushku

The article is devoted to the study of the modern identity of the Tuvan ethnic group in a comparative aspect, which was held in the framework of the Russian-archaeological-ethnographic conference. The Tuvan ethnic group is one of the most amazing and historically developed communities of people united by a common language, culture, economy, territory and self-consciousness. The identity of an ethnic group characterizes a person's idea of himself as a member of a certain ethnic group, along with spiritual and emotional value values. For each person, ethnic identity means that they are aware of their belonging to a particular ethnic community. The article attempts to compare the ethnic identity of Tuvan youth with the older generation, who share a common culture and history. The study determined the degree of expression of ethnic and civic identities of young people and the older generation, analyzed different aspects of the life of the Tuvan people during the Tuva ASSR and the modern Republic of Tuva.

Keywords: identity, ethnicity, national identity, interviewing, Tuvans.

Хомушку Сайын-Белек Данилович
студент 3-го курса
Тувинский государственный университет
e-mail: Mongush1599@mail.ru

Khomushku Saiyn-Belek Danilovich
Student 3rd year
Tuva State University
e-mail: Mongush1599@mail.ru

Этнокультурное воспитание мальчиков в Туве

А. И. Чульдун

Тувинский государственный университет, Кызыл, Россия

Воспитанию ребенка в тувинской семье издревле уделяли большое внимание, поскольку именно с детства началось формирование будущей личности. Считалось, что ребенок своим воспитанием характеризует свою семью, ведь что было вложено в дитя, то и произрастает. Воспитание проводилось в русле моральных норм, служивших кодексом нравственного поведения. Выражение «адазынга», или «иезинге дөмей» («он пошел в отца или в мать»), говорит не только о внешней схожести и некоторых чертах характера, но и указывает на то, что ребенок, усвоив морально-этические нормы своего рода, унаследовав трудовые навыки, идет по стопам родителей [Маады, 2016].

В тувинском обществе принято считать, что соблюдение издавна предписанных культурных и нравственных норм обеспечивает сохранение доброго имени не только самого человека, но и его родителей, а то, насколько хорошо человек усвоит эти знания, будет заложено уже в детстве.

В труде М. Б. Кенин-Лопсана «Традиционная этика тувинцев», над которым ученый работал более 50 лет, подробно освещены вопросы воспитания детей в семье. Ученым определено, что социализация мальчиков и девочек существенно отличается по своим задачам и содержанию, прежде всего, полоролевой дифференциацией [2016]. Родители знали, к какой деятельности нужно готовить детей в зависимости от пола, какие морально-психологические качества надо им прививать. В зависимости от задач и содержания, они четко систематизировали, что не должен делать ребенок с 3-х до 13 лет, какими трудовыми навыками должен овладеть, какие морально-этические нормы соблюдать с 13 до 17 лет.

С рождением мальчика и девочки проявлялись гендерные различия в обрядах, сопровождающих это событие [Монгуш, 2019]. Когда ребенок рождался, его не разлучали с матерью, поскольку считалось, что так в нем не будут заложены зачатки человечности и в связи с этим у ребенка будет тяжелая судьба. На этот счет у тувинцев есть поговорка: «Ие кижы бурган болур», что в переводе означало «Мать является священной» [Кенин-Лопсан, 2016].

Воспитание продолжалось от 1 года до 13 лет. В древности считалось, что за счет времени, пока ребенок находился в утробе матери, при рождении ему был уже 1 год. Люди верили, что, подобно созвездию Большой Медведицы, в которой присутствуют 7 звезд, человек также проходит 7 этапов развития [Там же]. Первый этап – раннее детство – с рождения до 3 лет. В этот период нельзя было допускать, чтобы ребенок голодал, замерзал, пугался или разлучался с родителями. Второй этап – период детства – с 3 до 15 лет. Считалось, что мальчик пяти лет должен уметь пасти козлят и ягнят, а с 14 лет – уже разделять овец, снимать с них шкуру. Далее, периоды от 16 до 29 лет, от 30 до 45 лет, от 46 до 61 года, от 62 до 81 года и от 81 до смерти. Каждый этап развития имеет свои особенности, но важно лишь то, что уже с детства у человека формируются те черты, которые будут сопровождать его на протяжении жизни.

После рождения проводили *той* (в тувинской транскрипции – *дой*) – пир по случаю рождения ребенка. Это был праздник для всего рода, по этому поводу говорили: «Тыва кижы уш дойлуг: торуттунгенде, огленгенде, олгенде» («У тувинца три тоя: когда родится, когда женится, когда умрет»). Верили, что, если не справить той, ребенок может обидеться и заболеть. На той приносили подарки для ребенка: меха для теплой одежды, ткани для пеленок,

игрушки, дарили молодняк скота [Ламажаа, 2015]. Когда рождался мальчик, самый пожилой мужчина должен был распеть определенные благопожелания (йорээл). Считалось, что благопожелания будут сопровождать малыша на протяжении его жизни [Кенин-Лопсан, 2016].

До трех лет на ребенка воздействовали исключительно методом уговоров-прибауток. Если ребенок капризничал, если боялся ходить, если не хотел кушать, одеваться, обуваться, применяли отвлекающий маневр: это ритмически организованные строки уговоры-прибаутки, которые есть у каждого народа. Их назначение – не дать плохим привычкам закрепиться в поведении ребенка. Тувинцы считали, что память ребенка просыпается в три года. До трех лет он помнит свою прошлую жизнь, с трех лет осознает себя в этом мире. В три года проводится праздник стрижки волос, причем мальчикам волосы отстригал старший по возрасту дядя, совершая при этом определенный ритуал. Волосам придавалось сакральное значение. Ни мальчикам ни девочкам до трех лет волосы не обстригали. На праздник стрижки волос приглашали близких родственников, уважаемых людей, значимых для ребенка, таких как бабушки, дедушки, «хин-ава», «даай» – дядя по материнской линии, «куууй» – жена его [Дамчай, Уйнук-оол, 2014].

Почитание старших, *улугларны хундүлээри*, – это вековая традиция тувинского народа, основанная не на страхе, а на уважении жизненного опыта человека. Народная мудрость гласит: «Улугну хундүле, уругну азыра» («Старого уважай, малого воспитай»). Отношения между разными поколениями и внутри одного поколения у тувинцев определяет относительный возраст. По народной этике не принято называть по именам старших людей и, чтобы выразить почтение, даже к постороннему человеку обращаются, используя такие классификационные термины родства, как «угбай» – «старшая сестра», «акый» – «старший брат» и т. д. [Монгуш, 2019].

Полагалось, что в три года у человека просыпается чувство хозяина. Он становится собственником скота, узнает его, пытается ухаживать. Если приходится на еду забивать его скот, то спрашивают разрешения у ребенка. Когда сварится мясо, маленькому хозяину оказывают почести: угощают лакомыми кусками, благодарят [Дамчай, Уйнук-оол, 2014].

После 3 лет уговоры сменялись запретами. Известен основной список запретов для детей [Кенин-Лопсан, 2016]:

- не должны вмешиваться в разговор взрослых, а должны выйти из юрты, не проходя при этом перед взрослым;
- детям не положено называть взрослых по имени, поэтому с детства они запоминают слова, обозначающие степень родства;
- когда взрослый человек подает что-либо, должны принять это обеими руками;
- ни в чем не должны перечить родителям и всегда говорить правду. В народе говорят, если ребенок до 13 лет приучился лгать, то и к 60-летнему возрасту будет бессовестным лгуном;
- не должны брать чужую вещь, говорили, что человек, укравший чужую вещь, умрет в мучениях;
- не только детям, даже взрослым до 30 лет не полагалось пить спиртное, прежде всего, заботились о здоровом поколении и т. д.

Важное место занимали игры детей. Взрослые организовывали эту сферу так, чтобы дети приобретали и совершенствовали навыки общения во время трудовой деятельности. Общение более старших в основном происходило

во время пастьбы домашнего скота, рыбной ловли. Они играли в разные игры, пели, рассказывали друг другу сказки, небылицы, страшилки. Мальчики могли состязаться в борьбе, скачках, стрельбе из лука [Дамчай, Уйнук-оол, 2014].

До двенадцати лет ребенок должен усвоить правила жизни в обществе и чутьем угадывать нужную форму поведения без подсказки взрослых. Он должен усвоить нравственные ценности общества, уметь отличать плохое от хорошего. Это очень важно – научить принимать решения, ибо «Хай билбес тол хайга чедирер» («Ребенок, которому дозволено все, может довести до большой беды»). В подростковом возрасте авторитет родителей отходит на второй план, большое значение приобретает статус среди сверстников. Влияние подростков друг на друга может быть отрицательным: «Бак кижы балалыг», поэтому важно, чтобы к двенадцати годам ребенок имел твердую позицию, мог противостоять негативному влиянию [Там же].

Помимо запретов, существуют определенные наставления, которые необходимо чтить мальчикам [Кенин-Лопсан, 2016]:

- трехлетний ребенок должен узнавать масть подаренного ему дядей жеребенка;
- пятилетний мальчик должен начать учиться арканить дикого теленка;
- семилетний мальчик – опора отца; отец уже может брать его с собой на важные мероприятия;
- девятилетний мальчик должен уметь управлять диким быком, приобретает опыт в ведении скота;
- тринадцатилетнему мальчику доверяют пасти не только свой, но и чужой скот, чтобы он таким образом заработал на пропитание семьи.

Далее воспитание мальчика ориентировано на овладение всем хозяйством, чтобы он уже самостоятельно мог продолжать дела, которым его учили. Когда мальчик в семье подрастал, основная функция воспитания сосредото-

тачивалась в руках отца. В первую очередь, отец приобщал его к физическому труду и хозяйственной деятельности. Искусно воспитанным считался юноша, который умеет не только охотиться и добывать себе пищу, но и вести хозяйство, строить свое жилье. Храбрый, отзывчивый, трудолюбивый – вот идеал хорошо воспитанного мальчика [Монгуш, 2019].

Таким образом, воспитание мальчика играло и играет по сей день большую роль в формировании его личности. Огромный вклад вносит регулирование родителями поведения ребенка еще с малых лет, поскольку они дают основу тому, что произрастет в будущем. Человек будет показывать себя таким образом, какое дали ему воспитание, и посему своими действиями он будет характеризовать не только свою личность, но и свою семью, и свой народный менталитет.

*Научный руководитель – З. Ю. Доржу
д-р ист. наук, профессор,
Тувинский государственный университет*

Список литературы

- Дамчай О. М., Уйнук-оол Е. С. Культура традиционной тувинской семьи: учеб.-метод. пособие. Кызыл, 2014. 120 с.
- Кенин-Лопсан М. Б. Традиционная культура тувинцев. Кызыл, 2016. 232 с.
- Ламжаа Ч. К. Ребенок в тувинской культуре // Новые исследования Тувы. 2015. № 1. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_25/7759-lamazhaa.html (дата обращения: 15.02.2020)
- Маады С. С. Воспитание детей в традиционной тувинской семье // Научные труды Тувинского государственного университета. Кызыл, 2016. С. 55–56. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29014572&> (дата обращения: 15.02.2020)
- Монгуш А. М. Мужчина в гендерных взаимодействиях в традиционном тувинском обществе // Genesis: исторические исследования. 2019. № 6. С. 19–26. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30122 (дата обращения: 15.02.2020)

Ethnocultural Education of Boys in Tuva

A. I. Chuldum

The subject of this research is a study of the ethno-cultural education of boys in Tuva. The upbringing of a boy is considered from the moment of his birth and continues until the age of 17. The way the boy eventually grew up depends entirely on what influence his parents had on him. The research asks questions about the main functions that a boy should learn in certain years of his life.

Keywords: ethno-cultural, education, boys, Tuva, gender, traditions, Tuvan family.

Чулдум Ариана Исламбековна

студент 2-го курса

Тувинский государственный университет

e-mail: caseyweldon666@gmail.com

Chuldum Ariana Islambekovna

Student 2nd year

Tuvan State University

e-mail: caseyweldon666@gmail.com

УДК 392(=512.156)

Семейная обрядность тувинцев

С. К. Ховалыг

Тувинский государственный университет, Кызыл, Россия

На сегодняшний день является актуальным возрождение национальных традиций и обычаев. Республика Тыва не исключение. Веками тувинцы рождались и жили в юртах, в них формировались традиционные нормы поведения, многие из которых стали сегодня элементами тувинских правил хорошего тона. У тувинцев с течением веков сформировались своя традиционная культура, правила и нормы поведения и семейная обрядность.

Семья является хранительницей исторической памяти, языка, культуры тувинского народа.

Создание семьи для тувинцев было обязательным. До сих пор считается, что выражение «бут кырынга тургузар» – «поставить на ноги» – значит женить или выдать замуж. У тувинцев, как и у алтайцев, только семейный

человек имел отдельную юрту. Отсюда выражение «оглээр» – «обеспечить юртой» – является синонимом выражений «женить, выдать замуж». Представления о браке выражены в поговорке: «Тыва кижы уш дойлуг: торуттунгенде, огленгенде, олгенде» («У тувинца три доя: когда родится, когда женится, когда умрет»); в поучении: «Чангыс чорба, эштиг чор. Чалгаа чорба, кежээ чор» – («Не будь одиноком, имей пару, не будь ленивым, будь трудолюбивым») [Курбатский, 2001, с. 64].

В создании новой семьи был заинтересован и принимал участие весь род. Это событие огромного значения – роднились два рода. О роли многочисленной родни существует пословица: «Дорт кижы торудер, дортен кижы бажын билер» («Четверо порождают, сорок управляют»).

Родители должны учитывать мнение родичей: «Ужурдан эрткен чуве чок» («Нет ничего сильнее традиции») [Потапов, 1969, с. 102].

В традиционной тувинской семье ответственность за семью, ее настоящее и будущее нес мужчина. Он был главой семьи. Его биологическая роль в воспроизводстве общества дополнялась социальной родительской ролью. Род продолжался по линии отца, дети принадлежали роду отца. Женитьба младшего брата покойного на его вдове называлась левиратом. Существование левирата свидетельствовало о главенствующей роли мужчины в родовой общине. Это, прежде всего, озабоченность судьбой детей-сирот, способ закрепления детей за родом отца [Культура традиционной ... , 2014, с. 73].

Спокоен правитель – процветает государство. Спокоен отец – спокойна вся семья. Делая внушения детям, мать всегда ссылается на авторитет отца. Поэтому отец воспитывает даже своим отсутствием, силой своего примера.

«Немаловажную роль в организации функционирования “малого предприятия” играла женщина как организатор и непосредственная участница производства продукции, необходимой для жизни семьи. Круг ее обязанностей был ограничен: “Херээжок кижинин бодалы ожуун долгандыр, эр кижинин бодалы делегейни дескинди” (“Мысли женщины вокруг очага, мысли мужчины вокруг света”») [Кенин-Лопсан, 1994, с. 66]. Женщина распоряжалась в юрте и в подворье, распределяла обязанности между детьми и младшими родственниками. В ее обязанности входили приготовление еды, заготовка запасов продовольствия, лекарственного сырья растительного происхождения, пошив одежды и обуви, одеял, изготовление войлока, обновление матрацов, напольных ковров, убранства юрты, уход за скотом и многое другое.

Целью и смыслом семейной жизни было воспроизводство общества, рождение, сохранение жизни и воспитание детей. «Семья выполняла функции детского сада, школы. Мать для ребенка была и няней, и воспитателем, и первым учителем. О ее значении для детей говорили: “Ада чокта – чартык оскус, ие чокта – будун оскус” (“Без отца – полусирота, без матери – круглая сирота”») [Там же, с. 75].

В функции матери еще включалась роль вымаливания благополучия семье и роду. Первую порцию утреннего чая хозяйка наливала в берестяной бидончик или в пиалу. Ритуальной ложкой-девятиглазкой «тос-карак» кропляла огонь очага, который почитался как святыня, затем выходила из юрты, кропляла небеса и землю, которые, в соответствии с тенгрианством, почитались как «Небо-отец», «Земля-мать», вымаливая благополучия семье и роду.

Эта молитва называлась «чалбарыг». Каждая хозяйка вымаливала благополучие по-своему: «Тос Дээрим, Долаан бурганым, оршээ! Алдын Тандым, ава Черим, оршээ! Аалораным оршээ, ажы-толум оршээ, арат чонум оршээ! оршээ! оршээ!» («Будьте милостивы, мои Девять Небес,

мое божество Долаан! Моя золотая Танды – Мать Земля, спасите и помилуйте мой аал, моих детей, мой народ! Помилуйте! Помилуйте!») [Кенин-Лопсан, 1994, с. 64].

В настоящее время многие семьи вновь начали использовать тос-карак. Разбрызгивание тос-караком в новолуние, полнолуние, учитывая дни благоприятные для подношения, стало своего рода семейной традицией.

В традиционном обществе уважение к старшим было возведено в ранг закона, так как самым ценным в старшем поколении был их жизненный опыт – опыт выживания, знание обычаев, традиций, которые регулировали жизнь. Традиционная семья была интернатом для пожилых членов аала. Пожелание долголетия ребенку звучало так: «Узун назын назылазын, уургайга дужуп =олзун!» («Пусть жизнь его будет долгой, пусть утонет в яме для засыпки зерна!»). Старики не были в тягость. Старшие внуки обычно воспитывались у дедушек и бабушек. Им передавались традиции семьи. Они были источником бесценного жизненного опыта. Считалось, что ребенок, не почитающий мать, не будет счастлив. Это и наставление, и установка, и предостережение. Призреть одиноких стариков и детей-сирот – долг общества. Тувинская пословица гласит: «Ие кижигизиг баарлыг» («Материнская душа полна сострадания»). Обогреть душевным теплом нуждающихся в заботе и ласке, предоставить кров, разделить с ними пищу, создать благоприятный психологический микроклимат может только женщина, способная прочувствовать чужую боль. Научиться способности быть эмпатичными дети могут только у матери. В традиционной тувинской семье мать – и «сестра милосердия», и знахарка-целительница, и повитуха «хин-ава» (мать, разрезавшая пуповину) [Культура традиционной ... , 2014, с. 76].

Таким образом, часть семейной обрядности тувинского народа утеряна и требует детального изучения и восстановления для сохранения и передачи нашим потомкам. Значимость рассматриваемых семейных обрядов велика, так как это наша история, это жизнь наших предков. Необходимо знать традиции и обряды своего народа, сохранять и умножать их, передавать из поколения в поколение.

*Научный руководитель – Е. В. Айыжы
канд. ист. наук, доцент,
кафедра всеобщей истории и археологии,
Тувинский государственный университет*

Список литературы

- Кенин-Лопсан М. Б. Тыва чоннун бурунгу ужурлары. Кызыл : Тыванын ном ундурер чери, 1994. 192 с.
Культура традиционной тувинской семьи. Кызыл : Ин-тут развития национальной школы, 2014. 120 с.
Курбатский Г. Тувинцы в своем фольклоре. Кызыл : Тувин. кн. изд-во, 2001. 464 с.
Потапов Л. Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука, 1969. 402 с.

Family Rites of the Tuvan People

S. K. Khovalyg

This article discusses the features of family rituals of the Tuvan people. The role of the family in traditional Tuvan society, the purpose and meaning of family life are studied. The Proverbs of ideas about marriage are given. The interest and participation of the genus in the creation of a new Tuvan family was studied. The role of the father and mother in the family, issues of child rearing, respect and reverence for adults, as well as basic norms of behavior and communication, customs and rituals in the family are considered. Rituals and traditions in the family as the basis of the spiritual culture of the people and their influence on the ethics of modern Tuvans.

Keywords: aal, customs, traditions, family rites, Tuvan family, traditional society, ruler, levirate.

Ховалыг Саглай Кайгал-ооловна

студент 3-го курса
Тувинский государственный университет
e-mail: saglaikhonalyg@mail.ru

Khovalyg Saglai Kaigal-oolovna

Student 3rd year
Tuva state University
e-mail: saglaikhonalyg@mail.ru

Уникальное чудо природы Чараш-Даш Бай-Тайгинского района Республики Тыва: историко-этнографический аспект

Б. Э. Ооржак

Тувинский государственный университет, Кызыл, Россия

На нашей планете наряду с крупными индустриально развитыми мегаполисами существует немало мест, созданных самой природой, которые поражают своей красотой и удивляют своей таинственностью. Загадочные места вызывают огромное количество вопросов у ученых, сбивают с толку аномальными явлениями и неизведанностью.

Такие места часто становятся достопримечательностями, а иногда остаются недоступными для посетителей, потому что считаются священными и по сей день сохраняют свою таинственность. Как правило, с ними связано немало легенд. Примером этого может служить уникальное чудо природы Чараш-Даш Бай-Тайгинского района Республики Тыва.

Но прежде следует дать информацию о Туве, которая без всякого преувеличения является одним из самых экзотических мест России. Тува – это республика на юге Сибири, за Саянами и Алтайскими горами, страна степей и гор, страна культуры кочевников, край буддистов и шаманов.

Тува находится в географическом центре Азии (монумент «Центр Азии» – одна из главных достопримечательностей тувинской столицы – г. Кызыла), на юге Восточной Сибири на границе с Монголией.

К востоку от Тувы расположена Бурятия, на северо-востоке – граница с Иркутской областью, на севере – с Красноярским краем, на северо-западе – с Хакасией, на западе – с Алтаем.

Территория республики гориста, практически вся Тува – либо горы, либо межгорные равнины. На севере – отроги Саянских гор, на западе – вершины гор Алтайских. Здесь находятся горные пики с вечными снежными шапками. Высочайшая точка Тувы – гора Монгун-Тайга (3976 м), на вершинах которой вечные льды.

Именно в Туве берет свое начало великая сибирская река Енисей. Столица – Кызыл – стоит в месте, где сливаются реки Бий-Хем (по-тувински «большая река») и Каа-Хем («малая река»), они образуют реку Улуг-Хем («великая река»), или Енисей, которая несет свои воды на север через всю Сибирь до Северного Ледовитого океана.

Всего в Туве проживает чуть более 300 тыс. человек, коренное население – тувинцы. Исторически культура Тувы – культура кочевников, здесь мирно сосуществуют буддизм и шаманизм.

Но главные достопримечательности Тувы заключены в ее природе, здесь множество мест, которые считаются священными, а некоторые – это целительные источники аржааны, куда приезжают люди, чтобы поправить здоровье.

Объект нашего исследования находится в Бай-Тайгинском кожууне, что в переводе означает «богатая тайга». Это удаленный кожуун западной Тувы, граничит с Республикой Алтай, Хакасией и Монгун-Тайгинским районом Республики Тыва. Именно здесь находится нерукотворное чудо природы Чараш-Даш, что в переводе означает «красивые камни». Существует поверье, что они сотворены божественной силой, потому не перестают удивлять своей красотой, необычной формой и цветом. Далеко в горах после дождя и смыва грунта на некоторых участках появляются очень красивые камни разных форм. Удивительно, что после очередного дождя те же камни приобретают уже другую форму и вид.

Некоторые камни имеют геометрически правильные строения, похожие на круг или копейку, некоторые в виде

округлых стяжений сростков, фигурок напоминают систему планет. Встречаются куски шлаковидных пород с примесью меди. В древности каким-то загадочным образом созданы природные самородные камни с различными фигурами зверей, птиц, предметов быта. Побывавшие в тех местах люди каждый раз встречают новые и новые камни, которые никогда не повторяются ни по форме, ни по цвету, ни по размеру. Но большинство из них, как свидетельствуют очевидцы, похожи на планету Земля, на различные тарелки и неваляшки.

Вот с этим удивительным местом и не менее удивительной красоты камнями связано немало легенд. Существует поверье, что эти камни нельзя трогать, уносить с собой, иначе произойдут самые разные природные катаклизмы. Немало местных жителей и приезжих побывали в тех местах, дабы на деле убедиться, что «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», и на себе испытали не всегда приятные последствия своего чрезмерного интереса к ним. В беседах с нами старожилы тех мест подтверждают опасность чрезмерного любопытства и желания потрогать, а то и унести красивые камни с собой, и каждый раз предупреждают об этом [Сарыг-Донгак, 2020].

Много вопросов вызывает происхождение этих удивительных камней, эта природная кладовая окутана огромным количеством тайн, легенд и мистики. По существующей легенде, давным-давно Хозяин этого места был влюблен в одну красивую девушку. Но девушка с родителями переехала в другое место (учитывая, что тувинцы испокон веков вели кочевой образ жизни, это было неудивительно). Влюбленный юноша очень страдал, что пришлось расстаться с любимой, ждал, когда она вернется, и стал делать из камней подарок для нее. Но время шло, а она все не возвращалась, разлука так растянулась, что даже юноша не мог побороть тоски и начал лить по ней слезы. От слез юноши камни каждый раз меняли свой цвет, становились один краше другого. Путники, находившие эти камни, не могли устоять перед их красотой и брали их с собой. Хозяин горы, заметив, что его подарки для любимой стали исчезать, разгневался и стал наказывать тех, кто забирал камни. Хозяин местности наводил страх любым способом, лишь бы камни оставались на месте, чтобы сохранить их до возвращения возлюбленной. Так сама природа начинала «мстить» тому, кто посмел притронуться к камням, которые были сотворены для украшения природы. С тех пор, как только кто-то притрагивался к камням, тут же начиналась гроза, сверкала молния, шел град. Если это была зима, то начинал валить снег, и нарушившие закон природы порой рассчитывались за это своей жизнью. Следуя этой легенде, местные жители не только не забирают с собой, но и не трогают Чараш-Даш во избежание всяких неприятностей [Тарак-оол, Маадыр, Экен-оол, 2005].

О местности Чараш-Даш сложено много, страшных историй и мифов. Но как определить, что из этого правда? Предлагаем самим сделать вывод, что из этого вымысел, а что нет. Так, в 1980-х гг. на Чараш-Даш поехала группа иностранных туристов. Совпадение или нет, но они, зная, что нельзя трогать камни, забрали с собой несколько камней. Через несколько дней, возвращаясь обратно, в пути их застал сильный ливень, сверкала молния, да так, что туристы буквально бежали с того места. Чтобы ускорить свой бег, они вынуждены были выкинуть камни, которые взяли,

как будто сама природа подгоняла их и заставила вернуть на место то, что им не принадлежало (так рассказывают старожилы с. Шуй).

Старейшины рассказывают и такую историю про чабана, у которого внезапно выросло большое стадо яков. Люди удивлялись, как за короткий промежуток времени он смог вырастить больше 100 голов стада. На все просьбы поделиться секретом, он молчал. Только перед смертью он признался сыну, как однажды на территории Чара-Даша случайно нашел камень, который напоминал силуэт яка, и после этой находки его стадо стало быстро расти [«Тос эртин» ... , 2011].

По воспоминаниям старожилов, в 2011 г. полюбаваться Чараш-Дашем пошла отдыхавшая в летнем лагере группа учащихся из другого кожууна – Барын-Хемчикского района республики. С ними были руководитель группы и две молодые учительницы. Сначала группа несколько дней отдыхала на Дустуг-Хеме, на лечебном источнике недалеко от местечка Чараш-Даш. Потом, все-таки решив самостоятельно увидеть красивые камни, рано утром пошли на Чараш-Даш. Руководитель группы неоднократно предупреждал и учеников и учителей, что нельзя трогать эти камни и ни в коем случае нельзя брать их с собой. Но одна из учительниц, увидев эти необычной формы камни, пораженные ее разнообразным цветом и красотой, не устояла и взяла несколько штук. Наказание за нарушение запрета пришло на следующий день, когда группа стала возвращаться в лагерь. Пройдя несколько километров, группа обнаружила, что нет одной из учительниц. Как оказалось, той, которая взяла камни. Ее искали семь дней, обратились за помощью к спасателям, волонтерам. Лишь на седьмой день поисков учительницу нашли на одной из летних стоянок чабанов. По словам хозяйки, она рано утром, когда пасла скот, нашла у реки лежавшую девушку, в порванной одежде, ноги были в мозолях. На все вопросы та не отвечала, а только плакала. Хозяйка с мужем перенесли ее в юрту и накормили. Выпив горячего чая и немного отдохнув, девушка рассказала, что, когда возвращалась с груп-

пой, вдруг, совершенно неожиданно, поднялся туман, сквозь который она ничего не могла различить; на ее крик, чтобы ребята подождали ее, никакого ответа не было. Когда туман наконец рассеялся, она поняла, что заблудилась, так как оказалась совершенно в другом месте. Запасов еды не было, пила только воду из таежного ручейка, который называется Кара-суг, что в переводе с тувинского означает «черная вода». Это был целебный источник. С наступлением ночи она нашла относительно сухое место для ночлега, как вдруг откуда-то выбежали семь маленьких человечков, которые укрыли ее темным теплым покрывалом. Было страшно и в то же время любопытно, что за существа помогли ей выжить. Однако они буквально исчезали при каждом шорохе. Эту бль, трудно объяснить, но она вновь напомнила о существовании легенды о запрете, который нельзя нарушать. Эти и многие другие легенды хранят тайну этого загадочного места. Разгадать их никто до сих пор не смог. Из беседы со старожилами я убедился, что никто и не хотел бы получить разгадку, следуя народной мудрости, что «Человек – дитя природы!» Природа хранит свои тайны, в этом красота и сила этих камней. Чараш-Даш послан нам самой природой, это дар, который надо сохранить в первозданном виде для наших будущих поколений, беречь, а не разрушать! И в этом значение и сила легенд, преданий, получивших отражение в народных традициях и обычаях, к которым надо относиться с уважением.

*Научный руководитель – З. Ю. Доржу
д-р ист. наук, профессор,
Тувинский государственный университет*

Список литературы

- Тарак-оол Б., Маадыр С., Эжен-оол Ч. Чангыс хемнин оолдары. Кызыл, 2005. 114 с.
Сарыг-Донгак К. К. «Чуртум-чонум, чонум-нуурум». Кызыл : Тываполиграф, 2020. 109 с.
«Тос эртин» (Девять драгоценностей): фотоальбом. Кызыл : Тувин. кн. изд-во им. Ю. Ш. Кюнзегеша, 2011. 110 с.

Unique Miracle of Nature – Charash-Dash in the Bai-Taiginsky District of the Republic of Tyva: Historical and Ethnographic Aspect

B. R. Oorzhak

This article is devoted to the unique natural wonder of Charash-Dash Bai-Taiga district of the Republic of Tyva. Charash-Dash in translation means “beautiful stones”, surprisingly beautiful, having a special appearance in the form of different forms, bright colors that change and do not repeat. The figures change over time. The most amazing thing is that there is a workshop under the ground where these figures are made and pushed to the ground. There are many legends about the area and the stones themselves, which are given in this article. We tried to collect them, study them, and answer the question: what are these stones, and why are they treated in a special way by local residents?

Keywords: Charash-Dash, Beautiful stones, Republic of Tyva, Bai-Taiga district, Shui.

Ооржак Буян Эресович

студент 3-го курса

Тувинский государственный университет

e-mail: oorzhakbujan@yandex.ru

Oorzhak Buyan Eresovich

Student 3rd years

Tuvan State University

e-mail: oorzhakbujan@yandex.ru

Традиция vs современность: нанайское искусство сегодня

А. В. Левченко

Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, Владивосток, Россия

Декоративно-прикладное искусство (далее – ДПИ) остается важным элементом традиционной культуры нанайцев. В настоящей статье мы проанализируем причину данной устойчивости и дадим характеристику актуальным формам ДПИ. В основе нашего исследования лежат работы Л. И. Шренка, А. И. Лопатина, С. В. Иванова, а также материалы нашего полевого исследования, проведенного летом 2019 г. в национальном селе Кондон¹.

Рыба была главным объектом нанайского промысла, все её части имели функциональное применение. Из рыбьей кожи шились одежда и обувь, изготавливались нитки. Она подвергалась различной обработке – в зависимости от территории, назначения изделия, вида рыбы [Мельникова, 2005, с. 44–47]. Кроме рыболовства, нанайцы занимались охотой. Из меха и ровдуги животных шились верхняя тёплая одежда, обувь и головные уборы. Собаководство – важная часть нанайского традиционного хозяйства. Собак использовали на промысле и при ведении домашнего хозяйства. Собака встречалась и в системе культов [Самар, 2011, с. 5]. Из собачьих шкур шились как взрослые, так и детские шубы, которые украшались меховой мозаикой [Шренк, 1899, с. 80].

Хозяйственные занятия делились на мужские и женские. Охота была мужским делом. Помимо физических усилий, она требовала передвижения на большие расстояния. Всё это приводило к тому, что за мужчинами закреплялись ремёсла, связанные с обработкой твёрдых материалов [Бутовская, 2013, с. 220], а за женщинами – остальных. К мужским видам искусства относилась резьба по дереву и кости, обработка металла. Из дерева изготавливались повседневная и ритуальная посуда, доски для кройки, оружие охоты и т. п. Из дерева вырезались ритуальные скульптуры – сэвэны. Дома украшались резьбой внутри и снаружи: «...мужчины покрывают орнаментом окна и двери фанзы, а также изготавливают и украшают резьбой столы, вешалки, полки и некоторые другие вещи домашней обстановки» [Лопатин, 1922, с. 336]. Женщины работали с мягкими материалами, такими как кожа, ткани, береста. Вышитый на одежде орнамент отличался тонкостью, изяществом, гармонией цветовых сочетаний [Там же, с. 337]. Нанайский орнамент замысловат, в основном состоит из спиралевидного и криволинейного узора. Включает в себя животные и растительные мотивы [Историко-этнографический атлас ... , 1961, с. 370].

До начала советских культурных преобразований, ремесленные знания и умения в нанайском обществе передавались в семье. Создание рыболовецких колхозов, укрупнение поселений, введение всеобщего образования способствовали переселению людей, смене рода деятельности. Дети отправлялись на учебу и воспитание в интернаты, в результате теряя связь с родной культурой [Лярская, 2001, с. 37]. Основным местом приобретения знаний о народных ремёслах стали учебные учреждения. С одной стороны, дети утрачивали родной язык, слабо усваивали навыки ведения традиционного хозяйства. Знания о национальном искусстве были стандартизированы и упрощены. Семантика художественных сюжетов утрачивалась. С другой, учебные программы по декоративно-прикладному искусству, уроки технологии и ИЗО помогли сохранить ДПИ в формальном виде. Во время возрождения интереса к тра-

диционной культуре у коренных народов (в поздний период СССР) оказалось, что в наиболее целостном виде национальные знания сохранились именно в прикладном народном творчестве, поэтому оно стало одним из немногих каналов манифестации этнической культуры в целом.

В с. Кондон сегодня женское искусство значительно преобладает. Мастеров здесь около 15 человек, из них всего один мужчина. По данным опросов, интерес к ремёслам и базовые навыки мастера получили в семье. Впоследствии каждый из них совершенствовал свои навыки в кружках и учебных учреждениях, где приобрел стандартный набор знаний в этой области.

Проиллюстрируем современное состояние ДПИ тремя типовыми портретами мастеров.

Представителем «традиционного» направления является Любовь Фёдоровна Самар. Она известна и за пределами своего села как мастер по пошиву традиционных халатов и искусная вышивальщица. Эти навыки она переняла у матери – носительницы традиционной нанайской культуры, чьё взросление пришлось на начало XX в. Любовь Фёдоровна сочиняет орнамент, который очень близок нанайскому канону¹. Копировать музейные или книжные образцы мастерица отказывается. Л. Ф. Самар отмечает некоторые изменения в своих изделиях: женский халат стал менее расклешённым и более длинным [ПМА 1]. Ее орнамент более крупный, менее плотный, чем на старинных образцах, в глаза бросаются яркость и контраст цветовых сочетаний лоскутов халата (рис., 1). Мастерица не учитывает пожеланий заказчиков (если это не заказ от творческого коллектива), творит «по вдохновению» [Там же].

В русле «актуализации» нанайского искусства работает Н. М. Дигор. Она имеет высшее художественное образование, специализация – бумагопластика. Н. М. Дигор перерабатывает традиционный орнамент, стилизуя его мотивы и переосмысливая сюжеты, составляя из них нетрадиционные для нанайской культуры композиции (рис., 2). Бумага как современный материал, в отличие от бересты, позволяет мастеру делать композиции из максимально тонких линий. На данный момент она и единственный мастер в селе, который работает с рыбьей кожей. Из неё она создает вещи, способные вписаться в образ современной женщины. Это небольшие украшения, пояса и поясные сумки – на них те же мотивы, что и на бумажных работах автора.

Оба мастера, и Н. М. Дигор и Л. Ф. Самар, давали уроки детям и взрослым. В своё время Наталья Мамоджоновна была ученицей Любовью Фёдоровны, позднее работала в школе с детьми. Л. Ф. Самар преподавала на профессиональных курсах. Её ученицы (сегодня их в Кондоне не менее 10 человек) продолжают практиковать вышивание в качестве подработки [ПМА 2].

М. А. Самар – учитель технологии и ИЗО в школе. Единственный мастер, занимающийся резьбой по дереву в национальном стиле. Он изготавливает декоративные композиции и элементы украшения фасадов (рис., 3). Свои умения мастер перенял у старших членов семьи. В его произведениях усматривается влияние арабского искусства, что подтверждают слова самого мастера. М. А. Самар работает как при помощи ручных столярных инструментов, так и на фрезерных станках. В отличие от прошлых лет сегодня у М. А. Самара охотно обучаются ремеслу и девочки.

¹ Кондон – село в Солнечном районе Хабаровского края на р. Десятка. Численность населения около 570 человек, в последние годы наблюдается рост населения.

¹ Под каноном мы понимаем совокупность знаний о нанайском искусстве, опубликованных в литературе, в основном в советское время.

2

1

3

Рис. Образцы современного нанайского декоративно-прикладного искусства:
 1 – воротник праздничного костюма, орнамент Л. Ф. Самар (фото А. В. Левченко);
 2 – бумагопластика, работа Н. М. Дигор (фото из сети Интернет, www.ukrvytnanka.com);
 3 – резные украшения калитки дома М. А. Самара

Учитывая современный уровень развития образования, средств коммуникации и массовой информации, любому нанайскому мастеру трудно избежать инокультурных влияний. Новые материалы также оказывают влияние на композицию изделий и их цветовой колорит. Всё это обогащает спектр техник, материалов и художественных приёмов, даёт авторам новые источники вдохновения и служит развитию ДПИ в целом. Многие аспекты традиционной нанайской культуры остались в прошлом, однако декоративно-прикладное искусство остаётся одним из столпов этнокультурной идентичности, наравне с языком и исторической территорией проживания.

Источники

ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Кондон Солнечного района Хабаровского края, июль 2019 г. (информант – Л. Ф. Самар, 1955 г. р.).

Tradition vs Modernity: Nanai Art Today

A. V. Levchenko

Traditional art continues to play an important role in preserving the Nanai national culture. The purpose of the article is to determine the causes of such a stable position of applied creativity in modern Nanai society. It is based on a field study in the village of Condon, Khabarovsk Region, conducted by employees of the North Pacific Anthropology Laboratory in July 2019. Some modern processes of the development of Nanai decorative and applied art in aspects of the transformation of the canon of art and the actualization of traditional creativity are highlighted. The main attention is paid to female art in the form of sewing and embroidery. Male art is represented by the work of the only carver in the village. In addition, such an unconventional form for Nanai art as paper plastic is considered.

Keywords: Amur River, Condon National Village, Nanai Culture, Traditional Arts and Crafts.

Левченко Арина Вадимовна

аспирант 2-го года обучения

Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН

e-mail: arina_levchenko_25@mail.ru

ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Кондон Солнечного района Хабаровского края, июль 2019 г. (информант – Н. М. Дигор, 1973 г. р.).

Список литературы

- Бутовская М. Л. Антропология пола. Фрязино : Век 2, 2013. 256 с.
 Историко-этнографический атлас Сибири / под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М. ; Л. : АН СССР, 1961. 496 с.
 Лопатин И. А. Гольды Амурские, Уссурийские и Сунгарийские. Владивосток : Тип. Управления внутренних дел, 1922. 370 с.
 Лярская Е. В. Культурная ассимиляция или два варианта культуры (на примере ненцев Ямала // Антропология. Фольклористика. Лингвистика. СПб., 2001. Вып. 1. С. 36–55.
 Мельникова Т. В. Традиционная одежда нанайцев (XIX–XX вв.) : дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2005. 300 с.
 Самар А. П. Традиционное собаководство нанайцев. Владивосток : Дальнаука, 2011. 255 с.
 Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1899. XXII. Т. 2 : Этнографическая часть. 314 с.

Levchenko Arina Vadimovna

Postgraduate student 2nd year

Institute of History, Archaeology and Ethnography FEB RAS

e-mail: arina_levchenko_25@mail.ru

УДК 904.726.26

Иудейское наследие Белоруссии (по материалам исследований 2018–2019 гг.)

А. В. Костюкевич

Институт истории Национальной академии наук Белоруссии, Минск, Белоруссия

Иудейское наследие, представленное многочисленными памятниками архитектуры и материальной культуры, составляет значительный сегмент историко-культурного наследия Белоруссии.

Согласно Екатерининскому указу о границе еврейской оседлости, иудеям разрешалось селиться в определенных местечках на территории западной части Российской империи. Практически вся территория современной Белоруссии входила в границу еврейской оседлости. Многочисленное иудейское население оказывало свое влияние как на экономическую и культурную жизнь, так и на бытовую уклад белорусских городов и местечек.

Иудеи, на период XVII–XIX вв. составляющие порядка 70–85 % от городского населения, плотно селились в кварталах, примыкающих к городским рынкам и синагогам. В настоящее время это центральная, являющаяся исторической, часть районных центров. Ввиду благоустройства райцентров, строительства и реконструкции зданий на территории охранных зон, возникает необходимость проведения спасательных археологических работ на данных объектах.

На протяжении 2018–2019 гг. автором статьи проводились охранные исследования на территории трех объектов, являющихся иудейскими культурно-историческими центрами Белоруссии. Данными объектами являлись еврейское кладбище («бесхайм») в г. Шклове и еврейские кварталы в г. Гродно и г. Слониме.

Шклов. Иудейское культовое сооружение, расположенное на еврейском кладбище г. Шклова, представляет собой исторический и культурологический интерес в силу своей уникальности для территории Белоруссии.

Еврейское население появляется в Шклове не ранее 1-й половины XVII в. В конце XVIII в. в Шклове проживало 1054 еврея, а к началу XIX в. их численность увеличилась до 1884 человек, что составляло порядка 80 % от всего населения города [Шклов ...]. Столь крупная община имела одну большую каменную синагогу, четыре деревянные, богадельню и кладбище, расположенное на холме, на вершину которого ведет сооружение, построенное не ранее XVII – начала XVIII в. из кирпича-пальчатки и имеющее форму коридора со ступенями.

Изучение данного объекта проводилось в июле – августе 2018 г. Для этого с северной стороны сооружения на расстоянии 1,5 м от западной стены с нишей был заложен шурф 1,5×1,5 м. На глубине 0,5–0,6 м от дневной поверхности выявлены две параллельно стоящие, ориентированные с запада на восток, частично разрушенные стены из кирпича-пальчатки. Расстояние между стенами – 0,3–0,5 м. Северная стена опирается одним краем в северо-западный угол шурфа, второй ее конец удален на 0,37 м от северного края шурфа и на 0,15 м от восточного. Общая ее протяженность составляет около 1,35 м. Ширина северной стены около 0,27 м. Южная стена, расположенная параллельно северной, одним концом опирается в западную стену шурфа,

а второй ее конец удален от восточного края шурфа на 0,3 м. Ширина данной стены превосходит северную стену и составляет около 0,5 м. Протяженность южной стены 1,2 м.

Остатки сооружения могут принадлежать к одному из двух видов культовых построек, использовавшихся в иудейской похоронной традиции. В первом случае это может быть миква (מִקְוָה) – особый резервуар с водой, использовавшийся для очищения от ритуальной нечистоты (תּוֹמָא, טוֹמָא). Иудаизм предписывает омовения в микве в случае соприкосновения с ритуально нечистым объектом [Тора ... , 1999, с. 631, 651, 826]. Во втором случае остатки выявленных стен могут принадлежать строению, именуемому «Бейт моэд лехол хай» («дом, предназначенный для каждого живущего»). Данное сооружение возводится близ входа на кладбище и предназначено для церемонии прощания.

Гродно. Первое летописное упоминание о Гродно относится к 1116 г. В XII–XIII вв. Гродно являлось столицей удельного княжества, а в 40-х гг. XIII в. перешло во владение литовских князей.

Наблюдаемый объект был расположен в исторической части города, где издавна селились гродненские евреи. Иудейский квартал находится «от моста Гродненского замка по обе стороны улицы, ведущей к Рынку вплоть до улицы, которая идет с Замковой улицы к Подолу, тыном эти участки с одной стороны улицы обращены к церковным домам. <...> С другой стороны улицы – к католическому кладбищу, а в поперечнике направлены по отношению к кладбищу и костельным участкам – к реке Городничанке» [Квитницкая, 2015]. Это был район, непосредственно прилегавший к королевским замкам с одной стороны и к главной площади – с другой [Евреи Гродно ... , 2000, с. 7, 8].

В апреле 2019 г. автором статьи производились охранные исследования на территории строительства здания под административно-торговый центр по ул. Большая Троицкая, 47, расположенной на месте бывших еврейских кварталов. В процессе строительства был заложен котлован длиной 16,2 м, шириной 16,4 м, глубиной 2,7–3,3 м.

Стратиграфия в котловане была нарушена многочисленными строительными работами, проводившимися на указанном месте ранее. Культурный слой присутствовал в виде неравномерных включений. В ходе спасательных исследований был выявлен богатый материал XVII–XIX вв. – строительная и архитектурно-художественная керамика, изделия бытового назначения, включающие в себя керамическую и стеклянную посуду, нумизматический материал, представленный монетами Королевства Польского, Швеции, Речи Посполитой, Герцогства Варшавского и Российской империи. Строительная керамика представлена фрагментом плитки для вымостки пола, декорированной шестиконечной (?) звездой. В категорию архитектурно-художественной керамики входят многочисленные фрагменты изразцов (более 80 экз.), как поливных, так и неполивных. Основным мотивом декора является

растительный. Цвет поливы колеблется от ярко-зеленого до зеленовато-коричневого (рис., 5, 6). Для данного региона подобные изделия характерны для XVII–XVIII вв. Среди коллекции бытовой керамики особенно стоит выделить коллекцию художественной керамики XVII–XVIII вв., свидетельствующую о зажиточности населения данного квартала (рис., 1, 2). Столовая керамика представлена многочисленными поливными горшками и сковородами-«рынками» (рис., 11, 10). Значительную часть коллекции (более 120 ед.) занимают фрагменты стеклянных изделий. Подавляющее количество составляют тарные бутылки со следами понтии на донце. Данные изделия могут быть

датированы XVII–XVIII вв. Кроме указанных предметов, среди стеклянных предметов могут быть выделены пять аптекарских бутылочек (рис., 9) и несколько фрагментов штофов, датированных XIX – началом XX в. (рис., 7). Кроме этого, в ходе спасательных работ были выявлены предметы религиозного культа – гадальные волчки-«севивоны», используемые для ханукальных гаданий (рис., 14), и медальон с надписью на идише (?) (рис., 13). Также было найдено более 120 экземпляров свинцовых пуль с литниками (рис., 12), несколько фрагментов свинцовых переплетов и свинцовых слитков.

Рис. Комплексы находок, выявленных при охранных исследованиях в Гродно и Слониме:

- 1–2 – фрагменты декоративной керамики (Гродно); 3–6 – фрагменты изразцов (3–4 – Слоним, 5–6 – Гродно);
 7 – фрагмент штофа (Гродно); 8 – фрагмент стеклянной бутылки (Слоним); 9 – аптечный флакончик (Гродно); 10 – фрагмент рынки (Гродно);
 11 – фрагмент поливной керамики с сетчатым орнаментом (Гродно); 12 – комплекс свинцовых пуль (Гродно); 13 – медальон (Гродно);
 14 – гадательный волчок – «севивон» (Гродно)

Весь комплекс выявленных находок может свидетельствовать о том, что на исследуемой территории существовала плотная застройка и проживало зажиточное население, исповедующее иудаизм.

Слоним. Город Слоним, по свидетельству археологических исследований, возник в XI в. на месте небольшого поселения. Впервые упоминается в Ипатьевской летописи в 1252 г. как Услоним (в 1255 г. – Вслоним). Впервые слонимские евреи упоминаются в 1551 г., а менее чем через сто лет, в 1642 г., здесь была построена каменная синагога. В XVII–XIX вв. иудеи составляли более 70 % населения Слонима. Основная масса слонимских евреев занималась торговлей и ремеслом и селилась в кварталах, примыкающих к хоральной синагоге и рынку.

В сентябре 2019 г. автором данной публикации были проведены спасательные исследования в районе вышеупомянутого квартала в связи со строительством объекта розничной торговли в исторической зоне Слонима.

Культурный слой в наблюдаемых траншеях был сильно поврежден и перемешан в ходе неоднократных предыдущих земляных работ. В ходе наблюдений был выявлен археологический материал, представленный архитектурно-художественной керамикой, бытовой керамикой и стеклянными изделиями. Архитектурно-художественная керамика, выявленная на данном объекте, представлена изразцами с растительным орнаментом, покрытыми зеленой

поливой. Данные изделия характерны для XVIII в. Три изразца подвергались воздействию высоких температур (рис., 3–4).

Среди бытовой керамики доминируют венчики и донца неполивных сосудов, характерных для XVII–XIX вв. Изделий из стекла немного, всего шесть экземпляров. Они представлены фрагментами бутылок и штофов (рис., 8). Комплекс находок свидетельствует об интенсивной городской жизни на исследуемой территории в XVII–XIX вв.

Таким образом, в ходе охранных исследований за последние два года был выявлен новый многочисленный археологический материал, иллюстрирующий быт еврейских кварталов белорусских городов.

Исследования в данной области планируется проводить и в дальнейшем.

Список литературы

Евреи Гродно: очерки истории и культуры / под ред. М. Кемерова. Гродно, 2000. С. 7–8.

Квитницкая Е. Планировка Гродно в XVI–XVIII вв. 2015. Ч. 3. URL: <https://harodnia.com/be/uczora/vkl-recz-paspalitaja/618-elena-kvitnitskaya-planirovka-grodno-v-khvi-khviii-vv-chast-tretya/> (дата обращения: 30.12.2019).

Тора (Пятикнижие Моисеево). Иерусалим: Гешарим, 1999. 1463 с.
Шклов // Электронная еврейская энциклопедия. URL: <https://eleven.co.il/diaspora/communities/14845/> (дата обращения: 01.02.2019).

Jewish Heritage of Belarus (Based on Research Materials of 2018–2019)

A. V. Kostsiukevich

In 2018–2019 the author of the paper carried out saving researches on the territory of several Belarussian cities – Shklov, Grodno and Slonim. In the course of these works, rich archaeological material illustrating the life of the Jewish quarters in the 17th–19th centuries were revealed. The research results are given in this paper. In the course of the studies had been found numerous items, such as fragments of green and brown glazed tile, kitchen pottery, household goods, coins, leaden bullets, and religious items. The entire complex of finds may indicate that in Grodno and Slonim existed quarters where lived well-to-do Jewish population. Thus, during studies over the past two years, numerous new archaeological materials has been identified that illustrates the life of the Jewish quarters of Belarussian cities. Research in this area is planned to continue.

Keywords: jewish quarter, synagogue, mikvah, rescue excavations.

Костюкевич Анастасия Владимировна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел сохранения и использования археологического наследия Института истории Национальной академии наук Белоруссии e-mail: kostukevith@yandex.ru

Kostyukevich Anastasiya Vladimirovna

Candidate of Science (History), Senior Researcher, Department of Preservation and Use of the Archaeological Heritage Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus e-mail: kostukevith@yandex.ru

УДК 902/904 (571.54)

Опыт организации археологического хранилища Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ИМБТ СО РАН) *

Я. В. Дикий, Б. А. Базаров

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

*Работа выполнена по гранту Правительства РФ № 14.W03.31.0016
«Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии»

Археологические коллекции составляют важную часть фондов республиканских музеев, таких как Музей истории Бурятии им. М. Н. Хангалова, Кяхтинский краеведческий музей им. ак. В. А. Обручева, Этнографический музей народов Забайкалья и Музей Бурятского научного центра. Кроме перечисленных выше музеев, археологические коллекции хранятся в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, во вновь созданной Лаборатории археологии, этнологии и антропологии. В этих коллекциях находят свое отражение все исторические эпохи республики, показывающие его отличительные черты, с одной стороны, и место в едином, межрегиональном историческом пространстве – с другой.

Под коллекциями в музееведении понимают «систематизированное собрание объектов, связанных общностью одного или нескольких признаков и представляющих

научно-познавательный или художественный интерес как единое целое» [Тельчаров, 2011, с. 12]. Учитывая специфику археологии, мы придерживаемся определения, которое было предложено Н. Е. Бердниковой: археологическая коллекция – это «источник комплексной информации во всей своей целостности, со всеми ее составляющими, в том числе и различной документации, приближаясь к полному отражению археологического объекта» [Бердникова, 2014, с. 98]. Это определение расширяет понятие «археологическая коллекция», отражая переход археологического объекта в иную информационную систему.

Стоит отметить, что на сегодняшний день проблемы, связанные с археологическими коллекциями, все чаще попадают в поле зрения исследователей. Затрагиваются вопросы формирования археологических коллекций [Алаева, 2011; Антонова, Батулин, 2018; Кекеев, 2017]; созда-

ния баз данных археологических коллекций [Кекеев, Менкенова, 2017]; необходимости изучения археологических коллекций при школьных музеях [Тишкин, 2015]; целостности и сохранности коллекций [Казанцева, 2019; Баранов, 2019]. Этим списком работы не ограничиваются.

Археологические коллекции при институте начинают формироваться с начала 1960-х гг. с приходом Е. А. Хамзиной и П. Б. Коновалова, начавших изучение древних культур на территории Бурятии. В конце 1960-х гг. к работе приступила Л. Г. Ивашина. Объектом ее исследований стал период неолита – энеолита. С конца 70-х – середины 80-х гг. XX в., с приходом молодых археологов С. В. Данилова, Б. Б. Дашибалова, Н. В. Именохоева, А. И. Бураева, А. Д. Цыбиктарова и А. В. Тиваненко, расширяются культурно-хронологические рамки археологических изысканий. В начале 1990-х гг. в группу археологии вошли В. И. Ташак и Л. В. Лбова, начавшие изучение древнего каменного века Забайкалья. С начала 2000-х гг. свою работу в ИМБТ СО РАН начали Н. В. Цыденова, Б. А. Базаров, А. И. Симухин, Д. А. Миягашев [Коновалов, 2012, с. 33–37].

Очередной подъем археологических исследований 2017–2019 гг. связан с началом работ по мегагранту Правительства РФ № 14.W03.31.2016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии». Активность работ на памятниках генерирует формирование новых и пополнение более ранних коллекций. В рамках реализации мегагранта создается Лаборатория археологии, этнологии и антропологии. Новая структура в институте явилась междисциплинарным научным центром комплексного исследования структурной динамики исторического развития населения Внутренней Азии в пространственно-временных связях межцивилизационного и межкультурного взаимодействия. Коллектив лаборатории представлен 33 научными сотрудниками, специалистами в области истории, археологии, антропологии, этнологии, филологии, философии, религиоведения, биологии и геологии [Базаров, 2019].

Работа по проекту «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии» (2017–2019 гг.) позволила существенно улучшить систему хранения, обеспечив надлежащие условия сохранности и оперативный доступ к археологическим коллекциям. Кроме того, в ходе реализации проекта было переоснащено хранилище археологических коллекций, что позволило значительно увеличить площадь хранения для археологических коллекций.

Был произведен ремонт помещения хранилища, закуплены и установлены современные мобильные стеллажи, которые позволили увеличить площадь хранения более чем в 2 раза. До оснащения новыми стеллажами все имеющиеся археологические коллекции занимали пять больших стационарных стеллажей, при этом совершенно не оставалось места для размещения вновь полученных материалов.

На сегодняшний день в хранилище Лаборатории археологии, этнологии и антропологии ИМБТ СО РАН находится на хранении около 40 археологических коллекций, охватывающих все исторические периоды от палеолита до нового времени. Необходимо отметить, что археологические коллекции разделены между двумя помещениями. Большая часть – это массовый и антропологический материал, который хранится в хранилище лаборатории. Вторая часть – индивидуальные находки, которые хранятся в кабинетах лаборатории в Центре восточных рукописей и ксилографов.

Коллекции сформированы по локально-персональному принципу (памятник/автор). Внутренняя группировка происходит по году работы на археологическом памятнике. В целом археологические коллекции института содержат более 95 тыс. уникальных и типовых артефактов. В состав коллекции входят: палеонтологические материалы, фрагменты керамических сосудов, осколки черепицы и кирпича, антропологический материал, продукты каменного производства (пластины, отщепы). Важную часть составляют и индивидуальные находки (наконечники стрел, бытовые предметы, предметы конской упряжи, бронзовые зеркала, разнообразные украшения, остатки ткани и элементы одежды и др.). Коллекции зеркально отражают географию и хронологию ведущихся раскопок.

Особое место занимает антропологическая коллекция, которая отражает этнические процессы, происходившие в прошлом на территории Бурятии.

Необходимо сделать существенное замечание по составу коллекций института. Не все материалы, полученные в ходе археологических работ, вошли в состав археологических коллекций института: часть материалов (зачастую самых интересных) была передана в музей города и республики, другая часть вывезена за пределы региона. Это делает необходимым дальнейшее источниковедческое изучение «разделенных» коллекций для достижения целостного представления о памятниках и культурах.

В заключение необходимо сказать, что вышеприведенная информация отразила первый этап по организации хранилища, первичного учета, топографии и сохранности археологических коллекций. На следующем этапе планируется произвести работы по созданию книги учета и базы данных археологических коллекций института.

Список литературы

- Алаева И. П. Археологическая коллекция Златоустовского краеведческого музея // Гороховские чтения : материалы 2-й регион. науч. конф. Челябинск, 2011. С. 261–265.
- Антонова Ю. Е., Батулин С. А. Археологические коллекции музея БНЦ СО РАН // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2018. № 3 (7). С. 27–35.
- Базаров Б. А. Два года археологических экспедиций и международное сотрудничество в рамках реализации мегагранта «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии» // Вестник БНЦ. 2019. № 2 (34). С. 267–271.
- Баранов В. С. Целостность археологических коллекций в музейном хранении: эффект «распредмечивания» // Археология Евразийский степей. 2019. № 5. С. 61–75.
- Бердникова Н. Е. Археологические объекты, коллекции и проблемы хранения // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 10. С. 94–109.
- Казанцева О. А. Делить нельзя изучать (целостность археологических коллекций: возможности и трудности научного исследования) // Археология Евразийский степей. 2019. № 5. С. 57–66.
- Кекеев Э. А. Археологические коллекции Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова, сформированные в период археологических раскопок 1961–1972 гг. // Вест. Калмыц. ин-та гуманитар. исследований РАН. 2017. № 4 (32). С. 92–101.
- Кекеев Э. А., Менкенова Б. Ш. База данных археологических коллекций Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова и аспекты ее применения // Бюллетень Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. История. Исторические науки. 2017. № 3 (3). С. 111–117.
- Коновалов П. Б. Археологические исследования в Бурятском научном центре (начало XX – начало XXI в.) // Вестник БНЦ. Сер. Археология. 2012. № 3 (7). С. 26–37.
- Тельчаров А. Д. Музееведение. М. : Научный мир, 2011. 184 с.
- Тишкин А. А. О необходимости изучения археологических предметов, хранящихся в муниципальных музеях Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2015. № 21. С. 246–250.

Experience in Organizing the Archaeological Repository of the Institute of Mongol Studies, Buddhism and Tibetology SB RAS (IMBT SB RAS)

Ya. V. Dikii, B. A. Bazarov

This paper highlights the results of the activities of the staff of the laboratory of archaeology, Ethnology and anthropology of the IMBT SB RAS, aimed at preserving, recording and processing the existing archaeological collections of the IMBT SB RAS. A brief history of the formation of the Institute's archaeological collections in the course of archaeological research in Buryatia is given. Quantitative information is given on the composition of collections and their

content. Stages of work on preservation of collections are defined. The created accounting documentation of the Institute's archaeological collections – the topographical book, the collection accounting book-became a preparatory stage for creating a database of archaeological collections at the Institute.

Keywords: Archaeology of Buryatia, IMBT SB RAS, archaeological repository, archaeological collections, shelving, Laboratory of Archaeology, Ethnology and Anthropology.

Дикий Ярослав Витальевич

лаборант-исследователь
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
e-mail: yaroslavdikii@gmail.com

Dikii Yaroslav Vitalievich

Laboratory Researcher
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
e-mail: yaroslavdikii@gmail.com

Базаров Биликто Александрович

научный сотрудник
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
e-mail: biliktobazarov@yandex.ru

Bazarov Bilikto Aleksandrovich

Researcher
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
e-mail: biliktobazarov@yandex.ru

УДК 069(091):902(571.55)

История музея археологии Забайкалья имени И. И. Кириллова

А. Р. Гордеенко

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

Музей археологии Забайкалья был открыт 1 октября 1969 г. на базе историко-филологического факультета Читинского государственного педагогического института имени Н. Г. Чернышевского. Инициатором его создания стал доцент кафедры истории И. И. Кириллов. Его поддержал Б. Л. Лига, организатор музейного дела в вузе. Высокую оценку этому начинанию дал академик А. П. Окладников, привлекая читинских студентов в свои забайкальские и амурские экспедиции [Константинов, 2017].

Для оформления музея была выбрана аудитория в учебном корпусе по адресу: ул. Бабушкина, 125. И. И. Кириллов разработал концепцию музея, а воплощение плана по оформлению музея взял на себя художник И. Е. Соколовский. В оформлении музея активное участие принимали молодые археологи М. В. Константинов и Е. В. Ковычев. Оформленная по всем правилам музейного дела аудитория получила статус Кабинета археологии и древнего мира. В нём проходили учебные занятия, заседания студенческого археологического кружка и экскурсии для посетителей. В музейном Кабинете размещались стенды, посвященные палеолиту, неолиту, бронзовому и раннему железному векам, эпохе средневековья. На стендах были представлены артефакты с древних поселений и погребений, а также фотографии с мест раскопок. Для хранения коллекций был отведен небольшой уголок в соседней аудитории, но впоследствии, поскольку фонды ежегодно пополнялись, была организована камеральная лаборатория в отдельном помещении [Константинов, 2011].

В 1975 г. в жизни музея произошли существенные изменения. Они были связаны с перемещением историко-филологического факультета в старинное вузовское здание по улице Чкалова, 140. И. И. Кириллов, в то время проректор вуза по науке, выбрал подходящее помещение, которое было больше прежнего в два раза. К нему примыкали камеральные лаборатории. Художественное оформление второй экспозиции было вновь осуществлено И. Е. Соколовским. Ему помогали сотрудники лабораторий А. И. Лыцусь и Л. В. Семина, а также студенты. В 1977 г. состоялось открытие экспозиции [Кириллов, 2009].

В 2013 г. сформировалась современная, третья по счету, экспозиция. Помощь в создании экспозиции оказали сотрудники Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова. Материалы для экспозиции были подобраны из лабораторных фондов вузовскими археологами М. В. и А. В. Константиновыми, Е. В. Ковычевым, а также аспирантами С. Б. Верещагиным и Д. М. Дашилхамевым [Константинов, 2019а].

Первый стенд посвящен эпохам нижнего и среднего палеолита, представленным материалами с таких памятни-

ков, как Сухотино-12 и 16, Русло Гыршелунки, Усть-Менза-5 и Присковое. Особый стенд представляет результаты экспериментальной археологии в виде архаичных каменных орудий. Далее следуют стенды в соответствии с археологическими эпохами: верхний палеолит, мезолит, неолит, эпохи палеометалла и средневековья. Украшением экспозиции являются четыре цветные диорамы, посвященные крупным комплексам археологических памятников, таким как Сухотинский, Студеновский, Будуланский и Дворцовский. К числу важнейших экспонатов относятся шесть скульптур, отражающих облик древних забайкальцев. Они выполнены по методу пластической реконструкции, разработанному М. М. Герасимовым. Авторы скульптур – Н. Н. Мамонова, Р. М. Галеев, Е. В. Веселовская.

Новым в экспозиции стал стенд, посвященный русской археологии. На нём размещены материалы раскопок Нерчинского и Иргенского острогов, Успенского и Чикойского монастырей, поселения Засопошного и Читинской тюрьмы, в которой содержались декабристы. Завершают экспозицию стенды, раскрывающие историю археологических исследований в Забайкалье в дореволюционный и советский периоды. В них представлены портреты исследователей, созданные художником Н. М. Полянским. Ему же принадлежат картины, отражающие жизнь древних забайкальцев.

Центральную часть музейного зала занимают горизонтальные витрины. Они используются для временных выставок, отражающих результаты новейших археологических исследований. В них также представлены материалы памятников Крыма, Армении и Таджикистана, в раскопках которых приняли участие читинские студенты. Для расширения полезной площади музейной экспозиции был использован лестничный объем, ведущий со второго на третий этаж. На стенах представлены фотоснимки поселений и погребений, планшеты и картины, на которых изображены писаницы. Особые стенды и витрины посвящены полувековому юбилею музея, который отмечался 1 октября 2019 г., и научно-педагогической деятельности основателя музея, чьё имя он носит с 2008 г. – доктора исторических наук, профессора И. И. Кириллова [Константинов, 2019б].

В настоящее время Музей археологии Забайкалья имени И. И. Кириллова в лице преподавателей, аспирантов и студентов продолжает активную научную, учебную, профориентационную и просветительскую деятельность.

*Научный руководитель – А. В. Константинов
д-р ист. наук, профессор, кафедра истории,
Забайкальский государственный университет*

Список литературы

Кириллов О. И. Искатель и хранитель старины далекой // Древнее Забайкалье: культура и природа. Чита, 2009. С. 7–15.

Константинов М. В. Кириллов Игорь Иванович / Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. Новосибирск, 2011. С. 163–164.

Константинов М. В. Археолог И. И. Кириллов: первый план полевых исследований // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. С. 137–141.

Константинов М. В. Музей археологии Забайкалья имени И. И. Кириллова (к 50-летию деятельности) // Записки Забайкальского отделения Русского географического общества. Чита, 2019а. С. 34–42.

Константинов М. В. Полувековая деятельность музея археологии Забайкалья имени И. И. Кириллова // Гуманитарный вектор. Чита, 2019б. Т. 14. С. 168–178.

History of the I. I. Kirillov Museum of the Archaeology of Transbaikalia

A. R. Gordeenko

The article is devoted to the history of the formation and development of the Museum of Archaeology of Transbaikalia named after I. I. Kirillov. Some dates from the biography of Professor I. I. Kirillov, directly related to the emergence and movement of the museum exposition to a new place. A description of the third exhibition is given. Many years of work by researchers, teachers and students turned the museum into a place, where since 1970 pedagogical, scientific and educational activities have been carried out and are still being actively carried out.

Keywords: Museum of Archaeology of Transbaikalia named after I. I. Kirillov, thematic and exhibition plan, I. I. Kirillov, museum expositions, reconstructions, stands.

Гордеенко Анна Романовна

студент 3-го курса

Забайкальский государственный университет

e-mail: gordeenkoanna@yandex.ru

Gordeenko Anna Romanovna

Student 3rd year

Transbaikal State University

e-mail: gordeenkoanna@yandex.ru

УДК 069.1:001.92

Популяризация археологии в музее (на примере Хабаровского музея археологии)

Т. С. Година

Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова, Хабаровск, Россия

Археология – это интересная и увлекательная наука о древности, которая позволяет узнать, как жили наши далекие предки, каким образом выглядели их орудия труда, предметы быта, искусства и культуры, поселения и города. Но, к сожалению, эти знания и открытия редко доходят должным образом до простых людей. Одной из основных задач археологов, научных сотрудников и педагогов, работающих в музеях, становится популяризация археологического знания в массах людей.

Современная археология изучает культуры и технологии прошлого посредством научных методов и теоретических концепций, разработанных для этого. Главная же задача археологии состоит в реконструкции социально-исторического развития конкретных общественных систем прошлого. Но во все времена в археологии существовал проблемный аспект ее гуманизации. Как и любая наука, археология должна реализовывать свои социальные функции: оказывать влияние на систему образования, выступать органичной частью материальной и духовной культуры. Накопив огромный материал по историко-археологическим эпохам, современная археология уделяет не так много внимания передаче знаний и материалов обществу. Это ставит перед археологией как гуманитарной и исторической наукой задачу сделать результаты своих открытий доступными для общества. Именно здесь необходимо найти грамотный подход к передаче и распространению научных знаний в современной и доступной форме в общеобразовательную и досуговую сферы общественной жизни. Чтобы люди не мыслили стереотипами, сложившимися благодаря киноиндустрии и вследствие ошибочных взглядов на столь увлекательную науку о древности.

Проблема популяризации науки актуальна как никогда, особенно в современном мире, где возникла пропасть между научно-образовательной сферой и социумом. Усвоение научной информации становится затруднительным даже в более или менее доступном изложении. Это связано с возрастанием объема научных и технических знаний и отсутствием приемлемых форм и средств передачи научной информации. На наш взгляд, наиболее эффективный путь к разрешению этой проблемы лежит через популяризацию науки.

Существуют определённые сложности в качественном переводе добытых в ходе научного поиска знаний на язык,

доступный неспециалистам. Основная из них – отсутствие государственной поддержки авторитетных научных издательств и в целом популяризаторов науки. Поэтому широко распространяются псевдонаучные фильмы и статьи, телепередачи с информацией низкого качества, появляются «учёные», несущие ложные знания, плохо подготовленные журналисты, которые не могут задавать осмысленных вопросов, не ориентируются в материале.

Популяризация археологии имеет общую с популяризацией науки цель – необходимо образно, доступным языком и в интересной форме рассказать об археологии, ее принципах, методах, открытиях, механизмах и тонкостях работы археологов, значимости её как науки и т. д. Главный упор делать, на наш взгляд, на недопустимости мифологизации археологической деятельности.

В нашей стране археологическая наука традиционно представлена в академических, музейных и образовательных учреждениях. И если в образовательных учреждениях археология не выходит за рамки программы или спецкурса, то музеи обладают более широким потенциалом. Презентацию археологического наследия в музейных учреждениях «можно рассматривать сегодня как достаточно массовый и значимый канал трансляции культурного наследия» [Каменский, 2008].

В большинстве случаев ситуация в сегодняшнем музейном пространстве достаточно проблемная, что характеризуется не очень высокой привлекательностью традиционных музейных экспозиций для современной публики. Как пишет С. Каменский, «... в современной «клип-культуре» зрительно, избалованному самыми разными образами, пространство музея с недвижными и недосыгаемыми предметами кажется мертвым» [Там же]. В связи с этим требуется поиск новых способов музейной презентации прошлого.

И всё же в последнее время музеи становятся не только центром хранения и передачи культурного наследия, но и активным элементом общественной жизни. Культурно-образовательная деятельность музеев приобретает большое значение не только для успешной работы самих музеев, но и для исторического и культурного развития общества.

В последние годы в России все чаще появляются интерактивные музеи и экспозиции. Эти формы предполагают активное взаимодействие посетителей с экспонатами.

Данный формат получил название “edutainment”, поскольку в нем синтезируются обучение и развлечение [Дивеева, 2014, с. 186].

В 2009 г. в Хабаровском музее археологии (отдел Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова) открылась интерактивная экспозиция «Магия первобытного очага», созданная на основе детальной реконструкции интерьера стационарного жилища каменного века, которая послужила базой для реализации серии образовательных, творческих и развлекательных программ, разрабатываемых в рамках деятельностных и игровых методик. Она предоставила возможность взглянуть на жизнь людей каменного века с совершенно неожиданной стороны.

В основу экспозиционного комплекса положены три главных принципа: достоверность (по раскопкам древнего поселения Харпичан-4, Солнечный район Хабаровского края), многоканальность восприятия (зрительный образ, звук, ароматический эффект), доступность каждого элемента реконструкции (можно всё трогать руками).

Такая необычная экспозиция стала для современного человека, оказавшегося после осмотра «академической»

археологии в пяти залах музея, «другим миром», перевернувшим представление о древности. Некоторые люди терялись от необычности обстановки, от несоответствия их привычному представлению о музейной среде. Дополнила экспозицию культурно-образовательная программа с ведущим, играющим роль неолитического человека, организуемого театрализованные занятия и экскурсии, контролирующего их ход.

Экспозиция «Магия первобытного очага» стала отправной точкой в создании целого интерактивного комплекса «Лабиринты Подземья», открывшегося в 2014 г. (рис., 1) в музее. Новая экспозиция представляет собой систему тематических комплексов-интерьеров, которые знакомят посетителя не только с древнейшей историей Приамурья, бытом и культурой его жителей, но и со спецификой работы археолога (рис., 2, 3). Уникальность экспозиции – гармоничное сочетание академических знаний, добытых археологами на протяжении десятилетий упорной работы в экспедициях на раскопках, и новых художественных методов, позволяющих легким и доступным языком донести эту информацию.

1

2

3

4

5

Рис. Интерактивные экспозиции и программы Хабаровского музея археологии: 1 – экспозиция «Лабиринты Подземья»; 2 – зал «Жилище неолита»; 3 – средневековое захоронение; 4 – занятие в «Лабиринтах Подземья»; 5 – мастер-класс «Первобытный гончар»

Образовательно-досуговая программа «Ожерелье Амурской Нефертити», специально разработанная для «Лабиринтов Подземья», представляет собой яркий пример адаптивных программ, т. е. она может быть подстроена под любую возрастную категорию. Она даёт возможность посетителям осмыслить досуг как ценность, понять его значимость для собственного развития и самореализации.

Ключевая идея программы: показать неразрывную связь древнего человека с природой, его умение жить с ней в гармонии. Она объединяет все археологические эпохи комплекса и даёт представление о хозяйственной жизни и миропонимании древнего человека.

На базе интерактивной экспозиции «Лабиринты Подземья» в музее археологии реализуются программы для семейной аудитории – семейный клуб «Узнавайка» (занятие «Сказки старого леса», театрализованная история «Кошка, которая гуляла сама по себе») (рис., 4).

В «Студии древнего гончарства» проводятся мастер-классы по ручной лепке из глины предметов, найденных археологами по всему миру и представляющих ценную информацию по истории и культуре древних людей (рис., 5).

Также проводятся археологические встречи и лекции для более старшей возрастной аудитории, знакомящие с разными аспектами археологии как науки, далёким прошлым Приамурья и разрушающие стереотипы об археологии.

По опыту Хабаровского музея археологии хочется сказать о необходимости делать ставку на открытость и доступность научной деятельности музеев археологии для широкой аудитории, не ограниченной локальными академическими кругами. Стремиться вдохновить всех богатой историей далёкого прошлого тех мест, где мы сейчас живём. Быть готовыми рассказать о последних научных открытиях, экспедициях, образовательной деятельности, происходящих в стенах музея, оберегая научную достоверность и точность предоставляемой информации.

Список литературы

Дивеева Н. В. Популяризация науки как разновидность массовых коммуникаций в условиях новых информационных технологий и рыночных отношений : дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2014. 186 с.

Каменский С. Ю. Археологическое наследие: на пути к оживлению прошлого // Омский науч. вест. 2008. № 2 (66). С. 176–180.

Popularization of Archaeology in a Museum (on the Example of the Khabarovsk Museum of Archaeology)

T. S. Godina

In this paper, we consider the problem of popularizing science in general and, in particular, in archaeology and the museum. On the example of the Khabarovsk Museum of Archaeology, the possibilities of popularizing archaeology are shown. New forms of working with visitors in the museum's interactive space are presented, including for the family audience.

Keywords: Archaeology, popularization, the problem of the popularization of science, Khabarovsk Museum of Archaeology, Labyrinths of the Underdark, reconstruction, family audience.

Година Тамара Сергеевна

старший научный сотрудник
отдел экспериментальной археологии,
Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова
e-mail: Godini-007@mail.ru

Godina Tamara Sergeevna

Senior Researcher,
Department of Experimental Archaeology
Khabarovsk Museum of Regional Studies named after N. I. Grodekov
e-mail: Godini-007@mail.ru

УДК 39(069)(571.14)

«Маленькая школа»: новый формат музея народной игрушки

Е. В. Мишкина

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Народная игрушка отражает своеобразие жизненного уклада русской крестьянской семьи и, являясь элементом аутентичной педагогической культуры, обладает уникальным воспитательно-развивающим потенциалом. Традиционно игрушки были широко представлены в музеях г. Новосибирска и Новосибирской области. Наиболее значимые собрания хранятся в краеведческом музее г. Карасука, в Новосибирском художественном музее, в Музее Счастья г. Новосибирска и пр.

Уникальной структурой, объединяющей в себе музей и художественную ремесленную мастерскую, является «Маленькая школа», открытая в 2005 г. на базе МКОУ СОШ № 105 в г. Купино (Новосибирская обл.). Создателем музея-школы является Т. С. Лысенко – художник, мастер дымковской игрушки и педагог дополнительного образования. Глубокие знания традиций игрушечного ремесла России позволили ей собрать коллекцию работ наиболее известных мастеров, представляющих главные игрушечные центры страны. Всего в экспозиции находится более 750 экспонатов [Выдающиеся земляки: мастерица ... , 2017].

Важное место в музее занимает местная, лепленная из глины, «чиняевская», или «купинская», игрушка. Своё название игрушка берёт от о-ва Чиняиха на оз. Чаны Купинского р-на. Ее создателем стала местная жительница – самодеятельный художник Е. Д. Дьякова (Ковтун). Из красной глины она вылепила фигурки рыбок, русалок,

водяных; придала им стилизованные, выразительные формы; обожгла игрушки в русской печи, отчего они получили темный налет; в качестве декора нанесла на изделия несколько мазков белой краски, чтобы выделить глаза и подчеркнуть чешую сказочных обитателей озера. Стилистику и образный строй созданных ею игрушек определил русский сибирский фольклор – местные легенды и былички, рассказывающие об островах озера Чаны, о жестоких разбойниках, русалках, водяных и т. д. Известные легенды мастерица переложила на стихотворный лад; соткала ковры по мотивам быличек.

Созданную Е. Д. Дьяковой чинюшу сохранила Т. С. Лысенко в музее и мастерских «Маленькой школы». Сегодня купинскую игрушку изучают и делают ее ученики на уроках художественного ремесла. Уникальность «Маленькой школы» состоит в том, что она реализует и презентационную (музейную), и образовательную функции. Миссия музея – обучение культурным технологиям, которые направлены на формирование традиционных ценностей и патриотических чувств. Включение ребенка в предметно-игровую среду помогает ему больше узнать об окружающем мире, мыслить образно и нестандартно. Педагогами школы разработаны несколько курсов: «Подружиться с глиной» и «Уроки у истоков» [От комочка глины ... , 2013]. Занятия по народной игрушке пользуются у детей особой популярностью, потому что они хорошо

знают свою малую родину – окрестности оз. Чаны и истории, с ними связанные. Местная игрушка наполнена понятными для них смыслами и эмоциями [Новосибирская область представит ... , 2014]. Дети, погружаясь в историю и фольклор и создавая игрушки своими руками, овладевают культурой через ремесло. Музей становится инструментом воспроизведения традиции. У его создателей есть надежда, что купинская чинюша со временем обретет известность как один из возможных промыслов Новосибирской области.

*Научный руководитель – И. В. Октябрьская
д-р ист. наук, профессор,
кафедра археологии и этнографии,*

*Новосибирский государственный университет,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

Выдающиеся земляки: мастерица из Купино рассказала свою историю и легенду двух озер. 2017. URL: <https://bagan.gorsite.ru/articles/obshchaia/vydaiushchiesia-zemliaki-masteritsa-iz-kupino-rass/> (дата обращения: 02.12.2019).

Новосибирская область представит чиняевскую глиняную игрушку на фестивале в Сочи. 2014. URL: <https://tass.ru/sibir-news/1536811> (дата обращения 02.12.2019).

От комочка глины – к очагу культуры. 2013. URL: <http://www.sovsibir.ru/news/130495> (дата обращения 02.12.2019).

“Little School”: A New Format of the Museum of Folk Toys

E. V. Mishkina

In this work, we turned to the experience of a unique museum – the “Little School”, which is located in the town of Kupino, Novosibirsk Region. The museum was created by a teacher of additional education – T. S. Lysenko. She managed to gather a large collection of folk toys of different artists from all over Russia. A special place in the museum’s exposition is occupied by the local clay “Kupinsky” or “Chinyaevskaya” toy. Its creator was a local resident – amateur artist E. D. Dyakova (Kovtun). The style of toys was determined by Russian Siberian folklore – local legends and tales that tell about the islands of Lake Chany. The uniqueness of the “Little School” as a museum is that it implements both museum and educational functions. The mission of the museum is to teach cultural technologies that are aimed at the formation of traditional values and patriotic feelings. Children are immersed in the history and folklore of their native land, master the culture through the craft. The museum becomes an instrument for reproducing tradition.

Keywords: folk toy, folk culture, museum, “Little school”, anthropology of childhood, Novosibirsk region.

Мишкина Елизавета Владиславовна
магистрант 2-го года обучения
Новосибирский государственный университет
e-mail: worldLiz@mail.ru

Mishkina Elizaveta Vladislavovna
Graduate student 2nd year
Novosibirsk State University
e-mail: worldLiz@mail.ru

УДК 069.01(069.016)

Преподавание истории повседневности с применением музейной практики (проект «История Великой Отечественной войны через фотографию»)

А. А. Бушуева

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, Елабуга, Россия

Понятие «история повседневности» – это отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. Проще говоря, изучение личности отдельного человека ставится во главе исторического исследования [История повседневностей ...]. Приоритетным направлением изучения истории повседневности является жизнь индивида – его поведение, внешний вид, социальный статус, речь, переживания, эмоции и многое другое [История повседневности как направление ...]. История повседневности помогает дополнить уже существующие факты в истории, так как центральное место в исследовании занимает человек, который находится и взаимодействует в обществе, проживает определенные события и участвует в них. В совокупности объединение отдельных элементов повседневности человека помогает проследить изменение социальных норм и дополнить историческую картину развития. События, описанные сухим академическим языком, далеки и не всегда понятны человеку. Но стоит посмотреть на данное событие глазами людей, живших в то время, историческая картина окрашивается и становится понятной [История повседневностей ...].

Стоит сказать, что в 2020 г. будет отмечаться 75-летие со дня Победы в Великой Отечественной войне. В контексте данной темы особенно актуальным является мотивирование школьников к изучению истории данного события. Часто выясняется, что в семье того или иного школьника были люди, отличившиеся в боевых действиях, получившие награды за отвагу, работу в госпитале, в тылу и мно-

гое другое. Кроме того, работу можно проводить путем анализа фотографий периода Великой Отечественной войны. Музей может стать хорошей площадкой для реализации данного направления исторической науки.

Осуществляя проектную работу, мы выстраиваем концепцию обучения истории повседневности таким образом, чтобы школьники принимали непосредственное участие в процессе подготовки музейной экспозиции. Основная идея заключается в проектировании событий истории Великой Отечественной войны через документальную фотографию. Основной задачей для учителя будет являть правильное построение рабочего процесса, стимулирование учащихся на активное участие в проекте. Необходимо познакомить обучающихся с таким видом источника, как фотографический материал. Важно способствовать формированию умения «чтения» снимка с точки зрения изучаемой эпохи и правильному применению алгоритма действий для оценки изображения. Так можно выделить несколько основных правил чтения фотографии:

1. Описание фото. Важно проанализировать, кто изображен на фотографии, место и условия, в которых она была сделана.

2. Сопоставление фотографии с другими источниками по данному событию. В данном случае изображение подкрепляется достоверной информацией из проверенных, научных источников для выявления полной исторической картины.

3. Выявление норм, ценностей, взглядов, мотивов людей, изображенных на фотографии [Баранова, 2017].

Для примера возьмем фотографию 1943 г. советского фронтового фоторепортера Якова Халипа под названием «Ноктюрн». Описывая фото, мы видим, что на ней запечатлен момент игры на скрипке одного из солдат для своих боевых товарищей после боя. По уставшим и измотанным лицам солдат мы можем предположить, что недавно отгремел тяжелый, но успешный бой, о чем свидетельствует солдат, играющий на скрипке. Сопоставляя фотографию с другими источниками, мы узнаем полную картину запечатленного события. Описываемые события относятся к 13 марта 1943 г., когда 33-я дивизия штурмовала г. Новошахтинск. На снимке – скрипач В. А. Мирошин, который попал на фронт, не окончив четвертый курс музыкального училища. Известно, что он воевал на передовых позициях, был тяжело ранен, а скрипка стала его лучшей подругой и прошла с ним всю войну. Вспоминая то событие, он отмечал, что музыка была необходима солдатам. От звуков скрипки лица солдат становились светлее, на миг они забывали о войне, вспоминая родной дом [Советская документальная ...]. Таким образом, путем анализа фотографии и сопоставления ее с другими источниками нам удалось выяснить полную картину запечатленного события.

В контексте проекта задачей обучающихся будет являться подбор фотографий, относящихся к данному периоду, их анализ и подкрепление достоверной, научной информацией. После подготовки и оформления экспозиции проект нацелен на то, что обучающиеся попробуют себя в

роли экскурсоводов. Это будет способствовать развитию у обучающихся коммуникативных, познавательных, регулятивных универсальных учебных действий.

Подводя итог, стоит отметить, что работа в формате музейной практики будет способствовать повышению интереса изучения истории, формированию умений анализа исторических источников, а также реализации поискового метода обучения.

*Научный руководитель – И. Е. Крапоткина
канд. ист. наук, доцент,
Елабужский институт, Казанский (Приволжский)
федеральный университет*

Список литературы

Баранова С. Б. Фотографический материал при изучении новейшего времени: интерпретация и значение фото в истории XX века // Школьная педагогика. 2017. № 1. С. 37–39. URL: <https://moluch.ru/th/2/archive/53/1912/> (дата обращения: 13.02.2020).

История повседневностей и микроистория. URL: <https://www.socionauki.ru/book/files/tmh/312-334.pdf> (дата обращения: 20.02.2020).

История повседневности как направление исторических исследований. URL: http://www.perspektivy.info/book/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenie_istoricheskikh_issledovanij_2010-03-16.htm (дата обращения: 20.02.2020).

Советская документальная фотография времен Великой Отечественной войны. Ч. 1. URL: <https://www.photographer.ru/cult/history/6378.htm> (дата обращения: 2.02.2020).

Teaching the History of Everyday Life Using Museum Practice (Project “History of the Great Patriotic War through Photography”)

A. A. Bushueva

This article discusses the problem of teaching the history of everyday life through the prism of Museum practice. This topic is relevant, because today the history of everyday life is a new branch of historical science. The main evidence of the relevance of studying this area is the research activities of both scientists, history teachers, and schoolchildren and their parents. The main focus of the work is related to the development of students competence, the ability to analyze historical events, use self-search method of learning, and much more. In particular, the project involves obtaining new competencies in working with a new type of source – photographic material. The result of independent activity of schoolchildren should be a work in the form of an exhibition dedicated to the Great Patriotic War.

Keywords: everyday history, museum, history, education, everyday life, photography.

Бушужева Анастасия Александровна
студент 5-го курса, Елабужский институт
Казанский (Приволжский) федеральный университет
e-mail: nastenka-morozova-97@mail.ru

Bushueva Anastasiya Aleksandrovna
Student 5th year, Elabuga Institute
Kazan (Volga Region) Federal University
e-mail: nastenka-morozova-97@mail.ru

УДК 37

Возможности школьного музея в воспитании патриотизма учащихся

Д. А. Фаткуллина

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, Елабуга, Россия

В условиях современного общества остро стоит вопрос о формировании патриотизма у учащихся. В Федеральных государственных образовательных стандартах третьего поколения особое внимание уделяется реализации программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации». Формирование патриотизма личности представляет собой воплощение ценностной ориентации, качества, мировоззренческой и нравственной зрелости личности [Государственная программа ...]. В связи с этим особая задача возлагается на учителя истории, который на уроках и во внеурочное время активно способствует воспитанию патриотизма обучающихся.

Известно множество трактовок понимания патриотизма, но самое известное определение – это любовь к Родине. Н. М. Карамзин это понятие определял так: «Патриотизм есть любовь ко благу и славе Отечества и желание способствовать им во всех отношениях» [Карамзин, 1984]. Следует отметить что кроме накопления и сохранения исторической памяти, патриотизм ассоциируется с жертвенностью и мужественностью. Однако у современных подростков ценность патриотизма уходит на второй план.

Многие молодые люди озабочены перспективами профессионального роста, направлены на развитие собственной, а не общественной жизни [Синягина, 2011].

Тем не менее быть патриотом своей Родины должен быть каждый гражданин. Здесь система образования ставит перед собой задачи планомерного воздействия на процесс формирования жизненных ориентиров и ценностей подрастающего поколения.

Одним из средств формирования патриотических ценностей является школьный музей. Роль школьных музеев в последнее время стала значительно возрастать. Музей – это прекрасный хранитель исторической памяти и традиций, в котором можно применить множество методов обучения и воспитания. Здесь можно проводить различные научно-просветительские занятия, музейные уроки, исторические игры и викторины. Большую ценность в музее представляют документы, фотокарточки, предметы быта, орудия труда и многое другое. Музейные экспонаты могут быть отличными помощниками в изучении отдельных тем при обучении истории.

Школьные музеи обладают прерогативой в школьном историческом образовании, так как они сохраняют подлинные исторические материалы. Поэтому одной из важнейших задач школьного музея является эффективное использование этого материала для высококультурного воспитания и формирования патриотизма у учащихся. Школьники могут принимать участие в научно-исследовательской работе, организовывать выставки, экскурсии, изучать и описывать музейные предметы. В процессе исследовательской работы учащиеся могут овладевать новыми навыками музейной и краеведческой деятельности. В содержании патриотического воспитания ученика важна социально-педагогическая направленность деятельности музейных работников, которая основана на их позитивном патриотическом мировоззрении. Только в таком случае школьный музей способен воспитать юного патриота своей Родины [Дюмина, 2012].

Работа с учащимися в школьном музее способна объединить несколько форм внеклассной работы, способствующих приобщению к системной работе, к углублению отдельных исторических дисциплин, а также творческому и организаторскому развитию [Музей как средство ...].

Possibilities of the School Museum in Patriotic Upbringing among the Pupils

D. A. Fatkullina

This article discusses the opportunities of school museum's resources in patriotic formation of pupils. The author explores a contribution of patriotic and citizen development of personality. The author presents educational capacity and forms of school museum's work. The paper substantiates the idea that civil and patriotic education contributes to the development of identification as a citizen and patriot. This article is intended primarily heads of educational institutions, heads of school museums, teachers and other education personnel.

Keywords: patriotism, upbringing, school museum, outlook, personality, development.

Фаткуллина Динара Айратовна

студент 3-го курса, Елабужский институт
Казанский федеральный университет
e-mail: dinara.fatkullina@mail.ru

Таким образом, музейная образовательная среда в школе имеет огромное значение в становлении патриотических качеств личности. Обладая всеми практическими навыками поисковой, исследовательской деятельности, школьники способны проявлять активную общественную инициативу.

*Научный руководитель – И. Е. Крапоткина
канд. ист. наук, доцент, кафедра всеобщей
и отечественной истории,
Елабужский институт, Казанский (Приволжский)
федеральный университет*

Список литературы

Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 год». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_192149/ (дата обращения: 07.03.2020).

Дюмина И. А. Патриотическое воспитание учащихся средствами школьного музея // Человек и образование. 2012. № 4. С. 49–52.

Карамзин Н. М. О любви к отечеству и народной гордости. Л., 1984. Т. 2. С. 229–230.

Музей как средство гражданско-патриотического воспитания школьников. URL: <https://www.scienceforum.ru/2013/10/6131>. Заглавие с экрана. (дата обращения: 06.03.2020).

Снягина Н. Ю. О патриотизме и воспитании патриота // Воспитание школьников. 2011. № 1. С. 24–26.

Fatkullina Dinara Airatovna

Student 3rd year
Elabuga Institute, Kazan Federal University
e-mail: dinara.fatkullina@mail.ru

УДК 069.8 (069.013): 316.776.33

Медиаконтент как слагаемое музейного нарратива

Ю. П. Сергеева, И. З. Сосновский

Иркутский областной краеведческий музей, Иркутск, Россия

Нарратив уже в ранних исследованиях фольклористов, литературоведов и лингвистов, изначально определенный в современном мире в качестве метода организации текста, выходит за рамки науки. Нарративный подход проникает в маркетинг, архитектуру, не стал исключением и музей. Его пространство в своей системной организации и требование достижения коммуникации с реципиентом вполне отвечает репрезентационным особенностям нарратива. С одной стороны, организация экспозиции – это связь с течением времени, процессуальность, наличие неизбежной установленной последовательности, с другой – возможность субъективного домысливания, интерпретации. Различные пути к обретению понимания смыслов экспозиции дарят возможность игры, «как и любой нарратив, музей не описывает эту реальность, а служит инструкцией, ключом к её пониманию» [Гринько, 2017]. Реальность же формируется в сознании через процесс декодирования межпредметных связей, организованных нарративом между несоединимыми очевидным смыслом предметами. Это рождает важнейшее свойство нарратива, которое В. Шмид определил как изложение на уровне изображаемого мира, некоего «изменения состояния» [Шмид, 2008, с. 132–151]. И. В. Андреева уточняет: «Реальность и экспозиция – не тождественные, структурно различные явления; именно

образ, а не фрагмент действительности, полностью идентичный реальности, создается с помощью принципов экспозиционного показа, поскольку для познания и оценки действительности человеческому мышлению необходим сдвиг значения ...» [Андреева, 2019, с. 16–28].

Иными словами, мышление современного потребителя информации дезориентировано и нуждается в поиске несоответствий межобъектных связей и их согласовании в процессе восприятия текста. «Сдвиг» значения рождает некую смысловую игру, активирующую внимание, т. е. приводит к появлению интриги и ее разрешению исключительно в процессе усвоения текста целиком. В. И. Тюпа придает понятию интриги значение «объяснительного сопряжения событий, связывающего начало истории с ее концом» [Тюпа, 2011]. Причем суть нарративной интриги «не в интриганстве персонажей, а в интригуемости читателя или слушателя» [Там же].

М. Маклюэн, характеризуя современного человека, в качестве основной детерминанты рассматривает именно каналы коммуникации и коммуникацию в целом, говоря буквально о «прорастании» человека в медиа, воспроизводстве там части его личности в нарративном ключе: «У каждой культуры, у каждой эпохи есть излюбленная модель восприятия и знания, которую они склонны приписыва-

вать всему и вся. Примета нашего времени – отвращение к насаждаемым образам. Мы вдруг обнаруживаем в себе страстное желание, чтобы вещи и люди проявляли себя во всей полноте» [Маклюэн, 2003, с. 6]. Потребитель требует полноты, образной и эмоциональной, новой интриги, продолжения игры в дешифровку на новом уровне текста и погружения в него. Это побуждает к расширению привычных границ способа подачи информации. Содержание перестает быть заключенным в книгу, ее герои начинают собственную жизнь в переосмыслении фанатов и ретрансляции в фильмах, обзорах, критике.

Музейный нарратив в каналах медиакommunikации также получает расширение в других видах текста и обретает перерождение интриги. Иной знаковый уровень текста создает дополнительные возможности смысловой игры, игры формы, символов, образов. Сообщение, переведенное в систему графических знаков, отложенное по времени и последовательности восприятия каждой своей части, обладает «уже другой степенью авторитетности, оно получает некоторую дополнительную значимость, истинность, ложность или социальная ценность сообщения ставятся в зависимости от того, высказано оно словами или написано, написано или напечатано» [Лотман, 1992, с. 77]. Немаловажным в этом процессе является осмысление реципиентом источника коммуникации и способа передачи информации. «Отвращение ко всем насаждаемым образам» [Маклюэн, 2003, с. 8] побуждает к использованию особенной схемы ретрансляции, личностной, авторской. В пространстве полилога и диалога именно личность, автор, а в случае пространства медиа – ретранслятор обретает органичную связь, продолжение нарратива, и в то же время усиливает его транслирующие свойства для аудитории и является залогом ее внимания.

Ярким примером музейного нарратива, вышедшего за границы традиционного экспозиционного пространства, является проект «Несыгранная скрипка», реализованный Иркутским областным художественным музеем им. В. П. Сукачёва в 2015 г. Ядро проекта – персональная выставка иркутского художника Алексея Петровича Жибинова, которая стала «самой масштабной демонстрацией творчества этого автора в истории музея» [Рыжкович, 2015]. Из фондов музея было представлено 92 работы разных периодов творчества автора, многие из которых экспонировались впервые.

Проект включал в себя несколько этапов: реставрацию и, как следствие этого, выявление новых живописных качеств и уточнение атрибутирования картин А. П. Жибинова, подготовку собственно экспозиции, включавшей в себя не только художественные работы, раскрывающие творческий масштаб автора, но и архивные документы, личные предметы; масштабное открытие выставки; проведение культурно-образовательных мероприятий в рамках проекта (мастер-классов, лекций, экскурсий). Неотъемлемая составляющая всех этапов работы, связанных с проектом, – освещение в СМИ (новостные сюжеты, репортажи, интервью с членами рабочей группы проекта, директора музея и т. д.). При подготовке к выставке был разобран чемодан А. П. Жибинова с графическими работами, набросками и рисунками его учеников, ранее не экспонирующимися и не входящими в основные музейные фонды. Это стало одной из сенсаций проекта, привлечшей внимание СМИ и широкой общественности. Благодаря объемному освещению

каждого этапа реализации проекта, акцентированию внимания на творческом методе фигуранта и выявления новой информации его жизни, об особенностях исторического периода его творчества (первая половина XX в.), признание значимости этого музейного, научного и культурно-просветительского события в СМИ, появилось целостное понимание личности и творчества художника, составленное из отдельных фрагментов. Название проекта как один из путей понимания смысла экспозиции появилось в ходе реставрации работ художника, «одна из картин, которая во всех каталогах значилась как “Умолкнувшая скрипка”, на оборотной стороне холста имела другую надпись “Несыгранная скрипка. Последняя работа”. Ее сделал сам Алексей Жибинов. Таким образом, автор поставил точку не только в своем творческом, но и жизненном пути» [Рыжкович, 2015].

Ключевым долгосрочным результатом использования нарративного подхода в музейном пространстве, новых форм организационно-методической работы стало появление уникальных информационных поводов и изготовление новых медиапродуктов, таких как: сюжет «Неизвестный мир художника Алексея Жибинова. “В память о человеке и творце”» (телекомпания «Вести. Иркутск»); статья «Несыгранная скрипка» Алексея Жибинова» (газета «Областная»); материал «Мастерская закрыта. Хозяин воюет» (газета «Восточно-Сибирская правда»); которые раскрыли перед аудиторией сложный трагический тип художника, творившего в эпоху идеологического контроля творческой деятельности государством, и поддержали функционирование целостного образа в сознании реципиента. Медиа-контент о разных, но взаимосвязанных событиях явился заключительным элементом в создании последовательного повествования о жизни и творческом пути живописца А. П. Жибинова. Таким образом, медиаконтент, при использовании его как неотъемлемой части музейного нарратива, выполняет связующую, просветительскую, информационную функцию между культурным продуктом музея и потребителем данного продукта. Музейный нарратив, прорастающий в медиа, выглядит как естественная нужда потребителя, реализация его привычки или особенности восприятия и желание этими особенностями наделить пространство, которое представляет для него живой интерес.

Список литературы

- Андреева И. В. Метод музейно-экспозиционного проектирования как основание классификации музейных экспозиций. Вопросы музеологии. 2019. Т. 10. Вып. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-muzejno-ekspozitsionnogo-proektirovaniya-kak-osnovanie-klassifikatsii-muzeynyh-ekspozitsiy/viewer> (дата обращения: 15.09.2019).
- Гринько И. А. Нарративы в музейном пространстве: новые практики // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. 2017. № 3 (17). URL: https://ling.tspu.edu.ru/files/ling/PDF/articles/grinko_i_a_58_64_3_17_2017.pdf (дата обращения: 10.12.2019).
- Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах. Таллин: Александр, 1992. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. 472 с.
- Маклюэн М. Понимание медиа. М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц., Кучково поле, 2003. 464 с.
- Рыжкович В. А. «Несыгранная скрипка» – творчество Алексея Жибинова заиграет «новыми» красками. Министерство культуры и архивов Иркутской области: сайт. URL: <https://irkobl.ru/sites/culture/news/news/175809/> (дата обращения: 14.12.2019).
- Тюпа В. И. Нарратив и другие регистры говорения // Narratorium. 2011. № 1–2. URL: <http://narratorium.rgg.ru/article.html?id=2027584> (дата обращения: 11.01.2020).
- Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2008. 302 с.

Media Content as a Component of Museum Narrative

Yu. P. Sergeeva, I. Z. Sosnovskii

A narrative is an organization of pieces of information into a single whole. The narrative approach has penetrated marketing, architecture and the museum. When using this approach, components appear in the exposure that connect the beginning of the story with its end. One of these components is media content, which forms a holistic image in the minds of consumers of cultural products. Media content performs a connecting, educational, informational function. A striking example of a museum narrative that transcends the boundaries of the traditional exposition space is the “Unplayed Violin” project, implemented by the Irkutsk Regional Art Museum. V. P. Sukachev in 2015.

Сергеева Юлия Петровна

научный сотрудник, методический отдел
Иркутский областной краеведческий музей
e-mail: vesna2907@yandex.ru

Sergeeva Yuliya Petrovna

Researcher, Methodical Department
Irkutsk Regional Museum of Local History
e-mail: vesna2907@yandex.ru

Сосновский Илья Захидович

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник, отдел истории
Иркутский областной краеведческий музей
e-mail: sosnoilya@yandex.ru

Sosnovskii Iliya Zakhidovich

Candidate of Science (History),
Senior Researcher, Department of History
Irkutsk Regional Museum of Local History
e-mail: sosnoilya@yandex.ru

УДК 069.23 (574)

Возможности музеефикации памятников эпохи поздней бронзы Сарыарки

З. Р. Каримбаева

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

В настоящее время сохранение историко-культурного наследия является актуальной необходимостью современного общества, основной причиной которой является интенсивная глобализация и нарушение личной культурной самобытности государства и населения. Историко-культурное наследие – это связь человека с его прошлым, ведь археологическое наследие является его составной частью, важнейшим источником познания истории.

Стоит отметить, что многие археологические объекты очень трудно принять широкому кругу населения из-за их внешней непривлекательности. Большинство археологических памятников остаются объектами научного поиска, результаты которого публикуются только в научных статьях, отчетах и редко – на страницах учебников [Мусаева, 2012, с. 28].

По моему мнению, после исследования археологических памятников нужно проводить работы по консервации и реставрации для их дальнейшего сохранения, чтобы общественность лучше понимала историю прошлого и стала намного ближе к нему, это пробуждает интерес и помогает популяризовать археологические памятники, превращая их в туристское место.

Наиболее оптимальным решением является музеефикация памятников, сущность которой состоит в преобразовании недвижимых памятников истории и культуры, а также объектов музейного показа. Процесс превращения движимых и недвижимых памятников истории в объект музейного показа предполагает исследование памятника, его консервацию и реставрацию, сохранение и воссоздание художественно-исторической среды, а также интерпретацию памятника посредством организации постоянных экспозиций и выставок и осуществления необходимых условий для его образа.

Также музеефикация решает такие проблемы, как несанкционированные раскопки и разграбление, в результате которых многие памятники теряют свой физический вид и историческую ценность.

В настоящее время можно использовать следующие этапы музеефикации [Мусаева, 2012, с. 29]:

- музейное экспонирование археологического объекта в закрытом помещении, возводимом над раскопанным объектом. Преимущество данного метода заключается в возможности дальнейшего изучения памятника, а также разработанности реставрационной и консервационной методики;
- метод натуральной консервации без внесения значимых изменений в окружающую обстановку памятника;
- культурно-ландшафтный метод, при котором используется весь комплекс историко-культурного и природного наследия региона;

– территориально-ансамблевый метод, где объектами для музеефикации являются выделенные музейно-экспозиционные участки, которые образуют основной каркас туристического маршрута;

– акцентный метод, при котором музеефицируются отдельные археологические памятники и археологизированные объекты, являющиеся акцентным звеном в общей цепи объектов музейного показа и несущие особую смысловую нагрузку в составе всей экспозиции под открытым небом;

– метод, при котором реконструируемый по сохранившимся деталям памятник восстанавливается на своем месте. Данный метод позволяет воссоздать разрушенный объект и презентовать его широкой общественности [Там же, с. 29].

Музеефицированный памятник, рассматриваемый в данной статье, находится на территории Сарыарки, которая охватывает территорию Центрального Казахстана и включает запад Восточного Казахстана, отделяясь от гипсометрического Тургайского, Бетпақдалинского и Балхашского равнинных плоскоостей Северного Казахстана. Размер территории составляет 1 млн км². Впервые термин «мелкосопочник» предложил Н. И. Тихонович в 1902 г., основываясь на высказываниях местного народа.

С начала века на этой территории, от центра Карагандинской области в 120 км к юго-юго-востоку, проводится научная музеефикационная работа по консервации и реставрации первого в Центральной Азии археологического парка [Нурек Бекбау]. В настоящий момент на территории будущего археологического парка имеется элитный ступенчато-пирамидальный мавзолей Каражартас (рис., 1, 2). В связи с его величиной, академик А. Х. Маргулан предложил и ввел в научный оборот прекрасное название «мавзолеи», т. е. «каменные мавзолеи», и отнес его к эпохе поздней бронзы, чем внес неоценимый вклад в археологическую науку Казахстана [Бейсенов, Касеналин, 2013, с. 44].

Согласно радиоизотопному анализу, элитный ступенчато-пирамидальный мавзолей Каражартас датируется XV–XIV в. до н. э. (табл.). Раскопки мавзолея Каражартас проводились в 2016–2017 гг. (рук. И. А. Кукушкин). После завершения исследований, в 2017 г. на могильнике были проведены рекультивационные работы, мавзолей Каражартас был отреставрирован. Научная консервация и реставрация памятника была осуществлена И. А. Кукушкиным, работы проведены под руководством А. З. Бейсенова (нач. отряда Д. Б. Дуйсенбай).

До реставрации мавзолей представлял собой оплывший земляной холм размерами 30×20 м, высотой около 2 м, на поверхности которого выступали каменные ряды стен и края облицовочных плит. После снятия насыпи по-

гребальное сооружение приобрело облик ступенчато-пирамидальной конструкции подквадратной формы, ориентированной углами по сторонам света и состоящей из 5–6 рядов стен, где каждый отсутствующий к центру ряд стен был выше предыдущего. Длина внешнего периметра стен составляет 13,5–14 м, высота кладки до 15 слоев, ширина – до 0,34 м. Снаружи она была облицована аналогично многим другим мавзолеям бегазы-дандыбаевской культуры крупными плитами, установленными вертикально. Размеры плит достигали 2,5×0,8×0,1 м. На расстоянии 0,5 м от облицовочных плит находилась ограда из плашмя

положенных плит высотой до 0,3 м. Внутреннее пространство центрального периметра стен являлось погребальной камерой наземного типа, которая была сооружена из илистого грунта. Размеры ее по внутреннему краю составили 4,8×3,25×3,65×4,15 м, высота – 1,88 м. Погребальная камера ориентирована аналогично стенам ограды и была практически полностью разграблена в древности. В заполнении могилы обнаружены отдельные человеческие кости и фрагменты керамики [Сакральная география Казахстана ... , 2017].

1

2

Рис. Мавзолейный комплекс Каражартас:
1 – могольник Каражартас до реставрации; 2 – могольник Каражартас после реставрации

Сравнительные характеристики могильников археологического парка

Памятник	Хронология	Количество реставрационных объектов	Находки
Каражартас	XV–XIV вв. до н. э. Согласно радиоизотопному анализу	32 объекта	Керамика поздней бронзы, наконечник стрелы и уникальное золотое кольцо
Сангуру-1	X в. до н. э. По анализу радиоуглеродов	3 могильника	Бронзовый кельт и бронзовая голова топора
Бегазы	IX–VIII вв. до н. э. По C^{14} радиоуглеродному анализу	2 могилы	Бронзовый наконечник копья, каменный молоток, четыре кувшина

Особенности элитного ступенчато-пирамидального мавзолея Каражартас:

1. Первый элитный мавзолей, датирующийся эпохой поздней бронзы.

2. В настоящее время является самым большим по размерам.

3. Конструкция сооружения – ступенчато-пирамидальная.

4. Размещение дромоса (коридора) внутри менгиров.

5. Снаружи вертикально стоящих менгиров, окружающих мавзолей, сооружены 2 ряда оградений.

Вместе с мавзолеем Каражартас, могильник Сангыру-1, расположенный в районе Атасу [Бейсенов, Дуйсенбай, Ахияров, 2015, с. 112; 2016, с. 65], и могильник Бегазы, расположенный в 300 км от Караганды [Бейсенов, Мусаев, Жанбулатов, 2012, с. 260; Бейсенов, Касеналин, 2013, с. 45], будет также частью будущего археологического парка (табл.). Они также отреставрированы и являются музеями под открытым небом.

*Научный руководитель – А. Б. Айтбаев
преподаватель,*

кафедра археологии и этнологии,

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева

Список литературы

Бейсенов А. З., Касеналин А. Е. Бегазы корымы (зерттеу, сактау және насихаттау жұмыстары) // Бегазы – дандыбаевская культура Степной Евразии. Алматы, 2013. С. 43–57.

Бейсенов А. З., Дуйсенбай Д. Б., Ахияров И. К. Исследование в северной Бетпакдале // Археология западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Сб. статей, посвящ. 70-летию проф. Ю. Ф. Кирюшина. Барнаул, 2015. С. 28–31.

Бейсенов А. З., Дуйсенбай Д. Б., Ахияров И. К. Сангыру корымындағы археологиялық зерттеулер мен реставрациялау жұмыстары // Актуальные проблемы археологии Евразии. Алматы, 2016. С. 65–74.

Бейсенов А. З., Мусаев Р. С., Жанбулатов К. А. О создании естественно-научного обоснования (ЕНО) проектируемого заповедника-музея «Кызыларай – Бегазы» // Археология и история Сарыаркива. Караганда, 2012. С. 259–275.

Мусаева Р. С. Реставрация и музеефикация недвижимых памятников как залог сохранения историко-культурного наследия // Археология, этнология и антропология Евразии: исследования и гипотезы. Новосибирск, 2012. С. 28–30.

Сакральная география Казахстана: Реестр объектов природы, археологии, этнографии и культовой архитектуры. Алматы, 2017. Вып. 1. С. 451–453.

Нурек Бекбау. «Талды» археологиялық парк ашылмақ. URL: https://e-history.kz/kz/publications/view/taldi_arheologiyalik_parki_ashilmak_5460 (дата обращения: 07.09.2019).

Possibilities of Museumification of the Late Bronze Age Monuments of Saryarka

Z. R. Karimbayeva

The article raises the question “Why is it necessary to Museum archaeological sites?”, “How is it useful to us?” and “Which archaeological sites have already been restored?”. The Museum monument that we are considering is located on the territory of Saryarkiy, which covers the territory of Central Kazakhstan and includes the West of East Kazakhstan, separating from the hypsometric Turgay, Betpakdali and Balkhash plain planes of Northern Kazakhstan. Dating from the late bronze age, the step-pyramid mausoleum of Karazhartas. The step-pyramid mausoleum of Karazhartas was restored in 2017 under the direction of A. Z. Beisenov and is an open-air Museum that will become part of the first Central Asian archaeological Park in the future. The article also describes the features of the step-pyramid mausoleum of Karazhartas and its differences from other tombs of the late bronze age.

Keywords: Bronze Age, museumification, Saryarka, Small hills, Karajartas, Archaeological park.

Каримбаева Зулхумар Расулжанкызы

студент 2-го года обучения

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева

e-mail: zulxumar63@gmail.com

Karimbaeva Zulkhumar Rasulzhankyzy

Student 2nd year

L. N. Gumilev Eurasian National University

e-mail: zulxumar63@gmail.com

УДК 903.23 (571.53) "634"

Культурно-хронологическая колонка наскальных изображений Ильинских писаниц (Минусинский район Красноярского края)

О. А. Голышев

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Памятники наскального искусства остаются одними из трудно датированных археологических объектов, поскольку анализ палимпсестов не позволяет точно определить, сколько времени прошло с момента появления первого изображения, или установить хронологический разрыв между двумя перекрывающимися друг друга фигурами [Шер, 1980, с. 40].

Для более точного датирования петроглифов исследователи привлекают аналогии среди изображений на плитах из закрытых комплексов, а также используют стилистический анализ, который позволяет сравнивать изображения на предметах из датированных археологических памятни-

ков со стилистически и иконографически схожими изображениями на скалах [Миклашевич, 2004, с. 16].

Поскольку в археологии Минусинской котловины плиты с рисунками известны для всех хронологических периодов от ранней бронзы до средневековья, а за время изучения древней истории края было раскопано большое количество разновременных курганов, существует возможность для атрибуции изображений на скалах и составления культурно-хронологической колонки наскального искусства региона.

Подобные культурно-хронологические колонки позволяют проследить развитие стилей в петроглифах регио-

на, характер сюжетов, присущих для той или иной эпохи, наиболее распространенные для каждого из исторических периодов образы. К настоящему времени они разработаны для наиболее крупных комплексов наскального искусства Минусинской котловины, а также памятников сопредельных территорий.

Подобный опыт работы представляется перспективным для изображений Ильинских писаниц, расположенных в Минусинском районе Красноярского края в окрестностях села Тесь. На данной территории известно множество памятников – поселений, могильников, поминальных объектов, а также петроглифов. Но если для изображений, расположенных поблизости Шалаболинской писаницы и горы Георгиевской, выделены основные культурно-хронологические группы [Пяткин, Мартынов, 1985, с. 113–137; Леонтьев, Панкова, 2012, с. 6–8], то для Ильинских писаниц подобных исследований не проводилось. Были проанализированы лишь рисунки раннего железного века [Леонтьев, Русакова, 2003–2004], как наиболее яркие и количественно преобладающие над петроглифами других эпох.

К наиболее древним петроглифам Ильинских писаниц относятся изображения оленей и быка, выполненных в «минусинском» стиле, и двух лосей, выбитых в «ангарской» изобразительной традиции, которые были зафиксированы еще Я. А. Шером при первом обследовании памятника [Шер, 1969, с. 2, 3]. На Ильинских писаницах этот пласт малочислен. Рисунки стиля отличаются крупными размерами и реалистичностью, а среди исследователей до сих пор нет единой точки зрения по поводу датировки данных изображений, которые относят к неолиту, энеолиту или ранней бронзе [Миклашевич, 2004, с. 16].

Изображений, которые уверенно можно было бы отнести к эпохе ранней бронзы, на памятнике пока выявить не удалось. Зато сохранилась серия рисунков, соотносимых с карасукской изобразительной традицией. Эти петроглифы характеризуются геометризованной схематичной изобразительной манерой и тщательно выполнены точечной выбивкой [Там же, с. 19].

Группа петроглифов раннего железного века на Ильинских писаницах в настоящее время остается самой многочисленной. Это изображения оленей, которые встречаются не только на скалах, но и на курганных камнях [Мухарева, Рогова, 2019, рис. 4; 8]. Петроглифы этого пласта на данном памятнике неоднородны, и условно их можно разделить на две группы. Первая включает преимущественно зооморфные фигуры, выполненные в «классической» изобразительной манере – копытные с правильными пропорциями, в позе «внезапной остановки», с завитками, окружностями и спиральями, заполняющими корпус, с большими древовидными рогами [Советова, 2005, с. 45–49; Леонтьев, Русакова, 2003–2004]. Вторая группа представлена «нетипичными» изображениями. Они выполнены в позе внезапной остановки, у оленей показаны древовидные, закинута на спину рога, что объединяет эти рисунки с изображениями первой группы. Вместе с тем иные пропорции фигур, выделенная линия рта и некоторые другие признаки отличают эту группу петроглифов от «классических» тагарских изображений [Гольшев, 2019, с. 119].

Есть на Ильинских писаницах изображения тесинского времени. Рисунки этого периода еще более неоднородны. Весьма интересна серия антропоморфных фигур, в том числе объединенных в батальные сцены [Миклашевич, Мухарева, Бове, 2017, с. 89, рис. 7]. Для изображений копытных животных характерно своеобразное положение ног – еще не размашистая рысь таштыкского стиля, но и не поза внезапной остановки [Миклашевич, 2004, с. 21].

Петроглифы таштыкской культуры на Ильинских писаницах представлены как выбитыми, так и гравированными изображениями лучников и копытных. Характерны-

ми чертами рисунков этого стиля является манера показа ног животных в позе размашистой рыси, «осиные талии» и загнутые вверх правые руки лучников, общая стремительная экспрессивность всех изображений [Леонтьев, Панкова, 2012, с. 11–15].

На отдельных плоскостях Ильинских писаниц зафиксированы изображения эпохи раннего средневековья, выполненные в реалистичной манере, в соответствии с присущими ей изобразительными канонами [Мухарева, 2007, с. 189, 190; 2011; 2013; и др.]. Это вырезанные тонкими линиями или выгравированные фигуры людей, изображенных верхом на лошадях, а также копытные животные. Все они небольшого размера, изображены в динамичных позах и зачастую объединены в сцены охоты [Мухарева, 2017, с. 729]. Кроме того, имеется на памятнике серия тамг, аналогии которым позволяют соотнести часть этих знаков с эпохой средневековья [Мухарева, Рогова, 2019, с. 51].

Рисунков нового времени на Ильинских писаницах относительно немного. Наиболее ярким остается изображение камлающего шамана с бубном и колотушкой, выполненное реалистично, с тщательной проработкой всех элементов.

Таким образом, среди изображений Ильинских писаниц уверенно выделяются рисунки минусинского и ангарского стилей, эпохи поздней бронзы, раннего железного века, тесинского и таштыкского времени, раннесредневековые и этнографические. Культурно-хронологическая колонка петроглифов Ильинских писаниц не только позволяет проследить развитие стилей в наскальном искусстве региона, характер сюжетов, присущих для той или иной эпохи, или наиболее распространенные для каждого из исторических периодов образы, но и свидетельствует о популярности этой местности у населения Минусинской котловины во все исторические периоды.

*Научный руководитель – А. Н. Мухарева
канд. ист. наук, доцент,
кафедра археологии,
Кемеровский государственный университет*

Источники

Шер Я. А. Отчет о полевых работах в 1969 г. в составе Красноярской археологической экспедиции ЛОАИ АН СССР // Науч.-отрасл. архив ИА РАН. Р-1. № 4086. 10 л.

Список литературы

- Гольшев О. А. Особенности изобразительной традиции в петроглифах тагарского времени долины реки Ини (Минусинский район Красноярского края) // Материалы LIX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Благовещенск; Хэйхэ, 2019. С. 118–120.
- Леонтьев Н. В., Русакова И. Д. Петроглифы раннего железного века на горе Ильинской (Средний Енисей) // Вестн. САИПИ. 2003–2004. Вып. 6–7. С. 34–41.
- Леонтьев Н. В., Панкова С. В. Петроглифы горы Георгиевской (таштыкские резные рисунки) // Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская. Лышненская. Улазы III. Сосниха / Тр. САИПИ. Кемерово, 2012. Вып. X. С. 5–28.
- Миклашевич Е. А. Памятники Минусинской котловины (Республика Хакасия, Красноярский край) // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. Алматы, 2004. С. 15–29.
- Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н., Бове Л. Л. Исследования петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская писаница» в 2016 г. // Ученые записки Музея-заповедника «Томская писаница». 2017. Вып. 5. С. 86–101.
- Мухарева А. Н. Раннесредневековая изобразительная традиция в петроглифах Саяно-Алтайского региона и сопредельных территорий // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. 2007. № 6. Вып. 3. С. 189–198.
- Мухарева А. Н. Изобразительные традиции первой половины I тыс. н. э. в наскальном искусстве Саяно-Алтая // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. II. С. 73.
- Мухарева А. Н. Стилистические варианты и особенности техники нанесения наскальных изображений комплекса Улазы (I тыс. н. э.) // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2013. Вып. 3–4. С. 57–61.
- Мухарева А. Н. Новые гравированные изображения эпохи енисейских кыргызов на скалах Минусинской котловины: возможности документирования // V (XXI) Всерос. археол. съезд. Барнаул, 2017. С. 729–730.

Мухарева А. Н., Рогова И. Г. Петроглифы на курганных камнях могильников в окрестностях села Тесь Минусинского района Красноярского края (некоторые результаты полевых исследований 2018 года) // Учен. зап. музея-заповедника «Томская писаница». 2019. Вып. 10. С. 43–52.

Пяткин Б. Н., Мартынов А. И. Шалаболинские петроглифы. Красноярск, 1985. 188 с.

Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск, 2005. 140 с.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980. 328 с.

Cultural and Chronological Column of the Rock Drawings of Ilyinsky Scribble (Minusinsk District of Krasnoyarsk Region)

O. A. Golyshev

The article analyzes some modern experience of cultural and chronological attribution of petroglyphs and highlights style groups of Ilyinsky pisanitsa drawings (Minusinsk district of Krasnoyarsk region). Based on the previous works experience, the author provides characteristics of each group and builds up a cultural and chronological column that allows to analyze the development the petroglyph styles of Ilyinsky carvings from Neolithic–Eneolithic times to present day. The cultural and chronological column of petroglyphs of Ilyinsky pisanits not only allows us to trace the development of styles in the petroglyphs of the region, the nature of plots inherent in a particular era or the most common images for each of the historical periods, but also indicates the popularity of this area among the population of the Minusinsk basin in all historical periods.

Keywords: Ilyinsky pisanitsa, rock images, cultural and chronological attribution, Minusinsk Basin, the engraved image, rock art.

Голышев Олег Андреевич

студент 3-го курса

Кемеровский государственный университет

e-mail: Golyshev.oleg@mail.ru

Golyshev Oleg Andreevich

Student 3rd year

Kemerovo State University

e-mail: Golyshev.oleg@mail.ru

УДК 902.4 (571.151)

Использование цифровых технологий при документировании гравированных изображений (на примере фрагмента стелы из фондов музея КемГУ)

А. С. Кинёва, Д. О. Климова

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

В 1982 г. в музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета были доставлены археологические находки, выявленные в ходе раскопок в урочище Нижняя Сору, проводившихся Алтайским отрядом Южносибирской экспедиции КемГУ под руководством А. С. Васютина [Каталог коллекций ... , 2004, с. 71]. Памятник расположен в устье высохшего русла р. Нижняя Сору близ с. Кулада в Онгудайском р-не Республики Алтай [Васютин, 2009, с. 90] и включает курганы, поминальные оградки и одиночные стелы, датируемые древнетюркской эпохой (VII–VIII вв. н. э.) [Васютин, 1983]. Обнаруженные в ходе раскопок артефакты, включая фрагмент стелы из сланца, покрытый гравированными и выбитыми изображениями, в 1987 г. вошли в коллекцию № 19 музея КемГУ [Каталог коллекций ... , 2004, с. 71]. В полном составе коллекция так и не была опубликована, хотя часть предметов материальной культуры отражена в каталоге коллекции музея [Там же], а копия одной из гравированных фигур – стреляющего лучника – в небольшой публикации [Васютин, Елин, Илюшин, 1987, с. 108]. Остальные изображения (в полевом отчете автора раскопок их 14) так и не были введены в научный оборот. Между тем подобные находки весьма важны для решения вопросов атрибуции рисунков на скалах, а также для изучения «закрытых» комплексов, из которых они происходят [Тишкин, Мухарева, 2011, с. 563, 564; Мухарева, Серегин, 2016, с. 230 и др.]. В настоящее время высококачественная фотоаппаратура и программное обеспечение позволяют скопировать эту сцену целиком и с точностью воспроизвести мельчайшие элементы изображений.

Работа с плитой из Нижней Сору выполнялась в соответствии с традиционными приёмами документирования петроглифов [Шер, 1980; Дэвлет, 1982; Дэвлет, 2002 и др.] и современными методиками работы с гравированными изображениями [Миклашевич, Бове, 2014; Мухарева, 2015; 2017; 2018, с. 32, 34]. Как правило, все работы по документированию начинаются с расчистки рисунков, затем выполняется фотофиксация изображений и их контактное копирование. Далее контактная копия переводится в элек-

тронный вид и обрабатывается в компьютерных редакторах изображений для получения цифровой прорисовки [Мухарева, Тишкин, 2016, с. 94, 96].

Так как поверхность плиты была чистой, первым этапом прорисовки авторами работы стало ее фотографирование при естественном косом свете. Был снят общий вид, а также отдельные фрагменты, при монтаже которых удалось получить большую детализацию рисунков. Затем было выполнено контактное копирование, заключающееся в переводе петроглифов на флористическую плёнку тонкими маркерами, позволяющими точно воспроизвести гравированные линии. Полученная копия была отсканирована двумя частями и сведена в единое цифровое пространство для дальнейшей работы. Также было опробовано копирование на микалентную бумагу, но оно не принесло положительных результатов из-за отсутствия на плите глубоких рисунков.

Следующий этап заключался в обработке полученных данных в различных компьютерных программах:

1) в графическом редакторе Adobe Photoshop по фотографии плиты нами была выполнена ее пигментная карта по методу А. К. Солодейникова, которая позволила выявить на поверхности сланца полосы неясного происхождения (до проведения дополнительного исследования нельзя исключать, что это следы краски). Дальнейшая работа в Adobe Photoshop заключалась в создании растровой прорисовки (рис.), для чего поверх оцифрованной контактной копии, явившейся основой, была наложена фотография и скорректированы имеющиеся у нее искажения. После этого созданы отдельные слои для прорисовывания инструментами «Линия» и «Кисть» контуров плиты и изображений. В зависимости от ширины гравированных линий и глубины выбивки использовались различные размеры, настройки и степень прозрачности инструментов;

2) в программе Paint Tool SAI, позволяющей получать не только растровые, но и векторные изображения, была выполнена аналогичная работа по созданию векторной прорисовки. В отдельном слое, созданном поверх фотографии плиты, с помощью инструментов «Кривая» и «Ли-

ния» были прорисованы все фигуры, а необходимые изменения в конфигурацию линий были внесены с помощью функции «Правка». Несомненным преимуществом данной программы является более высокая скорость воспроизведения изображений, чем в Adobe Photoshop. Однако ввиду невозможности изменить выбранную в начале работы толщину линии, прорисовка, сделанная в Paint Tool SAI, не может в полной мере отобразить особенностей техники выполнения исходного изображения.

В результате проделанной работы, помимо многочисленных гравированных фигур, нами были выявлены выбитые изображения глаза и брови (?). Не исключено, что изначально стела, от которой откололась данная плита, явля-

лась вариацией тюркского «лицевого» изваяния [Кубарев, 1984, с. 17–20], а значит, имеющаяся в отчете автора раскопок трактовка сохранившейся выбивки как противостоящих фигур двух животных, может быть пересмотрена.

Что касается гравировок то, кроме лучника в панцирном доспехе, были выявлены копытные животные, пронзенные стрелами, идентичными тем, что изображены в колчане лучника. Кроме этих изображений также были зафиксированы животные, разительно отличающиеся по стилю и, вероятно, выполненные в иное время. Часть имеющихся линий не складывается в фигуры, возможно, это неоконченные рисунки.

Рис. Растровая прорисовка изображений на плите из Нижней Сору, выполненная в Adobe Photoshop

Таким образом, в результате применения различных способов документирования изображений на плите из Нижней Сору удалось не только в очередной раз продемонстрировать эффективность использования современной фотоаппаратуры и компьютерных технологий, но и выявить все петроглифы и их мельчайшие элементы. Реалистично переданные пропорции фигур, определенный динамизм сцены, техника нанесения рисунков характерны для тюркского времени и, несомненно, наряду с известными подобными сценами [Кубарев, 1984, рис. 13, 14; Мухарева, Серегин, 2016, рис. 4, 5; и др.], дополняют наши представления об изобразительном творчестве населения Алтая.

*Научный руководитель – А. Н. Мухарева
канд. ист. наук, доцент,
Кемеровский государственный университет*

Список литературы

- Васютин А. С. Исследования древнетюркских оградок в Горном Алтае // Археологические открытия 1981 г. М., 1983. С. 192.
- Васютин А. С. Тюркские оградки Кер-Кечу и Нижнего Сору центрального Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2009. № 5. С. 87–94.
- Васютин А. С., Елин В. Н., Илюшин А. М. Новые находки предметов вооружения в древнетюркских оградках Горного Алтая // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 107–114.
- Дэвлет М. А. Петроглифы на кочевой тропе. М.: Наука, 1982. 128 с.
- Дэвлет Е. Г. Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование. М.: Научный мир, 2002. 239 с.
- Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» КеМГУ. Кемерово: Скиф, 2004. Вып. 1. 112 с.

Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск : Наука, 1984. 230 с.

Миклашевич Е. А., Бове Л. Л. Гравировки на скалах Хакасии: новые технологии документирования // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Казань, 2014. Т. IV. С. 72–76.

Мухарева А. Н. Гравированные изображения середины I тыс. н. э. на севере Минусинской котловины // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2015. Вып. 2. С. 78–84.

Мухарева А. Н. Новые гравированные изображения эпохи енисейских кыргызов на скалах Минусинской котловины: возможности документирования // Тр. V (XXI) Всерос. археол. съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул, 2017. Т. III. С. 126–129.

Мухарева А. Н. Исследования Петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская Писаница» в 2017 г. // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2018. № 7. С. 26–36.

Мухарева А. Н., Серегин Н. Н. Гравированные изображения на плите тюркской оградки комплекса Годон-Гол-V (Монгольский Алтай) // Известия Алтайс. гос. ун-та. Сер.: Исторические науки и археология. 2016. № 2 (90). С. 229–235.

Мухарева А. Н., Тишкин А. А. Петроглифы местонахождения Уркош-XV в Центральном Алтае (о документировании наскальных изображений, выполненных в технике прошлифовки) // Археология Южной Сибири. К 40-летию кафедры археологии КемГУ. Кемерово, 2016. Вып. 27. С. 90–100.

Тишкин А. А., Мухарева А. Н. Петроглифы на камнях из курганных сооружений (по материалам исследований в Монгольском Алтае) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Иркутск, 2011. Вып. 2. С. 560–564.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М. : Наука, 1980. 328 с.

Using Digital Technologies for Documenting of Engraved Images (On the Example of a Fragment of a Stela from Foundations of the KemSU Museum)

A. S. Kinyova, D. O. Klimova

Among the many items that make up the funds of the museum “Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia” of KemSU, there is a fragment of a stela with engraved images. It was discovered in 1982 during excavations of the Turkic grave fence carried out by the South Siberian expedition of KemSU under the direction of A. S. Vasyutina in the tract Nizhnyaya Soru in the Altai Mountains. In the same year, a fragment was delivered to the KemSU Museum along with objects found during excavations (iron arrowheads, an oval buckle, a fragment of an ornamented vessel, etc.). Numerous engraved lines cover one of the sides of the slab, among which the archer’s figure, soon published, stands out most clearly. However, in addition to the archer, on the surface of the slab contains a series of other figures that were identified by the authors of the article when re-documenting the slab through use of digital photography, computer equipment and graphic programs for drawing and image processing (Adobe Photoshop, Paint Tool SAI).

Keywords: petroglyphs, engraving, Early Middle Ages, Nizhnyaya Soru, KemSU Museum.

Кинёва Алина Сергеевна

студент 4-го курса

Кемеровский государственный университет

e-mail: linakoatan@gmail.com

Kinyova Alina Sergeevna

Student 4th year

Kemerovo State University

e-mail: linakoatan@gmail.com

Климова Дарья Олеговна

студент 4-го курса

Кемеровский государственный университет

e-mail: daria62nik@gmail.com

Klimova Dariya Olegovna

Student 4th year

Kemerovo State University

e-mail: daria62nik@gmail.com

УДК 947.084-055(470)

О населении «забытого» города Гижигинска: из истории семьи Брагиных

В. В. Брагин

Северо-Восточный государственный университет, Магадан, Россия

История города Гижигинска (Северо-Эвенский район, Магаданская область) еще не написана. В исследованиях, предпринимаемых в XX – начале XXI в. [Вдовин, 1995; Конь, Понкраторова, 2019; и др.], много «белых пятен». В 2019 г. проводимый археологами с участием автора осмотр территории местонахождения Гижигинска выявил ряд вопросов. Так, среди подъемного материала оказалась монета 1936 г., хотя ранее утверждалось, что Гижигинск был сожжен в 1927 г. [Конь, Понкраторова, 2019, с. 238]. Кроме того, при осмотре обнаружена надмогильная плита купца Прокопия Прокопьевича Брагина, скончавшегося в 1862 г., – возможно, нашего родственника по мужской линии.

Судьба моей семьи Брагиных связана с событиями, происходившими в Гижигинске в конце XIX – начале XX в., в связи с чем возможно использовать данные о ней для восстановления истории города.

Были проанализированы материалы опроса членов семьи автора: матери – Л. П. Чепаловой [ПМА 2] и отца – В. П. Брагина, который в свою очередь рассказал о сведениях, полученных им от матери – М. Е. Кудяровой и тещи – В. И. Беломоиной [ПМА 3]. Привлекались документы [За нами придут ... , 1999], данные из Родословной книги проекта «Камчадалы.ру» [Родословная ...], а также публикации об истории Гижигинска [Афанасьев].

Выяснилось, что фамилия «Брагины» достаточно распространена как в европейской части России, так и на территории Магаданской области и на Камчатке [ПМА 2;

ПМА 3]. Считается, что все родственники по отцовской линии (Брагины, Кудяровы) и по линии матери (Беломоины, Какаулины) произошли от казаков-первопроходцев, основавших когда-то Гижигинский острог [ПМА 2; ПМА 3].

До революции по течению р. Гижига было несколько поселений: в устье р. Гижига – пос. Кушка (несколько домов); в 18 км от устья р. Гижига – Гижигинск; пос. Багулино по левому берегу реки (5 км) (место рождения прабабушки – П. И. Брагиной); пос. Левчики (место рождения деда – П. В. Брагина); с. Крестовое (в 3 км от с. Левчики) (место рождения отца – В. П. Брагина). Были еще поселения вверх по реке, состоящие из 1–2 семей: Арестово, Гидоново, Липино, Подкова, Брянская, Овенко, Первая Казачья, Вторая Казачья и др.

Выявлены последовательность поколений и некоторые факты биографий родственников по линии отца:

1. Прапрадед Прокопий Прокопьевич Брагин, Гижигинский купец 1-й гильдии [Родословная ...] (1800–1862 гг.) [ПМА 1].

2. Прапрадед Илья Прокопьевич Брагин (жена – Александра Кирилловна) [Родословная ...].

3. Прадед Влас Ильич Брагин (1881–1938 г.). Место рождения и проживания: Дальневосточный край; национальность – камчадал. У Власа было пятеро детей, кроме них он воспитывал еще трех сирот – мальчиков-погодков. Служил приказчиком у купчихи Т. В. Брагиной, которая перед смертью заказала для себя металлический саркофаг

длиной и высотой 2 м, шириной 1 м. Перевозкой саркофага лично руководил В. И. Брагин. Саркофаг в Гижигинск везли на шести связанных между собой собачьих нартах, запряженных 20 собаками. Приказ был исполнен – гроб был накрыт саркофагом [ПМА 3]. Из дневниковых записей Д. Бродской-Иохельсон (1901 г.) о Татьяне Васильевне известно, что она принадлежала к «высшей аристократии гижигинского общества» [Хаховская, 2018, с. 114]. Влас Ильич был арестован и осужден 21.04.1938 [Родословная...]. Обвинялся в шпионаже. После ареста от него пришла только одна записка о том, что он находится в пос. Угольные Копи около г. Анадыря [ПМА 3]. Был расстрелян 08.07.1938, реабилитирован 11.05.1989 [За нами придут..., 1999].

4. Дед Прохор Власович Брагин родился в с. Левчики в 1920 г. Также работал у купчихи Брагиной – по ее просьбе ездил на собаках с друзьями за товарами в устье р. Гижиги к мысу Маячному, где находились торговые склады [ПМА 3]. С его слов, гижигинцы жили бедно, но не голодали: ловили рыбу, охотились на сухопутных животных и морского зверя. Летом, когда шла на нерест кета, горбуша, строили на берегу легкие постройки – повари, где все лето обрабатывали рыбу. Икру солить не умели – просто сушили на корм собакам. Для хранения запасов в грунте выкапывали ямы размером 1×1 м, обкладывая их внутри травой. В них складывали рыбу и ее отходы. Зимой замерзшую рыбную массу – «аргиз» – вырубали и кормили ею собак [ПМА 3].

Занимались гижигинцы огородничеством, выращивая картофель, репу, капусту; заготавливали ягоды. Завозили лошадей, с которыми связывают курьезную ситуацию, когда вместе с лошадьми не доставили в город упряжь и повозки, которые местное население не умело изготавливать. Становилось смешно при виде человека, несшего на себе груз, позади которого на поводу шла негруженная лошадь. Помимо лошадей население использовало в хозяйстве коров. С Камчатки и Владивостока завозили клепку (боковые обручи для бочек) – целые бочки завозить было нерентабельно, так как они занимали слишком много места [ПМА 3].

Прохор в возрасте 18 лет участвовал в захоронении гижигинцев на территории церкви. Его и других молодых парней «правительство» обязало разобрать церковь на доски и снести туда трупы, чтобы сжечь. При поджоге «тела встали», так как предварительно у них не были перерезаны сухожилия. Всем участникам процесса был выдан спирт и рекомендовано обтирать им тело для предупреждения заболеваний [ПМА 3].

По линии матери об истории семьи известно:

1. Прадед Ефим Кузьмич Кудьяров – был проводником с Камчатки до Гижигинска отряда Г. И. Чубарова, который в 1923 г. освободил город от отряда В. Бочкарева. В начале 1930-х гг. Е. К. Кудьяров был арестован и осужден на 5 лет. Так как он был охотником-профессионалом,

то его отправили в район Северного Ледовитого океана на промысел китов и моржей [ПМА 2; ПМА 3].

2. Бабушка Мария Ефимовна Кудьярова (жена П. В. Брагина). С ее слов известно, что в конце 1930-х гг. по всем поселениям р. Гижиги арестовали 70 человек, в число которых попал и В. И. Брагин (по обвинению в шпионаже в пользу Японии). В начале 1940-х гг. эпидемия гриппа унесла часть населения Гижиги. На месте поселка с 1930-х до 1940-х гг. была пограничная застава, после которой остались здания, впоследствии использованные в том числе под интернат. После наводнения 1956 г. решено было переселиться из Кушки в пос. Гижигу [ПМА 3].

Таким образом, выяснилось, что фамилия Брагиных – довольно известная, купеческая. Похороненный на гижигинском кладбище купец П. П. Брагин – наш прапрадед. Факты осуждений по политическим мотивам, а затем реабилитации членов нашей семьи напрямую связаны с их положением в обществе, когда во время сталинских репрессий уничтожалась элита – самые известные и богатые люди. Данные о процедуре ликвидации в 1938 г. Гижигинска, находясь в 2019 г. при осмотре местности монеты 1936 г. свидетельствуют о необходимости уточнения даты прекращения функционирования Гижигинска как населенного пункта.

*Научный руководитель – И. Ю. Понкратова
канд. ист. наук, доцент, ведущ. науч. сотр.,
Северо-Восточный государственный университет*

Источники

ПМА 1 – полевые материалы автора. Осмотр, проведенный в июне 2019 г. местонахождения «город Гижигинск» в Северо-Эвенском районе Магаданской области.

ПМА 2 – полевые материалы автора. Опрос, проведенный в декабре 2019 г. в пос. Гижига Северо-Эвенского района Магаданской области (информант – Л. М. Чепалова, 1974 г. р.).

ПМА 3 – полевые материалы автора. Опрос, проведенный в сентябре 2019 г. в пос. Гижига Северо-Эвенского района Магаданской области (информант – В. П. Брагин, 1954 г. р.).

За нами придут корабли: Список реабилитированных лиц, смертные приговоры в отношении которых приведены в исполнение на территории Магаданской области. Магадан, 1999. 215 с.

Список литературы

Афанасьев А. Был такой город Гижигинск. URL: <http://www.kolymastory.ru/glavnaya/istoriya-magadana/byl-takoj-gorod-gizhiginsk/> (дата обращения: 15.10.2016).

Вдовин И. С. Гижига – город-крепость на Северо-Востоке России // Памятники, памятные места истории и культуры Северо-Востока России. Магадан, 1995. С. 78–82.

Конь У. С., Понкратова И. Ю. История города Гижигинска (1650-е – 1920-е гг.) // Материалы LIX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Благовещенск; Хэйхэ, 2019. С. 237–239.

Родословная 2 / Информационный портал Камчадалы.ру. URL: http://www.kamchadaly.ru/files/doc/rodoslovyaya_2.pdf (дата обращения: 02.03.2019).

Хаховская Л. Н. Полевая работа Д. Л. Иохельсон-Бродской среди аборигенов Северо-Востока России: (на материале дневника периода Джезуповской экспедиции) // Магаданский краевед. Магадан, 2018. С. 101–123.

On the Population of the “Forgotten” Gizhiginsk City: From the History of Bragin’s Family

V. V. Bragin

The report analyzes data about the Bragin’s family, whose fate is directly related to the events that took place on the outskirts of Russia in the forgotten city of Gizhiginsk in the late 19th – early 20th centuries. The new data record the process of liquidation of the settlement in 1938. The relationship with the merchant of the first Guild, Prokopy Bragin, who was buried in the cemetery, was determined as great-great-grandfather. The facts of political convictions and then rehabilitation of family members could be directly related to their position in society, when the elite – the most famous and rich people – were destroyed during Stalin’s repressions.

Keywords: survey, history of the family, Bragin, preservation of heritage, Gizhiginsk.

Брагин Василий Вячеславович

студент 3-го курса
Северо-Восточный государственный университет
e-mail: braginv949494@gmail.com

Bragin Vasilii Vyacheslavovich

Student 3rd years
North-Eastern State University
e-mail: braginv949494@gmail.com

К вопросу о постановке на учет исторического объекта «Город Гижигинск»

Л. С. Лебедева¹, И. Ю. Понкратова¹, Д. П. Волков²

¹Северо-Восточный государственный университет, Магадан, Россия

²ЦСН Амурской области, Благовещенск, Россия

Гижигинск – один из форпостов России на ее отдаленных территориях в XVII – начале XX в. [Сафронов, 1988; Был такой город ...]. Это памятник освоения территории Севера Дальнего Востока России русскими людьми [Алексеев, 1996; Полное собрание ...]. Его история всегда вызывала интерес не только у специалистов-историков [Бурыкин, 2015; Вдовин, 1995; Конь, Понкратова, 2019; др.], но и у населения Магаданской области [Афанасьев, 2016], а также у тех, кто незаконно пытается проводить раскопки на его территории с целью нахождения и сбыта эффектных вещей на черном рынке [Там же].

Гижигинск расположен в Северо-Эвенском районе Магаданской области на левом берегу р. Гижига, в 18 км от ее устья. В июле 2019 г. был проведен осмотр этой территории с целью выявления местонахождения и определения историко-культурного значения объекта, составления плана работ для возможного включения его в Единый государственный реестр объектов культурного наследия и постановки на кадастровый учет в виде зоны с особыми условиями использования территории.

Работы проводились при участии Магаданского регионального отделения Русского географического общества, Северо-Восточного государственного университета (далее – СВГУ), Центра сохранения наследия Амурской области (далее – ЦСН). Поддержку экспедиции оказали Правительство Магаданской области и член попечительского совета регионального отделения Русского географического общества (далее – РГО) И. Б. Донцов.

В составе группы работали: директор ЦНС Амурской области Д. П. Волков, сотрудники СВГУ – канд. ист. наук И. Ю. Понкратова, Л. С. Лебедева, студенты И. Казимиров, В. Брагин. Проводник экспедиции – житель пос. Северо-Эвенск – С. Т. Конь.

В результате осмотра местности на двух-, пяти- и двадцатиметровых речных террасах левого берега р. Гижига были выявлены остатки поселения с прилегающим к нему кладбищем.

При осмотре поселения зафиксированы разрушенные жилищные конструкции, выделяющиеся на общем плане густой растительностью. Произведенная аэрофотосъемка позволила установить четкий контур поселения, его квадратно-линейную застройку, участки периферийной зоны, расположение возможного ограждения по периметру поселка, контуры кладбища. Определены точные географические координаты объекта, выполнено описание границ памятника.

Кладбище расположено на юго-западной окраине и определяется выраженной в рельефе отдельной площадкой с незначительным ограждением по периметру. На кладбище зафиксированы частично сохранившиеся надгробные плиты, железные ограждения, а также холмы характерной для захоронений формы с остатками срубленных деревянных столбов. Отмечен факт совершения поминальных обрядовых традиций местным населением на современном этапе.

В ходе экспедиции 2019 г. собран подъемный материал, в числе которого предметы быта: фрагменты оконного и бутылочного стекла, фарфоровой посуды, керосиновой лампы, железные изделия (гвозди, торговые весы, ключ), перламутровые пуговицы, бусы, стеклянные пробки от флакончиков с духами и пр. Найдены монеты, датированные XVIII – началом XX в.

Проведенные исследования позволили зафиксировать, что, во-первых, объект находится в зоне мерзлоты, которая способствует сохранности предметов; во-вторых, на месте функционировавшего объекта в XVIII – начале XX в. в последующем другого постоянного поселения не было, что также благоприятствует сохранению культурного слоя.

Проведен опрос местного населения, в результате которого выяснилось, что окончание функционирования объекта может быть датировано 1938 г., а не 1927 г., как это предполагалось ранее [Конь, Понкратова, 2019, с. 238]. Стало известно, что именно в 1938 г. тела умерших, предположительно от эпидемии, жителей поселения были сожжены на территории разобранной церкви. Кроме того, найдена монета, датируемая 1936 г.

В целом сделан вывод о перспективности научного изучения объекта с обязательным проведением процедуры его включения в Единый государственный реестр объектов культурного наследия.

Для дальнейшего изучения объекта составлен проект «Гижигинская археологическая экспедиция», цель которого – всестороннее полевое археологическое и историческое исследование объекта и реконструкция его истории. В задачи проекта входят: поиск, систематизация, анализ исторической информации об объекте; проведение археологических изысканий на территории объекта, обнаружение и сохранение следов материальной культуры XVII – начала XX в., их научное изучение; обучение и воспитание молодежи; популяризация истории посредством публикаций о процессе и результатах проводимых работ в федеральных и региональных СМИ, организация туристических маршрутов и волонтерского движения. Проект подан на соискание гранта РГО в 2020 г. Его реализация предполагается в рамках комплекса разноплановых мероприятий в течение 2020–2025 гг.

*Научный руководитель – И. Ю. Понкратова
канд. ист. наук, доцент, ведущ. науч. сотр.,
Северо-Восточный государственный университет*

Список литературы

- Алексеев А. Н. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на Северо-Востоке Якутии. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 151 с.
- Афанасьев А. Историческое наследие за рубли. URL: http://antonafanasev.livejournal.com/97542.html?utm_source=fbsharimg&utm_medium=social (дата обращения: 12.11.2017).
- Бурыкин А. А. Михаил Стадухин – первооткрыватель Охотского побережья: судьба землепроходца и история его открытий // Магаданский краевед. 2015. Вып. 1. С. 18–36.
- Был такой город Гижигинск. URL: <http://www.kolymastory.ru/glavnaya/istoriya-magadana/byl-takoj-gorod-gizhiginsk/> (дата обращения: 15.10.2016).
- Вдовин И. С. Гижига – город-крепость на Северо-Востоке России // Памятники, памятные места истории и культуры Северо-Востока России. Магадан, 1995. С. 78–82.
- Конь У. С., Понкратова И. Ю. История города Гижигинска (1650-е – 1920-е гг.) // Материалы LIX Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Благовещенск ; Хэйхэ, 2019. С. 237–239.
- Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Составитель М. М. Сперанский (ПСЗРИ). Т. XXI. 1781–1783 гг.. URL: <https://www.runivers.ru/lib/book3130/9829/#BookContents> (дата обращения: 01.06.2018).
- Сафронов Ф. Г. Тихоокеанские окна России: Из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил. Хабаровск : Хабаровск. кн. изд-во, 1988. 192 с.

On the Issue of Registration of the Historical Object “Gorod Gizhiginsk”

L. S. Lebedeva, I. Yu. Ponkratova, D. P. Volkov

In July 2019, the location of the Gizhiginsk object was inspected on the left bank of the Gizhiga river, 18 km from its mouth (Severo-Evensky district, Magadan region). The remains of a settlement with a burial structure adjacent to it have been identified. Destroyed housing structures were recorded. Lifting material was collected, including household items. It is recorded that the object is located in the permafrost zone, which contributes to the safety of items. As a result of the survey, the end of the object's operation in 1938 was clarified. The object's scientific study was promising, with the mandatory procedure for its inclusion in the Unified state register of cultural heritage objects. The Project “Gizhiginsky archaeological expedition” has been compiled, the purpose of which is a comprehensive field archaeological and historical study of the object and reconstruction of its history.

Keywords: Historical heritage, Archaeology, preservation, Magadan region.

Лебедева Любовь Сергеевна

специалист по учебно-методической работе отдела аспирантуры
Северо-Восточный государственный университет
e-mail: lebedeva.lubov.magadan@yandex.ru

Понкратова Ирина Юрьевна

ведущий научный сотрудник
Северо-Восточный государственный университет
e-mail: ponkratova1@yandex.ru

Волков Денис Павлович

директор
Центр по сохранению историко-культурного наследия
Амурской области
e-mail: volk-d@yandex.ru

Lebedeva Lyubov Sergeevna

Specialist of the Department of Postgraduate Studies
North Eastern State University
e-mail: lebedeva.lubov.magadan@yandex.ru

Ponkratova Irina Yurievna

Leading Researcher
North Eastern State University
e-mail: ponkratova1@yandex.ru

Volkov Denis Pavlovich

Director
Central Service Center of the Amur Region
e-mail: volk-d@yandex.ru

УДК 903.4:681.3(571.51)"631/634"

Графическая реконструкция поселения каменного века (по археологическим материалам с Афонтовой горы II)

В. Л. Денисенко¹, В. П. Кривоногов²

¹Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

²Красноярский государственный художественный институт, Красноярск, Россия

Одной из главных целей археологии является изучение памятников культуры и их содержимого в контексте времени и пространства для последующей реконструкции. Начиная с 20-х гг. XX в. археологические памятники стали восприниматься «как основа для исторических реконструкций» и как «средство социологического познания прошлого» [Клейн, 1993, с. 136]. Развитие данных идей нашло отражение в словах известного археолога М. П. Грязнова, в 1940-х гг. он писал, что «вещь – источник для наших познаний, но ее надо изучать по-новому. Систематизация, классификация, хронология нужны, но надо ответить на вопросы: как жил человек в древности, уровень техники, образ жизни, хозяйство, социальный строй, идеология» [Грязнов, 1997, с. 99].

Реконструкция (от лат. re-constructio) – воссоздание утраченного первоначального облика какого-либо явления, процесса или объекта по сохранившимся частям различного рода памятников. Выделяют три вида реконструкции: описательная (текст), графическая (художественный рисунок, рисунок-схема) и натуральная (модель) [Нестеров, 2013, с. 63]. Важно отметить, что любая реконструкция должна осуществляться на научной основе, снабжаться необходимой системой аргументов и доказательств. Описательная реконструкция в ходе археологических исследований восстанавливает историю культуры и дает необходимую базу для визуализации полученного материала.

Визуализация образа жизни homo эпохи палеолита является одной из перспективных задач современной археологии. В последние годы ученые все чаще обращаются к визуальным реконструкциям. В настоящее время особую популярность такого рода направления приобрели в Европе и США, как в музейных экспозициях, так и в престижных научных и научно-популярных изданиях: Science [Waters, 2019], Nature [Wood, 2019], Scientific American [2013; Caspari, 2016], сборники и монографии Научной исследовательской ассоциации Лиежуа [Otte, Sinitzin, Vasi-

liev, 2017; Goval, Hérissou, 2018], обложка выпуска Anthropologica et Præhistorica [2016] и мн. др. В российских изданиях такой подход визуализации только набирает обороты [Деревянко, Шуньков, 2015; Кривошапкин, 2018; Дробышевский, 2018].

Данная работа посвящена графической реконструкции (рис.), основанной на комплексном подходе, заключающемся в сопоставлении всех групп источников, при определяющем значении вещественных материалов. Воссоздание при художественной графической реконструкции первобытного уклада жизни преимущественно является мультидисциплинарным исследованием, которое включает в себя анализ системы жизнеобеспечения на основании данных по геоморфологии; материальной культуры, представленной в археологической коллекции; антропологических и фаунистических остатков. Синтез естественно-научных и гуманитарных методов исследования даст нам информацию о пище, одежде, жилище человека с моделированием процессов и технологий обработки материалов, строительством жилищ, хозяйственного производства.

Археологический комплекс Афонтова гора, включающий в себя несколько памятников, несомненно, является наиболее значимым археологическим объектом верхнего палеолита Приенисейской Сибири. Для реконструкции мы выбрали бытовую сцену из жизни верхнепалеолитических жителей стоянки Афонтова гора II, которая считается эталонным вариантом афонтовской культуры [Астахов, 1999, с. 173], 11 тыс. л. н. За основу взяли публикации как современных авторов (Е. В. Артемьев, Н. М. Мещерин, Н. И. Дроздов), изучающих данный памятник, так и авторов, которые начали научные исследования в прошлых столетиях (И. Т. Савенков, Н. К. Ауэрбах, Г. П. Сосновский, С. Н. Астахов). В данном ключе особую важность приобретает осмысление опыта, накопленного предшественниками, систематизация собранного ими материала.

Рис. Реконструкция поселения каменного века по материалам памятника Афонтова гора II

Первое, что хотелось бы отметить, – это территориальная ориентированность демонстрируемой сцены. Как известно, во время поселения человека на стоянке Афонтова гора II река протекала поблизости от уступа стоянки, и можно предположить, что обитатели верхнего культурного горизонта стоянки жили здесь во время завершения аккумуляции отложений второй террасы р. Енисей [Цейтлин, 1979]. Благодаря археологическим раскопкам в 2014 г. отрядов «Красноярской Геоархеологии» и ИАЭТ СО РАН, стало известно, что большая часть находок, связанная с афонтовской культурой, залегала именно на крутом береговом склоне [Археологические комплексы..., 2017]. Данное место хорошо подходит для постройки жилища, так как имеет хороший обзор, виден Торгашинский хребет и есть близкий выход к воде. Со слов старшего преподавателя КГПУ им. В. П. Астафьева и младшего научного сотрудника ИАЭТ СО РАН Ивана Владимировича Стасюка, «на стоянках они проводили по несколько месяцев, строили жилища по типу чумов и яранг» (из личной беседы). Жилища по типу чумов были широко распространены в эпоху палеолита и на территории Забайкалья.

Обратимся к первому плану нашей реконструкции, на которой мы поместили человека, занимающегося изготовлением орудий труда посредством расщепления камня. При сравнении материалов различных культуросодержащих слоев прослеживается не только однослойность, но и практическая идентичность специфики набора технико-типологических групп каменного инвентаря [Артемьев, Дроздов, Макулов, 2013, с. 65]. В ходе изучения каменного инвентаря выявлено, что основным технологическим приемом расщепления было получение крупных, обычно укороченных широких, и реже – удлиненных отщепов. Распространенным типом были вкладышевые орудия из кости, реконструкция которых представлена на первом плане иллюстрации. Обратив внимание на фигуру второго плана, можно увидеть украшение из зубов мелкого хищника, подобные украшения были найдены на стоянке в 1992 г. [Там же, рис. 6].

Относительно антропологического типа жителей стоянки Афонтова гора II мы имеем крайне мало информации, но можно предполагать, благодаря современным находкам, что они были близки к европеоидному антропологическому типу. При раскопках 2014 г., локализованных на третьей террасе Афонтовой горы II, были обнаружены палеоан-

тропологические находки, принадлежащие двум особям *Homo sapiens*. В ходе археологических работ обнаружены первый шейный позвонок, челюсть и пять зубов. Нижняя челюсть и пять зубов, по предварительным данным, принадлежат девушке 14–15 лет [Новые антропологические..., 2014, с. 433]. Ряд антропологических особенностей данной находки являются характерными для морфологии нижних челюстей современных людей.

Что касается рациона рассматриваемых нами жителей Афонтовой горы II, то, благодаря результатам антропологического обследования нижней челюсти девушки, обнаруженной на данном палеолитическом местонахождении, можно сделать вывод о низком содержании углеводов в рационе ее питания [Чикишева, Зубова, 2016, с. 192]. В первую очередь, это свидетельствует о преобладании мясной пищи в рационе, а значит, и преобладающей охотничьей деятельности. Данный аспект мы отобразили на иллюстрации, где фигура на втором плане разделяет тушку зайца, чьи кости встречаются в большом количестве [Исследование памятника..., 2016, с. 566]. А также на заднем плане мы видим, как два охотника разделяют тушу северного оленя, который был наиболее частой добычей людей в позднем плейстоцене долины р. Енисей [Оводов, Мартынович, Малимонова, 2000]. Стоит отметить, что природная обстановка вокруг существовавших палеолитических стоянок на Афонтовой горе, судя по набору фаунистических останков, была довольно разнообразной.

В заключение хотелось бы добавить, что графические реконструкции быта древних культур помогают в обобщении уже имеющейся информации, но разрозненной по публикациям разных авторов, занимающихся одними и теми же памятниками. Также они способствуют наглядности археологического материала, помогают его «оживить», а благодаря этому привлечь внимание к определенным темам археологических исследований не только научное сообщество, но и всех, интересующихся культурами ушедших эпох.

Список литературы

Артемьев Е. В., Дроздов Н. И., Макулов В. И. Основные этапы археологического изучения стоянки Афонтова гора II // Изв. Иркут. госуд. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 2 (3). С. 58–71.

Археологические комплексы позднего палеолита стоянки Афонтова гора II (по материалам раскопок 2014 года) / А. П. Деревянко,

В. С. Славинский, А. А. Цыбанков, Д. Н. Лысенко, Н. И. Дроздов, С. А. Гладышев, Е. П. Рыбин, И. В. Стасюк, В. М. Харевич, Е. В. Акимова, С. М. Слепченко, И. Д. Зольников, А. М. Клементьев, Л. Л. Галухин, Е. С. Богданов // *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology*. 2017. № 1. С. 175–199.

Астахов С. Н. Палеолит Енисея. Палеолитические стоянки на Афонтовой горе в г. Красноярске. СПб.: Европейский Дом, 1999. 207 с.

Аузрбах Н. К., Сосновский Г. П. Материалы к изучению палеолитической индустрии и условий ее нахождения на стоянке Афонтова гора // Тр. Комиссии по изуч. четвертич. периода. 1932. № 1. С. 56–73.

Грязнов М. П. Анализ вещи (методика культурно-исторического изучения элементарных археологических памятников-вещей) // Четвертые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Омск, 1997. С. 98–101.

Деревянко А. П., Шуныхов М. В. Откуда пришел Homo sapiens? // Наука из первых рук. 2015. № 5/6. С. 36–55.

Дробышевский С. В. Байки из грота: 50 историй из жизни древних людей. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 455 с.

Исследование памятника Афонтова гора II в 2016 году / В. С. Славинский, А. А. Цыбанков, Д. Н. Лысенко, Н. И. Дроздов, И. Д. Зольников, А. М. Клементьев, М. Н. Мещерин, С. А. Гладышев, Е. С. Богданов, А. В. Нетета, А. В. Барков, В. П. Леонтьев, В. И. Макулов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2016. Т. XXII. С. 565–568.

Клейн Л. С. История в археологии // Археологические вести. СПб., 1993. Вып. 2. С. 135–138.

Кривошапкин А. И. Происхождение человека: борьба за неандертальское наследство // Наука из первых рук. 2018. № 1 (77). С. 22–31.

Нестеров Е. А. Научные реконструкции в экспозиционной интерпретации древней и средневековой истории Алтая // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 369. С. 63–66.

Новые антропологические находки эпохи палеолита со стоянки Афонтова Гора II (предварительное описание, краткий стратиграфический и археологический контекст) / А. П. Деревянко, В. С. Славин-

ский, Т. А. Чикишева, А. В. Зубова, С. М. Слепченко, И. Д. Зольников, Д. Н. Лысенко, Н. И. Дроздов, А. А. Цыбанков, Е. В. Деев, А. Г. Рыбалко, И. В. Стасюк, В. М. Харевич, Е. В. Артемьев, Л. Л. Галухин, Е. С. Богданов, Н. С. Степанов, А. А. Дудко, П. К. Ломов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2014. Т. XX. С. 431–434.

Оводов Н. Д., Мартынович Н. В., Малимонова А. А. К вопросу о полиморфизме северного оленя в палеолите Южной Сибири // Палеогеография каменного века. Корреляция природных событий и археологических культур палеолита Северной Азии и сопредельных территорий. Красноярск, 2000. С. 104–106.

Цейтлин С. М. Геология палеолита Северной Азии. М.: Наука, 1979. 286 с.

Чикишева Т. А., Зубова А. В. Палеопатологическая характеристика нижней челюсти из верхнепалеолитического местонахождения Афонтова гора II // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2016. Т. 22. С. 190–193.

Anthropologica et Præhistorica. 2016. Vol. 2. 489 p.

Caspari R. The Evolution of Grandparents // *Scientific American*. November 13, 2016. P. 80–85.

Goval E., Hérissou D. Les chasseurs des steppes durant le dernier glaciaire en France septentrionale. Paléoenvironnement, techno-économie, approche fonctionnelle et spatiale du gisement d'Havrincourt. Liège, 2018. 210 p.

Otte M., Sinitin A., Vasiliev S. The Sungirian and Streletskian in the Context of the Eastern European Early Upper Paleolithic. Act of the Conference of the UISPP Commission 8 in Saint-Petersbourg. 2017. 148 p.

Scientific American. 2013. Vol. 288. Is. 5. P. 112.

Waters M. R. Late Pleistocene exploration and settlement of the Americas by modern humans // *Science*. American Association for the Advancement of Science. 2019. Vol. 365. P. 149–157.

Wood B. Trail of feathers to the Neanderthal mind // *Nature*. 2019. Vol. 566. P. 35–36.

Graphic Reconstruction of a Stone Age Settlement (Based on the Archaeological Materials from Afontova Gora 2)

V. L. Denisenko, V. P. Krivonogov

The article is dedicated to analytical questions of graphic reconstruction, which is a subdivision of archaeology. The main aim of this research is to visualize a mode of life of people on a multilayer stay Afontova Gora 2. Scientific data in provinces of archaeology, anthropology, paleontology, and geomorphology were taken into account, when the reconstruction was being made. Moreover, if considering for the reconstruction element was absent, the method of ethnographic analogy was employed. Regarding presentive complex of the stay, i.e., an appearance of man, faunal surroundings, lie of the ground, the graphic reconstruction was made basing on synthesis of the received data, on the selection of requisite material and graphical sources. To visualize a Paleolithic mode of life, especially, that of Siberia is a relevant task for contemporary archeology. In other words, because of deficiency of studies regarding this topic, it is pivotal to continue researches in this sphere. In addition, employment of graphic reconstructions may be quite versatile. Museums, tourism require products of such method in order to organize educational activities or scientific exhibitions regarding issues of archeology and history. It is crucial to mention that qualified sciential graphic reconstructions take evident place in formation of notions concerning the past.

Keywords: graphic reconstruction, Afontova Gora 2, graphical sources, Upper Paleolithic.

Денисенко Валерия Леонтьевна

магистрант 1-го года обучения
Новосибирский государственный университет
e-mail: paleoevrasiavaleria@gmail.com

Denisenko Valeriya Leontievna

Graduate student 1st year
Novosibirsk State University
e-mail: paleoevrasiavaleria@gmail.com

Кривоногов Виктор Павлович

специалист
Красноярский государственный художественный институт;
художник
ООО Playneta game development
e-mail: boogagaboo@yandex.ru

Krivonogov Viktor Pavlovich

Specialist
Krasnoyarsk State Art Institute;
Profession artist,
Ltd "Playneta game Development"
e-mail: boogagaboo@yandex.ru

УДК 069.23 (571.52)

Проект музеефикации кургана Аржан-2

М. А. Монгуш

*Филиал Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва
Историко-культурный музей-заповедник «Долина царей», Кызыл, Россия*

«Долина царей» – это местность, названная так научным сообществом, в турано-уюкской котловине, Пий-Хемский кожуун (муниципальный район) Тувы, где сосредоточены богатейшие и наиболее эффектные погребальные памятники скифской эпохи (развилка с федеральной трассы Р-257 «Шивилиг-Туран» на села Хадын, Аржаан, Чкаловка, Тарлаг). Здесь на обширной долине рек Уюк и Туннук находятся более 200 «курганов», около 50 из них считаются царскими (элитными). Некоторые из них свыше

100 м в диаметре, при высоте 4–5 м. Их также называют «степными пирамидами», сравнивая с «египетскими». Курганы образуют «цепочки», означающие, вероятно, кровное родство погребенных в них людей [Чугунов, 2004, с. 10–37].

Археологическое изучение Тувы началось именно с «Долины царей», в 1915–1916 гг. здесь провел первые научные раскопки выдающийся исследователь А. В. Адрианов. До настоящего времени здесь работали С. А. Теплоухов, А. Д. Грач, А. М. Мандельштам, М. П. Грязнов,

М. Х. Маннай-оол, Л. С. Марсаолов, Вл. А. Семенов и М. Е. Килуновская. На 2019 г. в «Долине царей» проводят исследования «скифских» погребальных комплексов Чинге-Тей I (К. В. Чугунов – Эрмитаж), Туннуг I (Т. Р. Садыков – ИИМК РАН) и др.

Аржан-2 (2-я пол. VII в. до н. э.) – раннескифский погребально-поминальный комплекс, раскопки (1998–2004 гг.) которого в начале XXI в. произвели сенсацию. По словам ученых, обнаружить непо потревоженное элитное захоронение является большой удачей [Чугунов, Парцигер, Наглер, 2017, с. 16]. Погребальный инвентарь, обнаруженный в кургане Аржан-2, в плане значимости можно приравнять к находкам из гробницы древнеегипетского фараона Тутанхамона (1392 г. до н. э.).

Создание филиала «Историко-культурный музей-заповедник «Долина царей»» ознаменует завершение музеефикации комплекса Аржан-2. На базе существующих элементов на месте раскопок кургана необходимо формировать новый привлекательный музей под открытым не-

бом, основной темой в котором должна стать «Культура ранних кочевников Центральной Азии». Под этим следует понимать культуры скифо-сибирского мира, существовавшие на территории Тувы в I тыс. до н. э. При этом одновременно сюда же можно внести элементы культур хуннов (гуннов), тюрков и енисейских кыргызов как близкие по системе кочевания и быта, но главенствующей должна быть скифская [Отчет гл. специалиста ...].

Музейную экспозицию музея под открытым небом представляем следующим образом (рис. 1):

1. Воссоздание месторасположения всех основных элементов кургана (* – *частично реализовано*):

- «царское» погребение*;
- конское захоронение*;
- захоронения воинов в ограде кургана*;
- захоронения приближенных лиц «царской» четы внутри кургана*;
- поминально-жертвенные выкладки*;
- купол над курганом (диаметр – 85 м).

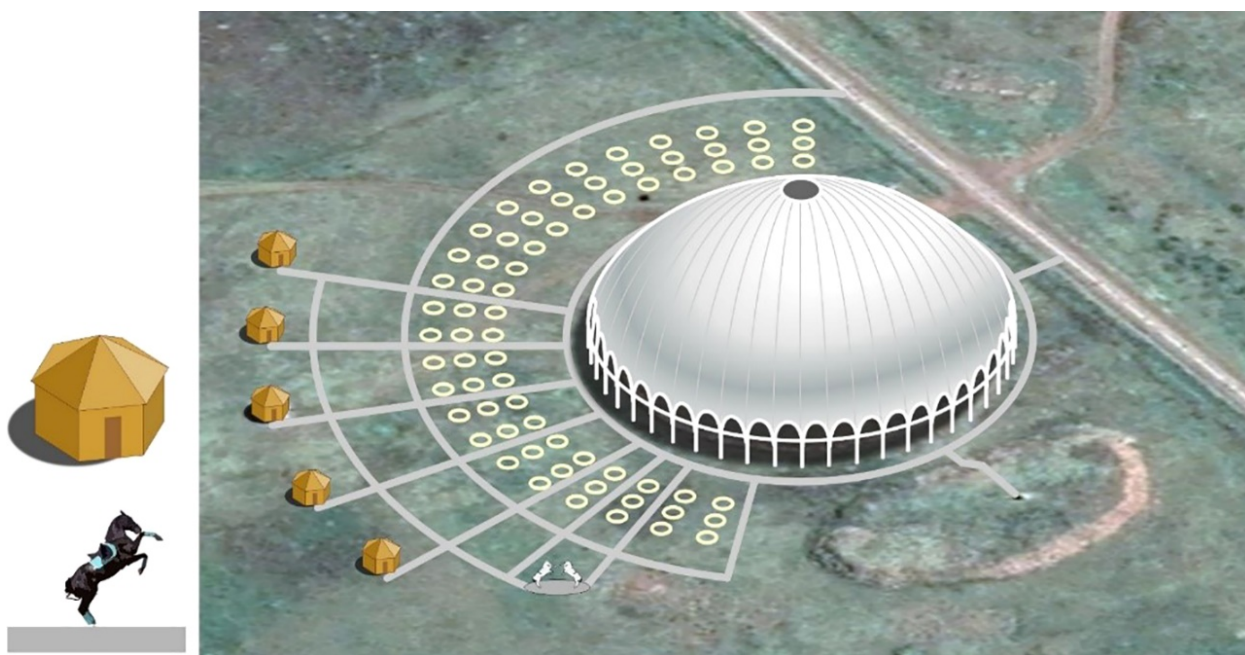

Рис. 1. Проект музеефикации кургана Аржаан-2.

Автор: Монгуш Хуреш-оол – художник-оформитель Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва

Данный участок требуется зачистить, разобрать лишние каменные кладки, на месте которых разместить копии находок (имитации срубов и каменных ящиков, костей, предметов, сверху перекрываются прочным оргстеклом). Возможно провести также расчистку поминально-жертвенных выкладок по периметру кургана, что придаст кургану более приближенный к первоначальному состоянию вид. В целях облагораживания территории рекомендуем засеять площадки газонной травой (либо обкладка).

2. Создание рекреационной зоны:

– ограждение территории кургана Аржан-2 невысокой решетчатой оградой – около 800 погонных метров (в целях препятствия доступа КРС, МРС);

– установка нескольких деревянных юрт, внешне и внутренне стилизованных под скифскую эпоху:

- для экскурсоводов и малой экспозиции;
- для приема гостей, обеспечения питанием (юрта-кафе);
- для временного проживания посетителей;

– проведение инженерных коммуникаций: пешеходные дорожки, дренажные системы, электроснабжение.

Данный участок должен стать основой для дальнейшего развития музея-заповедника как историко-культурного

туристического объекта. В дальнейшем появится возможность начинать с этой точки познавательные пешие или конные маршруты по Долине царей с посещением наиболее привлекательных курганов и живописных зон до Чинге-Тейского курганного поля (около с. Чкаловка).

3. Создание зоны историко-познавательного туризма:

– тематический парк-аттракцион «Традиция и быт ранних кочевников Центральной Азии»: мастерские по изготовлению сувенирных предметов быта, оружия, снаряжения скифского периода; развлекательные аттракционы (скачки на лошадях, ристалище и т. п.); изготовление посетителями древних предметов быта под руководством мастеров;

– стеларий – сбор и установка из окрестных территорий оленных камней скифской эпохи, которые были повреждены или упали. Этим будет решаться вопрос эстетического наполнения экспозиции и сохранения ценных памятников одновременно;

– фотозона: манекены царя и царицы с максимально приближенным одеянием; верхом на лошадях; одежда вождей, которую могут носить посетители (*почувствуйте себя царем и царицей Великой степной Скифии*).

Зона историко-познавательного туризма должна стать объектом, дающим основной доход музею-заповеднику (за счет продажи сувенирной продукции, досуговых услуг, т. е. маркетинговой деятельности).

4. Создание административно-хозяйственного корпуса:

– административное здание для размещения персонала, в том числе научного, проведения виртуальных экскурсий, семинаров и конференций. В перспективе – создание историко-культурного научного центра;

– ремонт и утепление сторожки, приспособление под круглогодичное использование;

– установка дизель-генератора мощностью 8–10 кВт. В перспективе – проведение линии постоянного электро-снабжения;

– бурение скважины для обеспечения собственным источником водоснабжения.

Данный участок должен стать основой для дальнейшего развития музея-заповедника «Долина царей» как научно-исследовательского центра по изучению культуры скифо-сибирского мира. Эта идея должна базироваться на тех основаниях, что курган Аржаан-2 является, по данным последних исследований, действительно самым богатым и уникальным памятником скифо-сибирской культуры.

Предварительные расходы: 1 млн руб. – подготовка научной концепции, проектно-сметной документации и архитектурно-планировочного решения экспозиции; 1 млн руб. – формирование первичной инфраструктуры экспозиции:

- изготовление легкой (из жердей) ограды по периметру экспозиционной площадки – 800 погонных метров;

- демонтаж каменного покрытия «Могила царя», формирование экспозиции путем размещения на расчищенной поверхности баннеров с качественной фотографией «царского» погребения и конского захоронения (проекция – вид сверху), установка навесов полукрытого типа;

- приобретение и установка двух деревянных юрт близ сторожки (одна – для экскурсоводов и малой экспозиции, вторая – для приема гостей);

- разметка и монтаж пешеходных дорожек по экспозиционному пространству;

- оборудование сторожки для стационарного круглогодичного использования – замена кровли, пола, утепление стен; установка рекламных аншлагов, указателей, аппликаций на основных подъездах – КПП «Шивилиги», поворот от федеральной трассы Р-257 на с. Аржаан, административный центр г. Турана, въезд и выезд в г. Кызыл;

- издание путеводителя и буклетов.

Требуемые дополнительные мероприятия (по строительству): благоустройство смотровой площадки, создание скрытой дренажной системы по контуру кургана, прокладка дорожек из щебенки или камней (речная галька), озеленение территории газонной травой, проводка освещения на основных участках.

Требуемые дополнительные мероприятия (по музейной экспозиции): консультации специалистов в области культуры ранних кочевников (К. В. Чугунов, В. А. Семенов, М. Е. Килуновская, Т. Р. Садыков, Д. К. Тулуш и др.), привлечение специалистов в области декоративно-прикладного искусства для изготовления в достаточном количестве доспехов, металлического и бутофорского оружия, сосудов и др. [Научная концепция ...].

К основным проблемам на данный период можно отнести: невозможность постоянно находиться на кургане вследствие отсутствия условий (электрификация, водоснабжение, место пребывания – сторожка не выдерживает влагу, крыша деревянной юрты течет); невозможность взимать плату за посещение из-за отсутствия порядка оплаты, билетов; множество гостей посещают «Долину царей», в частности комплекс Аржан-2 (рис. 2) без профессионального экскурсионного сопровождения.

Рис. 2. Курган Аржаан-2 с высоты птичьего полета. Автор: Владимир Митрохин – фотограф Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН, <https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=45057754> (дата обращения: 20.01.2020)

Одним из важных задач проекта является подготовка кадров для работы на месте в качестве гидов-экскурсоводов, в частности расширение штата филиала «Историко-культурный музей-заповедник "Долина царей"» Национального музея Республики Тыва. Это должны быть местные работники, имеющие не только исчерпывающую информацию о курганах Аржаан-1 и Аржаан-2 (история исследования, участники экспедиции, находки и т. п.), но и о скифском периоде истории Тувы, а также об истории Тувы в целом.

Гиды-экскурсоводы должны быть обучены методике проведения экскурсий на открытом пространстве (голос, дикция, интонация, психологическая подготовка и т. д.), снабжены современными техническими средствами визуализации (планшетный ноутбук для демонстрации аудио-, видеоматериалов, чтения текста экскурсии на иностранном языке), а также владеть иностранными языками (включая использование специализированных терминов). Экскурсионная программа должна быть разработана с эффектом погружения в эпоху, что соответствует концепции музея под открытым небом.

Project of Museumification of the Arzhan 2 Mound

M. A. Mongush

The article presents a project of museification of the Arzhan 2 funeral and memorial complex (2nd half of the 7th century BC) in the Piy-Khem kozhuun of the Republic of Tuva. It provides for the creation of recreational areas, theme parks, photo zones, as well as the reconstruction of all the main elements of the mound complex: the Royal burial, accompanying male and female burials, etc. The project requires financial support not only from the Ministry of culture of the Republic of Tuva, the Government of the Republic of Tuva, charitable foundations, but also private entrepreneurs. The project will contribute to the preservation of the historical and cultural heritage of the peoples of the Republic of Tuva and the formation of the touristic potential of the region, attracting more and more attention of tourists to ancient history from all over the world.

Keywords: museumification of monuments, Arzhan 2 mound, National Museum, Valley of the Kings, project, charity.

Монгуш Мерген Александрович

заведующий филиалом

Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва

«Историко-культурный музей-заповедник "Долина царей"»

e-mail: monmen1989@mail.ru

Mongush Mergen Aleksandrovich

Head

The Valley of the Kings Historical and Cultural Museum-Reserve – branch

of the Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva

e-mail: monmen1989@mail.ru

Таким образом, реализация проекта музеефикации «Аржаан-2» – памятника всемирного археологического наследия способствует сохранению и популяризации культурно-исторического наследия Республики Тыва и Российской Федерации. Реализация проекта даст возможность защитить памятники в «Долине царей» от грабительских и природных разрушений, приобщая население к культурным и историческим ценностям ранних кочевников Центральной Азии.

Источники

Научная концепция филиала НМ РТ «Историко-культурный музей-заповедник Долина царей» (Монгуш М. А.)

Отчет гл. специалиста отдела археологии Тулуш Д. К. о выезде в историко-культурный музей-заповедник «Долина царей» при участии гл. государственного инспектора Росохранкультуры Еремина Л. В.

Список литературы

Чугунов К. В. Аржан. Источник в долине царей // Археологические открытия в Туве. СПб., 2004. С. 10–37.

Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржаан-2 в Туве. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 500 с.

УДК 904(571.56)(069)

Обзор археологических коллекций из фондов Учебного археологического музея СахГУ, собранных на Курильских островах

А. А. Сапунов

Сахалинский государственный университет, Южно-Сахалинск, Россия

Формирование коллекций Учебного археологического музея СахГУ, собранных на Курильских островах, началось в 1964 г. на базе Южно-Сахалинского госпединститута (ныне СахГУ) заведующим кафедрой истории Валерием Александровичем Голубевым. С 1964 по 1989 г. им составлялись планы памятников, проводились подъемные сборы, закладывались шурфы, зачистки и небольшие раскопы на археологических памятниках островов Кунашир, Итуруп, Шикотан, Зеленый [Голубев, 2004, с. 16]. После длительного перерыва, с 2011 г. работы СахГУ на Курильских островах возобновились, география работ постепенно расширялась с южных островов на центральные в 2012 г. и к 2019 г. – на северные. С 2016 г. начались широкомасштабные спасательные раскопки на о-ве Итуруп [Можаев, 2018, с. 479].

Все коллекции можно разделить на три условные группы: керамика, каменный и костяной инвентарь. Керамика, хранящаяся в фондах Учебного археологического музея СахГУ, представлена фрагментами и несколькими реставрированными сосудами. Керамика отнесена к нескольким культурным пластам. Это ранний, средний и поздний неолит (начальный, ранний, средний, поздний, финальный дзёмон), переходное время и палеометалл

(эпидзёмон), средневековые (охотская, а также смешанные палеоайнские культуры) и новое время.

Стоит обратить внимание на керамику, особенно на целые и восстановленные сосуды, ярко отделяющие материалы одного культурного пласта от другого. Восстановленные сосуды эпохи среднего дзёмона (поздний неолит) представлены двумя экземплярами (СахГУ КП-4/50 и СахГУ КП-4/51), найденными А. В. Можаевым [2018, с. 481] в ходе спасательных раскопок в 2016 г. на стоянке Рыбаки-2 на о-ве Итуруп.

Двумя целыми экземплярами представлены сосуды эпохи эпидзёмона. Первый (ВХ-178) найден на стоянке Куйбышево-1 на о-ве Итуруп и передан сотрудником Невельского историко-краеведческого музея Владом Шкабеньвым [Василевский, Потапова, 2017, с. 394]. Сосуд коричневого цвета с неравномерным обжигом, горшковидной формы, расширяющийся в области тулова. Орнамент представлен композицией из четырёх сквозных конических отверстий по обе стороны медиальной области тулова, верёвочными оттисками и «рогами» на венчике. Второй (без номера) также найден на памятнике Куйбышево-1 и, в отличие от первого, имеет усеченно-коническую форму, а

орнамент представлен композицией из верёвочных оттисков и налепов, образующих антропоморфную композицию в центре [Василевский, Потапова, 2017, с. 49].

Средневековые восстановленные и целые сосуды представлены шестью экземплярами. Четыре из них найдены в 1975 г. В. А. Голубевым [2004, с. 17–20] и А. А. Василевским на стоянках Алёхино-1 (БН), Бухта Оля (БН), Курильск (БН) и Благодатное (БН) на островах Кунашир и Итуруп. Сосуды плоскодонные, вазовидной формы с сужающимся к венчику горлышком. Ведущий элемент орнамента – волнистая лента, опоясывающая горловину изделия. Второй характерный элемент – бордюр, формирующий на отогнутом венчике фризовую композицию вокруг открытого устья. Оба типичны для мохэской керамики Нижнего Амура, Хоккайдо и Сахалина. На от-

дельных сосудах видим лепные композиции, известные в охотской культуре о-ва Хоккайдо под названием тип «халицкемон». Отдельно выделим сосуд ВХ-1095, найденный в ходе обследования стоянки Васин-3 на о-ве Уруп. Сосуд усеченно-конической формы, с прямым, прямоугольным в сечении венчиком. Сосуд датирован по нагару в рамках 14C-age BP: 1560±40 [Пашенцев, 2014, с. 224].

Каменный инвентарь разделен на следующие функциональные группы: рубящие орудия, ножи, проколки, скребки, наконечники, калибраторы, шлифовальные плитки, нуклеусы и отщепы. В качестве материала выступали кремнистые породы, яшмоиды, андезит, базальт, обсидиан. Остановимся на группе следующих предметов: рубящие орудия, ножи, скребки, остряя.

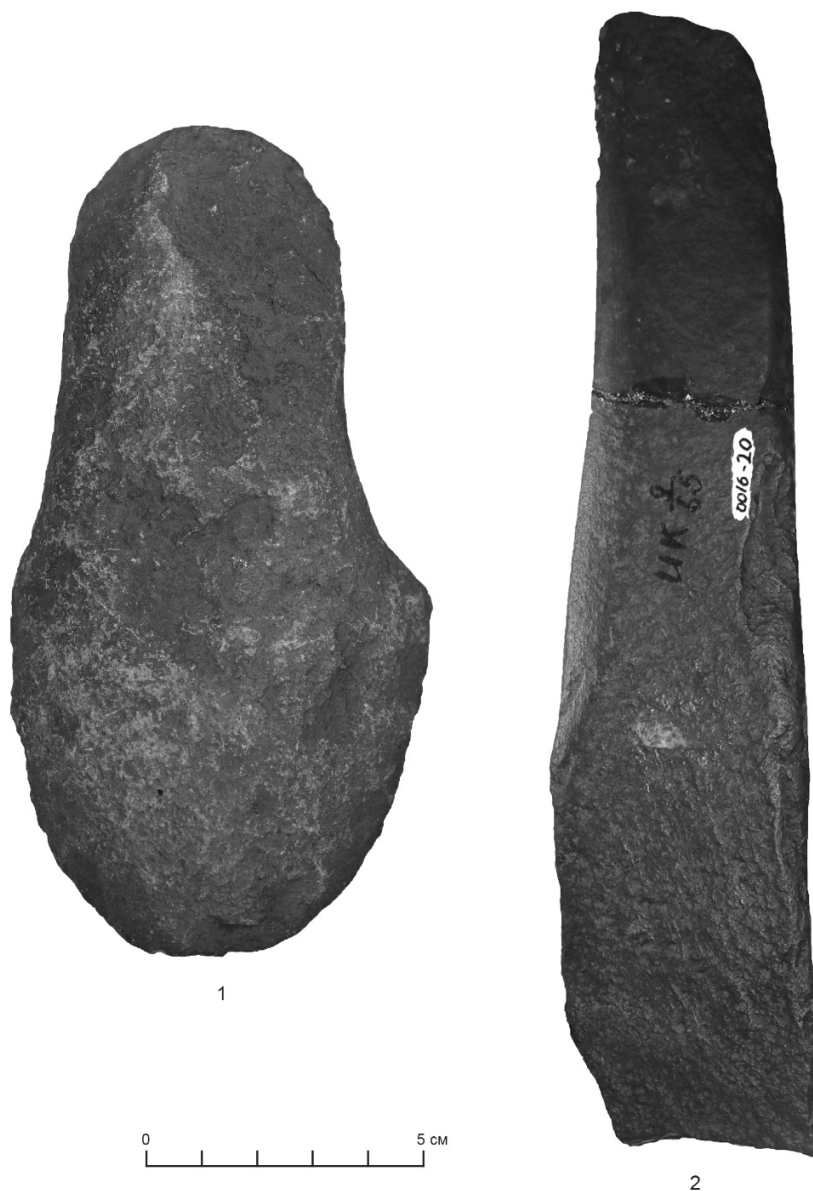

Рис. Каменный инвентарь стоянки Курильск (сборы В. А. Голубева, 1965 г.): 1 – топор (б/н); 2 – нож (ВХ-0016-20)

Рубящие орудия в основном представлены пришлифованными в области лезвия или полностью шлифованными топорами и теслами прямоугольной формы. Однако среди рубящих орудий есть и топоры, изготовленные методом грубой оббивки и шлифовки с характерными асимметричными выступами-плечиками. Такие топоры зафиксированы пока только на о-ве Итуруп и датируются III тыс. – I тыс. до н. э. (рис., 1) [Можаяев, 2018, с. 480].

Среди ножей выделяются 4 группы. Первая: ножи удлиненно-линовидной или овальной формы, оформленные бифасиальной ретушью со слабо или сильно выраженной насадом. Вторая группа: изделия, оформленные бифасиальной ретушью, но лезвие асимметрично и имеет спиралевидную форму, рукоять в морфологии не прослеживается. Третья группа: рукояточные (черешковые) ножи, оформленные сплошной ретушью с дорсальной стороны, с

хорошо выраженной рукоятью – насадом. Четвёртая группа: реплики – шлифованные каменные ножи, имитирующие металлические (рис., 2). Скребки в основном оформлены крутой односторонней мелкой и средней краевой ретушью.

Острия подразделяются на две группы: наконечники дротиков и стрел. Первые массивные, треугольной формы, оформлены бифасиальной ретушью и имеют ярко выраженный черешковый насад. Наконечники стрел имеют в основном листовидную или треугольную форму, оформлены краевой двусторонней или бифасиальной ретушью.

Таким образом, Учебный археологический музей СахГУ является обладателем одного из самых крупных систематизированных собраний древних и средневековых археологических предметов с территории Курильских островов, благодаря которым идет изучение культуры древних жителей архипелага и формируется понимание процессов их адаптации к суровым условиям. Собрание описывается в связи с процессом информатизации и передачи

коллекций в государственную часть музейного фонда Российской Федерации.

*Научный руководитель – А. А. Василевский
д-р ист. наук, профессор, заведующий,
кафедра российской и всеобщей истории,
Сахалинский государственный университет,
Сахалинская лаборатория
археологии и этнографии
ИАЭТ СО РАН и СахГУ*

Список литературы

- Василевский А. А., Потапова Н. В. Очерки истории Курильских островов. Южно-Сахалинск, 2017. Т. 1. 416 с.
Голубев В. А. Зов угасших очагов. Нижний Новгород : Автохтон. 2004. 212 с.
Можаев А. В. Археологические раскопки стоянки Село Рыбаки 2 на острове Итуруп Курильского архипелага в 2016 году // АО. М., 2018. С. 479–482.
Пашенцев П. А. Археологические источники рубежа I–II тыс. н. э. в южной части острова Уруп: итоги предварительного изучения // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Казань. 2014. Т. 2. С. 223–225

Overview of Archaeological Collections from the Funds of the Educational Archaeological Museum of SakhsU Collected in the Kuril Islands

A. A. Sapunov

The work is a brief overview of archaeological materials collected on the territory of the southern and central group of the Kuril Islands, which go to the funds of the Training Archaeological Museum of Sakhalin State University, in the form of collections from reconnaissance and rescue excavations from the sixties of the twentieth century to the present. The collection consists of entrances of whole vessels and their fragments, stone equipment divided into knives, chopping tools, arrowheads and darts, scrapers and flakes. The purpose of this work is to introduce the “Kuril” materials stored in the collections of the Training Archaeological Museum of SakhsU, which are of particular interest to the archaeology of the Far East.

Keywords: Kuril Islands, Sakhalin State University, archaeological collections.

Сапунов Антон Андреевич

магистрант 1-го года обучения
Сахалинский государственный университет
e-mail: antonfpillipof@gmail.com

Sapunov Anton Andreevich

Graduate student 1st year
Sakhalin State University
e-mail: antonfpillipof@gmail.com

УДК 904(571.53)

К вопросу о проблемах сохранения историко-культурного наследия Иркутской области

О. В. Суслова

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Археологические объекты, расположенные на территории Иркутской области, довольно разнообразны и представляют особый интерес для исследования, поскольку позволяют более полно воссоздать духовный и материальный мир людей прошлого. Данное обстоятельство определяет значимость сохранения историко-культурного археологического наследия. В данной работе поднимается проблема сохранения археологических объектов Иркутской области, поскольку они представляют собой вещественные источники, которые являются основой для исторических реконструкций [Мартынов, 2002, с. 4] и могут быть безвозвратно утрачены.

Сохранение в г. Иркутске возложено на отдел археологии Службы по охране объектов культурного наследия, возглавляемый в настоящее время М. Я. Складневским.

Как сообщает М. Я. Складневский, на данный момент (в личной беседе, январь 2020 г.) поставлено на учет 4130 археологических объектов, имеющих региональное значение, и ещё 379 включены в федеральный реестр. Снят с учета один объект «Спартак», находившийся на территории, занимаемой ныне корпусами Иркутской областной онкологической больницы, и полностью исследованный.

По мнению начальника отдела, основная проблема заключается в том, что данная отрасль только зарождается и в системе охраны памятников Иркутской области есть только Служба по охране объектов культурного наследия и Центр по сохранению историко-культурного наследия.

Основная суть работы органов охраны историко-культурного наследия заключается в том, что отдел охраны должен собрать всю информацию по объекту, оформить пакет соответствующих документов, которые должны поступить в органы местного самоуправления. Только после этого возможно осуществлять контроль состояния объекта. Если следовать требованиям Федерального закона № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [2019], то необходимо раз в 5 лет проверять объекты (их более 4 тыс.). При делении количества объектов на 5 лет можно получить результат – в год должно проверяться 800 объектов. Это значит, что отдел археологии должен иметь в своем штате 80 человек, а в данный момент сотрудников 6.

В результате введения в Уголовный кодекс РФ ст. 243 от 13.06.1996 [2019], по которой предусматривается наказание за разрушение археологических объектов, в Службе резко возросло количество согласований на застройку.

Застройщик до начала работ обязан заказать археологическое исследование своей земли [Грюнберг, 2012]. Если первоначально штатная единица в отделе рассчитывалась на 3,5 тыс. согласований, то теперь один сотрудник работает с 10 тыс. Нужны новые подходы, штатные единицы и финансирование, сообщает М. Я. Складневский. И это главная проблема, с которой сталкивается отдел археологии при Службе по охране объектов культурного наследия Иркутской области.

Если нет развития отрасли, работа будет вестись медленно, что чревато разрушением уникальных археологических памятников.

Существуют проблемы в законодательстве. Правоведы до сих пор не определились, к какому разделу права отнести охрану памятников историко-культурного археологического наследия: к гражданскому законодательству или административному, так как термин «памятники» обладает достаточно широким значением.

Если понятия «культурное достояние», «культурное наследие», «культурные ценности» определены законодательно, то понятия «памятники истории и культуры» и просто «памятники» несут в различных правовых актах разную смысловую нагрузку, создавая подчас трудности в правоприменении [Михеева, Лебедева, 2014].

Ряд вопросов возникает и в самой науке с определением понятия «археологический памятник». Во-первых, разве все перечисленные монументальные объекты встречаются в совокупности чаще, чем поселения и соответствующие могильники? Во-вторых, если понятие «археологический памятник» отражает совокупность различных монументальных объектов, то в этом случае более правильно говорить не об археологическом памятнике, а об археологических памятниках, их совокупности – комплексе или комплексе [Проблемная ситуация ... , 1988, с. 10].

Имеется еще одна проблема. В течение трех лет или по истечении трех лет после завершения раскопок ученые обязаны передать экспонаты в музейный фонд. Проблема в том, что у музейщиков дефицит и с фондохранилищами, и с хранителями. Во многих городах нет музеев археологии [Соловьева, 2016].

На протяжении многих лет музеефикация памятников археологии рассматривалась лишь как чисто технологическая проблема, а археологическое наследие использовалось, как правило, лишь как объект для исследований [Медведь, 1999, с. 25].

Ухудшилась ситуация с получением открытых листов после принятия Закона № 245 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» [2017]. Механизм оперативного рассмотрения научных отчетов и выдачи на них заключений, поступающих в полевой сезон, отсутствует [Колонцов, 2013]. Усугубляется ситуация тем, что выдачей разрешений занимаются не специалисты, а чиновники из Министерства культуры.

К тому же возрастающий объем фактов, постоянно увеличивающаяся сложность исследований всё больше требуют от специалистов не только знаний, но и организаторских способностей, в результате чего ученых теснят предприниматели [Формозов, 2005].

По мнению ряда специалистов научного направления, существует такая проблема, как отсутствие целевого определения археологических исследований. Рост частных организаций, занимающихся коммерческой археологической деятельностью, приводит к оттоку археологов из научной сферы в коммерческую.

Во многих странах существует требование от государства публиковать научные результаты всем, кто занимается археологической деятельностью, независимо от того, в какой сфере они работают – в коммерческой или научной. В России данного требования на законодательном уровне нет. Археологический материал на практике хранится в совершенно неприемлемых условиях. В данной ситуации

непонятно, для чего проводятся археологические исследования.

Еще одна проблема является немаловажной – это отношение рядовых граждан к своему наследию. Одни пытаются заработать, уничтожая, другие – разрушают их своим незнанием ценности наследия.

Факт того, что государство контролирует выявление объектов и их охрану на законодательном уровне, является положительным фактором. Однако необходимо повысить значимость археологических исследований, сделав обязательным условием публикацию результатов для коммерческих организаций. Для развития отрасли нужны новые подходы к организации охраны и сохранению объектов историко-культурного наследия, увеличение штатной численности сотрудников, тщательная проработка законодательных актов, упрощение процедуры получения «открытых листов», создание новых музеев, достаточное финансирование, работа с населением. К сожалению, это лишь часть проблем, лежащих на поверхности. Выявление всех проблем и анализ данных также является одной из задач, которые еще предстоит решить.

Если говорить о ситуации, сложившейся в Иркутской области, то, при соблюдении определенных условий и устранении вышеперечисленных проблем, перспективы развития все же есть.

Во-первых, требует изменений кадровая политика в этой сфере: необходимы специалисты в области сохранения историко-культурного наследия и рабочие места для них.

Во-вторых, нужно создать музей археологии в г. Иркутске, который решит проблему хранения археологического материала и познакомит жителей с археологическими открытиями в нашем крае.

В-третьих, необходимо формировать соответствующее общественное мнение и отношение граждан к археологическим памятникам.

*Научный руководитель – Н. А. Савельев,
канд. ист. наук, доцент,
Иркутский государственный университет*

Список литературы

- Грюнберг Н. Е. Охранная археология. М., 2012. URL: <http://www.vokrugsveta.ru> (дата обращения: 15.01.2020).
- Колонцов С. В. Современные проблемы охранной археологии в Сибири // Межкультурный диалог на Евразийском пространстве. Горно-Алтайск, 2013. С. 13–15.
- Мартынов А. И. Археология. М., 2002. 447 с.
- Медведь А. Н. Музеефикация средневековых памятников археологии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. 25 с.
- Михеева И. В., Лебедева П. А. Охрана культурного наследия в России: роль государства // Народ и власть: вопросы истории государства и права. Новгород, 2014. С. 59–60.
- Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон № 73-ФЗ от 25.06.2002 (от ред. 18.07.2019) URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2020).
- О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части пресечения незаконной деятельности в области археологии: Федеральный закон № 245 от 23.07.2013 (от ред. 28.12.2017). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2020).
- Проблемная ситуация в современной археологии / В. Ф. Генинг, С. В. Смирнов, Ю. Н. Захарук, Л. А. Черных, Е. П. Бунятян, А. К. Колесников. Киев, 1988. 288 с.
- Соловьева Н. Ф. Петербург археологически изучен очень мало. 2016. URL: <http://www.interfax-russia.ru/NorthWest/exclusives.asp?id=757462> (дата обращения: 15.01.2020).
- Формозов А. А. Человек и наука: Из записей археолога. М., 2005. 213 с.
- Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2019), ст. 243. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2020).

On the Problems of Preserving the Historical and Cultural Heritage in the Irkutsk Region

O. V. Suslova

The article deals with the main problem of preserving the historical and cultural archaeological heritage in the Irkutsk region. In particular, some general problems related to the preservation and protection of archaeological sites on the territory of the Russian Federation are highlighted. The vector of the direc-

tion in which conservation work can be carried out now and in the future in order to change the existing situation is indicated. At the moment the problem situation in security archaeology is being estimated not only in Russia in general, but also in the Irkutsk region in particular. Some legislative acts aimed at preserving the historical and cultural archaeological heritage are analyzed. It is noted contradictions in the legislation regarding the section of law that regulates security activities. A result is summed up and some possible prospects for development are outlined.

Keywords: archaeological heritage, Irkutsk, security archaeology, problem, prospects.

Суслова Оксана Васильевна

специалист

Иркутский государственный университет

e-mail: oksanamovchan888@mail.ru

Suslova Oksana Vasilievna

Specialist

Irkutsk State University

e-mail: oksanamovchan888@mail.ru

УДК 008 (571.15)

Об актуальности поправок реестра объектов нематериального культурного наследия в Республике Алтай

С. С. Ябыштаев

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

В июле 2019 г. был пополнен государственный реестр объектов нематериального наследия Республики Алтай, принятый в мае 2014 г. и включавший 21 объект в соответствии с Законом Республики Алтай от 5 декабря 2008 г. «О регулировании отношений в области развития нематериального культурного наследия Республики Алтай» [Об утверждении ... , 2019]. Нематериальное культурное наследие региона представляет собой традиции, исполнительские искусства, обычаи, обряды, народные праздники, знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами, являющиеся культурными ценностями проживающих народов.

Под охраной находятся объекты, связанные с героическим эпосом алтайцев, исполняемым горловым пением *кай* одарёнными исполнителями *кайчы*. В народной памяти остались имена сказителей, таких как Николай Улагашевич Улагашев (1861–1946), Алексей Григорьевич Калкин (1925–1998), Табар Анушкинович Чачияков (1923–1998), Николай Кокурович Ялатов (1927–2002) и других. Эпические сказания наполнены сюжетами и персонажами прошлых героических времён, одушевлёнными природными силами, передающими своеобразие традиционного мировоззрения народа. Бай Терек (Священный Тополь) внесён в реестр как эпический образ в алтайском фольклоре, соединяющий три мира (небесный, земной и подземный) и восходящий к родовому священному дереву. В реестр вошли традиционные алтайские инструменты: струнный *топишуур* и смычковый *икили*, в сопровождении игры на которых исполняются сказания, протяжные напевные песни *jan'ar* и народные музыкальные наигрыши.

Утверждение государственного реестра объектов нематериального культурного наследия стало достижением в области сохранения одного из главных богатств Республики Алтай – духовной культуры. В него вошли традиционные верования предков алтайского народа: тенгрианство как культ поклонения Небу, известный с древнетюркских времён; шаманизм, передаваемый шаманом (у алтайцев *кам*); бурханизм, распространившийся в начале прошлого века. Ценным является то, что сохранившиеся до наших дней обычаи вошли в государственный реестр. К ним относится обрядовое почитание можжевельника (*арчын байлаганы*).

В 1990-х гг. были возрождены многие обряды, сохранившиеся в памяти старших поколений. Периодически творимый в межсезонье с наступлением лета, а затем зимы, обряд восхваления божеств Алтая (*Алтай көдүргени*). Другой обряд поклонения духам перевалов (*Ажуларды жандаганы*) совершают при свадебных поездках, когда сопровождают новобрачных, а также когда везут новорожденного и вообще, когда человек впервые едет через перевал. К этому ряду обрядов относится и обряд поклонения духам священных источников (*Аржан сууны жандаганы*),

расположенных у дороги. Обычно в поездку берут белые ленты, называемые *жалама*, из нестираной ткани, а на перевале или у источника их повязывают в сопровождении слов испрашивания благополучия у божества Алтая (*Алтай Кудай*). Под влиянием возрождённого бурханизма закрепились традиции повязывания двух лент (*кыйра*) [Тадина, 2013, с. 98].

На некоторых перевалах стоят обрядовые артефакты – каменные насыпи, называемые *обо таи*. Одна из насыпей находится на Чуйском тракте на территории Кош-Агачского р-на, в нее воткнуты тальники с повязанными белыми жертвенными лентами. Другая насыпь *Көдүре таи* (поднятые камни) расположена на перевале Чакыр у с. Беш-Озёк Шебалинского р-на и связана с легендой о богатыре Ирбизеке из сёока (рода) кыпчак, о его мифической силе поднимать огромные валуны. Недалеко от с. Ябаган Усть-Канского р-на вкопан камень у дороги, по форме напоминающий изваяние. Это знак *Кыпчак таи* (камень кыпчаков), который поставлен в память о подвигах богатыря Ирбизека, спасшего свою родину в джунгарский период (XVII – 1-я пол. XVIII в.). Сегодня у некоторых сёл Онгудайского р-на можно увидеть сооружённые для молений божеству Алтаю жертвенники из камня-плитняка, называемые *тагыл*. Они также внесены в государственный реестр и связаны с обрядом почитания Алтая, основного божества в мировоззрении алтайцев. Иные обряды утрачены и сохранились в народной памяти, к примеру, связанные с камнем *јада таи* для вызывания или прекращения дождя.

Принятый реестр даёт исчерпывающую характеристику объектов и регионов их распространения и современного состояния. Ежегодно с наступлением праздника Нового года в СМИ широко распространяется название года по животному – год Мыши или год Барса, при этом обычно говорят «по китайскому календарю». Алтайский календарь, основанный на 12-летнем животном цикле тюрко-монгольского летоисчисления, возрождён и популярен благодаря настенным календарям, изготовленным для соблюдения алтайских обрядов по отмеченным периодам новолуния. Алтайский лунно-солнечный календарь оказался в числе объектов нематериального наследия региона.

Следует отметить, что реестр остаётся неполным и требует дальнейшей работы над его формированием и внесением других объектов нематериального культурного наследия алтайцев, включая южные и северные этнотерриториальные группы. Из соседних республик Тыва, Хакасии и Кемеровской области съезжаются участники Международного курултая сказителей, направленного на сохранение древнейшего традиционного сказительского искусства. Нужно подчеркнуть, что наш регион одним из первых в стране принял 1 января 2009 г. закон «О регулировании

отношений в области развития нематериального культурного наследия Республики Алтай». В соответствии с законом в 2010 г. была принята ведомственная целевая программа «Сохранение и развитие нематериального наследия Республики Алтай на 2010–2012 гг.». Отвечая поставленной цели сохранения духовной культуры, в Республике Алтай периодически проходит Межрегиональный праздник алтайского народа «Эл Ойын» [Ябыштаев, 2013, с. 112–113].

*Научный руководитель – Н. А. Тадина
канд. ист. наук, доцент,
кафедра истории и археологии,
Горно-Алтайский государственный университет*

Источники

Об утверждении государственного реестра объектов нематериального культурного наследия Республики Алтай (с изменениями на 12 июля 2019 года). Постановления Правительства Республики Алтай от 12.07.2019 г. № 187 // Кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/422451614> (дата обращения: 20.01.2020).

Список литературы

Тадина Н. А. Символика и этические ценности алтайцев в практиках возрождённого бурханства // Вест. ТГУ. 2013. № 4 (24). С. 97–100.

Ябыштаев Т. С. Родовые праздники алтайцев в этнокультурном дискурсе Республики Алтай // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 1 (20). С. 112–117.

On the Relevance of Amendments to the Register of the Intangible Objects of Cultural Heritage in the Altai Republic

S. S. Yabyshtaev

The article analyzes the amendments to the register of intangible cultural heritage of the Altai Republic and the reasons for replenishing the legal document. The author emphasizes that the changes made were an achievement in preserving spiritual culture. It is concluded that the amendment is associated with the traditional culture revival. The methods of popularizing the Altai calendar regulating the ritual life are highlighted. Ethnic memory conveys the significance of the contribution of throat singers to the development of epic legends. In the region, traditional beliefs are relevant, including Tengrianism, Shamanism, as well as revived Burkhanism with the idea of worshiping Altai in the rituals of spring worship, in the mountains, on passes and in places associated with historical traditions. It is noted that the Altai Republic was the first in the country to actualize the problem of cultural heritage preservation by adopting the law regulating relations in this sphere.

Keywords: republic, register, Altaians, objects of intangible cultural heritage, revival.

Ябыштаев Судур Степанович

студент 1-го курса
Горно-Алтайский государственный университет
e-mail: yabyshtaev.sudur@mail.ru

Yabyshtaev Sudur Stepanovich

Student 1st year
Gorno-Altai State University
e-mail: yabyshtaev.sudur@mail.ru

УДК 902

Исследование стратегии развития публичного
аккаунта WeChat в археологии

Ду Имен

Хэйлунцзянский университет, Харбин, провинция Хэйлунцзян, Китай

考古微信公众号发展策略研究
摘要

自微信公众平台上架微信后,各个领域的微信公众号如雨后春笋般出现,考古学也积极加入这一平台,传播考古,宣传考古,考古公众号的出现也成为了公共考古的新型传播手段。但经过几年的发展,考古公众号始终没有太大起色,但许多其它行业的公众号逐渐发展成熟,并收获了一大批粉丝群体。所以,本文对考古公众号发展状况进行了分析并提出了发展策略。

关键词

公众号 考古学 策略

一、考古公众号发展现状

微信公众平台是腾讯公司2012年上线的一款针对各类团体用户和个人用户的微信账号服务,分订阅号和服务号两类。订阅号为媒体和个人提供一种新的信息传播方式,主要功能是给用户传达咨询,考古公众号均为订阅号。在微信公众平台出现后中国考古学界积极参与其中,多个机构和个人建立微信公众号以宣传考古。根据清博指数统计的数据,以考古为关键词出现的有影响力的公众号共有214个,其中活跃的公众号75个,根据类别可分三类,第一类为专业类考古公众号,第二类为个人兴趣类考古公众号,第三类为高校类考古公众号。专业类考古公众号数量最多共有50个,占比67%,高校类公众号有16个,占比21%,个人类考古公众号共有9个,占比最少仅有12%。专业类考古公众号以“社科院考古所中国考古网”最为权威,发展情况最好,平均每篇文章能达3590的阅读量,粉丝数量达34385;高校类考古公众号以“北京大学考古文博学院”最为突出,平均阅读量达1654次,粉丝量达15850;个人类公众号以“挖啥呢”浏览量为最多,达1706次,粉丝量为13050。

专业类考古公众号虽发展较为成熟,但受众群体单一,以考古学界专业人士为主;个人类考古公众号出现较少,可能有知识储备不足和推广效果欠佳等原因;高校类考古公众号发展较为缓慢,限制其发展的因素有,推文内容不具吸引力、受众群体过少和发展目的不明等。所以,明确考古公众号建立的目的是如何扩大受众群体是考古公众号面临的重要问题。

二、考古公众号面临的问题

(一)无法吸引观众

考古公众号的文章可分为两类,第一类为专业性学术文章,第二类为故事性描述文章。专业性学术文章多见于专业类考古公众号,大多是发在学术期刊的文章,又在公

众号上进行推广,虽然这样的文章具有学术价值但是对于公众来说,却是没有什么兴趣的。公众喜欢看公众号是因为在短时间内可以获得到简单易懂且新颖的知识,所以考古公众号可多出现些故事性文章,用有趣的考古经历代替传统的考古学理论。

(二)短视频的冲击

随着抖音、快手等一系列短视频APP的产生,公众对公众号阅读的兴趣逐渐减少,这对于刚诞生不久的考古公众号无疑是一个冲击。微信公众号的产生是因为在这平台上可以随时接受最新消息,还可以进行微型学习,而这种主动性学习的方式在逐渐被短视频这种被动性学习方式所取代。面对这一问题,考古公众号一方面应该抓住时间发展自身,吸引公众,另一方面应该尝试将二者联系起来,寻找考古公众号和短视频之间的关系。(三)发展力度不够

考古公众号的主体大多为各个机构,各个组织,国家层面的有社科院考古所,地方层面的有省级考古所。高校方面以学院为主体在做考古公众号的以学科历史发展较为悠久的北京大学和吉林大学等高校为主,而有考古专业但是没有考古公众号的高校却是大量存在。没有考古公众号成立的主要原因是,师资力量较少、学生能力不足和专业老师重视程度不足等原因,专业老师过少导致每个教师都忙于教研,而忽视了考古公众号对高校考古专业的作用。建设高校类考古公众号不仅有利于考古知识的传播也利于宣传高校的考古学专业,增加报考考生对考古专业的了解。

三、考古公众号发展基本策略

(一)明确建立目的

不同类型的考古公众号有不同的目的,但无论是哪类考古公众号,都作为公共考古的一种手段,所以考古公众号需要起到宣传考古,传播正面考古知识的作用。在确定公众号的根本目的后,根据自身发展目标制定相应策略,如专业类考古公众号是为了发布最新考古信息和宣传考古。

(二)区分受众人群

专业类考古公众号主要面向人群为考古工作者,所以发布的推文要以专业性为主,普及性为辅,一方面做到向考古人员发布最新考古消息的作用,一方面起到向公众普及考古知识的作用。

个人类考古公众号面向群体较为分散,主要依靠作者和公众号创办者的人脉与能力。与专业类公众号相比,其

有了更多的发挥空间。既可以发布田野考古经历吸引公众，又可以发布学术文章展示于考古界。

高校类考古公众号粉丝群体以高校学生和高校老师为主，依托学校平台，向学生家长和同一学校的学生不断扩散。高校类考古公众号更应该快速发展，凭借学校优势向大学生不断传播考古知识，使他们形成一个正确的考古认知。

（三）突出考古特色

考古公众号的建立开创了新的传播方式，也为微信公众号增加了一种新的文章类别。随着公众号文章的趋同化，许多公众号的文章不具有创新精神，这给考古公众号提供了机会。无论是哪类公众号，吸引观众的都是文章题材的新颖度，而公众对考古学的浅识成为了考古公众号的优势。编者可以从多个方面多个角度撰写文章，无论是海外考古经历还是联合热点新闻或者是学科发展特色，只要在保证真实性的同时又体现考古的新奇性，就会让考古公众号渐渐发展起来。

（四）保证文章质量

文章的质量是公众接纳公众号的根本，文章应该具有真实性，客观性和吸引力。虽然考古公众号是考古学作为自媒体的第一次尝试，但是这更需要编者保证文章的真实性，不应为了吸引观众而忽视文章质量。相对于考古公众号发展的缓慢，盗墓题材的小说确是在各类公众号上争相刊登，其中不乏阅读量达 10 万+的文章。考古工作者不能为了一时扩大考古公众号的影响力，而去编造考古事件，更不能利用盗墓小说中出现的错误考古学知识欺骗公众。

（五）做到与时俱进

随着 4G 网络的成熟和 5G 技术的产生，互联网技术又将迎来一次新的革命，在 4G 革命下的产物有短视频的产生，各个领域都有运用在短视频的例子，并且发展成型，而考古学界还在 3G 产物中下的微信公众号里探索，所以考古学界更应该抓住即将到来的新型互联网变革，根据新产生的应用拓宽考古公众号发展的领域。

四、以黑龙江大学考古学系公众号的实践为例探讨如何发展高校类考古公众号

（一）自身定位

作为高校建立的考古公众号，有自身优势也有劣势，优势在于高校较为年轻化，更能抓住时代的声音，更能面向群众发布最新考古资讯；高校老师也可以为推文提供较为专业的指导和支持；其次，高校考古公众号具有可持续发展的潜力。但劣势也较为明显，其中以推送内容单一；更新速度较慢；文字吸引力不够；粉丝群体过少为主。

（二）发展状况

1、初步探索

黑龙江大学考古学系自成立以来，共建立过两个公众号，第一个名为大荒寻古，第二个为九间考古手记。大荒寻古于 2017 年 12 月 29 日成立，2018 年 8 月 14 日停更，其自身定位为黑龙江大学考古学展示传播平台，目的为传播考古知识，弘扬传统文化，彰显民族自信，守护文化遗产，分享考古资讯，揭秘考古生活，展示考古魅力和探究人类文明。其中共有考古资讯、博物集和日常三个菜单栏，考古资讯共发出三篇文章，其中两篇转载于国家博物馆和艺术史与考古公众号，另一片为考研真题；博物集这一栏目中有三篇文章，均为原创，由两个作者编写，其中介绍“广州西汉南越王博物馆”的推送阅读量最多，达 169 次；日常栏目中共出推文 10 余篇，其中以“俄罗斯匈奴考古和远东人口史”浏览量最多，达 1403 次，次为“考古俄语实验班开课啦”浏览量最多，达 849 次，其余推送浏览量为 90 次左右。所以，综合分析，大荒寻古作为考古公众号宣

传的特色以及优势为俄语特色和区域优势，在对俄交流的过程中，俄方学者主讲的讲座对中国考古学界和其它高校都有着重要的学术意义，而考古俄语实践班的成立也吸引了国内考古界和俄罗斯考古界的眼光，这一方面可以成为大荒寻古主要推送内容，但是大荒寻古因为运营问题在 2018 年停止更新，但它的建立为黑龙江大学考古系探索公众号考古做出了重要的贡献。

2、结合自身

在 2019 年 8 月 8 日，黑龙江大学 2017 级考古班在九间遗址实习时建立了以个人为主体的“九间考古手记”公众号，其主旨是记录黑大考古班在九间遗址的实习经历和日常，共推送文章 12 篇，其中以“人物篇-老包”浏览量达最多，为 1501 次，点赞量达 21 次，其次为“再见九间”，浏览量达 766，点赞量达 31 次。公众号文章平均阅读量为 644 次，点赞量为 18 次。相对于初步探索考古公众号的大荒寻古，九间考古手记有更多的粉丝群体，也向公众初步介绍了考古学，黑大考古系以及田野考古的生活，但在工地结束后，公众号处于停更的状态，因为九间考古手记公众号发布的文章均为工地生活，所以在回到校园，文章素材缺失是其持续发展的一大问题。但可以尝试将“轩辕文博会”加入公众号素材，实时热点新闻中与考古有关的方面也可成为推送的主要内容。

（三）未来规划

1、团体合作

高校考古公众号中分工较为细致全面的有吉林大学文博保护协会的“时空挖掘机”，每一期推送都有文字编辑、排版负责人和最后的审核员。首都师范大学考古学与博物馆学建立的公众号名为首师大考古，其主要负责成员为首师大公众考古学中心的学生。这两所高校有较为完善的推送流程，缘于自身考古学生人数的众多和学科发展悠久的历史。

黑龙江大学考古系不具备这两所高校的学生数量和历史悠久的优势，所以建立一个完善全面的组织机构来经营考古公众号在短时间内是较为困难的。解决办法有两种，第一种为从各个年级筛选对公共考古感兴趣的学生，选取文字编辑，摄影师和视频剪辑师，这需要专业和学院的强力配合，这方法有利于公众号的长远发展，但是对学生的技能要求较高；第二种为按照年级逐年传递，每个年级都有一年的时间经营公众号，这样有利于每位学生了解公共考古，还可以扩大公众号的受众群体，但是其实施难度大，可实现性小。

2、个人为主

“九间考古手记”公众号的创立是由笔者发起，发布推送的时间不固定，基本为周更。其中文字编辑、照片选取和排版设计由笔者一个人完成，虽然个人完成文章的编写使得个人有很大的发挥空间，但是无法保证推送的客观性和及时性，且文章角度单一，只能展示一个人的想法，这使得公众对了解考古工作、考古实践和考古论坛有一定局限性。在公众号运营的过程中，除了文字的配备，还加入了视频，视频的制作不是由笔者完成，视频的出现一方面提高了文章的浏览量，一方面使得公众对考古工作有了更直观的理解。所以，笔者认为，以个人为主的考古公众号，不是指所有的工作项目由一个人完成，可以适当增加专业人员，但文章的撰写、排版要作者一人完成，这样可以保证文章的整体性，适当的在推文中加入其它元素，如视频和其它同学的感想，这会使得公众号的文章内容更为丰富。

（四）明确公众号作用

1、讲座推送

黑龙江大学考古系的讲座次数可达到平均每月2次，这也给公众号文章的发表提供了很大一部分素材，且有很多俄罗斯学者来进行讲座，这一优势是黑大独有的。对俄交流是黑大考古的特色，我们需要抓住这一特色，珍惜俄罗斯学者讲座的机会，每次的对俄座谈都要及时发布消息，还要将俄语实验班的学习情况展示出来。讲座推送的内容虽不会增加公众的兴趣，但是会引起考古学界的关注。

2、工地生活

工地生活是考古公众号最重要的粉丝来源之一，以九间考古手记为例，其粉丝群体除了黑大考古专业的老师和学生外，当地政府和居民也是九间考古手记主要的粉丝群体。每个学年在大三都有下工地的机会，所以每下一次工地，公众号就迎来了一次涨粉的机会。所处田野考古的地方政府和民工阿姨们成为我们主要的粉丝来源，这些人正是我们要抓住的粉丝群体，增加政府官员对考古的理解，则会增加他们对田野考古的支持，这有利于我们在省内的田野考古实习；增加民工阿姨们对考古的认知，让不理解考古工作的人理解考古，这便实现了宣传考古的目的。

3、时事考古

考古公众号的文章应该和其它公众号推文一样，抓住热点新闻，抓住其与考古之间的联系，或与黑大考古间的联系。例如，东北地区与远东地区文化交流合作方面，黑大考古起到了什么作用。考古公众号的建立不应限于学院内，学校内，更应该将眼光放向世界，关注全世界的考古。

五) 加强宣传力度

1、增加推送次数

粉丝数量少，浏览量低，是每个考古公众号面临的问题。在公众号建立之初，每天只有发一篇文章的机会，但是在粉丝数量增长后，每个公众号就会有发布多个推文的机会，所以增加推送数量是公众号发展的基础。只有一篇发文的次数，这使得公众只能接受一方面的考古知识，而多篇推文的发送，则可以增加阅读不同考古方面知识的选择，这也会有利于公共考古的普及。

2、提高文章质量

黑大考古的公众号可以以故事性和学术性两者并存的状态发展，学术性文章要求作者准确的写出相关知识，在文章中也可以添加些简单的语言，使得公众在接收专业知识的同时又不感到枯燥；故事性文章要求作者真情实感的表达出自己的想法，且多处于工地生活，所以真实的表达出所想所感并不是难事。

五、结语

考古公众号是中国公共考古的独特传播手段，发展时间短，程度也较低，我们一方面要借鉴其它领域公众号的发展经验，另一方面应该形成一套独立的发展模式。各类公众号，无论是以专业类、个人类还是高校类为主的公众号都共同拥有着传播考古和宣传考古的责任，都应结合自身优势和社会发展状况积极应对日新月异的互联网变革，用考古+互联网的模式为考古公众号开拓出一篇新的天地。

参考文献

[1]李珍. 论微信公众平台自媒体的发展问题及应对策略[D].湘潭大学, 2016.

Исследование стратегии развития публичного аккаунта WeChat в археологии

Ду Имен

С тех пор как WeChat был запущен, на общедоступной платформе появились учетные записи в различных областях. Археологическое сообщество также активно присоединилось к этой платформе для распространения и популяризации археологии. Тем не менее, после нескольких лет развития публичные археологические учетные аккаунты перестали развиваться, однако публичные аккаунты многих других отраслей постепенно улучшались и собрали большое количество подписчиков. Поэтому в данной статье анализируется состояние археологических аккаунтов и предлагаются стратегии их развития.

Ключевые слова: PR-стратегия в продвижении археологического знания.

Research on Development Strategy of Archaeological WeChat Public Account

Duo YiMeng

Since WeChat was launched, accounts in various fields have appeared on the public platform. The archaeological community has also actively joined this platform to disseminate and popularize archaeology. However, after several years of development, public archaeological accounts have stopped developing, however, the public accounts of many other fields have gradually improved and attracted a large number of subscribers. Therefore, this article analyzes the state of archaeological accounts and suggests strategies for their development.

Keywords: PR-strategy in Archaeology.

Ду Имен

студент
Хэйлунцзянский университет
e-mail: 270363936@qq.com

Duo YiMeng

Student
Heilongjiang University
e-mail: 270363936@qq.com

Краткий анализ взаимосвязей между культурами бронзового века района Ганьсу и Цинхя (Китай) и степной ветвью Великого шелкового пути

Ли Чзэжун

Хэйлунцзянский университет, Харбин, провинция Хэйлунцзян, Китай

浅析中国青铜时代甘青地区文化和草原丝绸之路的关系

摘要

中国古代历史上有四条丝绸之路,本文就其中的古代草原丝绸之路,通过青铜器、金银器、细石器、冶金圈、彩陶、玉石、养蚕和纺织、马等畜牧业、小麦、人种及民族十个方面,以齐家文化、四坝文化和沙井文化为例,梳理了这一地区草原丝路文化传播的脉络,证明了甘青地区在草原丝绸之路中的过渡作用和奠基作用。

关键词

草原丝绸之路;甘青地区;青铜文化;齐家文化;四坝文化;沙井文化

草原丝绸之路中国历史上四条丝绸之路之一,出现最早,横贯欧亚大陆北方的草原地带,又称“草原通道”和“草原之路”。草原丝绸之路的中心区域是欧亚草原,具有联结各民族文化及利益,打通中西开放历史通道的意义,极大的推动了欧亚文明的交融发展。¹

草原丝绸之路,东起渤海,横跨欧亚草原,南至中原,北接蒙古和西伯利亚,它的形成和自然生态环境、人种、文化形态,以及各种文化和贸易交往有着密切的关系。杨建华等学者按地理位置和文化交往,将这条草原丝绸之路,分为东西两个方向,一个是位于中国北方北部的蒙古草原东部以外贝加尔地区,另一个是中国北方西北部的亚洲内陆山麓地带²。张玉桥学者曾对以洛阳为东端起点的草原丝绸之路形成进行研究³,而本文中杨建华所提出的中国北方西北部甘青地区的草原丝绸之路进行研究。

韩建业曾将草原丝路中的彩陶之路分为四个阶段,第二阶段起即为青铜文化,本文即通过研究青铜器、陶器、金银器、畜牧业、养蚕业、玉文化、岩画、人种、民族及中国北方冶金圈几个方面来探讨中国北方青铜时代甘青地区文化与草原丝绸之路的关系。河西走廊四坝文化、齐家文化是青铜文化由欧亚草原,向西南东北中原传播的中继站^{4,5,6},本文即从马家窑文化开始,以齐家-四坝文化为中心,及青铜时代甘青地区最后的沙井文化,对整段甘青地区文化与草原丝路关系进行初步探讨。

一、青铜器、金银器、细石器及冶金圈

根据至今所发表的各种资料显示,甘青地区青铜器东西文化交流明显。林沅先生指出,中国北方地区青铜器在东部受中原文化影响,西部相对更受欧亚大草原影响。在此地文化交流的青铜器中,最典型的即为北方系青铜短剑,其始终与其北部和西部广阔的欧亚草原保持着直接或间接的联系和交往,这也是短剑背后所代表的各青铜的文化之间相互影响的佐证之一。除此之外,出土于中国北方甘

青地区青铜时代考古学文化的铜矛⁷、有孔锤斧⁸、青铜短剑⁹、青铜斧¹⁰在欧亚草原地带和西方文化发现了相似类型相同时期的遗物,年代的交杂表明了甘青地区与东西方文化的相互影响。

中国北方青铜器的传播以时间划分,分为夏至早商,商至西周中期,西周晚至春秋早期三个时期。夏至早商时期,权杖头、透釜斧、有釜矛、三叉护手剑等铜器受到来自于欧亚草原的影响,向西方和天山北路、四坝文化扩散;商至西周中期,安德罗诺沃文化的战斧和喇叭口等器物对甘青地区有影响,但并没有完全贯通,而塞伊玛—图尔宾诺文化的带耳系统空首斧由新疆甘青地区传播至西北,再传播至内蒙古中南部,至中原、漠北及辽西地区,而其铜矛的传播路线则为青海—陕西—山西—河南—辽西地区;而到了西周晚期至春秋早期,在夏家店上层文化和阿尔然王家中也发现了相似类型的器物。青铜器的传播,佐证了甘青文化不仅处于草原丝绸之路传播的时间范围,还是西方文化至商周文化的过渡和中转站。欧亚草原北方和西方文化与甘青地区四坝文化等交互影响,一定程度上描绘了青铜器的传播路线,该路线与草原丝绸之路路线的地理位置和文化传播途经相互吻合。

东西文化的交流在吸收了不同渊源的文化因素后,会形成不同的新中心和新漩涡并向四周传布,早期青铜文化就以新疆东部为中心形成了这样一个新漩涡,然后开始向四周传播。这种漩涡首先被河西西段四坝文化接受,其中火烧沟墓地出土的青铜器与天山北路文化的青铜器特征基本一致¹¹;再向东传入基本处于同一时期的甘青地区的齐家文化分布区。在这一过程中逐渐形成了中国西北青铜文化圈,形成一个更大的交汇漩涡和传播中心。¹²

除青铜器之外,东西文化交流中的金银饰品也佐证了中国北方长城地带中段和中国西北地区的密切联系。东西不同文化之间出产了同样类型的喇叭口形金耳环,研究表明,这种耳环是由新疆传播到四坝文化,又辗转传入北方长城地带,后在磨沟墓地中发现了喇叭口耳环,为其向东传播的观点增添了中间环节。除喇叭口耳环外,鄂尔多斯等地区很多文化也有着与中国长城地带中段和西北地区的金银饰相同类型的器物。譬如阿鲁柴登地区的鹰形金冠、四虎噬牛纹金牌饰、虎形镶宝石金饰、金项圈、金耳坠,对中国北方地区文化产生了影响。该类典型器物是草原丝绸之路东段开端的重要标志。

¹ 陈育宁. 应该重视对草原丝绸之路的研究[N]. 中国民族报, 2018-12-07(007)

² 杨建华, 邵会秋. 匈奴联盟与丝绸之路的孕育过程——青铜时代和早期铁器时代中国北方与欧亚草原的文化交往[J]. 吉林大学社会科学学报, 2015, 55(01): 154-162+176.

³ 张玉桥. 以洛阳为东端起点的欧亚草原丝绸之路的形成[J]. 焦作师范高等专科学校学报, 2008(02): 32-35.

⁴ 张运德. 中国和田玉的历史地位及生命力[J]. 西域研究, 2009(03): 108-113+138.

⁵ 杨伯达. 巫玉之光: 中国史前玉文化论考[M]. 上海古籍出版社, 2005: 108-113.

⁶ 杨伯达. 甘肃齐家玉文化初探——记鉴定全国一级文物所见甘肃古玉, 陇右文博 1997(01).

⁷ 胡保华. 中国北方出土先秦时期铜矛研究[D]. 吉林大学, 2011.

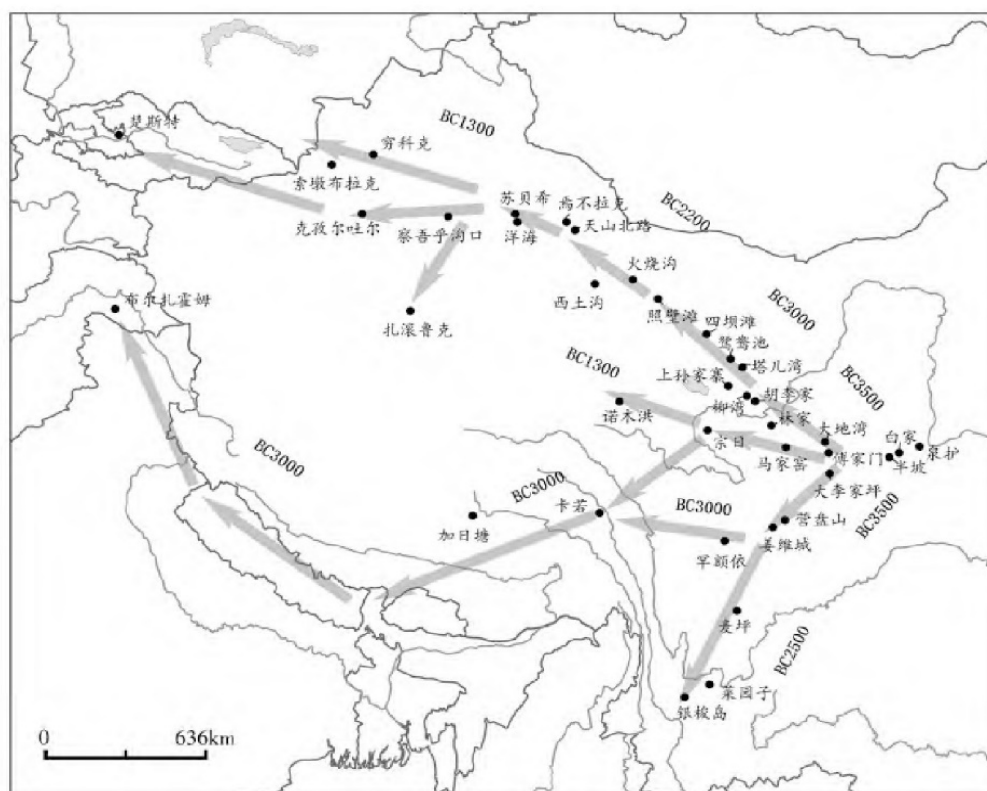
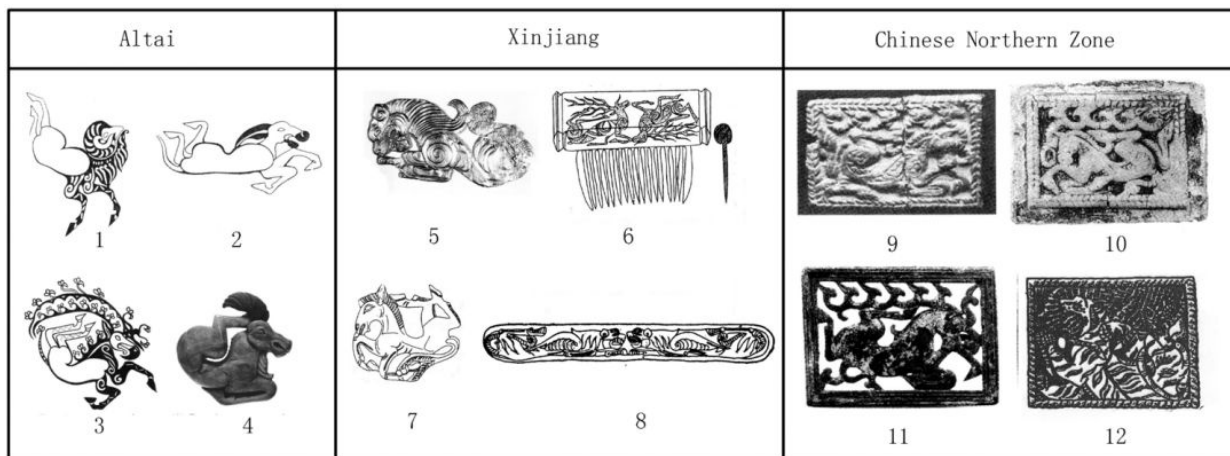
⁸ 刘良荣. 中国北方地区出土有孔锤斧研究[D]. 吉林大学, 2014.

⁹ 李连娣. 中国北方系青铜短剑研究[D]. 吉林大学, 2013.

¹⁰ 刘晨. 中国北方地区青铜斧钺研究[D]. 吉林大学, 2013.

¹¹ 刘学堂. 中国早期青铜器的起源与传播. 中原文物, 2012(4): 51-57.

¹² 刘学堂, 李文瑛. 中国早期青铜文化的起源及其相关问题新探[J]. 藏学月刊, 2007(00): 1-63+230.

甘青地区的野兽纹也在草原丝绸之路上有传播痕迹，塞伊玛-图尔宾诺文化的兽首装饰与甘青地区有继承关系。虎噬食草动物纹形制，在新疆和欧亚草原中部区的各文化中出现较晚，而战国时期分散到甘宁地区。这种动物纹装饰题材主要起源于东亚地区，由燕山南北向西传布，以及新疆和欧亚草原中部区，整个跨及北方青铜文化的分布区¹³。

图1 野兽纹对比图²²

距今4000年前，欧亚大陆上形成了一条细石器文化带，其与草原丝绸之路也有一定联系。距今8000年前的兴隆洼文化沟通了北方草原文化和西方文化，而内蒙古的白音长汗遗址出土了与欧亚草原文化类型相似的女神雕像，该女神雕像与细石器文化带有相关联系。

东西方青铜器的交流互动为丝绸之路的开通奠定了基础，并且促进了以新疆东部地区、甘青地区为中心的中国西北冶金文化圈的形成。数量众多的小型铜器表明，齐家

文化的冶金技术已达成熟，说明了其在冶金圈中极可能有某种地位。甘青地区处于青铜器、金银器、细石器及冶金文化圈传播的辐射范围内，是草原丝路东西交流的其中一条道路。

二、彩陶

图2 中国彩陶之路示意图¹⁴

苏秉琦先生确定的中国北方燕山南北长城地带为重心的北方文化区的陶器，文化特征有本地特有的蛇纹鬲、之字纹陶器等，也有一些包含欧亚草原青铜文化的特征，如青铜短剑、动物纹青铜器、喇叭口型耳杯等，以及中原地区古代文化元素影响的特征，如彩陶、绳纹罐等。不仅地域范围上位于欧亚草原和中国北方地区之间，文化上也含有欧亚草原早期青铜文化和中国北方地区古代文化的交融。

¹³ 邵会秋. 中国北方、新疆和欧亚草原文化的交往——以动物纹装饰为视角[J]. 西域研究, 2018(02):43-56+148.

¹⁴ 韩建业. 再论丝绸之路前的彩陶之路[J]. 文博, 2018(01):20-32.

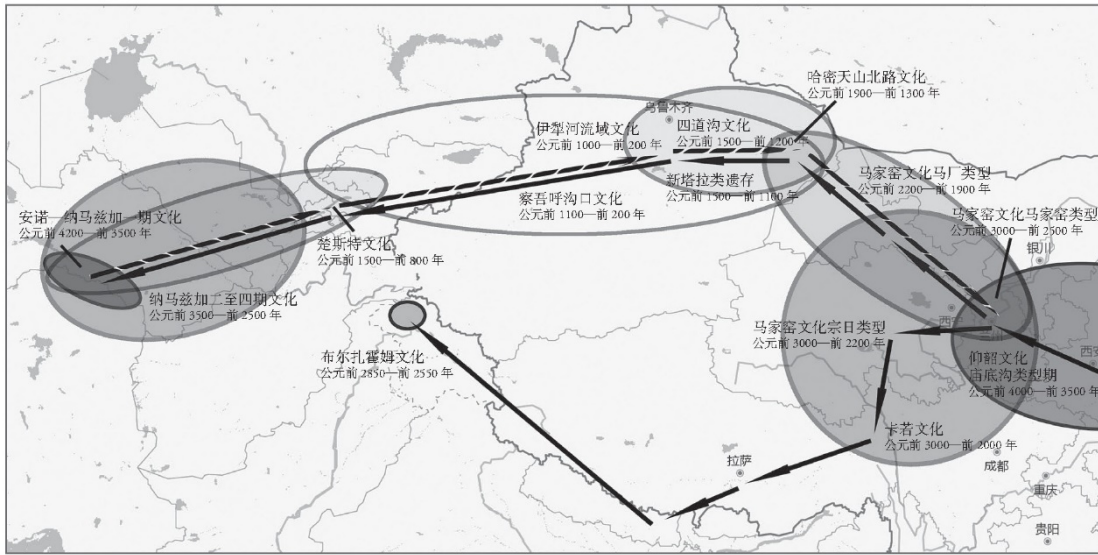

图3 丝绸之路前的彩陶之路示意图¹⁵

韩建业¹⁵等学者支持彩陶之路和草原丝绸之路同一的观点。彩陶盛行的仰韶前期长达1500年（公元前5000—前3500年）之久，实际上影响了甘青地区。韩建业将彩陶之路分为四个阶段，第一个阶段是公元前3500—前3000年，主要遗址有泉护类型和石岭下类型，范围由陕甘地区向西扩展至青海、河西走廊，同时南段由中亚南部向东影响。第二个阶段是公元前3000—前2000年，中国西北地区青铜时代由此开始，由甘青地区向西扩展至河西走廊向西南扩展至青藏、克什米尔地区，马家窑文化的彩陶影响到了青海的东北地区、河西走廊文化以及宗日类型等的彩陶，并对近东、东南欧地区文化的彩陶产生影响。第三个阶段，马厂文化向西拓展至河西走廊，而半山文化则同时影响到敦煌西土沟遗址等，与此同时，西方文化向中国影响，四坝文化和哈密天山北路文化的器物分别受到来源于马厂和河西走廊文化的影响，而哈密天山北路又影响到中国天山南北，形成了自西向东并带有反向的文化传播路线。到了第四个阶段，公元前1300年，焉不拉克文化向东沿北道西段传入辛店文化，而诺木洪文化的塔里他里哈遗址彩陶文化传播至柴达木盆地，是当时早期中国文化圈核心所在¹⁶。彩陶的西传即早期中国文化的西传，彩陶之路就是以彩陶为代表的早期中国文化，以陕甘地区为根基自东向西拓展传播之路。彩陶文化西渐影响了后来丝绸等文化顺此道反向进入新疆、甘肃等西北地区，由此进入早期铁器时代。（见图2）

图4 中国和伊朗舞蹈纹彩陶比较¹⁷

1. 宗日 (M1571); 2. 上孙家寨 (M384); 3. 锡亚尔克三期 (Sialk III)

故而言，彩陶之路就是史前时期以彩陶为代表的早期中国文化和早期西方文化相互交流之路，是丝绸之路的主要前身。

三、岩画、蚕、马、玉、麦

¹⁵ 韩建业. 丝绸之路前的彩陶之路[A]. 北京大学、北京市教育委员会、韩国高等教育财团. 北京论坛（2017）文明的和谐与共同繁荣——变化中的价值与秩序: 文明传承与互动视角下的“一带一路”论文与摘要集[C]. 北京大学、北京市教育委员会、韩国高等教育财团. 北京大学北京论坛办公室, 2017: 2. (图1)
¹⁶ 吴汝祥. 青海都兰县诺木洪塔里他里哈遗址调查与试掘[J]. 考古学报, 1963(01): 17-44+148-155.

¹⁷ 约瑟夫·加芬克尔, 杨谨. 试析近东和东南欧地区史前彩陶上的舞蹈纹饰[J]. 考古与文物, 2004(01): 83-95.

除彩陶之路外，甘青地区的畜牧业——马文化、玉文化、蚕文化，以及岩画都与草原丝绸之路有密切联系。

到目前为止，发掘的一些夏商时期的岩画及其显示的车辆等，体现了商代狄人文化由北方或西北草原地带进入中原的文化传播。杨建华等学者对岩画的探讨补证了草原丝绸之路东段的文化交流，并与丝织品传播交流相互印证¹⁸。

草原丝绸之路也是玉文化的传播之路，即“玉石之路”。玉帛之路系列文化考察活动曾对玉石之路进行九次考察，确定了以齐家文化为主的“西玉东输”道路¹⁹。甘肃齐家文化等在玉石之路起到衔接过渡作用。

公元前1000年，北方游牧民族的“马文化”得到扩散，游牧民族东胡称霸草原，向北影响至西伯利亚，后至波罗的海，深刻影响到了北方草原青铜文化。河西走廊史前畜牧文化表现出强烈的亚欧草原民族的风格。

研究表明，小麦通过欧亚草原早期青铜文化传播到新疆北部，又向西穿过河西走廊，最终到达中国西北地区，即后来的丝绸之路。²⁰

小麦是欧亚草原文化先进入新疆，后通过河西走廊传入中国西北地区。齐家文化金禅口遗址出土了少量的大麦、小麦，其年代为公元前2200-1770年，不是该遗址齐家文化时期人类利用的主要植物资源，暗示外来农作物大麦和小麦从传入青海到作为主要植物资源经历了长期过程。²¹

诚如严文明²²先生所言，最初是西方的青铜文化带着小麦、绵羊和冶金技术，之后又赶着马匹进入新疆、甘肃等地，而东方甘肃等地的粟和彩陶技术传入新疆甚至中亚。东西文化交互传播，后来发展为著名的丝绸之路。²³

¹⁸ 朱存世, 李芳. 试析青铜时代贺兰山、北山岩画与欧亚草原丝绸之路的关系——兼论欧亚草原丝绸之路的东段走向[J]. 宁夏社会科学, 2001(03): 101-107.

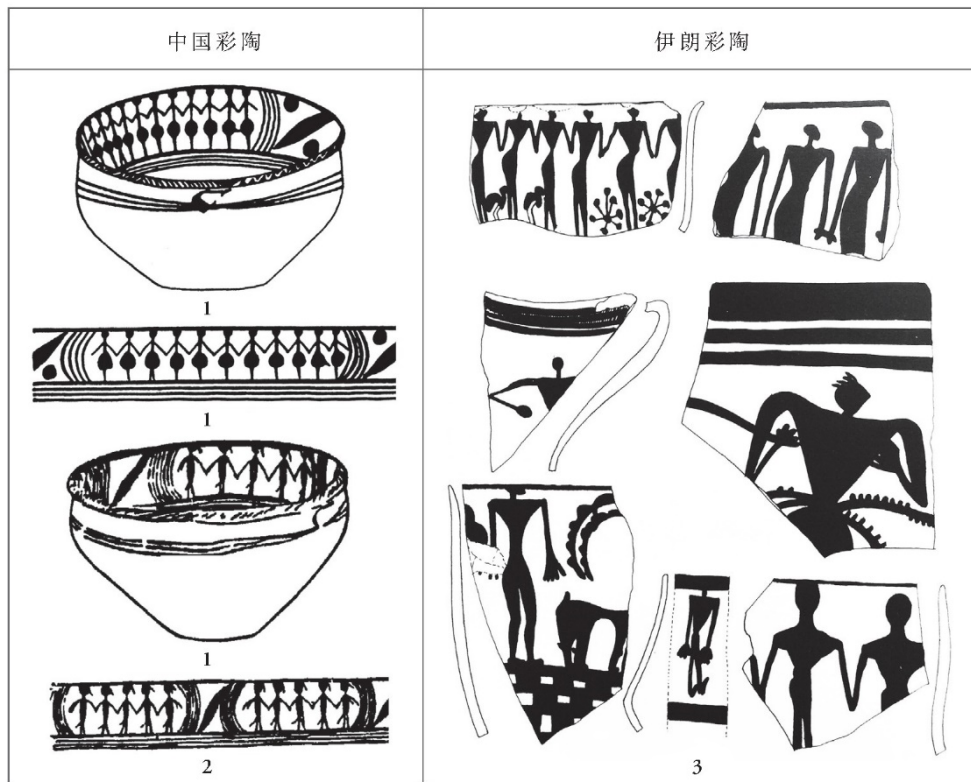
¹⁹ 冯玉雷. 玉帛文化: 华夏文明发生的动力及核心价值[J]. 甘肃社会科学, 2016(04): 38-43.

²⁰ 赵志军. 欧亚草原是史前东西文化交流的主干道——考古出土小麦遗存研究[A]. 中国·内蒙古草原文化节组委会. 论草原文化（第九辑）[C]. 中国·内蒙古草原文化节组委会: 内蒙古自治区社会科学院, 2012: 14.

²¹ 董广辉. 金禅口齐家文化遗址发现青海省早期大麦、小麦遗存[N]. 中国文物报, 2014-07-04(007).

²² 严文明. 序一, 韩建业. 新疆的青铜时代和早期铁器时代文化[M]. 文物出版社, 2007.

²³ 王子金. 张骞凿空. 光明日报, 2017-05-18(02).

四、人种和民族

根据杨建华等学者的观点，米努斯斯克盆地的青铜时代到早期铁器时代的人种构成即亚洲草原东西传播的风向标，可从人种构成看这段文化关系。颅骨测量学的研究分析显示，阿尔泰和贝加尔湖西岸地区人群的面部扁平度随时间的不同而变化，新石器时代这一地区人群面部十分扁平，青铜时代开始突起，而早期铁器时代又开始扁平起来²⁴。表明在青铜时代欧洲地区人群来到了这里，到达蒙古西部和中国，与当地居民发生融合和文化交流。

一般认为，早期羌人创造了甘青地区卡约文化、辛店文化、诺木洪文化等青铜时代的考古学文化，其中马家窑文化及齐家文化被视为先羌文化。羌人的迁徙促使青海与中原文化融合，中原文化经河西走廊传往西域，同时也从西传向东，开通了途经湟水流域、青海湖、柴达木盆地三个地区的羌中道，是丝绸之路青海道最初的雏形。考察可得，河湟民族走廊的形成过程与丝绸之路青海道的开拓发展同步²⁵。甘青地区从民族上来说，印证了早在青铜时代青海道丝绸之路即已开辟。

五、齐家-四坝文化、沙井文化

很多国内外学者将草原丝路分成东段、中东段和北段——北段即参天可汗道，该线路与甘青地区文化还有一段位置上的距离。故而，我们在这里以齐家文化和沙井文化为例，同样通过青铜器、陶器、畜牧业等方面来研究，以小看大研究整个甘青地区青铜时代文化与草原丝绸之路的渊源。

从上文的论述可以看出，从欧亚草原的安诺、纳马兹加、阿凡纳谢沃，到新疆古墓沟，再到河西走廊的齐家、四坝文化，再到蒙古高原朱开沟、夏家店乃至河南二里头遗址，这些文化遗址把东西方青铜文化联系起来，构成一条绵延不绝的青铜之路。综合而言，齐家、四坝文化是一个过渡区，不仅是游牧文化传播的过渡，也是青铜文化从欧亚草原向中原传播的过渡。齐家文化与塞伊玛——图尔

宾诺现象同类器物总体特征接近，年代均于公元前 19 世纪前后，被视为中国北方先秦时期铜矛第一期。齐家文化发现了带钩铜矛、刀柄有纹饰的铜刀等器物，是中国北方接受来自欧亚草原金属器的窗口²⁶。齐家、四坝文化开创了甘青地区的青铜文化之路。

齐家文化玉器上承红山文化和良渚文化，下接商周文化，影响了其玉器形制。我们之前探讨的玉石之路与丝绸之路的关系，体现了齐家文化在文化传播中的过渡作用，率先吸收西方文化，并转向东方商周文化。在齐家文化以前，中原并未使用西域的和田玉材，所以说，齐家文化可能是玉石之路首次传入中国甘青地区的文化。

根据研究，齐家文化和夏朝时期的养马技术是从中亚、西亚一带传播而来，之前的甘青地区古文化中不曾发现过畜养马匹的迹象。齐家文化是我国最早畜养马匹的古文化之一，正因齐家文化的中介作用，畜马业才在夏、商时代发展起来。齐家文化畜马业是我国甘肃地区畜牧业的源头。

沙井文化作为彩陶之路最后的回光返照，证明了甘青地区几乎贯穿整个彩陶之路，其影响向周围扩散，在文化交流中占重要地位。沙井文化各遗址中出土的大量器物也能够表现出甘青地区与周边地区文化的交流融合。武器包括无柄铜刀、孔首刀和环首刀，这些铜刀形制与鄂尔多斯文化中的铜刀有相似之处。沙井文化北与草原丝绸之路相连，草原丝绸之路的形成与游牧部族“逐水草而居”有重要关系，而游牧文化的形成与沙井文化也有间接渊源，而草原丝绸之路出土器物上大量“野兽纹”也表现了早期游牧文化的特征。它们从欧亚草原向东分布扩展，是不同地区的游牧文化发展和商贸开通的标志。沙井文化是北方草原文化的一支，虽没有明显动物纹器物，但其文化流向影响到了游牧文化的形成。研究可知，沙井文化与蒙古地区文化相互影响，其陶器与内蒙古地区文化类似，而内蒙古地区有大量动物纹饰，是草原丝绸之路的开端，故沙井文化与

²⁴ 张桦. 中国北方古代居民颅骨非测量性状研究[D]. 吉林大学, 2006.

²⁵ 丁柏峰. 丝绸之路青海道与河湟民族走廊的形成[J]. 青海师范大学学报(哲学社会科学版), 2015, 37(03): 73-78.

²⁶ 杨建华. “草原金属之路”开启丝路先声[N]. 中国社会科学报, 2018-12-14(004)

同时期其他文化一起，一同推动了草原丝绸之路的开端和形成。

五、结语

甘青地区与细石器文化带、中国西北冶金文化圈、彩陶之路路线相符，在陶器、玉器、畜牧业等传播方面是中国地区最早开创的路线之一。而齐家文化、四坝文化是其中最早的一批。虽然说现在很多国内外学者认为草原丝绸之路只经过“参天可汗道”，即不经过甘青地区而直接由燕山南北、天山北向西部传播，但无数研究证明，甘青地区在草原丝绸之路中也占有不可磨灭的地位，它引领了中国西北冶金圈和畜牧业东传，几乎贯穿彩陶之路，同时是青

铜文化、玉文化向四周传播的最早一批，在草原丝绸之路经过中国西北时占有一个重要地位，其中最重要的便是向中原传入影响的地位。由于很少有学者研究甘青地区与草原丝绸之路的关系，本文对此进行专门研究，以弥补中国地区内与草原丝绸之路有关的空白地区。

总而言之，笔者赞同甘青地区也应属于草原丝绸之路的一部分，且在其中处于中转站的位置，其文化形成一个小历史漩涡，影响了燕山到天山北道的文化传播。它的畜马业、丝织品和玉石为草原丝绸之路的传播奠定了基础，放大了说，也是草原丝绸之路传播的分支之一。甘青地区在草原丝绸之路中的过渡作用和奠基作用不容忽视。

Краткий анализ взаимосвязей между культурами бронзового века района Ганьсу и Цинхая (Китай) и степной ветвью Великого шелкового пути

Ли Чэжун

В древней истории Китая выделяется четыре ветви Великого шелкового пути. В данной статье основное внимание уделяется Степному шелковому пути. На основе исследования, проведенного на материалах культур цзяца, сыба и шацзин и включавшего следующие аспекты: изучение изделий из бронзы, золота и серебра, микролитических орудий, металлургических провинций, расписной керамики, нефрита и других полудрагоценных камней, шелководства и шелкоткачества, разведения лошадей, пшеницы, а также антропологические и этнографические исследования, была реконструирована система культурной коммуникации по Степному шелковому пути в данном районе. Доказана важная роль района Ганьсу и Цинхая в культурном транзите и формировании культурных основ на степном маршруте шелкового пути.

Ключевые слова: степной шелковый путь, район Ганьсу и Цинхая, культуры бронзового века, культура цзяца, культура сыба, культура шацзин.

A Brief Analysis of the Relationship between the Bronze Age Cultures of Gansu and Qinghai (China) and the Steppe Branch of the Great Silk Road

Li Zerong

In the ancient history of China, four branches of the Great Silk Road stand out. This article focuses on the Steppe Silk Road. Based on a study conducted on the materials of cultures of Qijia, Syba and Shaching and including the following aspects: the study of products from bronze, gold and silver, microlithic tools, metallurgical provinces, painted ceramics, jade and other semiprecious stones, silkworm and silk weaving, breeding horses, wheat as well as anthropological and ethnographic studies, the system of cultural communication along the Steppe Silk Road in the area was reconstructed. The important role of the Gansu and Qinghai regions in cultural transit and the formation of cultural basis along the Silk Road steppe route has been proved.

Keywords: Steppe Silk Road, Gansu and Qinghai region, Bronze Age cultures, Qijia culture, Syba culture, Shajing culture.

Ли Чэжун

студент
Хэйлунцзянский университет
e-mail: Zoey01234567@163.com

Li Zerong

Student
Heilongjiang University
e-mail: Zoey01234567@163.com

УДК 902

Неолитические каменные ножи Северо-Восточного Китая

Чжан Юнин

Хэйлунцзянский университет, Харбин, провинция Хэйлунцзян, Китай

中国新石器时代东北地区石刀形制简述

摘要

在原始社会，石器是人们最主要的生产工具。而在中国的东北地区，石刀是一种非常常见的石器，它在东北地区古代人类的生活中扮演者很重要的角色。本文以中国东北地区新石器时代至青铜时代之间所出土的石刀为介绍对象，对其常见的形制进行简要分析与比较。

关键词

东北地区；新石器时代；石刀；形制

一、前言

石器是史前时代人们劳动生产所必须的工具，是这些重要的工具促进了人类的进化与发展。石刀是史前时代最常见的石器之一所以，对中国古代的石刀进行重点研究对于研究中国古代人类的发展与进化有很重要的意义。历来对于石刀研究的学者有很多，其中比较重要的，富有综合性的有安志敏先生的《中国古代的石刀》，王杰先生的《石刀陶刀小议》等，在对石刀的研究中，对于东北地区的石刀研究向来是一大热门，比如张盟的《东北地区石刀研究》，陈国庆的《浅析东北地区出土的石刀》等文章也有着十分重要的意义。本文将会在前人的研究基础上简述中

国东北地区由新石器时代到青铜时代之间的石刀的形制与分布等。

二、东北地区石刀的分区与形制

通过对本地区出土石刀的类型比对，按照其主要出土地区的分布以及通过对前人研究的总结。东北地区的石刀的出土可以主要分为四个区域，即辽西地区、辽中东地区、吉长地区、黑龙江地区。

1. 辽西地区

辽西地区的石刀可大致分为六种。

I型：长方形石刀，此类石刀多刀身窄小，个别为压制石刀，多为打制石刀，部分为磨制且磨制精细，背部多双孔。

II型：桂叶形石刀，刀刃与刀背可形成较对称的圆弧形状其中部分整体呈现椭圆形，打制、压制、磨制共存，磨制品较精细，背部多双孔。

III型：梯形石刀，多为直背双面刃，刃多略微凹陷，部分为直刃。

IV型：有柄石刀，辽西地区此类石刀样式较多，大致可分为三式，

a式：打制石刀，刃斜且钝，背直，柄较短，比较典型的该式石刀为敖汉旗兴隆洼出土的F220③:8。

b式：打制石刀，一般质地较粗糙，刀刃为双面交互打击而成，刀柄为侧柄，典型出土物有白音长汗BF74③:7。

c式：打制石刀，背部凹凸不平，两侧有棱脊较厚重，石刀两端有横向短柄，刃为弧形较锋利，典型出土器物为白音长汗BF69③:9。

V型：长条形石刀，辽西地区此类石刀样式较多，大致可分为五式，

a式：打制石刀，单面刃，整体较薄典型出土器物为白音长汗BT55②:5。

b式：打制石刀，存在一定的压制痕迹，刀身整体偏长。刀的两面加工方式不同，一侧光滑另一侧则压制疤密布，刃由背面两侧向正面削压而成，刀腹偏厚，刃部偏薄。典型出土物白音长汗BT399①:2。

c式：磨制石刀，加工较精细，其中一侧存在棱脊，刃较直。

d式：磨制石刀，刀身有单穿孔，整体形状与桂叶形石刀相似，其背部存在脊棱及单传穿孔，两端较尖。

e式：长条形，有凹槽，刀刃有倾斜，一端较尖一端较平直。

VI型：半圆形石刀，刀背呈弧形存在双孔且孔为对钻。

辽西地区出土的石刀形制较为丰富，但又存在着一定的共性，如I型、II型石刀其中大部分存在着红山文化的典型特征；Vb、Vc及Vd型石刀的横剖面皆为三角形，是打制工艺由较为粗糙向较为精致的过渡亦是打制石器向磨制石器的过渡。

2. 辽中东地区

辽中东地区的石刀可大致分为四种

I型：半月形石刀，辽中东地区出土的半月形石刀可大致分为两式，

a式：直刃式半月形石刀，弧背居多，器身多较长，刀身有穿孔且孔数不定。

b式：弧刃式半月形石刀，刀身相对较短，磨制石器居多，刀刃较锋利，有穿孔。

II型：梯形石刀，此类石刀可分为三式，

a式：常规梯形石刀，多为直背直刃整体较规整。

b式：长方梯形石刀，单面刃但其两端也磨制成刃，较锋利，刀身有双孔且为对钻。

c式：倒梯形石刀，此类石刀出土较少，近背部有双孔，单面刃，典型出土器物为大连新金县乔东F1:6。

III型：长条形石刀，此类石刀多直背，单面刃，较为锋利。

IV型：桂叶形石刀，刀背与刀刃呈对称的弧形，刀身有双孔且孔为对钻。

整体上看辽中东地区的石刀样式相对辽西地区较少，但是制作上更加精致且实用，属于石刀的流行期。

3. 吉长地区

吉长地区所出土的石刀形制种类较少可以大致分为三种类型，

I型：前月形石刀，此类石刀可分为二式，

a式：整体相对较长，直背，刃为弧刃且较锋利，刀身有双孔，孔为对钻。

b式：整体相对较短，凹背，刀两端有上翘，刀身有对钻双孔。

II型：桂叶形石刀，弧刃，刀背有一定弧度，略呈弓形，刀身有钻孔。

III型：直背弧刃型石刀，此类石刀可分为二式，

a式：无柄式，磨制石器，整体平整，刀刃锋利，刀身有对钻双孔。

b式：有柄式，刀柄与刀刃相接处有明显折角，此式石刀出土较少，典型出土器物出土于蛟河小南沟墓地。

依出土物来看，吉长地区的石刀出现流行的相对较晚，主要发现与青铜时代，该时期石刀做工相对精致，多为磨制，刀身较长且比较规整多具有对钻双穿孔，此地区石刀以实用为主。

4. 黑龙江地区

黑龙江地区所出土的石刀多集中于省内东南部地区即现今牡丹江流域及绥芬河流域所在区域，该地区所出土石刀可大致分为三种类型，

I型：长方形石刀，此类石刀可分为二式，

a式：方头有柄长方形石刀，磨制石刀，长方形的一端有横向刀柄，其形状类似现代的菜刀，刃微弧，典型出土器物为黑龙江省穆稜河MFG:42。

b式：圆角无柄长方形石刀，磨制石刀，靠近刀刃部分存在对钻双孔。

II型：靴形石刀，此类石刀仅发现于黑龙江东康文化类型遗址当中，为两式，

a式：长身竖柄靴形石刀，磨制，刀身一端弯曲向另一侧翘起，刃为侧刃，上有一穿孔。

b式：靴形石刀，磨制石刀，刀刃锋利，刃与柄交接处为直角，刀柄上方有双面对钻孔。

III型：半月形石刀，可分为二式，

a式：凹刃半月形石刀，磨制石刀，刃略弧，靠近刀刃部分有穿孔，刀刃中部内凹，典型出土器物为东宁大城子F2:5。

b式：凹背半月形石刀，磨制石刀，弧刃，靠近刀刃部分一侧有三孔，两面对钻，该式典型石刀出土于宁安东康遗址。

综合来看，黑龙江地区的石刀出现相对较晚，此时该地区出现的石刀已均为磨制，器身都有穿孔，出土器物多残缺有磨损，难以复原。

三、东北地区石刀特点

整体来看，整个东北地区所流行的石刀具有一定的相似之处，但又各有不同，辽西地区出土的多年代较早可以追溯到红山文化时期，该地区所流行的桂叶形石刀和长方形石刀具有红山文化的典型特征，辽西地区的石刀由于相对年代较早，所以其质地较粗糙，打制、磨制共存，部分出土物还具有压制痕迹。辽中东地区相对辽西地区而言磨制石刀增多，但磨制工艺依然不精。吉长地区所出土的石刀贯穿了整个西团山文化，该地区的石刀磨制精细，器形规整，刀身较长且多具有穿孔。置于黑龙江地区的石刀，主要出土于牡丹江地区的东康遗址与大城子遗址，其中东康遗址所发现的靴形石刀更是独具特色，为本地区所独有，该地区的石刀由于出现相对较晚，所以磨制工艺相对成熟，刀身穿孔非常常见，但出土物多保存较差难以复原。

四、结语

通过对前人的研究加一总结与反思，本文对中国东北地区新石器时代至青铜时代期间的石刀进行了分类，总结出以下几点认识：

一、东北地区石刀的起源可追溯到红山文化时期，此时期流行有长方形及桂叶形的石刀，梯形的石刀也有发现，但是对于早于红山文化的考古学文化，石刀则罕有发现，此时期的考古学文化中可能多以小石片、刮削器等替代石刀的作用。

二、东北地区所出土的石刀形制较少，除黑龙江东康遗址所特有的靴形石刀外，主要石刀形制为桂叶形、长方形、梯形及半月形等，但是出土器物数量相对较多。通过

对石刀出土时间及其形制的分析, 可以一定程度上了解到当时石刀工艺的演化过程。

三、出土于东北地区的石刀不乏有许多的有柄石刀, 对于石刀安柄的用途及起源亦是值得研究的一大课题。

Neolithic Lithic Knives on the Northeastern China

Чжан Юнин

В первобытном обществе каменные орудия были основными инструментами производства у людей. В Северо-Восточном Китае каменный нож – очень распространенный инструмент, он сыграл важную роль в древней человеческой жизни в Северо-Восточном Китае. В этой статье рассматриваются каменные ножи, раскопанные на северо-востоке Китая и охватывающие период от неолита до бронзового века, а также кратко анализируются и сравниваются их общие формы.

Ключевые слова: Северо-Восточный Китай, неолит, бронзовый век, орудия, каменный нож.

Neolithic Lithic Knives on the Northeastern China

Zhang Yuning

In primitive society, lithic tools were the main type of tools. In Northeast China, a lithic knife is a very common tool; it played an important role in ancient human life in Northeast China. In this article, lithic knives excavated from the Neolithic to the Bronze Age in Northeast China are considered as an introduction, and their general forms are briefly analyzed and compared.

Keywords: Northeastern China, Neolithic, Bronze Age, tools, lithic knife.

Чжан Юнин

студент
Хэйлунцзянский университет
e-mail: eternalwind178@vip.qq.com

Zhang Yuning

Student
Heilongjiang University
e-mail: 1945522922@qq.com

УДК 902

Предварительное изучение орнаментации расписной керамики культуры шацзин

Чжоу Минь

Хэйлунцзянский университет, Харбин, провинция Хэйлунцзян, Китай

沙井文化彩陶纹饰浅识

摘要

沙井文化是甘肃地区年代最晚的含有彩陶的古文化, 其遗址中出土的彩陶数量虽然不多, 但有其独特的文化面貌, 彩陶纹饰也是别具一格。尤其是典型的鸟纹和倒三角纹, 生动自然, 是当时沙井居民生活环境的真实写照。本篇论文将就沙井文化彩陶纹饰的研究, 来探讨其纹饰渊源以及纹饰所表现的沙井居民的社会生活和文化面貌。

关键词

沙井文化; 彩陶纹饰; 三角纹; 鸟纹

沙井文化是甘肃彩陶文化的最晚者, 自此之后中国西北陶器逐渐消隐于历史长河。因而, 沙井文化彩陶被称为“陶器时代的回光返照”。其彩陶纹饰以鸟纹和三角纹见长, 所绘的天鹅、大雁等水鸟形象, 姿态优美, 灵动传神。笔者将在前人研究的基础上, 加以探讨沙井文化的彩陶纹饰。

一、沙井文化简要概述

沙井文化因在甘肃省民勤县沙井村首先发现而得名, 是安特生于 1923 年赴河西走廊进行考察时所发现。基本分布在张掖、民勤、金昌、永昌等地区, 集中分布于民勤绿洲和永昌盆地之间。相对年代上, 根据遗迹现象和出土遗物, 可判断它属于甘肃河西走廊诸史前文化之最晚者。经碳 14 年代测定, 其绝对年代为公元前 900 前 409 年之间, 相当于中原地区西周至春秋晚期(少数遗存可晚至战国中期)。有三角城, 蛤蟆墩, 西岗、柴湾等重要遗址。遗址类型丰富多样, 现已发现聚落遗址、城堡废墟、墓葬、居住址等。出土一批批陶器、石器、金属器、木器和骨角器等遗物, 另有皮革制品和毛纺织制品。其中, 沙井文化的经济形态以畜牧业为主, 兼营农业和制陶业、冶铜业等手工业¹。

二、沙井文化陶器概况

沙井文化中陶器的出土数量较多, 以实用器物为主。陶器多为夹砂陶, 其中普遍夹带一种名为蛭石的矿物质,

该矿石受热膨胀, 并且能发出类似云母的金色光泽, 是当地陶土所特有的矿物质。陶色以红、褐色为主。均为手制, 工艺较粗糙。陶胎普遍较厚。素面陶为主, 也有装饰纹样, 常见纹样有附加堆纹、划纹、绳纹、弦纹和乳钉纹等。流行施紫红色陶衣。而彩陶全为红彩。主要纹饰为动物纹和几何纹, 其中, 又以鸟纹和三角纹见长。沙井文化中陶器类型较少, 较为简单, 以平底器为主, 三足器次之, 少量圈足器和圆形器。器型主要为罐、壶、瓶、杯、豆等日常生活用器。虽然沙井文化中彩陶数量不多, 但是具有独特的图案风格。从一定程度上来说, 沙井文化的彩陶文化是甘青地区诸史前文化中彩陶的“回光返照”。

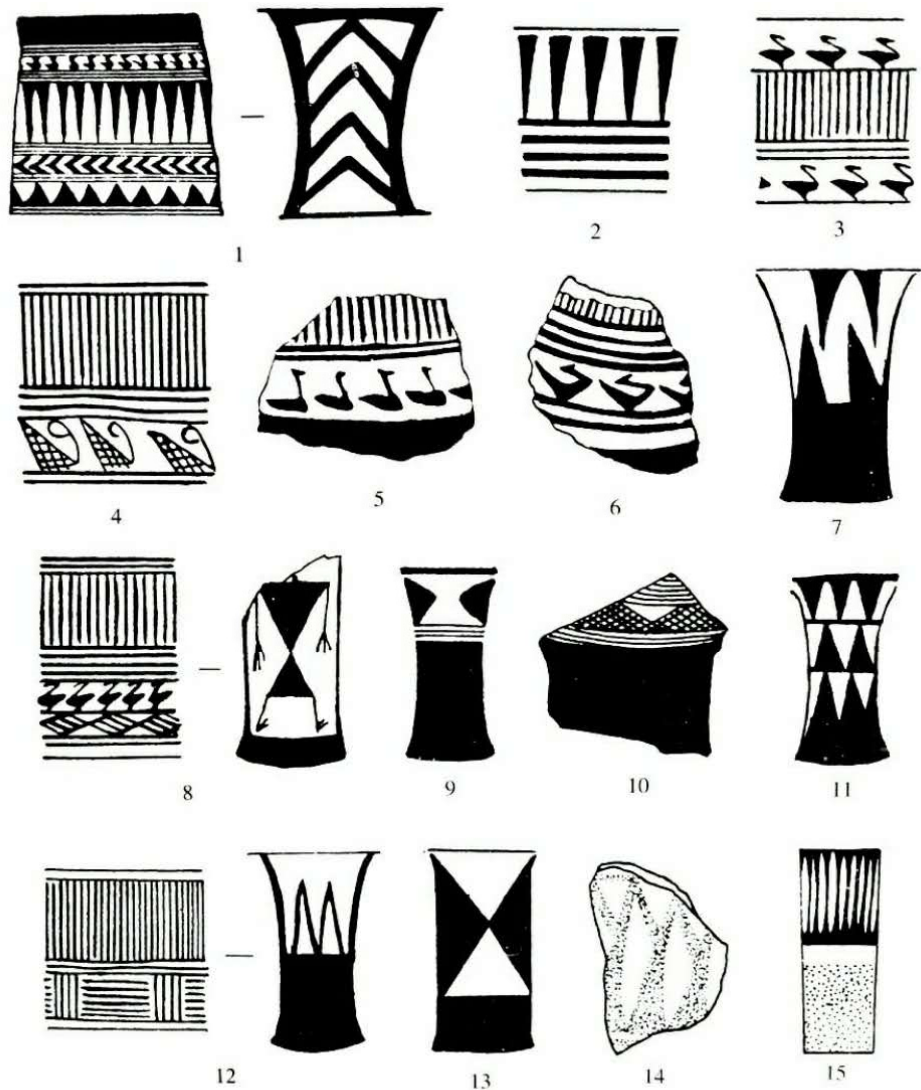
三、彩陶纹饰的研究和比较

(一) 彩陶纹饰

沙井文化的彩陶纹饰图案中, 主要有几何形纹、动物纹和少量人形纹。大体上可分为两类, 一类为几何纹, 另一类为动物纹和几何纹的相搭配的组合纹饰, 其中主要是鸟纹和几何纹组成的花纹带。几何形纹以连续排列的尖长三角纹(又称垂针纹)最为常见(图一), 这些三角纹变化多样, 同时以横竖短线, 网格纹, 水波纹等组成宽幅花纹带; 动物纹主要是表现不同种属不同形态的鸟禽类花纹(图一), 而动物纹饰中的鸟纹(天鹅、大雁、鹤、鹳和野鸭类等)是沙井文化最典型的彩陶花纹, 多是写实花纹, 生动自然, 逼真传神。人形纹发现极少, 但基本是表现全身像, 四肢俱全, 形象夸张²。

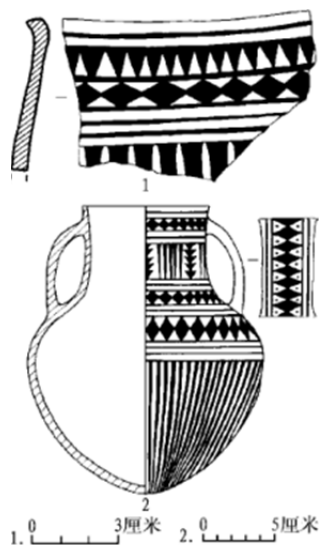
¹ 甘肃省博物馆. 《甘肃古文化遗存》[J]. 《考古学报》. 1960 年第 2 期.

² 李水城. 《沙井文化研究》[M]. 北京大学出版社, 1994 年.

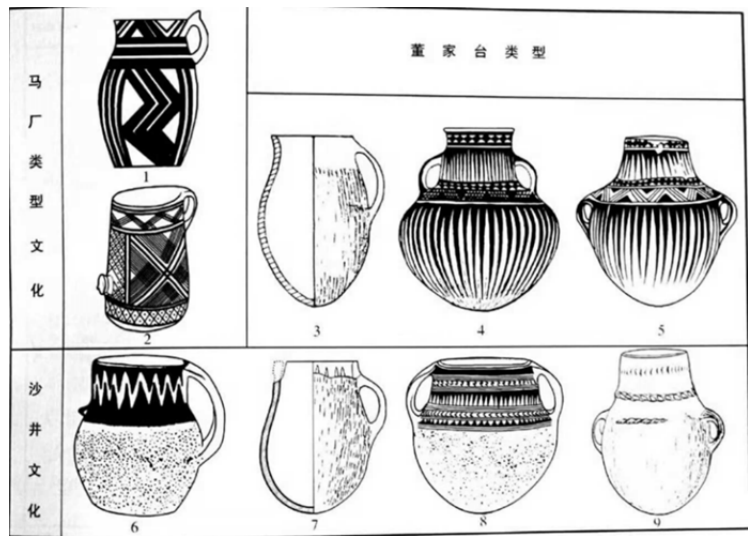

沙井文化彩陶图案

1. 双耳圜底罐 (K5598) 2. 单耳杯 (K5590) 3. 单耳杯 (K5602) 4. 单耳罐 (K2349:151) 5. 彩陶片 (沙井东墓地) 6. 彩陶片 (沙井) 7. 单耳杯 (K5603) 8. 单耳杯 (K3209) 9. 单耳杯 (K5468) 10. 彩陶片 (民勤三角城采) 11. 单耳杯 (K5471) 12. 单耳杯 (K6209) 13. 单耳杯 (K5591) 14. 彩陶片 (金昌三角城采) 15. 单耳杯 (甘博藏)

图二 董家台类型彩陶器

图三 沙井文化和董家台类型彩陶纹饰对比

图一 沙井文化彩陶图案

可以推测, 这些图案纹饰与当时沙井居民所处的地理环境有着密切联系。

根据发掘报告可知, 沙井文化的遗址主要分布在石羊河、金川河下游沿岸和湖沼沿岸的绿洲(均在民勤、金昌、永昌三县市境内), 这些是典型的沙漠绿洲, 属大陆性干燥气候区³。而民勤的地理研究显示, 来自祁连山东段的大河流在民勤县南部汇成为古石羊河, 再向北流, 注入民勤盆地, 盆地西南部则是古金川河。古石羊河和古金川河的汇流使民勤盆地形成了内陆湖, 湖岸因河流的冲击形成广袤的冲击平原和滨湖三角洲, 进而演变成水草丰美的大片绿洲。到了战国时期则形成了沼泽平原和绿洲⁴。而民勤位于祁连山北麓, 地处石羊河流域冲积扇前缘, 地势辽阔, 自西南向东北缓倾。与之相验证的是, 曾在遗址中出土过贝壳等水域遗物。

而在沙井文化的彩陶中发现有大量的水波纹和鸟类纹, 如天鹅, 大雁, 鹤鹑类, 野鸭类, 大多是在水边繁衍生存的鸟禽。它们有的遨游于湖面之上, 有的站立在岸边的芦苇丛中, 或小憩, 或戏耍, 姿态优美, 灵动传神, 生动写实。不难看出, 得天独厚的地理环境为沙井居民提供了这种艺术创作的灵感, 也侧面印证了当时沙井居民与这些鸟禽共同生活在水肥草美的绿洲之上。而沙井居民将这些图案刻印在日常的使用陶器上, 或许表现了他们对天地自然的一种喜爱和尊崇, 也显示出其浓厚的北方草原文化

沙井文化的经济形态以畜牧为主(有牛, 羊和马), 兼营农业(从事农业生产, 还种植一些经济作物)和狩猎业。他们长期环湖放牧, 有着相对稳定的生活环境。根据沙井居民的生活环境可推测, 鸟纹是对鸟禽的写实, 水波纹是对河湖的描绘, 那么其中大量出现的各种变形三角纹或许是山和草或者是种植物的变体。奇怪的是当时沙井居民已经是畜牧为主, 但是彩陶的纹饰上并未出现一些牛, 马, 羊等动物的身影。这也是值得思考的一点。

(二) 与董家台类型彩陶纹饰的比较

20世纪50年代, 在甘肃天祝董家台遗址发现一种以圆底, 双耳彩陶罐和单耳绳纹尖圆底罐为特征的遗存, 最初被归入沙井文化。随着新资料的陆续发现, 以李水城先生为代表的学者认为以董家台遗址为代表的遗存应属于一种新的文化类型, 即“董家台类型”。董家台类型的分布东自天水, 西至民勤。根据甘谷毛家坪遗址的层位关系, 可证实其相对年代在齐家文化至西周之间。主要有有芨芨槽和四墩村以及土坝村等遗址。

在芨芨槽遗址中发现一件彩陶片(图二), 为夹砂灰褐陶。施黄白色陶衣, 绘棕红彩。口沿向下依次绘横条带、锯齿条带、菱格条带、横条带纹和流苏状下垂的长条三角纹。在四墩村遗址, 发现少量董家台彩陶, 其中一件彩陶罐(图二)通体绘紫红彩。口沿下依次绘有横条带、连续菱格、竖条带间以倒三角瓣状纹; 肩部绘两组连续菱格条带, 腹部绘竖列流苏状长条三角纹; 耳绘竖列菱形纹, 空白处填以卵点。在土坝村遗址也曾出土少量董家台文化彩陶⁵。这批陶器数量较少但形态独特, 特别是彩陶花纹新颖别致。董家台类型的彩陶纹饰图案风格与沙井文化彩陶极为相似(图三), 尤其是倒三角纹和垂针纹的运用, 而且彩陶的形制上也具有相似之处。相对年代上, 董家台类型要稍早于沙井文化, 地理位置上, 两者的遗址分布位置也非常接近, 部分重合, 文化整体上具有一些共同的特征, 不难看出, 董家台类型和沙井文化应存在密切联系。同时, 齐家文化中圆底类彩陶的质地、形态与董家台类型有相似之处, 且两者年代相近, 分布范围有重叠, 不排除两者有一定的渊源。以李水城先生为代表的学者认为董家台类型可能源于齐家文化而又影响了沙井文化, 沙井文化早期的彩陶带有董家台类型的陶器遗风。但目前关于董家台类型这个文化概念尚且不成熟, 有待研究。

四、小结

综上所述, 沙井文化的彩陶纹饰有其独特之处, 有相当一部分文化因素来源于当地的土著文化。同时又受到稍早一些的董家台类型的影响。沙井文化和董家台类型的年代和地理位置相近, 但关于两者是否属于同一种文化仍有争议。目前关于董家台这支文化了解有限, 尚不明确。同时, 裴文中先生认为沙井彩陶可能还受到马场类型的影响⁶, 但是两者时间相差较大, 因而有待考古新发现补充。

沙井文化具有个性鲜明、地域界线明确、文化成份单纯的特点。沙井文化彩陶纹饰具有浓郁的北方草原文化特征, 具有高度的写实性和艺术性, 新颖别致, 充分显示出沙井文化彩陶的独特风韵。这与沙井居民生存的地理环境密切相关, 即典型的沙漠绿洲, 水草丰美, 长期环湖放牧。其独特的动物纹和三角纹或许代表了沙井先民对自然的尊崇和向往, 不仅是他们生活的真实写照, 也是这一地区古环境的真实记录。沙井文化是甘肃年代最晚的含有彩陶的古文化, 是中国西北彩陶文化的最后阶段。最后随着西去的驼铃声消失在沙漠戈壁之中。到此为止, 甘肃彩陶文化便画上了句号。

Предварительное изучение орнамента расписной керамики культуры шацзин

Чжоу Минь

Культура шацзин – наиболее поздняя среди древних культур расписной керамики провинции Ганьсу. Хотя на памятниках культуры шацзин обнаружено сравнительно небольшое количество расписной керамики, однако ее своеобразная орнаментация является одной из ярких отличительных черт данной культуры. Наиболее типичными являются орнитоморфный орнамент и узор в виде треугольников. Орнаментация живая и естественная, она представляет собой реалистическое отображение условий жизни носителей культуры шацзин. В статье представлено исследование происхождения орнаментов расписной керамики культуры шацзин, а также особенностей культурного своеобразия и социальной жизни носителей этой культуры, которые нашли отражение в орнаментации керамических сосудов.

Ключевые слова: культура шацзин, крашенная керамика, орнамент в виде треугольников, орнитоморфный орнамент.

Preliminary Study of the Ornamentation of Painted Pottery of the Shajing Culture

Zhou Min

Shajing culture is the latest among the ancient cultures of painted ceramics in Gansu province. Although a relatively small amount of painted ceramics was found on the Shajin cultural sites, its peculiar ornamentation is one of the distinctive features of this culture. The most typical are ornithomorphic ornaments and triangles. The ornamentation is lively and natural; it is a realistic reflection of the living conditions of the carriers of the Shajing culture. This article presents a study of the origin of ornaments of painted ceramics of the Shajing culture, as well as the characteristics of the cultural identity and social life of the carriers of this culture, which are reflected in the ornamentation of ceramic vessels.

Keywords: Shajin culture, painted ceramics, triangular ornament, ornithomorphic ornament.

³ 周飞飞. 民勤县历史文化遗迹的调查与研究[D]. 兰州大学, 2012.

⁴ 冯绳武. 《民勤绿洲的水系演变》. 《地理学报》第29期第三卷. 1963年.

⁵ 甘肃省文物考古研究所, 北京大学考古学系《河西走廊史前考古调查报告》[M]. 文物出版社.

⁶ 裴文中. 《中国西北甘肃河西走廊和青海地区的考古调查》[M]. 《裴文中史前考古学论文集》. 文物出版社, 1987年.

УДК 902

Сасанидские серебряные монеты, найденные в Синьцзяне

Чен Дуду

Хэйлунцзянский университет, Харбин, провинция Хэйлунцзян, Китай

新疆境内出土的萨珊银币

摘要

萨珊王朝地处古代丝绸之路要冲,在沟通东西方贸易以及文化交流等方面扮演了重要角色。萨珊银币作为萨珊王朝的法定货币,不仅见证了萨珊兴衰的历程,也在东西方经济文化交流中起着举足轻重的作用。其中流入新疆的一部分萨珊银币,则使古代中国与西方的交流得到了非常充分的体现。

关键词:萨珊银币;新疆;魏晋隋唐时期;东西方交流

1. 绪论

1.1 萨珊王朝概况

萨珊王朝是继阿赫门尼德、帕提亚之后建立的第三个波斯王朝。公元 224 年,帕提亚王朝的封君阿尔达希尔推翻帕提亚,建立萨珊(224—651),都泰西封。当时萨珊王朝与中亚至印度的贵霜王朝、欧洲的罗马帝国并立,三国雄霸欧亚。萨珊王朝在最强盛时,曾多次威胁毗邻的贵霜王朝及东罗马帝国,后由于王朝连续两位国王被刺杀以及阿拉伯帝国的兴起而覆灭。

1.2 古代中国与萨珊波斯的交往

萨珊波斯自沙普尔二世(310 年)起,与外界的交往才较为频繁。西方商人很有可能在这个时期取道阿富汗前往中国贸易¹,但由于当时中原战乱,史籍中并无相关记载。

在嚧哒统治中亚期间(455-521 年),萨珊曾向北魏遣使十余次²。至北周、北齐时期,在西突厥管辖下的中亚,粟特人承担了萨珊波斯与中国贸易的中间人角色。

隋唐时期,萨珊波斯与中国的往来更加频繁。《隋书·西域传》提到时任波斯王库萨和(库思老二世)曾与隋炀帝互派使节³,两唐书又说末代国王伊嗣埃(伊斯提泽德三世)于贞观年间、其子卑路斯于永徽年间先后遣使向中国求援共抗大食⁴。

1.3 萨珊王朝的货币概况

《史记·大宛列传》中提到安息国“以银为钱,钱如其王面。王死,辄更钱效王面”⁵,是古代中国首次对波斯银币的记载。

结合目前境内外考古发现可知,萨珊王朝继承了安息王朝的货币体系,圆而无孔,系打制而成,分金、银、铜三品。金币在占领贵霜后才开始铸造,多用于宫廷赏赐。铜币为辅币,流通则以银币为主。

除在萨珊时期、波斯本土铸造的银币外,有一部分银币并非在萨珊时期或波斯本土铸造,可称之为萨珊银币的

仿制品。在中国境内发现的仿制品有三类,包括嚧哒仿制币、阿拉伯-萨珊仿制币和泰伯里斯坦仿制币⁶。这些仿制品也在本文研究范围之内。

2. 新疆境内出土的萨珊银币

2.1 发现

萨珊银币曾在高昌故城⁷、阿斯塔那-哈拉和卓古墓群⁸、乌恰县⁹大量出土,焉耆¹⁰、库车¹¹、叶城¹²等地也有零星发现。

2.1.1 吐鲁番

高昌故城内曾多次发现萨珊银币窖藏,距城址不远且属同一时代的阿斯塔那-哈拉和卓古墓群也有几处较大的墓葬出土萨珊银币。

(1) 高昌故城窖藏

高昌窖藏的埋藏年代为十六国后凉至高昌国间,先后共发现 3 处。第三处窖藏内的银币最多,有 100 余枚,另两处分别发现 10 和 20 枚。这些银币均有很明显的集中堆放痕迹。

三处窖藏内的萨珊银币年代均较早,包括沙普尔二世、阿尔达希尔二世和沙普尔三世的银德拉克姆,且这三位萨珊王的银币构成比例也相似。每个窖藏都以沙普尔二世和阿尔达希尔二世为主,二者占总数的 90% 左右,各自所占比例相差很小,沙普尔三世只占一小部分。这表明窖藏的埋藏年代与沙普尔三世的统治时代(383—388 年)很接近。这些银币大都保存完好,没有太大磨损。另两枚在城址地面上找到的银币均属阿尔达希尔二世,时代可能与三处窖藏基本相同。

(2) 阿斯塔那-哈拉和卓古墓群

目前该墓群共有 25 座墓葬出土萨珊银币,共 28 枚。以库思老二世最多,有 17 枚,伊斯提泽德三世有 3 枚,卑路斯、荷米斯德四世及布伦女王各一枚,其余 4 枚情况不明。这些银币与高昌窖藏银币相比时代偏晚,且银币出土时磨损严重,应经过了长期使用。出土银币的墓葬年代集中在 7 世纪,个别在 8 世纪初。

(3) 雅尔湖墓地、巴旦木墓地

⁶ 王永生著.新疆历史货币 东西方货币文化交融的历史考察[M].北京:中华书局,2007.513.

⁷ (英)奥雷尔·斯坦因原著;巫新华,秦立彦,龚国强,艾力江译.亚洲腹地考古图记[M].桂林:广西师范大学出版社,2004.夏鼎.综述中国出土的波斯萨珊朝银币[J].考古学报,1974(01):91-110+192-193.

⁸ (英)奥雷尔·斯坦因原著;巫新华,秦立彦,龚国强,艾力江译.亚洲腹地考古图记[M].桂林:广西师范大学出版社,2004.新疆文物考古研究所编著.吐鲁番阿斯塔那-哈拉和卓墓地[M].北京:文物出版社,2017.

⁹ 李遇春.新疆乌恰县发现金条和大批波斯银币[J].考古,1959(09):482-483.

¹⁰ 韩翔.焉耆国都、焉耆都督府治所与焉耆镇城——博格达沁古城调查[J].文物,1982(04):8-12+97.

¹¹ 黄文弼著,中国科学院考古研究所编.考古学特刊 第三号.塔里木盆地考古记[M].北京:科学出版社,1958.28,110.

¹² 王海仑,张楠.斯坦因从新疆地区搜集的钱币[J].西域研究,1997(03):43-49.

¹ 康柳硕.中国境内出土发现的波斯萨珊银币[C].中国钱币学会.中国钱币学会丝绸之路货币研讨会专刊.中国钱币学会.中国钱币学会,2004:69-83.

² (北齐)魏收撰.魏书 卷一〇二 西域传[M].北京:中华书局,1974.2270.

³ (唐)魏征等撰.隋书 西域传[M].北京:中华书局,1973.

⁴ (后晋)刘昫等撰.旧唐书 卷一百九十八 西域传[M].北京:中华书局,1997.(宋)欧阳修,宋祁撰.新唐书 西域传下[M].北京:中华书局,1975.

⁵ (西汉)司马迁撰.史记 卷一二三 大宛列传[M].北京:中华书局,1959.3162.

交河故城附近的雅尔湖墓地曾出土 3 枚萨珊银币,均属库思老二世,埋藏年代约在 7 世纪¹;在高昌故城以南的巴旦木墓地发现 1 枚布伦女王银币,埋藏时代不详²。

2.1.2 乌恰

1959 年 5 月,在克孜勒苏柯尔克孜自治州乌恰县以西的深山中,于山底部一石墩缝隙中发现大量银币和金条。本次出土萨珊银币共 947 枚,其中完整的 878 枚,残破的 63 枚,清理路基时又出土 6 枚。包括库思老二世 567 枚、库思老一世 2 枚、倭马亚王朝的阿拉伯-萨珊仿制币 281 枚,余 97 枚不明王属。

2.2 基本特征

萨珊银币借用了希腊的货币单位“德拉克姆”,平均每枚重 4 克左右。银币正面为国王半身像,一般为右侧像(少数向左,极少数为正面像,均未在中国境内发现),胡须、发髻和服饰均为波斯式。头戴皇冠,各代王皇冠的装饰各不相同,冠后缀飘带。王像旁为巴列维字母拼写的波斯文,外缘为圆点连成的圈,一般为一圈,后出现两圈³。背面正中为琐罗亚斯德教祭坛,坛中有圣火。祭坛两侧为波斯文“某王之火”字样铭文,沙普尔一世后,祭坛两侧各立一人(祭司与国王)⁴。一般情况下每王仅打造一种银币,少数国王(阿尔达希尔一世、卑路斯)的银币有两种形式⁵。总体来说,萨珊银币抛弃了安息的钱币风格,显示出波斯传统文化的复兴,在古钱学中称为“萨珊式”。

2.3 分期

根据目前所知的资料,可将新疆境内出土的萨珊银币按照萨珊王次序,作如下分期。

2.4 分类

就新疆境内发现的萨珊银币的形式而言,可根据银币背面的火焰形式与铭文的繁简将其分为两类。

第一类:银币背面火焰呈上升条状,如沙普尔二世、阿尔达希尔二世、沙普尔三世的银币。此类银币中,祭坛的火焰中偶尔出现马兹达,祭师形象比较生动,易于辨认,萨珊王所戴王冠为雉堞冠或帽形冠。铭文比较繁缛,正面为“MZDISN、BGI(左)、王名(右)”,背面祭坛中心柱上为“RAST”、“ST”、“AST”、“RA”或“RAS”等字样。

第二类:银币背面火焰呈点阵状分布,伊斯提泽德二世以后的银币均为该种形式。火焰中无马兹达半身像,祭师的形象越来越难以辨认,直至演变为轮廓,萨珊王所戴王冠基本为复合冠。铭文较简略,正面为“KDI,王名”,背面左侧为铸造年代,右侧为铸造地点。

3. 新疆境内出土萨珊银币的功能

3.1 流通

阿斯塔那-哈拉和卓古墓群发现的萨珊银币,出土时磨损得很严重,有明显使用痕迹,这表明银币在被埋藏前是一种经常被转手使用的物件。同时,墓葬中的文书提到了当地曾以一种银钱为通货⁶。而乌恰县窖藏中出土的银币,则可能是西域商人途中遇险而临时掩埋的。可见,银币与文书记载的同时出现并非巧合,这反映萨珊银币作为一种外国货币,在中国新疆确实充当了货币的职能。

3.2 随葬

在阿斯塔那-哈拉和卓古墓群中,萨珊银币通常被放置在死者口中,也有少数放在死者眼脸上,因而每座墓葬仅出土一两枚银币,最多不超过三枚,雅尔湖墓地出土的三枚萨珊银币也均置于墓主口中。将银币放入死者口中随葬,是当时高昌地区最主要的葬俗。该墓群出土萨珊银币的 25 座墓葬中,有 17 座存在口含银币的现象。

这些墓葬的墓主多为汉人,因而口含钱币的现象应是中原传统习俗。尽管他们含的是萨珊银币而非中国传统的铜钱,或许是由于该地区以萨珊银币为主要通货。在唐朝加强对高昌地区的管控后,口含银币的现象也随之绝迹。

3.3 收藏

高昌故城窖藏中出土的银币保存较好,基本没有磨损,表明它们未经使用就已被埋藏。虽然文献记载南北朝时期西域就有使用金银钱的现象,但高昌故城窖藏的银币并不作为流通货币。4 世纪末至 5 世纪的高昌文书中,经常提到以纺织品作为等价物交换,但未发现任何提到使用银钱的记载⁷,因此高昌故城窖藏的银币作为收藏品使用的可能性较大。

3.4 装饰

作为装饰品的萨珊银币在新疆境内仅有两例,发现于阿斯塔那-哈拉和卓古墓群,均置于死者口中,并穿双孔,其中一枚有鎏金,显然是缝缀在衣物上作为装饰。

4 余论

4.1 萨珊银币传入中国的时代与路径

最早有明确埋藏纪年的是发现于河北定州的 41 枚银币,埋藏于公元 481 年⁸;此外,在高昌故城窖藏也发现了埋藏于 4 世纪末至 5 世纪初的银币⁹。

有确定埋藏时间的最晚的银币是在阿斯塔那-哈拉和卓古墓群中发现的 1 枚伊斯提泽德三世银币,约埋藏于公元 710 年¹⁰。据此可知,萨珊银币在中国流传的时代为 4 世纪至 8 世纪初。

根据中国境内各地出土萨珊银币地点的分布,再结合各地银币的埋藏年代,可大致勾勒出萨珊银币传入中国的路径。

图 1 萨珊银币传入中国路线示意图¹¹

4.2 萨珊银币所见丝绸之路东西方文化的交流与融合

从货币体系的源流来说,古代希腊代表西方货币体系,古代中国代表东方货币体系。公元前三世纪,马其顿国王亚历山大东征,在西亚、中亚以及印度建立了许多希腊化城邦,将希腊货币体系扩散至西亚、中亚地区。萨珊钱币虽然体现了波斯本土文化,但钱币上的国王头像受罗马货币体系风格的影响,而其重量和单位则继承了希腊货币体系的特征。

从丝绸之路的历史来看,政治、经济、军事发达的大国都会对丝绸之路沿线国家产生重要影响。在经济方面,小国往往依赖大国。丝绸之路沿线大国铸造发行的钱币中,包括波斯萨珊银币在内的一系列货币,不但对其周边国家具有重要影响,而且都是具有国际性质的货币,在某一历史时期和某一大区域流通使用。

北朝至隋唐时期中国西北地区使用金银钱,历史学家和钱币学家均认为金钱指拜占庭金币、银钱指萨珊银币。从出土实物来看,拜占庭金币、萨珊银币大多磨损较重,图像和铭文均难以辨认,这正可以证明金银币在流通中的频繁使用。伴随古代沟通东西方文化交流的丝绸之路贸易的广

¹ 黄文弼著,中国科学院考古研究所编.考古学特刊 第三号 吐鲁番考古记[M].中国科学院,1954.49.

² 钱伯泉.吐鲁番发现的萨珊银币及其在高昌王国的物价比值[J].西域研究,2006(01):29-37+119-120.

³ 孙莉.中国出土萨珊银币的形式特征与时、空分布[C].中国钱币学会.中国钱币学会丝绸之路货币研讨会专刊.中国钱币学会.中国钱币学会,2004:64-68.

⁴ 康柳硕.中国境内出土发现的波斯萨珊银币[C].中国钱币学会.中国钱币学会丝绸之路货币研讨会专刊.中国钱币学会.中国钱币学会,2004:69-83.

⁵ 王永生著.新疆历史货币 东西方货币文化交融的历史考察[M].北京:中华书局,2007.512.

⁶ 卢向前著.敦煌吐鲁番文书论稿[M].南昌:江西人民出版社,1992.姜伯勤著.敦煌吐鲁番文书与丝绸之路[M].北京:文物出版社,1994.

⁷ 卢向前著.敦煌吐鲁番文书论稿[M].南昌:江西人民出版社,1992.248.

⁸ 刘来成.河北定县出土北魏石函[J].考古,1966(05):268-275+311-313.夏鼐.

河北定县塔基舍利函中波斯萨珊朝银币[J].考古,1966(05):283-286+312.

⁹ 夏鼐.综述中国出土的波斯萨珊朝银币[J].考古学报,1974(01):91-110+192-193.

¹⁰ 新疆文物考古研究所编著.吐鲁番阿斯塔那-哈拉和卓墓地[M].北京:文物出版社,2017.

¹¹ 胡淼.中国境内出土的西方金银器与金银币初探[D].首都师范大学,2014.

泛开展，文化的交流与融合得以全方位地进行，这种交流与融合则在萨珊银币以及丝绸之路沿线流通的其他各种货币上得到充分体现。

参考文献

(1) 专著

- [1]黄文弼著.中国科学院考古研究所编.考古学特刊 第二号 高昌专集[M].中国科学院.1951.
 [2]黄文弼著.中国科学院考古研究所编.考古学特刊 第三号 吐鲁番考古记[M].中国科学院.1954.
 [3]黄文弼著.中国科学院考古研究所编.考古学特刊 第三号 塔里木盆地考古记[M].中国科学院.1958.
 [4]（英）奥雷尔·斯坦因原著；巫新华，秦立彦，龚国强，艾力江译.亚洲腹地考古图记[M].桂林：广西师范大学出版社.2004.
 [5]李铁生编著.古波斯币(阿契美尼德 帕提亚 萨珊)[M].北京：北京出版社.2006.

- [6]王永生著.新疆历史货币 东西方货币文化交融的历史考察[M].北京：中华书局.2007.
 [7]王永生著.钱币与西域历史研究[M].北京：中华书局.2011.
 [8]新疆文物考古研究所编著.吐鲁番阿斯塔那-哈拉和卓墓地[M].北京：文物出版社.2017.

- [9]（英）大卫·塞尔伍德，（英）菲利普·惠廷，（英）理查德·威廉姆斯著.萨珊王朝货币史[M].北京：中国金融出版社.2019.

(2) 论文集

- [1]黄文弼著,黄烈编.西域史地考古论集[M].北京：商务印书馆.2017.

(3) 期刊论文

- [1]夏鼎.综述中国出土的波斯萨珊银币[J].考古学报,1974(01):91-110+192-193.
 [2]李锦绣.从漠北到河东:萨珊银币与草原丝绸之路[J].青海民族研究,2018,29(01):106-111.

地点	王属	数量	埋藏时代
高昌故城	沙普尔二世	57	4世纪末至5世纪
	阿尔达希尔二世	64	
	沙普尔三世	16	
	不详	1	
阿斯塔那-哈拉和卓墓地	卑路斯	1	7世纪中叶
	扎马斯普	1	
	霍尔木兹四世	1	
	科斯洛埃斯二世	15	
	布伦女王	1	
	耶兹格尔德三世	3	
	不详	4	
乌恰县深山	科斯洛埃斯一世	2	约7世纪后半叶
	科斯洛埃斯二世	567	
	倭马亚王朝	281	
	阿拉伯-萨珊仿制币	281	
	不详	97	
雅尔湖墓地	科斯洛埃斯二世	3	约7世纪
巴旦木墓地	布伦女王	1	不详
博格达沁故城	不详	1	不详
苏巴什古城	科斯洛埃斯二世	1	约8世纪

(4) 会议论文

[1]康柳硕.从中国境内出土发现的古代外国钱币看丝绸之路东西方钱币文化的交流与融合[C].甘肃省钱币学会.第二届西北五省区钱币学会协作会议专辑.甘肃省钱币学会.甘肃省钱币学会,2002:11-20.

[2]孙莉.中国出土萨珊银币的形式特征与时空分布[C].中国钱币学会.中国钱币学会丝绸之路货币研讨会专刊.中国钱币学会.中国钱币学会,2004:64-68.

[3]康柳硕.中国境内出土发现的波斯萨珊银币[C].中国钱币学会.中国钱币学会丝绸之路货币研讨会专刊.中国钱币学会.中国钱币学会,2004:69-83.

[4]石刚.波斯萨珊王朝钱币略述[C].中国钱币学会.中国钱币学会丝绸之路货币研讨会专刊.中国钱币学会.中国钱币学会,2004:131-142.

[5]王义康.萨珊银币的东输与唐代突厥等内附诸族[C].中国唐史学会、西南大学历史文化学院.唐史论丛(第十二辑)——中国唐史学会第十届年会第二次会议暨唐史国际学术研讨会专集.中国唐史学会、西南大学历史文化学院.中国唐史学会,2009:383-393.

(5) 学位论文

[1]叶锋.萨珊朝波斯与唐朝和大食政治关系研究[D].浙江师范大学,2007.

[2]郭丽娜.北朝与萨珊王朝的经济文化交流[D].山西大学,2011.

[3]胡森.中国境内出土的西方金银器与金银币初探[D].首都师范大学,2014.

Сасанидские серебряные монеты, найденные в Синьцзяне

Чен Дуду

Династия Сасанидов находилась в центре древнего Шелкового пути и играла важную роль в общении между Востоком и Западом, а также в культурном обмене. Серебряные монеты династии Сасанидов как законная валюта династии Сасанидов не только стали свидетелем упадка страны, но и сыграли важную роль в экономическом и культурном обмене между Востоком и Западом. Часть китайских серебряных монет, поступающих в Синьцзян, полностью воплощает в себе обмены между древним Китаем и Западом. Выделяется 2 типа серебряных монет в соответствии с формой пламени и сложностью надписи. Большое количество монет династии Сасанидов было зафиксировано в погребениях, их располагали во рту умершего и на глазницах. Использование монет в качестве украшений очень редко. В Китае использовались серебряные монеты династии Сасанидов с 4 в. до начала 8 в.

Ключевые слова: сасанидские серебряные монеты, Синьцзян, Средневековый Китай, восточные и западные обмены.

Sassanid Silver Coins found in Xinjiang

Chen Doudou

The Sassanid Empire was located in the ancient Silk Road, in the communication of East-West trade and cultural exchange. Played an important role. Sassanid silver coins as the Sassanid legal tender, not only witnessed the rise and fall of Sassanid. It also plays an important role in the economic and cultural exchanges between East and West. One of them flows into Xinjiang. The exchange between ancient China and the West is very fully reflected. 2 types of silver coins are allocated according to the shape of the flame and the complexity of the inscription. A large number of coins of the Sassanid dynasty were recorded in burials, they were placed in the mouth of the deceased and on the eye sockets. The use of coins as jewelry is very rare. In China, silver coins of the Sassanid dynasty were used from the 4th century to the beginning of the 8th century.

Keywords: Sassanid silver coins; Xinjiang; Wei and Jin Sui and Tang dynasties; East-West exchanges.

Чен Дуду

студент
Хэйлунцзянский университет
e-mail: 1945522922@qq.com

Chen Doudou

Student
Heilongjiang University
e-mail: 1945522922@qq.com

УДК 902

Татуировки со звериными мотивами в пазырыкской культуре

Ши Ханда

Хэйлунцзянский университет, Харбин, провинция Хэйлунцзян, Китай

巴泽雷克文化动物纹饰的研究

施汉达

黑龙江大学本科二年级

摘要: 巴泽雷克文化是一支分布于俄罗斯萨彦—阿尔泰山脉的早期铁器时代文化, 该文化经过多次发掘, 广泛出土带动物纹饰的器物, 还发现了带有特殊纹身的墓主人。其中的动物纹饰题材多样, 几乎涵盖了草原上的所有野兽和家养动物。在艺术风格上亦表现出多样性, 除了以阿尔泰山地区动物后肢翻转的动物风格为主, 还包括希腊、亚述地区的格里芬纹, 中国方地区的卧虎形象等。本文在通过对巴泽雷克文化动物纹分类研究并与希腊, 中国北方、新疆地区以及欧亚草原同时期其他文化的动物纹进行对比, 以研究巴泽雷克文化与其他文化之间的交流。

关键词: 巴泽雷克文化; 动物纹; 格里芬纹; 翻转动物纹; 艺术风格; 文化交流

前言

巴泽雷克文化(Pazyryk Culture)是阿尔泰山地区一支早期铁器时代文化, 主要分布于萨彦—阿尔泰山脉里(图一)。阿尔泰山地区自然资源丰富, 含有丰富的金银等矿藏资源和森林资源, 且地理位置特殊, 西连中亚哈萨克草原, 北面是广阔的图瓦和米奴斯斯克盆地, 东与蒙古高原和中国

的北方地区相接, 南面与中国新疆地区相连, 是欧亚草原上的重要枢纽地带。因此位于阿尔泰地区的巴泽雷克文化在其艺术和习俗上兼具波斯、希腊、中国和欧亚草原其他地区的风格, 同时创造出了具有自身特色的文化艺术。

一、装饰风格

巴泽雷克文化的木雕皮毛制作技术非常的发达, 动物纹饰种类丰富, 具有明显的地域风格。他们不仅能够制作各类尺寸的不同木制工具、器皿、马具, 还常用浮雕的形式表现山羊、老虎、雪豹、狼、鹰等动物形象和花叶的图案。许多木雕上还包裹着金箔, 十分华丽。所表现的动物包括常见的驯养动物, 野兽和超自然神兽。驯养动物包括马、牛、山羊、绵羊、鹿、公鸡、鸭子; 野兽包括虎、狼、雪豹、野猪、鹰、野山羊、野驴; 带翼神兽主要是格里芬及其变形神兽。表现手法分为立体圆雕、平面浮雕、图案纹饰三大类。

(一) 立体圆雕

立体圆雕主要作为马具装饰品, 巴泽雷克墓地出土的马鞍均为木质, 在马鞍上雕刻马、绵羊(图二1)、大角鹿、虎等动物造型。有的雕刻成绵羊和花卉搭配的图案(图二10)。在M2中出土的部分马鞍表面有大角鹿形象, 其

外缘有 5 个着色的虎形圆雕饰件(图二 6)。还有一些马具直接将木雕成动物形状(图二 7、9)。这种将马具雕刻成动物纹饰的工艺在前斯基泰(公元前 8 世纪末—前 7 世纪初)和早斯基泰(公元前 7 世纪中叶—前 7 世纪末)文化中就已经出现¹。所不同的是在这一阶段的斯基泰文化中写实动物刚开始出现,斯基泰人用角质和骨质将马镫或节约雕刻成以麋鹿和鸟类为主的野生动物,它们往往身体的一部分互相折叠(图二 5、8)。而巴泽雷克文化中以动物雕刻的马镫、马肚带扣依然存在,更多的雕刻动物主要为马、羊等驯养动物,且多以单体出现装饰与鞍鞯上,在艺术风格上表现更生动细致。在早斯基泰文化时期,动物形骨节约在黑海北岸及周边地区都非常流行。阿尔泰地处欧亚草原的枢纽地带,且巴泽雷克文化时期游牧文化已经进入繁荣期,这一时期草原各个文化间的文化交流必然更加频繁。因此将马具雕刻成动物纹饰这一理念有可能来自黑海北岸的早期斯基泰文化,只是到了巴泽雷克文化中被发扬光大,而动物雕刻也从实用的马镫和节约变成了鞍鞯笼头的装饰品。

贵族墓葬中最前列的两匹马佩戴面具,在它们的头顶装饰鹿角或木雕包金的山羊角(图二 4)。其中在巴泽雷克 M1 中出土的马头饰具造型奇特,装饰有发达的鹿角(图二 2、3)。有学者认为在马头饰上装饰鹿角,将马装扮成鹿是一种特殊的仪式²。巴泽雷克文化时期的驯鹿在人们的生活中扮演着特殊的角色,这种角色往往与宗教仪式有关,而首领除了在政治中处于至高无上的地位外,对宗教也有着绝对的解释权为,在首领死后仍需要将鹿作为随葬的一部分带入地底。鹿的数量远不及马匹,因此在殉葬的马头上装饰鹿角作为鹿的替代品。这也是这种马饰除巴泽雷克墓外不见于其他中小型墓葬的原因。也有学者认为,在马的头顶装饰鹿角或木雕包金的山羊角是想将马作为鹿形格里芬崇拜的,鹿被阿尔泰地区古代居民认为是一种充满灵性的生物,它能够沟通人间和神灵的动物,将鹿和神兽格里芬结合更加显现出这题材的神秘性,这也反映了阿尔泰地区浓厚的萨满巫术。

(二) 平面浮雕:

平面浮雕主要表现在一些马具上的木雕,动物形象有鸟、虎首、羊首、天鹅以及神兽噬咬天鹅等。在巴泽雷克墓地 M3 中出土数量较多木牌饰、马肚扣以及其他一些小配件,但牌饰中基本不见虎纹饰,题材多为格里芬纹。在巴萨达尔 M2 中出土的一件木牌饰上雕刻着虎噬动物的图案(图三 3),图案中包含虎、鹿羊三种动物³。除了木牌饰,平面浮雕也见于一些金属牌饰上,在俄罗斯冬宫博物馆彼得大帝藏品中有一件虎噬马的金牌饰(图三 5)。另外,2015 年,在阿尔泰地区采集到的两枚具有巴泽雷克风格的铜牌饰⁴,牌饰呈矩形,每块牌饰上平面浮雕着一只后肢翻转 180°的虎纹(图三 4),研究者称这两枚牌饰采集地点与巴泽雷克墓地一地,纹饰风格也具有明显的巴泽雷克风格,因此推测这两枚牌饰为巴泽雷克文化的遗物。

(三) 图案纹饰

巴泽雷克文化中的图案纹饰形式多样,包括卷草植物纹、几何纹和动物纹样(图四)。数量最多的是编织品和墓主人身上纹的动物纹饰。另外,在巴泽雷克墓地少量陶器,阿克—阿拉哈 M3 铁销刀上装饰有动物纹饰纹。最典型的是巴泽雷克 M2 男性墓主人的双臂、前胸、后背和右腿上都发现有纹身,纹身主要集中在上半身,图案有卷尾虎、双翼虎、鹰头半身神兽、山鲶鱼、山羊以及后颈上有三个鹰头神兽,而他们的双臂最流行的则是后肢翻转 180°的鹿形格里芬图案(图五)。有学者根据巴泽雷克墓地 M2、M5,韦尔—卡尔金 M2 (Verh-Kaldgin-2) 和阿克—阿拉哈 M3 的墓主人身上的 50 幅纹身通过红外分析对比得出结论:男性墓主人身上的纹身多于女性墓主人,男性墓主人身上多为带角动物,而女性墓主人身上则多猛兽咬噬类。男性身上的纹身没有打斗的场景,女性身上纹身则多猫科动物撕咬打斗的纹身⁵(表一)⁶。

表一 巴泽雷克文化中的纹饰(●—表示纹身图案,○—表示马鞍上的毛毡图案)

巴泽雷克文化中埋葬高等级的木椁通常修筑的非常高大木椁内壁上覆盖中色彩华丽图案独特的毛织毡毯,随葬马鞍鞯上也覆盖装饰动物纹的毡毯。在巴泽雷克 M1 有的木棺表面覆盖着带有公鸡图案的毡毯(图四 12)。有巴泽雷克墓地 M5 木椁内壁覆盖着一张毛织的毯子,毡毯用上彩色毡块以拼花的技法表现了狮身人面的“斯芬克斯”与神兽搏斗的场面(图四 16)。斯芬克斯是古希腊、西亚和希腊神话传说中的动物,该毡毯上的斯芬克斯模仿自波斯艺术题材,上半身是一个长着胡子的男人,长着羽翼,下半身长着狮子的后腿和尾巴,与格里芬题材一样,巴泽雷克工匠在斯芬克斯的头顶加上了长长的鹿角。斯芬克斯扬起身子,一只手抓住神鸟的嘴,另一只手攥紧它的脖子,而对面的神鸟造型奇特,与中国战国时期流行的凤凰相似(图四 17)^{7,8},因此可以认为这张毡毯同时具备了波斯、巴泽雷克文化和中国楚文化。同一座墓葬的西北角还发现了一张方形的毛毯。毛毯上装饰着成排行走的狮子、狮形格里芬(图四 18、19)。据学者研究,这张毛毯是模仿波斯毛毯的图案在中亚制作的后来通过贸易或其他手段落入巴泽雷克贵族的手中。这类带有丰富图案纹饰的纺织品对于巴泽雷克部落人群来说是非常珍贵的,对于他们来说获得这些物品应该是付出了昂贵代价的,而该类随葬品也只在少量高等级墓葬中发现。

¹ 杨建华、邵会秋等,《欧亚草原东部的金属之路——丝绸之路与匈奴联盟的孕育过程》[M]上海古籍出版社,2017 年 4 月,第 275-280

² Щербова С. Я. Концепты культуры конь-олень и конь-козерог: идеи кинтерпретации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2019. С. 147-149.

³ 杨建华、邵会秋等,《欧亚草原东部的金属之路——丝绸之路与匈奴联盟的孕育过程》[M]上海古籍出版社,2017 年 4 月,第 428 页

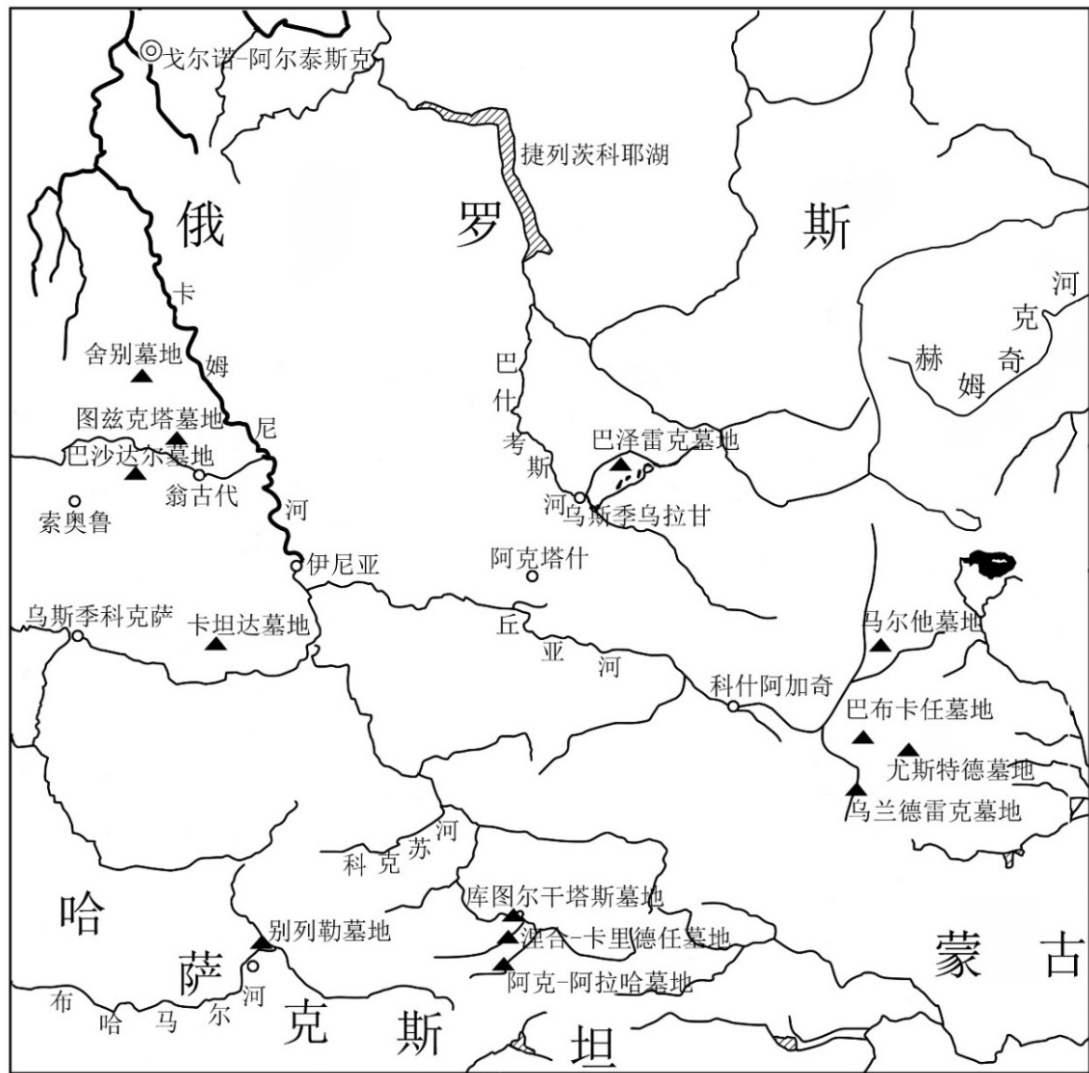
⁴ Фролов Я. В. Новая находка предмета скифо-сибирского звериного стиля из района Бие-Катунского междуречья // Изв. Алтайск. гос. ун-та. 2015. № 4. С. 235-238.

⁵ Телегин А. Н. Татуированные изображения животных на телах мумий из погребений пазырыкской культуры Алтая: гендерный аспект // Вестник Алтайск. гос. пед. ун-та. 2019. № 2 (39). С. 82-86.

⁶ Дьяков Н. Р. Образы животных на седельных покрывках и татуированных изображениях пазырыкской культуры: гендерные сходства и различия // Материалы LIX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Благовещенск, 2019. С. 122-123.

⁷ Кулахметова А. Т. Возрождение мозаичной технологии войлочных изделий пазырыкской культуры // World Science: Problems and Innovations. 2018. С. 244-245.

⁸ 张庆,《楚图纹样研究》[D]苏州大学博士论文,2015 年 3 月,第 64 页

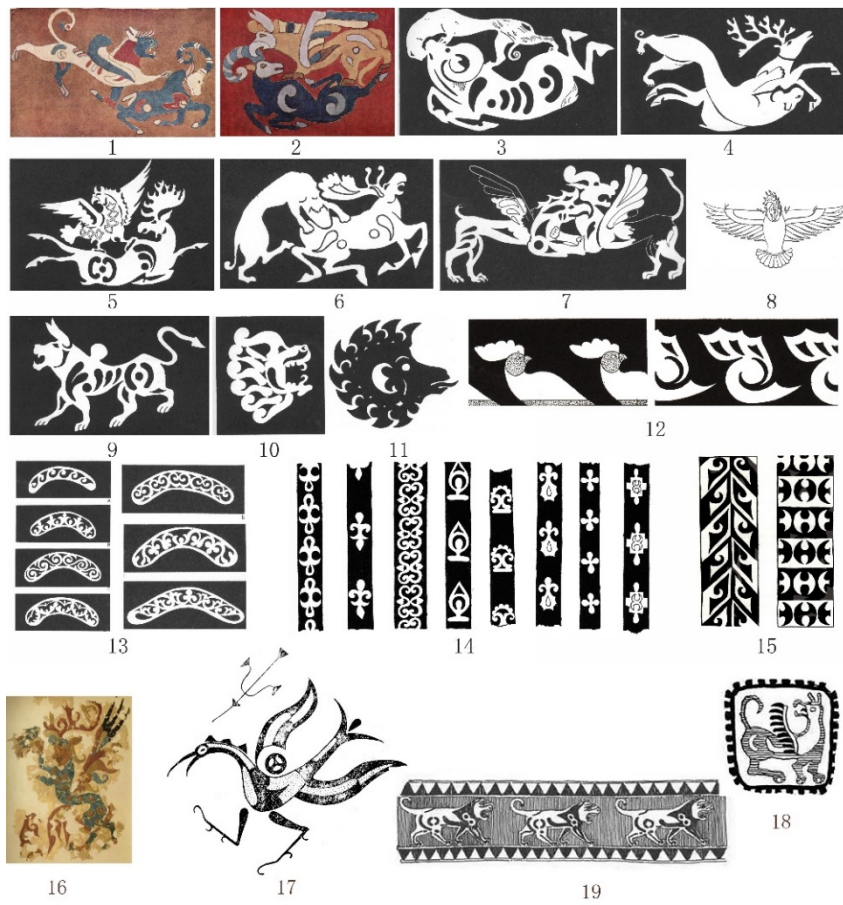
图一 巴泽雷克文化遗迹分布图

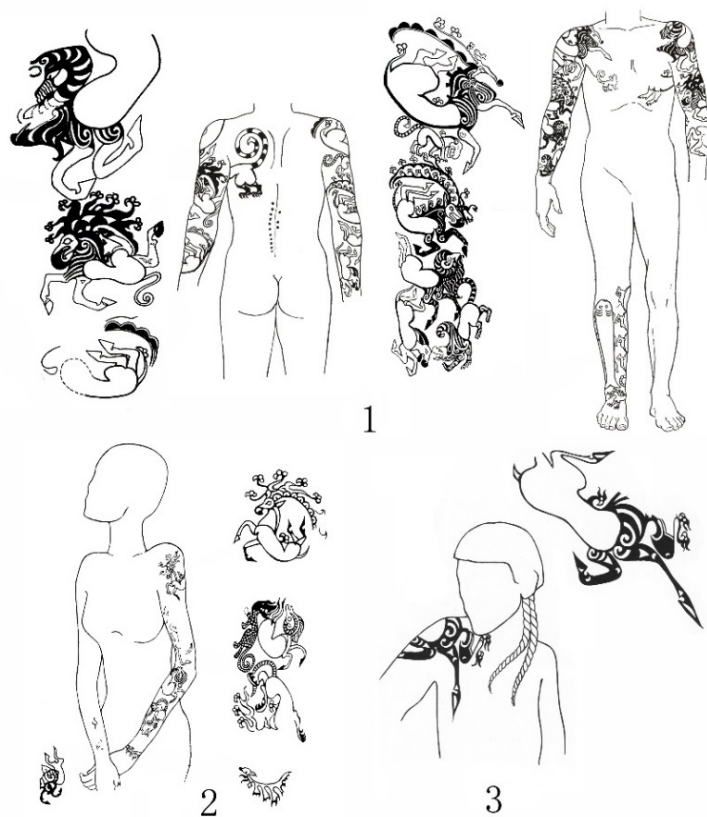
图二 巴泽雷克文化中的立体圆雕动物纹饰

图三 巴泽雷克文化中的平面浮雕动物纹饰

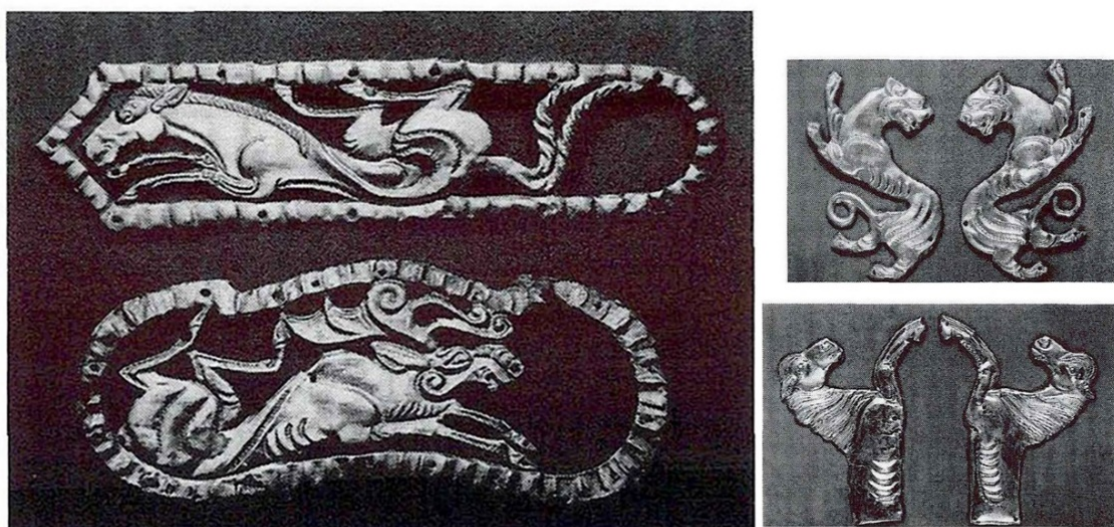
图四 巴泽雷克文化中的动物图案纹饰

图五 巴泽雷克文化纹身图案

1.巴泽雷克 M2 2.阿克-阿拉哈 III M1 3.卡里德任 IIM3

纹饰		山羊	鹰形格里芬	鱼	野驴或马	雄鹿	鹿或麋鹿	猛兽	鹰	十字架	兽角	植物纹	绵羊	鹿形格里芬	鸟	
类别	男性	●	●	○	○	○										
	女性						●	●	●	●		●				
	都有												●	○	○	

图六 伊塞克金人墓中的翻转动物纹

二、纹饰题材

巴泽雷克文化中的动物种类丰富，具有巴泽雷克艺术特点的主要有翻转动物纹、虎噬动物纹、鸟纹饰、格里芬纹。

(一) 翻转动物纹

翻转动物纹是最具有巴泽雷克文化特色装饰艺术。所谓翻转动物是指自然界中的动物后肢翻转 180°，这在巴泽雷克墓地出土的马具上是较为常见的一类动物纹饰，在墓主人的纹身中也多有这种类型的纹饰，在表现上除了单体翻转动物还有噬咬动物翻转，在彼得大帝博物馆中收藏的神兽噬马金饰牌中，被咬噬的马就呈后肢翻转状态（图四 1—5）。

1970 年哈萨克斯坦考古学家阿吉舍夫发掘的阿尔泰山南侧的伊塞克金人墓中也发现大量的翻转动物纹饰（图六）。由于未经盗扰，墓主人身上的装饰基本保持原位，墓主人的衣物上缀满了锤揲成各类图案的金饰片，其中包括动物纹饰，袖口、领口上装饰着后肢翻转 180°的马和鹿的图案，在 165 件动物装饰中虎均表现为后肢翻转。该墓葬属于萨卡文化的一支，年代在公元前 3—前 2 世纪，地理位置上北邻巴泽雷克，在装饰风格上与同时期其他地区萨卡文化存在明显差别，可能是受巴泽雷克文化的影响⁹。

(二) 虎噬动物纹

虎噬动物题材在巴泽雷克文化中的数量较多，但基本不见单体虎饰牌¹⁰。主要有两种：一种是毡毯上的虎噬食草动物图案，这在巴泽雷克 M2、M3，阿卡—阿拉哈 M3 中均有发现。另一种是贴于棺椁上的成排行走的虎纹，在巴泽雷克 M2 半剖木棺上贴着一排正在行走的老虎，老虎尾巴卷曲，身体细长，其中一只低头噬咬猎物（图三 2）。虎噬羊的动物题材早在中国夏家店上层文化中就有发现，在小黑石沟 M8501 中出现了虎噬羊纹饰¹¹，且在春秋时期中国北方地区文化中流行。因此，阿尔泰地区的虎噬动物母题可能来源于中国北方文化。

(三) 鸟纹饰

图七 巴泽雷克文化女性墓主人发髻图

在巴泽雷克文化中鸟也是普遍存在的一种动物形象。鸟形饰件分为两类，一类是装饰于马具上的饰件，多为木质，在造型上通常表现为低头、张翅、展尾，既有天鹅状的，也有格里芬形的。另一类是装饰在墓主人帽子上的，巴泽雷克 2 号墓地的女性墓主人头上梳着高高的发髻，在她发髻的两侧规律的装饰着 9 只金鸟¹²（图七）。在阿卡—阿拉哈墓地的女主人也有类似的发型，这位墓主人头顶被剃光，头顶戴着 63 厘米的高耸的假发套，假发用黑色含碳有机质粘合起来，并插着装饰山羊造型的木笄来定型，头顶高耸的发髻上包裹着毛毡，毛毡上面装饰山羊和鸟形象。此外，伊塞克金人墓中女性墓主人头上戴着一顶 70 厘米的尖帽，帽子上装饰山羊、麋鹿和 15 只类似天鹅的鸟类，造型十分精致。鲁金科认为，这是在死者去世后给她剃光头发再戴上去的，而博罗斯马克则认为在她生前就已经是这样的打扮了。这是阿尔泰当地女性的一种装扮习俗，在女子成年后将她们的头发剃光，戴上假发。此外，鲁金科认为，这是在死者去世后给她剃光头发再戴上去的，而博罗斯马克则认为在她生前就已经是这样的打扮了，这是阿尔泰当地女性的一种装扮习俗，在女子成年后将她们的头发剃光，戴上假发。美国考古学家戴维斯·金博曾推测这样的装饰表面女性墓主人身份可能是巫师。希罗多德在《历史》中记载：高山山脚下住着一群秃头人，他们生下来就是秃头，长者狮子的鼻子和巨大的下巴，穿着斯基泰人的衣服，被斯基泰人尊崇为神圣的塔比提女神的化身。博罗斯马克认为尽管其中的描述带有神秘色彩，但这些戴着假发套单的女性可能就是巴泽雷克部落中象征塔比提女神的女巫师，而这种头饰或许是作为巫师特有的一种装饰。如果这些装扮有高耸发髻的墓主人身份真的是巫师，那么或许表明鸟是巫师装扮中不可或缺的元素。

(四) 格里芬纹

格里芬 (Griffin) 是公元前 3000 年最早出现在西亚两河流域的一种鹰头狮身的神兽，后来在古波斯帝国时期演化为两种造型：一种是狮头、山羊角、带翼的格里芬，也被称为狮形格里芬；另一种是鹰头狮身的格里芬，也成为鹰形格里芬。公元前 725 年至前 650 年，希腊出现了一种新的陶器和雕塑风格，学者称这一时期为东方化时期，当时希腊艺术文化迅速吸收了一大批东方母题与观念，包括狮身鹰首兽和狮身人面兽等混种生物。部分有格里芬纹饰的芳油瓶被作为祭祀品留在神殿¹³。受古波斯文化的影响，两种造型的格里芬纹饰在巴泽雷克文化中都有发现，但是巴泽雷克文化的工匠并不只是完全复制古波斯艺术的格里芬造型，他们将当地崇拜的鹿元素加入到格里芬创造中，产生了鹿角、鹰首、马身的“鹿形格里芬”，同时马身后肢翻转 180°，体现了阿尔泰地区对鹿和马的崇拜，也将动物后肢翻转的制作工艺融入到了格里芬创造中。鹿形格里芬在公元前 4 世纪巴泽雷克文化人群中十分流行（图四 2、5、6、7）。他们不仅将这种造型装饰在木雕马具和鞍鞅的毡垫上，还将马匹也装饰成鹿形格里芬的造型，首领甚至还将格里芬纹在身上，这些都表明格里芬纹饰在巴泽雷克人群中的特殊地位。

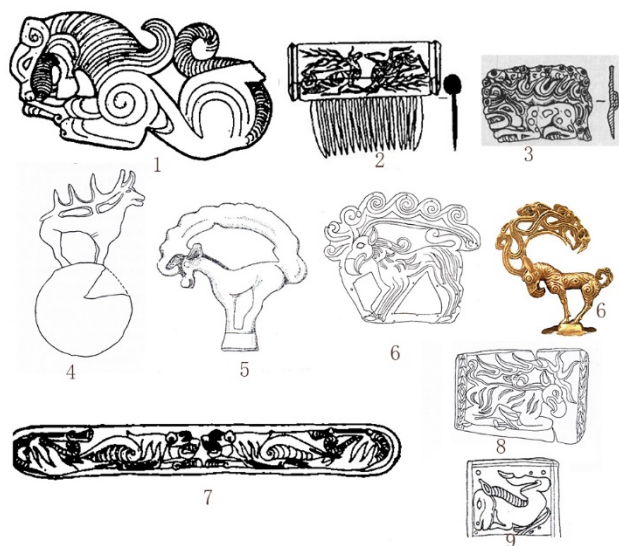
⁹ 杨静，中亚塞种黄金艺术的多元文化因素研究[D]苏州大学硕士论文，2018 年 3 月第 22 页，第 33—42 页

¹⁰ 杨建华、邵会秋等，欧亚草原东部的金属之路——丝绸之路与匈奴联盟的孕育过程[M]上海古籍出版社，2017 年 4 月，第 428 页

¹¹ 乌恩岳斯图，我国北方古代动物纹饰[J]考古学报，1981 年第 1 期，第 46—47 页

¹² 马健，黄金制品所见中亚草原与中国早期文化交流[J]西域研究，2009 年第 3 期，第 52 页—58 页

¹³ (美) H.W. 詹森詹森艺术史(插图第七版) 世界图书出版公司 2013 年 7 月，第 105—106 页

图八 中国境内出土的巴泽雷克式动物纹饰

三、与中国境内文化的联系

(一) 新疆地区

巴泽雷克文化中的动物纹饰与中国新疆地区交流较为明显的主要有苏贝希文化和扎滚鲁克文化¹⁴。在扎滚鲁克出土的许多木器上都雕刻有动物纹饰，题材包括翻转动物纹、格里芬纹、写实性的鹿和马纹饰。其中翻转动物纹和格里芬纹具有巴泽雷克动物纹饰特点，而写实性的鹿和马纹则是欧亚草原文化中普遍流行的装饰题材，本文暂不讨论其源头性。在扎滚鲁克一号墓地¹⁵ M24 中出土的木梳上有两只后肢翻转的鹿纹（图八 2），在木桶上则发现有翻转虎纹饰（图八 1）。在苏贝希文化中动物纹饰装饰十分普遍，许多墓地都出土装饰有动物纹的牌饰，包括虎噬纹、鹰嘴格里芬与虎互搏牌饰，马形牌饰和一些单体猫科动物在新疆阿拉沟竖穴墓¹⁶ 中出土金狮牌饰和对虎饰带各一件（图八 7），其中的狮虎均呈后肢翻转 180°，与巴泽雷克文化虎形象相似。此外，在新疆塔里木盆地西北的库兰萨日克墓地 M5 中亦出土有翻转动物纹饰的金牌饰。在年代上研究者认为扎滚鲁克墓地年代上限不早于公元前 5 世纪¹⁷，苏贝希文化出土有巴泽雷克式动物纹墓地主要在该文化第二、三期，年代分别为公元前 7 世纪—前 5 世纪、公元前 5 世纪—前 3 世纪，库兰萨日克墓地的其年代在公元前 5—前 3 世纪。以上文化年代均不早于泽雷克文化，且在中国同一时期或更早的文化中鲜有巴泽雷克式的动物纹饰出现，因此，可以认为中国新疆地区的翻转动物纹饰和格里芬纹装饰艺术来源于阿尔泰地区的巴泽雷克文化。

(二) 北方地区

与巴泽雷克文化同一时期的中国北方地区出土动物纹饰多出土于内蒙古西部的鄂尔多斯地区且多为金饰品，装饰风格以浮雕和立体圆雕为主，题材包括单体的鹿、马、羊、鸟，撕咬状的虎、狼、鹰嘴格里芬等。这一时期中国北方地区动物纹饰的显著特点是圆雕动物增多，题材上出现了后肢翻转的动物纹和超自然的格里芬纹。在山神木纳林高兔（图八 6），阿鲁柴登墓地（图八 3），西沟畔

M2¹⁸ 中均有发现有格里芬纹饰（图八 5、6、8、9），其中神木纳林高兔中出土的站立格里芬较精致。这种巴泽雷克式的动物装饰风格在中国汉代流行一直延续到了晋朝后期。汉代以后在宁夏倒墩子匈奴墓地¹⁹ 中出土 1 件格里芬咬噬马矩形牌饰，饰牌中的两只马后肢翻转 180°，被两只长颈鹰形格里芬噬咬。此外，在新疆巴里坤黑石沟²⁰，黑沟梁²¹ 等墓地均有格里芬饰品出土。甚至在中国南方地区的广州西汉南越王墓葬²² 中就随葬有后置翻转的格里芬纹牌饰。格里芬装饰艺术源于阿尔泰地区的巴泽雷克文化，与之一同传入的还有后肢翻转的动物纹饰。²³

四、结论

根据以上论述可以得出下列几点结论：

1. 诸多因素决定着巴泽雷克文化中的动物纹饰艺术品的风格与含义，成就着它们的有力存在。巴泽雷克文化动物纹饰装饰艺术在吸收多文化风格的同时创造出了自身独特而灿烂的风格。主要体现为，长着山羊角和翅膀的飞马是希腊格里芬艺术题材，并创造出带有自身特色的神兽纹饰，即后肢翻转鹰形格里芬，在纺织品装饰风格上，巴泽雷克文化吸收了波斯艺术，将斯芬克斯神兽和其他草原动物与波斯毡毯上流行的卷草纹融合在了一起。在虎纹饰上接受了来自中国北方和蒙古高原的影响，由写实较胖的咬噬形象变成细长、束腰的单体形象，且多融合后肢翻转的地域特点。

2. 阿尔泰地处欧亚草原的枢纽地区，因此巴泽雷克文化与周边其他文化传播是双向的。例如，巴泽雷克文化中的鹰形格里芬形象也出现在希腊神庙中，成为希腊人祭拜的对象之一。阿尔泰地区出现的后肢翻转动物，格里芬纹饰大量出现在中国新疆和北方地区，一直流传到西晋时期。

3. 巴泽雷克文化的动物装饰与同时期欧亚草原其他地区文化存在较大的相似性，无论是黑海北岸的斯基泰文化还

¹⁴ 邵会秋，新疆扎滚鲁克文化初论[J]边疆考古研究，2008 年 12 月第 7 辑，第 172—174 页

¹⁵ 新疆维吾尔自治区博物馆等，新疆且末扎滚鲁克一号墓地发掘报告[J]考古学报 2003 年第 1 期

¹⁶ 新疆社会科学院考古研究所，新疆阿拉善沟竖穴木椁墓发掘简报[J]文物，1981 年 1 月，第 19—20 页

¹⁷ 邵会秋，新疆史前时期文化格局的演进及其与周邻地区文化的关系[D]吉林大学博士论文，2007 年 4 月，第 128 页、135 页

¹⁸ 郭素新、田广金，西沟畔匈奴墓[J]文物，1980 年，第 7 期，第 3 页

¹⁹ 宁夏文物考古研究所等，宁夏同心倒墩子匈奴墓[J]考古学报，1988 年第 3 期

²⁰ 新疆文物考古研究所等，新疆巴里坤县东黑沟遗址 2006—2007 年发掘简报，[J]考古，2009 年第 1 期

²¹ 磨古雄，新疆巴里坤东黑沟墓地与黑沟梁墓地的考古类型学比较研究，[J]考古与文物 2010 年第 5 期

²² 潘玲，矩形动物纹牌饰的相关问题研究，[J]边疆考古研究，2004 年第 3 辑

²³ 邵会秋，中国北方、新疆和欧亚草原文化的交往——以动物纹装饰为视角[J]西域研究，2018 年第 2 期，第 46、47、51 页

是阿尔泰山南面的萨卡文化，亦或是东部萨彦岭地区的乌尤克文化，他们都将马和鹿视为不可或缺的动物，都随葬的一定数量的马匹。宗教方面表现为巫师在服饰上都装扮鹿、羊、鸟等动物纹饰。同时，巴泽雷克文化有表现出其独特性，在动物装饰中基本不见金属牌饰，随葬马具上装饰大量动物纹饰，题材上多表现为单体动物，噬咬类动物纹饰较少。

4. 在巴泽雷克贵族中存在纹身习俗，多为翻转格里芬纹饰，但在性别上存在差别具体表现为男性墓主人身上的纹

身多于女性墓主人，男性墓主人身上多为带角动物，而女性墓主人身上则多猛兽咬噬类。男性身上的纹身没有打斗的场景，女性身上纹身则多猫科动物撕咬打斗的纹身。

5. 战国中晚期，巴泽雷克文化人群与中国北方地区文化交流日益频繁，他们流行的鹿形格里芬造型，写实风格的羊、鹿、虎噬羊图案和造型在天山河西走廊，陇山的戎人墓地、鄂尔多斯高原燕山等广大区域传播开来，用以装饰车辆，衣服和马匹。可见阿尔泰地区的巴泽雷克文化在中西方文化交流中起着桥梁的作用。

Татуировки со звериными мотивами в пазырыкской культуре

Ши Ханда

Пазырыкская культура – культура раннего железного века, распространенная в Саяно-Алтайских горах России. Памятники этой культуры раскапывались много раз, был обнаружен широкий спектр артефактов с зооморфными мотивами. Также были найдены погребенные индивиды со специфическими татуировками. Среди них – разнообразные зооморфные узоры, включая почти всех диких и домашних животных. В дополнение к звериному стилю Алтайского края он также демонстрирует разнообразие художественных стилей, включая рисунок грифона в Греции и Ассирии, и изображение крадущегося тигра в Китае. В данной работе путем изучения зооморфных образцов пазырыкской культуры и сравнения их с образцами других культур того же периода в Греции, Северном Китае, Синьцзяне и евразийской степи изучается связь пазырыкской культуры с другими культурами.

Ключевые слова: пазырыкская культура, зооморфные татуировки, татуировка с изображением грифона, культурный обмен.

Tattoos with Animal Motifs in the Pazyryk Culture

Shi Handa

Pazyryk culture is the culture of the early Iron Age, common in the Sayan-Altai mountains of Russia. Sites of this culture were excavated many times; a wide range of artifacts with zoomorphic motifs were discovered. Buried individuals with specific tattoos were also found. Among them are a variety of zoomorphic patterns, including almost all wild and domestic animals. In addition to the animal style of Altai, it also demonstrates a variety of artistic styles, including the griffin in Greece and Assyria, and the image of a crouching tiger in China. In this paper, by studying zoomorphic samples of the Pazyryk culture and comparing them with samples of other cultures of the same period in Greece, Northern China, Xinjiang and the Eurasian steppe, we study the relationship of Pazyryk culture with other cultures.

Keywords: Pazyryk culture, zoomorphic tattoos, griffin tattoo, cultural exchange.

Ши Ханда

студент
Хэйлунцзянский университет
e-mail: piccoloo08@outlook.com

Shi Handa

Student
Heilongjiang University
e-mail: piccoloo08@outlook.com

УДК 902

Краткий анализ системы «небесных стволов и земных ветвей»

Юй Лян

Хэйлунцзянский университет, Харбин, провинция Хэйлунцзян, Китай

浅析天干与地支

于梁

摘要

本文以天干地支为着眼点，对于天干地支进行简单的分析，分析干支本义的以及天干地支字符的起源，以及利用天干地支的纪年方法以及计算方法，从而答到了解天干地支的相关知识。

关键词

天干；地支；起源；干支纪年
一、干支的起源

天干地支是我国古老的纪时方式，最初其首先用于纪日，随着时间的推移，后演变为纪年的方法，在甲骨文中就已经出现了天干地支相结合的循环纪时方式的方式，在殷墟出土的甲骨刻中《甲骨文合集》第 37986 片中就有完整的干支表(图一)：

甲子乙丑丙寅丁卯戊辰己巳庚午辛未壬申癸酉

甲戌乙亥丙子丁丑戊寅己卯庚辰辛巳壬午癸未

甲申乙酉丙戌丁亥戊子己丑庚寅辛卯壬辰癸巳
甲午乙未丙申丁酉戊戌己亥庚子辛丑壬寅癸卯
甲辰乙巳丙午丁未戊申己酉庚戌辛亥壬子癸丑
甲寅乙卯丙辰丁巳戊午己未庚申辛酉壬戌癸亥

之于其起源的问题大体有以下几种说法：

图一

1. 天干、地支起源于竹木野草

人类的发展从古代猿人到智人在到出现文字以及刻划符号经历着漫长的过程，而人类的发展离不开自然，离不开竹木野草。《古汉语常用字字典》是这样解释：干，草木的主干，泛指事物的主体或者重要的部分。支，即枝条，又有支撑支持之义。由于人类的发展，人类出现了定居，而此时的房屋建筑材料主要以木质为主，自此竹木野草逐渐进入了人们的生活中。众所周知植物的发展是根据季节的变化而变化的，从播种、生长、繁殖、消亡，此过程又能够体现出时间的流逝以及四季的变化，所以将干支与纪年有关就可以解释。目前在我国仍然有许多少数民族尊“木”为神，例如我国西南部地区的彝族、白族、纳西族等民族祭天时仍然使用树木作为天神的象征，白族的居民在祭天时仍然需要在村旁的天牛树下；纳西族在祭天地时都以

神树作为天神的象征。而早时期干支纪年通常与卜筮联系在一起，而卜筮活动与农业生产活动息息相关，正因为竹木野草一年四季的变化能够体现最直接的时间变化，顾干支作为纪年的标志。

2. 天干、地支起源于古人居住的房屋

仓林忠先生指出：我国古人建造的房屋以及窝棚等虽然具有多种形式，但是其基本都离不开竹木，竹木为中国古代建造房屋重要的建筑材料，建筑在窝棚房屋上的柁梁结构或行条常用竹木作为主干来进行建造，加之建设在房屋内的立柱，形象就如同“干”字，加之干与“乾”同音，当人们仰卧时，看到柁梁结构以及行条，那么联想到天干地支就很正常了。例如在浙江余姚河姆渡遗址中，房屋是干栏式房屋，其建造结构首先是在地面上打下数排木桩，后在其上架梁构成基座，在于基座上立柱架梁，从而形成干栏式房屋。干栏式房屋最大的特点就是在房屋下有数排木质的基座，相对于柁梁来看，古人将其理解为地支就很容易了。房屋是古人每天生活居住的地方，而后来干支与卜筮结合，用于祭祀。

3. 天干、地支其 22 字的来源以及释义

(1) 天干十字：甲、乙、丙、丁、戊、己、庚、辛、壬、癸。

“甲：东方之孟，阳气萌动，从木戴孚甲之象。一曰人头宜为甲，甲象人头。”甲在形态上类似树木，应为树的象形，另一释义则为“甲”为龟甲，古人在卜筮时多用龟甲，东方之初，万物复苏，就像树木生长的景象，或说人将人的头部成为甲。甲意为万物初始。

“乙：象春草木冤屈而出，阴气尚强，其出乙乙也。乙承甲，象人颈。”就像春天的草木弯弯曲曲的生长，寒冷昏暗的气势仍然很强，位于天干第二位。笔者将乙称作初春刚生长的草木嫩芽，承接甲，就像人的脖子一样。

“丙：位南方，万物成，炳然。阴气初起，阳气将亏。丙承乙，象人肩。”位于南方，万物成熟，明亮显著。太阳初升，阳气初起，在天干中位于乙后，就像人的肩膀一样。

“丁：夏时万物皆丁实，象形。丁承丙，象人心。”夏季是万物生长，万物呈现出富足饱满的景象，为象形字。在天干中位于丙后，就像人的心脏一样。

“戊：中宫也，象六甲五龙相拘绞也。戊承丁，象人肋。”戊，位于中宫(第五位)，象征六甲与五龙相互拘挛缠绞在一起在天干中位于丁后，就像人的肋骨一样。

“己：中宫也，象万物辟藏浊形也。己承戊，象人腹。”位于中宫，象征万物在土中弯弯曲曲的形状，在天干中位于戊后，就像人的腹部一样。

“庚：位西方，象秋时万物庚庚有实也。庚承己，象人脐。”位于西方，就像秋季时节万物硕果累累。在天干中位于己后，就像人的肚脐一样。

“辛：秋时万物成而熟，金刚味辛。辛承庚，象人股。”表示秋季万物成熟，心痛即泣出。在天干中位于庚后，就像人的大腿一样。

“壬：位北方也，阴极阳生，故《易》曰：龙战于野。战者，接也，象人裹妊之形。壬承辛，象人脰。”位于北方，又称之为北极星，阴盛阳衰。其字型又像有孕的女子形象。在天干中位于辛后，就像人的小腿一样。

“癸：冬时水土平，可揆度也。象水从四方流入地中之形。癸承壬，象人足。”冬季时节水土平整，可以度量，就像水流由四周流向中央的地形。在天干中位于壬后，就像人的脚一样。

从《说文解字》中十个天干字的意思我们可以看出十个天干的顺序以及意义就如同植物的发展与生长。从“甲”开始，春季种子进入土壤，播种的季节；“乙”的阶段，种子开始发芽；“丙”的阶段，植物的茎与叶开始成长；“丁”阶段时，植物生长迅速，长势强盛……最后到“癸”阶段冬季来临，万物寂静。而《说文解字》一书还将十天干与人

的身体器官结合起来，强化天干与人之间的关系。从说文中，明显能看出天干原义主要是表明植物的生长过程，从而达到表明时间的作用。

(2) 十二地支：子、丑、寅、卯、辰、巳、午、未、申、酉、戌、亥。

“子：十一月阳气动，万物滋，人以为称。”阴历十一月，阳气开始波动，万物隐藏，象形为襁褓中的婴儿。

“丑：纽也。十二月万物动，用事，象手之形。”阴历十二月，天气寒冷，人们解放双手，开始休息，象形为“手”。

“寅：髌也。正月阳气动，去黄泉，阴尚强，象宀不达，髌寅于下也。”阴历正月，天气仍然寒冷，人们躲在房屋中以抵御严寒。(宀意为半地穴建筑)

“卯：冒也。二月万物冒地而出，象开门之形，故二月为天门。”阴历二月，万物开始复苏，从地底破土而出，人们开启房门。

“辰：震也。三月阳气动，雷电振，民农时也，物皆生。辰，房星，天时也。”阴历三月，雨水降临，农忙开始，辰也象征着耕种的开始。

“巳：巳也。四月阳气已出，阴气已藏，万物见，成文章。故巳为蛇，象形。”阴历四月，天气转暖，农忙时节，各种生物都开始活动，所以巳为象形字，似蛇。

“午：铎也。五月阴气午逆阳，冒地而出。此与矢同意。”阴历五月湿冷之气在正午时从地底冒出。

“未：味也。六月滋味也。五月木老于未，象木重枝叶也。”意为阴历六月，植物生长茂盛，枝繁叶茂，人们能够品尝各种美食。

“申：神也。七月阴气成，体自申束。吏臣铺时听事。申，旦政也。”阴历七月，雷雨天气增多，古人奉为神明。

“酉：就也。八月黍成，可为酎酒。象古文酉之形。酉为秋门，万物已入。一，闭门象也。”阴历八月，黍成熟，用以酿酒。

“戌：灭也。九月阳气微，万物毕成。阳下入地也。”阴历九月天气转凉，万物收成。

“亥：菱也。十月微阳起，接盛阴。从二。意为阴历十月，字形若有孕女性，表示生育兴旺。

12 地支对应着阴历的 12 个月份，并且与古人的生产活动息息相关，春种、夏耘、秋收、冬藏，随着时节的变化，人们也将 12 地支与季节结合起来。

二、天干地支纪年

天干地支的纪年主要是将 10 天干与 12 地支相结合，构成 60 干支符号进行循环纪年，即 60 年为一循环。例如甲子、乙丑、丙寅、丁卯等等。天干地支的组合最初用于纪日，这在甲骨文中体现的最为明显。例如：《卜辞通纂》第 357 片癸卯卜：今日雨？其自东来雨？其自南来雨？其自西来雨？其自北来雨？其意为：癸卯日进行占卜，今天下雨吗？是从东方来的雨吗？是从南方来的雨吗？是从西方来的雨吗？是北方来的雨吗？其首先就为天干地支所组成的纪日即癸卯日。又如《甲骨文合集》第 30048 片：自今辛至于来辛又大雨？自今辛至于来辛亡大雨？其意为从这个辛日到下一个辛日有大雨吗？从这个辛日到下一个辛日没有大雨吗？从这两片甲骨中，我们能够看出，在甲骨文中的天干地支组合主要用于纪日。日本学者成家彻郎在《干支的起源》一书中指出甲骨文使用最多的是干支文字，但其义只是指示日的干支，而不见其他用法。在我国古代时期，干支纪年与年号纪年并行，自汉武帝创立

年号后，自此出现了年号纪年。而对于干支纪年的则是由干支纪日演变而来，即 60 日辰一日

辰纪年，西汉《淮南子·天文篇》中就出现了日辰纪年：“数从甲子始，母子相求”，《史记·律书》中：“其于十母为甲乙，为丙丁，为庚辛，为壬癸”“其于十二子为亥，

1.方法一

甲	乙	丙	丁	戊	己	庚	辛	壬	癸
4	5	6	7	8	9	10	1	2	3

子	丑	寅	卯	辰	巳	午	未	申	酉	戌	亥
4	5	6	7	8	9	10	11	12	1	2	3

首先公元纪年中的尾数即为天干的序号，在天干表中找出对应的天干；将公元纪年的年份除以 12 其余数作为地支的序号，在地支表中找出对应的地支。（补：若地支能够被整除，则其地支为申）

例如：(1) 2015 年为农历乙未年，其算法为，2015 年尾数为 5，则其对应的天干为“乙”，再用 2015 除以 12 到的余数为 11，对应的地支为“未”，所以 2015 年为农历乙未年。(图四)

$$\begin{array}{r}
 165 \\
 12 \overline{) 1980} \\
 \underline{78} \\
 72 \\
 \underline{60} \\
 60 \\
 \underline{0}
 \end{array}$$

为子，为丑……”；而到东汉时期班固所写《白虎通义》：“甲、乙者，干也；子丑者，枝也”自此干支纪年真正出现，并广泛使用。例如《明实录》大明太祖高皇帝卷之八中：“庚子春正月己丑朔”即公历 1360 年 1 月 19 日。

三、干支纪年计算方法

(2)1980 年为农历庚申年，其算法为，1980 年尾数为 0(10),其对应的天干为“庚”，再用 1980 除以 12，1980 正好能被 12 整除，所以其对应的地支为序号为 12 的“申”，座椅 1980 年为农历庚申年。(图五)

$$\begin{array}{r}
 167 \\
 12 \overline{) 2015} \\
 \underline{12} \\
 81 \\
 \underline{72} \\
 95 \\
 \underline{84} \\
 11
 \end{array}$$

2.方法二

子	丑	寅	卯	辰	巳	午	未	申	酉	戌	亥
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
甲	乙	丙	丁	戊	己	庚	辛	壬	癸		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10		

天干算法：用公元纪年数减 3，除以 10 所得余数，就是天干所对应的位数；地支算法：用公元纪年数减 3，除以 12 所得余数，就是地支所对应的位数；例如：2015 年为农历乙未年，其算法为：2015 减 3 等于 2012，再用

2012 除以 10 等于 202 余 2，所以其对应的天干为乙；2015 减 3 等于 2012，再用 2012 除以 12 等于 167 余 8，所以其对应的地支为未。

3.方法三

甲	乙	丙	丁	戊	己	庚	辛	壬	癸
7	6	5	4	3	2	1	10	9	8

子	丑	寅	卯	辰	巳	午	未	申	酉	戌	亥
9	8	7	6	5	4	3	2	1	12	11	10

首先公元纪年中的尾数即为天干的序号，在天干表中找出对应的天干；将公元纪年的年份除以 12 其余数作为地支的序号，在地支表中找出对应的地支。例如公元前 221 年为农历甲辰年，其算法为 1 对应的天干为“庚”，再用 221 除以 12 所得到的余数为 5，对应的地支为辰，所以公元前 221 年为农历甲辰年。(图六)

$$\begin{array}{r}
 18 \\
 12 \overline{) 221} \\
 \underline{12} \\
 101 \\
 \underline{96} \\
 5
 \end{array}$$

4.方法四

1. 甲子	2. 乙丑	3. 丙寅	4. 丁卯	5. 戊辰	6. 己巳	7. 庚午	8. 辛未	9. 壬申	10. 癸酉
11. 甲戌	12. 乙亥	13. 丙子	14. 丁丑	15. 戊寅	16. 己卯	17. 庚辰	18. 辛巳	19. 壬午	20. 癸未
21. 甲申	22. 乙酉	23. 丙戌	24. 丁亥	25. 戊子	26. 己丑	27. 庚寅	28. 辛卯	29. 壬辰	30. 癸巳
31. 甲午	32. 乙未	33. 丙申	34. 丁酉	35. 戊戌	36. 己亥	37. 庚子	38. 辛丑	39. 壬寅	40. 癸卯
41. 甲辰	42. 乙巳	43. 丙午	44. 丁未	45. 戊申	46. 己酉	47. 庚戌	48. 辛亥	49. 壬子	50. 癸丑
51. 甲寅	52. 乙卯	53. 丙辰	54. 丁巳	55. 戊午	56. 己未	57. 庚申	58. 辛酉	59. 壬戌	60. 癸亥

天干地支以甲子年为第年以此类推，60 年为一周期。所以可以用公元纪年的年份除以 60 再减三，所得到数字在表中对应，从而得出干支纪年。例如 2015 年为农历乙未年，2015 除以 60 得到余数为 35，再用 15 减 3 等于 32，对应的干支纪年为乙未年。

但需要注意的是方法一、方法二与方法四适用的范围是公元后，而方法三则适用于公元前。

四、小结

天干地支的发展贯穿整个中国古代的发展，自夏历开始，中国的历法就逐渐进入程序化，制度化，再到商周时期甲骨文中，干支纪日开始出现，并且形成了循环形式的历法体系，两汉时期，汉武帝创立年号，年号纪年开始形成，班固所撰《白虎通义》中表明干支纪年的成熟，干支纪年以及年号纪年并行。关于干支起源，干支的原型应为古代的草木植物，由于古人的生产生活条件以及知识水平有限，顾根据植物的长势来进行时间的判断就合情合理了。现今所使用的公历制度也可与干支纪相互转换，而公历也可代表现行的历法制度，而干支纪年所体现的则是中国古代一直实行至今的农历制度。干支纪年还具有周期长的优越性，在，是一件关于时间分配的方式，在中国古代

时期，时间分配尤为重要，而干支纪年则解决了时间分配这一问题，也是古人对时节的认识，对神秘自然力量的探索，后来干支纪年逐步演变为一种传统的习惯以及生活方式。

参考文献

- [1]蔡英杰.《说文》对天干地支的解说议[J].河南科技大学学报(社会科学版),2007(01): 63-67.
- [2]仓林忠.关于干支的起源及其本义[J].周口师范学院学报,2007(04): 45-49.
- [3]成家御郎,王震中.干支的起源[J].殷都学刊,2001(03): 21-24.
- [4]何爱华.中国历法三正论、殷历、周历、干支纪年起源考[J].学习与探索,1992(05): 137-142.
- [5]曹飞龙.浅谈公元纪年和干支纪年的转换[J].科教导刊(中旬刊),2011(08): 252-253.
- [6]张宝石.公元纪年、干支纪年及其换算[J].北京教育学院学报,1998(01): 58-59.
- [7]何幼琦.干支纪年史的探讨[J].殷都学刊,1992(04): 24-29.
- [8]孔庆典.十世纪前中国纪历文化源流[D].上海交通大学,2009.
- [9]双木.干支字在中国古代社会中的应用[J].新疆师范大学学报(哲学社会科学版),1993(02): 62-66.
- [10]丁一.干支纪年法[J].江苏教育,1981(03): 49.

Краткий анализ системы «небесных стволов и земных ветвей»

Юй Лян

Предметом исследования в данной работе является система летоисчисления на основе сочетания десятичного и двенадцатичного циклов («небесные стволы и земные ветви»), анализируется первоначальное значение данного термина и происхождение символики «небесных стволов и земных ветвей», кроме того, путем расчетов, выполняемых на основании этой системы летоисчисления, исследуются некоторые другие аспекты данной проблематики.

Ключевые слова: небесные стволы, земные ветви, генезис, китайская система циклического летоисчисления.

A Brief Analysis of the System of "Celestial Trunks and Earthly Branches"

Yv Liang

The subject of this study is a chronological system based on a combination of decimal and duodecimal cycles ("celestial trunks and earthly branches"), the initial meaning of this term and the origin of the symbolism of "celestial trunks and earthly branches" are analyzed, in addition, by calculations based on this system of chronology, explores some other aspects of this issue.

Keywords: celestial trunks, terrestrial branches, genesis, Chinese system of cyclic chronology.

Ю Лян

студент 3-го курса
Хэйлунцзянский университет
e-mail: 2074633481@qq.com

Yv Liang

Student 3th year
Heilongjiang University
e-mail: 2074633481@qq.com

Краткий очерк развития культур керамики с прочерченным орнаментом в рамках культурного пояса Чанбайшань в эпоху неолита

Ян Ифэй

Хэйлунцзянский университет, Харбин, провинция Хэйлунцзян, Китай

新石器时代长白山文化带刻划纹文化系统的发展脉络
黑龙江大学本科二年级 杨逸飞

关键词 新石器时代 长白山文化带 刻划纹系统 文化传承

〔内容提要〕 以现有研究资料为基础, 对新石器时代“长白山—千山文化带”内刻划纹文化系统下的考古学文化的发展情况进行探讨, 探究不同文化区之间的文化的传承与演变。

长白山文化带即“长白山—千山文化带”, 赵宾福先生在《中国东北地区夏至战国时期的考古学文化研究》一文中总结张忠培先生和乔梁先生的观点, 指出该文化带以长白山和千山山地为依托, 以东北大平原东部的一小部分狭长地段为活动前沿, 并指明该文化带包含有辽东南部地区、辽东北部地区、第二松花江流域和图们江流域四个文化区¹。刻划纹为在陶器表面施加纹饰作为标识的一种施纹技法, 作为东北地区新石器时代具有代表性的纹饰之一, 是用来研究新石器时代诸多考古学文化变迁与发展的重要收集性资料, 其纹饰有刻划双曲线纹、刻划横线纹、人字纹、刻划网格纹、三角纹、短横线纹等。本文以现有研究资料为基础, 对长白山文化带内以刻划纹为标识的考古学文化发展演变过程进行探讨, 拟梳理各文化组成的刻划纹文化系统的时空框架。

一、区内刻划纹的时间演变情况

首先, 需要明确的是文化区内部具有刻划纹标识的考古学文化及其传承发展情况。

先看辽东南部地区, 此地区发掘出土的小珠山遗址可分为五期, 自下而上为小珠山下层文化(BC5500-4000)、后洼上层文化(BC4000-3500)、小珠山中层文化(BC3500-3000)、“三堂一期”文化(BC3000-2500)和小珠山上层文化(BC2500-2000)²。其中小珠山下层文化的纹饰以压印“之”字纹为主, 刻划纹最少; 后洼上层、小珠山中层文化以刻划纹为主要纹饰; “三堂一期”文化和小珠山上层文化中刻划纹标识明显减少。再来谈论辽东北部地区, 该地考古学文化自下而上分为新乐下层文化(BC5500-4000)、偏堡子文化(BC3000-2500)、北沟文化(BC2500-2000)。新乐下层文化纹饰大部分是之字纹和弦纹³, 偏堡子文化多刻划纹与附加堆纹, 北沟文化是由偏堡子文化发展而来的, 因此其器表纹饰也承袭偏堡子文化, 多附加堆纹与刻划纹⁴。我们探讨的第三个文化区为第二松花江流域, 该区域自下而上考古学文化分为左家山下层文化(BC5500-4500)、左家山中层文化(BC5500-4000)和左家山上层文化(BC3500-3000)。左家山下层文化普遍施有刻划纹饰, 从目前东北地区发现的刻划纹陶器来看, 左家山下层文化是目前年代最早以刻划施纹技法为主并贯穿始终的一种考古学文化。左家山中层文化则由压印或刻划的“之”字纹取代了刻划纹, 属于之

字纹文化系统。而左家山上层的刻划纹快速发展, 属于刻划纹文化系统⁵。

第四个文化区为图们江流域, 该区考古学文化从早到晚为兴城文化(BC3000-2500)和金谷文化(BC2500-2000), 文化区存储器在两种纹饰: 一种是涡旋纹, 另一种是刻划或压印的人字纹⁷。兴城文化一期出现涡旋纹, 金谷文化早期刻划纹成为纹饰的主体, 晚期戳点纹饰和刻划纹数量相当, 纹饰整体衰弱。了解以上刻划纹发展情况, 为接下来进一步探讨各地区刻划纹文化之间的传承发展情况作出铺垫。

二、不同文化区之间的交流及传承

陶器纹饰的演变发展既受到本地传统文化区传承的影响, 同时也受周边文化的影响。从上文可知, 某一些考古学文化处于同一区域, 却属于不同的纹饰系统。从目前发表的资料来看, 刻划纹文化系统内有跨越地区的文化演变序列。在此, 笔者将获得到的资料梳理成篇拟厘清其发展脉络。

从上文第一部分可知辽东地区后洼上层文化和小珠山中层文化的刻划纹相较于小珠山下层文化增多。结合现有资料来看, 太子河上游地区第一组文化遗存构成了水洞下层文化(公元前4000年前), 水洞下层文化最具有代表性的纹饰为刻划横线纹⁹, 这与以短斜线纹为纹饰代表的后洼上层文化(BC4000-3500)和以人字纹等为代表的小珠山中层文化(BC3500-3000)具有一脉相承的关系¹⁰。因此, 后洼上层文化承接了水洞下层文化的发展脉络。另一方面有学者指出左家山上层文化既保留了本地土著文化特征, 又吸收了后洼上层文化的文化特色, 并以此为基础推出左家山中层文化(公元前4500-4000)之字纹系统的扩张使得左家山下层文化移至辽东北, 并与当地文化因素融合形成了水洞文化¹¹。

因此, 后洼上层文化既是辽东南地区左家山上层文化的前身, 又是辽东北地区小珠山中层文化的源头。“三堂一期文化”继承了小珠山中层文化, 王彦华先生指出北沟文化与“三堂一期文化”都以刻划纹为主且具有较多共性, 北沟文化与小珠山三期文化也有较多共同因素¹²。我们大致能够得出辽东南、辽东北和第二松花江流域三个文化区内刻划纹文化系统的发展演变情况。综上, 我们可以看出“长白山—千山文化带”内由水洞下层起源的刻划纹文化经多个地区的迁移, 在迁移过程中虽吸收了外来文化因素, 但仍以土著文化为主导, 因此贾珊将此地刻划纹文化系统列为“原生型”¹³。而图们江流域文化区由于地理环境的封闭, 其内文化具有较强的特色, 但此地仍吸收借鉴周边地区的文化。

⁵ 刘伟《第二松花江流域新石器时代考古学文化纵横关系》, 2013年, 《北方文物》期刊

⁷ 贾珊《图们江流域汉代以前的几种考古学文化及相关问题的研究》, 2006年, 吉林大学硕士论文

⁹ 赵宾福、杜战伟《太子河上游三种新石器文化的辨识——论本溪地区水洞下层文化 偏堡子文化和北沟文化》, 2011年, 中国国家博物馆馆刊

¹⁰ 杜战伟、赵宾福、刘伟《后洼上层文化的溯源与流向——论辽东地区以刻划纹为标识的水洞下层文化系统》, 2014年, 《北方文物》期刊

¹¹ 刘伟《第二松花江流域新石器时代考古学文化纵横关系》, 2013年, 《北方文物》期刊

¹² 王彦华《辽南与辽东新石器文化比较研究》, 2008年, 吉林大学硕士论文

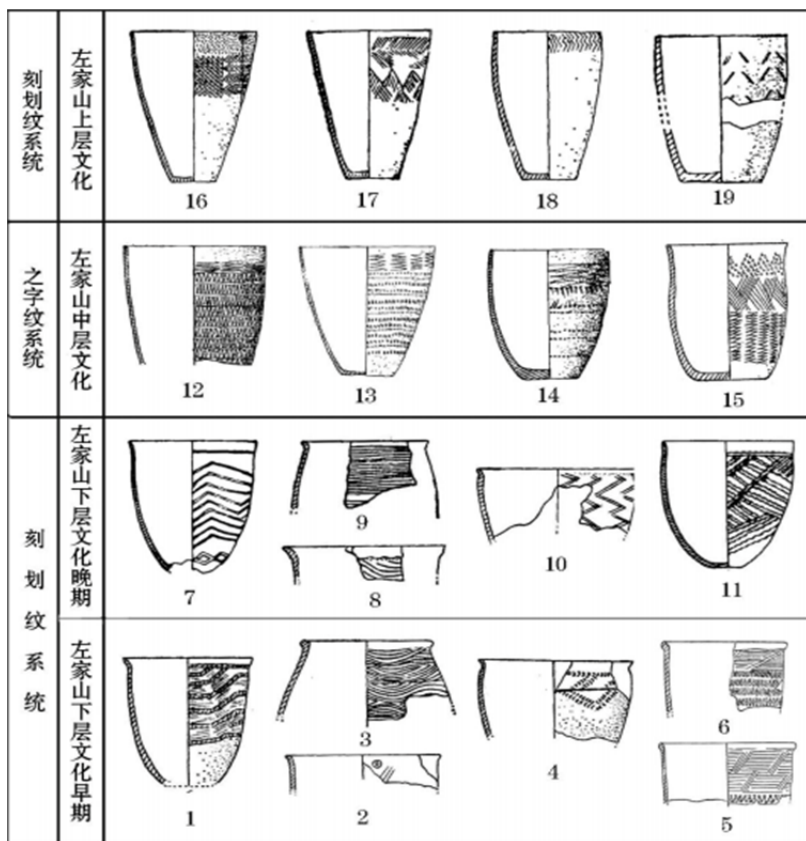
¹³ 贾珊《图们江流域汉代以前的几种考古学文化及相关问题的研究》, 2006年, 吉林大学硕士论文

¹ 赵宾福《中国东北地区夏至战国时期的考古学文化研究》, 2005年, 吉林大学博士论文

² 郭梦雨、赵宾福、刘伟《辽东半岛新石器文化纵横关系研究》, 2018年, 《边疆考古研究》期刊

³ 何明《吉林省新石器时代的考古发现与认识》, 1990年, 《内蒙古东部区考古学文化研究文集》期刊

⁴ 胡品《偏堡子文化与北沟文化研究》, 2014年, 吉林大学硕士论文

图一 第二松花江流域两个文化系统陶罐纹饰图⁶

图二 第一种文化遗存（水洞下层文化）与左家山下层文化陶器比较⁸

1、12 刻划双曲线纹 2、11 刻划横线条纹 3、10 人字纹 4、15 刻划网格纹 5、14 三角纹、短横线条纹

在研究此地文化与周边文化的关系时，学者们大多对图们江流域文化与辽东半岛地区内的文化进行对比分析。有学者认为图们江流域的刻划纹来源于辽东地区的小珠山中层文化¹⁴，也有学者认为此地刻划纹文化受来自俄罗斯滨海地区的查伊桑诺夫卡文化的影响形成¹⁵，这两种观点有待进一步考证。

综上所述，刻划纹文化系统形成后并非在起源地连续发展——起源于辽东北地区的水洞下层刻划纹文化发展为辽东南地区的后洼上层文化后，又进一步从东北南部迁入图们江流域，这是东北刻划纹文化系统跨区域迁移的大致线路，因此可将该刻划纹文化系统的发展模式概括为“异地式”¹⁶。

三、结语

以上，笔者通过文献的查阅与资料的收集，分别从时间和空间两个角度将新石器时代长白山文化带内刻划纹系统文化下的考古学文化的演变和传承脉络进行梳理，大致构建出新石器时代此地刻划纹文化系统的时空框架。碍于资料收集的有限性和缺乏深入性研究，文中还有许多疏漏之处需加以弥补，不足之处请前辈和老师多多指正。

⁶ 刘伟《第二松花江流域新石器时代考古学文化纵横关系》，2013年，《北方文物》期刊

⁸ 赵宾福、杜战伟《太子河上游三种新石器文化的辨识——论本溪地区水洞下层文化 偏堡子文化和北沟文化》，2011年，中国国家博物馆馆刊

¹⁴ 延边博物馆、吉林省文物考古研究所《和龙兴城——新石器及青铜时代遗址发掘报告》，2002年，《考古》期刊

¹⁵ 贾珊《图们江流域汉代以前的几种考古学文化及相关问题的研究》，2006年，吉林大学硕士论文

¹⁶ 杜战伟《中国东北南部地区新石器文化的时空框架与谱系格局研究》，2014年，吉林大学博士论文

Краткий очерк развития культур керамики с прочерченным орнаментом в рамках культурного пояса Чанбайшань в эпоху неолита

Ян Ифэй

На основе имеющихся материалов проводится исследование развития археологических культур эпохи неолита, входящих в круг культур керамики с прочерченным орнаментом в рамках культурного пояса Чанбайшань – Цяньшань. Углубленно исследуются культурная преемственность, эволюционное развитие и обмен между различными локальными культурными общностями.

Ключевые слова: неолит, культурный пояс Чанбайшань, культуры керамики с прочерченным орнаментом, культурная преемственность.

A Brief of the Development of Ceramic Cultures with Traced Ornaments in the Framework of the Changbai Cultural Belt during the Neolithic

Yang Yifei

Based on the available materials, a study is being carried out on the development of archaeological cultures of the Neolithic era, included in the circle of ceramic cultures with traced ornaments, in the framework of the Changbai – Qian Shan cultural belt. Cultural continuity, evolutionary development, and the exchange between various local cultural communities are studied in depth.

Keywords: Neolithic, Changbai cultural belt, ceramics culture with traced ornament, cultural continuity.

Ян Ифэй

студент 2-го курса
Хэйлунцзянский университет
e-mail: 774623926@qq.com

Yang Yifei

Student 2nd year
Heilongjiang University
e-mail: 774623926@qq.com

УДК 902

Бронзовое зеркало из северо-восточного региона Китая

Ду Сяо

Хэйлунцзянский университет, Харбин, провинция Хэйлунцзян, Китай

东北地区金代铜镜概述

杜晓

摘要: 金代是由北方女真民族建立, 在百余年的历史长河里, 沉淀下来的瑰宝——铜镜, 不仅是古人梳妆照容之物, 更是价值极高的工艺美术品。金代早期以上京会宁府为都, 东北地区甚为重要。近些年来, 学者们也对金代铜镜各方面做了相当详实的研究, 本文着重对东北地区出土铜镜和相关研究进行论述。

关键词: 金代, 铜镜, 东北地区

东北地区出土了大量铜镜, 铜镜上的纹饰, 铭文, 刻款等内容, 对于研究金代政治、经济、历史地理、风俗习惯、艺术风格具有极大的价值。目前对于金代铜镜的研究也日益详实, 本文主要是以考古发现、研究成果两方面对铜镜进行相关的概述。

一、考古发现

金代东北地区铜镜出土(采集或征集)地较为集中的属于金源内地, 尤以上京城发现数量与类型较为丰富。其他地方发现的铜镜数量较少, 且形制不同与上京城发现的。

阎景全的《金上京出土的铜镜》一文, 介绍了1964年金上京出土的大双鱼纹镜; 1969年出土的童子缠枝纹镜, 边缘有“上京警巡院”刻记; 1977年出土的蛟龙仙鹤纹镜, 有“上京会宁”刻记, 是金代铜镜的珍品。丹薇的《绥棱县出土的一件金代铜镜》, 介绍了一枚金代人物故事和双鲤鱼镜。董学增的《吉林永吉县出土金代双鲤铜镜》, 1978年, 永吉县出土一面金代双鲤鱼铜镜, 镜边篆刻“上京巡院正”铭文, 还有“金成县(花押)”刻纹。张志立的《海兽朝云铜镜》, 1980年吉林文物工作队在九台县征集一面金代铜镜, 缘上刻凿“官造”官府押记铭文。张志立的《金代双鲤铜镜》, 1980年在舒兰县征集一面金代双鲤鱼铜镜, 认为鲤鱼是女真人渔猎生活的写照, 也代表了祥瑞, 因此作为纹饰十分常见。庞志国的《怀德县发现的一面金代铜镜》, 1980年怀德县征集, 为仿唐鸾斧葡萄镜, 刻有汉字和女真字, 汉字是“信州武昌县大定十四年正月”。苗丽英的《本溪出土的铜镜》, 有菱花双龙纹镜、鸾凤牡丹镜、缠枝牡丹纹镜、飞鸟祥云镜、有柄人物故事镜、有柄神仙故事镜、龟鹤人物镜、司侯司镜等八面金代铜镜。刘红宇的《农安县出土一面铜镜》, 1983年农安县发现一面有铭文

的金代铜镜, 在铜镜边缘外侧携刻“济州县今贾”五个汉字, 有官府押记符号。许玉林、崔玉宽的《辽宁凤城县发现金代刻铭铜镜》, 1983年, 凤城县发现一面刻铭带柄圆形铜镜, 柄右竖刻铭文“泰和四年十一月日汾州录事司官”(花押)。金丽华的《永吉发现金代有柄铜镜》, 1986年, 吉林省博物馆征集一面铜镜, 有柄圆形镜, 图案为人物巡游图。靳淑兰的《吉林省农安县发现一件金代铜镜》, 1989年发现一面金镜, 为八出菱花波纹人物铜镜, 镜的右侧边缘有阴刻“信州司侯司记”和花押。

东北地区金代遗址也有出土的铜镜, 1972年辽阳市西北郊北园村北古墓中出土一面铜镜, 镜体厚重、铜质粗劣; 1977年黑龙江畔绥滨中兴古城和金代墓群征集到一面铜镜, 中间铸有“以铜为镜, 可以正衣冠”, M7出土一面带柄人物故事镜; 1983年安达县昌德公社小南山墓群发现三面铜镜, 一面人物故事镜, 一面双鱼镜, 一面海兽葡萄纹镜; 1985年吉林镇赉县黄家围子遗址出土一面素面镜, 一面有柄纹饰镜(柄残); 1986年沈阳市小北街金代墓葬发掘一面铜镜, 铭文“尚方作镜, 杜氏所造, 涑冶铜锡, 佳而且好, 辟邪天禄, 奇守并口, 万里口间, 口口口有, 服此镜者, 富贵长寿, 男列王侯, 女夫口口子”; 1991年林甸县四合乡渔场金代墓葬出土7面铜镜, 四乳四璃铜镜、瑞兽镜、盘龙镜、龟鹤花卉镜、凸弦纹窄缘铜镜、宽缘素面镜各一面, 另一面已流失; 1997年阜新市郊南瓦金代墓葬发掘出两面金代铜镜, 一面卍字镜, 一面盘龙镜; 2005年阿城市双城村一座金代墓葬出土一面瑞兽葡萄纹铜镜; 2018年黑龙江阿城金代墓葬M2出土一面铜镜, 图案为花鸟连珠纹, 边缘有“上京巡院”字样的刻款押记。

通过上述的叙述, 可以发现金代铜镜出土遗存多以墓葬、城址与遗址等为主, 其中上京城发现数量较多, 类型

较丰富。与此同时,铜镜的押记也为研究金代城市地理位置提供了重要的依据支持。

二、研究现状

铜镜的研究多以铜镜著录相对全面,详细介绍了铜镜的各处信息。同时学者们对铜镜的相关信息也多进行研究,并将铜镜所反映的信息与金王朝的文化、政治、经济等方面政策结合,从而为深刻认识金代社会提供重要的基础。

1、铜镜图录

1974年,黑龙江阿城县文物管理所选编了《阿城县出土铜镜》一书,书中共有46件铜镜,其中40面为金镜。比较详细的描述了出土时间与地点、铜镜的特征、边缘的刻记,并将铜镜分为金镜与仿唐、仿汉镜,金镜则包括龙纹镜、双鱼镜、童子镜、人物故事镜、仙人镜、花卉镜、素面镜。本书对金代铜镜的研究提供了重要参考。1990年,张英编著的《吉林出土铜镜》一书,收录114面金镜,附表说明每件铜镜名称、出土地点、年代、尺寸、铸铭、契刻验记、收藏单位等,铜镜的种类比较丰富,纹饰多样。给金代铜镜的研究提供了相当可观的材料。1994年,那国安、王禹浪编著《金上京百面铜镜图录》一书,100面金镜。可分为人物故事镜、龙纹镜、双鱼镜、花卉镜、神兽镜、鸾鸟镜、鸾鸟葡萄镜、铭文镜、素面镜、特殊镜等十类。1997年,旅顺博物馆出版《旅顺博物馆藏铜镜》一书,馆藏铜镜500余面,收金镜47件,将铜镜分为两大类,自制镜和仿制镜。每件铜镜都附有铜镜名称、出土地点、年代、尺寸、重量、铸铭、契刻验记、收藏号,部分铜镜会提及及其他地点出土相似铜镜。在前文中阐释了双鱼镜与童子镜是金代艺术水平的代表,金代铜禁和铜镜刻款。本书在铜镜的介绍方面更为完备,为研究者提供了更为清晰的视野。

2、铜镜的相关研究

对金代铜镜的研究,主要是从铜镜的纹饰、铭文、刻款、分类、皮色、铸造工艺、艺术风格等方面展开。

景爱的《金上京出土铜镜研究》,对阿城出土的铜镜进行研究,认为金代铜镜在形制上镜钮消失,代之以附耳,有柄铜镜大量出现,铜镜向大型方向发展。铜镜的镜台、铭文,金代的铜禁政策,官私作坊等做了详尽叙述,对铜镜的历史作用与艺术价值做了高度的评价。

王禹浪、李臣奇的《金代铜镜的初步研究》,对铜镜按照形状分为七类,并对铜镜的铭文、私铸镜和艺术特征进行了研究。

孙长庆的《金代铜镜》,铜镜是由一种外面有花纹的铜釜发展来的,金代铜镜继承了北宋铜镜的形制和风格,由于金代铜禁之策,而铜镜边缘的字款就成了金代铜镜的特点之一,铜镜上的铭文和刻款都是汉字,纹饰上人物颇具中原特点,说明了金代铜镜是自商代以来的铜镜艺术在我国北方地区的继续。

刘丽萍的《黑龙江省博物馆收藏的部分金代铜镜》,共28面铜镜,其中圆形镜24面,有双鱼镜、花卉镜、仿汉“家常富贵”四乳镜、乐器镜、奔马飞禽镜、吴牛望月镜、仿唐鸾兽葡萄镜、瑞兽葡萄镜带镜、瑞兽镜、双龙镜、万字镜,圆形带柄铜镜3面,均为人物故事镜,八角菱花形铜镜1面。

金代铜镜纹饰研究几乎在研究金代铜镜的论文中均有涉及,此外对某一类纹饰铜镜的研究也相当详实,常见的人物故事镜、鱼纹镜、龙纹镜、花卉镜、童子镜都有专门研究。

吴顺平的《金代铜镜纹饰》,将铜镜分为鱼纹镜、龙纹镜、人物故事镜、其他纹饰镜,与辽宋铜镜纹饰风格进行对比研究。许子荣的《许由巢父故事镜》介绍的是1971年阿城县出土的一面人物故事镜,引用《高士传》记载的许由巢父的故事,《吕氏春秋》卷十四《慎人》中记载许由巢父相见地点是颍阳箕山,并介绍了金镜仿制宋镜铜镜图案,其中人物位置的变化。

庞志国的《金代双鲤鱼镜》将纹饰的细部化分为五类,探讨了女真族生活环境与鲤鱼的关系,提出铜镜纹饰与铸造的三个特点:一、金镜兴起之初,铜镜制做粗糙,略浑厚、较重;二、女真人对鲤鱼十分喜爱,镜上的鱼饰:双鲤鱼首尾相接,尾鳍相对,身形瘦长,互相嬉戏、造型古朴大方,形象逼真;三、由于有禁私铸镜之令,所以在铜镜上往往铸有经过地方官验的官押。

王禹浪的《“海马葡萄”镜》、《童子攀枝镜》、《飞鹤镜》、《金代双鱼镜》,等数篇论文,铜镜皮色、纹饰、官造镜和私铸镜、铸造工艺和艺术风格方面研究水平较高。

金代铜镜的研究,铜镜的铭文与刻款常常是重中之重。董学增、高素心的《金代双龙纹刻款铜镜》,镜边缘上的刻款和押记是“咸平府平郎县(花押)”,平郎县不见于历史记载,此镜款弥补了文献记载的缺漏。

罗显清的《缠枝牡丹花式铜镜》,吉林省博物馆藏,镜缘刻有女真文四字,这四女真字用汉字注音为“寸哈儿屯皿干”,即《金史》所载的“宋葛屯猛安”或金代官印所刻的“宋哥屯猛安”。

张连峰、阎景全的《对金代双鲤铜镜铭文的一点补充》,与阿城县文物管理所收藏的两面金镜上的铭文相对照,认为这面铜镜初用于金成县,被检验一次,后流转至上京,又被“上京巡院”这个“厘务官”衙检验一次。说明金代的“铜禁”越来越严,民间流传的铜器不但初制时要出官方验记。而且从一地转到另一地也得经地方官衙检验后,才能使用。

田华的《金代铜镜的刻款及相关问题》、《再论金代铜镜刻款及相关问题》将铜镜分为前代铜镜、跨区镜和自铸镜,研究金代铜镜的刻款与铭文的区别,刻款的内容、形式、作用和检验机构,以及相关问题。徐英在《金代铜镜制作的成就与问题》一文中,评价了金代铜镜的历史地位为“铜镜制作的另一个高峰”,可以通过对金代铜镜镜形、镜背纹饰及刻款等方面看金代与两宋的经济文化政治交流以及这些交流对金代的影响。尤洪才的《金代铜镜两个问题的探讨》一文研究了金代铜镜刻记与铸款的时代性与阶段性和金代自制镜的分期与镜类演变。

刘俊勇的《金代自铭重量铜镜研究》,研究了五面自铭重量镜:“三斤八两”双鱼镜、“壹斤”双鱼镜、“三斤六两半”双鱼镜、“三斤”双鱼镜、“半斤”双鱼镜。这5面自铭重量铜镜的年代,当在金世宗大定八年(公元1168年)禁止民间私铸铜镜调令颁布同时,是路转运司监造的标准器。

金代铜镜研究综述类的文章,王宇、刘广堂的《金代铜镜研究述评》对金代铜镜研究分为三个阶段,综述了金代铜镜研究成果,提出了金代铜镜分期困难和研究不深入等问题。王禹浪、寇博文的《近三十年金上京研究综述——金上京考古发现与文物研究述》,在金上京出土文物铜镜部分,将近年来的研究成果梳理清楚。

金代铜镜也有毕业论文出现,杨昔慷的《海兽葡萄镜的初步研究》、蔡航的《金代仿古铜镜研究》、朱长余的《金东北三路出土铜镜研究》及史策的《金代铜镜纹饰研究》从各个角度探讨了金代铜镜特点。

注：1大双鱼镜，2双龙纹镜，3四童戴花葵花镜，4双兽戏珠镜，5许由巢父故事镜，6大定通宝镜，7长命富贵镜，8花卉镜，9鸾鸟海兽葡萄纹镜，10素面镜。

小结

总的来说，自《阿城出土铜镜》出版以来，学者们对金代铜镜的研究从各方面进行探讨，有了丰硕的成果，金代铜镜的面貌逐渐清晰，尤其对铜镜的纹饰和铭文刻款研究最多，而素面镜所占篇幅不大。学界内对发现的铜镜进行的相关研究，可以得到以下几点认识：一、金代出土铜镜以金源内地的为主，数量较多，类型丰富，造型别致，具有典型的金代文化特征；二、铜镜出土遗存多以墓葬、城址、遗址为主，不同遗存所出土的铜镜具有不同的功能；三、学界内对铜镜的研究多集中在纹饰、押记、仿造与自制镜等方面，并且将铜镜的分期与金王朝的发展相联系，以便清晰的认识金镜的发展脉络；四、学者对发现数量较多的鲤鱼镜，多进行深入的研究；五、金镜除部分具有女真文化外，多仿造汉唐风韵，可以看出女真文化受到汉族文化的深度影响，并加以结合自身文化进行改造。而近年来东北地区出土的铜镜并不太多，因此铜镜的研究仿佛在上个世纪的研究高峰后走向了平缓，我们期待铜镜的研

究可以出现新思想，新方法，从新的角度去研究铜镜的价值。

参考文献：

(一)铜镜图录

- [1] 阿城县文物管理所. 阿城县出土铜镜[M]. 哈尔滨:黑龙江阿城县文物管理所, 1974.
- [2] 张英. 吉林出土铜镜[M]. 北京: 文物出版社, 1990.
- [3] 王禹浪, 那国安. 金上京百面铜镜图录[M]. 哈尔滨: 哈尔滨出版社, 1994.
- [4] 旅顺博物馆. 旅顺博物馆藏铜镜[M]. 北京:文物出版社, 1997.
- [5] 中国青铜器编辑委员会. 中国青铜器全集 16 铜镜[M]. 北京:文物出版社, 1998.
- (二)期刊论文
- [6] 孙长庆. 金代铜镜 [C]. 黑龙江古代文物, 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 1979.
- [7] 董学增. 吉林永吉县出土金代双鲤铜镜 [J]. 文物, 1979.
- [8] 阎景全. 金上京出土的铜镜[J]. 学习与探索, 1980, (2).
- [9] 景爱. 金上京出土铜镜研究[J]. 社会科学战线, 1980, (2).

- [10] 张连峰, 阎景全. 对金代双鲤铜镜铭文的一点补充 [J]. 文物, 1980, (7).
- [11] 张志立. 金代双鲤铜镜 [J]. 吉林文物, 1980.
- [12] 许子荣. 许由巢父故事镜 [J]. 黑龙江文物丛刊, 1981.
- [13] 张志立. 海兽朝云铜镜 [J]. 吉林文物, 1981.
- [14] 丹薇. 绥棱县出土的一件金代铜镜 [J]. 求是学刊, 1981, (2).
- [15] 王禹浪. 海马葡萄镜 [J]. 求是学刊, 1981, (4).
- [16] 王禹浪. 飞鹤镜 [J]. 黑龙江民族丛刊, 1982, (2).
- [17] 王禹浪. 金代双鱼镜 [J]. 求是学刊, 1982, (6).
- [18] 王禹浪. 童子攀枝镜 [J]. 求是学刊, 1982, (2).
- [19] 许玉林, 崔玉宽. 辽宁凤城县发现金代刻铭铜镜 [J]. 文物, 1983.
- [20] 庞志国. 怀德县发现的一面金代铜镜 [J]. 吉林文物, 1983.
- [21] 刘红宇. 农安县出土一面铜镜 [J]. 吉林文物, 1984.
- [22] 吴顺平. 金代铜镜纹饰 [J]. 黑龙江文物丛刊, 1984.
- [23] 苗丽英. 本溪出土的铜镜 [J]. 辽海文物学刊, 1984.
- [24] 罗显清. 缠枝牡丹花式铜镜 [J]. 博物馆研究, 1985, (3).
- [25] 庞志国. 金代双鲤鱼镜 [J]. 博物馆研究, 1986, (1).
- [26] 金丽华. 永吉发现金代有柄铜镜 [J]. 吉林文物, 1987.
- [27] 董学增, 高素心. 金代双龙纹刻款铜镜 [J]. 中国文物报, 1989.
- [28] 靳淑兰. 吉林省农安县发现一件金代铜镜 [J]. 博物馆研究, 1991.
- [29] 刘丽萍. 黑龙江省博物馆收藏的部分金代铜镜 [J]. 北方文物, 1991, (3).
- [30] 田华. 金代铜镜的刻款及相关问题 [J]. 北方文物, 1995, (3).
- [31] 田华, 邱玉春. 再论金代铜镜刻款及相关问题 [J]. 求是学刊, 1996, (6).
- [32] 刘俊勇, 周家花. 金代自铭重量铜镜研究 [J]. 北方文物, 1998, (2).
- [33] 王宇, 刘广堂. 金代铜镜研究评述 [J]. 中原文物, 2000, (3).
- [34] 徐英. 金代铜镜制作的成就与问题 [J]. 阴山学刊, 2005, (6).
- [35] 王禹浪, 寇博文. 近三十年金上京研究综述—金上京考古发现与文物研究述 [J]. 哈尔滨学院学报, 2015. (三) 发掘简报
- [36] 黑龙江省文物考古工作队. 黑龙江畔绥滨中兴古城和金代墓群 [J]. 文物, 1977.
- [37] 辽阳市文物管理所. 辽阳发现辽墓和金墓 [J]. 文物, 1977.
- [38] 安达县图书馆. 安达县昌德公社小南山墓群简介 [J]. 黑龙江文物丛刊, 1984.
- [39] 吉林省文物考古研究所. 吉林镇赉县黄家围子遗址发掘简报 [J]. 考古, 1988.
- [40] 林甸县文物管理所. 林甸县四合乡渔场金代墓葬调查简报 [J]. 北方文物, 1997, (2).
- [41] 沈阳市文物考古研究所. 沈阳市小北街金代墓葬发掘简报 [J]. 考古, 2006, (11).
- [42] 韩锋. 阿城市双城村发现一座金代墓葬 [J]. 北方文物, 2006, (2).
- [43] 刘阳, 赵永军. 黑龙江阿城发现金代墓葬中国文物报 [N]. 中国文物报, 2019.
- [44] 王禹浪, 李陈奇. 金代铜镜初步研究 [C]. 辽金史论集: 第 3 辑 [C]. 北京: 书目文献出版社, 1987.
- [45] 赵振生. 阜新市郊南瓦金代墓葬 [C]. 中国考古集成—东北卷. 北京: 北京出版社, 1997.
- (四) 学位论文
- [46] 杨昔慷. 海兽葡萄镜的初步研究 [D]. 西安: 西北大学, 2010.
- [47] 赵永军. 金代墓葬研究 [D]. 长春: 吉林大学, 2010.
- [48] 蔡航. 金代仿古铜镜研究 [D]. 西安: 陕西师范大学, 2013.
- [49] 朱长余. 金东北三路出土铜镜研究 [D]. 北京: 中央民族大学, 2013.
- [50] 史策. 金代铜镜纹饰研究 [D]. 哈尔滨: 哈尔滨师范大学, 2017.

Бронзовое зеркало из северо-восточного региона Китая

Ду Сяо

Династия Цзинь была основана чжурчжэнями и просуществовала около 100 лет. Бронзовые зеркала являются не только утилитарными предметами, но и представляют собой яркие образчики декоративно-прикладного искусства. В последние годы внимание исследователей династии Цзинь, наряду со столичными центрами, приковано к северо-восточному региону Китая. Данная статья посвящена бронзовым зеркалам из этого региона, а также связанным с ними исследованиям.

Ключевые слова: династия Цзинь, бронзовое зеркало, утилитарный предмет, декоративно-прикладное искусство, северо-восток Китая

Bronze Mirror from the Northeast China

Du Xiao

The Jin Dynasty was founded by the Jurchen and lasted about 100 years. Bronze mirrors are not only utilitarian objects, but also represent vivid examples of decorative and applied art. In recent years, the attention of scholars of the Jin Dynasty, along with metropolitan centers, has been focused on the northeastern region of China. This article is devoted to bronze mirrors from this region, as well as related research.

Keywords: Jin Dynasty, bronze mirror, utilitarian object, decorative and applied art, Northeastern China

Ду Сяо

студент
Хэйлунцзянский университет
e-mail: 593082725@qq.com

Du Xiao

Student
Heilongjiang University
e-mail: 593082725@qq.com

УДК 902

Типологический анализ сосудов из погребений династии Ляо (Северо-Восточный Китай)

Ли Лижи

Хэйлунцзянский университет, Харбин, провинция Хэйлунцзян, Китай

辽代东北地区墓葬出土鸡冠壶类型学分析

李立志

摘要: 鸡冠壶又叫马镫壶, 也作皮囊壶。它是辽代墓葬中的重要随葬品, 也是辽代陶瓷中具有契丹风格的代表器物。目前, 在公开发表出土鸡冠壶的所有墓葬中, 东北地区墓葬数量占半, 其出土的鸡冠壶数目也达到 2/5。本文通过对东北地区墓葬出土鸡冠壶的形制、演变、功能等内容的研究, 呈现了辽代特色的民族文化, 彰显了深厚的精神情感。

关键词: 辽代; 东北地区墓葬; 鸡冠壶; 类型学

辽瓷是中国古陶瓷的关键组成部分, 近几十年来也被发展成考古学界的新课题, 其中鸡冠壶则是辽瓷的典型代表。从其被发现以来, 鸡冠壶一直受到学界的关注。迄今为止, 学界对鸡冠壶的研究已经近 90 年了, 成果颇丰。本文主要对辽代东北地区墓葬出土的鸡冠壶进行叙述, 并探讨相关问题。

一、研究概况

根据现有的发掘简报或报告得知,鸡冠壶大多出土于辽代疆域的墓葬中,且集中在其疆域的东南部、原渤海国西部、燕云十六州及其以北地带^[1]。截止2018年,公开发表出土鸡冠壶的墓葬共有92座,其中东北地区有42座(包括吉林省1座、辽宁省41座);墓中随葬的鸡冠壶共173件,东北地区墓葬则有72件。由此可见,通过研究东北地区墓葬出土鸡冠壶的概况,对于研究辽代陶瓷及其反映出的历史文化特征具有重要意义。

自20世纪50年代始,学术界对辽瓷鸡冠壶的分类研究便层出不穷,其中以考古类型学研究为主。对于前辈学者们的探究及论述,总结起来主要有以下几种:最早是李文信先生从陶瓷鉴赏的角度出发,系统地将鸡冠壶造型分为五个基本类型^[2],此种划分到现在对鸡冠壶的研究仍有指导意义。第二种是李红军先生在鸡冠壶编年下将其分为矮身横梁式、扁身环梁式(包括扁身绳梁式与扁身折梁式)、圆身环梁式(过渡形)、圆身捏梁式^[3],这是比较细化的分类方法。第三种是把鸡冠壶分为穿孔和提梁两个系列,为李宇峰^[4]先生提出,由杨晶^[5]、冯恩学^[6]、马沙^[7]及彭善国^[8]等先生发展进行讨论更具体的型式,在考古界逐渐成为主流理论。最后一种是较为新颖的观点,以罗平^[9]学者为代表,将鸡冠壶分为三大类型,八种型式。本文的研究基本沿袭第三种观点,将东北地区墓葬出土的鸡冠壶分为两大系列,以此为基础进行下面的论述。

二、类型分析

鸡冠壶作为辽瓷中最具契丹特色的器型,它之所以有此命名,是因为单孔式壶的孔形似鸡冠。无论单孔或是双孔,都属于穿孔式系列,故分别将其作为A型和B型进行划分。而矮身横梁式的鸡冠壶因造型酷似马镫也被称之“马镫壶”,像这种属于提梁式系列的鸡冠壶用C型进行表示。即:

A型单孔式,粗管状口部,冠峰有尖突,根据腹部形态区别,划为Aa和Ab两个亚型。

Aa型器身上窄下宽,正视近似梯形,略显肥大。分五式。

I式平底略内凹,腹部有仿皮囊缝合纹。其中阜新七家子墓^[10]鸡冠壶在颈和腹下各有一扁环状鼻。

II式圈足,口沿低于冠顶,腹更偏肥,如山嘴子公社小道虎沟墓^[11]的鸡冠壶孔位置比较向上。

III式圈足,壶身有仿皮条装饰带。当中,康平张家窑M1^[12]鸡冠壶还可见旋状刀削痕。

IV式圈足,乳突不明显,无仿皮条装饰,如义县清河门M4^[13]之壶有很易脱落的釉层。

V式圈足,侈口,深腹,腹上部略扁,下部圆形。例如商家沟M1^[14]鸡冠壶。

Ab型器身上下等宽,正视近似矩形,较显瘦高。仅有平房子公社平房子大队墓^[11]出土的鸡冠壶属于此类型,直口,垂腹,圈足。口唇与冠顶水平,腹壁较厚。

B型双孔式,提系部分整体呈凹字形,多附钮盖,表面施釉,多有较生动的仿皮囊缝线针迹,腹身划卷草纹或卷云纹。根据的口部与圈足区别,分为Ba和Bb两个亚型。

Ba型管状口,凹底或平底(略内凹),垂腹,扁体。根据提系部分形态的区别,可分两式。

I式高体扁身,上窄下宽,横断面略呈长方形,双乳突状提系部分方折平齐,前后峰等高。其中,锦州张扛村M3^[15]出土的鸡冠壶,有三部分构造,已使用乳钉装饰。

II式双乳突状提系部分呈弧形,前峰低矮,后峰高大,如法库叶茂台M7^[16]出土的鸡冠壶。

Bb型侈口,深腹,腹上部略扁,下部圆形,有圈足。仅朝阳商家沟M1^[14]出土鸡冠壶属此类型。

C型提梁系列,根据提梁形态、管口长短、器身大小及底部形态,将其分为Ca、Cb、Cc三个亚型。

Ca型横梁,上腹扁平,下腹鼓胀,提梁高于或略高于管口,平底。根据横梁程度和壶身形态分为两式。

I式矮体,粗管状口,腹身有仿皮带条装饰,管下部有凸起。其中阜新海力板墓^[17]出土的鸡冠壶壶上还遗有气泡。

II式壶体偏高,细长管状口,提梁略高,管口,挖底较浅式的圈足,器身两侧有仿皮条装饰,如义县清河门萧公墓^[13]出土的鸡冠壶。

Cb型捏梁,提梁与管口高度相当或较高,细长管状口,有圈足。根据腹部大小和捏梁程度分为两式。

I式器身偏瘦高,提梁多为明显的指捏纹,提梁高度与管口高度基本持平,腹中部基本为器物最宽处。如平房子公社棉麻站墓^[11]的鸡冠壶提梁呈花瓣组合状。

II式器身更显肥胖,深垂腹,捏梁程度不是太明显,器物最宽处偏下部。阜新五家子墓^[10]鸡冠壶器身遗有气泡。

Cc型环梁,提梁多呈绳索或扁环形,管口与提梁的底部持平,鼓腹,矮圈足,壶身多有贴塑皮条装饰。根据环梁特征和壶身形态分为三式。

I式提梁为皮环状,壶身上扁下圆,壶身有圆形皮扣,通体有皮条垂饰、条饰,提梁和壶颈上多贴塑有圆形扣饰。典型如阜新彰武大沙力土墓^[18]鸡冠壶。

II式壶体较高,粗管状口,提梁高于管口,上部半环状仿皮绳环梁,圈足。像平房子公社猪场墓^[11]的鸡冠壶孔近半圆形。

III式短直口,环形提梁位于正上方,下腹部椭圆形,饰有凸棱。仅有唐家杖子M2^[19]鸡冠壶属于此式,其厚重的圈足下的整个造型给人以稳重感。

¹ 刘璐. 辽代鸡冠壶研究[D]. 中央美术学院, 2018.

² 李文信. 辽瓷简述[J]. 文物参考资料, 1958(02): 10-22.

³ 李红军. 辽代陶瓷鉴定与鉴赏[M]. 南昌: 江西美术出版社, 2003: 77.

⁴ 李宇峰. 辽代鸡冠壶的初步研究[J]. 辽海文物学刊, 1989(01).

⁵ 杨晶. 略论鸡冠壶[J]. 考古, 1995(07): 632-639.

⁶ 冯恩学. 辽代鸡冠壶类型学探索[J]. 北方文物, 1996(04): 35-42.

⁷ 马沙. 论辽代鸡冠壶的分期演变及其相关问题[J]. 北方文物, 2001(01): 29-35+113-114.

⁸ 彭善国. 辽代陶瓷的考古学研究[M]. 长春: 吉林大学出版社, 2003: 76-92.

⁹ 罗平. 辽瓷鸡冠壶研究[D]. 中央民族大学, 2011.

¹⁰ 赵振生, 白杰. 辽宁阜新县契丹辽墓的清理[J]. 考古, 1995(11): 1008-1012.

¹¹ 傅宗德. 辽宁喀左县出土辽代鸡冠壶[J]. 考古, 1988(09): 861-862.

¹² 裴耀军. 康平张家窑1号辽墓[J]. 辽海文物学刊, 1996(01): 57-62.

¹³ 李文信. 义县清河门辽墓发掘报告[J]. 考古学报, 1954(02): 163-202+274-297.

¹⁴ 邓宝学, 孙国平, 李宇峰. 辽宁朝阳辽赵氏族墓[J]. 文物, 1983(09): 30-38.

¹⁵ 刘谦. 辽宁锦州市张扛村辽墓发掘报告[J]. 考古, 1984(11): 990-1002+1061.

¹⁶ 辽宁省博物馆等. 法库叶茂台辽墓纪略[J]. 文物, 1975(12): 26-36.

¹⁷ 李宇峰. 辽宁阜新海力板辽墓[J]. 辽海文物学刊, 1991(01).

¹⁸ 辽宁彰武的三座辽墓[J]. 考古与文物, 1999(06): 15-23.

¹⁹ 吕学明. 建平唐家杖子辽墓清理简报[J]. 辽海文物学刊, 1997(01): 24-29.

通过考古类型学研究,鸡冠壶表面的形制演化规律基本呼之欲出。

从现有的墓葬材料看,单孔式鸡冠壶大部分为陶质下的绿釉、白釉器物。从其形态变化来看,单孔式鸡冠壶器型变得下腹逐渐肥大,底部基本由凹底、平底变化成有圈足,纹饰的变化主要体现在仿皮条装饰的取消。这可能体现了一种倒退状态。

商家沟 M1 同时出土了扁身单孔式和扁身双孔式鸡冠壶,其纪年也基本属于单孔式系列中较晚的一种(即 AaV 式),故从其单双孔间的共存关系看,基本意味着当时扁身单孔壶逐渐走向末路和扁身双孔壶即将迎来明天。这也是 A 型壶向 B 型壶演化的表现。通过张扛村墓、前窗户墓^[20]等墓葬材料可以发现,它们出土的双孔式鸡冠壶做工精致,线条流畅,整体器型也发展的较为立方平整,其纹饰方面也从仿皮条装饰转向云纹、卷草纹、沟纹等。这些都表现出双孔式鸡冠壶到此已发展成一种成熟的状态。而到了张家营子墓^[21]、耿氏家族墓^[22]、喀左北岭 M1^[23]中,双孔式鸡冠壶器型重心有些上移,做工也稍显粗糙,饰样也做的比较草率简单,再加上张家营子墓同时出土了 1 个双孔式和 2 个提梁式鸡冠壶,这些则表明此时的双孔式鸡冠壶已逐渐走向没落阶段。

在出土的提梁式鸡冠壶中,整体由矮变高,壶体逐渐变大,提梁也有增高的趋势,装饰纹样上变化也很明显,釉色多样,增加黄釉、褐釉等,器身饰的仿皮带缝合线增多,也有乳钉纹等添加,底部逐渐发展为有圈足。这些特征在形制中表现为:Ca II 式直接继承了 Ca I 式,Cb II 式与 Cc 式是由 Ca 式发展而来,其中 Cb I 式则属于一种过渡形态。

三、文化渊源及演变探究

曾经在很长一段时间内,学界将鸡冠壶作为辽代契丹民族特有的器物。随着考古的新发现,这个观点被否定,因为在唐代的墓葬、窑址中也都曾出土过鸡冠壶。不止如此,李艳阳学者还指出,辽境发现的鸡冠壶,其根本是来源于中西亚、一带的沙漠民族^[24]。

根据以往的研究,辽境内出土鸡冠壶最早的纪年墓葬为内蒙古的耶律羽之墓^[25](942 年),其墓中出土了 4 件矮身横梁式的鸡冠壶,加上在唐代遗址中多处出土了与此型式相似而材质不同的鸡冠壶(如西安唐墓^[26]、邢窑遗址^[27]、何家村窖藏^[28]等),都为探索鸡冠壶渊源提供了证据。据悉,唐代矮身横梁式鸡冠壶总体上器物偏小又显硕圆,提梁较矮,器身有皮页缝合装饰,与耶律羽之墓的鸡冠壶造型大体相同。这基本可以表明辽代最早的提梁式鸡冠壶由唐代矮身横梁式的壶演变而来,而到了东北地区体现继承唐代风格的便是 Ca I 式鸡冠壶。

在辽代纪年墓中,比较早出土鸡冠壶的墓葬还有内蒙古辽驸马赠卫国王墓^[29](959 年),其墓中出土了多件扁身单孔式鸡冠壶。此外,内蒙古呼斯淖契丹墓^[30]中出土了处于晚唐早于辽的磨光黑陶鸡冠壶,之后城子公社窖藏发现的银质鸡冠壶^[31]与上述黑陶鸡冠壶的形制十分相似,而后的编年定位在建辽前的契丹族统治阶段中。值得注意的是,此银质鸡冠壶是契丹民族受唐代金银器风格影响并结合自己传统工艺而制作出来的。据此我们可以得出辽代的扁身单孔式鸡冠壶可能源于晚唐的单孔黑陶鸡冠壶。但是,纵观唐代发现的数不胜数的瓷器,鸡冠壶占比简直是九牛一毛,它并不是中原汉族人民的常用器皿。此时,鸡冠壶的另一个称谓“皮囊壶”给研究其祖源提供了线索。也就是说,鸡冠壶其实来源于长期在沙漠缺水地区生活的游牧民族的皮囊装水容器,其中在陕西出土唐代鸡冠壶的纹饰体现出波斯风格^[7],因此,鸡冠壶的最初源头很有可能为西域的皮囊器。

阜新海力板墓中出现了矮身横梁式与扁身单孔式鸡冠壶共存的情况,而同作为 Ca I 式的白玉都墓及后刘东屯墓根据壶体形态可判断这两墓的鸡冠壶略早于海力板墓的壶。在加上上述纪年墓叙述的对比,故可认为海力板墓的矮身横梁式鸡冠壶是最后阶段,而墓中的扁身单孔式鸡冠壶则是初始阶段。换句话说,辽代的矮身横梁式鸡冠壶时间比扁身单孔式鸡冠壶时间微早。

从生活实用性看,单孔式鸡冠壶被双孔式所代替是必然的。鸡冠壶作为重要的盛放液体之器皿,其便携性应用在辽代早期契丹族的游牧生活。但是,一个孔系重心不稳,容易在马上携带时摇晃不止,所以双孔系鸡冠壶应运而生。两个孔系使器物携带更加稳定,因此单孔式壶向双孔式壶演变也是不可避免的。

到了辽代中期以后,契丹民族农业发展,人口增多,定居人数也水涨船高,而且还加入了不少汉族人。社会经济的发展及生活方式的转变,使游牧民族逐步走向半游牧半农业社会。此时,双孔式鸡冠壶因壶体小、无把手变得不宜放置和提拿。于是,壶体大、底部平、圈足稳定的提梁式鸡冠壶诞生了,并一直伴随着辽王朝的消亡。

综上所述,鸡冠壶的渊源及演变过程如下:唐代的矮身横梁式鸡冠壶被契丹人引入辽后,逐渐被发展成提梁式鸡冠壶体系。辽代的扁身单孔式则源于中西亚的皮囊容器、变于早期黑陶单孔式,然后又逐渐演变成双孔式,从而形成穿孔式体系。所以,只有双孔式和部分提梁式鸡冠壶才是辽代特有的器皿。而辽代中期以后,提梁式鸡冠壶完全替代了穿孔式鸡冠壶,最终与辽代共同走向了灭亡。

四、结语

鸡冠壶是辽瓷中非常重要的一种器物,是了解契丹人生活方式、研究辽代考古与历史和中外文化交流的载体,它同时具备实用与文化双重功能。可以说,鸡冠壶是契丹人和契丹文化的象征,更是对中华民族精神的传承。

从 20 世纪 30 年代以来,各地学者对鸡冠壶进行了大量的调查探索,并获得了诸多成效。本文在前人研究基础上,以东北地区辽代墓葬出土的鸡冠壶为基础数据,把鸡

²⁰ 靳枫毅. 辽宁朝阳前窗户村辽墓[J]. 文物, 1980(12): 17-29+99-100.

²¹ 冯永谦. 辽宁省建平、新民的三座辽墓[J]. 考古, 1960(02): 15-24+4-6.

²² 韩国祥. 辽宁朝阳市姑营子辽代耿氏家族 3、4 号墓发掘简报[J]. 考古, 2011(08): 31-45+113+103-104.

²³ 武家昌. 喀左北岭辽墓[J]. 辽海文物学刊, 1986(01).

²⁴ 李艳阳. 辽代早期纪年瓷器研究的几个问题[D]. 辽宁师范大学, 2008.

²⁵ 齐小光, 王建国. 从艳双. 辽耶律羽之墓发掘简报[J]. 文物, 1996(01): 4-32+97-100+1-2+1.

²⁶ 李知宴. 唐代瓷窑概况与唐瓷的分期[J]. 文物, 1972(03): 34-48.

²⁷ 杨文山, 林玉山. 唐代邢窑遗址调查报告[J]. 文物, 1981(09): 37-43.

²⁸ 西安南郊何家村发现唐代窖藏文物[J]. 文物, 1972(01): 30-42.

²⁹ 郑绍宗. 赤峰县大营子辽墓发掘报告[J]. 考古学报, 1956(03): 1-26+131-140.

³⁰ 张柏忠. 科左后旗呼斯淖契丹墓[J]. 文物, 1983(09): 18-22+98.

³¹ 项春松. 赤峰发现的契丹鎏金银器[J]. 文物, 1985(02): 94-97+104.

鸡冠分为穿孔式和提梁式两个序列，对其分期演变规律等进行了基本的讨论，深化了相关知识。然而，仍有一些问题尚待研究确定：

(一) 以目前的发掘资料看，辽代鸡冠壶绝大部分出土于墓葬中，唯有内蒙古两处窑址有鸡冠壶残片，而东北地区窑址暂未发现。但鸡冠壶数量较多，分布较为广泛，仅凭两处窑址进行烧造，是否能满足辽境内（尤其是出土数量占据近二分之一的东北地区）的鸡冠壶使用呢？这个问题还应继续讨论。

(二) 根据现有材料，东北地区出土鸡冠壶的墓葬多为契丹人（贵族）墓葬。但辽代当时也有很多身份地位较尊贵的汉人，而他们生活在辽代统治范围，与契丹人朝夕相处，那为何鸡冠壶却很少成为这些汉人的随葬品呢？这

附表：

表一 单孔式鸡冠壶出土墓葬信息

序号	出土省份	出土单位	出土数目	器身高度 (cm)
1	辽宁省	阜新七家子墓 ^[10]	1	27
2	辽宁省	阜新海力板墓 ^[17]	2	26.7
3	辽宁省	朝阳商家沟 M1 ^[14]	1	24
4	辽宁省	建平叶寿柏车站墓 ^[2]	1	不明
5	辽宁省	平房子公社平房子大队墓 ^[11]	1	24.5
6	辽宁省	山嘴子公社小道虎沟墓 ^[11]	1	25.5
7	辽宁省	康平张家窑 M1 ^[12]	1	25
8	辽宁省	义县清河门 M4 ^[13]	2	29.5

表二 双孔式鸡冠壶出土墓葬信息

序号	出土省份	出土单位	出土数目	器身高度 (cm)
1	辽宁省	朝阳市北票水泉 M1 ^[32]	2	27, 31
2	辽宁省	前窗户墓 ^[20]	4	29
3	辽宁省	法库叶茂台 M7 ^[16]	2	不明
4	辽宁省	法库叶茂台 M22 ^[33]	2	21
5	辽宁省	耿延毅墓 ^[34]	2	34.3
6	辽宁省	耿知新墓 ^[26]	2	29.6
7	辽宁省	耿氏家族 M3 ^[22]	2	19.3
8	辽宁省	建平张家营子墓 ^[21]	1	22.7
9	辽宁省	锦州张扛村 M2 ^[15]	4	30
10	辽宁省	锦州张扛村 M3 ^[15]	1	残 28
11	辽宁省	朝阳喀左北岭 M1 ^[23]	2	29.5
12	辽宁省	阜新彰武东平村墓 ^[35]	1	28
13	辽宁省	商家沟 M1 ^[14]	1	24

表三 提梁式鸡冠壶出土墓葬信息

序号	出土省份	出土单位	出土数目	器身高度 (cm)
1	吉林省	双辽骆驼岭墓 ^[36]	1	31
2	辽宁省	朝阳木头城子壁画墓 ^[37]	1	26
3	辽宁省	法库叶茂台 M2 ^[16]	1	26.8
4	辽宁省	法库叶茂台 M23 ^[38]	2	30, 40
5	辽宁省	阜新五家子墓 ^[10]	1	24
6	辽宁省	阜新海力板墓 ^[17]	2	23.4, 28
7	辽宁省	凌源菜园子村墓 ^[39]	1	28
8	辽宁省	锦西西孤山辽萧孝忠墓 ^[40]	2	不明
9	辽宁省	建平张家营子墓 ^[21]	2	不明
10	辽宁省	新民巴图营子墓 ^[21]	2	30.5
11	辽宁省	朝阳喀左北岭 M3 ^[23]	2	28.5
12	辽宁省	朝阳喀左北岭 M4 ^[23]	2	24.3

³² 辽宁北票水泉一号辽墓发掘简报[J]. 文物, 1977(12):44-51+101-103.

³³ 许志国, 魏春光. 法库叶茂台第 22 号辽墓清理简报[J]. 北方文物, 2000(01):48-51.

³⁴ 朝阳地区博物馆等. 辽宁朝阳姑营子辽耿氏墓发掘报告[J]. 考古学集刊, 1983(05).

³⁵ 刘俊玉, 孙刚. 辽宁彰武县东平村辽墓发掘简报[J]. 北方文物, 1999(01):31-34.

³⁶ 段一平. 吉林双辽骆驼岭辽墓清理简报[J]. 考古与文物, 1983(6):43-46.

³⁷ 辽宁朝阳木头城子辽代壁画墓[J]. 北方文物, 1995(02):31-34.

³⁸ 李龙彬, 沈彤林. 辽宁法库县叶茂台 23 号辽墓发掘简报[J]. 考古, 2010(01):49-68+107-113.

³⁹ 刘莉. 凌源近年出土的陶瓷器及相关问题的探讨[J]. 辽海文物学刊, 1994(2):104-109.

⁴⁰ 雁羽. 锦西西孤山辽萧孝忠墓清理简报[J]. 考古, 1960(02):34-35.

也是今后的考古发掘工作中的重要探讨课题。期待学者们对鸡冠壶有更深入更透彻的研究。

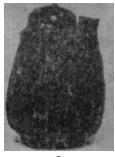
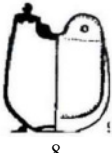

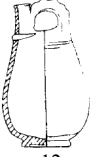

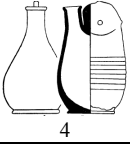
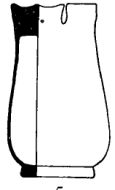
注：1.阜新海力板墓；2.山嘴子公社小道虎沟墓；3.康平张家窑 M1；4.义县清河门 M4；5.商家沟 M1；6.平房子公社平房子大队墓；7.前窗户墓；8.法库叶茂台 M7；9.凌源菜园子村墓；10.法库叶茂台 M2；11.新民巴图营子墓；12.朝阳木头城子壁画墓；13.阜新彰武大沙力土墓；14.喀左北岭 M4；15.唐家杖子 M2

(三) 其中，Bb式（商家沟M1出土双孔式）无图，仅有器物文字描述。

13	辽宁省	平房子公社猪场墓 ^[11]	2	25.5
14	辽宁省	山嘴字公社大杖子大队墓 ^[11]	1	32.7
15	辽宁省	平房子公社棉麻站墓 ^[11]	1	31
16	辽宁省	平房子公社三台大队一队墓 ^[11]	1	28.8
17	辽宁省	义县清河门 M1 ^[14]	2	29.5
18	辽宁省	义县清河门 M2 ^[14]	2	47.6
19	辽宁省	阜新白玉都辽墓 ^[41]	1	17.9
20	辽宁省	阜新彰武大沙力土 M1 ^[18]	4	29.5-32.5
21	辽宁省	康平后刘东屯墓 ^[42]	1	25.5
22	辽宁省	唐家杖子 M2 ^[19]	2	29.8

注：阜新晋国夫人墓与大辽国左金吾卫上将军兰陵萧公墓出土的鸡冠壶形状不明，仅剩残片，未统计表中。

表四 各型式鸡冠壶的发展演变图例

	A 型		B 型		C 型			
	Aa	Ab	Ba	Bb	Ca	Cb	Cc	
I								
II								
III								
IV								
V								

Типологический анализ сосудов из погребений династии Ляо (Северо-Восточный Китай)

Ли Лижэ

Сосуды U-образной формы с ушками, имитирующие кожаные меха, являются важным элементом в погребениях времени династии Ляо, а также представляют киданьский стиль в керамике этого периода. В настоящее время во всех погребениях этого периода обнаружены подобные сосуды. Данная статья посвящена анализу эволюции формы и функции сосудов с ушками, обнаруженных в северо-восточном регионе, также приводятся основные характеристики культуры династии Ляо.

Ключевые слова: династия Ляо, погребения Северо-Восточного Китая, сосуды с ушками, типология.

⁴¹ 袁海波. 辽宁阜新县白玉都辽墓[J]. 考古, 1985(10):958-959+956.

⁴² 张少青. 辽宁康平县后刘东屯辽墓[J]. 考古, 1986(10):922-925.

Typological Analysis of the Vessels from the Burials of the Liao Dynasty (Northeast China)

Li Lizhi

U-shaped cockscomb vessels imitating leather bottle are an important element in the burials of the Liao Dynasty, and also represent the Quidan style in ceramics of this period. Currently, in all burials of this period similar vessels are found. This article is devoted to the analysis of the evolution of the shape and function of cockscomb vessels found in the northeastern region of China. The main characteristics of the Liao Dynasty culture are also given.

Keywords: Liao Dynasty, burials of Northeast China, cockscomb vessels, typology.

Ли Лижи

магистрант
Хэйлунзянский университет
e-mail: 1796876550@qq.com

Li Lizhi

Graduate student
Heilongjiang University
e-mail: 1796876550@qq.com

УДК 902

Открытие и исследование гробниц династии Цин на северо-востоке Китая

Лю Ян

Хэйлунзянский университет, Харбин, провинция Хэйлунцзян, Китай

东北地区清代墓葬的发现与研究概述

刘杨

摘要: 东北地区是清朝的龙兴之地,也是边疆少数民族的主要聚居地。文革结束以来,东北地区已经发现相当数量的清代墓葬遗存,以土坑竖穴墓和土扩砖室墓为主,葬具基本以木棺为主,流行仰身直肢葬,年代一直从清代早期贯穿到清末,等级从皇陵、将军墓到平民墓不等。东北地区清代墓葬的发现为清代的边疆的历史文化、葬制葬俗、少数民族生产生活及东北地区经济发展等方面的研究都提供了珍贵的实物资料。

关键词: 清代墓葬、东北地区、葬制葬俗、族属、等级

清朝是我国历史上女真族建立的由多民族共同组成的王朝政权,乾隆二十五年(1760年),清朝平定准噶尔汗国后疆域达到极盛,北起蒙古唐努乌梁海地区及西伯利亚,南至南海,包括“千里石塘、万里长沙、曾母暗沙”

(今南海诸岛),西南达西藏的达旺地区、云南的南坎、江心坡地区等缅甸北部,西抵葱岭、巴尔喀什湖地区,东北抵外兴安岭,包括库页岛,东南包括台湾、澎湖群岛。国土面积积达1316余万平方公里。东北地区是清朝的龙兴之地。顺治年间入关后,以驻防八旗留守盛京沈阳。康熙至乾隆年间,逐渐形成三个将军辖区:盛京(奉天)、吉林、黑龙江,地位拟于内地之行省。将军之下设专城副都统分驻各城,并管理各城的临近地区。副都统下有总管统领各旗。在汉民聚居之处,置府、州、县、厅,如同内地。居於黑龙江、嫩江中上游的巴尔虎、达斡尔、索伦(鄂温克)、鄂伦春、锡伯等族,编入八旗,由布特哈总管、呼伦贝尔总管管辖。黑龙江、乌苏里江下游及库页岛的赫哲、费雅喀、库页、奇楞等渔猎部落则分设姓长、乡长,由三姓副都统管辖。

长期以来,在考古学权威工具书中,考古学研究的年代范围下限被定在了明朝灭亡的1644年。近些年来,随着考古学的不断发展,其横向的研究范围已从人类社会不断扩大到人类发展的整个历程,因此,出现了环境考古、动物考古、天文考古、民族考古、水下考古等学科分支;但其纵向的年代范围却尚未有所突破。这种情况下,在发掘过程中把清代文化遗存像近代地层一样挖掉也并不为过,所以鲜见清代的考古发现成果。另外,清代考古不受重视,很大程度上与清代文献记载比较丰富有关。对于研究清史学家来说,更不像先秦史学家那样依赖考古发现。但是尽管文字资料很多,却并不能全面、立体地展现社会,还需要大量的考古发现去印证、补充和展现文献,也需要运用“考古学与历史学的整合”方法去做研究,才更具有科学性。另一方面,大多数公众往往更喜欢通过直观的考古成果而不是枯燥艰深的文献来了解中华民族悠久的历史和

灿烂的文化,恐怕这也是近些年来考古风靡社会的重要原因。近年来随着考古工作的开展。东北地区已经发现相当数量的清代墓葬遗存,为清代的历史、文化研究提供了珍贵的实物资料。但是由于工作的不平衡性和一些墓葬资料没有及时报道或报道较为简略,给人深入研究带来一定的困难,本文对东北地区所收集到的现有材料加以梳理,对其墓葬等级、形制、随葬品、年代、族属等方面做了初步总结,以期引起应有的关注和重视。

一、墓葬介绍

东北地区广义上是指东北三省即黑龙江省,吉林省、辽宁省与内蒙古东部,狭义上指的是黑、吉、辽三省。本文所研究的范围是指广义上的东北地区与清代东北地区所重合的部分,以期获得更全面的认识。东北地区清代墓葬目前发现共有三百多座,但是由于大部分清墓还没有出详细的报告,笔者就目前所搜集到的二十四个地点100余座墓葬的资料进行分析讨论,以期获得对清代的边疆的历史文化、葬制葬俗、少数民族生产生活及东北地区经济发展等方面获得足够的认识。

1. 辽宁地区

辽宁地区特别是沈阳地区作为清朝的肇兴之地,自解放60多年以来,考古工作者们先后发掘了清代墓葬160余座,这对研究这一地区清代的历史提供了详实而难得的文物资料。主要墓葬有清初三陵:福陵、昭陵、永陵,额亦都墓,费英东墓,扬古里墓,安达里墓,安边我墓,岳託墓,吴礼堪墓,郎太夫人墓,二台子清墓,炼油厂清墓,烟笼山清墓,沈阳市“市府广场”南清墓,东北大学清墓,圣世豪林广场清墓,九十四中学清墓,白山路清墓,八王寺清墓,水家村清代墓群等。

2. 吉林地区

吉林地区所发现的清墓较少,分布较为分散,共发现墓葬36座,如长春市榆树韩家屯清墓、榆树市上台子清墓群,通榆兴隆山清代公主墓等。

3. 黑龙江地区

黑龙江地区清代墓葬发现的较多且分布也较为集中，特别是2001-2004年连续四年对尼尔基水库淹没区内的古代文化遗存进行发掘保护工作，发现并清理了18座清代墓葬，加上其他地点发现的清代墓葬总共有130余座。分别为瑗瑛富明阿墓，二〇二国道瑗瑛支线清墓，齐齐哈尔市奈门沁清墓，嫩江县铁古拉村清墓，讷河市都拉本浅清墓，讷河市全发屯清墓，团结屯清墓，齐齐哈尔市梅里斯音钦清墓，齐齐哈尔建华区红光村清墓，嫩江县崔家坟清墓，齐齐哈尔老龙头清墓，伊春市乌云河船棺墓，依兰县永和、德丰清墓，扎龙清代砖室墓，讷河郭贝勒氏家族墓地等。

4. 内蒙古地区

内蒙古东部地区目前发现的清墓有：莫力达瓦旗前宜卧奇清代将军墓，莫力达瓦达斡尔族自治旗腾克乡清代墓葬，白音尔灯清代荣宪公主墓等。

二、墓葬分析

1. 墓葬等级

东北地区清代墓葬等级主要分为三类，第一类为皇陵及贵族墓，如清昭陵，福陵，永陵，达尔汉王陵，溥王陵，宾图王陵，东京陵，通榆兴隆山清代公主墓，内蒙白音尔灯清代荣宪公主墓等。第二类为将军墓，如讷河市威远将军墓，郭贝勒氏家族墓地，内蒙古莫力达瓦前宜卧奇将军墓，瑗瑛富明阿墓等。第三类为平民墓，也包括一些中下级官员墓，如讷河市工农墓葬、全发墓葬、团结墓葬，嫩江县铁古拉墓葬，嫩江县崔家坟墓等。由此可见，东北地区清代墓葬的等级上至皇陵，下至平民墓，这为研究东北地区各个阶层人民的生产生活状况提供了珍贵的实物资料，填补了东北地区清代考古学的空白。

2. 墓葬形制

东北地区清代墓葬的形制大致分为土坑竖穴类、室类墓及船棺墓三类。

(1) 土坑竖穴类墓

根据有无葬具及葬具的材料不同可分为土坑火葬墓和木棺墓。

1. 竖穴土坑火葬墓，共14座。分别为沈阳地区的圣世豪林广场清墓1座，九十四中学清墓1座，安达里墓，岳託墓，二台子清墓1座，炼油厂清墓1座，内蒙古莫力达瓦旗前宜卧奇清代将军墓8座。史书上记载在乾隆年间受汉文化的影响，开始大力推行土葬，因此我们可以初步判断这14座火葬墓的年底应该是在清代早期，最晚不超过清代中期。

2. 竖穴土坑墓，共106座。可见在东北地区清代墓葬中这种形制比较流行。从保存完整的墓葬看，葬式均为仰身直肢葬。根据墓葬形制及合葬与否可以分为以下几个型。

A型：单棺（椁）墓（包括单椁单棺墓、单棺墓及无葬具）共82座。分别为东北大学清墓，沈阳白山路清墓M2-M4，沈阳八王寺墓群48座，二〇二国道瑗瑛支线清墓，齐齐哈尔奈门沁清墓M1、M2、M3、M6，讷河市都拉本浅清墓，齐齐哈尔市梅里斯音钦清墓M1、M3、M4，齐齐哈尔老龙头清墓，依兰县永和、德丰清墓11座，长春市榆树韩家屯清墓M1-M3，榆树市上台子清墓群M8，沈阳炼油厂清墓4座，烟笼山清墓。这类墓葬的葬具均为木棺，材质一般为松木或柏木。以上墓葬中出土的随葬品都较少且简单，推测均应为平民墓。通过对保存较完好的墓

里的人骨鉴定来看，墓主男女皆有且均已成年。葬式均为仰身直肢葬。

B型：双棺合葬墓，共23座。分别为嫩江铁古拉墓，齐齐哈尔市奈门沁M4、M5，讷河市全发屯清墓、团结屯清墓，沈阳炼油厂清墓，榆树市上台子清墓M1-M7。以上合葬墓均为同坑异穴的夫妻合葬墓，除此之外齐齐哈尔市梅里斯音钦M2为母子合葬墓，依兰县永和清墓M6为儿童合葬墓。

C型：一椁三棺墓，目前东北地区仅发现嫩江县崔家坟3号墓1处。该墓墓坑为长方形土坑竖穴墓。墓内为一椁三棺，木椁外及棺底用桦树皮和木炭做成防腐层，棺木为松木，已腐朽，内衬为一层黄绫，从残存尸骨判断，葬式为仰身直肢葬，根据存世的碑文以及墓葬形制特点、出土遗物判断此墓应为一夫多妻墓。

(2) 砖室墓

共12座。分别为沈阳市“市府广场”南清墓1座，安达里墓，安边我墓，岳託墓，郎太夫人墓，二台子清墓，长春市榆树韩家屯清墓3座，内蒙古腾克乡清墓1座，齐齐哈尔红光村、扎龙清代砖室墓。如：长春榆树韩家屯M4-M6为砖室墓，均为长方形条砖沿坑壁呈“工”字形砌成，构成墓室，墓室底部未见铺砖，砖室内壁留有放置随葬品的小龕。墓室前后两侧为阶梯塔型。所有墓葬均为木质单棺，M4、M5可从棺内发现的人骨断定葬式为仰身直肢葬。

(3) 船棺墓

这类墓葬形制暂时只在伊春市嘉荫县乌云河右岸山崖洞中发现1例，利用使用过的木船作棺，桦树皮做盖的这种丧葬习俗，在黑龙江省尚属罕见，具体含义还需要进一步研究。乌云河船棺墓对研边疆少数民族丧葬习俗提供了非常珍贵的文物资料，对研究黑龙江地区古代少数民族史有着重要的意义。

3. 出土器物及族属判断

东北地区清墓出土的随葬品十分丰富且种类繁多，可分为瓷器、铁器、铜器、金银器、陶器、玉器、桦树皮器等，从用途上看可分为生产生活用品和武器马具，装饰品等。瓷器不仅品种齐全且图案纹饰十分精美，有山水、花草、诗文、人物、动物纹等。东北地区清代墓葬出土的文物不仅具有非常重要的文物价值而且也具有较高的艺术价值，对研究东北地区清代人民的文化生活提供了宝贵的资料，推动了东北地区清代考古学的深入研究。

东北地区自古以来就是一个多民族共同生产生活的地区，随着民族的分化和融合，到了清代，东北地区的主要民族构成有汉族、满族、赫哲族、达斡尔族、蒙古族等。本文结合历史文献对于各民族的记载加上东北地区清墓中出土的随葬品以及丧葬习俗等方面对东北地区清墓的主要族属进行分析。

(1) 达斡尔族人墓

达斡尔族是黑龙江地区的土著民族。清兵入关之前，达斡尔族主要生活在黑龙江中上游地区。清兵入关后，由于沙俄入侵黑龙江流域，长期生活在这里的达斡尔族人民被迫南迁到嫩江流域等地，并在此定居下来。史料记载达斡尔族人死后其后人会把死者生前用过的碗、筷、烟具、锅、小刀和米、面等东西，要用线网包起来装入棺内的左边；把银箔纸剪成牙形，贴在棺内的右边，用来象征日月。由此看来目前黑龙江地区所发现的清墓大多数为达斡尔族人墓葬，集中分布在齐齐哈尔和嫩江两个地点。如嫩江县铁古拉村清墓M1墓内出土“乾隆通宝”一枚。铁棺钉

数枚，头骨部分出土顶戴及翎管各1件，右侧髌骨出土一件腐烂的火镰袋，左侧出土黑木鞞铜箍铁刀1件。刀鞞内又骨筷1副。M2出土文物包括：“嘉庆通宝”1枚，棺钉数枚，圆锥形木椎数根，红彩瓷碟残片1个。玉簪1件，银簪1枚。银耳环3枚，玉猴1件，烟袋锅及烟嘴各1件，铁刀1个，八宝银镯1件。棺尾右侧有一套器物组合，依次为瓷杯、瓷碗、瓷碟、铜吊锅、骨筷一双。从两座墓的随葬品看，火镰袋、铁刀、铜吊锅具有鲜明的达斡尔族的民族特色。讷河市都拉本浅清墓出土随葬品有烟具一个，腐烂严重，只剩下烟嘴。刀1个，已腐朽。木棺北部靠近棺角处壁龛出土铜锅1个，磁盘2个，瓷碗1个。讷河团结屯清墓M1棺内出土烟袋锅1个，烟嘴1个，银牌饰1个，木牌饰1个，荷包1个，铜簪5件，耳饰2对，戒指3枚，铁环2件，玻璃盒1个，棺内西北角出土器物组合，依次为铜锅，瓷碟，瓷杯，瓷碗，磁盘各1件，填土中出土烟袋锅、头饰、金耳环各1个。M2棺内出土乌黑烟杆、玛瑙烟嘴、烟袋锅各1件，铁刀1个，鼻烟壶1个，填土中发现2颗芙蓉石，应该为鼻烟壶的盖口。棺外东北角出土器物组合：铜锅、瓷杯、瓷碟、瓷碗、大瓷碗、磁盘各1件。讷河市全发屯清墓的两组墓葬从随葬品来看，有铁刀、筷子、烟袋锅、火镰袋、铜吊锅等，这些都是狩猎民族所用物品，这两组墓葬也应为达斡尔族人的墓葬。齐齐哈尔老龙头清墓随葬品集中放在墓主头部左侧，分别是：青花瓷碟、木杆铜烟袋、蒙古餐刀、桦皮篓、滑石片，白瓷盅各一件。砾石片2个，羊距骨10个，穿孔料珠2个。从随葬的青花瓷碟的形制和押记来看，应该是康熙年间的民窑产品。木杆铜烟袋、羊距骨、蒙古式餐刀是当地达斡尔人的日常生活用品，因此判断该墓主人应该是清初迁徙到嫩江流域居住在老龙头附近的达斡尔族少年男子。内蒙古腾克乡清墓墓葬共出土随葬品有：铁镞19件，马镫2副，马衔1件，带箍2件，带钩1件，刀2件，铜带扣3件，铜带饰6件，烟袋1只，吊锅1件，草茎编结的冠顶1件。棺底铺柳条是狩猎民族的埋葬方式的特征之一，从随葬品看，大量的马具和箭镞以及草茎编成的冠顶都体现出该墓是清末达斡尔族的平民墓葬。

(2) 满族人墓

满族是十七世纪三十年代形成于东北辽东地区的少数民族，是中国清朝的统治民族。火葬是清初满族较为盛行的丧葬风俗，一方面是继承其先人女真族的火葬传统，另一方面也与满洲八旗长期征战的军旅生活相关。满族人墓葬中的随葬品较为简单，数量也不多，因此上文中提到的土坑竖穴火葬墓应为满族人墓的可能性较大。如沈阳圣世豪林广场清墓共出土器物4件，一件黑褐釉瓷瓶口颈残件，一件铜片，一件圆柱形铁器，一件“天聪通宝”铜钱；沈阳九十四中学清代墓葬其中火葬墓中出土1件铭记砖，若干铜钱和1件酱釉盖罐；木棺葬随葬品仅见铁棺钉、铜扣、铜钱。在清初东北地区的满族的葬俗中，还存在着以人殉葬的现象。清太宗皇太极死，以章京敦达里、安达里二人殉葬。安达里墓是清初人殉葬的实例，是研究清初政治制度和满族丧葬习俗的重要资料。

(3) 赫哲族人墓

赫哲族是清代黑龙江东部地区重要的少数民族，主要分布在松花江下游地区。赫哲族与明代的东海女真（也称野人女真）有着密切的继承联系。赫哲等族的随葬品一般都与死者生前的身份和从事的职业有关。如依兰永和、德丰清墓，12座墓葬共出土随葬品300多件。其中永和的一座墓中陪葬有军刀、弓、镞、骨指板等，推测此墓地主人应为一名兵士；德丰的一号墓墓中陪葬鱼叉、鱼网、木勺、铜吊锅、铜烟袋锅等，据此推测该墓的主人应为以为

渔民。于此同时两个墓地的墓葬均出土了一批精美的清代初期内地的瓷器。从赫哲等族的丧葬习俗来看应该是受到了满、汉等族丧葬风俗的影响，同时也反映出当时居住在松花江流域的少数民族和中原地区有着密切的联系。

(4) 鄂伦春人墓

鄂伦春族是清朝前期黑龙江地区分布最广的土著民族。目前东北地区的鄂伦春人墓仅有伊春市乌云和船棺墓1座，出土文物有：铁甲片4500克，皮甲衬、皮衫、皮褥子各一块，桦树皮桶和筐箩各一个。铁刀2把，枯木箭杆若干，镂花铁皮带铐一条，长84厘米，骨器9件砾石4件。根据出土的文物测墓主人是当地鄂伦春人，生前从事渔猎生活。从衣服上的铁甲片和带铐和衬衣的马蹄袖来看，墓主人还参加过清初统一东北或者进关的战斗，按地理情况推测，墓主人生前可能是当时毕拉路路治所传递公文书信的差人。亦或是随满族入关而又反籍的新满洲人。

三、小结

综上所述，东北地区清代墓葬的等级上至皇陵，下至平民墓。墓葬的形制大致分为土坑竖穴类、室类墓及船棺墓三类。流行仰身直肢葬，年代一直从清代早期贯穿到清末。随葬品十分丰富且种类繁多。墓主人主要有达斡尔人，赫哲族人，满族人、鄂伦春人等。这些清墓的发现为研究东北地区各族人民的丧葬习俗及物质文化生活提供了非常重要的实物资料，同时也对东北地区历史文化的研究发挥着重要的作用。

参考文献

- 曹金萍.重视明清考古.学科发展的趋势.中国社会科学报.2013(1)
- 沈阳文物考古研究所.沈阳“市府广场”南明代、清代墓葬发掘报告.沈阳考古文集.第二集
- 沈阳文物考古研究所.沈阳清墓出土“天聪通宝”满文大钱.沈阳考古文集.第二集
- 沈阳恩物考古研究所.沈阳九十四中学清代墓葬.沈阳考古文集.第一集
- 沈阳文物考古研究所.沈阳白山路清墓发掘报告.沈阳考古文集.第一集
- 沈阳文物考古研究所.沈阳八王寺明、清墓葬.2006年发掘简报.沈阳考古文集.第一集
- 姚玉成、李玲.瑗璋富明阿墓出土的一批清代文物.北方文物.1994(4)
- 何晓光.二〇二〇国道爱辉支线清代墓葬清理发掘的主要收获.黑河学刊.2001(1)
- 李有骞、王长明等.黑龙江省齐齐哈尔市奈门沁遗址发掘简报.北方文物.2012(3)
- 陈永婷、赵永军.黑龙江嫩江县铁古拉村清代墓葬发掘简报.北方文物.2017(4)
- 辛建、朱春雨.黑龙江省讷河市都拉本浅清墓.北方文物.2010(2)
- 陈永婷、赵永军.黑龙江讷河市团结屯清代墓葬发掘简报.边疆考古研究.2016(2)
- 陈永婷、赵永军.黑龙江讷河市全发屯清代墓葬发掘简报.边疆考古研究.2016(2)
- 崔福来、辛建.黑龙江省齐齐哈尔市梅里斯音钦清代墓群调查简报.北方文物.1984(4)
- 王大为等.齐齐哈尔市建华区红光村清代夫妻合葬墓发掘简报.北方文物.2005(3)
- 张鹏、刘淑华.嫩江县清代“崔家坟”二号墓区3号墓葬的清理.黑河学刊.1997(4)
- 霍晓东、傅惟光.齐齐哈尔富拉尔基老龙头清代达斡尔族墓葬，北方文物.2014(1)
- 王东甲等.伊春市乌云河船棺木调查清理简报.北方文物.1994(4)
- 史学谦、金太顺.依兰县永和、德丰清墓的发掘.黑龙江文物丛刊.1982(1)
- 殷煥良.内蒙古莫力达瓦达斡尔自治旗腾克乡清代墓葬清理简报.北方文物.2000(2)
- 殷煥良等.莫力达瓦旗前宜卧奇清代将军墓地发掘报告.内蒙古文物考古.2005(1)
- 徐坤等.长春市榆树韩家屯墓地发掘简报.博物馆研究.2008(3)
- 李东等.吉林省榆树市上台子墓群发掘报告.北方文物.2010(1)
- 周喜峰.清朝前期黑龙江民族研究.南开大学博士研究生毕业(学位)论文.2003.41.
- 赵刚.从考古上看清代鄂伦春的埋葬习俗.博物馆研究.2008(2)
- 王禹浪.六十年代以来黑龙江清代历史文化发现与研究.满语研究.1998(1)
- 清代达斡尔族中的鄂博勒氏.北方文物.1986(1)

Открытие и исследование гробниц династии Цин на северо-востоке Китая

Лю Ян

Северо-Восточный Китай во время династии Цин был основным районом расселения этнических меньшинств на границе. Со времени окончания культурной революции на территории Северо-Восточного Китая было найдено большое количество гробниц династии Цин. Самым распространенным типом захоронения является кирпичная гробница. Этот тип погребения был основным от начала до конца династии Цин – от гробницы императора, гробниц генералов до гробниц мирных жителей. Обнаружение гробниц династии Цин в Северо-Восточном Китае предоставило ценную информацию для изучения истории и культуры пограничных областей династии Цин, погребальных обычаев, хозяйства этнических меньшинств, а также экономического развития в Северо-Восточном Китае.

Ключевые слова: гробницы династии Цин, Северо-Восточный Китай, погребальные обряды, клан, иерархия.

Discovery and Research of Qing Dynasty Tombs in Northeast Region of China

Liu Yang

The Northeastern China during the Qing Dynasty was the main settlement area of ethnic minorities on the border. Since the end of the Cultural Revolution, a large number of tombs of the Qing Dynasty have been found in the Northeastern China. The most common type of burial is a brick tomb. This type of burial was the main one from the beginning to the end of the Qing Dynasty - from the tombs of the emperor, the tombs of generals to the tombs of civilians. The discovery of the tombs of the Qing Dynasty in the Northeastern China provided valuable information for studying the history and culture of the border zones of the Qing Dynasty, cultural and ethnic minorities, and economic development.

Keywords: Qing Dynasty Tombs, Northeastern China, burial system, clan, hierarchy

Лю Ян

студент

Хэйлунцзянский университет

e-mail: 383019809@qq.com

Liu Yang

Student

Heilongjiang University

e-mail: 383019809@qq.com

УДК 902

Детский могильник у залива Бохайвань

Цянь Цянь

Хэйлунцзянский университет, Харбин, провинция Хэйлунцзян, Китай

渤海儿童墓葬研究

倩倩

内容摘要: 本文以中国境内渤海儿童墓葬为研究对象,对儿童的埋葬情况进行系统的整理和分析。渤海儿童墓葬可分为单人葬和多人合葬两种类型,儿童单人葬数量较少,随葬品及墓葬形制都较为简单,埋葬方式以一次葬为主;多人合葬墓中的随葬品及墓葬形制都较为丰富,埋葬方式以二次葬为主。根据墓葬形制的规律,我们认为儿童墓葬中的单人葬早于多人合葬。儿童与成年男女共同埋葬是渤海儿童墓葬的特点,由此推测家庭是构成渤海社会的最小单元,体现出渤海社会牢固的亲情观念及稳定的家庭结构。

关键词: 渤海墓葬; 儿童; 特点

墓葬是研究渤海社会生活的重要考古资料,以往学者关于渤海墓葬的研究主要侧重于对其整体性及个别墓地的认识,对渤海儿童墓葬还未形成专门性的研究。通过对儿童墓葬的观察可以研究渤海人群对人类自身生产的重视程度及其变化,同时也可以根据其墓葬形制和埋葬习俗的变化探讨社会秩序的进化历程,进而对渤海社会阶级分化的情况有更深入的研究。本文根据公开发表的资料,对渤海儿童墓葬的发现概况、形制特点、埋葬方式及随葬品等方面进行分析,并对合葬墓中成年人的男女性别进行讨论,以期更加全面的了解渤海社会不同人群的埋葬习俗和阶级分化等情况。

一、渤海儿童墓葬的发现概况

关于儿童墓葬的称谓方面还未形成统一的规范,在以往的研究中有“未成年人”和“小孩”的称谓。本文认为现代社会“未成年人”的限定年龄不适用于渤海当时的社会,“小孩”的称呼又相对口语化,故将埋葬儿童的墓葬统一称作“儿童墓葬”。对儿童年龄的界定,没有当时的明确标准可资借鉴。限于当时的社会发展水平及生活条件,人们的寿命普遍较短,如虹鳟鱼场墓地人群的平均死亡年龄为 35 岁¹,六顶山墓地人群的平均死亡年龄为 31 岁²。通过对考古资料的观察和分析,并结合其它研究儿童墓葬的相关研究成果³,本文将儿童墓葬埋葬的人群年龄范围限定在 0~15 岁。

根据我们收集的渤海墓葬材料,共计发现 39 座儿童墓葬,分布在 7 个不同的墓葬群中,主要集中在渤海上京城和西古城附近(图一)。虹鳟鱼场墓葬群的 323 座墓葬中共发现儿童墓葬 20 座⁴,占整个墓葬群的 6%;山咀子墓地的 29 座墓葬中共发现儿童墓葬 10 座⁵,占整个墓葬群的 34%;六顶山墓葬群中的 235 座墓葬中共发现儿童墓葬 4 座⁶,占整个墓葬群的 2%;大城子墓地中的 4 座墓葬中发现儿童墓葬 2 座⁷,占整个墓葬群的 50%;和龙北大墓葬群中的 54 座墓葬中共发现儿童墓葬 1 座⁸,占整个墓葬群的 2%;除此之外,和龙湖 M1⁹和三灵坟 M2¹⁰中也发现了儿童骨骼。以上是目下中国境内渤海儿童墓葬的发现情况。

⁴ 黑龙江省文物考古研究所:《宁安虹鳟鱼场-1992~1995年度渤海墓地考古发掘报告》,文物出版社,2009年;黑龙江省文物考古研究所:《黑龙江宁安市虹鳟鱼场墓地的发掘》,《考古》1997年第2期。

⁵ 黑龙江省文物考古研究所:《黑龙江省海林市山咀子渤海墓葬》,《北方文物》2012年第1期。需要说明的是,山咀子墓地的东部区域发现的7座小型石棺墓,分布比较集中,大多埋葬单个儿童,原报告中认为是墓群中的儿童墓葬区,本文也赞同此种认识。因此将此区域中没有人骨的M6、M9-M13也视为儿童墓葬进行讨论。

⁶ 吉林省文物考古研究所、敦化市文物管理所:《六顶山渤海墓葬》,文物出版社,2012年;中国社会科学院考古研究所:《六顶山与渤海镇》,中国大百科全书出版社,1997年。

⁷ 魏存成:《黑龙江东宁县大城子渤海墓发掘简报》,《考古》1982年第3期。

⁸ 郑永振、千太龙:《吉林省和龙县北大渤海墓葬》,《文物》1994年第1期。

⁹ 吉林省文物考古研究所、延边朝鲜族自治州文物管理委员会办公室:《吉林和龙市渤海海王室墓葬发掘简报》,《考古》2009年第6期。

¹⁰ 黑龙江文物考古研究所:《黑龙江发掘渤海大型石室壁画墓》,《中国文物报》1992年第3期。

¹ 黑龙江省文物考古研究所:《宁安虹鳟鱼场-1992~1995年度渤海墓地考古发掘报告》,文物出版社,2009年。

² 吉林省文物考古研究所、敦化市文物管理所:《六顶山渤海墓葬》,文物出版社,2012年。

³ 周浩然:《磨沟墓地未成年人埋葬研究》,西北大学硕士论文,2011年。

图一 渤海儿童墓葬分布示意图

二、渤海儿童墓葬的形制特点

渤海儿童墓葬的形制以石棺墓和石室墓为主，其中石棺墓 15 座，石室墓 20 座，共 35 座，约占所有儿童墓葬的 90%。除此之外，还发现土坑墓 2 座、石圪墓 1 座、砖室墓 1 座。

1. 石棺墓

15 座埋葬儿童的石棺墓主要分布在山咀子墓地和虹鳟鱼场墓地中。这类石棺墓的墓葬形制一般都较为小而简单，主要埋葬单个儿童。多数墓葬中没有随葬品，有随葬品的墓内仅发现陶罐和陶壶等简单的日常用品。山咀子墓地的墓葬形制普遍较小，墓葬长度大多 1 米左右。虹鳟鱼场的墓葬形制相对略大，以虹鳟鱼场 M2314 为例：

M2314 为地穴建筑，呈长方形，长 1.7、宽 0.3、深 0.4 米。封土低平，地表上可以见到封顶的石板。墓底平铺玄武岩大石板。墓室南北两端各立一块石板作为墓壁，东西两侧的墓壁系各用 5 块大小不等的石板立支而成。墓室中仅发现 1 根儿童的肢骨，墓中没有发现随葬品（图二，1）。

2. 石室墓

20 座埋葬儿童的石室墓是分布范围最广的墓葬形制。这类儿童墓葬相对于石棺墓其墓室相对较大，多为儿童与成年人的合葬墓，多数墓葬中有随葬品，以日常的生活用具为主。根据墓室规模及随葬品的种类和数量，我们认

为这类墓葬的身份等级相对较高。以虹鳟鱼场 M2013 为例：

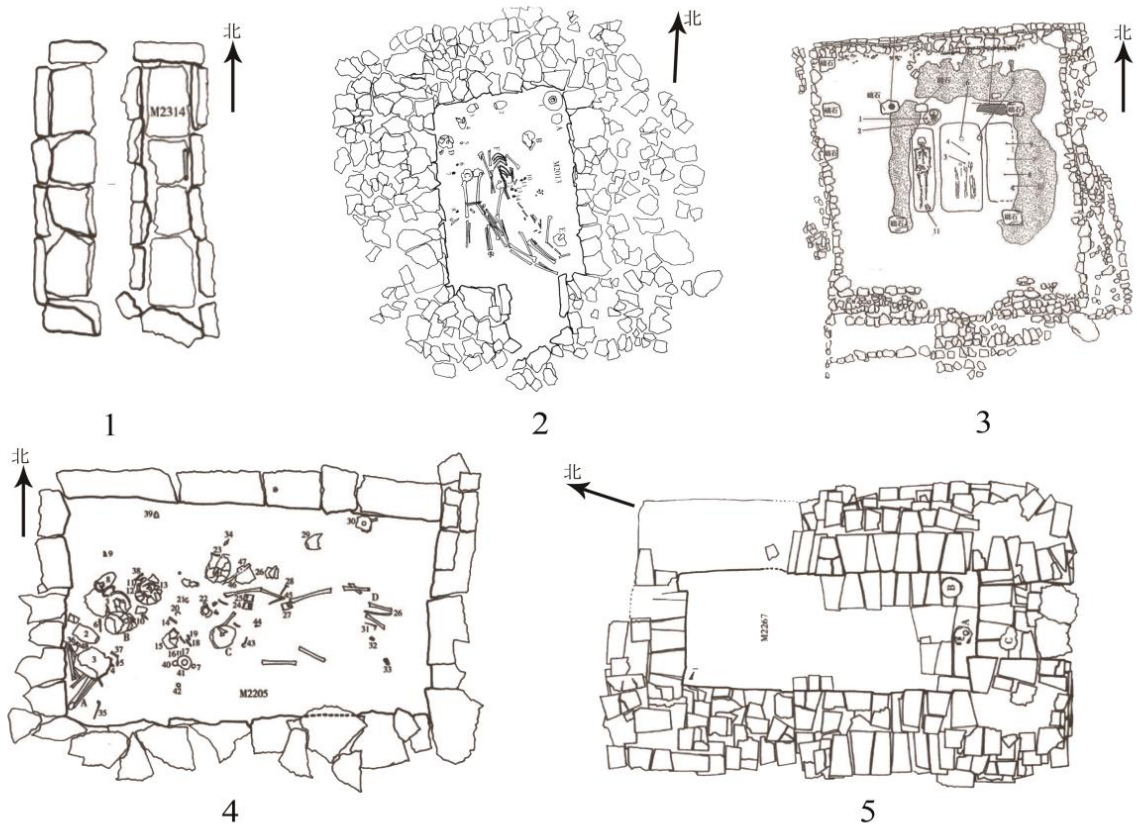
M2013 为地面建筑，封土呈圆丘形，墓室平面呈长方形，长 2.55、宽 1.84、深 0.7 米，墓道位于南壁中部偏东侧。墓室内共有四个头骨，肢骨集中在墓室的中部和南部。东北角的头骨为 12-13 岁的女性，其余为一个成年女性和两个成年男性的头骨。随葬品包括长腹罐、短颈壶、铜带铐等物（图二，2）。

3. 土坑墓、石圪墓及砖室墓

2 座埋葬儿童的土坑墓为六顶山墓葬群中 I M3 和 II M79，均为较大规模的土坑包石墓。六顶山的 I M3 有墓穴三个，东西排列，平面均为长方形。西坑内为女性，西侧墓穴北 0.5 米处有一不规则圆坑，坑内出土儿童的部分骨骼，随葬品有料珠、铜手镯和耳环（图二，3）。

1 座埋葬儿童的石圪墓为虹鳟鱼场墓地 M2205。此墓为地穴建筑，墓室平面呈长方形，长 2.9、宽 1.8、深 0.7 米。墓内人骨很乱，共发现 3 个头骨和部分零散的四肢骨，均属于二次葬。墓室中间和南部骨架均属于同一个个体儿童，性别不清，其余为成年人骨骼。随葬器物比较多，包括陶器、铁器和装饰品等（图二，4）。

1 座埋葬儿童的砖室墓为虹鳟鱼场 M2267，墓室长 2.8 米、宽 1.2 米，墓室内的人骨架属于 3 个个体，墓室西侧头骨为儿童，性别不清，东侧头骨为女性，年龄 30 岁左右，墓道内头骨为成年男性，保存状况较差。该墓为多人二次葬，墓内没有发现随葬品（图二，5）。

图二 渤海儿童墓葬形制图

1.虹鱒鱼场 M2314 2.虹鱒鱼场 M2013 3.六顶山 I M3
4.虹鱒鱼场 M2205 5.虹鱒鱼场 M2267

三、渤海儿童墓葬的埋葬方式

根据埋葬的人数，渤海儿童墓葬可分为单人葬和多人葬两种形式。

儿童单人葬均为石棺墓，且墓室相对较小（表一）。除虹鱒鱼场的 M2102 外，其余皆为墓室长度小于 2 米的墓葬。在埋葬方式上，除虹鱒鱼场墓葬群 M2187 是二次葬外，其余均为一次葬。因山咀子墓地中人骨普遍保存较差，葬式不明的墓葬占有较大的比例。

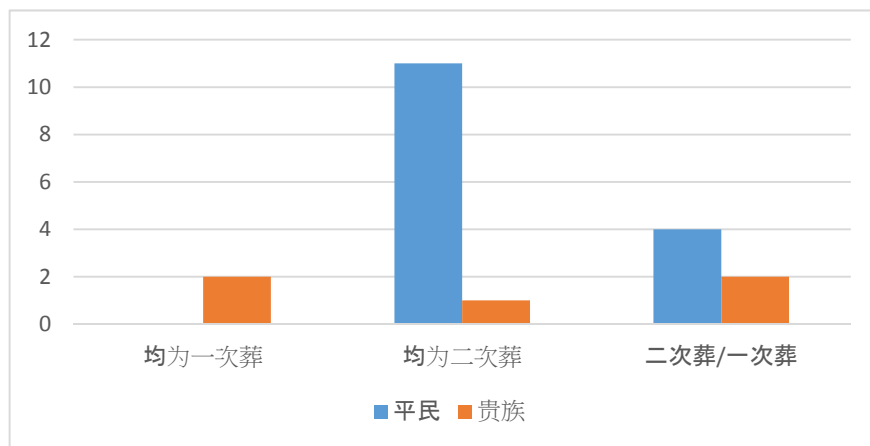
表一 单人葬中儿童埋葬方式统计表（单位：座）

墓葬形制	一次葬	二次葬
石棺墓	8	1

儿童多人合葬墓的形制多样，有土坑墓、石棺墓、石室墓和砖室墓四种类型。此四种墓葬形制中儿童的埋葬方式大都数以二次葬为主，仅个别墓葬中的儿童使用一次葬（表二）。另外，在 1 座石棺墓和 2 座石室墓中有火葬的情况，这应该是石构类墓葬的特点。

表二 多人合葬中儿童埋葬方式统计表（单位：座）

墓葬形制	一次葬	二次葬
土坑墓	0	1
石棺墓	0	6
石室墓	2	10
砖室墓	0	1
共计	2	18

图三 儿童与成年人合葬的埋葬方式

在合葬墓中根据每个入葬者不同的葬俗情况，可分为成年人与儿童均为一次葬、均为二次葬和成年人一次葬儿童二次葬三种类型（图三）。在合葬墓中成年人与儿童均为二次葬的情况最多，在平民阶层中使用最为广泛；其次是成年人一次葬、儿童二次葬的情况，平民阶层采用此葬俗的数量略高于贵族阶层；成年人和儿童均为一次葬的情况最少，仅出现 2 例，均为贵族墓葬。在最后一情况中，其中 1 例是和龙湖 M1 的母婴合葬墓，初步判断是女性在生产过程中发生意外死亡的特殊情况；另 1 例是和龙北大 M7 的成年女性与儿童的合葬墓，该墓中墓主位于棺内，儿童位于棺外。

通过上述的对比发现，儿童单人葬中均使用石棺墓的形制且多为一次葬。在儿童合葬墓中，墓葬形制以石室墓和石棺墓为主，平民阶层的儿童均为二次葬，贵族阶层的儿童多为一次葬。

在渤海墓葬中，单纯埋葬儿童的墓葬均为石棺墓的形制，与成年人合葬后墓葬形制开始出现多样化，以石棺墓和石室墓为主。有学者认为，渤海的石室墓是由石椁墓发展演变而来，石棺墓属于石椁墓的一个类型¹¹。如此认识无误，儿童的单人葬应该可能早于多人合葬。儿童因较少或不参与参与集体社会劳动，其本身不具备社会等级的身份特征，其更多的是反映其家庭和家族的社会等级。在山咀子墓地中专门为儿童划分了公共墓地。儿童开始以家庭成员的身份进入公共墓地，与成年人共用多样的墓室形制，实行相同的混葬制度。但在不同的阶层之间，人们对儿童的埋葬方式不尽相同，平民阶层中的儿童盛行二次葬，贵族阶层的儿童盛行一次葬，可能与当时社会认为一次葬的埋葬方式可能为高级的思想观念有关。考虑到当时的社会阶段和社会结构因素，即人群的管理模式由以氏（家）族为单位进化为以家庭为单位，也从侧面反映了小家庭在社会生活中起到了越来越重要的作用，小家庭和私有财产逐渐得到了认可。

四、渤海儿童墓葬的随葬品

单人儿童墓葬仅在山咀子墓地和虹鳟鱼场墓地中发现，儿童墓葬的随葬品极少。山咀子墓地中没有随葬品，虹鳟鱼场墓葬群中的大部分墓葬中有随葬品，但随葬品的数量仅为 1-2 件，绝大多数是陶器（表三）。

表三 虹鳟鱼场墓葬群单人儿童墓随葬品统计表（单位：件）

墓号	随葬品数量	随葬品类型	
		陶器	装饰品
M2102	0	0	0
M2157	1	1	0
M2187	1	1	0
M2211	0	0	0
M2289	1	1	0
M2292	1	0	1
M2235	0	0	0
M2311	2	2	0
M2314	0	0	0

在多人合葬墓中确定随葬品的归属问题存在极大的困难，因此本文以每个墓葬中发现的全部随葬品情况进行统计（表四）。从表中可以看出，大部分墓葬中都有随葬品（图四），平均每个墓葬中约有 4.7 件随葬品。根据装饰品的类型，以金银饰品等贵重物品的出现为标准，可分为平民墓葬和贵族墓葬。平民墓葬中随葬品数量较少，如在虹鳟鱼场、山咀子、大城子墓葬中平均每个墓葬的随葬品数

量为 3.5 件，以陶器为主，其次是装饰品。贵族墓葬中随葬品相对丰富，如在六顶山、和龙湖、和龙北大墓葬中平均每个墓葬的随葬品数量为 8 件，随葬品中装饰品所占的比重最大，其次为陶器（图五），个别墓葬中出现了三彩盘、三彩碗等当时极为贵重的物品。

表四 渤海多人合葬儿童墓随葬品统计表（单位：件）

墓地	墓号	随葬品数量	随葬品类型	
			陶器	装饰品
虹鳟鱼场	M2116	0	0	0
	M2011	0	0	0
	M2277	0	0	0
	M2233	4	3	1
	M2262	8	7	0
	M2036	0	0	0
	M2039	1	1	0
	M2041	1	1	0
山咀子	M16	16	0	16
	M28	1	0	1
	M2	1	0	1
六顶山	II M5	10	5	5
	I M3	17	4	10
	I M101	8	0	8
和龙湖	M1	2	0	0
和龙北大	M7	3	0	1
大城子	M1	1	1	0
	M3	2	0	0
平均		4.68	1.24	2.55

1-4 陶器 5、6 带饰 7 铁器 8 头饰

单人儿童墓葬的随葬品数量非常少，平均每座墓中不足 1 件，大多为陶器。多人合葬墓中尽管随葬品的数量及种类方面都有所增加，但多数的随葬品，尤其是贵重的装饰品应是成年人的陪葬。另外，不同阶层的随葬品种类略有不同，平民阶层以陶器为主，贵族阶层的装饰品所占比例较大。

儿童墓葬中的随葬品情况应与当地的社会发展水平和所属的家庭实力有关。在山咀子墓地中的儿童墓葬均没有随葬品，而虹鳟鱼场墓地的大多数儿童墓中都有随葬品，这可能与虹鳟鱼场距上京城较近，经济水平较发达有关。虹鳟鱼场墓葬中也存在没有随葬品的儿童墓，说明在同样的社会背景下不同的家庭可支配的财产多寡不一，只有在家庭经济条件有剩余的情况下，人们才会在埋葬儿童时放置有限的随葬品。

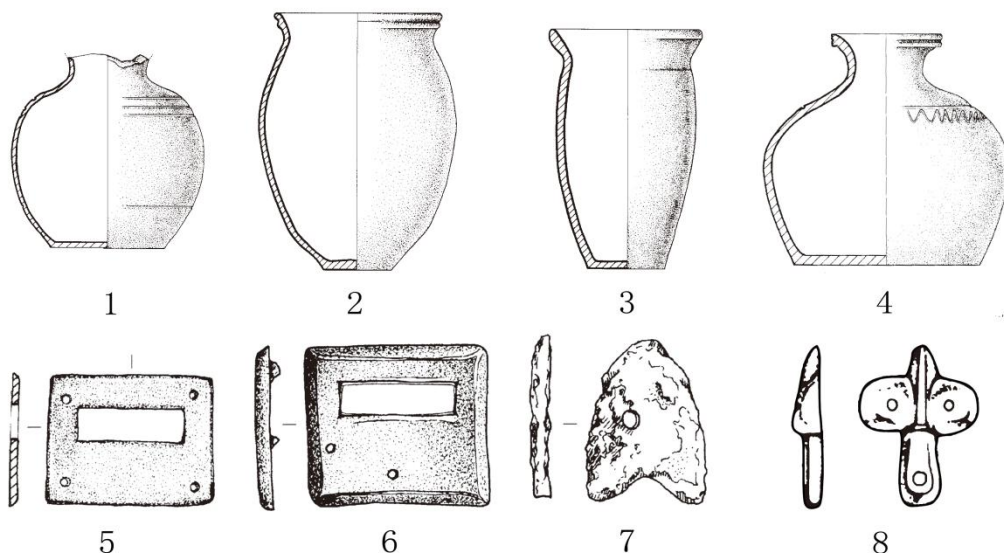
五、合葬墓体现的个体家庭观念

多人合葬墓中均是儿童与成年人的合葬墓，未发现多个儿童合葬的情况。根据成年人的性别，发现墓主为一男一女和儿童共同埋葬的情况最多，其次是一名成年女性与儿童的合葬，男性与儿童的合葬墓仅发现 2 座（表五），其他多人埋葬的情况则是渤海流行的家族葬¹²，延续了沃沮“举家皆共一郭”¹³的古老传统。

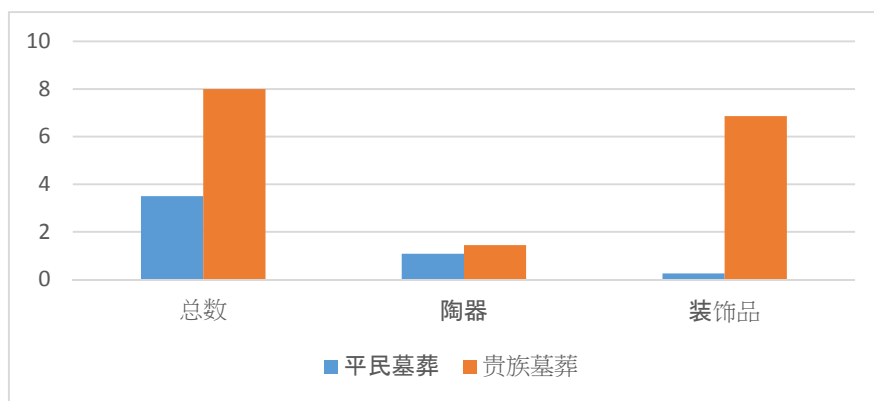
¹¹ 刘晓东：《渤海墓葬的类型与演变》，《北方文物》1996 年第 2 期。

¹² 方学凤：《试谈“渤海多人葬”》，《延边大学学报》1991 年第 1 期。

¹³ 陈寿：《三国志·魏志·东夷传》，中华书局，1999 年。

图四 渤海儿童墓葬的随葬品

图五 平民墓葬与贵族墓葬随葬品平均数量对比图

表五 不同性别的成年人与儿童合葬数量表(单位:座)

类别	一男一女与儿童	一名女性与儿童	一名男性与儿童	无法确定
数量	8	7	2	6

一般来说,合葬墓内所有成员之间的关系要比他们与该墓以外同一墓地其他成员的关系来得亲密。因此,正常的合葬墓中的死者其实是某级亲属体在一定时间内死亡的成员集合¹⁴,在渤海墓葬中普遍的成年男性或女性与儿童合葬的现象,说明在渤海时期人们更倾向于将儿童与其父母或母亲共同埋葬,体现出渤海社会中间阶层的个体家庭观念。

《晋书·列传》记载:“将嫁娶,男以毛羽插女头,女和则持归,然后致礼聘之。妇贞而女淫,贵壮而贱老。”¹⁵,说明从挹娄人开始,婚俗文化已从偶婚制跨入了一夫一妻婚制¹⁶,《松漠纪闻》记载“妇人皆悍妒。大氏与他姓相接为十姊妹,迭几察其夫,不容侧室……故契丹、女真诸国皆有女娼,而其良人皆有小妇、侍婢,唯渤海无之”。又《隋书·靺鞨传》记载“其俗淫而妬,其妻外淫,人有告其夫者,夫辄杀妻,杀而后悔,必杀告者,由是奸淫之事终

不发扬”¹⁷,反应出渤海时期从王室贵族到平民百姓“不容侧室”的婚俗文化现象。

相对于成年男性,成年女性与儿童的合葬墓较为普遍,这与母亲在社会生活中与儿童的照顾与被照顾的关系有关。这也体现了女性在家庭生活中的活动内容主要是与儿童有关,而男性可能更多地从事其他生产活动,甚至是征战沙场。有学者认为,渤海社会的婚俗受到中原文化的影响¹⁸,并以儒家的“未嫁从父,既嫁从夫,夫死从子”的理论来约束和衡量妇女。不排除一些女性与儿童的合葬墓也可能是墓主“夫死从子”的情况。《贞孝公主墓志并序》中写道:“夫缅揽唐书,妨讷降帝女之滨;博详丘传,鲁馆开王姬之筵。妇德昭昭,誉名期于有后;母仪穆穆,余庆集于无疆”¹⁹,墓志中赞扬孝贞公主像唐尧的女儿一样对丈夫忠贞不二,体现出当时社会对于女性夫死不能再嫁这种“妇德”品质的大力推崇。

¹⁴ 张忠培、朱延平:《黄河流域史前葬俗与社会制度(上)》,《文物》1994年第1期。

¹⁵ 房玄龄等:《晋书》卷97《四夷传》,中华书局,1982年。

¹⁶ 王海鹏:《渤海婚俗考》,《黑龙江史志》,1995年第2期。

¹⁷ 魏征:《隋书》,中华书局,1973年。

¹⁸ 郝庆云、周赫:《渤海人社会生活研究》,社会科学文献出版社,2018年。

¹⁹ 延边朝鲜族自治州博物馆:《渤海贞孝公主墓发掘清理简报》,《社会科学战线》1982年第1期。

六、小结

本文通过系统梳理渤海儿童墓葬的发现概况,进而探讨墓葬形制特点、埋葬方式、随葬品和合葬墓的性别等问题,主要得出了以下的结论:

首先,儿童单人葬均为石棺墓,儿童多人合葬多为石棺墓和石室墓,且儿童单人葬可能略早于多人合葬。儿童单人葬以一次葬为主,儿童与成年人合葬后以二次葬为主。儿童埋葬方式的转变可能与渤海社会当时人群的思想观念有关,也从侧面反映出当时社会管理模式的变化。

其次,随葬品的数量及种类与社会阶级及贫富分化有较大关系。贵族墓葬平均随葬品的数量多于平民墓葬,贵族阶层以带饰等装饰物品为主要随葬品,平民阶层以陶器等日常用具为主要随葬品。单纯的儿童墓葬中随葬品数量极少而合葬墓中成年人的随葬品较多的情况,说明随葬品的多少可能与对社会贡献的大小有关。儿童更多依附于成年人,对社会的贡献较小,因而其随葬品也相应的受到限制。

最后,合葬墓的性别构成方面,儿童与成年男女共同埋葬的现象最为普遍。由此判断合葬墓内的个体可能为同一家庭的成员,即实行家庭式合葬。多人多次合葬尤其为埋葬后来者而普遍存在的人骨堆积的现象,说明当时的人们对于先期埋入者的葬式并不在意,而更加注重家庭合葬方式。进而说明当时的人们可能更加重视家庭观念和血缘世系,个体家庭在社会生活中的作用更加突出²⁰。这反应到社会生活中,即父母与子女的小家庭是社会组成的细胞,从平民到贵族阶层都实行一夫一妻制度,人们的亲情观念浓厚,所以死后合葬于一处。通过上述儿童墓葬的讨论,为深入研究渤海社会的人群结构和社会等级等提供一个新的参照点。目前的研究成果仍然十分有限,期待未来能有更多的考古发现提供有价值的线索。

Детский могильник у залива Бохайвань

Цянь Цянь

Статья посвящена анализу детских погребений у залива Бохайвань (Китай). Детские погребения можно разделить на одиночные и групповые. Количество одиночных детских погребений невелико, их конструкция и форма относительно просты. Конструкция и форма групповых погребений сложнее, в основном они являются вторичными захоронениями. Согласно закону формирования гробниц, авторы считают, что похороны одного человека в детских гробницах предшествуют множественным захоронениям. Погребение детей совместно со взрослыми мужчинами и женщинами является характерной чертой бохайских захоронений. Таким образом, семья являлась наименьшей ячейкой бохайского общества, что отражает прочную концепцию семьи и стабильную семейную структуру бохайского общества.

Ключевые слова: бохайские гробницы, дети, погребение, характеристики.

Children's Burial Ground near Bohai Bay

Qian Qian

The article is devoted to the analysis of children's burials near Bohai Sea (China). Children's burials can be divided into single and group. The number of single children's burials is small, their design and shape are relatively simple. The design and shape of group burials is more complicated; they are mainly secondary burials. According to the law of the formation of tombs, we believe that the funeral of one person in children's tombs precedes multiple burials. Burial of children together with adult men and women is a characteristic feature of Bohai burials. Thus, the family was the smallest unit of Bohai society, reflecting the solid concept of the family and the stable family structure of Bohai society.

Keywords: Bohai Sea tombs, children, burial, characteristics.

Цянь Цянь

студент

Хэйлунцзянский университет

e-mail: 276428562@qq.com

Qian Qian

Student

Heilongjiang University

e-mail: 276428562@qq.com

²⁰ 钱耀鹏、朱芸芸、毛瑞林、谢焱:《略论磨沟齐家文化墓地的多人多次合葬》,《文物》,2009年第10期。

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АКИО** – Ананьинская культурно-историческая общность
- АН СССР** – Академия наук СССР
- БГПУ** – Благовещенский государственный педагогический университет
- БКИЧП** – Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
- ВНР** – Венгерская народная республика
- ДВАЭ** – Дальневосточная археологическая экспедиция
- ГАУК НСО НГКМ** – Государственное автономное учреждение культуры Новосибирской области «Новосибирский государственный краеведческий музей»
- ЕАЭ** – Елабужская археологическая экспедиция
- ЕИ КФУ** – Елабужский институт Казанского федерального университета
- ЗСАС** – Западносибирское археологическое совещание
- ЗСАЭК** – Западносибирская археолого-этнографическая конференция
- ИА РАН** – Институт археологии Российской академии наук
- ИАЭТ СО РАН** – Институт археологии и этнографии СО РАН
- ИЗК СО РАН** – Институт земной коры СО РАН
- ИИиА УрО РАН** – Институт истории и археологии УрО РАН
- ИКС** – историко-культурный стандарт
- ИПОС СО РАН** – Институт проблем освоения Севера РАН
- ИФФ** – историко-филологический факультет
- КГБНУЛ** – Краевое государственное бюджетное научное учреждение культуры
- КемГУ** – Кемеровский государственный университет
- КЖ** – культура жизнеобеспечения
- КМК** – культуры многоваликовой керамики
- КН МОН РК** – Комитет науки Министерства образования и науки Республики Казахстан
- КСИИМК** – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
- КТП** – календарно-тематический план
- ЛГИ НГУ** – Лаборатория гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета
- ЛГУ** – Ленинградский государственный университет
- ЛИАЭ** – Ленская историко-археологическая экспедиция
- ЛОИА АН СССР** – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
- ЛО ИИМК АН СССР** – Ленинградское отделение Института истории материальной культуры АН СССР
- МА ЕСВ ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН** – Музей археологии Европейского северо-востока Института языка, литературы и истории Коми Научного центра УрО РАН
- МАЭ** – Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера)
- МИА** – Материалы и исследования по археологии СССР
- МКОУ СОШ** – Муниципальное казенное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа
- НИПИ ПМК** – Научно-исследовательский проектный институт памятников материальной культуры
- НМКР** – Национальный музей республики Коми
- НМ РТ** – Национальный музей Республики Тыва
- НОП «Палеотехнологии» НОЦ «Новая археология» ГИ НГУ** – Научно-образовательная площадка «Палеотехнологии» НОЦ «Новая археология» ГИ НГУ
- НОЦ «Новая археология» ГИ НГУ** – научно-образовательный центр «Новая археология» Гуманитарного института Новосибирского государственного университета
- НТГСПА** – Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия
- НТГСПИ(Ф)РГППУ** – Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета)
- ПАЭ** – Приленская археологическая экспедиция
- ПКМ** – Пермский краеведческий музей
- РАН** – Российская академия наук
- САИПИ** – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
- СВГУ** – Северо-Восточный государственный университет
- СО РАН** – Сибирское отделение РАН
- СССР** – Союз Советских Социалистических Республик
- ТГУ** – Томский государственный университет
- ТКАЭЭ** – Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция
- ТНИИЯЛИ** – Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
- УМК** – Учебно-методические комплексы
- УрГУ** – Уральский государственный университет
- УрО РАН** – Уральское отделение РАН
- ФГОС** – федеральный государственный образовательный стандарт
- ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ** – Центр устной истории и этнографии Лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета
- ЧКМ** – Чердынский краеведческий музей им. Пушкина
- ЧитПИ** – Читинский политехнический институт
- ЧССР** – Чехословацкая Социалистическая Республика
- ЮМЖД** – Южно-Маньчжурская железная дорога
- ХАЭЭ** – Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
- ХГУ им. Н. Ф. Катанова** – Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
- UNESCO** – United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization

Научное издание

МАТЕРИАЛЫ
LX РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

ISBN 978-5-9624-1846-9

Подготовили к печати:
А. Н. Шестакова, В. В. Попова

Подписано в печать 28.08.2020. Формат 60×90 1/8
Усл. печ. л. 49,3. Тираж 150 экз. Заказ 100

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664082, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124
e-mail: izdat@lawinstitut.ru